SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. АПРѢЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ генер.-лейтенанта Ѳедора Ѳедоровича Бартоломея.
2) При этой книгѣ для городскихъ подписчиковъ прилагается объявленіе о нормальномъ чаѣ фирмы „Цзинь-Лунъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Издано подъ редакціею В. А. Бильбасова. Т. IX и X. С.-Петербургъ, 1903 г.

Этими двумя томами заканчивается, можно сказать, монументальное изданіе, снабженное множествомъ примѣчаній и ссылокъ.

Въ IX томѣ помѣщены Записки для памяти и соображенія, веденныя Н. С. Мордвиновымъ въ теченіе своей жизни. Запискамъ этимъ Мордвиновъ придавалъ большое значеніе.

„Всѣ оныя статьи,—говоритъ онъ,—содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя сѣмена для будущаго благосостоянія Россіи, которыя управляющіе государствомъ должны бы имѣть у себя въ виду“. Это объясняется самою сущностью замѣтокъ, касающихся разнообразныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни, не только возникавшихъ въ пережитое Мордвиновымъ время четырехъ царствованій, но и вѣчно присущихъ пытливому уму. Многія изъ этихъ замѣтокъ, если не большинство, сохраняютъ и для нашего времени извѣстное значеніе или какъ государственное соображеніе, какъ статистическое указаніе, или какъ непреложная истина, какъ аксіома, составляющая достояніе всего человѣчества.

„Эти замѣтки имѣютъ, сверхъ того, особенную важность для характеристики Мордвинова, какъ русскаго человѣка и русскаго сановника. При составленіи своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и мнѣній, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, Мордвиновъ естественно обращалъ вниманіе на то, кому и для чего онъ пишетъ, кто и при какихъ условіяхъ будетъ читать или слушать его писаніе; въ своихъ заявленіяхъ въ различныя общественныя учрежденія, въ своей служебной перепискѣ, даже въ письмахъ частнымъ лицамъ онъ сообразовался съ обстоятельствами, нерѣдко не имѣющими никакого отношенія къ сущности вопроса; только въ своихъ „Запискахъ для памяти“ онъ былъ совершенно свободенъ, былъ вполнѣ самимъ собою, какъ по чуткости мысли, такъ и по искренности изложенія.

„Что же такое эти „Записки для памяти“? Заявивъ или выслушавъ во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ или Финансовомъ Комитетѣ какое-либо интересное замѣчаніе, Мордвиновъ тщательно отмѣчаетъ его на особомъ листкѣ; читая книгу иностраннаго ученаго или просматривая періодическое изданіе, свое или чужое, онъ выписываетъ строки, почему-либо обратившія на себя его вниманіе, и высказываетъ свое мнѣніе о примѣнимости прочитаннаго къ Россіи; слушая разсужденія по тому или другому вопросу, онъ записываетъ дома впечатлѣніе, вынесенное изъ засѣданія, при чемъ рисуетъ его членовъ, не стѣсняясь ни сановитостью лицъ, ни выборомъ выраженій; составляя свое „мнѣніе“, онъ собираетъ статистическія данныя, географическія указанія, сообщенія частныхъ лицъ и заявленія оффиціальныхъ органовъ; онъ записываетъ слышанный разсказъ, видѣнную сцену, пришедшую на умъ мысль, какое-нибудь соображеніе, нерѣдко какую-либо фразу. Вотъ почему „Записки для памяти“ рисуютъ внутренняго человѣка, безъ внѣшнихъ прикрасъ, безъ всякихъ условностей, рисуютъ Мордвинова такимъ, какимъ онъ былъ самъ по себѣ, что въ значительной степени дорисовываетъ его образъ, составленный по его писаніямъ, и дѣлаетъ его еще болѣе привлекательнымъ“.

Въ большинствѣ мнѣній Мордвинова видно его стремленіе къ свободѣ и въ особенности къ свободѣ труда. Въ особенности сказывается это въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ Мордвиновъ доказывалъ тою пользою, которая послѣдуетъ отъ этого для всѣхъ сословій. „Крестьяне, то-есть земледѣльцы, составляютъ въ Россіи самое большое число народа. Число земледѣльцевъ далеко превышаетъ мѣру, должную быть въ отношеніи другихъ народа сословій для водворенія общаго взаимнаго благосостоянія. Гдѣ въ селахъ живутъ и занимаются посѣвомъ хлѣба 18 милл., а въ городѣ обитаютъ только 2 милл. людей, не можетъ таковое государство быть богатымъ, и каждое сословіе особенно не можетъ преизбыточествовать во всемъ для онаго потребномъ. Изъ сего слѣдуетъ, что благосостояніе дворянъ, купцовъ и мѣщанъ зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ“.

Будучи военнымъ, Мордвиновъ всегда высоко ставилъ значеніе военнаго сословія, но былъ противъ возложенія на офицеровъ гражданскихъ обязанностей. Онъ былъ противъ предпочтенія военной службы гражданской и противъ милитаризма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся.

Убѣжденный, что „Россія по числу народонаселенія своего не можетъ содержать числа войскъ, въ спискахъ военныхъ министерствъ находящееся“ и что „издержки потребныя на содержаніе войскъ не соотвѣтствуютъ доходамъ государственнымъ“, Мордвиновъ находилъ необходимымъ „учредить земское ополченіе“, „уменьшить число гвардейскихъ полковъ“ „уничтожить всѣ излишества въ одеждѣ солдатъ—шнурки, мѣдныя бляхи, аршинные султаны, галуны, басманы, обезображивающіе военную одежду“ и приглашалъ „вникнуть въ напрасные и безполезные для службы расходы“.

Какъ членъ Государственнаго Совѣта, Мордвиновъ много лѣтъ занималъ постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ дѣлъ и потому, близко знакомый съ тяжебными дѣлами, онъ оставилъ замѣчанія объ отношеніи судьи къ закону и собственной совѣсти. Онъ представилъ нѣсколько мнѣній противъ смертной

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

БАРТОЛОМЕЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1904.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1904.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

VI[1]).

Манифестъ 1-го января 1816 г. — Первыя административныя распоряженія послѣ войны: устройство военныхъ поселеній и освобожденіе эстляндскихъ крестьянъ.—Неудачная попытка петербургскаго дворянства обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ. — Записка П. Д. Киселева о необходимости крестьянской реформы въ Россіи.—Образованіе тайнаго общества подъ именемъ «Союза спасенія» или «Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». — Уставъ союза.—Съѣздъ въ Москвѣ. — Слухъ о присоединеніи Западныхъ губерній къ царству Польскому. — Вліяніе его на членовъ тайнаго союза.— Общество Военныхъ.

Возвратясь изъ Варшавы въ Петербургъ, императоръ Александръ привезъ съ собою еще бо́льшее разочарованіе въ людяхъ и еще бо́льшее охлажденіе къ дѣламъ. «Язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою». Онъ обращалъ свою проницательность преимущественно на то, чтобы открывать въ людяхъ пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ нихъ уклоняться. Государь видѣлъ во всемъ обманъ и неблагодарность и все болѣе сознавалъ, что расположеніе его къ добру употребляли во

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1904 г.

зло и не цѣнили. Поляки, для устройства судьбы которыхъ онъ выдержалъ упорную борьбу на Вѣнскомъ конгрессѣ и испыталъ много горькихъ минутъ, были недовольны тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для нихъ. Франція, которой Александръ далъ конституцію согласную съ свободною волею французскаго народа, очень скоро забыла о ней, приняла сторону бѣжавшаго съ острова Эльбы, бывшаго своего императора и тѣмъ вызвала новую войну.

Въ 1814 году Александръ считалъ себя другомъ Франціи, а теперь не могъ говорить о ней иначе, какъ съ сильнымъ раздраженіемъ, и впослѣдствіи называлъ ее «грязною и проклятою» Франціею [1]).

Подъ такимъ впечатлѣніемъ императоръ, «для пользы и наставленія» своихъ подданныхъ, издалъ 1-го января 1816 года весьма обширный манифестъ, характерный по содержанію и изложенію, составляющій обвинительный актъ по адресу Наполеона и Франціи. Онъ настолько важенъ для будущей жизни Россіи, что необходимо привести его здѣсь вполнѣ.

«Событія на лицѣ земли,—сказано въ немъ [2]),—въ началѣ вѣка сего въ немногіе годы совершившіяся, суть толь важны и велики, что не могутъ никогда изъ бытописаній рода человѣческаго изгладиться. Сохраненіе ихъ въ памяти народовъ нужно и полезно для нынѣшнихъ и будущихъ временъ. Рука Господня, Ему едиными извѣстными, но явнымъ очамъ смертнаго путями, вела ихъ, сорасполагала, сцѣпляла, устрояла, да исправитъ людскія неустройства, да утишитъ колеблющіяся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый—разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благости—не допустилъ людямъ во мракѣ страстей своихъ погибнуть. Итакъ, пройдемъ кратко теченія всѣхъ сихъ происшествій. Возвѣстимъ ихъ народу нашему, не для тщеславія, но для пользы его и наставленія. Да прочтетъ дѣла и судъ Божій; да воспалится къ нему любовію и вмѣстѣ съ царемъ своимъ во глубинѣ сердца и души своей воскликнетъ: «Не намъ, не намъ, Господи, но Имени Твоему». Такъ, да сохранится память о семъ въ роды родовъ.

«Лютая, кровавая, разорительная, нынѣ промысломъ Всевышняго благополучно оконченная война, ни причинами своими, ни огромностью ополченій, ни превратностью обстоятельствъ не подобна ни какимъ извѣстнымъ доселѣ въ бытописаніяхъ войнамъ. Она есть особенное не бывалое на земномъ шарѣ приключеніе и какъ бы нѣкое во вну-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. «Русская Старина» 1897 г № 7, стр. 82.

[2]) Полное Собр. Закон. Т. XXXIII, № 26059.

тренностяхъ ада предуготовленное зло, на потрясеніе и пагубу всего свѣта возникшее и усилившееся до такой степени, до какой праведнымъ судьбамъ Всевышняго угодно было допустить оное. Начало и причины сей войны, безпрестанно тлѣвшей, многократно вновь возгаравшейся, потухавшей иногда, но для того токмо, дабы съ новою силою и лютостію воспылать, возвеличиться, удалиться и скоро потомъ изъ величайшей силы упасть, сокрушиться, опять возстать и опять низвергнуться,—являютъ нѣчто непостижимое и чудесное. Она съ самаго начала своего, какъ нѣкое багровое, огнями и тлетворными дыханіями чреватое облако, возстала не изъ случайнаго состязанія одного царства съ другимъ, возстала не съ тѣмъ, чтобы погаснуть; но чтобъ, по истребленіи въ сердцахъ человѣческихъ всѣхъ Богомъ насажденныхъ добродѣтелей, всѣми послѣдующими изъ того бѣдствіями насытиться и не прежде какъ въ пролитой крови всего рода смертныхъ утонуть. Она есть порожденное злочестіемъ нравственное чудовище, въ отпавшихъ отъ Бога сердцахъ людскихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости воспитанное, таинствомъ злоухищренія и лжи облегченное, долго подъ личиною ума и просвѣщенія изъ страны въ страну скитавшееся и медоточивыми устами въ неопытныя сердца и нравы сѣмена разврата и пагубы сѣявшее. Чудовище сіе въ юности своей злобное, но лукавое, въ возрастѣ же лютое и наглое, изливаетъ первую ярость свою на гнѣздо, въ которомъ родилось. Народъ, возлелѣявшій оное и зловреднымъ дыханіемъ его зараженный, поправъ вѣру, престолъ, законы и человѣчество, впадаетъ въ раздоръ, въ безначаліе, въ неистовство, грабитъ, казнитъ, терзаетъ самого себя и, кидаясь изъ бѣшенства въ бѣшенство, изъ злодѣянія въ злодѣяніе, оскверненный убійствомъ верховныхъ властей своихъ и всего, что̀ было въ немъ лучшаго и почтеннѣйшаго, избираетъ себѣ въ начальника, потомъ въ царя, простолюдина, чужеземца. Сей тако посреди пылкости страстей Богоотступнаго народа воцарившійся чужеземецъ сначала лицемѣрствуетъ, выдаетъ себя за возстановителя благонравія и порядка, за истребителя того изрыгнутаго злочестіемъ и безвѣріемъ чудовища, которое тѣми же когтями угрожало растерзать цѣлый свѣтъ, которыми растерзало утробу матери своей, Франціи; но вскорѣ потомъ, вмѣсто истребителя онаго является первѣйшимъ его воиномъ и поборникомъ. Сопрягшись съ нимъ душою и мыслями, надежный на успѣхъ распространеннаго имъ безнравія, проложившаго ему путь къ возвышенію, напыщенный любовію къ одному себѣ и презрительнымъ хладнокровіемъ ко всему роду человѣческому, мощный многолюдствомъ, слѣпотою и дерзостію своего народа, собираетъ онъ великое воинство и устремляется съ неимовѣрною яростію на разрушеніе сосѣдственныхъ и отдаленныхъ царствъ. Успѣхи сопровождаютъ всѣ его

шаги. Державы одна за другою передъ нимъ преклоняются. Рѣки пролитой крови доставляютъ ему господство. Онъ низвергаетъ съ престоловъ законныхъ государей, дѣлитъ, слагаетъ новыя области и поставляетъ надъ ними изъ семейства своего, подъ именемъ королей начальниковъ подъ собою. Начинаетъ войну, дабы расхищеніемъ имуществъ, обобраніемъ людей, занятіемъ крѣпостей и налогами странныхъ даней, не токмо разорить городъ или область, но и въ мирѣ съ нею быть ея полнымъ повелителемъ. Мирится, вступаетъ въ союзъ, дабы, наруша договоры, безконечными требованіями и насильственными средствами ослабить, истощить союзника и новою потомъ войною наложить на него узы совершеннаго порабощенія. Неслыханное дѣло: воюетъ съ однимъ царствомъ и въ то же время людьми того царства воюетъ съ другимъ! Даже часто вооружаетъ ихъ противъ собственнаго ихъ отечества и вѣрность ихъ къ оному называетъ измѣною! Сими неистовыми, безчеловѣчными способами, присовокупляя къ нимъ ужасъ казней, расточеніе награбленныхъ корыстей, языкъ лжи и обмана, гласъ надменности и повелительства, достигаетъ до того, что дѣлается толико же силенъ оружіемъ, колико страшенъ наглостію и свирѣпствомъ. При всякомъ, кровопролитіемъ или хитростію или угрозами одержанномъ успѣхѣ, гордость его выше и выше возрастаетъ. Онъ предпріемлетъ присвоить себѣ Богу токмо единому свойственное право: единовластнаго надъ всѣми владычества. Предпріятіе безумное, безразсудное, но не меньше того кровавое, пагубное, ужасное! Богопочитаніе и вѣроисповѣданіе угрожаемы были паденіемъ; поставленные отъ Бога цари долженствовали отрещись отъ власти управлять своими подданными; народы осуждались не имѣть ни отечества своего, ни законовъ, ни языка, ни свободы, ни собственности, ни торговли, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни добродѣтелей; просвѣщеніе, науки, художества, искусства, промышлениость,—словомъ, всѣ трудолюбивыя дѣянія человѣческія, низверглись въ первобытный мракъ и невѣжество, изъ коихъ черезъ толикіе вѣки труды и опыты главу свою подъяли. Всеобщее рабство долженствовало произвесть всеобщую бѣдность и взаимное другъ друга истребленіе. Въ сихъ богопротивныхъ помыслахъ, не щадящій никакихъ потоковъ крови, не признающій никакой законной власти, не уважающій никакихъ правъ народныхъ, возмечталъ онъ на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать въ видѣ Божества на гробѣ вселенной.

«Съ сей высоты великихъ надеждъ и мечтаній своихъ обращаетъ онъ завистные взоры свои на Россію. Напыщенный побѣдами и покореніемъ многихъ земель, полагаетъ онъ ее удобопреодолимою, но еще для него страшною и могущею воспрепятствовать, или по крайней мѣрѣ

воспротивиться устремленнымъ на завладѣніе всего свѣта пагубнымъ его намѣреніямъ.

«Итакъ, дабы сломить и расторгнуть сію единственную преграду, напрягаетъ, совокупляетъ онъ всѣ свои силы, приневоливаетъ всѣ подвластные и зависящіе отъ него державы и народы соединиться съ нимъ и съ симъ ужаснымъ, изъ двадцати царствъ составленнымъ ополченіемъ, не переставая къ силѣ прилагать обманы и съ приготовленіемъ къ брани твердить о продолженіи мира, приближается къ предѣламъ Россійской имперіи и въ то же самое время, безъ всякаго объявленія войны, вторгается стремительно въ ея области. Тако на подобіе быстрой съ горъ водотечи, завоеватель сей, мощный силою, неукротимый злобою, течетъ, несется въ самую грудь ея. На пути покупая каждый шагъ кровію, движется, грабитъ, истребляетъ села, пожигаетъ грады, разоряетъ Смоленскъ и, достигнувъ до Москвы, предаетъ ее хищенію и пламени. Торжествуетъ, злодѣйствуетъ, ругается надъ человѣчествомъ, надъ святынею.

«Какая оставалась надежда ко спасенію? Когда великому злу сему, въ началѣ еще возникшему, вся Европа не могла воспротивиться, то возможно-ли было ожидать, чтобъ сему самому злу, толь высоко возросшему и силами всей Европы утучненному, единая и то уже глубоко уязвленная Россія могла поставить оплотъ? Но что воспослѣдовало? О Провидѣніе! Мечъ, сѣкира, гладъ и мразъ соединяются на пагубу пришедшихъ съ яростію и бѣгущихъ со страхомъ изъ Москвы враговъ. Не спасаетъ ихъ ни многочисліе, ни оборона, ни бѣгство. Месть Божія совершается надъ ними. Не помогаетъ имъ оставленіе всѣхъ орудій; всѣхъ колесницъ съ порохомъ, съ золотомъ, съ корыстями; кони ихъ падаютъ подъ ними; сколь велико было число войскъ ихъ при входѣ, столь велико число труповъ ихъ при выходѣ. Образъ истребленія и казни ихъ ужасаютъ природу: мертвыя снѣдаемыя вранами тѣла на окостенѣлыхъ лицахъ своихъ являли отчаяніе и рука смерти не могла изгладить застывшихъ на нихъ при послѣднемъ издыханіи мучительныхъ чувствъ святотатства и злодѣянія. Тако всѣ умирали! Единый повелитель ихъ, избѣгши отъ погибели и плѣна, съ немногими полководцами своими, уходитъ въ свою землю. Россійскіе воины, спасшіе отечество свое, идутъ спасти Европу. Народы, по неволѣ противъ нихъ ополченные, видя ихъ дружественно къ нимъ приближающихся, возникаютъ, возстаютъ духомъ мужества, соединяются съ ними и единъ по единому, разрывая узы порабощенія, оружіе свое съ радостію на истиннаго врага своего обращаютъ. Онъ, какъ разбитая вѣтрами, но еще угрюмая и мрачная туча, скопляется, усиливается, исходитъ на брань. Новыя рѣки крови текутъ, и никакія бѣдствія человѣческія не могутъ подвинуть свирѣпой души его къ миролюбію. Гордость обладать всѣмъ

свѣтомъ и алчность къ истребленію всего не погасаютъ въ сердцѣ его даже и тогда, когда послѣ многихъ кровопролитыхъ битвъ пораженъ, расторженъ и разсѣявъ и утекаетъ онъ въ свою беззащитную столицу. Тамъ еще ополчается, еще собираетъ воинство, еще отвергаетъ миръ, и новыми усиліями и бранями доводитъ себя и народъ свой до совершеннаго изнеможенія, доводитъ и низвергается съ похищеннаго имъ престола въ прежнее свое ничтожество.

«Такъ пріуготовляемая цѣлымъ вѣкомъ, возросшая 17-ти-лѣтними успѣхами и побѣдами, сооруженная на кострахъ костей человѣческихъ, на пожарахъ и разореніяхъ городовъ и царствъ, исполинская власть, дерзавшая поглотить весь свѣтъ, падаетъ безъ возстанія во едино лѣто, и россійскіе, какъ-бы крылатые воины, изъ-подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Провидѣнія въ груди и со крестомъ въ сердцѣ являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа. Сія гордая столица, гнѣздо мятежа, разврата и пагубы народной, усмиренная страхомъ, отверзаетъ имъ врата, пріемлетъ ихъ, какъ избавителей своихъ, съ распростертыми руками и радостнымъ восторгомъ. Имя чужеземнаго хищника изглаживается, воздвигнутые въ честь ему памятники низвергаются долу, и законный король изъ древле владѣтельнаго дома Вурбоновъ, Людовикъ XVIII, въ залогъ мира и тишины по желанію народа возводится на прародительскій престолъ. Тамъ — о чудное зрѣлище! тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось надъ вѣрою, надъ властію царей, надъ духовенствомъ, надъ добродѣтелью и человѣчествомъ; гдѣ оно воздвигало жертвенникъ и курило ѳиміамъ злодѣйству; гдѣ несчастный король Людовикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія; гдѣ, въ страхъ добронравію и въ ободреніе неистовству, повсюду лилась кровь невинности: тамъ, на той самой площади, посреди покрывавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ державъ войскъ, и при стеченіи безчисленнаго множества россійскими священно-служителями, на россійскомъ языкѣ, по обрядамъ православной нашей вѣры приносится торжественное пѣснопѣніе Богу, и тѣ самые, которые оказали себя явными онъ него отступниками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами церкви, преклоняютъ предъ нимъ свои колѣна во изъявленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и низверженіе ихъ власти! Тако водворяется на землю миръ, кровавыя рѣки престаютъ течь, вражда всего царства превращается въ любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушіемъ, и пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

«Кто человѣкъ, или кто люди, могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ-ли здѣсь Промыслъ Божій? Ему единому слава! Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, утучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отростившее чер-

ныя крылія свои, дабы, летая по свѣту, стрясать съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на землю. Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному, да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да пострадаетъ и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей. Но положивый тако въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣвающійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ на него взоръ прещенія: тогда власть его мгновенно проходитъ, сила разрушается, очарованіе исчезаетъ, и оно, повсюду гонимое, разтерзанное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло, и отколѣ толь высоко вознесло ядовитую свою главу.

«Таковъ былъ конецъ лютой, долговременной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія; престала литься кровь; потухли пожары градовъ и царствъ. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную. Глава и предводитель сей ужасной войны, Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищеннаго имъ престола, предается въ руки своихъ противоборниковъ. Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику изречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на Страшномъ судѣ, всемірною кровію обліянный, предъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ державъ предложили онѣ безъ всякой мести дружелюбную руку французскому народу, дали въ удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдашняго пребыванія его, островъ Эльбу и приступили къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ толиками войнами и насильствами европейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ, какъ съ одной стороны благонамѣреніе пеклось о возстановленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой злонамѣреніе не переставало помышлять о разрушеніи оныхъ. Духъ злочестія и гордости не знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ умысловъ: лишенный власти, онъ таится въ сердцахъ развратныхъ людей; обезоруженный вооружается ухищреніями; низверженный силится возстать; пощада рождаетъ въ немъ новую злобу и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и сношеніямъ съ своими единомышленниками, уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ немногими своими приверженцами къ французскимъ берегамъ. При каждомъ шагѣ находитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и грабительствамъ, королевскія войска, поощряемыя толико же развращенными предводителями къ измѣнѣ законному королю своему, предаются снова беззаконному хищнику. Народъ отчасти буйственный и мятежный, отчасти устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и снова провозглашаетъ императоромъ своимъ низверженнаго и

отрекшагося навсегда отъ обладанія Франціею чужеземца. Король удаляется, и столица Франціи отворяетъ врата свои бѣглецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возникаетъ злочестіе, вновь возносится черная злодышащая туча, вновь возгорается толикою кровію и бѣдствіями потушенная война. Но Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость свою: зломысліе, мнившее возстановить прежнюю власть и величіе свое на разногласіи союзныхъ державъ, находитъ ихъ, противъ чаянія своего, единодушными. Всѣ силы ихъ неукоснительно обращаются на потушеніе сего внезапу вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособранныя силы бѣглеца подъ собственнымъ его предводительствомъ поражаются кровопролитнымъ, но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и гордости вторично низлагается и умолкаетъ, послѣднія искры его погасаютъ, народное волненіе утихаетъ, король Людовикъ XVIII возвращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте отвозится въ заточеніе на окруженный пространствомъ океана островъ Святыя Елены, и миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоденствію всѣхъ народовъ, процвѣтаетъ на моряхъ и на земли.

«Что изречемъ, россіяне, любезные наши вѣрноподданные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли! Мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что. не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся.

«Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, россійское христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ Божескою. По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный судія сердецъ, обращается къ намъ съ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечернимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его является купно и спасительное для насъ поученіе. Да пребываетъ всегда въ памяти и предъ

очами нашими претерпѣнное нами наказаніе и приводящая природу въ содроганіе, ужасная казнь, постигшая враговъ нашихъ. Она громче трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и безвѣрія! Сія страшная мысль, проницая во глубину душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣшительное и радостное воспоминаніе о неизреченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проливаетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность къ Богу и любовь къ добродѣтели.

«Мы, послѣ толикихъ происшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему нашей благодарности. Мы видѣли твердость его въ вѣрѣ, видѣли вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ, видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать. Видимъ, и съ нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать? Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ нашихъ призывать на него вся благая; да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ его покровомъ въ роды родовъ!»

Манифестъ этотъ произвелъ дурное впечатлѣніе въ Европѣ и особенно во Франціи, а въ русскихъ людяхъ вызвалъ недоумѣніе къ цѣли его обнародованія.

Лагарпъ писалъ Александру, что бываютъ минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной государемъ въ 1814 году [1]). Русскіе же люди видѣли въ манифестѣ крутой поворотъ въ мысляхъ и политическихъ воззрѣніяхъ государя, видѣли въ нихъ обратное движеніе, видѣли, что обычная безмятежность характера государя «уступила мѣсто гнѣвнымъ порывамъ». Онъ сталъ болѣе взыскателенъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ, запретилъ офицерамъ носить гражданское платье и приказалъ строжайше наблюдать установленную форму одежды. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность, Александръ сталъ болѣе настойчивъ и не допускалъ никого брать надъ собою верхъ [2]). «Онъ употреблялъ теперь своихъ генераловъ не какъ совѣтниковъ, но какъ исполнителей своей воли и желалъ, чтобы все исходило исключительно только отъ него самого».

Вопреки мнѣнію многихъ, императоръ настаивалъ теперь на ско-

---

[1]) Императоръ Александръ. Н. Шильдера. Т. IV, стр. 2.

[2]) Онъ, какъ мы видѣли, не согласился даже и съ Аракчеевымъ по вопросу о посылкѣ денегъ въ царство Польское.

рѣйшемъ устройствѣ военныхъ поселеній. Еще 5-го августа 1815 года послѣдовалъ указъ, на имя новгородскаго губернатора Муравьева, расположить второй баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка на р. Волховѣ въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда. Осенью 1816 г. графъ Аракчеевъ доносилъ уже государю, что лично видѣлъ «добрыя начала принятыхъ мѣръ». Жители селеній, назначенныхъ для водворенія войскъ, зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ коренныхъ жителей, подчинялись военному начальству, подвергались всѣмъ правиламъ военной муштровки и въ то же время обязаны были обрабатывать свои поля. Дѣти ихъ зачислялись въ кантонисты и служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Народъ принялъ эту мѣру со страхомъ и трепетомъ, просилъ избавить его отъ зачисленія въ военные поселяне, и когда просьба не была уважена, то пытался оказать сопротивленіе, но, испытавъ за то жестокое наказаніе, онѣмѣлъ.

Осенью 1817 года, когда императорская фамилія отправилась въ Москву, крестьяне остановили императрицу Марію Ѳеодоровну и просили ея защиты. Сверхъ того нѣсколько сотъ человѣкъ, вышедшихъ изъ лѣса, остановили великаго князя Николая Павловича и просили его о томъ же. Они говорили, что у нихъ все отобрано и сами они изгнаны изъ домовъ. Они готовы были отдать все свое имущество, все, что нажили трудомъ, лишь бы только оставили ихъ въ покоѣ.

— Прибавь намъ подать,—говорили они,—требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все и выведи насъ въ степь: мы охотнѣе согласимся; у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами.

Желанія и просьбы не были исполнены: имъ дали форменную одежду и росписали по ротамъ, устроили въ гумнахъ манежи и стали учить строю. Крестьянинъ, котораго желали облагодѣтельствовать, принужденъ былъ обработывать поле, ходить на продолжительныя строевыя ученья и кормить на свой счетъ отъ 8 до 12 солдатъ. Промышленность и торговля въ этихъ селеніяхъ почти прекратились. «Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ или столицу для продажи своихъ продуктовъ, что̀ приноситъ большую пользу тамошнимъ жителямъ, хозяина семьи наряжаютъ вѣстовымъ къ капитану, у котораго въ запачканной кухнѣ онъ толкается цѣлыя сутки, будучи въ тягость какъ самъ себѣ, такъ и командирскимъ денщикамъ».

Такое положеніе дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ вызывало всеобщее негодованіе и въ особенности среди тѣхъ лицъ, которыя помышляли объ освобожденіи крестьянъ и предоставленіи имъ правъ и самостоятельности.

Члены только-что образовавшагося тайнаго общества обсуждали

этотъ вопросъ неоднократно. Они собирали постоянно свѣдѣнія, какъ и что дѣлалось въ военныхъ поселеніяхъ, прислушивались къ разговорамъ въ гостиныхъ и составили собственное мнѣніе, во многомъ оправдавшееся впослѣдствіи.

— Пріучивъ поселянъ,—говорили они,—съ малолѣтства къ отправленію военной службы, предоставится возможность держать войско съ меньшими отягощеніями народа, уничтоживъ частые рекрутскіе наборы; но, съ другой стороны, оно образуетъ въ государствѣ особую касту, которая, не имѣя съ народомъ ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ угнетенія. Эта каста, составляя особую силу, которой ничто въ государствѣ противостоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ у нѣсколькихъ лицъ, а можетъ случиться, что и у одного; и если это будетъ искусный честолюбецъ, то онъ легко можетъ, пріобрѣтя любовь подчиненныхъ, обольстить ихъ и сдѣлать изъ нихъ орудіе своего честолюбія. Сверхъ того ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части, и тогда какая возможность къ усмиренію озлобленныхъ, имѣющихъ средство къ отпору силы силою. Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудовольствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку, быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія, и можно-ли предвидѣть, чѣмъ кончится такое возстаніе многихъ полковъ вмѣстѣ [1]).

Всѣмъ было извѣстно, что многія лица, стоявшія во главѣ администраціи, въ томъ числѣ и графъ Аракчеевъ, были противъ устройства военныхъ поселеній; что послѣдній предлагалъ сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, назначивъ его, вмѣсто 25-ти лѣтняго, восьмилѣтній, и тѣмъ усилить контингентъ арміи; но императоръ Александръ твердо и рѣшительно отстаивалъ свою идею. Онъ одновременно одною рукою закрѣпощалъ поселянъ, подвергалъ ихъ суровой дисциплинѣ, а другою, въ маѣ 1816 года, освободилъ эстляндскихъ крестьянъ.

«Дворянство Эстляндской губерніи, сказано было въ указѣ Сенату [2]), соотвѣтствуя нашимъ отеческимъ попеченіямъ объ утвержденіи и обезпеченіи навсегда всѣхъ состояній любезныхъ и вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, еще съ 1811 года изъявило намъ желаніе отречься отъ крѣпостнаго и наслѣдственнаго права на своихъ крестьянъ... предоставляя себѣ токмо право собственности на одну землю».

Утвердивъ составленный на этихъ условіяхъ проектъ Положенія объ эстляндскихъ крестьянахъ, императоръ Александръ писалъ эстляндскому

---

[1]) Изъ записокъ князя С. П. Трубецкаго. Это послѣднее разсужденіе дало впослѣдствіи членамъ тайнаго общества возможность разсчитывать на содѣйствіе военныхъ поселеній.

[2]) Отъ 23-го мая 1816 года.

дворянству, что онъ къ особенному его удовольствію признаетъ въ составленномъ Положеніи «безкорыстныя и великодушныя намѣренія, приличествующія наипаче дворянскому сословію», и находитъ весьма пріятнымъ удостовѣрить эстляндское дворянство въ совершенной признательности и непремѣнномъ благоволеніи» [1]).

Эстляндскій крестьянинъ былъ освобожденъ только лично, безъ земли, которая перешла въ собственность дворянства.

«Чудное распредѣленіе,—писалъ украинскій помѣщикъ (Каразинъ) [2]),— дворянству оставить земли, дворянству, которое не можетъ ихъ обработывать, и которое воспитывается къ иному назначенію!! Отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежатъ, поелику въ потѣ лица изъ вѣка оныя воздѣлывалъ! По моему понятію тутъ кроется вопіющая неправда подъ личиною милосердія. Бѣдный народъ пускаютъ на волю, какъ птицу. Какой-нибудь нѣмецкій юристъ устами эстляндскаго дворянина говоритъ ему: «иди во всѣ страны свѣта», но иди нагъ, безъ подпоры и безъ промысла о тебѣ. Иди, я предоставляю тебѣ слѣпцовъ, тебѣ же подобныхъ, въ вожаки по новымъ для тебя путямъ. Иди, проси нищенски позволенія у дворянства воздѣлывать уголокъ земли, которая тебя щедро питала прежде. Но нѣтъ; ты рѣдко и такимъ образомъ для себя можешь ее получить. Ты будешь только наемникомъ у той части собственной твоей братіи, которая найдетъ способы и будетъ имѣть всѣ выгоды обращать тебя въ рабочій себѣ скотъ. Иди, несчастный. Твоего помѣщика, котораго прадѣдъ еще благодѣтельствовалъ твоему прадѣду, а отецъ посѣщалъ отца въ болѣзняхъ, который твоихъ братьевъ и сестеръ въ сиротствѣ воспиталъ у себя и научилъ полезнымъ художествамъ, сего твоего бывшаго помѣщика я нашелъ искусство превратить въ торгаша землею твоею. Ты былъ членомъ его семейства—я разорвалъ природныя узы, васъ связывавшія. Я поставилъ между тобою и нимъ непримиримую корысть на стражѣ: ожесточилъ, отчуждилъ отъ тебя его сердце. Пусть настанетъ теперь зима; и ты чтобы обогрѣть себя, возьмешь вязанку дровъ изъ лѣсовъ его,—ты уголовный преступникъ. Пусть семья твоя въ нуждѣ, въ горести, или въ болѣзни потолчется у дверей его; онѣ будутъ заключены (заперты). Нѣтъ у васъ теперь ничего—иди. Я далъ тебѣ вольность, каковую имѣютъ звѣри въ дубравахъ, или каковою пользуются дикіе твои собратья въ лѣсахъ Ка-

---

[1]) Грамата эстляндскому дворянству 8-го іюня 1816 г.

[2]) Мнѣніе украинскаго помѣщика объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собст. его величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 147. См. также соч. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. Изд. 1888 г., т. I, стр. 379. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1860 г. кн. II.

надскихъ и Бразильскихъ, но съ тою разностію, что тамъ они, имѣя вольность, имѣютъ и собственность—все окружающее ихъ, по необъятному пространству пустынь, имъ безпрекословно принадлежитъ; здѣсь же, въ Европѣ, и въ студеномъ отечествѣ твоемъ все для тебя чуждо. Земля, по которой, ты пойдешь принадлежитъ другимъ, и та, въ которую положатъ прахъ твой, есть чужая».

Такимъ образомъ освобожденный крестьянинъ оказался еще болѣе закабаленнымъ: онъ не могъ тронуться съ мѣста, принужденъ былъ заключать самые стѣснительные контракты съ владѣльцемъ, но на первыхъ порахъ одно слово освобожденіе производило большое впечатлѣніе. Многіе сторонники крестьянской реформы надѣялись, что Александръ приступитъ къ такой же реформѣ и въ Россіи, тѣмъ болѣе что императоръ при пріемѣ эстляндскаго дворянства сказалъ:

— Радуюсь, что дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ.

На эти слова прежде другихъ откликнулось петербургское дворянство, согласившееся обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи давно уже существовавшихъ постановленій. Составленный о томъ актъ былъ подписанъ 65 помѣщиками [1]), уполномочившими И. В. Васильчикова (впослѣдствіи князя), героя Отечественной войны, пользовавшагося расположеніемъ къ нему государя, поднести актъ на высочайшее утвержденіе. Предувѣдомленный о намѣреніяхъ дворянства, императоръ Александръ встрѣтилъ Васильчикова вопросомъ: Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ Васильчиковъ,—вашему императорскому величеству, какъ самодержцу имперіи.

— Такъ предоставьте же мнѣ,—сказалъ государь,—возвыся голосъ, издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ—и приказалъ уничтожить актъ.

Такой отвѣтъ, поставленный рядомъ со словами государя эстляндскому дворянству, огорчилъ многихъ. Въ немъ видѣли предпочтеніе, оказываемое Александромъ иноземцамъ противу русскихъ, требованіе отъ дворянства полнаго повиновенія своей воли и желаніе, чтобы источникъ свѣта исходилъ только лично отъ него. Сознаніе же въ необходимости крестьянской реформы въ Россіи было такъ велико, что нашлись лица, которыя, не смотря на отказъ петербургскому дворянству,

[1]) Исторія царствованія императора Александра I, М. Богдановича, т. I, стр. 129.

считали необходимымъ высказать мнѣніе свое государю. Подъ живымъ впечатлѣніемъ происшедшаго П. Д. Киселевъ, тогда флигель-адъютантъ, а впослѣдствіи графъ, написалъ записку «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи» [1]). Записка эта была представлена имъ лично императору Александру 27-го августа 1816 года.

«Гражданская свобода,—писалъ П. Д. Киселевъ, есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколько желательно бы было распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной. Сіе тѣмъ болѣе почитаю нужнымъ, что успѣхи просвѣщенія и политическое сближеніе наше съ Европою, усиливая часъ отъ часу болѣе броженіе умовъ, указываютъ правительству необходимость предупредить тѣ могущія послѣдовать требованія, которымъ отказать будетъ уже трудно или невозможно; кровью обагренная революція французская въ томъ свидѣтельствуетъ.

«Болѣе двухъ вѣковъ крѣпостная зависимость существуетъ въ Россіи; дворянство привыкло права свои почитать наслѣдственнымъ и законнымъ достояніемъ. Уничтожить оныя внезапно и своевольно было бы несправедливо и не осторожно.

«Первый порывъ вольности влечетъ къ буйству; потеря правъ—къ негодованію, и такимъ образомъ благодѣтельное преднамѣреніе превратиться можетъ во зло, коего слѣдствія неисчислимы.

«Дабы предупредить подобное опасеніе, надлежитъ признать за необходимое постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ и въ обратной соразмѣрности—таковое же ограниченіе власти, помѣщиками незаконно присвоенной»...

Запискѣ этой не было дано никакого хода, но послѣдующія событія наводили на мысль, что императоръ Александръ все-таки желалъ освобожденія крестьянъ. Въ Эстляндіи они были освобождены, въ Курляндіи и Лифляндіи освобожденіе подготовлялось. Псковская губернія была присоединена къ остзейскому генералъ-губернаторству, и это объясняли тѣмъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи начнется именно съ этой губерніи. Лаская себя надеждою, что предположенія эти могутъ осуществиться, но что государь неминуемо встрѣтитъ сопротивленіе со стороны помѣщиковъ, члены тайнаго общества рѣшились придти къ нему на помощь.

«Требовалось,—говоритъ князь Трубецкой [2]),—неусыпное дѣйствіе членовъ, для поддержанія его (государя) и направленія общаго убѣж-

[1]) „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“ Заблоцкаго-Десятовскаго, т. IV, стр. 197.

[2]) Отрывокъ изъ записокъ князя Трубецкаго.

денія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ освобождены, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія; что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно на освобожденіе, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ свободу, и тогда отечество можетъ стать на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, а можетъ быть добычею честолюбца; наконецъ, можетъ распасться на части и изъ одного сильнаго государства обратиться въ разныя слабыя. Вся слава и сила Россіи можетъ погибнуть, если не на всегда, то на многіе вѣка».

Такъ разсуждали члены тайнаго общества, такую программу составили они для дѣйствія противъ сопротивленія помѣщиковъ. Всѣ они были люди молодые, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстьевъ, и потому не могли фактически освободить собственныхъ крестьянъ. Имъ оставался одинъ только способъ дѣйствій—убѣжденіе словомъ; но для этого членамъ общества необходимо было сплотиться въ одно цѣлое, дать форму обществу и опредѣлить порядокъ дѣйствія, которымъ намѣрены были поддерживать и подкрѣплять предначертанія государя» [1]).

Съ этою цѣлью Пестелю, князю Долгорукову и князю Трубецкому поручено было написать уставъ общества, получившаго за тѣмъ названіе «Союза спасенія или Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Лица эти составили коммиссію, секретаремъ которой считался князь Шаховской [2]). Князь Трубецкой занимался составленіемъ правилъ для принятія членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ обществѣ; князь Долгорукій—изложеніемъ цѣли общества и средствъ для достиженія ея, а Пестель—формою принятія членовъ и внутреннимъ образованіемъ. Въ то время масонство было въ полномъ ходу, и многіе изъ членовъ были масонами. Такъ, Пестель въ началѣ 1812 года поступилъ въ ложу «Соединенныхъ Друзей» и въ 1816 году перешелъ въ ложу «Трехъ Добродѣтелей», начальникомъ которой былъ князь П. П. Лопухинъ, а вторымъ по немъ членомъ Александръ Муравьевъ, и гдѣ употреблялся русскій языкъ, тогда какъ въ ложѣ «Соединенныхъ Друзей» былъ въ употребленіи—французскій. Въ той же ложѣ «Трехъ Добродѣтелей» были Матвѣй Ивановичъ и Сергѣй Ивановичъ Му-

---

[1]) Отрывокъ изъ записокъ кн. С. Трубецкаго.

[2]) Показаніе П. Пестеля 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 1.

равьевы-Апостолы и Никита Михайловичъ Муравьевъ [1]). Всѣ они, за исключеніемъ Александра Муравьева, не были убѣжденными масонами, а привлечены въ ложу друзьями и знакомыми [2]). Александръ же Муравьевъ по складу своего ума и характера былъ убѣжденнымъ масономъ, видѣлъ въ масонствѣ совершенство ума человѣческаго и предлагалъ всѣмъ вступить въ ложу [3]). Онъ доказывалъ, что общество только и можетъ существовать при посредствѣ ложи, а потому и при составленіи устава необходимо руководствоваться масонскими правилами. Пестель сначала также предполагалъ примѣнить ихъ для торжественности, но противъ этого возстали князь С. Трубецкой, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Шиповъ и другіе. Они признавали, что масонскіе обряды стѣснительны, будутъ затруднять дѣйствія общества и введутъ какую-то таинственность, которая не соотвѣтствовала характеру бо́льшей части членовъ. «Они хотѣли дѣйствія явнаго и открытаго, хотя и положили не разглашать намѣреніе, съ которымъ соединились, чтобы не вооружать противъ себя людей неблагонамѣренныхъ». Подъ давленіемъ большинства членовъ Александръ Муравьевъ также отказался отъ своей мысли отчасти и потому, «что все время засѣданій ложи занято масонскими работами и всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу» [4]). Этимъ нарушалась бы тайна, единство дѣйствій, и являлась бы возможность присутствія нежелательныхъ лицъ.

При первомъ общемъ засѣданіи, для прочтенія проекта устава, Пестель говорилъ въ своемъ вступленіи, что Франція блаженствовала подъ управленіемъ Комитета общественной безопасности. Всѣ слушатели возстали противъ такого предисловія, указывавшаго на установленіе какой-

---

[1]) Матеріалы для исторіи масонства А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Европы“ 1872 г., № 2, стр. 600. Князь С. Трубецкой въ своемъ показаніи заявлялъ, что онъ никогда не былъ масономъ (Госуд. Арх. I д. № 1).

[2]) „Въ концѣ 1816 г.,—показывалъ Пестель,—или въ первыхъ числахъ 1817 г. оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакого сношенія не имѣлъ. Засѣданія происходили въ С.-Петербургѣ, въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшемся. Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе. Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣли, ни важности...“ (Показаніе 22-го декабря. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 1).

[3]) Впослѣдствіи онъ показывалъ, что дѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы „подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества“. (Показаніе Александра Муравьева 3-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19).

[4]) Отрывокъ изъ записокъ князя С. Трубецкаго (рукоп.). Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола 13-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 4.

то новой цѣли общества, до сихъ поръ неизвѣстной большинству. Въ поступкѣ Пестеля увидѣли самовластіе, желаніе навязать обществу иную дѣятельность и руководить имъ.

Павелъ Ивановичъ Пестель отличался необыкновеннымъ умомъ, «яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ,—говоритъ князь Е. П. Оболенскій [1],—чувствовалъ, что, единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ».

По словамъ князя И. Долгорукаго, первенствующимъ чувствомъ Пестеля было желаніе поработить каждаго своей волѣ. «Умъ и отличныя его способности увлекали многихъ, и я часто предостерегалъ ослѣпленныхъ отъ такого къ нему безпредѣльнаго удивленія» [2]).

За предисловіе Пестеля стоялъ Никита Муравьевъ, и въ происшедшихъ спорахъ было замѣчено многими, что оба они домогались нѣкоторой поверхности надъ прочими членами.

— Они цѣнили себя,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка,—выше прочихъ и не совсѣмъ осторожно.

О Пестелѣ составилось тогда же невыгодное впечатлѣніе, «которое никогда не могло истребиться и поселило къ нему недовѣрчивость» [3]). Послѣдующія его дѣйствія убѣдили членовъ, что онъ стремится къ преобладанію и деспотизму въ обществѣ. Это послужило впослѣдствіи къ устройству надъ нимъ надзора самими членами, а въ данномъ случаѣ было поводомъ къ выходу изъ общества многихъ лицъ [4]), имѣвшихъ болѣе твердый характеръ и не желавшихъ подчиняться своеволію одного лица.

Въ каждомъ тайномъ обществѣ есть всегда съ одной стороны непомѣрное высокомѣріе, деспотизмъ или злой умыселъ, не знающій предѣловъ потому, что онъ тайный и для другихъ членовъ не видимый, а съ другой—легкомысліе, малодушіе и слабость характера, легко подчиняющагося болѣе сильному.

«Учрежденіе тайнаго общества,—говоритъ князь П. А. Вяземскій,—и участіе въ немъ, съ цѣлью болѣе или менѣе политическою, съ цѣлью замѣнить существующій государственный порядокъ новымъ порядкомъ

---

[1]) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго. Лейпцигъ, изд. 1861 г., стр. 8 и 9.
[2]) Показаніе кн. И. Долгорукаго. Госуд. Арх. I, д. № 230.
[3]) Отрывокъ изъ записокъ князя С. П. Трубецкаго.
[4]) Показаніе Ѳ. Н. Глинки 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 82.

есть преступленіе: оно заключаетъ въ себѣ виновность не только противъ правительства, но можно сказать еще болѣе противъ гражданскаго общества, противъ народной гражданской семьи, къ которой принадлежишь. Горсть людей изъ этой семьи, какія бы ни были побужденія и цѣли ихъ, никогда не въ правѣ, по собственному почину своему распоряжаться судьбами отечества и судьбами тысячи милліоновъ ближнихъ своихъ. Возставая противъ злоупотребленій настоящаго и противъ произвола лицъ, власть имѣющихъ, эти господа сами покушаются на величайшій произволъ: они присвояютъ себѣ власть, которая ни въ какомъ случаѣ законно имъ не принадлежитъ. Они въ кружкѣ своемъ, мимо всего общества согражданъ своихъ, тайно, притворно, двулично, замышляютъ дѣло, котораго не могутъ они предвидѣть ни значеніе, ни исходъ» [1]).

Большая часть политическихъ обществъ не достигали своей цѣли но губили много людей, заслуживавшихъ полнаго вниманія и сочувствія по ихъ нравственнымъ качествамъ и любви къ родинѣ. Это сознали и сами декабристы, но тогда, когда было уже поздно и возврата не было.

«Не должно полагать,—показывалъ князь С. П. Трубецкой [2]),—чтобы люди, вступающіе въ какое-либо тайное общество, были всѣ злы, порочны или худой нравственности и имѣли бы преступныя и дурныя намѣренія. Напротивъ, общество, составленное изъ таковыхъ людей, не могло бы долго существовать. Но во всякомъ подобномъ обществѣ, хотя бы оно первоначально было составлено изъ самыхъ честнѣйшихъ людей, непремѣнно найдутся, наконецъ, выше упомянутые люди, которые, конечно, сначала примутъ на себя пристойную личину, безъ которой они поступить бы въ оное не могли. Тогда они стараются непремѣнно клонить общество къ своей цѣли и почти всегда успѣть могутъ, когда не пощадятъ для того трудовъ и времени, если при томъ одарены достаточными къ тому умомъ и способностями. Вотъ истинное зло и вредъ существованія всякихъ тайныхъ обществъ.

«Предлогъ составленія тайныхъ политическихъ обществъ есть любовь къ отечеству. Сіе чувство, которымъ всякій человѣкъ обязанъ къ своей родинѣ, хорошо понятное, заставляетъ дѣйствовать къ пользѣ государства;—худо понятое можетъ сдѣлать величайшій вредъ, и бѣдственныя послѣдствія онаго не могутъ быть довольно исчислены. Сіе худо понятое чувство любви къ отечеству составляетъ тайныя политическія общества. Люди съ пылкимъ воображеніемъ, съ горячимъ сердцемъ, съ пламенною душою, при чистыхъ и великодушныхъ чувство-

---

[1]) Сочин. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 416 и 417.

[2]) Госуд. Арх. I д. № 1.

ваніяхъ, легко могутъ быть увлечены ревностью и усердіемъ къ пользѣ общей, не предвидя гибельныхъ послѣдствій, къ коимъ худо избранный путь можетъ привести ихъ. Тѣ изъ нихъ, которые узнаютъ, наконецъ, свою ошибку, по несчастію узнаютъ ее уже слишкомъ поздно, чтобы исправить ее. Иные остаются въ обществѣ для того только, чтобы не потерять уваженія, которымъ они прежде отъ сочленовъ своихъ пользовались; другіе, опасаясь, что отдаленіе ихъ будетъ сочтено робостію, ибо всякая принадлежность къ тайному обществу влечетъ за собой болѣе или менѣе опасности; еще другіе потому, что страшатся, чтобы не сочли ихъ охладѣвшими въ тѣхъ благородныхъ чувствованіяхъ, которыя они всегда оказывать старались. Нѣкоторые остаются въ обществѣ, хотя и предвидятъ, что оно можетъ обратиться ко вреду, но, мечтая, что, пребываніемъ своимъ въ обществѣ, они могутъ препятствовать сему вреду, или по крайней мѣрѣ отдалить его и удержать общество въ такихъ предѣлахъ, въ коихъ оно не можетъ, по ихъ мнѣнію, быть вредно. Сія и многія подобныя причины препятствуютъ удаленію членовъ отъ тайнаго общества, въ кое они сначала были завлечены по непредвидѣнности своей. Причиною же, что таковыя общества не бываютъ открываемы членами правительству,—одна: укоризна прослыть измѣнникомъ передъ тѣми, коимъ былъ прежде товарищемъ, и страхъ сдѣлаться, черезъ предательство, орудіемъ ихъ гибели».

Не одинъ князь Трубецкой, но и другіе, съ теченіемъ времени, съ пріобрѣтеніемъ опыта и съ переходомъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, сознали преступность въ образованіи тайнаго общества. Основатель его, Александръ Муравьевъ, называлъ день учрежденія общества «днемъ чернымъ и постыднымъ», а такъ называемыя либеральныя идеи— «вольно-дерзко-безумствомъ» [1]). Въ маѣ 1819 года онъ отрекся отъ общества, поводомъ къ образованію котораго, по его словамъ, послужила ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая покровомъ безпокойнаго честолюбія.

Но тогда члены общества не сознавали, что никакая истинно полезная цѣль не могла быть ими достигнута [2]), что участіе въ тайномъ обществѣ беззаконно и противно нравственности [3]); что рано или поздно, даже и безъ измѣны нѣкоторыхъ членовъ, должна была произойти ихъ собственная гибель и вредъ для государства [4]).

Имъ не приходила въ голову мысль, что одинъ или два члена мо-

---

[1]) Показанія Александра Муравьева 3-го февраля и 21-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 22.

[2]) Показаніе его же.

[3]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

[4]) Показаніе князя С. П. Трубецкаго.

гутъ помимо ихъ воли и желанія и безъ ихъ вѣдома измѣнить цѣль общества и дать ему иное направленіе. Тогда большинство оспаривало только предисловіе или вступленіе Пестеля къ уставу общества потому именно, что не желало вводить ничего преступнаго. Отъ большинства первоначальныхъ членовъ были скрыты истинныя намѣренія учредителей, и они шли только на помощь государю, на дѣла благотворительности и на содѣйствіе къ уничтоженію злоупотребленій,—цѣли благородныя, возвышенныя и нравственныя.

Чтобы не лишиться сочленовъ, Пестель долженъ былъ уступить, и уставъ общества былъ написанъ въ общихъ выраженіяхъ, но съ допущеніемъ насилія, яда и кинжала противу измѣнниковъ обществу. «Это было мною написано,—показывалъ Пестель,—въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ» [1]).

Общество дѣлилось на три степени: Братій, Мужей и Болярь. Послѣдними были названы учредители общества, но возводили и принимали въ это званіе и нѣкоторыхъ вновь поступавшихъ членовъ. Такъ Пестель присоединилъ къ обществу князя Лопухина прямо съ званіемъ Болярина. Изъ послѣднихъ должны были избираться ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, надзиратель и блюститель или секретарь. Цѣль ежемѣсячнаго избранія была та, «чтобы никто не могъ пріобрѣсти власти, верха и управленія надъ другими и надъ обществомъ, и чтобы не могъ наклонять и направлять членовъ къ собственной своей цѣли» [2]). Это постановленіе не нравилось и не соотвѣтствовало видамъ главарей, и потому правило это съ самаго начала не было исполняемо, и въ должности никто избранъ не былъ [3]).

Боляре обязаны были, когда число ихъ по какимъ-либо причинамъ уменьшится, стараться о пополненіи ихъ числа достойнѣйшими новыми членами, дабы, отъ убыли ихъ, общество не могло разрушиться. Если бы случилось, что въ обществѣ остался одинъ бояринъ, то и тогда онъ долженъ стараться о возстановленіи вновь общества. Имена болярь были тайною для остальныхъ членовъ. Послѣдніе, при поступленіи въ общество, давали присягу сохранять въ тайнѣ все, что имъ откроютъ, хотя бы то было и не согласно съ ихъ мнѣніемъ. Члены обязывались стремиться къ достиженію цѣли общества, исполнять честно свои обязанности и покоряться рѣшеніямъ Верховнаго собора болярь,—

---

[1]) Показаніе Пестеля. Госуд. Арх. I. Южное общество, д. № 1.

[2]) Показаніе Александра Муравьева 3-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.

[3]) Пестель въ собственноручномъ показаніи 13-го января 1826 г. говоритъ, что предсѣдателемъ былъ избранъ князь С. П. Трубецкой, надзирателями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ, а секретаремъ Никита Муравьевъ. Всѣ они отрицаютъ это показаніе.

такъ было названо главное правленіе общества. Обрядъ принятія былъ установленъ торжественный, масонскій, но никогда не соблюдался. По вступленіи въ общество, каждый давалъ клятву, различную для каждой степени и даже для старѣйшинъ [1]). Первоначальное предположеніе, чтобы предлагающій кого-либо въ члены, прежде объявленія ему о существованіи тайнаго общества, представлялъ собору письменное доказательство о связяхъ, знакомствѣ и образѣ мыслей предлагаемаго въ видѣ отвѣтовъ на заданные ему вопросы, было отмѣнено, какъ затруднительное для исполненія.

Въ случаѣ размноженія членовъ предполагалось образовать округи, изъ коихъ каждый управлялся бы особою Думою, подъ предсѣдательствомъ болярина, уполномоченнаго отъ Верховнаго собора; подъ вѣдомствомъ Думъ предполагалось устроить Управы изъ братій и мужей [2]). Члены общества должны были собираться не въ опредѣленное заранѣе время, а въ назначаемые каждый разъ дни.

Уставъ этотъ не сохранился, но, по словамъ И. Д. Якушкина [3]),—онъ имѣлъ цѣлью приготовить постепенно государство къ принятію представительнаго правленія. «Послѣдняя цѣль предполагалась быть извѣстной однимъ только членамъ высшей степени, равно какъ и намѣреніе, въ случаѣ смерти царствующаго въ то время императора, не прежде принести присягу наслѣднику, какъ по удостовѣреніи, что въ Россіи единовластіе будетъ ограничено представительствомъ».

Вскорѣ послѣ составленія устава общества многіе члены, которыхъ и безъ того было мало, разъѣхались. Князь Трубецкой былъ тяжко боленъ съ іюня 1816 года до января 1817 г.; Пестель уѣхалъ въ Митаву къ мѣсту своей службы, И. Д. Якушкинъ перешелъ въ 37-й егерскій полкъ и уѣхалъ въ г. Сосницы, князь Шаховской перешелъ въ 38-й егерскій полкъ. Передъ отъѣздомъ Пестель получилъ полномочіе Собора завести Думу въ Митавѣ, но ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи [4]).

Александръ Муравьевъ и оставшіеся въ Петербургѣ члены находили, что ихъ слишкомъ мало, чтобы начать какія-либо дѣйствія. На одномъ изъ совѣщаній, бывшихъ въ казармахъ л.-гв. Семеновскаго полка, было положено,—говорилъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ [5]),—«что такъ какъ мы

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Архивъ. I, д. № 4. Въ чемъ именно заключалась даваемая клятва, сказать трудно, такъ какъ уставъ общества былъ уничтоженъ членами и не приводился въ исполненіе.

[2]) Показаніе С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх. I, Сѣверное общество, д. № 1.

[3]) Показаніе И. Д. Якушкина 13-го февраля 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 20

[4]) Дополнительное показаніе кн. Трубецкаго. Государ. Архивъ I. Сѣверное общество, д. № 1.

[5]) Въ своемъ показаніи. Тамъ же, Южное общество, д. № 2.

не имѣемъ никакихъ средствъ къ введенію представительнаго порядка въ Россіи, то и должны ограничиваться дѣйствіемъ на умы и пріобрѣтеніемъ членовъ, впредь, пока общество усилится».

Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ Михаилъ Орловъ, который, какъ мы видѣли, имѣлъ желаніе составить свое общество. Въ разговорѣ съ Александромъ Муравьевымъ они открылись другъ другу, и каждый сталъ уговаривать вступить въ свое общество. Переговоры кончились тѣмъ, что они обѣщали, не соединяясь, идти къ одной цѣли и оказывать взаимныя пособія. Обществу «Союзъ спасенія» сталъ извѣстенъ одинъ только Орловъ, а его обществу, только предполагаемому подъ именемъ «Русскихъ рыцарей»—одинъ Александръ Муравьевъ. Послѣдній очень желалъ привлечь къ обществу своего брата Михаила [1]), И. Г. Бурцова и П. И. Колошина, но они не иначе соглашались поступить въ общество, какъ съ условіемъ, чтобы уставъ, проповѣдующій насиліе, основанный на клятвахъ и слѣпомъ повиновеніи, былъ отмѣненъ и чтобы общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе и образъ мыслей соотечественниковъ [2]). Точно такого же мнѣнія былъ и И. Д. Якушкинъ, особенно возстававшій противъ слѣпаго повиновенія, котораго уставъ требовалъ отъ двухъ низшихъ степеней къ волѣ бояръ, а отъ самихъ бояръ Якушкинъ требовалъ подчиненія рѣшенію большинства голосовъ.

Неудача въ пріобрѣтеніи новыхъ членовъ, расколъ, возникшій между существующими, и малая дѣятельность ихъ привели «Союзъ спасенія» къ разрушенію, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его существованія. «Всѣ формы онаго,—говорилъ Никита Муравьевъ,—были уничтожены, и возникли безконечныя пренія, какое дать устройство обществу».

Вскорѣ Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ были переведены въ Москву; большая часть членовъ пошла туда же, въ составѣ отряда войскъ гвардейскаго корпуса. Въ Московскую губернію былъ переведенъ и 37-й егерскій полкъ, въ которомъ служилъ И. Д. Якушкинъ. Онъ сблизился съ командиромъ полка Михаиломъ Александровичемъ фонъ-Визинымъ и сообщилъ ему какъ о существованіи тайнаго общества, такъ и о цѣляхъ его.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 4. „Братъ мой родной, Михаилъ Николаевичъ,—показывалъ Александръ Муравьевъ,—всегда удалялся или съ омерзеніемъ прекращалъ всякіе преступные разговоры. Онъ всегда держался прямой писанной (въ уставѣ) цѣли общества, которая была—распространеніе просвѣщенія и добродѣтели, и когда мнѣ случалось увлеченну быть страстью, то онъ всегда приводилъ меня къ порядку“. (Показаніе Александра Муравьева 17-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 19).

«Въ 1816 году,—говорилъ фонъ-Визинъ [1]),—переведенъ я былъ въ Москву. Въ 1817 г. пришла туда же часть гвардіи. Я увидѣлся съ пріятелями Александромъ Муравьевымъ, двумя братьями Муравьевыми-Апостолъ. Сіи господа познакомили меня съ Никитой Муравьевымъ и княземъ Шаховскимъ. Всѣхъ сихъ господъ нашелъ я съ подобными моимъ мнѣніями. Они сообщили мнѣ объ учреждающемся тайномъ обществѣ, котораго крайнею цѣлью должно быть достиженіе нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія,—однимъ словомъ, всего того, что̀ составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ. Я не задумался и далъ слово вступить въ общество. Сіе происходило въ квартирѣ Александра Муравьева».

Поселившись въ Москвѣ, фонъ-Визинъ разрѣшилъ и И. Д. Якушкину перебраться туда же, и они оба жили въ одной квартирѣ съ Александромъ и Никитою Муравьевыми [2]). Тамъ и открыто было первое засѣданіе, вызвавшее споры, какую дать форму обществу и какую цѣль опредѣлить его дѣятельности. Всѣ говорили о необходимости распространять просвѣщеніе и сдѣлать себя полезными отечеству [3]). Еще въ Петербургѣ князь Лопухинъ доставилъ обществу книжку нѣмецкаго журнала «Freywillige blätter», въ которой былъ напечатанъ уставъ Tugend-Bund (Тугендбундъ), а князь И. Долгорукій, бывшій въ то время за границей, прислалъ второй экземпляръ его въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ въ 1808 году королю прусскому на утвержденіе. Петръ Колошинъ перевелъ его на русскій языкъ, и онъ очень понравился какъ ему, такъ и Михаилу Муравьеву, фонъ-Визину и И. Д. Якушкину, которые настаивали, чтобы онъ былъ примѣненъ къ тогдашнему положенію Россіи и народному характеру. Другіе члены не соглашались, требовали составленія новаго устава, или, по крайней мѣрѣ, передѣлки Тугендбунда, и тогда Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ отказались быть членами общества [4]). Тѣмъ не менѣе въ основу будущаго устава были положены правила Тугендбунда, которымъ приписывали успѣхъ въ возстаніи Пруссіи противъ Франціи. Этотъ успѣхъ, по мнѣнію многихъ, произошелъ отъ того, что во главѣ общества стояли такія лица, какъ извѣстный политическій дѣятель и министръ Штейнъ, генералъ Гнейзенау и многіе другіе [5]).

Большинство совѣщавшихся тогда въ Москвѣ членовъ вѣрили, что императоръ Александръ дѣйствительно, готовъ дать, по примѣру Польши,

[1]) Въ показаніи 21-го февраля 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 21.
[2]) Показаніе И. Д. Якушкина 16-го февраля 1826 г. Тамъ же, дѣло № 20.
[3]) Показаніе кн. Ѳ. Шаховскаго. Госуд. Арх. I, д. № 22.
[4]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 4
[5]) Показаніе князя С. Трубецкаго. Тамъ же, д. № 1

представительный образъ правленія и только не приступаетъ къ преобразованіямъ потому, что не имѣетъ въ виду людей, могущихъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, соединившіеся въ общество, молодые люди, готовые придти на помощь государю, не сомнѣвались въ томъ, что онъ возьметъ ихъ подъ свое покровительство, подобно королю прусскому, и при ихъ содѣйствіи обновитъ Россію. На это разсчитывала не одна молодежь, но и люди, умудренные опытомъ жизни.

«Ожидаю,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Растопчину [1],—какія будутъ послѣдствія пребыванія двора въ Москвѣ. Увидимъ, въ чемъ будутъ заключаться великія идеи, привезенныя туда для обнародованія? Не слѣдуетъ-ли предполагать, что, поддержавъ французскую конституцію и водворивъ таковую же въ Польшѣ, намъ будетъ даровано нѣчто несравненно лучшее, потому что имѣлось много времени, чтобы взвѣсить и испытать на практикѣ все то, что было примѣнено къ Франціи и Польшѣ».

Неожиданныя обстоятельства смутили однако же членовъ тайнаго общества. Въ октябрѣ 1817 года, прежде прибытія императора въ Москву, было получено Александромъ Муравьевымъ письмо князя С. П. Трубецкаго, въ которомъ онъ писалъ, что слышалъ отъ флигель-адъютанта кн. Лопухина, будто императоръ Александръ, давъ конституцію Польшѣ и сформировавъ отдѣльный Литовскій корпусъ, намѣренъ возвратить Польшѣ Западныя губерніи. Зная однако же, что такое предпріятіе не можетъ исполниться безъ сопротивленія со стороны русскихъ его подданныхъ, государь, по словамъ письма князя Трубецкаго, будто бы намѣренъ удалиться, со всею царствующею фамиліею, въ Варшаву и издать тамъ манифестъ о вольности крѣпостныхъ крестьянъ. Тогда,—писалъ князь Трубецкой,—народъ возстанетъ противъ дворянъ, и среди всеобщаго смятенія русско-польскія губерніи будутъ присоединены къ царству Польскому [2]).

Князь Трубецкой показывалъ [3]), что онъ писалъ, кажется, не къ Александру Муравьеву, а къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу, потому что «по уставу общества полагалъ себя обязаннымъ увѣдомить о томъ членовъ и въ надеждѣ, что заблаговременное распространеніе таковаго слуха удержитъ государя императора отъ приведенія въ дѣйствіе сего намѣренія».

«Я могу только утвердительно сказать,—говорилъ князь Трубецкой

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го октября нов. ст. 1817 г. „Русскій Арх." 1872 г., т. II, 2206.

[2]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 4.

[3]) Отвѣтъ князя Трубецкаго на вопросные пункты 10-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 1.

на другой день [1]),—что я не съ инымъ намѣреніемъ писалъ означенное письмо, какъ единственно съ тѣмъ, что желалъ, чтобы почитаемое мною тогда истиннымъ намѣреніе государя императора отдѣлить россійскія провинціи къ царству Польскому сдѣлалось извѣстнымъ, ибо, сколько замѣчено было, то блаженной памяти государь императоръ обыкновенно не приводилъ въ дѣйствіе того, о чемъ много говорили и о чемъ предполагали, что будетъ сдѣлано его величествомъ».

Не смотря на всю несообразность и даже нелѣпость письма князя Трубецкаго, извѣстіе, имъ сообщенное, въ первое время произвело громадное впечатлѣніе. Въ квартирѣ Александра Муравьева собрались: Никита Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ, И. Д. Якушкинъ, М. А. фонъ-Визинъ, князь Ѳ. Шаховской и М. И. Лунинъ. Письмо князя Трубецкаго казалось имъ «при раздраженномъ воображеніи» правдоподобнымъ по той любезности и вниманію, которыя императоръ Александръ оказывалъ полякамъ [2]). Въ этомъ они видѣли желаніе государя имѣть въ полякахъ вѣрную опору при сопротивленіи Россіи къ тѣмъ «угнетеніямъ», которыя угрожали ей при учрежденіи и развитіи военныхъ поселеній. Патріотическое чувство вызвало горячія и шумныя пренія: всѣ говорили, не слушая другихъ, ходили по комнатѣ, усиленно курили. Наконецъ, рѣшили немедленно что-нибудь предпринять, чтобы не допустить присоединенія Западныхъ губерній къ Польшѣ.

Князь Ѳ. Шаховскій, вскорѣ послѣ того совсѣмъ оставившій общество, былъ теперь въ самомъ возбужденномъ состояніи и готовности на всякое преступленіе. Ему и прочимъ собравшимся членамъ общества казалось, что Россія находилась въ самомъ гибельномъ положеніи, и не можетъ быть для нея несчастнѣе, какъ оставаться подъ такимъ управленіемъ, и потому покушеніе на жизнь императора необходимо. Онъ предлагалъ выждать, когда баталіонъ Семеновскаго полка будетъ въ караулѣ, и тогда исполнить свое намѣреніе [3]).

Выжиданіе казалось пылкому по характеру И. Д. Якушкину слишкомъ долгимъ, и онъ объявилъ собравшимся, что готовъ пожертвовать собою, дабы спасти Россію отъ гибели, и рѣшается покуситься на жизнь императора.

«Какимъ образомъ хотѣлъ я совершить убійство,—говорилъ И. Д.

---

[1]) Въ отвѣтѣ на вопросные пункты 11-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 1.

[2]) По словамъ кн. Трубецкаго, Александръ былъ влюбленъ въ Польшу и смотрѣлъ на нее какъ на часть Европы.

[3]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола 19-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 22.

Якушкинъ, я не знаю и сколько могу припомнить, никогда не зналъ, ибо не имѣлъ довольно времени, чтобы сіе обдумать» [1]).

Михаилъ Ивановичъ Лунинъ предлагалъ, не ожидая прибытія императора Александра въ Москву, нѣсколькимъ человѣкамъ въ маскахъ ѣхать на Царскосельскую дорогу и привести въ исполненіе предложеніе Якушкина. Лунинъ, по выраженію товарищей, былъ «рыцарь безъ страха», человѣкъ рѣшительный и безусловно вѣрный данному слову. Въ молодости своей онъ былъ большимъ дуэлистомъ и за дуэль былъ уволенъ изъ Кавалергардскаго полка. Отецъ разсердился за это на него и перестал выдавать ему содержаніе. Лунинъ уѣхалъ въ Парижъ и тамъ жилъ нѣкоторое время, давая уроки на фортепіано. Возвратясь въ Россію, онъ написалъ письмо великому князю Константину Павловичу съ просьбою принять его вновь на службу. Великій князь не любилъ Лунина за его поведеніе, но довѣріе, съ какимъ онъ обратился, понравилось ему, и онъ принялъ его въ одинъ изъ уланскихъ полковъ Литовскаго корпуса, а потомъ перевелъ въ гвардейскій полкъ въ Варшаву, и Лунинъ сталъ его любимцемъ. Когда послѣ 14-го декабря 1825 года пришло въ Варшаву приказаніе арестовать Лунина, то великій князь долго не вѣрилъ, что онъ могъ участвовать въ заговорѣ. Призвавъ его къ себѣ, цесаревичъ сказалъ ему, что даетъ мѣсяцъ сроку, которымъ онъ можетъ воспользоваться для устройства своей судьбы, но Лунинъ отказался и просилъ только позволенія съѣздить на силезскую границу на охоту.

— Но ты поѣдешь и не вернешься,—сказалъ великій князь.

— Честное слово, ваше высочество, вернусь.

— Скажи Курутѣ, чтобы написалъ билетъ.

Курута билета не выдалъ и отправился къ цесаревичу.

— Помилуйте, ваше высочество,—говорилъ онъ,—мы ждемъ съ часу на часъ, что изъ Петербурга пришлютъ за Лунинымъ—какъ можно его отпустить!

— Послушай, Курута,—отвѣчалъ, шутя, Константинъ Павловичъ;—я не лягу спать съ Лунинымъ и не совѣтую тебѣ ложиться съ нимъ—онъ зарѣжетъ; но когда Лунинъ дастъ честное слово, онъ его сдержитъ.

Дѣйствительно, Лунинъ возвратился въ Варшаву тогда, когда вторые сутки ждалъ его фельдъегерь, присланный изъ Петербурга. Арестованный, онъ передъ отъѣздомъ говорилъ, что непремѣнно пошлетъ двѣ тысячи рублей въ Римъ, чтобы папа молился о здравіи цесаревича

---

[1]) Показаніе 13-го апрѣля 1826 г. Тамъ же, д. № 20.

за то, что онъ послѣ арестованія приказалъ кормить гончихъ и борзыхъ его собакъ[1]).

— C'est une générosité de sa part,—сказалъ онъ.

Когда въ слѣдственной коммиссіи спросили Лунина, говорилъ-ли онъ о покушеніи на жизнь императора, то онъ отвѣчалъ, что быть можетъ и говорилъ, но не припомнитъ точно, что имъ было сказано [2]).

Между тѣмъ присутствовавшіе на совѣщаніи съ удивленіемъ выслушали предложеніе Якушкина и, зная, что онъ нѣсколько лѣтъ страдалъ и мучился отъ безнадежной любви, доводившей его до припадковъ сумасшествія [3]), тяготился жизнью, искалъ смерти и даже пытался наложить на себя руки, но былъ спасаемъ товарищами [4]), стали удерживать его отъ такого безразсуднаго поступка.

— Это сумасшествіе,—говорилъ фонъ-Визинъ и выражалъ увѣренность, что рѣшимость Якушкина пройдетъ съ лихорадкою, «которую я тогда чувствовалъ»,—прибавлялъ послѣдній [5]).

Якушкинъ настаивалъ на своемъ.

— Я вижу,—говорилъ онъ,—что судьба избрала меня жертвою—я убью царя и послѣ застрѣлюсь; убійца не долженъ жить.

Тогда присутствующіе, чтобы ослабить его намѣреніе, предложили раздѣлить съ нимъ опасность предпріятія и предоставить жребію назначить того, кто долженъ привести въ исполненіе преступную мысль. Якушкинъ отвергъ это предложеніе, не желая никого изъ присутствующихъ подвергать опасности при исполненіи его личнаго предложенія [6]).

---

[1]) Записка декабриста Цебрикова (рукоп.). Замѣчанія С. П. Трубецкаго на записки Штейнгеля (рукоп.).

[2]) Показаніе Лунина 16-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 23. По показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, Пестель хотѣлъ, зная рѣшительный характеръ Лунина, набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство оною Лунину, чтобъ всѣхъ губить кого нужно (pour faire main basse sur tout). Но это относилось къ послѣдующему времени, и Пестель отвергъ это показаніе и не сознался. Кн. Барятинскій также отвергъ это показаніе.

[3]) Показаніе Лунина 8-го апрѣля 1826 г. Государст. Архивъ, I, д. № 23. Показаніе фонъ-Визина 2-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 21.

[4]) „Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого,—говорилъ Никита Муравьевъ,—Якушкинъ преодолѣлъ страсть свою, женился на другой особѣ, оставилъ общество совершенно и ведетъ теперь жизнь самую уединенную въ деревнѣ, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ". Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

[5]) Показаніе И. Якушкина 16-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 20.

[6]) Въ своихъ запискахъ, написанныхъ въ позднѣйшее время, И. Д. Якушкинъ разсказываетъ это нѣсколько иначе. „Александръ Муравьевъ,—говоритъ онъ,—перечиталъ вслухъ еще разъ письмо Трубецкаго, потомъ начались толки и сокрушенія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Рос-

На слѣдующій день собравшіеся на совѣщаніе у фонъ-Визина получили письмо Сергѣя Муравьева-Апостола, не могшаго присутствовать на совѣщаніи по болѣзни. Онъ поручилъ брату Матвѣю прочитать его членамъ и «усовѣщивалъ ихъ не прибѣгать къ подобной мѣрѣ, доказывая скудость средствъ ихъ и совершенную невозможность начинанія какого-либо дѣйствія» [1]). Тогда фонъ-Визинъ и другіе стали доказывать, что письмо князя Трубецкаго нелѣпо, рѣшили вызвать его въ Москву и дождаться его объясненій. Князь Трубецкой не привезъ съ собою никакихъ доказательствъ въ достовѣрности сообщенныхъ имъ свѣдѣній о намѣреніяхъ императора Александра и принужденъ былъ даже сознаться въ нѣкоторомъ извращеніи фактовъ. Онъ уже не говорилъ о присоединеніи Западныхъ губерній къ царству Польскому, а сообщилъ сдѣлавшійся извѣстнымъ разговоръ наединѣ государя съ княземъ Лопухинымъ. Трубецкой говорилъ, что передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга императоръ будто бы объявилъ князю Лопухину, что онъ непремѣнно желаетъ освободить крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ. На представленіе князя о трудности исполне-

---

сія... Меня проникла дрожь; я ходилъ по комнатѣ и спросилъ у присутствующихъ, точно-ли они вѣрятъ всему сказанному въ письмѣ Трубецкаго, и тому, что Россія не можетъ быть болѣе несчастна, какъ оставаясь подъ управленіемъ царствующаго императора; всѣ стали меня увѣрять, что то и другое несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, тайному обществу тутъ нечего дѣлать, и теперь каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по собственной совѣсти и по собственному убѣжденію. На минуту всѣ замолчали. Наконецъ Александръ Муравьевъ сказалъ, что для отвращенія бѣдствій, угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра, и что предлагаетъ бросить между нами жребій, чтобы узнать, кому достанется нанесть ударъ. На это я ему отвѣчалъ, что они опоздали, что я рѣшился безъ всякаго жребія принести себя въ жертву и никому не уступлю моей чести. Затѣмъ наступило опять молчаніе. Фонъ-Визинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня успокоиться, увѣряя, что я въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ въ такомъ расположеніи духа брать на себя обѣтъ, который завтра же покажется мнѣ безразсуднымъ. Съ своей стороны я увѣрялъ фонъ-Визина, что я совершенно спокоенъ, въ доказательство чего предложилъ ему съиграть въ шахматы и обыгралъ его. Совѣщаніе прекратилось, и я съ фонъ-Визинымъ уѣхалъ домой. Почти цѣлую ночь онъ не далъ мнѣ спать, безпрестанно уговаривая меня отложить безразсудное мое предпріятіе и со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ не можетъ себѣ представить безъ ужаса ту минуту, когда меня выведутъ на эшафотъ. Я увѣрялъ, что не доставлю такого ужаснаго для него зрѣлища. Я рѣшился по прибытіи императора Александра отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору и когда царь пойдетъ во дворецъ,—изъ одного пистолета выстрѣлить въ него, а изъ другаго въ себя. Въ такомъ поступкѣ я видѣлъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ. (Записки, стр. 17 и 18).

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола. Тамъ же, Южное общество, д. № 2.

нія, при сопротивленіи, которое будетъ оказано дворянствомъ, государь будто-бы сказалъ:

— Если дворяне будутъ противиться, то я уѣду со всей своей фамиліей въ Варшаву и оттуда пришлю указъ.

Хотя подобная мѣра могла вызвать ужасное безначаліе и безпорядки, могущіе повлечь за собою гибель Россіи, но въ глазахъ совѣщавшихся членовъ положеніе дѣлъ видоизмѣнялось. Они не допускали, что дѣло дойдетъ до того, чтобы Александръ принужденъ былъ исполнить свое намѣреніе, видѣли въ этомъ только угрозу и вмѣстѣ съ тѣмъ были довольны тѣмъ, что государь намѣренъ вступить на тотъ путь дѣйствій, который составлялъ любимую ихъ мечту и вызывалъ ихъ дѣятельность.

Необходимо было выждать, какое направленіе примутъ событія, и предложеніе И. Д. Якушкина являлось несообразнымъ съ обстоятельствами. Князь Трубецкой привезъ съ собой просьбу Пестеля не предпринимать пока ничего. Онъ считалъ еще слишкомъ отдаленнымъ «время начатія революціи и необходимымъ находилъ приготовить напередъ планъ конституціи и даже написать бòльшую часть уставовъ и постановленій, дабы, съ открытіемъ революціи, новый порядокъ могъ сейчасъ быть введенъ сполна, ибо я,—показывалъ Пестель,—не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ правленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ написать энциклопедію, а потомъ къ революціи приступить» [1]).

Такимъ образомъ общими усиліями членовъ удалось уговорить И. Д. Якушкина оставить безъ исполненія свое намѣреніе. Его убѣждали, что своимъ поступкомъ онъ погубитъ не только ихъ, но и тайное общество при самомъ его началѣ, которое со временемъ можетъ принести много пользы для Россіи.

«Я согласился,—говорилъ онъ [2]),—на ихъ предложеніе, но вмѣстѣ съ симъ объявилъ имъ, что сообщество ихъ подвергло меня малодушію отказаться отъ исполненія того, что ими же признано было единственнымъ средствомъ спасти Россію, или въ противномъ случаѣ увлекло меня къ намѣренію, исполненіе котораго не только было бы вредно, но совершенно пагубно для Россіи, почему и поставляю себѣ долгомъ отказаться отъ всякаго сношенія съ ними, какъ съ членами тайнаго общества, и къ оному болѣе не принадлежать. Послѣ сего совѣщанія до 1820 года съ обществомъ никакого сношенія не имѣлъ».

Лишившись въ лицѣ Якушкина одного изъ учредителей общества

---

[1]) Показаніе Пестеля 9-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общест., дѣло № 1.

[2]) Показаніе Якушкина 13-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 20.

и уничтоживъ уставъ «Союза спасенія», оставшіеся члены рѣшили заняться составленіемъ новаго письменнаго устава, а до того времени устроить, такъ сказать, подготовительное общество.

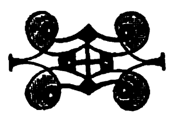
По словамъ однихъ, оно носило названіе «Военнаго», по показанію другихъ, называлось «Обществомъ благомыслящихъ».

«Въ 1817 году,—показывалъ Л. Перовскій [1],—часть гвардіи получила приказаніе отправиться въ Москву. Полковникъ (Александръ) Муравьевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отряда, а я—квартирмейстеромъ. Въ Москвѣ Муравьевъ предложилъ мнѣ поступить въ благотворительное общество для призрѣнія инвалидовъ, ихъ вдовъ и семействъ. Это общество называлось «Обществомъ благомыслящихъ». По предположенію учредителей, оно должно было приготовлять членовъ для главнаго общества, не имѣвшаго тогда настоящаго образованія и находившагося въ неопредѣленномъ положеніи. Военное общество раздѣлялось на два отдѣленія. Въ одномъ первенствующимъ членомъ былъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ Катенинъ [2]).

Общество Военныхъ просуществовало только нѣсколько мѣсяцевъ и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. Большая часть его членовъ перешла въ образовавшійся потомъ «Союзъ Благоденствія».

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



[1]) Всеподданнѣйшее письмо Л. Перовскаго 25-го февраля 1826 года. Госуд. Арх. I, д. № 248.

[2]) Показаніе Пестеля 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 1. Въ числѣ лицъ, совѣщавшихся объ устройствѣ этого общества, по словамъ Якушкина, были: Никита Муравьевъ, капитанъ Катенинъ, два брата Перовскіе и князь Ѳ. Шаховской.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
и
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

III [1]).

Отношенія Россіи и Пруссіи послѣ польской революціи.—Надзоръ Россіи за прусскою печатью.—Кончина Фридриха-Вильгельма III.—Политическое завѣщаніе короля.—Попытки новаго короля примѣниться къ духу времени.—Его разговоръ съ Меттернихомъ.—Взглядъ Николая Павловича на королевскія попытки.—Отношенія къ Австріи отъ 1830 до 1848 года.—Смерть императора Франца.—Парижская революція 1848 года.—Князь Варшавскій и князь Волконскій.—Революція въ Берлинѣ и Познани.—Гольштинское дѣло.—Переписка съ фельдмаршаломъ.

По окончаніи польской войны, императоръ Николай не переставалъ слѣдить за европейскими событіями и настаивалъ, чтобы Петербургскій и Берлинскій кабинеты имѣли только одну мысль и слѣдовали только одной системѣ; что Пруссія можетъ разсчитывать на него какъ на свою опору, если на нее совершитъ нападеніе Франція.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Пруссіи старалось порвать связь съ Россіею. На сторонѣ послѣдней были король, принцы королевскаго дома, нѣкоторые министры и высшіе офицеры, помнящіе общую войну противъ Наполеона; все же остальное смотрѣло на Россію какъ на ретроградную силу опасную для народной свободы. Императоръ Николай желалъ убѣдить Берлинскій кабинетъ въ необходимости вступить

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1904 г.

*

въ систему «взаимной помощи и защиты», которую онъ желалъ устроить изъ трехъ сѣверныхъ монархическихъ государствъ, то есть Россіи, Австріи и Пруссіи. Въ то же время нашъ посланникъ при Берлинскомъ дворѣ, согласно полученной инструкціи, постоянно противодѣйствовалъ всякимъ либеральнымъ стремленіямъ, въ чемъ бы они ни проявлялись, жаловался на прессу и доносилъ, что «не изъ сочувствія къ польскимъ повстанцамъ или изъ ненависти къ Россіи прусскіе либералы защищаютъ бунтовщиковъ, но корифеи революціонной партіи проникнуты желаніемъ очернить вообще каждое мѣропріятіе державы, которую они основательно признаютъ представительницею и наиболѣе крѣпкою опорою законности».

Прусское правительство вполнѣ сочувствовало этому походу противъ либерализма и заявило русскому посланнику, что Берлинскій и Вѣнскій дворы не сдѣлаютъ ни малѣйшей уступки или поблажки духу революціи, все равно въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни обнаружилъ свое погубное вліяніе.

Но Николай Павловичъ не довольствоваться тѣмъ, что по его приказанію приняты были нѣкоторыя мѣры для воздѣйствія на прусскую печать. Послѣ польскаго возстанія онъ рѣшилъ принять энергическія мѣры не только противъ поляковъ, но противъ либераловъ и революціонеровъ вообще. При этомъ онъ принялъ за постоянное правило: 1) никогда не вступать въ сдѣлки съ бунтовщиками; 2) изолировать возстаніе, поддерживая самый тѣсный союзъ съ пограничными съ Польшей державами; 3) закрывать всякую возможность какому-либо иностранному вмѣшательству; 4) ограничиться сообщеніемъ иностраннымъ дворамъ только о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Въ это же время въ Вѣнѣ возникла мысль о заключеніи особенной конвенціи между тремя сѣверными державами для общей борьбы противъ поляковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ всѣхъ враговъ общественнаго порядка.

По пути въ Мюнхенгрецъ Николай Павловичъ въ Шведтѣ встрѣтился съ королемъ прусскимъ, и здѣсь между двумя государями произошло соглашеніе, на основаніи котораго между Россіею и Пруссіею заключена была конвенція о способахъ помощи и взаимнаго содѣйствія, основанныхъ на принципѣ полной солидарности и взаимной гарантіи спокойнаго и мирнаго владѣнія польскими провинціями. Обѣ стороны обязывались, въ случаѣ нужды, доставлять обоюдно помощь и содѣйствіе въ случаѣ вспыхнувшаго мятежа.

Не смотря почти на полное согласіе взглядовъ императора Николая и короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III, послѣдній, по положенію своему въ центрѣ Европы и на границѣ съ Франціею, не могъ не поддаваться вліянію общественнаго мнѣнія. Въ виду своего положенія прус-

скій король оправдывалъ свои уступки относительно Франціи и Англіи въ бельгійскомъ вопросѣ и въ отношеніи Луи-Филиппа. Въ рѣшеніи бельгійскаго вопроса онъ дѣйствовалъ вопреки мнѣнію какъ русскаго, такъ и австрійскаго императоровъ. По словамъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, въ Пруссіи существуетъ партія либераловъ, евреевъ и резонеровъ, которая питаетъ большую симпатію къ Франціи и съ ненавистью относится къ Россіи. Въ Германіи распространено мнѣніе, что Пруссія такое же чисто монархическое государство, какъ Австрія и Россія, въ которыхъ конституціонныя идеи никогда не получаютъ примѣненія. Берлинское правительство должно было поневолѣ относиться съ нѣкоторою слабостью къ либеральнымъ и демократическимъ тенденціямъ, ибо тенденціи эти господствовали въ значительной части германскаго народа. Прусское правительство для сохраненія своего первенствующаго положенія въ Германіи должно было покровительствовать всѣмъ разумнымъ и законнымъ ея интересамъ. Нельзя не обратить вниманія на замѣчательныя слова императора Николая по поводу одного меморандума, въ которомъ король прусскій увѣрялъ его въ своихъ чувствахъ: «король знаетъ мои чувства; они составляютъ въ продолженіе 20 лѣтъ мою жизнь и мое счастіе; онъ мой отецъ и я его сынъ».

Хотя русскій императоръ заявилъ, что онъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла Германіи, однако весьма зорко слѣдилъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что̀ обо всемъ, что̀ тамъ происходило, ему сообщали изъ Берлина. Такъ, въ 1834 году нашъ посланникъ Рибопьеръ препроводилъ въ Петербургъ объемистое дѣло относительно революціоннаго дѣла въ Пруссіи, обвинявшее нѣмецкихъ студентовъ въ преступленіи, заключавшемся въ томъ, что они стремились къ весьма преступной цѣли, то есть «къ объединенію всей Германіи». Нашъ посланникъ Рибопьеръ также нашелъ эту цѣль весьма преступною.

Господствовать императору Николаю надъ прусскимъ королемъ было тѣмъ легче, что русскій государь былъ молодъ, энергиченъ и не останавливался ни предъ какими препятствіями для исполненія своихъ плановъ, тогда какъ король прусскій былъ 68 лѣтнимъ старикомъ, утомленный событіями, боявшійся нападенія Франціи и который, по словамъ Рохова, принялъ за правило ничего не дѣлать, а министры были люди неспособные. Поэтому представитель Россіи занималъ совершенно особое положеніе. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ и короля, и его министровъ; предъ нимъ нерѣдко оправдывались за принятыя правительственныя мѣры и у него часто искали совѣта и помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Замѣнившій Рибопьера баронъ Мейендорфъ говоритъ, что король предпочитаетъ страдать отъ извѣстнаго зла, нежели вызвать, изъ желанія отъ него избавиться, неудобства, которыя трудно предвидѣть. Характеризуя приближенныхъ короля, баронъ Мейен-

дорфъ останавливается на князѣ Витгенштейнѣ, который пользуется особымъ довѣріемъ короля. Будучи близкимъ другомъ князя Меттерниха, онъ всегда былъ наиболѣе дѣятельнымъ агентомъ австрійскаго вліянія. Князю слѣдуетъ также приписать, что въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ всѣ проекты о дарованіи Пруссіи конституціи канули въ воду. И долго еще вліяніе императора на Пруссію было подавляющее.

23-го мая (4-го іюня) 1840 г. скончался Фридрихъ-Вильгельмъ III, и на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Къ завѣщанію короля было приложено письмо покойнаго къ наслѣднику престола. Въ письмѣ ему вмѣнялось въ обязанность поддерживать во всѣхъ обстоятельствахъ наитѣснѣйшій союзъ съ Россіею и Австріею, «составляющій основанія спокойствія и тишины міра».

По словамъ русскаго посланника, положеніе Пруссіи при воцареніи новаго короля было удовлетворительно. По его мнѣнію, оно могло сдѣлаться опаснымъ только въ двухъ случаяхъ: если бы новый король сдѣлалъ какія-нибудь уступки либеральной партіи, и если бы онъ предался піэтистамъ. Но ничего этого не случилось. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ новый король утвердился въ убѣжденіи, что конституція для Пруссіи невозможна, хотя въ то же время онъ разрѣшилъ собраніе провинціальныхъ чиновъ, чтобы дать населенію возможность высказаться о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ, а для заключенія государственнаго займа—собрать генеральные штаты. Эти дѣйствія объясняются секретнымъ «политическимъ завѣщаніемъ» покойнаго короля, которое было написано по мысли императора Николая рукою князя Витгенштейна. Хотя это завѣщаніе не имѣло формальнаго характера, но король призналъ его для себя обязательнымъ. На основаніи этого завѣщанія, король не считалъ себя въ правѣ дать конституцію своему народу и ограничить унаслѣдованныя имъ верховныя права. Но по тому же «политическому завѣщанію» онъ считалъ обязательнымъ для заключенія государственныхъ займовъ или увеличенія налоговъ выслушать голосъ представителей народа. Однако даже въ этомъ видѣли посягательство на монархическій принципъ.

Полное согласіе между королемъ и императоромъ Николаемъ обнаруживается тотчасъ же по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Такъ какъ въ это время послѣдовало сближеніе съ Англіею, то Николай Павловичъ велѣлъ заявить Пруссіи, что это сближеніе нисколько не разстраиваетъ его союза съ Австріею и Пруссіею и что онъ принялъ систему союза и тѣснаго единенія съ ними съ цѣлью образовать сплошную силу, достаточно внушительную и могущественную, чтобы защищать принципы порядка и охраненія, которые «мы всегда провозглашали и поддерживали. По мнѣнію государя, можно было только выиграть принятіемъ Англіи въ нашъ союзъ и включеніемъ ея въ нашу систему. Но изъ

этого не слѣдуетъ, что нужно бѣгать за англійскимъ союзомъ, который желателенъ и полезенъ; однако никто не думаетъ, что мы пропали, если Англія отъ него откажется».

Тяжелая рука русскаго императора продолжала тяготить прусское правительство и при новомъ королѣ. Такъ когда польскій депутатъ Рачинскій произнесъ въ Познанской провинціи на провинціальномъ собраніи рѣчь, въ которой высказывались всѣ надежды поляковъ на будущее время, то нашъ посолъ, предугадывая мысли императора, протестовалъ энергическимъ образомъ, и государь вполнѣ одобрилъ его. — Точно также посолъ протестовалъ противъ газетныхъ статей и всегда получалъ удовлетвореніе. Барону Мейендорфу предписывалось обратить серьезное вниманіе прусскаго правительства на необходимость вообще положить предѣлъ безобразіямъ періодической прессы. Мейендорфъ немедленно исполнялъ предписанія и предъявлялъ формальныя жалобы. Понятно, какъ общественное мнѣніе тяготилось этою опекою Россіи. А между тѣмъ Мейендорфъ не переставалъ жаловаться на прессу за малѣйшую неточность въ передачѣ какого-нибудь извѣстія о Россіи, и прусское правительство постоянно заставляло газеты печатать опроверженія и даже неоднократно налагало чувствительныя взысканія. Наконецъ, въ 1842 году баронъ Мейендорфъ торжественно извѣстилъ свое правительство, что проектированы новыя строгія правила относительно прусской печати. Эта строгость простиралась до того, что случился эпизодъ невозможный ни въ какое другое время. Адъютантъ военнаго министра Циммерманъ издалъ сочиненіе о походѣ англичанъ въ Афганистанъ, при чемъ не совсѣмъ дружелюбно отзывался о русской арміи. Посланникъ немедленно спросилъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ: не раздѣляетъ-ли военный министръ, генералъ Бойенъ, мнѣніе своего адъютанта, книга котораго издана подъ его покровительствомъ? И вотъ на другой же день къ посланнику явился самъ прусскій военный министръ съ извиненіями за мѣста въ сочиненіи его адъютанта, вызвавшія неудовольствіе Мейендорфа. Къ этому военный министръ прибавилъ, что онъ далъ строгій выговоръ автору и даже намѣренъ былъ возвратить его въ полкъ, но онъ надѣется, что императорское правительство нисколько не сомнѣвается въ привязанности его къ Россіи и въ чувствахъ удивленія къ русской арміи. Посланникъ благодарилъ за чувства, выраженныя военнымъ министромъ, но не предупредилъ отставки, данной все-таки Циммерману.

Уже съ 1845 года дѣла въ Пруссіи начали принимать характеръ далеко не утѣшительный и стали возбуждать опасенія за сохраненіе прежняго порядка вещей, установленнаго послѣ 1815 года. Не смотря на всѣ возможныя противодѣйствія со стороны правительства конституціоннымъ тенденціямъ, онѣ все-таки обнаруживались какъ въ

печати, такъ и въ собраніяхъ провинціальныхъ чиновъ. По словамъ Мейендорфа, «въ Кенигсбергѣ господствовали конституціонныя идеи, на Рейнѣ демократическія, въ Силезіи ненависть къ дворянству; среднее сословіе революціонно и крестьяне пропитаны коммунизмомъ, а вся консервативная партія разстроена и лишена бодрости духа».

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось намѣреніе прусскаго короля идти навстрѣчу общественному мнѣнію своего народа и всей Германіи, на что весьма неодобрительно глядѣлъ Меттернихъ. Еще въ 1843 году онъ былъ въ Варшавѣ гостемъ императора Николая и представилъ ему записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на положеніе Пруссіи. По словамъ Меттерниха, прусское могущество беретъ свое начало съ Фридриха II, который однако далъ своему государству только матеріальную силу, но не далъ ему нравственной основы. Фридрихъ-Вильгельмъ IV царствуетъ безъ всякой системы. Прусскій король слишкомъ поддался вліянію своей горячей фантазіи; его умъ и воображеніе слишкомъ часто приходятъ въ столкновеніе. Наконецъ, что касается будущности Пруссіи, то Меттернихъ не затруднился сказать: «Народное представительство въ Пруссіи было бы приговоромъ о распаденіи единства этого королевства».

Въ 1845 же году Меттернихъ на свиданіи съ прусскимъ королемъ въ Штольценфельдѣ велъ слѣдующій разговоръ:

— Я не знаю,—сказалъ король,—того изъ истинныхъ пруссаковъ, который бы не зналъ, что земское представительство (Reichsschtände), то, что принято называть «представительною системою», немыслимо въ нашей странѣ. Пруссія не можетъ жить при такой системѣ. Я далъ сословное представительство (Landstände) и при этомъ останусь. Изъ обѣщанія 1815 года я исполню только практическую часть.

— Необходимо различать два вопроса,—возразилъ Меттернихъ: обѣщаніе 1815 года и способъ его исполненія. Королю слѣдуетъ открыто высказать свое намѣреніе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на введеніе общаго представительства. Покойный король сдѣлалъ ошибку, давъ обѣщаніе, но онъ хорошо поступилъ, не осуществляя того, что противорѣчитъ самому существованію государства. На смертномъ одрѣ онъ просилъ ваше величество не ставить на карту существованіе Пруссіи. Отъ васъ зависитъ выбирать между «быть или не быть» Пруссіи и непослушаніемъ волѣ отца.

— Никогда,—прервалъ король,—я не соглашусь на земское представительство.

— Слѣдовательно, остается только собраніе провинціальныхъ членовъ.

— Да, и только для заключенія займовъ могутъ быть собраны провинціальные члены.

— Но все зависитъ,—сказалъ Меттернихъ,—отъ того, какъ они бу-

дутъ собраны; они могутъ быть собраны: всѣ вмѣстѣ, только въ отдѣльныхъ собраніяхъ, или, наконецъ, въ коммисію подъ предсѣдательствомъ подлежащаго представителя правительства.

— Въ отдѣльныхъ собраніяхъ немыслимо, вслѣдствіе ограниченности круга вѣдомства собраній. Идея коммиссіи мнѣ нравится, но она будетъ признана слишкомъ узкою. Остается, слѣдовательно, только третій исходъ: созваніе общаго собранія, въ которомъ я могу разсчитывать на большинство.

— Если ваше величество дѣйствительно этого желаете, то я положительно утверждаю, что ваши 600 депутатовъ провинцій въ этомъ качествѣ будутъ созваны, но разойдутся они въ качествѣ земскихъ представителей. Для того, чтобы предупредить это, вашей воли будетъ недостаточно.

Подумавъ немного, король возразилъ:

— За моею волею еще стоитъ мое могущество.

— Я высказалъ свое мнѣніе,—закончилъ Меттернихъ,—вы властны дѣйствовать, только не властны надъ силою вещей.

Изъ этого разговора Меттернихъ вынесъ убѣжденіе, что король не измѣнитъ своего взгляда. Императоръ же Николай совершенно соглашался съ Меттернихомъ на счетъ опасности опыта, который рѣшился сдѣлать прусскій король. Чѣмъ менѣе сочувствовалъ императоръ этому опыту, чѣмъ бо́льшую опасность видѣлъ онъ въ немъ для общественнаго порядка, тѣмъ больше онъ цѣнилъ дружбу Австріи.

Рѣшаясь сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, прусскій король въ то же время какъ бы опасался возбудить неудовольствіе Николая Павловича. Онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ оправдаться передъ нимъ за тѣ уступки, которыя онъ предполагалъ осуществить. Для этого, наканунѣ новаго 1846 года, онъ послалъ въ Петербургъ генерала Рауха съ письмомъ, которое написалъ собственноручно отъ начала до конца.

Обмѣнъ мыслей по означенному поводу весьма характерный.

Въ письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV старается предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могъ бы сдѣлать государь противъ проектированныхъ королемъ преобразованій. Король предупреждаетъ его, что государь первое лицо, которому онъ откровенно высказываетъ свои мысли.

Прежде всего король торжественнымъ образомъ объявляетъ, что онъ «не желаетъ и не допуститъ никогда: 1) ни хартіи, 2) ни конституціи, 3) ни періодическихъ собраній земскихъ чиновъ, 4) ни выборовъ для собраній земскихъ чиновъ», но я хочу, писалъ онъ—«вѣнчать зданіе, заложенное отцомъ, которое безъ хорошей крыши можетъ разрушиться». Король признаетъ себя обязаннымъ закономъ о долгахъ 1820 года; въ этомъ законѣ содержится «торжественное обѣщаніе никогда не заклю-

чать новаго займа безъ участія и содѣйствія земскихъ чиновъ. Изданіе этого закона было великою ошибкою и большимъ несчастіемъ, которое имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ болѣзненное состояніе прусскаго общества. Либеральная партія чувствуетъ подъ собою твердую юридическую почву положительнаго закона. Настала минута для радикальнаго врачеванія болѣзни прусскаго общества, посредствомъ совершенія хирургической операціи. Для этого необходимо изданіе въ установленной и должной формѣ такого акта, который уничтожилъ бы заблужденіе всѣхъ партій и объявилъ бы мертвымъ и погребеннымъ все, что осталось несостоятельнаго изъ законодательства Гарденберга. Но благоразуміе требуетъ, чтобы взамѣнъ я далъ бы что-нибудь и такое, что не является призрачнымъ».

Поэтому король рѣшился отмѣнить законъ 1815 года и отчасти законъ 1820 года и «соединить въ одно собраніе восьми провинціальныхъ чиновъ». Это соединенное собраніе восьми провинціальныхъ сеймовъ «нисколько не будетъ періодическимъ»—прибавляетъ король.

Вслѣдъ затѣмъ король доказываетъ всѣ выгоды, которыя онъ извлечетъ изъ этой государственной мѣры. «Прежде всего,—пишетъ онъ,—я выигрываю то, что выигрываетъ каждый смертный, совершая справедливое дѣло». Но кромѣ того онъ долженъ признать неопровержимое право «германскихъ чиновъ» участвовать въ установленіи налоговъ, податей и всевозможныхъ сборовъ. Затѣмъ навсегда будутъ отмѣнены «несчастные законы 1815 года, которые въ продолженіе тридцати лѣтъ держатъ въ лихорадочномъ состояніи весь прусскій народъ». Наконецъ, соединяя въ одно собраніе провинціальные чины, король устраняетъ собраніе генеральныхъ земскихъ чиновъ.

Но это письмо императоръ Николай отвѣчалъ съ полною откровенностью.

«Много разъ,—пишетъ онъ,—вы мнѣ открывали ваше сердце и говорили о вашихъ намѣреніяхъ. Вы припомните, что, отдавая полную справедливость вашему сердцу и благородству вашихъ чувствъ, я всегда позволялъ себѣ сомнѣваться въ практической пользѣ вашихъ проектовъ. Мало того: въ качествѣ хранителя священной воли и намѣреній вашего блаженной памяти отца, я старался убѣдить васъ, что они совершенно противорѣчатъ тому, что вы затѣваете». Съ большимъ краснорѣчіемъ государь старался доказать королю, что онъ не видитъ пропасти, въ которой погибнетъ Пруссія, съ нею вся Европа, если онъ осуществитъ свой планъ собранія соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ. «Вездѣ огонь революціи тлѣетъ подъ наружнымъ спокойствіемъ Европы; вездѣ революціонная пропаганда дѣлаетъ новыя завоеванія, и съ ужасающею скоростью увеличивается число враговъ общественнаго порядка».

«Оставаясь вѣрнымъ началамъ, унаслѣдованнымъ мною отъ моего брата и вашего отца, я отъ нихъ никогда не отрекусь и буду сражаться на бреши до послѣдняго моего вздоха. Господь Богъ будетъ намъ судьею».

Это письмо произвело на короля весьма сильное впечатлѣніе. Въ особенности весьма сильно подѣйствовалъ на короля намекъ государя, что введеніе представительныхъ учрежденій въ Пруссіи могло бы повліять на дружескія отношенія между Россіею и Пруссіей.

Переписка эта весьма замѣчательна тѣмъ, что Николай Павловичъ нисколько не стѣснялся и высказывалъ королю свои мысли совершенно откровенно. Такъ 12-го декабря 1847 года король писалъ:

«Вы мнѣ говорите, что наша дружба происхожденія слишкомъ торжественнаго и слишкомъ хорошо основаннаго, чтобы когда-либо могла измѣниться, но что учрежденія, которыя я призналъ полезнымъ даровать моему народу, измѣнили наши политическія отношенія и что они уже не прежнія! На что я отвѣчу: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Вѣдаетъ Богъ, что я говорю правду, я ничего не сдѣлалъ, что могло бы дать вамъ право измѣнить ваши политическія отношенія къ Пруссіи. Я не ослабилъ моей короны, я не измѣнилъ своего суверенитета; я не перемѣнилъ стараго, естественнаго и «матримоніальнаго» устройства моего государства, я не далъ ни современной конституціи, ни обѣщанія дать конституцію, ни вообще обѣщанія, которое связывало бы мои руки. Вѣдь скорѣе отецъ мой могъ бы упрекнуть императора Александра I въ томъ, что онъ нашелъ полезнымъ надѣлить героическую Польшу конституціею, совершенно новой, совершенно модной, совершенно французской, стиля Людовика XVIII. Все это очень противорѣчило принципамъ отца и моимъ.

«Но развѣ отецъ когда-либо думалъ, что это можетъ измѣнить его отношенія политической дружбы, союза и дѣйствительнаго сердечнаго согласія съ императоромъ Александромъ I».

Императоръ Николай не считалъ возможнымъ оставить это безъ отвѣта, и въ письмѣ 6-го (18-го) января 1848 года онъ протестуетъ противъ мнѣнія короля, что императоръ Александръ I находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ моментъ созванія соединеннаго ландтага.

«Вы замѣчаете,—пишетъ государь,—что императоръ Александръ первый далъ конституцію Польшѣ и, не смотря на неудобства, которыя она вызывала для сосѣдей, никто на это не жаловался. Это безспорно; но, если я не ошибаюсь, вѣдь около того же самаго времени покойный король обѣщалъ конституцію Пруссіи. Если такимъ образомъ первая была плачевнымъ фактомъ, то другая была плачевнымъ обѣщаніемъ».

Въ такихъ отношеніяхъ была Пруссія и Россія наканунѣ европейскихъ революцій 1848 года.

Отношенія Австріи къ Россіи до заключенія Адріанопольскаго мира уже извѣстны изъ предъидущей статьи. Посмотримъ теперь, каковы были отношенія по окончаніи войны до революцій 1848 года къ Австріи.

Было уже сказано, что князь Меттернихъ убѣдился, что всѣ выгоды Австріи заключаются въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею. Это было тѣмъ естественнѣе, что оба императора совершенно сходились въ образѣ мыслей. Насколько императоръ Николай отъ души ненавидѣлъ всякія революціонныя затѣи и рѣшилъ неумолимо бороться противъ враговъ общественнаго порядка, настолько же императоръ Францъ до мозга костей былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что только посредствомъ поддержанія во что бы то ни стало существующаго законнаго порядка могутъ быть обезпечены благоденствіе и развитіе народовъ. Такимъ образомъ, у Австріи и Россіи были однѣ и тѣ же цѣли. Поэтому всякая революціонная попытка, гдѣ бы она ни происходила, только сближала между собою двухъ императоровъ. Князь Меттернихъ первый сознаĺъ, какую огромную цѣну имѣетъ союзъ съ Россіею, сдѣлалъ первый шагъ для сближенія и старался дѣйствительными заслугами загладить свою политику во время турецкой войны. Русское правительство хотя не могло вполнѣ довѣрять австрійскому, однако Николай Павловичъ заявилъ, что онъ готовъ забыть прошлое, если Вѣнскій дворъ на дѣлѣ докажетъ искренность своего желанія сблизиться съ Россіею.

При совершившейся въ 1830 году французской революціи, мы уже видѣли, что Меттернихъ нашелъ необходимымъ признать Луи-Филиппа; Николай же Павловичъ призналъ его послѣ всѣхъ.

Во время польскаго возстанія, между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами было полное согласіе. Ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ не могли сочувствовать новому порядку вещей, введенному въ въ царствѣ Польскомъ. Оба они уже прежде возвѣщали возникновеніе бунта. Въ августѣ 1830 года императоръ Францъ предупредилъ русскаго посла, сказавъ ему, что поляки народъ безпокойный, и примѣръ Франціи навѣрно на нихъ подѣйствуетъ. Императоръ самъ вызвался сообщать русскому правительству всѣ свѣдѣнія о революціонныхъ замыслахъ поляко́въ, которые онъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Возстаніе въ Польшѣ очень огорчило императора Франца; онъ по этому поводу высказалъ искреннее сожалѣніе послу Татищеву, сказавъ: «Я полагался на поддержку Россіи,—это была моя наиболѣе крѣпкая надежда на случай возмущеній у меня. Но теперь вы сами заняты у себя дома».

Во время же самаго возстанія, австрійское правительство добро-

совѣстно старалось содѣйствовать скорѣйшему его усмиренію. Оно запрещало подвозъ бунтовщикамъ оружія, сосредоточило свои войска на русской границѣ, захватывало поляковъ и большею частью выдавало ихъ русскимъ властямъ. Только оно не выдало бывшаго въ Австріи князя Чарторыйскаго и графа Ледоховскаго.

Признавъ новый порядокъ вещей во Франціи и въ Бельгіи, императоръ Николай никакъ не могъ въ душѣ съ нимъ примириться. Онъ былъ твердо намѣренъ не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ духу революціи и его представителю,—французскому правительству. На этомъ основаніи онъ призналъ необходимымъ, чтобы три союзныя державы занялись устройствомъ «системы общей обороны». Согласно съ этою мыслью, императоръ готовъ былъ исполнить желаніе Вѣнскаго двора, чтобы сто тысячъ русскаго войска было сосредоточено въ Польшѣ для сохраненія спокойствія и пятьдесятъ тысячъ отправлены въ Германію. Мало того, въ Польшѣ сосредоточено 150 тысячъ, и такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи соціальнаго порядка всей Европы, императоръ объявилъ, что 200.000 ч. русскаго войска готовы выступить противъ Франціи.

Въ 1832 году Поццо-ди-Борго, возвращаясь на свой постъ въ Парижъ, долженъ былъ остановиться въ Берлинѣ и Вѣнѣ, чтобы еще лучше утвердить союзъ трехъ монарховъ. Въ письмѣ къ королю прусскому высказывается, что монархическая Европа возлагаетъ теперь всѣ свои надежды на союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, который одинъ въ состояніи служить оплотомъ противъ враговъ общественнаго порядка. И Поццо-ди-Борго при обоихъ дворахъ встрѣтилъ одинаковую рѣшимость съ оружіемъ давать отпоръ попыткамъ Франціи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германскаго союза. Оба германскіе дворы совершенно сходились въ томъ, что Франція служитъ въ настоящее время главнымъ очагомъ всѣхъ революціонныхъ идей. Отсюда родилась мысль о свиданіи всѣхъ трехъ монарховъ, при чемъ особенно желалъ свиданія императоръ Францъ, давно искавшій случая познакомиться съ энергичнымъ русскимъ императоромъ. Но чтобы это свиданіе не имѣло слишкомъ оффиціальнаго характера, рѣшено было свидѣтся съ каждымъ изъ союзниковъ порознь, при чемъ прусскій король выбралъ городокъ Шведтъ, а австрійскій императоръ—Мюнхенгрецъ. Прежде свиданіе произошло въ городѣ Шведтъ. Прусскій министръ Ансильонъ былъ въ воинственномъ настроеніи такъ же, какъ и наслѣдный принцъ, считавшій прусскую армію первою въ мірѣ. Когда Николай Павловичъ заявилъ свое желаніе, чтобы Ансильонъ сопутствовалъ ему для переговоровъ, то тотъ положительно отказался, сказавъ между прочимъ, что его присутствіе въ Мюнхенгрецѣ «не соотвѣтствовало бы достоинству короля». «Какъ, вскричалъ государь, такъ меня смѣютъ обвинять

въ такомъ требованіи, которое унизило бы достоинство моего тестя»? и увлеченный крайнимъ раздраженіемъ, въ присутствіи принцевъ излился противъ наглаго министра.

Чтобы въ Мюнхенгрецѣ было непремѣнно довѣренное лицо короля, рѣшено было, что туда отправится наслѣдный принцъ. Это свиданіе только, такъ сказать, подчеркнуло неразрывность союза трехъ сѣверныхъ державъ; главнымъ же предметомъ обсужденія былъ Восточный вопросъ. Разсмотрѣніе этого вопроса и окончательный результатъ соглашенія между Австріею и Россіею составляетъ крайне интересный дипломатическій документъ, о которомъ мы впрочемъ говорить не можемъ, ибо это выходитъ изъ рамокъ нашей задачи. Подписанная Меттернихомъ, Фикельмономъ, графомъ Нессельроде, Татищевымъ и Орловымъ, секретная конвенція помѣщена въ собраніи трактатовъ и конвенцій г. Мартенса. Что же касается до европейскихъ дѣлъ вообще, то въ Мюнхенгрецѣ былъ заключенъ актъ о взаимной гарантіи, и тремъ державамъ дано право на взаимную помощь противъ бунтовщиковъ и враговъ законнаго порядка.

Въ началѣ 1835 г. умеръ императоръ Францъ, и на австрійскій престолъ вступилъ Фердинандъ, который, въ день смерти своего отца, написалъ письмо императору Николаю, въ которомъ заявлялъ, что, помимо упованія на Бога, онъ, прежде всего, полагается на сохраненіе прежняго тѣснаго союза съ Россіею. Онъ надѣется, что русскій императоръ будетъ относиться къ нему съ тѣми же чувствами расположенія, которыми онъ осчастливилъ его покойнаго отца. Въ свою очередь Меттернихъ въ письмѣ къ императору Николаю писалъ: «свиданіе въ Мюнхенгрецѣ осталось до того момента, когда императоръ отдалъ свою душу Богу, однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ воспоминаній его долговременной жизни, пройденной имъ среди столькихъ бурь... Продолжайте питать къ императору Фердинанду тѣ же чувства, которыя вы имѣли къ его отцу. Ничего, ни въ принципахъ, ни въ ихъ примѣненіи не будетъ измѣнено подъ новымъ царствованіемъ».

Въ отвѣтъ на это письмо, императоръ Николай заявлялъ, что онъ искренно желаетъ сохранить на будущее время союзъ, основанный ихъ предшественниками. При свиданіи императоровъ въ Теплицѣ было рѣшено въ будущемъ покончить съ Краковскою республикою, судьба которой была только отсрочена до 1846 года, когда она была наконецъ присоединена къ Австріи.

Поддерживая повсюду принципъ законности, Николай Павловичъ даже принялъ на себя поручительство въ займѣ, заключенномъ Донъ Карлосомъ, и назначилъ ему значительную субсидію. Въ то же время ни Россія, ни Австрія не вѣрили въ прочность буржуазной монархіи

Луи-Филиппа. Особенно опасны для общественнаго порядка Европы стали либеральныя идеи Тьера.

Такъ шли дѣла до ноября 1842 года, когда въ Кроаціи произошли серьезныя смуты, вызванныя ожесточенною борьбою двухъ партій, на которыя раздѣлилось все населеніе этой области. Одна партія желала присоединенія къ Венгріи, другая же, къ которой принадлежало большинство населенія, состояла изъ приверженцевъ партіи «иллирійской національности». Послѣдняя партія поставила себѣ цѣлью добиться соединенія всѣхъ славянскихъ земель, находящихся между Адріатическимъ моремъ съ одной стороны и венгерскими и нѣмецкими землями Австріи, съ другой. Всѣ эти славянскія земли должны были составить «Иллирійское королевство», со столицею въ Тріестѣ. Между прочими, въ составъ этого королевства должны были также войти: Сербія, Болгарія, Герцоговина и Боснія. Австрійское правительство естественно было сильно озабочено этимъ движеніемъ, и оно съ откровенностью выразило нашему послу свои опасенія. Императоръ Николай, убѣжденный въ необходимости поддержанія монархическаго принципа и своего союза съ Австріею, не одобрилъ этого славянскаго движенія и чрезъ русскаго посла заявилъ, что никогда его правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революціонную агитацію въ сосѣднемъ дружескомъ государствѣ. При этомъ онъ заявилъ, что уже давно обратилъ вниманіе на общее возбужденіе умовъ въ южно-славянскихъ земляхъ Австріи.

За два года до европейскихъ революцій, въ 1846 г. Россія и Австрія рѣшились покончить съ Краковскою республикою и, послѣ нѣкотораго завистливаго колебанія Пруссіи, три державы объявили объ этомъ формально Франціи и Англіи, которыя протестовали. Первоначально Австрія колебалась, но императоръ Николай велѣлъ объявить Вѣнскому двору, что «Австрія можетъ положиться на силы Россіи, подобно тому, какъ государь императоръ желалъ бы разсчитывать на силы Австріи». Но Австрія все ожидала какихъ-то болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Это колебаніе вызвало сильное неудовольствіе Николая Павловича, который приказалъ спросить: присоединитъ-ли она Краковъ или не присоединитъ изъ боязни Англіи и Франціи. «Въ послѣднемъ случаѣ пусть она откровенно объявитъ, и пусть она тогда предоставитъ государю одному отвѣтственность за положеніе, которое его величество готовъ принять, вслѣдствіе слабости своихъ союзниковъ, присоединяя Краковъ къ своей имперіи, чего впрочемъ не желаетъ нисколько». Это и побудило Австрію окончательно занять Краковъ.

12-го (24-го) января императоръ Николай писалъ Паскевичу: «Въ политикѣ новаго ничего кромѣ глупости, трусости и нерѣшительности

въ швейцарскомъ дѣлѣ [1]), все возгорается, я себя держу въ сторонѣ, ибо не нахожу крайности участвовать въ дѣлѣ, недостойно веденномъ. Въ Италіи очень плохо, и тогда, какъ два года тому доказывалъ я, сколь необходимо заняться этими дѣлами и усилить ихъ армію, они теперь только очнулись, когда уже поздно. Такъ идутъ и прочія дѣла».

Семнадцать лѣтъ прошло безъ крупныхъ политическихъ событій, хотя во все это время происходили повсюду частныя попытки избавиться отъ того страшнаго гнета, подъ которымъ находились европейскіе народы, насильственно втиснутые въ ретроградныя рамки условій Вѣнскаго конгресса. Народы почувствовали свою силу, которая развивалась пропорціонально тому гнету, который они испытывали подъ тяжкимъ управленіемъ Меттерниховской системы. Правительствамъ становилось все труднѣе бороться съ народнымъ самосознаніемъ, и мы видѣли, какъ въ Пруссіи сама королевская власть начала постепенно внимательнѣе относиться къ народному голосу, требовавшему бо́льшей свободы.

Спокойствіе Европы было только кажущимся; въ дѣйствительности же въ это время назрѣвали весьма важныя событія, которыя императоръ Николай предвидѣлъ заранѣе и предсказывалъ прусскому королю въ своихъ письмахъ.

Первый сигналъ подала Франція, заставивъ своего короля отречься отъ престола и бѣжать, передавая свои права внуку. Но подобно тому, какъ въ 1830 году вопреки волѣ Карла X престолъ перешелъ, по желанію народа, къ Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, такъ и теперь, по желанію же французовъ, королевское достоинство было уничтожено и объявлена республиканская форма правленія.

Императоръ Николай получилъ это извѣстіе изъ Варшавы 21-го февраля, въ субботу. По словамъ Гримма, вечеромъ 22-го февраля былъ балъ у наслѣдника цесаревича. Среди музыки и танцевъ распахнулись двери, и на средину зала выступилъ императоръ съ какою-то бумагою въ рукѣ и подалъ знакъ прекратить музыку. Послѣ нѣсколькихъ секундъ ожиданія, государь громкимъ голосомъ сказалъ: Sellez vos chevaux messieurs: la république est proclamée en France (господа сѣдлайте коней; во Франціи провозглашена республика). Государь продолжалъ говорить еще нѣсколько времени, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя при этомъ, что даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ-французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови.

Однако Николай Павловичъ не могъ равнодушно выносить евро-

[1]) Вопросъ шелъ объ изгнаніи іезуитовъ и о преобразованіи въ демократическомъ духѣ союзной конституціи, что̀ противорѣчило устройству 1815 г.

пейскихъ революцій, которыя вслѣдъ за парижскою начались въ Берлинѣ, Вѣнѣ и въ Германіи. Въ первое время по полученіи этихъ извѣстій, имъ овладѣлъ, подобно тому, какъ и въ 1830 году, воинственный пылъ. У Шильдера приведенъ интересный разговоръ Николая Павловича съ кн. Волконскимъ, переданный княземъ Панаеву.

«На другой день бала у наслѣдника министръ двора, кн. Волконскій, возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, что̀ означало, что онъ имѣлъ съ государемъ споръ.

— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?—спросилъ Панаевъ.

— Да.

— Отчего?

— Поспорилъ съ государемъ.

— О чемъ?

— Хочетъ воевать.

Хотя я сейчасъ догадался, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ его: съ кѣмъ?

— Съ французами.

— За что?

— За то, что прогнали Филиппа.

— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

— Ну, вотъ подите. Говоритъ, что чрезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть-ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать.—Деньги,—возразилъ государь,—да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги. Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте попросить теперь—не дадутъ ни гроша. Ну, кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія.

И теперь, какъ въ 1830 году, были представители воинственныхъ и миролюбивыхъ тенденцій. Въ 1830 году государя удерживали Нессельроде и Константинъ Павловичъ, а за войну стояли Дибичъ и Чернышевъ, теперь же удерживалъ князь Волконскій, а за войну стоялъ князь Паскевичъ.

Князь Варшавскій въ это время находился въ Петербургѣ; при встрѣчѣ съ графомъ Киселевымъ онъ высказывалъ, что къ веснѣ мы можемъ выставить 370.000 войска, и съ ними пойдемъ и раздавимъ Европу.

— Очень хорошо,—возразилъ Киселевъ,—да гдѣ же вы возьмете на эту армію деньги?

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей?

— Кому? А на что же Паскевичъ?—отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ. Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? Кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь.

Прошло нѣсколько дней, и Паскевичъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ, а 29-го февраля уѣхалъ въ Варшаву въ совершенно мирномъ настроеніи, находя безполезность съ нашей стороны внѣшнихъ дѣйствій и считая болѣе подходящимъ заботиться объ охраненіи внутренняго спокойствія.

Вслѣдъ за революціею въ Парижѣ послѣдовали революціонныя движенія въ Берлинѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ правительство задалось переустройствомъ Германіи, которая должна была составить одно союзное государство, при чемъ требовалось учрежденіе представительства, свободы печати и суда присяжныхъ.

12-го марта въ Берлинѣ на Королевской площади собралась многочисленная толпа, чтобы благодарить короля за дарованіе конституціи. Король въ радостномъ настроеніи вышелъ на балконъ, у дворца была небольшая часть войскъ, изъ которой раздалось два выстрѣла и вѣроятно холостые, и при томъ нечаянные. Не смотря на то, народъ принялъ это за вѣроломство, и при крикахъ: измѣна! къ оружію! бросился устраивать баррикады. Уже съ самаго начала можно было видѣть, что войскамъ ничего не стоило тотчасъ подавить эту вспышку, однако въ 2 часа самъ король отдалъ приказаніе войскамъ оставить городъ, при чемъ во главѣ гвардіи и берлинскаго гарнизона долженъ былъ удалиться наслѣдный принцъ, считавшійся главою ретроградной партіи. Этотъ наслѣдный принцъ былъ ни кто иной, какъ будущій германскій императоръ Вильгельмъ I, основатель Германской имперія.

Тотчасъ же составлено было либеральное министерство и объявлено, что отнынѣ Пруссія соединяется съ Германіею, объявлена всеобщая амнистія и созывалось народное представительство.

Баронъ Мейендорфъ писалъ, что прусскій король находится во власти бюргеровъ, но если онъ въ состояніи собрать въ Потсдамѣ 20 тысячъ войска, то династія еще можетъ быть спасена.

За мѣсяцъ до начала этой революціи императоръ Николай писалъ прусскому королю: «наступила торжественная минута, которую я предсказывалъ въ продолженіе 18 лѣтъ; революція воскресла изъ пепла, и Луи-Филиппъ лишился захваченнаго престола тѣмъ же путемъ, если только не болѣе страннымъ, чѣмъ какимъ онъ достигъ престола. Нашему существованію угрожаетъ неминуемая опасность, въ виду кото-

рой необходимо дѣйствовать по общему плану и общими средствами».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ предлагаетъ не признавать новаго правительства, сосредоточить армію на Рейнѣ, а съ своей стороны обѣщаетъ королю на помощь ему 350.000 армію, приведенную на военное положеніе. Но король былъ совершенно другаго взгляда; на первый планъ онъ ставилъ не войну съ Франціею, а хотѣлъ «вырвать изъ рукъ демагоговъ опасное и фатальное оружіе германской національности и стать во главѣ законныхъ стремленій всѣхъ германскихъ народовъ къ лучшему и болѣе могущественному объединенію».

Хотя русскій императоръ и заявлялъ, что онъ воевать не будетъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ торжественно заявить Европѣ свой взглядъ на совершающіяся событія, возвѣстивъ о томъ 14-го марта 1848 г. слѣдующимъ манифестомъ:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, развиваясь повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся наконецъ и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи.

«Но да не будетъ такъ.

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный намъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь, въ чувствахъ святаго на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! да разумѣйте языцы и покоряйтеся, съ нами Богъ!»

Какъ ни старался министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде разъяснить и сгладить этотъ грозный для всей Европы манифестъ, разъясненіемъ его во французской газетѣ «Journal de S.-Petersbourg», тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на Европу самое непріятное впечатлѣ-

ніе. На Россію въ иностранной журналистикѣ посыпались обвиненія и справедливыя и несправедливыя, клеветы и инсинуаціи всякаго рода.

Вслѣдъ за манифестомъ армія была приведена на военное положеніе, и 19-го марта начали выступать части войскъ на западную границу.

Февральская революція 1848 года также отразилась и на Россіи, которая была совершенно спокойна и не помышляла ни о малѣйшихъ безпорядкахъ. Сборище молодыхъ людей у Петрашевскаго, толковавшихъ о разныхъ вопросахъ, имѣвшихъ чисто академическій характеръ, и читавшихъ журналы русскіе и иностранные, было принято за революціонное собраніе, угрожающее общественному порядку. Члены этого кружка, среди которыхъ былъ Достоевскій и другіе, жестоко поплатились за свою неосторожность.

Та же февральская революція имѣла подавляющее вліяніе на русскую литературу и журналистику. Казалось бы, что при томъ желѣзномъ режимѣ цензуры, который господствовалъ въ Россіи, трудно было бы найти литературное произведеніе и журнальную статью, высказывавшія свободную мысль; однако нашлись люди, которые находили въ нихъ революціонныя идеи. Князь Меншиковъ находилъ, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ, и въ направленіи журналовъ. То же самое началъ проповѣдывать баронъ Корфъ; онъ даже не ограничился однимъ разговоромъ, а изложилъ свои мысли письменно. Слѣдствіемъ этого было учрежденіе подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особаго цензурнаго учрежденія надъ цензурою. 11-го марта были призваны въ этотъ комитетъ всѣ редакторы, и имъ было объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры». Наконецъ, 2-го апрѣля взамѣнъ этого комитета былъ учрежденъ всегдашній негласный, такъ названный Бутурлинскій комитетъ, который надзиралъ одинаково какъ за періодическими изданіями, такъ и за литературою вообще, за каждою книженкою. По этому поводу государь заявилъ комитету: «такъ какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете это дѣлать за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными». А что дѣлалъ комитетъ, то читатели наши хорошо знакомы съ этимъ изъ труда г. Энгельгардта, помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ.

Что же касается до личности Бутурлина, то характеристика его дана ему его дочерью, графинею Блудовою. Она пишетъ, что онъ «по врожденной рѣзкости и деспотизму характера доходилъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что иногда приходилось спросить себя: не плохая-ли

эта шутка. Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько словъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что она революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, св. Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и который никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

— Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія [1],—отвѣчалъ Бутурлинъ.

— Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей.

— Такъ что же,—отвѣчалъ мой отецъ,—переходя въ шуточный тонъ; если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно было цензурѣ исправить ее».

Одновременно съ этимъ были приняты особенныя мѣры противъ университетовъ, въ которыхъ ограниченъ былъ комплектъ студентовъ, а изъ предметовъ преподаванія была исключена философія, замѣненная богословіемъ.

Вслѣдъ за Берлиномъ начались безпорядки въ Познани. Намѣстникъ царства Польскаго доносилъ императору Николаю, что извѣстный агитаторъ Мѣрославскій выпущенъ изъ тюрьмы и былъ встрѣченъ народомъ съ оваціями и цвѣтами, что народъ надѣлъ польскія кокарды, вооружается косами, да къ тому же повсюду объявляется, что отнынѣ Польша и Пруссія будутъ другъ друга поддерживать противъ Россіи. Необузданная шляхта познанская, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней проникнетъ шайками въ царство Польское, и вскорѣ образуются сильные отряды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Галиціи. По мнѣнію Паскевича, нельзя даже не опасаться, чтобы съ открытіемъ сейма въ Берлинѣ, правительство не было принуждено объявить намъ войну.

И, дѣйствительно, поляки тотчасъ же потребовали отдѣленія Познани отъ Пруссіи, хотя король предупреждалъ ихъ, что тогда неизбѣжна война съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ началъ сосредоточивать тамъ войска, назначивъ командующимъ генерала Виллизена, полонофильскія чувства котораго хорошо были извѣстны въ Россіи.

Въ виду такихъ дѣйствій, баронъ Мейендорфъ прямо заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Арниму:

— Берегитесь утвердить какимъ-либо оффиціальнымъ актомъ такое положеніе вещей въ Познани, не компрометтируйте ваше правительство передъ моимъ, которое не пожелаетъ долго остаться равнодуш-

[1]) Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби и пр.

нымъ зрителемъ всѣхъ этихъ возбужденій къ бунту, исходящихъ изъ Познанской провинціи. Если у васъ нѣтъ силы препятствовать тому, чтобы тамъ утвердился очагъ революціи, вы можете это сказать, и тогда мы увидимъ, что дѣлать. Но если вы берете его подъ свое покровительство, вы дѣлаете изъ этого предметъ обсужденія и, можетъ быть, войны между Россіею и Пруссіею.

На донесеніи этомъ императоръ написалъ резолюцію: «отлично сказано».

Съ цѣлью устранить въ Берлинѣ всякія сомнѣнія на счетъ готовности Россіи къ защитѣ существующаго на основаніи трактатовъ порядка вещей, государь точнымъ образомъ исчисляетъ силы, собранныя имъ въ пограничныхъ губерніяхъ. Всего было мобилизовано 420 тысячъ человѣкъ, а въ резервѣ еще сто тысячъ.

«Назначеніе этой арміи,—пишетъ государь,—охранять неприкосновенность нашихъ границъ и парализовать замыслы злодѣевъ или съумасшедшихъ, мечтающихъ о возможности возстановить другую Польшу, кромѣ той, которую русское оружіе со славою пріобрѣло и закрѣпило за Имперіею. Я никогда никого не задѣну, но бѣда, кто насъ задѣнетъ. Аминь».

Въ то же время 2-го (14-го) марта императоръ писалъ Паскевичу:

«Любезный отецъ командиръ, сейчасъ я получилъ письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ въ самыхъ черныхъ краскахъ описывалъ происходящее во всей Германіи. Въ заключеніе онъ говоритъ, что по слухамъ, сообщеннымъ ему изъ Варшавы, готовятся въ Познани перерѣзать всѣхъ нѣмцевъ и что, хотя не слѣпо вѣритъ сему, однако вовсе не пренебрегаетъ симъ слухомъ и проситъ меня къ границѣ Познанской приблизить войска наши, чѣмъ, полагаетъ, умы сейчасъ успокоятся. Не могу въ этомъ отказать и уполномочиваю тебя подвинуть вдоль сей границы бригаду или что̀ удобно будетъ. Черезъ границу однако безъ моего разрѣшенія не переходить. Мейендорфъ пишетъ, что духъ войскъ въ Пруссіи очень хорошъ, что въ краѣ хорошаго много, но есть и дурной духъ, которому не намѣрены уступать.

«За то въ южной Германіи до того плохо, какъ и на Рейнѣ, что самъ король Виртембергскій хотѣлъ услать свое семейство, на что̀ моя дочь Ольга не согласилась, хочетъ, какъ прямая русская, раздѣлить опасность съ тѣмъ, съ коимъ Богъ ей опредѣлилъ участь. Онъ требуетъ уже помощи отъ австрійскихъ и баварскихъ войскъ, вблизи расположенныхъ—вотъ настоящее. Будущее въ рукахъ Божьихъ; ежели король прусскій будетъ сильно дѣйствовать, все будетъ возможно спасти, въ противномъ случаѣ придется намъ вступить въ дѣло».

Изъ царства Польскаго Паскевичъ доносилъ государю, что самыя неожиданныя и разрушительныя событія совершаются съ неимовѣрною

быстротою. Онъ доносилъ, что обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе Мѣрославскаго и его сообщниковъ, вѣнчаніе ихъ цвѣтами въ присутствіи короля, и объявленное ими, что Польша и Пруссія будутъ другъ друга поддерживать противъ Россіи, неоспоримо доказываютъ изступленіе умовъ, коимъ правительство не можетъ уже поставлять никакихъ преградъ. Это оказывается и на самомъ дѣлѣ. По послѣднимъ рапортамъ изъ Калиша почти все Познанское княжество въ возстаніи; всѣ носятъ польскія кокарды; толпы вооружаются косами; мѣстечко Милославъ взбунтовано Домбровскимъ, на пограничныхъ столбахъ выставлены польскіе орлы. Необузданная шляхта познанская, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней будетъ со всѣхъ сторонъ стараться проникнуть съ шайками въ царство Польское, и вскорѣ образуются для того сильные отряды. Тому, что будетъ дѣлаться въ Познанскомъ княжествѣ, будутъ, вѣроятно подражать и въ Галиціи, и мы будемъ подвержены вторженіямъ и съ запада, и съ юга. Нельзя даже не опасаться, чтобы съ открытіемъ сейма въ Берлинѣ правительство не было принуждено объявить намъ войну.

На это донесеніе Паскевича государь отвѣчалъ 10-го (22-го) марта:

«Сегодня утромъ я получилъ письмо твое, любезный отецъ командиръ отъ 7-го (19-го) марта. Про военныя дѣла узналъ я черезъ твою телеграфическую депешу. Сколько ни ожидалъ я глупостей тамъ [1]), но, признаюсь, происшедшее превзошло далеко всѣ мои опасенія. Ты правду говорилъ, что оно значительно теперь измѣнитъ положеніе наше, но, уповая на милосердіе Божіе, не стану унывать, но продолжать буду готовиться всѣми мѣрами ко всему, что намъ грозитъ, спокойно, твердо и съ должной дѣятельностью.

«Ежели король прусскій, опираясь на испытанную вѣрность войскъ, подавитъ бунтъ въ Берлинѣ оружіемъ, а не уступчивостью, и исполнитъ ожиданія всѣхъ благомыслящихъ, ополчась на помощь низвергнутыхъ правленій, я въ томъ убѣжденъ, что, даже не смотря на всякія глупости, законный порядокъ можетъ быть возстановленъ. Но если король сдастся тоже, тогда въ Германіи все потеряно, и намъ однимъ придется стоять грудью противъ анархіи, призвавъ Бога на помощь. О сю пору не перемѣню плана, о которомъ условились. Однако, быть можетъ, что при новомъ австрійскомъ правленіи они дадутъ волю революціи, запоютъ что-либо противъ насъ въ Галиціи; въ такомъ случаѣ, не давъ сему развиться, но именемъ самого императора Фердинанда займу край и задушу замыслы. Мои извѣстія изъ Берлина по 4-е (16-е) вечеромъ; войска дѣйствовали славно и были въ такомъ раздраженіи на чернь, что съ трудомъ ихъ удерживали; авось слухи,

---

[1]) Въ Пруссіи.

до насъ доходящіе, несправедливы. Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ ждать должно скоро новаго переворота, самаго кроваваго.

«Что въ Германіи происходитъ и описать нельзя, тамъ близко къ французскому, и правительство только еще существуетъ по названію.

«Что-то наши поляки затѣваютъ. При малѣйшей попыткѣ короткій имъ конецъ. Выѣзды за границу запретилъ; сдѣлай то же самое у себя, въѣздъ только за личною отвѣтственностью нашихъ министровъ и съ моего предварительнаго разрѣшенія. Вели то же въ Польшѣ!»

Когда первыя опасенія гражданской войны въ Парижѣ отчасти миновали, французское правительство начало заниматься иностранными дѣлами, которыя были почти потеряны изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Вопросъ иностранной политики, представившійся временному правительству, былъ прямо вопросъ о мирѣ или о войнѣ. Могущественныя основанія побуждали къ войнѣ. Прежде всего это былъ народный голосъ; онъ требовалъ войны, какъ единственнаго средства уничтожить ненавистные договоры 1815 года, за которые съ необыкновенною твердостью стоялъ русскій императоръ. Между тѣмъ во Франціи, наоборотъ, соблюденіе договоровъ 1815 года издавна составляло одно изъ главныхъ обвиненій правительства.

6-го марта Ламартинъ предложилъ правительству проектъ циркуляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границею, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отказъ отъ всякой наступательной войны. Ламартиновская нота говорила: «Договоры 1815 года не имѣютъ болѣе никакого юридическаго значенія въ глазахъ французской революціи».

Несмотря на мирныя слова и расположеніе министра иностранныхъ дѣлъ, правительство не могло, или не хотѣло воспрепятствовать тому, чтобы изъ Франціи революціонныя предпріятія не направились въ нѣкоторыя сосѣднія страны. Иностранцы, жившіе въ большомъ числѣ во Франціи, именно нѣмцы, бельгійцы, итальянцы и поляки, вслѣдствіе февральскихъ событій пришли въ болѣе или менѣе живое политическое движеніе, которое получало не малое содѣйствіе отъ французскаго правительства и отъ французскаго народа. Въ особенности это содѣйствіе временное правительство проявило въ томъ смыслѣ, что оно обнаруживало крайнюю готовность облегчать возвращеніе иностранцамъ всѣхъ націй на родину и тѣмъ освободить Парижъ отъ части его горючаго политическаго матеріала и остававшагося безъ хлѣба населенія. Прежде всего, при открытомъ содѣйствіи правительства, значительныя толпы нѣмцевъ, подъ знаменемъ чернаго, краснаго

и золотаго цвѣта, и съ явными революціонными намѣреніями имѣли возможность двинуться къ Рейну, который большинство ихъ перешло спокойно, такъ какъ въ это время политическое положеніе въ Германіи, казалось, могло обѣщать большой успѣхъ. Въ то же время поляки, жившіе во Франціи въ числѣ многихъ тысячъ, послѣ многихъ дерзкихъ попытокъ вынудить отъ правительства объявленіе войны, получили паспорта и деньги на дорогу, чтобы отправиться на родину, которой, какъ можно было думать, открывалось поприще для дѣйствій противъ Россіи.

Послѣ того, какъ оставшіеся въ Парижѣ поляки потерпѣли неудачу своей попыткой вынудить у временнаго правительства дѣятельную поддержку своему дѣлу, они съ удвоенною ревностью бросились въ клубы, чтобы съ ихъ помощью устроить поворотъ иностранной политики отъ мира къ войнѣ. Посланные изъ возставшихъ польскихъ мѣстностей раздували огонь страстными изображеніями событій въ Познани и Краковѣ. 10-го мая Воловскій, полякъ, натурализованный во Франціи и членъ Національнаго собранія, представилъ собранію адресъ, подписанный депутатами изъ Познани, Кракова и Галиціи. Адресъ пламенными словами вызывалъ французскій народъ помочь, наконецъ, фактически польскому дѣлу, о которомъ семнадцать лѣтъ говорились одни только пустыя слова. Чтобы дать больше силы воззванію, составители его представляли въ немъ войска, усмирявшія польское возстаніе, оскорбителями святыни, грабителями храмовъ, поджигателями, убійцами женщинъ и дѣтей. «Мы посылаемъ вамъ нашихъ братьевъ,— говорилось въ концѣ адреса,—не для того, чтобы выпрашивать вашего состраданія, но чтобы открыто требовать вашей помощи противъ варварства.

«Они должны призвать васъ исполнить священную миссію, которую Богъ поручилъ вашей націи, и которой не отвергнетъ Франція,— исполнить эту миссію для своей сестры, окровавленной ножемъ убійцы».

Оказалось однако, что поляки только усилили соціалистическую партію, съ которой они соединились для совершенія переворота и чтобы въ члены Собранія выставить отъявленныхъ соціалистовъ. Поляки и пьяная толпа самаго низшаго слоя народа подняли шумъ противъ депутатовъ собранія, грозя кулаками. И вотъ среди хаоса и гвалта, въ которомъ не могли понимать другъ друга, дебатировался польскій адресъ и требовалось, чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ короткій срокъ для полнаго возстановленія Польши и по истеченіи срока немедленно двинула войска, чтобы достигнуть цѣли силою оружія. Извѣстный коммунистъ Барбесъ потребовалъ даже, чтобы Національное собраніе въ пользу войны за Польшу наложило на богатство

налогъ въ мильярдъ. Коммунисты, завладѣвшіе собраніемъ, постановили объявить войну противъ Австріи, Пруссіи и Россіи въ случаѣ, если они тотчасъ не приступятъ къ возстановленію Польши. Въ то же время началось возстаніе противъ Національнаго собранія, кончившееся кровопролитнымъ междоусобіемъ. Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручена была вся исполнительная власть. Кавеньякъ усмирилъ кровопролитный мятежъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и 28-го числа передалъ свою власть въ руки Національнаго собранія. Такимъ образомъ шумныя попытки за освобожденіе Польши кончились ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ собирались безсрочно отпускные, изъ которыхъ каждую партію осматривалъ самъ государь, напутствуя своимъ горячимъ воодушевляющимъ словомъ. По этому поводу онъ 13-го (25-го) марта писалъ Паскевичу:

«Сегодня утромъ, только-что всталъ, прибылъ твой курьеръ, любезный отецъ командиръ, съ извѣстіями изъ Берлина; другихъ же мы здѣсь не получили, ибо почти нѣтъ уже другія сутки. Здѣсь не только безсрочные являются съ большимъ усердіемъ, но даже отставные солдаты просятся вновь на службу; трогательно видѣть! Духъ прекрасный! Завтра выдаю манифестъ, который счелъ нужнымъ выдать, дабы объявить мой взглядъ на дѣло и мои намѣренія. Событія въ Вѣнѣ хотя по наружности пріутихли, но я сему не вѣрю: мысли славянскихъ католическихъ провинцій соединяются; движенія въ Краковѣ; польскій легіонъ въ Парижѣ и, наконецъ, тайное увѣдомленіе короля Вюртембергскаго ко мнѣ изъ достовѣрнаго источника, что Ламартинъ обѣщалъ полякамъ возстановленіе Польши; все это мнѣ знакомо, что здѣсь насъ ждетъ борьба; я велѣлъ сказать въ Лондонѣ, что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, c'est un bon avertissemant pour eux. Неслыхано-ль было, ежели бы Австрія и Пруссія были довольно дерзки и глупы провозгласить воскресеніе Польши, имъ же хуже, ибо тогда Польша будетъ наша, а не для другихъ.

«Вели еженедѣльно меня увѣдомлять объ успѣхѣ приведенія войскъ въ Польшѣ въ охранное положеніе».

«Сегодня вечеромъ узнали мы, — пишетъ государь въ другомъ письмѣ,—про декларацію короля прусскаго, гдѣ онъ объявилъ, что становится главой новой Германіи и уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ его дѣйствій захочетъ признать его за свою главу.

«Геройскому поведенію прусской гвардіи видѣть подобную награду—

подобное уничиженіе, взрываетъ всякое благородное сердце [1])! Мы всѣ поражены, какъ громомъ! Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые имъ ворочаютъ, какъ куклой, и все его заставятъ сдѣлать, даже самое подлое.

«Давно-ли просилъ меня объ помощи противъ Позена, теперь же дозволилъ имъ обѣщать, что они будутъ ему помогать противъ насъ! Не мерзость-ли?

«Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ всѣмъ, и нашимъ, и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не дозволяя трогать себя; въ этомъ вся моя задача.

«Къ оной всѣ наши мѣры должны клониться.

«Про войну новаго ничего не знаю; говорятъ, будто Богемія съ Моравіей и Силезіей хотятъ соединиться; тогда и Галиціи дадутъ что-либо подобное. Ежели же возстаніе въ Познани не будетъ укрощено или укротятъ одними польскими обѣщаніями, тогда близко будетъ къ войнѣ. Буду писать и въ Берлинъ, и въ Вѣну, чтобъ стараться это предупредить, но вопросъ, будетъ-ли удача. Впрочемъ, хлопотъ въ самой Германіи столько, во Франціи все въ такомъ положеніи, что не могу понять, чтобъ имъ достало силъ на какое-либо предпріятіе противъ насъ. Приказалъ въ Литвѣ сдѣлать обезоруженіе. Хочу велѣть собрать всѣхъ помѣщиковъ въ губернскіе города, чтобы имѣть ихъ подъ рукой, и велю объявить, чему подвергнутся при малѣйшемъ видѣ къ бунту; лучше его предупредить, чѣмъ къ нему допустить.

«Пересмотри съ Горчаковымъ достоинство дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ и, буде гдѣ ненадежны, представь мнѣ къ перемѣнѣ ихъ, дабы не подвергнуть войско быть ведому людьми недостойными довѣрія.

«Тяжелое время, но унывать не стану, а вся надежда на милосердаго Бога и на тебя, мой отецъ командиръ; постой за Русь святую».

Изъ приводимой здѣсь переписки императора Николая съ Паскевичемъ видно, какъ внимательно слѣдилъ онъ за всѣми событіями въ Европѣ, и особенно строго наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ царствѣ Польскомъ и въ сосѣднихъ областяхъ: Познани и Галиціи.

Упоминая почти въ каждомъ письмѣ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предписывалъ принять для спокойствія края, онъ въ то же время сообщалъ Паскевичу все, что до него доходило и заслуживало вниманія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ помимо вопроса о спокойствіи въ царствѣ Польскомъ, императора Николая начало озабочивать поведеніе прусскаго короля въ вопросѣ о Гольштиніи или Шлезвигѣ.

---

[1]) Войска во время возстанія безъ труда подавили бы его, но самъ король приказалъ удалить ихъ изъ Берлина.

Герцогство Шлезвигъ, считавшееся въ средніе вѣка германскою страною, въ началѣ прошлаго столѣтія было почти на половину населено датчанами и уже издавна принадлежало датской коронѣ. Когда на датскій престолъ послѣ смерти Христіана VIII вступилъ послѣдній представитель Глюксбургской династіи, Фридрихъ VII, то въ Шлезвигѣ проявилось сильное стремленіе значительной части его населенія къ присоединенію къ Германіи до такой степени, что, когда въ мартѣ мѣсяцѣ новый король призвалъ въ составъ своего правительства датчанъ, признававшихъ Шлезвигъ за неотъемлемую собственность датской короны, то нѣмецкая партія въ Килѣ учредила временное правительство и выслало своихъ депутатовъ во Франкфуртъ въ среду представителей Германскаго Союза.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, временное шлезвигское правительство образовало шлезвигъ-гольштинскую армію. Это была толпа, плохо вооруженная и мало обученная, но въ ряды которой стали поступать волонтеры изъ Германіи. Прусское правительство приняло подъ свою защиту возмутившееся населеніе.

Въ теченіе марта мѣсяца государь не переставалъ усиленно сноситься съ Паскевичемъ, написавъ въ этотъ мѣсяцъ семь писемъ, въ которыхъ извѣщалъ о положеніи дѣлъ въ Европѣ и дѣлалъ распоряженія для подготовленія арміи къ войнѣ.

Возстаніе въ Шлезвигѣ было подкрѣплено бандами нѣмцевъ, вторгнувшихся изъ Германіи. Однако, датскія войска почти совершенно уничтожили эти банды. Тогда прусскій король, понуждаемый народомъ, принужденъ былъ послать въ Данію войска, для подкрѣпленія возставшихъ. Начальникъ этого отряда, генералъ Врангель, взялъ штурмомъ Даниверскія укрѣпленія, при помощи контингента ганноверской арміи, и принудилъ датчанъ отступить на острова.

Для защиты этого дѣла, прусскій король прислалъ генерала Пфуля, который долженъ былъ убѣдить императора Николая въ законности дѣйствій прусскаго короля. Однако, убѣжденія эти не подѣйствовали, не смотря на собственноручное письмо короля. Николай Павловичъ не находилъ никакихъ оправданій для нападенія на Данію. По его мнѣнію, прусское правительство, заступаясь за гольштинцевъ, собственно говоря, заступалось за бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ законнаго своего государя,—короля датскаго. Мало того, Пруссія, опираясь на Германскій Союзъ, требуетъ еще присоединенія Шлезвига къ Германскому Союзу. Такое требованіе, по мнѣнію императора, было вполнѣ незаконное и противорѣчило акту Вѣнскаго конгресса 1815 года. Государь поручилъ Мейендорфу выразить сожалѣніе по поводу такого несправедливаго нападенія на Данію и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что Россія не можетъ относиться равно-

душно къ этой войнѣ. И такъ какъ Данія просила посредничества Россіи, то государь выразилъ надежду, что прусская армія остановится въ своемъ движеніи и возвратится въ Пруссію. Когда прусская армія не остановилась и подошла къ границамъ Ютландіи, тогда посланнику нашему поручено было объявить Берлинскому кабинету, что вторженіемъ въ Ютландію Пруссія нанесетъ тяжелый ударъ интересамъ всѣхъ прибрежныхъ на Балтійскомъ морѣ государствъ и нарушитъ равновѣсіе державъ.

По этому поводу онъ писалъ Паскевичу:

«Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо отъ 29-го, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ командиръ. Положеніе дѣлъ въ Европѣ становится день ото дня хуже и хуже. Король прусскій, слѣпое орудіе революціонной партіи, вдался въ несправедливую войну противъ Даніи и тѣмъ принудилъ уже Швецію и меня объявить, что мы не можемъ сего допустить, но примемъ сіе за объявленіе намъ войны, и уже король шведскій посылаетъ 15 тысячъ войска въ Данію на помощь. Желаю, чтобы сіе предвареніе остановило безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слишкомъ съ ума сбрелъ, чтобъ остановиться, и тогда война неминуема. Для того настоятельно прошу тебя велѣть 1-й легкой кавалерійской дивизіи слѣдовать въ Литву ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кавалерію при себѣ; сіе необходимо, дабы въ случаѣ войны мы могли наводнить восточную Пруссію кавалеріей, дабы не дать имъ очнуться и собраться.

«Жду извѣстій изъ Берлина въ отвѣтъ на мое объявленіе, что буде атакуютъ собственно Данію, приму это за разрывъ съ нами. Какъ служатъ поляки? Надѣюсь, что уличенныхъ въ заговорахъ, или измѣнѣ накажешь по заслугамъ; теперь примѣры заслуженныхъ взысканій еще болѣе необходимы. Пойманныхъ въ Литвѣ заграничныхъ каналій; поймался покуда одинъ, но пробралось извѣстныхъ пять; надо ихъ отыскать».

Король прусскій и его правительство до такой степени было деморализовано, что главнокомандующій нѣмецкими войсками въ Даніи генералъ Врангель, не смотря на приказанія короля, рѣшился ослушаться и оставался въ Даніи. Эта неурядица усиливалась тѣмъ болѣе, что эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, призванный во Франкфуртъ-на-Майнѣ, намѣстникомъ главы Германскаго Союза, приказывалъ Врангелю не выходить изъ Даніи, а продолжать военныя дѣйствія.

Такое положеніе окончательно возмутило императора Николая, и онъ по этому поводу писалъ Паскевичу:

«Третьяго дня послѣ обѣда получилъ я письмо твое отъ 6-го (18-го) іюля, любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю.

«Обстоятельства столь неожиданно, столь быстро мѣняются, что едва

сдѣлаешь одно распоряженіе, какъ новое обстоятельство опять принуждаетъ измѣнить предъидущее. Такъ было вчера. Получивъ письмо твое, я отмѣнилъ предполавшееся движеніе гренадеръ и кавалеріи сходно мнѣнію твоему. Въ полдень прибылъ курьеръ изъ Копенгагена съ извѣстіемъ, что генералъ Врангель ослушался короля прусскаго, отзываясь, что, давъ присягу франкфуртскому правленію, онъ не обязанъ слушать короля, отказалъ въ перемиріи и хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія! Можешь себѣ вообразить, что̀ все это произвело въ Даніи.

«Сейчасъ велѣлъ написать королю прусскому, что я держусь смысла намѣренія его, которое выказалъ, давъ Врангелю приказаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ омерзеніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ сигналомъ войны съ Россіею. Послѣ обѣда прибыли письма изъ Берлина отъ Мейендорфа, Бенкендорфа и самого короля къ женѣ. Король внѣ себя; послалъ г. Неймана къ Врангелю съ повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что его отставитъ.

«Посмотримъ, что будетъ изъ этого. Мейендорфъ пишетъ, что король, обманутый и обиженный выборомъ эрцгерцога Іоанна, дотого разочарованъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что послѣ этого думать еще объ немъ! Король пишетъ женѣ, что только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Гольштиніи, чтобы ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ угрожать опасность, то надѣется на насъ! Каково это? Виндишгрецъ пишетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что въ Вѣнѣ анархія нынѣ, какъ и прежде, и что на эрцгерцога Іоанна никакой нѣтъ надежды, ибо онъ точно такъ же плохъ, какъ и прежній»...

Напрасно король прусскій въ своихъ письмахъ, присланныхъ съ генераломъ Пфулемъ, старался подробнымъ и убѣдительнымъ образомъ доказать императору Николаю законность войны противъ Даніи, такъ какъ король Фридрихъ VII, февральскимъ декретомъ 1848 года, включилъ гергогство Шлезвигское въ составъ Датскаго королевства. Въ письмѣ отъ 21-го іюня король утверждаетъ, что онъ только желаетъ возстановленія прежняго порядка вещей, и что отъ русскаго государя зависитъ принять на себя роль «ангела мира» и заставить датскаго короля уважать права Германскаго Союза и герцога аугустенбургскаго на Шлезвигское герцогство.

Твердость и настойчивость императора охладила прусскаго короля, который отдалъ генералу Врангелю приказъ возвратиться въ Германію, что̀ имъ и было приведено въ исполненіе.

По поводу ослушанія Врангеля государь писалъ Паскевичу, 24-го іюля (7-го августа): «Въ Берлинѣ признаютъ, что Врангель съ ума сбрелъ, но не смѣютъ его смѣнить».

Когда государь узналъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Даніи и о заключеніи въ августѣ перемирія въ Мальмэ, онъ воскликнулъ: «Уфъ! однимъ меньше».

С. З.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императрица Екатерина II и ея землячки.

I.

Прошеніе-Шарлотты-Фридерики Эспе, урожденной Килль, дочери кормилицы имп. Екатерины II.

Нарва, 19-го января 1794 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Предстоящія намъ бѣдствія отъ безпрерывныхъ болѣзней и совершенной глухоты мужа моего, маіора Эспе, проведшаго 39 лѣтъ въ вѣрномъ и ревностномъ служеніи вашему императорскому величеству, коего отнынѣ продолжать онъ уже не въ силахъ, понуждаютъ насъ повергнуться къ стопамъ вашего величества и просить себѣ высочайшей милости. Благополучными почтемъ себя, если вашему величеству удобно будетъ пожаловать намъ, по смерть обоихъ насъ, пенсію, какову получала покойная мать моя, бывшая кормилицею вашего императорскаго величества.

II.

Письмо графини Луизы Гогенлогенской, урожденной графини Столбергъ-Россельской, изъ Шротсберга, при Ротенбургѣ.

25-го мая 1794 года.

Позвольте, всемилостивѣйшая государыня, 73-хъ-лѣтней старицѣ, повергшись къ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше представить вамъ вкратцѣ объ угнетающей ее крайности. Хотя по кончинѣ мужа моего наслѣдовала я всѣмъ его имѣніемъ, но онъ оставилъ долги, нажитые имъ по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и частой ѣзды къ цѣлительнымъ водамъ, коихъ по сіе время выплатить не могу. Посему и прошу ваше величество, хотя и безъ всякой моей заслуги, пожаловать мнѣ что-нибудь отъ щедротъ вашихъ, тѣмъ паче, что я имѣю счастіе быть недостойною вашего величества единоземкою, ибо Ангальтъ-Цербстъ и родина моя Россель, при Гарцѣ, отстоятъ не болѣе, какъ на 4 мили.

Оба эти прошенія землячекъ императрицы Екатерины II-й не имѣли успѣха, по поводу перваго прошенія была сдѣлана своевременно слѣдующая помѣта: «Отказано», а по поводу втораго: «Оставлено безъ всякаго дѣйствія».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

ПОСОЛЬСТВО КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ВЪ ПЕРСІЮ въ 1826 году.

(Изъ дневника генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Бартоломея).

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бартоломей родился 1-го іюня 1800 г. и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Онъ вступилъ въ службу 16-го мая 1809 г. въ бывшій Лѣсной департаментъ, изъ котораго въ 1812 году переведенъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ, и на тринадцатомъ году отъ рожденія (въ 1812 г. 31-го декабря) произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Въ 1813 г. (августа 14-го) онъ былъ опредѣленъ по прошенію портупей-юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Саперный баталіонъ, изъ котораго въ 1814 году переведенъ л.-гв. въ конную артиллерію и въ іюлѣ 1816 года за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики. Въ февралѣ 23-го 1819 года Ѳ. Ѳ. Бартоломей, будучи въ чинѣ подпоручика, былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конно-Піонерный эскадронъ. Произведенный 2-го іюля 1822 г. въ капитаны, онъ былъ назначенъ командиромъ I-го конно-піонернаго эскадрона, въ томъ же эскадронѣ за отличіе по службѣ произведенъ 5-го декабря 1823 г. въ подполковники, и 1-го января 1826 г. въ полковники. Затѣмъ, 17-го января 1826 года высочайшимъ приказомъ онъ былъ причисленъ къ временной миссіи, отправленной подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Меншикова въ Персію [1]). Печатаемый ниже

[1]) О послѣдующей службѣ Ѳ. Ѳ. Бартоломея мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

дневникъ [1]) Θедора Θедоровича хорошо рисуетъ то положеніе,въ которомъ находилось посольство и самъ князь Меншиковъ.

Желаніе утвердить миръ и союзъ между Россіею и Персіею и отстранить нѣкоторыя несогласія относительно границъ, которыя хотя и были подробно описаны въ Гюлистанскомъ трактатѣ, но, не бывъ окончательно размежеванными, подавали часто поводъ къ непріятностямъ,—побудили императора Николая I отправить въ началѣ 1826 г. въ Персію посланника, который бы, возвѣстивъ Фетхъ-Али-шаху о вступленіи на престолъ государя, устроилъ бы окончательно и пограничное дѣло. Эти порученія требовали для переговоровъ съ правительствомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, часто не признававшимъ святость договоровъ,—человѣка умнаго и тонкаго, тѣмъ болѣе, что отдаленность отъ Петербурга не дозволяла въ случаяхъ сомнительныхъ требовать разрѣшеній правительства. Данныя же инструкціи, по безпрестанно перемѣнявшимся обстоятельствамъ, дѣлались часто недостаточными и должно было всегда почти руководствоваться собственнымъ благоразуміемъ. Выборъ монарха, для исполненія этого труднаго порученія, палъ на князя Меншикова. Стеченіе непредвидимыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ не только затруднило переговоры, но и уничтожило всякую возможность привести ихъ къ желаемой цѣли. Князь, принятый въ Персіи съ почестями, требуемыми его званіемъ, впослѣдствіи со всею миссіею былъ задержанъ вопреки правъ народныхъ, и мирный посолъ дружественной державы—едва не подвергся участи военноплѣннаго. Его твердости, умѣренности и проницательности обязана миссія освобожденіемъ своимъ и спасеніемъ жизни лицъ, ее составлявшихъ.

Въ числѣ прочихъ чиновниковъ миссіи назначенъ былъ и я. Миссія отправилась тремя дорогами. Князь съ большею частію оной поѣхалъ прямымъ путемъ въ Тифлисъ. Подарки, назначенные шаху,—между ними и прекрасная хрустальная кровать, коею жители Петербурга любовались въ Таврическомъ дворцѣ,—отправлены были водою черезъ Астрахань, по Каспійскому морю, въ Тегеранъ. Мнѣ съ двумя чиновниками назначено было ѣхать черезъ Черное море до Редутъ-Кале; а тамъ черезъ Мингрелію, Имеретію и Карталинію въ Тифлисъ.

Я отправился въ первыхъ числахъ февраля 1826-го года. Со дня моего назначенія въ миссію вознамѣрился я записывать вкратцѣ въ памятную книжку всѣ происшествія, стоющія нѣкотораго вниманія, равно

---

[1]) Сообщеніемъ этого интереснаго дневника редакція обязана внуку покойнаго В. А. Бартоломею, которому и приноситъ искреннюю благодарность.

какъ и замѣчанія мои. Такимъ образомъ составились путевыя записки, которыя впослѣдствіи по разнымъ обстоятельствамъ не были мною окончены. Оставались однако же въ памятной книжкѣ моей краткія отмѣтки главныхъ событій. Двѣнадцать слишкомъ лѣтъ записки мои покоились въ портфелѣ. Походы, занятія по службѣ, житейскія хлопоты не позволяли мнѣ даже пересмотрѣть этихъ матеріаловъ, набросанныхъ мною хотя наскоро, но на самомъ мѣстѣ, по горячимъ слѣдамъ, и которые могу назвать очеркомъ первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня новою страною, новыми событіями. Только послѣ двѣнадцати лѣтъ могъ я удѣлить нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы прочесть давно написанное и освѣжить въ памяти происшествія, волновавшія нѣкогда душу мою и промчавшіяся мимо меня, какъ фантастическія тѣни волшебнаго фонаря. Я окончилъ бѣглымъ и сколько можно сжатымъ разсказомъ повѣствованіе, которое во время путешествія началъ нѣсколько пространнѣе, и чувствую самъ, что трудъ мой весьма далекъ отъ совершенства. Сдѣлавъ изъ журнала своего нѣкоторыя выписки, которыя полагалъ необходимыми и сообразными съ цѣлью изданія записокъ въ свѣтъ, я однако же не позволилъ себѣ нигдѣ ни малѣйшаго измѣненія въ нихъ, хотя я на многое теперь смотрю совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Но, по моему мнѣнію, первыя наши впечатлѣнія, какъ вдохновеніе юности, при всѣхъ недостаткахъ, не должны быть истребляемы охлаждающимъ опытомъ свѣта. Если я заслужилъ этимъ порицаніе, то безропотно подвергаюсь ему, тѣмъ болѣе, что и не ожидаю ни одобренія, ни похвалъ.

16-го февраля, Кіевъ.

Февраля 5-го, въ 8 часовъ вечера, я выѣхалъ изъ Петербурга. Жестокіе морозы не позволяли ѣхать день и ночь; и какъ, по случаю приближающагося равноденствія мореплаваніе по Черному морю откроется не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, то мнѣ и не къ чему торопиться.

Около Могилева встрѣтилъ я на станціи адмирала Грейга, къ которому имѣлъ бумаги. Отъ него узналъ, что изъ Николаева долженъ буду ѣхать въ Севастополь и оттуда уже отправлюсь моремъ. И такъ увижу хотя часть Крыма, что́ давно желалъ бы.

1-го марта, Николаевъ.

22-го февраля пріѣхалъ я въ Николаевъ, гдѣ прожилъ недѣлю, потому что назначенный для меня въ Севастополѣ фрегатъ «Поспѣшный» будетъ снаряженъ только къ 7-му числу будущаго мѣсяца.

11-го марта. Севастополь.

Вечеромъ 7-го числа мы подъѣзжали къ Севастополю. У берега залива мы остановились, ожидая гребцовъ, которые должны были перевезти насъ на другой берегъ, гдѣ построенъ городъ. Вечеръ былъ прекрасный! Луна важно плыла на безоблачномъ небѣ; бѣлыя строенія Севастополя, какъ будто привидѣніе, неподвижно стояли въ мрачныхъ окрестностяхъ; серебряныя воды тихо струились и отражали корабли, которые тамъ и сямъ, какъ черныя фантастическія тѣни исходили изъ бездны; далѣе въ сторону взоръ терялся въ мрачной пучинѣ моря, глухой гулъ волнъ раздавался издали и придавалъ картинѣ сей нѣчто таинственное... Проѣзжая мимо фрегата, вдругъ раздался голосъ часоваго, насъ окликавшаго. «Это нашъ фрегатъ»—сказалъ я и точно не ошибся.

Мы остановились во дворцѣ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ останавливался императоръ Александръ, чувствуя себя уже не совсѣмъ здоровымъ.

15-го марта. Фрегатъ „Поспѣшный" (на Черномъ морѣ).

Утромъ 11-го марта отслужено было на фрегатѣ молебствіе. По случаю штиля не могли мы однако же сняться съ якоря прежде 13-го числа въ 7 часовъ утра. Вѣтеръ былъ столь слабый, что, имѣя всевозможные паруса, мы едва подвигались и должны были взять фрегатъ на буксиръ, чтобы вывести его изъ гавани. Погода была прекрасная, и медленность нашего плаванія мнѣ вовсе не была непріятна. Стоя на палубѣ, смотрѣлъ я, какъ Севастополь тихо погружается въ бездну морскую. Монастырь Св. Георгія на салютъ нашъ отвѣчалъ колокольнымъ звономъ. Утесистый берегъ Крыма, мало-по-малу превращаясь въ темную синеватую полосу, наконецъ исчезъ совсѣмъ...

Кто въ первый разъ на морѣ, для того все ново, все занимательно. Въ первые дни нашего плаванія видѣли мы прекрасную цѣпь горъ южнаго берега Крыма; потомъ, отнесенные бурею въ середину Чернаго моря, намъ пришлось видѣть иногда живописную картину горъ Анатоліи.

Въ двѣнадцатый день нашего плаванія, утромъ забѣлѣли на темноголубомъ горизонтѣ, съ одной стороны, покрытыя снѣгомъ горы Кавказскія, съ другой Трапезондскія. Рано утромъ голосъ съ вершины мачты закричалъ: берегъ! берегъ! и всѣ сбѣжали на палубу и бросились къ картѣ корабля. Скоро черезъ зрительныя трубы отличили Редутъ-Кале, который, какъ чернѣющееся пятно, едва былъ примѣтенъ.

Марта 23-го въ 7 часовъ вечера, когда начинало уже смеркаться, бросили мы якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Вскорѣ засверкавшіе огоньки обозначили въ черномъ пространствѣ Редутъ-Кале и крѣпость

Поти. Мы сдѣлали сигнальный выстрѣлъ. Намъ отвѣчали таковымъ же съ пущеннымъ фальшвейеромъ. Я остался на фрегатѣ, гдѣ провелъ последнюю ночь.

На разсвѣтѣ другаго дня увидали мы ясно берега древней Колхиды. Нѣсколько лодокъ съ турецкими рыбаками въ чалмахъ и острыхъ шапкахъ показали намъ, что мы въ Азіи, у тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ болѣе нежели за три тысячи лѣтъ Язонъ и Аргонавты искали золотое руно, и гдѣ нѣкогда Фазисъ (нынѣ рѣка Ріонъ) струился по золотому дну.

Простясь съ капитаномъ и офицерами, сѣли мы въ катеръ и вышли на берегъ новаго для насъ края, гдѣ были встрѣчены комендантомъ.

24-го марта. Кр. Редутъ-Кале.

Редутъ-Кале, на берегу Чернаго моря и рѣки Хоніи,—небольшое укрѣпленіе, окруженное землянымъ валомъ со стороны моря, почти каждый годъ смываемымъ. По болотистому мѣстоположенію, нездоровому климату и большой смертности, Редутъ-Кале почитается самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Мингреліи.

Черезъ Редутъ-Кале ведется торгъ изъ Одессы и Константинополя съ Грузіею, и потому здѣсь ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Торговля была бы гораздо значительнѣе, если бы Редутъ-Кале имѣлъ гавань, но теперь, по мелководію, корабли не могутъ подходить близко къ берегу и буруны бываютъ причиною крушеній многихъ судовъ. Торгъ большею частью производятся при помощи плоскодонныхъ турецкихъ лодокъ, которыя, плывя по берегу, при видѣ буруновъ тотчасъ втаскиваются на берегъ. Часъ послѣ того какъ мы вышли на берегъ, начались буруны, но фрегатъ, примѣтивъ по вѣтру ихъ приближеніе, снялся съ якоря, пустился въ море, и скоро мы потеряли его изъ виду.

25-го марта.

Вчера посѣтилъ меня молодой владѣтельный князь возмутившейся Абхазіи, Михаилъ Шервашидзе. Онъ живетъ здѣсь съ матерью и сестрами, изъ коихъ одну по красотѣ называютъ с о л н ц е м ъ А б х а з і и. Отъ этого солнца получилъ я въ подарокъ собственной ея работы шелковый золотомъ вышитый мѣшечекъ для огнива. Не должно воображать, чтобы князья жили здѣсь великолѣпно и роскошно. Небольшая хижина безъ оконъ, а еще чаще только плетень съ камышевою крышею,—вотъ ихъ зàмокъ. Пища соотвѣтствуетъ скромному жилищу, и только богатая одежда отличаетъ ихъ отъ подданныхъ. Оно и не можетъ быть иначе. Грузія и Имеретія изобилуютъ князьками, а потому и нѣтъ возмож-

ности быть имъ всѣмъ богатыми. Княжеское ихъ достоинство имѣетъ много сходства съ нѣкоторыми европейскими баронствами.

28-го марта. Кутаисъ.

Послѣ двухъ дней странствованія пріѣхали мы 28-го марта въ Имеретію, древнюю Иберію. Вечеромъ, при захожденіи солнца, выѣзжая изъ горъ, увидѣли городъ Кутаисъ, построенный на лѣвомъ берегу Ріона. По крутому и утесистому берегу мы поднимались къ городу. Съ лѣвой стороны узкая дорога упирается къ высокой гранитной скалѣ; съ правой она виситъ, такъ сказать, надъ бездною. Внизу волны Ріона свирѣпо бушуютъ. Тамъ, гдѣ оба берега рѣки, достигнувъ самой большей высоты, сближаются, составляя надъ волнами какъ бы разрушившійся сводъ, перекинутъ деревянный мостъ, ведущій къ городу.

31-го марта. Кутаисъ.

Вчера пришли сюда наши вьюки. Мы полагали ихъ погибшими. Завтра отправляются далѣе. По извѣстіямъ, изъ Тифлиса полученнымъ, узналъ я, что князь Меншиковъ съ прочими чиновниками миссіи уже тамъ.

3-го апрѣля. Городъ Гори.

Перваго апрѣля отправились мы въ путь.

Отъ Кутаиса (въ Тифлисъ) начинается военно-имеретинская дорога, во многихъ мѣстахъ хорошо отдѣланная и украшенная мостиками изъ бѣлаго камня... Въ г. Гори прибылъ я на третій день. Завтра, не верхами, но на почтовыхъ русскихъ телѣгахъ отправляемся въ Тифлисъ, отстоящій отъ Гори почти 80 верстъ.

16-го апрѣля. Тифлисъ.

Вчера мнѣ объявилъ князь Меншиковъ, что я долженъ ѣхать въ Тавризъ къ наслѣднику персидскому Аббасъ-Мирзѣ. Полагалъ провести праздники здѣсь, а на мѣсто того отправляюсь въ Персію на второй день Пасхи.

22-го апрѣля. Селеніе Каракилиса.

20-го апрѣля послѣ грузинскаго угощенія въ загородномъ домѣ,— отправились мы въ путь верхомъ въ 4 часа послѣ обѣда. Переправясь черезъ Алгетку, когда уже смеркалось, подъѣзжали мы къ быстрой рѣкѣ Кціи или Храмъ, въ которой вода иногда по нѣсколько разъ въ день то прибываетъ, то убываетъ и, разливаясь широко, дѣлаетъ переправу опасною, тѣмъ болѣе, что невозможно означить въ ней брода.

Наконецъ добрались до казачьего поста въ деревни Шулавѣрахъ, остались тамъ ночевать, потому что вьюки, опасаясь переправиться, ожидали разсвѣта на берегу Храма.

21-го числа, рано утромъ отправились далѣе, верхомъ же на ху-

дыхъ казачьихъ лошадяхъ. Мы ѣхали черезъ высокія горы. Дикое мѣстоположеніе представляло прекрасные и вмѣстѣ мрачные виды. Дорога шла черезъ узкое каменное ущелье, прозванное Аксебіюкъ (большая пасть). Русскіе называютъ это мѣсто Волчьими воротами. Сдѣлавъ 64 версты, поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Джелалъ-Оглы на рѣкѣ Каменкѣ. Рѣка эта быстро течетъ среди высокихъ гранитныхъ береговъ. Внизу рисуется деревянный мостъ, и вблизи съ крутаго берега, низвергается водопадъ. Въ сторонѣ видны развалины зàмка и крѣпости Лори, мѣстопребыванія послѣднихъ армянскихъ царей. На правомъ берегу рѣки построены казармы артиллерійской роты.

Въ 7-ми верстахъ отъ Джелалъ-Оглу на рѣчкѣ Гергерѣ находится казачій постъ и поселена рота женатыхъ солдатъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Жены ихъ обучены не только ружейнымъ пріемамъ, но и стрѣльбѣ въ цѣль, такъ что въ случаѣ нападенія эти амазонки могутъ защищаться.

Наши лошади съ трудомъ поднимались на крутизны величественнаго Безобдала. На вершинѣ его я остановился, чтобы дать лошади вздохнуть, а самому полюбоваться картиною, которая надо мною рисовалась. Солнце изъ-за тучъ слабо освѣщало эти дикія мѣста. Снѣгъ кой-гдѣ мелькалъ на вершинахъ скалъ, въ провалахъ и между безлиственными деревами и кустарниками. Внизу надо мною тянулись по объѣздной дорогѣ тяжелые и неуклюжіе мои вьюки съ казаками.

Завтра ѣду на границу для осмотра мѣста, которое принадлежитъ намъ по Гюлистанскому трактату, но оспариваемо персіанами.

Эривань. 25-го апрѣля.

Я въ Персіи. Сижу на земляной стѣнѣ сада Армянскаго монастыря въ Анабатѣ [1]), гдѣ остановился. — Влѣво видна крѣпость. Внизу рѣка Занга шумитъ между крутыми скалами. На противоположномъ берегу бесѣдка сердаря желтѣетъ среди зелени сада. Оба Арарата, покрытые снѣгомъ, величественно возвышаются передо мною.

Вчера рано по утру выѣхалъ я изъ Амамловъ на дрожкахъ. Около двухъ сотъ человѣкъ важнѣйшихъ жителей тѣхъ провинцій, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ, провожали насъ. Два сына хана Шурагельскаго отличались отъ прочихъ богатствомъ конской сбруи и красотою коней. Множество всадниковъ разсыпались по обширной долинѣ. Наѣздничество ихъ, пестрота одеждъ, при единообразіи черныхъ бараньихъ шапокъ; блескъ золота, серебра и драго-

---

[1]) Крѣпость Эривань стоитъ отдѣльно. Та часть города, которая построена на крутомъ берегу рѣки, называется Анабатъ и большею частію обитаема армянами. Здѣсь обыкновенно отводятъ квартиры для христіанъ-путешественниковъ.

цѣнныхъ камней; азіатскія лица и звуки чуднаго нарѣчія; картинный видъ горъ, между коими вдали возвышался Алагезъ, разсѣкая тучи снѣжною своею головою,—все это поражало и дышало великолѣпіемъ востока. Черезъ горы мы ѣхали верхомъ. Дрожки мои едва перетащили черезъ снѣгъ, покрывавшій глубоко хребетъ горъ Памбакскихъ.— Дорогою къ намъ выѣхалъ навстрѣчу персидскій ханъ Исмаилъ, пріѣхавшій съ нѣсколькими татарами и курдами для занятія спорнаго мѣста.

Близъ татарскаго селенія Алекючакъ мы остановились покормить лошадей. Эта деревня, какъ и всѣ прочія въ Персіи, построена изъ земли близъ ручейка, который отводятъ во всѣ стороны для поливанія полей и садовъ.

Мы отправились далѣе и скоро увидѣли Араратъ во всемъ его блескѣ при заходящемъ солнцѣ. Дорогою встрѣтили дервиша въ ободранной одеждѣ, съ кокосовой чашей, висѣвшей на рукѣ на серебряной цѣпочкѣ. Имѣя болѣе видъ разбойника, нежели святаго странника, онъ остановилъ насъ, призывая ужаснымъ крикомъ имя Аллаха и его благословеніе на насъ съ распростертою къ небесамъ рукою.

Бросивъ ему въ чашу подаяніе (которое однако же должно быть довольно значительно, если не желаешь подвергнуться ругательству или фанатическому бѣшенству этихъ святошей), мы продолжали путь, преслѣдуемые его восклицаніями, заглушившими насъ.

Уже смеркалось, когда мы подъѣзжали къ татарской деревнѣ близъ развалинъ Армянскаго монастыря Іанна-Ванкъ, т. е. монастырь Іоанна. Здѣсь мы расположились ночевать. Нечистота подземельныхъ жилищъ, гдѣ и люди и скотъ живутъ вмѣстѣ, заставила насъ предпочесть лужокъ, на которомъ татары разбили небольшую палатку нашу. Опасаясь скорпіоновъ и тарантулъ, коими страна эта изобилуетъ, долго не могъ я заснуть; но наконецъ усталость превозмогла и усыпила меня крѣпко.

Желая видѣть достопримѣчательный Армянскій монастырь Эчміадзинъ, отправилъ я вьюки и верховыхъ лошадей прямо въ Эривань, а самъ поѣхалъ на дрожкахъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ армянъ мимо небольшаго монастыря св. Георгія, гдѣ вышли монахи, приглашая посѣтить ихъ. Не имѣя времени, я отдѣлался нѣсколькими червонцами, и они остались весьма довольны. Дорогою вправо и влѣво мы видѣли еще много монастырей и церквей, опустошенныхъ и приходящихъ нынѣ въ разрушеніе, но доказывающихъ цвѣтущее нѣкогда состояніе Арменіи, въ тѣ времена, когда христіанство распространилось здѣсь скоро послѣ проповѣдыванія его святыми апостолами.

У селенія Аштаракъ, на крутыхъ берегахъ быстрой рѣчки того же имени, съ трудомъ могли мы проѣхать. На кремнистомъ берегу

построенъ монастырь и селеніе, окруженные садами. Каменный мостъ краснаго цвѣта [1]) легкими сводами перегибался черезъ ручей. Дрожки были почти перенесены жителями на рукахъ по ступенямъ огромныхъ камней, гдѣ съ трудомъ выбирались лошади и мы сами. Бѣлоснѣжный Араратъ, какъ блестящій геній той страны, возвышался на темноголубомъ небѣ и навѣвалъ святыя воспоминанія.

Древній монастырь Эчміадзинъ или по-татарски Ючь-Килиса [2]),—всегдашнее мѣстопребываніе армянскаго патріарха. Нынѣшній патріархъ Нерсесъ, притѣсняемый персіанами, убѣжалъ въ Тифлисъ и извѣстенъ своею приверженностію къ Россіи. У воротъ монастыря встрѣтило насъ нѣсколько плечистыхъ не весьма старыхъ, но хорошо откормленныхъ монаховъ. Намъ отвели особую комнату. Эчміадзинъ окруженъ каменною стѣною, внутри которой нѣсколько строеній, садъ съ фонтанами и большое четырехъугольное строеніе въ три этажа для странниковъ и посѣтителей.

Митрополитъ и прочіе монахи, показывая намъ въ большой залѣ портретъ нынѣшняго персидскаго шаха, жаловались на притѣсненія, которыя претерпѣваютъ отъ невѣрныхъ, на бѣдность монастыря и изъявляли желаніе быть освобожденными Россіею.

Эривань имѣетъ видъ живописный. Крѣпость украшена внутри нѣсколькими мечетями. Круглые куполы и высокіе минареты выложены узорчато-зелеными и темносиними кафлями. На верху подъ куполами и башнями блеститъ на синемъ небѣ золотой рогъ луны и напоминаетъ вамъ, что вы среди поклонниковъ Магомета. Какъ всѣ дома съ окружающими ихъ стѣнами построены изъ нежженнаго кирпича или просто глинистой земли и имѣютъ вмѣсто крышъ плоскія террасы, то видъ городовъ въ Персіи представляетъ издали какія-то бѣлѣющія массы посреди зелени садовъ.

Одни мечети, минареты и каравансараи возвышаются надъ прочими строеніями.

Часъ спустя послѣ моего пріѣзда, сердарь эриванскій Гуссейнъ ханъ прислалъ меня привѣтствовать и препроводилъ въ подарокъ черную овцу. Въ продолженіе почти двухъ часовъ мы не имѣли ни малѣйшаго покоя. Безпрестанно ко мнѣ приходили длиннобородые персіяне, которыхъ я долженъ былъ угощать чаемъ, входящимъ въ Персіи въ такое же употребленіе, какъ и въ Россіи.

---

[1]) Въ Грузіи и древней Арменіи находится много такихъ мостовъ, построенныхъ изъ большихъ вытесанныхъ камней краснаго цвѣта.

[2]) Эчміадзинъ по-армянски значитъ сошествіе единороднаго. Ючь-Килиса, по-татарски три церкви. Названіе это татарами дано потому, что близъ Эчміадзина находится еще два монастыря, исключая того, который построенъ на самой покатости Арарата.

Сидя съ поджатыми ногами на полу, коврами устланномъ, въ комнатѣ къ сторонѣ сада совсѣмъ открытой, я и товарищъ мой были предметомъ любопытства всего города. Жители прибѣгали къ намъ, останавливались на террасѣ передъ комнатой, показывали на насъ пальцами, смѣялись надъ нашимъ нарядомъ, разсуждали, толковали между собою и наконецъ расходились, чтобы привести съ собою или прислать своихъ родственниковъ, друзей или знакомыхъ, которые насъ еще не видѣли. Наконецъ, мнѣ надоѣло быть какъ бы на выставкѣ; я потерялъ терпѣніе и, узнавъ отъ переводчика, что я много выиграю даже въ собственномъ мнѣніи этихъ невѣжъ, если прикажу палками согнать ихъ со двора, тотчасъ же воспользовался случаемъ показать, сколько цѣню персидскіе обычаи. Татары мои, раздавая во всѣ стороны палочные удары, съ благоговѣніемъ принимаемые, въ одно мгновеніе пріобрѣли мнѣ уваженіе, которое по добротѣ своей я начиналъ уже терять въ глазахъ персіанъ. Я приказалъ затворить калитку и не впускать никого.

Пока приготовляли намъ походныя кровати наши, разставляли столъ и стулья, и приготовляли ужинъ, я пошелъ любоваться величественнымъ Араратомъ. На небольшомъ возвышеніи передъ крѣпостію пестрѣетъ толпа персіанъ, въ длинныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ и черныхъ шапкахъ. Толпа эта смотритъ на небо, и безмолвно и нетерпѣливо ожидаетъ появленія луны, чтобы поклониться ей. Вдругъ раздаются радостные клики: Аллахъ! Аллахъ! — Кто-то изъ толпы замѣтилъ блѣдный рогъ луны на темноголубомъ небѣ. Всѣ вдругъ повергаются на землю и творятъ молитву, или вечерній намазъ.

Эривань. 26-го апрѣля.

Сегодня по утру, прислалъ сердарь своего адъютанта и секретаря мирзу-Джаффера [1]) спросить о моемъ здоровьи, а еще болѣе, какъ замѣтилъ я, чтобы вывѣдать, зачѣмъ я отправленъ, и узнать о посольствѣ нашемъ и о всемъ, въ Россіи происходившемъ. Въ одиннадцать же часовъ пришелъ ферашъ-баши (начальникъ слугъ) пригласить меня къ сердарю.

Въ сопровожденіи татаръ, при мнѣ находившихся, отправился я съ

---

[1]) Слово мирза, когда стоитъ послѣ имени собственнаго, какъ напримѣръ: — Аббасъ-мирза, Сеферъ-Муллукъ-мирза, Хозревъ-мирза и т. п., означаетъ принца. Если же оно поставлено впереди имени, какъ здѣсь, или какъ напримѣръ: Мирза-Нариманъ, Мирза-Али-Эгберъ, и проч., то означаетъ секретаря, иногда министра и вообще чиновника гражданской службы. Мирза однако же можетъ быть при томъ и ханомъ (высшее дворянское достоинство), какъ, напримѣръ, персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ (бывшій нѣкогда посломъ въ Россіи и Англіи) Мирза-Аббулъ-Гассанъ-ханъ. Дипломатическихъ чиновниковъ нашей миссіи персіане называли также мирзами.

К.... верхомъ [1]). Впереди шелъ ферашъ-баши и нѣсколько ферашей, которые палками разгоняли толпящійся вокругъ насъ народъ. Одинъ изъ моихъ людей назначенъ былъ для раздаванія милостыни дервишамъ и нищимъ. Послѣднихъ колотили немилосердно, но, привыкшіе къ такому обхожденію, они тѣснились и принимали почти съ одинакимъ усердіемъ и деньги и побои. Съ такимъ церемоніаломъ въѣхали мы въ крѣпость, построенную на крутой скалѣ берега Занги и окруженную двумя рвами и тремя толстыми и высокими стѣнами. Передъ крѣпостью на площадкѣ стоялъ артиллерійскій паркъ, составленный изъ 6-ти орудій малаго калибра съ красными лафетами, въ самомъ жалостномъ видѣ. Иныя были безъ колесъ и стояли на колодахъ. Зарядныхъ ящиковъ и даже передковъ вовсе не было. Часовой въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, спрятанныхъ въ кожѣ, которою были безобразно обернуты его ноги, съ ружьемъ на плечѣ, важно прогуливался на посту своемъ. Меня съ намѣреніемъ повезли мимо этого парка, но довольно однако же далеко, полагая, что не замѣчу тогда неисправностей артиллеріи. Провожавшіе меня персіане обратили мое вниманіе на эту батарею и старались увѣрить, что крѣпость въ весьма хорошемъ оборонительномъ положеніи. Внутренно улыбаясь надъ ихъ самонадѣянностію [2]), я выказывалъ свое удивленіе насчетъ всего мною видѣннаго. Въ самой крѣпости была съ обѣихъ сторонъ вродѣ шпалеровъ разставлена иррегулярная пѣхота, т. е. ободранная толпа, вооруженная саблями и ружьями, изъ коихъ нѣкоторыя были даже безъ замковъ.

На дворѣ дворца, построеннаго, какъ и всѣ жилища въ Персіи, изъ нежженнаго кирпича, сошли мы съ лошадей и вошли въ Диванъ-ханэ [3]). Зала эта съ одной стороны, какъ открытая галлерея, примыкала къ саду. Тутъ, на террасѣ, билъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. На противуположной сторонѣ, надъ крутизною быстрой Занги, сквозь отворенныя окна рисовался на темноголубомъ небѣ величественный Араратъ и правый берегъ рѣки, съ садами и посреди ихъ бесѣдкою сердаря. Окна и вся комната были убраны разноцвѣтными стеклами. Полъ былъ устланъ гератскими коврами.

Напротивъ сердаря, сидѣвшаго на полу и облокотившагося на большую круглую подушку, поставлены были для насъ двое креселъ, что̀

---

[1]) Полная фамилія въ оригиналѣ не обозначена.

[2]) Впослѣдствіи однако же крѣпость Эриванская, и безъ того сильная уже по природному мѣстоположенію своему, была снабжена всѣмъ нужнымъ для долговременной обороны.

[3]) Диванъ-ханэ, во дворцахъ называется аудіенціонная зала; въ прочихъ же домахъ это гостиная или пріемная комната. Въ великолѣпныхъ и огромныхъ шатрахъ персидскихъ находятся также диванъ-ханэ, убранные богатыми коврами.

означало большое вниманіе и уваженіе со стороны персіанъ. Передъ сердаремъ лежали большіе карманные часы и красиво эмальированный кувшинъ.

Я отдалъ письмо, которое сердарь положилъ подлѣ себя, не распечатавъ, потому, что не умѣлъ читать. На террасѣ стояло множество придворныхъ, и между ними секретарь мирза-Джафферъ, которому приказано было прочесть письмо вслухъ. Пока сердарь черезъ переводчика со мною разговаривалъ, ему и намъ принесли богатые кальяны. Просидѣвъ такимъ образомъ около часу времени, я всталъ и простился съ сердаремъ, который, обѣщая мнѣ прислать мегмендаря, т. е. провожатаго для дороги, пробормоталъ, кивая важно головою: Худофисъ [1]).

Мы отправились домой тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и прежде, провожаемые любопытными, которые толпились вокругъ насъ, не взирая на побои, раздаваемые ферашами съ удивительною щедростію и ловкостію. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ армянскій меликъ Сачакъ, объявить мнѣ отъ имени сердаря, что его высокостепенство былъ мною весьма доволенъ и присылаетъ еще черную овцу.

Завтра утромъ я отправлюсь далѣе.

Сердарь эриванскій Гуссейнъ-Кули-ханъ, 86-ти лѣтній старецъ, родомъ каджаръ, какъ и самъ шахъ. Онъ одинъ изъ первыхъ вельможъ Персіи и имѣетъ полную довѣренность своего государя, который отчасти ему обязанъ престоломъ. Какъ непримиримому врагу русскихъ, ему поручена область Эриванская, пограничная съ Россіею.

Онъ управляетъ ею хорошо, привелъ въ такое состояніе, что она почитается одною изъ лучшихъ и богатѣйшихъ провинцій Персіи, и пріобрѣлъ любовь и уваженіе магометанскихъ жителей; но армянъ онъ притѣсняетъ. Любя восточную пышность, онъ имѣетъ большой дворъ. Его приближенные богаче и лучше содержаны, нежели какъ служащіе у самого наслѣдника.

Не умѣя ни читать, ни писать, онъ безъ образованія; но одаренъ отъ природы умомъ и тѣми способностями, которыя нужны для государственнаго человѣка въ Персіи.

Деревня Девалу. 27-го апрѣля.

Хотя изъ Эривани мы выѣхали рано утромъ, однако же не освободились отъ непріятной церемоніи, которой всѣ иностранцы подвергаются въ Персіи. Эта церемонія состояла въ томъ, что, бывъ предметомъ любопытства всего города, насъ провожала толпа праздной черни. Нищіе толпились и, прося подаянія, едва не тащили насъ съ

---

[1]) Прощай!—Это выраженіе есть начало цѣлой фразы, которая однако же почти никогда не говорится вся.

лошадей. Дервиши молились и благословляли на путь крикомъ, походившимъ болѣе на проклятія. Плясуны и фигляры коверкались подъ ногами лошадей, останавливали насъ на каждомъ шагу и судорожными и неблагопристойными движеніями, ходя то на рукахъ, то на головѣ, казалось, хотѣли испытывать наше терпѣніе. Пѣсельники и какіе-то крикуны ревѣли немилосердно. Музыканты били въ бубны, брянцали на какихъ-то лютняхъ, вродѣ нашихъ балалаекъ, и трубили въ большіе загнутые вверхъ рога, коихъ глухой гулъ наводилъ тоску и уныніе. Словомъ, всѣ шумѣли и кричали. Мы раздавали деньги, кому только могли. Люди же наши щедрѣе насъ надѣляли ударами всѣхъ безъ изъятія, дѣйствуя вправо и влѣво большими дубинами и нагайками.

За городомъ передъ нами открылась прекрасная равнина Эриванской области. Множество разбросанныхъ селеній, окруженныхъ зеленью садовъ, оживляли эту картину. Быстрый Араксъ мчался, изгибаясь близъ подошвы Арарата, и мелькалъ вдали серебряною змѣею. Двѣ снѣжныя вершины Арарата, ярко позолоченныя лучами солнца, сближаясь другъ къ другу, казалось, шли намъ навстрѣчу. Искусственные водопроводы часто останавливали насъ, и мы должны были иногда объѣзжать довольно далеко, чтобы для дрожекъ моихъ находить переѣздъ.

Вечеромъ пріѣхали мы въ Девалу.

Деревня Норашенъ. 28-го апрѣля.

Выѣхавъ сегодня изъ Девалу, еще нѣсколько любовались мы прекрасною долиною; но скоро она превратилась въ голую, скучную степь, изрѣдка населенную и кой-гдѣ пересѣченную возвышенностями. Дорогою виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ около ручейковъ черныя палатки кочующихъ куртинцевъ. Иногда выскакивалъ изъ кочевья на лихомъ конѣ любопытный куртинецъ, чтобы посмотрѣть на насъ. Длинная бамбуковая пика, небольшой щитъ изъ кожи носорога, на головѣ платокъ въ видѣ чалмы или шапка съ висячимъ внизъ краснымъ концомъ, въ родѣ казачьей, иногда вмѣсто архалука, куртка, обшитая шнурками,— вотъ одежда этой неустрашимой конницы.

Дрожки мои возбуждали любопытство не только куртинцевъ и жителей селеній, но даже и самыхъ животныхъ. Забавно было видѣть, какъ иногда пасущійся близъ дороги рогатый скотъ, слыша стукъ колесъ, подходилъ медленно къ дорогѣ и съ удивленіемъ вглядывался въ незнакомый для него экипажъ; при приближеніи же его вдругъ съ испугу поворачивался и бѣжалъ назадъ, лягаясь и дѣлая самыя смѣшныя тѣлодвиженія. Мы не разъ этимъ забавлялись. Послѣ небольшаго привала въ селеніи Куши, приблизились мы къ нѣсколькимъ деревнямъ, которыя всѣ вмѣстѣ называются Шаруръ. Въ одной изъ нихъ, Норашенъ, мы остановились для ночлега. Тутъ для проѣзжихъ построенъ домъ,

какъ и въ Девалу. Большой дворъ окруженъ зеленою стѣною и раздѣленъ на двѣ части. На одной сторонѣ конюшни, на другой домъ въ одинъ этажъ съ двумя покоями, совсѣмъ открытыми со стороны двора; въ каждомъ покоѣ небольшой камелекъ и въ стѣнахъ ниши, которыя служатъ шкапами. Вотъ обыкновенная архитектура здѣшнихъ строеній, и одни только украшенія и величина комнатъ составляютъ великолѣпіе и богатство домовъ.

Мегмендарь, данный мнѣ изъ Эривани, провожаетъ насъ безотлучно, и намъ рѣшительно не нужно ни о чемъ хлопотать. Лошади и пища для насъ и для прислуги нашей доставляются безденежно; но я обязанъ за то дѣлать хозяевамъ, гдѣ пристаю, подарки, превышающіе цѣнность всего нами употребляемаго.

При путешествіяхъ въ Азіи, мегмендарь необходимъ. Безъ него христіане не получали бы иногда и за деньги того что, имъ нужно. Мегмендарь получаетъ фирманъ (повелѣніе), въ которомъ написано, сколько ежедневно долженъ требовать. Тутъ не пропущено ни малѣйшей бездѣлицы и все назначено въ излишествѣ. По этому фирману онъ все нужное собираетъ отъ жителей, при чемъ конечно находитъ свои выгоды. Уѣзжая, даетъ имъ квитанціи въ полученномъ, и при сборѣ податей всякій представляетъ квитанціи въ зачетъ денегъ, которыя долженъ уплатить. Мегмендари даются только знатнымъ путешественникамъ и чиновникамъ, посылаемымъ правительствомъ по важнымъ порученіямъ. Иностранцы однако же всѣ безъ исключенія пользуются этою почестію. Когда пріѣзжали мы на ночлегъ, то намъ тотчасъ постилали на полъ ковры, и высокій стройный персіанинъ (они вообще большаго роста и стройны) приносилъ на головѣ обѣдъ, разложенный на большомъ подносѣ, и, становясь на колѣни, тихо опускалъ его передъ нами на коверъ. Подносы эти, всегда круглые, сдѣланы изъ металла и обыкновенно вылужены. Иногда кругомъ ихъ рѣшеточка составлена изъ буквъ, которыми означено какое-нибудь реченіе Корана. На подносѣ разложены чу́реки, т. е. огромные тонкіе блины или сухари, употребляемые вмѣсто хлѣба и салфетокъ. При обѣдѣ и ужинѣ любимая приправа персидскихъ блюдъ, зеленый лукъ, никогда не забывается. Онъ наложенъ особенными большими кучками и употребляется безпрестанно. Не имѣя ни ножей, ни вилокъ, персіане ѣдятъ всегда пальцами правой руки. По окончаніи обѣда или ужина, приносится высокій металлическій кувшинъ съ теплою водою для омовенія рукъ. Полотенецъ и салфетокъ у персіанъ нѣтъ, и для того они утираются всегда носовыми платками. Послѣ обѣда, а часто и цѣлый день они сидятъ на колѣняхъ или полулежа облокачиваются на круглыя подушки, въ родѣ вальковъ, молча и куря кальянъ или трубки. Это восточный к е й ф ъ.

Зная, что въ Персіи нѣтъ хорошаго вина (исключая ширазскаго.

котораго весьма трудно здѣсь достать), я взялъ съ собою цѣлый бурдюкъ кахетинскаго вина. Магометане, не взирая на запрещеніе Корана, большіе пьяницы и находятъ всегда тому какой-нибудь предлогъ или извиненіе. Сейчасъ, напримѣръ, прислала ко мнѣ жена здѣшняго Асланъ-хана, дочь сердаря эриванскаго, овцу и арбузъ, и огромную пустую чашу, прося наполнить ее для больнаго мужа тѣмъ лѣкарствомъ, которое у меня въ бурдюкѣ. Я полагалъ, что свиной бурдюкъ спасетъ вино отъ персіанъ, но ошибся. Свиная ножка безпрестанно развязывается, бурдюкъ мой съ часу на часъ дѣлается тоще и тоще, и нектаръ Кахетіи наполняетъ огромные сосуды беззаконниковъ.

Нахичевань. 29-го апрѣля.

Выѣхавъ изъ Норашена, мы тотчасъ же должны были переправляться въ бродъ черезъ десять рукавовъ Арпачая. Теперь въ нихъ воды было мало, и нѣсколько рукавовъ были совсѣмъ сухи, но иногда, при сильномъ разлитіи, все пространство такъ заливаетъ, что образуется озеро, и тогда переправа опасна. Въ селеніи Каврахъ мы сдѣлали привалъ. Здѣсь провезено было одно восьми-фунтовое орудіе. Два топчи (артиллериста) верхами на хорошихъ лошадяхъ провожали его. Эти топчи были хорошо одѣты. Красивыя черныя бараньи шапки, темно-синія суконныя куртки съ красными воротникомъ и обшлагами, широкія бѣлыя шаровары—все это такъ ловко и свободно сшито; все такъ способно для дѣйствія артиллериста около орудія. Хотя топчи и были верхами, но не должно полагать, чтобы это была конная артиллерія, Она въ Персіи не существуетъ. На походѣ вообще многіе солдаты, даже пѣхотные имѣютъ собственныхъ лошадей илиословъ, на которыхъ ѣдутъ верхами.

Тавризъ. 2-го мая.

Въ 5 часовъ вечера мы подъѣзжали къ Тавризу, который имѣетъ издали довольно красивый видъ. Въ шести верстахъ отъ города у большаго каменнаго моста встрѣтилъ насъ исправлявшій тогда должность повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи при дворѣ персидскомъ, Амбургеръ, съ прочими чиновниками россійской миссіи и съ множествомъ купцовъ и другихъ русскихъ подданныхъ, выѣхавшихъ навстрѣчу въ богатыхъ одеждахъ и верхами на прекрасныхъ персидскихъ жеребцахъ.

Вскорѣ встрѣтилъ меня присланный отъ Аббасъ-мирзы (наслѣдника) съ привѣтствіемъ начальникъ вновь сформированнаго гвардейскаго баталіона Кассимъ-ханъ.

Близъ города встрѣтили насъ, какъ обыкновенно, плясуны, дервиши, нищіе, музыканты и любопытные, которые, шумя и коверкаясь, провожали насъ до города. По узкимъ улицамъ между высокихъ стѣнъ, окру-

жающихъ дома, гдѣ на верху всегда множество собакъ лаютъ и грызутся,—притащились мы наконецъ на свою квартиру.

Тавризъ, отдаленный отъ Маранда на 10 агачей или 65 верстъ, столица персидскаго Нагибъ-Султанэ, Шахъ-Задэ Аббасъ-мирзы [1]. Городъ этотъ нѣкогда былъ довольно великъ, но послѣднее землетрясеніе (бывшее впрочемъ 40 лѣтъ тому назадъ) его почти совсѣмъ разрушило. А какъ здѣсь совсѣмъ не думаютъ о строеніяхъ и устройствѣ городовъ, то слѣды этого землетрясенія еще до сихъ поръ не изгладились.

5-го мая.

Я живу въ домѣ россійской миссіи и имѣю безсмѣнный персидскій караулъ, изъ одного унтеръ-офицера и нѣсколькихъ сарбазовъ состоящій. Сарбазами называются персидскіе пѣхотные солдаты. Тѣ изъ нихъ, которые служатъ въ войскѣ самого шаха, зовутся джамбазами [2].

Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о строгомъ порядкѣ здѣшней гарнизонной службы, разскажу поступокъ одного изъ сарбазовъ моего караула. Для облегченія солдатъ я не приказалъ выходить для меня безпрестанно въ ружье, такъ что одинъ только часовой у фронта отдавалъ мнѣ честь, а прочіе обыкновенно разсуждали и играли съ нашими людьми. Въ одной изъ этихъ дружескихъ бесѣдъ кучеръ мой, природный русскій, поссорясь съ однимъ изъ сарбазовъ, поколотилъ его порядочно, извиняясь впослѣдствіи передо мною тѣмъ, что тотъ бусурманъ. Сдѣлавъ ему за это строгое замѣчаніе и запретивъ впередъ бить даже и бусурмановъ, далъ я битому сарбазу два червонца. Довольный такою наградою, онъ послѣ того, когда даже и не стоялъ на часахъ, не позволялъ никому мнѣ отдавать чести; но, увидя меня издали, подбѣгалъ къ часовому, вырывалъ у него ружье, сталкивалъ его съ мѣста и самъ, улыбаясь, отдавалъ мнѣ честь. Впослѣдствіи хотя другіе товарищи его, видя значительную выгоду быть битыми русскими, старались всячески заводить ссору и драку съ моимъ кучеромъ, но онъ уже самъ избѣгалъ ея для того только—какъ признавался мнѣ—чтобы не доставлять тѣмъ выгоды бусурманамъ, коихъ былъ непримиримымъ врагомъ.

Домъ нашей миссіи въ Тавризѣ отдѣланъ по-европейски; столы и кресла отличаютъ его отъ прочихъ персидскихъ домовъ, гдѣ все убранство въ комнатѣ состоитъ въ богатомъ большомъ коврѣ посреди пола, вокругъ котораго вдоль стѣнъ положены узкіе, но длинные верблюжіе войлоки съ разноцвѣтными узорами или міанскіе продолговатые верблюжіе ковры.

---

[1]) Нагибъ-Султанэ—по-персидски наслѣдникъ султана (т. е. шаха); Шахъ-Задэ—сынъ шаха.

[2]) Сарбазъ значитъ головою играющій, джамбазъ—душою играющій.

На другой день моего пріѣзда имѣлъ я нѣсколько посѣщеній. Аббасъ-мирза, находясь за городомъ, прислалъ съ привѣтствіемъ своего церемоніймейстера Мегметъ-Хуссейнъ-хана. Второй министръ въ Персіи Мирза-Абдулъ-Кассимъ каймакамъ (поэтъ и сынъ извѣстнаго здѣсь нѣкогда покойнаго Мирза-Бизюрка) прислалъ мнѣ въ подарокъ вазу съ сиренями.

Должно знать, что еще издревле существуетъ въ Персіи обыкновеніе посылать людямъ, которымъ хочешь показать особенное расположеніе или дружбу, цвѣты, фрукты и другіе подарки. Гуляя по саду, персіанинъ никогда не пропуститъ случая поднести вамъ букетъ изъ розъ или другихъ цвѣтовъ, сказавъ ласковое привѣтствіе. Они вообще большіе мастера на комплименты, говорятъ все въ отвлеченномъ смыслѣ, любятъ аллегорію и сравненіе, и потому разговоръ ихъ, хотя рѣдко бываетъ искреннимъ, но довольно пріятенъ. Иногда однако же сравненія черезчуръ натянуты и приторны, такъ, что возбуждаютъ невольный смѣхъ. Докучливая ихъ учтивость также скоро надоѣдаетъ.

Всѣ эти дни проходили во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Я познакомился съ англичанами, служащими у Аббасъ-мирзы, а именно съ капитаномъ Гартономъ, инструкторомъ здѣшнихъ регулярныхъ войскъ, и съ докторомъ Корминкомъ. У меня былъ племянникъ каймакама Измаилъ-ханъ, молодой, довольно образованный говорунъ, родъ персидскаго fachionable и Ахметъ-ханъ, сынъ здѣшняго Беглеръ-беги, т. е. генералъ-губернатора Θехтъ-Али-ханъ. Отецъ его посланъ на границу Карабага для встрѣчи князя Меншикова.

Сегодня въ первомъ часу по полудни потребовалъ меня къ себѣ Аббасъ-мирза. Мы поѣхали обыкновеннымъ церемоніаломъ верхами, я, К—нъ [1]) и Амбургеръ, который находится здѣсь уже семь лѣтъ и прекрасно говоритъ по-персидски. Шествіе шло по узкимъ улицамъ Тавриза мимо базара, среди толпы любопытныхъ. По приближеніи нашемъ ко дворцу, цѣлая рота, въ караулѣ стоявшая, вышла въ ружье и отдала намъ честь съ барабаннымъ боемъ.

Мы вошли въ небольшой покой, гдѣ сидѣли придворные. Тутъ, по обыкновенію, всѣ тѣ, которые должны были предстать предъ наслѣдникомъ, надѣвали длинные красные чулки. Европейцы также подвержены этой церемоніи, исключая русскихъ, которые входятъ въ сапогахъ. Какъ у персіанъ въ комнатахъ по коврамъ ходятъ въ однихъ чулкахъ, а зеленыя на высокихъ каблукахъ туфли оставляютъ у порога дверей, то и мы на улицахъ носили всегда калоши, которыя, входя въ комнату, снимали, чтобы не марать персидскихъ богатыхъ ковровъ. Пока продолжалась чулочная комедія и ханы вмѣсто черной бараньей шапки

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

надѣвали другія, обернутыя шалью, намъ подносили кальяны. Важные вельможи, когда они при дворѣ, то носятъ всегда на головѣ шали. Это однако же особое отличіе, на которое должно получать позволеніе, даваемое иногда въ видѣ награды. Здѣсь, въ этой маленькой гардеробной комнатѣ, происходили, сколько я могъ замѣтить, всѣ придворныя интриги и сплетни. Сидя посреди разговаривающихъ бородачей, я очень сожалѣлъ, что не понималъ ихъ, а то конечно услышалъ бы много любопытнаго. Наконецъ насъ потребовали на аудіенцію.

Мы вошли на обширный дворъ, гдѣ у открытой стороны большой залы, называемой диванъ-ханэ (т. е. пріемная), сидѣлъ Аббасъ-мирза на коврѣ. Передъ нами шелъ церемоніймейстеръ. Вмѣстѣ съ нимъ сдѣлали мы три обычныхъ поклона, одинъ входя во дворъ, другой на половинѣ дороги, третій приближаясь къ диванъ-ханэ, куда вошли, оставя у порога наши калоши. Мы были по европейскому обычаю съ открытыми головами, всѣ же прочіе въ шапкахъ.

Аббасъ-мирза, кивая головою, повторилъ нѣсколько разъ: хошъ-келды! (добро пожаловать, обыкновенное персидское привѣтствіе) и приказалъ намъ сѣсть. Въ самой залѣ кромѣ насъ никого не было, а на террасѣ у самаго пристѣнка открытой стороны стоялъ каймакамъ. Посреди двора стояли два персіанина съ сѣкирами. Это исполнители казней или просто палачи. Далѣе за ними стояли на благородномъ, какъ говорится, разстояніи прочіе вельможи и придворные.

Я отдалъ Аббасъ-мирзѣ письма, и мы всѣ сѣли на коверъ, потому что креселъ не было. Прочтя письма, его высочество началъ со мною разговаривать очень благосклонно и иногда шутилъ. Ему, напримѣръ, очень нравились черные глаза и волосы К—на, и онъ удивлялся, что холодный сѣверъ, а не Персія произвела ихъ. Когда же я сказалъ его высочеству, что К—нъ родомъ изъ Архангельска, лежащаго еще ближе къ сѣверу, чѣмъ Петербургъ, то онъ, оборотясь къ нему, сказалъ, улыбаясь:

— И такъ вамъ стоило только шагнуть, чтобы быть на другомъ полушаріи.

Я между прочимъ изъявилъ желаніе видѣть вновь сформированный гвардейскій баталіонъ. Довольный этимъ, наслѣдникъ Персіи приказалъ его показать и просилъ меня послѣ того сказать откровенно мое мнѣніе, потому что, зная, что я служилъ и самъ формировалъ часть войска подъ личнымъ начальствомъ царствующаго нынѣ императора, онъ увѣренъ, что я долженъ хорошо знать службу. Аудіенція продолжалась слишкомъ часъ, и потомъ мы были отпущены благосклонно.

Аббасъ-мирза, прекрасный мужчина средняго роста, лѣтъ сорока двухъ. Онъ одѣвается весьма просто, и только кинжалъ украшенъ драгоцѣнными камнями неимовѣрной величины. Онъ говоритъ пріятно и

ласково, и весьма отличаетъ европейцевъ. Регулярное войско въ Персіи введено имъ. Не имѣя твердаго нрава, онъ слушаетъ совѣты окружающихъ и подверженъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые составляютъ отличительный характеръ персіанъ. Между этими пороками самые непозволительные, въ особенности для наслѣдника престола,—сребролюбіе и вѣроломство. Хотя онъ, какъ и шахъ, почитаются въ Персіи самыми добрыми и милосердными изъ всѣхъ деспотовъ Азіи, однако еще недавно Аббасъ-мирза приказалъ въ своемъ присутствіи распороть кинжаломъ животъ одному изъ придворныхъ своихъ и смотрѣлъ хладнокровно, какъ несчастный въ ужасныхъ мукахъ при немъ скончался. Потомъ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ на охоту. Не знаю тайной причины этой казни, но явная была та, что онъ во время салама [1]), долго продолжавшагося, посмотрѣлъ на часы свои, изъ чего Аббасъ-мирза заключилъ, что ему скучно быть у него и что онъ предпочитаетъ удовольствіе гарема своей обязанности.

10-го мая.

Вчера смотрѣлъ я ученье здѣшняго гвардейскаго баталіона. Между ротными командирами отличались двое сыновей, Аббасъ-мирза [2]) и его племянникъ. У каждой роты находился англійскій фельдфебель, замѣчавшій и поправлявшій ошибки. Капитанъ Гартонъ, въ красномъ его изобрѣтенія сюртукѣ (онъ называлъ это uniforme de phantaisie), съ русскимъ киверомъ на головѣ [3]) находился повсюду, гдѣ присутствіе его было нужно, и съ палкою въ рукѣ распоряжался ученьемъ. Власть его обширна. Онъ имѣетъ право наказывать палками по пятамъ полковниковъ и офицеровъ, что̀ онъ иногда и дѣлаетъ. Не знаю, можетъ-ли чинопочитаніе идти далѣе.

Ученье продолжалось два часа и, признаюсь, превзошло мое ожиданіе. Все дѣлалось по англійскому уставу. Ловкость ружейныхъ пріемовъ, плавность движеній, чистота и правильность построеній, полнота шага, тишина во фронтѣ, словомъ, всѣ тонкости и сноровки, коихъ техническіе термины можете узнать отъ любаго фельдфебеля и коихъ упущенія приводятъ въ отчаяніе хорошихъ служакъ,—все было соблюдено въ точности. Въ одеждѣ, которая довольно хороша (въ особенности шапки) замѣтно небреженіе. Аммуниція не хороша и совсѣмъ не пригнана.

---

[1]) Саламомъ называется съѣздъ во дворцѣ всѣхъ знатныхъ вельможъ по какому-нибудь торжественному случаю.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ и Хозревъ-мирза, присланный впослѣдствіи въ С.-Петербургъ, по случаю умерщвленія Грибоѣдова.

[3]) Странно было видѣть англійской службы капитана, у котораго на киверѣ (купленномъ въ Тифлисѣ) была бляха съ Андреевскою звѣздою и надписью за вѣру и вѣрность.

Баталіонъ, построенный по-англійски въ двѣ шеренги, сформированъ изъ рослыхъ красивыхъ людей. Офицеры отличаются отъ солдатъ только красными кушаками и бородами. Солдаты почти всѣ были бриты. Персіане вообще стройны, ловки, неутомимы, довольствуются малою пищею, уважаютъ мужество, однимъ словомъ, одарены всѣми качествами нужными для солдата, и потому, при лучшемъ образованіи и хорошихъ офицерахъ, Персія могла бы имѣть прекраснѣйшее войско. Но что можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ никакого устройства въ правительствѣ и высшемъ управленіи, гдѣ все основано на самоуправствѣ и гдѣ необразованныхъ начальниковъ можно бить по пятамъ палками? Честолюбіе, неоспоримо, есть главнѣйшая пружина великихъ подвиговъ; самое даже чинопочитаніе должно быть на немъ основано; безъ этого войско не можетъ быть славнымъ.

На-дняхъ Аббасъ-мирза прислалъ мнѣ сласти, приготовленныя въ гаремѣ его женами. Должно знать, что когда шахъ или его наслѣдникъ посылаетъ кому-либо подарокъ, то этому подарку отдается такая же почесть, какъ и имъ самимъ. И вотъ почему для бараньяго сала съ медомъ и другимъ подобнымъ же гадостямъ, принесеннымъ ко мнѣ на огромныхъ подносахъ съ большимъ церемоніаломъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ,—всѣ караулы отдавали честь съ барабаннымъ боемъ и играли: Боже, царя спаси (God save the King), потому что при отданіи чести музыкантами, играютъ въ Персіи эту англійскую пѣснь, какъ тогда было и у насъ въ Россіи.

Я начинаю пріучаться къ персидскимъ обычаямъ; сижу въ черной бараньей шапкѣ на коврѣ, поджавши ноги, говорю встрѣчающимся селямъ-алейкумъ (здравствуй), приходящимъ ко мнѣ: хошъ-гелды (добро пожаловать), уходящимъ: худо-фисъ (прощай), и вотъ я себѣ уже воображаю, что знаю очень много по-персидски. Курить такая же необходимость въ Персіи, какъ у насъ, въ Россіи, играть въ вингъ, вотъ почему и я принялся за кальянъ и кричу каждые полчаса: Бега! каліунъ біаръ, т. е., малый, подай кальянъ, на что̀ малый отвѣчаетъ: Бэлэ! т. е. слушаю! Слово бэлэ собственно значитъ да! но оно имѣетъ множество различныхъ и иногда даже совсѣмъ не сходныхъ между собою значеній, какъ малороссійское эгэ. Иногда оно значитъ да, иногда нѣтъ, иногда: слушаю, иногда же: что угодно. Часто оно вопросъ, часто отвѣтъ, однимъ словомъ, весь его смыслъ заключается въ удареніи и напѣвѣ, съ коими его произносятъ; вотъ тутъ уже точно можно сказать: le ton fait la musique. Когда кальянщикъ приноситъ вамъ кальянъ, то онъ держитъ его въ лѣвой рукѣ, правую кладетъ на сердце и низко кланяется. Обычаи Востока меня очень занимаютъ. Я наблюдаю ихъ и вижу, что и тутъ, какъ въ просвѣщенной Европѣ, можно

написать огромные томы свѣтскихъ нелѣпостей, странностей и несообразностей.

11-го мая.

Вчера ѣздили мы осматривать окрестности города и встрѣтили весь гаремъ Аббасъ-мирзы. Жены его гуляли и сидѣли по-мужскому. Длинныя покрывала съ головы до ногъ скрывали прелести ихъ, и сѣтки въ родѣ кружевовъ или тюля покрывали отверстія, сдѣланныя для глазъ, такъ что не можно даже было различить цвѣта глазъ.

Не удивительно, что я возвращусь изъ Персіи, не видѣвъ женщинъ. Меня удивляетъ, что персіанки, сотворенныя такъ же, какъ и прочія женщины, и имѣющія, судя по климату, чувства пылкія, при всемъ угнетеніи и неволѣ, терпѣливо сносятъ свое заключеніе и не отыскиваютъ права повелѣвать своими мужьями, какъ это водится у насъ въ Европѣ. Странно было видѣть, какъ при нашемъ приближеніи безбородый и блѣдно-желтый стражъ этихъ несчастныхъ грозными криками и поднятою палкою собралъ ихъ, какъ стадо овецъ, въ одну кучу и приказалъ отвращать отъ насъ любопытные взоры. Мы сами поѣхали въ сторону, чтобы избавить женъ его высочества отъ побоевъ и самимъ не подвергаться дерзости евнуха, который всегда громко ругаетъ и грозитъ встрѣчающимся. Одинъ изъ чиновниковъ нашей миссіи въ Тавризѣ, при такой же встрѣчѣ, едва не претерпѣлъ одинъ разъ удара отъ этого хранителя гарема, который на него замахнулся палкою. Хотя по жалобѣ этого чиновника, ханумъ (т. е. главная жена) и приказала тотчасъ же при себѣ наказать дерзкаго нѣсколькими сотнями ударовъ по пятамъ; однако я полагаю, что она сдѣлала это болѣе изъ мщенія, дабы отплатить ему за полученные ею нѣкогда отъ него побои.

Должно знать, что изъ множества женъ, позволяемыхъ имѣть магометанамъ,—пять только законныхъ. Первая изъ числа этихъ пяти, называемая ханумъ, повелительница въ гаремѣ, и она пользуется общимъ уваженіемъ, хотя бы даже и не была любима мужемъ. Приказанія ея отчасти исполняются. Не смотря на это она, не бывъ еще первою женою, могла легко подвергаться побоямъ евнуха, который имѣетъ право бить всѣхъ прочихъ невольницъ гарема, чѣмъ даже доказываетъ исправность свою и приверженность къ своему повелителю. Евнухи шаха и Аббасъ-мирзы пользуются особенною довѣренностію и имѣютъ вліяніе на государственныя дѣла. Они допускаются всюду безъ доклада и могутъ присутствовать, если хотятъ, при совѣтахъ и совѣщаніяхъ всякаго рода.

13-го мая.

Сердарь эриванскій донесъ, что у Башъ-Абарана русскіе начали строить укрѣпленіе, и потому персидскія войска расположились по бли-

зости лагеремъ. По этому случаю былъ я сегодня въ пять часовъ утра у каймакама, а позже у Аббасъ-мирзы. Послѣ многихъ переговоровъ объявилъ я его высочеству желаніе ѣхать съ Амбургеромъ по дорогѣ къ Карабагу, чтобы на Араксѣ встрѣтить князя Меншикова и увѣдомить его объ этомъ происшествіи. Аббасъ-мирза согласился на это и посылаетъ съ нами Мирзу-Джафера съ письмомъ къ князю.

15-го мая. Деревня Шегерекъ.

Сегодня въ 8 часовъ утра оставили мы Тавризъ и пустились въ путь верхами. Все время мы ѣхали безплодными и скалистыми горами и ущельями. Въ 3 часа по полудни пріѣхали мы въ деревню Шегерекъ, въ 45 верстахъ отъ Тавриза. Вьюки наши едва только притащились въ 8 часовъ вечера, и тогда намъ для ночлега раскинули палатки близъ ручейка.

17-го мая. Селеніе Пуште Беглу (близъ города Ахара).

Вчера мы выѣхали рано утромъ. Дорога шла черезъ горы, ущелья и прекрасныя долины. Насъ догналъ Мирза-Джаферъ. Тогда караванъ нашъ, увеличась, принялъ видъ совершенно восточный. Впередъ отправлялись вьюки съ палатками. За нами ѣхали кальянщики наши, которые, останавливаясь, чтобы закуривать кальяны, подвозили намъ ихъ всегда на рысяхъ. Впереди къ сѣдлу кальянщика придѣланы особыя кобуры для графина, чубуковъ и прочаго прибора. Съ боковъ висятъ на длинныхъ цѣпочкахъ, съ одной стороны кожанная бутыль съ водою, съ другой желѣзная жаровня съ пылающими угольями. Жаровня эта безпрестанно болтается подъ брюхомъ лошади.

Въ виду города Ахара, намъ раскинули палатки. Мы теперь въ провинціи Карадагской, которая отъ Карабага отдѣляется Араксомъ.

19-го мая. Деревня Ногади.

Вчера утромъ отправились мы далѣе. Безпрестанный дождь служилъ доказательствомъ, что мы удалялись отъ знойныхъ равнинъ Персіи и поднимались на горы. На вершинѣ высокой горы, близъ Ахъ-дерэ (т. е. бѣлое ущелье), въѣхали мы въ тучу. Мы не могли другъ друга видѣть въ трехъ шагахъ. Непріятный холодъ и сырость проникали сквозь одежду. Спустясь по каменной тропинкѣ къ ручью, расположились мы отдохнуть и позавтракать. Солнце опять согрѣло насъ. Подъ огромными камнями нашли мы градъ необычайной величины, который выпалъ за день передъ тѣмъ и еще не растаялъ. Проѣхавъ 4 агача, т. е. 24 версты, мы ночевали въ деревнѣ Юзбендъ, гдѣ древнее покинутое кладбище странными надгробными камнями своими обратило наше вниманіе.

Намъ опять пришлось видѣть дикія красоты природы, которыхъ такъ давно не видѣли, путешествуя по однообразнымъ равнинамъ. Опять освѣжала насъ прохладная тѣнь деревъ дубовыхъ, финиковыхъ, гранатовыхъ и орѣховыхъ. Обширные луга, усѣянные то желтыми, то красными цвѣтами, а иногда однѣми незабудками, казались издали неизмѣримыми коврами, то разноцвѣтными, то голубыми. Кустарники желтыхъ розъ и жасмина вились около деревъ. Сквозь темную зелень ихъ мелькали шумящіе водопады, или величественно ниспадали съ черныхъ скалъ. Недовѣрчивости персіанъ обязаны мы были путешествіемъ по этимъ живописно-дикимъ мѣстамъ. Не желая показать обыкновенную дорогу, удобопроходимую для войска, они вели насъ тропинками по ужаснымъ горамъ и мрачнымъ ущельямъ, желая увѣрить насъ, что со стороны Карабага они безопасны и неприступны. Часто поднимаясь по ступенямъ каменистой дороги на высокія горы, то гранитныя, то мраморныя, видѣли мы надъ собою ужасныя пропасти, съ острыми въ нихъ скалами, куда по крутому узкому спуску должны были мы спускаться. Внизу иногда ревѣлъ ручей. Переходя черезъ скалы, повисшія надъ безднами, мы должны были слѣзать съ коней и вести ихъ въ поводу. Отказываясь за нами слѣдовать, лошади часто съ ужасомъ останавливались, и всякій невѣрный шагъ угрожалъ намъ неминуемой смертію.

20-го мая. Персидскій лагерь на Араксѣ.

Сегодняшній переходъ нисколько не былъ безопаснѣе вчерашняго. Пропасти и горы составляли нашъ путь. Иногда дорога вилась около крутой скалы по карнизу, висящему надъ бездною. Дремучіе лѣса придавали еще болѣе мрачности этой странѣ. Мы нашли въ глухомъ ущельѣ, заросшемъ частымъ, почти непроницаемымъ лѣсомъ, покинутое селеніе, похожее на разбойничье гнѣздо. Видѣли также зимнія жилища кочующихъ жителей. Это ямы, вырытыя въ горахъ, гдѣ они скрываются, какъ дикіе звѣри въ берлогахъ. Эти мѣста богаты дичью, и сопутники мои охотились все время нашего путешествія. Я, не бывъ охотникомъ, не раздѣлялъ съ ними трудовъ и опасностей этого удовольствія и находилъ спокойнѣе помогать имъ тогда уже, когда вкусная дичь появлялась за обѣдомъ въ видѣ жаркого.

Съ высокихъ горъ увидѣли мы Араксъ, сверкающій вдали серебряною полосою. Вправо виднѣлся Асландузскій бродъ, драгоцѣнный всякому русскому воспоминаніемъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь знаменитымъ Котляревскимъ надъ персіанами въ 1811 году. Спустясь съ горъ и выѣхавъ изъ ущелья въ пять часовъ вечера, мы пріѣхали въ лагерь Ѳетхъ-Али-хава у Худоаферинскаго моста. Этотъ древній мостъ, построенный изъ кирпича и удивляющій своими смѣлыми арками, при-

ходитъ теперь въ разрушеніе. Одна изъ арокъ его уже совсѣмъ не существуетъ и на мѣсто ея перекладины изъ дерева и хвороста, отъ чего переѣздъ черезъ этотъ мостъ не совсѣмъ безопасенъ. Вблизи видны развалины еще древнѣйшаго моста, который, если вѣрить преданіямъ, построенъ Александромъ Македонскимъ.

Мы не нашли здѣсь Ѳетхъ-Али-хана, который, какъ мегмендарь князя Меншикова, поѣхалъ къ нему навстрѣчу. Для ожидаемой русской миссіи раскинуты здѣсь великолѣпные персидскіе шатры и палатки. Почетный караулъ съ однимъ офицеромъ прибылъ отъ близъ стоящаго баталіона. Мы будемъ здѣсь ожидать князя.

22-го мая.

Вчера цѣлый день прошелъ въ ожиданіи нашей миссіи и прогулкѣ по берегу Аракса, который быстрыми и мутными своими волнами отдѣляетъ здѣсь двѣ гористыя провинціи одну отъ другой: прекрасный Карабагъ, этотъ великолѣпный дикій садъ природы, лежитъ на лѣвомъ берегу; величественныя же горы и мрачныя ущелья Карадага,—на правомъ берегу рѣки [1]).

Сегодня узнали мы, что недалеко отъ насъ на противоположномъ берегу разбиты кибитки для русской миссіи, которую скоро ожидаютъ. Въ 11 часовъ утра переправился я черезъ Араксъ и скоро встрѣтилъ выѣзжающаго изъ ущелья князя Меншикова со всею миссіею. Князя сопровождалъ Ѳетхъ-Али-ханъ съ многочисленной свитою и комендантъ крѣпости Шуши, съ множествомъ карабагскихъ бековъ. Богатство одежды, красота коней, драгоцѣнность сбруи, наѣздничество лихихъ татаръ,—все это напоминало прежнюю роскошь и минувшее великолѣпіе Востока.

До вечера оставались мы съ княземъ на лѣвомъ берегу Аракса. По порученію, мнѣ данному, я долженъ завтра же ѣхать въ Тифлисъ и потомъ опять возвратиться въ Тавризъ.

24-го мая. Село Чинахчи (въ Карабагѣ).

Вчера, пробывъ цѣлый день въ русскомъ лагерѣ, проводилъ я князя Меншикова черезъ Худоаферинскій мостъ и въ 5 часовъ вечера отправился въ Тифлисъ, верхомъ, въ сопровожденіи коменданта крѣпости Шуши и множества карабагскихъ бековъ. Скоро смерклось, небо покрылось черными тучами, и насъ настигла ужасная гроза. Громовые удары раздавались въ горахъ, и молнія безпрестанно освѣщала дикіе виды Карадаха. Дождь лился съ шумомъ. Ни бурки, ни башлыки не

[1]) Кара-багъ по-татарски значитъ черный садъ; кара-дагъ,—черная гора. Обѣ эти области, изъ коихъ первая подвластна Россіи, вторая Персіи, не могли по мѣстоположенію своему получить приличнѣйшаго названія.

спасли насъ отъ него, и мокрые и усталые, едва добрались мы поздно ночью до селенія Дашкесента, въ 45-ти верстахъ отъ Аракса, гдѣ отдохнули въ приготовленныхъ для насъ кибиткахъ.

Сегодня рано утромъ поѣхалъ я далѣе. Карабагскіе беки пестрою толпою провожали насъ. Такимъ образомъ ѣхалъ я до кочевья Шишлахъ, гдѣ въ самый полдень богатый Кассимъ-бекъ угощалъ насъ обѣдомъ. Тутъ представилась картина временъ патріархальныхъ. Въ открытой ставкѣ, на богатыхъ коврахъ сидѣли мы и важнѣйшіе беки Карабага, съ семействомъ хозяина, исключая его женъ и дочерей, которыя были отъ насъ скрыты. Далѣе, въ полѣ, прочіе гости расположились группами. Множество слугъ приносило на большихъ подносахъ пилавъ и прочія кушанья. Бурдюки съ кахетинскимъ виномъ безпрестанно истощались и замѣнялись новыми. Въ сторонѣ паслись осѣдланные наши кони. Далѣе чернѣлись кибитки карабагцевъ, и многочисленныя стада живописно пестрѣли на скатѣ высокихъ горъ. Послѣ угощенія отправились мы далѣе. Я распростился съ беками, которые разъѣхались въ разныя стороны по кочевьямъ своимъ. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Чинахчи.

26-го мая. Городъ Елизаветполь (бывшая Ганжа).

Вчера утромъ осмотрѣвъ въ Чинахчахъ прекрасный и богато убранный домъ князя Мадатова [1]), поѣхалъ я далѣе. Дорога вела черезъ дикія, но прекрасныя мѣста. Проѣхавъ 15 верстъ, когда солнце начало пробиваться черезъ густоту и мрачность лѣса, нашимъ глазамъ представилась прелестная картина. На двухъ высотахъ, отдѣляющихся отъ прочихъ пропастями, увидѣли мы бѣлую зубчатую стѣну, вѣнчающую вершины двухъ горъ. Это Шуша, неприступная и самою природою поставленная здѣсь для отраженія враговъ Карабага. Съ одной стороны крутой утесъ ея раздѣляется пропастью. Тамъ быстрый ручей мчится по огромнымъ камнямъ и мутною красноватою водою, какъ будто окровавленный, шумитъ и пѣнится. Кажется, это онъ раздвоилъ гору, и, проложивъ себѣ путь, бѣснуется между гранитными скалами [2]). Отсель низвергались въ древности преступники, какъ говорятъ народныя преданія и грузинскія легенды.

---

[1]) Этотъ домъ, который отличается внутреннимъ убранствомъ и богатствомъ мебели и бронзовыхъ вещей, изъ Франціи черезъ Черное море привезенныхъ, впослѣдствіи, при нашествіи персіанъ, былъ разграбленъ и сожженъ, равно какъ и вся деревня Чинахчи. Богатыя вещи Аббасъ-мирза отправилъ къ себѣ въ Тавризъ.

[2]) Тогда было сильное разлитіе отъ безпрестанныхъ дождей. Въ другое время года этотъ ручей весьма незначителенъ и почти не существуетъ.

По крутой, каменистой тропинкѣ, съ трудомъ добрались мы до крѣпости, скрывающейся почти всегда въ туманѣ, который и теперь спускался и скоро обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Крѣпость Шуша построена на двухъ высокихъ горахъ. Она окружена зубчатою стѣною. Посреди самой крѣпости между обѣими горами глубокая лощина. Когда облака туда спускаются, то не могутъ выдти, и крѣпость нѣсколько дней покрыта густымъ туманомъ.

Послѣ обѣда отправился я далѣе въ 7 часовъ вечера, при сильномъ дождѣ. Небо покрывалось черными тучами, и скоро сдѣлалась такая темнота, что мы сбились съ дороги и долго ѣхали, сами не зная куда. Вдругъ лошади остановились, и нельзя было принудить ихъ идти далѣе. Осмотрѣвъ или, вѣрнѣе, ощупавъ мѣсто, мы замѣтили, что передъ нами оврагъ. Брошенные туда камни насъ удостовѣрили, что онъ крутъ и довольно глубокъ. Намъ не оставалось другаго средства, какъ ожидать здѣсь разсвѣта. Мы готовились уже къ этой непріятности, какъ вдругъ на другой сторонѣ оврага заблестѣлъ огонекъ и раздались невнятные звуки разговаривающихъ людей и лай собакъ.

— Это кочевье карабагцевъ!—радостно воскликнулъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ,—у нихъ можемъ мы переночевать.

Тогда мы начали кричать имъ, что сбились съ дороги и просимъ ночлега. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что мы близъ самой дороги и продолжали бы путь свой, потому что они насъ къ себѣ не пустятъ. Ни просьба, ни угрозы наши не могли ихъ склонить. Страхъ-ли, ненависть-ли къ гяурамъ или присутствіе ихъ женъ были причинами ихъ отказа, намъ не извѣстно. Скоро огонь потухъ, голоса умолкли, и насъ опять окружила темнота непроницаемая. Вѣтеръ вылъ порывисто; дождь лился и съ шумомъ стекалъ въ оврагъ, образуя ручьи; въ кочевьѣ надъ черною бездною страшно и тоскливо выли собаки. Не смотря на бурю и непогоду, усталость наша заставляла насъ думать о покоѣ. Я снялъ съ себя промокшую бурку свою, постлалъ ее на мокрую же землю, обернулъ около руки поводья коня, легъ головою на камень и уснулъ спокойно, не смотря на холодъ и дождь. Спутники, видя мое равнодушіе, послѣдовали моему примѣру. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна я проснулся и не могъ уже опять заснуть. Я всталъ, надѣлъ опять бурку, сѣлъ на камень и отъ нечего дѣлать началъ размышлять. Мракъ ночи, шумъ вѣтра, дикость мѣста, непріятность положенія, въ которомъ я находился, отдаленность отъ отечества, все это приглашало къ задумчивости и наводило на душу уныніе. Наконецъ, дождь пересталъ; но съ горъ еще съ ревомъ текли мутные ручьи. Небо начинало проясняться, и таинственный свѣтъ луны разливался за облаками, которыя прозрачною пеленою и въ фантастическихъ формахъ мчались по небу. Скоро луна въ полномъ блескѣ выглянула изъ-за разорванныхъ тучъ и ярко

освѣтила все вокругъ меня. Я сидѣлъ на краю бездны; спутники мои спали надъ нею спокойно. Тутъ же вилась дорога, которую тщетно искали мы, находясь на ней. Я разбудилъ провожатыхъ моихъ, мы поѣхали далѣе и на посту Калчинскомъ еще нѣсколько отдохнули.

Сегодня въ 6 часовъ утра оставилъ я казачій постъ и переѣхалъ р. Тертеръ черезъ мостъ; къ 7-ми часамъ вечера я пріѣхалъ въ Елизаветполь и остановился у окружнаго начальника.

Послѣ завтра надѣюсь прибыть въ Тифлисъ, до котораго считаютъ слишкомъ 200 верстъ.

27-го мая. Нѣмецкая колонія Аненфельдъ (близъ ручья Шамхорскаго).

Въ нѣмецкой колоніи Аненфельдъ я намѣревался нанять какую-нибудь телѣгу, не будучи уже въ силахъ продолжать путешествіе верхомъ, и потому поѣхалъ туда.

Деревянный домъ, отличающійся отъ прочихъ величиною своею и множествомъ оконъ, стоялъ посреди поля. Ни крестъ, ни изображеніе пѣтуха не означали, что это храмъ. Внутри не было ни каѳедры, ни алтаря. За простымъ столомъ, на которомъ лежали книги священнаго писанія, сидѣлъ пасторъ и два кандидата его. Противу ихъ, на скамьяхъ, толстыя колонистихи съ книгами въ рукахъ. Мужчины сидѣли вдоль стѣнъ. Прихода моего никто не замѣтилъ. Я пробрался между сидящими нѣмцами, поближе къ пастору. Тогда сосѣдъ мой, толстый, грубый колонистъ въ старо-германскомъ костюмѣ голубаго цвѣта, съ огромными перламутровыми пуговицами, далъ мнѣ засаленный молитвенникъ, и, насадивъ мѣдныя очки на широкій носъ, совсѣмъ ими сжатый, указалъ мнѣ стихъ, который съ важнымъ видомъ собирался пѣть. Послѣ таковыхъ приготовленій всѣ вдругъ затянули:

Unsre Zeit ist kurz,
Die Welt ist am Sturz [1]) и т. д.

---

[1]) „Наше время коротко, свѣтъ близокъ къ паденію". Этотъ кантъ находится въ весьма старомъ молитвенникѣ, напечатанномъ Мартиномъ Лютеромъ послѣ реформаціи. Въ колоніи употреблялся еще этотъ молитвенникъ, и добрые колонисты, сами не зная, предсказывали этою молитвою близкую свою участь. Вскорѣ эта колонія и другая, Еленендорфъ (близъ Тифлиса) были раззорены набѣгомъ персіанъ и измѣнившихъ намъ татаръ. Жители частію были вырѣзаны, частію спаслись бѣгствомъ въ Тифлисъ, другіе скитались въ горахъ.

Впослѣдствіи колоніи получили вспомоществованіе, въ особенности же отъ ея высочества великой княгини Елены Павловны.

29-го мая, городъ Тифлисъ.

Оставивъ Аненфельдъ, до ночи, мы переѣхали нѣсколько ручьевъ и въ 2 часа ночи, усталые и измокшіе, едва дотащились до Тифлиса.

2-го іюня.

Получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Окончивъ порученіе и отдохнувъ нѣсколько, отправлюсь завтра опять въ Тавризъ, гдѣ надѣюсь еще застать князя.

Сообщ. **В. А. Бартоломей**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разсказъ о „Безъимянномъ“.

Въ 1887 году, во время путешествія по Волгѣ, я заболѣла и должна была остановиться въ маленькомъ городкѣ С. Пока я тамъ жила, мнѣ случайно пришлось прочесть нѣсколько книжекъ «Русской Старины» за прежніе годы. Въ одной изъ книжекъ за 1876 годъ я встрѣтила слѣдующую замѣтку г. Чумикова «Таинственный узникъ 1802 г.» [1]).

«Въ отчетѣ финляндскаго общества «Древностей» нашли мы слѣдующій случай, сообщенный почтмейстеромъ Гренквистомъ. Императоръ Александръ I, посѣтивъ въ августѣ 1802 г. Кексгольмъ, приказалъ упразднить въ немъ крѣпость и при этомъ самъ лично освободилъ изъ нея какую-то личность, которая была заключена въ ней около 30 лѣтъ и принадлежала къ такъ называемымъ «безъимяннымъ». Кто могла быть эта личность»?

Тогда же читала я въ «Русской Старинѣ» и о замѣчательной личности управителя Верхъ-Исетскаго завода Зотова.

Объ этихъ обоихъ лицахъ я не разъ слышала отъ моего дѣда и моихъ родителей.

Людей, знавшихъ Зотова, давно уже нѣтъ въ живыхъ; потомкамъ же его извѣстенъ лишь тотъ фактъ, что ихъ дѣдъ или прадѣдъ за жестокое управленіе людьми былъ сосланъ пожизненно въ Кексгольмъ, а о томъ, какой былъ онъ замѣчательный человѣкъ, имъ и знать не откуда и не отъ кого.

---

[1]) Эта замѣтка помѣщена въ январской книжкѣ „Русской Старины“ за 1876 г., стр. 218.

Моя бабушка (со стороны матери) была родной племянницей Зотова; а ея мужъ (мой дѣдъ) К. Н. П., по неотступной просьбѣ жены и другихъ родныхъ Зотова, подъ видомъ «вязниковца», т. е. разъѣзжающаго съ товарами, проникъ въ крѣпость Кексгольмъ, успѣлъ видѣть старика Зотова и передать ему деньги, а также получить желаемыя родными свѣдѣнія.

Нижеслѣдующій разсказъ я много разъ слышала отъ моихъ отца и матери [1]).

Въ 1824 году императоръ Александръ посѣтилъ Уралъ и осматривалъ заводы, какъ казенные, такъ и частные; центромъ его пребыванія былъ Екатеринбургъ.

Въ верстѣ отъ него находится Верхъ-Исетскій заводъ Яковлева; въ немъ было два управляющихъ изъ его крѣпостныхъ: Зотовъ и Китаевъ.

Извѣстіе о пріѣздѣ императора встревожило всѣхъ. Изъ государей никто не бывалъ на Уралѣ; въ народѣ же была извѣстна пословица: «Близъ царя—близъ смерти», и всѣ ждали со страхомъ пріѣзда Александра.

Но когда государь прибылъ, настроеніе народа измѣнилось. Обаятельная красота лица Александра, ласковость его и доступность обворожила всѣхъ. Народъ называлъ его ангеломъ, при его проѣздѣ становился на колѣна и молился на него, какъ на святаго.

Въ назначенный день, рано утромъ, пріѣхалъ императоръ Александръ въ Верхъ-Исетскій заводъ и встрѣченъ былъ управляющими у завода съ хлѣбомъ и солью, на блюдѣ, вылитомъ изъ чугуна.

Заводъ былъ громадный, безъ оконъ, не было ничего видно въ полутьмѣ; огромная печь, раскаленная, съ клокочущимъ чугуномъ, гулко раздававшимся въ замкнутомъ пространствѣ, наводила страхъ на того, кто въ первый разъ тамъ бывалъ.

Какъ только императоръ вошелъ и, предшествуемый Зотовымъ, показывавшимъ дорогу, всталъ на мѣсто, ему приготовленное, доложили, что чугунъ готовъ. Зотовъ подошелъ къ императору, прося дозволенія начать работу; получивъ разрѣшеніе, онъ подошелъ къ «домнѣ» (печи) и, засучивъ рукава своего кафтана, съ словами: «Господи, благослови!» отстранилъ мастера и открылъ устье печи, какъ громъ гремѣвшей отъ расплавленнаго металла. Наполнивъ огромный ковшъ расплавленнымъ чугуномъ, онъ подошелъ къ платформѣ, гдѣ стоялъ импе-

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ лейбъ-медика Д. К. Тарасова („Русская Старина" 1872 года, томъ V), упоминается объ этомъ Григоріи Зотовѣ и его разговорѣ съ императоромъ Александромъ, во время посѣщенія имъ Верхъ-Исетскаго завода (стр. 366—372). Нынѣ печатаемый разсказъ во многомъ несходенъ съ разсказомъ Тарасова.

раторъ, и началъ наливать въ формы съ портретами государя и другихъ членовъ царской фамиліи. Какъ только полилось «молочко» (какъ звали здѣсь расплавленный чугунъ),—все ожило, люди забѣгали, разнося ковши съ металломъ, а потомъ металлъ полился огненными полосами; искры сыпались во всѣ стороны, освѣщая всѣхъ присутствовавшихъ. Зрѣлище было чудное. Императоръ Александръ сказалъ:

— Такой картины и у Данта нѣтъ.

Засмотрѣвшись, государь подвинулся немного и не замѣтилъ, что стоитъ на бороздѣ, приготовленной для чугуна; огненная струя между тѣмъ быстро подвигалась ему подъ ноги; одинъ изъ рабочихъ, которые зорко слѣдили каждый за своей полосой, во-время замѣтилъ опасность и въ полуаршинѣ отъ ногъ государя загородилъ огненную струю обнаженною рукою [1]). Императоръ ахнулъ и быстро отступилъ, спрося: что рука—ожегъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ рабочій.

— Молодецъ,—сказалъ государь—и, вынувъ изъ кошелька большой золотой, далъ рабочему.

Тотъ поблагодарилъ по-военному.

— Ты солдатъ?—спросилъ императоръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— А какъ знаешь военную выправку?

— Государь, управляющій съ работъ и на работы ведетъ насъ маршемъ,—отвѣчалъ тотъ.

Императоръ улыбнулся.

Люди работали быстро и умѣло; не было ни криковъ, ни суеты; всякій зналъ свое мѣсто и свое дѣло, ни одного слова не было произнесено, а выпускъ металла былъ оконченъ блистательно. Словно огромная, сторукая машина была въ ходу. Народъ былъ крупный, здоровый, не то, что государь видѣлъ на своихъ заводахъ, гдѣ мастеровые были малорослые и безсильные, да и чугунъ дурнаго качества.

Выходя изъ фабрики, императоръ поблагодарилъ Зотова и сказалъ, что нигдѣ не видѣлъ такого порядка и быстроты въ работѣ.

— Отчего на казенныхъ заводахъ такое дурное желѣзо и чугунъ?—спросилъ государь Зотова.

— Причинъ много, ваше величество; но здѣсь не время и не мѣсто

---

[1]) На желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ принято дѣлать крицы (желѣзныя полосы) одной длины, и рабочіе, приставленные къ каждой полосѣ, зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы когда полоса дойдетъ въ указанную мѣру,—остановить струю, загораживая ей дальнѣйшее теченіе кускомъ дерева. У рабочихъ принятъ обычай пересѣкать ее рукой, для чего они всегда при выпускѣ имѣютъ кожаную рукавицу, чтобъ рука была сухая. Если же рука влажная, то желѣзо пристанетъ къ кожѣ и руку придется отрубить.

высказывать ихъ,—сказалъ спокойно Зотовъ. Адмиральскій часъ прошелъ и вашему величеству пора откушать.

— Да, ты правъ. Я проголодался. Завтра въ 7 часовъ утра будь у меня—потолкуемъ.

Тогда второй управляющій Китаевъ подошелъ къ императору и, низко кланяясь, попросилъ:

— Ваше величество, удостойте посѣтить мою хижину и откушать хлѣба-соли.

— А недалеко?—спросилъ императоръ.

— Сажень сто, не болѣе.

— Хорошо,—сказалъ государь, садясь въ коляску.

Лихая четверка дорогихъ лошадей дружно внесла экипажъ на крутую гору. Жилище Китаева представляло изъ себя громадный домъ въ два этажа съ бельведеромъ наверху, откуда видны были окрестности за 50 и болѣе верстъ, около дома были флигеля, строенія были окружены высокою стѣною.

— Хороша хижина!—сказалъ, смѣясь, императоръ и спросилъ: это твой домъ или барскій?

— Мой, ваше величество; у меня большая семья.

Домъ былъ полонъ пріѣзжихъ гостей; иные пріѣхали за тысячу верстъ видѣть императора. Китаевъ представилъ государю двѣнадцать своихъ сыновей: 7 женатыхъ съ дѣтьми, одного холостаго и 4 малолѣтнихъ, всего болѣе сорока человѣкъ.

— Настоящій патріархъ,—проговорилъ императоръ,—рано женился?

— Семнадцати лѣтъ,—отвѣчалъ Китаевъ.

За обѣдомъ былъ 4-хъ аршинный осетръ, громадныя стерляди, привезенныя за 700 верстъ, и десяти-вершковые ерши, выкормленные въ мѣстныхъ озерахъ.

За обѣдомъ императоръ былъ веселъ и разговорчивъ.

За обѣдомъ императоръ еще разъ спросилъ у Зотова:

— Не ожегся-ли рабочій?

— А чего ему сдѣлается? не впервой. А если бы ожегъ, заоралъ бы: боль эту не скроешь. А вотъ крица-то пострадала, короче мѣры. Да мы ее не станемъ передѣлывать, а хранить будемъ: она была у ногъ вашего величества.

— Такой сосѣдъ не очень желателенъ, и я могъ бы быть безъ ногъ, не спаси меня смѣльчакъ,—сказалъ государь.

— Зато онъ вѣчно будетъ Бога молить за ваше величество; у насъ обычай: если кто спасетъ кого изъ товарищей отъ опасности, сбавлять годы работъ,—а онъ съ разу перескочилъ годовъ 15. Я ужъ сказалъ ему, что онъ будетъ кричнымъ мастеромъ.

При отъѣздѣ восьмой сынъ хозяина, высокій, статный красавецъ подошелъ къ государю и просилъ принять его въ военную службу.

— А ученье военное знаешь?—спросилъ императоръ.

— Знаю, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ, красиво и свободно стоя, по-военному противъ государя.

— Налѣво кругомъ—маршъ!—скомандовалъ императоръ.

Широкими шагами прошелъ молодой Китаевъ комнату и, дойдя до стѣны, продолжалъ шагать на одномъ мѣстѣ.

— Браво! налѣво кругомъ! вольно,—снова скомандовалъ государь, и Китаевъ съ низкимъ поклономъ подошелъ къ императору.

— А ты отпускаешь его?—спросилъ онъ отца.

— Съ великою радостью,—отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо; буду ходатайствовать у барина. По зимнему пути пріѣзжай въ Петербургъ, тамъ тебя устрою.

Но этимъ предположеніямъ не суждено было сбыться.

Императоръ Александръ въ 1825 году умеръ въ Таганрогѣ, а тотъ, кого онъ обѣщалъ устроить, простудился передъ отъѣздомъ государя на своемъ прощальномъ балу и черезъ недѣлю умеръ отъ воспаленія легкихъ.

На утро въ 7 часовъ Зотовъ былъ у императора и былъ принятъ въ его кабинетѣ. Часа три проговорилъ государь съ Зотовымъ. Всѣ окружающіе со страхомъ ждали, что будетъ; всѣ знали, что Зотовъ такой человѣкъ, что ни о комъ и ни о чемъ не побоится сказать правду императору.

Когда дверь отворилась и императоръ вышелъ, въ сопровожденіи Зотова, всѣ вздохнули свободно; императоръ былъ веселъ, тогда какъ наканунѣ онъ былъ молчаливъ и озабоченъ.

— Вчера вы угостили меня роскошнымъ обѣдомъ, а сегодня позавтракаемъ со мной,—сказалъ государь и посадилъ Зотова за завтракомъ по лѣвую руку отъ себя.

Зотовъ, садясь, перекрестился.

За завтракомъ императоръ спросилъ Зотова:

— Зачѣмъ у васъ два управляющихъ. Развѣ ты одинъ не можешь управиться?

— И одному дѣла мало,—отвѣчалъ тотъ:—но двоихъ господа держать для того, что если одинъ управляющій вздумаетъ воровать или дѣломъ не заниматься, то другой донесетъ господамъ; а будь одинъ, они никогда бы не узнали объ этомъ; служащіе не посмѣли бы, да имъ выгоднѣе, когда старшой воруетъ. Мое дѣло завѣдывать производствомъ желѣза и его выдѣлкою. Я встаю первый и самъ звоню на работы, а ложусь наравнѣ съ рабочими. А товарища дѣло: письменная отчетность, да гостей принимать, а мнѣ некогда.

— Правду сказалъ: съ балами да картами некогда слѣдить за дѣломъ...

Императору донесли, что на многихъ казенныхъ заводахъ управители по цѣлымъ недѣлямъ не бываютъ на заводѣ, а все время уходитъ у нихъ на попойки и карты.

— Почему ты не откупишься на волю, или средствъ нѣтъ? такая голова, какъ твоя, не должна пропадать на маломъ дѣлѣ; ты можешь и родинѣ пользу принести.

— Господа ни за какія деньги не отпускаютъ на волю никого,— отвѣчалъ Зотовъ.

— Разумно! Умные и честные уйдутъ, а съ дураками да ворами дѣло гибнетъ.

Завтракъ окончился. Императору доложили, что пора ѣхать въ окрестные заводы.

— Садись и пиши, кого ты изъ семьи желаешь на волю,—сказалъ императоръ, указывая на письменный столъ дежурнаго адъютанта.

Зотовъ написалъ сына и двухъ родныхъ племянниковъ, вырощенныхъ въ его домѣ.

— Что мало?—спросилъ государь, когда Зотовъ подалъ ему бумагу.

— Будетъ, ваше величество, надо же и господамъ кого оставить.

Императору очень понравился отвѣтъ Зотова.

Я забыла сказать, что императоръ въ разговорѣ съ Зотовымъ за завтракомъ,—спросилъ: «чѣмъ наказываютъ, если кто заслуживаетъ наказанія? Въ Сибирь ссылаютъ?»

— Это своихъ-то людей будетъ ссылать нашъ баринъ на волю? какъ не такъ! Люди нужны.

— Такъ какъ же ихъ наказываютъ?—спросилъ государь.

— А есть у насъ такой заводъ: Калатукъ, туда и посылаютъ, кто заслужитъ.

— Что жъ, работы тамъ каторжныя?

— Работы на заводахъ вездѣ каторжныя, а тамъ мѣдь плавятъ, и ужъ больно пахнетъ сѣрою... Кого сошлютъ, годъ-другой проскрипитъ, да и въ могилу,—отвѣчалъ Зотовъ.

— А за побѣги какъ наказываютъ? Во всѣхъ заводахъ мнѣ жаловались на это,—сказалъ императоръ.

— Побѣговъ у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно Зотовъ.

— Быть не можетъ! Отъ такой работы не мудрено, что и побѣги бываютъ,—сказалъ государь.

— А вздумай у насъ кто убѣжать, отца въ Калатукъ. А если есть жена да дѣти, и ихъ.

— За что же отца и семью? Они не виноваты.

— Отца, что сына плохо училъ, а семью за то, чтобы не пошли по

отцовой дорогѣ. Вотъ и нѣтъ побѣговъ: семью жалѣютъ. Бываетъ, у насъ, уходятъ въ лѣса, а лѣса-то у насъ вплоть до Студенаго моря, до Ерань (такъ звали на Уралѣ вогуловъ); но то дѣло другое, уходятъ душу спасать и терпѣть всякую скорбь и тѣсноту для души. Тѣхъ и не ищутъ. А если кто не стерпитъ и вернется домой, накажутъ поотечески и только,—отвѣчалъ Зотовъ.

Когда Зотовъ подалъ императору бумагу, гдѣ вписалъ сына и двухъ племянниковъ, императоръ сказалъ, отдавая ее дежурному адъютанту:

— Эти люди мнѣ понравились, и я беру ихъ себѣ. Обратясь затѣмъ къ окружающимъ, онъ сказалъ:

— Когда было объявлено о моей поѣздкѣ сюда, я шелъ по Невскому, гуляя; вдругъ подлетаетъ ко мнѣ Яковлевъ и говоритъ: ваше величество ѣдете въ нашъ край; и если, что вамъ понравится, прошу принять отъ меня въ подарокъ. Меня поразила его дерзость, а теперь я доволенъ. Эта геніальная голова мнѣ понравилась. И пусть Яковлевъ обдуманнѣе раздаетъ подарки.

На другой день, государь уѣхалъ въ Петербургъ и на прощаніи сказалъ Зотову: «до свиданія».

Объ этомъ никто и не подозрѣвалъ. Зотовъ продолжалъ такъ же управлять заводами, какъ и ранѣе, и когда получена была отпускная отъ Яковлева, всѣхъ какъ громомъ поразило: «По желанію государя императора отпускаются Зотовы на свободу не въ примѣръ прочимъ».

Императоръ Александръ умеръ, не успѣвъ исполнить свое намѣреніе сдѣлать Зотова начальникомъ всѣхъ Уральскихъ заводовъ,—да и слава Богу! Тогда судьба Урала была бы иная. Это былъ бы Аракчеевъ надъ цѣлою областью, и дѣло могло бы окончиться кровавою рѣзней...

Освобожденный Зотовъ переѣхалъ въ городъ. Сынъ его былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ Расторгуева. Другая ея сестра была за Харитоновымъ. Сватъ Расторгуева и пригласилъ Зотова управлять пятью заводами, купленными отъ Милославскаго въ 1810 году. Зотовъ началъ вводить здѣсь свои порядки, но народъ былъ здѣсь совсѣмъ другой; все населеніе съиздавна было «рыболовы». Огромныя озера, изобиловавшія рыбою, давали легкій заработокъ; заводы были богаты. Народъ былъ все крупный и красивый, да и Милославскій бралъ ничтожный оброкъ.

Закрѣпить это населеніе въ каторжную работу было не легко, и другой бы отступился, но геніальная голова, какъ назвалъ императоръ Александръ Зотова, не способна была на уступки, пошли обоюдныя неудовольствія, и кончилось тѣмъ, что народъ послалъ къ своему преж-

нему барину ходаковъ, чтобы довести о всемъ до государя. Но ихъ переловили, и они пропали безслѣдно. Нашлись другіе, и тѣхъ тоже перестрѣляли, но одинъ изъ нихъ спасся и добрался до своего барина, какъ они всѣ звали Милославскаго. А тотъ далъ посланцу случай подать доносъ самому императору Николаю. Три слѣдствія одно за другимъ оправдывали Зотова (что это стоило Зотову, Богъ вѣсть), и только тогда, когда присланъ былъ флигель-адъютантъ государя, отчасти узнали истину, но и за это была назначена Зотову пожизненная ссылка. Кромѣ Зотова, пострадалъ и владѣлецъ заводовъ Харитоновъ, пострадалъ онъ напрасно, лишь за то, что, довѣряя Зотову, не входилъ ни въ какія дѣла, а подписывалъ все, что ему давали. Это былъ свѣтскій баринъ, какъ его звали, проводившій время въ однихъ удовольствіяхъ.

Крѣпость Кексгольмъ, куда былъ сосланъ Зотовъ, славилась своею строгостью. Сынъ Зотова съ женой и семьей жилъ въ Петербургѣ, но не имѣлъ никакой возможности узнать что-либо объ отцѣ. «Какъ въ воду канулъ»,—говорили о Зотовѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и одинъ солдатъ, отслуживъ урочные годы, получилъ отставку и вернулся на Уралъ, принеся поклоны роднымъ Зотова. Писемъ онъ не рѣшился взять, зная, какъ строго обыскиваютъ тѣхъ, кто выходитъ изъ крѣпости, но разсказалъ, въ какой строгости живутъ заключенные.

— Только и видишь живыхъ людей, какъ пріѣдутъ торгаши съ товарами,—а то, какъ въ могилѣ живешь,—сказывалъ солдатъ.

Это навело на мысль послать кого-нибудь съ товарами въ крѣпость. Стали просить моего дѣда съѣздить туда. Долго дѣдъ мой отказывался, но слезы и просьбы жены и родныхъ заставили его рѣшиться поѣхать въ Кексгольмъ.

Дѣдъ отправился въ Москву и тамъ обратился за совѣтомъ къ московскому богачу М., съ фирмой котораго вели торговыя дѣла его дѣдъ и отецъ, а потомъ и онъ самъ. М. далъ ему подходящихъ товаровъ, и дѣдъ, подъ видомъ довѣреннаго М., давшаго ему своего приказщика, поѣхалъ въ Кегсгольмъ.

Дальнѣйшій разсказъ записанъ мною со словъ моего дѣда [1]).

---

[1]) Въ 1858 году я медленно оправлялась отъ тяжелыхъ родовъ, и все время должна была лежать въ постели. На крестины моей новорожденной дочки я ждала пріѣзда моего дѣда, онъ жилъ на покоѣ за сто верстъ отъ насъ, на томъ заводѣ, гдѣ поселились его предки болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. Уроженцы Москвы, они вели большую торговлю, сначала мѣновую, съ печерскими, кочующими вогулами; отъ нихъ брали мѣха, а имъ отдавали московскія издѣлія. Потомъ, чтобъ быть ближе къ мѣсту торговли,—да и въ краѣ былъ объявленъ безпошлинный ввозъ товаровъ,—они поселились на Уралѣ еще при Петрѣ Великомъ. Когда всѣхъ поселившихся закрѣпили за заводами,

«Распродажа товаровъ приходила къ концу. Мы спѣшили ее окончить, чтобъ къ Пасхѣ вернуться въ Петербургъ, но вышло иначе. Дней за десять до отъѣзда нашего, сдѣлалась сильная буря, ледъ на озерѣ сломало, и вода залила дорогу, по которой ѣздили въ Петербургъ.

и мои предки изъ вольныхъ стали заводскими, а потомъ и крѣпостными, они все-таки не оставляли торговли и по прежнему ѣздили съ товарами въ Москву и на Украйну.

Дѣдъ мой пріѣхалъ, чтобы быть крестнымъ отцомъ своей первой правнуки. Его пріѣздъ былъ для насъ праздникомъ. Хотя дѣду уже шелъ восьмой десятокъ, какъ говорилъ онъ,—но на видъ ему нельзя было дать болѣе 50 лѣтъ; въ его темно-орѣховыхъ кудряхъ не было ни одного сѣдаго волоса; кочевая жизнь укрѣпила организмъ и спасла его отъ преждевременной старости. Читалъ онъ безъ очковъ. Память была у него превосходная. Образованіе онъ получилъ для своего времени хорошее.

Его учитель долго упрашивалъ отца его отпустить мальчика доучиваться въ университетѣ, но отецъ и слышать не хотѣлъ и на слова учителя: „Мальчикъ войдетъ въ большіе чины“, отецъ отвѣчалъ: „Баръ и безъ него много, только народъ избалуетъ, а хорошій купецъ больше добра сдѣлаетъ“.

Дѣдъ мой много видѣлъ, много самъ испыталъ; читать любилъ онъ все, что только найдетъ.

Его разсказы были интересны, и я, ребенкомъ, заслушивалась его. У моего отца было слабое зрѣніе; послѣ обѣда онъ проводилъ часа два въ слабо освѣщенной комнатѣ, и тогда дѣдъ разсказывалъ о старыхъ временахъ. Разъ получивъ извѣщеніе о смерти послѣдняго Зотова, дѣдъ разсказалъ о своей поѣздкѣ въ крѣпость Кексгольмъ и о томъ, какъ встрѣтилъ онъ тамъ „затворника“. Вечеръ передъ отъѣздомъ дѣда мы провели съ нимъ вдвоемъ.

Все время я проговорила съ дѣдомъ. Въ 9 часовъ онъ сказалъ мнѣ „Прощай, внучарушка, тебѣ пора въ постель; а мнѣ надобно еще помолиться о „затворникѣ“: ему завтра годинка... Я далъ ему слово, что молиться буду.

— О какомъ „затворникѣ?“—спросила я съ удивленіемъ.

Выросши въ религіозной семьѣ, я знала всѣхъ, мѣстно-чтимыхъ святыхъ (уральскіе лѣса были наполнены монастырями и скитами, въ нихъ были отшельники и затворники).

— Да это не тотъ-ли, что въ крѣпости былъ замурованъ?—спросила я.— Помнишь, ты разсказывалъ.

— Да вѣдь это было давно,—какъ ты знаешь?

— Бывало, ты станешь разсказывать папѣ, а я заберусь въ уголъ и слушаю. Дѣдушка, иди помолись, да и приходи ко мнѣ, ты знаешь, что у меня безсонница—часто до утра лежу, глазъ не закрывая,—вотъ и разскажешь мнѣ о затворникѣ; хоть я и помню многое, но не все ясно...

Черезъ три часа дѣдъ вернулся и до разсвѣта разсказывалъ, какъ ѣздилъ къ Зотову въ Кексгольмъ и какъ видѣлъ „затворника“.

На разсвѣтѣ дѣдъ уѣхалъ; проводя его, я была глубоко взволнована, и чтобъ чѣмъ-нибудь успокоить свои нервы, стала записывать то, что слышала отъ дѣда. Скоро и я уѣхала за границу съ больнымъ мужемъ и прожила тамъ нѣсколько лѣтъ. Вернувшись домой, я не нашла дѣда въ живыхъ; но разсказъ его я бережно хранила, какъ послѣдній съ нимъ разговоръ.

Я былъ въ отчаяніи. Праздникъ великій,—а даже и помолиться было негдѣ. Къ Зотову невозможно было идти (я всего только въ день пріѣзда ихъ и видѣлъ); а книгъ духовныхъ со мною не было.

Въ первый день Пасхи, послѣ обѣда, я пошелъ на крѣпостной валъ, гдѣ была единственная скамейка, посидѣть и посмотрѣть на озеро. На ней уже сидѣлъ какой-то старикъ во фризовой шинели и въ фуражкѣ съ кокардой. Поклонясь, я спросилъ: можно-ли сѣсть. Онъ промычалъ что-то и отвернулся. Я сѣлъ, засмотрѣвшись на бушующее озеро, забылся и сталъ напѣвать: «Среди долины ровныя» и заплакалъ.

— О чемъ, паренёкъ, тоскуешь? А-ли своихъ жаль,—проговорилъ тихій голосъ. Я вздрогнулъ и обернулся. Старикъ ласково смотрѣлъ на меня своими голубыми глазами.—А ты зачѣмъ здѣсь?

— Торговать прислали изъ Москвы, да вотъ и жди теперь, когда можно уѣхать,—а праздникъ, семья далеко,—тоскливо отвѣтилъ я.

— А ты бы шелъ помолиться! Развѣ ты тоже въ церковь не ходишь, какъ и твоя родня?—сказалъ онъ, указывая по направленію, гдѣ жили Зотовы.

— А ты почемъ знаешь, что они родня мнѣ?—спросилъ я, испугавшись.

— По говору; да и одежа-то у тебя такая же. Да ты не бойся: съ доносомъ не пойду; а стало тебя жаль, я и заговорилъ съ тобою.

Я и самъ не знаю, что сдѣлалось со мною, и я все разсказалъ: кто я и зачѣмъ здѣсь.

— Сколько времени живу, а все ничего не знаю, какъ они живутъ, и не надо-ли чего имъ; а можетъ еще долго придется здѣсь прожить.

— У меня ломота начинается,—проговорилъ старикъ,—скоро ледъ пройдетъ,—можетъ завтра; а ты поѣзжай водой—покойнѣе.

— Водой не ѣздилъ. Боюсь,—отвѣчалъ я.

— Чего бояться—люди ѣздятъ, не тонутъ. Покачаетъ малу-толику—и только! А поѣдешь, зайди проститься сюда... А ты угости хозяина, вина не пожалѣй, такъ все о своей роднѣ и узнаешь. А теперь иди домой, да не сказывай, что со мною говорилъ.

Послѣдовавъ совѣту, я на другой же день послѣ обѣда зазвалъ хозяина побаловаться чайкомъ «по-московски» и, не пожалѣвъ «Цымлянскаго», которымъ разбавлялъ я чай, скоро добился того, что онъ разговорился и разсказалъ все подробно, какъ жили Зотовы; какъ ихъ сторожили; какъ притѣсняли. «И я дивлюсь, какъ это тебѣ удалось продать, да еще лично, а не черезъ пристава; а то бы ты и половины денегъ не видалъ, вѣрно сунулъ «барашка въ бумажкѣ»?—сказалъ мой собесѣдникъ.

Я усмѣхнулся, но ничего не сказалъ, зная обычай всѣхъ: жить доносомъ одинъ на другаго.

— Вчера на валу, какъ я шелъ со взморья, я заблудился и не зналъ, какъ попасть домой, и никого не встрѣчалъ изъ прохожихъ. На валу сидѣлъ какой-то старикъ, я и спросилъ его, а онъ промолчалъ и отвернулся, не сказавъ ни слова. Нѣмой онъ, али «блаженный»?

— Нѣтъ, онъ можетъ говорить, да не хочетъ и человѣкъ умственный; да говорить ему не велѣно ни съ кѣмъ; да и спрашивать его тоже.

— А-ли злодѣй какой?—спросилъ я.

— А Богъ его вѣдаетъ! — отвѣчалъ хозяинъ;—онъ былъ сперво-началу въ стѣнѣ замурованъ годовъ, чай, съ тридцать, а потомъ императоръ Александръ его выпустилъ на волю и пенсію генеральскую далъ,—а изъ Кексгольма выѣзжать не велѣлъ. Ему годовъ много, а все живетъ.

— Что ты небылицу разсказываешь,—подстрекнулъ его я, — такъ и повѣрю! Гдѣ это слыхано, что живыхъ людей въ стѣну замуровывали. Живали въ Кіевѣ святые, да тѣ сами себя замуровывали,—это другое дѣло.

— Вотъ тѣ Христосъ! не лгу! Не чужія рѣчи говорю, а самъ видѣлъ,—сказалъ хозяинъ, крестясь.

— Это было давно, а ты еще не старый! –замѣтилъ я.

— Да мнѣ седьмой десятокъ доходитъ, а голова не сѣдая потому: позапрошлый годъ въ горячкѣ я хворалъ; волосы и вылѣзли, а эти выросли другіе, да и куда чернѣе, чѣмъ тѣ. Мнѣ было годовъ 12 или 13, какъ его привезли, а я помню, словно вчера было; да и забыть-то мудрено: отецъ за любопытство такъ выдралъ меня, что я чуть не умеръ—не забудешь.

— Это другое дѣло,—сказалъ я;—а то много и сказокъ разсказываютъ; а дураки—и вѣрятъ.

«А вотъ разскажу, и самъ повѣришь, — проговорилъ хозяинъ, важно развалясь на креслѣ. — Надо тебѣ сказать, купецъ честной, отецъ мой былъ главнымъ тюремщикомъ: дѣдъ былъ сосланъ въ крѣпость за вѣру. И много тогда ссылали за нее; да и вѣры-то были разныя; бывало, соберутся ссыльные на дворѣ крѣпости; примутся спорить, до драки доходило; разнимутъ ихъ, передерутъ всѣхъ; да неймется; какъ сойдутся, такъ и опять примутся спорить. Дѣдъ, такъ и умеръ, не ходя въ великороссійскую церковь; отецъ ходилъ—да рѣдко, а я и ни разу не бывалъ. Нашъ комендантъ былъ страстный игрокъ, да и болтали послѣ: игралъ на обманъ; такія у него карты были; въ какой-то фараонъ играли. Если онъ проигрывалъ—хоть два дня играютъ— не отпуститъ; а выиграетъ, скажетъ: «Усталъ», а отцу прикажетъ: «Разскажи-ка что-нибудь о старыхъ порядкахъ». Эти-то разсказы я любилъ, хотя морозъ по кожѣ пробиралъ, какъ о пыткахъ говорятъ. Я все время бывалъ при играющихъ—ихъ трубки набивалъ; тутъ и слылъ.

Разъ заигрались долго; глухая ночь была, я уже спалъ давно. Вдругъ стукъ въ ворота необычный (ночами у насъ была тишина могильная), прибѣгаетъ солдатикъ съ караула и говоритъ впопыхахъ: «Коменданта требуютъ, изъ Питера пріѣхали!» Перепуганный старикъ-комендантъ съ трудомъ розыскалъ свой мундиръ,—а въ ворота просто ломались. Отецъ забралъ всѣ ключи и спрятался подъ лѣстницу, думая, что ломятся разбойники, желавшіе освободить заключенныхъ. Переполохъ былъ невообразимый. Наконецъ, комендантъ добрался до воротъ; требуютъ отворить, а тотъ боится. Въ маленькое отверстіе передали бумагу, предписывающую принять арестанта. Ворота отворили, въѣхала карета въ 6 лошадей, всѣ въ мылѣ. Изъ кареты вышелъ офицеръ, передъ которымъ комендантъ вытянулся въ струнку. На выговоръ, что долго не отворяли, оправдался тѣмъ, что крѣпостныя ворота отворяются только для его величества въ неуказное время.

— Или по его предписанію,—строго сказалъ офицеръ.

За нимъ вышелъ арестантъ во фризовой шинели со многими воротниками (тогда модная); изъ нихъ верхніе были перевязаны шарфомъ, такъ что лица не было видно, и въ нахлобученной шапкѣ. Офицеръ подъ руку провелъ его по лѣстницѣ. Въ комнатѣ онъ сказалъ что-то тихо коменданту, а тотъ, позвавъ отца, взялъ огромную связку ключей, которые висѣли на стѣнѣ; отецъ зажегъ факелъ, и всѣ начали спускаться по узкой каменной лѣстницѣ, а потомъ пошли узкимъ корридоромъ. Наконецъ дошли до толстой двери съ маленькимъ оконцемъ. Отецъ едва могъ отворить дверь, до того замокъ заржавѣлъ; офицеръ заглянулъ въ нее, нѣтъ-ли выхода, и самъ ввелъ арестанта и потомъ заперъ дверь, а ключъ отдалъ коменданту, сказавъ:

— Сейчасъ позвать каменщиковъ и заложить дверь.

Приказаніе было исполнено, кирпичами заложили дверь до оконца; а офицеръ сказалъ коменданту:

— Ты будешь самъ приносить хлѣбъ и воду ежедневно; но ни самъ не спрашивай и на его вопросы не отвѣчай; а то и тебя такъ же запрутъ.

Я забылъ еще сказать, что велѣли принести арестантское платье; и когда арестантъ вошелъ въ камеру, офицеръ самъ снялъ съ него шинель и шапку. Шинель онъ отдалъ коменданту, сказавъ: «Храните», а шапку тамъ оставилъ. Другаго платья на арестантѣ не было: одна шинель, да рубашка.

Потомъ всѣ ушли наверхъ, оставивъ арестанта одного въ потьмахъ.

Тогда отецъ увидалъ меня и пригрозилъ.

Офицеръ потребовалъ тюремную книгу и самъ вписалъ въ нее арестанта, назвавъ его: «безъимяннымъ».

Каждый годъ присылался запросъ о немъ: Живъ-ли?

Годы шли, а узникъ не умиралъ.

Отецъ, проводя пріѣзжихъ, такъ жестоко наказалъ меня, что я захворалъ горячкою и раны долго не заживали на тѣлѣ; но это еще больше утвердило во мнѣ желаніе узнать: кто этотъ узникъ?

Передъ смертью отецъ покаялся священнику, что онъ долго допрашивалъ узника, кто онъ и за что посаженъ? Но онъ упорно молчалъ, только разъ сказавъ еще сначала: «я далъ слово молчать, и умру, но не скажу». Отецъ сознался, что не давалъ ему по долгу ни хлѣба, ни воды, но тотъ выдержалъ и не открылъ, кто онъ.

Время шло. Я выросъ, отецъ дряхлѣлъ; съ согласія коменданта я исполнялъ должность отца во всемъ, кромѣ узника; ему отецъ самъ продолжалъ носить пищу.

Отецъ сталъ съ нимъ заговаривать, но тотъ все молчалъ. «Сегодня Пасха; Христосъ Воскресе», — въ первый разъ сказалъ отецъ, узникъ не отвѣчалъ.

— Сегодня Новый годъ,—тоже молчаніе.

— Императрица Екатерина скончалась; императоръ у насъ Павелъ Петровичъ.

— Царство небесное, — глухо и тихо отвѣтилъ узникъ, и опять молчаніе.

Годы шли... Я женился на одной сосланной (и женщинъ присылали въ Кексгольмъ); дѣтей у насъ не было; да и жена скоро умерла. Такъ я и рѣшилъ не жениться болѣе.

Императоръ Павелъ Петровичъ скоро умеръ. Воцарился императоръ Александръ. Комендантъ былъ уже давно другой, скупой и лѣнивый; все пришло въ запустѣніе; все загрязнилось...

Вдругъ разнеслась вѣсть: императоръ Александръ ѣдетъ по крѣпостямъ осматривать ихъ.

Принялись все мыть и чистить, но въ нѣсколько дней что подѣлаешь, когда годами нажита грязь и все сгнило.

Мы всѣ думали, что коменданта разжалуютъ въ солдаты, да и намъ достанется.

Отца моего и узнать было трудно; онъ уже былъ такъ слабъ, что я ежедневно водилъ его подъ-руку по лѣстницѣ и несъ хлѣбъ и воду,— а онъ самъ несъ ихъ до камеры, съ трудомъ передвигая ноги; но на предложеніе мое донести ихъ до камеры всегда отвѣчалъ одно и то же: «Когда умру, тогда и донесешь».

Послѣдніе годы онъ сталъ приносить ему иногда что-нибудь другое, кромѣ хлѣба и воды, и всегда скажетъ: «Это прислалъ рабъ Божій» (и имя);—это былъ одинъ богатый купецъ, его отецъ тоже умеръ въ крѣпости, и онъ посылалъ заключеннымъ что-нибудь съѣстное.

Вѣсть о пріѣздѣ императора оживила отца.

Государь пріѣхалъ въ Кексгольмъ рано утромъ. Потребовалъ тюремную книгу. Самъ обошелъ камеры; спрашивалъ, за что кто посаженъ, и всѣхъ выпускалъ на свободу, самъ отмѣчая передъ каждымъ именемъ: «Прощенъ».

Когда всѣ камеры были пусты, императоръ спросилъ: «Нѣтъ-ли еще кого?

— Одинъ—безъименный,—отвѣчалъ комендантъ.

— Какой «безъименный?» Почему его нѣтъ въ книгѣ?—спросилъ строго императоръ.

— Онъ лѣтъ 30 сидитъ и значился въ старыхъ книгахъ,—отвѣчалъ комендантъ.

— Гдѣ же его камера? Здѣсь всѣ пусты.

— Онъ замурованъ въ подземной тюрьмѣ,—отвѣчалъ комендантъ, весь дрожа.

— И живетъ 30 лѣтъ?

— Такъ точно, ваше величество.

— Проведите меня туда,—сказалъ государь.

Комендантъ ни разу не бывалъ въ подземельи и не зналъ, гдѣ тюрьма «безъименнаго».

— Пожалуйте, выше величество,—сказалъ мой отецъ,—я каждый день ношу ему хлѣбъ и воду.

Зажгли факелы; вся свита пошла за императоромъ; я хотѣлъ помочь отцу сойти съ лѣстницы; но онъ отстранилъ меня и твердо пошелъ впередъ, словно молодой.

— Ты давно здѣсь?—спросилъ государь.

— Я родился здѣсь, а мнѣ 87 лѣтъ,—отвѣчалъ отецъ.

Я взялъ два факела и пошелъ впередъ, за мною шелъ отецъ. Лѣстница, хотя и каменная, была вся разрушена; щебень, осыпаясь со стѣнъ и потолка, заграждалъ дорогу; съ трудомъ пробрались по корридору; здѣсь я ни разу не бывалъ (я только спускался по лѣстницѣ) и потому часто спотыкался, а отецъ шелъ увѣренно, зная дорогу.

— Здѣсь, ваше величество,—сказалъ отецъ.

Видя, что кирпичи закрываютъ дверь, государь спросилъ отца: «Какъ отворить»?

— Отломать надобно, — отвѣчалъ онъ, и послалъ меня за солдатами; а самъ подошелъ къ окну и сказалъ громко:

— Живъ, старина?

— Живъ,—отвѣчалъ тихій и глухой голосъ.

Послѣдніе два дня отецъ не приносилъ узнику ни воды, ни хлѣба, хлопоча къ пріѣзду государя.

Солдаты быстро разобрали кирпичи; дверь съ трудомъ отворили.

— Мы пришли за тобой,—сказалъ отецъ,—выходи скорѣе.

Но узникъ молчалъ.

Отецъ вошелъ къ нему и за руку вывелъ въ корридоръ, но какъ только узникъ вдохнулъ воздухъ корридора, онъ потерялъ сознаніе. Докторъ, сопровождавшій государя, велѣлъ вынести его на верхъ. Съ кого-то изъ солдатъ сняли шинель и на ней вынесли его.

До смерти не забуду, какого я увидѣлъ узника: арестантское платье висѣло на немъ клочьями; волосы и борода скатались, какъ войлокъ; ногти были какъ когти; тѣло все было покрыто словно корой.

Но лицо и руки были сравнительно бѣлѣе. Докторъ сказывалъ, что узникъ по два и по три дня не пилъ воды, чтобъ умыть лицо.

Я случайно взглянулъ на императора: онъ былъ блѣденъ, какъ покойникъ.

— Обмойте... одѣньте... Платье дайте мое... Когда отдохнетъ, приведите ко мнѣ,—сказалъ императоръ.

Докторъ самъ обмывалъ узника, но грязь сильно засохла; и лишь когда стали лить горячую воду—грязь стала отставать отъ тѣла, какъ кора.

Я все время былъ въ числѣ хлопотавшихъ. Докторъ только и спрашивалъ: «Не больно-ли? Не горячо-ли»? Узникъ говорилъ только одно: «нѣтъ»!

Когда узника обмыли, то его одѣли въ платье императора. Оно висѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ.

Докторъ уложилъ его на диванъ, укрылъ одѣялами и заставилъ выпить крѣпкаго мяснаго бульона съ виномъ. Узникъ уснулъ и спалъ съ часъ времени. Докторъ нѣсколько разъ подносилъ зеркало къ его губамъ: такъ тихо лежалъ онъ, словно мертвый.

Наконецъ, глубоко вздохнувъ, узникъ открылъ глаза; но сейчасъ же закрылъ рукою отъ свѣта. (А въ комнатѣ было темно отъ толстыхъ рѣшетокъ).

— Какъ себя чувствуете?—спросилъ докторъ.

— Я думалъ, что во снѣ вижу... бывало...

— Нѣтъ, это не сонъ; вы свободны,—отвѣтилъ докторъ.

Нѣсколько мгновеній узникъ молчалъ.

— Такъ я не сплю?—спросилъ онъ еще разъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что ваше заключеніе окончилось; вы свободны,—сказалъ докторъ.

Слабая улыбка показалась на губахъ узника.

— Дожилъ,—прошепталъ онъ.

Подождавъ нѣсколько минутъ, докторъ спросилъ его:

— Можете-ли вы увидѣться съ тѣмъ, кто освободилъ васъ? Желаете-ли?

— Да... да... могу,—и узникъ началъ вставать на ноги, но не могъ удержаться и снова сѣлъ.

— Скажите себѣ: я хочу идти, и вы пойдете, — посовѣтовалъ докторъ.

— Да, я хочу идти,—проговорилъ узникъ, и, поддерживаемый докторомъ, медленно пошелъ съ нимъ.

— Закройте глаза, такъ будетъ лучше.

Тотъ исполнилъ, что говорилъ докторъ.

Пройдя залъ, они вошли въ комнату, гдѣ находился императоръ.

Государь запретилъ узнику говорить, кто онъ. Императоръ самъ усадилъ его въ кресло противъ себя и грустно смотрѣлъ на него.

— Кто вы? За что были въ заключеніи?

— Я могу сказать это только его величеству государю императору Павлу Петровичу,—отвѣчалъ узникъ, тихо и медленно выговаривая слова.

— Отца нѣтъ въ живыхъ; императоръ—я,—сказалъ государь.

Узникъ всталъ самъ съ кресла, открылъ глаза и, застѣнивъ ихъ рукою отъ свѣта, нѣсколько времени всматривался въ императора и, опустивъ руки, низко поклонился.

— Я готовъ отвѣчать вашему величеству, но прикажите выйти всѣмъ; говорить я могу только вамъ.

Императоръ приказалъ всѣмъ выйти, и даже солдата, стоявшаго на часахъ у дверей залы, перевелъ дальше, и самъ плотно заперъ обѣ двери. Я же воспользовался суматохою, проскользнулъ въ залъ и спрятался въ шкафу въ стѣнѣ, закрытомъ занавѣсью; но дверь въ комнату, гдѣ былъ императоръ, тоже плотно была заперта, и хотя слышно было, что говорятъ, но словъ разобрать было нельзя, хотя я слушалъ въ замочную скважину.

Болѣе часу проговорилъ государь съ узникомъ, и когда они вышли въ залъ, глаза императора были заплаканы: это замѣтили всѣ. Обѣдъ былъ давно готовъ. Императоръ, пригласивъ всѣхъ сѣсть за столъ, знакомъ приказалъ опустить занавѣси у оконъ; огня тоже не подавали и обѣдали почти въ потьмахъ.

Докторъ посадилъ узника рядомъ съ собою и помогалъ ему рѣзать кушанья, но онъ ѣлъ очень мало; а хлѣбъ, ломая маленькими кусочками, запивалъ водою.

Весь обѣдъ императоръ проговорилъ съ комендантомъ, но видно было, что государь грустенъ и озабоченъ.

Послѣ обѣда, государь, переодѣвшись въ дорожное платье, въ сопровожденіи свиты и всѣхъ освобожденныхъ сошелъ съ лѣстницы; докторъ помогъ узнику сдѣлать то же; ему подали ту шинель, въ которой его привезли въ крѣпость, но шапки на немъ не было. Императоръ повернулся ко всѣмъ и сказалъ: «Прощайте, господа!» (ура запрещено было кричать); всѣ поклонились, а освобожденные поклонились

до земли и остались на колѣняхъ. Императоръ осѣнилъ ихъ крестомъ, а узнику сказалъ: «Храни васъ Господь!» Тотъ отвѣтилъ: «И васъ тоже, ваше величество, прощайте!»—Императоръ, увидавъ, что у узника нѣтъ ничего на головѣ, снялъ свою фуражку, надѣлъ на него и сказалъ: «Носите въ память обо мнѣ»,—и, обратясь къ камердинеру, сказалъ: «Дай другую»,—другой близко не было, и камердинеръ подалъ изъ футляра, который онъ несъ въ рукахъ,—треуголку съ плюмажемъ императоръ улыбнулся, надѣвая ее. Сѣвъ въ экипажъ, государь еще разъ поклонился всѣмъ и сказалъ: «До свиданья!»

Комендантъ, гордый и недоступный, видя, какъ относился къ узнику императоръ, льстиво спросилъ его:

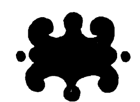
— Гдѣ вамъ угодно будетъ остаться жить; здѣсь-ли, въ крѣпости, или въ городѣ?

— Гдѣ-нибудь, только не здѣсь,—отвѣчалъ тотъ и, обратясь къ отцу, сказалъ: помѣстите куда-нибудь меня въ городѣ, а потомъ можно устроиться, но поскорѣе; я усталъ.

И дѣйствительно узникъ едва держался на ногахъ; его усадили и унесли по лѣстницѣ солдаты на рукахъ.

«Узникъ» остался жить въ Кексгольмѣ; здѣсь онъ и умеръ. Много было толковъ и догадокъ на счетъ освобожденнаго «узника», но такъ никому и не удалось опредѣлить его личность [1]).

Сообщила Кл. Вл. З—а.



---

[1]) Не приводя дальнѣйшей части разсказа дѣда г-жи К. В. З—ой, скажемъ только, что къ „узнику", спустя нѣкоторое время, пріѣзжала изъ Петербурга какая-то княгиня (фамилія ея въ разсказѣ не названа), которой авторъ разсказа, по порученію „узника", передалъ отъ него поклонъ въ проѣздъ свой черезъ Петербургъ. Свиданіе княгини съ узникомъ было самое кратковременное. „Узникъ" послѣ того захворалъ и вскорѣ умеръ. Во время его болѣзни его навѣщалъ мѣстный священникъ, которому онъ также не открылъ своего имени, сказавъ лишь, что не онъ виновенъ въ испытанныхъ имъ страданіяхъ. Похоронили узника въ Кексгольмѣ у церкви, на могилу его былъ присланъ богатый надгробный памятникъ, но имени умершаго на немъ не было означено.

Отобранный высочайшій подарокъ въ 1820 году.

Императоръ Александръ I-й, какъ извѣстно, во время своихъ поѣздокъ не любилъ торжественныхъ встрѣчъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ обычно предупреждались губернаторы тѣхъ губерній, по которымъ проѣзжалъ государь. Такъ было и въ поѣздку Александра I-го въ 1820 г. въ Варшаву. Но на этотъ разъ не обошлось безъ приключенія.

17-го іюля начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества князь П. М. Волконскій писалъ тверскому гражданскому губернатору: «Государь императоръ, по дорогѣ отъ Твери, замѣтить изволилъ, что его величество сопровождаемъ былъ тверскимъ земскимъ исправникомъ Кореневымъ, коему, по предоставленію вашего превосходительства, пожалованъ былъ бриллiантовый перстень. Но какъ всякія встрѣчи и сопровожденія воспрещены, то государь императоръ повелѣть соизволилъ,—если г. Кореневъ сдѣлалъ сіе по своему произволенію,—удержать перстень, въ случаѣ, что оный ему еще не выданъ, а ежели уже врученъ ему, то взять и доставить оный ко мнѣ. Если же сіе было сдѣлано имъ по приказанію начальства, то государь императоръ приказалъ мнѣ объявить вашему превосходительству, что его величество не привыкъ, чтобы высочайшія повелѣнія оставались безъ исполненія, а потому можете лишиться вашего мѣста».

Тверской губернаторъ, 20-го іюля, отвѣчалъ кн. П. М. Волконскому: «Предписаніе вашего сіятельства съ изъявленіемъ высочайшей его императорскаго величества воли на счетъ провожанія изъ Твери исправникомъ имѣлъ честь получить сего іюля 20-го числа. Я и помыслить ни въ какое время не смѣю не только не исполнять высочайшихъ его императорскаго величества повелѣній, ниже малѣйше отступать отъ оныхъ, и потому всепокорнѣйше прошу донести государю императору, что отъ меня никогда исправнику приказываемо не было ни встрѣчать, ни слѣдовать за его величествомъ, и, когда я его спросилъ, почему онъ осмѣлился сіе сдѣлать, то онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что ѣхалъ по тому же пути единственно для роспуску обывательскихъ лошадей съ Городенской станціи тотчасъ по проѣздѣ государя. Не взирая на таковое оправданіе, впрочемъ, довольно вѣроятное, я, отобравъ отъ него пожалованный ему перстень, имѣю честь препроводить оный при семъ къ вашему сіятельству. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть, сіятельный князь, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Всеволожскій».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

Воспоминанія педагога.

V.

Воспитательная часть.

Ближайшими и непосредственными воспитателями дѣтей Александровскаго корпуса были классныя дамы. Поступившій въ корпусъ ребенокъ оставался до выхода изъ него у одной и той же дамы, исключая того случая, когда онъ по годамъ своимъ долженъ былъ пройти черезъ малолѣтнее отдѣленіе. Во всѣхъ своихъ нуждахъ ребенокъ обращался къ своей дамѣ, которая должна была замѣнять ему родную мать. Классными дамами опредѣлялись только дѣвицы или вдовы, при чемъ послѣднія не могли имѣть при себѣ малолѣтнихъ дѣтей; это постановлено было для того, чтобы дамы не отвлекались заботами о своемъ семействѣ и всецѣло посвящали себя своимъ питомцамъ. Чтобы снять съ воспитательницы по возможности всѣ заботы о хозяйствѣ, имъ полагался казенный столъ (обѣдъ и ужинъ); чтобы, наконецъ, воспитательница могла постоянно, во всякое время, слѣдить за ввѣренными ей дѣтьми, она имѣла свою квартиру, расположенную рядомъ съ дѣтскою спальнею, и одна комната ея была, такъ сказать, дѣтской ея питомцевъ; здѣсь дѣти занимались приготовленіемъ уроковъ, здѣсь они играли, если занятій не было, и здѣсь же нѣсколько человѣкъ ея отдѣленія проводили свободное свое время, особенно во время праздниковъ.

Малолѣтнее отдѣленіе, въ которое я поступилъ въ августѣ 1841 г., и въ которомъ находился до половины марта 1843 года, помѣщалось совершенно отдѣльно отъ другихъ воспитанниковъ. Классная дама сама

отпускала дѣтей въ классы, а по окончаніи классовъ дѣти приходили прямо на квартиру дамы. Только во время стола дѣти находились въ общей столовой съ другими возрастами, все же остальное время они оставались лишь подъ надзоромъ своей дамы, которая, по своему усмотрѣнію, ходила съ ними гулять въ садъ или по корридору.

Въ малолѣтнемъ отдѣленіи воспитаніе дѣтей было домашнее въ полномъ смыслѣ слова. Съ самаго основанія Александровскаго корпуса и до 1843 года, классною дамою малолѣтняго отдѣленія была добрѣйшая старушка Марья Ивановна Боньотъ, которая перешла въ Александровскій корпусъ изъ бывшаго малолѣтняго отдѣленія 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ начала свою службу, кажется, еще при Александрѣ Павловичѣ, въ первые годы его царствованія. Образованія она была скромнаго, даже не говорила по-французски (по крайней мѣрѣ мы, дѣти, никогда не слыхали отъ нея ни одного французскаго слова), что̀ ставилось непремѣннымъ условіемъ при назначеніи классныхъ дамъ, но обладала въ высшей степени добрымъ сердцемъ и любовью къ дѣтямъ. Сколько лѣтъ она провела въ кругу дѣтей—я не знаю, но она до такой степени свыклась съ своимъ положеніемъ, что ее нельзя было себѣ представить безъ дѣтей. Имѣя двѣ отдѣльныя маленькія комнаты, она только спала въ одной изъ нихъ, съ ранняго же утра и до того времени, какъ дѣти уснутъ, она отъ нихъ не отлучалась. Въ дѣтской, т. е. въ большой комнатѣ ея квартиры, около окна стоялъ ея стулъ и столикъ; здѣсь она, окруженная дѣтьми, что-нибудь работала или читала «Сѣверную Пчелу». Въ будни дѣти на пять часовъ уходили въ классы, но она отнюдь не освобождалась въ это время, такъ какъ на ея рукахъ все-таки оставалось два-три мальчика моложе 6-ти лѣтъ, которые въ классы не ходили вовсе. Въ остальные часы, во всѣ праздники, во время каникулъ, всѣ дѣти безотлучно оставались при ней; она и не знала другой жизни, какъ жизнь съ дѣтьми: гуляла тогда, когда имъ надо было гулять, обѣдала и ужинала, когда они обѣдали и ужинали, ходила съ ними въ царскосельскій паркъ. Въ тѣ полтора года, которые я ее зналъ, она ни одного раза не оставляла насъ даже на самое короткое время. Это была мать многочисленнаго семейства. Никакого воспитательнаго плана, или воспитательной системы Марья Ивановна не имѣла, да и не знала; она жила съ дѣтьми, не позволяла имъ ссориться и браниться, смотрѣла, чтобы они всегда были опрятны, чтобы во̀-время ложились и вставали, во̀-время уходили бы въ классы; иногда показывала и объясняла имъ картинки, иногда спрашивала азбуку, которую дѣти только-что выучили въ классѣ,—словомъ, пріучала ихъ къ порядку, къ добрымъ взаимнымъ отношеніямъ, старалась ихъ развлекать, дѣйствуя по внушенію добраго, любящаго сердца. Наказаніе она, правда, употребляла, но очень рѣдко,

въ видѣ исключенія и то только одно наказаніе: недолго постоять отдѣльно отъ товарищей; безъ пищи она никогда не наказывала, точно также никогда не употребляла тѣлеснаго наказанія, столь распространеннаго во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ Александровскаго корпуса. Дѣти платили ей, съ своей стороны, также любовью и искренностью. Съ каждой бездѣлицей, со всякимъ цвѣточкомъ, ягодкой или жучкомъ, найденнымъ въ саду, дѣти бѣжали показать ей ихъ, и никогда не надоѣдали этимъ; она всегда посмотритъ то, что ей показываютъ, и скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Подаритъ-ли ребенку въ классахъ кто-нибудь карандашъ, перо или тетрадку, онъ бѣжитъ изъ класса прямо къ ней, показать свой подарокъ, думая ее обрадовать такъ же, какъ самъ обрадовался, и она дѣйствительно радовалась всякой дѣтской радости. Не смотря на весьма рѣдкое употребленіе наказаній, духъ послушанія и исполнительности царствовалъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи; за то, вслѣдствіе мягкости воспитанія, дѣти отличались откровенностью, сердечной добротой и мягкими отношеніями другъ къ другу: драки, если и случались, то только между новичками, привозившими привычку къ нимъ изъ дома, но въ отдѣленіи дѣти скоро отучались отъ нихъ; дѣти никогда не покушались отнять что-нибудь у своего товарища, или безъ позволенія взять чужую игрушку, которая всегда лежала на виду, такъ какъ ящиковъ и шкафовъ не было вовсе.

Но несознательныя отношенія Марьи Ивановны къ дѣтской природѣ были причиною нѣкоторыхъ ея промаховъ въ педагогическомъ отношеніи. Такъ, она съ особенной любовью относилась къ болѣе маленькимъ дѣтямъ и во всѣхъ несогласіяхъ или ссорахъ, происходившихъ между двумя дѣтьми, никогда не разбирала, кто правъ и кто виноватъ, а просто принимала сторону младшаго, оправдывая всегда его, и выговаривала старшему. Такая несправедливость раздражала старшаго, но, что̀ еще хуже, развивала безнаказанный деспотизмъ въ младшемъ. Поэтому-то тѣ дѣти, которыя поступали въ корпусъ очень молодыми, меньше шести лѣтъ, пріобрѣтали самый несносный характеръ, любили ко всѣмъ приставать, и затѣмъ они же бѣгали постоянно жаловаться: изъ нихъ впослѣдствіи выходили непріятные товарищи, которыхъ всѣ не любили.

Полтора почти года прожилъ я у М. И. Боньотъ, и какъ теперь представляю ее передъ собою въ нашей дѣтской, всегда чѣмъ-нибудь занятой, чаще всего дѣланіемъ изъ бумаги розетокъ для четырехъ подсвѣчниковъ, въ которыхъ по вечерамъ подавались намъ на столъ сальныя свѣчи.

Будучи весьма аккуратной, Марья Ивановна наблюдала, чтобы мѣдные подсвѣчники блестѣли, а чтобы они не закапались саломъ, при-

готовляла очень искусно бумажныя розетки, которыя каждый день мѣнялись. Для приготовленія четырехъ розетокъ ежедневно, требовалось довольно времени, и вотъ мы окружаемъ ее, а она съ нами бесѣдуетъ, работая ножемъ розетки, мы же всѣ слѣдимъ за этой работой, свободно разспрашивая ее о разныхъ разностяхъ, или разсказывая ей сказки, или, наконецъ, слушая ея разсказы. Но вотъ вдали раздается барабанъ, Марья Ивановна оставляетъ свою работу: «идемъ, дѣти, обѣдать»,—говоритъ она. Мы тотчасъ сами выстраиваемся и идемъ съ нею въ общую залу, для чего надо спуститься съ третьяго этажа въ первый. На лѣстницѣ одинъ мальчикъ вздумалъ посмотрѣть въ окно, просунувъ голову между желѣзными прутьями, которыми окно было отгорожено отъ лѣстничной площадки. Прутья внизу были нѣсколько толще, чѣмъ вверху, и потому голова мальчика, свободно прошедшая въ верхней части, не могла пройти назадъ между прутьями, когда онъ наклонился. Мальчикъ испугался, онъ не могъ вытащить свою голову и закричалъ отчаяннымъ голосомъ. Боже мой, что̀ сдѣлалось съ Марьей Ивановной! Блѣдная, какъ смерть, она принялась своими слабыми руками раздвигать толстые желѣзные прутья; видя ея испугъ и испугъ товарища, мы, болѣе старшіе, принялись также тянуть прутья, маленькіе заплакали. Конечно, мы ничего не могли сдѣлать; но къ счастью самъ виновникъ тревоги догадался, наконецъ, поднять голову выше, и тогда онъ легко ее вытащилъ. Но Марья Ивановна едва сошла съ лѣстницы, такъ ноги ея дрожали. Если бы это случилось въ одномъ изъ ротныхъ отдѣленій, какъ жестоко былъ бы наказанъ мальчикъ, да заодно и всѣ мы; здѣсь же никому намъ и въ голову не приходило, что мальчикъ этотъ, и безъ того такъ напугавшійся, можетъ быть еще наказанъ.

Однажды А. Б. Дихеусъ взялъ троихъ изъ насъ въ свой небольшой садикъ, бывшій рядомъ съ нашимъ садомъ, и каждому изъ насъ далъ по нѣсколько вѣточекъ клубники, сорвавъ ее при насъ съ грядъ. Онъ очень удивился, что мы не ѣли ягодъ; на его вопросъ, почему мы не хотѣли ихъ ѣсть, мы сказали, что снесемъ ихъ Марьѣ Ивановнѣ. Онъ самъ отвелъ насъ назадъ и передалъ ей наши слова. Старушка взяла отъ каждаго изъ насъ по одной ягодкѣ и на другой день купила намъ каждому по тарелкѣ клубники. Въ этомъ простомъ обстоятельствѣ видна наша постоянная мысль о Марьѣ Ивановнѣ, бывшей очень близкою къ нашему дѣтскому сердцу.

Въ мартѣ 1843 года мнѣ должно было исполниться 8-мь лѣтъ, и мнѣ предстоялъ переводъ въ ротныя отдѣленія; не задолго до моего перехода, на Рождествѣ, Марья Ивановна сильно заболѣла и къ концу праздниковъ, въ январѣ, умерла. Она была католичка, и потому ее отпѣвали не въ нашей церкви; по случаю большихъ холодовъ,—хоронили

ее безъ насъ; прощаться къ ней не сочли удобнымъ вести насъ, и такимъ образомъ мы ее уже не видали отъ начала Рождественскихъ праздниковъ.

Послѣ смерти М. И. Боньотъ, вѣроятно по распоряженію великаго князя Михаила Павловича, былъ отпечатанъ портретъ ея, на которомъ она была представлена гуляющею въ саду, окруженная троими дѣтьми малолѣтняго отдѣленія. Портретъ намъ только одинъ разъ показали, хотя слѣдовало бы повѣсить его въ залахъ и спальняхъ. Смотря на портретъ, мы сожалѣли, что ни одинъ изъ нарисованныхъ дѣтей не похожъ ни на кого изъ насъ.

Вмѣсто М. И. Боньотъ въ малолѣтнее отдѣленіе была назначена m-me Кашинцева, бывшая до того въ старшихъ отдѣленіяхъ; она принесла съ собой изъ ротныхъ отдѣленій всѣ наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ французскій языкъ, бывшій общеупотребительнымъ разговорнымъ языкомъ между дамами и воспитанниками; но не принесла главнаго: той любви и сердечной теплоты къ дѣтямъ, которыми отличалась Марья Ивановна Боньотъ.

Въ ротныхъ отдѣленіяхъ, куда перевели меня въ мартѣ 1843 года, классная дама уже не была такъ безотлучно при дѣтяхъ, какъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, однако и здѣсь она стояла къ нимъ такъ близко и была при нихъ такъ часто, что могла быть въ полномъ смыслѣ слова воспитательницей и руководительницей своихъ дѣтей.

Рота составляла одну воспитательную единицу, которая раздѣлялась на три отдѣленія. Классная дама 1-го отдѣленія была въ то же время старшею дамою. Меня перевели въ 3-ю роту, во 2-е отдѣленіе, гдѣ я уже находился до перевода въ малолѣтнее отдѣленіе. Старшею дамою въ третьей ротѣ была Елисавета Николаевна Боньотъ, дочь Марьи Ивановны, старая дѣвица, по характеру своему совершенно непохожая на свою мать. Всякій мелкій проступокъ выводилъ ее изъ себя, она тотчасъ стращала розгами и наказывала стоять. Особенно плохо приходилось тому мальчику, который постоянно велъ себя хорошо; стоило ему попасться въ какой-нибудь обыкновенной дѣтской шалости, и Е. Н., кромѣ наказанія, донимала такими замѣчаніями: «небось тихоня, а самъ исподтишка, лукавый мальчишка, въ тихомъ омутѣ черти водятся» и т. п. Не знаю хорошенько, любили-ли Е. Н. дѣти ея отдѣленія, но мы, дѣти другихъ отдѣленій, и боялись, и ненавидѣли ее. Впрочемъ, Е. Н. умѣла быть доброй, но только не ко всѣмъ дѣтямъ. При поступленіи моемъ, я увидѣлъ одного мальчика, пользовавшагося особымъ покровительствомъ Елисаветы Николаевны; она его любила и баловала; онъ цѣлые дни внѣкласснаго времени проводилъ у нея на квартирѣ и только во время дежурствъ Е. Н. находился съ нами въ залѣ. Мальчикъ этотъ имѣлъ совершенно болѣз-

ненный видъ, былъ очень худъ и блѣденъ, отличался скромностью и очень небойкими способностями. Въ 1844 году онъ былъ переведенъ отъ насъ въ Пажескій корпусъ,—единственное исключеніе;—такъ какъ переводъ бывалъ только въ кадетскіе корпуса. Почему онъ находился подъ особымъ покровительствомъ классной дамы, не отличавшейся въ обращеніи съ другими дѣтьми нѣжными чувствами,—мнѣ неизвѣстно; если я остановился нѣсколько на немъ, то только потому, что онъ впослѣдствіи, въ 1863 году, игралъ важную роль въ польскомъ возстаніи подъ вымышленнымъ названіемъ—Бошняка; это былъ Іосифъ Гауке.

Во 2-мъ отдѣленіи, куда я поступилъ, была всего около мѣсяца классная дама Вознесенская, которая переходила тогда въ Петербургъ, въ Николаевскій институтъ, и на ея мѣсто была къ намъ опредѣлена француженка по происхожденію, но уже довольно хорошо говорившая по-русски m-me Кобервейнъ. Она была лучшею изъ всѣхъ трехъ дамъ нашей (3-й) роты, хотя нерѣдко выказывала большія несправедливости и довольно щедро разсыпала взысканія, но мы все-таки ее любили больше всѣхъ дамъ. Но особенно мы любили ея дочь Жозефину Осиповну, дѣвушку лѣтъ 22 или 23, очень умную, отлично игравшую на роялѣ и хорошо рисовавшую масляными красками. Ж. О. жила при своей матери и на нее-то возлагала нерѣдко свои обязанности m-me Кобервейнъ, то уѣзжая въ Петербургъ, то по нездоровью своему, то просто чтобы отдохнуть. Во время дежурствъ своихъ, m-me Кобервейнъ отсылала къ дочери насъ человѣкъ пять, и мы разговаривали съ ней откровенно о всѣхъ нашихъ радостяхъ и печаляхъ, въ то время какъ она рисовала, что̀ не мѣшало ей принимать искреннее участіе въ нашихъ бесѣдахъ. Въ лѣтнее время Ж. О. ежедневно ходила гулять въ царскосельскій паркъ, при чемъ всегда брала съ собой двухъ-трехъ дѣтей; я былъ счастливъ тѣмъ, что почти всегда она выбирала и меня въ свои спутники. Мы были на столько къ ней привязаны, что, гуляя съ ней въ паркѣ или разговаривая съ ней въ квартирѣ, считали себя какъ-бы въ отпуску, отрѣшаясь вполнѣ отъ казенныхъ отношеній къ класснымъ дамамъ и отъ казенной обстановки заведенія. Жозефина Осиповна также искренно любила насъ, дѣтей, и даже когда я былъ уже въ 1-мъ корпусѣ, въ Петербургѣ, она иногда пріѣзжала ко мнѣ въ корпусъ навѣстить меня и другихъ дѣтей Александровскаго корпуса. Года черезъ два послѣ моего перехода изъ Александровскаго корпуса, Ж. О., какъ я слышалъ, вышла замужъ и съ мужемъ своимъ уѣхала изъ Россіи, навсегда поселившись въ Италіи.

Въ 3-мъ отдѣленіи нашей роты классною дамою была m-me Розенъ, которая имѣла къ намъ отношеніе только во время дежурствъ своихъ; мы ее не любили за ея вспыльчивый характеръ, при чемъ она въ злости бывало безъ церемоніи подойдетъ и ущипнетъ.

Что касается классныхъ дамъ другихъ ротъ, то онѣ не имѣли къ намъ никакого отношенія и совершенно насъ не знали.

Въ заведеніи существовала также начальница; въ чемъ заключались ея обязанности, я не могу дать себѣ отчета даже и теперь; она приходила къ намъ только во время нашего ужина. До 1844 г. была начальницей Кронъ, а въ 1844 г. поступила Голубцова. Мы, дѣти, рѣшили между собою, что начальница нужна была только для того, чтобы былъ лишній человѣкъ, который имѣлъ бы право насъ сѣчь. Кажется, мы не далеко были отъ истины.

Обязанность отдѣленной дамы состояла въ доставленіи дѣтямъ материнскаго воспитанія. Съ ранняго утра она была уже при своихъ дѣтяхъ, осматривала одежду, заставляла прочесть утреннюю молитву и отправляла ихъ къ утреннему чаю. Въ классахъ дѣти находились на рукахъ учителей, но дежурная дама присутствовала въ одномъ изъ классныхъ отдѣленій (для нея во всѣхъ классныхъ отдѣленіяхъ стояло особое кресло). Передъ обѣдомъ всѣ дамы приходили въ залу и шли къ обѣду вмѣстѣ со своими воспитанниками. Каждое отдѣленіе обѣдало за особымъ столомъ, на концѣ котораго обѣдала отдѣленная дама. Отъ обѣда до вечернихъ классовъ дѣти оставались въ залѣ на рукахъ дежурныхъ дамъ, но отдѣленныя дамы брали къ себѣ на это время по нѣскольку человѣкъ, часто и все отдѣленіе. Послѣ классовъ, получивъ полдникъ, дѣти шли заниматься въ квартиры своихъ дамъ; по окончаніи занятій, шли вмѣстѣ съ дамами къ ужину, послѣ котораго шли въ спальню, гдѣ до спанья оставались при своихъ дамахъ.

Такимъ образомъ бо̀льшую часть дня дамы были при своихъ дѣтяхъ, а черезъ два дня въ третій, дама, будучи дежурной, была при дѣтяхъ безотлучно.

Если бы дамы имѣли хотя какое-нибудь педагогическое образованіе, если бы онѣ хотя задали себѣ вопросъ, для чего и какъ слѣдуетъ воспитывать, то при почти безотлучномъ пребываніи при дѣтяхъ онѣ могли бы прекрасно исполнять свои воспитательскія обязанности. Къ несчастію, онѣ, не имѣя никакого понятія о воспитаніи, часто только портили дѣтей, въ чемъ имъ помогало остальное начальство заведенія.

Все воспитаніе ограничивалось надзоромъ за порядкомъ и наложеніемъ взысканій за нарушеніе порядка.

Наказанія, употреблявшіеся въ отдѣленіяхъ, состояли въ слѣдующемъ:

1. Ставили на штрафъ во время рекреаціи.
2. Заставляли стоять во время обѣда или ужина.
3. Лишали блюда за обѣдомъ или ужиномъ.
4. Наказывали розгами.
5. Писали фамилію на черной доскѣ.

6. Отдѣляли отъ товарищей.

7. Надѣвали на шею особый «ошейникъ» (наказаніе очень рѣдкое).

Три послѣднія взысканія могъ налагать только директоръ корпуса. Ошейникъ дѣлался изъ грубаго солдатскаго сукна и надѣвался на голую шею ребенка. Хороши были педагоги, придумавшіе такое позорное и антигигіеническое наказаніе!

Тѣлесное наказаніе имѣли право налагать директоръ, инспекторъ классовъ, начальница и старшая дама въ ротѣ. Первыя три лица исполняли это наказаніе при помощи сторожей, а дамы—при помощи нянекъ. Отдѣленная дама сама не имѣла права наказывать тѣлесно, но такъ какъ не было примѣра, чтобы старшая дама отказала въ просьбѣ отдѣленной дамы высѣчь мальчика, то это сводилось къ тому, что каждая дама могла наказать тѣлесно, когда ей вздумается. Дамы считали розги ничтожнымъ наказаніемъ, и рѣдкій день обходился безъ розогъ, при чемъ сѣкли одновременно нѣсколькихъ дѣтей за самые ничтожные проступки (такъ было по крайней мѣрѣ въ 3-й ротѣ). Для примѣра приведу слѣдующій случай. Мальчикъ С. подарилъ своему товарищу Б. маленькое жестяное блюдечко, привезенное имъ изъ дома; послѣдній подарилъ это блюдечко другому товарищу Ч. У Ч. однажды нашли подушку, вымазанную сажей; при разборѣ оказалось, что Ч. жарилъ на свѣчкѣ ночника картофель, спрятанный имъ отъ ужина. Нашли и блюдечко. Послѣ разбора высѣкли Ч. за его вину, Б. и С. за то, что они осмѣлились дарить свои вещи; кстати высѣкли и брата С. за то, что у него нашли три или четыре пуговицы, которыми онъ игралъ. Въ другой разъ дама приказала мальчику опустить руку, которую онъ поднялъ, идя къ ужину, чтобы поправить свою одежду; исполнивъ приказаніе, мальчикъ крайне сконфузился, покраснѣлъ и, какъ показалось дамѣ,—улыбнулся. Дама наказала его безъ блюда и затѣмъ пристала къ нему съ вопросомъ, знаетъ-ли онъ, за что его наказали? Мальчикъ отвѣтилъ: за то, что я поднялъ руку. Дама сочла за дерзость, что онъ даже не знаетъ, за что его наказали (т. е. за воображаемую улыбку), и просила старшую даму его высѣчь. Такимъ образомъ розги составляли главное основаніе воспитательныхъ мѣропріятій. Если дама находила, что частое сѣченіе мало приноситъ пользы, она обращалась съ жалобой къ директору Хатову, а этотъ добрѣйшій старикъ, признававшій единственнымъ спасеніемъ дѣтей—розги, бывало, каждое утро, передъ классами, молча манилъ къ себѣ однимъ пальцемъ и съ правой и лѣвой стороны виновныхъ по жалобамъ дамъ и, собравъ къ себѣ нерѣдко цѣлую шеренгу, отправлялъ остальныхъ дѣтей въ классы, а свою шеренгу велъ на расправу. Придя, послѣ экзекуціи, въ классы, дѣти разсказывали товарищамъ

своимъ, съ нетерпѣніемъ ихъ поджидавшимъ, сколько кто получилъ ударовъ, кто какъ кричалъ, какъ размахивали руками сторожа, которые сѣкли (болѣе любопытные для этого даже отпрашивались у учителя выйти изъ класса, чтобы поскорѣй, не ожидая перемѣны, допросить о чемъ надо). Выслушавъ эти разсказы, товарищи допрашивали наказанныхъ, было-ли больно, остались-ли рубцы и какъ они велики, а нерѣдко просили и показать имъ рубцы, что̀ всегда охотно исполнялось.

Какъ я уже сказалъ, въ классахъ инспекторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мецъ также не пропускалъ случая высѣчь мальчика, высланнаго за дверь, причемъ являлся новый допросъ наказанному: сколько дали и пр. Наказаніе инспектора особенно интересовало дѣтей, потому что сѣченіе производилъ классный писарь Аѳонасьевъ, котораго дѣти называли Аѳонькой, отличавшійся большой силой. Дѣти говорили между собою, что онъ передъ экзекуціей надѣвалъ на правое запястье желѣзное кольцо. Всякаго высѣченнаго инспекторомъ непремѣнно изслѣдовали: какіе рубцы положилъ Аѳонька.

Наказаніе начальницы, какъ женщины очень доброй, бывало очень рѣдко. Дѣти знали, что при этомъ получали мало ударовъ, и потому не давали большаго значенія ея наказаніямъ. Наказаніе старшихъ дамъ не считалось очень большимъ, такъ какъ исполнительницами наказаній были няньки, которыя даже и рубцевъ почти не оставляли. Поэтому такихъ наказанныхъ товарищи очень рѣдко изслѣдовали.

Поощрительныя мѣры въ заведеніи были приняты слѣдующія:

1. Двухъ лучшихъ въ отдѣленіи воспитанниковъ назначали сержантами, обязанность которыхъ состояла въ наблюденіи за порядкомъ въ отсутствіе дамы, причемъ сержантъ давалъ отчетъ дамѣ, кто безъ нея шалилъ, и такимъ образомъ дѣлался судьею своихъ товарищей. О педагогичности такой постановки дѣла никому и въ голову не приходило.

2. Одного слѣдующаго за сержантами лучшаго воспитанника назначали ефрейторомъ, который долженъ былъ приносить передъ классами книги своему отдѣленію и отбирать ихъ послѣ класса.

3. Прибавка балловъ въ поведеніи.

4) Написаніе имени фамиліи на красную доску въ рекреаціонной залѣ, при чемъ требовались и отличные успѣхи въ ученьи.

Обо всѣхъ этихъ наградахъ надо сказать то же, что̀ было сказано о наградахъ за ученье: онѣ развивали въ дѣтяхъ честолюбіе и зависть, да кромѣ того въ классахъ хорошіе успѣхи были по крайней мѣрѣ слѣдствіемъ прилежанія и вниманія, тогда какъ хорошее поведеніе на глазахъ дамы нерѣдко не было слѣдствіемъ хорошей нравственности; бывали дѣти, только казавшіяся хорошими.

Поддерживая хорошее поведеніе поощреніемъ дѣтей и наказывая

за дурное поведеніе, классныя дамы были убѣждены, что онѣ добросовѣстно исполняютъ все, что отъ нихъ требовалось, и, спокойно усѣвшись на дежурствѣ на стулѣ, вязали себѣ чулки, оставляя дѣтей заниматься чѣмъ имъ угодно, лишь бы не было безпорядковъ. Безпорядки же большею частію являлись въ дракахъ между дѣтьми, въ дракахъ, которыя меня, перешедшаго изъ малолѣтняго отдѣленія, гдѣ ихъ не было, первое время до крайности поражали. Чуть только малѣйшее несогласіе, смотришь: ужь одинъ изъ споравшихъ доказываетъ свое право кулакомъ, и пошла потасовка. Но пара глазъ дежурнаго дядьки зорко смотрѣла за такими проступками, и, схвативъ виновныхъ за руки, дядька тащилъ ихъ черезъ залу къ классной дамѣ. Послѣдняя, поставивъ обоихъ безъ разговоровъ стоять, успокоивалась и снова принималась за чулокъ.

А дѣти, видя въ своихъ наставницахъ лишь карателей, никогда не обращались къ нимъ за помощію или совѣтами въ своихъ играхъ или разговорахъ; они совершенно удалились отъ нихъ и приходили къ нимъ только съ жалобой. Отношеніе дѣтей къ дамѣ здѣсь было совершенно другое, нежели въ малолѣтнемъ отдѣленіи.

Но дѣти Александровскаго корпуса умѣли играть, они никогда не скучали, умѣя всегда найти себѣ занятіе. Никто не руководилъ дѣтскими играми, но никто и не мѣшалъ имъ играть, лишь бы они не безпокоили дежурную даму. Кѣмъ и когда были внесены въ заведеніе игры: самими-ли дѣтьми, или кѣмъ-либо изъ воспитывавшихъ, мнѣ не извѣстно; но я уже засталъ самыя разнообразныя игры и занятія, которыя, передаваясь отъ однихъ дѣтей другимъ, поддерживались въ заведеніи постоянно. Сами дѣти раздѣляли свои занятія на два рода: на лѣтнія и зимнія. Къ первымъ дѣти переходили, какъ только ихъ въ первый разъ весной выводили на плацъ, а послѣднія раздѣлялись по мѣсяцамъ.

Какъ только, въ апрѣлѣ, выпускали на плацъ, тотчасъ являлись бумажные змѣи, которые приготовляли дѣти сами, безъ всякой посторонней помощи, при этомъ змѣи выходили большіе, съ разными затѣями, запускались нерѣдко такъ высоко, что огромнѣйшій змѣй казался маленькой бумажкой. Необходимыя для змѣя нитки привозили дѣти изъ дому, послѣ праздниковъ Пасхи (единственный впрочемъ разъ было роздано по мотку нитокъ на отдѣленіе); дранки для змѣй дѣти приготовляли сами изъ щепы старыхъ корзинъ, а для устройства хвоста и другихъ частей существовали теоретическія данныя, которымъ и поучались поступившіе въ заведеніе новички. Нѣсколько позже, въ концѣ мая, когда уже переходили гулять на лугъ, змѣи уже не запускались, оставались другія игры; къ нимъ присоединялось выбиваніе барабанныхъ боевъ, для чего нужно было имѣть только двѣ палки, а барабанъ замѣняла скамейка. Любимѣйшимъ же занятіемъ дѣтей въ лѣтнее время

было собираніе, кормленіе и воспитаніе гусеницъ, при чемъ наблюдали ихъ превращеніе. Этимъ занимались дѣти всѣ поголовно, собирали на листьяхъ яйца насѣкомыхъ, выводили изъ нихъ гусеницъ, при чемъ каждаго рода гусеница имѣла свое, придуманное дѣтьми, названіе. Передъ каникулами въ воскресенье и въ праздничные дни, а во время каникулъ ежедневно, дамы (недежурныя) ходили съ своими отдѣленіями гулять въ паркъ или въ окрестности городскія, и почти каждый мальчикъ имѣлъ при себѣ коробочку для насѣкомыхъ и гусеницъ; иногда двое или трое собирали гусеницъ вмѣстѣ и вмѣстѣ кормили ихъ. Коробки для гусеницъ дѣти клеили сами, выказывая при этомъ замѣчательную изобрѣтательность и находчивость: картона не было, склеивали бумагу старыхъ тетрадей листъ на листъ и получали картонъ, клей дѣлали изъ мякиша булки; коробки снабжали сверху стеклами, собирая на дворѣ всѣ обломки стеколъ. Нерѣдко изъ такихъ скудныхъ средствъ выклеивались домики со стеклами и дверьми. Невольно сравниваешь съ тѣмъ временемъ многія теперешнія учебныя заведенія, гдѣ дѣти старше десяти лѣтъ, гдѣ отъ казны истрачиваются ежедневно многія сотни рублей на покупку картона, клея, инструментовъ, на наемъ переплетчика для обученія воспитанниковъ, а когда понадобится коробка для энтомологическихъ экскурсій или папка для гербарія, то все это покупается: воспитанники не умѣютъ сдѣлать это даже изъ готоваго матеріала и при помощи мастеровъ.

Въ октябрѣ, когда дѣти переходили гулять на дворъ, лѣтнія игры прекращались, и вообще зимой на воздухѣ никакихъ игръ не было, потому что гуляли по морсткамъ въ строю; тогда начинались игры и занятія въ залѣ. До Рождества дѣти свивали себѣ изъ тонкихъ веревокъ толстую, которую употребляли для прыганья.

Чтеніе книгъ между дѣтьми было незначительное: читали только книги, привезенныя изъ отпуска, или подаренныя въ награду; никакой библіотеки въ заведеніи не было. Дамы никогда намъ ничего ни читали, иногда только случалось, что Жозефина Осипова прочтетъ намъ какую-нибудь статью изъ издававшагося тогда «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній».

Изъ всѣхъ классныхъ дамъ только одна m-me Кобервейнъ устраивала иногда дѣтскіе спектакли на французскомъ языкѣ, другія дамы были слишкомъ лѣнивы, чтобы заняться съ дѣтьми даже и этимъ.

Во время Рождественскихъ праздниковъ устраивался въ заведеніи маскарадъ, на который пять или шесть человѣкъ изъ каждаго отдѣленія являлись въ костюмахъ; послѣ маскарада начинался балъ, въ которомъ главнымъ образомъ принимали участіе посторонніе воспитанники. Въ малолѣтнемъ отдѣленіи бывала елка, но игрушекъ дѣтямъ не дарили.

Отъ времени до времени заведеніе посѣщали члены императорской

фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ былъ при мнѣ въ корпусѣ два раза. Помню, какъ поразилъ насъ, дѣтей, его видъ, когда мы увидѣли его въ первый разъ. Онъ пришелъ въ столовую, куда тотчасъ же собралось все наше начальство, и какими всѣ они показались намъ маленькими въ сравненіи съ императоромъ! Мы долго говорили между собою объ этомъ посѣщеніи государя и были убѣждены, что нѣтъ человѣка выше его ростомъ. Михаилъ Павловичъ бывалъ въ заведеніи по два или по три раза въ годъ. Бывало, построитъ насъ въ залѣ и устроитъ батальонное ученье подъ бой трехъ барабановъ, потомъ заставитъ всѣхъ лечь и лежа катиться въ одну сторону. Вспоминаю, какъ одинъ воспитанникъ, встрѣтивъ директора гдѣ-то въ помѣщеніи, въ день 1-го апрѣля, сказалъ ему, что въ заведеніе пріѣхалъ государь. И. И. Хатовъ такъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, что, не разспросивъ его, тотчасъ бросился въ залу и приказалъ воспитанникамъ построиться, а самъ пошелъ въ швейцарскую встрѣтить государя. Но каково было его удивленіе, когда швейцаръ заявилъ, что государь даже и не проѣзжалъ мимо корпуса. Хатовъ вернулся въ залу, гдѣ воспитанники, ожидая государя, стояли смирно, и вызвалъ сообщившаго ему это извѣстіе. Воспитанникъ выходитъ на средину залы и громко заявляетъ: «перваго апрѣля обманъ»—«Подать розогъ!» крикнулъ на это Хатовъ, и безъ обмана наказалъ его. О проступкѣ этомъ воспитанники съ гордостью передавали изъ-года въ годъ вновь поступающимъ товарищамъ. Крупнѣе этого проступка мы, дѣти, признавали только два случая, бывшіе во время моего пребыванія. Одинъ мальчикъ залѣзъ въ комнату отдѣленной дамы, во время ея отсутствія, нарядился въ ея платье, надѣлъ чепчикъ и вышелъ передъ отдѣленіемъ, подражая дамѣ голосомъ и манерами. Его высѣкли и надѣли на него «ошейникъ». Другой мальчикъ утащилъ казенный карандашъ и когда объ этомъ узналъ инспекторъ классовъ, то онъ, со страху, спрятался такъ, что его не могли найти цѣлый день. Къ ночи нашли его въ шкафу.—Высѣкли усиленно и отдѣлили отъ товарищей. Удивительно-ли, что при такихъ строгостяхъ со стороны воспитывавшихъ лицъ и при такомъ сухомъ отношеніи воспитательницъ къ дѣтямъ мы, дѣти, такъ тяготились возвращеніемъ въ корпусъ послѣ отпуска съ Рождественскихъ или свѣтлыхъ праздниковъ, или съ каникулъ. Удивительно-ли, что каждый изъ переходившихъ въ петербургскіе кадетскіе корпуса такъ радовался своему переходу, хотя и не зналъ, что̀ его тамъ ожидаетъ? Всѣ наши классныя дамы почему-то считали обязанностью своей доказывать намъ, что тамъ, въ другихъ корпусахъ, будетъ хуже, что мы должны желать подольше оставаться въ Александровскомъ корпусѣ. Мы вполнѣ вѣрили ихъ словамъ, но въ то же время у каждаго изъ насъ было желаніе поскорѣе быть переведеннымъ, а когда наступалъ срокъ перевода, мы

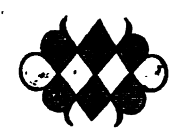
забывали всѣ предостереженія нашихъ дамъ и съ восторгомъ усаживались въ запряженныя тройками кареты, которыя нанимались для нашего переѣзда въ Петербургъ. У насъ даже была кѣмъ-то и когда-то сложена пѣсня, которую обыкновенно пѣли тѣ, которымъ предстоялъ переводъ въ концѣ года:

Чрезъ полгода не болѣ,
На троечкѣ лихой,
Покатимъ въ чисто поле
Изъ корпуса въ другой.

18-го августа 1846 года насъ, въ числѣ 22-хъ кадетъ, усадили въ кареты и повезли въ Петербургъ въ кадетскіе корпуса: 11-ть человѣкъ въ 1-й корпусъ и 11-ть—въ Павловскій. Александръ Богдановичъ Дихеусъ привезъ насъ въ 1-й корпусъ и сдалъ ротному командиру неранжированной роты, затѣмъ, попрощавшись съ нами,—уѣхалъ. Съ этого дня мы стали кадетами 1-го корпуса. Здѣсь судьба привела меня пробыть цѣлыхъ десять лѣтъ.

В. Фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Самоволіе Н. А. Демидова.

Указъ нашему генералъ-адъютанту князю Ивану Голицыну.

9-го января 1762 г.

Увѣдомились мы, что дворянинъ Никита Акинфіевъ сынъ Демидовъ, не испрося напередъ позволенія нашего, наложилъ на себя голштинскій нашъ орденъ Св. Анны и при томъ безъ вѣдома же нашего отважился носить на себѣ портретъ нашъ, обложенный бриліантами. Сего ради ѣхать вамъ немедленно въ Москву и какъ знаки онаго ордена, такъ и портретъ отъ него, Демидова, отобрать и въ то же время объявить нашъ указъ нашему генералу, поручику и сенатору графу Воронцову (Ивану Ларіоновичу), чтобы помянутый дворянинъ Никита Демидовъ впредь до указа изъ Москвы отнюдь никуда не отлучался.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 г. [1].

После побѣдоносныхъ Наполеоновскихъ войнъ, приведшихъ къ оккупаціи французской территоріи союзными войсками, положеніе Франціи въ 1823 году было слѣдующее: она не могла конечно отрѣшиться отъ роли великой державы, но находилась въ то же самое время подъ наблюденіемъ у трехъ державъ, заключившихъ противъ нея Священный союзъ и занимавшихъ въ описываемую эпоху первое мѣсто на европейскомъ континентѣ. Отсюда и проистекала подозрительность и недовѣрчивость ея дипломатовъ.

Въ то время во главѣ французской дипломатіи стоялъ извѣстный Шатобріанъ, а французскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ графъ де-ла-Ферроне. Дипломатическая переписка этого военнаго дипломата (графъ былъ генераломъ французской службы) главнымъ образомъ съ Шатобріаномъ, а отчасти съ г. де-Райневалемъ (Rayneval), находившимся въ 1823 году французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ, и составляетъ содержаніе настоящей статьи.

Разсматривая донесенія графа де-Ферроне, невольно останавливаешься на чрезмѣрной болтливости (verbiage) этого дипломата, а самыя даты депешъ, т. е., говоря дипломатическимъ языкомъ, экспедицій (expeditions), прямо поражаютъ въ эпоху не столь быстрыхъ, какъ въ настоящее время, сообщеній, ихъ частымъ отправленіемъ. Подобный излишекъ усердія со стороны французскаго дипломата можно объяснить слѣдующимъ обстоятельствомъ. Не упуская изъ вида союза Россіи,

---

[1]) На основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ въ Парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. См. „Русскую Старину“, май 1901 и ноябрь 1903 г.

Австріи и Пруссіи, графу Ферроне казалось, что отечество его, еще не совсѣмъ оправившееся послѣ Наполеоновской эпохи, къ тому же связанное по рукамъ дѣлами своими съ Испаніей, будетъ вынуждено оставаться нѣмымъ зрителемъ грядущихъ событій.

Однимъ словомъ, Франція очутилась бы тогда въ положеніи подобномъ тому, что съ нею было во время раздѣловъ Польши. Франція неизбѣжно обращалась въ державу, совершенно изолированную, а дипломатія ея, какъ выше уже было упомянуто, становилась отъ того подозрительною и нервною. Весьма понятно, что французскій представитель былъ непріятно пораженъ извѣстіемъ о Черновицкомъ свиданіи двухъ императоровъ. Онъ старался передъ отъѣздомъ императора Александра на югъ Россіи, получить аудіенцію, которая ему была неохотно дана, такъ какъ въ ней неоднократно ему отказывали. Ниже приведено будетъ донесеніе посла Шатобріану по поводу сей аудіенціи, а въ настоящее время мы прослѣдимъ дипломатическую переписку графа де-ла-Ферроне съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ момента отъѣзда государя.

Отъ 10-го октября нов. ст. посолъ [1]) доносилъ Шатобріану, что свиданіе обоихъ монарховъ состоится, что присутствовать на немъ будутъ посолъ Татищевъ и графъ Нессельроде, сдавшій управленіе министерствомъ тайному совѣтнику Убри. Но нѣсколько ранѣе того въ письмѣ къ де-Райневалю, адресованномъ въ Берлинъ, графъ де-ла-Ферроне не стѣсняясь говоритъ такъ [2]): je regrette toutefois de ne pouvoir être à même de donner à mon gouvernement aucune espèce d'éclaircissements sur les motifs réels de ce voyage [3]).

Не удивительно послѣ того, что, узнавши наконецъ о свиданіи императоровъ Александра и Франца, посолъ окончательно терялся въ догадкахъ. Передъ отъѣздомъ своимъ государь его принялъ, но не промолвилъ ни слова о свиданіи. Графъ де-Ферроне понятно не одобрялъ подобнаго поведенія русскаго правительства по отношеніи къ Франціи, хотя въ то же самое время крѣпко былъ убѣжденъ, что la magnanimité et les sentiments élevés (великодушіе и возвышенныя чувства) императора Александра могутъ служить порукою Франціи, что безъ предварительнаго соглашенія съ нею Россія никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не предприметъ.

Въ документахъ, разсмотрѣнныхъ нами въ Парижскомъ архивѣ, мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на разговорѣ, происходившемъ

---

[1]) Ла-Ферроне—де-Райневалю. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1823 г.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ, 10-го октября 1823 г.

[3]) Во всякомъ случаѣ сожалѣю, что не имѣю возможности сообщить правительству моему какія-нибудь данныя о настоящихъ мотивахъ этого путешествія.

въ то время между французскимъ посломъ и великобританскимъ его коллегою въ Петербургѣ, сэромъ Чарлзомъ Бэготомъ (Sir Charles Bagot) [1]). «Мы исполнили нашу задачу,—говорилъ англійскій дипломатъ графу де-ла-Ферроне,—достигнувъ всего, что можно считать возможнымъ и благоразумнымъ. Если тѣмъ не менѣе императору покажется это недостаточнымъ, пускай посылаетъ Татищева, одинъ на одинъ, раздѣлываться съ Портою, а пойдетъ Россія еще далѣе въ требованіяхъ своихъ, въ такомъ случаѣ мы окажемся на сторонѣ турокъ.

Далѣе мы приводимъ подлинныя слова депеши: après tout—такъ говоритъ сэръ Бэготъ французскому послу,—il n'y aurait peut-être pas grand inconvénient pour vous ni pour nous à laisser à cet Empereur le plaisir et l'occasion de faire tuer 300 ou 400 mille de ses soldats et à l'occuper ainsi de ses propres affaires de manière à ne plus lui laisser le temps de se mêler de celles des autres. Dans tous les cas l'essentiel pour l'Europe était d'empêcher ce colosse déjà si génant pour tous de s'étendre jusqu'à la Méditérannée et nous pouvons vous garantir qu'il n'y mettra pas le pied [2]).

Приводя слова англійскаго посла, графъ де-ла-Ферроне дѣлалъ между прочимъ слѣдующее заключеніе: онъ сомнѣвался въ пользѣ для Франціи отъ созданія Россіи препятствій на Средиземномъ морѣ, на которомъ, въ ущербъ интересамъ Франціи, старался утвердиться другой колоссъ—Англія. Конечно, если только довѣрять словамъ французскаго дипломата, ему долженъ былъ показаться страннымъ разговоръ съ императоромъ Александромъ, будто бы сказавшимъ, что если Россія, Австрія и Англія только этого захотятъ, то онѣ раздѣлятъ Турцію и что Франція помѣшать тому не можетъ. Опасаясь этого раздѣла и вспоминая совершенно пассивную роль своего государства въ эпоху раздѣловъ Польши, графъ де-ла-Ферроне совѣтовалъ своему правительству, по развязкѣ рукъ въ Испаніи, послать сильную эскадру въ Морею и Архипелагъ для поддержанія интересовъ Франціи.

Въ той же самой депешѣ французскій посолъ цитируетъ слѣдующія слова англійскаго консула въ Петербургѣ, долго прожившаго въ Россіи, сэра Даніеля Бейлэ (Sir Daniel Bayley): cela ressemblerait assez à

---

[1]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 1-го октября 1823.

[2]) Въ концѣ концовъ ни для васъ, ни для насъ не было бы особенной бѣды предоставить этому императору случай и удовольствіе, потерявъ 300 или 400 тысячъ солдатъ, заняться собственными своими дѣлами и тѣмъ лишить его досуга обращать вниманіе на посторонnія для него дѣла. Во всякомъ случаѣ главное для Европы помѣшать этому, уже столь неудобному вообще колоссу распространиться до Средиземнаго моря, и мы можемъ вамъ поручиться, что ноги его тамъ не будетъ.

l'affaire de Pologne, il y a longtemps en Angleterre nous avons prévu que c'est ainsi que se déciderait le sort de le Turquie et nous en prendrons notre parti pourvu que l'on donne à l'Autriche un grand accroissement de force et de territoire et qu'il soit bien irrévocablement convenu que ni les Russes, ni les Américains n'auront jamais aucune espèce d'établissement quelconque dans la Méditérannée [1]).

Въ депешѣ этой замѣчается довѣрительный тонъ, существующій между англійскимъ и французскимъ дипломатами. Послѣдній жалуется на недовѣріе, высказываемое по адресу Франціи кн. Меттернихомъ, видѣвшимъ въ странѣ этой очагъ всякаго революціоннаго движенія. Вотъ что говоритъ графъ де-ла-Ферроне [2]) въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ донесеній: Tout me confirme, Monsieur le Vicomte, dans l'opinion que lorsque cette entrevue a été décidée on avait renoncé à Vienne ainsi qu'à Londres et à Pétersbourg à tout espoir de pacification et qu'il ne devait plus être question que de s'arranger et de s'entendre sur le résultat d'une guerre que l'on croyait inévitable. M-r de Metternich était loin de la désirer, mais Marie Thérèse n'avait non plus voulu ni désiré le partage de la Pologne et n'avait accepté la Galicie que lorsqu'il était devenu impossible de retarder un évènement qu'elle ne pouvait plus prévenir. La même raison déterminerait l'Autriche à s'emparer de la Bosnie mais bien surement qu'après avoir tout essayé pour empêcher la guerre [3]).

Отъ того же числа посолъ [4]) не безъ желчи и ироніи писалъ г. Райневалю въ Берлинъ, дѣлая не особенно тонкій намекъ на двуличность и фальшь въ характерѣ императора Александра. Вотъ это мѣсто: Seulement on me permettra plus qu'à un autre d'élever la voix et de protester contre l'opinion qui prétend que si la bonne foi était perdue sur

---

[1]) Дѣло это весьма похоже на случившееся съ Польшею. Мы въ Англіи давно уже предвидѣли, что такимъ образомъ рѣшится участь Турціи. Мы обезпечимъ себя, но только, чтобы и Австрія усилилась, территоріально увеличилась и чтобы окончательно рѣшено было, что какъ русскіе, такъ и американцы никогда не могли бы водвориться на Средиземномъ морѣ.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 5-го октября 1823 г.

[3]) Все это утверждаетъ меня въ мнѣніи, виконтъ, что когда свиданіе это было рѣшено, всякая надежда на мирный исходъ какъ въ Лондонѣ, а также и въ Петербургѣ была покинута и что ничего болѣе не оставалось, какъ сговориться на счетъ результата войны, казавшейся неизбѣжною. Меттернихъ далекъ былъ отъ желанія этой войны, но развѣ раздѣла Польши желала Марія Терезія, взявшая Галицію только тогда, когда невозможно было отсрочить событіе, которое она предусмотрѣть не могла. На томъ же основаніи Австрія рѣшится захватить Боснію, но конечно исчерпавъ только всѣ средства къ предотвращенію войны.

[4]) Ла-Ферроне—Райневалю. С.-Петербургъ. 5-го октября 1823 г.

la terre, elle devait se trouver dans le coeur des Rois. J'ai eu l'honneur de voir l'Empereur le jour même de Son départ, jamais dans aucune de ses conversations Sa Majesté n'a autant professé Son attachement aux principes de la Sainte Alliance, jamais il n'a paru plus convaincu de la nécessité et de l'obligation de toujours leur faire le sacrifice de toute espèce d'intérêt particulier. Dieu sais toutes les belles choses qui m'ont été dites sur ce sujet... et de voir l'air convaincu dont cette leçon si bien apprise était débitée. Cependant l'entrevue était alors décidée et probablement on était à peu près d'accord sur les résolutions qui devaient être prises [1]).

Утверждая, что оставшіяся лица въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ничего не знали о Черновицкомъ свиданіи, графъ де-ла-Ферроне [2]) говоритъ: je crois très fermement que l'ignorance dans laquelle Monsieur d'Oubril prétend être sur les résolutions prises dans cette circonstance n'est pas feinte et qu'il n'en sait pas plus que nous. Si l'on en excepte Monsieur de Lebzeltern (австрійскій посолъ) que l'on suppose instruit, personne n'est dans la confidence [3]).

Весьма выпукло выражался посолъ въ своей депешѣ [4]) о характерѣ императора Александра: Je sais bien qu'en tribunal de la morale et de la loyauté un tel caractère perdrait quelque chose de la magnanimité qu'on lui suppose, mais à celui de la politique il n'a peut-être pas tort et dans le fait il n'y a pas grand chose à dire à un homme qui a 970 mille bayonnettes derrière lui, qui a toujours l'adresse de s'unir à ceux dont les vrais intérêts s'accordent avec les siens ou sa volonté du moment, un homme dont la seule influence peut mettre en mouvement

---

[1]) Болѣе нежели кому иному слѣдуетъ предоставить мнѣ право голоса въ опровержепіе мнѣнія, что если прямодушіе исчезло на этой землѣ, то мѣсто ему будто бы въ сердцахъ царей. Я имѣлъ честь видѣть императора въ самый день его отъѣзда, ни въ одномъ изъ прежнихъ разговоровъ со мною его величество не завѣрялъ меня столько въ преданности своей началамъ Священнаго союза, никогда не являлся онъ мнѣ столь проникнутымъ чувствомъ непреложной необходимости жертвовать въ пользу этихъ началъ всякимъ личнымъ интересомъ. Богу одному извѣстно, что было сообщено мнѣ по сему поводу... и видѣть, съ какимъ убѣжденіемъ повторенъ былъ этотъ заранѣе затвержденный урокъ. Между тѣмъ свиданіе было назначено, и вѣроятно тогда уже пришли къ соглашенію относительно предстоявшихъ рѣшеній.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 22-го октября 1823 г.

[3]) Я вполнѣ убѣжденъ въ искренности г. Убри, заявляющаго о своей неосвѣдомленности относительно принятыхъ въ этомъ дѣлѣ рѣшеній и что о немъ онъ не болѣе нашего знаетъ. Исключая г. Лебцельтерна (австрійскаго посла), которому вѣроятно извѣстно о происходящемъ, никто въ эту тайну не посвященъ.

[4]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 29-го октября 1823 г.

toute l'Europe et dont l'inaction est le plus grand bien qu'on en puisse espérer et dont le premier désir après tout, est celui du maintien de la paix [1]).

Тѣмъ не менѣе, получивши циркуляръ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, разсѣевавшій опасенія французскаго правительства, графъ де-ла-Ферроне успокоился, хотя и находилъ оповѣщеніе это запоздалымъ, что̀ и выражалъ въ письмѣ своемъ къ г. де-Райневалю [2]), съ которымъ могъ, понятно, переписываться въ болѣе интимномъ тонѣ, нежели съ министромъ Шатобріаномъ. Слѣдующія двѣ депеши представляютъ особенный интересъ, такъ какъ посолъ описываетъ въ нихъ [3]) визитъ свой русскому министру иностранныхъ дѣлъ, по возвращеніи его изъ Лемберга, а также аудіенцію, данную ему императоромъ Александромъ по возвращеніи изъ Черновцевъ. Встрѣча обоихъ дипломатовъ не могла быть особенно пріятною. Французское правительство почитало себя обиженнымъ вслѣдствіе сохраненія въ тайнѣ намѣренія обоихъ императоровъ съѣхаться въ Буковинѣ и вслѣдствіе сообщенія ему только какъ fact accompli (совершившійся фактъ) о результатѣ переговоровъ.

Посолъ, высказывая свое сомнѣніе на счетъ искренности сдѣланныхъ ему русскимъ правительствомъ успокоительныхъ завѣреній, не вѣрилъ конечно графу Нессельроде, старавшемуся придать свиданію совершенно невинную окраску. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ подтвердилъ, что миръ Европы обезпеченъ и если все-таки встрѣтится непреодолимое упрямство со стороны турокъ, прямодушіе русскаго царя порукою Франціи, что Россія ничего одна безъ другихъ державъ не предприметъ противъ Турціи. Во время разговора своего съ графомъ де-ла-Ферроне русскій дипломатъ сталъ укорять представителя французскаго правительства въ попыткѣ къ установленію особеннаго тѣснаго сближенія съ Англіею въ пику Россіи и въ отвѣтъ на это замѣчаніе получилъ, что сближеніе это весьма естественно въ виду тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между Россіею и Австріею.

---

[1]) Мнѣ хорошо извѣстно, что подобный характеръ съ точки зрѣнія нравственности и прямодушія утратилъ бы извѣстную долю приписываемыхъ ему возвышенныхъ чувствъ, но съ точки зрѣнія политики будетъ оправданъ. На самомъ дѣлѣ, что можно сказать человѣку, опирающемуся на 970 тысячъ штыковъ, изловчившемуся всегда присоединяться къ тѣмъ, чьи интересы согласны съ его интересами или съ направленіемъ его воли въ данную минуту, человѣку, который одинъ можетъ поднять цѣлую Европу на ноги, чье бездѣйствіе наибольшее благо, которое онъ можетъ оказать другимъ, и чье главное стремленіе все-таки въ концѣ-концовъ направлено къ сохраненію мира.

[2]) Ла-Ферроне—Райневалю. С.-Петербургъ. 26-го октября 1823 г.

[3]) Ла-Ферро̀не—Шатобріану. С.-Петербургъ. 18-го и 28-го ноября 1823 г.

Описывая аудіенцію свою у государя, графъ де-ла-Ферроне начиналъ съ того, что царь повторилъ ему тѣ же слова, которыя сказаны были ему графомъ Нессельроде. Замѣчательно, что какъ императоръ Александръ, такъ и его министръ не скрывали того факта, что главнымъ руководителемъ переговоровъ и не взирая на болѣзненное свое состояніе—былъ князь Меттернихъ. Въ заключеніе своего разговора Александръ выразился такъ: Au reste je puis vous affirmer que pendant les trois jours que j'ai passés avec l'Empereur d'Autriche [1]) nous n'avons pas parlé d'affaires [2]) que nous n'avons rien prévu rien arrêté et vous devez me connaître assez pour être sûr que je n'aurais jamais pris aucune détermination quelconque si les circonstances m'y avaient forcé sans m'entendre préalablement avec mes alliés et agir de concert avec eux [3]).

Тѣмъ не менѣе министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ [4]): puisqu'il s'agissait des affaires de la Turquie, sur lesquelles nous avons été appelés à donner notre opinion et à faire des démarches positives.... nous avons été plus affligés que blessés du mystère qu'on nous a fait de l'entrevue de Czernowitz [5]).

Увѣренный въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ и что интересы Франціи не пострадаютъ, Шатобріанъ заключаетъ свою депешу словами: quand vous reverrez l'Empereur vous aurez soin de le mettre fort à l'aise sur l'affaire de Czernowitz et vous lui direz que si nous avons été affligés d'une chose qui ressemblait à un manque de confiance nous avons compris qu'il n'avait pas attaché une grande importance à un épisode de son voyage et qu'il n'avait en vue rien que d'influer sur les grands intérêts de l'Europe [6]). Но спустя мѣсяцъ послѣ того Шатобріану казалось,

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ теперь достовѣрно установлено, свиданіе въ Черновцѣ продолжалось пять дней. Примѣч. автора.

[2]) Что вполнѣ правдоподобно, ибо самые переговоры велись въ Лембергѣ обоими министрами и Татищевымъ. Примѣч. автора.

[3]) Во всякомъ случаѣ я могу васъ завѣрить, что въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ мною въ обществѣ императора австрійскаго, мы вовсе не касались дѣлъ, мы ничего не предусмотрѣли, ничего не постановили, и вы достаточно меня знаете, что я никогда, если даже обстоятельства меня къ тому заставятъ, не рѣшусь предпринять что-либо безъ предварительнаго согласованія моей политики съ политикою моихъ союзниковъ.

[4]) Шатобріанъ—ла-Ферроне. Парижъ. 27-го октября и 22-го ноября 1823.

[5]) Такъ какъ этотъ вопросъ касался турецкихъ дѣлъ, по поводу которыхъ мы были призваны не только заявлять, но утверждать наше мнѣніе объ оныхъ... мы болѣе огорчены, чѣмъ обижены тайною, связанною съ Черновицкимъ свиданіемъ.

[6]) Когда вы увидите императора, не придавайте особенной важности Черновицкому инциденту и скажите ему, что если мы и были огорчены недостаточнымъ довѣріемъ къ намъ, то объясняемъ только тѣмъ обстоятельствомъ,

что переговоры будутъ прерваны, что Турція откажется отъ данныхъ правительству нашему обѣщаній и что не минуемъ созывъ въ Петербургѣ конвенціи союзныхъ державъ (puissances alliées) для рѣшенія Восточнаго вопроса.

Парижскій архивъ далъ намъ также возможность ознакомиться съ интригою, которая велась въ то время (въ 1823 г.) противъ графа Нессельроде. Ему не могли простить, что онъ былъ нѣмецъ по происхожденію и англиканскаго вѣроисповѣданія. Болѣе всего доставалось ему отъ существовавшей тогда національной партіи, которая была недовольна политикою темпоризаціи, которой, къ слову сказать, придерживался въ продолженіе всей своей служебной дѣятельности графъ Нессельроде. Немаловажнымъ также основаніемъ къ тому, что тогдашнее общественное мнѣніе не было расположено къ руководителю иностранною политикою—была подчиненность русской дипломатіи австрійской. Тѣмъ не менѣе всѣ интриги разбивались о непреклонную волю государя сохранить портфель министра иностранныхъ дѣлъ за гр. Нессельроде.

Вотъ что̀ писалъ по этому поводу бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ французскій повѣренный въ дѣлахъ де-Буалеконтъ (Edmont de Bois le Comte) [1]): On ne parle plus pour M-r Tatischew des hautes destinées auquelles on le disait appelé, on prétend que ce Ministre s'est perdu en se laissant éblouir par l'éclat de ses premiers succès. Il disait hautement qu'il était temps de retirer la Russie des mains d'un grec et de celles d'un allemand, il affectait des espérances et des airs d'homme à grand crédit et à grandes combinaisons sans faire attention que l'Empereur s'effrayait de toute influence que l'on semblait exercer sur lui. En effet Sa Majesté a laissé tomber M-r le Chevalier (Chancelier?) Roumiantzoff et depuis Elle n'a pas voulu se donner un Ministre des affaires Etrangères tant Elle ne fit pas ses affaires Elle-même, en sorte que les hommes qui conviennent le mieux à Sa Majesté sont ceux qui sans importance personnelle n'ont de système que de suivre ses idées et ses opinions. L'Autriche qui ne croyait pouvoir faire aucuns fonds sur M-r de Tatischew a alimenté ces dispositions. Le Prince de Metternich dépréciait ouvertement à Vérone le caractère et les principes de ce Ministre... si bien que M-r de Tatischew dont la voix publique à Pétersbourg avait plus d'une fois pendant le congrès proclamé le triomphe et l'élévation au poste de Ministre des affaires Etrangères abondonné de tous peu agréable à son Souverain s'estimerait heureux de rester avec le titre

---

что императоръ самъ не придавалъ путешествію своему особеннаго значенія и что онъ имѣлъ въ виду лишь общіе интересы Европы.

[1]) Де-Буалеконтъ—Шатобріану. С.-Петербургъ. 23-го февраля 1823 года.

d'Ambassadeur (qu'il n'aura probablement pas) à Vienne où il n'aura peut-être même pas celui de Ministre et l'Empereur pense s'être acquitté envers lui en lui donnant une arende de 40.000 roubles dont Sa Majesté lui fit présent aussitôt qu'Elle fut de retour à Pétersbourg. Le Comte de Nesselrode rassuré sur les vives alarmes que le bruit de l'élévation de M-r de Tatischew avait répandues parmi ses amis se trouve donc aujourd'hui pour la première fois depuis sept ans seul à la tête des affaires Etrangères plus libre, plus assuré dans sa place qu'il ne s'y est encore vu [1]).

А вотъ нѣсколько выписокъ изъ донесеній самого посла тому же лицу полгода спустя и весьма характерно описывавшихъ вышеупомянутую интригу [2]). Au milieu de toutes les intrigues dont je suis ici le témoin ma position personnelle ne laisse pas que d'être embarassante et me prescrit la plus grande réserve. Ce qu'on appelle ici le parti russe à la tête duquel se trouve le comte Araktcheew travaille dans ce moment à renverser le Comte de Nesselrode qui depuis la retraite de Monsieur Gourieff se trouve presque entièrement isolé et n'étant soutenu que par

---

[1]) Разговоры прекратились о будто бы предстоявшемъ высокомъ назначеніи для г. Татищева; говорятъ, что посланникъ этотъ повредилъ себѣ, увлекшись блескомъ первоначальныхъ своихъ успѣховъ. Онъ громогласно утверждалъ, что пора вырвать Россію изъ рукъ грека (Каподистріи), а также изъ рукъ нѣмца (графа Нессельроде). Онъ прикидывался человѣкомъ, обладающимъ большою довѣренностію и призваннымъ къ вершенію дѣлъ первостепенной важности, не обращая въ то же самое время вниманія, что государь императоръ опасался вообще всякаго вліянія, которому желали бы подчинить его. Съ тѣхъ поръ какъ его величество уволилъ канцлера Румянцова, настоящаго министра иностранныхъ дѣлъ болѣе не существуетъ. Его величество, опасаясь могущаго возникнуть мнѣнія, что государственныя дѣла рѣшаются не имъ самимъ, выбираетъ только такихъ людей, которые, не имѣя лично никакого вѣса, слѣдовали бы его предначертаніямъ. Австрія, не имѣвшая никакого основанія полагаться на г. Татищева, содѣйствовала къ сохраненію царемъ установившихся на сей предметъ взглядовъ. Князь Меттернихъ на Веронскомъ конгрессѣ открыто отзывался съ недоброжелательствомъ о характерѣ и принципахъ этого посланника... такъ что г. Татищевъ, котораго общественное мнѣніе въ Петербургѣ неоднократно, за время этого конгресса, считало торжествующимъ и смотрѣло какъ на будущаго министра иностранныхъ дѣлъ, почиталъ бы за счастіе получить посольское мѣсто въ Вѣнѣ, которое по всему вѣроятію ему не дадутъ и куда можетъ быть не вернется онъ болѣе даже посланникомъ, при чемъ государь, назначивъ ему аренду въ 40.000 рублей, считалъ, что онъ достаточно вознаградилъ его. Друзья графа Нессельроде, а равно и самъ онъ, ободренные прекращеніемъ толковъ о назначеніи Татищева, успокоились. Графъ въ первый разъ за эти 7 лѣтъ остался одинъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, располагая свободою дѣйствій и въ положеніи такомъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ не находился.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 10-го октября 1823 г.

la longue habitude que l'Empereur a de ses services et cette abnégation de volonté qui le rend commode—son véritable appui—c'est le cabinet Autrichien. Ainsi par intérêt comme par affection Monsieur de Nesselrode reste tout dévoué à l'Autriche et le peu d'influence qu'il peut exercer sur l'esprit de l'Empereur sera toujours employé à maintenir et à accroître celle du Prince de Metternich [1]). Говоря о Татищевѣ, кандидатѣ такъ называемой русской партіи того времени, только и мечтавшемъ какъ бы попасть на мѣсто графа Нессельроде, французскій дипломатъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику нашего посла въ Вѣнѣ: d'ailleurs son esprit remuant et inquiet a un tel besoin d'intrigues et d'activité qu'il est permis de croire que l'influence qu'il pourrait acquérir ne serait que funeste à la tranquilité de l'Europe [2]).

До какой степени графъ де-ла-Ферроне старался помѣшать Татищеву попасть на службу въ Петербургъ, т. е. сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ, можетъ послужить слѣдующая его депеша [3]). Monsieur Minciaki s'est cassé le bras ce qui retarde son arrivée à Constantinople où semble aujourd'hui déléguer le prince Mentchikoff, nouvellement attaché aux affaires Etrangères pour le poste de Constantinople; je travaille à le faire envoyer à Madrid afin d'éviter Monsieur de Tatischew qui vaut à lui seul une camarilla toute entière [4]).

Французскій посолъ въ Петербургѣ тѣмъ самымъ признавался не только въ томъ, что онъ старался всячески затруднить замѣщеніе графа Нессельроде Татищевымъ, но прилагалъ также всѣ свои усилія раз-

---

[1]) Посреди всѣхъ интригъ, меня окружающихъ, положеніе мое весьма затруднительное и предписываетъ мнѣ крайнюю осторожность. То, что называютъ здѣсь русскою партіею, съ гр. Аракчеевымъ во главѣ, работаетъ въ смыслѣ сверженія гр. Нессельроде, находящагося послѣ отставки графа Гурьева въ полномъ одиночествѣ, но поддержаннаго однимъ государемъ, привыкнувшимъ къ совмѣстной съ нимъ работѣ и къ совершенному, столь удобному отсутствію воли у него. Но настоящая опора графа Нессельроде—Вѣнскій кабинетъ. Графъ Нессельроде, заинтересованный въ томъ, а также слѣдуя влеченію своего сердца, остается преданнымъ Австріи, и малая доля вліянія его на государя будетъ всегда имъ использована къ упроченію вліянія князя Меттерниха.

[2]) Кромѣ сего безпокойный и подвижной характеръ его нуждается въ такой неразлучной съ интригою дѣятельностію, что позволительно думать, что пріобрѣтенное имъ вліяніе могло бы только оказаться злополучнымъ для спокойствія Европы.

[3]) Ла-Ферроне—Шатобріану. 6-го октября 1823 г.

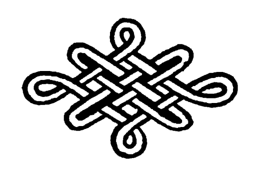
[4]) Г. Минчіаки сломалъ себѣ руку, чѣмъ задерживается пріѣздъ его въ Константинополь; кажется, что на этотъ постъ прочатъ въ настоящее время князя Меншикова, только-что причисленнаго къ министерству иностранныхъ дѣлъ: я работаю въ смыслѣ назначенія его въ Мадридъ, дабы избѣгнуть назначенія туда Татищева, который одинъ можетъ замѣнить цѣлую камарилью.

строить мадритскую комбинацію для послѣдняго, предпочитая видѣть представителемъ Россіи въ Испаніи (гдѣ у Франціи были весьма серіозныя дѣла) князя Меншикова.

Разсчетъ Татищева стать министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ основанъ, по мнѣнію графа де-ла-Ферроне, на слѣдующемъ соображеніи: Татищеву казалось, что онъ былъ посвященъ въ самыя тайныя помышленія царя, въ то же самое время было ему извѣстно, что переговоры лорда Стангфорда въ Константинополѣ не имѣли успѣха, положеніе, которое однако позднѣе совершенно измѣнилось вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ Турціею нашему правительству.

Татищевъ былъ увѣренъ въ неизбѣжности войны, которой графъ Нессельроде все время сопротивлялся и [1]) que dans ce cas Monsieur de Nesselrode sera forcé de s'éloigner et de lui céder une place qui fait le principal objet de son ambition et à laquelle le porte un parti déjà assez puissant soutenu par toutes les intrigues imaginables. Toutefois, заключаетъ свою депешу французскій посолъ,—il devient aujourd'hui vraisemblable que Monsieur de Tatischew se sera encore une fois trompé dans ses calculs [2]).

П. Вигель-Панчулидзевъ.



[1]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 6-го октября 1823 г.

[2]) И что въ послѣднемъ случаѣ г. Нессельроде вынужденъ будетъ удалиться и уступить ему мѣсто, составляющее главную цѣль его самолюбія и на которое возноситъ его довольно сильная партія, поддерживаемая всякаго рода интригами. Въ настоящее время кажется, что г. Татищевъ однако и на этотъ разъ въ своихъ разсчетахъ ошибся.

Основаніе училища въ Одессѣ.

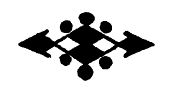
Собственноручное всеподданнѣйшее донесеніе графа Алексѣя Разумовскаго.

17-го іюля 1815 г. С.-Петербургъ.

Извѣстный изъ давнихъ лѣтъ въ столицѣ Абе Николь, посвятившій себя съ самаго пріѣзда въ Россію воспитанію благороднаго юношества, для котораго содержалъ здѣсь долгое время пансіонъ, человѣкъ отличный какъ знаніями, такъ и нравственностью, по предписанію дюка-де-Ришелье сочинилъ и представилъ мнѣ проектъ предполагаемаго новаго училища въ Одессѣ. Разсмотрѣвъ оный со вниманіемъ и найдя совершенно соотвѣтствующимъ истинной цѣли воспитанія, долгомъ считаю представить его высочайшему вашему императорскаго величества воззрѣнію. Къ чему побуждаюсь тѣмъ паче, что жалко бы было потерять случай весьма необыкновенный къ приведенію дѣла сего во исполненіе, ибо все устроеніе сего, можно сказать, единственнаго въ родѣ своемъ воспитательнаго института никакихъ издержекъ отъ казны не требуетъ, но соорудиться можетъ иждивеніемъ частнаго человѣка, которой, еслибъ предположеніе сіе удостоилось вашего величества одобренія, намѣренъ пожертвовать собственнымъ капиталомъ, простирающимся по смѣтѣ до 300 тыс. рублей.

Вашему императорскому величеству дюкъ-де-Ришелье будетъ имѣть счастіе поднести сіе мое донесеніе съ проектомъ и планами. Онъ же сверхъ того можетъ и словесно объяснить все то, что угодно вамъ будетъ. Что принадлежитъ до сочинителя, онъ почитаетъ великою для себя наградою быть полезнымъ Россіи и вашему величеству извѣстнымъ по толико похвальному и ревностному его усердію.

Если на устройство училища сего въ Одессѣ послѣдуетъ вашего величества соизволеніе и угодно будетъ повелѣть мнѣ представить на отечественномъ языкѣ сей проектъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ, я не медля по полученіи повелѣнія вашего оное исполню.



Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

IV [1]).

Въ должности члена отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, я повелъ совсѣмъ другой родъ жизни,—служба была кабинетная, теоретическая. Въ 11 часовъ утра ѣхалъ я въ присутствіе, тамъ распечатывалъ бумаги и, записавши ихъ, забиралъ домой, гдѣ уже и составлялъ по нимъ доклады. Дома же принималъ просителей и мировыхъ посредниковъ, пріѣзжавшихъ для разъясненій постановленій. Такъ какъ все дѣло было мнѣ знакомо изъ практики, то за всѣ три года, въ продолженіе которыхъ я былъ членомъ и велъ дѣла, ни одно постановленіе нашего присутствія ни министерствомъ, ни Сенатомъ не было отмѣнено, но мнѣ часто приходилось имѣть объясненія съ владѣльцами. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, ко мнѣ очень богатый помѣщикъ Степанъ Петровичъ Шелашниковъ.

— Извините меня, Владиміръ Константиновичъ, говорилъ онъ, что я пріѣхалъ къ вамъ прямо по-русски объясниться, вы для меня загадка:—назадъ тому мѣсяца три, крестьяне Бугурусланскаго уѣзда, отыскивая землю, доказывали, что она куплена на ихъ деньги на имя помѣщика, и по вашему докладу губернское присутствіе признало ихъ права, а на прошлой недѣлѣ точно такое же дѣло было у моего сосѣда по Бугульминскому уѣзду, и по вашему же докладу губернское присутствіе крестьянамъ отказало.—Вотъ я и пріѣхалъ прямо спросить, какой вы держитесь партіи, помѣщичьей или крестьянской?

— Степанъ Петровичъ,—отвѣчалъ я,—я держусь не партіи, а По-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ марта 1904 г.

ложенія 19-го февраля и если убѣждаюсь въ чьихъ-либо правахъ на землю, то не затрудняюсь отдать тому, кому она по праву принадлежитъ, безразлично, будетъ-ли то помѣщикъ или крестьянинъ.

— Но извините меня, Владиміръ Константиновичъ, вѣдь и въ Англія (нужно сказать, что онъ былъ англоманъ) существуютъ тори и виги, и каждый джентльменъ обязанъ принадлежать къ какой-либо изъ этихъ партій.

— Но и въ Англіи,—отвѣчалъ я,—какъ вамъ извѣстно, и въ парламентѣ есть независимые члены, т. е. такіе, которые дѣйствуютъ не въ духѣ партіи, а по своему убѣжденію,—такъ, что по одному вопросу онъ присоединяется къ вигамъ, а по другому переходитъ къ торіямъ.

— А, теперь, я понимаю васъ, вы независимый членъ. Дайте мнѣ руку, я васъ уважаю.

Съ тѣхъ поръ, до самаго отъѣзда моего, мы были съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Въ январѣ у насъ должны были происходить дворянскіе выборы, и какъ это были первые выборы послѣ освобожденія крестьянъ, то возникало много недоумѣній, кто имѣетъ право участвовать въ нихъ. Законъ дозволялъ принимать участіе тѣмъ, кто имѣлъ не менѣе ста душъ, у многихъ крестьяне пошли на выкупъ, то какъ поступить: лишались-ли они права, или нѣтъ? Губернаторъ телеграфировалъ министру, спрашивая его: «какой цензъ долженъ быть для дворянъ», и вотъ отвѣтъ Валуева: «О какой цѣнѣ на дворянъ вы меня спрашиваете, ничего не понимаю». Что же оказалось: до Твери телеграмма шла такъ, какъ была написана, потомъ телеграфистъ усомнился въ словѣ «цензъ» и, принявъ его за ошибку, отправилъ въ Петербургъ съ словами: «какая цѣна должна быть для дворянъ». Мы не мало смѣялись надъ этимъ.

На этихъ выборахъ, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ о неудовлетворительномъ положеніи хозяйства, вслѣдствіе распущенности и самовольности рабочихъ. Дворянство поручило мнѣ представить по этому вопросу мои соображенія, и вотъ мой докладъ собранію:

«Первымъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостнаго права, во всѣхъ нашихъ хозяйствахъ, было введеніе вольнонаемнаго труда. Двухъ-годичный срокъ, данный дворовымъ людямъ до окончанія ихъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, свидѣтельствуетъ, что правительство предвидѣло тѣ затрудненія, въ которыя будутъ поставлены помѣщики пріисканіемъ вольнонаемныхъ лицъ, но этотъ срокъ уже минулъ.

«Почти уже три года, какъ дѣйствуетъ Положеніе 19-го февраля, и во всѣ эти три года мы слышали жалобы на невыполненіе условій, неявку на работы, отходъ до срока, дерзкое и грубое поведеніе вольнонаем-

ныхъ рабочихъ. Землевладѣльцы, фабриканты, домохозяева поставлены въ затруднительное положеніе, ропщутъ на законы, недостатно ихъ гарантирующіе.

«Этотъ вопросъ, милостивые государи, вамъ угодно было поручить мнѣ для разработки. Сознавая всю трудность его, я не счелъ однако себя въ правѣ уклониться отъ вашего порученія и представляю благосклонному вниманію вашему мой посильный трудъ.

«Посмотримъ, кто нуждается въ наймѣ рабочихъ?

«Я не ошибусь, если скажу,—всѣ классы: помѣщики, землевладѣльцы, фабриканты, домовладѣльцы, мастеровые и зажиточные домовитые сельскіе обыватели. Отчего же такое общее дѣло, затрогивающее интересы членовъ изъ каждаго сословія, такъ неудовлетворительно идетъ у насъ? Не можетъ же быть, чтобы не было для этого причинъ, и мнѣ кажется необходимымъ, предварительно принятія мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ противу какого-либо зла, прежде уяснить себѣ причины этого зла. Мы не ошибемся, если скажемъ, что ни въ одномъ сословіи у насъ нѣтъ должнаго уваженія ни къ законамъ, ни къ своимъ постановленіямъ; былъ прежде только страхъ, который и сдерживалъ въ порядкѣ. Страхъ этотъ уменьшился, а чрезъ это безпорядокъ, конечно временный, увеличился. Мы бы хотѣли законовъ, ограждающихъ наши права, но вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы, чтобы законъ этотъ, ограждая личныя наши права, не препятствовалъ бы намъ въ отношеніи другихъ поступать по нашему произволу. Я знаю, что подобнымъ заявленіемъ рискую навлечь на себя, быть можетъ, общее негодованіе, но это убѣжденіе мое можно подкрѣпить примѣрами. Развѣ не было у насъ случаевъ, что чиновникъ земской полиціи, пріѣхавшій для взысканія съ меня по векселю, тутъ же сидя со мной, отъ имени моего старосты писалъ объявленіе, что я выѣхалъ въ какую-то другую губернію. а я въ это же время требовалъ отъ него взысканія съ крестьянина, не заплатившаго мнѣ въ срокъ деньги, за снятую имъ у меня десятину земли, и роптала на него, если онъ не взыскивалъ. Грустная, тяжелая, но къ сожалѣнію, истинная правда.

«Всякій законъ до тѣхъ поръ будетъ недостаточенъ, пока общество не проникнется сознаніемъ своихъ обязанностей, чувствомъ уваженія не только къ собственнымъ, но и къ чужимъ интересамъ. Вотъ первая причина нашего недуга. Законъ прежде ограждалъ права нанимателей и наемниковъ, но правила, изложенныя въ ст. ст. 2201 и 2247, I ч. X тома Св. Зак., по ихъ непрактичности совершенно были непримѣнимы.

«1-го апрѣля 1863 г. высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей. Видно, что оно составлено людьми, практически знакомыми съ дѣломъ. Не стѣснительныя

формы найма, скорое разбирательство безо всякихъ канцелярскихъ проволочекъ, даютъ надежду, что правила эти принесутъ существенную пользу. По 8-му пункту означенныхъ правилъ, работникъ долженъ имѣть разсчетную книжку, она для него не обязательна только въ томъ случаѣ, когда онъ нанимается въ предѣлахъ своей волости или въ другой, но не далѣе 30 верстъ отъ мѣста жительства. Многіе владѣльцы требуютъ обязательнаго ввода этихъ книжекъ, но исключенія, допущенныя въ правилахъ, такъ незначительны, что прежде, чѣмъ ходатайствовать объ этомъ, не лучше-ли присмотрѣться, какъ примутся у насъ эти книжки. Книжки эти болѣе мѣсяца разосланы въ волостныя правленія, у всѣхъ у насъ прислуга въ домахъ вольнонаемная, по большей части изъ отдаленныхъ мѣстъ, слѣдовательно, обязанная имѣть разсчетныя книжки, а потому, милостивые государи, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ мною вашими наблюденіями о перемѣнахъ въ служащихъ съ тѣхъ поръ, какъ вы во имя закона потребовали отъ нихъ представленія разсчетныхъ книжекъ. Я съ своей стороны долженъ сознаться, что по безпечности, должно быть, свойственной русскому климату, до сихъ поръ книжекъ этихъ не требовалъ, но я вижу, что и вы послѣдовали моему примѣру. Положимъ, что законъ сдѣлаетъ обязательнымъ для каждаго работника имѣть разсчетную книжку, но обычай сдѣлаетъ законъ этотъ мертвою буквою. Зачѣмъ работнику имѣть книжку, когда онъ и безъ нея всегда найдетъ мѣсто. Выйдите лѣтомъ на Самарскія площади, гдѣ стоятъ тысячи рабочихъ и посмотрите, какъ между ними шныряютъ приказчики, привлекая къ себѣ жнецовъ. Процессъ найма у нихъ самый короткій, по рукамъ хлопнули, серпы отобрали, и наемъ заключенъ. Пусть одинъ изъ приказчиковъ, строго исполняя законъ, потребуетъ предъявленія разсчетной книжки, сейчасъ раздадутся голоса другихъ приказчиковъ: «къ намъ, православные, мы безъ книжекъ принимаемъ», и исполнитель закона останется безъ рабочихъ.

«Перейдемъ къ домашней прислугѣ.

«Вы поневолѣ должны сносить и неисполнительность и пьянство вашей прислуги, оттого, что если вы прогоните за это, то я немедленно найму его, въ надеждѣ, авось онъ у меня пить не будетъ—хотя я зналъ отъ васъ, что онъ пьяница, слѣдовательно, тутъ книжка дѣло стороннее. Причина этихъ печальныхъ явленій—недостатокъ рабочихъ рукъ, и односторонній обязательный вводъ книжекъ не поправитъ дѣла. Между тѣмъ надобно же положить конецъ этому злу. Я пришелъ къ слѣдующему убѣжденію, что правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей необходимо дополнить слѣдующею статьею: каждый хозяинъ лишается права начинать искъ съ вольнонаемнаго рабочаго, за невыполненіе условій, если онъ держалъ его безъ разсчетной книжки, равно и ра-

бочіе не могутъ отыскивать на хозяинѣ претензій, если они не имѣли разсчетныхъ книжекъ. Нѣсколько тяжелыхъ потерь для той и другой стороны, вслѣдствіе такого формулированія статьи, можетъ быть, послужатъ для насъ урокомъ, что только тѣ законы и постановленія принесутъ существенную пользу, которымъ содѣйствуетъ само общество».

По прочтеніи этого проекта, въ собраніи начался говоръ и шумъ, многіе оскорбились, но когда начались пренія, то кончилось тѣмъ, что предложеніе мое было принято единогласно, и собраніе постановило выразить мнѣ благодарность. Выборы кончились. Обуховъ былъ вновь избранъ въ губернскіе предводители, а самарскимъ уѣзднымъ—Валерій Ивановичъ Чарыковъ.

Новый губернаторъ Мансуровъ велъ себя съ большимъ тактомъ и дѣйствовалъ самостоятельно: въ крестьянскомъ дѣлѣ совѣтовался со мною, и оно шло безъ малѣйшаго измѣненія въ дѣлахъ по палатамъ: уголовной, гражданской, казенной и государственныхъ имуществъ, съ нашимъ честнѣйшимъ прокуроромъ. Дѣла же чисто административныя по губерніи велъ самъ губернаторъ.

Въ это время губернія требовала бдительнаго надзора, польскіе эмигранты появлялись и у насъ, разъѣзжая по селеніямъ и раздавая золотыя грамоты. Они являлись то подъ видомъ генералъ-губернаторовъ, то великихъ князей, и сильно разсчитывали на раскольниковъ Николаевскаго уѣзда. Но лишь только появлялись въ тѣхъ мѣстахъ, какъ раскольники извѣщали о нихъ, и ихъ забирали. Въ это время въ Самарской тюрьмѣ сидѣлъ «генералъ-губернаторъ пермскій, вятскій и сибирскій». Это былъ исключенный семинаристъ; а ставропольскій исправникъ ловилъ «великаго князя Константина Николаевича», который разъѣзжалъ по деревнямъ зимой, хотя и въ нанковомъ сюртукѣ, но зато на дровняхъ въ 8 лошадей; онъ ускользнулъ отъ него въ Саратовскую губернію.

Самарская губернія въ это время принадлежала къ Оренбургскому генералъ-губернаторству. Хотя генералъ-губернаторъ Безакъ во внутреннее управленіе губерніею не вмѣшивался, но эта лишняя инстанція составляла задержку и путаницу въ дѣлахъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ исправникомъ былъ Николай Васильевичъ Иньковъ, чиновникъ дѣльный, расторопный, умный и самолюбивый. Разъ вечеромъ въ Бугульму на почтовую станцію пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора генеральнаго штаба полковникъ Д—чъ. Смотритель проситъ его обождать часа два, такъ какъ лошади только-что воротились. Пріѣхавшій началъ шумѣть и браниться. Смотритель принесъ книги и доложилъ, что лошадей къ немедленной ѣздѣ нѣтъ. Тогда Д—чъ приказалъ везти себя къ исправнику.

У исправника въ тотъ вечеръ были гости. Д—чъ входитъ и обращается къ Инькову съ слѣдующими словами:

— У васъ вездѣ мошенничаютъ, прижимаютъ, не даютъ лошадей, конечно, потому, что вы съ ними дѣлитесь и заодно плутуете.

Это взорвало Инькова.

— Позвольте узнать, милостивый государь,—спросилъ онъ,—кто вы такой?

— Я чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора.

— Вашъ видъ?

— Вотъ подорожная, и Д—чъ подалъ ее.

— Странная подорожная,—сказалъ Иньковъ,—я такихъ не видывалъ. Тутъ написано сверху «гдѣ нѣтъ почтовыхъ, давать земскихъ». На взиманіе земскихъ лошадей выдаютъ открытые листы, а въ подорожныхъ это не пишется.

— Что же вы не вѣрите,—возразилъ Д—чъ,—такъ вотъ вамъ открытое предписаніе генералъ-губернатора, и подалъ бумагу.

Должно быть, Безакъ, подписывая предписаніе, или былъ взволнованъ, или перо попалось особенное скверное, только подпись не имѣла ни малѣйшаго сходства съ его же подписью на подорожной. Иньковъ этимъ воспользовался.

— Ну, господинъ чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора,—началъ Иньковъ, обращаясь къ нему, вы грамотѣ знаете?

— Что это значитъ?—спросилъ Д—чъ.

— Это значитъ, что я спрашиваю, умѣете-ли вы читать и писать по-русски?

— Какъ вы смѣете такъ обращаться со мной, вы знаете, что я полковникъ и состою при генералъ-губернаторѣ.

— А вы не горячитесь,—продолжалъ Иньковъ,—я на-дняхъ не только что состоящаго при генералъ-губернаторѣ чиновника особыхъ порученій, но самого генералъ-губернатора вятскаго, пермскаго и сибирскаго сначала посадилъ здѣсь въ острогъ, а потомъ отправилъ въ Самару, и потому отвѣчайте на мой вопросъ,—грамотѣ знаете?

— Знаю,—отвѣчалъ Д—чъ.

— А если знаете, то сличите эти подписи и скажите, имѣютъ-ли онѣ между собою сходство и если не обѣ, то уже непремѣнно одна изъ нихъ фальшивая.

— Это генералъ-губернаторъ спѣшилъ, и, вѣроятно, перо попалось скверное, и потому такъ подписалъ.

— Ну, это мы увидимъ,—сказалъ Иньковъ и затѣмъ, обратившись къ находящемуся у него полицейскому надзирателю, сказалъ: сейчасъ же пригласите 3-хъ понятыхъ на почтовую станцію.

— А васъ,—сказалъ Иньковъ,—обращаясь къ стряпчему, прошу

вслѣдъ за мной отправиться на станцію и снять первоначально съ этого господина допросъ, а потомъ въ присутствіи понятыхъ произвести обыскъ. Васъ же, милостивый государь, прошу слѣдовать за нами.

И такимъ образомъ всѣ отправились на станцію.

Прибывъ на станцію, приступили къ допросу.

— Кто вы, куда ѣдете?

— Я сказалъ уже вамъ, что я полковникъ Д—чъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ, и ѣду въ Петербургъ.

— Если вы ѣдете въ Петербургъ, то трактъ идетъ не на Бугульму, зачѣмъ же вы заѣхали сюда?

— По порученію генералъ-губернатора, которое не считаю нужнымъ объяснять, я долженъ былъ заѣхать въ Бугульминскій уѣздъ.

— Имѣете-ли деньги, гдѣ онѣ у васъ и сколько?

— Деньги при мнѣ, около восьмисотъ рублей,—вотъ онѣ.

— Кромѣ этихъ денегъ нѣтъ-ли еще?

— Больше денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ-ли съ вами какихъ бумагъ, книгъ, газетъ, записокъ?

— Ничего нѣтъ.

Составили протоколъ, и Д—чъ подписалъ его. Потомъ приступили къ осмотру вещей, вскрыли чемоданъ, въ чемоданѣ оказался запечатанный конвертъ.

— Это что за конвертъ?—спросилъ исправникъ.

— Ахъ, я и позабылъ, это конвертъ: генералъ-губернаторъ посылаетъ въ Петербургъ брату въ немъ 6.000 рублей.

— А! вы и позабыли, что у васъ есть деньги—хорошо-съ, мы съ этими штуками знакомы,—возразилъ исправникъ.

Затѣмъ у Д—ча нашли еще какія-то книги, газеты, кажется, несколько №№ «Колокола», однимъ словомъ, имѣли законное основаніе считать его за подозрительную личность, чѣмъ Иньковъ и воспользовался. Д—ча съ казакомъ на обывательскихъ отправили въ Самару. Дня черезъ три вечеромъ подъѣхали они къ тюремному зáмку. Д—чъ спросилъ смотрителя, кто полицеймейстеръ, и узнавъ, что Тверитиновъ, съ которымъ былъ знакомъ, просилъ везти его къ нему. Сейчасъ же доложили губернатору, и Д—чъ въ ту же ночь выѣхалъ въ Петербургъ, сообщивъ подробно о своемъ приключеніи генералъ-губернатору. Безакъ потребовалъ отрѣшенія исправника, съ преданіемъ суду. Мансуровъ препроводилъ къ нему все дѣло и писалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія предавать суду исправника, который въ это время, дѣйствительно смутное, исполнялъ въ точности свою обязанность. Тогда Безакъ требовалъ, чтобы губернаторъ уволилъ исправника по 3-му пункту, т. е. безъ прошенія. Мансуровъ рѣшительно отказался исполнить и это требованіе. Безакъ смягчился и только настаивалъ,

чтобы исправникъ вышелъ въ отставку. Мансуровъ вытребовалъ къ себѣ Инькова, показалъ ему всю переписку съ генералъ-губернаторомъ и совѣтовалъ подать въ отставку, говоря, что лучше не раздражать Безака—пусть увидитъ, что его желаніе исполнено, успокоится.

— А я,—сказалъ Мансуровъ, даю вамъ слово черезъ мѣсяцъ назначить васъ исправникомъ въ Ставрополь, гдѣ къ тому времени откроется вакансія.

Такъ все дѣло и уладилось. Иньковъ подалъ въ отставку, Безакъ былъ удовлетворенъ, а черезъ мѣсяцъ Иньковъ былъ уже исправникомъ у насъ, въ Ставрополѣ. Во время уѣздныхъ земскихъ собраній я всегда останавливался у него, онъ мнѣ разсказалъ всѣ подробности этой исторіи, при чемъ добавилъ, что онъ Д—ча зналъ, такъ какъ разъ во время объѣзда генералъ-губернатора Самарской губерніи онъ былъ съ нимъ.

— Одного себѣ никакъ не прощу,—говорилъ Иньковъ,—что я послалъ его въ Самару на подводахъ, мнѣ бы слѣдовало его отправить съ верховымъ казакомъ, чтобы тотъ велъ его на веревочкѣ.

Я разсказалъ этотъ случай, чтобы показать, что Мансуровъ не особенно подчинялся вліяніямъ.

Въ Самарѣ жилось весело, я обыкновенно работалъ съ 11-ти до 4-хъ часовъ, за то все остальное время былъ совершенно свободенъ, исключая четверга, когда по вечерамъ было присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, и работалось охотно, такъ какъ никто не только не отвлекалъ меня, но и не вмѣшивался въ мою работу. Вскорѣ мы получили временныя правила о земскихъ учрежденіяхъ. Такъ какъ члены губернскаго присутствія поступили членами и во временной комитетъ, то работы прибавилось, но я участвовалъ только въ совѣщаніяхъ, отклонивъ отъ себя всѣ работы. Помнится, что работали: П. А. Рихтеръ, управляющій удѣльной конторой; Алабинъ, управляющій государственными имуществами и Сумароковъ, предсѣдатель казенной палаты.

Со введеніемъ земства у меня пошелъ разладъ съ нашими ставропольскими помѣщиками Тургеневымъ и Наумовымъ, и какъ ихъ другъ былъ С—скій—то и съ нимъ, но съ чего этотъ разладъ начался, что была за причина, я и теперь не знаю,—знаю, что я не подавалъ никакого повода и долго даже не догадывался. Первый случай былъ на Меленесскомъ заводѣ, куда мы съѣхались для выбора гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Когда мы собрались всѣ, то предводитель Тургеневъ обратился къ помѣщикамъ, чтобы они избрали одного или двухъ для повѣрки правъ собравшихся дворянъ.

— Вѣроятно, господа,—сказалъ онъ,—вы довѣрите это Михаилу Михайловичу (такъ звали Наумова), какъ вдругъ раздались голоса: мы просимъ Владиміра Константиновича (т. е. меня).

Тургеневъ нѣсколько сконфузился, но сейчасъ же оправился и сказалъ:

— Думаю, что одному Владиміру Константиновичу будетъ трудно, и полагалъ бы просить также Михаила Михайловича.

— Нѣтъ, довольно и Владиміра Константиновича, онъ и одинъ справится съ этимъ дѣломъ.

Вотъ, вѣроятно, это обстоятельство и заставило ихъ подозрѣвать, что я интригую противъ нихъ, тогда какъ я до собранія и не видалъ ни одного человѣка изъ пріѣзжихъ. Встрѣтился я съ ними только въ залѣ, гдѣ поздоровался и рѣшительно ничего не говорилъ. Но съ этой минуты видимо они стали на меня дуться. Я же нисколько не измѣнялъ моего обращенія съ ними и продолжалъ по-прежнему относиться къ нимъ, тѣмъ болѣе, что я для себя ничего по земству не искалъ и рѣшительно ни за кого въ уѣздѣ не ходатайствовалъ. Мнѣ было желательно, чтобы въ уѣздную управу попали люди дѣльные, честные, но кто именно, это было безразлично.

Въ февралѣ было назначено въ Ставрополѣ уѣздное земское собраніе. Я выѣхалъ туда и на первой же станціи встрѣтился съ Сосновскимъ и Тургеневымъ, которые ѣхали вмѣстѣ. Пока намъ мѣняли лошадей, они завели разговоръ о предстоящихъ выборахъ, и спрашивали, кого я имѣю въ виду на должность предсѣдателя. На это я отвѣчалъ, что очень бы желалъ, еслибы былъ избранъ въ эту должность человѣкъ почти мнѣ незнакомый—это нашъ уѣздный лѣкарь Гроссманъ, который теперь гласный. На ихъ вопросъ, почему я желаю этого выбора, я отвѣтилъ, что знаю Гроссмана за человѣка честнаго, дѣятельнаго, хорошаго хозяина и затѣмъ, что на первыхъ же порахъ намъ нужно устроить въ уѣздѣ медицинскую часть, а онъ спеціалистъ по этой части.

— А что, если будетъ баллотироваться М. М. Наумовъ?—спросилъ меня Тургеневъ.

— Наумова я знаю, какъ человѣка безукоризненно честнаго, но предпочитаю Гроссмана. Онъ живетъ въ Ставрополѣ, слѣдовательно, будетъ безотлучно въ управѣ, а Наумовъ 90 верстъ отъ Ставрополя. Имѣніе свое, одно изъ богатѣйшихъ въ уѣздѣ, онъ не броситъ и въ Ставрополь не переѣдетъ, а будетъ пріѣзжать разъ въ мѣсяцъ дня на три. По-моему въ новомъ дѣлѣ такъ нельзя, но если Гроссмана не выберутъ, то послѣ него я тоже не вижу никого кромѣ М. М. Наумова.

— Ну, а братъ его Н. М.—сказалъ Сосновскій,—тотъ хозяйствомъ не занимается.

Я говорилъ противъ этого избранія и тутъ уже увидѣлъ, что мы окончательно разошлись.

Земское собраніе состоялось при полномъ числѣ гласныхъ. Я оста-

новился у исправника, потому что нашъ уѣздный городъ такъ устроенъ, что если изъ милости кто не пріютитъ, то рискуешь ночевать на улицѣ. У насъ было 42 гласныхъ. Баллотировался въ предсѣдатели Гроссманъ, онъ получилъ 30 избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ, Наумовъ тоже баллотировался, получилъ 21 избирательныхъ и 21 неизбирательныхъ. Тогда вся Тургеневская и Наумовская партія опрокинулась на меня. Они вообразили, что это моя интрига, тогда какъ я рѣшительно не говорилъ ни съ однимъ гласнымъ. Правда, что когда пришли ко мнѣ Суходольской и Муловской волости старшины изъ бывшаго моего мироваго участника и спрашивали моего совѣта, кого выбирать, то я имъ сказалъ:

— Вы, ребята, принимали присягу, такъ и выбирайте по совѣсти, кого хотите.

— Нѣтъ, все-таки вы намъ скажите,—приставали они.

— Ни слова не скажу,—отвѣтилъ я,—вы сами знаете всѣхъ отлично.

— Ну, а вы кого будете выбирать?—спросили они.

— Вотъ это я вамъ скажу,—отвѣчалъ я,—я не таюсь и выбираю Гроссмана.

— Ну,—отвѣчали они,—кого вы, того и мы, Гроссманъ баринъ хорошій. А кого въ губернскіе гласные,—дайте намъ совѣтъ.

— Извольте, въ этомъ случаѣ дамъ совѣтъ. Вамъ нужно выбирать такихъ людей, которые кромѣ того, что были бы люди толковые, хорошіе, но чтобы и всегда въ собраніе ѣздили въ Самару. Что прибыли, если выберете и дѣльнаго человѣка, да онъ не будетъ ѣздить. И такъ выбирайте Л. Б. Тургенева, А. И. С—скаго и меня. Мы всѣ живемъ въ Самарѣ, потомъ Гроссмана, Наумова, А. П. Бабкина, тебя, Суслинъ, священника Манкскаго, Сироткина, М. Б. Тургенева и удѣльнаго кандалинскаго голову Клепикова.

Всѣ эти лица и были выбраны въ губернскіе гласные. Я въ ночь же послѣ выборовъ послалъ Мансурову нарочнаго, какъ онъ просилъ меня съ извѣстіемъ о выборахъ.

Засѣданія собранія послѣ выборовъ продолжались всего два дня, такъ какъ только обсуждали, что поручить управѣ приготовить къ очередному собранію, которое должно было быть въ сентябрѣ. Мы предположили переложить натуральную повинность въ денежную, устроить врачебную часть и училища, поручили осмотрѣть дороги и мосты, хлѣбные магазины и о всемъ составить подробный докладъ. Затѣмъ рѣшено было собрать свѣдѣнія о количествѣ земель у помѣщиковъ и крестьянъ. Работы управѣ задали много.

Уѣзжая изъ Ставрополя, я говорилъ исправнику, что я не ожидалъ, чтобы Гроссманъ прошелъ такимъ большинствомъ.

— Да знаете-ли, — сказалъ Иньковъ, — вѣдь вамъ помогла противная партія.

— Это какъ? та партія, которая была противъ Гроссмана?

— А вотъ какъ. Когда они узнали, что къ вамъ приходили бывшіе ваши старшины совѣтоваться, то они и распорядились пригласить въ трактиръ всѣхъ крестьянъ, на чай, и отправили довѣреннаго вести съ ними переговоры. Довѣренный явился и началъ имъ совѣтовать выбирать въ предсѣдатели М. М. Наумова. Когда же нѣкоторые крестьяне сказали, что думаютъ выбрать Гроссмана, то онъ не совѣтовалъ имъ дѣлать это,—говоря: «этого хочется Луцкому, который дѣлаетъ это для губернатора, а вѣдь наше дѣло земское, намъ что на губернатора смотрѣть». Тутъ онъ еще ихъ угостилъ и получилъ обѣщаніе выбирать Наумова. Только-что депутатъ вышелъ, какъ между крестьянами и начались толки. Слушай, ребята,—говорили они, намъ не слѣдъ противъ губернатора идти, тамъ пускай господа какъ хотятъ, а ужъ мы сдѣлаемъ, какъ хочетъ губернаторъ, такъ валяй Гроссману направо.

Предсѣдательствовалъ губернскій предводитель Обуховъ. Губернское собраніе у насъ открылось на первой недѣлѣ великаго поста. Какъ предсѣдатель, онъ былъ очень хорошъ, велъ собраніе съ толкомъ. Предположили образовать управу изъ предсѣдателя и 4-хъ членовъ, предсѣдателю назначили жалованья 4.000 р., а членамъ по 2.500 р. Само-собой, что охотниковъ на такое жалованье нашлось много, но общій голосъ заранѣе указывалъ на Тургенева, какъ на предсѣдателя. Передъ открытіемъ собранія ко мнѣ вечеромъ пріѣхалъ управляющій государственными имуществами Адольфъ Яковлевичъ Гюббенетъ.

— Я пріѣхалъ,—сказалъ онъ,—просить васъ, Владиміръ Константиновичъ, баллотироваться въ члены губернской управы.

— Нѣтъ, Адольфъ Яковлевичъ, я доволенъ своимъ мѣстомъ и мѣнять его не желаю. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, меня всѣ знаютъ, мною довольны, я съ дѣломъ знакомъ—поставилъ его такъ, что и не чувствую теперь труда занятій, а изъ-за лишнихъ 500 рублей мѣнять мѣсто и взяться за дѣло незнакомое не приходится.

— Да васъ никто и не проситъ мѣнять мѣсто,—началъ Гюббенетъ; напротивъ, я и П. А. Рихтеръ желаемъ, чтобы вы, бывъ членомъ управы, сохранили и прежнее мѣсто, такъ какъ законъ этому не препятствуетъ. Тогда подумайте: вы будете получать содержанія 4.500 р.

— Это дѣло другое,—отвѣчалъ я,—только вотъ, что я вамъ скажу, работать по двумъ должностямъ, какъ слѣдуетъ, я не въ состояніи, а работать какъ-нибудь и брать двойное жалованье даромъ совѣстно.

— Да вы можетъ быть,—сказалъ Гюббенетъ,—опасаетесь быть не выбраннымъ, такъ этого не бойтесь, васъ выберутъ непремѣнно. Вы знаете, что въ нашемъ собраніи наполовину гласныхъ крестьяне, и я

вамъ ручаюсь за государственныхъ, а П. А. Рихтеръ за удѣльныхъ, ихъ голоса за васъ.

— Благодарю и васъ и П. А., но я баллотироваться не буду.

— Ну, это посмотримъ,—смѣясь, сказалъ Гюббенетъ,—утро вечера мудренѣе, и мы завтра всѣ будемъ васъ просить.

Такъ мы и разстались. Слова его заставили меня призадуматься, но, зрѣло обдумавъ дѣло, я рѣшилъ не баллотироваться. На другой день, когда мы собрались и стали подписывать журналъ вчерашняго засѣданія о размѣрѣ жалованья и канцелярскихъ расходовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ приступить къ выборамъ, я попросилъ у предсѣдателя слова, которое и было мнѣ дано. Тогда я сказалъ приблизительно слѣдующее: приступая къ избранію предсѣдателя и членовъ управы и предварительно выборовъ назначивъ также значительное содержаніе, мы въ правѣ требовать, чтобы тѣ лица, которыя будутъ нами избраны, всецѣло посвятили себя дѣламъ земства, и потому я бы желалъ, чтобы лица эти были совершенно свободны отъ всѣхъ другихъ занятій, т. е. не занимали служебныхъ мѣстъ по другимъ вѣдомствамъ. Боже мой, какая буря обрушилась на меня послѣ этого заявленія: одни кричали, что это значитъ насиловать избирателей, другіе, что это измѣняетъ высочайше утвержденное Положеніе о земствѣ, которое допускаетъ соединеніе должностей. Тогда предсѣдатель, обращаясь къ собранію, сказалъ.

— Я не могу сочувствовать заявленію гласнаго Луцкаго, во-первыхъ, потому, что это есть насилованіе воли. Я, нанимая себѣ управляющаго, не могу же поставить ему условіемъ, чтобы онъ не занимался: ни чтеніемъ, ни музыкой, ни рисованіемъ и, во-вторыхъ, считаю, что собраніе не въ правѣ измѣнять высочайше утвержденное Положеніе, въ которомъ это допущено. Я надѣюсь, что г. гласный Луцкій возьметъ это предложеніе назадъ.

— Изъ всего сказаннаго,—отвѣчалъ я,—ясно вижу, что предложеніе мое принято не будетъ, но по совѣсти отказаться отъ него не могу, находя высказанные противъ него доводы не выдерживающими критики, а именно, говорятъ, что мое предложеніе незаконно, отъ того, что соединеніе должностей предсѣдателя и членовъ управы допускается съ другими должностями высочайше утвержденнаго Положенія. Если бы оно не допускалось или, говоря другими словами, запрещалось, такъ о немъ не могло бы быть и рѣчи. Я отнюдь не говорю, чтобы такихъ лицъ не допускать къ выборамъ, а желалъ бы, чтобы ихъ не избирали. Что такое предсѣдатель и члены?—это управляющій земскимъ имѣніемъ. Если я нанимаю управляющаго, то считаю себя въ полномъ правѣ поставить въ условіе, чтобы онъ не занимался имѣніемъ моего сосѣда. Что же касается до словъ г. предсѣдателя относительно живописи и музыки, то считаю долгомъ заявить, что я относился къ дѣлу земства

со стороны серьезной, а не шуточной и крайне удивленъ, къ чему тутъ припутана музыка и живопись.

Послѣ этого вопросъ былъ поставленъ на баллотировку, и по большинству голосовъ предложеніе мое не принято.

Тургеневъ былъ выбранъ въ предсѣдатели единогласно. Въ члены управы были выбраны М. М. Наумовъ и С—кій, сохранивъ за собою мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Послѣ выборовъ ко мнѣ подошелъ Л. Б. Тургеневъ и благодарилъ меня за мой шаръ.

— Да вы съ чего же взяли,—сказалъ я,—что я положу вамъ налѣво.

— У насъ,—отвѣчалъ онъ,—въ послѣднее время было столько столкновеній.

— Мнѣ очень грустно,—сказалъ я,—что вы такъ плохо меня знаете. Я могу съ вами не соглашаться, быть различныхъ мнѣній, спорить и гласно опровергать ваши доводы, но тѣмъ не менѣе считать васъ за честнаго и способнаго дѣятеля. Я всегда и вездѣ говорилъ передъ выборами, что лучше васъ предсѣдателя мы найти не можемъ.

— Но скажите,—продолжалъ онъ,—почему же вы были противъ выбора С—аго, кажется, относительно его честности вы ничего не можете сказать.

— Совершенно съ вами согласенъ, что С—ій честнѣйшая личность, но вѣдь по одной честности нельзя же выбирать или назначать людей на должности. Я охотно въ какую-нибудь механическую должность, напримѣръ, казначея для храненія суммъ выберу С—аго, но туда, гдѣ требуется соображеніе и распорядительность—никогда.

Затѣмъ ко мнѣ подошелъ Нудатовъ, бугурусланскій мировой посредникъ.

— Простите меня, Владиміръ Константиновичъ, я передъ вами виноватъ,—сказалъ онъ.

— Въ чемъ это вы провинились, не понимаю?

— А вотъ въ чемъ: я всегда считалъ васъ за человѣка дѣла, вы намъ доказываете это, третій годъ ведя дѣла крестьянскаго присутствія, а теперь уважаю васъ какъ человѣка честнаго, за сдѣланное вами предложеніе относительно баллотировки. До этого же предложенія я былъ увѣренъ, что и вы добиваетесь, чтобы захватить два мѣста и получать двойное жалованье. Еще разъ прошу, простите меня.

— Ну, Богъ васъ проститъ,—отвѣчалъ я, смѣясь.

По окончаніи сессіи земство сдѣлало обѣдъ губернатору, обѣдъ былъ роскошный, оживленный. На обѣдѣ присутствовали всѣ гласные изъ крестьянъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ Николаевскаго уѣзда, принадлежащій къ сектѣ молоканъ. По нашимъ законамъ молоканы счи-

таются сектою вредною, и они далѣе 30 верстъ не могутъ отлучаться изъ мѣста жительства. Между тѣмъ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, въ числѣ лицъ, которыя не могутъ быть избираемы, молокане не поименованы, почему онъ и былъ выбранъ. Какъ большинство молоканъ, онъ былъ мужикъ умный, грамотный, бойкій. Когда былъ провозглашенъ тостъ за здоровье государя, то онъ всталъ и съ бокаломъ въ рукѣ, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— По нашему закону намъ воспрещается пить всякое вино. Если кто это нарушитъ, то наши учители налагаютъ строгое взысканіе. Я дожилъ до 45 лѣтъ, и никакого вина ни капли не выпилъ, но за такого государя, какъ нашъ Александръ Николаевичъ, можно нарушить и законъ. Пріѣду домой, покаюсь учителю, а теперь пью за его здоровье, и съ этими словами онъ осушилъ бокалъ.

Залпъ рукоплесканій покрылъ эту рѣчь. Такъ какъ это время былъ великій постъ, то среди тостовъ я всталъ и сказалъ:

— На нашей громадной православной Россіи вездѣ теперь великій постъ, только мы въ Самарѣ празднуемъ Воскресеніе, но не Воскресеніе Христово, а воскресеніе земли русской. За здоровье того, кто своимъ царскимъ словомъ вызвалъ нашу Русь къ новой жизни, за здоровье воскресителя земли Русской.

Что послѣ этого было за обѣдомъ, трудно сказать: крики ура, громъ отъ ножей, вилокъ, ложекъ не прерывался, я думаю съ четверть часа, тутъ всѣ земскія партіи слились воедино.

Кончилось собраніе, гласные разъѣхались, и все вошло въ обычную колею.

Наше губернское земское собраніе было первое собраніе во всей Имперіи, вслѣдъ за нашимъ должно было состояться петербургское. На земство возлагалось въ то время много надеждъ, это былъ первый зачатокъ самоуправленія. Мы ходили какъ въ чаду.

Сообщ. О. **Червинская**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Александръ II въ Варшавѣ въ 1860 г.[1]

Городъ нашъ болѣе и болѣе наполняется знаменитыми гостями. Прибыли принцъ прусскій и принцъ Карлъ Баварскій, а 28-го пріѣзжаетъ вовсе неожиданно принцъ Наполеонъ. Фейерверкъ, который имѣлъ быть вчера въ Лазенкахъ, отложенъ на день его пріѣзда. Нынче балъ у князя Горчакова, а завтра большой пріемъ и охота на фазановъ у графа Августа Потоцкаго въ Вилляновѣ. Были два смотра войскамъ, въ которыхъ постоянно принимаютъ участіе достойные гости.

Замѣчено, что на государя императора сдѣлало пріятное впечатлѣніе, когда архіепископъ, обращаясь къ нему, произнесъ слова: «Всемилостивѣйшій государь, король нашъ».

Послѣ пѣнія въ каѳедральномъ костелѣ псалма и гимна «Боже, царя храни», государь императоръ поклонился архіепископу, потомъ двумъ находившимся при немъ епископамъ и всему духовенству, наконецъ, проходя между стоявшими въ два ряда ксендзами, кланялся всѣмъ присутствовавшимъ.

На улицахъ, чрезъ которыя его величество имѣлъ проѣзжать въ Бельведеръ, всѣ окна были отворены и убраны коврами и шелковыми матеріями. Толпа народа проводила возвращавшагося государя изъ костела до королевскаго зàмка, гдѣ его величество изволилъ посѣтить супругу намѣстника. Варшавскіе уличники окружали экипажъ его величества и, крича «виватъ», цѣплялись за подножки и сзади экипажа, проводивъ такимъ образомъ до Бернардинскаго костела.

Народъ былъ въ восторгѣ, и шапокъ брошено вверхъ такое большое количество, что одна упала даже въ экипажъ его величества.

Прусскаго принца государь встрѣтилъ на банкгофѣ, свиданіе было

[1]) Переводъ польскаго письма, адресованнаго въ Парижъ на имя Данжу, отъ 26-го сентября н. с., безъ подписи.

искреннее; замѣчено, что принцъ поцѣловалъ его величество въ оба плеча. Равномѣрно былъ ласково принятъ и принцъ Баварскій.

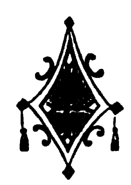
Во все время пребыванія его величества въ Варшавѣ, на лицѣ его постоянно замѣтны серьезность и задумчивость, не видно ни улыбки, ни неудовольствія; а не зная дѣйствительной причины этой постоянной серьезности, всѣ теряются въ догадкахъ. Такое расположеніе духа государя замѣчено даже войсками на двухъ смотрахъ. Приближенные его такъ этимъ поражены, что въ теченіе нѣсколькихъ дней пребыванія его здѣсь не смѣли спросить, угодно-ли будетъ его величеству принять охоту въ Виляновѣ.

Въ Вильнѣ, въ проѣздъ государя, графъ Тышкевичъ приготовился къ принятію его величества; издержки простирались до 75.000 руб., но по дошедшему до государя императора свѣдѣнію, что Тышкевичъ имѣлъ ссору съ французскимъ инженеромъ, по случаю доставки матеріаловъ для желѣзной дороги, при чемъ инженеръ сильно былъ обиженъ, его величество не изволилъ принять приготовленнаго графомъ Тышкевичемъ угощенія.

Всѣ удивляются, что въ Варшавѣ не находится ни одного оффиціальнаго лица со стороны Англіи; отъ вѣнскаго же двора прибыло нѣсколько высшихъ офицеровъ.

Пріѣздъ прусскаго принца имѣетъ главнѣйшею цѣлью переговоръ на счетъ окончательнаго назначенія его регентомъ, на что не соглашается прусскій король, или, лучше сказать, его любимцы.

Во время иллюминаціи, одна пирамида, освѣщенная зеленымъ огнемъ, оканчивалась вверху пунсовымъ полумѣсяцемъ; а какъ зеленый цвѣтъ означаетъ надежду, то и говорятъ, «что полумѣсяцъ освѣщаютъ, въ надеждѣ, что онъ скоро будетъ разобранъ».



Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи [1]).

I.

Государственный переворотъ, совершенный въ Польшѣ въ 1791 г. сторонниками политическихъ и соціальныхъ реформъ, и извѣстный подъ названіемъ конституціи 3-го мая, вызвалъ въ странѣ, на первыхъ порахъ, повсемѣстную радость.

«Послѣ долгаго ожиданія, народъ получилъ, наконецъ, надлежащій образъ правленія и, успокоившись, видѣлъ въ немъ залогъ своего счастья, свободы и независимости»—такъ привѣтствовалъ переворотъ органъ партіи реформъ [3]), «Gazeta narodowa и obca» (1791 г. № 37). Эти слова были отголоскомъ рѣчей, произнесенныхъ на засѣданіяхъ польскаго сейма 22-го апрѣля (3-го мая) и 24-го апрѣля (5-го мая) 1791 г.

«Обнародованный маршалами сейма нѣсколько дней спустя универсалъ (посланіе къ народу), въ которомъ разъяснялось значеніе кон-

---

[1]) По старому стилю 22-го апрѣля.

[2]) Wladyslaw Smolenski. „Ostatni rok sejmu wielkiego". Krakow. 1897 г. изд. 2-е.

[3]) Въ то время въ Польшѣ образовалось двѣ партіи, требовавшія реформъ; „патріотическая", враждебная Россіи, къ которой принадлежали Малаховскій, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Адамъ Чарторыйскій и др., и „королевская", склонявшаяся на сторону Россіи. Была еще такъ называемая „гетманская партія", которая была противъ всякихъ реформъ и сочувствовала миру съ Россіей; къ ней принадлежали коронный гетманъ Браницкій и Щенсный Потоцкій. В. Т.

ституціи, вызвалъ такой восторгъ, какой возбуждали въ былое время только блестящія побѣды поляковъ». Начиная отъ Варшавы и кончая самыми скромными мѣстечками, народъ ликовалъ и превозносилъ творцовъ конституціи.

27-го апрѣля (8-го мая), день ангела Станислава-Августа и маршала Малаховскаго, стоявшаго во главѣ «патріотической» партіи, былъ отпразднованъ въ Варшавѣ особенно торжественно.

Король принималъ въ этотъ день поздравленія сената, министровъ, депутатовъ и мѣстныхъ жителей, вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ.

На высокой аркѣ, воздвигнутой на площади Сигизмунда, геній держалъ огромный вензель Станислава-Августа, окруженный множествомъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ.

На ратушѣ и другихъ зданіяхъ горѣли транспаранты съ вензелями короля, гербомъ Малаховскаго и соотвѣтствующими надписями.

Президентъ г. Варшавы далъ шляхтѣ и купечеству обѣдъ, во время котораго произносились безчисленные тосты.

На слѣдующій день населеніе угощало короля во дворцѣ Радзивилла: «Въ одной изъ залъ, обращенныхъ въ буфетъ, двѣ дамы и двѣнадцать дѣвицъ, въ роскошныхъ уборахъ, украшенныхъ жемчугомъ и бриллiантами, подносили приглашеннымъ кофе, шоколадъ, сласти; въ другой залѣ мужчины угощали напитками».

Въ послѣдующіе дни вездѣ происходили обѣды, пріемы, балы. Банкиры и купечество потратили тысячи на угощеніе шляхты, которая не осталась въ долгу у мѣщанъ и 25-го мая (5-го іюня) дала обѣдъ депутатамъ отъ городовъ и варшавскаго купечества; среди приглашенныхъ, коихъ было триста человѣкъ, находились сенаторы, министры и разныя знатныя особы. Самъ король удостоилъ это собраніе своимъ посѣщеніемъ и хотя не остался обѣдать, но произнесъ рѣчь о единодушіи, которое возрасло между гражданами. «За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками; то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности» [1]).

Подобнаго рода празднества и пиршества происходили въ Гродно, Калишѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Ковнѣ, Пинскѣ, Краковѣ, Познани, словомъ, во всѣхъ городахъ царства Польскаго.

«Иностранцы удивлялись, что, послѣ обнародованія конституціи, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ, одинъ другого великолѣпнѣе... Даже

---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870 г., стр. 360.

и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея».

Въ провинціи шляхта браталась съ мѣщанами, такъ же точно, какъ въ Варшавѣ.

Въ Краковѣ внесли свои имена въ списокъ мѣстныхъ горожанъ: генералъ Водзицкій съ офицерами своего полка, депутаты сейма: Солтыкъ и Ремишевскій, въ Мендзиржецѣ (Междурѣчьи) каштелянъ краковскій, князь Яблоновскій, въ Бреславлѣ всѣ члены земскаго суда, въ Вильнѣ маршалокъ литовской конфедераціи Сапѣга.

Во время иллюминаціи въ этомъ городѣ, толпа дѣтей оглашала воздухъ криками: «да здравствуетъ король!» и, снявъ съ колонны портретъ Станислава-Августа, носила его по улицамъ, крича: «это нашъ отецъ».

Слѣдующее описаніе празднества, происходившаго въ домѣ литовскаго обознаго Прозора, даетъ понятіе о томъ, какъ поляки, охваченные патріотическимъ веселіемъ, праздновали въ провинціи конституцію 3-го мая.

Какой-нибудь богатый панъ, имѣвшій вліяніе въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устроивалъ патріотическій праздникъ. Обыватели Мозырскаго повѣта, лежащаго въ ста миляхъ отъ Варшавы, узнавъ объ обнародованіи конституціи, съѣхались въ Хойны, имѣніе Прозора. 1-го (12-го) числа, на разсвѣтѣ, выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ лентъ зеленаго цвѣта съ бѣлымъ, а дамамъ бѣлыя ленты съ надписью: «король, законъ и отечество». Въ одиннадцать часовъ, мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, собрались въ костелъ, гдѣ была отслужена обѣдня; ксендзъ говорилъ проповѣдь и пѣли «Te Deum», при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ состоялся обѣдъ, во время котораго предлагались тосты и кричали: «да здравствуетъ король съ народомъ!» Послѣ обѣда танцовали до утра.

«Но нигдѣ не было такого шумнаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыйскаго. Жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ дѣло спасенія отечества. Пулавскій дворецъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Княгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и старыхъ, и молодыхъ.

«Въ Пулавахъ нѣсколько дней пировали, танцовали и кричали: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя празднества происходили повсюду; напримѣръ, жители

г. Сквиры, кіевскаго воеводства, лежащаго въ пяти миляхъ отъ русской границы, подъ впечатлѣніемъ радости, вызванной конституціей, начали говорить по-польски и упросили своего приходскаго священника, чтобы онъ преподавалъ законъ божій на этомъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ горожанами принимала участіе въ общей радости и учащаяся молодежь.

Ректоръ главной литовской школы, говоря о конституціи, выразился, что она «не только прольетъ радость въ душу человѣка, удрученнаго печалью, но даже оживитъ умирающаго».

Профессоръ этой школы Іеронимъ Стройновскій прочелъ лекцію о новой формѣ правленія; послѣ чего суфраганъ виленскій Точаловскій отслужилъ въ костелѣ благодарственный молебенъ. Ректору, проректору и профессорамъ школы было предписано изображать слушателямъ конституцію какъ наисовершеннѣйшій актъ, достойный изученія. «Да будетъ отнынѣ уставъ польской конституціи политической азбукой, изъ которой польская молодежь, подъ руководствомъ профессоровъ, могла бы научиться азбукѣ управленія и организаціи Рѣчи Посполитой».

Не менѣе отрадны были доходившія въ Варшаву вѣсти о настроеніи шляхты.

«Выѣхавъ изъ Варшавы,—доносилъ королю каштелянъ калишскій Квалецкій, я объѣхалъ самыхъ знатныхъ лицъ Калишскаго воеводства и былъ свидѣтелемъ всеобщей радости по поводу того, что наше отечество пріобрѣло подъ управленіемъ вашего величества настоящую, правильную форму правленія. Хотя нѣкоторые и предсказываютъ, что настанетъ конецъ вольности и республикѣ, но таковыхъ немного, а еще менѣе людей, которые рѣшились бы противодѣйствовать введенію конституціи. Къ числу этихъ лицъ принадлежитъ Сухоржевскій, депутатъ калишскій, но, не найдя единомышленниковъ, онъ заложилъ свое имѣніе за 8.000 дукатовъ и уѣхалъ въ Швейцарію».

«Я имѣлъ случай,—писалъ королю одновременно камергеръ Олендскій (Olędzki),—быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вилкомірскаго повѣта и бесѣдовать со многими изъ обывателей. Они благословляютъ ваше имя, за обнародованіе конституціи, которая осчастливитъ страну».

Съ половины мая стали получаться въ Варшаву на имя короля и маршалковъ сейма безчисленныя письма отъ частныхъ лицъ съ изъявленіемъ благодарности за обнародованіе конституціи и признательности къ ея виновнику.

Одновременно появились въ Варшавѣ депутаціи отъ разныхъ повѣтовъ, для выраженія тѣхъ же чувствъ. Нѣкоторые, поздравляя короля съ совершеннымъ переворотомъ и увѣряя его «въ своей преданности и вѣрности», просили о пенсіи, орденѣ, мѣстечкѣ для себя или для

своихъ родныхъ. Такъ, напримѣръ, полковникъ Іосифъ Комаровскій, за составленіе брошюры, въ которой онъ превозносилъ новую форму правленія, и распространеніе ея въ воеводствахъ, просилъ о производствѣ своего сына въ капитанскій чинъ. На пальцахъ заслуженныхъ сановниковъ засверкали перстни, пожалованные имъ королемъ по поводу конституція; на сабляхъ и табакеркахъ, на фрачныхъ пуговицахъ была выгравирована цифра «3-го мая», которая изображалась также на лентахъ щеголихъ.

Игуменья Марія Водзицкая, помѣщица Констанція Шванъ, вдова бывшаго воеводы витебскаго Прозорова и многія другія прислали письма съ выраженіемъ своихъ радостныхъ чувствъ по поводу возрожденія отечества.

Радость, которую испытывали виновники переворота, по поводу такого благопріятнаго отношенія къ конституціи поляковъ, еще болѣе усилилась, когда въ Варшавѣ узнали о сочувствіи, съ какимъ отнеслись къ ней за границей и когда были получены дружественныя увѣренія прусскаго, австрійскаго, дрезденскаго и другихъ дворовъ и поздравительныя письма отъ многихъ оффиціальныхъ и частныхъ лицъ.

Отзывъ знаменитаго въ то время англійскаго оратора Берка о разницѣ между французской и польской революціи, появившійся въ «Morning Herold'ѣ» и перепечатанный въ распространенныхъ газетахъ, привелъ въ восторгъ польскихъ патріотовъ.

Амстердамскіе обыватели: Глюхеръ и Мюльдеръ прислали королю чрезъ посредство банкира Бланка медаль, выбитую по случаю конституціи съ соотвѣтствующими надписями и эмблемами. «Трудно описать»,— доносилъ изъ Гаги Августъ Миддльтонъ, исполнявшій должность посла Рѣчи Посполитой,—какое благопріятное впечатлѣніе производитъ здѣсь наша конституція... Меня всѣ поздравляютъ.... Уставъ конституціи, переведенный мною на французскій языкъ и отпечатанный въ количествѣ 2.000 экземпляровъ, такъ всѣхъ заинтересовалъ, что все изданіе разошлось, безъ остатка, въ двѣ недѣли».

Изъ Франціи писали, что аббатъ Сіэсъ [1]), ознакомившись съ конституціей 3-го мая, пришелъ отъ нея въ восторгъ и заявилъ, что французское національное собраніе должно послать поздравленіе полякамъ.

Иностранные посланники въ Парижѣ посѣтили посла Рѣчи Посполитой и поздравляли его; французскія газеты расточали похвалы конституціи.

Примасъ, проводившій лѣто за границей, по возвращеніи въ Польшу, разсказывалъ, что «значеніе Рѣчи Посполитой вездѣ возросло».

---

[1]) Сіэсъ—выдающійся французскій публицистъ и дѣятель первой французской революціи.

Нунцій вручилъ королю письмо отъ папы, писанное 28-го мая (8-го іюня), съ изъявленіемъ самыхъ доброжелательныхъ чувствъ.

Англійскій посолъ Гэльсъ отъ имени своего двора поздравилъ короля съ переворотомъ, который долженъ былъ, по его словамъ, «облегчить торговыя сношенія Рѣчи Посполитой съ западными державами».

«Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ, что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемѣнѣ, то Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ.

«Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое хотя холодное одобреніе, только шведскій посолъ, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества».

Австрійскій министръ Дэкаше держалъ себя сдержанно, но заявлялъ, что «въ конституціи ничего нѣтъ такого, что бы могло безпокоить его императора».

Русскій посланникъ Булгаковъ «въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это не касалось Россіи вовсе».

Въ донесеніяхъ своему правительству онъ отозвался о конституціи такъ: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни желанія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нея ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что имъ далѣе дѣлать и какъ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное промотавшееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ увидитъ, что данныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а собираемыя съ ихъ имѣній подати не доставятъ содержанія войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля» [1]).

---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870, стр. 352.

Догадки русскаго посланника оправдались въ самомъ не продолжительномъ времени.

Хотя громкія изъявленія сочувствія конституціи были фактомъ неоспоримымъ, но увлеченія ею раздѣлялось не всѣми, такъ же точно, какъ выраженія радости не всегда были искренны; они служили подчасъ только маской, подъ которой скрывалось неудовольствіе. Многія лица, изъ такъ называемой гетманской партіи, громко осуждали нѣкоторые пункты конституціи, какъ-то: исключеніе изъ сеймиковъ безземельной шляхты, бывшей орудіемъ магнатовъ, уравненіе мѣщанъ въ правахъ со шляхтою, отмѣну «Liberum veto», всякаго рода конфедерацій и конфедераціонныхъ сеймовъ, а главное то, что престолъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ династіи курфирста Саксонскаго. (Въ силу новой конституціи преемникомъ Станислава-Августа признанъ курфирстъ Саксонскій).

Возмущенные тѣмъ, что такимъ образомъ были нарушены «кардинальныя» (основныя) права гарантированной Екатериной II польской конституціи 1775 г. и усилена королевская власть, недовольные не явились даже на засѣданіе 24-го апрѣля (5-го мая), рѣшили уклониться отъ участія въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ сейма и разъѣхаться по домамъ.

По подсчету, произведенному впослѣдствіи противниками конституціи, изъ 150 слишкомъ членовъ сейма, бывшихъ на засѣданіи 3-го мая, несочувствовавшихъ ей оказалось 70 человѣкъ. Не смотря на это, на другой день 23-го апрѣля (4-го мая) одинъ только сенаторъ Четвертинскій, съ 27 депутатами, подалъ заявленіе о томъ, что «новая польская конституція навязана насильно». Секретарь варшавскаго суда, Скульскій, отказался принять это заявленіе.

Депутаты провели все утро въ канцеляріи суда и, наконецъ, рѣшились, по совѣту Скульскаго, ограничиться подачею простаго заявленія о томъ, что въ засѣданіи 3-го мая они «не давали своего согласія ни на что, что бы нарушало прерогативы народной вольности и спокойствіе страны и было бы противно инструкціямъ, полученнымъ депутатами на сеймикахъ. Сухоржевскій сдѣлалъ подлѣ своего имени приписку о томъ, что «инаго манифеста онъ не признаетъ».

Два, три дня спустя, нѣсколько депутатовъ, по своей собственной инціативѣ, явились къ королю и сказали ему: «мы сдѣлали манифестацію 23-го апрѣля (4-го мая) единственно потому, что въ нашихъ инструкціяхъ строго наказано не допускать наслѣдственности престола; мы постараемся, чтобы на ближайшихъ сеймикахъ воеводства разрѣшили намъ отказаться отъ этого».

Но между депутатами были и люди непоколебимые; къ числу ихъ принадлежалъ нѣкто Гулевичъ.

«Я пишу»,—читаемъ въ его письмѣ къ Щенсному Потоцкому,—«дрожащей рукою, ибо я не полякъ, а жертва страшнѣйшаго деспотизма... Мы обливались слезами съ Золотницкимъ, прощаясь съ нашей свободой, которой 3-го мая вырыта могила... По всей вѣроятности, намъ, посламъ, велятъ присягать».

Виновниками переворота онъ называлъ Колонтая, Игнатія и Станислава Потоцкихъ и перваго изъ нихъ проклиналъ.

«Непоколебимые», къ которымъ принадлежали: Гулевичъ, Орловскій, Злотницкій, Аксакъ, Загорскій и Свейковскій, рѣшили описать весь ходъ обнародованія конституціи и, сдѣлавъ извлеченіе изъ ея устава, перевести его на всѣ языки и распространить въ Европѣ; Аксакъ разослалъ описаніе переворота 3-го мая въ волынскія гражданско-военныя коммиссіи; другіе повезли текстъ конституціи въ Луцкъ, Брестъ-Литовскъ, Каменецъ и Люблинъ. Оставшіеся въ Варшавѣ: Сангушко, Четвертинскій, Загорскій, Гулевичъ, Скорковскій, стольникъ кн. Чарторыйскій выражали время отъ времени свое неудовольствіе конституціей въ рѣчахъ, произносимыхъ ими на сеймѣ; нѣкоторые, какъ гетманъ Браницкій, епископъ Коссаковскій, скрывали свое неудовольствіе до поры до времени, либо составляли втайнѣ заговоръ.

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ членовъ оппозиціи былъ посолъ Сендомірскаго воеводства Скорковскій, который гласно заявилъ на сеймѣ протестъ противъ конституціи, и произнесъ въ засѣданіи 28-го апрѣля (9-го мая) горячую и негодующую рѣчь.

Депутатъ краковскій, Линовскій, всегда заступавшійся за конституцію, имѣлъ обыкновеніе иронически благодарить за сочувствіе къ ней каждаго, кто говорилъ на сеймѣ противъ нея.

На одномъ изъ іюньскихъ засѣданій онъ поблагодарилъ такимъ образомъ каштеляна Перемышльскаго по поводу чего Скорковскій, получивъ слово, замѣтилъ ему что противники конституціи знаютъ, что говорятъ, и не нуждаются ни въ чьихъ насмѣшливыхъ похвалахъ. Линовскій обидѣлся и вызвалъ его на дуэль, которая и состоялась 18-го (29-го) іюня на разсвѣтѣ въ Волѣ, предмѣстьѣ Варшавы. Скорковскій былъ раненъ въ руку, а Линовскій контуженъ въ грудь, послѣ чего противники примирились.

Весьма заносчиво держалъ себя также сендомірскій депутатъ Менженскій, который на одномъ изъ засѣданій сейма грозилъ, что онъ «потребуетъ войсковую коммисію къ отвѣту за то, что она позволила 3-го мая отпереть арсеналы и выкатить пушки».

Такимъ образомъ въ Варшавѣ агитація противъ конституціи усиливалась. Вокругъ помѣщика Станислава Боржецкаго сгруппировался кружокъ молодежи, людей смѣлыхъ и рѣшительныхъ, которые громко выражали свое неудовольствіе конституціей и особенно яростно напа-

дали на Колонтая, о которомъ говорили, что онъ подвелъ короля, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго. При этомъ они выражали готовность совершить контръ-революцію. Когда, во время лѣтняго перерыва сейма, въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Варшаву Войцехъ Суходольскій, каштелянъ радомскій, то оходки стали собираться чаще и на нихъ все громче и громче высказывались угрозы по адресу конституціи.

Недовольные собирались въ домѣ г-жи Валевской, у Турно, Ржичевскаго, Грохольскаго, совѣщались съ Булгаковымъ и увѣряли его, что конституція должна быть отмѣнена и что они могутъ сдѣлать это. Русскій посланникъ одобрялъ ихъ намѣреніе, но не поощрялъ ихъ. Вообще, онъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Боскампъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какой вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безъименная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, что въ защиту Турціи составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, Захаркевичъ, за русскія деньги, составилъ безъименную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи.

«Впрочемъ, Булгаковъ былъ остороженъ и на первыхъ порахъ изъ 50.000, назначенныхъ ему императрицею для раздачи въ Польшѣ, роздалъ только 10.660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству».

Браницкій, притворяясь передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, работалъ вмѣстѣ съ женою чрезъ своихъ агентовъ по указанію Булгакова. Послѣдній заявилъ государынѣ, что супруга Браницкаго въ это время была даже полезнѣе своего супруга. Мать героя третьяго мая, Казиміра—Сапѣга, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно волновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма. Булгаковъ сносился съ противниками конституціи и подбиралъ себѣ партію «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ Россіи», какъ писала ему Екатерина, полагая, что когда полякамъ надоѣстъ играть въ конституцію, то они сами обратя-

тся къ ней. Булгаковъ дѣлалъ это такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большаго общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ то же время, при свиданіи съ сторонниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно наказу своей государыни. «Надѣюсь,—писала къ нему Екатерина въ іюнѣ,—что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самимъ дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность и подкрѣпленіе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не одними словами къ тому подвигаться; а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе» [1]).

Гетманъ Браницкій, пользуясь отъѣздомъ изъ Варшавы главныхъ стражей новой формы правленія: Игнатія Потоцкаго, министра полиціи и Ржевусскаго, коменданта варшавскаго гарнизона, задумалъ захватить короля въ Лазенкахъ, разогнать сеймъ и объявить конституцію недѣйствительной. Онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ князя Чарторыйскаго, но тотъ сказалъ ему на это, что «хотя онъ не сторонникъ переворота, но счелъ бы подлецомъ того, кто вздумалъ бы сѣять волненіе въ странѣ». За то онъ заручился содѣйствіемъ каштеляновъ: Четвертинскаго, Ржищевскаго и литовскаго секретаря Можинскаго, и открылъ свое намѣреніе мужу своей сестры, маршалку литовской конфедераціи, Сапѣгѣ, который не замедлилъ разсказать объ этомъ въ нѣкоторыхъ домахъ, между прочимъ у Хрептовича. Самъ же гетманъ, подвыпивъ признался въ своихъ замыслахъ епископу краковскому, Турскому. Король, предупрежденный анонимнымъ письмомъ, поручилъ Колонтаю разслѣдовать дѣло. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оказалось, что Браницкій говорилъ: «Теперь, когда всѣ разъѣхались, пора взяться за дѣло».

Не смотря на это, варшавское правительство считало всѣ происки Боржецкаго, Грохольскаго, не исключая Браницкаго, пустяками.

«Я не вижу въ Варшавѣ ничего тревожнаго, донесъ Колонтай королю. Что бы ни говорили, а во время перерыва сейма ничего не удастся сдѣлать. . . . Они могутъ пріобрѣсти много сторонниковъ тогда, когда возобновятся засѣданія сейма, а пока могутъ только разсылать брошюры, но трудно допустить, чтобы они могли сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ».

---

[1]) Костомаровъ, стр. 354, 367, 368.

Хотя Колонтай, ссылаясь на то, что у короля есть преданный ему гарнизонъ, гвардія и 100.000 жителей Варшавы, всѣмъ ему обязанныхъ, ручался головою за безопасность его, тѣмъ не менѣе Станиславъ-Августъ счелъ все-же необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности: вызвалъ въ Варшаву Ржевусскаго, вездѣ были удвоены патрули и караулы, всѣ были готовы на случай контръ-революціи.

5-го (16-го) іюля, въ ночь, въ войскахъ гвардіи была произведена тревога, Ржевусскій поспѣшилъ въ дворецъ, принялъ командованіе войскомъ, объѣхалъ форпосты, какъ будто ожидалась атака, а на слѣдующій день въ Варшавѣ разнесся слухъ, что несочувствовавшіе конституціи аристократы намѣревались совершить нападеніе на Лазенки.

Браницкому было извѣстно, что его подозрѣваютъ въ проискахъ противъ короля; желая снять съ себя подозрѣніе, онъ отправился къ нему, старался оправдаться во взведенныхъ на него подозрѣніяхъ, клялся и божился въ своей невиновности и, наконецъ, просилъ, чтобы ему было дозволено уѣхать на нѣкоторое время изъ Польши, чтобы снять съ себя всякое подозрѣніе. Но король на это не согласился, торжествовалъ по поводу того, что гетманъ, изъявивъ ему свою покорность, чѣмъ уронилъ себя въ глазахъ публики.

Такъ обстояло дѣло въ Варшавѣ; изъ провинціи же доходили благопріятныя вѣсти: конституція произвела на первыхъ порахъ хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: «Спустя двѣ недѣли сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ, получены были адресы отъ трехъ воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго и Гнѣзненскаго, отъ гражданско-военныхъ коммиссій, отъ совѣтовъ: Сендомірскаго и Висницкаго, отъ земли Каменецкой, отъ обывателей воеводства Брацлавскаго. 12-го (23-го) мая такія же заявленія пришли отъ главнаго короннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ коммиссій воеводства Ленчицкаго и земли Волынской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога, пѣли «Te deum» въ костелахъ»; но вскорѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ провинціи началось неизбѣжное смятеніе и въ то время когда король хвасталъ, въ маѣ 1791 г., что онъ «получилъ уже изъ Литвы добрыя вѣсти о томъ, что тамошніе жители отнеслись сочувственно къ перевороту», нѣкто Эдзіатовичъ писалъ ему изъ Смоленска, что «многіе послы (депутаты), находящіеся теперь въ Литвѣ, отзываются о конституціи весьма неодобрительно» и совѣтовалъ какъ можно скорѣе вызвать ихъ въ Варшаву для принесенія присяги новой конституціи, «дабы они своими рѣчами не волновали напрасно умы шляхты».

Конечно, Эдзіатовичъ, въ своемъ патріотическомъ рвеніи, нѣсколько

пріувеличивалъ опасность, которая, въ то время была еще не такъ велика, но несомнѣнно, что въ Литвѣ многія лица, какъ, напр., Платеръ, Савицкій, Гелгудъ, сильно осуждали новую форму правленія. Но особенно ярымъ ея противникомъ былъ Залѣсскій, депутатъ троцкій, который, будучи недоволенъ оборотомъ, какой приняли работы сейма, уже въ 1790 г. уѣхалъ изъ Варшавы и болѣе туда не возвращался, а жилъ въ своемъ имѣніи, въ воеводствѣ Брестъ-Литовскомъ. Получивъ извѣстіе о конституціи 3-го мая, онъ писалъ своему зятю Матушевичу:

«До 3-го мая поляки могли ожидать всякихъ бѣдствій... Но въ этотъ день случилось такое несчастіе, послѣ котораго уже нечего бояться... Полякамъ остается молить Бога о томъ, чтобы въ королевской семьѣ не родилось Нерона»...

Желая его задобрить, король послалъ ему, при собственноручномъ письмѣ, орденъ Св. Станислава, но онъ отказался принять его, и уклонился также отъ участія въ законодательныхъ трудахъ.

«Новая форма конституціи,—писалъ Ржевусскій Залѣсскому 8-го (19-го) іюля,—конечное, не совершенна, но въ ней много хорошаго. Если въ нее вкралось какое-любо недоразумѣніе, то это надобно исправить. Если въ составленіи ея участвовали не всѣ, то въ ея исправленіи, въ ея усовершенствованіи должны принять участіе такіе умные и почтенные люди, какъ вы».

Но Залѣсскій былъ непреклоненъ. Хотя въ Литвѣ оказались такимъ образомъ рѣшительные противники конституціи, но тамъ нашлось также довольно много лицъ, которыя ратовали за нея; вообще, въ Литвѣ оппозиція не имѣла правильной организаціи, она не поддерживалась системой агитація и поэтому не могла быть успѣшна и не могла возбудить опасеній въ Варшавѣ.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ южно-русскихъ воеводствахъ, гдѣ въ числѣ недовольныхъ были люди весьма дѣятельные и вліятельные; къ таковымъ принадлежало большинство воеводъ: изъ числа двѣнадцати волынскихъ пословъ (депутатовъ на сеймѣ), всѣ, за исключеніемъ одного Стройновскаго, были противъ конституціи. Послѣ Волыни и Подоліи, которыя были очагомъ оппозиціи, было много недовольныхъ въ воеводствахъ Любельскомъ и Сендомірскомъ. Для наблюденія за провинціей, тотчасъ по обнародованіи конституціи, изъ Варшавы были посланы довѣренные люди, которые «старались склонить обывателей къ конституціи», повезли вліятельнымъ людямъ собственноручныя письма короля съ разными обѣщаніями въ случаѣ повиновенія и предостереженіями въ случаѣ противодѣйствія.

Одновременно съ вѣстями объ оппозиціи, появившейся среди обывателей и шляхты, въ Варшаву стали доходить вѣсти о неповиновеніи холоповъ. «Генералъ Бышевскій доносилъ, что въ селѣ Вилково-Нѣ-

мецкое, имѣніи Мыцельскаго, взбунтовались крестьяне и прибили эконома. При усмиреніи ихъ произошла схватка между жолнерами и крестьянами, при чемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Крестьяне послѣ этого толпою бѣжали за границу». «25-го іюня гражданско-военная коммиссія изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрійскую границу».

«Изъ Украйны писали, что въ тамошнемъ народѣ распространился мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступитъ въ польскіе предѣлы, и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, и что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ». «Въ мѣстечкѣ Дзвиногородѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основаніи мѣщанскаго устава, но владѣлица не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подвластныхъ новыми повинностями». Такимъ образомъ, правительство, надававъ свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять людей, которые домогались того, что было установлено закономъ». Страхъ крестьянскихъ бунтовъ отталкивалъ обывателей отъ конституціи.

Въ Варшавѣ всячески старались, чтобы слухи о размѣрахъ этого неудовольстія не проникли за границу какъ можно долѣе и чтобы иностранные дворы въ Дрезденѣ, Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ были твердо убѣждены въ томъ, что весь польскій народъ сочувствовалъ перевороту и ничто не омрачало всеобщей радости и ликованія.

Съ этой цѣлью правительство не преслѣдовало недовольныхъ и скрывало о существованіи оппозиціи даже отъ своихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ.

«Я не сообщалъ вамъ, равно какъ и прочимъ нашимъ министрамъ,— писалъ 20-го (31-го) августа 1791 г. Хрептовичъ польскому посланнику въ Копенгагенѣ, о разнесшемся здѣсь (въ Варшавѣ) въ прошломъ мѣсяцѣ слухѣ о существованіи яко-бы заговора противъ особы короля, такъ какъ мы не придавали этому никакого значенія, однако, нѣкоторыя мѣры предосторожности, принятыя на всякій случай, могли подать газетамъ поводъ преувеличить эти слухи».

Но не смотря на принятыя предосторожности, иностраннымъ дворамъ, разумѣется, было извѣстно о происходившемъ въ Польшѣ изъ донесеній ихъ пословъ. Такъ, въ Петербургѣ, 21-го іюня (2-го іюля) 1791 г., въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было читано донесеніе русскаго посла въ Варшавѣ Булгакова «о тревогѣ, произведенной тамъ мнимымъ злоумышленіемъ противу особы королевской» [1]).

---

[1]) Арх. Гос. Совѣта, 1869, стр. 875.

II.

Къ числу лицъ, ставшихъ во главѣ оппозиціи польскому правительству, принадлежалъ вліятельнѣйшій и богатѣйшій вельможа юго-западныхъ губерній, русскій воевода, генералъ коронной артиллеріи, впослѣдствіи маршалокъ Тарговицкой конфедераціи, Станиславъ-Феликсъ (Щенсный) Потоцкій (р. 1753†1805 г.) [1]), послѣ присоединенія Польши къ Россіи бывшій генералъ-аншефомъ и Андреевскимъ кавалеромъ. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ старо-польской шляхетной вольности, ярый противникъ усиленія королевской власти и стоялъ во главѣ партіи, примкнувшей съ 1786 г. къ русскому правительству.

Въ его Тульчинскомъ дворцѣ находили радушный пріемъ сподвижники Екатерины: Потемкинъ, Суворовъ, который по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ у него.

Во время обнародованія конституціи Щенсный-Потоцкій находился, въ отпуску, въ Парижѣ, откуда онъ намѣревался отправиться въ Англію, но поѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Вѣну съ цѣлью пріобрѣсти помѣстья въ Галиціи или въ Венгріи. Генералу коронной артиллеріи уже было извѣстно изъ частныхъ писемъ объ обнародованіи конституціи 3-го мая, когда онъ получилъ о томъ лично извѣщеніе короля, маршала Малаховскаго, и Игнатія и Северина Потоцкихъ.

Король писалъ ему, «что затруднительныя внѣшнія обстоятельства вынудили его, послѣ долгихъ колебаній, совершить переворотъ».

Впрочемъ, хорошо зная образъ мыслей Потоцкаго, король и дѣятели переворота не питали ни малѣйшей надежды на то, что имъ удастся склонить генерала въ пользу конституціи; ихъ догадки вполнѣ подтвердились его отвѣтнымъ письмомъ, отъ 19-го (30-го) мая, полнымъ глубокаго огорченія.

«Переворотъ 3-го мая,—писалъ Щенсный-Потоцкій Станиславу-Августу,—надлежало бы назвать заговоромъ, если бы онъ не былъ совершенъ королемъ. Я горюю о томъ, что Станиславъ-Августъ, руководствуясь совѣтами злонамѣренныхъ людей, нарушилъ святость своихъ обязательствъ и присягу, данную имъ при вступленіи на престолъ», не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія. Потоцкій указывалъ, что конституція—дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, если бы даже весь сеймъ на это согласился

---

[1]) Щенсный (счастливый)—переводъ латинскаго Феликсъ, но слово Щенсный болѣе употреблялось въ мемуарахъ XVIII вѣка, и выраженіе „Щенсный—Потоцкій“ перешло въ исторію. (Свѣдѣнія о немъ см. «Рус. Арх.» 1874, стр. 898).

и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ. «Опасность замысловъ раздѣла,—писалъ онъ,—не можетъ служить извиненіемъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою страною нашею, либо частями ея». Наконецъ, Щенсный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго только одна дочь, поляки заранѣе приготовляютъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ соискательствъ и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны. Умоляя короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи Посполитой прежнюю вольность, Потоцкій заявлялъ, что, въ противномъ случаѣ, онъ покинетъ Польшу и будетъ искать себѣ новаго отечества.

Малаховскому Щенсный писалъ, въ отвѣтъ, что въ новой конституціи онъ видитъ не болѣе какъ королевскій деспотизмъ и, между прочимъ, коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ,—писалъ онъ,—у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать будетъ нельзя; правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ, и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность, Варшава ее погубила».

Въ письмѣ къ Игнатію Потоцкому онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ, а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея погибели».

Ни король, ни оба Малаховскіе не сочли нужнымъ что-либо отвѣтить на эти письма.

Щенсный Потоцкій остался за границей, гдѣ вокругъ него вскорѣ сгруппировались недовольные, какъ бывшіе за границей, такъ и въ Польшѣ.

Послѣдніе выражали желаніе видѣться съ нимъ и условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, приглашали его съ этой цѣлью во Львовъ, Замостье и др. мѣста, или же сами спѣшили въ Вѣну, объясняя на родинѣ свой отъѣздъ необходимостью лѣченія на водахъ въ Карлсбадѣ.

Въ Вѣнѣ проживалъ въ то время гетманъ Северинъ Ржевусскій, удалившійся туда еще въ 1790 г., также ярый противникъ майской конституціи, котораго въ Варшавѣ боялись болѣе, нежели Потоцкаго.

Онъ такъ энергично убѣждалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Вѣну поляковъ возстать противъ новой конституціи, что нѣкоторые задавали ему даже вопросъ, почему, склоняя къ этому другихъ, онъ самъ не ѣдетъ въ Польшу, чтобы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, о намѣреніяхъ Ржевусскаго и Потоцкаго никто не зналъ ничего опредѣленнаго; ихъ друзья уѣзжали изъ Вѣны еще болѣе горячими ненавистниками конституціи, чѣмъ были прежде, но не посвященные ими въ ихъ тайныя намѣренія.

На самомъ дѣлѣ, у Потоцкаго и Ржевусскаго былъ уже выработанъ планъ дѣйствій, который они до поры до времени никому не открывали, пользуясь пріѣздомъ своихъ политическихъ друзей только для того, чтобы посѣять при ихъ помощи недовольство конституціей въ Польшѣ. Изъ Вѣны шла агитація въ этомъ смыслѣ, главнымъ образомъ въ Подоліи, на Волыни и Украйнѣ. Сборнымъ пунктомъ агитаторовъ былъ Львовъ.

Въ началѣ іюля 1791 г. туда прибылъ, на обратномъ пути изъ Вѣны Мощенскій для свиданія съ своимъ тестемъ, воеводою подольскимъ Свейковскимъ, съ которымъ, по прочтеніи конституціи, едва не сдѣлался апоплексическій ударъ; онъ плакалъ неутѣшно.

Туда же, во Львовъ, пріѣхали Гулевичъ, Каменскій, Чацкій и любимецъ Потоцкаго—каштелянъ Комаровскій.

Собираясь вмѣстѣ, пріятели Щенснаго ни о чемъ не говорили какъ о конституціи 3-го мая, писали воззванія и печатали брошюры, которыя распространяли въ русскихъ воеводствахъ.

Въ это время въ Варшавѣ, которая, по случаю перерыва сейма, совершенно опустѣла, находился только одинъ уполномоченный Щенснаго, Іосифъ Рожанъ, который и сообщилъ ему о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ гетмана Браницкаго, составившаго свой заговоръ безъ участія ближайшихъ друзей Потоцкаго.

Въ половинѣ сентября въ Варшаву начался съѣздъ пословъ, хотя «недовольные», не желая принимать участія въ работахъ сейма, медлили въ провинціи. Тогда же, по просьбѣ Щенснаго-Потоцкаго, пріѣхали изъ Львова Гулевичъ, Свентославскій, Загорскій, и нѣкоторыя другія лица, чтобы слѣдить за работами сейма и доносить ему, но они были плохо освѣдомлены и не могли сообщать никакихъ цѣнныхъ фактовъ, а передавали бо̀льшею частью одни уличные слухи. Такъ, напр., они писали ему, что 4-го (15-го) октября готовится новая революція, которая будетъ проведена такимъ же способомъ, какъ и переворотъ 3-го мая, и что имъ совѣтуютъ, въ видахъ личной безопасности, выѣхать къ этому дню изъ столицы.

Они и не подозрѣвали, что этотъ слухъ былъ пущенъ сторонниками конституціи съ цѣлью удалить недовольныхъ изъ Варшавы.

Друзья Щенснаго-Потоцкаго и Ржевускаго также не имѣли точныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ. Въ началѣ октября въ Варшавѣ пронесся слухъ, что оба они уѣхали изъ Вѣны въ Яссы; ихъ пріятели считали это выдумкою, между тѣмъ это была правда, но Потоцкій и Ржевусскій тщательно скрывали свою поѣздку, которая была предпринята ими съ цѣлью войти въ сношеніе съ Россіей.

Извѣстіе о переворотѣ, совершившемся въ Польшѣ 22-го апрѣля (3-го мая), произвело въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе.

«Изъ Варшавы,—писалъ Безбородко одному изъ своихъ пріятелей,—прискакалъ курьеръ, который привезъ самое краткое извѣстіе. Король польскій сдѣлался самодержавцемъ, курфирстъ Саксонскій выбранъ ему преемникомъ. Престолъ сдѣланъ наслѣдственнымъ, но съ тѣмъ, что оный получитъ дочь курфирста, а республика назначитъ ей супруга, я думаю какого-либо Понятовскаго. Разные законы сдѣланы, касающіеся до администраціи, и теперь, видя, что мѣщане послужили къ сей революціи, дѣло идетъ, чтобъ дать свободу и крестьянамъ» [1]).

Впрочемъ, депеша русскаго посла была написана такъ нескладно, что ее трудно было бы понять безъ письма австрійскаго посланника въ Польшѣ Декашэ, писаннаго одновременно къ представителю вѣнскаго двора въ Петербургѣ, графу Кобенцелю [2]). «Я видѣлъ,—писалъ этотъ послѣдній, и что императрица, князь Потемкинъ и графъ Остерманъ весьма встревожены мыслію, что Польша, съ утвержденіемъ наслѣдственной династіи, достигнетъ большой силы и значенія; между тѣмъ какъ интересы сосѣднихъ державъ требуютъ, чтобы она не выходила изъ ничтожества. Императрица сказала мнѣ:

— Мы должны въ виду этого лучше столковаться.

«Я увѣрилъ государыню, что мы всегда и вездѣ готовы ей служить.

— Но можемъ-ли мы на васъ разсчитывать?—спросила она.

«Я отвѣчалъ, что если только обстоятельства позволятъ, то мой императоръ всячески будетъ готовъ помочь Россіи.

— Въ этомъ случаѣ мнѣ нужно имѣть какія-либо положительныя обѣщанія,—возразила она.

«Графъ Остерманъ, склонный всегда видѣть все въ черномъ свѣтѣ, боится, не былъ-ли варшавскій переворотъ дѣломъ берлинскаго кабинета и предвидитъ, что союзъ Польши и Саксоніи можетъ быть помѣхою въ добрыхъ намѣреніяхъ нашего двора. Графъ Воронцовъ, напро-

---

[1]) Письмо безъ даты. (Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, 273).

[2]) Графъ Людвигъ Кобенцель (р. 1753 † 1809 г.) былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ (1774), Берлинѣ (1777) и Петербургѣ съ 1779—1797 г., гдѣ принадлежалъ къ интимному кружку императрицы Екатерины II.

тивъ, считаетъ неправдоподобнымъ, чтобы Пруссія старалась дѣйствительно объ усиленія власти Польши, такъ какъ это еще менѣе соотвѣтствуетъ ея интересамъ, нежели интересамъ обоихъ императорскихъ дворовъ. «Если это случилось помимо прусскаго кабинета, сказалъ Воронцовъ, то его не трудно будетъ склонить къ новому раздѣлу, но, разумѣется, подъ условіемъ, что императорскіе дворы будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи. Если же, напротивъ, новый переворотъ есть дѣло Пруссіи, то это значитъ, что они имѣютъ въ настоящее время самые пагубные замыслы, ибо они жертвуютъ имъ соображеніями, имѣющими въ будущемъ первостепенную важность. Поэтому необходимо,—такъ закончилъ гр. Воронцовъ свою рѣчь,—чтобы вы пришли намъ на помощь, ибо если всѣ будутъ противъ насъ, и никто насъ не поддержитъ, то намъ однимъ не «справиться съ бѣдой».

«Я вижу, что ему было бы пріятно, если бы, вслѣдствіе переворота, совершеннаго королемъ польскимъ, въ Польшѣ произошли волненія. Князь Потемкинъ мечтаетъ уже объ образованіи конфедераціи въ сосѣднихъ польскихъ провинціяхъ, для чего, какъ онъ говоритъ, имъ будетъ оказано всякое содѣйствіе».

Вскорѣ были получены отъ Булгакова новыя депеши съ болѣе подробными извѣстіями о переворотѣ и о присягѣ, принесенной конституціи, а когда 7-го (18-го) мая прибылъ курьеръ съ подробнымъ донесеніемъ о новой формѣ правленія и о способѣ установленія его, то императрица препроводила эту депешу Булгакова въ Государственный Совѣтъ, повелѣвъ ему высказать свое мнѣніе «что по польскимъ дѣламъ дѣлать надлежитъ».

Совѣтъ, въ засѣданіи 12-го (23-го) мая 1791 г. высказалъ слѣдующее мнѣніе:

«Ежели новый образъ правленія во всей Польшѣ принятъ будетъ и совершенно установится, не можетъ онъ быть невреденъ сосѣднимъ державамъ, слѣдовательно, и Россіи; что какъ однакожъ неизвѣстно еще, не содѣйствовалъ-ли тутъ дворъ прусскій, предпочтя въ семъ случаѣ удачу временныхъ своихъ видовъ коренной пользѣ, то прежде объясненія сего важнаго обстоительства нельзя никакого принять рѣшенія, особливо теперь, когда война съ турками продолжается и дѣла наши съ Берлинскимъ и Лондонскимъ дворами приходятъ къ какой-либо развязкѣ: что между тѣмъ нужно однакожъ снестить по нынѣшнимъ польскимъ дѣламъ съ союзнымъ намъ Вѣнскимъ дворомъ для узнанія его мыслей» [1]).

— Мы какъ прежде, такъ и теперь, останемся спокойными зрителями, до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. Совѣтъ въ царствованіе имп. Екатерины II. Спб. 1869, стр. 851—853.

для возстановленія прежнихъ законовъ республики,—отвѣчала Екатерина на донесеніе Булгакова о переворотѣ.

Припомнимъ, каковы были отношенія Россіи и Польши незадолго до обнародованія конституціи 3-го мая.

Въ исходѣ сентября 1787 г., мѣсяцъ спустя послѣ объявленія Екатериной II войны противъ Турціи, Станиславъ-Августъ препроводилъ Петербургскому кабинету проектъ союза Россіи съ Польшей, который, вслѣдствіе путешествія императрицы на югъ, былъ заключенъ окончательно только на свиданіи въ Каневѣ. Выразивъ готовность помочь Россіи польскимъ войскомъ, король просилъ себѣ за это разныя выгоды, изъ коихъ главныя были: согласіе Россіи на увеличеніе королевской власти и присоединеніе къ Польшѣ Бессарабіи, или Молдавіи по р. Сереть.

Проектъ Станислава-Августа не встрѣтилъ одобренія ни Безбородки, вѣдавшаго польскими дѣлами при Петербургскомъ дворѣ, ни Потемкина.

— У поляковъ надо выбить изъ головы мысль о такихъ пріобрѣтеніяхъ,—говорилъ первый.

— Бессарабія и Молдавія,—говорилъ Потемкинъ,—это журавль въ небѣ; впрочемъ, ихъ нельзя обѣщать полякамъ еще и потому, чтобы они не разболтали этого всему свѣту.

— Если король хочетъ увеличить свою власть,—прибавлялъ Безбородко,—то ему можно напомнить, что права поляковъ гарантированы не только Россіей, но также дворами Австрійскимъ и Берлинскимъ; поэтому никакихъ особыхъ перемѣнъ въ нихъ сдѣлано быть не можетъ.

— Я говорю теперь, какъ и всегда,—замѣтилъ кн. Потемкинъ,—что королю надобно обезпечить пріятную жизнь, а не давать ему власть. И безъ того ему уже сдѣлали большія послабленія.

Отвергнувъ рѣшительно предложеніе Станислава-Августа, Потемкинъ согласился, однако, на то, чтобы Рѣчь Посполитая дала Россіи для войны съ турками 12.000 кавалеріи, и не отклонилъ просьбы гетмана Браницкаго, который выразилъ готовность сформировать четырехтысячный корпусъ.

Императрица, въ принципѣ, была согласна на участіе поляковъ въ войнѣ съ турками, но въ выборѣ охотниковъ выказала большую осторожность.

«Поляковъ принять въ армію и сдѣлать ихъ шефами подлежитъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтренность, недисциплинность или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуютъ».

Она была противъ принятія «пьянаго Радзивилла» и гетмана Огинскаго, «котораго неблагодарность» она уже испытала; но рекомендовала

гр. Браницкаго и Щенснаго-Потоцкаго, «понеже онъ честной человѣкъ и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ [1]). «Прошу васъ, князь,—писала она Потемкину 13-го (24-го) мая,—увѣрить артиллеріи генерала графа Потоцкаго, когда вы его увидите, въ полномъ моемъ уваженіи за его истинно патріотическія дѣйствія, а также за твердый и непоколебимый характеръ; этотъ добродѣтельный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что я никогда не забуду чувствъ, выраженныхъ имъ мнѣ и моей Имперіи, и что я поспѣшу воспользоваться случаями, когда могу доказать ему, его супругѣ (которой поклонитесь отъ меня) и дѣтямъ мою привязанность. Ихъ интересы сдѣлались мнѣ дороги, но не прошу ничего болѣе, какъ возможности дать доказательства моего желанія быть имъ полезною».

Указавъ Потемкину на Браницкаго и Потоцкаго, императрица приказала ему взять отъ нихъ кондиціи, на какихъ бы они отдали бригады свои на наше содержаніе и диспозицію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина не забыла о присланномъ ей Станиславомъ Августомъ проектѣ союза и выражала готовность обѣщать полякамъ разныя выгоды, если они будутъ вѣрными. Въ этомъ она сомнѣвалась, говоря, что это будетъ первый примѣръ въ исторіи ихъ постоянства.

Въ исходѣ мая 1788 г. Штакельбергу былъ посланъ контръ-проектъ договора съ Польшей. Въ немъ, согласно взгляду Безбородко и Потемкина, императрица выражала согласіе на все, только не на то, чего болѣе всего хотѣлъ Станиславъ-Августъ: ни на измѣненіе конституціи 1775 г., ни на увеличеніе территоріи Польши она не была согласна. Позднѣе, въ половинѣ сентября 1788 г., императрица выразила согласіе упомянуть въ договорѣ о территоріальномъ вознагражденіи или объ уплатѣ Польшѣ 100.000 дукатовъ на усиленіе арміи,—но было слишкомъ поздно, ибо ранѣе этого вошелъ въ сношеніе съ Польшей король прусскій, и тогда большинство сейма, разсчитывая на поддержку Берлинскаго двора, рѣшилось произвести перемѣну формы правленія и обнародовать конституцію. Такой оборотъ дѣлъ чрезвычайно огорчилъ Екатерину.

«Ненависть противу насъ въ Польшѣ возстала великая и горячая,—писала она Потемкину въ началѣ декабря 1788 г. [2]),—любовь, напротивъ, къ его королевскому прусскому величеству, сія, чаю, продлится, дондеже соизволитъ ввести свои непобѣдимыя войска въ Польшу и добрую часть оной займетъ. Я же, не то, чтобъ сему препятствовать, и подумать не смѣю, чтобъ его королевскому прусскому величеству мы-

---

[1]) „Русск. Стар.“, т. XVI, 1876, стр. 453, „Сборн. имп. рус. истор. общ.“ т. 27, стр. 479.

[2]) „Рус. Старина“, 1876 г., т. XVII, стр. 23, 26, 28, 214.

слями, словами или дѣломъ можно было въ чемъ поперечить, его высочайшей волѣ вся вселенная покориться должна».

«Кой часъ обѣщать Польшѣ что ни есть изъ земель турецкихъ,— писала она ему же 22-го апрѣля (3-го мая) 1789 г.,—нынѣ тотчасъ же его королевское прусское величество намъ о семъ прещеніе съ угрозами непремѣнно чинить будетъ, съ принятымъ съ нами грубымъ тономъ, который-либо глотать должно будетъ, либо стыщать, и для того полагаю избѣгнуть лучше, не обѣщая полякамъ ничего и давая имъ блажить, дондеже перестанутъ, то есть у себя въ Польшѣ пусть портятъ и дѣлаютъ, что хотятъ, но къ себѣ ихъ не пущу и для того полки, кои къ Лубнамъ обращены, пусть пойдутъ къ Бѣлоруссіи».

«Поляки,—писала она нѣсколько дней спустя,—жалѣть будутъ, когда увидятъ, что не черезъ Польшу, а мимо ихъ все веземъ, и свою дорогу имѣемъ».

Сама Екатерина еще не имѣла опредѣленнаго взгляда относительно Польши и отложила рѣшеніе этого вопроса до окончанія войнъ съ Турціей и Швеціей.

Потемкинъ отнесся къ дѣлу горячѣе, и императрица отвѣчала на его планъ поднять противъ Польши населеніе Украйны, 2-го (13-го) декабря 1789 г. слѣдующее:

«Именованіе гетмана войскъ казацкихъ Екатеринославской губерніи затрудненію не подлежитъ и рескриптъ о томъ недолго заготовить, но отъ подписанія меня удерживаетъ только то одно, что тебѣ самому отдаю на разрѣшеніе: не возбудитъ-ли употребленіе сего названія въ Польшѣ безвременнаго вниманія сейма и тревогу во вредъ дѣлу? Я полагаю, что для надежнаго производства въ дѣйствіе твоего плана необходимо нуженъ миръ съ турками и шведомъ... По возстановленіи покоя, откроется путь къ начинанію сего важнаго дѣла, которое, кажется, всего удобнѣе предпринять при возвращеніи войскъ нашихъ чрезъ Польшу. Развѣ король прусскій обнажитъ прежде свои замыслы, намъ вредные, либо займетъ часть Польши, тогда, отложа уваженія, приниматься за сіе дѣло» [1]).

Потемкинъ хотѣлъ получить титулъ казацкаго гетмана для того, чтобы поднять русское населеніе Польши на войну съ мѣстной шляхтой; Безбородко, посвященный въ его планы, высказалъ это совершенно ясно въ письмѣ, отъ 20-го (31-го) декабря 1789 г., къ русскому послу въ Лондонѣ, графу Воронцову:

«Между средствами для усмиренія поляковъ,—писалъ онъ,—натурально съ войскомъ прусскимъ, дѣйствовать имѣющихъ, было бы самое

---

[1]) „Русск. Стар.“, т. XVII, 1876, стр. 414.

надежное возбудить польскую Украйну, гдѣ народъ недоволенъ и храбръ; но тутъ надобны деньги, коихъ у насъ нѣтъ» [1]).

Мысли Потемкина и Безбородко съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сближенія между Рѣчью Посполитой и Пруссіей, созрѣвали и вылились, наконецъ, въ представленномъ ими императрицѣ проектѣ, подъ названіемъ «Мѣропріятія противу Польши».

Докладъ этотъ, помѣченный 18-мъ (29-мъ) марта 1790 г. (день заключенія наступательно-оборонительнаго договора между Пруссіей и Польшей) и подписанный Потемкинымъ, былъ только развитіемъ его давнишнихъ мыслей.

«Представляя карту Польши съ показаніемъ, какъ вступившія войска занять должны три воеводства Подольское, Кіевское, Брацлавское, осмѣлюся доложить, что иначе не можно, какъ вступить при первомъ движеніи, непріязненномъ отъ поляковъ. Ежели жъ намъ держаться оборонительно на своихъ границахъ, то, по пространству ихъ, никакой арміи къ защищенію не достанетъ; при томъ и съ союзными войсками сообщенія не будетъ, такъ что поляки, обратя свою силу на которую ни есть сторону, могутъ успѣхъ получить безъ поддерживанія отъ насъ взаимнаго другъ друга.

«По протянутой чертѣ позиція наша въ Польшѣ помянутыя три воеводства оставитъ прикрытыми, и границы наши пространныя, начиная отъ крѣпости Хотинской по самую Могилевскую губернію, не будутъ уже имѣть нужды въ страхѣ. Корпусъ цесарской, въ Галиціи расположенный, чрезъ то схватится рука съ рукой съ арміею ихъ, въ Моравіи находящейся. Или же занять Волынское воеводство? Еще такимъ движеніемъ пріобрѣтутся выгоды слѣдующія: 1) что мы получимъ на свою сторону милліонъ народу нашего закона, изъ которыхъ знатное число вооружится для насъ, а потому столько убудетъ у Польши; 2) всѣ заготовленія провіантскія будутъ для насъ и удобнѣе и дешевле; 3) крѣпости Бердичевъ и Каменецъ отъ нихъ отойдутъ со всѣми запасами; 4) потерявъ лучшую часть, Польша не въ состояніи будетъ и тридцати тысячъ содержать войска... Я всеподданнѣйше прошу не раздѣлять войскъ сихъ, ибо назначаемыя въ Польшу столь обстоятельствами и расположеніемъ своимъ связаны съ находящимися противъ турокъ, что часто послѣдними, по случаямъ, подкрѣплять будетъ можно, наипаче легкими войсками; и потому и нужно быть имъ подъ моимъ начальствомъ. При томъ для исполненія извѣстнаго плана иногда и присутствіе мое потребно.

«Въ Бѣлоруссію отряженные полки должны дѣйствовать оборонительно, покуда вошедшія войска въ три полуденныя воеводства не дви-

---

[1]) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко. Спб. 1879, т. I, стр. 419.

нутся съ назначенной черты, что надлежитъ учинить вмѣстѣ съ цесарскими [1]).

Этотъ планъ Потемкина Безбородко также изложилъ вкратцѣ графу Воронцову, которому онъ писалъ 30-го апрѣля (11-го мая) 1790 г.:

«Въ Украйнѣ Польской мы сдѣлаемъ конфедерацію нашихъ единовѣрныхъ, примѣрную той, которая гетманомъ Хмѣльницкимъ была сдѣлана, и тѣмъ поставимъ столько войска, что займетъ всю Польскую армію» [2]).

Въ то же время, Потемкинъ, желая замаскировать свои планы, заигрывалъ съ поляками, которымъ онъ намекалъ на возможность получить Молдавію. Онъ смутилъ даже Варшаву, написавъ въ концѣ сентября 1790 г. Булгакову изъ Бендеръ:

«Плюнь, милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ, на ложныя разглашенія, которыя у васъ на нашъ счетъ дѣлаютъ... Какъ имъ не наскучитъ лгать! Лучше бы подумали, что если бы были съ нами дружны, то бы Молдавія была уже ихъ» [3]).

Императрица сдерживала смѣлые планы своего фаворита и не хотѣла давать никакихъ обѣщаній относительно Молдавіи, она думала прибѣгнуть къ инымъ средствамъ для того, чтобы привлечь Польшу, и только въ крайности рѣшилась на предложенный Потемкинымъ способъ взволновать русскія воеводства.

«О польскихъ дѣлахъ тебѣ скажу,—писала она князю 1-го (12-го) ноября 1790 г. [4]),—что деньги на оныхъ я приказала ассигновать до пятидесяти тысячъ червонныхъ, кои ты ему дозволилъ употребить изъ ассигнованныхъ тебѣ суммъ... Чтобы умы польскіе обращать на путь нами желаемой, о семъ Булгаковъ имѣетъ отъ меня, за моимъ подписаніемъ, довольныя предписанія; на сеймикахъ же ему самому дѣйствовать не должно и нельзя, а посредствомъ пріятелей нашихъ, что ему также предписано. Ничего бы не стоило обѣщать Польшѣ гарантію на ея владѣнія, есть-ли бы то было удобно на нынѣшнее время, но они сами торжественнымъ актомъ отвергли всякое ручательство. Воли удержать внутреннія дѣла я отъ нихъ, конечно, не отнимаю; но въ нынѣшнемъ положеніи всѣ подобныя обнадеживанія инако давать нельзя, какъ въ разговорахъ министра нашего съ нашими друзьями, и внушая имъ, что когда нація частію хотя образумится и станетъ желать ручательства и прочее, тогда могутъ получить подтвержденіе онаго. Равно и о связи съ ними онъ имъ можетъ внушать, что если они, видя, въ какую бѣду ихъ ведетъ союзъ съ королемъ прусскимъ, предпочтутъ

[1]) „Рус. Арх". 1865 г., стр. 401—403.

[2]) Григоровичъ, стр. 422.

[3]) „Рус. Архивъ" 1865, г. стр. 416.

[4]) „Русская Старина", 1876 г., т. XII, стр. 640.

сей пагубѣ нашъ союзъ и захотятъ съ нами заключить союзъ, мы не удалены отъ онаго, какъ и прежде готовы были, съ разными для нихъ выгодами и пользою. Кажется, что обѣщаніями таковыми, не точно опредѣленными, избѣжимъ о Молдавіи противорѣчія, въ которомъ мы бы нашлись предо всей Европою, обѣщавъ возвратить всѣ завоеванія Портѣ, удержавъ только границу нашу по рѣку Днѣстръ. При всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Польшѣ, хотя и не открытыхъ, надлежитъ намъ остерегаться паче всего не дать орудія врагамъ нашимъ, чтобъ не могли насъ предъявить свѣту, яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англія въ дѣятельности и пособіи королю прусскому не вступала, къ Балтику кораблей не присылала, да и другія державы отъ насъ не отвратились, и самой нашъ союзникъ не взялъ поводъ уклониться отъ соучастія... Итакъ, кажется, что на сей разъ всѣ наши дѣйствія въ Польшѣ должны къ тому стремиться, чтобъ составить, ежели можно, сильную партію, посредствомъ которой не допустить до вредныхъ для насъ перемѣнъ и новостей, и возстановить тако связи съ ней обоимъ намъ полезно и безопасно; а между тѣмъ, обратить всѣ силы, и вниманіе, и стараніе достать миръ съ турками, безъ котораго не можно отважиться ни на какія предпріятія... Королю прусскому теперь хочется присоединить себѣ Польшу и старается быть избранъ преемникомъ той короны; а чтобъ я на сіе согласилась, охотно бы склонился на раздробленіе Селимовой поссесіи, хотя съ нимъ недавно заключилъ союзъ и обѣщалъ ему Крымъ возвратить изъ нашихъ рукъ; но ему Польши, а туркамъ—Крыма не видать, я на Бога надѣюсь, какъ ушей своихъ... Ласковое съ Польшею обращеніе, обѣщанія ей гарантій и разныхъ выгодъ, буде они того потребуютъ, и все, что о нихъ выше сказано, я кладу на такой случай, ежели республика не приметъ сторону непріятелей нашихъ образомъ явнымъ; но буде совершитъ договоръ свой съ Портою и пристрастіе окажетъ на дѣлѣ съ королемъ прусскимъ, ежели онъ рѣшится противу насъ дѣйствовать, въ то время должно будетъ приступить къ твоему плану и стараться съ одной стороны доставить себѣ удовлетвореніе и удобности противу новаго непріятеля, насчетъ той земли, которая служила часто главнымъ поводомъ ко всѣмъ замѣшательствамъ... Потоцкаго проектъ, дабы сдѣлать прусскаго короля королемъ польскимъ и соединить Пруссію съ Польшею, не разсудишь-ли за благо сообщить туркамъ, дабы ясныя усмотрѣли каверзы своего союзника» [1]).

Несмотря на доводы императрицы, Потемкинъ упорно настаивалъ на томъ, что поляковъ можно привлечь, единственно пообѣщавъ имъ Молдавію.

---

[1]) „Русс. Старина", т. XVII, стр. 640

«Чтобы Польшу привязать къ себѣ,—писалъ онъ императрицѣ 8-го (19-го) октября 1786 г.,—необходимо обѣщать ей должно Молдавію и тѣмъ обратить поляковъ противъ турокъ и пруссаковъ, и турки, о семъ узнавши, скорѣе помирятся.

«Въ какомъ мы противорѣчіи предъ Европою будемъ, обѣщавши Молдавію Польшѣ? Первое. Я Европы не знаю: Франція съ ума сошла. Австрія труситъ, а прочія намъ враждуютъ. Завоеванія зависятъ отъ насъ; пока мы не отреклись. Обѣщали мы прежде сію провинцію возвратить по собственному своему произволенію, турки тогда не согласились, слѣдовательно, и обѣщаніе исчезло. И что это, не смѣть распоряжать завоеваніями тогда, когда другіе сулятъ ваши владѣніи, Лифляндію, Кіевъ, Крымъ! Я вамъ говорю дерзновенно, и какъ должно обязанному вамъ всѣмъ, что теперь слѣдуетъ дѣйствовать смѣло въ политикѣ. Иначе не уседутся враги наши, и мы не выдеремся изъ грязи» [1]).

Булгаковъ сообразовалъ свои дѣйствія съ инструкціями императрицы. Онъ поставилъ себѣ главною цѣлью отвлечь народъ на ноябрьскихъ сеймикахъ 1790 г. отъ избранія преемникомъ Станислава-Августа курфирста саксонскаго; хотя это ему не удалось такъ же точно, какъ и создать русскую партію, но онъ все же не мало затруднилъ главную задачу сейма. Собирая свѣдѣнія о настроеніи умовъ, онъ сообщалъ ихъ своему двору. У него были на сеймѣ друзья или, лучше сказать, агенты, среди придворныхъ и въ канцеляріяхъ министерствъ, которые щедро имъ оплачивались изъ средствъ русской казны; они доставляли ему свѣдѣнія, сообщали документы, писали брошюры, въ которыхъ доказывали невыгоду для Рѣчи Посполитой заключенія договора съ Пруссіей и предоставленія королю наслѣдственныхъ правъ.

Среди такихъ трудовъ застигъ Булгакова польскій переворотъ, а Потемкина рескриптъ, данный на его имя императрицею 16-го (27-го) мая 1791 г., въ которомъ она изложила свою программу относительно Польши.

«Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи,—писала Екатерина Потемкину,—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія, трудно ждать, чтобъ можно было склонить короля особыми видами, надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ

---

[1]) „Рус. Арх". Москва, 1865 г., стр. 749, 750.

мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно-ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедераціи привести въ смущеніе враговъ нашихъ» [1]).

Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, Коссаковскаго, Пулавскаго, какъ на людей способныхъ на это дѣло.

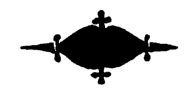
«Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ, — писала она далѣе, — надобно отнести и планъ до воеводствъ: Кіевскаго, Блацлавскаго и Подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощью освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій, подаетъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится съ нами и, возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ казацкихъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣло, которое должно тамъ начаться».

Итакъ, вмѣсто того, чтобы принять на себя какія-либо опредѣленныя обязательства, Екатерина предлагала «дѣлать полякамъ благопристойнымъ образомъ внушенія и увѣренія», дѣйствуя однако съ надлежащею осторожностью, а въ случаѣ войны, предотвратить которую императрица видѣла возможность, только подѣливъ Польшу между Россіей и Пруссіей. Но политическое положеніе внушало большія опасенія, и возможность войны возростала съ каждымъ днемъ.

Но въ это время Щенсный-Потоцкій облегчилъ Россіи выборъ средствъ.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы рѣчи Посполитой. Спб. 1870 г., стр. 353.

Англо-французскій флотъ предъ Одессою въ 1854 году.

(Письмо архіепископа херсонскаго Иннокентія къ барону М. А. Корфу).

Помѣщаемое нами письмо знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія къ барону М. А. Корфу, писанное 9-го апрѣля 1854 года, въ Великую Пятницу, на другой день по появленіи соединеннаго англо-французскаго флота предъ Одессою, печатается по копіи, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова и собственноручно снятой имъ съ подлинника. Подлинное письмо преосвященнаго Иннокентія было сообщено А. Ѳ. Бычкову барономъ Корфомъ при слѣдующей запискѣ отъ 17-го апрѣля того же 1854 года:

«Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, полученное мною отъ нашего Геннади [1]) письмо, по которому я испрашиваю вашихъ разрѣшеній, если можно въ непродолжительномъ времени, съ возвращеніемъ самаго письма.

«Прилагаю еще любопытное письмо преосвященнаго Иннокентія, которое прошу мнѣ неотложно возвратить. По слухамъ, но, кажется, достовѣрнымъ, бомбардировка Одессы началась именно въ этотъ самый день, въ пятницу, 9-го числа, только позже, во время самаго хода съ плащаницею [2])».

Одесса, 9-го апрѣля 1854 г.

Достопочтеннѣйшему Модесту Андреевичу братское: Христосъ Воскресе! Если когда благовременно возгласить намъ: да воскреснетъ Богъ

[1]) Григорій Николаевичъ Геннади († 1880), извѣстный библіографъ, бывшій почетнымъ корреспондентомъ, а потомъ и почетнымъ членомъ Императорской Публичной Библіотеки.

[2]) Бомбардировка Одессы началась въ Великую Субботу, 10-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, а 14-го апрѣля непріятель оставилъ Одессу.

и расточатся врази Его, то нынѣ, когда враги наши, по выраженію св. Давида, обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ; и намъ предлежитъ противляться имъ именемъ Господнимъ. Со вчерашняго числа (8-го) весь рейдъ нашъ покрытъ англо-французскими кораблями, и мы въ полной блокадѣ. Подобное явленіе дружеское, вѣроятно, не замедлитъ появиться и на вашемъ морѣ, хотя и не въ такой близости къ вамъ.

Обстоятельства чрезвычайныя и нерадостныя; но, я не знаю почему, что-то въ нихъ нѣтъ дѣйствительно страшнаго. Мой домъ на горѣ, надъ самымъ моремъ; и мнѣ вздумалось въ нынѣшнюю весну обновить мой устарѣвшій садъ: и вотъ мы (я первый) спокойно работаемъ въ семъ саду, между тѣмъ какъ англичане въ зрительныя трубы смотрятъ на насъ съ пароходовъ. Иногда и мы взглянемъ на нихъ въ такіе же очки, а потомъ опять за работу.

Что ободряетъ насъ? То, что наше дѣло и правое, и святое. Это чувствуетъ каждый, и готовъ на все. А затѣмъ—православное воинство наше видало и не такія полчища, мѣрялось и не съ такими врагами и оставалось побѣдоноснымъ. Теперь же оно все горитъ нетерпѣніемъ пролить всю кровь свою за гробъ Господень и за вѣру православную.

А затѣмъ—Россія, по премудрому устроенію Божію, имѣетъ теперь на своемъ престолѣ такого монарха, который, видимо, призванъ свыше для разрѣшенія судебъ всего Востока, которому Наполеоны и Викторіи годятся развѣ только въ свиту.

А затѣмъ—часъ Турціи пробилъ: она на одрѣ смертномъ; и кто бы ни брался лѣчить ее и какое бы ни давали лѣкарство, ей не уйти отъ смерти скорой и неизбѣжной. Удивительно еще, какъ этотъ уродъ, при своемъ несчастномъ сложеніи, могъ прокоротать 400 лѣтъ жизни.

А затѣмъ—дружба двухъ великихъ народовъ, столь неожиданная и неестественная, такова, что они могутъ не только разойтись, но и вступить въ споръ и брань изъ-за первой кости.

Такъ мы разсуждаемъ, и спокойно смотримъ на море, покрытое непріятельскою армадою; но ждемъ, правду сказать, не погоды, а нашего почтеннаго нордвеста, который одинъ можетъ управиться за насъ со всѣми нашими незваными гостьми.

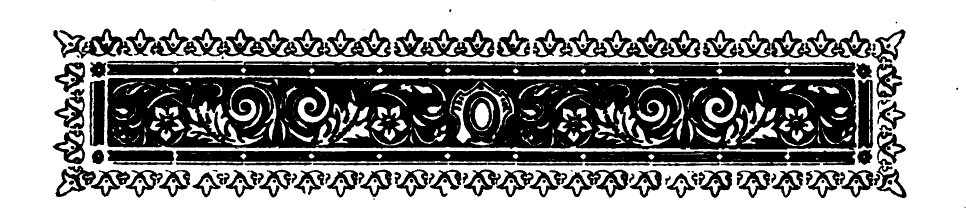
Въ заключеніе позвольте поблагодарить васъ за истинно дружескую услугу въ пріобрѣтеніи и доставленіи намъ книгъ. Первое отдѣленіе ихъ получено исправно; будемъ ожидать послѣдующихъ. А между тѣмъ по сей же почтѣ препровождается, что слѣдуетъ, за всѣ эти книги.

Здравія вамъ, мира и радости о Господѣ! Вамъ и всему почтеннѣйшему семейству вашему.

Вашего превосходительства преданный слуга

Иннокентій, архіепископъ херсонскій.

Сообщ. И. А. **Бычковъ.**



Тургеневъ и славянофилы.

Тургеневъ, добродушный и мягкій, по своему характеру (самъ называлъ себя, не безъ огорченія, тряпкой) былъ однако довольно упоренъ въ томъ, что считалъ долгомъ чести и убѣжденія. Онъ слылъ за западника, но покойный Н. Н. Страховъ, въ лучшей своей статьѣ о Тургеневѣ и его произведеніяхъ [1]), справедливо указалъ, что Тургеневъ русскій художникъ, и въ созданныхъ имъ образахъ никогда и нигдѣ русская жизнь не противополагается западной, и что въ его произведеніяхъ ни разу не выведены на сцену европейцы, съ цѣлью противупоставить ихъ, какъ примѣръ и поученіе русскимъ людямъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ у Тургенева являются западные люди, нѣмцы, французы, поляки и даже наши братья славяне, онъ съ большой тонкостью схватываетъ ихъ малоуловимыя черты, по которымъ душевный складъ этихъ чужихъ людей намъ непремѣнно представляется ниже русскаго.

Въ «Наканунѣ» Тургеневъ, повидимому, симпатизируетъ герою романа болгарину Инсарову, но и его онъ развѣнчиваетъ, какъ и всѣхъ своихъ героевъ и даже болѣе другихъ, отмѣчая въ немъ отсутствіе мягкости русскаго сердца и широты ума. Характеры нѣмцевъ и нѣмокъ въ его произведеніяхъ прямо комичны, и всѣ они довольно жалки и грубы. Такъ же Тургеневъ отнесся къ Парижу, въ своихъ «Призракахъ» и къ Баденъ-Бадену, въ «Дымѣ».

Покойный академикъ Л. Н. Майковъ, печатая въ «Русскомъ Обозрѣніи» письма Аксаковыхъ къ Тургеневу, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ, справедливо замѣчаетъ: «Никогда Тургеневъ, можетъ быть, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, не за-

---

[1]) „Заря", 1871 г. № 2.

являлъ своихъ западническихъ воззрѣній болѣе настойчиво, чѣмъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ему казалось, что они теперь въ загонѣ, и онъ считалъ своимъ долгомъ выступить на ихъ защиту» [1]).

Тургеневъ, во время общаго одушевленія и увлеченія національной идеей, въ 1867 году выпустилъ свой романъ «Дымъ», въ которомъ съ явнымъ сочувствіемъ, устами Потугина, излагалъ взгляды нашихъ западниковъ, и чтобы не было никакого сомнѣнія, что рѣчи этого западника въ его романѣ его собственныя мысли, онъ повторилъ ихъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ (1868 г.), но уже отъ своего имени и, наконецъ, въ статьѣ «Объ отцахъ и дѣтяхъ» назвалъ самъ себя коренным и неисправимымъ западникомъ, считающимъ ученье славянофиловъ ложнымъ и безплоднымъ.

Критика наша отнеслась нѣсколько строго къ тенденціямъ этого романа, но это не смутило Тургенева, и онъ въ маѣ 1867 года писалъ П. В. Анненкову, во время Московскаго всеславянскаго съѣзда: «представьте, я нисколько не конфужусь: словно съ гуся вода. Я, напротивъ, даже очень доволенъ появленіемъ моего забитаго Потугина, вѣрующаго единственно въ цивилизацію европейскую, въ самомъ разгарѣ этого всеславянскаго фанданго, съ кастаньетами въ челѣ котораго такъ потѣшно кувыркается Погодинъ» [2]). Въ то же время Тургеневъ написалъ «Воспоминанія о славянофилахъ», о чемъ также сообщилъ Анненкову, прибавляя въ письмѣ къ послѣднему, что «за изысканную вѣжливость этого отрывка вполнѣ ручаюсь» [3]).

Я лично зналъ И. С. Аксакова, съ которымъ мнѣ не разъ приходилось говорить о Тургеневѣ. Онъ упрекалъ, и упрекалъ даже рѣзко, Тургенева за его «малодушное исканіе популярности».

— Онъ долженъ вести молодое поколѣніе, а не присѣдать передъ тѣмъ, чему оно поклоняется,—говорилъ волнуясь И. С. Аксаковъ, даже не мало время спустя послѣ появленія «Дыма».

Аксаковъ особенно негодовалъ на Тургенева за его письмо къ Анненкову.

— Нечего хвалиться и писать письма,—говорилъ онъ,—обнаруживающія такое мелкое пониманіе событій историческихъ.

Меня нѣсколько смущало страстное отношеніе И. С. Аксакова къ Тургеневу, котораго онъ близко и хорошо зналъ и, по его же словамъ былъ съ нимъ въ дружбѣ. Осенью прошлаго года мнѣ случилось бесѣдовать въ Москвѣ съ однимъ писателемъ, уже не молодымъ и хорошо знавшимъ семейство Аксаковыхъ. Изъ его разсказовъ я пришелъ

---

[1]) „Русское Обозрѣніе" за 1894 г. № 10.

[2]) „Рус. Обозрѣніе" № 1 за 1894 г. стр. 19 и 20. Содержаніе этого письма было извѣстно И. С. Аксакову, хотя оно и было напечатано послѣ его смерти.

[3]) „Русское Обозрѣніе" за 1894 г. № 4, стр. 513.

къ заключенію, что И. С. Аксаковъ былъ возмущенъ не столько романомъ «Дымъ», сколько «Воспоминаніями» Тургенева.

И. С. Аксаковъ благоговѣйно чтилъ память отца и брата Константина, и всякое насмѣшливое слово объ этихъ дорогихъ для него покойникахъ способно было вызвать въ немъ раздраженіе и негодованіе. Тургеневъ былъ принятъ радушно и даже дружески въ семьѣ Аксаковыхъ, въ началѣ 50-хъ годовъ и даже весьма сердечно переписывался съ ними. Слухи, весьма преувеличенные, кажется, о содержаніи «Отрывка» изъ Воспоминаній Тургенева, посвященнаго кружку московскихъ славянофиловъ и при этомъ въ особенности объ его братѣ и отцѣ, оскорбили И. С. Аксакова. До него дошли разсказы о насмѣшливомъ отзывѣ Тургенева о его покойномъ братѣ Константинѣ, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ вскипѣлъ негодованіемъ противъ нашего знаменитаго романиста, съ которымъ прежде дружески переписывался и у котораго даже гостилъ въ деревнѣ, а именно посѣтилъ его 18-го ноября 1853 г. за нѣсколько дней передъ разрѣшеніемъ Тургеневу жить, гдѣ ему угодно. Повѣсть «Муму» была написана Тургеневымъ и отослана изъ деревни И. С. Аксакову для втораго тома «Московскаго Сборника», какъ это видно изъ письма И. С. Аксакова отъ 4-го октября 1852 г. «Весь разсказъ,—писалъ онъ,—чрезвычайно живъ, нѣтъ въ немъ натянутости, все въ немъ въ мѣру, нигдѣ вы не пересолили, что иногда случается въ «Запискахъ Охотника». Есть какая-то сдержанность, придающая еще болѣе силы всему разсказу» и т. д. [1]). К. С. Аксаковъ также весьма оцѣнилъ эту повѣсть и видѣлъ въ ней шагъ впередъ, о чемъ и написалъ Тургеневу въ концѣ октября 1852 года.

Мнѣ разъ пришлось говорить съ Тургеневымъ объ Аксаковѣ. Могу засвидѣтельствовать, что Тургеневъ отзывался о всѣхъ Аксаковыхъ съ большимъ сочувствіемъ и сердечностью. Художественный талантъ автора «Семейной Хроники» онъ ставилъ весьма высоко и безусловно хвалилъ нравственную чистоту всѣхъ Аксаковыхъ. Ему былъ извѣстенъ отзывъ Герцена о Константинѣ Аксаковѣ [2]).

— Это была прекрасная душа и большой идеалистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, я это говорилъ и скажу теперь,—прибавилъ Тургеневъ,—хотя я съ ними всѣми не сходился во взглядахъ и горячо спорилъ о нашемъ крестьянскомъ мірѣ и сельской общинѣ. Я даже писалъ его отцу объ этомъ. И. С. Аксаковъ, съ которымъ я всего ближе сходился во взглядахъ, теперь, говорятъ, меня сильно не жалуетъ, и причиною нашего

---

[1]) „Рус. Обозрѣніе“ 1894 г., № 10.

[2]) Статья А. И. Герцена о смерти Хомякова и К. Аксакова напечатана въ 90 № „Колокола“, за 1861 годъ. Она перепечатана Н. П. Барсуковымъ въ его „Жизни Погодина“ (книга XVII).

разрыва было появленіе моего романа «Дымъ» и западныя рѣчи Потугина, но вѣдь я и прежде, кажется, не скрывалъ этого.

Объ отношеніяхъ Тургенева къ московскимъ славянофиламъ, до обнародованія переписки его съ Аксаковымъ, было извѣстно, что онъ съ дѣтства зналъ братьевъ Кирѣевскихъ и питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. П. В. Кирѣевскаго Тургеневъ ставилъ весьма высоко, и я слышалъ, какъ онъ называлъ его «человѣкомъ хрустальной души». Онъ много сдѣлалъ для русскаго самосознанія, болѣе, чѣмъ другіе представители его партіи. Его трудъ, «Собраніе русскихъ пѣсенъ», изданныхъ послѣ его смерти, конечно драгоцѣнный памятникъ нашего народнаго творчества.

— Этимъ собраніемъ П. В. Кирѣевскій едва-ли не болѣе сдѣлалъ, чѣмъ всѣ прочіе славянофилы вмѣстѣ взятые,—говорилъ Тургеневъ въ Петербургѣ, когда я ему поднесъ VIII т. Записокъ этнографическаго отдѣленія, изданный подъ моей редакціей.

Съ Хомяковымъ и Самаринымъ Тургеневъ былъ также знакомъ, но, кажется, съ ними онъ не особенно сошелся.

Отношенія Тургенева къ семьѣ Аксаковыхъ характеризуются его перепиской, опубликованной въ 1894 году. Она весьма любопытна и конечно должна быть принята во вниманіе біографами какъ Тургенева, такъ и Аксаковыхъ.

Сближеніе Тургенева съ московскимъ кружкомъ славянофиловъ, именно съ семействомъ Аксаковыхъ, относится къ осени 1851 года. Первое дошедшее до насъ письмо И. С. Аксакова помѣчено 30-мъ ноября 1851 года. Извѣстно, что Иванъ Аксаковъ въ началѣ 1851 года переселился изъ Ярославля, гдѣ онъ служилъ, въ Москву, и въ томъ же году въ средѣ славянофиловъ возникла мысль возобновить изданіе ихъ органа, т. е. «Московскаго Сборника». И. С. Аксаковъ пользовался расположеніемъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ кружку, и въ томъ числѣ Тургенева. И. С. Аксаковъ переживалъ тогда пору сомнѣній, на что̀ онъ самъ указываетъ въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ. Два изъ нихъ были извѣстны и Тургеневу, это, во-первыхъ, его стихотвореніе: «Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ» и «Послѣ 1848 года».

Оба эти стихотворенія вызвали тревогу и опасенія въ семьѣ Аксаковыхъ, и молодой, въ то время, Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ объяснять свой образъ мыслей передъ отцомъ, которому они не понравились. 18-го января 1851 года, въ письмѣ къ отцу, И. С. Аксаковъ, отстаивая свое право волноваться сомнѣніями, писалъ отцу: «Вы пишете, что читаете мои стихи. Я не спрашиваю васъ, нравятся-ли они—но понимаются-ли они? Я бы желалъ, чтобы они были прочтены Грановскому или вообще людямъ, у которыхъ болѣла душа въ 1848 году».

И. С. Аксаковъ производилъ хорошее впечатлѣніе и нравился даже

людямъ противнаго лагеря, т. е. западникамъ. Въ Калугѣ, въ 1846 г., онъ встрѣтился съ Бѣлинскимъ, и послѣдній писалъ о немъ: «столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ» [1]).

Много утекло воды послѣ этого, и когда И. С. Аксаковъ сталъ издавать «День», въ 1860 году, послѣ смерти отца, Хомякова и брата Константина, въ немъ сказался уже зрѣлый славянофилъ, довольно ясно и твердо опредѣлившійся, но въ началѣ 50-хъ годовъ онъ былъ не совсѣмъ такимъ, а молодымъ человѣкомъ, жаждавшимъ дѣятельности и обуреваемымъ сомнѣніями. Тургеневъ особенно симпатизировалъ Ив. Сергѣевичу Аксакову, который ему нравился гораздо болѣе старшаго брата Константина, что̀ Тургеневъ весьма откровенно и высказалъ въ одномъ изъ писемъ къ С. Т. Аксакову, «Поклонитесь отъ меня,—писалъ онъ ему,—вашимъ дѣтямъ, которыхъ я люблю, но различной любовью. Съ моимъ полнымъ соименникомъ, кажется, могъ бы легко и весьма тѣсно сблизиться».

Въ 1851 году И. С. Аксаковъ собирался, по желанію своей семьи, приступить къ составленію втораго тома «Московскаго Сборника», редакція котораго на семейномъ совѣтѣ была возложена на него. Весьма понятно, что онъ пожелалъ пригласить къ участію въ его изданіи наиболѣе симпатичныхъ ему западниковъ, а именно Грановскаго и Тургенева. «Я къ вамъ съ просьбой, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ»,—писалъ, между прочимъ, Аксаковъ 26-го ноября Тургеневу,—«я говорилъ вамъ о несогласіи, изъявленномъ братомъ, на участіе въ «Сборникѣ», нами издаваемомъ, нѣкоторыхъ сотрудниковъ, вполнѣ имъ уважаемыхъ, но печатающихъ свои статьи въ петербургскихъ журналахъ. Вы знаете брата, слѣдовательно, не удивитесь этому эксцентричному требованію. Однако на общемъ совѣтѣ теперь рѣшено: непремѣнно произвести реформу въ характерѣ изданій нашихъ, расширить кругъ сотрудниковъ (полагая только непремѣннымъ условіемъ нравственное съ ними сочувствіе и право ихъ на наше искреннее уваженіе), избѣгать всякой излишней исключительности. Это рѣшеніе принято и Константиномъ Сергѣевичемъ, какъ защитникомъ принципа единогласія. Самъ же онъ внутренно очень радъ этому, потому любитъ васъ искренно и первое несогласіе его стоило ему большой борьбы. Грановскій также участвуетъ и пишетъ статью. Братъ и я просимъ васъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, прислать что-нибудь для нашего «Сборника»: какую статью намъ не нужно сказывать (разумѣется, не въ родѣ

---

[1]) Это письмо Бѣлинскаго довольно любопытно, какъ свидѣтельство о той нетерпимости, которая тогда обнаруживалась въ различныхъ по направленію кружкахъ.

«Провинціалки» [1]) (не смотря на все достоинство ея мелкихъ чертъ), а больше въ духѣ «Записокъ Охотника» [2]).

«Хорь и Калиничъ», которымъ открывались «Записки Охотника», былъ встрѣченъ весьма сочувственно въ славянофильскомъ кружкѣ, какъ мнѣ это говорилъ И. С. Аксаковъ. Его братъ Константинъ, весьма неблагопріятно отозвавшійся о стихотворномъ разсказѣ Тургенева «Помѣщикъ», въ критической статьѣ, помѣщенной имъ въ «Московскомъ Сборникѣ» за 1846 годъ, говорилъ слѣдующее о «Хорѣ и Калиничѣ»: «Мы должны указать на появившійся, въ первомъ № «Современника», превосходный разсказъ Тургенева: «Хорь и Калиничъ». Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и народу: въ мигъ дается сила. Пока Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ. Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдаютъ ему справедливость, по крайней мѣрѣ мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ, чтобы г. Тургеневу продолжать идти по этой дорогѣ».

Въ «Обозрѣніи современной литературы», помѣщенномъ въ первой книгѣ «Рус. Бесѣды» за 1857 годъ, сказано то же самое о поворотѣ въ творческой дѣятельности Тургенева. Это первое въ нашей критикѣ одобреніе художественнаго достоинства «Записокъ Охотника», весьма обрадовало автора, какъ мнѣ это говорилъ самъ И. С. Тургеневъ.

Во время заграничной поѣздки въ 1857 году И. С. Аксаковъ былъ у Тургенева въ Парижѣ и писалъ отцу, отъ 24-го апрѣля: «Тургеневъ ѣдетъ на-дняхъ въ Англію и начинаетъ чувствовать симпатію къ англичанамъ; это шагъ впередъ въ его развитіи. Какъ ему достается отъ пріятелей за всѣ его послѣднія произведенія, начиная съ «Рудина», за то, что онъ измѣняетъ прежнимъ взглядамъ, мнѣніямъ, принципамъ и проч. Жаль, нѣтъ у него, какъ выразилась фрейлина Тютчева, l'epine dorsale de morale, просто тряпка характеромъ, а есть въ немъ высшая правда и свобода».

Всего ближе воззрѣнія Тургенева склонялись въ сторону направленія, которое представлялъ Хомяковъ, Юрій Самаринъ и Аксаковъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Его первый большой романъ, затроги-

---

[1]) „Провинціалка", комедія Тургенева, была напечатана въ „Отеч. Запискахъ" 1851 г.

[2]) Письма Аксакова напечатаны въ „Рус. Обозрѣніи" за 1894 г. № 10.

вавшій общественные вопросы, былъ «Рудинъ». Этотъ романъ, а именно конецъ первой части и въ особенности вся вторая очень нравились старику Аксакову (см. его письмо отъ 26-го февраля 1856 года).

Кромѣ извѣстнаго письма къ Тургеневу С. Т. Аксакова, въ которомъ находятся весьма цѣнныя біографическія указанія на происхожденіе этого романа, весьма любопытно письмо къ автору К. С. Аксакова. Это письмо писано изъ деревни [1]), гдѣ К. С. Аксаковъ отдыхалъ отъ суеты городской, «отъ умной болтовни и отъ дѣльнаго бездѣлья». Письмо помѣчено 18-мъ іюня 1855 года.

Письмо это, весьма дружеское, начинается такъ: «Любезный и добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ. Думаю о васъ и о нашихъ спорахъ, и чувствуется мнѣ, что мы съ вами, не смотря на разницу въ мысляхъ и характерахъ—одной эпохи, одного поколѣнія, одного воспитанія отчасти, ибо были на желѣзныхъ водахъ германской мысли. И кажется мнѣ, что понятны мы другъ для друга во многомъ, въ чемъ не будемъ такъ понятны съ людьми, съ которыми больше сочувствуемъ и больше согласны. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, желѣзныя воды это германская философія. Какъ благодаренъ я ихъ крѣпительнымъ струямъ хотя не совершилъ я полнаго курса и оставилъ ихъ; на это было нѣсколько причинъ и, между прочимъ, и та, что испугался, что весь обращусь въ желѣзо, признакомъ чего служитъ одно мое стихотвореніе, посвященное Самарину, носящее нѣмецкое заглавіе: «An die Idée», съ эпиграфомъ нѣмецкимъ же [2]).

Въ этомъ письмѣ К. С. Аксакова содержится весьма сочувственственная оцѣнка романа «Рудинъ». «Прочелъ я недавно, въ деревнѣ только, вашего «Рудина», и прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Рудинъ похожъ на общаго знакомаго нашего, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворяетъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неясненности, характеръ Рудина не широко развитъ, но тѣмъ не менѣе повѣсть имѣетъ большія достоинства, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно и кой-чего еще требовать. Теперь вы и Печорина, конечно, выставили бы не героемъ».

«Рудина я вспомнилъ, и кружокъ нашъ студенческій, и Станкевича,

---

[1]) Т. е. изъ Абрамцева.

[2]) Одно время К. С. Аксаковъ до того увлекался изученіемъ нѣмецкой философіи, что его даже въ своемъ кружкѣ называли „ходячимъ силлогизмомъ“, и М. П. Погодинъ порицалъ его за крайнее увлеченіе Гегелемъ.

и почувствовалъ, что ради этой жизни, и вамъ знакомой, ради умственнаго молодаго хода, мы съ вами близки съ этой стороны. Что вы дѣлаете теперь и что пишете? Я пишу «Обозрѣніе современной литературы», и буду говорить о васъ безпристрастно и въ ту и другую сторону». Въ октябрѣ 1852 года К. Аксаковъ написалъ длинное письмо Тургеневу, въ которомъ излагаетъ критическую оцѣнку «Записокъ Охотника». «Первая минута, писалъ онъ, разсвѣта послѣ ночи свѣтла, но передъ настоящимъ днемъ она только полусвѣтла. Ваши «Записки Охотника »одно только мерцаніе какого-то свѣта». Тургеневъ въ письмѣ отъ 26-го октября 1852 г. благодарилъ К. С. Аксакова за его откровенный отзывъ о «Запискахъ Охотника». «Зачѣмъ, спросите вы, я издалъ ихъ,—писалъ Тургеневъ. А затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, отъ этой старой манеры» (К. Аксаковъ упрекалъ автора «Записокъ» въ дѣланности, сочинительствѣ и желаніи все сказать повыразительнѣе).

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ Тургеневъ переживалъ нравственный кризисъ, о чемъ свидѣтельствуютъ не только показанія друзей, но и его собственныя письма. «Скажу тебѣ на ухо съ просьбой не проболтаться, писалъ—Тургеневъ В. П. Боткину [1]):—ни одной моей строчки никогда напечатано (да и написано) не будетъ, до скончанія вѣка. Третьяго дня я не сжегъ (потому, что боялся впасть въ подражаніе Гоголю), но изорвалъ и бросилъ въ waler-closed всѣ мои начинанія, планы и т. д. Все это вздоръ. Таланта, съ особенной физіономіей, у меня нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали, повторять не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ; это выраженіе или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей [2]) ничего мнѣ не сказалъ новаго... Ты, вѣроятно, подумаешь, что все это преувеличеніе, и ты мнѣ не повѣришь. Ты увидишь, я надѣюсь, что я никогда не говорилъ серьезнѣе и искреннѣе Ты знаешь, я хотѣлъ бросить стихи писать, какъ только убѣдился, что я не поэтъ, а по теперешнему моему убѣжденію я такой же повѣствователь, какой былъ поэтъ» [3]).

Кризисъ въ немъ былъ вызванъ наступленіемъ болѣе зрѣлаго періода дѣятельности и оцѣнки своихъ прежнихъ произведеній, къ которымъ Тургеневъ относился строго и, какъ истинный художникъ, онъ ча-

---

[1]) «XXV лѣтъ, 1859—1884», стр. 500—501.

[2]) Въ это время вышло изданіе повѣстей и разсказовъ И. С. Тургенева.

[3]) И. С. Тургеневъ весьма невысоко ставилъ свои стихотворныя произведенія и считалъ ихъ совершенно ничтожными и незаслуживающими уваженія. Одинъ разъ при мнѣ зашла рѣчь объ его стихотвореніи, включенномъ потомъ Н. Ф. Щербиной въ „Сборникъ лирической поэзіи". Тургеневъ сказалъ: «удивляюсь, что люди съ эстетическимъ вкусомъ могутъ собирать и печатать такую дребедень».

сто переживалъ припадки недовольства собою и своими произведеніями. Онъ уѣхалъ за границу отъ давившей его хандры и мрачнаго состоянія духа и провелъ зиму въ Римѣ, пребываніе въ которомъ и слухи о предстоящей крестьянской реформѣ и ожидаемыхъ отъ новаго царствованія преобразованіяхъ его ободрили и воодушевили.

— Зима въ Римѣ прекрасное средство для всякаго писателя, готоваго впасть въ отчаяніе,—сказалъ мнѣ разъ И. С. Тургеневъ,—и Гоголь, конечно, былъ правъ, когда послѣ потрясшей его нервы постановки «Ревизора» на сценѣ искалъ спасенія въ вѣчномъ городѣ отъ удручавшей его хандры. Константинъ Аксаковъ этого не понималъ и горячо упрекалъ столь любимаго имъ Гоголя за его бѣгство, забывъ, что онъ именно въ Римѣ написалъ свои «Мертвыя Души». Россію можно любить и понимать только за границей, это говорили столь не сходные люди, какъ Гоголь и Герценъ, и я самъ то же думаю.

25-го сентября 1856 г. Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Что касается до моего внезапнаго путешествія въ Римъ, то, поразсмысливъ хорошенько дѣло, вы, надѣюсь, убѣдитесь сами, что для меня, послѣ всѣхъ моихъ треволненій и мукъ душевныхъ, послѣ ужасной зимы въ Парижѣ, тихая, исполненная спокойной работы зима въ Римѣ, среди величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна. Въ Петербургѣ мнѣ было хорошо со всѣми друзьями, а о работѣ нечего было и думать; а мнѣ теперь, послѣ такого долгаго бездѣйствія, предстоитъ либо бросить мою литературу совсѣмъ, и окончательно, либо попытаться: нельзя-ли еще разъ возродиться духомъ» [1]).

Желаніе Тургенева возродиться духомъ исполнилось; зима, проведенная въ Римѣ, подѣйствовала весьма благотворно на его литературное творчество. Въ концѣ 1857 года онъ написалъ свою извѣстную и очаровательную повѣсть «Ася» [2]) и задумалъ «Дворянское гнѣздо», которое появилось въ томъ же журналѣ «Современникъ», вызвавъ общій восторгъ читателей.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ, было сильное, похвала ему единодушная; журнальная критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, отозвалась о новомъ романѣ съ величайшей похвалой. П. В. Анненковъ въ статьѣ, посвященной этому роману, писалъ: «на этомъ романѣ сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и воззрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сиг-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 8 и 9.

[2]) Повѣсть „Ася» вызвала не мало толковъ въ нашихъ литературныхъ кружкахъ; было ясно, что Тургеневъ измѣнилъ свою манеру писать. Все написанное имъ послѣ этой повѣсти вполнѣ реально—въ авторѣ созрѣлъ тонкій и точный наблюдатель жизни.

наломъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго trêve de Dieu, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить свой голосъ къ общей и единодушной похвалѣ» [1]).

Талантъ И. С. Тургенева очевидно созрѣлъ въ это время, и даже люди, не особенно расположенные къ нему, восхищались и зачитывались романомъ. Тургеневъ расцвѣлъ и ободрился, въ виду успѣха своего романа, о которомъ и Аксаковы отозвались съ большой похвалой. И. С. Аксаковъ говорилъ мнѣ, что многія наиболѣе симпатичныя ему мѣста романа, очевидно, навѣяны предшествующимъ сближеніемъ автора съ ихъ взглядами и что въ лицѣ Лаврецкаго Тургеневъ желалъ изобразить русскаго человѣка и помѣщика, довольно близкаго къ московскимъ идеямъ ихъ кружка. Съ своей стороны Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: «Книга ваша («Семейная Хроника») произвела даже впечатлѣніе за границей», скоро появится о ней подробный отчетъ въ «Revue de deux Mondes».

«Что касается до меня, то пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ-то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи, все родное становится для меня вдвойнѣ дорого, и если бы не особенныя, ужъ точно независящія отъ меня обсоятельства, я бы теперь же вернулся домой» [2]). Посылая С. Т. Аксакову новое изданіе собранія своихъ повѣстей, И. С. Тургеневъ писалъ: «въ нихъ, я это знаю, слишкомъ много слабаго и не додѣланнаго—не додѣланнаго отчасти по лѣни, а отчасти—чего грѣхъ таить—отъ безсилія, но вы пропускайте или дополняйте мысленно плохое и взгляните снисходительно на остальное. Я одинъ изъ писателей междуцарствія, эпохи между Гоголемъ и будущимъ главой, мы всѣ разрабатывали въ ширину и въ разбивку то, что великій талантъ сжалъ бы въ одно крѣпкое цѣлое, добытое имъ изъ глубины; что же дѣлать? Такъ насъ и судите».

Весной 1861 года Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію и видѣлся въ Москвѣ съ Иваномъ Аксаковымъ, который въ это время хлопоталъ о разрѣшеніи издавать «День» и просилъ Тургенева принять участіе въ его газетѣ. Лѣто этого года Тургеневъ провелъ въ своей деревнѣ и, какъ писалъ Аксакову и Д. Я. Колбасину, чтобы присутствовать при медлительномъ устройствѣ новаго быта своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Тургеневъ, какъ это видно изъ его писемъ, и какъ это говорилъ И. С. Аксаковъ, собирался написать для Аксаковскаго «Дня» статью о томъ, что видѣлъ въ деревнѣ, послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.

[1]) Статья П. В. Анненкова напечатана въ „Рус. Вѣст." за 1859 г., № 6.
[2]) Письмо изъ Парижа отъ 1-го ноября 1856 года.

4-го сентября 1861 г. И. С. Аксаковъ написалъ Тургеневу изъ Москвы слѣдующее письмо: «Пишу вамъ, чтобы только напомнить вамъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, о вашемъ обѣщаніи. Мнѣ очень нужно такое письмо дѣловое и дѣльное изъ провинціи, съ мѣста; нужно пропустить живую струю свѣжаго воздуха, которая только и можетъ вѣять оттуда съ низу. Пожалуйста напишите. Я уже не говорю о томъ, какъ дорожу вашимъ сотрудничествомъ».

Не знаю, была-ли написана обѣщанная И. С. Аксакову статья, но во всякомъ случаѣ она не была доставлена въ редакцію «Дня», Тургеневъ въ это время окончилъ свой романъ «Отцы и Дѣти» и, вѣроятно, не успѣлъ написать своей статьи.

Весной 1867 г., послѣ появленія въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» извѣстнаго романа Тургенева «Дымъ», мнѣ пришлось говорить съ Аксаковымъ о «Дымѣ»,и меня удивляло раздраженіе, съ которымъ Аксаковъ относился къ этому роману. Онъ еще на вечерѣ передъ торжественнымъ открытіемъ памятника Пушкину назвалъ Тургенева «неисправимымъ западникомъ» и доктринеромъ либеральнаго пошиба. Въ 1881 г., когда я посѣтилъ Аксакова въ Москвѣ, на пути въ восточную Румелію, и былъ нѣсколько разъ у него, при чемъ мнѣ пришлось много и долго бесѣдовать—рѣчь зашла и о Тургеневѣ, и мнѣ было непріятно слышать рѣзкіе отзывы Ив. Серг. Аксакова, котораго я любилъ и глубоко уважалъ, — о Тургеневѣ. Онъ подвергалъ этотъ романъ пристрастному и придирчивому разбору, желая доказать, что въ этомъ романѣ нѣтъ даже признаковъ прежняго таланта.

— Я знаю хорошо Тургенева, у него нѣтъ сатирическаго дарованія, хотя онъ теперь видимо желаетъ стать сатирикомъ,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Онъ порицалъ все въ этомъ романѣ и громилъ не только мысли Потугина, но и самого Литвинова. Это совсѣмъ не тотъ русскій человѣкъ и помѣщикъ, котораго Тургеневъ изображалъ въ прежнихъ своихъ романахъ (въ «Рудинѣ» и «Дворянскомъ Гнѣздѣ»)—это не тотъ типъ деревенскаго русскаго человѣка, которому нельзя было не сочувствовать, въ лицѣ Лежнева и Лаврецкаго. Литвиновъ, по характеристикѣ самого автора, дѣльный, нѣсколько самоувѣренный малый, спокойный и простой. Но когда же самоувѣренность соединяется съ простотой въ русскомъ человѣкѣ!!? Ив. Серг. Аксаковъ даже хвалилъ статью Н. Н. Страхова о «Дымѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ», хотя едва-ли эта статья можетъ считаться лучшимъ критическимъ трудомъ покойнаго писателя.

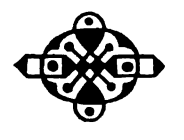
Я горячо спорилъ съ И. С. Аксаковымъ объ этомъ романѣ Тургенева, въ которомъ, правда, нѣтъ прежней свѣжести и мягкости, но замѣчаются небывалыя, въ его другихъ произведеніяхъ, сила и яркость красокъ. Мнѣ нравилось въ этомъ романѣ то, что авторъ въ лицѣ своего

героя Литвинова высказалъ убѣжденіе, что русскимъ людямъ, у которыхъ столько дѣла дома, нечего искать свѣта просвѣщенія и даже не безопасно учиться за границей агрономіи, ибо на западѣ гораздо болѣе соблазновъ, чѣмъ въ нашей сѣрой деревнѣ.

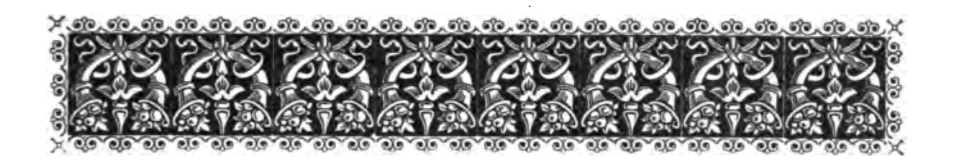
Настоящая статья, на основаніи опубликованной въ нашей печати переписки И. С. Тургенева съ семействомъ Аксаковыхъ, достаточно указываетъ, что Тургеневъ вовсе не былъ чуждъ стремленій, вытекающихъ изъ духовнаго строя русскаго народа, русской земли и такъ, какъ его другъ Герценъ, Тургеневъ страстно любилъ русскій народъ, русскій бытъ и особый складъ русскаго ума, постоянно испытывая тоску по родинѣ, о чемъ онъ не разъ говорилъ самъ, въ перепискѣ съ людьми близкими. Въ письмахъ къ Аксаковымъ высказывая эти чувства, Тургеневъ отнюдь не лукавилъ и не лицемѣрилъ—это было не въ его натурѣ.

И. С. Аксаковъ, при извѣстіи о кончинѣ Тургенева послѣдовавшей въ Буживалѣ, близъ Парижа, 22-го августа 1883 года, въ некрологѣ (см. «Русь» № 17, за 1883 г.), посвященномъ его памяти, написалъ нѣсколько сердечныхъ и вполнѣ справедливыхъ строкъ, воздавая должное Тургеневу, какъ великому мастеру и художнику русскаго изящнаго слова, будившему наше самосознаніе такими романами, какъ «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо» и «Отцы и Дѣти» [1]).

Павелъ Матвѣевъ.



[1]) Письмо отъ 14-го іюля 1861 г., изъ Спасскаго (см. „Полное собраніе писемъ И. С. Тургенева“, изд. Лит. фонда, стр. 91). Въ той же Аксаковской „Руси“, въ № отъ 1-го декабря 1883 года, была напечатана статья Н. Н. Страхова, подъ заглавіемъ „Поминки по Тургеневѣ“, въ заключеніи которой было сказано: „мудрено винить такихъ людей, какъ Тургеневъ; они дѣти своего времени, но очевидно изъ тѣхъ дѣтей, которыя способны были бы примкнуть къ самымъ высокимъ стремленіямъ времени“.



Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

V. Письма Н. Ф. Павлова.

1.

2-го сентября 1827 г.

Любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Я еще не отвѣчалъ на твое послѣднее письмо, а времени много прошло: впрочемъ, я не люблю переписки съ людьми, которые имѣютъ мѣсто въ сердцѣ моемъ. Всегда за такимъ письмомъ тѣснятся въ голову мнѣ грустныя мысли, и хочется писать, бесѣдовать съ далекимъ другомъ не о весельяхъ жизни, а объ ея ничтожествѣ. Однакоже есть тутъ еще причины: мое здоровье разстроилось, часто бываю боленъ, къ тому же сдѣлался добрымъ служивымъ, ничего больше не дѣлаю, какъ только служу [2]), но не на заднихъ ногахъ. Боюсь нажить по службѣ враговъ, потому что часто спорю и забываю отношенія: ты меня поймешь, а очень многіе здѣсь не понимаютъ. Куешь дѣло о жизни и чести человѣка, такъ зачѣмъ справляться, какъ думаютъ сильные о томъ, кто правъ или виноватъ: совѣсть и законъ. Я говорю о томъ, что испыталъ; на меня сердятся, а все говорятъ, что я правъ. Въ какой наготѣ преступники представляютъ мнѣ человѣчество: люблю я встрѣчать, но не радъ той, которая болѣе и болѣе должна утверждать меня въ моей основной мысли, напечатанной въ стихахъ [3]), о

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1903 г.

[2]) Николай Филипповичъ Павловъ (р. 1805 † 1864), талантливый писатель и журналистъ, авторъ извѣстныхъ „Трехъ повѣстей", появившихся въ свѣтъ въ 1835 году, былъ въ это время засѣдателемъ 1-го департамента Московскаго надворнаго суда.

[3]) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду стихотвореніе Павлова „Элегія", напечатанное въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1826 года, т. IX, отдѣленіе второе, стр. 153—154.

которыхъ ты пишешь. Вижу закоренѣлыхъ злодѣевъ, вижу плутовъ, и часто дрожитъ рука, подписывая приговоръ преступнику по обстоятельствамъ, а не по склонностямъ; впрочемъ, желалъ бы я думать, что послѣднихъ нѣтъ. Наши уголовные законы хороши, но въ производствѣ дѣлъ, освященномъ временемъ, многое должно поправить. Я разболтался о своихъ занятіяхъ, однакоже тебя не боюсь: ты прочтешь это, и въ тишинѣ твоего кабинета посвятишь нѣсколько времени на размышленіе вообще объ уголовныхъ законахъ и о преступленіяхъ: это важное отдѣленіе мудрости человѣческой. Много ли узаконеній на свѣтѣ, въ которыхъ бы точно опредѣлено было, что такое преступленіе, и роды его оттѣнены были живыми, замѣтными красками? Завидую тебѣ, ты у берега и увидалъ ясно цѣль свою, потому что покорилъ себя труду, можетъ быть, единственному счастію. Найди свободное время и напиши, что ты дѣлаешь. Писаревъ [1]) съ Дмитріевымъ [2]) сбираются издавать журналъ [3]). Колумбъ [4]) не подвигается на морѣ литературы. Полевой у васъ; онъ, я слышалъ, на меня сердитъ. Если будетъ тебѣ говорить обо мнѣ то же, что говорилъ здѣсь Вердеревскому [5]), только это такой вздоръ, котораго слушать нельзя, и не знаю, съ чего онъ это выдумалъ. Отъ тебя являлся ко мнѣ человѣкъ: я ему далъ сто руб(лей) ас(сигнаціями) и получилъ въ томъ росписку, только послѣ онъ пропалъ. Графъ М. Вьельгорскій [6]) писалъ къ Кокошкину [7]), что въ Петербургѣ хотятъ играть мою «Марію Стуартъ» [8]), и просилъ узнать, на какихъ

---

[1]) Даровитый водевилистъ Александръ Ивановичъ Писаревъ (р. 1803 † 1828 г.).

[2]) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (р. 1796 † 1866), стихотворецъ, авторъ „Мелочей изъ запаса моей памяти".

[3]) Изданіе этого предполагавшагося журнала не осуществилось.

[4]) Большая историческая комедія А. И. Писарева „Колумбъ", оставшаяся неоконченною. По свидѣтельству С. Т. Аксакова въ некрологѣ Писарева планъ этой комедіи былъ расположенъ превосходно, обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, и одно дѣйствіе ея было уже написано. Эта комедія, по мнѣнію Аксакова, увѣнчала бы Писарева долговѣчными лаврами (см. „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., № VI, стр. 239).

[5]) Быть можетъ, Василій Евграфовичъ Вердеревскій, переводчикъ „Паризины" Байрона (Спб. 1827). О знакомствѣ В. Е. Вердеревскаго съ Полевымъ упоминается въ „Запискахъ Ксенофонта Алексѣевича Полеваго", Спб. 1888, стр. 94.

[6]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (р. 1788 † 1856), впослѣдствіи оберъ-шенкъ, былъ въ это время членомъ Комитета управленія Императорскими театрами.

[7]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (р. 1773 † 1838), переводчикъ Мольерова „Мизантропа", съ 1823 по 1831 годъ управлялъ Московскимъ театромъ,

[8]) Исполненный Н. Ф. Павловымъ переводъ въ стихахъ французской передѣлки трагедіи Шиллера „Марія Стуартъ" былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1825 году.

условіяхъ хочу я отдать ее, и я чрезъ Кокошкина увѣдомилъ его, что желаю имѣть второе представленіе зимой въ пользу мою на казенныхъ издержкахъ; такъ и въ штатѣ назначено, только за переводъ трагедіи въ стихахъ дается второй сборъ не на казенныхъ издержкахъ; съѣзди къ графу, напомни ему, похлопочи за меня и возьми совершенно на свои руки мое дитя. Я думаю, что онъ согласится сдѣлать для меня одолженіе и вечеровыя издержки приметъ на дирекцію, потому что иначе безъ меня могутъ онѣ быть и слишкомъ велики. Впрочемъ, я бы готовъ былъ взять три тысячи руб. Съ этой же почтой я пишу самъ къ графу [1]) при письмѣ князя Вяземскаго [2]). Деньги мнѣ нужны до крайности, и я увѣренъ, что ты похлопочешь какъ за себя; будь на репетиціяхъ, позаботься о представленіи, а больше о платѣ, къ которой не былъ бы я такъ чувствителенъ, если бъ не семейство мое. Жду отъ тебя извѣстія о «Маріи» и о тебѣ.

Истинно твой Н. Павловъ.

Пиши мнѣ: въ 1-й департаментъ надворнаго суда, г. засѣдателю. Не прислать-ли къ тебѣ заемное письмо Осипова и росписку Ивана Микулина?

2 [3]).

Москва. 6-го апрѣля 1839.

Я послалъ Краевскому [4]) стихи Хомякова [5]), выпрошу и у Баратынскаго [6]), который написалъ нѣсколько піесъ. Мы-то не осрамимъ своихъ именъ, не дадимъ теперь въ «Сто литтер(аторовъ)» [7]), да ты-то зачѣмъ срамишь свое, печатаясь въ «Сынѣ Отечества» [8])? Нельзя-ли возобновить эту старую эпиграмму [9])? Она передѣлана на новые нравы:

---

[1]) М. Ю. Віельгорскому.

[2]) Князя Петра Андреевича.

[3]) Помѣщаемъ только конецъ письма; бо̀льшая часть его касается имущественныхъ дѣлъ матери князя В. Ѳ. Одоевскаго, Е. А. Сѣченовой.

[4]) Андрей Александровичъ Краевскій былъ въ это время редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“, которыя стали выходить съ 1839 года.

[5]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г., т. VI, отд. III, стр. 143—144, напечатано стихотвореніе А. С. Хомякова „Гордись, тебѣ льстецы сказали!“

[6]) Евгенія Абрамовича.

[7]) „Сто русскихъ литераторовъ“, альманахъ, изданный А. Ф. Смирдинымъ, въ трехъ томахъ, въ 1839—1845 гг.

[8]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1839 года (негласнымъ редакторомъ котораго былъ тогда Н. А. Полевой) князь В. Ѳ. Одоевскій помѣстилъ повѣсть „Свидѣтель“ („Сынъ Отечества“ 1839 г., т. VII, Русская Словесность, стр. 77—90).

[9]) На Н. А. Полеваго.

Онъ вѣчно цеховой у Цинскаго [1]) пріятель,
Онъ первой гильдіи подлецъ,
Второй онъ гильдіи купецъ
И трет(ь)ей гильдіи писатель.

Новогодникъ-негодникъ.

Да когда же напечатаются мои повѣсти? Мы о «Запискахъ» хлопочемъ. Получилъ-ли Краевскій статью Шевырева [2])? Отчего онъ не печатаетъ Мельгунова [3])? У Мельгунова много готовыхъ и занимательныхъ статей. Я съ своей стороны внесу и постараюсь, чтобъ вы вносомъ были довольны. Княгинѣ мой усерднѣйшій поклонъ. Титову, Враскому [4]), Венев(итинову) и проч.

Н. Павловъ.

3.

Москва, 8-го генваря 1840.

Прочитавъ въ «Сынѣ Отечества» объявленіе, что въ 3-мъ томѣ «Ста литтераторовъ» будетъ твой портретъ, долгомъ считаю сообщить тебѣ выписку изъ твоего письма, писаннаго ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ и прочитаннаго мною со всѣмъ жаромъ добродѣтельнаго негодованія.

Выписка:

«Скажи Хомякову, какъ ему не стыдно до сихъ поръ хоть плюнуть въ «Отеч(ественныя) Записки»? Неужьли у васъ въ Москвѣ не понимаютъ, какъ важно для насъ содѣйствіе добрыхъ людей, когда негодяи заставляютъ истинно удивляться всѣмъ своимъ выдумкамъ, чтобы уронить это изданіе, которое приводитъ ихъ въ отчаяніе. Увѣряю тебя честію, что нѣтъ гадости, которой бы они не употребили противъ насъ. Скажи о семъ и Баратынскому. Да спроси у нихъ, неужели они осрамятъ свои имена помѣщеніемъ ихъ въ «Сто литтераторовъ»? Я очень любопытенъ это знать».

Съ подлиннымъ вѣрно. Н. Павловъ.

Чтобъ больше тебя поразить, я не выписалъ послѣднихъ словъ

---

[1]) Московскій оберъ-полиціймейстеръ Левъ Михайловичъ Цынскій.

[2]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, томъ III (Словесность, стр. 101—130), помѣщена статья Шевырева „Дорожные эскизы на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ“.

[3]) Николай Александровичъ Мельгуновъ (р. 1804 † 1867), литераторъ, человѣкъ весьма образованный, пріятель Погодина и Шевырева. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, томъ III (Науки, стр. 112—128) напечатана статья Мельгунова: „Шеллингъ. Изъ путевыхъ записокъ“.

[4]) Борисъ Алексѣевичъ Враскій, служившій экспедиторомъ въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, былъ женатъ на сестрѣ княгини О. С. Одоевской, Зинаидѣ Степановнѣ Ланской.

твоего письма: «по крайней мѣрѣ теперь», на которыя можешь ты опереться. Впрочемъ, я думаю, что Полевой объявилъ по слухамъ. Смотри же, не осердись на меня. Поздравилъ-ли тебя и княгиню Краевскій съ новымъ годомъ на вашемъ прекрасномъ вечерѣ отъ вашего душою Н. Павлова.

4.

Москва, 29-го генваря 1840.

Я зналъ заранѣе, любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичь, что объявленіе Полеваго [1]) ложь, и хотѣлъ только слышать это отъ тебя самого, чтобъ въ душѣ у меня или въ воображеніи не осталось ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, ни самой крошечной мысли о слабости человѣческой. Вѣдь ты подъ часъ великодушенъ. Выкланялъ же у тебя Полевой статью въ «Сынъ Отечества». Могъ я думать, что и теперь напали на тебя со всѣхъ сторонъ, упросили, умолили—ты и палъ. Но ты правъ, кругомъ правъ. Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые составляютъ мнѣніе о друзьяхъ и пріятеляхъ подъ вліяніемъ минуты или со словъ другихъ, и потому ты напрасно въ свою защиту изложилъ столько фактовъ. Они привели меня къ результатамъ, къ которымъ давно я дошелъ, т. е. мнѣніе мое о князѣ Одоевскомъ есть теперь точно такое же, какое было и прежде. Неужьли ты или я,—мы зависимъ сколько-нибудь отъ вранья Полеваго и братьи? Я разумѣю наше нравственное достоинство или наше political dignity [2]). Не могу однакоже скрыть отъ тебя моего особеннаго удовольствія при чтеніи твоего письма. Ты далъ ему этотъ моральный цвѣтъ, ты упомянулъ о political dignity, которые мнѣ очень пригодятся ниже, когда я стану нападать не на тебя, не на твое лицо, а на ту часть твоей практической дѣятельности и на тотъ отрывокъ твоего духа, который присутствуетъ при изданіи журнала [3]). Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Надо мнѣ начать съ своего оправданья. Ты говоришь, что мы не прибавили ни одного подписчика [4]), упрекаешь насъ въ лѣни, равнодушіи и проч. Что я лѣнивъ, онъ лѣнивъ, мы лѣнивы—правда. Брань намъ за это достойна и праведна. Впрочемъ, я все-таки кое-что дѣлаю, дѣятельность моя приходитъ съ нѣкоторыхъ поръ въ большее движеніе, совсѣмъ я еще не засыпалъ, много начато, иное продолжается,—ну да это въ сторону. Вотъ въ чемъ дѣло—равнодушнымъ-то я еще не былъ, къ

[1]) О томъ, что при сборникѣ „Сто литераторовъ“ будетъ помѣщенъ портретъ князя Одоевскаго.

[2]) Политическое достоинство.

[3]) „Отечественныхъ Записокъ“.

[4]) „Отечественнымъ Запискамъ“.

несчастію. Мало написалъ для васъ—положимъ, но, спросите, кого хотите, кто здѣсь вопилъ объ «Отеч(ественныхъ) Зап(искахъ)»? Кто всѣхъ усовѣщевалъ для сотрудничества? Не прибавили подписчиковъ? Нѣтъ, другъ, журналъ бралъ, конечно, своимъ достоинствомъ, но, между тѣмъ, теперь подписались здѣсь люди, которые ни на что не подписывались; въ Тамбовѣ «Библіотека» [1]) совсѣмъ вытѣснена, воцарились «Отечественныя Записки»; я ужь когда говорю за кого, такъ не боюсь себя компрометировать, я объ «Отечест(венныхъ) Запис(кахъ)» толковалъ и на вечерахъ, и на обѣдахъ, и дамамъ, которыя не знаютъ порусски, заводилъ споры, дѣлалъ изъ нихъ вопросъ дня, наконецъ писалъ повсюду, куда только могъ писать, сбирался даже отправить посланье въ Уральскъ, но руки опустились. Въ продолженіе года въ журналѣ были имена и Шевырева, и Мельгунова, и Хомякова, и Баратынскаго, и мое. Мало, правда, но отчего же, напримѣръ, о чемъ я и писалъ къ Краевскому, не прислали мнѣ ты или онъ записочки къ Шевыреву? Я досталъ бы отъ него статью, и онъ не поскупился бъ. Я съ своей стороны чистъ передъ вами, да что я говорю? Я изъ этого не дѣлаю себѣ заслуги въ вашихъ глазахъ. Я дѣйствовалъ въ пользу идеи, въ пользу нашу, въ пользу свою. На Краевскаго нападали, но я видѣлъ, что это были нападенья, которыя необходимы инымъ, какъ пища и сонъ. Вѣдь надо же инымъ нападать на все, какъ бы это и ни было хорошо. Я не требовалъ идеальнаго, а просто радовался, что Краевскій ведетъ журналъ очень умно, достигаетъ возможнаго, книжки становятся все занимательнѣе да занимательнѣе, кругъ читателей расширяется, и публика привыкаетъ чаще упоминать «Отечественныя Записки», чѣмъ другіе журналы. Я вѣдь вашихъ дѣлъ не знаю; можетъ быть, дѣйствія Краевскаго въ продолженіе года оказали свои слѣдст(в)ія при подпискѣ, и она увеличилась,—но скажи, ради Бога, для чего вздумалось вамъ къ концу года и къ началу новаго напречь всѣ силы, чтобъ уничтожить плоды своего долготерпѣнья, ума, души и трудовъ? Вы выписали Бѣлинскаго [2]). Вѣдь онъ извѣстенъ. Этотъ мортусъ отправилъ похороны «Телескопа» и «Наблюдателя» [3]). Я думалъ, что для облегченія Краевскаго необходима такая пишущая машина, какъ Бѣлинскій, но мнѣ въ голову не входило, что надъ нимъ не будетъ надзора, что онъ станетъ то же писать, что писалъ въ «Наблюдателѣ», что дастъ цвѣтъ и свое направленіе «Отечественнымъ Запискамъ». Вотъ тутъ ты кругомъ виноватъ. Вотъ равнодушіе-то непростительное.

---

[1]) Т. е. „Библіотека для Чтенія", издававшаяся Сенковскимъ.

[2]) Павловъ вездѣ пишетъ фамилію В. Г. Бѣлинскаго „Белинскій".

[3]) Бѣлинскій былъ сотрудникомъ „Телескопа" и негласнымъ редакторомъ (съ 1838 г.) „Московскаго Наблюдателя".

Вѣдь ты не читалъ, видно, его статей; видно, и Краевскій также не читалъ, или ужь вы до того заняты, что вамъ нѣтъ времени подумать двухъ минутъ ни о человѣкѣ, ни о томъ, что онъ пишетъ. Я, любезный другъ, отправляя къ тебѣ это посланіе, поднимаю на себя ножъ. Ну, да такъ и быть. Задняя мысль самосохраненія соприсутствовала при всѣхъ поступкахъ моей жизни, но толку отъ нея никогда не было. Я всегда находилъ удовольствіе дѣлать на зло ей, не отъ того, чтобъ былъ способенъ жертвовать собой, а просто отъ того, что люблю рваться изъ всякихъ возжей. У меня оставался одинъ журналъ—вашъ. Всѣ противъ. Возстаньте и вы, но вамъ-то я ужь скажу правду. Если вы не знаете, то довожу до вашего свѣдѣнія, что Бѣлинскій не смыслитъ ни одного иностраннаго языка, слѣдовательно, пишетъ о Гегелѣ по наслуху, наобумъ, поступокъ, конечно, совершенно національный, тутъ много народности, много русской смѣтливости, но въ такомъ важномъ дѣлѣ народности и смѣтливости недостаточно,—тутъ надо знаніе и добросовѣстность. Изъ этого выходитъ, что положенія Гегеля перепутаны, не такъ переданы, что васъ на каждомъ шагу поражаетъ какая-то ребяческая самоувѣренность и наглость невѣжества. Чтобъ сказать пустую вещь, люди поверхностные довольствуются этимъ, люди мыслящіе смотрятъ глубже,—онъ говоритъ въ 12-й т(етради) на стр. 10-й: «Но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и *внутренняя сущность вещей*» [1]) и проч. Я выписалъ эту фразу за тѣмъ, чтобъ спросить, кто же эти люди, кому это открыта внутренняя сущность? Нельзя вообразить читателя, кому бы такого рода статьи были пріятны. Человѣкъ не размышляетъ, а безъ доказательствъ, безъ выводовъ, навязываетъ вамъ свое мнѣніе и утверждаетъ, что если вы не примете этого мнѣнія, то вы скотина, дуракъ. Такъ писать можно только въ Россіи. Потомъ, если ужъ начинаетъ хвалить, то именно по русской пословицѣ: заставь дурака Богу молиться и проч. Ну что, напримѣръ, это значитъ—въ 1-мъ номерѣ на стр. 21: «Великая, безконечно великая черта художественнаго геніа—*этотъ гусакъ*» [2]). Мы здѣсь умерли-было со смѣху. Правда, на языкѣ у Бѣлинскаго великій не значитъ ничего. Вѣдь онъ ужь писалъ—великій Мочаловъ [3]), ужь онъ кувыркался пе-

---

[1]) Въ критической статьѣ по поводу „Очерковъ Бородинскаго сраженія" Ѳ. Н. Глинки (Москва. 1839) (см. „Отечественныя Записки" 1839 г., т. VII, Критика, стр. 10).

[2]) Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" Гоголя. См. „Отечественныя Записки" 1840 года, т. VIII, Критика. (Разборъ „Горя отъ ума"), стр. 21.

[3]) См. статью Бѣлинскаго „Гамлетъ, драма Шекспира. Мочаловъ въ роли Гамлета" въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1838 года, ч. XVI („Дарованье

редъ переводомъ «Гамлета» Полеваго [1]). Я вырвалъ два клочка, но что говорить объ этихъ двухъ ужасныхъ статьяхъ: «Бородинская годовщина» [2]) и «Очерки Бородинскаго сраженія» [3])? Что это за сумбуръ [4])! Да, ради Бога, прочти. Я не противъ философіи, я уважаю ея процессъ, не вѣрю резуль(та)тамъ, но радъ умной, дѣльной статьѣ, только написанной человѣкомъ, знающимъ дѣло. Въ области мысли я проповѣдую терпимость. Но у Бѣлинскаго не можетъ быть философіи, а выходитъ одна болтовня, и такая, которая гораздо вреднѣе Булгарина и Сенковскаго. Что ты мнѣ говоришь о нихъ! Нѣтъ, другъ, мнѣ слышать больно, что, развер(тываютъ) «Отечественныя Записки» и здѣсь, да и у васъ въ Петербургѣ, и говорятъ, что этого еще не писалъ ни Булгаринъ, ни Гречъ. Да въ чемъ вы противъ нихъ возстаете, въ томъ, что они разбранятъ тебя или меня—великая бѣда! Нѣтъ, другъ, примѣръ человѣка, который валяетъ съ плеча обо всемъ, что есть святаго,—изъ фразъ его, изъ теченія противорѣчащихъ мыслей можно доказать, что онъ самъ себя не понимаетъ,—человѣка, который все перепуталъ, перевралъ, какъ напримѣръ, хоть раздѣленье драматической поэзіи—этотъ примѣръ вреднѣе, гибельнѣе для юношей. Потомъ цѣль его идолопоклонство искусству, какъ понималъ его Гёте [5]). Что я говорю? цѣль. Какая у него цѣль! Вѣдь онъ Гёте также не читалъ. Онъ топчетъ въ грязь моральную сторону искусства—вѣдь однако это не твой и не Краевскаго взглядъ, да и кто же въ Россіи это пойметъ, да и гдѣ, кромѣ Германіи, поймутъ это? Въ нашъ вѣкъ объ этомъ можно завести длинный споръ. Разумѣется, я не говорю, чтобъ искусство предписывало: будь добръ и честенъ, а говорю, что можно извинять людей, у которыхъ сердце лежитъ больше къ Шиллеру, чѣмъ (къ) Гёте. Всего не напи-

---

этого артиста—писалъ Бѣлинскій (стр. 464)—мы, по глубокому убѣжденію почитаемъ великимъ и геніяльнымъ").

[1]) См. статью Бѣлинскаго о переводѣ „Гамлета" Полеваго, тамъ же, ч. XVII, стр. 80-97. Бѣлинскій находилъ, что „переводъ „Гамлета" есть одна изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г. Полеваго русской литературѣ" (стр. 97).

[2]) См. „Отечественныя Записки" 1839 г., т. VI, отд. VII, Современная библіографическая хроника, стр. 1—14.

[3]) См. выше, стр. 199, прим. 1-е.

[4]) Статья по поводу „Очерковъ Бородинскаго сраженія" не понравилась и пріятелю Бѣлинскаго В. П. Боткину, который находилъ ее „ужасно скучною и въ цѣломъ чрезвычайно апатическимъ произведеніемъ". Бѣлинскій самъ признавалъ, что эта его статья „не вытанцовалась", и писалъ Боткину: „Я самъ думалъ о ней, какъ о лучшей моей статьѣ, а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечесть" (см. А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", т. II, Спб. 1876, стр. 21).

[5]) Павловъ имѣетъ въ виду статью Бѣлинскаго „Менцель, критикъ Гёте", напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1840 года, т. VIII, отд II. стр. 25—64.

шешь; Баратынскій ѣдетъ завтра, (въ) 10 часовъ, а я долженъ еще къ нему, да на вечеръ. Не знаю, а твердо надѣюсь, что ты поймешь мое доброе чувство и участіе моего сердца къ «Отечест(веннымъ) Запискамъ». Бѣлинскаго статьи отняли у васъ много подписчиковъ, а если это продолжится, то на будущій годъ вы увидите справедливость моихъ нападеній. Если вы думаете, что его статьи нравятся молодежи, то отчего же эта молодежь не подписывалась на «Наблюдателя», когда онъ былъ отданъ ему на поруганье [1])? Напротивъ, подписка уменьшилась. Какъ вы не разгадали этого человѣка? Люди, читавшіе Гегеля, какъ напримѣръ Хомяковъ, говорятъ, что это, т. е. статьи Бѣлинскаго—сумбуръ; люди, не читавшіе, прямо ни слова не понимаютъ и оскорбляются деспотизмомъ тона, съ какимъ онъ предлагаетъ мнѣнія не его собственныя, а слышанныя имъ отъ кого-то. Что дѣйствительно, то разумно [2])—чтобъ это сказать, вѣдь надо вывести изъ чего-нибудь, а безъ вывода орать на весь православный народъ, это просто поступокъ, котораго названіе я отложу до другаго времени. Не сердись, а Краевскій, видно, осердился.

Н. Павловъ.

5.

3-го декабря 1859 г. Москва.

Любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ, по непредвидѣнной волѣ судьбы моя газета изъ ежедневной превращена въ еженедѣльную [3]). Не желая скучать тебѣ разсказомъ, впрочемъ очень характеристичнымъ и любопытнымъ, о моихъ похожденіяхъ по этому дѣлу, я обращаюсь къ тебѣ съ убѣдительной просьбой. Нельзя-ли выпросить у Ивана Сергѣевича Тургенева какой-нибудь разсказъ, какую-нибудь статейку для

---

[1]) Т. е. съ 1838 года, когда Бѣлинскій сталъ негласнымъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя".

[2]) Гегелевская формула „Что дѣйствительно—то разумно" развивалась въ упомянутыхъ статьяхъ Бѣлинскаго „Бородинская годовщина" и „Менцель, какъ критикъ Гёте" и доводилась въ нихъ до воспѣванія современной русской дѣйствительности. „Какія гадкія, можно сказать, подлыя статьи напечаталъ Бѣлинскій о Бородинѣ",—писалъ Т. Н. Грановскій Я. М. Невѣрову (см. Т. Н. Грановскій и его переписка, т. II, Москва. 1897, стр. 403). „Я убѣдился - писалъ по поводу тѣхъ же статей Н. П. Огаревъ Герцену,—что надо читать Гегеля, а не учениковъ, а тѣмъ паче не гнусныя статьи Бѣлинскаго, который столько же ученикъ Гегеля, сколько и родной братъ китайскаго императора" („Русская Мысль" 1889 г., январь, стр. 2).

[3]) Газета „Наше Время", начавшая выходить съ 17-го января 1860 года; съ 1862 года она превратилась въ ежедневную.

первыхъ номеровъ [1]). Газета начнетъ выходить съ 15-го января. Не присоединитъ ли княгиня словечко въ мою пользу? Вознагражденіе я готовъ предложить Ивану Сергѣевичу, какое онъ назначитъ, только бы не назначалъ въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Пожалуста, по старой дружбѣ похлопочи. Жму тебѣ руку отъ всей души и повергаю себя къ стопамъ княгини. Н. Павловъ.

Адресъ мой: въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Сухановой.

VI. Письмо А. Н. Верстовскаго.

(Москва, февраль—мартъ 1829 г.).

Безцѣнный князь Владимиръ Ѳедоровичь.

Если бъ я не увѣренъ былъ въ твоей дружбѣ—я бы былъ въ правѣ весьма на тебя сердиться. Что вы сдѣлали изъ моего «Твердовскаго» [2])? Не стыдно-ли произведеніе русскихъ писателей такимъ образомъ поставить на сцену, что если бъ эта опера была самого Моцарта, то и тогда бъ должна была шлепнуться! Это вы называете улучшеніе театра! Богъ вамъ судья. А тебѣ еще болѣе стыдно, что ни одного разу не былъ на репетиціи—и ничего не замѣтилъ! Но кончимъ это. Пьеса упала, но все-таки пишу на зло вамъ—пишу новую оперу «Вадимъ» [3]), только уже не для вашего и не для нашего театра—а для Вѣны. Посылаю туда и увѣренъ заранѣе, что хотя сочиненіе мое тамъ чужеземное—а лучше пойдетъ, нежели у насъ.

Податель письма сего, отличный скрипачъ нашего театра г. Грасси, ѣдетъ въ Петербургъ дать концертъ, просилъ меня дать ему письмецо къ хорошимъ музыкантамъ и къ любителямъ. Кого лучше назвать, какъ не князя! Впрочемъ, ему нужно только будетъ дать ему направленіе—а достальное онъ заслужитъ.

Прости, душа моя! Грустно подумать мнѣ, если меня разлюбилъ ты. Можетъ быть, по первому пути лично обниму тебя.

Душой преданный Алексѣй Верстовскій.

P. S. Дѣточекъ поцѣлуй [4]).

---

[1]) Въ газетѣ „Наше Время“ 1860 г. нѣтъ ни одного разсказа и ни одной статьи Тургенева.

[2]) Опера А. Н. Верстовскаго „Панъ Твардовскій“ въ Петербургѣ шла въ первый разъ 28-го января 1829 года (см. статью Н. Ѳ. Финдейзена, „Алексѣй Николаевичъ Верстовскій“ въ „Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1896—1897 гг. Приложенія, книга 2-я, стр. 114). Либретто къ ней было написано М. Н. Загоскинымъ.

[3]) Опера „Вадимъ, или двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ шла въ первый разъ въ Москвѣ 25-го ноября 1832 года.

[4]) Шутка со стороны Верстовскаго: у князя В. Ѳ. Одоевскаго дѣтей не было.

VII. Письмо А. В. Веневитинова [1]).

Москва, іюля 17-го дня 1830.

Я премного сожалѣлъ, любезный другъ, что не могъ быть у тебя передъ моимъ отъѣздомъ. Но меня такъ скоро и такъ неожиданно выгнали изъ Петербурга, что я тогда только успѣлъ думать о моемъ путешествіи, когда уже былъ на большой дорогѣ. Посланіе сіе препровождаю къ тебѣ и по дружбѣ, и по нуждѣ, обѣ теперь равносильныя причины. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло. Вчера я получилъ предлинное письмо отъ кн(ягини) Волконской [2]) и отъ Шевырева. Оба неутомимо занимаются исполненіемъ проекта о музеѣ [3]). Въ письмѣ княгини есть мѣсто, гдѣ она обращается и къ тебѣ, и ко мнѣ—я тебѣ его покажу, когда пріѣду въ Петербургъ, а теперь только выпишу его содержаніе.

Въ Москвѣ проектъ о такомъ полезномъ учрежденіи, въ которомъ бы вмѣщались всѣ образцовыя произведенія скульптуры отъ начала искусства до нашихъ временъ, въ хронологическомъ порядкѣ, для историческаго ихъ изученія, былъ принятъ съ жаромъ, а не такъ, какъ вашими холодными петербургскими мертвецами. Члены университета вообще были электризованы этою мыслью и изъявили готовность сдѣлать пожертвованія, разумѣется испросивши на то соизволеніе вышняго начальства. Князь Голицынъ [4]) съ своей стороны также ревностенъ къ этому дѣлу, и Погодинъ находится съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ по этой причинѣ. Въ Италіи самъ Торвальдсенъ [5]) и Джинжери, знаменитый художникъ, обѣщаются радѣть о совершенствѣ слѣпковъ. На-дняхъ будетъ присланъ сюда реэстръ всѣмъ слѣпкамъ, которые должны будутъ составить музей, и вмѣстѣ счетъ тому, что будетъ стоить поклажа и перевозъ и проч. Теперь тебѣ предстоитъ, любезный Одоевскій, еще переговорить объ этомъ съ Блудовымъ [6]), расшевелить немного всѣхъ тѣхъ, у которыхъ сердце и чувство не совсѣмъ сгнили,

---

[1]) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ (р. 1806 † 1872), братъ поэта Д. В. Веневитинова, служилъ въ то время въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; впослѣдствіи онъ былъ товарищемъ министра удѣловъ.

[2]) Извѣстной княгини Зинаиды Александровны, жившей въ то время въ Римѣ.

[3]) Княгиня Волконская мечтала учредить Эстетическій музей при Московскомъ университетѣ (см. „Телескопъ" 1831 г., № 11, стр. 385—399; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга третья, стр. 176—182).

[4]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ.

[5]) Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

[6]) Д. Н. Блудовъ былъ въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и и. д. главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

познакомиться съ Гальбергомъ [1]) въ академіи и посредствомъ его достать списокъ всѣмъ слѣпкамъ, которые находятся въ академіи. Изъ нихъ перешлешь одну копію къ княгинѣ въ Римъ, а другую сюда на имя Погодина для доставленія къ князю Голицыну. Это необходимо нужно: ибо со всѣхъ хорошихъ слѣпковъ въ Петербургѣ снять копіи— обойдется гораздо дешевле, и тогда остальные перешлются изъ Италіи. Этотъ списокъ изъ академіи постарайся получить, не говоря объ этомъ Оленину [2]): ибо онъ, можетъ быть, въ претензіи на княгиню за то, что она сама къ нему не писала. Если же безъ его позволенія нельзя этого сдѣлать, то попроси его отъ имени княгини: ибо она сама это говоритъ въ письмѣ своемъ. Главное, надобно узнать, какіе слѣпки остались невредимы и могутъ служить образцами для снятія съ нихъ копій. Объ этомъ посовѣтуйся съ Гальбергомъ. Вотъ сколько порученій тебѣ, любезный другъ! Но не я, а княгиня Зинаида тебя объ этомъ проситъ, и я съ радостію выполняю ея желаніе. Это дѣло очень можетъ склеиться, и я имѣю большую надежду, вопреки петербургскимъ толкамъ. Если ты мнѣ будешь отвѣчать, то пожалуйста скажи мнѣ о здоровьи матушки [3]), которую ты вѣрно иногда посѣщаешь въ ея единочествѣ и которой я не вполнѣ вѣрю, когда она о себѣ пишетъ. Здорова-ли княгиня? Скажи ей мое усердное почтеніе. Мнѣ теперь несравненно лучше, однакожъ я еще около мѣсяца пробуду здѣсь: ибо предпринимаю лѣченіе водами. Хомякова [4]) я уже здѣсь не засталъ, онъ въ деревнѣ и почти совершенно выздоровѣлъ. Александръ Пушкинъ уже вѣрно теперь въ Петербургѣ [5]). Я иногда вижу Языкова [6]). Въ понедѣльникъ услышу славную Зонтагъ [7]). Поклонись Титову и Мальцову [8]) отъ меня и пріими мой дружескій совѣтъ быть здоровымъ и не забывать твоего Веневитинова.

Какова рѣчь Погодина въ университетѣ [9]), помѣщенная въ 12 №

---

[1]) Извѣстный скульпторъ Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ (р. 1787 † 1839).

[2]) Алексѣю Николаевичу, президенту Императорской академіи художествъ.

[3]) Анны Николаевны Веневитиновой, рожд. княжны Оболенской († 1841).

[4]) Алексѣя Степановича.

[5]) А. С. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы на нѣсколько дней въ Петербургъ 14-го или 15-го іюля 1830 года (см. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, т. VII, Спб. 1903, стр. 350).

[6]) Поэта Николая Михайловича.

[7]) Знаменитую пѣвицу Генріетту Зонтагъ (р. 1805 † 1854).

[8]) Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ (р. 1805 † 1880), бывшій ревностнымъ сотрудникомъ „Московскаго Вѣстника“ (впослѣдствіи дѣйств. тайный совѣтникъ).

[9]) „Рѣчь о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности россійскихъ“, произнесенная Погодинымъ 26-го іюня 1830 года на торжественномъ праздновапіи семидесятипятилѣтней годовщины существованія Московскаго университета.

«М(осковскаго) Вѣст(ника)»? (Неслыханное дѣло въ лѣтописяхъ нашего университета), онъ возбудилъ всеобщія громкія рукоплесканія изо всѣхъ концовъ залы [1]).

Ничего не взялъ съ собой изъ Петербурга и пишу къ тебѣ на пресквернной бумагѣ, сейчасъ купленной въ лавочкѣ, на которой чернилы разливаются.

VIII. Письма А. И. Кошелева.

1.

Москва, февраля 21-го дня 1831.

Здравствуй, любезный другъ Одоевскій! Послѣ трехдневнаго, весьма счастливаго путешествія, я пріѣхалъ въ Москву. Я сидѣлъ одинъ въ каретѣ и всѣмъ дилижансомъ командовалъ по своему благоусмотрѣнію. Гибель воспоминаній возобновились въ моей памяти при видѣ Бѣлокаменной [2]). Какъ въѣхали въ заставу, мнѣ хотѣлось расцѣловать всѣхъ, кого ни встрѣчалъ. Вообрази, въ Москвѣ почти ничто не перемѣнилось; всѣ вывѣски на прежнемъ своемъ мѣстѣ, кареты, которыя помнятъ царя Гороха, и проч. Когда я пріѣхалъ въ Питеръ, я не былъ такъ пораженъ различіемъ, существующимъ между нашими обѣими столицами, но теперь нахожу, что Москва нимало не похожа на несносный нашъ Питеръ, а потому я безъ ума отъ родимой Бѣлокаменной.

Въ самый день пріѣзда я видѣлъ Кирѣевскаго [3]). Его положеніе меня безпокоитъ. Душевныя скорби ввергли его въ бездѣйствіе: онъ только и знаетъ спать да ѣсть, ѣсть да спать. Постараюсь возвратить его семейству, ибо теперь и мать его [4]) рѣдко съ нимъ видится. Добрый, прекрасный малый, но большой чудакъ.

---

[1]) Ср. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга третья, стр. 161—162.

[2]) А. И. Кошелевъ покинулъ Москву въ сентябрѣ 1826 года и въ концѣ этого года поступилъ въ Петербургѣ на службу въ канцелярію министра иностранныхъ дѣлъ (см. Н. Колюпановъ, Біографія Александра Ивановича Кошелева, томъ I, книга II, Москва. 1889, стр. 175).

[3]) Ивана Васильевича. „Кирѣевскаго я не понимаю—писалъ М. П. Погодинъ С. П. Шевыреву 13-го апрѣля 1831 г.—Лежитъ и спитъ; да неужели онъ ничего не надумываетъ. Невѣроятно" („Русскій Архивъ" 1882 г., книга третья, стр. 184).

[4]) Авдотья Петровна Елагина (въ 1-мъ бракѣ Кирѣевская).

Вчера на балѣ у Щербининой[1]) встрѣтилъ Пушкина[2]). Онъ очень мнѣ обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. въ прошедшую среду. Онъ познакомилъ меня съ своею женою, и я отъ нея безъ ума. Прелесть какъ хороша. Сегодня вечеромъ ѣду къ нимъ. Пушкинъ весьма доволенъ твоимъ Квартетомъ Бетговена[3]). Онъ говоритъ, что это не только лучшая изъ твоихъ печатныхъ пьесъ (что бы немного значило), но что едва когда-либо читали на русскомъ языкѣ статью столь замѣчательную и по мыслямъ, и по слогу. Онъ бѣсится, что на нее обращаютъ мало вниманія. Онъ находилъ, что ты въ этой пьесѣ доказалъ истину весьма для Россіи радостную; а именно, что возникаютъ у насъ писатели, которые обѣщаютъ стать на-ряду съ прочими европейцами, выражающими мысли нашего вѣка.

Пиши ко мнѣ, любезный другъ, не лѣнись. Скажи, что дѣлаетъ Блудовъ[4]), комитетъ[5]) и пр. Что дѣлаютъ наши знакомые (разумѣется, не всѣ, но тѣ изъ нихъ, которые меня интересуютъ)?....

Навѣки другъ твой Кошелевъ.

2.

(Лейпцигъ[6]), 12-го (24-го) августа 1831).

Секретно.

Сейчасъ былъ у меня Брокгаузъ[7]), и я ему обѣщалъ для издаваемаго имъ пополненія къ Conversations-Lexicon—хорошую статью о

---

[1]) Вѣроятно, Настасья Михайловна Щербинина, рожденная княжна Дашкова (дочь княгини Е. Р. Дашковой), жена Андрея Евдокимовича Щербинина (она скончалась въ Москвѣ лѣтомъ 1830 года) (см. „Русскій Архивъ" 1876 года, книга третья, стр. 293).

[2]) Александра Сергѣевича.

[3]) Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго „Послѣдній концертъ Бетговена" была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1831 годъ. (Спб. 1830), стр. 101—119. Статья была подписана буквами ь. ъ. й.

[4]) Дмитрій Николаевичъ, въ то время исправлявшій должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

[5]) Учрежденный въ 1828 году Комитетъ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи. Комитетъ этотъ состоялъ при главномъ управленіи духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кошелевъ состоялъ на службѣ въ канцеляріи этого комитета съ начала 1829 года (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. II, кн. I, стр. 181).

[6]) Въ свое первое заграничное путешествіе А. И. Кошелевъ отправился въ началѣ іюня 1831 года (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. I, кн. II, стр. 213). Изъ этого путешествія сохранилось нѣсколько обширныхъ писемъ Кошелева къ кн. В. Ѳ. Одоевскому; помѣщаемъ здѣсь лишь приписку къ письму изъ Лейпцига, отъ 12-го (24-го) августа 1831 года, и полностью письмо изъ Женевы, отъ 29-го октября (10-го ноября) того же года.

[7]) Извѣстный лейпцигскій книгопродавецъ-издатель.

русской литературѣ. Сдѣлай милость, возьми на себя составить отчетъ за послѣдніе годы [1]). Весьма важно дать Брокгаузу хорошую статью о семъ предметѣ. Я не могу, за недостаткомъ времени, передать тебѣ всего, о чемъ я съ нимъ переговорилъ, но скажу только, что намъ необходимо быть съ нимъ въ сношеніяхъ. Жуковскій въ перепискѣ съ Брокгаузомъ [2]). Къ тому же онъ мнѣ обѣщалъ прямо доставлять ко мнѣ книги дешевле, чѣмъ онѣ продаются въ Лейпцигѣ, т. е. уступать мнѣ 20 процентовъ. О семъ никому не говори ни полслова. Не надобно, чтобъ Булгарины, Полевые знали, что мы въ сношеніяхъ съ Брокгаузомъ, а еще менѣе, что посылаемъ ему статьи. Сдѣлай милость, не откажись исполнить мою покорнѣйшую просьбу: самъ послѣ меня поблагодаришь. Переведи ее или дай ее кому перевести на французскій языкъ, а прислать ее нужно около новаго года. Я научу тебя, какъ ее доставить къ Брокгаузу. Наши посольства такъ милы, такъ снисходительны, что съ радостью возьмутъ на себя препроводить пакетъ въ Лейпцигъ чрезъ нашего ген(еральнаго) консула барона Фрейганга [3]).

N. B. Такъ какъ эта статья пойдетъ въ Conversations-Lexicon, то она не должна быть огромна, но bien nourrie de faits [4]).

3.

Женева, 29-го октября (10-го ноября) 1831.

Здравствуй, любезный другъ Одоевскій. Я обѣщалъ вскорѣ писать и сообщить тебѣ кой-что о моихъ странствованіяхъ. Спѣшу исполнить данное слово. Изъ Лейпцига (оттуда, кажется, я писалъ къ тебѣ последнее мое недѣловое письмо) я отправился въ Веймаръ, куда я пріѣхалъ 27-го августа [5]) наканунѣ 84-го [6]) дня рожденія Гёте, которое нынѣшній годъ имѣло праздноваться особеннымъ образомъ. Знамени-

---

[1]) Эта предполагавшаяся статья не была написана. Въ „Conversations-Lexicon der neuesten Zeit und Literatur“ Брокгауза (т. III, Leipzig. 1833) помѣщена (стр. 816—855) статья: „Russland seit dem Jahre 1829“, но въ ней нѣтъ обзора русской литературы за послѣдніе годы.

[2]) Жуковскій выписывалъ чрезъ Брокгауза книги для библіотеки цесаревича Александра Николаевича.

[3]) Русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ королевствѣ былъ Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783 † 1849).

[4]) Т. е. но богата фактическимъ содержаніемъ.

[5]) Новаго стиля. О пребываніи Кошелева въ Веймарѣ ср. выдержки изъ его дневника, помѣщенныя Колюпановымъ въ „Біографіи Александра Ивановича Кошелева“, т. II, Москва. 1892, стр. 3—4 и 7, и Записки Александра Ивановича Кошелева (Берлинъ. 1884), стр. 35—37.

[6]) Въ письмѣ Кошелева ошибка; слѣдуетъ читать: 82-го.

тый Давидъ [1]), который тому два года назадъ, покинувъ свой Парижъ, пріѣхалъ въ Веймаръ, провелъ въ этомъ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ цѣлые шесть мѣсяцевъ и занимался единственно созерцаніемъ лица Гёте и обработкою глинянаго его бюста, нынѣ, передавъ черты сего мужа прелестнѣйшему мрамору, прислалъ плодъ двухлѣтнихъ трудовъ въ подарокъ Гёте при письмѣ, въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: «Изъ юности я безпрестанно питалъ душу свою твореніями великихъ геніевъ; всегда имѣлъ къ нимъ дѣтское благоговѣніе и поклялся, что я посвящу минуты чистѣйшаго вдохновенія изваянію бюста величайшаго человѣка моего вѣка. Вы величайшій человѣкъ моего вѣка; вамъ принадлежитъ лучшій плодъ рѣзца моего». Немедленно по пріѣздѣ моемъ въ Веймаръ, я пошелъ къ нашему повѣренному въ дѣлахъ гр(афу) Санти [2]), а вмѣстѣ съ нимъ къ г. Миллеру [3]), другу Гёте и учредителю торжества, который снабдилъ меня нужными билетами для слѣдующаго дня. Самого Гёте не было въ Веймарѣ; онъ боялся, чтобъ это торжество слишкомъ сильно на него не подѣйствовало, а потому предпочелъ удалиться въ Ильменау, мѣстечко, гдѣ въ молодости онъ часто живалъ и гдѣ онъ написалъ самые пламенные стихи. Поутру на слѣдующій день (28-го) весь городъ былъ въ величайшемъ движеніи: иной бѣжалъ за билетомъ, другой хлопоталъ объ устройствѣ праздника. Всѣ ученые и люди образованные изъ сосѣдственныхъ городовъ съѣхались праздновать Гёте. Ты себѣ вообразить не можешь, какъ его уважаютъ въ Германіи. Онъ идолъ всѣхъ нѣмцевъ. Торжество началось чтеніемъ рѣчи, потомъ пѣли стансы, наконецъ при словахъ: «Слава тебѣ, Гёте, слава тебѣ, безсмертному» занавѣса, скрывавшая дотолѣ бюстъ Гёте, упала, и двѣ прелестныя дѣвы увѣнчали главу виновника торжества. Бюстъ сей истинно чудесенъ. Жаль, что въ библіотекѣ [4]), гдѣ его поставили, нѣтъ довольно мѣста ни въ вышину, ни ширину для изваянія, столь колоссальнаго. Другіе бюсты и портреты Гёте похожѣе на Гёте въ обыкновенномъ положеніи, но твореніе Давида являетъ намъ Гёте идеальнаго, такого, какимъ мы привыкли его воображать. Давидовъ бюстъ останется навсегда однимъ изъ совершеннѣйшихъ твореній новѣйшаго ваянія. Въ два часа сѣли за столъ, и обѣдъ продолжался шесть часовъ. Отъ начала до конца пѣли стихи, произносили рѣчи и пр. пр. (Каковъ былъ обѣдъ? Лучше не спрашивай. А вино? Кабы Вакхъ его отвѣдалъ, то вѣрно бы захлебнулся). Вечеръ въ честь Гёте былъ во дворцѣ. Всѣ ученые были на семъ ве-

---

[1]) Французскій скульпторъ (р. 1788 † 1856).
[2]) Графъ Василій Александровичъ Санти († 1841).
[3]) Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ (р. 1779 † 1840).
[4]) Въ Придворной библіотекѣ.

черѣ, и не въ первый разъ, ибо великая княгиня [1]) весьма ихъ любить и отличаетъ. Я ѣзжалъ ежедневно во дворецъ и всегда находилъ тамъ какого-нибудь интереснаго человѣка. Гёте я видѣлъ [2]). Верхняя часть его фигуры прелестна: геніальный лобъ, огненные глаза и глубокомысліе скрывающія брови; но нижняя, т. е. ротъ, челюсти и подбородокъ, выражаютъ, какъ и у всѣхъ нѣмцевъ, грубую чувственность. Гёте, какъ и всѣ нѣмцы, корючитъ царедворца и министра. Я его пріемомъ весьма недоволенъ. Онъ принялъ меня слишкомъ учтиво, встрѣчалъ у дверей, провожалъ до крыльца, говорилъ только о великой княгинѣ и никакъ не могъ направить разговоръ на интересный предметъ. Я говорилъ ему о томъ, о другомъ, а онъ все возвращался ко двору. Онъ еще весьма свѣжъ, много работаетъ, окончилъ вторую часть Фауста, но никому ея еще не читалъ. Говорятъ, что онъ пишетъ свои записки; напечатанныя его записки суть только отрывки изъ тѣхъ, которыя онъ составляетъ и которыя не прежде его смерти, а можетъ и гораздо позже, выдутъ въ свѣтъ. Въ Веймарѣ я остался двѣ недѣли и провелъ свое время очень пріятно; но болѣе я бы остаться не могъ. Нѣмцевъ можно изучать, но удовольствія ради съ ними жить невозможно. Изъ Веймара, чрезъ Ерфуртъ, Готу, Ейзенахъ и пр., пріѣхалъ я въ Франкфуртъ, гдѣ въ то время была ярмарка. Я осмотрѣлъ тамъ чудесный соборъ, знаменитый Рёмеръ, видѣлъ домъ, гдѣ родился и былъ воспитанъ Гёте, и любовался несравненною Данекеровою Аріадною [3]). Я ничего не видалъ совершеннѣе сего чуда изъ чудесъ. Не буду говорить о семъ изваяніи, во-первыхъ потому, что я не слишкомъ густо смыслю въ искусствахъ, а во-вторыхъ потому, что спѣшу на Рейнъ. Прежде чѣмъ испію Іоаннисбергеръ, скажу тебѣ, что въ Франкфуртѣ столкнулся съ Зайцевскимъ [4]), весьма съ нимъ познакомился, и уговорились вмѣстѣ провести зиму. По Рейну [5]) путешествовалъ я не какъ русскій баринъ, не какъ англійскій бифстексъ, не какъ нѣмецкій студентъ, но какъ истинный любитель при-

---

[1]) Великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская.

[2]) Кошелевъ былъ у Гёте 4-го сентября н. ст. (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. II, стр. 7). Гёте въ своемъ дневникѣ 1831 года о посѣщеніи Кошелева сдѣлалъ лишь слѣдующую краткую замѣтку (подъ 4-мъ сентября): „Um 12 Uhr Herr Alexander Koscheleff" (Goethe's Tagebücher, 13 Band (Weimar. 1903), стр. 133.

[3]) Знаменитое произведеніе скульптора Іоганна-Генриха Даннеккера (р. 1758 † 1851).

[4]) Ефимъ Петровичъ Зайцевскій († 1860), писавшій стихотворенія преимущественно элегическаго характера, сотрудничавшій въ „Литературной газетѣ", „Сынѣ Отечества" и др. изданіяхъ.

[5]) О пребываніи Кошелева во Франкфуртѣ, его дальнѣйшемъ путешествіи по Рейну и житьѣ въ Женевѣ ср. „Записки Александра Ивановича Кошелева", стр. 37—39.

роды: пѣшкомъ, одинъ, съ сумкою за плечами и съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ. Шелъ, какъ хотѣлъ; останавливался, гдѣ то душѣ угодно было; безпрестанно переѣзжалъ съ одной стороны рѣки на другую, и вездѣ пилъ лучшія вина. Я много ожидалъ отъ Рейна, но, несмотря на то, надежды мои были превзойдены. Вообрази себѣ рѣку необыкновенно быструю, берега то отлогіе, прелестною зеленью покрытые, усаженные виноградомъ и отъ народа почти копошащіеся, то дикія скалы, голые утесы и надъ рѣкою нависнувшіеся граниты; прибавь къ тому самыя живописныя и на каждомъ шагу встрѣчающіяся развалины знаменитыхъ замковъ, прелестные города и села, коими усѣяны берега, и живительный, теплый, ароматами напоенный воздухъ;—вообрази все это, и ты еще не будешь имѣть полнаго понятія о красотахъ очаровательныхъ Рейна. На террасѣ замка князя Меттерниха я одинъ опорожнилъ бутылку, золотымъ сургучемъ запечатанную, Іоаннисбергскаго вина и стоющую здѣсь на мѣстѣ 15 рублей. Въ Рюдесгеймѣ я попотчивалъ себя тамошнимъ 1811 года виномъ.—Путешествіе мое по Рейну составляетъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ эпизодовъ моего странствованія. Изъ Майнца я пѣшкомъ дошелъ до Кобленца, а оттуда назадъ на пароходѣ я поѣхалъ чрезъ Майнцъ въ Мангеймъ. Я посѣтилъ Гейдельбергъ. Мѣстоположеніе сего города чудесно, замокъ едва-ли не замѣчательнѣйшій во всей Германіи, а окружности такъ хороши, что жаль съ ними разстаться. Я не могъ познакомиться ни съ Крейцеромъ[1]), ни съ Тибо[2]), ибо во время вакацій вся Германія путешествуетъ, и я никого не нашелъ въ Гейдельбергѣ.—Чрезъ Карлсруе, Баденъ-Баденъ я отправился въ Швейцарію. Когда я выѣхалъ изъ Германіи, я перекрестился обѣими руками. Нѣмцы добрые люди, но жить съ ними, скорѣе я бы согласился заживо положить себя въ гробъ. Я намѣренъ предложить на разрѣшеніе европейскихъ ученыхъ слѣдующій вопросъ: Къ какому царству природы удобнѣе причислить нѣмцевъ? Что они не люди, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Едва-ли они и животныя. Сіи послѣднія одарены способностью произвольно двигаться; нѣмцы оной не имѣютъ; если они не растенія, то можно смѣло причислить ихъ къ роду полиповъ, но должно изъ нихъ составить особенный видъ.—По Швейцаріи я проѣхалъ довольно быстро, ибо спѣшилъ въ Женеву на покой. Когда мѣсяца четыре порыскаешь, то чувствуешь необходимость гдѣ-нибудь пустить корень. Въ Базелѣ я простился съ Рейномъ и восхищался богатою коллекціею

---

[1]) Профессоръ Гейдельбергскаго университета, филологъ Георгъ-Фридрихъ Крейцеръ (Kreuzer, р. 1771 † 1858).

[2]) Знаменитый профессоръ римскаго права Антонъ-Фридрихъ-Юстусъ Тибо (Thibaut, р. 1772 † 1840).

Голбейновыхъ картинъ. Окружности Берна и самый Бернъ—прелестны. Не могу выразить чувства, которое произвелъ во мнѣ первый взглядъ на снѣжныя горы. Въ первую минуту я принялъ ихъ за облака, но чѣмъ болѣе я приближался къ Берну, тѣмъ яснѣе обрисовывались ихъ гигантскія формы. При захожденіи солнца, снѣжныя горы особенно замѣчательны. Уже долины покрыты вечернею темнотою, но солнце еще долго играетъ на вершинахъ Jungfrau, Schreckhorn и пр. Эти картины описать невозможно; надобно видѣть, ибо никакая кисть передать еще не можетъ. Въ Лозаннѣ увидѣлъ я несравненный Леманъ. На пароходѣ ходилъ я по озеру вдоль и поперекъ. Я видѣлъ Vevey, Montreux, Clarens, la Meillerie, Шильонъ и пр. Думалъ о Руссо и Байронѣ, и я, не сентиментальный Кошелевъ, погрузился въ мечтанія. Чудесенъ Рейнъ, но восточный край Лемана лучше всего того, что я видѣлъ: снѣжныя горы, которыя занимаютъ fond картины, придаютъ оной красоту несравненную. Какъ странно чувствовать жаръ, дышать ароматный воздухъ, видѣть вокругъ себя зелень и воду и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть предъ собою льдовыя громады.

11-го октября нов. ст. пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ, какъ я къ тебѣ уже писалъ, намѣренъ провести зиму. Здѣсь тьма русскихъ. Всякій день видаюсь съ Соболевскимъ [1], Зайцевскимъ [2], Галаховымъ [3] и многими другими соотчичами, которыхъ ты не знаешь. На-дняхъ пріѣхалъ сюда піитъ Ободовскій [4] съ своимъ птенцомъ. Русскихъ баричей здѣсь также весьма много: полдюжины Голицыныхъ, столько же Нарышкиныхъ, Шуваловы и пр. Я бываю у нихъ, разумѣется, какъ можно рѣже. Мы слѣдуемъ здѣсь разные курсы. Я слушаю уголовное право у знаменитаго Росси [5], естественную исторію у Декандолля [6], а физику у Деларива [7]. Росси своего курса еще не началъ. Декандоль

---

[1]) Сергѣемъ Александровичемъ (р. 1804 † 1870), извѣстнымъ библіофиломъ и библіографомъ, пріятелемъ Пушкина и князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) См. выше стр. 209, прим. 4-е.

[3]) Вѣроятно, москвичъ Павелъ Александровичъ Галаховъ (р. 1776, въ Москвѣ † 1838, за границею); его сынъ Александръ Павловичъ впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ и с.-петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ.

[4]) Драматургъ Платонъ Григорьевичъ Ободовскій (р. 1803 † 1864), авторъ „Велизарія", пользовавшійся въ свое время широкою извѣстностью. П. Г. Ободовскій пробылъ за границею съ 1830 до 1835 года, и дольше всего оставался въ Женевѣ (см. Ив. Кубасовъ, „Платонъ Григорьевичъ Ободовскій" въ „Русской Старинѣ" 1903 г., ноябрь, стр. 355).

[5]) Криминалистъ, политико-экономъ и итальянскій государственный дѣятель графъ Пеллегрино-Луиджи-Одоардо Росси (р. 1787 † 1848).

[6]) Знаменитый ботаникъ Augustin-Pyramus De Candolle (р. 1778 † 1841).

[7]) Извѣстный физикъ Auguste De Larive (р. 1801 † 1873).

*

говоритъ весьма краснорѣчиво, и я съ нимъ довольно коротко познакомился. Что прекрасно, это то, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи славную библіотеку, которая открыта для публики отъ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи. Въ этой библіотекѣ получаются всевозможные политическіе и литературные журналы (числомъ 140). Читай, сколько душѣ угодно. Я познакомился съ пресловутымъ Бонстетеномъ [1]. Ему уже 86 лѣтъ, и весьма интересно его слушать, когда онъ говоритъ о Миллерѣ [2], Шиллерѣ и другихъ знаменитыхъ людяхъ, съ которыми онъ жилъ. Я уже познакомился со многими женевцами и думаю, что проведу зиму весьма пріятно и полезно. Я работаю довольно. Особенно занимаюсь правами. Осматривалъ здѣсь la maison pénitentiaire [3]. Собираю всевозможныя свѣдѣнія о исправительной системѣ и по возвращеніи въ Россію намѣренъ издать что-нибудь объ этомъ предметѣ. Путешествіе издавать я не намѣренъ, но издамъ брошюрки о разныхъ предметахъ, на которые я обращалъ вниманіе. Я собралъ хорошія свѣдѣнія о состояніи школъ въ Германіи, о журналахъ нѣмецкихъ и пр. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ писать путешествіе по странѣ, по которой только-что проскакалъ. Изо ста путешествій едва два или три можно читать съ удовольствіемъ и пользою. До сихъ поръ лучшая книга въ семъ родѣ для Швейцаріи есть путешествіе Кокса [4], которое написано тому слишкомъ полвѣка. Большая часть странствователей разводитъ ни къ чему не ведущими размышленіями сухія показанія Guide du voyageur [5]. Уже въ Питерѣ я дѣлался жестокимъ практикомъ, но теперь одни факты имѣютъ цѣну въ моихъ глазахъ. Много новыхъ мыслей родило, развило и утвердило во мнѣ путешествіе. Сколько иллузій разрушено, но за то сколько дѣйствительныхъ свѣдѣній пріобрѣтено. Благодарю тебя усердно за твои литературныя извѣстія; но что ни полслова не говоришь о своихъ экономическихъ дѣлахъ: что дѣлается въ твоемъ саду? хорошо-ли ведетъ себя огородникъ? Ты знаешь, что я жестоко занимаюсь садоводствомъ и, хотя бы садъ не принадлежалъ тебѣ, я бы все имъ интересовался. Я намѣренъ отсюда вывезти много сѣмянъ, а если можно, то переслать и нѣсколько прививковъ. Здѣсь, какъ ты знаешь, славный ботаническій садъ.—Что новаго въ европейской литтературѣ? Литтературы, въ собственномъ смыслѣ взятой, нѣтъ

---

[1]) Карлъ-Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745 † 1832), писатель, другъ извѣстнаго швейцарскаго историка Іоганна Миллера (р. 1752 † 1809).

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) Т. е. исправительный домъ.

[4]) Англійскій историкъ Вилліамъ Коксъ (Coxe, р. 1747†1828). Его „Путешествіе по Швейцаріи“ (Travels in Switzerland) вышло въ свѣтъ въ 1789 г.

[5]) Т. е. Путеводителя.

болѣе въ Европѣ. И въ Германіи даже выходятъ однѣ брошюры. Во Франціи появились теперь двѣ брошюры, которыя надѣлали много шума. Одну издалъ Шатобріанъ подъ заглавіемъ: Du bannissement des Bourbons [1]); другую же Ламартинъ Sur la politique rationnelle [2]). Шатобріанъ, который сталъ такъ высоко въ общемъ мнѣніи, безкорыстно посвятивъ свой талантъ защитѣ Бурбоновъ, и который, отрекшись отъ всѣхъ выгодъ, на которыя онъ по своему мѣсту имѣлъ право [3]), рѣшился мирно провести остальные дни свои въ Женевѣ, снова вышелъ на политическое позорище и издалъ брошюру, гдѣ онъ не защищаетъ ни начала законности, ни начала народнаго владычества, и гдѣ онъ выхваляетъ республику и Генриха V. Цѣль его очевидна: онъ хочетъ, чтобъ Франція снова потряслась, ибо честолюбіе его снѣдаетъ, и онъ видитъ, что, при теперешнемъ правленіи, онъ не можетъ играть никакой роли. Въ Женевѣ его весьма не любятъ и не уважаютъ. Всѣ соглашаются въ томъ, что онъ готовъ чорту душу свою продать, но остаться въ покоѣ—это для него невозможно. Ламартинъ основываетъ на евангельскихъ правилахъ республиканскую теорію правленія и щедро расточаетъ по своимъ политическимъ страницамъ размышленія, чувствованія и пр., занятыя изъ Méditations poétiques [4]), Harmonies poétiques [5]) и прочей имъ изданной и написанной чепухи. Однако я весьма записался. Надобно и честь знать. Поклонись весьма усердно, поцѣлуй ручки и ножки у сіятельной княгини. За извѣстіе о бракосочетаніи [6]) спасибо. Принято къ свѣдѣнію. Что впослѣдствіи по сему предмету приключится, прошу почтить увѣдомленіемъ. Вотъ тебѣ коммиссія и весьма отлагательствъ

---

[1]) Точное заглавіе этой брошюры Шатобріана, изданной въ 1831 году, слѣдующее: De la nouvelle proposition relative au bannissement de Charles X et de sa famille, ou Suite de mon dernier écrit de la restauration et de la monarchie élective.

[2]) Вышла тоже въ 1831 году.

[3]) Послѣ іюльской революціи 1830 года Шатобріанъ отказался отъ званія пэра; нѣсколько ранѣе онъ оставилъ постъ французскаго посла въ Римѣ.

[4]) Вышли въ свѣтъ въ 1820 г. и выдержали много изданій.

[5]) „Harmonies poétiques et religieuses“ вышли въ свѣтъ въ 1830 г. и тоже выдержали нѣсколько изданій.

[6]) О выходѣ извѣстной Александры Осиповны Россетъ замужъ за Николая Михайловича Смирнова. Въ январѣ 1831 г. съ А. О. Россетъ познакомился А. И. Кошелевъ и былъ ею очарованъ; вскорѣ онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ, который былъ тяжелымъ ударомъ для Кошелева У него разыгралась болѣзнь печени, и доктора посовѣтовали ему ѣхать за границу, лѣчиться въ Карлсбадъ (см. Колюпановъ, Біографія Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. II, стр. 207—214).

не терпящая: сходи ни мало не медля въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и у господина —[1]) освѣдомься: получена-ли просьба моя объ отсрочкѣ отпуска, и скорѣе какъ можно увѣдомь о результатѣ. Сообразно полученнымъ мною отъ тебя свѣдѣніямъ я устрою свой планъ путешествія. Сдѣлай милость, не полѣнись, ибо это дѣло для меня весьма важно, и чѣмъ скорѣе получу отъ тебя отвѣтъ, тѣмъ оное будетъ для меня лучше. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ и часъ дорогъ. Прощай. Навѣки другъ твой Кошелевъ.

4.

22-го марта (1858). 11 часовъ по полудни, т. е. за часъ до полуночи.

Письмо твое отъ 19-го марта получено мною 22-го марта вечеромъ, и сей же часъ я тебѣ отвѣчаю, любезный другъ Одоевскій. Учись у насъ акуратности и практичности.

Каталогъ иноязычнымъ книгамъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи я весьма охотно напечатаю, но не въ «Благоустройствѣ», а въ «Бесѣдѣ»[2]). Вотъ почему: «Сельское Благоустройство» есть журналъ по преимуществу практическій; «Бесѣда» же по преимуществу ученый; каталогъ книгамъ иноязычимымъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи принадлежитъ болѣе къ области послѣдняго журнала, гдѣ я также буду помѣщать статьи объ эманципаціи, но болѣе теоретическія, ученыя, историческія, и пр. Почему потрудись передать Модесту Андреевичу [3]), что съ благодарностью я принимаю его предложеніе насчетъ напечатанія каталога вышеупомянутыхъ книгъ. Я могу помѣстить его во 2-мъ № «Бесѣды», имѣющемъ вытти въ маѣ, и готовъ представить ему полсотни или сотню экземпляровъ этого каталога. Увѣдомь меня о его рѣшеніи. Если онъ изъявитъ согласіе, то найми переписать этотъ каталогъ и пришли его ко мнѣ, но наблюди, чтобы каталогъ былъ вѣрно переписанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу тебя по прилагаемой запискѣ взять у Давыдова (противъ Аничкова дворца) экземпляръ «Бесѣды» и «Сельскаго Благоустройства» за 1858 годъ и поднести его отъ меня Модесту Андреевичу.

Очень радъ, что «Сельское Благоустройство» тебѣ нравится. Надѣюсь, что 2 и 3 номерами ты будешь еще болѣе доволенъ, ибо дѣло

---

[1]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

[2]) „Сельское Благоустройство“ и „Русская Бесѣда“—журналы, издававшіеся А. И. Кошелевымъ.

[3]) Барону М. А. Корфу, директору Императорской Публичной Библіотеки.

еще не въ полномъ ходу—мы только раскачиваемъ г.г. помѣщиковъ. Необходимо ихъ въ дѣло втянуть, а то они какъ-то неохотно идутъ на разговоръ. Знаешь въ чемъ бѣда? Бѣда въ цензурѣ. Позволяютъ говорить за и въ духѣ рескриптовъ, а не позволяютъ говорить противъ и съ отступленіемъ отъ рескриптовъ. Мы вполнѣ не только за освобожденіе, но и за способъ, принятый въ рескриптахъ. Надобно сказать тысячу разъ спасибо за принятыя начала. Мы чувствуемъ, что отъ....[1]) вполнѣ отстать и легко, и необходимо. Но если не позволяютъ говорить противъ нашихъ мнѣній, то разговоръ невозможенъ. Справедливость, просвѣщеніе, власть и сила на нашей сторонѣ; чего же намъ бояться? Необходимо противникамъ дать высказаться—этимъ мы вѣрнѣе ихъ ослабимъ. Поговорить мѣсяцевъ шесть, да и въ кусть, и дѣло будетъ твердо и всесторонне разсмотрѣно. Авось новый министръ просвѣщенія [2]) будетъ полиберальнѣе. Прощай! Поздравляю тебя съ праздникомъ; тоже и жену твою. А. К.

IX. Письма И. В. Кирѣевскаго.

1.

(Москва. Январь 1832 года).

Спасибо тебѣ, отъ всего сердца спасибо, другъ Одоевскій, за твое участіе въ нашемъ журналѣ [3]). Надѣюсь, что слово нашемъ здѣсь не пустое: я оправдаю его тѣмъ, что постараюсь сдѣлать журналъ достойнымъ тебя, а ты—помѣщеніемъ въ немъ своихъ статей и полновластнымъ распоряженіемъ во всемъ, что до него касается. Каждая страница твоя, каждое слово твое будетъ мнѣ и подаркомъ, и знакъ дружбы.

Однако, кромѣ статей, я ожидаю отъ тебя еще важнаго дѣла: твоего мнѣнія. Прошу тебя, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, приневолить свою лѣнь и послѣ каждаго № моего журнала сказать мнѣ объ немъ твое сужденіе, замѣчая не столько хорошее, сколько недостатки, чтобы я могъ ихъ исправить и мало-по-малу довести журналъ до нѣкоторой степени достоинства. Надѣюсь, что въ этомъ тебѣ помогутъ

---

[1]) Въ письмѣ, очевидно, пропущено слово.

[2]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, назначенный 23-го марта 1858 года министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто А. С. Норова.

[3]) Въ журналѣ „Европеецъ", издававшемся въ 1832 г. И. В. Кирѣевскимъ.

Веневитиновъ [1]) и Мальцовъ [2]). Кромѣ того поручи Веневитинову собирать объ немъ голоса встрѣчныхъ и поперечныхъ, знакомыхъ тебѣ и незнакомыхъ, и сообщать съ возможною подробностью; и справедливое и несправедливое, и умное и глупое, все для меня будетъ и важно, и полезно.

Благодарю тебя за интересную брошюрку. Можетъ быть, мнѣ удастся ею воспользоваться. Во всякомъ случаѣ я возвращу ее черезъ недѣлю. Благодарю тебя также за твои милыя дружескія хлопоты о книгахъ. Но отчего не пишешь ты мнѣ, сколько я долженъ прислать тебѣ денегъ и получилъ-ли ты посланныя мною за «Телескопъ» [3])?

Раздай приложенные здѣсь билеты и возьми на себя трудъ поручить Смирдину [4]) доставить прилагаемое письмо Воейкову [5]), которое запечатай. Это отвѣтъ на его епистолу. Струйскаго [6]) я не могу взять въ сотрудники потому, что этого не позволяетъ мнѣ моя журнальная касса. Изданіе будетъ мнѣ стоить около 15-ти тысячъ, а до сихъ поръ у меня только четыреста подписчиковъ [7]). Однако объ этомъ молчи, чтобы не уронить репутацію моего «Европейца».

Присылай мнѣ скорѣе что-нибудь во второй нумеръ [8]). Грустно мнѣ видѣть первый безъ твоего имени.

Обнимаю тебя крѣпко и усердно кланяюсь твоей женѣ.

Твой И. Кирѣевскій.

---

[1]) Алексѣй Владиміровичъ (см. выше, стр. 203, прим. 1-е.)

[2]) Иванъ Сергѣевичъ (см. выше, стр. 204, прим. 8-е.)

[3]) Журналъ, издававшійся Н. И. Надеждинымъ.

[4]) Александру Филипповичу, книгопродавцу.

[5]) Александру Ѳедоровичу.

[6]) Дмитрій Юрьевичъ Струйскій, поэтъ и музыкальный критикъ, писавшій въ 1830—1840-хъ гг. подъ псевдонимомъ Трилунный. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ см. въ статьѣ проф. Е. Боброва „Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева“ („Русская Старина“ 1903 г., августъ, стр. 272—273).

[7]) „Мнѣ очень жаль, что журналъ Кирѣевскаго идетъ худо,—сообщалъ А. И. Кошелевъ князю В. Ѳ. Одоевскому 1-го (13-го) марта 1832 г. изъ Женевы—онъ пишетъ, что у него 50 подписчиковъ. Я и ему, и матушкѣ писалъ, что Кирѣевскій принялся не за свое дѣло и что журналъ его не пойдетъ. Чтобъ быть журналистомъ, не надобно имѣть огромныхъ способностей, но необходимо быть одарену тѣми способностями, которыхъ вовсе не имѣетъ Кирѣевскій. Онъ можетъ быть славнымъ сотрудникомъ, но поспѣшилъ и людей насмѣшилъ. Если бъ онъ дождался Шевырева (находившагося въ то время за границею) и съ нимъ началъ издавать журналъ, то дѣло бы пошло, хотя и не славно, но, по крайней мѣрѣ, порядочно“. Та же цифра подписчиковъ показана въ письмѣ Погодина къ Шевыреву отъ 20-го января 1832 года (см. „Русскій Архивъ“ 1882 г., книга третья, стр.193).

[8]) На второмъ нумерѣ „Европеецъ“, какъ извѣстно, и былъ запрещенъ (за помѣщенную въ этомъ № статью „Девятнадцатый вѣкъ“).

2.

10-го апрѣля 1854 г.

Любезный другъ Одоевскій.

О. Ѳ. Кошелева [1]), возвратившись изъ Петербурга, разсказывала мнѣ, что ты говорилъ ей о нашемъ послѣднемъ свиданіи съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ оскорбленной дружбы, думая, что не только мои внутреннія отношенія къ тебѣ перемѣнились, но что даже и въ наружномъ обращеніи моемъ, въ моихъ разговорахъ и шуткахъ, я съ намѣреніемъ старался выразить это.

Любезный другъ! Это совершенно несправедливо. И я спѣшу увѣрить тебя въ этомъ, спѣшу теперь особенно потому, что наступающій праздникъ былъ бы для меня не свѣтлымъ, если бы я могъ думать, что подалъ поводъ моему милому другу Одоевскому имѣть противъ меня такое тяжелое предубѣжденіе. Не думаю, чтобы полезно было входить въ подробный разборъ тѣхъ моихъ словъ, которыя, говорятъ, подали тебѣ поводъ къ такому мнѣнію и изъ которыхъ нѣкоторыя точно были сказаны мною, а другихъ я теперь не помню. Но во всякомъ случаѣ, я думаю, достаточное и несомнѣнное доказательство того, что ты ошибаешься, это то, что тяжелое обвиненіе твое совершенно несовмѣстимо съ тѣмъ чувствомъ дружбы къ тебѣ, которое я постоянно и неизмѣнно сознаю въ себѣ. Если же въ моемъ наружномъ обращеніи могъ ты замѣтить что-нибудь противное, то поручаю твоему дружескому чувству объяснить эту мою несообразность какъ-нибудь въ мою пользу;— а чего не объяснишь, то прошу просто извинить мнѣ безъ объясненія.

Прошу тебя также сказать княгинѣ, что ея чувства ко мнѣ нисколько не измѣняютъ моихъ къ ней, и когда завтра будутъ пѣть въ церкви: «и ненавидящихъ насъ простимъ», — я буду думать объ ней съ чувствомъ самаго искренняго благорасположенія.

Обнимаю тебя, любезный другъ, съ прежнею и настоящею, неизмѣнившеюся, дружбою.

Твой Иванъ Кирѣевскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Жена А. И. Кошелева, Ольга Ѳедоровна, рожденная Петрово-Соловово.

Наставленія воронежскаго епископа Митрофанія, въ схимонасѣхъ Макарія.

Употреби трудъ,
Храни мѣрность:
Богатъ будеши.

—

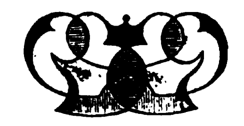
Воздержно пій,
Мало яждь:
Здравъ будеши.

—

Твори благо,
Бѣгай злаго:
Спасенъ будеши.

—

Сообщ. **Георгій Синюхаевъ.**



Восточный вопрос въ 1856—1859 гг.

V [1]).

Первое засѣданіе конференціи состоялось 10-го (22-го) мая 1858 года. Съ самаго начала было очевидно, что разногласіе между державами по существу было такъ же велико, какъ и во время Парижскаго конгресса. На третьемъ засѣданіи графъ Валевскій представилъ видоизмѣненный проектъ выработанный имъ совмѣстно съ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, къ которому Фуадъ-паша обѣщалъ Тувенелю присоединиться. Въ этомъ проектѣ французское правительство старалось примирить свои симпатіи къ соединенію Княжествъ съ желаніями Австріи, Англіи и Турціи. Согласно съ этимъ, предполагалось, что Княжества будутъ состоять подъ верховною властью султана; каждое изъ нихъ будетъ имѣть своего собственнаго пожизненнаго господаря и отдѣльное собраніе, засѣдающее въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, и, наконецъ,—это былъ самый щекотливый пунктъ,—предполагалось, что Княжества будутъ имѣть общій центральный комитетъ въ Фокшанахъ, въ составъ котораго должны были войти девять валаховъ и девять молдаванъ изъ числа членовъ собраній. Милиція Княжествъ получала одинаковую организацію и должна была состоять, въ случаѣ надобности, подъ командою одного вождя, назначаемаго центральнымъ комитетомъ; кромѣ того Княжества получали общее знамя и должны были заключить таможенный, почтовый и телеграфный союзъ.

«Если Австрія», которая, какъ извѣстно, возставала противъ всякаго проекта, имѣвшаго хотя бы самый слабый намекъ на соединеніе,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. № 3-й.

«не пойдетъ ни на какія уступки,—писалъ Бенедетти Тувенелю 23-го мая (4-го іюня) 1858 г.,—то я не думаю, чтобы мы могли придти къ соглашенію.

«Положеніе Фуада-паши будетъ крайне затруднительно, такъ какъ обѣ стороны захотятъ сослаться на мнѣніе турецкаго уполномоченнаго, и если онъ, вопреки обѣщанію, данному вамъ въ Константинополѣ, отступится отъ насъ, то я ни за что не отвѣчаю, хотя говорятъ, будто лордъ Коулэй придумалъ какой-то исходъ, который дастъ ему возможность согласиться на предложенныя нами условія».

Тувенель, съ своей стороны, писалъ Бенедетти 28-го мая (9-го іюня) 1858 г.:

«Великій визирь Али-паша сообщилъ мнѣ планъ, составленный графомъ Валевскимъ. Если Австрія и Англія въ самомъ дѣлѣ откажутся принять предложенный нами проектъ, то я не могу себѣ представить, что изъ этого выйдетъ, но я полагаю, что въ бассейнѣ, простирающемся отъ Далматіи къ Дунаю и отъ Дуная до Карпатъ и Прута, готовятся весьма серьезныя событія. Частныя письма князя Горчакова къ Киселеву наводятъ меня на большое раздумье; мнѣ кажется невѣроятнымъ, что Россія ничего не обѣщала намъ, взамѣнъ той помощи, которую мы оказываемъ ей. Словомъ, я блуждаю въ совершенныхъ потемкахъ. Возвращаясь къ вашей программѣ, скажу, что всѣ возраженія, дѣлаемыя на нее Али-пашею, касаются, главнымъ образомъ, предоставляемой центральному комитету Княжествъ «иниціативы». Само собою разумѣется, я защищаю ваше произведеніе, но я не могу себѣ представить, какимъ образомъ оно будетъ примѣняться на дѣлѣ».

Мы уже знаемъ, что Фуадъ-паша, по пути въ Парижъ, заѣзжалъ въ Вѣну, гдѣ онъ совѣщался съ графомъ Буолемъ, ярымъ противникомъ соединенія Княжествъ; настроенный имъ турецкій уполномоченный, своимъ образомъ дѣйствій на конференціи, вызвалъ неудовольствіе французскаго правительства.

«Фуадъ-паша,—писалъ Бенедетти Тувенелю,—навѣрно связанъ какими-либо обязательствами, принятыми имъ на себя, во время пребыванія въ Вѣнѣ. Когда онъ не можетъ отвѣтить уклончиво, то онъ соглашается во всемъ съ г. Гюбнеромъ» [1]).

«Мнѣ было поручено выразить Фуадъ-пашѣ, что его образомъ дѣйствій на конференціи весьма удивлены».

Турецкій сановникъ самъ понималъ, что посѣщеніе Вѣны было съ его стороны большою неловкостью, и постарался загладить это впе-

---

[1]) Представитель Австріи.

чатлѣніе, заѣхавъ въ Берлинъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительную бесѣду о дѣлахъ Княжествъ съ министромъ Мантейфелемъ.

Вотъ что послѣдній писалъ по этому поводу гр. Гатцфельдту, нѣмецкому посланнику въ Парижѣ [1]):

«Передамъ вамъ въ короткихъ словахъ разговоръ, который я имѣлъ съ Фуадъ-пашою:

«Онъ былъ очень обязателенъ и любезенъ, высказалъ, между прочимъ, что Пруссія единственная великая держава, которой не приходится, въ настоящее время, бороться съ внутренними затрудненіями; увѣрялъ меня, что все, что онъ здѣсь, въ Берлинѣ, видѣлъ, далеко превзошло его ожиданія.

«Но, между прочимъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія распространиться о самомъ животрепещущемъ вопросѣ (о Придунайскихъ Княжествахъ), такъ что я склоненъ повѣрить телеграммѣ Вильденбруха, который пишетъ изъ Константинополя, будто Порта, убѣдившись въ томъ, что Россія и Франція дѣйствуютъ въ союзѣ, рѣшилась броситься окончательно въ объятія Австріи и разсчитываетъ найти себѣ, такимъ образомъ, союзника и въ лицѣ Англіи.

«Послѣ того какъ нашъ разговоръ длился нѣкоторое время, и онъ не обмолвился ни словомъ о конференціи, я упомянулъ о занятіяхъ, которыя ему предстоятъ въ Парижѣ, и замѣтилъ, что матеріалъ, собранный коммиссіей, вѣроятно, потребуетъ серьезнаго обсужденія. Онъ возразилъ на это, что полагаетъ, что члены быстро съ этимъ справятся, такъ какъ всѣ державы желаютъ покончить дѣло какъ можно скорѣе.

«Я завелъ также рѣчь о Черногоріи и замѣтилъ, что нѣкоторые придаютъ этому дѣлу весьма серьезное значеніе. Фуадъ съ этимъ не согласился и увѣрялъ меня, что турецкія войска ни въ какомъ случаѣ не перейдутъ границу Черногоріи, и что до тѣхъ поръ, пока этого не случится, происходящее тамъ движеніе никого не касается.

«Весь этотъ разговоръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто Фуадъ умышленно не хотѣлъ высказаться, такъ что онъ могъ бы совершенно свободно не заѣзжать въ Берлинъ. По всей вѣроятности, онъ пріѣхалъ сюда только для того, чтобы смягчить этимъ впечатлѣніе, произведенное его поѣздкою въ Вѣну. Если Валевскій спроситъ васъ о томъ, что было говорено между нами, то прошу васъ сказать ему истину.

«На аудіенціи у принца прусскаго, которая продолжалась всего

---

[1]) Мантейфель—графу Гатцфельдту 28-го апрѣля (10-го мая) 1858 г. (Preussens auswärtige Politik. 1850—1858. Herausg. von Heinrich v. Poschinger. Berlin 1902, стр. 442).

десять минутъ въ моемъ присутствіи, Фуадъ вовсе не коснулся политики».

Въ вопросѣ о Княжествахъ Пруссія была весьма мало заинтересована и такъ какъ по ходу переговоровъ было ясно, что какой бы исходъ ни былъ предложенъ, нѣкоторыя «державы все-таки сочли бы себя обиженными» [1]), и что вообще трудно было придти къ какому-либо удовлетворительному заключенію, то она рѣшила держать себя на конференціи какъ можно сдержаннѣе.

Вообще, занятія конференціи шли вяло, хотя вопросъ объ учрежденіи центральнаго комитета и о національномъ флагѣ, для Княжествъ, вызвалъ жаркія пренія.

«Гюбнеръ сказалъ мнѣ,—писалъ прусскій посланникъ въ Парижѣ министру Мантейфелю [2]),—что Австрія скорѣе откажется отъ участія въ конференціи, нежели согласится на такой проектъ, т. е. на учрежденіе центральнаго комитета, такъ какъ это̀ будетъ несомнѣнно признакомъ соединенія Княжествъ, на что̀ Австрія никогда не согласится. Англія, повидимому, не приняла еще никакого рѣшенія, по крайней мѣрѣ оно еще неизвѣстно ни Валевскому, ни Гюбнеру».

Рѣшительный отказъ Австріи принять проектъ, выработанный Валевскимъ, чрезвычайно тревожилъ французское правительство.

«Послѣ засѣданія 14-го (26-го) числа сего мѣсяца,—писалъ Гацфельдтъ Мантейфелю 17-го (29-го) мая 1858 г.,—графъ Валевскій говорилъ со мною наединѣ.

«Онъ сообщилъ мнѣ, что Гюбнеръ высказалъ ему сейчасъ, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не приметъ проекта, предложеннаго Валевскимъ въ засѣданіи 14-го (26-го мая); и Гатцфельдтъ спросилъ меня, какъ я думаю, было-ли это сказано серьезно или нѣтъ. Если это сказано серьезно, то дѣло плохо, такъ какъ далѣе уступокъ, сдѣланныхъ въ этомъ проектѣ, Франція идти не можетъ.

«Я возразилъ на это, что Гюбнеръ, по всей вѣроятности, убѣжденъ въ томъ, что его правительство не согласится на такую организацію Княжествъ, которая могла бы повести со временемъ къ ихъ соединенію. Австрія дѣйствуетъ такъ, не только изъ участія къ Турціи,—сказалъ я,—но и потому, что у нея у самой два милліона подданныхъ румынъ.

«Надобно сознаться, я отнюдь не ожидалъ, что этотъ вопросъ вызоветъ такія затрудненія. Валевскій не знаетъ, что скажетъ Англія. Судя по ходу дѣлъ, онъ по-прежнему разсчитываетъ на насъ (Пруссію) и на Россію».

---

[1]) Графъ Гацфельдтъ—Мантейфелю 30-го апрѣля (11-го мая) 1858 г. Тамъ же, стр. 445.

[2]) Гатцфельдтъ—Мантейфелю 15-го (27-го) мая 1858 г. Тамъ же, стр. 452.

Англія дѣлала со своей стороны попытки привлечь Пруссію на сторону противниковъ соединенія.

Австрія же ставила Пруссіи въ обязанность поддержать ее въ этомъ дѣлѣ и при этомъ нападала на императора французовъ, который, по ея словамъ, «хотѣлъ быть диктаторомъ Европы» [1]).

Занятія конференціи тормозились не только упорствомъ Австріи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что уполномоченные, какъ писалъ Тувенелю Бенедетти, «выражали свои желанія очень туманно; кромѣ того ихъ всѣхъ обуяло желаніе просмотрѣть, исправить и измѣнить то, что ими было сказано въ засѣданіи, кое-что прибавить или убавить». Это чрезвычайно затрудняло редакцію протоколовъ конференціи и вынудило Бенедетти просить уполномоченныхъ самимъ излагать то, что они желали видѣть въ протоколахъ.

Такимъ образомъ конференція употребляла большую часть своихъ засѣданій на составленіе фантастичнаго протокола предъидущаго засѣданія, пока, наконецъ, для упрощенія дѣла, не было рѣшено помѣщать въ протоколы лишь краткіе «выводы», а не весь ходъ преній, отступая отъ этого правила только въ тѣхъ случаяхъ, когда «кто-либо изъ уполномоченныхъ изъявитъ на это желаніе».

По этому поводу Тувенель писалъ Бенедетти 18-го (30-го) іюня 1858 г.:

«Фуадъ-паша избавилъ бы себя отъ многихъ непріятностей въ Парижѣ и въ Константинополѣ, если бы онъ держалъ себя менѣе загадочно. Но онъ дѣйствуетъ такъ, что обѣ стороны имъ недовольны. На упрекъ, сдѣланный ему Али-пашою, онъ отвѣчалъ, «что онъ былъ принятъ (въ Парижѣ) такъ худо, что онъ не имѣлъ возможности обсудить что-либо съ министромъ, и что русскіе приняли мѣры къ тому, чтобы его держали какъ бы въ карантинѣ.

«Мнѣ пишутъ, что сэръ Гэнри Бульверъ отзывается о Фуадѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ,—продолжалъ Тувенель,—и я не удивлюсь, если онъ постарается подчинить пашу своему вліянію и сдѣлать такъ, чтобы Фуадъ былъ весь къ его услугамъ. Поэтому, если въ Парижѣ не хотятъ, чтобы въ лицѣ Фуада возродился второй Решидъ-паша, то я совѣтую найти средство загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него въ моментъ его пріѣзда въ Парижъ.

«Султанъ оказываетъ мнѣ, въ настоящее время, еще больше вниманія, чѣмъ прежде, и любезность его на праздникѣ палатокъ обратила на себя всеобщее вниманіе».

«Г. Тувенель былъ приглашенъ на праздникъ палатокъ,—записала графиня Марья де-Мельфоръ въ своемъ дневникѣ,—и такъ какъ онъ не

---

[1]) Мантейфель—Гатцфельдту, 19-го (31-го) мая 1858 г.

могъ отказаться, ибо султанъ присутствовалъ на немъ лично, то онъ уговорилъ свою супругу и меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

«Празднество это состоялось по случаю обрѣзанія сыновей султана и множества мальчиковъ, пріѣхавшихъ изо всѣхъ частей имперіи. Говорили также о свадьбѣ юныхъ султаншъ, но это было только предлогъ, чтобы скрыть истинную цѣль церемоніи. На высотахъ, господствующихъ надъ Долма Бахче, было разбито нѣсколько тысячъ палатокъ.

«Палатки султана, принцевъ, министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ имперіи помѣщались за особой оградой. Въ теченіе двѣнадцати дней, кои продолжаются эти празднества, султанъ угощаетъ всѣхъ. Министры толпятся въ палаткахъ весь день и часть ночи.

«Тамъ рѣшаются всѣ дѣла, и туда являются къ нимъ съ докладами драгоманы. Въ это время Порта пустѣетъ.

«Посольство было въ полномъ составѣ; окутанные цѣлымъ облакомъ пыли, мы понеслись къ мѣсту празднества въ трехъ придворныхъ экипажахъ; зрѣлище, которое представляли палатки и разноцвѣтная пестрая толпа, было въ высшей степени живописное. Мы пробрались, наконецъ, сквозь толпу до нашей палатки, третьей по очереди, послѣ палатки султана и великаго визиря. Но оказалось, что мы пріѣхали слишкомъ рано, и цѣлыхъ два часа до заката солнца мы провели не особенно весело. Въ палаткѣ было пыльно и душно, а снаружи утомительный для глазъ блескъ солнца. Въ видѣ развлеченія, мы разсматривали экипажи, переполненные турчанками въ роскошныхъ нарядахъ, и смотрѣли на канатныхъ плясуновъ, которые продѣлывали свои штуки на ужасной высотѣ. Намъ подавали мороженое, кофе, и въ нашей палаткѣ побывали великій визирь, министръ иностранныхъ дѣлъ и другіе высшіе сановники.

«Затѣмъ мы смотрѣли турецкую комедію.

«На сценѣ изображалось возстаніе въ гаремѣ, сопровождавшееся довольно комическими сценами. Само собою, разумѣется, что женскія роли исполнялись мужчинами, окутанными въ плащъ и вуаль. Эти сцены возбуждали, повидимому, восторгъ зрителей, которые неоднократно спрашивали насъ: «нравится-ли вамъ наша народная комедія?» Затѣмъ, перейдя черезъ ровикъ, отдѣлявшій насъ отъ остальной публики, мы совершили маленькую прогулку между экипажами, что̀ видимо очень заинтересовало турчанокъ, давно уже поджидавшихъ насъ.

«Тысячи взоровъ были обращены на супругу посланника и на меня, что̀ нѣсколько смущало насъ.

«Наконецъ мы замѣтили знакомый намъ экипажъ жены Фуада-

паши, которая привѣтствовала насъ, махая вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ.

«Ея хорошенькая невѣстка кланялась намъ еще усерднѣе. Она была очаровательна подъ своимъ бѣлымъ вуалемъ, изъ-за котораго виднѣлись только одни чудные блестящіе глаза. Я обратила вниманіе чиновъ нашего посольства на эту юную красавицу, и она не препятствовала имъ любоваться собою.

«Но становилось поздно, насъ страшно мучилъ голодъ, а между тѣмъ объ обѣдѣ не было и помина. Тувенель, видя, что мы поблѣднѣли, началъ сердиться, и вотъ тутъ-то, вернувшись въ нашу палатку, мы были свидѣтелями курьезнаго зрѣлища: испуганные лакеи не знали второпяхъ, съ какого конца начать накрывать на столъ; турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ помогалъ имъ и предложилъ французскому посланнику «пойти на кухню и поторопить съ обѣдомъ». Управляющій домомъ великаго визиря утверждалъ, что онъ не получилъ никакихъ приказаній, и поэтому не хотѣлъ выдать серебра и посуды; посланные съ хлѣбомъ были перехвачены придворными дамами; наконецъ въ девять часовъ вечера посуда была выдана по приказанію султана.

«Обѣдъ былъ поданъ, и мы съѣли его довольно нехотя, потерявъ къ тому времени уже всякій аппетитъ. Зять султана, Али-Галибъ-паша, былъ очень сконфуженъ. За отсутствіемъ султана во время обѣда игралъ его собственный оркестръ; это была для насъ большая честь. Но несравненно больше удовольствія доставила намъ блестящая иллюминація. Когда мы отправились на вокзалъ, насъ сопровождали со смоляными факелами и бенгальскими огнями.

«Погода была великолѣпная, и мы возвратились въ Терапію въ восторгѣ отъ фейерверка и иллюминаціи Босфора, гдѣ всѣ суда расцвѣтились флагами и горѣли тысячью разноцвѣтныхъ фонариковъ.

«Такъ какъ французскій посланникъ особа не маловажная во всякой странѣ, а въ Турціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, то когда во дворцѣ узнали, что ему пришлось ожидать обѣда, тамъ произошелъ переполохъ. Великій визирь послалъ къ Тувенелю своего секретаря съ извиненіемъ; посланникъ принялъ его холодно. На слѣдующій день явился камергеръ отъ имени султана просить посланника и его супругу со всѣми особами, которыя сопровождали ихъ наканунѣ, отобѣдать въ палаткѣ, гдѣ султанъ «разсчитывалъ имѣть удовольствіе видѣть ихъ». Отказываться было невозможно, и такъ мы отправились вторично. Сойдя съ «Аяччіо», мы сразу увидѣли, что церемоніалъ будетъ этотъ разъ торжественнѣе. Наши экипажи сопровождалъ конвой изъ тридцати кавасовъ, возбуждавшій любопытство толпы. Великій визирь пригласилъ насъ въ свою палатку, куда заходили одинъ за другимъ разные высшіе сановники до самаго пріѣзда султана, который не заставилъ

себя долго ожидать. Абдулъ-Меджидъ появился, предшествуемый шестью тѣлохранителями, которые были одѣты въ малиновые, голубые и пунцовые кафтаны и очень походили на оперныхъ статистовъ. Султанъ, который вообще славится своею вѣжливостью, былъ еще любезнѣе обыкновеннаго. Побесѣдовавъ съ Тувенелемъ, онъ взглянулъ на его супругу и вмѣсто поклона очаровательно улыбнулся ей, ибо голова султана не должна никогда склоняться передъ смертными, на которыхъ его величеству полагается взирать съ высоты своего величія. Я удостоилась таковой же милости, какъ и моя кузина, когда Тувенель представилъ насъ его величеству. Султанъ болѣе находилъ темы для разговора съ Тувенелемъ, нежели съ нами, однако онъ спросилъ супругу посланника: «хотѣла-ли бы она видѣть его сыновей?» Когда она отвѣчала утвердительно, то вскорѣ появились четыре вызолоченныя и украшенныя гербами кареты, росписанныя, какъ бомбоньерки въ самомъ изящномъ стилѣ рококо; въ каждой изъ нихъ сидѣло по принцу. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Кареты остановились; принцы встали, и каждый изъ нихъ стоялъ неподвижно, вытянувшись передъ своимъ августѣйшимъ отцомъ въ позѣ, выражавшей глубокое почтеніе, нѣсколько заслонивъ глаза правою рукою и предоставляя намъ разсматривать ихъ; впрочемъ осанка ихъ была нѣсколько горделива. Юные принцы стояли по ранжиру. «Это ихъ первый выѣздъ», замѣтилъ султанъ, не подозрѣвая, что наша женская стыдливость могла быть возмущена этой подробностью, при воспоминаніи о поводѣ, вызвавшемъ это торжество. На сыновьяхъ султана были широкія одѣянія изъ краснаго, голубаго, зеленаго и малиноваго кашемира, подбитыя бѣлоснѣжнымъ мѣхомъ; на головѣ у нихъ были фески, осыпанныя драгоцѣнными камнями съ бриліантовымъ султаномъ. Самымъ красивымъ былъ, по моему мнѣнію, младшій принцъ, которому могло быть лѣтъ 7—10.

«Едва успѣла отъѣхать послѣдняя карета, какъ какой-то турокъ, вѣроятно желавшій подать прошеніе, попытался перейти черезъ мостъ, отдѣлявшій насъ отъ толпы. Султанъ взглянулъ на него милостиво и приказалъ великому визирю узнать, что ему надобно, затѣмъ султанъ удалился въ свою палатку. Въ семь часовъ намъ былъ поданъ великолѣпный полутурецкій, полуфранцузскій обѣдъ. Г-жа Тувенель сидѣла по правую руку отъ великаго визиря, а я по правую руку Али-Галибъ паши, у котораго такъ болѣли глаза, что большая часть его лица была покрыта черной тафтяной маскою. На столѣ стояло столько цвѣтовъ, канделябръ и украшеній, что я не могла разглядѣть того, кто сидѣлъ противъ меня. Тувенель предложилъ тостъ за султана, а великій визирь за императора. Все обошлось какъ нельзя лучше. Послѣ обѣда мы вышли изъ палатки и прогулялись по иллюминаціи. Мимо насъ проносили изящные подносы, съ дорогими фарфоровыми блюдами съ обѣдомъ для

прелестныхъ дамъ, сидѣвшихъ въ каретахъ. Насъ сопровождала цѣлая армія кавасовъ и съ дюжина пашей. Щеголихи начали съѣзжаться изъ Перы только къ одиннадцати часамъ. На обратномъ пути насъ застигъ дождь, но по пріѣздѣ въ Терапію мы согрѣлись чашкою горячаго чая, и утомленія какъ не бывало».

Вернемся однако къ Парижской конференціи. Уполномоченные державъ не особенно спѣшили закончить свой трудъ, какъ бы предчувствуя, что онъ принесетъ одно разочарованіе какъ сторонникамъ, такъ и противникамъ соединенія.

Занятія парижской конференціи, начавшіяся 10-го (22-го) мая, были прерваны въ іюлѣ мѣсяцѣ довольно серьезной болѣзнью турецкаго уполномоченнаго.

«Нашъ другъ Фуадъ заболѣлъ ангиной,—сообщалъ Тувенелю Бенедетти 20-го іюня (2-го іюля) 1858 г.,—которая приняла довольно серьезный характеръ.

«Въ настоящую минуту онъ уже поправился, и конференція будетъ продолжать свои работы.

«Императоръ желаетъ, чтобы уполномоченные ускорили свой трудъ, и министръ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ ними пришелъ къ рѣшенію, которое, я надѣюсь, будетъ принято всѣми.

«Лордъ Мальмсберри сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ названіе «Соединенныя Княжества» дѣломъ рѣшенымъ, а учрежденіе центральнаго комитета дѣломъ второстепеннымъ. Я надѣюсь, что мы придемъ скоро къ соглашенію».

Слухи, доходившіе о ходѣ переговоровъ въ Молдавію, вызвали тамъ скорѣе чувство разочарованія, нежели радости. Пласъ писалъ по этому поводу Тувенелю:

«Считаю долгомъ сообщить вамъ одинъ фактъ, который я нахожу крайне серьезнымъ—это глухое неудовольствіе противъ державъ, которое растетъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того какъ всѣ проникаются мало-по-малу мыслію, что желаніямъ, высказаннымъ диваномъ, не суждено сбыться. По моему мнѣнію, конгрессъ семи державъ не можетъ безнаказанно взбудоражить населеніе страдающей страны. Я вполнѣ убѣжденъ, что не дать этому движенію законнаго удовлетворенія и превратить его въ безплодное волненіе значило бы затѣвать опасную игру. Невозможно передать, въ какомъ положеніи находится эта несчастная страна.

«Всѣ налоги, взысканные по будущій ноябрь, уже израсходованы Евреи, которые доселѣ соглашались давать взаймы, отказываются давать новыя ссуды хотя бы за ростовщическіе проценты. Чиновники уже нѣсколько мѣсяцевъ не получаютъ жалованья, тѣ же, коимъ удается

всѣми правдами и неправдами получить авансы, получаютъ ихъ бумажными знаками, которые ходятъ ниже ихъ настоящей стоимости.

«Милиція не получаетъ жалованія и остается почти безъ съѣстныхъ припасовъ. Соотвѣтственно этому идутъ и другія отрасли администраціи. Вогоридесъ своими ошибками, увеличиваетъ съ каждымъ днемъ число недовольныхъ, и эти послѣдніе группируются вокругъ князя Григорія Стурдзы. Я, лично, ему не симпатизирую, но тѣмъ не менѣе, я долженъ признать, что по уму и энергіи, это единственный человѣкъ, стоящій на высотѣ положенія».

Въ Бухарестѣ, судя по отзыву французскаго генеральнаго консула, впечатлѣніе, произведенное конференціей, было такого же рода.

«Валахское общество интересуется исключительно извѣстіями, получаемыми изъ Парижа,—писалъ Бекларъ Тувенелю 27-го мая (8-го іюня). Здѣсь всѣ очень упали духомъ и жаждутъ узнать что-либо положительное. Таково общее настроеніе въ Валахіи, и я съ трудомъ могу поддержать тѣхъ, кои упали духомъ. Пласъ пишетъ мнѣ изъ Яссъ плачевныя письма.—Онъ говоритъ, что можно всего ожидать, даже возстанія. Я этому не вѣрю. Молдаво-валахи не такъ злы, какъ они хотятъ показать. Покорность составляетъ основную черту ихъ характера; она выработалась у нихъ исторически. Они покорятся и этотъ разъ. Мнѣ пишутъ изъ Парижа, что грозныя тучи мало-по-малу разсѣеваются, что графъ Валевскій пригласилъ своихъ сотоварищей по конференціи въ свое имѣніе «Etioles» и что вопросъ о Княжествахъ обсуждается тамъ самымъ мирнымъ образомъ, среди празднествъ, фейерверковъ и разныхъ сельскихъ удовольствій.

«Вашъ новый англійскій коллега, сэръ Генри Бульверъ, проѣхалъ недавно внизъ по Дунаю, въ Константинополь. Валахское правительство полагало, что онъ остановится въ Бухарестѣ, и сдѣлало приготовленія къ его пріему. Въ виду множества кандидатовъ на постъ валахскаго господаря, бѣдный каймакамъ волнуется это время болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ увлекъ въ Журжево для встрѣчи сэра Генри Бульвера, президента совѣта, Константина Кантакузена и взялъ съ собою пятнадцать экипажей, нагруженныхъ музыкантами, инструментами и пѣвцами, которые должны были исполнить серенаду. Въ тотъ моментъ, когда каймакамъ выѣзжалъ навстрѣчу послу, ему донесли, что на одномъ пароходѣ съ сэромъ Бульверомъ находится принцъ Альбертъ прусскій, который ѣдетъ въ Крымъ; тѣмъ болѣе встрѣча должна была быть торжественна. Прусскій генеральный консулъ, баронъ Мейзенбахъ, также отправился встрѣтить пароходъ, захвативъ уже не музыкальные инструменты, а тридцать бутылокъ превосходнаго вина, но въ Журжево никакого Бульвера не оказалось. Пришлось удовольствоваться принцемъ Альбертомъ прусскимъ, но такъ какъ его высочество путе-

шествовалъ инкогнито, то онъ не пожелалъ, чтобы музыканты разыгрывали на берегу свои тріумфальные марши. Послѣ двухчасовой остановки у пристани, пароходъ двинулся далѣе, а каймакамъ, Кантакузенъ и музыканты возвратились въ Бухарестъ.

«Сэръ Генри Бульверъ въ это время преспокойно ѣхалъ внизъ по Дунаю на австрійскомъ пароходѣ. Тогда неутомимый каймакамъ усѣлся снова въ почтовую карету и отправился вторично въ Журжево, опять таки въ сопровожденіи своихъ пятнадцати экипажей съ музыкантами. Сегодня по утру, князь Александръ Гика возвратился изъ Журжево, изнемогая отъ усталости, но готовый, въ случаѣ надобности, продѣлать все это еще разъ. Пятнадцать экипажей также вернулись вмѣстѣ съ нимъ. Что касается сэра Генри Бульвера, то онъ сошелъ съ парохода въ Рущукѣ, намѣреваясь проѣхать Болгарію верхомъ, а затѣмъ сѣсть снова на пароходъ въ Варнѣ и ѣхать въ Константинополь».

Тѣмъ временемъ труды парижской конференціи приходили къ концу, и судьба молдаво-валаховъ со дня на день должна была рѣшиться. Графъ Валевскій, смотрѣвшій на дѣло довольно оптимистично, писалъ Тувенелю 2-го (14-го) августа:

«Конференція скоро закончитъ свои труды. Выработанная ею организація Княжествъ, въ концѣ концовъ, по моему мнѣнію, довольно удовлетворительна, и несомнѣнно обезпечитъ соединеніе Княжествъ въ будущемъ. Учрежденія либеральны и даютъ возможность контролировать дѣятельность алчныхъ и продажныхъ господарей. Мы старались придать этимъ учрежденіямъ либеральный характеръ не потому, чтобы мы считали молдаво-валаховъ достаточно зрѣлыми для таковыхъ учрежденій, но потому, что главною нашею заботою было прежде всего обуздать безнравственность и расточительность, составляющія отличительную черту управленія Княжествъ.

«Хотя Шербургское свиданіе и не имѣло никакой политической цѣли, но оно показало, что отношенія между двумя дворами по-прежнему дружественны. Я имѣлъ продолжительную, двухчасовую бесѣду съ лордомъ Мальмсберри [1]); онъ сказалъ мнѣ, что сэру Генри Бульверу даны инструкціи поддерживать съ вами, во что бы то ни стало, самыя близкія отношенія. Мы рѣшили съ нимъ, что всѣ недоразумѣнія, какія могли бы возникнуть въ Турціи между нашими консулами, должны рѣшаться вами совмѣстно съ Бульверомъ».

7-го (19-го) августа 1858 г., уполномоченные семи великихъ державъ: Франціи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Россіи, Сардиніи и Турціи, послѣ трехмѣсячныхъ совѣщаній, подписали протоколъ о новой организаціи Молдавіи и Валахіи, которыя получили названіе соединенныхъ

---

¹) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, смѣнившій Пальмерстона.

провинцій или Княжествъ, подъ верховною властью султана и съ сохраненіемъ отдѣльныхъ господарей для каждаго Княжества; единство ихъ выражалось только въ образованіи общаго для нихъ комитета, засѣдавшаго въ Фокшанахъ, имѣвшаго задачей издавать законы, утверждать бюджетъ и налоги; въ созданіи общаго верховнаго кассаціоннаго суда и въ возможности, въ случаѣ нужды, соединять войска Княжествъ въ одну армію. Княжества сохраняли каждое свое отдѣльное знамя, но къ нему была придѣлана одинаковая для обѣихъ странъ голубая полоса. Кромѣ того населенію Княжествъ было торжественно гарантировано равномѣрное распредѣленіе налоговъ, свободный доступъ къ общественнымъ должностямъ, свобода личности, равенство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій съ точки зрѣнія политической, преобразованіе крестьянскаго быта и акцизныхъ, общественныхъ, городскихъ и сельскихъ учрежденій. Къ конвенціи былъ приложенъ подробно выработанный избирательный законъ, который Княжествамъ предоставлялось право видоизмѣнить по ихъ благоусмотрѣнію.

Въ общемъ, въ смыслѣ провозглашенныхъ принциповъ, конвенція казалась весьма выгодной для молдаво-валаховъ, въ особенности по сравненію съ существовавшей организаціей Княжествъ.

«Слава Богу, занятія конференціи окончены,—писалъ прусскій уполномоченный министру Мантейфелю. Валевскій доволенъ достигнутымъ результатомъ и полагаетъ, что это будетъ началомъ соединенія Княжествъ, которое выработается само собою впослѣдствіи» [1]).

Узнавъ объ окончаніи парижской конференціи, Тувенель, въ свою очередь, писалъ Бенедетти 13-го (25-го) августа 1858 г.:

«И такъ, конвенція подписана. Судя по вашей телеграммѣ отъ 7-го (19-го) числа, я имѣю полное основаніе полагать, что и вопросъ о плаваніи судовъ по Дунаю улаженъ, если не рѣшенъ окончательно.

«Слава Богу! хотя бы злые языки и говорили, что все это напоминаетъ одну изъ извѣстныхъ комедій Шекспира [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что комбинація, придуманная уполномоченными, не вполнѣ хороша, но такова уже участь всякаго дѣла, дѣлаемаго сообща; въ общемъ, она все-таки лучше, нежели я ожидалъ.

«Названіе «Центральный диванъ» и «голубая полоса» (на знамени) послужатъ намъ утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что Австрія оспаривала и то и другое. Во всякомъ случаѣ, молдаво-валахи обязаны мнѣ тѣмъ, что ихъ страна получила названіе соединенныхъ Княжествъ, а что касается остальнаго, то я умываю себѣ руки.

---

[1]) Гатцфельдтъ—Мантейфелю 11-го (23-го) августа 1858 г.

[2]) „Много шума изъ пустяковъ“.

«Сэръ Генри Бульверъ и Али-паша говорятъ уже, что «конвенція плоха въ общемъ, и еще хуже въ частностяхъ».

«Но, по моему мнѣнію, серьезной критикѣ могутъ подлежать только пункты, касающіеся избирательныхъ правъ. Я думаю, что трудно будетъ примѣнить новый законъ о выборахъ; прежнія правила для созыва «дивановъ» были лучше.

«Возможно-ли, въ такой странѣ, какъ Молдавія и Валахія, опредѣлить точнымъ образомъ доходъ, который вездѣ такъ трудно учесть? Это будетъ отличный поводъ къ мошенничеству. Избирательный цензъ въ тысячу дукатовъ, который требуется отъ домовладѣльцевъ и купцовъ въ городахъ, можетъ быть удовлетворенъ въ Бухарестѣ и Яссахъ только небольшимъ числомъ избирателей, въ другихъ же округахъ таковыхъ не окажется и двадцати человѣкъ. Я сомнѣваюсь, чтобы по мѣстнымъ условіямъ постановленія конференціи могли быть выполнены».

Бывшій французскій коммиссаръ въ княжествахъ, Талейранъ, отнесся къ работѣ конференціи еще болѣе критически. Онъ писалъ Тувенелю 7-го (19-го) августа изъ Парижа:

«Вчера конференція разрѣшилась наконецъ отъ бремени, какъ и слѣдовало ожидать—неудачно. Нельзя ни привѣтствовать ея произведенія, ни пожелать ему долголѣтія; приличіе требуетъ однако, чтобы мы молчали, въ особенности въ присутствіи родителей новорожденнаго, ослѣпленныхъ, какъ это всегда бываетъ, родительской любовью. Находящіеся здѣсь румыны, коимъ кто-то разболталъ заранѣе о результатѣ совѣщаній, хотятъ въ знакъ радости и признательности подать петицію о сохраненіи прежняго устава.

«Гика и національная партія внѣ себя отъ ярости. Стирбей и грабители торжествуютъ. Говорятъ, будто Фуадъ-паша получилъ отъ главаря шайки двадцать тысячъ дукатовъ, но я считаю это клеветою. Мнѣ говорили, будто Англія хочетъ, чтобы протоколы конференціи не были обнародованы».

Бенедетти, болѣе сдержанный въ своихъ отзывахъ, со своей стороны, писалъ Тувенелю:

«Вамъ извѣстенъ окончательный текстъ конвенціи. Не смотря на нѣкоторыя вполнѣ похвальныя добавленія, нельзя одобрить сдѣланныхъ въ ней искаженій и въ особенности измѣненій въ текстѣ и перестановокъ, которыя производятъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, это уже вызывало на конференціи неоднократно весьма жаркій споръ. Фуадъ-пашѣ приписываютъ измѣненіе, касающееся назначенія каймакамовъ, вслѣдствіе котораго друзья Гики замѣнятъ, вѣроятно, друзей Стирбея.

«Сегодня должна была состояться аудіенція Фуадъ-паши; я имѣю

основаніе думать, что въ Сенъ-Клу ему будетъ оказанъ совершенно иной пріемъ, нежели въ Тюильри. По возвращеніи моемъ изъ отпуска, я еще не видалъ нашего друга, но постараюсь встрѣтиться съ нимъ сегодня».

По поводу впечатлѣнія, произведеннаго рѣшеніемъ европейской конференціи въ Молдавіи, Пласъ писалъ Тувенелю:

«Всѣ очень сожалѣютъ, что не удалось провести вопроса о соединеніи, тѣмъ не менѣе постановленія конференціи приняты довольно благосклонно.

«Но два пункта вызываютъ озлобленіе: 1-ое, власть, предоставленная господарямъ, и 2-ое, законъ о выборахъ. Говорятъ, что «диваны» возставали именно противъ власти господаря, и что, предоставивъ господарю иниціативу законодательныхъ мѣръ, право произносить veto и распускать собраніе, ему дана тѣмъ самымъ еще бо̀льшая власть, чѣмъ прежде. Что касается закона о выборахъ, то имъ устраняется отъ дѣятельности вся молодая, лучшая часть общества, и власть переходитъ снова къ старой боярской партіи, которая была причиною всѣхъ золъ и которая теперь вновь восторжествуетъ. Кромѣ того, вслѣдствіе столь высокаго избирательнаго ценза, въ главныхъ городахъ нѣкоторыхъ округовъ не окажется ни одного избирателя; что касается Молдавіи, то я ручаюсь головою, что никто не будетъ въ состояніи опредѣлить, хотя бы приблизительно, размѣръ поземельнаго дохода.

«Здѣсь значительная часть земель обрабатывается самими владѣльцами. Какимъ же образомъ опредѣлить получаемый ими доходъ? Придется-ли подсчитывать количество пшеницы, маиса, пшена, овса, лѣса, скота, дичи, яицъ, масла, вина и т. п. Что касается мелкопомѣстныхъ второразрядныхъ собственниковъ, то дѣло будетъ еще хуже. Ни одинъ контрактъ не заключается при участіи казны. Поэтому придется полагаться на частные контракты.

«Какъ видите, это откроетъ широкое поле для злоупотребленій.

«Что касается имущественнаго ценза въ шесть тысячъ дукатовъ для городскихъ избирателей, то это просто невѣроятно. Въ Яссахъ не найдется и тридцати домовъ, которые бы стоили эту сумму, а въ окружныхъ городахъ не найдется ни одного такого дома. Съ другой стороны, хотя въ принципѣ можно признать превосходнымъ, чтобы въ господари избирались только люди «въ возрастѣ тридцати пяти лѣтъ, имѣющіе три тысячи дукатовъ поземельнаго годоваго дохода», но я не знаю въ Молдавіи ни одного подобнаго человѣка, который въ теченіе десяти лѣтъ занималъ бы общественныя должности, за исключеніемъ пяти или шести randодревнихъ стариковъ, въ родѣ обоихъ Балшей, извѣстнаго Катарджи и, наконецъ, бывшаго господаря Михаила Стурдзы, если только ему будетъ зачтено время, которое онъ былъ господаремъ. Лю-

бопытное, однако, было бы зрѣлище, если бы ареопагъ семи державъ вернулъ къ власти человѣка, который десять лѣтъ тому назадъ былъ изгнанъ отсюда и побитъ камнями! Всѣ честные и интеллигентные люди немилосердно устранены отъ управленія... Наконецъ, невольно рождается вопросъ, подготовлено-ли населеніе Княжествъ къ тѣмъ широкимъ, либеральнымъ учрежденіямъ, которыя даны имъ конференціей? Они могли бы быть вполнѣ умѣстны при соединеніи Княжествъ, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы во главѣ ихъ стоялъ иностранный принцъ, но, при настоящихъ условіяхъ, можно опасаться, не возложена-ли этимъ на ребенка исполинская ноша».

Въ Валахіи постановленія конференціи были приняты спокойнѣе, но князь Александръ Гика и «національная партія» были взволнованы извѣстіемъ, что до избранія господарей собраніями власть должна перейти временно къ тремъ каймакамамъ».

Въ это самое время пріѣхалъ въ Бухарестъ вновь назначенный русскій генеральный консулъ Гирсъ [1]).

«Онъ уже вступилъ въ сношеніе съ валахскимъ правительствомъ и своими коллегами,—писалъ Бекларъ Тувенелю. Такъ какъ его пріѣздъ совпалъ съ тезоименитствомъ императора Александра, то это было, повидимому, разсчитано на то, чтобы произвести на валаховъ извѣстное впечатлѣніе. Дѣйствительно, послѣднія пять лѣтъ Россія не имѣла тутъ генеральнаго консула, и теперь населеніе восторженно привѣтствуетъ Гирса. Руссофильская боярская партія воспрянула духомъ и полагаетъ, что вернулись чудныя времена Титовыхъ, Дашковыхъ, Коцебу и другихъ. Къ сожалѣнію, отъ нихъ осталось одно воспоминаніе. Въ настоящее время валахскіе бояре оказываютъ Россіи однѣ безплодныя почести. Гирсъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Какъ всѣ русскіе, онъ въ высшей степени любезенъ».

По поводу многочисленныхъ интригъ, въ коихъ изощрялись кандидаты на постъ господаря, читаемъ въ письмѣ Тувенеля къ Бенедетти отъ 24-го сентября (6-го октября) 1858 г. слѣдующее:

«Вамъ извѣстны продѣлки князя Александра Гика и его приспѣшниковъ.

«Соперникамъ въ Бухарестѣ слѣдовало бы сговориться; Бибеско, который менѣе популяренъ, могъ бы быть господаремъ, а Стибрей— предсѣдателемъ центральнаго комитета. Этотъ постъ будетъ, разумѣется, самый важный, и князь Стирбей вполнѣ способенъ занять его.

«Фуадъ-пашу обвиняютъ публично въ томъ, что онъ былъ подкупленъ князьями Стирбеемъ и Стурдзою. Это производитъ впечатлѣніе

---

[1]) Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ.

скандала, тѣмъ болѣе, что Фуадъ только-что надстроилъ въ своемъ домѣ этажъ».

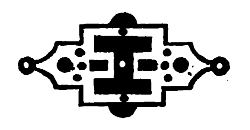
Между тѣмъ, по окончаніи занятій конференціи, Фуадъ-паша, единственный изъ уполномоченныхъ, который не былъ аккредитованъ въ Парижѣ, собирался уѣхать обратно въ Константинополь.

«Фуадъ-паша очень доволенъ своей аудіенціей у императора,—писалъ Тувенелю Бенедетти,—ему хотѣлось бы получить отъ его величества конфиденціальное письмо къ султану, съ совѣтами и поощреніями, которое онъ хотѣлъ бы передать султану лично.

«Указъ о пожалованіи ему ордена Почетнаго Легіона будетъ подписанъ завтра.

«Министръ ничего не имѣлъ противъ этого, а императоръ, вначалѣ бывшій противъ этой награды, въ концѣ концовъ изъявилъ на нее свое согласіе. Поэтому можно надѣяться, что Фуадъ-паша останется доволенъ. Но онъ предполагаетъ, на обратномъ пути, снова посѣтить Вѣну, а это врядъ-ли поведетъ къ добру».

(Окончаніе слѣдуетъ).



Послѣднее слово г. Бильбасову.

Въ новой своей замѣткѣ, по поводу моего возраженія на статью «Записки русскихъ женщинъ», г. Бильбасовъ, не отвѣчая по существу на мои возраженія, извиняется тѣмъ, что онъ не желаетъ вступать со мной въ «ученый споръ», прозрачно намекая на мою профессію «чиновника канцеляріи». Тѣмъ не менѣе, онъ снова выдвигаетъ противъ меня свои «ученыя» батареи, а въ заключительной части своей замѣтки, сдѣлавъ нѣсколько кивковъ на какія-то неблаговидныя, по мнѣнію г. Бильбасова, дѣянія мои по литературной части, спѣшитъ заявить, что онъ прекращаетъ со мною полемику. Г. Бильбасовъ не сообразилъ однако того, что если «ученыя» его замѣчанія могутъ подлежать провѣркѣ лишь въ зависимости отъ моей на то охоты, то заключительные его кивки по моему адресу будутъ по необходимости требовать разъясненія самаго строгаго какъ съ его, такъ и съ моей стороны. Хотя я и «чиновникъ канцеляріи», а г. Бильбасовъ—«извѣстный ученый», написавшій, по его словамъ, тридцать томовъ разныхъ сочиненій, но, полагаю, я въ правѣ требовать отъ него или сознанія въ лживомъ покушеніи на мое доброе имя, или точнаго объясненія сдѣланныхъ имъ намековъ «на то, чего не вѣдаетъ никто».

Итакъ, начнемъ съ «ученыхъ» замѣчаній г. Бильбасова, которыхъ на этотъ разъ, слава Богу, не много: всего три пункта. Г. Бильбасовъ выдвигаетъ три «тезиса»:

1) «Незнаніе (мною) французскаго языка. Выраженіе «nouvellement conquis» Шумигорскій переводитъ «вновь присоединенные», даже и не подозрѣвая, что «nouvellement» означаетъ «недавно», а не «вновь», и объясняя невѣрный переводъ слова желаніемъ исправить текстъ гр. Головиной, на что̀ онъ не имѣлъ никакого права».

Отвѣчу кратко, что о значеніи словъ «nouvellement» и «вновь» г. Бильбасовъ могъ бы справиться, прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, съ толковыми словарями Литтре и Даля. Для свѣдѣнія г. Бильбасова прибавлю, что въ русскомъ языкѣ слово «вновь» означаетъ не только «во второй разъ», но и «вновѣ»: «вновь вышедшая книга», «вновь назначенный министръ» и т. д. Что касается до моего права исправить текстъ гр. Головиной вѣрнымъ выраженіемъ, вмѣсто невѣрнаго, то это право можетъ отрицать развѣ одинъ г. Бильбасовъ. Единственное, что я могъ бы еще сдѣлать, это послѣ слова: «присоединенные» поставить въ скобкахъ «conquis».

2) «Недостатокъ общаго историческаго образованія: г. Шумигорскій, незнакомый даже съ «Записками императрицы Екатерины», наивно предполагаетъ, что готовящееся академическое изданіе этихъ «Записокъ», конечно, заставитъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ томы его «Исторіи Екатерины II», такъ и послѣдующіе». Какое невѣжество: Записки Екатерины II обрываются на второмъ пріѣздѣ принца Саксонскаго, въ 1759 г., и уже для воцаренія Екатерины, въ 1762 г., не имѣютъ значенія историческаго матеріала»!

Какая недобросовѣстная «ученая» передержка со стороны г. Бильбасова! У меня было сказано: «готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины и масса новыхъ матеріаловъ конечно заставятъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ два тома его «Исторія», такъ и послѣдующіе рукописные, если только они написаны» [1]) Г. Бильбасовъ всего только выкинулъ въ своей цитатѣ мои слова: «и масса новыхъ матеріаловъ» да число множественное передѣлалъ въ единственное (заставятъ—заставитъ)—и обвиненіе меня въ «невѣжествѣ» уже готово. Но извѣстно-ли г. Бильбасову, какъ называются такіе фокусъ-покусы? Или онъ, съ своимъ нѣмецкимъ критикомъ, полагаетъ, что они не выходятъ «за предѣлы дозволеннаго»? Фокусъ г. Бильбасова тѣмъ неизвинительнѣе, что въ той же статьѣ моей было сказано: «самъ г. Бильбасовъ написалъ первый томъ Исторіи Екатерины II», основываясь лишь на изданіи Герцена: «Memoires de l'Imperatrice Catherine II» [2]). Недобросовѣстная по отношенію ко мнѣ фабрикація г. Бильбасова не совсѣмъ вѣрна и по существу въ научномъ отношеніи: готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины будетъ заключать въ себѣ автобіографическія ея замѣтки и послѣ 1759 г.

3) «Незнакомство съ техникой изданія: г. Шумигорскій не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ, и въ своей отпискѣ укоряетъ себя

---

[1]) „Р. Стар.“, февраль 1904 г., 416.

[2]) Тамъ же, 415

въ пропускѣ одной строки и одного стихотворенія, хотя то и другое имъ же напечатано на стр. 144 и 221».

Если помнитъ читатель, въ пропускѣ ихъ обвинялъ меня самъ г. Бильбасовъ, не указавшій содержанія стихотворенія, и это былъ единственный случай, когда я съ довѣріемъ отнесся къ его словамъ, не имѣя возможности провѣрить ихъ и допуская возможную неполноту своего списка «Записокъ» Головиной. Теперь г. Бильбасовъ самъ сознается, что далъ фальшивую справку, и обвиняетъ меня въ томъ, что я единственный разъ довѣрился ему. Этотъ пріемъ г. Бильбасова еще разъ ясно показываетъ, съ какого сорта «ученымъ» полемизаторомъ мы имѣемъ дѣло. Остается спросить его, что же наконецъ онъ считаетъ для себя «не дозволеннымъ»? Въ моей профессіи «чиновника канцеляріи» за фальшивыя справки и фабрикаціи чужихъ словъ обыкновенно приглашаютъ оставить службу; въ средѣ же такихъ «ученыхъ», какъ г. Бильбасовъ, и его «нѣмецкихъ критиковъ» эти пріемы, очевидно, являются свидѣтельствомъ беззастѣнчивой «ловкости» полемизатора и его особаго «уваженія» къ печатному слову.

Читатели могутъ видѣть теперь, что вся полемика моя съ моимъ «ученымъ» критикомъ сводилась по существу къ тому, что его уличали въ фальшивыхъ цитатахъ и ссылкахъ. Уличаемый въ однихъ передержкахъ, г. Бильбасовъ не возражая прибѣгаетъ къ новымъ, слѣдуя правилу «calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose». На этотъ разъ, закончивъ свои обвиненія меня по «Запискамъ» Головиной и чувствуя, какъ легко ихъ опровергнуть, г. Бильбасовъ идетъ далѣе и, желая какъ-либо запачкать меня предъ читателями, не постыдился сочинить «ученую» сплетню, не имѣющую никакого отношенія къ «Запискамъ» Головиной, для того только, чтобы набросить тѣнь на мою личность. Въ этой области сплетни г. Бильбасовъ дѣйствуетъ еще развязнѣе, чѣмъ даже на «ученомъ» поприщѣ. «Можно-ли серьезно, вѣщаетъ онъ, говорить съ господиномъ, который въ 1900 г. печатаетъ хвалебный отзывъ о второмъ томѣ «Исторіи кавалергардовъ», вышедшемъ въ свѣтъ лишь два года спустя? Argumentum ad crumenam, руководившій въ данномъ случаѣ г. Шумигорскимъ, однако не обманулъ его (sic). По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ этого «поступка» г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подписываться на печатаемое имъ сочиненіе: «Царствованіе императора Павла I». Подписка шла, вѣроятно, очень успѣшно, потому что нѣсколько мѣсяцевъ спустя новое объявленіе извѣщало, что подписавшіеся могутъ взять деньги обратно, какъ какъ названное сочиненіе г. Шумигорскаго не появится въ свѣтъ. Да и какъ ему появиться. Г. Шумигорскій понялъ, вѣроятно, что разсказать исторію царствованія Павла I, снабдивъ разсказъ массой иллюстрацій, хотя бы даже

художественно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вовсе еще не значитъ написать исторію императора Павла, и отказался отъ своего намѣренія... Этимъ мы прекращаемъ всякій споръ съ Шумигорскимъ по поводу его перевода воспоминаній гр. Головиной».

Что, въ самомъ дѣлѣ, проще для г. Бильбасова? Бросить въ человѣка комомъ грязи и, боясь должнаго отвѣта, объявить о прекращеніи «всякаго» спора. Въ дѣйствительности же въ приведенной тирадѣ г. Бильбасова заключается одна лишь «полуправда», которая, какъ говорится, хуже всякой лжи: новое «сочиненіе» ученаго критика изобличаетъ въ немъ немало творческой фантазіи. Прежде всего, для характеристики дѣянія г. Бильбасова, укажу на то, что онъ самъ принималъ близкое участіе въ составленіи исторической части «Исторіи кавалергардовъ», за что̀ въ предисловіи къ I-му ея тому отъ автора, г. Панчулидзева, изъяснена была ему благодарность; нѣкоторые матеріалы для нея, въ числѣ др. лицъ, сообщилъ и я. Въ виду того, что въ «Исторіи кавалергардовъ» появилось много новыхъ историческихъ свѣдѣній, добытыхъ изъ разныхъ архивовъ г. Панчулидзевымъ, я, по приглашенію редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго, сдѣлалъ отчетъ о первомъ его томѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1899 г. подъ заглавіемъ: «Придворное войско въ Россіи». Отчетъ этотъ имѣлъ большое значеніе для журнала, такъ какъ «Исторія кавалергардовъ»—очень дорогое изданіе, цѣною до 100 р. и поэтому не могла быть извѣстна массѣ читателей. Для отчета о второмъ томѣ г. Панчулидзевъ прислалъ мнѣ корректурные листы, предупреждая о скоромъ выходѣ въ свѣтъ этого тома, и по этимъ листамъ я сдѣлалъ фактическій, а не «хвалебный» обзоръ первыхъ главъ этого тома въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1900 г., не справившись, къ сожалѣнію, вышла-ли книга въ продажу. Оказалось, однако, что II томъ «Исторіи кавалергардовъ», по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, былъ совершенно неожиданно задержанъ выпускомъ изъ типографіи, но эта прискорбная случайность отнюдь не свидѣтельствуетъ ни о томъ, что II томъ книги г. Панчулидзева не былъ еще написанъ, ни о томъ, что для меня лично, если я не потерялъ разсудка, былъ бы какой-либо разсчетъ учинять инцидентъ въ литературномъ мірѣ, дѣлая отзывъ о книгѣ, не вышедшей еще въ свѣтъ?

Всѣ эти обстоятельства извѣстны были всѣмъ, принимавшимъ участіе въ изданіи «Исторіи кавалергардовъ», въ томъ числѣ и г. Бильбасову, принимавшему участіе въ составленіи исторической ея части. При чемъ здѣсь argumentum ad crumenam, о которомъ говоритъ г. Бильбасовъ? «Вскорѣ послѣ этого «поступка», отвѣчаетъ онъ, г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подпи-

сываться на печатаемое имъ сочиненіе «Царствованіе императора Павла»... Очевидно, что, по мнѣнію г. Бильбасова, между моимъ «поступкомъ» и этимъ объявленіемъ есть какая-то неблаговидная связь, для здраваго смысла непостижимая, а г. Бильбасовымъ не уясненная, потому что тогда пришлось бы ему самому уличить себя во лжи. Г. Бильбасовъ намѣренно сводитъ въ одно цѣлое два изданія, надъ которыми я работалъ въ то время. Первое: «Исторію императора Павла I», многотомное изслѣдованіе на основаніи архивныхъ данныхъ, предположено было издать въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ художественно, съ массой иллюстрацій, еще въ 1899 г., за годъ ранѣе моего «поступка», на что̀ имѣются у меня и въ Экспедиціи письменныя доказательства. Объявленіе же въ «Новомъ Времени» сдѣлано было о другомъ моемъ трудѣ, дешевомъ, цѣною въ 1 р. 50 к., изданіи популярнаго обзора «Царствованія Павла I», съ приложеніемъ къ нему одного лишь портрета. Еще разъ спрашиваю г. Бильбасова: при чемъ здѣсь argumentum ad crumenam? Оба задуманныя мною изданія, вопреки предположенію Бильбасова, не оставлены мною, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, встрѣчали затрудненія для выхода въ свѣтъ. Второй свой трудъ: «Царствованіе императора Павла I» я надѣюсь однако выпустить еще лѣтомъ текущаго года.

Судя по «ученымъ» и др. повадкамъ г. Бильбасова, я предполагаю однако, что онъ уклонится отъ прямаго отвѣта и подыщетъ какія-либо новыя «ученыя» основанія, въ родѣ, напр., отсутствія въ Россіи свободы печати. Въ виду этого, желая дать г. Бильбасову всѣ средства для доказательства своего аргумента ad crumenam, я предлагаю ему избрать третейскихъ судей, для разбора взведеннаго на меня обвиненія, изъ людей науки.

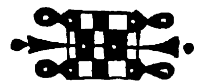
Евгеній Шумигорскій.

Назначеніе генералъ-фельдмаршала Миниха сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Указъ Сенату.

9-го іюня 1762 г.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашего генералъ-фельдмаршала графа Миниха въ сибирскіе генералъ-губернаторы, которому однако жъ быть здѣсь, а на какомъ основаніи управлять сею обширною губерніею, о томъ особливой указъ данъ будетъ. Впрочемъ, ему высочайше ввѣряемъ главную дирекцію Ладожскаго и Кронштадтскаго каналовъ, а генерала Ганибала для его старости отъ службы увольняемъ.



Поправка:

На страницѣ 125 настоящей книжки напечатано въ заглавіи „Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 году", слѣдуетъ читать въ 1823 году.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

кашя и цѣлый рядъ замѣтокъ по вопросу о народномъ просвѣщенiи. Финансовый вопросъ также обращалъ на себя пытливое вниманiе Мордвинова. Будучи противникомъ финансовой политики Канкрина, Мордвиновъ постоянно враждовалъ съ нимъ, писалъ записки, подавалъ отдѣльныя мнѣнiя и проч.

Онъ исходилъ изъ того начала, что „благосостоянiе частное есть начало и основанiе общественнаго, что богатство частнаго человѣка есть нераздѣльное богатство государства", онъ совѣтовалъ „отдать въ частное содержанiе всѣ казенныя заведенiя, дѣлающiя императора купцомъ, промышленникомъ и ремесленникомъ"; онъ доказывалъ, что „займы и налоги служатъ токмо къ уменьшенiю доходовъ, не къ приумноженiю ихъ", что „займы и налоги не обогащали еще никакой народъ"; онъ осуждалъ „строгость во взысканiяхъ казенныхъ недоимокъ, которыя неизбѣжно всегда будутъ, доколѣ будутъ пожары, неурожаи, падежи скота, многосемейство", справедливо восклицая: „Съ нищаго можно снять кафтанъ, рубашку и лапти, но ни онъ, ни снявшiй съ него одежду не сдѣлаются отъ того богатыми".

Въ заключенiе обзора IX тома нельзя не привести характеристики, сдѣланной Мордвиновымъ о министрахъ въ царствованiе императора Николая.

„Министръ просвѣщенiя,—говоритъ онъ,—находитъ опаснымъ учить крестьянъ читать и писать.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что промышленность убиваетъ Россiю.

„Министръ финансовъ не идетъ далѣе, какъ займы дѣлать и налоги умножать.

„Министръ военный содержитъ во время мира армiю на военномъ положенiи.

„Министръ морской строитъ 100-пушечные корабли для Балтiйскаго моря.

„Министръ юстицiи оканчиваетъ всѣ мнѣнiя свои отсылкою тяжебныхъ дѣлъ въ первыя инстанцiи или къ формѣ суда".

Въ десятомъ томѣ помѣщены въ видѣ „Приложенiй" 59 статей, сохранившихся въ Мордвиновскомъ архивѣ, но составленныхъ не Н. С. Мордвиновымъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: „Всеподданнѣйшiй докладъ Комитета для изысканiя о злоумышленномъ обществѣ", впервые печатаемый. Обращаетъ на себя вниманiе статья Ѳ. П. Львова: „Поземельная подать и положенiе поселянъ"; рядъ документовъ, представляющихъ собою обвинительные акты противъ министра финансовъ графа Е. Ф. Канкрина и проч.

„Въ десяти томахъ Архива графовъ Мордвиновыхъ,—говоритъ редакторъ,—напечатано до 2,000 документовъ, рисующихъ графа Н. С. Мордвинова въ его государственной и общественной дѣятельности съ самой завидной стороны, дѣлающей ему честь, какъ человѣку и сановнику, обладавшему высокимъ умомъ и добрымъ сердцемъ". По словамъ В. А. Бильбасова, Н. С. Мордвиновъ былъ русскiй человѣкъ по рожденiю, воспитанiю и дѣятельности, много служившiй родинѣ въ теченiе четырехъ царствованiй. Современники дивились его свѣтлому уму, цѣнили его глубокiя познанiя, пользовались его добрымъ сердцемъ.

Напечатанные документы даютъ обильный матерiалъ для бiографiи графа Н. С. Мордвинова, и изданными десятью томами ему воздвигнутъ достойный памятникъ. Первое мѣсто въ числѣ матерiаловъ занимаютъ его мнѣнiя; въ Архивѣ графовъ Мордвиновыхъ ихъ помѣщено 330. „Еще и теперь,—говоритъ В. А. Бильбасовъ,—въ наши дни, эти, по словамъ Шишкова, золотые голоса Мордвинова звучатъ укоромъ совѣсти для однихъ, являются нравственною уздою для другихъ и служатъ для всѣхъ насъ призывомъ къ честной государственной и общественной дѣятельности.

„Изъ общаго числа болѣе 8,000 бумагъ, составляющихъ Мордвиновскiй архивъ, въ изданные нынѣ десять томовъ вошли 2,283 бумаги, касающихся государственной и общественной дѣятельности; остальныя бумаги заключаютъ въ себѣ частную переписку и хозяйственныя распоряженiя. Изданiе этихъ бумагъ, носящихъ чисто частный интересъ, не представляетъ уже никакихъ затрудненiй и требуетъ только здоровья и досуга, чѣмъ мы, къ сожалѣнiю, не располагаемъ".

Исторiя Петра Великаго С. А. Чистякова. Изданiе Товарищества М. О. Вольфа.

Въ настоящее время вышло второе изданiе книги, имѣющей цѣлью „дать сводъ того, что путемъ историческихъ изысканiй извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-бiографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши".

Въ текстѣ помѣщены многочисленные рисунки, состоящiе частью изъ снимковъ со старинныхъ граворъ, моделей, портретовъ, частью же изъ копiй съ извѣстныхъ картинъ, историческихъ сценъ и проч.

Въ общемъ книга издана вполнѣ удовлетворительно.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. МАЙ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Владиміра Константиновича Луцкаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1904 года.

Библіографическій листокъ.

С. Н. Кологривовъ. Государева большая Шкатула. С.-Петербургъ. 1903 г.

Хранящіеся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства Императорскаго двора шкатульныя книги интересны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о всѣхъ драгоцѣнностяхъ, бывшихъ у царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича, а также и у членовъ ихъ семейства.

„Государева большая Шкатула" была особымъ учрежденіемъ, находившимся въ вѣдѣніи дьяка Мастерской палаты. Въ казнѣ этой Шкатулы хранились: перстни, запоны, каменье, жемчугъ и всякое узорочье, чарки, ковши и разная посуда, ширинки, панагіи, кресты и т. п. предметы, которые отличались какъ изяществомъ работы, такъ и цѣнностью матеріала. О многихъ вещахъ Шкатулы описи даютъ подробныя свѣдѣнія, заключающія въ себѣ, кромѣ описанія, и указанія, откуда онѣ поступили къ государю, или по какому случаю сдѣланы. Напримѣръ: „Перстень золотъ, съ финифты, а въ немъ алмазъ большой четвероуголенъ, гранепъ, гнѣздо въ ногтяхъ; влагалище поволочено кожею черною съ золотомъ. Перстень золотъ, толстъ, наведенъ финифтомъ чернымъ, въ немъ яхонтъ лазоревъ, кругловатъ; на печати вырѣзанъ левъ; кругъ печати на золотѣ рѣзано письмо. А тѣмъ перстнемъ государю челомъ ударила царевича Ивана Ивановича царица Прасковья"; или: „запона золота большая с финифтомъ с чорнымъ к верху островата, а въ ней в гнѣздехъ і в привѣскахъ восемьдесятъ четыре алмаза граненыхъ. Цѣна шесть сотъ рублевъ; влагалище поволочено бархатомъ червчатымъ. Запона золота с финифты з бѣлымъ с чорнымъ з зеленымъ верхъ остръ косъ, а в ней в гнѣздехъ пятьдесятъ семь алмазовъ. Цена триста пятьдесятъ рублевъ, влагалище поволочено бархатомъ червчатымъ. 135 года апрѣля в 13 день государь отдалъ в приказъ золотаго дѣла Есиму Телепневу к золотой шапке. Взята назадъ в шкатулу".

О ширинкѣ, поступившей въ шкатулу 16-го января 1656 г., въ описи значится: „Ширинка шитана жемчугомъ по круживу золотному плетеному таота бѣла накинена золотомъ же; принесъ ту ширинку отъ государя изъ хоромъ постелничій Михайло Олексѣевичъ Ртищевъ въ нынѣшнемъ 156 году генваря въ 16 день, а сказалъ: ся де ширинка государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи его государскіе радости".

Въ числѣ вещей, переданныхъ въ шкатульную казну въ 7157 году, между прочимъ, находимъ обручальное кольцо царя Алексѣя Михайловича. Вотъ самая запись: „Да въ нынѣшнемъ же во 157 году маіа въ 21 де спесъ отъ Государя изъ хоромъ постельничей Михаило Алексѣевичъ Ртищевъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіі обручальное кольцо золото съ финифты съ бѣлымъ съ червчатымъ съ зеленымъ съ лазоревымъ да чепъ золота колобчата въ трубкахъ двѣнадцать изумрудцовъ да восмь искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ въ четь семнадцать золотниковъ скудно и то кольцо и чепь положены въ шкатулку съ перснями".

Въ шкатульныхъ книгахъ есть указанія и на то, куда изъ казны большой Государевой Шкатулы тѣ или иные предметы были переданы. Такъ, большинство мощей и другихъ священныхъ предметовъ изъ Шкатулы поступили въ Образную казну, т. е. палату: „Крестъ золотъ с мощами, а в немъ среди креста в гнездѣ камен яхонтъ лазоревъ, а на немъ вырезано образ Пречистые Бдцы, да на том же крестѣ рѣз с чернью образ Спасов Еммануилов, образы Цря Двда, царя Соломона, мчника Димитрея Мчника Егоргия... крестъ и панагѣя взял крестовый дьякъ Іванъ Семионов в образную казну".

Шкатульныя книги, текстъ которыхъ напечатанъ въ разсматриваемой нами книгѣ, обнимаютъ періодъ времени съ 1627 по 1654 годъ.

Н. К-ш-ъ.

П. Шиловскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г.

Разсматриваемая книга есть сборникъ актовъ, относящихся къ вопросу о политическихъ правахъ Финляндіи. Въ ней приведены документы, которые приверженцами политической самостоятельности Финляндіи считаются за основы ея законодательства, а также и тѣ акты, на которые ссылаются противники этой доктрины.

Трудъ г. Шиловскаго состоитъ изъ введенія и пяти отдѣловъ.

Въ *первомъ* отдѣлѣ помѣщены манифесты императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича—о сохраненіи особыхъ правъ Финляндіи. Первымъ напечатанъ главнѣйшій изъ манифестовъ,—отъ 15-го марта 1809 г., данный императоромъ Александромъ I: „Божіею Милостію... Провидѣніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го 1809 г."

ВЛАДИМІРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

ЛУЦКІЙ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

VII [1]).

Образованіе „Союза Благоденствія".—Благотворительныя и возвышенныя цѣли, положенныя въ основу его устава.—Организація союза и обязанности его членовъ.—Возобновленіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ.—Мнѣнія о томъ О. А. Поздѣева и В. Н. Каразина.—Рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора Репнина.—Отвѣтъ на нее князя Н. Г. Вяземскаго.—Неудовольствіе императора Александра.—Отъѣздъ его въ Варшаву.

Уставъ общества Союза спасенія оказался неполнымъ и не опредѣленнымъ; надо было составить такой, который бы соотвѣтствовалъ цѣли утвержденія отечественнаго благоденствія. «Духъ кротости и любви къ отечеству и благонамѣренія, которыя одушевляли членовъ общества, должны были ясно выражаться во всѣхъ словахъ устава». Самое злостное разысканіе (со стороны правительства) не должно было найти въ немъ ничего такого, что бы могло подать поводъ къ обвиненію членовъ въ себялюбіи или въ дѣйствіи опасномъ для спокойствія отечества». Такъ желало большинство, но мы должны припомнить ту двойственность въ цѣли, которая существовала среди членовъ общества съ самаго его начала. Поэтому уставъ писался для лицъ, не посвященныхъ въ истин-

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1904 г.

ную цѣль общества, тщательно скрываемую съ самаго начала его учрежденія.

Основатели положили никогда не заводить при членахъ не посвященныхъ никакихъ важныхъ разсужденій о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ. «Долгое существованіе общества,—показывалъ Никита Муравьевъ [1]),—при крайней нескромности свойственной характеру русскому, доказываетъ болѣе словъ моихъ крайнюю осторожность всѣхъ членовъ. Если кто изъ молодыхъ членовъ въ обществѣ (т. е. въ гостиныхъ) говорилъ что-либо рѣзкое, то старшіе члены всегда тутъ же опровергали его мнѣніе и при первомъ удобномъ времени ему дѣлалось замѣчаніе отъ «Думы», коль скоро она это узнавала».

Истинная цѣль общества было приготовленіе Россіи къ конституціи, а показная—распространеніе просвѣщенія и добродѣтели [2]). Согласно съ послѣднею цѣлью Александру и Михаилу Муравьевымъ, князю Трубецкому, Никитѣ Муравьеву и Бурцеву было поручено заняться передѣлываніемъ Тугендбунда, примѣнить его къ русскимъ нравамъ и написать уставъ для общества. Работа эта продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ, и такъ какъ глава, написанная Никитою Муравьевымъ, не соотвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать [3]).

Такъ составилось общество «Союзъ Благоденствія», уставъ котораго былъ изложенъ въ «Зеленой книгѣ», названной этимъ именемъ по цвѣту переплета [4]). Въ ней заключалась только первая часть устава—показная, т. е. та, которая должна была привлекать въ обще-

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, дѣло № 4.

[2]) Показаніе А. Муравьева 3-го февраля 1826 г. Тамъ же дѣло № 19.

[3]) Показаніе Никиты Муравьева. Тамъ же дѣло, № 4. Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола. Тамъ же, Южное общество, д. № 4.

[4]) Уставъ или „Законоположеніе“ Союза Благоденствія напечатаны полностію А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ: „Общественное движеніе при Александрѣ I“ изд. 1900 г. Приложеніе, стр. 547—576. Печатая его, А. Н. Пыпинъ приводитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сравненіе текста законоположенія Союза Благоденствія съ уставомъ Тугендбунда. Въ Государственномъ архивѣ (д. № 10) хранится рукопись подъ заглавіемъ: „Сравненіе мѣстъ, выбранныхъ изъ сочиненій, касающихся до иллюминатскаго общества, съ уставомъ «Союза Благоденствія». Здѣсь авторъ къ каждому параграфу устава приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ законоположенія иллюминатовъ и старается доказать, что въ уставѣ Союза Благоденствія многое заимствовано изъ уставовъ масонскихъ ложъ. Въ Военно-ученомъ архивѣ найдена въ бумагахъ И. И. Дибича копія съ этого «Сравненія», на которой рукою А. И. Чернышева, впослѣдствіи князя, написано: „L'original a été remis à Sa Majesté le 23 de mars 1822 г.“.

ство членовъ благовидностью цѣли. Вторая часть не отыскана и едва-ли была когда-нибудь написана, такъ какъ сокровенная цѣль общества должна была быть извѣстною только меньшинству избранныхъ лицъ, дѣйствія которыхъ видоизмѣнялись, смотря по обстоятельствамъ и ходу событій.

«Вторая часть «Зеленой книги»,—показывалъ Александръ Муравьевъ [1]),—сочинена была въ Москвѣ на весьма отдаленный случай умноженія общества, Подлиннаго экземпляра не было и быть не могло, потому что она не была утверждена и даже не всѣмъ извѣстно ея содержаніе. Черновой экземпляръ былъ у князя Сергѣя Трубецкаго. Къ тому же не было надежды, чтобы ближе 50 или болѣе лѣтъ общество могло бы принять вторую часть устава.

«Какъ я читалъ оную,—говорилъ Александръ Муравьевъ [2]),—едва только одинъ разъ и то уже восемь лѣтъ тому назадъ и не обращалъ на нее вниманія, то и не могу вспомнить всѣхъ оной подробностей. Помню, что управы каждаго города, пришедъ въ опредѣленное свое многолюдство, кажется въ 150 человѣкъ, должны были основать Палаты; что долженъ былъ одинъ быть правитель общества, что между нимъ и палатами въ городахъ, находящимися, долженъ былъ находиться Совѣтъ. Но какія ихъ всѣ права, взаимныя отношенія и должности того не помню».

Первой части «Законоположенія Союза Благоденствія» предшествовалъ эпиграфъ изъ Евангелія отъ Луки: «Всякому же, ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него: и ему же предаша множайшее, истяжутъ отъ него». Затѣмъ слѣдовало вступленіе, въ которомъ высказывалась необходимость соблюденія общаго блага и пользы, непремѣнной справедливости и законности. «Если подробно разсмотрѣть, сказано въ законоположеніи, всѣ отрасли правленія, то легко убѣдиться можно, что добродѣтель должна входить въ составъ каждой; что даже самая справедливость, которая есть исполненіе законовъ, по невозможности правительству всегда за оными блюсти, обязана единой токмо добродѣтели своимъ существованіемъ. Добродѣтель, т. е. добрые нравы народовъ, всегда были и будутъ опорою государствъ: не станетъ добродѣтели, и никакое правительство, никакіе благіе законы не удержатъ его отъ паденія, развратъ всюду водворится, поселитъ вражду между всѣми состояніями, заставитъ забыть и даже гнушаться пользою общею; предпочтеніе личныхъ выгодъ всѣмъ другимъ, невѣжество, лихоимство, подлость, суевѣріе и безбожіе, презрѣніе къ отечеству и равнодушіе къ несчастію ближняго займутъ мѣсто любви къ пользѣ общей, просвѣще-

---

[1]) Въ показаніи 31-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.
[2]) Въ показаніи 31-го марта Госуд. Арх. I, д. № 19.

*

нія, праводушія, чести, истинной вѣры и искренной къ ближнему привязанности. Тщетно малое число благомыслящихъ людей будутъ терзаться симъ зрѣлищемъ и возлагать вину всего на правительство: ропотъ и укоризны ихъ будутъ совершенно несправедливы. Правительство есть многосложное цѣлое, коего различныя черты устремлены къ одной цѣли: пользѣ общей; могутъ-ли онѣ стремиться и достигнуть предположенной цѣли, когда мы сами, составляющіе оныя, предпочитаемъ наши личныя выгоды всѣмъ прочимъ, не тщимся исполнять ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей и служимъ отечеству для полученія только званій въ обществѣ, а часто для постыднаго на счетъ ближняго обогащенія! Но горестно излагать пороки, насъ обуявшіе, когда зло очевидно и усиленіе онаго ощутительно; тогда жалобныя восклицанія безплодны и удѣлъ слабыхъ, тогда дѣятельное злу противоборствіе есть необходимая для каждаго гражданина обязанность.

«Сія-то превыше всего священная обязанность и убѣжденіе», что господствующему злу противоборствовать можно не иначе, какъ отстраненіемъ личныхъ выгодъ и совокупленіемъ общихъ силъ добродѣтели противъ порока, влечетъ насъ къ составленію «Союза Благоденствія», къ коему, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ приступятъ всѣ благомыслящіе сограждане.

«Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва-ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, «Союзъ Благоденствія» въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцемъ предназначена.

«Имѣя цѣлію благо отечества, Союзъ не скрываетъ оной отъ благомыслящихъ согражданъ, но для избѣжанія нареканій злобы и зависти, дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ».

Эта тайна дозволяла составителямъ устава и руководителямъ общества раздѣлить его членовъ на два упомянутые нами разряда и включить для большинства членовъ, не пріобрѣвшихъ полнаго довѣрія, слѣдующія слова: «Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководствуетъ».

Сообразно установленной цѣли Союзъ раздѣлялся на четыре главныя отрасли: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) правосудіе и 4) общественное хозяйство.

Подъ надзоромъ Союза должны были находиться всѣ человѣколюбивыя заведенія въ государствѣ и мѣста заключеній преступниковъ. Онъ обязанъ былъ стараться объ ихъ улучшеніи и учрежденіи новыхъ, доводить до свѣдѣнія правительства всѣ недостатки и злоупотребленія въ нихъ; заботиться объ обезпеченіи участи инвалидовъ.

На обязанности «Союза Благоденствія» лежало заниматься распространеніемъ просвѣщенія и во всѣхъ видахъ добродѣтели, неразлучной съ благоденствіемъ, и искоренять пороки: предпочтенія личныхъ выгодъ общественнымъ, подлости, удовлетворенія гнусныхъ страстей, лицемѣрія, лихоимства и жестокости съ подвластными. «Словомъ просвѣщая всѣхъ насчетъ ихъ обязанностей, стараться примирить и согласить всѣ сословія, чины и племена въ государствѣ и побуждать ихъ стремиться единодушно къ цѣли правительства—благу общему, дабы изъ общаго народнаго мнѣнія создать истинное нравственное судилище, которое благодѣтельнымъ своимъ вліяніемъ довершило бы образованіе добрыхъ нравовъ и тѣмъ положило прочную и непоколебимую основу благоденствія и доблести россійскаго народа.

«Союзъ достигаетъ до сего изданіемъ повременныхъ сочиненій сообразныхъ степени просвѣщенія каждаго сословія, сочиненіемъ и переводомъ книгъ, касающихся особенно до обязанностей человѣка. Личный примѣръ и слова должны тому содѣйствовать. Преимущественно духовныя особы, въ Союзѣ находящіяся, обязаны просвѣщать прихожанъ своихъ насчетъ ихъ обязанностей, не исключая изъ сего никакого сословія. Должно стараться побуждать къ сему и тѣхъ духовныхъ особъ, кои даже и не находятся въ Союзѣ.

Надзоръ за воспитаніемъ юношества въ правилахъ нравственности, добродѣтели, любви ко всему полезному и изящному и презрѣніе ко всему порочному и низкому также лежалъ на обязанности членовъ Союза, и уставъ прямо говорилъ, что «подъ его надзоромъ должны находиться всѣ безъ исключенія народныя учебныя заведенія; что онъ обязанъ ихъ обозрѣвать, улучшать и учреждать новыя.—Уставъ Союза входилъ даже въ семью и предоставлялъ себѣ право нечувствительнымъ образомъ побуждать родителей ко внушенію дѣтямъ правилъ добродѣтели и, поддерживая всѣхъ достойныхъ воспитателей, недостойныхъ, вселяющихъ развратъ и семейный раздоръ, изгонять и лишать ихъ всякой возможности «находить въ семъ ремеслѣ дневное свое пропитаніе». Въ семъ наблюдаетъ онъ (Союзъ) особенно за иностранцами, кои, сверхъ поселенія въ домахъ раздоровъ и разврата, внушаютъ дѣтямъ презрѣніе къ отечественному и привязанность къ чужеземному. Союзъ старается

также отвращать родителей отъ воспитанія дѣтей въ чужихъ краяхъ. Образованіе женскаго пола, какъ источникъ нравственности въ частномъ воспитаніи, входитъ также въ предметъ занятія Союза.

«Средства, для сего Союзомъ употребляемыя, суть собственный примѣръ, слово и повременныя изданія, въ коихъ излагаемы должны быть, между прочимъ, способы воспитанія, имена доказанныхъ хорошихъ воспитателей и полезныхъ для сего книгъ». Вообще распространеніе просвѣщенія составляло одну изъ главныхъ задачъ Союза, обязаннаго стараться объ обученіи грамотѣ простаго народа.

«Правосудіе,—сказано въ уставѣ,—слѣдствіе доброй нравственности, есть безъ сомнѣнія одна изъ главныхъ отраслей народнаго благоденствія и посему входитъ въ цѣль Союза. Онъ наблюдаетъ за исполненіемъ государственныхъ постановленій, побуждаетъ чиновниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, къ исполненію обязанностей; освѣдомляется о всѣхъ рѣшаемыхъ дѣлахъ и старается клонить все на сторону справедливости; чиновниковъ честныхъ и исполняющихъ свой долгъ, но бѣдныхъ состояніемъ, поддерживаетъ; вознаграждаетъ убытки, за правду понесенные; людей истинно достойныхъ возводитъ; безчестныхъ же и порочныхъ старается обратить на путь должнаго; въ случаѣ неудачи лишаетъ, по крайней мѣрѣ, возможности дѣлать зло. Союзъ старается также укрощать и искоренять властолюбіе и презрѣніе правъ человѣческихъ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ въ насъ вкрадывающіяся, и убѣдить всякаго въ истинѣ, что: общее благо народа требуетъ непремѣнно частнаго, и что каждый человѣкъ, какого бы онъ сословія ни былъ, въ правѣ онымъ пользоваться».

Наконецъ, относительно четвертаго отдѣла — общественнаго хозяйства—Союзъ обращаетъ особенное вниманіе на хлѣбопашество и разведеніе полезныхъ произрастеній; покровительствуетъ всякой полезной промышленности, имѣетъ надзоръ за внутреннею и внѣшнею торговлею, стараясь оную распространить и оживить ею совершенно мертвыя части отечества. «Отличившихся купцовъ въ трудахъ для пользы общей, также и всякаго рода полезныхъ заводчиковъ поддерживаетъ и представляетъ на видъ правительству для награжденія,—честныхъ купцовъ отличаетъ, безчестныхъ же старается обратить къ обязанностямъ и вообще печется о введеніи бо̀льшей честности въ торговлѣ».

Такимъ образомъ, по словамъ князя Е. П. Оболенскаго, уставъ «Союза Благоденствія» «удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной, нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаянія Союза, котораго цѣль была: нравствен-

ное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались» [1]).

Имѣя цѣлью общее благо, Союзъ приглашалъ къ себѣ только тѣхъ лицъ, безъ различія сословій и состояній, которыя исповѣдуютъ христіанскую религію, имѣютъ не менѣе 18 лѣтъ отъ роду и «честною своею жизнью удостоились въ обществѣ добраго имени и кои, чувствуя все величіе Союза, готовы перенести всѣ трудности, съ стремленіемъ къ оной сопряженныя». Иностранцы допускались въ Союзъ только тѣ, «кои оказали важныя услуги нашему отечеству и пламенно ему привержены». Женщины не допускались въ число членовъ Союза, но считалось полезнымъ склонять ихъ, незамѣтнымъ образомъ, «къ составленію» человѣколюбивыхъ и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующихъ цѣли Союза. Вообще всѣ люди, развращенные, порочные и низкими чувствами управляемые, отъ участія въ Союзѣ отстранялись.

Каждый членъ обязанъ былъ по своимъ способностямъ приписаться къ одной изъ четырехъ отраслей занятій Союза (человѣколюбіе, распространеніе правилъ нравственности, правосудіе и общественное хозяйство) и сколь возможно содѣйствовать трудамъ ея. Онъ обязанъ былъ повиноваться безпрекословно всѣмъ законнымъ (?) повелѣніямъ властей Союза; «ревностно исполнять всѣ даваемыя ими порученія и безъ досады подчиняться всѣмъ замѣчаніямъ, кои помянутыми властями, за неисполненіе обязанностей, сдѣланы могутъ быть».

Какъ истинные сыны очечества, члены Союза не должны были уклоняться отъ принятія на себя общественныхъ обязанностей по гражданскому вѣдомству, «съ раченіемъ исполнять и какъ непорочнымъ поведеніемъ, такъ правосудіемъ и благородствомъ возвышать во мнѣніи другихъ занимаемое ими мѣсто». Они должны «помогать ближнимъ, оказывать уваженіе людямъ добродѣтельнымъ и достойнымъ, вступать съ ними въ связь; злымъ же и порочнымъ противиться всѣми средствами, общаго спокойствія не нарушающими. Въ общественной жизни члены должны были вспомоществовать другъ другу: дворяне поддерживать членовъ купеческаго, мѣщанскаго и земледѣльческаго со-

---

[1]) Воспоминанія князя Е. П. Оболенскаго, „Русскій заграничный Сборникъ", ч. IV, тетрадь V, стр. 4.

стоянія и обратно». «Члены гражданской службы въ разговорахъ вступаются за военныхъ, а военные за гражданскихъ; все сіе однакожъ не вопреки правды и не въ пользу порока или преступленія. Вообще долженъ всякій распространять истину: что каждое сословіе и служба, государству полезныя, должны быть равно уважаемы истинными сынами отечества; и что презрѣнія достойны тѣ люди, кои отступаютъ отъ своихъ обязанностей и порокъ предпочитаютъ добродѣтели».

Каждый членъ «подъ опасеніемъ взысканія» обязанъ властямъ Союза доносить о всѣхъ противузаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ своихъ сочленовъ. Споспѣшествуя достиженію цѣли общества и поощряя личнымъ примѣромъ всякаго къ добродѣтели, членъ общества «долженъ стараться воздвигнуть ту нравственную стѣну, которая, какъ нынѣшнія, такъ и будущія поколѣнія оградила бы отъ всѣхъ бѣдствій порока, и чрезъ то на вѣчныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ утвердила величіе и благоденствіе россійскаго народа».

Всякій членъ обязанъ былъ, вступивъ въ Союзъ, вносить ежегодно въ общественную казну двадцать-пятую часть своего дохода [1]).

Относительно правъ членовъ въ общемъ составѣ Союза было постановлено, что различіе гражданскихъ состояній и званій уничтожается и замѣняется подчиненностью властямъ Союза. «Сіе однакожъ не должно препятствовать обыкновенному чинопочитанію». Всякій членъ имѣлъ право участвовать въ управленіи и законодательствѣ Союза. «Никто не можетъ быть обвиняемъ по одному подозрѣнію и подвергается взысканію только по предъявленіи достаточныхъ противъ него доказательствъ. Никто изъ членовъ безъ особаго порученія не можетъ говорить съ посторониимъ о занятіяхъ и дѣлахъ Союза; не имѣетъ права письменно излагать свои мысли ни противъ Союза, ни въ пользу его».

Каждый будущій членъ до принятія его давалъ слѣдующую подписку: «Я нижеподписавшійся, полагаясь на увѣреніе, что ни въ цѣли, ни въ законахъ Союза Благоденствія нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ, отечеству и общественнымъ обязанностямъ—честнымъ моимъ словомъ обязуюсь, если мнѣ оные по прочтеніи не понравятся и я въ Союзъ не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его».

Послѣ согласія поступить въ члены онъ долженъ былъ дать вторую подписку: «Я нижеподписавшійся, находя цѣль и законы Союза Благоденствія совершенно сходными съ моими правилами, обязуюсь дѣятельно участвовать въ управленіи и занятіяхъ его,—покоряться законамъ и

---

[1]) Сборъ этотъ производился очень туго, и до 1825 года было собрано не болѣе 5.000, которые были переданы кн. Трубецкому и издержаны имъ на расходы по тайному обществу.

установленнымъ отъ него властямъ; и, сверхъ того, даю честное слово, что даже по добровольномъ или принужденномъ оставленіи Союза, не буду порицать его, а тѣмъ менѣе противодѣйствовать оному. Въ противномъ случаѣ добровольно подвергаюсь презрѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей». «Отъ обязанности дать честное слово и подписку никто освобожденъ быть не можетъ».

Имена членовъ, оказавшихъ важныя услуги Союзу и отличающихся примѣрнымъ исполненіемъ обязанностей, вносятся въ почетную книгу; напротивъ, имена нерадивыхъ и дѣйствующихъ вопреки цѣли Союза вносятся въ постыдную книгу и объявляются по всему Союзу. Членамъ послѣдней категоріи дѣлается сперва короткое напоминаніе сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, а затѣмъ уже они исключаются изъ Союза.

Въ дѣйствительности никакихъ книгъ не было, и даваемыя подписки тотчасъ же сожигались, но для принятаго или отказавшагося это было скрыто.

Управленіе общества сосредоточивалось въ рукахъ Кореннаго Союза, составленнаго изъ учредителей общества, число которыхъ и имена не были извѣстны большинству членовъ. Отъ Кореннаго Союза зависѣло направленіе дѣятельности общества и распространеніе его по всѣмъ частямъ государства. Изъ Кореннаго Союза выбиралось шесть членовъ, которымъ и ввѣрялось главное управленіе: пять изъ нихъ назывались засѣдателями, а шестой—блюстителемъ, слѣдившимъ за сохраненіемъ постановленій. Всѣ они составляли такъ называемый Совѣтъ Кореннаго Союза, и одинъ изъ засѣдателей избирался въ предсѣдатели Совѣта на два мѣсяца. По окончаніи этого срока, избирался по жребію новый предсѣдатель и т. д. Предсѣдатель именуется главою. «Но дабы и остальные члены Кореннаго Союза участвовали въ главномъ управленіи, то каждые четыре мѣсяца выходятъ по жребію двое засѣдателей изъ Кореннаго Совѣта и поступаютъ въ число остальныхъ членовъ Кореннаго Союза. Блюститель выходитъ съ послѣднимъ засѣдателемъ». Всѣ члены Кореннаго Союза вмѣстѣ съ совѣтомъ составляли Коренную Управу, въ которой предсѣдательствовалъ глава Совѣта.

Коренной Совѣтъ распредѣляетъ работы между членами Союза и составляетъ средоточіе всѣхъ дѣйствій. Онъ собирается по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ и въ немъ находится исполнительная власть; въ Коренной же Управѣ—законодательная власть, верховное судилище и выборъ чиновниковъ. Коренной Союзъ назначаетъ особую временную законодательную палату, для разсмотрѣнія, поясненія и исполненія законовъ Союза. Законодательная палата не можетъ измѣнить цѣли Союза и если Корен-

ная Управа одобритъ труды ея, то установленные ею законы будутъ имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія ихъ верховнымъ правленіемъ, имѣющимъ установиться, лишь только Союзъ совершенно составленъ будетъ.

«Каждый членъ Коренной Управы обязанъ составлять союзы или собранія, дѣйствующія въ смыслѣ общества и входящія въ составъ онаго [1]). Сіи члены суть съ начала единственные распространители Союза.

Общества, ими учреждаемыя, называются управами. Кто изъ членовъ Коренной Управы, безъ основательной причины, откажется учредить управу, немедленно исключается изъ Кореннаго Союза. Лица отсутствующія, но пользующіяся довѣренностію Кореннаго Союза, могли быть сдѣланы уполномоченными для составленія управъ въ томъ краю, гдѣ они находятся.

Число членовъ Управы должно быть не менѣе десяти и не болѣе двадцати. Управа, имѣющая десять членовъ, называется дѣловою управою и получаетъ списокъ первой части Законоположенія Союза. Половина законнаго числа членовъ управы (т. е. пять человѣкъ) должны быть непремѣнно жителями того мѣста, гдѣ основывается управа. Каждая управа имѣетъ право основать другую, которая называется побочной управой и находится въ подчиненіи дѣловой управы. Она, кромѣ непредвидимыхъ случаевъ, никогда не сообщается съ Коренною Управою, а только съ основавшею ее управою. Если побочная управа учредитъ сама другую таковую же, то становится независимою отъ основавшей ее прежде. Кромѣ членовъ Кореннаго Союза никто не можетъ основать управы, не получа на то позволенія отъ Коренной Управы или Совѣта своей управы. Управа, основавшая три побочныя управы, получаетъ названіе главной и ей доставляется списокъ окончательнаго образованія Союза, т. е. второй части Законоположенія.

Каждая изъ основанныхъ членами Кореннаго Союза управа должна въ теченіе шести мѣсяцевъ возрасти до десяти членовъ. Въ противномъ случаѣ она уничтожается, и Совѣтъ Кореннаго Союза причисляетъ ее къ другой или размѣщаетъ членовъ по другимъ управамъ.

Основатель дѣловой управы есть первые три мѣсяца предсѣдатель и блюститель оной; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ десять членовъ избираютъ себѣ одного, а если въ управѣ двадцать членовъ,

---

[1]) Изыскавъ честною жизнію и хорошими правилами извѣстнаго гражданина, членъ Коренной Управы предлагаетъ ему вступленіе въ Союзъ и, взявъ отъ него предварительно росписку, прочитываетъ ему первыя двѣ книги Законоположенія Союза, и когда онъ по прочтеніи оныхъ согласится вступить въ Союзъ, беретъ отъ онаго вторую росписку.

то двухъ старшинъ и одного блюстителя, которые составляютъ Совѣтъ управы. Онъ занимается направленіемъ дѣлъ побочныхъ управъ, производитъ работы по порученіямъ Кореннаго Совѣта Союза, дѣлаетъ замѣчанія за безпорядки и даетъ разрѣшеніе основать новую управу. Въ Совѣтѣ хранятся: списки членовъ, книга подписей вступающихъ въ Союзъ и списокъ присланныхъ въ управу законовъ Союза. Въ самой же управѣ сосредоточивается законодательство, расправа надъ преступившими членами и старшинами; рѣшенія дѣлъ, поступающихъ изъ побочныхъ управъ. Сообщенія между управами и Кореннымъ Союзомъ производятся въ видѣ частной переписки, отъ имени старшины или блюстителя на имя главы или кого-либо изъ засѣдателей или блюстителя Кореннаго Совѣта.

Таковы были главныя основанія Союза Благоденствія. Далѣе слѣдовали правила объ обязанностяхъ должностныхъ лицъ и порядкѣ веденія дѣлъ, распредѣленіе занятій членовъ и подробное наставленіе имъ по части человѣколюбія, образованія, воспитанія юношества, распространенія познаній, направленія правосудія на истинный путь и искорененія злоупотребленій и наконецъ попеченія объ улучшеніи общественнаго хозяйства.

«Многіе члены думали,—говоритъ Никита Муравьевъ [1]),—что Союзъ не прежде двадцати лѣтъ въ состояніи будетъ достигнуть своей цѣли. Когда сочиняли уставъ «Союза Благоденствія», я предложилъ даже, чтобы поставить въ первомъ параграфѣ онаго, что Союзъ сей составляется на 25 лѣтъ, по прошествіи которыхъ теряетъ свою дѣйствительность, буде члены онаго не утвердятъ его вновь на опредѣленное время».

Высоко-нравственныя начала и идеи, изложенныя въ уставѣ «Союза Благоденствія», можно назвать только бумажными; въ нихъ много краснорѣчивыхъ, рѣшающихъ и авторитетныхъ фразъ; много гуманности и никакой вѣроятности и надежды на достиженіе цѣли. «Онъ заключалъ въ себѣ,—говорилъ М. Орловъ [2]),—много филантропическихъ мыслей, такихъ, какихъ можно найти во всякой книгѣ». Уставъ написанъ какъ бы для учрежденія узаконеннаго, существующаго, имѣющаго власть и право распоряжаться по всему обширному пространству Россіи, наблюдать за правительственными учрежденіями, наказывать и миловать служащихъ въ нихъ. Члены Кореннаго Союза не придавали уставу никакого значенія и не думали объ его исполненіи. «Я знаю,—говорилъ Бриггенъ,—по общимъ жалобамъ членовъ, что начертанный въ Зеленой

---

[1]) Въ показаніи 1-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.
[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 83.

книгѣ порядокъ никогда не соблюдался»[1]). Изложенныя въ ней правила были написаны для введенія въ заблужденіе и правительство и вновь поступающихъ членовъ. «Содержаніе Зеленой книги Союза Благоденствія,—показывалъ Пестель[2]),—было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли, на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ».

Послѣднимъ говорили, что управители и распорядители въ Союзѣ намѣрены искать покровительства высочайшей власти и съ этою цѣлью въ уставъ Союза было введено нѣсколько параграфовъ, какъ бы служившихъ подтвержденіемъ справедливости этого намѣренія.

Такъ въ § 16 второй книги главы 1-й было сказано: «Всякій членъ имѣетъ право учреждать или быть членомъ всякаго рода правительствомъ одобренныхъ обществъ, но извѣщать долженъ при томъ Союзъ о всемъ въономъ происходящемъ и не чувствительнымъ образомъ склонять ихъ къ цѣли Союза. Вступленіе же въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ Союза воспрещается; ибо онъ, дѣйствуя ко благу Россіи и слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію. Все это, конечно, были одни слова безъ дѣла, но подъ вліяніемъ тяжелаго внутренняго положенія Россіи, увлекало многихъ. «Союзъ сей,—показывалъ Никита Муравьевъ[3]),—который обнималъ всѣ отрасли человѣческихъ занятій—увеличился весьма скоро, потому что правила, изложенныя въ его уставѣ, были основаны на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству». Принимаемымъ въ члены общества давали иногда прочитать «Зеленую книгу», но большинству она не показывалась, а разсказывалось ея содержаніе и предоставлялось вѣрить на слово. Такимъ лицамъ говорили, что каждый членъ общества обязанъ пріобрѣтать познанія, могущія сдѣлать его полезнѣйшимъ гражданиномъ и содѣйствовать цѣли общества. Она, по словамъ принимающихъ въ общество, состояла:

1) Въ поддержаніи всѣхъ тѣхъ мѣръ правительства, отъ которыхъ возможно ожидать хорошихъ послѣдствій, для благосостоянія государства.

2) Въ осужденіи всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ несоотвѣтствующими этой цѣли.

3) Въ преслѣдованіи всѣхъ чиновниковъ, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ за злоупотребленіе по должности и за несправедливости.

---

[1]) Въ показаніи 26-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 40.
[2]) Въ показаніи 23-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 87.
[3]) Показаніе 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

4) Въ исправленіи, по силѣ каждаго члена, всѣхъ несправедливостей и защитѣ потерпѣвшихъ.

5) Въ разглашеніи всѣхъ благородныхъ и полезныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и гражданъ.

6) Въ распространеніи убѣжденія о необходимости освобожденія крестьянъ, при чемъ каждый членъ общества принималъ на себя обязанность освободить крестьянъ, когда они поступятъ къ нему во владѣніе.

7) Въ пріобрѣтеніи и распространеніи свѣдѣній по части государственнаго устройства, законодательства, судопроизводства и проч.

8) Въ распространеніи чувства любви къ отечеству и ненависти къ несправедливости и угнетенію.

9) Занятіе должностей въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ цѣлью исполненія не только принятыхъ на себя обязанностей, но уничтоженія лихоимства и другихъ злоупотребленій постепеннымъ улучшеніемъ нравственности среди товарищей и подчиненныхъ и распространеніемъ просвѣщенія [1]).

«Члены сего общества,—говорилъ М. Орловъ [2]),—были всѣ свободомыслящіе молодые люди, старающіеся распространять свои теоріи, но едва-ли имѣющіе какую-либо мысль о переворотѣ. Они были болѣе нѣмецкіе идеалоги, чѣмъ французскіе якобинцы.

«Молодость,—показывалъ князь Илья Долгоруковъ [3])—и качества многихъ достойныхъ людей, состоящихъ уже членами, побудили меня присоединиться къ нимъ безъ опасенія». Нѣкоторыя, не видя въ уставѣ никакой преступной цѣли, поступали въ общество для того, чтобы имѣть «связи съ хорошимъ кругомъ людей» [4]).

«Причинъ рѣшительныхъ для вступленія въ общество я не имѣлъ,—говорилъ штабсъ-капитанъ Мухановъ [5]),—но вступилъ по убѣжденію и зная, что въ ономъ находились многіе молодые люди хорошихъ семействъ».

Титулярный совѣтникъ Горсткинъ поступилъ въ Союзъ Благоденствія потому, что предложившій ему Александръ Муравьевъ «владѣлъ всеобщею довѣренностію, былъ превлекателенъ и во всей гвардіи имѣлъ репутацію отличнѣйшую, уважаемъ былъ не только равными и младшими, но и начальники нѣкоторымъ образомъ всегда въ немъ видѣли образцоваго

---

[1]) Показаніе князя Евгенія Оболенскаго 27-го декабря 1825 г., Госуд. арх. I, д. № 3.

[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 83.

[3]) Показаніе князя И. Долгорукова 2-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 230.

[4]) Показаніе подполковника Хотяинцова. Тамъ же, д. № 87.

[5]) Въ показаніи 27-го января 1826 г. Тамъ-же, д. № 24.

офицера. Одно знакомство такого человѣка уже восхищало. Желаніе имѣть связи, какъ тогда увѣряли, что безъ связей ничего не добьешься по службѣ, а что большею частью либо масонствомъ, либо другимъ какимъ мистическимъ обществомъ, люди помогая другъ другу на пути каждаго, пособіями, рекомендаціями взаимно поддерживали себя и тѣмъ достигали извѣстныхъ степеней въ государствѣ преимущественно передъ прочими. Общество, мнѣ предложенное,—говорилъ Горсткинъ,—составляли люди во всѣхъ отношеніяхъ хорошіе, образованные, одаренные умомъ и всѣми качествами, неминуемо долженствующими привлечь молодаго человѣка [1]).

«О своихъ мысляхъ утвердительнаго отвѣта я дать не умѣю. Богъ знаетъ, отчего какія рождаются, въ какой книгѣ почерпаются, или кѣмъ и когда сообщаются. Осмѣлюсь замѣтить, что образа мыслей не токмо свободнаго, но и никакого положительно я по сіе время не успѣлъ еще себѣ составить. Ежели же когда и появлялись на время оттѣнки такъ называемаго свободомыслія во мнѣ, то полагаю, что источникъ ихъ крылся въ самомъ обществѣ, которое нѣкогда было въ модѣ. Впрочемъ, сія монета, ежели и попадалась невзначай въ мои руки, то безъ всякаго употребленія заржавѣла и хода не имѣла [2]).

Лицъ подобныхъ Горсткину, коренные члены старались направить на путь истины, истолковать имъ «что такое конституціонное правленіе, и изъяснить необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія».

«Чтобы быть членомъ, не требовалось однако же убѣжденіе въ сей мысли, если только онъ могъ быть полезенъ по другимъ частямъ и имѣлъ хорошую нравственность» [3]).

«Каждый членъ, начиная отъ самаго главнаго, имѣлъ право принять только двухъ членовъ». Изъ сего слѣдуетъ,—говорилъ М. Орловъ [4]),—что на первомъ твердомъ человѣкѣ, который вознамѣрится взять на себя всю отвѣтственность и сказаться начальникомъ, вся цѣль розысковъ (правительства) прерывается. Это правило давало обществу возможность возрожденія послѣ всѣхъ гоненій (т. е. въ случаѣ открытія его правительствомъ), но правило это только принято было на бумагѣ, а въ дѣйствіе никогда не приводилось.

При наборѣ членовъ не руководствовались никакими правилами «и по новости устава,—говорилъ Александръ Муравьевъ [5]), не было того порядка въ собраніяхъ, который по уставу долженъ былъ быть. Соби-

---

[1]) Показаніе Горсткина 28-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 68.
[2]) Показанія Горсткина 2-го іюня 1826 г. Тамъ же, д. № 68.
[3]) Показаніе князя Трубецкаго. Тамъ же, д. № 1.
[4]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 68.
[5]) Показанія А. Муравьева 31-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.

рались члены безъ раздѣленія на управы, болѣе по знакомству; да и самыя скопища сіи не были отдѣлены ясною чертою и регулярныхъ собраній не имѣли. Члены Кореннаго Союза, въ числѣ которыхъ былъ и я, были установители оныхъ; но кто именно какое скопище учредилъ того, по истинѣ не знаю... Все было перемѣшено»:

— Я,—говорилъ губернскій секретарь Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ,—къ несчастію моему, былъ включенъ въ общество, цѣль котораго всякій могъ опредѣлять по произволу, ибо никто ни къ чему не обязывался [1]).

Организованныхъ управъ не было, ни предсѣдателя, ни блюстителя въ Коренномъ Союзѣ никто не выбиралъ. «Раздѣленіе управъ,—говорилъ П. Пестель [2]),—на дѣловыя, побочныя и главныя въ дѣйствіе никогда приведено не было. Всѣ управы были одинаковаго значенія, исключая Коренной Управы, находившейся въ Петербургѣ и состоявшей всегда изъ наличныхъ членовъ Кореннаго Союза».

Въ то время общество было слишкомъ малочисленно, чтобы думать объ устройствѣ какихъ-либо своихъ административныхъ органовъ. Все ограничивалось одними разговорами и предположеніями. Среди этихъ разговоровъ стало извѣстно, что императоръ Александръ поручилъ графу Аракчееву составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ не вызывалъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для помѣщиковъ и не имѣлъ ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства. Напротивъ, государь желалъ, чтобы освобожденіе совершилось съ выгодою для помѣщиковъ, возбудило въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать видамъ правительства и сознаніе, что сообразно духу времени и успѣхамъ образованности такое освобожденіе необходимо какъ для самихъ владѣльцевъ, такъ и для крѣпостныхъ людей [3]). Въ этомъ направленіи,

---

[1]) Показаніе Кашкина 14-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 64.

[2]) Показаніе П. Пестеля 29-го марта 1826 г. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 1.

[3]) Графъ Аракчеевъ не находилъ другаго способа, какъ пріобрѣсти покупкою въ казну всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, съ надѣломъ ихъ 2-мя десятинами земли на каждую ревизскую душу. Онъ указывалъ подробно на средства къ приведенію въ исполненіе этой мѣры, которой впрочемъ не суждено было осуществиться вслѣдствіе сопротивленія дворянства и за измѣненіемъ политическихъ взглядовъ самого императора Александра. Тѣмъ не менѣе порученіе, данное императоромъ графу Аракчееву стало скоро извѣстнымъ въ обществѣ и въ томъ же 1818 году появилось нѣсколько проектовъ объ освобожденіи крестьянъ.

А. Ѳ. Малиновскій предлагалъ объявить свободными всѣхъ обоего пола дѣтей, рожденныхъ послѣ 1812 года, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ крестьянами въ Отечественную войну. „Новые граждане,—говорилъ онъ,—возрастутъ въ понятіяхъ о своей свободѣ, пріучатся ею пользоваться безъ на-

императоръ Александръ, во время своего путешествія на югъ Россіи и пріема дворянства, намекалъ ему, но не встрѣтилъ сочувствія. Тогда, въ январѣ 1818 г., пользуясь предстоящими дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ, конечно, съ согласія государя, обратился къ собравшимся съ рѣчью [1]), въ которой между прочимъ говорилъ:

«Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками!.. Сими знаменитыми годами будутъ гордиться и дальніе потомки наши. Но да увидятъ они въ насъ примѣръ добродѣтелей, не только воинственныхъ, но и гражданскихъ; пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда можемъ только быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

«Тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердному царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ.

«Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій государь, что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и

рушенія общежительныхъ отношеній, и такимъ образомъ свобода нечувствительно укоренится въ Россіи. А помѣщики, удержавъ за собою написанныхъ по 7-й ревизіи крестьянъ и оставшись при прежнихъ правахъ своихъ, будутъ примѣняться къ принятымъ для сего государственнымъ мѣрамъ и придумаютъ заранѣе способы для удержанія свободнаго потомства крестьянъ на земляхъ своихъ".

Адмиралъ Мордвиновъ признавалъ возможнымъ только постепенное освобожденіе крестьянъ, «когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовременно, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку. Онъ предлагалъ установить закономъ мѣры выкупа для освобожденія отъ крѣпостной зависимости. („Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ".«Девятнадцатый вѣкъ» изд. П. Бартенева, т. II, стр. 151).

[1]) Рѣчь, произнесенная малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Репнинымъ, при открытіи дворянскихъ собраній, по случаю выборовъ: въ Полтавѣ 3, а въ Черниговѣ 20-го января 1818 г. „Духъ журналовъ" 1818 г., часть 27, стр. 125—136. Рѣчь эта была напечатана отдѣльно, а затѣмъ перепечатана въ „Кіевской Старинѣ" 1890 г. т. XXX, стр. 117—121.

добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ, многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства.

«Благородное дворянство! Сіе возваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ. Вамъ не трудно будетъ оное исполнять, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

«Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе, неумолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцевъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдѣляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги: и за родину никто не принесъ себя въ жертву! Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны; и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю, не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщите способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностью подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, «помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ!»

«Но сіи отеческія попеченія наши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ, изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ при-

тѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя, и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

«Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне. Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили; другіе, своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ, весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ, и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душою народа».

Рѣчь эта произвела большой переполохъ среди дворянъ-помѣщиковъ, въ большинствѣ не сочувствовавшихъ крестьянской реформѣ, видѣвшихъ въ ней гибель Россіи и потому оказывавшихъ сопротивленіе при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ.

«Россія все еще татарщина,—писалъ извѣстный масонъ О. А. Поздѣевъ графу А. К. Разумовскому [1]),—въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ, а, въ отсутствіи ихъ, ихъ приказчиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что никакія войска въ этой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ.

«Въ Россіи Пугачевъ, вѣдая это, вездѣ разсѣевалъ, что если бы въ Россіи подпоры подрубить, то заборъ самъ упадетъ, а потому и возставалъ на дворянъ, зачавъ крестьянъ дѣлать вольными. Кто же тогда вступился за тронъ? за государя? Дворяне, изъ коихъ никто къ нему не присталъ. Покойная государыня (Екатерина II), увидя опытомъ сама, въ комъ состоитъ сила государства, уже послѣ пугачевскаго бунта перестала думать о вольности крестьянъ, а зачала разными привилегіями утверждать право и собственность дворянъ и усиливать ихъ.... А шалуны изъ дворянъ, путешествующіе, проматывая чужія деньги въ иностранныхъ земляхъ, хвалятъ, что тамъ хорошо, тамъ законы хороши, и давай новые сочинять!.... Россія такова, что эту татарщину исправниками, да полками не усмиришь.

«Не можно себѣ представить,—писалъ тотъ же Поздѣевъ С. С. Ланскому [2]),—какая каша будетъ изъ воли нижняго состоянія; такъ какъ ежели бы дать волю солдатамъ въ полкахъ, то что изъ этого ожидать? Кѣмъ ихъ принуждать? А безъ принужденія кто станетъ дѣло дѣлать и кто станетъ служить? Тѣхъ, кто предлагалъ и хлопоталъ объ осво-

[1]) Отъ 27-го сентября 1816 г. «Изъ писемъ О. А. Позднѣева къ его друзьямъ». „Русскій Арх." 1872 г., т. II, № 10, стр. 1878.

[2]) Отъ 28-го марта 1817 г. Тамъ же, стр. 1882—1886.

божденіи крестьянъ, Поздѣевъ называлъ «завистниками цѣлости Россіи, которые хотятъ ее совсѣмъ въ корень разорить», и приписывалъ это дѣло иллюминатамъ.

— Они и во Франціи,—говорилъ онъ,—эту же кашу произвели, а здѣсь тотъ же духъ дѣйствуетъ. Народъ въ Россіи крайне развратился пьянствомъ и обманами. Если дастся воля, это значитъ воля дѣлать всякіе безпорядки, грабежи и убійства. Если они (крестьяне) отъ зависимости дворянъ освобождены будутъ, то останутся подъ зависимостію не привыкшей власти, т. е. подъ одними исправниками. Земская полиція весьма слаба для этого и это же пастыри, имъ же не суть овцы своя. А дворяне—они чиновники же государевы, кои объ нихъ пекутся, какъ отцы во время ихъ болѣзненнаго состоянія; а какъ скоро они изъ подъ этой зависимости будутъ выведены, то это будутъ самые несчастные люди. Это я не для себя говорю, ибо я уже одной ногой въ гробу стою и по лѣтамъ моимъ, и по болѣзненному состоянію; мнѣ все равно, отъ той-ли руки умереть или отъ другой. И на постелѣ умереть вѣдь не легче. Дворяне въ государствѣ такъ, какъ пальцы у рукъ. Высвободи возжи, то лошади куда занесутъ и самого сѣдока. А кто сѣдокъ, уже сами разумѣйте» [1]).

Въ томъ же направленіи писалъ и В. Н. Каразинъ. Всегда отечески относившійся къ своимъ крестьянамъ, онъ, теперь, съ полнымъ увлеченіемъ и со всею силою своего краснорѣчія, возставалъ противъ свободы крестьянъ въ Россіи и сравнивалъ ихъ положеніе съ положеніемъ только-что освобожденныхъ эстляндскихъ. По его словамъ, народъ нашъ обожалъ своихъ владыкъ, а въ боярахъ (помѣщикахъ) видѣлъ своихъ отцовъ, и только новые мудрецы натолковали ему, что наслѣдственное подчиненіе есть рабство.

«Вездѣ и у самыхъ дикарей,—говорилъ Каразинъ [2]),—отдѣленныхъ пространными морями, не имѣвшихъ никакого сообщенія, ниже понятія о существованіи другихъ людей, было находимо дворянство и при томъ наслѣдственное, какъ и цари или князья народа наслѣдственные же.

«Тѣ самые, которые не хотятъ видѣть въ служителяхъ религіи наставниковъ народа, утѣшителей его въ скорбяхъ, увѣряли цѣлый свѣтъ, что они просто ремесленники, разрядъ людей, питающихся отъ

---

[1]) Письмо О. А. Поздѣева 25-го сентября 1817 г. Тамъ же.

[2]) Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, вызванное послѣ бесѣды со своими собратьями объ эстляндскихъ постановленіяхъ. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 143—152. Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1860 г., кн. II, стр. 218.

*

пустословія и ханжества, — тѣ самые не хотятъ знать въ наслѣдственныхъ россійскихъ помѣщикахъ ничего болѣе, какъ хозяевъ недвижимыхъ имѣній, оптовыхъ промышленниковъ предметами земледѣлія. Развѣ не существуетъ въ законахъ нашихъ узаконеній, что они значатъ нѣчто несравненно важнѣе для пользъ государства? Развѣ послѣднія событія не доказали намъ и цѣлой Европѣ, что народъ нашъ (вообще говоря), удаленъ бывши отъ того, чтобы почитать себя въ рабствѣ, привязанъ душою къ образу своего существованія и находить въ немъ свое счастіе? Развѣ мы при нынѣшнемъ, даже недостаточномъ законоположеніи по сей важной части не примѣчаемъ, что поселяне добрыхъ помѣщиковъ не завидуютъ вольности казенныхъ поселянъ?

«На что же изобрѣтать новое, на что подражать чужому, когда свое стоитъ только обработать, чтобы надежнѣе и ближе достигнуть желаемаго конца?

«Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей. И кому приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ?»

«Неужели,—спрашивалъ Каразинъ,—избранный міромъ староста будетъ желать болѣе добра, чѣмъ просвѣщенный помѣщикъ?» и отвѣчалъ, что помѣщикъ по отличному (?) воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными представляетъ «въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха. Какъ всѣ государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ, да будутъ начальниками земледѣлателей помѣщики. Да будутъ они особенными государственными чиновниками, какъ прочіе. Да подчинятся они отвѣтственности передъ престоломъ, да учинится надъ ними надзоръ».

Увлекаясь своею идеею, Каразинъ предлагалъ раздѣлить всю Россію на помѣстья (нѣчто въ родѣ маіоратовъ) и предоставить помѣщикамъ земскую полицію.

Вскорѣ послѣ рѣчи князя Н. Г. Репнина появился въ Москвѣ отвѣтъ на нее, никѣмъ не подписанный.

«Въ политическомъ составѣ государства нашего,—было сказано въ отвѣтѣ [1],—первенствующее занимаетъ мѣсто сословіе дворянства съ правами, присвоенными и утвержденными ему на званіе дворянина и на преимущества помѣщика. Во всѣхъ европейскихъ земляхъ суще-

---

[1]) „Посланіе россійскаго дворянина къ князю Репнину (Николаю Григорьевичу, малороссійскому военному губернатору". 4-го апрѣля 1818 г. г. Москва. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 155.

ствуетъ отличное сіе состояніе, вездѣ посвящаетъ себя на службу отечеству, вездѣ оно болѣе или менѣе уважаемо и полезно, но нигдѣ такъ, какъ въ Россіи, не имѣетъ оно столь значительнаго и существеннаго вліянія на политическое ея бытіе, на пользу и цѣлость царства и, наконецъ, на всѣ успѣхи ея по занятію исключительно всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ должностей.

«Дворяне въ Россіи суть главные сподвижники и исполнители благодѣтельныхъ и общеполезныхъ монаршихъ велѣній къ славѣ, величію, преуспѣянію и совершенствованію любезнаго отечества нашего».

Говоря, что предки помѣщиковъ получили крестьянъ за военные подвиги и за пролитую кровь во славу отечества, князь Вяземскій прибавлялъ, что «всѣ потомки доблестныхъ предковъ могутъ гордиться мыслію, что теперешнее ихъ достояніе дошло къ нимъ не даромъ, но за храбрые подвиги, за службу отечеству и царямъ, за кровь и самую смерть на полѣ чести праотцевъ ихъ... Вотъ первое начало и истинныя права дворянъ-помѣщиковъ... Дворяне, наградою помѣстьями пріобрѣвъ законное право пользоваться землями и трудами своихъ крестьянъ, получили черезъ то самое способъ не токмо существовать, но и посвящать и пріуготовлять сыновей своихъ на службу царя и отечества. Съ тѣхъ поръ боярскія дѣти не что иное суть, какъ разсадникъ, изъ коего наполняется войско и суды—запасъ вѣрныхъ сыновъ отечества, обреченныхъ охранять честь и славу его».

Изъ этого князь Вяземскій выводилъ заключеніе, «что опора и надежда дворянства—престолъ, а ограда и твердость престола—дворянство. Какая существенно политическая связь; какія крѣпкія узы! Опытъ же и событія научаютъ паче всякаго умствованія: во Франціи не стало дворянства,—она пала; въ Россіи оно было,—и Россія возстала (противъ Наполеона), восторжествовала и блаженствуетъ!»

Князь говорилъ, что правительство издревле признало необходимымъ поручить дворянству благоустройство и благоденствіе подвластныхъ ему крестьянъ и тѣмъ воскресить древнее мудрое патріархальное правленіе; что оно поставило помѣщика въ видѣ отца обширнаго семейства домочадцевъ своихъ; что тѣсная и неразрывная связь соединяетъ помѣщика-отца съ крестьянами-дѣтьми своими. Князь Вяземскій даже не брался перечислять всѣ выгоды крѣпостнаго состоянія—такъ, по его мнѣнію, было ихъ много.

— Никакія общія государственныя правила и постановленія,—говорилъ онъ,—не могутъ быть достаточны для удовлетворенія непредвидѣнныхъ крестьянскихъ нуждъ. Только помѣщикъ можетъ имѣть непрерывное наблюденіе за хозяйствомъ крестьянъ, отклонять всѣ ихъ недостатки, направить поведеніе, упражненіе и промышленность ихъ

къ добру и пользѣ; онъ можетъ увѣщаніями и приличною строгостію удержать ихъ отъ пороковъ распутства и всякихъ вредныхъ привычекъ. Помѣщикъ, какъ старѣйшина посреди семейства, словеснымъ, скорымъ и безпрекословнымъ судомъ примиряетъ злобствующихъ, прекращаетъ шумъ, ссоры и драки, и какъ справедливый отецъ наказуетъ виновныхъ дѣтей своихъ.

Говоря, что существуетъ множество примѣровъ цвѣтущаго состоянія крестьянъ, не желающихъ быть отпущенными на волю, князь Вяземскій доказывалъ, что для устройства внутренняго благоденствія Россіи нѣтъ надобности слѣдовать никакому иноземному образцу, «но единственно исправивъ нѣкоторые извѣстные недостатки и устранивъ злоупотребленія, надлежитъ рѣшительно бодрствовать въ поддержаніи нынѣ существующаго порядка вещей...»

«Неужели,—спрашивалъ онъ,—всѣ несчастія, всѣ ужасы, всѣ беззаконія, постигшія большую часть Европы отъ вреднаго и излишняго умствованія, не научаютъ насъ быть осторожными противъ прелестей лжемудрованія; неужели еще не вразумились, что вольность, сей идолъ чужеземныхъ слѣпцовъ, влечетъ неминуемо къ пагубному своевольству, буйству, разврату и ниспроверженію всѣхъ властей? Неужели еще не утвердилась въ умахъ спасительная истина, что благоденствіе царства нашего необходимо требуетъ совершенной покорности и повиновенія народа властямъ, надъ нимъ поставленнымъ мудрою волею монархическаго самодержавія. На сихъ-то незыблемыхъ основаніяхъ сооружена величественная Россія,—она пребудетъ на вѣки счастлива и могущественна, пока существовать въ ней будетъ сила неопровергаемой сей истины!»

Приходя на защиту помѣщика-дворянина, авторъ посланія говорилъ, что царство русское обильно доблестнымъ дворянствомъ, столпами престола, героями на полѣ брани, мудрыми въ совѣтѣ и любящими свое отечество. «Но сколько еще такихъ дворянъ, которые, уклонивъ себя отъ поприща почестей, полагаютъ всю честь и славу свою въ упражненіяхъ, истинно почтенныхъ и приличныхъ званію дворянина. Внимательно занимаясь удѣломъ своимъ, трудятся съ умомъ и ревностію въ улучшеніи разныхъ хозяйственныхъ частей; устрояютъ и соучаствуютъ въ изобиліи царства; пекутся о благосостояніи подвластныхъ имъ крестьянъ, споспѣшествуя точному исполненію всякихъ государственныхъ повинностей; исправляютъ нравственность ихъ и находятъ собственное утѣшеніе въ благоденствіи ихъ. Таковые почтенные помѣщики не суть-ли самые полезные члены общества? Не надежнѣйшіе-ли они сыны отечества?..

«Все сіе заставляетъ несомнительно предпочесть таковое издревле существующее въ Россіи устройство всякимъ нововводимымъ, не испы-

таннымъ и умственнымъ предположеніямъ. Изъ чего явствуетъ, что для благоденствія крестьянъ нашихъ не нужно мыслить о химерическомъ новомъ положеніи, но токмо стараться поддержать во всей силѣ истинно доброе старое, приложивъ попеченіе о повсемѣстномъ его наблюденіи и утвержденіи въ пользу крестьянъ».

Въ заключеніи посланія княземъ Вяземскимъ было сказано, что если правительство желаетъ принять мѣры къ устройству благосостоянія Россіи, то необходимо собрать въ одну изъ столицъ губернскихъ предводителей и депутатовъ отъ каждой губерніи. «Тамъ въ общемъ совѣтѣ всего царства нашего знаменитые и ученые сіи представители дворянства, усердные сподвижники благу Россійскаго государства, какъ покорные сыны предъ сердобольнымъ и великодушнымъ отцомъ отечества, повергнутъ не токмо собственныя нужды свои, но даже не умолчатъ, если повелѣно будетъ, и о всемъ томъ, что̀ требуетъ истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего».

Такое собраніе было противно видамъ императора Александра I, желавшаго, чтобы все исходило отъ него одного, и къ тому же онъ не ожидалъ отъ собранія благихъ послѣдствій. Идиллическая картина отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, нарисованная въ посланіи, была далека отъ истины, но она выражала мнѣніе большинства дворянства. Трудно было допустить, чтобы оно отступило отъ своихъ традицій и созналось въ угнетеніи крестьянъ. Частые бунты и жалобы послѣднихъ дворянство объясняло ошибочными распоряженіями правительства. По мнѣнію писавшаго отвѣтъ князю Репнину, бунты крестьянъ происходили отъ униженія дворянства гласными слѣдствіями надъ жестокими помѣщиками. «Всякое слѣдствіе,—писалъ онъ,—правительствомъ явнымъ образомъ произведенное о поведеніи дворянина, неминуемо дѣйствуетъ на внутреннее потрясеніе, возрождаетъ духъ неповиновенія, даетъ поводъ къ вымышленнымъ и неосновательнымъ неудовольствіямъ, поощряетъ къ доносамъ, распространяетъ нелѣпыя и вредныя разглашенія, грозитъ неисчислимыми и вящими пагубными послѣдствіями. Сіе обстоятельство достойно великаго уваженія и требуетъ новаго, надежнаго постановленія.

«Не долженъ также умолчать и о томъ, что вслѣдствіе сего сомнительнаго положенія примѣтнымъ образомъ менѣе становится уже въ дворянствѣ прежняя увѣренность въ вѣковѣчномъ достояніи своемъ; нѣтъ уже въ немъ большой рѣшимости на новое какое-либо пріобрѣтеніе, предпріятіе и заведеніе—недовѣрчивость по несчастію содѣлалась всеобщею».

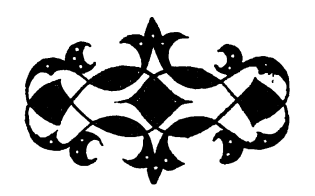
Это посланіе произвело весьма дурное впечатлѣніе на императора Александра I и такъ какъ оно не было никѣмъ подписано, то государь приказалъ московскому военному губернатору Тормасову узнать имя

автора. Оказалось, что посланіе написано калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Н. Г. Вяземскимъ. Выраженныя имъ мысли были отголоскомъ большинства дворянства, и Александръ I не могъ не обратить на нихъ вниманія. Онъ видѣлъ, что осуществленіе его мысли—освободить крестьянъ—встрѣтитъ упорное сопротивленіе, и положилъ вопросъ этотъ отложить до болѣе удобнаго времени.

Между тѣмъ, А. Н. Муравьевъ написалъ возраженія на записки Каразина и кн. Вяземскаго, распустилъ ихъ по Москвѣ и одну изъ копій представилъ, черезъ князя Волконскаго, государю. Прочтя возраженіе, Александръ I сказалъ: «Дуракъ, не въ свое дѣло вмѣшался». Это замѣчаніе огорчило членовъ тайнаго общества, и они объяснили его тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, въ которомъ находился Александръ I въ пятимѣсячное пребываніе свое въ Москвѣ. Императора видѣли постоянно задумчивымъ и уединяющимся. Въ такомъ настроеніи онъ 28-го февраля 1818 года выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, на открытіе сейма.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
И
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

IV [1]).

Берлинское національное собраніе.—Присылка генерала Пфуля.—Познанскія дѣла.—Датскій вопросъ.—Переписка императора съ прусскимъ королемъ.—Новое министерство Бранденбурга.—Тостъ короля въ день орденскаго праздника.—Революція въ Вѣнѣ.—Паденіе Меттерниха.—Отложеніе Ломбардіи и Венеціи.—Битва при Новарѣ.—Возстаніе въ Венгріи.—Усмиреніе русскими войсками.—Раздоръ Австріи съ Пруссіею.—Примиреніе въ Ольмюцѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ представительное правленіе въ Пруссіи было въ полномъ ходу. Въ національномъ собраніи засѣдало 350 депутатовъ, большинство которыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ при насильственныхъ переворотахъ, состояло изъ самыхъ крайнихъ демократовъ. Правительство въ это время было вполнѣ безсильно и совершенно потеряло голову, въ виду крайнихъ мѣръ, требуемыхъ депутатами и притязаніями радикальной партіи. Когда же, 7-го іюля, въ Берлинъ возвратились войска изъ Даніи, то дѣйствія національнаго собранія дошли до послѣдней крайности. Такъ, при обсужденіи конституціи, національное собраніе рѣшило выбросить изъ королевскаго титула слова «Божіею милостію». Однако, такое оскорбленіе было безцѣльно и возбудило противъ себя чувства народа, преданнаго династіи Гогенцол-

---

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1904 г.

лерновъ. Этимъ оскорбленіемъ короля была возбуждена въ народѣ реакція, поддерживаемая умѣренною печатью.

Въ виду такого униженія королевской власти и безсилія правительства, Паскевичъ, по полученіи о томъ извѣстія, писалъ императору: «Какъ всѣмъ честнымъ людямъ, наконецъ, не потерять терпѣніе; какъ арміи остаться вѣрной при такомъ униженіи; право, это сверхъ силъ человѣческихъ».

Обращая вниманіе Паскевича на Познань, государь 16-го марта писалъ:

«Теперь, при совершенномъ безначаліи въ Пруссіи, мы отъ Познани должны ожидать всего, но не арміи, а бунтующихъ массъ. Отъ Галиціи то же, ибо, по положительному объявленію графа Фикельмона, они хотятъ удерживать тамъ свое владычество и препятствовать безначалію военной рукой, какъ дѣлаютъ въ Ломбардіи; войны же намъ не объявятъ, ибо хотятъ съ нами оставаться въ добромъ согласіи. Потому, повторяю, покуда съ австрійской границы жду однѣхъ шаекъ.

«Прусская держава тоже меня въ военномъ отношеніи покуда не страшитъ: король своей прокламаціей навязалъ себѣ на шею такую обузу при теперешнихъ обстоятельствахъ, что не знаю, какъ поладитъ съ прочею Германіей. Но Австрія его главой не признаетъ, какъ многіе другіе изъ южной Германіи; что жъ онъ будетъ дѣлать? При этомъ положеніи, чтобы онъ для одной Польши соединилъ свои силы противъ насъ, нѣтъ ни вѣроятія, ни даже возможности. Итакъ мы должны оставаться въ оборонительномъ положеніи, «sur le qui vive», обращая самое бдительное вниманіе на собственный край, дабы всѣ попытки дома укрощать въ самомъ началѣ. Повторяю, продовольствіе и укрощеніе всѣхъ попытокъ къ мятежу важнѣе всего; войны же не съ Пруссіей безначальной, но съ Австріею теперь я не предвижу. Если будутъ прорывы заграничныхъ шаекъ, ихъ надо отражать, взятыхъ съ оружіемъ начальниковъ судить по полевому уголовному уложенію и тутъ же казнить, но за границу не преслѣдовать отнюдь. Вотъ, что я хочу, и, ежели Богъ поможетъ, это должно удасться. Здѣсь все тихо. Прямо отъ короля ничего не имѣю, онъ въ плѣну у радикаловъ. Вѣнскія депеши даютъ надежды къ лучшему, ибо всѣ люди, во главѣ дѣлъ, достойны, и войско осталось опорой правительства, тогда какъ въ Пруссіи войско отстранено и унижено до крайности. Про принца Вильгельма прусскаго ничего не знаемъ; въ газетахъ сказано, что онъ уѣхалъ не къ намъ, а въ Лондонъ.

«Буде старые вѣрные прусскіе офицеры и даже люди вѣрныхъ войскъ спасаться будутъ къ намъ, вели ихъ принимать и отводить внутрь; потомъ скажу, что имъ дѣлать, но оказывать всякое заслуженное уваженіе братскимъ пріемомъ и оружіе не отбирать».

Чрезъ шесть дней императоръ опять писалъ Паскевичу, указывая ему на необходимость быть въ готовности на всякій случай, при чемъ не упускалъ ни малѣйшей подробности, даже въ самыхъ мелкихъ деталяхъ расположенія войскъ въ различныхъ пунктахъ, и повторялъ, что войны не ожидаетъ. «Повторяю, — говорилъ онъ, — будутъ набѣги, попытки къ бунтамъ и, что̀ гораздо хуже, тайная война на умы войскъ и края. Противъ сего нельзя быть намъ довольно осторожными. На ругательства и прочее, чѣмъ насъ за границей подчуютъ,—на это мы должны смотрѣть съ презрѣніемъ и ждать. Въ Пруссіи анархія полная, и отгадать нельзя, что будетъ, особенно въ Познани.

«Дѣла австрійскія съ отложеніемъ Ломбардіи стали еще хуже. Покуда еще въ Вѣнѣ члены правленія люди порядочные, но устоять-ли при отсутствіи главы, ибо ея нѣтъ,—вотъ чему сомнѣваюсь. Про Францію и говорить нечего, это—хаосъ, вертепъ извергов, готовый на все; теперь изверглось на Германію двѣнадцать тысячъ самыхъ отчаянныхъ извергов всѣхъ націй, дабы всюду разнесть убійства и грабежъ, и, сладивъ тамъ, они хотятъ и къ намъ; пусть сунутся, примемъ съ должной почестью. Пиши мнѣ про духъ войскъ, офицеровъ, начальниковъ; что толкуютъ поляки? Все это мнѣ важно знать.

«Суворовъ пишетъ мнѣ, что мужики въ Самогиціи въ тайномъ волненіи. Я послалъ туда Анрепа съ тѣмъ, чтобы сначала унять. Изъ Лондона ничего не имѣю и не знаю еще, какое вліяніе имѣло тамъ берлинское дѣло.

«Сегодня, 23-го марта (4-го апрѣля), баронъ Мейендорфъ сообщаетъ намъ, что Адамъ Чарторыйскій и все демократическое общество прибыли въ Берлинъ; что вслѣдъ за нимъ ожидаютъ польскій легіонъ и что Адамъ предлагаетъ Хржановскаго въ начальники войска, которое въ Познани формироваться должно; съ другой стороны, что туда шлютъ прусскія войска, чтобъ удержать порядокъ; что къ Мейендорфу приходятъ отъ войска сильныя положительныя увѣренія, что они противъ насъ драться за поляковъ не хотятъ и что отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія. Однако, все это доказываетъ, что мы должны быть на все готовы, что̀ и дѣлаемъ.

«Сегодня, 29-го (10-го апрѣля), Мейендорфъ и Бенкендорфъ пишутъ согласно, что расположеніе къ войнѣ противъ насъ въ Пруссіи постепенно утихаетъ и что сами поляки тому причиной своими неистовствами, которыя возбудили вновь всю ненависть къ нимъ нѣмцевъ. Чарторыйскій всячески старается унять поляковъ въ ихъ порывахъ, разсчитывая вдаль и надѣясь на смуты у насъ отъ мужиковъ».

«30-го числа получилъ еще перваго курьера изъ Берлина и извѣщеніе о посылкѣ сюда чрезъ Познань и Варшаву генерала Пфуля съ личными порученіями короля и самыя положительныя увѣренія въ томъ,

что они отнюдь не хотятъ войны съ нами. Радуюсь сему, желаю вѣрить, но буду вооружаться по-прежнему, ибо не полагаюсь на эти увѣренія, какъ увѣренія такихъ людей, которые сами въ своихъ словахъ, въ томъ, что могутъ или не могутъ—сами не увѣрены.

«Съ измѣною сардинскаго короля не знаю, что будетъ съ Радецкимъ; онъ въ плохомъ положеніи. Вообще, ничего нельзя предвидѣть, одинъ только Богъ спасти насъ можетъ отъ общей гибели. На Него вся надежда и твердое мое упованіе».

Въ началѣ апрѣля Паскевичъ сообщалъ императору о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ относительно революціонныхъ дѣйствій въ Познани и Галиціи. На это государь отвѣчалъ, что видитъ, «что поляколюбіе въ Берлинѣ пропадаетъ, благодаря обыкновенной польской безсмыслицѣ; теперь желаю только, чтобъ они хорошенько подрались, и славно бы было, еслибъ они попались между прусскихъ и нашихъ войскъ; это былъ бы праздникъ и сблизило бы опять войска, которыя никогда бы не должны иначе дѣйствовать, какъ заодно. Въ Берлинѣ потише, но настоящаго правительства все еще нѣтъ и долго быть еще не можетъ».

Когда, наконецъ, въ Познани приняты были крутыя мѣры для обузданія революціи, то, увѣдомляя о томъ Паскевича, государь писалъ ему:

«Какъ я радъ, что дураки-поляки своими поступками разгнѣвали пруссаковъ. Пусть же теперь хлебаютъ сами кашу, которую заварили. Кажется, Виллизенъ и въ Берлинѣ надоѣлъ; его, говорятъ, отозвали. Коломбъ молодецъ; я его знаю; онъ съ ними сладитъ, и чѣмъ больше подерутся, тѣмъ лучше; вѣроятно, и къ намъ бѣгутъ шайки; надѣюсь, что Реадъ задастъ славный урокъ. Какъ я радъ, что прусскіе гусары поохотились на нашихъ бѣглецовъ; ничто имъ. Вели имѣнія этихъ каналій конфисковать. Въ Берлинѣ все по-прежнему, и лучшаго имъ предвидѣть нельзя».

Между тѣмъ, изъ Берлина государь не получалъ ни одного письма и только 2-го мая, по новому стилю, получено было императрицею письмо, по поводу котораго императоръ писалъ Паскевичу:

«Что происходитъ въ Познани выше всего, что вообразить можно наглости, свинства и глупости. Сегодня еще въ первый разъ по революціи жена моя получила письмо отъ короля и ни слова про все бывшее, какъ будто ничего не было. Однако, говоритъ, что поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобъ они попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить! Вотъ тебѣ образчикъ его головы. Стыдно и жалко читать. Датское дѣло приняло самый серьезный оборотъ, и первое его послѣдствіе будетъ разореніе прусской торговли. Право, не знаю, чѣмъ все это кончится.

«Кажется, расположеніе къ полякамъ въ Германіи быстро измѣняется

на ненависть, но ругательства на насъ не прекращаются. Я этимъ презираю и все не вижу повода къ войнѣ».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ государь спрашивалъ Паскевича, что сдѣлано съ варшавскимъ заговоромъ, и прибавлялъ: «пойманныхъ въ Литвѣ заграничныхъ каналій надо судить по всей строгости законовъ, чтобы отбить охоту къ подобнымъ посѣщеніямъ; поймался покуда одинъ, но пробралось извѣстныхъ пять; надо ихъ отыскать».

«Считаю. весьма нужнымъ, чтобы весь 4-й корпусъ былъ свободенъ отъ постороннихъ обязанностей, но могъ тобою быть сосредоточенъ по обстоятельствамъ съ тѣмъ, чтобъ въ нуждѣ могъ выступить весь въ Галицію, и для того предлагаю тебѣ придвинуть къ Подоліи и остальные три полка 14-й дивизіи. Дошли до меня свѣдѣнія, что духъ офицеровъ во 2-й легкой дивизіи, поляковъ, которыхъ тамъ больше половины, въ особенности въ гусарскомъ Ольги Николаевны, не хорошъ. Хотя я сему не очень вѣрю, но послалъ, подъ предлогомъ осмотра дивизіи, ген.-адъют. Анрепа всѣ дивизіи пропустить и удостовѣриться при осмотрѣ, чему вѣрить должно. Онъ тебѣ объ этомъ донесетъ. Что говорить про происходящее въ Познани? Не судъ-ли это и кара небесная постыдному королю! Тотъ, котораго повѣсить слѣдовало, но которому онъ кланялся съ балкона, тотъ теперь, съ оружіемъ въ рукахъ, бьетъ его войска! Гадость и жалость! Свиданія нашихъ офицеровъ съ прусскими на границѣ хорошее дѣло, ежели чистосердечно, но частыхъ повтореній не нужно, доколь все утихнетъ...

«...Извѣстія о добромъ къ намъ расположеніи прусскихъ офицеровъ, съ одной стороны, очень утѣшительны, но плачевно, хоть и справедливо, ихъ негодованіе на короля и ихъ желаніе быть подъ принцемъ прусскимъ. Но я вполнѣ раздѣляю твое и ихъ мнѣніе, что онъ одинъ, если у него достанетъ духа и рѣшимости, еще можетъ спасти Пруссію отъ полнаго разрушенія. Какъ сіе сдѣлать, не рискуя свергнуть короля, т. е. самимъ дѣйствовать революціонно,—такая трудность, такая задача, что и не придумаю. Одно теперь почти рѣшено, что Пруссія не хочетъ и не можетъ насъ атаковать; что въ Познани сами поляки уничтожили то, что̀ было въ ихъ пользу затѣяно, и потому, что и сей опасности намъ не предстоитъ. Весь вопросъ съ этой стороны нынѣ: будетъ-ли республика или установится монархія, безсильная, мнимая, и все—тутъ. Зная характеръ принца прусскаго, не думаю, чтобъ онъ умѣлъ найтиться, развѣ король теперь же откажется отъ престола, что̀ повлечетъ сейчасъ признаніе республики въ Берлинѣ, но въ такомъ случаѣ и армія, и большая часть провинцій, навѣрно, обратятся къ принцу прусскому, какъ къ законному наслѣднику. Покуда намъ должно выжидать, елико возможно поддерживать добрыя сношенія съ прусской арміей, не показывая, однако, чтобы мы въ нихъ искали, но отвѣчать

только на ихъ добрыя чувства къ намъ. Богъ укажетъ, что далѣе намъ возможно!

«На-дняхъ отправилъ сына Константина въ Штокгольмъ; король ведетъ себя очень хорошо; я предложилъ ему нынѣ флотъ для перевозки его войскъ въ Данію; не знаю, захочетъ-ли предложеніемъ моимъ воспользоваться. Мейендорфъ пишетъ, что, кажется, датское дѣло не поведетъ къ разрыву съ нами и что, какъ кажется, дѣло идетъ на мировую.

«Пишутъ также, что разнесся слухъ, будто французы скоро выступятъ въ Италію и перейдутъ Рейнъ такъ, чтобы возстановить Польшу. Милости просимъ».

Въ іюнѣ 1848 года прусскій король прислалъ въ Петербургъ генерала Пфуля съ собственноручнымъ письмомъ короля, въ которомъ онъ оправдываетъ дѣйствія прусскихъ властей въ Познани и увѣряетъ, что прусское правительство нисколько не потворствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ и только желаетъ преобразовать управленіе Познанскою областью съ единственною цѣлью связать ее еще болѣе съ прусскимъ королевствомъ. Но императора Николая мудрено было убѣдить однѣми фразами, и онъ требовалъ дѣла. Поэтому онъ вовсе не былъ удовлетворенъ этимъ письмомъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что прусское правительство не разрѣшило образованія особенной польской арміи, но въ то же время убѣдился, что поляки не перестаютъ пользоваться поддержкою и покровительствомъ въ своей, такъ называемой, національности и что безнаказанность, кажется, признана за ними на вѣчныя времена. Поэтому государь объявилъ, что онъ только тогда повѣритъ наказанію Мѣрославскаго, когда узнаетъ, что его дѣйствительно повѣсили.

Замѣчательно, что уже въ 1848 году государь, получивъ письмо Бенкендорфа по поводу вооруженія пѣхоты, сознавалъ невыгоды кремневыхъ ружей, а между тѣмъ не вводилъ хорошаго оружія въ своей арміи, которая черезъ шесть лѣтъ должна была встрѣтиться съ ударными ружьями французовъ и англичанъ. Такъ, 11-го (23-го) іюля онъ писалъ Паскевичу:

«Прилагаю при семъ выписку изъ письма Бенкендорфа, весьма по-моему замѣчательнаго и справедливаго; нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ войны Германія не представитъ намъ прежняго театра войны, но что вся мѣстность будетъ столько же пересѣчена разработкой, сколько и желѣзными дорогами, коихъ насыпи или углубленія всѣ перемокли и крайне затрудняютъ движеніе. Въ семъ отношеніи очень быть можетъ, что огонь штуцеровъ, искусно приспособленный къ новой войнѣ, будетъ весьма губительнымъ противникомъ, ежели съ нашей стороны мы не будемъ въ равныхъ тактичныхъ условіяхъ. Потому твердое, основательное изученіе разсыпнаго строя и цѣльная стрѣльба совершенно необходимы намъ, равно какъ и привычка къ хорошему примѣненію къ

мѣстности. Симъ настоятельно прошу велѣть строго и прилежно заниматься на прямой отвѣтственности корпусныхъ командировъ. Нельзя тоже терять изъ виду, что мы одни остались съ кремневыми ружьями и драться будемъ съ войсками, кои всѣ имѣютъ ружья ударныя, и потому вся выгода въ семъ отношеніи будетъ на сторонѣ противниковъ...»

Отвѣчая Паскевичу на его письмо о положеніи дѣлъ въ Пруссіи и Австріи, государь 21-го іюня (3-го іюля) пишетъ:

«Мнѣніе твое о томъ, что происходитъ въ Австріи и Пруссіи, я вполнѣ раздѣляю. Въ Пруссіи мы близки къ плачевной развязкѣ, если король не рѣшится дѣйствовать заодно съ арміей и съ массой народной, вопреки своимъ глупымъ мечтамъ, которыя его погубили и весь край; уже явно говорятъ, что съ нимъ нечего дѣлать, даже армія, ежели не такъ говоритъ изъ долга чести, то такъ мыслитъ; но всѣ хотятъ покончить съ Берлиномъ, ибо никто въ мысли народной не хочетъ предаться новымъ идеямъ».

«Изъ Берлина,—пишетъ государь 29-го іюня (11-го іюля),—все тѣ же вѣсти безначалія. Король нуль, принцъ прусскій нулемъ сдѣланъ, войско горитъ нетерпѣніемъ, страхъ о нашемъ появленіи—и все тутъ.

«Если послѣдуетъ разрывъ съ Пруссіей, мы не должны искать завоеваній, но ограничиться дѣйствіями, которыя бы только усилили наше оборонительное положеніе»; а 2-го(14-го) августа онъ писалъ: «Въ Пруссіи, кажется, отъ слабости короля все идетъ очень плохо; теперь онъ ѣдетъ цѣловать руку эрцгерцогу на Рейнъ; генералъ Врангель прислалъ королю повинную». 12-го (24-го) августа въ новомъ письмѣ онъ говоритъ: «Слухи о новомъ заговорѣ на бунтъ не первые и не послѣдніе; осторожность съ подобными канальями всегда необходима будетъ, но бояться ихъ не должно, пусть пробуютъ, буде хотятъ, тѣмъ хуже для нихъ».

«Вызвалъ сюда флигель-адъютанта Бенкендорфа,—писалъ въ тотъ же день государь,—все, что онъ намъ разсказалъ про Берлинъ, доказываетъ мнѣ, что старая Пруссія безвозвратно пропала, несмотря на превосходный духъ арміи и всего дворянства и большей части народа въ старыхъ областяхъ и оттого, что нѣтъ главы, нѣтъ человѣка, который съумѣлъ бы взять все въ руки и воспользоваться прирожденнымъ духомъ, который еще хранится; больно и грустно».

Между тѣмъ датскій вопросъ не былъ еще оконченъ; заключено было только перемиріе въ Мальмэ. Дѣло остановилось на томъ, что эрцгерцогъ Іоаннъ запретилъ генералу Врангелю не только не входить въ Ютландію, но даже возобновлять военныя дѣйствія. Однако это все-таки не удовлетворяло императора Николая, и онъ 17-го (29-го) августа писалъ по этому случаю:

«Про германскія свинства и не говорю, надоѣло! Ежели съ Даніей

не кончатъ, войдемъ въ Пруссію, хотя, признаюсь, очень не-хотя, да долѣе терпѣть нельзя.

«Новыя попытки въ Берлинѣ гадки донельзя, а равнодушіе къ тому правительства явно доказываетъ его ничтожество, или скорѣе самого короля! Какъ всѣмъ честнымъ людямъ наконецъ не потерять терпѣніе, какъ арміи остаться вѣрной при такомъ униженіи, право, это сверхъ силъ человѣческихъ».

По полученіи извѣстія, что король прусскій утвердилъ перемиріе въ Даніи, государь 23-го августа (4-го сентября) писалъ Паскевичу.

«Сегодня, наконецъ, мы получили извѣстіе, что король прусскій подписалъ перемиріе съ Даніей и возвратилъ свои войска. Слава Богу! Оно тѣмъ счастливѣе, что, вѣроятно, будетъ ссора между Франкфуртомъ и Пруссіей, что̀ почитать слѣдуетъ за счастливое событіе.

«Теперь король свободенъ дѣйствовать всѣми силами противъ Берлина и, какъ говорятъ, намѣренъ при первомъ случаѣ его бомбардировать—крайне, крайне пора.

«Берлинскія извѣстія Мейендорфа предвѣщаютъ близкій разрывъ съ Франкфуртомъ и свалку въ самомъ Берлинѣ. Это было бъ хорошо, ежели бы во главѣ всего стоялъ человѣкъ съ духомъ и умомъ, а не тотъ король, который своимъ безразсудствомъ поставилъ свое государство на край пропасти и лишился всякаго довѣрія всѣхъ честныхъ людей; съ нимъ нѣтъ спасенія.

«Жду, что въ Краковѣ будетъ каша; пристанутъ многіе изъ нашихъ, но важнаго у насъ быть не можетъ, а будетъ нѣсколькими канальями меньше и православныхъ имѣній свободныхъ побольше. Ежели дѣла примутъ оборотъ къ войнѣ, намъ нельзя будетъ и думать объ отпускахъ и продажѣ лошадей, и это очень тяжело...»

Въ сентябрѣ 1848 года король прусскій писалъ императору Николаю: «Славная нѣмецкая революція вступила въ тотъ фазисъ, когда рѣчь идетъ о существованіи прусской короны или скорѣе существованіи самой Пруссіи и Германіи; приверженцы красной республики, составляющіе во всей Германіи (и еще дальше) одно цѣлое, хорошо дисциплинированное для своей цѣли, заставили 7-го числа собраніе въ Sing-academie, въ Берлинѣ, при крикахъ толпы, постановить, что «оно имѣетъ право давать приказанія моимъ министрамъ». И такъ это республика или, если хотите, еще болѣе—анархія.

Далѣе въ письмѣ онъ говоритъ, что не допуститъ такого безпорядка; если же собраніе не подчинится королевской волѣ, то въ такомъ случаѣ онъ рѣшится силою оружія заставить исполнять свои приказанія. Только онъ сознаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ можетъ возгорѣться общее возстаніе и борьба между «доброю, лойяльною и старою Пруссіею» съ одной стороны и «германскою революціею» съ другой. «Но если я, вопреки

всякому ожиданію, буду принужденъ оставить Берлинъ въ виду общаго возстанія,—пишетъ король,—то придете-ли вы ко мнѣ на помощь, если я васъ о томъ попрошу. Если партія толпы во Франкфуртскомъ парламентѣ также объявитъ Пруссіи войну съ помощью Франціи, то пойдетъ-ли Россія на помощь Пруссіи?»

На это письмо императоръ выразилъ сначала серьезное неудовольствіе какъ за сдѣланныя королемъ уступки народному движенію, такъ и за явное безсиліе и нерѣшительность прусскаго правительства. Затѣмъ онъ продолжалъ: «Знать, что старая прусская монархія, наша ближайшая союзница и ея король приведены въ такую крайность, что только посредствомъ кровавой и внутренней борьбы можно будетъ, можетъ быть, ее спасти,—это одна изъ тѣхъ страшныхъ истинъ, которыя возмущаютъ душу».

Укоряя короля за то, что Пруссія по его волѣ отреклась отъ своихъ традицій, которыя въ продолженіе вѣковъ составляли ея силу и славу, онъ заявилъ, что не знаетъ старой Пруссіи, если она не воскреснетъ. По его мнѣнію, старая Пруссія исчезла въ Германіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ древній союзъ, ибо Россія не можетъ придти на помощь державѣ, которая отреклась отъ своихъ традицій и которая отнынѣ должна биться во всей путаницѣ конституціонныхъ формъ, — наконецъ, державѣ, находящейся подъ господствомъ революціонныхъ учрежденій. «Но,—прибавляетъ государь,—Россія всегда будетъ вѣрной союзницей своего стараго друга—доброй, старой и лойяльной Пруссіи. Если когда-нибудь подъ старое прусское знамя станутъ старые пруссаки, но не нѣмцы подъ знаменемъ баррикадъ, русскій орелъ будетъ возлѣ него. Наконецъ, если въ Пруссіи королевская власть будетъ замѣнена республикою, то императорское правительство сочтетъ долгомъ принять мѣры для обезпеченія неприкосновенности границъ Имперіи. Если бы русская армія принуждена была перейти границу,—говорилъ императоръ,—то, само собою разумѣется, она не возстановила бы конституціонной Пруссіи, но только возстановила бы Пруссію, какой она была въ славныя царствованія вашихъ предковъ и какою она была передана вамъ вашимъ покойнымъ обожаемымъ отцомъ».

Это письмо произвело на прусскаго короля, который питалъ самое искреннее почтеніе къ императору, большое впечатлѣніе. Вскорѣ обнаружилось и дѣйствіе внушеній Николая Павловича. Начиная съ октября 1848 года, Фридрихъ-Вильгельмъ IV мало-по-малу началъ поддаваться вліянію болѣе консервативныхъ началъ, и въ ноябрѣ 1848 было образовано реакціонное министерство графа Бранденбурга.

Въ то же время по этому поводу государь 8-го (20-го) сентября писалъ Паскевичу:

«Вчера утромъ получили мы извѣстія отъ Мейендорфа, которыя пред-

варяють о близко послѣдовать имѣющемъ рѣшительномъ переворотѣ въ Берлинѣ! Будеть-ли успѣхъ, одинъ Богъ знаетъ. Грѣшно терять всю надежду, но, признаюсь, не могу имѣть вѣры ни къ чему доброму, доколь дѣломъ правитъ этотъ король, у котораго нѣтъ здраваго ума. Мейендорфъ извѣщаетъ тоже, что король послалъ чрезъ Варшаву съ письмомъ ко мнѣ г. Бронье, въ которомъ будто описываетъ свои намѣренія и проситъ нашего содѣйствія, что Мейендорфъ ему отсовѣтовалъ. О помощи революціонной Пруссіи и рѣчи быть не можетъ; хотѣлъ бы король воротиться къ прежнему порядку вещей—другое дѣло; тогда бы помощь наша могла быть въ пору; теперь же нѣтъ. И того для короля довольно, что онъ можетъ быть спокоенъ за тылъ свой и лѣвый флангъ и смѣло взять оттоль свои войска, чтобъ ими усмирять Берлинъ и Бреславль, но не болѣе. Но ежели ему подъ Берлиномъ будетъ неудача, республика провозгласится въ Пруссіи, тогда дѣло будетъ объ нашей защитѣ, и мы двинемся въ восточную Пруссію по Вислѣ.

«Пріѣхалъ отъ Кавеньяка Ле-Фло, говорятъ, человѣкъ очень хорошій. Тамъ, покуда дѣла въ строгихъ рукахъ, и, повидимому, все въ порядкѣ тогда какъ въ Германіи хаосъ!!! и долго еще продлится, доколь Богу не угодно будетъ наслать на нихъ бичъ въ духѣ Наполеона, чтобъ мерзавцевъ унять страхомъ, иначе не предвижу конца».

15-го (27-го) сентября Паскевичъ получилъ отъ императора слѣдующее письмо:

«Король прусскій въ своемъ письмѣ дѣлаетъ ужасную картину своего положенія (кто виноватъ?) и весьма правильно излагаетъ, что ему предстоитъ, но, увѣряя (а я не вѣрю), что рѣшится дѣйствовать со всей силой и натискомъ. Въ случаѣ неудачи проситъ меня о помощи въ трехъ случаяхъ: 1) ежели не сладитъ въ Берлинѣ, 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, но возстаніе будетъ общее и Германія на него обратится, 3) ежели и Франція на него обратится.

«На все это я ему отвѣчалъ, что Россія давно была готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссія, но что онъ самъ старую Пруссію низвергъ и съ этимъ вмѣстѣ нашъ тѣсный союзъ; что Россія не можетъ быть союзницей тѣхъ, кои, поправъ свое старое преданіе, слѣдуютъ знамени бунта, признавъ его своимъ. Воротись Пруссія къ старому, подъ свое старое знамя, тогда Россія выполнитъ свято то, что старый союзъ опредѣлилъ, но до того ни шагу не сдѣлаю; довольно и того, что отвѣчаю ему за безопасность его границъ отъ Мемеля до Австріи, почему можетъ взять оттуда всѣ свои войска. Что ежели будетъ ему неудача, власть королевская рушится и замѣнится республикой,—тогда долгъ мой будетъ, обязанность Россіи и что, можетъ быть, кинусь возстановлять Пруссію, не ту, которую король сотворилъ на свою гибель, но прежнюю, подъ законами, подъ которыми процвѣ-

тала подъ предками короля и ему сдана нашимъ любимымъ покойнымъ королемъ, и подъ сими условіями радъ буду, ежели Богъ насъ сподобитъ, ввести его обратно въ его столицу».

«Всѣ извѣстія изъ Берлина,—писалъ государь 22-го сентября (4-го октября),—самыя плачевныя. Пфуль короля нагло обманулъ и осмѣлился дать приказъ по арміямъ безъ вѣдома короля. Всякій бы, на мѣстѣ короля, Пфуля отдалъ бы подъ судъ, какъ измѣнника, но королю и это хорошо. Спрашивается, чего ожидать послѣ этого?

«Предвижу королю бѣду и, страшно выговорить, боюсь ему конца Людовика XVI!!! Покуда намъ надо быть готовыми на все.

«Я вынужденъ былъ сдѣлать строгій выговоръ Батурину и бригадному и двумъ полковымъ командирамъ за то, что осмѣлились сбыть въ резервъ двухъ офицеровъ дурнаго поведенія, которые полиціей арестованы; я взглянулъ на подобное, какъ на явное непослушаніе моей волѣ, и никогда подобнаго не спущу».

На другой же день послѣ приведеннаго письма государь опять писалъ: «Въ Пруссіи жалкое и плачевное положеніе дѣлъ. Тамъ, не говоря уже о королѣ, не видать ни одного вѣрнаго, рѣшительнаго человѣка, который бы умѣлъ жертвовать собой, чтобы спасти короля и свое отечество. Между тѣмъ войско еще хорошо, въ краѣ самомъ мужики тоже; однимъ словомъ, элементовъ спасенія подъ рукой еще много, но главы нѣтъ!

«Не думаю, даже при вѣроятномъ успѣхѣ въ Вѣнѣ, чтобъ въ Берлинѣ дѣло пошло лучше, ибо всякое довѣріе къ королю исчезло. Словомъ, не вижу способовъ тамъ ко спасенію.

«Добро развѣ выйдетъ тамъ изъ излишествъ зла, т. е. послѣ анархіи, республики и рѣзни.

«Но и тогда нуженъ человѣкъ рѣшительный, а гдѣ онъ? Не видать».

Негодуя на происходящее въ Берлинѣ, государь писалъ Паскевичу 2-го (14-го) октября:

«Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія въ Вѣнѣ имѣть будутъ свой отголосокъ и въ Берлинѣ, и почти сего желать надо, дабы конецъ положить ужасному состоянію, которое безмолвно разрушаетъ и послѣднія надежды къ возстановленію порядка. Нельзя безъ омерзѣнія слѣдить за происходящимъ тамъ! Подлость, трусость и глупость имѣютъ своего постояннаго представителя въ лицѣ короля, къ которому презрѣніе, и заслуженное, не знаетъ уже мѣры. И въ цѣлой Пруссіи не найдется ни одного человѣка, который бы, по примѣру Іорка и Елачича, взялъ бы на себя спасти отечество. Срамъ!

«Сегодня получилъ курьера изъ Парижа. Киселевъ пишетъ, что съ нами очень желаютъ сблизиться, но что ни за какую стойкость прави-

тельства отвѣчать нельзя, какъ и вообще за всякій порядокъ. Что рѣзня будетъ, но что всего вѣроятнѣе, что послѣ рѣзни возстановится чисто монархическое правленіе, ибо всякое другое, не соединяющее все и полную власть въ однѣхъ рукахъ и одного лица—совершенно невозможно!!! Это послѣ семидесяти лѣтъ революціи!»

«Замѣчательно,—писалъ императоръ 12-го (24-го) октября,—что вездѣ теперь все поляки въ головѣ революцій, даже въ Сардиніи польскій легіонъ и, говорятъ, что Хржановскій назначенъ начальникомъ штаба короля.

«Въ Пруссіи весь вопросъ затрудненій въ одной личности короля котораго никто не понимаетъ и понять не можетъ, но который все останавливаетъ, все портитъ своей двуличностью, своимъ безразсудствомъ и глупыми мечтаніями. Послѣднее еще болѣе вредитъ, ибо канальи, зная его, весьма искусно ласкаютъ его любимыя мысли и завлекаютъ въ такое направленіе, которое согласно съ ихъ видами: уничтожить Пруссію подъ предлогомъ возможнаго слитія съ Германіей, признавъ будто императоромъ короля!!! Хорошо, что войска и даже ландверъ покуда въ хорошемъ духѣ, но будетъ-ли еще такъ, когда дастся конституція, а по обѣщанію армія ей должна будетъ присягать! Покуда наша роль не можетъ измѣниться, мы должны, какъ оно ни тягостно, оставаться вооруженными зрителями плачевной сей трагедіи—долго-ли? одинъ Богъ знаетъ. Намъ въ ихъ дѣла вмѣшиваться не время, вступимъ тогда, когда воля Россіи сдѣлается закономъ Германіи къ ихъ счастью. Будемъ держать нашу славную армію въ строгомъ порядкѣ, приложимъ старанія поддерживать ея славный духъ, усовершенствовать то, что еще, можетъ быть, того требуетъ, и когда настанетъ время, тогда, перекрестясь, скажу тебѣ съ Богомъ, и грянемъ ангелами мира и устройства. Вотъ наша цѣль».

Бушевавшее въ Берлинѣ народное собраніе было осенью перенесено изъ Берлина въ Бранденбургъ, утратило свое прежнее значеніе и въ концѣ ноября покончило свое существованіе, а прусскій король въ декабрѣ обнародовалъ новую конституцію.

«Конституція въ Пруссіи,—писалъ по этому поводу государь 6-го (18-го) декабря,—положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто будущія камеры отвергнутъ ее и возвратятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой. Жаль этой доброй арміи, оказавшей столько опытовъ чистой преданности и все даромъ; право, жалости стоитъ».

Послѣднее письмо въ 1848 г., писанное государемъ Паскевичу, также относилось къ Пруссіи.

«Я ничего не понимаю въ Пруссіи, что быть можетъ данная кон-

ституція одна игранная фарса, дабы выиграть время и потомъ сбросить личину! достойно-ли это государственной власти.

«Кажется, Луи-Наполеонъ будетъ президентомъ, ежели будетъ держаться въ политикѣ правилъ Кавеньяка, признать его можемъ, но если будетъ искать короны или завоеваній, мы его не признаемъ и можетъ быть война. Надо, чтобъ все это объяснилось».

6-го декабря, въ день тезоименитства русскаго государя на обѣдѣ въ Потсдамѣ король, подойдя къ барону Мейендорфу, высказалъ, что онъ очень радуется успокоенію умовъ въ Германіи и надѣется на полное соглашеніе съ Австріею. Въ январѣ 1849 года на орденскомъ праздникѣ во время обѣда король поднялъ бокалъ и, обращаясь къ русскому посланнику, сказалъ по-русски: «Боже, царя храни». Затѣмъ послѣ обѣда онъ подошелъ къ Мейендорфу и заявилъ ему, что надѣется, что въ двѣ недѣли вся Германія будетъ совершенно спокойна.

Между тѣмъ революція повсемѣстно развивалась все болѣе и болѣе. Вслѣдъ за Пруссіею она началась въ Австріи. Управлявшій Европою съ Вѣнскаго конгресса, Меттернихъ бѣжалъ; правительство потеряло голову, роздало бюргерамъ и студентамъ оружіе, образовало національную гвардію и созвало выборныхъ для совѣщанія по административнымъ и законодательнымъ вопросамъ. Въ то же время въ различныхъ областяхъ Австріи начались раздоры; нѣмцы спорили съ чехами, въ Трансильваніи бродили мятежныя шайки венгерцевъ подъ предводительствомъ польскаго генерала Бема, а въ Италіи на помощь возставшимъ италіанцамъ явился въ мартѣ король сардинскій Карлъ-Альбертъ, занявшій 26-го числа своими войсками Миланъ. Папа вмѣстѣ съ Англіею предлагали австрійцамъ, подъ предлогомъ, что они не съумѣлъ заслужить любовь италіанцевъ, уступить и отдѣлить отъ имперіи италіанскія владѣнія. Самъ императоръ въ началѣ мая бѣжалъ въ Инспрукъ.

Въ письмѣ государю Паскевичъ выразилъ удивленіе, что Англія такъ отплачиваетъ Австріи за 80-ти-лѣтнюю дружбу.

Первою жертвою австрійской революціи, какъ сказано, былъ князь Меттернихъ, который, въ случаѣ новыхъ невзгодъ, возлагалъ большія надежды на русскаго государя, зная его испытанную дружбу къ Австріи. Австрійское правительство просило помощи Россіи для защиты его интересовъ, и Николай Павловичъ объявилъ, что если на Австрію нападетъ Сардинія въ союзѣ съ Франціею, «всѣ русскія силы будутъ готовы поддерживать васъ». Поддержка, которую находилъ Меттернихъ въ Россіи, и была главною причиною его паденія. Русскій императоръ искренно сожалѣлъ объ отставкѣ Меттерниха потому, что князь зналъ и умѣлъ цѣнить его расположеніе къ Австріи и къ ея династіи. По убѣжденію

императора, съ Меттернихомъ погибла цѣлая система отношеній, идей, интересовъ и общихъ дѣйствій при новомъ пути, на который теперь вступитъ австрійская монархія, и, не смотря на добрую волю ея правителей, будетъ трудно возстановить въ прежней степени.

Дѣйствительно, паденіе Меттерниха отозвалось на отношеніяхъ между Россіею и Австріею. Смуты, открытыя возстанія и постоянныя перемѣны министерствъ заставили Россію осторожно относиться къ Австріи. Движеніе поляковъ въ Галиціи и на русскихъ границахъ сильно безпокоило наше правительство. Новый австрійскій министръ, Шварценбергъ, секретнымъ образомъ предложилъ занять Галицію русскими войсками. Но предложеніе это не было принято. Пока въ Австріи не утвердится порядокъ, пока не будетъ извѣстно, какая форма правленія установлена, русское правительство не находило возможнымъ придти съ своими войсками на помощь Австріи.

Одновременно съ австрійскою революціею начались повсемѣстно революціи и въ Италіи. Первый примѣръ введенія болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій былъ поданъ лицомъ, на которое можно было разсчитывать менѣе всего—это былъ вновь избранный папа Пій IX. Вслѣдъ за тѣмъ народный энтузіазмъ быстро охватилъ всю Италію, и тотчасъ же начались революціи по всему полуострову, начиная отъ Ломбардіи и Венеціи до острова Сициліи.

13-го февраля вспыхнула революція въ Вѣнѣ, 16-го въ Венеціи, 17-го въ Миланѣ, 20-го въ Пармѣ и Піаченцѣ, 27-го въ Неаполѣ.

Въ первое время австрійскія войска повсюду терпѣли пораженія, и 22-го марта Венеція капитулировала съ императорскими войсками, была освобождена изъ-подъ австрійской власти, и въ тотъ же день австрійскія войска подъ начальствомъ Радецкаго удалились въ знаменитый четыреугольникъ крѣпостей.

Разумѣется, ни Миланъ, ни Венеція не могли разсчитывать только на свои силы; они надѣялись, что на помощь къ нимъ придетъ король сардинскій Карлъ-Альбертъ. Онъ упрямо сопротивлялся всякому прогрессивному стремленію, но событія, совершавшіяся вокругъ него, могущественно дѣйствовали на его душу. Онъ въ началѣ издали, молча, смотрѣлъ на событія, боясь высказаться. Ему трудно было остановиться; вокругъ него все волновалось; крики всей Италіи раздавались въ ушахъ его. Напрасно старался онъ уклониться; сила обстоятельствъ заставляетъ его, противъ воли, выйти на новый путь.

Карлъ-Альбертъ, попытка котораго кончилась такъ неудачно, не пользовался доброю репутаціею въ Италіи; патріоты упрекали его за то, что онъ оставилъ ихъ и измѣнилъ имъ въ 1821 году, преслѣдовалъ и гналъ ихъ, что онъ сражался въ Испаніи въ 1823 году за абсолютизмъ, посылалъ субсидіи донъ Карлосу и дону Мигуэлю и еще недавно

посылалъ помощь Зондербунду въ Швейцарію, наконецъ, все время управлялъ государствомъ съ іезуитами и чрезъ іезуитовъ. Поэтому для италіанскаго народа былъ вопросъ, искренно-ли Карлъ-Альбертъ предался новымъ идеямъ, или только понялъ необходимость уступки времени, или онъ уже видѣлъ вдали блескъ желѣзной короны.

Всѣ эти сомнѣнія долго волновали освободившихся италіанцевъ и въ началѣ порождали споры. Въ концѣ концовъ они рѣшились призвать его на помощь, и 23-го марта онъ издалъ прокламацію, а 26-го марта вступилъ въ Миланъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что италіанцы съ Карломъ-Альбертомъ много разсчитывали на тѣ страшныя неурядицы, которыя происходили въ самой Австрійской имперіи.

Узнавъ о занятіи сардинскимъ королемъ Милана, императоръ Николай, говоря о прусскихъ дѣлахъ, писалъ между прочимъ и о дѣлахъ австрійскихъ. Такъ 6-го (12-го) апрѣля онъ писалъ Паскевичу:

«Въ Вѣнѣ дѣлается гораздо хуже; тамъ, въ отсутствіе правительства, производится столько началъ разрушенія, что я не вижу спасенія. Считаю, что Ломбардія потеряна; Венгрія своей дерзкой глупостью, наживъ имперіи всѣ бѣды, теперь хочетъ довершить, какъ кажется, совершеннымъ отдѣленіемъ и мечтаетъ взбунтовать княжества, дабы завладѣть устьями Дуная. Галиція еще въ недоумочномъ положеніи. Кажется, у нихъ нѣтъ единства въ намѣреніяхъ, и простой народъ ничего не хочетъ кромѣ покоя. Теперь прибытіе всѣхъ шаекъ изъ Парижа, можетъ быть, прибавитъ еще затрудненій; что же будетъ рѣшено про это въ Вѣнѣ, и предвидѣть трудно. Однако, изъ предосторожности я велѣлъ въ Леовѣ поставить въ лагерь 15-ю дивизію съ ея артиллеріею, саперный батальонъ, стрѣлковый батальонъ, гусарскій полкъ, казачій полкъ и конную батарею, дабы, въ случаѣ нужды, сейчасъ занять Молдавію по Серетъ».

Не прошло болѣе трехъ дней, какъ Паскевичемъ было получено новое письмо, въ которомъ государь писалъ:

«Въ Вѣнѣ хаосъ; предвидѣть нельзя хорошаго конца, ибо связь монархіи въ конецъ разрушена; силы никакой, а революціонный духъ все сильнѣе. Про Галицію слухи разные; говорятъ, что народъ не хочетъ перемѣнъ и весь за императора.

«Правительство намѣрено всѣми силами удерживать порядокъ въ Галиціи; а Краковъ удержать».

Въ Галиціи и Краковѣ польская революціонная партія захватила управленіе, не прибѣгая къ вооруженному возстанію и безъ явнаго разрыва съ вѣнскимъ правительствомъ. Между тѣмъ южные славяне Кроаціи и Далмаціи потребовали независимости отъ венгерскаго подчиненія и подчиненія непосредственно вѣнскому правительству. Импера-

торъ Фердинандъ, опасаясь неудовольствія мадьяръ, отказалъ славянамъ отдѣлить ихъ отъ венгерской короны, вслѣдствіе чего банъ венгерскихъ земель, Елачичъ, двинулъ славянскія войска въ Венгрію требуя отъ венгерскаго правительства того права, въ которомъ ему отказала Вѣна.

Всѣ эти обстоятельства совокупно съ происходившими безчинствами настолько безпокоили австрійскаго императора, что онъ, для своей безопасности, удалился въ Тироль, въ городъ Инспрукъ.

Узнавъ объ этомъ, императоръ Николай писалъ 10-го (22-го) мая:

«Вчера вечеромъ по телеграфу узналъ я о бѣгствѣ изъ Вѣны императора и семейства въ Инспрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна, и если успѣхи Радецкаго продолжатся, то можетъ быть это къ лучшему. Прагское воззваніе къ славянамъ надо было ожидать по довольно мнѣ тамъ извѣстному духу, но отвѣчать на оное не будемъ; не наше дѣло. Будемъ ждать и смотрѣть, чѣмъ все это кончится».

Тѣмъ временемъ австрійская революція постепенно развивалась и наконецъ приняла угрожающіе размѣры. Она породила всякаго рода безчинства въ Вѣнѣ, дошедшія до убійства чернью военнаго министра генерала Латура, и заставило самого императора ради безопасности бѣжать въ городъ Ольмюцъ. Положеніе императора было крайнее: хотя Виндишгрецъ потушилъ возстаніе въ Прагѣ, но за то въ самой Вѣнѣ созванный сеймъ былъ полонъ радикальными членами. Кошутъ потребовалъ тотчасъ же сформированія венгерской арміи въ 200 тысячъ и многомиліонный кредитъ; въ Венгріи уже дѣйствовали мятежные отряды противъ войскъ хорватскаго бана Елачича, котораго Австрія объявила мятежникомъ, хотя втайнѣ ему сочувствовала.

По поводу вѣнской катастрофы и бѣгства императора въ Ольмюцъ, императоръ Николай писалъ:

«Нетерпѣливо жду развязки въ Вѣнѣ; слухи оттуда и депеши столь не полны и противурѣчивы, что ничего понять нельзя. Одно положительно, какъ кажется, что князь Виндишгрецъ пошелъ на Вѣну съ богемскими и моравскими гарнизонами. Теперь армія венгерская, ежели есть армія, а не просто сбродъ, пошла-ли въ тылъ Елачичу и Ауэршперчу, нельзя еще понять; во всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится—быть-ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

«Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи онъ не обратится-ли къ намъ; въ такомъ случаѣ дай мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со всѣми почестями и, если пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели его помѣстить въ Бельведеръ. Назначь къ нему отъ моего имени г.-а. (генералъ-

адъютанта) Дьякова и сына твоего, а къ императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за что ручаться нельзя, что быть можетъ».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ государь получилъ отъ Паскевича письмо, въ которомъ тотъ описывалъ происшедшее въ Австріи. На это онъ 10-го (22-го) іюня отвѣчалъ:

«Подробности бывшаго въ Прагѣ, происшедшаго въ Венгріи и дѣлающагося въ Вѣнѣ столь же любопытны, какъ крайне горьки. Что изъ всего этого выйдетъ, можно предвидѣть, то есть паденіе Австріи; но послѣдствія паденія сего могутъ быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно намъ положительно важно, это то, чтобъ опять не возродилось, съ согласія-ли, или безъ согласія императора, отдѣльное самостоятельное новое царство въ Галиціи, подъ именемъ польскаго или славянскаго. Ежели будетъ такъ, то я непремѣнно вступлю въ Галицію и присоединю къ Россіи древнее ея достояніе. Ибо край сей можетъ быть или австрійскимъ или русскимъ; инаго не могу допустить, во что бы то ни стало.

«Ни Богеміи, ни Моравіи ничего другаго не приму подъ скипетръ Россіи, даже ежели бъ объ этомъ настоятельно просили, ибо оно было бъ прямо противно выгодамъ нашимъ. Готовъ бы даже отдать половину Польши, но Галиціи никому не уступлю, коль скоро она перестанетъ быть областью Австріи. Предваряю тебя объ этомъ, что̀ впрочемъ ты отъ меня часто слышалъ, дабы твои соображенія имѣли сіе въ виду».

Армія Радецкаго, собранная въ знаменитомъ четыреугольникѣ австрійскихъ крѣпостей въ Италіи, ждала подкрѣпленій, чтобы начать военныя дѣйствія. Николай Павловичъ съ ненавистью смотрѣлъ на короля сардинскаго, считая его измѣнникомъ. Слѣдя за операціями австрійской арміи, онъ 21-го іюня (3-го іюля) писалъ Паскевичу:

«Въ Австріи нѣтъ единства, ибо національности всѣ злобно возбуждены одна противъ другой; силы нигдѣ, а воли еще менѣе: какая же будущность? Дѣла въ Италіи не много исправились, но Радецкій требуетъ усилить его 25 тысячами, что̀ не скоро сдѣлаешь, а между тѣмъ венгерцы съ кроатами дерутся и страшно, ежели лучшіе полки Радецкаго кроаты, узнавъ, что у нихъ дома происходитъ, вдругъ бросятъ армію. Дай Богъ, чтобъ не было, но опасаюсь, что имперія распадется».

Королю сардинскому не посчастливилось въ его смѣломъ предпріятіи, и онъ въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ разбитъ Радецкимъ при Кустоццѣ и долженъ былъ заключить перемиріе.

Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ 20-го іюля (1-го августа) писалъ: «радуюсь побѣдѣ Радецкаго, желалъ бы только, чтобъ самого сардинскаго короля поколотилъ», а 24-го іюля: «Спасибо Радецкому, что колотитъ сардинскаго; по шеѣ ему, канальѣ,—золъ я на него».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ послалъ Радецкому Георгія

1 класса «въ знакъ уваженія къ нему и его арміи». Объ этомъ онъ писалъ Паскевичу: «Побѣды Радецкаго приносятъ ему величайшую честь, какъ и арміи его, ибо въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ они умѣли вѣрностью и храбростью спасти честь имперіи; они одни сохранили въ тебѣ чистую старую монархію—честь и слава имъ».

По поводу происходившаго въ Вѣнѣ государь 17-го (29-го) августа писалъ: «гадости въ Вѣнѣ тоже идутъ своимъ порядкомъ и не знаю, чѣмъ кончится въ Италіи, и не заставятъ-ли императора отказаться вновь отъ Ломбардіи, столь славно ему возвращенной старикомъ Радецкимъ и вѣрной арміей».

Выше было сказано, что банъ Елачичъ получилъ въ Вѣнѣ отказъ на свое требованіе, чтобы южные славяне въ своемъ управленіи были подчинены не венгерскому правительству, а непосредственно вѣнскому. Получивъ отказъ, Елачичъ самъ съ своими войсками изъ южныхъ славянъ самовольно началъ военныя дѣйствія противъ венгерцевъ. И вотъ въ Австріи создалось положеніе дѣлъ немыслимое ни въ какомъ другомъ государствѣ кромѣ государства, созданнаго изъ множества разноплеменныхъ народовъ. Вѣнское правительство съ одной стороны опасалось преобладанія мадьяръ, но не имѣло силы ему противодѣйствовать; съ другой стороны оно не могло не видѣть, что въ дѣйствіяхъ Елачича заключается выгода монархіи какъ противовѣсъ вліянію мадьяръ. Поэтому оно признавало, что мадьяры вооружаются совершенно законно, а между тѣмъ сознавало, что, въ случаѣ удачи Елачича, имперія избѣгнетъ опасности отъ мадьяризма. Чрезъ это двусмысленное положеніе выходило, что признанный правительствомъ мятежникомъ Елачичъ былъ опорою Австріи, а венгерское правительство, признанное въ Вѣнѣ законнымъ, представляло опасность для Австріи.

Въ это время Паскевичъ писалъ императору: «Конечно, Елачичъ можетъ ниспровергнуть всѣ намѣренія венгерцевъ, ибо онъ можетъ идти на Пештъ и потомъ дать помощь Вѣнѣ и перемѣнить все, что до сихъ поръ въ Австріи было, но кто можетъ отвѣчать за обстоятельства войны».

На это государь писалъ 1-го (13-го) сентября: «Дѣла въ Вѣнѣ очень плохи; въ Венгріи все идетъ къ чорту и Елачичъ беретъ верхъ, и это было бы прекрасно, ежели бъ правительство умѣло имъ воспользоваться».

Слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Австріи, императоръ писалъ 8-го (20-го) сентября:

«Со стороны Вѣны не знаю ничего новаго, кажется, Елачичъ идетъ на венгровъ; будетъ-ли что въ Галиціи, не знаю; я уже писалъ въ Вѣну про Краковъ и объявилъ, что ежели они не умѣютъ поддерживать тамъ порядокъ, какъ условіе имъ уступки Кракова, то я буду самъ вынужденъ за это приняться—все это вмѣстѣ заставило рѣшиться пріостановиться отпусками и продажей лошадей въ 1, 2, 3 и 4 корпусахъ, и мы

покуда ихъ оставимъ въ полномъ военномъ положеніи, сколь оно ни тяжело. Будемъ ожидать, какой оборотъ примутъ дѣла»; а 22-го сентября (4-го октября) по поводу успѣховъ хорватской арміи императоръ говорилъ: «Дѣла въ Венгріи, кажется, принимаютъ хорошій оборотъ. Не пойдетъ-ли послѣ того Елачичъ на Вѣну? Хорошо, что Штруве разстрѣляли, еще бы съ дюжину того же и все бы примирилось, но что дѣлать съ трусами или дураками!» На другой день онъ писалъ: «Слава Богу дѣло подъ Вѣной принимаетъ, сколько кажется, хорошій оборотъ; нельзя ему не радоваться и, кажется, можно полагать, что на сей разъ канальи, тамъ собранные, и въ головѣ ихъ Бемъ получатъ добрый урокъ.

«Для того бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ городъ не сдался, а взятъ былъ бомбардировкой, или штурмомъ, дабы и духъ войскъ поднять».

Желаніе Николая Павловича на счетъ Вѣны скоро исполнилось. Въ то время какъ Вѣна готовилась къ оборонѣ, имперскія войска подходили къ столицѣ. Виндишгрецъ съ одной стороны шелъ изъ Праги, гдѣ онъ подавилъ бунтъ, а Елачичъ съ славянскими войсками съ другой. Виндишгрецъ вмѣсто того, чтобы тотчасъ же взять мятежный городъ, вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры. Тѣмъ временемъ венгерскія войска шли въ тылъ Елачичу. Венгерское правительство объявило, что оно не враждебно Австріи, но мятежникомъ считаетъ Елачича и дѣйствуетъ противъ него. Виндишгрецъ не призналъ такого толкованія и принудилъ венгерцевъ къ отступленію, а самъ 31-го октября ворвался въ Вѣну и послѣ кровавой уличной схватки подавилъ мятежъ, по окончаніи котораго было образовано консервативное министерство князя Феликса Шварценберга.

По поводу предшествовавшихъ событій и послѣ бѣгства императора въ Ольмюцъ Николай Павловичъ писалъ 2-го (14-го) октября:

«Третьяго дня въ ночь прибылъ твой фельдъегеръ съ несчастными извѣстіями изъ Вѣны. Сколь они ни плачевны, я надѣюсь на милость Божію, что Елачичъ съ тѣхъ поръ, что императоръ далъ ему совершенное полновластіе, скоро сладитъ съ Вѣной, и тѣмъ, можетъ быть, положитъ конецъ анархіи, сбросившей нынѣ всякую личину.

«Отсутствіе императора развяжетъ руки дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кажется, что кромѣ одного гренадерскаго батальона, прочія войска остались вездѣ вѣрными долгу присяги. Жаль очень Латура, онъ былъ достойный, твердый и умный человѣкъ, и его потеря должна быть чувствительна для арміи, которой онъ былъ самымъ надежнымъ заступникомъ».

Получивъ извѣстіе о занятіи Вѣны, императоръ писалъ 4-го (16-го) ноября:

«Нельзя намъ, солдатамъ, не радоваться, видя, съ какимъ умомъ, твердостью и умѣніемъ кн. Виндишгрецъ исполнилъ трудное предпріятіе,

съ какимъ усердіемъ войско исполнило долгъ, и какъ каждый, начиная съ Елачича, исполнилъ долгъ подчиненнаго примѣрно, и надо уважать и начальниковъ, и армію.

«Главное и то, что духу достало наказывать каналій, и казнь Блума будетъ имѣть сильный отголосокъ вездѣ, какъ одного изъ корифеевъ безначалія. Какой примѣръ и стыдъ пруссакамъ, что не умѣли ничего подобнаго не только исполнить, но даже и предпринять».

4-го (16-го) ноября государь получилъ извѣстіе о занятіи прусскими войсками Берлина и по этому поводу говорилъ: «Это хорошее начало, но, признаюсь, душевно жалѣю, что исполнилось не по-вѣнски, то есть взятіемъ приступомъ».

Получивъ извѣстія о подавленіи революцій въ Берлинѣ и Вѣнѣ, государь высказывалъ Паскевичу свое мнѣніе, что должны бы были дѣлать оба государства. Такъ 4-го (16-го) ноября онъ говорилъ: «Теперь и въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ предстоитъ не менѣе трудное дѣло— уничтожать имя анархіи; будутъ-ли съумѣть? Если не рѣшатся уничтожить все, что революціей у нихъ исторгнуто было, и довольствоваться возстановленіемъ одного наружнаго порядка, то вскорѣ будетъ опять хуже прежняго. Здѣсь нужно радикальное лѣченіе или экстирпація зла, а не полумѣры. Надо откровенно сознаться въ своихъ ошибкахъ и возвратиться къ вѣковому порядку. Въ Берлинѣ король своимъ несчастнымъ нравомъ не вселяетъ во мнѣ и малѣйшаго довѣрія. Надѣюсь болѣе на Шварценберга и Виндишгреца».

Вслѣдъ за тѣмъ 6-го (18-го) декабря онъ писалъ: «Какъ кажется, дѣла въ Австріи нѣсколько поправились и начальные успѣхи въ Венгріи дозволяютъ надѣяться, что усмиреніе можетъ скоро послѣдовать, такъ какъ война не національная, но поддерживается одной революціонной шайкой, усиленной бѣглыми поляками. Но нѣтъ сомнѣнія, что военное торжество не кончитъ всѣхъ трудностей всего предстоящаго дѣла.

«Разстроенное государство въ самыхъ основаніяхъ своего существа требуетъ новаго образованія; при столь разнообразномъ составѣ нужно будетъ сохранять различныя народности, не разстраивая единства управленія. Оно существовать только можетъ, по моему мнѣнію, въ самодержавной власти, иначе не понимаю, вся надежда на вѣрную армію».

Послѣ испытанныхъ треволненій въ Австріи въ небольшомъ моравскомъ городкѣ, Кремзирѣ, собранъ былъ сеймъ для обсужденія проекта новой конституціи. На этомъ сеймѣ князь Шварценбергъ заявилъ депутатамъ, что императоръ Фердинандъ 2-го декабря отрекся отъ престола, братъ его Францъ-Карлъ отказался отъ наслѣдованія, а на престолъ вступилъ племянникъ его, 18-ти лѣтній, нынѣ царствующій Францъ-Іосифъ.

Кремзирскій рейхстагъ въ скоромъ времени увлекся демократиче-

скими тенденціями и проектировалъ конституцію, почти вовсе уничтожавшую центральную императорскую власть. Тогда въ февралѣ 1849 г. сеймъ разогнали вооруженною силою, и 4-го марта была обнародована новая конституція, по которой всѣ австрійскія земли съ Моравіей и Венгріей объявлялись нераздѣльною частью Австрійской имперіи.

По поводу роспуска кремзирскаго сейма фельдмаршалъ очень опасался за спокойствіе въ нашихъ предѣлахъ и полагалъ, что нельзя разсчитывать на спокойствіе ни въ Силезіи, ни въ княжествѣ Познанскомъ, ни въ Краковѣ, ни въ Галиціи, ни даже въ самомъ Берлинѣ. О западной же Германіи и говорить нечего, можно считать особымъ счастьемъ, что по сіе время анархія не взяла тамъ верхъ.

Дѣла австрійцевъ становились день ото дня все хуже; Бемъ гналъ передъ собою австрійцевъ, которые просили помощи у насъ. Высланные нами два отряда въ Трансильванію, благодаря безтолковости австрійцевъ, должны были отступить. Такимъ образомъ русскіе отряды, двинутые для спасенія Трансильваніи, отступили благодаря тому, что австрійскія войска Пухнера отказались дѣйствовать. По этому случаю фельдмаршалъ писалъ государю 19-го (31-го) марта:

«Фельдмаршалъ Виндишгрецъ оставляетъ всѣ свои дѣйствія. Они ничего не дѣлали и вотъ до чего дошли, что наши войска принуждены на границы отступить, выдержавъ сраженіе съ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Это весьма можетъ и въ другихъ мѣстахъ случиться. Наше войско можетъ быть компрометтировано, благодаря неспособности австрійскихъ генераловъ».

На это письмо императоръ отвѣчалъ 20-го марта (1-го апрѣля):

«Я совершенно раздѣляю мнѣніе твое на счетъ безтолковости австрійцевъ въ Венгріи, плачевные плоды тому вчера еще разительнѣе намъ оказались бѣгствомъ генерала Пухнера съ другими пятью генералами, бросившими свои войска. Послѣдствіемъ того было, что войска, брошенныя своими генералами безъ обуви, снарядовъ и голодные въ числѣ 8 тысячъ съ 36 орудіями, безъ боя ушли въ Валахію, и вся Трансильванія въ рукахъ мятежниковъ поляковъ... Теперь, нѣтъ сомнѣнія, что поляки устроятся въ Трансильваніи, какъ въ крѣпости, и ежели самыя скорыя и рѣшительныя побѣды не увѣнчаютъ Виндишгреца, то дѣло протянется и вдаль, и будетъ весьма трудно его задушить».

Между тѣмъ война въ Италіи кончилась полнѣйшею неудачею для короля сардинскаго—пораженіемъ его арміи при Новарѣ. Результатомъ этого было отреченіе Карла-Альберта отъ престола и вступленіе на него Виктора-Эммануила, съ которымъ Радецкій и заключилъ перемиріе. Николай Павловичъ Радецкаго назначилъ шефомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка и велѣлъ считать его русскимъ фельдмаршаломъ.

Въ скоромъ времени австрійцы должны были убѣдиться, что они

одни не въ состояніи побороть венгерцевъ; что безъ помощи Россіи они никакъ не обойдутся, и волей неволей придется обратиться за содѣйствіемъ къ русскому императору. Въ предвидѣніи этого, началась дѣятельная переписка между фельдмаршаломъ и государемъ.

Такъ какъ вступленіе нашихъ войскъ въ Австрію требовало разныхъ назначеній, то возбужденъ былъ вопросъ, кого назначить командующимъ войсками 3-го и 4-го корпусовъ, долженствовавшихъ первыми выступить на театръ военныхъ дѣйствій. Государь спрашивалъ Паскевича: подчинить-ли эти корпуса Ридигеру, генералу Бергу или Роту.

Замѣчателенъ отвѣтъ Паскевича:

«Осмѣливаюсь представить о назначеніи на это мѣсто генерала Ридигера, котораго достоинства и опытность неоспоримы. На счетъ генерала Рота я прежде говорилъ, что онъ не показалъ способностей командовать отдѣльно. Генералъ же Бергъ никогда ничѣмъ не командовалъ. Въ австрійской арміи есть, что надобно во фронтѣ служить, чтобы быть офицеромъ-квартирмейстеромъ. Ваше величество изволили повелѣть у насъ тоже, чтобы было. Иначе они не знаютъ, какъ держать дисциплину; они не знаютъ ничего о продовольствіи; они не знаютъ фрунту, ничего, что принадлежитъ до внутренняго управленія. Генералъ же Бергъ не былъ во фрунтѣ. Говорятъ, ему дать хорошаго дежурнаго генерала; но того не всегда послушается, а особливо, когда столкнутся два предмета: движеніе и продовольствіе, ему надобно идти впередъ, а дежурный генералъ говоритъ нельзя по таковымъ обстоятельствамъ. Гдѣ такого дежурнаго генерала найти, ибо такой дежурный генералъ мѣтитъ командовать собственнымъ корпусомъ».

Къ маю мѣсяцу дѣла въ Австріи дошли до того, что ежеминутно ожидали занятія Вѣны венгерскими войсками подъ начальствомъ главнокомандующаго Гергея. Къ тому же въ Вѣнѣ ожидали бунта, а въ Ольмюцѣ, мѣстопребываніи императора, усиливали гарнизонъ. Тогда австрійскій императоръ формально потребовалъ русскихъ войскъ, одно появленіе отряда которыхъ, по словамъ князя Шварценберга, «произведя несомнѣнно сильное впечатлѣніе на непріятеля, можетъ задержать движеніе его на Вѣну».

По разсказамъ очевидцевъ, прибывшій съ письмомъ князя Шварценберга фельдмаршалъ-лейтенантъ Кабога, прося фельдмаршала согласиться на просьбу Шварценберга и повторяя содержаніе письма его, ставъ на колѣни, поцѣловалъ руку князя Варшавскаго, со слезами умоляя его «спасти Австрію»; «каждый день, каждый часъ», говорилъ онъ, «дорогъ».

Армія Гергея въ тотъ день была въ 250 верстахъ отъ Вѣны.

Исполняя просьбу Кабоги, фельдмаршалъ отправилъ небольшой отрядъ по желѣзной дорогѣ, чѣмъ впрочемъ государь былъ не совсѣмъ

доволенъ, ибо небольшой отрядъ не могъ произвести ничего важнаго, тогда какъ императору хотѣлось, чтобы русскія войска, вступивъ на театръ военныхъ дѣйствій, «грянули какъ громъ» и «чтобы все было кончено».

По поводу отсылки одной дивизіи въ Вѣну государь писалъ 27-го апрѣля (9-го мая): «повторяю, крайне сожалѣю о посылкѣ дивизіи въ Вѣну; она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ;... мы потеряли Москву, но не погибли; неужели Австрія, столь часто терявшая Вѣну, на сей разъ безъ нея обойтись не можетъ?»

4-го (16-го) мая государь пріѣхалъ въ Варшаву, а 9-го (21-го) мая и императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ. Здѣсь между ними условлено было объ общемъ планѣ дѣйствій, и 29-го мая заключена была конвенція.

Но вмѣстѣ съ принятіемъ окончательнаго плана государь, чрезъ генерала Берга, снова повторилъ требованіе объ очисткѣ Галиціи распоряженіемъ австрійскаго правительства отъ всѣхъ польскихъ эмигрантовъ и мятежниковъ. «Доколь не получено будетъ,—писалъ государь,— удовлетворительнаго отвѣта, русскія войска не двинутся».

На этотъ разъ австрійскія власти въ Галиціи дѣйствовали съ особенною энергіею такъ, что требованія русскаго государя были исполнены въ нѣсколько дней.

Описаніе военныхъ дѣйствій въ Венгріи не составляетъ предмета этой статьи тѣмъ болѣе, что всѣмъ хорошо извѣстно, какъ императоръ русскій своими войсками спасъ Австрію и какъ онъ на смертномъ одрѣ въ 1855 году имѣлъ грустную возможность убѣдиться въ черной неблагодарности Габсбургской династіи.

Чтобы познакомить читателей со взглядомъ императора на всѣ революціи 1848 и 1849 годовъ, намъ необходимо указать вкратцѣ на тѣ изъ нихъ, которыя происходили помимо Пруссіи и Австріи, въ Германіи, центромъ которыхъ былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ собирался германскій сеймъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ одновременно съ революціями въ Берлинѣ и Вѣнѣ начались волненія и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ сеймъ рѣшилъ преобразовать Германскій союзъ, сдѣлавъ изъ него не союзъ государствъ, а одно союзное государство. Прокламація въ этомъ смыслѣ была подписана прусскимъ королемъ и наслѣднымъ принцемъ. Собравшіеся депутаты приступили въ пересмотру конституціи Германскаго союза. При этомъ тотчасъ же обнаружилось радикальное направленіе съ антимонархическими тенденціями.

Среди безпокойствъ въ Берлинѣ и Познани положеніе прусскаго короля было тѣмъ затруднительнѣе, что не только Австрія и союзный

сеймъ во Франкфуртѣ, но и южно-германскія государства отказались признать его главою Германіи. Намѣстникомъ главы германскаго союза во Франкфуртѣ былъ признанъ австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ. По донесенію Мейендорфа король дотого былъ разочарованъ на счетъ германскаго единства, что сбросилъ съ себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. «Что послѣ этого думать о немъ»,—говоритъ Николай Павловичъ.

Лѣтомъ во Франкфуртѣ происходили большіе уличные безпорядки; народъ дрался на площадяхъ съ правительственными войсками. Главнѣйшимъ поводомъ служилъ договоръ въ Мальмэ, который радикалы не хотѣли утвердить. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обнародовали воззваніе къ народу, призывая его къ оружію. Среди этихъ безпорядковъ два прусскіе депутата Лихновскій и Ауэрсвальдъ были умерщвлены чернью. Въ южныхъ государствахъ Германіи происходило то же самое; тамъ также дрались съ войсками и требовали немедленнаго введенія конституціи и республики.

Во Франкфуртѣ бѣснуются,—писалъ государь 1-го (13-го) сентября,—«все идетъ къ скорому разрыву сѣвера Германіи съ югомъ. Вотъ и Union Germanique».

Австрія, мечтавшая относительно созданія Германской имперіи подъ своимъ главенствомъ, постепенно теряла въ этомъ дѣлѣ вліяніе.

Революціонное движеніе и броженіе умовъ въ Германіи очень озабочивало Николая Павловича потому, что онъ видѣлъ въ этомъ опасность для Россіи. Въ началѣ 1849 года франкфуртское собраніе выработало конституцію, на основаніи которой во главѣ союзнаго нѣмецкаго государства долженъ былъ стоять наслѣдственный императоръ, одинъ изъ царствовавшихъ германскихъ государей. Со стороны Россіи было весьма важно сохранить равновѣсіе между Австріею и Пруссіею и независимость мелкихъ германскихъ государствъ. Государь разсчитывалъ поддержать противудѣйствіе въ этомъ Австріи. Созданіе сильной единой Германіи вовсе не входило въ планы Николая Павловича. Боясь по этому поводу осложненій, онъ рѣшилъ готовиться къ войнѣ.

Паскевичъ смотрѣлъ нѣсколько иначе, и онъ ожидалъ скорѣе междусобія; онъ былъ убѣжденъ, «что при взятомъ направленіи франкфуртскимъ сеймомъ, скорѣе можно ожидать распространенія раздоровъ, чѣмъ ихъ уничтоженія».

Замѣчательны слова Николая Павловича на счетъ будущаго: «признаюсь тебѣ, что я въ Германіи ничего добраго не предвижу; жду междуусобія и рѣзни. Ежели Австрія не будетъ вести дѣло твердой рукой и дома, и за границею, она одна можетъ взять въ ней верхъ, Пруссія же никогда—помни мое предсказаніе».

Въ срединѣ марта германскій сеймъ избралъ короля прусскаго

Фридриха-Вильгельма IV германскимъ императоромъ. Во время венгерской кампаніи прусскій король не могъ или не хотѣлъ воспользоваться затрудненіями Австріи, хотя впрочемъ отчасти ему противодѣйствовали короли: ганноверскій, баварскій и виртембергскій. Покончивъ у себя дома, Австрія стала энергически противиться франкфуртскому проекту, разсчитывая въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда, на русскаго императора. Она такъ громко заговорила противъ объединенія Германіи, что государь 7-го (19-го) декабря писалъ Паскевичу: «Германскія дѣла хуже, чѣмъ когда и, по словамъ Мейендорфа, нѣтъ сомнѣнія, что готовится новая демократическая попытка. Всего болѣе опасаюсь я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо одно оно можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, что я тебѣ говорилъ; наша роль тогда будетъ сказать имъ: «эй, ребята, не дурачься, а не то я васъ!» Но чтобы такъ говорить, на что я рѣшился, мнѣ надобно, чтобы къ 1-му апрѣля армія была вся готова и комплектна».

Императоръ Николай твердо рѣшился не допускать удаленія Австріи изъ Германіи и энергически противиться объединенію Германіи подъ властью прусскаго короля. Государь постоянно повторялъ, что онъ не признаетъ «другаго законнаго базиса для европейскаго порядка, кромѣ утвержденнаго трактатами 1815 года».

До какой степени былъ твердъ въ своихъ принципахъ законности императоръ Николай, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что, не взирая на тѣсную дружбу съ Пруссіею, которая со времени императора Александра I оказывала большія услуги Россіи до самой смерти Николая Павловича и до Крымской кампаніи включительно, онъ тѣмъ не менѣе принципіально поддерживалъ Австрію, въ ущербъ Пруссіи. Предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ изложить въ подробности тѣ переговоры, которые глубоко огорчали прусскаго короля, но которые тѣмъ не менѣе заставили его согласиться, потому что этого желалъ и твердо стоялъ на своемъ императоръ Николай. Ихъ переписка по этому поводу показываетъ всю горечь прусскаго короля за предпочтеніе Австріи, которая всегда дѣйствовала противъ Россіи и притомъ самымъ коварнымъ образомъ.

Послѣ долгихъ споровъ, по настоянію императора Николая, въ Ольмюцѣ состоялось соглашеніе между Австріею и Пруссіею и положенъ былъ конецъ враждѣ между ними, возродившейся въ 1866 году и кончившейся, вопреки предсказанію Николая Павловича, въ 1870 г. торжествомъ Пруссіи, создавшей единую Германію подъ властью императора, короля прусскаго.

С. З.

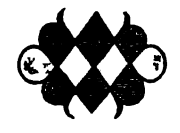
Письмо графа Л. П. Гейдена — П. К. Сухтелену съ просьбою призвать его къ дѣятельности во время военныхъ дѣйствій.

Кенигсбергъ, 31-го октября 1813 г.

Генералъ! Поздравляя васъ отъ всего сердца со всѣми побѣдами, со всѣми прекрасными дѣйствіями, совершенными вами вмѣстѣ съ нашимъ дорогимъ наслѣднымъ принцемъ, — спѣшу сообщить вашему превосходительству, что я нахожусь въ Кенигсбергѣ на зимовкѣ съ моею флотиліею, проведя все лѣто и осень передъ Данцигомъ, гдѣ отъ насъ не могло быть большой пользы, хотя у насъ была весьма недурная флотилія.

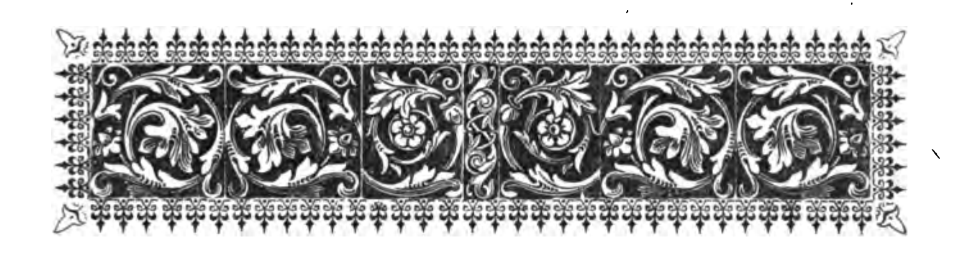
Теперь, такъ какъ можетъ случиться, что ваше превосходительство приблизитесь къ Голландіи, прошу васъ не позабыть меня; не могу-ли къ чему быть употребленъ, находясь при васъ, генералъ? Думаю, что могъ бы немного пригодиться не только на границахъ, но и въ Ольденбургѣ, гдѣ меня всѣ знаютъ, и гдѣ могу взять на свою отвѣтственность скоро сформировать корпуса, наконецъ оказать всякаго рода небольшія услуги.

Не забудьте же меня, достоуважаемый генералъ, и вѣрьте, что я съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою графъ Гейденъ [1]).



---

[1]) Переводъ съ французскаго.



ПОСОЛЬСТВО КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ВЪ ПЕРСІЮ въ 1826 году.

(Изъ дневника генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Бартоломея) [1].

4-го іюня (вечеромъ), село Караклисса.

Вчера, утромъ, выѣхалъ я изъ Тифлиса верхомъ и слѣдовалъ по мѣстамъ, мнѣ уже знакомымъ. Переѣхавъ рѣку Алгетъ вплавь, нашелъ я у рѣки Храма приготовленныя для переправы высокія арбы съ буйволами. Эти сильныя животныя (которыя, однакоже, въ жаркое время безполезны, потому что ложатся въ воду) перевезли меня черезъ нѣсколько рукавовъ разлившейся рѣки.

Я ночевалъ въ Шулаверахъ.

6-го іюня, городъ Эривань.

Проночевавъ въ Караклиссѣ у князя Саварсемидзе, вчера утромъ поѣхалъ я съ нимъ на границу къ ручью Мираку. Здѣсь все приняло воинственный видъ. Съ нашей стороны, напротивъ высокаго Алагеза, начали строить укрѣпленіе. Тутъ расположены въ балаганахъ три роты и три орудія. Далѣе, за развалинами караванъ-сарая у Башъ-Абарана, бѣлѣетъ лагерь персіанъ. Надѣюсь, однакоже, что всѣ приготовленія эти тщетны, потому что князь Меншиковъ не упуститъ ни малѣйшаго случая къ отстраненію всего, что могло побудить къ разрыву.

Въ 9 часовъ вечера, когда уже смеркалось, оставилъ я неоконченное алагезское укрѣпленіе и отправился въ персидскій лагерь, гдѣ былъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль, 1904 г.

встрѣченъ при въѣздѣ толпою куртинцевъ, а потомъ самимъ начальникомъ Джаферъ-ханомъ и всѣмъ его отрядомъ, разставленнымъ съ обѣихъ сторонъ, при входѣ въ его палатку. Послѣ азіатскаго ужина написалъ я, сидя на полу, князю Меншикову донесеніе и, отправивъ ночью же курьера, легъ спать.

Сегодня, къ двумъ часамъ по полудни, пріѣхалъ въ Эривань. Переправясь черезъ Зангу, въѣхалъ я въ крѣпость, не встрѣтясь съ куртинскимъ отрядомъ, высланнымъ ко мнѣ для церемоніальной встрѣчи, по другой дорогѣ. Остановился въ богатомъ домѣ Зарабъ-Хана, надъ крутымъ берегомъ Занги, напротивъ бесѣдки сердаря.

Араратъ во всемъ величіи своемъ рисуется передо мною.

Въ 5 часовъ вечера поѣхалъ я къ сердарю, живущему всегда лѣтомъ въ бесѣдкѣ своей, построенной совершенно въ азіатскомъ вкусѣ. Вдоль аллеи, ведущей къ ней, разставлены были персіане, поливавшіе дорогу. Войдя въ бесѣдку, сѣлъ я на приготовленныя для меня кресла, противъ сердаря, помѣстившагося на полу, близъ окна, и окруженнаго толпою придворныхъ. Посреди залы былъ въ мраморномъ бассейнѣ небольшой фонтанъ; онъ приводилъ въ движеніе нѣсколько колокольчиковъ и погремушекъ, составлявшихъ странную музыку. Послѣ перваго привѣтствія двое молодыхъ, весьма красивыхъ кальянщиковъ поднесли намъ кальяны. Потомъ принесли густой кофе. Разговоръ нашъ имѣлъ предметомъ положеніе пограничныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, состоялъ изъ взаимныхъ жалобъ. Но, говоря съ нимъ совершенно хладнокровно, заставлялъ я и его разсуждать съ величайшею вѣжливостью. Мы разстались друзьями, не взирая на то, что и тутъ, какъ вчера на границѣ, всѣ мои слова были безуспѣшны [1]).

[1]) Мѣсто около развалинъ Мирака отъ Башъ-Абарана до Алагеза, хотя и принадлежало намъ по Гюлистанскому трактату, но было оспариваемо персіанами. Въ то самое время, когда князь со всею миссіею приближался къ Персіи, получено при мнѣ въ Тавризѣ донесеніе отъ сердаря эриванскаго, что русскіе въ виду персидскихъ войскъ, занявшихъ спорное мѣсто, строютъ укрѣпленіе. Это извѣстіе произвело при дворѣ наслѣдника большое смущеніе, и Аббасъ-мирза съ гнѣвомъ объявилъ мнѣ, что если, приступая къ мирнымъ переговорамъ, начинаютъ строить крѣпости, то онъ не позволитъ пріѣхать посольству нашему. Вотъ почему объявилъ я ему желаніе ѣхать навстрѣчу князю Меншикову, чтобы лично донести и ему обо всемъ. Цѣль же дальнѣйшаго моего отправленія въ Тифлисъ и на границу эриванскую состояла въ томъ, чтобы, прекративъ на время работу укрѣпленія, понудить съ обѣихъ сторонъ войска къ отступленію и признанію мѣста сего нейтральнымъ на все время переговоровъ. Хотя войска и не отступили, но постройка укрѣпленія была съ нашей стороны тотчасъ прекращена, и миссія принята была со всѣми почестями. Аббасъ-мирза началъ даже для виду переговоры, но въ тайнѣ приготовлялся къ вѣроломному нападенію въ наши границы, безъ объявленія войны. Это намѣреніе, выполненное во время нашего еще пребыванія въ Султаніи, впослѣдствіи дорого обошлось Персіи

По возвращеніи моемъ домой, сердарь прислалъ ко мнѣ Али-хана, одного изъ любимцевъ своихъ. Въ 8 часовъ вечера постлали намъ на ковры пеструю скатерть и принесли ужинъ на большихъ подносахъ, которые поставили передъ каждымъ по одному со всѣми кушаніями. Между подносами стояли высокіе подсвѣчники съ огромными свѣчами изъ нечистаго воску [1]). Хотя насъ только было трое: Зорабъ-ханъ, Али-ханъ и я, но первый, какъ хозяинъ, просилъ, чтобы я позволилъ сѣсть также бывшему при мнѣ, вмѣсто переводчика, армянину и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ, которые будутъ забавлять насъ музыкою и пѣніемъ, потому что онъ желаетъ быть веселымъ, имѣя такого гостя. И точно: пирушка была самая веселая и шумная. Нѣсколько человѣкъ пѣли или, лучше сказать, ревѣли во все горло, играя на какой-то балалайкѣ. Другіе плясали и кувыркались. Всѣ говорили и разсуждали, попивая безпрестанно изъ круговой чаши [2]) худое вино, которымъ и меня подчивали. Я велѣлъ принести свой дорожный бурдюкъ (въ который входило три тунги, или слишкомъ 30 бутылокъ) съ прекраснымъ кахетинскимъ виномъ. Персіане такъ этому обрадовались и пили съ такимъ усердіемъ, что я самъ долженъ былъ имъ напомнить о раннемъ моемъ на другой день отъѣздѣ и о томъ, что уже скоро полночь. Видя, что бурдюкъ мой пустъ, они едва встали и пьяные разошлись. Несмотря на запрещеніе Магомета, многіе изъ персіанъ пьяницы; въ Эривани же всѣ безъ изъятія. Они въ томъ берутъ примѣромъ старика сердаря своего, который страдаетъ отъ того подагрою.

12-го іюня, Тавризъ.

Изъ Эривани ѣхалъ я по мѣстамъ, мнѣ уже извѣстнымъ. Дервиши опять останавливали меня; опять у подошвы горъ или близъ ручейковъ чернѣли шатры куртинцевъ. Иногда въ горахъ встрѣчалъ я охотниковъ, которые, увидя, тотчасъ приносили въ подарокъ убитую дикую козу или

---

[1]) Огромность свѣчей означаетъ въ Персіи нѣкоторымъ образомъ важность. Когда пріѣхалъ я въ Тавризъ въ первый разъ и до прибытія князя Меншикова отказался отъ предложеннаго мнѣ придворнаго содержанія, назначеннаго для всей нашей миссіи, то между прочими для пріема князя приготовленіями, съ которыми всегда относились ко мнѣ, прислали мнѣ также для образца нѣсколько огромныхъ восковыхъ свѣчей, съ вопросомъ, нахожу-ли я ихъ длину и толщину соотвѣтствующею званію князя, или прикажу сдѣлать еще длиннѣе и толще. Я отвѣчалъ, что скромность князя найдетъ ихъ величину достаточною. Эти свѣчи впослѣдствіи употреблялись слугами нашими, потому что мы сами снабдились въ Тифлисѣ довольнымъ количествомъ хорошихъ восковыхъ свѣчей.

[2]) Стаканы въ Персіи не употребляются; но пьютъ изъ небольшой чаши, иногда серебряной, иногда даже изъ особеннаго металла, составленнаго изъ олова и цинка.

жерана (родъ сайги), за чтò я долженъ былъ платить имъ [1]). Хозяева встрѣчали меня съ прежнимъ привѣтствіемъ, что домъ, ихъ деревня, дѣти и все имѣніе ихъ—моя собственность [2]), однимъ словомъ, все было, какъ прежде.

Встрѣча съ жителями, которые оставляли равнины и отъ ужасныхъ жаровъ кочевали въ горы, оживляла нѣсколько единообразіе пути. Иногда много семействъ вмѣстѣ кочевали большимъ караваномъ. Жары были несносны. Ручьи высохли; иногда по шести и семи часовъ мучались мы жаждою, не находя воды. Несмотря на мой зеленый вуаль, мухи и мошки ужасно безпокоили насъ. Онѣ, проникая даже сквозь платье, такъ искусали меня, что я весь былъ покрытъ красными пятнами, а лицо мое распухло. Около Шарура и Девалу мошекъ было такое множество, что хотя ихъ вблизи почти не было видно, но издали рябили онѣ прозрачными облаками, и лошади наши часто останавливались, ложились и валялись, чтобы освободиться отъ нихъ.

На девятый день своего отъѣзда изъ Тифлиса пріѣхалъ я въ Тавризъ.

15-го іюня.

Князь Меншиковъ поручилъ мнѣ купить въ Тифлисѣ золотые штабъ-офицерскіе эполеты для сыновей и племянника Аббасъ-мирзы, которые, служа въ гвардейскомъ баталіонѣ, носятъ (какъ и всѣ прочіе офицеры) толстые солдатскіе мундиры и отличаются отъ солдатъ красными кушаками. Въ отсутствіи моемъ князю показывали этотъ самый бата-

---

[1]) Персіане между многими способами, изобрѣтенными ими для выманиванія денегъ, употребляютъ и то, что безпрестанно предлагаютъ иностранцамъ въ подарокъ вещь, которую онъ взять съ собою не можетъ, заплативъ однакоже за нее деньги. Они простираютъ это до безстыдства, и обычай этотъ господствуетъ у нихъ и въ высшемъ сословіи. Самъ шахъ такой же корыстолюбецъ и взяточникъ, какъ министры и всѣ подданные его. Охотникъ, напримѣръ, всегда предлагаетъ путешественникамъ убитую дичь; пастухъ издали еще, замѣтя васъ, схватываетъ изсереди стада овцу или козленка и, подбѣжавъ, приноситъ вамъ ихъ въ подарокъ; жнецъ заграждаетъ вамъ путь снопомъ ячменя, прося, чтобы вы взяли все поле его; дервишъ мучитъ васъ благословеніями; селянинъ или садовникъ подноситъ цвѣтокъ, не примипувъ никакъ уподобить васъ ему или пожелать, чтобы путь вашъ былъ устланъ цвѣтами и т. д.; за все это должны вы заплатить весьма дорого, и разумѣется, что кромѣ цвѣтка и благословенія ничего съ собою унести не можете.

[2]) Это обыкновенное привѣтствіе въ Персіи. Хозяинъ дома, гдѣ вы остановились, увѣряетъ васъ, что все его имущество вамъ принадлежитъ, даже дѣти его,—о женахъ же никогда не упоминается. Я часто вознамѣревался при такомъ привѣтствіи предложить выгодную для него мѣну, и за одну только изъ женъ его уступить ему всѣхъ дѣтей его.

ліонъ, и имъ командовалъ старшій сынъ наслѣдника Мегметъ-мирза [1]).

Сегодня назначено было отнести мнѣ эполеты, отъ имени князя, къ принцамъ. Въ первомъ часу они прислали сказать, что ожидаютъ меня.

Въ большой открытой залѣ сидѣлъ Мегметъ-мирза (человѣкъ лѣтъ 24-хъ, безобразной толщины), два брата его, Фиридунъ-мирза и Хозревъ-мирза (бывшій впослѣдствіи въ Петербургѣ), и двоюродный братъ ихъ, сынъ Шахъ-Заде Гассанъ-Али-мирзы. Кромѣ Мегметъ-мирзы, который не очень хорошъ собою, всѣ три принца очень молоды, красивы и обучаются французскому и англійскому языкамъ. Весьма было замѣтно, что все было приготовлено для моего пріема. Кругомъ ихъ лежали географическія карты [2]), математическіе инструменты, глобусы, словомъ, всѣ принадлежности ученыхъ кабинетовъ. Хотя Мегметъ-мирза и увѣрялъ, что, не ожидая меня такъ скоро, они не успѣли окончить ученыхъ занятій своихъ; но порядокъ, съ которымъ все было разложено, чистота математическихъ инструментовъ, доказывающая неприкосновенность оныхъ, и пыль на глобусахъ—изобличали несправедливость сказаннагó и удостовѣрили меня, что все это было приготовлено для того, чтобы удивить меня глубокими познаніями ихъ высочествъ. Вручивъ имъ отъ имени князя подарки, сѣлъ я, по приглашенію старшаго принца (прочіе безмолвствовали), на коверъ. Мегметъ-мирза, послѣ нѣкоторыхъ взаимныхъ учтивостей, видя, что я ничего не упоминаю объ ихъ учености, самъ началъ слѣдующимъ образомъ:

— Вы не думайте, чтобы я и братья мои занимались одною фронтовою службою. Нѣтъ, мы знаемъ математику, артиллерію, географію и прочія науки.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Сколько прилично принцамъ служить примѣрами въ военномъ ремеслѣ, самомъ благороднѣйшемъ, столько же нужны для нихъ и познанія,—замѣтилъ я.

— Братья мои служатъ не для виду, но исполняютъ настоящую

---

[1]) Это тотъ самый, который въ томъ же году, 2-го сентября, былъ разбитъ княземъ Мадатовымъ у рѣки Шамхора.

[2]) Географическія карты съ персидскими надписями весьма невѣрныя. Я замѣтилъ, что Персія сдѣлана была въ бòльшемъ размѣрѣ, нежели прочія земли. Я видѣлъ карты Персіи, которыя здѣсь, въ Тавризѣ, составляются англійскимъ инженеромъ Монтисомъ и помощникомъ его Селимо. Онѣ весьма подробны, сдѣланы съ большимъ тщаніемъ и, должно быть, вѣрны. Эти офицеры, объѣзжая Персію, уже нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ съемки и доставляютъ чертежи для остъ-индской компаніи, которая издала уже нѣсколько прекраснѣйшихъ картъ тѣхъ странъ Азіи. Персія сама даетъ имъ всѣ способы къ составленію сихъ картъ, съ тѣмъ, чтобы и ей доставляли копіи съ оныхъ; чтò и исполняется. Но говорятъ, что копіи сіи совершенно не соотвѣтствуютъ оригиналамъ, доставляемымъ Англіи, и что онѣ не такъ подробны и наполнены ошибками.

службу и сами командують ротами, хотя сіе и не соотвѣтствуетъ высокому ихъ сану. Вы видѣли, что въ строю они носятъ даже мундиры [1]).

— Не знаю, ваше высочество,—сказалъ я,—что можетъ быть почетнѣе обязанности защищать отечество и, въ случаѣ нужды, проливать за него кровь свою? Всякій солдатъ, принявшій на себя священный долгъ сей, достоинъ уже уваженія, тѣмъ болѣе принцъ, который готовъ жертвовать собою для блага своего народа! Великій государь мой, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, командовалъ одною только бригадою и никогда не носитъ другой одежды, кромѣ военнаго мундира. Его величество исполнялъ всегда службу во всей точности, подавалъ собою примѣръ подчиненнымъ, и я самъ, имѣвъ счастіе семь лѣтъ служить подъ личнымъ его начальствомъ, могу, гордясь, назвать его своимъ наставникомъ по службѣ.

— Принцы Персіи также подавали всегда примѣръ храбрости и неустрашимости,—отвѣчалъ Мегметъ-мирза.

Послѣ сего разговаривали мы о гвардейскомъ баталіонѣ. Принцы, имѣя каждый передъ собою пешкешъ (т. е. подарокъ), мною принесенный, изрѣдка шептались. Наконецъ, спросилъ я, чѣмъ именно ихъ высочества изволили заниматься теперь?

— Географіею,—отвѣчалъ Мегметъ-мирза. Мы обозрѣвали обширность великаго Персидскаго государства, занимающаго почти третью часть земнаго шара [2]).

— Итакъ,—сказалъ я,—ваше высочество, не могли не примѣтить также обширности сосѣдки, могущественной Россіи, которая, будучи вдвое болѣе Персіи, занимаетъ, слѣдовательно, двѣ трети земли.

— Да, сіи государства самыя сильныя и обширныя во всей вселенной!

— Конечно. И если Персія занимаетъ одну треть, Россія же двѣ трети земнаго шара, то извольте замѣтить, ваше высочество, какъ мало остается мѣста для прочихъ народовъ и, слѣдовательно, сколь ничтожны остальныя государства въ сравненіи съ сими двумя.

— Да, это правда! Они всѣ помѣщаются на остальной трети.

Сіи послѣднія слова произнесъ онъ съ самодовольствомъ, и восторгъ быть принцемъ столь могущественной державы рисовался на кругломъ лицѣ его.

Видя изъ сего отвѣта не только географическія, но даже и ариеме-

---

[1]) Не только принцы, но и прочіе офицеры внѣ службы носятъ обыкновенныя свои платья.

[2]) Персія весьма подвержена хвастовству; и чѣмъ кто важнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ порокъ сей. Они не только стараются выказывать мнимое могущество и богатство свое, но даже и познанія, коихъ вовсе не имѣютъ, что̀ и дѣлаетъ ихъ часто смѣшными и обнаруживаетъ еще болѣе ихъ невѣжество.

тическія познанія его, я откланялся, сказавъ, что не желаю долѣе препятствовать ихъ величествамъ въ занятіяхъ, въ которыхъ они дѣлаютъ такіе успѣхи.

17-го іюня.

Князь Меншиковъ былъ принятъ съ почестями, которыя требуетъ званіе посла. Вся миссія была представлена Аббасъ-мирзѣ, и онъ ее угощалъ въ саду своемъ обѣдомъ. Сожалѣю, что все это происходило безъ меня.

Не можемъ жаловаться на скуку. Время проходитъ въ прогулкахъ верхомъ за городомъ, въ наблюденіи нравовъ и обычаевъ восточныхъ и во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Изъ англичанъ, кромѣ доктора Корлинка, возвратился сюда опять инженеръ Монтисъ. Съ ними видимся мы почти ежедневно. Англичане приноравливаются во всемъ къ персидскимъ обычаямъ и являются ко двору въ красныхъ чулкахъ. Угождая во всемъ персіанамъ, они, какъ и вездѣ, при политическихъ сношеніяхъ не упускаютъ изъ виду торговыхъ интересовъ и, лаская персидское правительство, лишили уже оное жемчужной ловли, главнаго источника богатства сего края.

Мы сами должны сообразаться съ здѣшними обычаями во всемъ, что̀ касается до наружнаго блеска и роскоши, которые, по ихъ мнѣнію, необходимы для поддержанія важности сана. Вотъ почему не выходимъ мы иначе, какъ предшествуемые ферашами, толкающими и бьющими встрѣчныхъ и поперечныхъ, и преслѣдуемые кальянщиками съ кальянами. По вечерамъ же всякій изъ насъ долженъ имѣть особеннаго человѣка, идущаго впереди съ фонаремъ; такъ что если иногда насъ идетъ нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, то множество фонарей въ темныхъ улицахъ Тавриза даютъ видъ какого-то торжественнаго шествія.

Впрочемъ, сіе здѣсь необходимо, потому что улицы, шириною иногда въ одну сажень, пересѣкаются безпрестанно ямами и каналами, сдѣланными для провода воды въ дома. Онѣ не освѣщаются ни фонарями, ни даже свѣтомъ изъ домовъ, который не можетъ проникать по причинѣ высокихъ стѣнъ, окружающихъ всякое строеніе. Иныя жилища до половины врыты въ землю и возвышаются, какъ муравейники въ большомъ видѣ. На верху съ боковъ сихъ насыпей видно вмѣсто окна отверстіе, покрытое небольшою доскою прозрачнаго мрамора, который едва пропускаетъ свѣтъ въ подземельное жилище.

Мы иногда забавляемся, смотря, какъ толпа нашихъ чернобородыхъ фонарщиковъ, въ длинныхъ одеждахъ, сломя голову прыгаетъ впереди насъ черезъ рвы и груды камней и потомъ живо поворачивается, чтобы освѣтить намъ опасныя мѣста. Верхомъ по улицамъ Тавриза ѣхать весьма опасно.

Князь Меншиковъ нѣсколько разъ былъ уже у Аббасъ-мирзы для дипломатическихъ переговоровъ. Съ нимъ всегда бываетъ г. Амбургеръ, исправляющій должность повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи, и Шамиръ-ханъ, переводчикъ миссіи, знающіе оба персидскій языкъ.

Ожидаемъ отъ шаха отвѣта насчетъ нашего прибытія въ Султанію, и тогда отправимся въ путь.

21-го іюня. Загородный дворецъ Уджанъ.

Вчера въ 6 часовъ послѣ обѣда вся миссія многочисленнымъ караваномъ выѣхала изъ Тавриза. Во время пребыванія нашего въ семъ городѣ были закупаемы лошади, лошаки, нанимаемы мехтера (конюхи) и фераши (слуги, разбивающіе палатки нашего лагеря); однимъ словомъ, употреблено все, чтобы шествіе наше къ Султаніи было блистательно и соотвѣтствовало значенію посольства. Азіатская роскошь столь древняго происхожденія, что рѣшительно можно сказать, что описаніе персидскаго двора въ книгахъ Ветхаго Завѣта можетъ (съ малыми только измѣненіями) быть приноровлено и къ нынѣшнему столѣтію.

Полтора агача отъ Тавриза проѣзжали мы мимо загороднаго дворца Аббаса-мирзы, называющагося Халатъ-Нушанъ (т. е. халатъ одѣвающій), гдѣ наслѣдникъ Персіи надѣваетъ всегда халатъ, присылаемый ему шахомъ въ каждый наврузъ (т. е. въ новый годъ). Хотя здѣсь и былъ приготовленъ для насъ обѣдъ отъ старшаго сына Аббасъ-мирзы Мегметъ-мирзы (генералъ-губернатора хамаданскаго); но какъ никто не выѣхалъ намъ навстрѣчу для приглашенія и пріема насъ, и вообще не сдѣлано было при выѣздѣ нашемъ изъ Тавриза приличной церемоніи, то князь Меншиковъ проѣхалъ мимо на ночлегъ, который имѣли въ лагерѣ, приготовленномъ для насъ посланными туда впередъ ферашами нашими. Въ 10 часу вечера прискакали къ намъ съ извиненіями Мирза-Мегметъ-Али, Мустафа и Мирза-Салеи, назначенные для угощенія насъ въ Халатъ-Нушанѣ. За ними привезенъ былъ на вьюкахъ весь азіатскій обѣдъ, поданный на большихъ серебряныхъ подносахъ въ палатку князя, куда приглашены были всѣ чиновники миссіи.

До сихъ поръ я велъ мой журналъ. Впослѣдствіи болѣзнь и другія обстоятельства не позволяли мнѣ продолжать его съ такою подробностію, какъ прежде; и я едва могъ успѣвать дѣлать краткія отдѣльныя замѣтки. Полагая, что означеніе даже и вкратцѣ всѣхъ событій того любопытнаго времени и бѣглый разсказъ приключеній нашей миссіи будетъ имѣть нѣкоторый интересъ для читателя, я рѣшился изложить то, что нашелъ въ ежедневныхъ отмѣткахъ своихъ.

Во время нашего ночлега, ночью проскакалъ въ Султанію со свитою Аббасъ-мирза, оставивъ намъ мегмендаремъ мирзу Джаффера, вмѣсто каймакама, котораго наслѣдникъ Персіи взялъ съ собою. Обстоятельство это при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было столь важно, что на другой день, т. е. 22-го іюня, расположась лагеремъ въ живописномъ мѣстѣ между горъ у ручейка въ долинѣ Кара-Чеманъ (черный лугъ), князь Меншиковъ отправилъ переводчика Шамиръ-хана узнать о причинѣ неожиданнаго проѣзда Аббаса-мирзы.

Между тѣмъ, мы продолжали путь свой и ежедневно дѣлали верхомъ отъ 30-ти и до 40 верстъ, выѣзжая по случаю жаровъ въ 5 часовъ утра и пріѣзжая въ 12-мъ и во 2-мъ часу на мѣсто, гдѣ располагались лагеремъ. 24-го іюня лагерь нашъ былъ разбитъ близъ города Міана, извѣстнаго верблюжьими коврами и болѣе еще смертоносными клопами. Передъ нами тянулись горы. Жара была нестерпимая. Теплый вѣтеръ обдавалъ насъ паромъ. Жители Міана приносили намъ ковры и куски дерева, наполненные огромными клопами, отличающимися отъ нашихъ величиною и сѣроголубоватымъ цвѣтомъ, которымъ покрыты они, какъ пылью. Укушеніе ихъ, не вредное мѣстнымъ жителямъ, дѣлается опаснымъ и иногда смертельнымъ для людей другихъ климатовъ.

Вечеромъ возвратился Шамиръ-ханъ съ извѣстіемъ, что какъ въ Султанію ожидаютъ Сеидъ-Магомеда (главный мулла, или глава духовенства въ Персіи), то шахъ потребовалъ для переговоровъ съ нимъ и для общаго совѣщанія Аббаса-мирзу. Должно знать, что Сеидъ-Магомедъ уговариваетъ шаха къ войнѣ съ Россіею, дабы отторгнуть отъ оной завоеванныя провинціи мусульманскія [1]). Онъ провозглаше-

---

[1]) Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года дѣло находилось въ слѣдующемъ положеніи. По всей Персіи общее настроеніе умовъ было въ пользу войны, одинъ шахъ боялся, повидимому, столкновенія съ Россіею, но не былъ уже въ силахъ бороться противъ теченія. Духовенство мусульманское стращало его народомъ. Повсюду ходили письма и прошенія русскихъ подданныхъ, шіитовъ, изъ Закавказскаго края, жалующихся на угнетенія со стороны русскаго правительства, преимущественно въ религіозномъ отношеніи, и призывающихъ персіанъ на помощь; изъ Дербента, изъ Шемахи, изъ Карабага, изъ Талыши приходили таковыя просьбы и предложенія уничтожить русскіе отряды въ случаѣ, если имъ обѣщаютъ матеріальную поддержку со стороны персидскихъ войскъ. Всѣ сіи прошенія подавались исключительно шіитами, сунниты же совершенно воздерживались отъ подобныхъ козней и демонстрацій. Переписка между персидскими муллами и ихъ единовѣрными соплеменниками на Кавказѣ велась преимущественно чрезъ богомольцевъ, отправляющихся въ Карбела̀ и въ Мешедъ, а оттуда возвращающихся на родину.

Шахъ противъ воли вовлекается въ войну Аббасъ-мирзою, котораго поддерживаетъ Алаяръ-ханъ.

Въ шахскомъ лагерѣ уже обдумывается планъ кампаніи. Аббасъ-мирзѣ

ніями и проповѣдями возбуждаетъ народъ противу насъ, какъ невѣрныхъ, стараясь усилить фанатизмъ и надѣясь на нѣкоторыхъ недовольныхъ и измѣнниковъ въ пограничныхъ нашихъ провинціяхъ, готовыхъ возмутиться, какъ скоро персидскія войска переступятъ границу.

25-го іюня переѣхали мы горы Кафланку и видѣли остатки довольно хорошо сохранившейся дороги, мощенной камнями, отъ временъ Аббаса Великаго. Эта дорога можетъ служить однимъ изъ многихъ доказательствъ, что торговля Персіи была нѣкогда цвѣтущая и товары возились не такъ, какъ теперь на вьюкахъ верблюдами или лошаками и ослами, но на повозкахъ.

26-го іюня ночевали въ деревнѣ Арманъ-Ханэ, 27-го числа — въ Зенганѣ и на другой день, 28-го іюня, въ 3 часа по полудни, выѣхали въ Султанію.

Не доѣзжая 2-хъ агачей до Султаніи, встрѣчены мы были зятемъ шаха, валіемъ курдистанскимъ и Фара-Джулла-ханомъ, высланными къ намъ для церемоніальнаго въѣзда съ 1.000 человѣками конницы. Лучшіе наѣздники дорогою джигитовали. По прибытіи въ Султанію, угощалъ насъ въ тотъ же день Алаяръ-ханъ, первый министръ шаха.

Султанія, лѣтнее пребываніе персидскихъ шаховъ, есть не что иное, какъ огромное сборище неправильно разбросанныхъ палатокъ въ обширной Султанійской долинѣ. Одинъ шахъ имѣетъ здѣсь небольшой дворецъ, съ малымъ гаремомъ и садомъ. Онъ беретъ тогда съ собою, какъ въ походы, только двѣ или три дюжины женъ, а прочія остаются въ Тегеранѣ или въ загородномъ дворцѣ. Кромѣ сада шахскаго, здѣсь въ равнинѣ не видно зелени. Глазъ теряется въ скучной, пыльной степи и отдыхаетъ только на цѣпи горъ, ее окружающей. Изъ ущелья всегда почти дуетъ вѣтеръ, и это причина, почему здѣсь жара не столь сильна, чтобы произвести болѣзни, обыкновенныя въ Персіи во время лѣтняго зноя. По сей самой причинѣ шахъ, весь дворъ, все правленіе и до двухсотъ и болѣе тысячъ народа здѣсь собирается. Но вмѣсто болѣзней здѣсь другое неудобство: пыль. Она вьется по долинамъ къ верху огромными столбами, коихъ иногда до двадцати вдругъ бѣгутъ по долинѣ, и какъ ураганъ или пыльные тифоны рвутъ и уносятъ все, что ни встрѣтятъ; потомъ, поднявшись къ небу, упадаютъ на долину густымъ облакомъ, скрывающимъ палящее солнце, и покрываютъ въ одно мгновеніе толстымъ слоемъ пыли всѣ предметы въ палаткахъ, проникая въ чемоданы и въ самые даже отдаленные и скрытые изгибы вещей,

---

предоставлено будетъ главное начальство надъ арміей; онъ, вѣроятно, двинется чрезъ Эриванское ханство. Фетхъ-Али-шахъ намѣревается двинуться къ Ардебилю. Главная надежда Персіи на возмущеніе кавказскихъ и закавказскихъ мусульманскихъ племенъ.

въ нихъ лежащихъ. Отъ этихъ пыльныхъ набѣговъ, нѣсколько разъ въ день повторяемыхъ, ничего не скроется: ни одежда, ни бѣлье, ни человѣкъ, ни самая птица, перемѣняющая отъ нихъ свой цвѣтъ и вкусъ.

Наша миссія расположена въ персидскихъ палаткахъ, огромныхъ и богатыхъ. Тутъ же вырыты колодцы, а вмѣсто льду на здѣшній базаръ привозятъ и продаютъ снѣгъ изъ ущелій и овраговъ ближнихъ горъ.

29-го іюня происходилъ торжественный въѣздъ въ Султанію муштехида (т. е. первосвященника) Сеидъ-Магомеда, о коемъ говорилъ я выше. Онъ ѣхалъ верхомъ на мулѣ при радостныхъ и дикихъ восклицаніяхъ народа и войска, сопровождавшаго его до дворца шаха и толпившагося около него до того, что шедшіе впереди и по сторонамъ его феращи отгоняли палками тѣхъ, которые благоговѣйно старались прикоснуться къ нему или его мулу и поцѣловать если не его одежду, то хвостъ его мула, что̀ многимъ и удавалось.

Всѣ эти дни происходили между княземъ Меншиковымъ и персидскими министрами переговоры насчетъ церемоніала пріемной аудіенціи. Шахъ, имѣя уже намѣреніе вторгнуться въ наши предѣлы, не объявивъ войны и, слѣдовательно, не желая принять насъ съ тѣми почестями, каковыя обыкновенно требовали русскія посольства, вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ и нарушить слишкомъ приличій и открыть намъ явно враждебные замыслы свои, тѣмъ болѣе, что еще не совсѣмъ былъ приготовленъ къ войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся упустить подарки, посланные ему государемъ императоромъ. Особенно хрустальная кровать, отправленная водою черезъ Каспійское море прямо въ Тегеранъ, о которой онъ уже слышалъ, сильно волновала его душу и тревожила врожденную въ немъ жадность къ деньгамъ и богатству.

Послѣ словесныхъ преній и обмѣна дипломатическихъ нотъ церемоніалъ былъ почти опредѣленъ, и оставались только пререканія относительно врученія письма императора шаху. Князь Меншиковъ требовалъ, чтобы шахъ принялъ оное собственноручно. Шахъ же хотѣлъ, чтобы оно было взято съ бархатной подушки первымъ министромъ и ему передано. Стороною мы узнали, что шахъ не соглашался взять письмо въ руки потому, что хотѣлъ, чтобы положили оное на коверъ у подножія его престола. Переговоры продолжались долго, и, наконецъ, шахъ приказалъ сказать, что приметъ письмо государя собственноручно. Должно знать хитрость и вѣроломство персіанъ, чтобы понять, почему князь Меншиковъ, не довольствуясь симъ словеснымъ обѣщаніемъ, требовалъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ письменное въ томъ увѣреніе, которое и было дано. Послѣдствіе показало, что даже и этого было недостаточно, ибо и оно было нарушено.

Когда такимъ образомъ насчетъ нашего пріема все было опредѣлено, то аудіенція была назначена 1-го іюля.

Въ этотъ день въ 12 часовъ вся миссія верхомъ отправилась на аудіенцію къ шаху, принимавшему насъ въ палаткѣ сына и наслѣдника Аббасъ-мирзы. Персидскія палатки огромнаго размѣра, подбитыя внутри богатыми шелковыми тканями, весьма высокія, и поднятыя съ одной или съ двухъ сторонъ и поддерживаемыя красивыми столбами, иногда украшенными позолотою и рѣзьбою, весьма роскошны и великолѣпны. Палатка Аббасъ-мирзы была разбита посреди пространнаго двора на каменномъ возвышеніи. Та сторона, которая обращена ко двору, гдѣ былъ разведенъ садикъ, была поднята и совсѣмъ открыта. Весь дворъ былъ обнесенъ каменною стѣною, и въѣздъ состоялъ изъ двухъ башенъ, гдѣ находились комнаты, убранныя коврами въ персидскомъ вкусѣ. Тутъ мы остановились, сошли съ коней и были приглашены въ одну изъ сихъ комнатъ, гдѣ находились персидскіе сановники и придворные. Въ ожиданіи приглашенія идти на аудіенцію, насъ подчивали кальянами и кофеемъ. Здѣсь обыкновенно англичане и прочіе европейцы дѣлаютъ свой туалетъ и, снимая сапоги, одѣваютъ красные чулки, безъ коихъ не могутъ предстать передъ шахское величество. Одни только русскіе не хотѣли подвергаться чулочной комедіи, и чтобы не оскорблять персидскіе обычаи и не марать ковровъ ихъ, надѣваютъ калоши, которыя у входа въ комнаты снимаютъ и оставляютъ у дверей рядомъ съ множествомъ персидскихъ туфель.

Посидя полчаса, церемоніймейстеръ пришелъ именемъ шаха пригласить насъ на аудіенцію. Онъ шелъ впереди, а за нимъ князь Меншиковъ, подлѣ котораго полковникъ Эристовъ несъ на малиновой бархатной подушкѣ съ золотой бахромой письмо императора; позади шли всѣ прочіе члены миссіи по старшинству. Войдя во дворъ, церемоніймейстеръ сдѣлалъ низкій поклонъ и громко прокричалъ, что князь Меншиковъ съ посольствомъ желаетъ быть осчастливленъ воззрѣніемъ великаго Фетхъ-Али-шаха. Мы всѣ поклонились, и это былъ первый поклонъ, изъ обычныхъ трехъ, которые должны были отдать его величеству. Шахъ издали прокричалъ хошъ-гельды (добро пожаловать). Мы пошли опять нѣсколько шаговъ, и на половинѣ дороги до палатки повторились тѣ же воззванія, тѣ же поклоны и тотъ же привѣтъ; и, наконецъ, подойдя къ палаткѣ, та же комедія разыгралась въ третій разъ. Тогда князь Меншиковъ, полковникъ Эристовъ и переводчикъ миссіи Шамиръ-ханъ пошли въ палатку, а мы остановились у террасы передъ открытымъ навѣсомъ ея, такъ что были почти какъ внутри и все видѣли.

Шахъ на высокомъ стулѣ, въ видѣ трона (подарокъ англійскаго короля) сидѣлъ въ концѣ палатки вправо отъ насъ. По правой его сто-

ронѣ стояли въ одинъ рядъ и почтительно сложа руки на ручкѣ кинжала (воткнутаго за поясъ изъ богатой шали) всѣ присутствующіе его сыновья съ Аббасъ-мирзою во главѣ ихъ, какъ наслѣдникомъ престола, хотя онъ былъ и не старшій сынъ шаха. По лѣвую сторону стояли зять шаха Алаяръ-ханъ (первый министръ) и мирза Абдулъ-Гассанъ-ханъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Передъ входомъ въ палатку стояли три внука шаха и между ними Хозревъ-мирза. Недалеко отъ трона стоялъ съ сѣкирою въ рукахъ главный исполнитель казней. Внѣ палатки, на террасѣ, правѣе отъ насъ—церемоніймейстеръ, прокричавшій нашъ входъ, и далѣе сановники и придворные. Шахъ, весьма просто одѣтый въ бѣломъ платьѣ, съ черной бараньей шапкой на головѣ и съ богатымъ кинжаломъ, сидѣлъ на возвышеніи. Черная длинная и лоснящаяся борода его спускалась до пояса. Ноги въ бѣлыхъ чулкахъ (это отличіе, которое позволяютъ себѣ иногда важные персіане, которые обыкновенно носятъ пестрые узорчатые чулки) болтались, не достигая пола, по крайней мѣрѣ, на вершокъ. Это обстоятельство не только не придавало шаху величественнаго вида, но даже дѣлало его меньше, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Князь Меншиковъ произнесъ рѣчь, переведенную тутъ же переводчикомъ миссіи. Послѣ того взялъ онъ съ подушки письмо государя и понесъ его къ шаху, который, сложа руки на шали, коею онъ былъ опоясанъ, не бралъ письма, какъ было обѣщано. Князь, видя это, протянулъ руку съ письмомъ и, коснувшись почти шахской бороды, собирался положить на его колѣни, какъ одинъ изъ министровъ подошелъ и подхватилъ его почти съ шахскаго брюха.

Негодованіе кн. Меншикова отразилось на лицѣ его; онъ обернулся спиною къ шаху и отошелъ на свое прежнее мѣсто. Послѣ нѣкотораго молчанія шахъ началъ разспрашивать князя о государѣ императорѣ, о нравѣ его и сходенъ-ли онъ съ покойнымъ государемъ, который былъ его другомъ. Князь воспользовался симъ случаемъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ дать ему почувствовать, чтобы онъ былъ осторожнѣе въ поступкахъ своихъ противу Россіи, и сказалъ шаху, что государь императоръ хотя и похожъ на покойнаго брата своего, и такъ же, какъ и онъ, умѣетъ цѣнить и сохранять дружбу сосѣдей; но что онъ нрава болѣе гордаго и не позволитъ никому забывать то уваженіе, которое имѣетъ право требовать, какъ повелитель могущественнѣйшей державы свѣта. Этотъ намекъ былъ понятъ и не совсѣмъ понравился шаху. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ просилъ князя представить всѣхъ насъ и каждому сказалъ нѣсколько словъ. Сдѣлавъ опять у палатки, посреди двора, и у воротъ обычные три прощальные поклона, вслѣдъ за церемоніймейстеромъ, мы сѣли на коней и поскакали въ нашъ лагерь, удостовѣренные, что аудіенція не совсѣмъ была дру-

жеская и что, вѣроятно, разрывъ между обоими государствами уже опредѣленъ въ совѣтѣ шаха.

На другой день послѣ нашей аудіенціи кн. Меншикова посѣтилъ зять шаха Алаяръ-ханъ съ двумя младшими сыновьями и каймакамомъ.

4-го іюля праздновался въ Султаніи курбанъ-байрамъ, т. е. праздникъ жертвоприношеній. При пушечной и ружейной пальбѣ принесено было въ жертву 7 верблюдовъ.

Во все время нашего пребыванія въ Султаніи жары были нестерпимыя и часто въ тѣни было отъ 28°—31° R. При томъ пыльные вихри огромными столпами, крутясь и поднимаясь къ небу, какъ будто поддерживая его голубой сводъ, гуляли по долинѣ Султанійской грозными великанами и срывали все, что ни попадалось на ихъ шествіи. Жары были здѣсь еще нестерпимѣе потому, что не имѣлось въ Султаніи льду, который въ городахъ Персіи повсюду продается на базарахъ въ большомъ количествѣ за самую малую цѣну. Здѣсь ледъ былъ замѣняемъ снѣгомъ, привозимымъ изъ ущелій горъ, окружающихъ сію долину. Въ этомъ снѣгѣ находились маленькіе едва примѣтные червячки, которые видны были однако же и простыми глазами. Они уподоблялись совершенно щетинистымъ обрѣзкамъ бороды, которые остаются въ мыльной пѣнѣ, когда послѣ нѣсколькихъ дней, отростивъ ее, брѣешься. Сіи червячки шевелились, пока снѣгъ не таялъ и не превращался въ воду,— тогда же они дѣлались неподвижными и, казалось, умирали, какъ будто бы причиною жизни въ нихъ не была теплота, какъ въ прочихъ животныхъ. Это обстоятельство достойно наблюденій и изслѣдованій натуралистовъ.

Ежедневно передъ самыми нашими палатками обучали почти цѣлый день персидскую регулярную пѣхоту. Всего было собрано въ Султаніи 3 полка, т. е. 6 тысячъ человѣкъ. Но ихъ учили по два раза въ день, чтобы испугать насъ множествомъ войска. По мундирамъ же краснымъ, синимъ и зеленымъ, мы узнавали, что это были все тѣ же три полка, и слышали, какъ несчастные сарбазы проклинали и насъ, для которыхъ мучали ихъ, и англичанъ-учителей, подъ палкою коихъ они должны были поднимать какъ можно выше ноги, обремененныя широкими бѣлыми шароварами, въ коихъ запрятанъ былъ темный простеганный хлопчатою бумагою архалукъ. При этомъ было довольно забавно, какъ, махая въ тактъ правыми руками и выкидывая ихъ то передъ, то позади себя, шагали они, присѣдая и дѣлая шаги слишкомъ въ полтора аршина.

Между тѣмъ назначенъ былъ уже симъ войскамъ походъ, на который шахъ былъ противъ воли преклоненъ сыномъ своимъ Аббасъ-мирзою и Сеидъ-Магомедомъ.

Вообще вся эта война, столь вѣроломно безъ объявленія со сто-

роны Персіи начатая, была не что иное, какъ коварная интрига придворныхъ и вельможъ двора Аббасъ-мирзы противу министровъ Фетхъ-Али-шаха. Въ интригѣ этой главное обстоятельство было то, что для войны можно было выманить у шаха денегъ, что̀ безъ того по скупости его было невозможно.

И такъ полкамъ, находящимся въ Султаніи, назначенъ былъ походъ. Но въ доказательство, какъ войска персидскія были дисциплинированы, можетъ послужить то, что тотъ полкъ, которому назначено было выступить первому, вмѣсто исполненія приказанія отправился ко дворцу шаха и съ шумомъ требовалъ, чтобы ему прежде заплатили жалованье и дали бы еще столько-то и столько-то абазовъ на человѣка, безъ чего они не пойдутъ. Пришлось удовлетворить ихъ требованія, и тогда полкъ выступилъ. Примѣръ этотъ, какъ всегда, имѣлъ свои послѣдствія, и всякій полкъ передъ выступленіемъ дѣлалъ то же и, получивъ требуемое, выступалъ въ безпорядкѣ въ походъ. Такимъ образомъ послѣдній полкъ вышелъ изъ Султаніи 10-го іюля и въ тотъ же день шахъ прислалъ всей русской миссіи халаты, т. е. высочайшіе подарки, состоящіе изъ шалей, а князю Меншикову сверхъ того саблю и, кажется, сѣдло, украшенныя драгоцѣнными камнями. Подаркамъ симъ, которые несли съ церемоніею на большихъ подносахъ на головахъ, въ сопровожденіи придворныхъ чиновниковъ, отдавали повсюду честь, какъ самому шаху.

Между тѣмъ дипломатическія сношенія насчетъ обозначенія границъ (еще тогда не размежеванныхъ) продолжались, и уголъ Шурагельскій (принадлежавшій намъ по Гюлистанскому трактату) былъ персіанами принятъ предлогомъ несогласія и повторялся по сто разъ въ день при всѣхъ переговорахъ. Но сколько для выясненія времени, столько изъ боязни, дабы не лишиться подарковъ, государемъ императоромъ присланныхъ, наружный видъ согласія въ обращеніи съ нами и въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ былъ наблюдаемъ. Какъ однакоже выступленіе въ походъ войскъ и самый отъѣздъ Аббасъ-мирзы для вторженія вооруженною рукою въ границы наши безъ объявленія войны, скрыть уже не было возможности и самъ шахъ 13-го іюля долженъ былъ отправиться въ Ардебиль, чтобы быть ближе къ театру войны то, слѣдуя коварной политикѣ Персіи, самъ даже шахъ имѣлъ безстыдство увѣрять, что миръ между имъ и великимъ нашимъ падишахомъ не нарушается, а что если военныя дѣйствія и откроются, то это ссора между Аббасъ-мирзою и генераломъ Ермоловымъ, въ которую вмѣшиваться ни нашему государю, ни Ѳетхъ-Али-шаху не прилично и которую пусть они между собою рѣшаютъ, какъ хотятъ.

Поэтому выѣздъ нашъ изъ Султаніи назначенъ былъ 12-го іюля, за день до отъѣзда шаха. Назначенному для нашей миссіи мегмендарю

Мирзѣ-Исмаилу, когда онъ откланивался шаху, его величество сказалъ:

— Смотри, я назначаю тебя мегмендаремъ къ русскому посольству, которое весьма желаетъ изъ Персіи убраться благополучно. Этимъ дѣлаю тебѣ большую милость, ибо кн. Меншиковъ не пожалѣетъ денегъ и подарковъ, чтобы освободиться [1]). Надѣюсь, что ты не забудешь своего падишаха и привезешь ему хорошій пешкешъ (т. е. подарокъ).

Подарки и взятки въ Персіи берутъ всѣ, начиная отъ шаха и до послѣдняго фераша; и часто, при опредѣленіи шахомъ сыновей своихъ и сановниковъ губернаторами въ провинціи, онъ назначаетъ того, кто ему за сіе заплатитъ болѣе.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Султаніи разнеслись разные слухи, показавшіе намъ ясно всю опасность нашего положенія въ землѣ варварской, гдѣ, отдаленные отъ нашихъ границъ слишкомъ на 700 верстъ, въ то время когда открывается война вѣроломная, мы безващитны были во власти народа и безъ того хищнаго, фанатическаго и не почитающаго, какъ и правительство его, ни святости договоровъ, ни правъ народныхъ и возбуждаемаго духовенствомъ своимъ къ войнѣ за вѣру и великаго пророка. Слухи, отчасти справедливые, отчасти ложные и съ умысломъ распространяемые, извѣстили насъ, что татаринъ Кочетуръ, посланный кн. Меншиковымъ съ важными бумагами (въ коихъ между прочимъ шифромъ и симпатическими чернилами увѣдомляли пограничныхъ нашихъ начальниковъ о намѣреніи персіанъ внезапно вторгнуться въ Карабагъ), остановленъ, бумаги у него отобраны, и онъ содержится въ г. Ахарѣ, гдѣ и самъ Аббасъ-мирза. Говорили о возмущеніи въ ханствѣ Талышинскомъ, откуда ханъ будто-бы бѣжалъ, о возмущеніи въ Карабагѣ и о скоромъ открытіи военныхъ дѣйствій.

Въ назначенный день въ 5 ч. утра выѣхали мы верхами изъ Султаніи. Это первое европейское посольство, которое выѣзжало послѣ представленія шаху, безъ персидскихъ орденовъ Льва и Солнца. Въ самый полдень прибыли мы въ городъ Зенганъ и расположились лагеремъ въ загородномъ саду. Проѣзжая черезъ городъ посреди собравшагося на базарѣ народа, мы могли замѣтить, что приготовленія къ войнѣ, а болѣе еще дѣятельность духовенства, проповѣдующаго въ мечетяхъ противу русскихъ и возбуждающаго религіозный фанатизмъ черни, произвело уже нѣкоторое волненіе. Боясь прикасаться къ намъ лично, потому что мы были окружены слугами въ азіатскихъ костю-

---

[1]) Персіане знали, что по случаю неуспѣшнаго окончанія переговоровъ значительное число подарковъ, привезенныхъ и присланныхъ впослѣдствіи изъ Петербурга черезъ фельдъегеря, были не розданы и оставались у насъ.

махъ, отчасти татарами, грузинами и даже персіанами, и имѣли съ собою мегмендаремъ шахскаго чиновника, — простой народъ только ругалъ насъ въ полголоса и угрожалъ обѣщаніемъ скораго истребленія. Европейскіе же слуги наши, ѣхавшіе нѣсколько сзади, были не только ругаемы громко, но подвергались иногда и насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и толчкамъ, которыми ихъ подчивали мимоходомъ. Вблизи нашего лагеря расположенъ былъ паркъ персидской артиллеріи, состоящій изъ 12-ти восьми-фунтовыхъ орудій.

На другой день мы расположились лагеремъ въ Арманъ-Ханэ. Палатки наши съ прислугой на лошадяхъ и мулахъ опережали насъ всегда и приходили на мѣста ночлеговъ нѣсколько прежде насъ или почти съ нами. Прочіе же вьюки на верблюдахъ, ослахъ и лошадяхъ шли весьма медленно и приходили иногда ночью, потому что верблюды не идутъ въ жаръ, ложатся и не встаютъ съ мѣста до заката солнца.

14-го іюля имѣли ночлегъ въ Ахъ-Кентѣ (бѣлая деревня), гдѣ ночью встревожены были шумомъ ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ, которые были сдѣланы по шайкѣ разбойниковъ, напавшихъ вблизи нашего лагеря на вьюки съ кухнею шаха, посланною впередъ по дорогѣ къ Ардебилю. Несмотря на помощь нашихъ ферашей, разбойникамъ удалось отбить четыре катера съ провизіей, которую въ горахъ вѣроятно съѣли во здравіе длинной бороды его шахскаго величества.

На другое утро передъ самымъ разсвѣтомъ разбойники и у насъ попытались сдѣлать то же и успѣли отогнать одного катера съ частью казеннаго серебрянаго сервиза, взятаго кн. Меншиковымъ изъ Тифлиса, гдѣ оный находился отъ временъ императрицы Екатерины II для употребленія при торжественныхъ пиршествахъ главнокомандующаго въ Грузіи. Но наши слуги схватились живо и, отыскавъ катера, поймали и воровъ. Мегмендарь въ наказаніе хотѣлъ, по праву, ему предоставленному, приказать тотчасъ при насъ же отрѣзать виновнымъ уши; но по нашей просьбѣ замѣнилъ наказаніе палочными ударами по пятамъ, что̀ и было выполнено уже по прибытіи на мѣсто, гдѣ отсчитано нѣсколько сотенъ ударовъ тѣмъ, которые во время экзекуціи не могли откупиться деньгами, какъ сіе обыкновенно дѣлается.

Дорогою обгоняли мы нѣкоторые баталіоны персидской пѣхоты, шедшіе на войну въ большомъ безпорядкѣ. Это не войско, а кочующая орда. Изъ числа 800 и даже менѣе того солдатъ около 300 человѣкъ находится при 500 вьючныхъ лошадяхъ, ослахъ и мулахъ, на которыхъ везутся солдатскія палатки.

Мы расположились лагеремъ близъ г. Міане; эти дни жары были чрезвычайные, но здѣсь сдѣлались нестерпимѣе по случаю несноснаго удушливаго вѣтра. Останавливаясь иногда вдали городовъ и мѣстечекъ, мы были лишены возможности доставать ледъ или снѣгъ, и тамъ, гдѣ не

*

находили ключевой воды, мы должны были довольствоваться отвратительною водой соляныхъ лужъ.

Отъ Міане до Тавриза наше путешествіе продолжалось пять дней во время неимовѣрныхъ жаровъ. Мы останавливались всегда лагеремъ, избирая мѣста, гдѣ была вода, и стараясь отыскивать тѣнь. На всемъ пути отъ Султаніи до Тавриза, проходя черезъ города и деревни, мы часто видѣли, какъ въ мечетяхъ муллы читали проповѣди, возбуждающія народъ противу русскихъ. Тогда мы обыкновенно проходили быстро и не останавливаясь черезъ городъ и селеніе, чтобы не причинять волненія въ народѣ, готовомъ растерзать насъ изъ фанатизма.

Проповѣди въ мечетяхъ говорились вслѣдствіе шахскаго указа, даннаго главнымъ особамъ духовнаго званія.

19-го іюля въѣхали мы въ Тавризъ, гдѣ были встрѣчены Мирзою-Таги, однимъ изъ министровъ Аббасъ-мирзы. Мы нашли домъ русской миссіи окруженнымъ со всѣхъ сторонъ часовыми, и два чиновника прежней миссіи, тамъ оставшіеся, содержались уже съ нѣкотораго времени подъ строгимъ карауломъ. Тутъ узнали мы, что дѣйствительно посланный кн. Меншиковымъ изъ Султаніи послѣдній курьеръ былъ задержанъ въ Ахарѣ; у другаго курьера, посланнаго къ намъ изъ Тифлиса, отобраны здѣсь бумаги, возвращенныя намъ впослѣдствіи частію распечатанными.

Въ Тавризѣ оставались мы девять дней, пока производилась переписка съ министрами шаха и съ Аббасъ-мирзою о свободномъ нашемъ возвращеніи въ Россію. Въ продолженіе сего времени мы въ посольскомъ нашемъ домѣ содержались полуплѣнными. У всѣхъ выходовъ поставлены были часовые, подъ предлогомъ будто-бы охранять насъ отъ обидъ черни, воспламененной проповѣдями въ мечетяхъ. Хотя выходъ изъ дому и не возбранялся, но всегда при этомъ случаѣ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи персидскій сарбазъ, чтó заставило насъ прекратить наши прогулки и оставаться въ заключеніи. Военныя дѣйствія на границахъ не только что уже начались, но ежедневно раздавался въ Тавризѣ громъ пушекъ по случаю полученнаго будто-бы извѣстія мнимой побѣды и ложнаго взятія нашихъ крѣпостей.

Всѣ таковыя извѣстія о побѣдахъ, по полученіи коихъ народъ при пушечной пальбѣ собирался въ мечетяхъ, распространялись сколько для воспламененія народа, столько и для того, чтобы пугать насъ. Желая въ семъ послѣднемъ успѣть, дабы тѣмъ выманить у князя Меншикова подарки, большею частію не розданные, распространяли по городу и доводили до нашего свѣдѣнія разные слухи, до насъ касающіеся, какъ-то: что мы будемъ заключены въ крѣпость, что приказано насъ отравить или задушить, что народъ требуетъ, чтобы мы ему были выданы и что поэтому въ такую-то или такую-то ночь рѣшено пре-

дать насъ убіенію, дабы удовлетворить народному требованію, и тому подобное. Сколько слухи сіи и не были несправедливы, но, распространяемые людьми важнаго званія и посреди народа, не знающаго, какъ и правительство его, ни народныхъ правъ, ни святости союзовъ, ни правилъ человѣчества, они вовсе не могли казаться невѣроятными.

Между тѣмъ, послѣ многихъ переписокъ и совѣщаній, мы получили позволеніе оставить Тавризъ, гдѣ предполагали уже оставаться военно-плѣнными, тѣмъ болѣе, что правительство Персіи желало имѣть насъ въ родѣ аманатовъ, полагая, что для освобожденія насъ русское правительство согласится на уступки въ случаѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій со стороны персіанъ.

Когда уже назначенъ былъ день нашего выѣзда изъ Тавриза, то не можно себѣ представить всѣхъ хитростей, къ которымъ прибѣгали даже сановники, чтобы выманить сколько можно болѣе подарковъ и денегъ отъ князя Меншикова. Такъ, напримѣръ, министръ Мирза-Таги, имѣя собственныхъ верблюдовъ и лошаковъ, приказалъ объявить всѣмъ жителямъ и купцамъ тавризскимъ, чтобы отнюдь никто не смѣлъ подъ строгимъ наказаніемъ продавать русскимъ ни лошадей, ниословъ, ни лошаковъ, ни верблюдовъ.

А какъ подъ наше покровительство, для возвращенія въ Тифлисъ, къ намъ присоединялось много русскихъ и грузинскихъ купцовъ, такъ что нужно было значительное число этихъ животныхъ для вьюковъ, то онъ самъ воспользовался симъ случаемъ, предложивъ всѣхъ своихъ верблюдовъ и лошаковъ до Эривани, разумѣется, за весьма дорогую цѣну, въ которой ему отказать не было возможности, потому что для перевозки вьюковъ другаго средства не оставалось.

Мы оставили Тавризъ 28-го іюля по полудни часа въ четыре, располагая ѣхать по вечерамъ по случаю нестерпимыхъ жаровъ. Это было время самаго рамазана (магометанскаго великаго поста), нѣсколько недѣль продолжавшагося. Дорогою встрѣтили мы отрядъ персидскихъ сарбазовъ, провожавшій нѣсколько плѣнныхъ русскихъ солдатъ, а также женщинъ и дѣтей, захваченныхъ персіанами на границѣ, въ селеніи Маломъ Караклиссѣ. Тутъ же на лошадяхъ везлось въ кожаныхъ мѣшкахъ нѣсколько русскихъ головъ, отрѣзанныхъ отъ убитыхъ.

Поздно вечеромъ расположились мы для ночлега около развалинъ караванъ-сарая на голой степи. Вьюки наши съ палатками и походными кроватями не прибыли, и потому всякій изъ насъ постлалъ на землю, что имѣлъ, бурку или плащъ, попону или коверъ, и легъ спокойно головой на одинъ изъ камней, которые во множествѣ были разбросаны по долинѣ.

30-го іюля подъ вечеръ мы расположились для ночлега въ двухъ или трехъ верстахъ за Марандомъ. Проѣзжая черезъ городъ, мы встрѣ-

тили неистовыя толпы черни, въ безпорядкѣ и въ ужасномъ видѣ бѣгущія. Одежды, едва накинутыя, изобличали какое-то буйство, которое выражалось еще болѣе свирѣпымъ видомъ, окровавленной грудью нѣкоторыхъ, поднятыми вверхъ обнаженными кинжалами, коими они иногда себѣ и другъ другу рѣзали тѣла такъ, что изъ ранъ струилась кровь, и дикими воплями и криками: «Гуссейнъ! Гассанъ!» Мы узнали, что это слѣдствіе религіознаго фанатизма, по случаю поста, который и учрежденъ въ память убійства Гуссейна и Гассана, коихъ почитаютъ святыми. Фанатизмъ сей, какъ говорили намъ, доходитъ до невѣроятности, ибо въ продолженіе слишкомъ недѣли, кромѣ ранъ, самимъ себѣ нанесенныхъ, народъ шатается день и ночь въ неистовствѣ, раздѣляется на двѣ партіи, изъ коихъ одна при воплѣ и крикахъ: «Гуссейнъ!» нападаетъ на другую, которая реветъ: «Гассанъ!» и при семъ случаѣ, нанося другъ другу удары, иногда доходятъ до смертоубійства. Если при семъ случаѣ можно оскорбить или убить даже христіанина, то сіе почитается дѣломъ угоднымъ Аллаху и его великому пророку Магомету. Мы старались разъѣхаться съ толпою и расположились за городомъ и не разводили даже огней, чтобы не привлечь вниманія черни и не подвергнуться ея неистовству. Глухой гулъ, ревъ и ужасные крики слышны были всю ночь, и мы на разсвѣтѣ, когда многіе изъ фанатиковъ, въ изнеможеніи упавъ на улицахъ, предались сну, отправились далѣе.

1-го августа въ Гергерѣ на Араксѣ имѣли ночлегъ, и здѣсь персіане объявили намъ о взятіи будто бы крѣпости Шуши. Впослѣдствіи узнали, что это ложное извѣстіе было распространено съ умысломъ. На другой день, т. е. 2-го августа, переправлялись мы черезъ Араксъ. Какъ на переправѣ находился только одинъ паромъ, то, уступивъ его женщинамъ, возвращавшимся съ нами изъ Тавриза, всѣ прочіе переправлялись въ бродъ и вплавь верхами. Картина переправы была самая живописная. Насъ было всего человѣкъ 80, въ разныхъ нарядахъ и разныхъ націй. Быстрыя волны Аракса въ двухъ мѣстахъ запестрѣли вдругъ всадниками, углубившимися по поясъ въ мутныхъ его струяхъ, которыя быстро уносили красивыхъ азіатскихъ коней нашихъ, храпѣвшихъ, фыркавшихъ и живо выскакивавшихъ на противуположный берегъ.

Черезъ два дня послѣ живописной переправы сей, прибыли мы въ Эривань и расположились лагеремъ въ прекрасномъ загородномъ саду сердаря, гдѣ онъ обыкновенно имѣетъ свое лѣтнее пребываніе въ бесѣдкѣ, выстроенной во вкусѣ совершенно восточномъ и гдѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, я былъ имъ принятъ.

Сердаря самого не было въ Эривани, потому что въ это время года, какъ онъ самъ, такъ и прочіе жители, исключая бѣдныхъ и простаго народа, оставляютъ городъ по случаю господствующихъ здѣсь желчныхъ

горячекъ. Кажется, насъ персіане обрекли смерти и для этого задерживаютъ здѣсь въ надеждѣ, что и мы подвергнемся дѣйствію климата, и имъ легко будетъ овладѣть тогда драгоцѣнными вещами и подарками, которые находятся при миссіи. Около лагеря нашего поставлена цѣпь часовыхъ, и хотя намъ не говорятъ, что мы въ плѣну, но мы сами о томъ догадываемся.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего въ Эривань, получено было письмо отъ сердаря, съ объявленіемъ, что по случаю военныхъ дѣйствій не можно россійской миссіи дозволить ѣхать въ Тифлисъ прямымъ путемъ черезъ Кара-Килиссу, но намъ предлагаютъ ѣхать налегкѣ, оставя всѣ вьюки въ Эривани, черезъ Карсъ или черезъ Делижанское ущелье. Этимъ предложеніемъ персіане выказали все свое вѣроломство, потому что должно замѣтить, что тогдашній паша карскій почти явно не повиновался турецкому правительству и былъ извѣстенъ въ тайномъ участіи въ производимыхъ въ его пашалыкѣ частыхъ грабежахъ. Делижанское же ущелье, трудно проходимое и служившее тогда убѣжищемъ бунтовавшимъ казахцамъ, было предложено персіанами потому, что огромные вьюки наши въ этомъ случаѣ намъ нужно было оставить за собою. Какъ намъ не оставалось однакоже ничего дѣлать, то мы рѣшились ѣхать и потому и начали покупать вьючныхъ лошадей для уменьшеннаго числа вьюковъ и предполагаемъ бросить изъ вещей то, что почитаемъ не столько нужнымъ.

Между тѣмъ, для довершенія вѣроломства, намъ объявили, что насъ персіане будутъ сопровождать до нашихъ границъ, а отнюдь не далѣе, и что болѣе мы и требовать не можемъ. Въ это же время персіане перешедъ, безъ объявленія войны, границы наши, были расположены впереди оныхъ отъ 40 и до 100 верстъ, такъ что, проводя насъ до границъ, оставили бы насъ безъ прикрытія и защиты во власти своихъ войскъ, имѣвшихъ намѣреніе напасть на насъ и истребить, или взять въ плѣнъ и поступать тогда уже какъ съ военно-плѣнными.

Во время приготовленія нашего къ отъѣзду черезъ армянъ и монаховъ узнали мы тайнымъ образомъ, что въ Делижанскомъ ущельи, черезъ которое должны мы проѣзжать, въ трехъ мѣстахъ собраны до 200 и 300 вооруженныхъ татаръ для нападенія на насъ. Князь Меншиковъ, по этому обстоятельству отложивъ отъѣздъ нашъ, написалъ шаху и Аббасъ-мирзѣ, прося, чтобы приказано было проводить насъ не до границъ, но до нашихъ аванпостовъ. Въ ожиданіи шахскаго отвѣта, оставались мы во власти персіанъ. Отъ сердаря былъ къ намъ назначенъ мегмендарь, который вмѣстѣ съ мирзою Исмаиломъ, сопровождавшимъ насъ отъ Султаніи, безпрестанно подъ разными предлогами выпрашивалъ у князя Меншикова и у насъ всѣхъ подарки. Вечеромъ, когда лагерь нашей миссіи оживлялся бивачными огнями, которые жи-

вописно освѣщали группы людей въ полуевропейскихъ и полуазіатскихъ нарядахъ,—раздавались русскія пѣсни, хотя намъ было и не до нихъ.

Четыре дня прошло безъ отвѣта отъ шаха и Аббасъ-мирзы, находившихся въ недальнемъ отъ насъ разстояніи. Тогда, потерявъ терпѣніе, князь Меншиковъ рѣшился отправиться черезъ ущелье и въ случаѣ нападенія открыть себѣ путь вооруженною рукою, тѣмъ болѣе, что нашъ караванъ состоялъ изъ 80 и болѣе человѣкъ. 8-го числа августа принято было сіе рѣшеніе, и въ лагерѣ нашемъ всѣ начали готовиться къ отъѣзду, назначенному на другой же день. Но судьбою не былъ еще назначенъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ, и на другое утро, когда часть нашего имущества была навьючена на лошадяхъ и мулахъ, кони наши ожидали сѣдоковъ и мы готовились проститься съ Араратомъ, долговременнымъ товарищемъ нашимъ, прискакалъ отъ шаха курьеръ-татаринъ съ повелѣніемъ остановить насъ впредь до приказанія потому, какъ сказано было въ указѣ, что на одну будто бы иоту князя Меншикова не успѣли написать отвѣта. Тогда мы уже совершенно могли себя почитать военно-плѣнными, которыхъ персидское правительство, вопреки всѣхъ правъ народныхъ, желало задержать въ видѣ аманатовъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что насъ приказано посадить въ крѣпость. Можно представить себѣ смущеніе, которое произвело сіе извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ. Князь Меншиковъ приказалъ сжечь секретныя и другія бумаги. Я при этомъ случаѣ также сжегъ нѣкоторыя бумаги, имѣвшія для меня особенную цѣну и заключавшія нѣкоторые любопытные факты, собранные мною въ Персіи.

Утромъ 10-го августа раздался звукъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Эриванской крѣпости. Эта пальба производилась по случаю взятія персіанами Кара-Килиссы. Впослѣдствіи мы узнали, что это селеніе, гдѣ былъ тогда полковой штабъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, оставлено по приказанію начальства и сожжено. Черезъ часъ сдѣлано опять съ крѣпостныхъ стѣнъ 24 выстрѣла по случаю взятія Шуши. Извѣстіе это было ложное, вымышленное сколько для возбужденія духа персіанъ, столько и для устрашенія насъ. На другой день пальба съ крѣпости извѣстила о взятіи персіанами Ленкорана.

Между тѣмъ жары днемъ, а вечеромъ и ночью холодный вѣтеръ и дождь способствовали къ развитію еще болѣе вреднаго климатическаго вліянія и болѣзни, коей подвергаются здѣсь даже всегдашніе жители въ это время года. Желтая горячка быстро развилась въ лагерѣ нашемъ, я и молодой офицеръ, жившій въ одной палаткѣ со мною, заболѣли ею. Безпамятство наше по временамъ облегчало страданія, которыя казались намъ въ минуты облегченія ничтожными противу

скорби души умереть далеко отъ своихъ. Всѣ средства медицинскія были истощены надъ нами. Кровопусканіе и искусство бывшаго при насъ доктора, хотя разъ и облегчили наше состояніе, но сильная стужа и вѣтеръ, отъ которыхъ не могла насъ защитить наша палатка, въ одну ночь уничтожили надежду врача и попеченія, которыя намъ оказывали товарищи бѣдствій нашихъ, и мы снова были брошены на край могилы. Тогда уже всѣ старанія и искусство людей казались тщетными; должно было ожидать чуда, и оно надъ нами обоими совершилось.

Англійскими врачами въ Индіи, для излѣченія болѣзни сей, употребляется мышьякъ, и удается иногда спасать этимъ средствомъ. Но эти примѣры весьма, весьма рѣдки, и средство это самое отчаянное. Докторъ нашъ, испрося на то позволенія князя Меншикова и получивъ его, рѣшился испытать сіе средство надъ нами.

Кое-какъ удалось устроить намъ палатку потеплѣе, куда и перенесли насъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили насъ на 14-й день нашей болѣзни перенести по близости въ бесѣдку сердаря. Здѣсь, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ бесѣдовалъ я, здоровый и полный надеждъ, съ властелиномъ эриванскимъ, принимавшимъ меня со всею утонченностію восточной роскоши, здѣсь теперь лежалъ я на одрѣ смертномъ, въ плѣну и отторгнутый отъ всего, что̀ дорого моему сердцу. 25-го августа надежда на выздоровленіе блеснула въ душахъ нашихъ, и, благодаря искусству и попеченію нашего доктора, мы начали поправляться. Но слабость наша была такъ велика, что я нѣсколько разъ въ день падалъ въ обморокъ. Желаніе жизни во все время не покидало меня.

26-го августа было получено повелѣніе отъ Аббасъ-мирзы, чтобы насъ немедленно отпустить и препроводить до границъ нашихъ. Хотя князь Меншиковъ и полагалъ больныхъ всѣхъ оставить въ Эривани, поручивъ англійскому посольству, но по убѣдительной нашей просьбѣ и по уваженію доктора, что мы дорогою поправимся и что радость освобожденія подѣйствуетъ на насъ цѣлительнѣе самаго лѣкарства, князь согласился взять насъ съ собою, и 27-го августа все посольство, увеличенное множествомъ купцовъ и другихъ подданныхъ русскихъ, въ сопровожденіи многочисленной персидской свиты, отправилось изъ Эривани послѣ 23-хъдневнаго пребыванія въ ней или, лучше сказать, плѣна.

Не могу не описать здѣсь тахтаравана, въ коемъ повезли меня и больнаго товарища моего. Экипажъ этотъ, который въ Персіи употребляютъ только женщины, и то важныя, не что иное, какъ двѣ большія деревянныя, продолговатыя клѣтки, коихъ сплошное дно и крыша соединены деревянною рѣшеткою съ дверцами. Двѣ клѣтки эти прикрѣ-

вописно освѣщали группы людей въ полуевропейскихъ и полуазіатскихъ нарядахъ,—раздавались русскія пѣсни, хотя намъ было и не до нихъ.

Четыре дня прошло безъ отвѣта отъ шаха и Аббасъ-мирзы, находившихся въ недальнемъ отъ насъ разстояніи. Тогда, потерявъ терпѣніе, князь Меншиковъ рѣшился отправиться черезъ ущелье и въ случаѣ нападенія открыть себѣ путь вооруженною рукою, тѣмъ болѣе, что нашъ караванъ состоялъ изъ 80 и болѣе человѣкъ. 8-го числа августа принято было сіе рѣшеніе, и въ лагерѣ нашемъ всѣ начали готовиться къ отъѣзду, назначенному на другой же день. Но судьбою не былъ еще назначенъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ, и на другое утро, когда часть нашего имущества была навьючена на лошадяхъ и мулахъ, кони наши ожидали сѣдоковъ и мы готовились проститься съ Араратомъ, долговременнымъ товарищемъ нашимъ, прискакалъ отъ шаха курьеръ-татаринъ съ повелѣніемъ остановить насъ впредь до приказанія потому, какъ сказано было въ указѣ, что на одну будто бы ноту князя Меншикова не успѣли написать отвѣта. Тогда мы уже совершенно могли себя почитать военно-плѣнными, которыхъ персидское правительство, вопреки всѣхъ правъ народныхъ, желало задержать въ видѣ аманатовъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что насъ приказано посадить въ крѣпость. Можно представить себѣ смущеніе, которое произвело сіе извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ. Князь Меншиковъ приказалъ сжечь секретныя и другія бумаги. Я при этомъ случаѣ также сжегъ нѣкоторыя бумаги, имѣвшія для меня особенную цѣну и заключавшія нѣкоторые любопытные факты, собранные мною въ Персіи.

Утромъ 10-го августа раздался звукъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Эриванской крѣпости. Эта пальба производилась по случаю взятія персіанами Кара-Килиссы. Впослѣдствіи мы узнали, что это селеніе, гдѣ былъ тогда полковой штабъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, оставлено по приказанію начальства и сожжено. Черезъ часъ сдѣлано опять съ крѣпостныхъ стѣнъ 24 выстрѣла по случаю взятія Шуши. Извѣстіе это было ложное, вымышленное сколько для возбужденія духа персіанъ, столько и для устрашенія насъ. На другой день пальба съ крѣпости извѣстила о взятіи персіанами Ленкорана.

Между тѣмъ жары днемъ, а вечеромъ и ночью холодный вѣтеръ и дождь способствовали къ развитію еще болѣе вреднаго климатическаго вліянія и болѣзни, коей подвергаются здѣсь даже всегдашніе жители въ это время года. Желтая горячка быстро развилась въ лагерѣ нашемъ, я и молодой офицеръ, жившій въ одной палаткѣ со мною, заболѣли ею. Безпамятство наше по временамъ облегчало страданія, которыя казались намъ въ минуты облегченія ничтожными противу

скорби души умереть далеко отъ своихъ. Всѣ средства медицинскія были истощены надъ нами. Кровопусканіе и искусство бывшаго при насъ доктора, хотя разъ и облегчили наше состояніе, но сильная стужа и вѣтеръ, отъ которыхъ не могла насъ защитить наша палатка, въ одну ночь уничтожили надежду врача и попеченія, которыя намъ оказывали товарищи бѣдствій нашихъ, и мы снова были брошены на край могилы. Тогда уже всѣ старанія и искусство людей казались тщетными; должно было ожидать чуда, и оно надъ нами обоими совершилось.

Англійскими врачами въ Индіи, для излѣченія болѣзни сей, употребляется мышьякъ, и удается иногда спасать этимъ средствомъ. Но эти примѣры весьма, весьма рѣдки, и средство это самое отчаянное. Докторъ нашъ, испрося на то позволенія князя Меншикова и получивъ его, рѣшился испытать сіе средство надъ нами.

Кое-какъ удалось устроить намъ палатку потеплѣе, куда и перенесли насъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили насъ на 14-й день нашей болѣзни перенести по близости въ беседку сердаря. Здѣсь, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ беседовалъ я, здоровый и полный надеждъ, съ властелиномъ эриванскимъ, принимавшимъ меня со всею утонченностію восточной роскоши, здѣсь теперь лежалъ я на одрѣ смертномъ, въ плѣну и отторгнутый отъ всего, что̀ дорого моему сердцу. 25-го августа надежда на выздоровленіе блеснула въ душахъ нашихъ, и, благодаря искусству и попеченію нашего доктора, мы начали поправляться. Но слабость наша была такъ велика, что я нѣсколько разъ въ день падалъ въ обморокъ. Желаніе жизни во все время не покидало меня.

26-го августа было получено повелѣніе отъ Аббасъ-мирзы, чтобы насъ немедленно отпустить и препроводить до границъ нашихъ. Хотя князь Меншиковъ и полагалъ больныхъ всѣхъ оставить въ Эривани, поручивъ англійскому посольству, но по убѣдительной нашей просьбѣ и по уваженію доктора, что мы дорогою поправимся и что радость освобожденія подѣйствуетъ на насъ цѣлительнѣе самаго лѣкарства, князь согласился взять насъ съ собою, и 27-го августа все посольство, увеличенное множествомъ купцовъ и другихъ подданныхъ русскихъ, въ сопровожденіи многочисленной персидской свиты, отправилось изъ Эривани послѣ 23-хъдневнаго пребыванія въ ней или, лучше сказать, плѣна,

Не могу не описать здѣсь тахтаравана, въ коемъ повезли меня и больнаго товарища моего. Экипажъ этотъ, который въ Персіи употребляютъ только женщины, и то важныя, не что иное, какъ двѣ большія деревянныя, продолговатыя клѣтки, коихъ сплошное дно и крыша соединены деревянною рѣшеткою съ дверцами. Двѣ клѣтки эти прикрѣ-

вописно освѣщали группы людей въ полуевропейскихъ и полуазіатскихъ нарядахъ,—раздавались русскія пѣсни, хотя намъ было и не до нихъ.

Четыре дня прошло безъ отвѣта отъ шаха и Аббасъ-мирзы, находившихся въ недальнемъ отъ насъ разстояніи. Тогда, потерявъ терпѣніе, князь Меншиковъ рѣшился отправиться черезъ ущелье и въ случаѣ нападенія открыть себѣ путь вооруженною рукою, тѣмъ болѣе, что нашъ караванъ состоялъ изъ 80 и болѣе человѣкъ. 8-го числа августа принято было сіе рѣшеніе, и въ лагерѣ нашемъ всѣ начали готовиться къ отъѣзду, назначенному на другой же день. Но судьбою не былъ еще назначенъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ, и на другое утро, когда часть нашего имущества была навьючена на лошадяхъ и мулахъ, кони наши ожидали сѣдоковъ и мы готовились проститься съ Араратомъ, долговременнымъ товарищемъ нашимъ, прискакалъ отъ шаха курьеръ-татаринъ съ повелѣніемъ остановить насъ впредь до приказанія потому, какъ сказано было въ указѣ, что на одну будто бы ноту князя Меншикова не успѣли написать отвѣта. Тогда мы уже совершенно могли себя почитать военно-плѣнными, которыхъ персидское правительство, вопреки всѣхъ правъ народныхъ, желало задержать въ видѣ аманатовъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что насъ приказано посадить въ крѣпость. Можно представить себѣ смущеніе, которое произвело сіе извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ. Князь Меншиковъ приказалъ сжечь секретныя и другія бумаги. Я при этомъ случаѣ также сжегъ нѣкоторыя бумаги, имѣвшія для меня особенную цѣну и заключавшія нѣкоторые любопытные факты, собранные мною въ Персіи.

Утромъ 10-го августа раздался звукъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Эриванской крѣпости. Эта пальба производилась по случаю взятія персіанами Кара-Килиссы. Впослѣдствіи мы узнали, что это селеніе, гдѣ былъ тогда полковой штабъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, оставлено по приказанію начальства и сожжено. Черезъ часъ сдѣлано опять съ крѣпостныхъ стѣнъ 24 выстрѣла по случаю взятія Шуши. Извѣстіе это было ложное, вымышленное сколько для возбужденія духа персіанъ, столько и для устрашенія насъ. На другой день пальба съ крѣпости извѣстила о взятіи персіанами Ленкорана.

Между тѣмъ жары днемъ, а вечеромъ и ночью холодный вѣтеръ и дождь способствовали къ развитію еще болѣе вреднаго климатическаго вліянія и болѣзни, коей подвергаются здѣсь даже всегдашніе жители въ это время года. Желтая горячка быстро развилась въ лагерѣ нашемъ, я и молодой офицеръ, жившій въ одной палаткѣ со мною, заболѣли ею. Безпамятство наше по временамъ облегчало страданія, которыя казались намъ въ минуты облегченія ничтожными противу

скорби души умереть далеко отъ своихъ. Всѣ средства медицинскія были истощены надъ нами. Кровопусканіе и искусство бывшаго при насъ доктора, хотя разъ и облегчили наше состояніе, но сильная стужа и вѣтеръ, отъ которыхъ не могла насъ защитить наша палатка, въ одну ночь уничтожили надежду врача и попеченія, которыя намъ оказывали товарищи бѣдствій нашихъ, и мы снова были брошены на край могилы. Тогда уже всѣ старанія и искусство людей казались тщетными; должно было ожидать чуда, и оно надъ нами обоими совершилось.

Англійскими врачами въ Индіи, для излѣченія болѣзни сей, употребляется мышьякъ, и удается иногда спасать этимъ средствомъ. Но эти примѣры весьма, весьма рѣдки, и средство это самое отчаянное. Докторъ нашъ, испрося на то позволенія князя Меншикова и получивъ его, рѣшился испытать сіе средство надъ нами.

Кое-какъ удалось устроить намъ палатку потеплѣе, куда и перенесли насъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили насъ на 14-й день нашей болѣзни перенести по близости въ бесѣдку сердаря. Здѣсь, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ бесѣдовалъ я, здоровый и полный надеждъ, съ властелиномъ эриванскимъ, принимавшимъ меня со всею утонченностію восточной роскоши, здѣсь теперь лежалъ я на одрѣ смертномъ, въ плѣну и отторгнутый отъ всего, что̀ дорого моему сердцу. 25-го августа надежда на выздоровленіе блеснула въ душахъ нашихъ, и, благодаря искусству и попеченію нашего доктора, мы начали поправляться. Но слабость наша была такъ велика, что я нѣсколько разъ въ день падалъ въ обморокъ. Желаніе жизни во все время не покидало меня.

26-го августа было получено повелѣніе отъ Аббасъ-мирзы, чтобы насъ немедленно отпустить и препроводить до границъ нашихъ. Хотя князь Меншиковъ и полагалъ больныхъ всѣхъ оставить въ Эривани, поручивъ англійскому посольству, но по убѣдительной нашей просьбѣ и по уваженію доктора, что мы дорогою поправимся и что радость освобожденія подѣйствуетъ на насъ цѣлительнѣе самаго лѣкарства, князь согласился взять насъ съ собою, и 27-го августа все посольство, увеличенное множествомъ купцовъ и другихъ подданныхъ русскихъ, въ сопровожденіи многочисленной персидской свиты, отправилось изъ Эривани послѣ 23-хъдневнаго пребыванія въ ней или, лучше сказать, плѣна,

Не могу не описать здѣсь тахтаравана, въ коемъ повезли меня и больнаго товарища моего. Экипажъ этотъ, который въ Персіи употребляютъ только женщины, и то важныя, не что иное, какъ двѣ большія деревянныя, продолговатыя клѣтки, коихъ сплошное дно и крыша соединены деревянною рѣшеткою съ дверцами. Двѣ клѣтки эти прикрѣ-

вопнсно освѣщали группы людей въ полуевропейскихъ и полуазіатскихъ нарядахъ,—раздавались русскія пѣсни, хотя намъ было и не до нихъ.

Четыре дня прошло безъ отвѣта отъ шаха и Аббасъ-мирзы, находившихся въ недальнемъ отъ насъ разстояніи. Тогда, потерявъ терпѣніе, князь Меншиковъ рѣшился отправиться черезъ ущелье и въ случаѣ нападенія открыть себѣ путь вооруженною рукою, тѣмъ болѣе, что нашъ караванъ состоялъ изъ 80 и болѣе человѣкъ. 8-го числа августа принято было сіе рѣшеніе, и въ лагерѣ нашемъ всѣ начали готовиться къ отъѣзду, назначенному на другой же день. Но судьбою не былъ еще назначенъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ, и на другое утро, когда часть нашего имущества была навьючена на лошадяхъ и мулахъ, кони наши ожидали сѣдоковъ и мы готовились проститься съ Араратомъ, долговременнымъ товарищемъ нашимъ, прискакалъ отъ шаха курьеръ-татаринъ съ повелѣніемъ остановить насъ впредь до приказанія потому, какъ сказано было въ указѣ, что на одну будто бы ноту князя Меншикова не успѣли написать отвѣта. Тогда мы уже совершенно могли себя почитать военно-плѣнными, которыхъ персидское правительство, вопреки всѣхъ правъ народныхъ, желало задержать въ видѣ аманатовъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что насъ приказано посадить въ крѣпость. Можно представить себѣ смущеніе, которое произвело сіе извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ. Князь Меншиковъ приказалъ сжечь секретныя и другія бумаги. Я при этомъ случаѣ также сжегъ нѣкоторыя бумаги, имѣвшія для меня особенную цѣну и заключавшія нѣкоторые любопытные факты, собранные мною въ Персіи.

Утромъ 10-го августа раздался звукъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Эриванской крѣпости. Эта пальба производилась по случаю взятія персіанами Кара-Килиссы. Впослѣдствіи мы узнали, что это селеніе, гдѣ былъ тогда полковой штабъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, оставлено по приказанію начальства и сожжено. Черезъ часъ сдѣлано опять съ крѣпостныхъ стѣнъ 24 выстрѣла по случаю взятія Шуши. Извѣстіе это было ложное, вымышленное сколько для возбужденія духа персіанъ, столько и для устрашенія насъ. На другой день пальба съ крѣпости извѣстила о взятіи персіанами Ленкорана.

Между тѣмъ жары днемъ, а вечеромъ и ночью холодный вѣтеръ и дождь способствовали къ развитію еще болѣе вреднаго климатическаго вліянія и болѣзни, коей подвергаются здѣсь даже всегдашніе жители въ это время года. Желтая горячка быстро развилась въ лагерѣ нашемъ, я и молодой офицеръ, жившій въ одной палаткѣ со мною, заболѣли ею. Безпамятство наше по временамъ облегчало страданія, которыя казались намъ въ минуты облегченія ничтожными противу

скорби души умереть далеко отъ своихъ. Всѣ средства медицинскія были истощены надъ нами. Кровопусканіе и искусство бывшаго при насъ доктора, хотя разъ и облегчили наше состояніе, но сильная стужа и вѣтеръ, отъ которыхъ не могла насъ защитить наша палатка, въ одну ночь уничтожили надежду врача и попеченія, которыя намъ оказывали товарищи бѣдствій нашихъ, и мы снова были брошены на край могилы. Тогда уже всѣ старанія и искусство людей казались тщетными; должно было ожидать чуда, и оно надъ нами обоими совершилось.

Англійскими врачами въ Индіи, для излѣченія болѣзни сей, употребляется мышьякъ, и удается иногда спасать этимъ средствомъ. Но эти примѣры весьма, весьма рѣдки, и средство это самое отчаянное. Докторъ нашъ, испрося на то позволенія князя Меншикова и получивъ его, рѣшился испытать сіе средство надъ нами.

Кое-какъ удалось устроить намъ палатку потеплѣе, куда и перенесли насъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили насъ на 14-й день нашей болѣзни перенести по близости въ бесѣдку сердаря. Здѣсь, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ бесѣдовалъ я, здоровый и полный надеждъ, съ властелиномъ эриванскимъ, принимавшимъ меня со всею утонченностію восточной роскоши, здѣсь теперь лежалъ я на одрѣ смертномъ, въ плѣну и отторгнутый отъ всего, что̀ дорого моему сердцу. 25-го августа надежда на выздоровленіе блеснула въ душахъ нашихъ, и, благодаря искусству и попеченію нашего доктора, мы начали поправляться. Но слабость наша была такъ велика, что я нѣсколько разъ въ день падалъ въ обморокъ. Желаніе жизни во все время не покидало меня.

26-го августа было получено повелѣніе отъ Аббасъ-мирзы, чтобы насъ немедленно отпустить и препроводить до границъ нашихъ. Хотя князь Меншиковъ и полагалъ больныхъ всѣхъ оставить въ Эривани, поручивъ англійскому посольству, но по убѣдительной нашей просьбѣ и по уваженію доктора, что мы дорогою поправимся и что радость освобожденія подѣйствуетъ на насъ цѣлительнѣе самаго лѣкарства, князь согласился взять насъ съ собою, и 27-го августа все посольство, увеличенное множествомъ купцовъ и другихъ подданныхъ русскихъ, въ сопровожденіи многочисленной персидской свиты, отправилось изъ Эривани послѣ 23-хъдневнаго пребыванія въ ней или, лучше сказать, плѣна,

Не могу не описать здѣсь тахтаравана, въ коемъ повезли меня и больнаго товарища моего. Экипажъ этотъ, который въ Персіи употребляютъ только женщины, и то важныя, не что иное, какъ двѣ большія деревянныя, продолговатыя клѣтки, коихъ сплошное дно и крыша соединены деревянною рѣшеткою съ дверцами. Двѣ клѣтки эти прикрѣ-

плены съ обѣихъ сторонъ лошади или лошака къ вьючному сѣдлу, какъ перекидныя корзины, въ коихъ на ослахъ привозятъ на базары Азіи зелень и разные припасы изъ деревень.

Самыя клѣтки эти совершенно сходны съ тѣми, въ коихъ у насъ въ города привозятъ куръ, индѣекъ и другихъ домашнихъ птицъ, и отличаются только величиною своею. Въ тахтараванѣ постлали намъ тюфяки наши и подушки, и положили насъ туда, избравъ самую большую лошадь, которую могли только отыскать во всемъ караванѣ нашемъ. Какъ теперь помню еще этого бѣлаго, огромнаго, неуклюжаго коня, на которомъ мы, два новые Донъ-Кихота, настоящіе рыцари печальнаго вида, отправились въ путь. Не можно себѣ представить неудобства таковой ѣзды. Движеніе коня, шагомъ-ли или рысью, производило качку, которая заставляла насъ опасаться послѣдствій, подобныхъ качкѣ на море. Въ добавокъ персіане вели насъ не по обыкновенной дорогѣ, но ущельемъ, гдѣ лошадь между огромными камнями должна была перебираться по узкой тропинкѣ и безпрестанно падала подъ тяжестію двухъ тахтаравановъ, толкавшихъ ее въ бока.

Можно представить себѣ ощущенія наши, когда, полуживые, мы чувствовали удары о камни, или лошадь, упавшая, билась между обѣими клѣтками, которыя, наконецъ, не выдержавъ всѣхъ толчковъ, разсыпались на первомъ же переходѣ, не доходя верстъ шесть до ночлега. Отставши отъ всѣхъ съ нѣсколькими изъ провожавшихъ насъ, мы привезены были изнуренные отъ усталости, поздно вечеромъ, въ армянское селеніе Яговартъ, гдѣ миссія остановилась для ночлега. Дорогою, отъ жары и безпокойства, мы ослабѣли и впали въ бредъ. Выпивъ весь запасъ воды, бывшей съ нами, мы, наконецъ, послѣ 8 часовъ похода, мучались сильною жаждою. Кто не испыталъ тоски жажды, тотъ не пойметъ нашей радости, когда,—лежа на землѣ для отдыха и умирая отъ желанія освѣжиться питьемъ, и видя, какъ въ продолженіе почти двухъ часовъ по всѣмъ окрестностямъ тщетно посылали за водой,—мой человѣкъ прискакалъ во весь духъ, привезя баклагу чистой, холодной, ключевой воды, отысканной имъ верстъ за восемь, съ опасностію быть захваченнымъ кочующими курдами. Утоля жгучую жажду, мы ожили и отправились далѣе. Для ночлега насъ помѣстили въ развалинахъ древней армянской церкви, прекрасной архитектуры. Встревоженныя огнемъ летучія мыши и совы, оставляя вѣковое жилище свое подъ древними сводами, кричали и, падая около насъ, придавали картинѣ сей нѣчто фантастическое и страшное. Вѣтеръ то ревѣлъ глухо, то пронзительнымъ свистомъ оглашалъ своды, терявшіеся во мракѣ. Жаръ и бредъ усилился въ насъ отъ усталости и вслѣдствіе такого ночлега. Мнѣ казалось, что я лежу въ могилѣ и окруженъ мертвецами. Все передо мною было подернуто, какъ туманомъ. Вся ночь проведена была мною въ бреду.

Вдругъ услышалъ я голосъ, меня отпѣвающій, я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою длинную фигуру въ черной одеждѣ съ кадиломъ въ рукѣ, которая безпрестанно надо мною нагибалась и шептала какіе-то мнѣ непонятные звуки. Подлѣ нея еще другая такая же фигура пѣла пискливымъ голосомъ. Кругомъ нѣсколько людей шептались таинственно. Я рѣшительно думалъ, что нахожусь въ царствѣ духовъ и привидѣній. Звуки понемногу утихали, меня окружалъ дымъ и запахъ ладану; казалось, я летѣлъ или падалъ и, наконецъ, исчезъ вовсе... Проснувшись съ разсвѣтомъ, я чувствовалъ себя легче. Мнѣ сказали, что окружавшіе меня армяне объявили армянскому священнику, въ селеніи томъ находящемуся, что въ развалинахъ древней опустѣлой церкви лежатъ двое больныхъ христіанъ, и священникъ вызвался съ дьячкомъ отслужить надъ нами молебствіе. Своды церкви послѣ нѣсколькихъ столѣтій огласились опять молитвой... Въ бреду и въ просонкахъ я слушалъ молитву и заснулъ. Мое видѣніе объяснилось. Меня положили во вьюкѣ на лошадь, и мы отправились въ путь. Въ татарскомъ селеніи Мулла-Кассимъ остановились мы и весь слѣдующій день ожидали отъ Гассанъ-хана, брата сердаря эриванскаго, увѣдомленія, что для препровожденія насъ онъ вышлетъ конницу.

30-го августа, утромъ, продолжали путешествіе. Силы мои возвращались быстро. Одинъ день отдыха много укрѣпилъ меня. Я сѣлъ на персидскаго коня своего и чувствовалъ, что могу управлять имъ. Радость моя была велика, я поскакалъ догнать кн. Меншикова, который, не ожидая меня видѣть верхомъ, весьма удивился и не хотѣлъ вѣрить скорому моему выздоровленію. Этотъ день былъ день его именинъ.

Близъ селенія Амамлы, на границѣ нашей, встрѣтили мы 150 человѣкъ персидской конницы, высланной для препровожденія насъ. Мы расположились на бивуакахъ для ночлега. На другое утро отправились далѣе. Вдали увидѣли сожженное селеніе Кара-Килиссу. Обгорѣлая церковь оправдывала теперь названіе свое, ибо Кара-Килисса, по-татарски, значитъ черная церковь. Персіане проводили насъ до горы Безобдала. Здѣсь сняли они вьюки наши съ коней и лошаковъ, которые были у нихъ наняты, положили все на землю и приготовлялись къ возвратному пути съ конвоемъ, оставляя насъ однихъ на произволъ судьбы и въ опасности быть или опять перехваченными или заплатить, по крайней мѣрѣ, всѣми вьюками нашими за знакомство съ ними. Въ особенности персіане весьма желали имѣть богатые подарки, изъ Петербурга присланные, и серебряный столовый сервизъ, изъ Тифлиса привезенный.

Прибывъ на Безобдалъ, кн. Меншиковъ долженъ былъ сдѣлать приличные подарки. Приказано было постлать ковры въ тѣни деревъ, на живописной покатости горы, заросшей частымъ лѣсомъ. Приготовляли завтракъ, и кн. Меншиковъ пригласилъ на оный всѣхъ персіанъ, желая

не столько угостить ихъ, сколько выиграть времени. Между тѣмъ я, какъ знавшій эту дорогу, по которой недавно проѣзжалъ три раза, долженъ былъ непримѣтно отдѣлиться отъ миссіи и отыскать ближайшій аванпостъ нашъ, чтобы послать сколько-нибудь войска для защиты миссіи. Я и адъютантъ кн. Меншикова слѣзли съ лошадей, какъ и всѣ прочіе, для привала и потомъ углубились въ чащу лѣса и, скрывшись отъ наблюдательныхъ глазъ персіанъ, поскакали по дорогѣ, ведущей къ нашимъ войскамъ. Можно легко себѣ вообразить, какъ боялся я ошибиться въ пути, чтобы не попасть въ руки персіанъ. Послѣ часу быстрой ѣзды, выѣзжая изъ лѣса, встрѣтили мы казачій разъѣздъ. Наша радость была чрезвычайна. Мы готовы были пасть на шею имъ и расцѣловать ихъ. Кто мѣсяца два провелъ въ плѣну, гдѣ ежедневно имѣлъ въ виду смерть, тотъ пойметъ восторгъ освобожденія. Казаки проводили насъ на аванпостъ у дер. Гергеръ, гдѣ нашли мы нѣсколько пѣхоты и казаковъ. Командиръ поста отправилъ тотчасъ 25 казаковъ для конвоя миссіи, и вслѣдъ за ними выступило нѣсколько пѣхоты, дабы составить караулъ у вьюковъ. Я же, отдохнувъ немного, поскакалъ далѣе въ Джелалъ-Оглу, гдѣ строилось укрѣпленіе и былъ расположенъ лагерь, кажется, 2.000 человѣкъ. Оттуда были отправлены тотчасъ повозки съ надлежащимъ прикрытіемъ для взятія вьюковъ.

Въ скорости прибыла вся миссія. Странно было слушать разсказы, какъ появленіе 25 казаковъ испугало персіанъ, всѣ они тотчасъ, не окончивъ завтрака, бросились на коней и ускакали, а мегмендарь и прочіе персіане боялись, чтобы не наказали ихъ за всѣ дѣланныя ими намъ притѣсненія. Но князь, успокоивъ ихъ и раздавъ щедро подарки, удалился, оставивъ пѣхоту и нѣсколько казаковъ для охраненія вьюковъ. Вечеромъ въ лагерѣ, около огней, раздавались родные звуки пѣсней, вечерняя заря и протяжные оклики часовыхъ напоминали намъ, что мы опять среди русскихъ. Кто изъ насъ тогда, ложась спать, не почувствовалъ слезъ умиленія и благодарности къ Провидѣнію, насъ спасшему. На другой день прибыли и вьюки наши.

2-го сентября мы хотѣли ѣхать далѣе; но утромъ вдругъ раздался шумъ тревоги; войска стали въ ружье, послышались выстрѣлы. Персіане, въ числѣ 2-хъ или 3-хъ тысячъ конницы, подъ предводительствомъ, какъ иные говорили, самого Гассана-хана (извѣстнаго персидскаго наѣздника и кавалерійскаго начальника, попавшагося впослѣдствіи въ плѣнъ), обошедъ скрытыми ущеліями, напали на лагерь, потому что намѣреніе напасть на насъ и взять насъ со всѣми вьюками было уничтожено дневкой нашей въ Джелалъ-Оглу. Персіане полагали, что мы выступимъ 1-го или 2-го числа рано, и потому, сдѣлавъ засаду, ожидали насъ, но, видя, что мы остаемся въ лагерѣ, вздумали напасть и произвести хотя тревогу. Кн. Меншиковъ, взявъ нѣсколько пѣхоты съ однимъ

орудіемъ и казаковъ, отразилъ персіанъ и, нанеся имъ значительный вредъ, преслѣдовалъ ихъ далеко. Это обстоятельство заставило насъ выѣхать только на другой день, подъ прикрытіемъ одной егерской роты и одного орудія. Я ѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, потому что чувствовалъ себя, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ ощущеній, опять столь слабымъ, что не могъ сидѣть верхомъ. Трехъ-дневный походъ нашъ въ Тифлисъ былъ безъ приключеній. Мы встрѣтили 3.000 грузинской конницы, набранной съ неимовѣрною скоростію и шедшей отражать персіанъ. Близъ Тифлиса встрѣтили генералъ-адъютанта Паскевича, ѣхавшаго въ Елисаветполь. Я вышелъ съ дрожекъ, чтобы привѣтствовать бывшаго своего начальника, у котораго служилъ, когда командовалъ онъ еще гвардейскою дивизіею. Онъ ласково подалъ мнѣ руку и обнялъ меня.

5-го сентября пріѣхали мы въ Тифлисъ, гдѣ оставались слишкомъ мѣсяцъ. Въ октябрѣ получено было повелѣніе миссіи возвратиться въ Россію. Мы наняли лошадей до Екатеринограда и отправились изъ Тифлиса, кто 11-го октября, кто двумя днями позже. 13-го, въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ я въ Душетъ, гдѣ вся наша миссія соединилась, чтобы караваномъ переѣхать черезъ грозный хребетъ Кавказа.

20-го октября мы пріѣхали въ Екатериноградъ и отсюда уже поѣхали на почтовыхъ въ экипажахъ. По дорогѣ къ Ставрополю увидѣли мы старыхъ своихъ знакомыхъ; это былъ огромный караванъ верблюдовъ, которыхъ гнали изъ Крыма въ Грузію, дабы служить для вьюковъ при движеніи войскъ въ Персіи. Немного далѣе встрѣтилъ я генерала Сакена, во главѣ Бугской уланской дивизіи. Никогда не видѣлъ я войска, идущаго походомъ въ такомъ блистательномъ порядкѣ. Впереди самъ генералъ ѣхалъ со своимъ штабомъ, позади его—всѣ четыре полка, въ колоннѣ, поэскадронно. Въ этой прекрасной равнинѣ, въ виду Эльбруса и Кавказскаго хребта, тянущихся на дальномъ горизонтѣ, какъ облака, это войско, казалось, парадировало церемоніальнымъ маршемъ. Генералъ подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ, откуда я ѣду. На отвѣтъ мой: изъ Персіи, онъ спросилъ, не кончена-ли уже война и не опоздали-ли они.

— Поспѣете еще,—отвѣчалъ я.

Я тогда и не воображалъ, что этотъ молодой генералъ скоро прославится и будетъ одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ героя эриванскаго.

Вотъ какъ окончилось мое путешествіе въ Персію, не любопытное, можетъ быть, для читателей, но оставившее въ моей памяти много сладкихъ и горестныхъ впечатлѣній и составляющее эпоху въ моей жизни.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей службѣ Ѳ. Ѳ. Бартоломея.

По возвращеніи изъ Персіи, онъ былъ назначенъ состоять по инженерному корпусу, а 9-го декабря 1827 года—командиромъ 1-го конно-піонернаго эскадрона, съ которымъ и принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ въ турецкой кампаніи 1828 г. 15-го сентября, въ дѣлѣ при Карасаджи и при овладѣніи укрѣпленнымъ турецкимъ лагеремъ при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, Θ. Θ. Бартоломей командовалъ 1-мъ конно-піонернымъ эскадрономъ и 3-мъ дивизіономъ Бугскаго уланскаго полка. Съ 16-го по 18-е число онъ находился на передовомъ посту, близъ Куртепе для наблюденія за непріятелемъ.

«Послѣ сраженія при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ (15-го сентября 1828 г.),—говоритъ онъ,—когда нашъ отрядъ занялъ сію разоренную деревню, поставленъ я былъ на позицію въ трехъ верстахъ отъ лагеря Омеръ-Вріоне, на высотѣ, отдѣленной отъ Гаджи-Гассанъ-Лара крутымъ оврагомъ и окруженной густымъ лѣсомъ. Площадка на высотѣ этой (усѣянная, въ полномъ смыслѣ слова, обезглавленными тѣлами гвардейскихъ егерей, претерпѣвшихъ здѣсь незадолго передъ тѣмъ пораженіе) господствовала надъ позиціею турокъ. Съ 120 человѣками 1-го Бугскаго уланскаго полка и 20 донскими казаками, находился я въ виду Омеръ-Вріоне, который, имѣя 30.000 въ укрѣпленномъ лагерѣ, легко могъ послать небольшой отрядъ, чтобы, обойдя, отрѣзать меня отъ Гаджи-Гассанъ-Лара и уничтожить прежде, нежели я могъ получить помощь. Бивуакъ мой былъ подъ вѣтвистымъ деревомъ, позади коего лежало около 20 убитыхъ егерей, собравшихся тщетно въ кучку для защиты своей. Обезглавленныя тѣла ихъ напоминали намъ долгъ нашъ и, казалось, требовали мщенія. Посредствомъ зрительной трубы былъ я, какъ будто, въ лагерѣ Омеръ-Вріоне, а безпрестанно посылаемые разъѣзды охраняли меня отъ внезапнаго нападенія. Я занималъ сію позицію до 18-го сентября, день, въ который было назначено напасть на турецкій лагерь. Утромъ того же дня дѣлалъ я съ двумя офицерами рекогносцировку дороги, ведущей къ вновь построенному турецкому редуту. Послѣ сего сѣлъ подъ деревомъ своимъ писать карандашомъ донесеніе. Отправивъ оное, написалъ на оставшемся лоскуткѣ бумаги стихи подъ заглавіемъ «Памятникъ воина»:

Быть можетъ, что и мнѣ судьба опредѣлила
Пасть у Балкана, здѣсь, среди его лѣсовъ;
Подъ этимъ деревомъ безмолвная могила
Сокроетъ пусть мой прахъ отъ ярости враговъ.
Сегодня, можетъ быть, какъ прекратится битва,
Кровавыхъ много жертвъ положатъ здѣсь со мной,
И въ сумракѣ ночномъ послѣдняя молитва
Прочтется межъ огней надъ сѣнью гробовой.
И тихо совершатъ обрядъ намъ погребальный,
Печально воины покроютъ насъ землей;

Одинъ изъ нихъ почтитъ друзей слезой прощальной;
Отершись, можетъ быть, кровавою рукой,
Оставитъ на щекѣ онъ слѣдъ окровавленный,
Безмолвствующій знакъ погибели враговъ.
И вотъ намъ памятникъ достойный и священный,
Краснорѣчивѣе всѣхъ погребальныхъ словъ!..

«Вскорѣ потомъ прибылъ на мою позицію принцъ Евгеній Виртембергскій съ кавалеріею и конною артиллеріею, чтобы поддержать атаку, начатую уже пѣхотою съ другой стороны. На рысяхъ прибыли мы на поле битвы. Передовой турецкій редутъ былъ тотчасъ взятъ пѣхотою. Омеръ-Вріоне, съ 30-тысячнымъ отрядомъ, въ укрѣпленномъ на выгоднѣйшей позиціи лагерѣ, защищался противъ 5.600 русскихъ, которые должны были пройти густой кустарникъ и два оврага. Никогда, быть можетъ, войско не показывало болѣе неустрашимости, какъ русскіе въ этотъ день. Но неприступность турецкой позиціи, совершенная невозможность дѣйствовать артиллеріи нашей и несоразмѣрность силъ дѣлали всѣ усилія тщетными. Не взирая на то, что успѣхъ не соотвѣтствовалъ храбрости войскъ и цѣль (состоящая въ томъ, чтобы сбить Омеръ-Вріоне съ сей позиціи) не достигнута, битва сія, отъ 2 часовъ по полудни до 10 часовъ вечера продолжавшаяся, можетъ быть поставлена въ лѣтописяхъ на-ряду съ знаменитыми подвигами и достойна лавровъ Бородина, Кульма и Лейпцига. Половина только всего отряда въ порядкѣ и защищаясь до послѣдней капли крови отступила на прежнюю позицію; другая часть сражавшихся возвратилась, состоя только изъ раненыхъ, всѣ прочіе пали жертвою неустрашимости въ самомъ уже турецкомъ лагерѣ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находились генералъ Дурново со всѣми штабъ-офицерами и множествомъ офицеровъ своей бригады и генералъ Симанскій. На площадкѣ Гаджи-Гассанъ-Лара, близъ того мѣста, гдѣ утромъ писалъ я стихи, вечеромъ того же дня совершено погребеніе убитыхъ, какъ оно мною описано. Одинъ Симанскій не положенъ въ сію общую могилу героевъ. Онъ палъ въ турецкомъ укрѣпленіи, окруженный храбрыми, коихъ тѣла, какъ и его, нельзя было вынести. Если тогда же было бы болѣе войска для поддержанія сего отчаяннаго нападенія, то оно было бы увѣнчано успѣхомъ и неувядаемою славою. Скоро исчезнутъ и слѣды сей могилы храбрыхъ, но имена ихъ живутъ въ сердцахъ товарищей-сподвижниковъ, сохраненныхъ судьбою. Предчувствіе мое на сей разъ не сбылось; меня сберегла участь посреди груды погибшихъ. На долго-ли?—покажетъ будущность!»

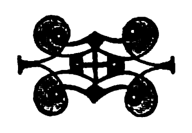
3-го октября въ авангардномъ дѣлѣ, при р. Камчикѣ, Ѳ. Ѳ. Бартоломей получилъ контузіи картечью въ лѣвую руку и лѣвый бокъ, но все время былъ въ строю. По окончаніи турецкой войны, онъ не долго оставался на мирномъ положеніи. Возстаніе въ Польшѣ, въ 1830 и 1831

годахъ, вновь призывало къ боевой дѣятельности, и Бартоломей принялъ участіе болѣе чѣмъ въ восьми сраженіяхъ и стычкахъ. 1-го іюля онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ сентябрѣ назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи; съ апрѣля 1835 года онъ командовалъ 2-ю бригадою 2-й драгунской дивизіи и 22-го мая 1838 г. назначенъ состоять по кавалеріи и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Въ маѣ (6-го) 1838 года Ѳ. Бартоломей былъ командированъ вмѣстѣ съ чиновниками министерства юстиціи и штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ въ г. Кострому для раскрытія истины, по принесеннымъ наслѣднику костромскимъ мѣщаниномъ Пастуховымъ жалобамъ на причиненіе ему тамошнимъ полиціймейстеромъ Подгорнымъ побоевъ и на пристрастныя, яко бы, дѣйствія при первоначальномъ изслѣдованіи по сему дѣлу, а сверхъ того, и по дошедшимъ свѣдѣніямъ о другихъ, несогласныхъ съ законами, дѣйствіяхъ и безпорядкахъ мѣстнаго начальства; порученіе это исполнено имъ съ должнымъ успѣхомъ. Въ томъ же году онъ былъ командированъ, вслѣдствіе указа Правительствующаго Сената, отъ 21-го іюня, для производства разслѣдованія и объясненія по жалобамъ статскаго совѣтника барона Ренне, принесеннымъ на исправлявшаго должность новгородскаго гражданскаго губернатора, каковое слѣдствіе окончено имъ совершенно удовлетворительно.

9-го декабря 1849 года Бартоломей былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города Пскова и псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ (въ поганкиныхъ палатахъ города Пскова сохранился портретъ Ѳедора Ѳедоровича). Будучи уволенъ отъ этой должности 28-го февраля 1846 г. въ отставку, онъ снова принятъ службу 28-го января 1847 года, съ назначеніемъ аландскимъ комендантомъ и съ зачисленіемъ по кавалеріи; 6-го декабря 1848 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ въ 1849 году комендантомъ крѣпости Брестъ-Литовска. Въ этой должности онъ и скончался 1-го января 1862 года и погребенъ въ Старомъ Петергофѣ.

Сообщилъ **В. А. Бартоломей.**



Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

V [1]).

Кончилось собраніе,—мы принялись за наши обычныя занятія. Всѣ дѣла крестьянскаго присутствія лежали по-прежнему на мнѣ, и все шло безъ малѣйшаго измѣненія порядка, какъ велось при Замятнинѣ и Мансуровѣ, такъ и при теперешнемъ губернаторѣ Обуховѣ, но въ губерніи и въ самомъ городѣ имъ были страшно недовольны. Разъ утромъ ко мнѣ пришелъ Зефировъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты, онъ завѣдывалъ дѣлами Обухова.

— Владиміръ Константиновичъ,—спросилъ онъ меня,—что у васъ съ Обуховымъ?

— Ничего,—отвѣчалъ я,—какъ видите, мы пріятели.

— Помилуйте, какъ вы не знаете, онъ на васъ что-то писалъ министру.

— Да мнѣ какъ знать, вѣдь онъ не покажетъ, что пишетъ. А вамъ почему извѣстно?

— Да совершенно случайно, сегодня прихожу къ нему, по его дѣламъ, какъ онъ получаетъ шифрованную депешу. Сейчасъ послалъ за правителемъ канцеляріи и начали разбирать. А какъ я сидѣлъ въ его маленькомъ кабинетѣ, рядомъ съ большимъ, гдѣ онъ занимался, то и слышалъ, что министръ телеграфируетъ, чтобы онъ болѣе обстоятельнѣе донесъ о вашихъ противо-правительственныхъ дѣйствіяхъ въ земскомъ собраніи и предложилъ бы вамъ выдти изъ состава членовъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Подобное извѣстіе меня огорошило. Простившись съ Зефировымъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г., апрѣль.

я пошелъ къ прокурору, разсказалъ ему объ этомъ, и мы сообща рѣшили телеграфировать Замятнину. Между тѣмъ Обуховъ молчалъ и всякій день заѣзжалъ ко мнѣ, разсыпаясь въ любезностяхъ. Дней черезъ пять я получилъ отъ Замятнина письмо, гдѣ онъ увѣдомлялъ, что министръ очень раздраженъ моими противодѣйствіями правительству, и что онъ черезъ Обухова предложилъ мнѣ подать въ отставку, такъ какъ онъ не допускаетъ розни въ дѣйствіяхъ лицъ, состоящихъ на службѣ правительства. Замятнинъ мнѣ совѣтовалъ подать въ отставку и пріѣхать въ Петербургъ.

Въ этотъ же день прислалъ за мной Обуховъ. Когда я пришелъ къ нему, онъ пригласилъ въ кабинетъ и сказалъ, что ему крайне непріятно то извѣстіе, которое онъ обязанъ мнѣ передать.

— Это вѣроятно предложеніе министра выйти въ оставку?—отвѣчалъ я;—вотъ и просьба моя объ отставкѣ.

— Вы какъ это знаете?—спросилъ Обуховъ.

— Мало-ли что я знаю, мнѣ извѣстны и тѣ подлые доносы, въ силу которыхъ министръ сдѣлалъ такое распоряженіе.

Обуховъ началъ божиться, что онъ тутъ ни при чемъ.

Вѣсть объ этомъ вскорѣ разнеслась въ Самарѣ, и ко мнѣ пріѣзжали всѣ сослуживцы разспрашивать, что случилось; само собой, что я не скрывалъ ничего и показывалъ письмо Замятнина. Рихтеръ, Чарыковъ и Шелашниковъ выходили изъ себя. Не меньше былъ возмущенъ и Л. Б. Тургеневъ, который прямо сказалъ Обухову, что такой поступокъ не дѣлаетъ ему чести, что послѣ этого ни одинъ гласный не гарантированъ, чтобы его, за выраженное имъ мнѣніе, если оно не согласно съ желаніемъ губернатора, не выслали изъ губерніи. Но, какъ бы то ни было, я подалъ въ отставку и только ожидалъ ея, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ.

Пріѣхавъ въ іюнѣ въ Петербургъ, я вскорѣ встрѣтился па улицѣ съ Мансуровымъ. Онъ мнѣ очень обрадовался.

— Какими судьбами вы здѣсь?

Я ему передалъ, что уже въ отставкѣ.

— Знаю, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — Замятнинъ мнѣ говорилъ. Я самъ здѣсь всего съ недѣлю; я переведенъ изъ Москвы и назначенъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ. Если бы я здѣсь былъ во время этой исторіи, ничего бы этого не случилось; я уже и такъ говорилъ про васъ министру. А вы сдѣлайте вотъ что: въ два часа пріѣзжайте въ министерство, прямо ко мнѣ, я позову Замятнина, и мы вмѣстѣ подумаемъ, что и какъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать.

Рѣшили такъ, что завтра Мансуровъ доложитъ министру о моемъ пріѣздѣ и узнаетъ, когда онъ можетъ принять меня, а затѣмъ, уже судя по пріему министра, можно будетъ рѣшить, что дѣлать. Въ этотъ

же день Замятнинъ вечеромъ пригласилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ на Моховой въ домѣ Мальцева. Здѣсь я опять увидалъ и Елизавету Андреевну, милыхъ сестеръ ея и бывшаго секретаря губернскаго присутствія П. Г. Рождественскаго, который въ это время былъ дѣлопроизводителемъ Земскаго отдѣла 1-го дѣлопроизводства. Опять мы собрались въ свой домашній кружокъ, какъ бывало въ Самарѣ. Наговорившись вдоволь о нашей милой Самарѣ, мы разошлись уже поздно. На другой день, въ 2 часа, я былъ въ министерствѣ у Мансурова; онъ сказалъ мнѣ, что министръ приметъ меня въ четвергъ въ 11 часовъ утра. Министръ въ это время жилъ на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Мансуровъ убѣдительно меня просилъ, чтобы я ограничился только моимъ дѣломъ, а о другихъ глупостяхъ Обухова не говорилъ ничего. Я далъ ему слово. Вечеръ опять провелъ у Замятнина и когда передалъ ему мой разговоръ съ Мансуровымъ относительно Обухова, то Николай Александровичъ сказалъ:

— Очень жаль, что вы дали слово, а то не мѣшало бы этого молодца выставить передъ министромъ въ его настоящемъ видѣ. Николай Павловичъ по родству его поддерживаетъ, но онъ въ Самарѣ такъ глупитъ, что едва-ли Мансуровъ въ состояніи будетъ помочь сему.

На другой день, ровно въ 11 часовъ дня, я пріѣхалъ къ министру на дачу. Когда сказалъ швейцару мою фамилію, тотъ отвѣчалъ: «министръ васъ ожидаетъ, пожалуйте прямо въ кабинетъ». Въ залѣ передъ кабинетомъ я встрѣтилъ Мансурова, онъ выходилъ отъ министра и только успѣлъ мнѣ сказать: «отъ министра прямо ко мнѣ, я жду васъ дома». Онъ жилъ тогда на Пантелеймонской улицѣ.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, то налѣво отъ двери былъ письменный столъ, и за серединой его въ креслахъ сидѣлъ П. А. Валуевъ. Его я увидалъ въ первый разъ. Это былъ очень красивый, видный мужчина, высокаго роста, съ продолговатымъ умнымъ лицомъ и бакенбардами съ легкой просѣдью. Онъ всталъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ, Луцкій, васъ видѣть, мы давно вмѣстѣ служимъ, а ни разу не видались, но я знаю, что Положеніе 19-го февраля вы знаете лучше тѣхъ, кто его составлялъ.

— Я въ первый разъ въ Петербургѣ, да и теперь пріѣхалъ по необходимости, желая лично объяснить извѣстное вашему высокопревосходительству дѣло.

— Да,—сказалъ Валуевъ,—я ошибся; мнѣ было дѣло это доложено въ превратномъ видѣ. Зачѣмъ вы поторопились выйти въ отставку, скажите мнѣ, что я могу сдѣлать?

— Я не пріѣхалъ искать чего-нибудь,—отвѣчалъ я. Я служилъ честно; вы, ваше высокопревосходительство, предложеніемъ вашимъ выйти въ отставку отняли у меня доброе имя. Я человѣкъ съ крайне ограничен-

нымъ состоянiемъ, надѣялся, что дѣтямъ моимъ оставлю не запятнанное имя, а тутъ гнусныя интриги посягнули и на него; вотъ зачѣмъ я прiѣхалъ.

— Я виноватъ, Луцкiй,—сказалъ Валуевъ,—повѣрилъ сплетнямъ, теперь мнѣ все разъяснено; что я могу для васъ сдѣлать?

— Я ничего не прошу, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Вы не просите, но мой долгъ поправить мою ошибку. Поѣзжайте къ Мансурову, онъ васъ очень любитъ; подумайте съ нимъ вмѣстѣ, чего вы желаете; пусть онъ мнѣ доложитъ, а между тѣмъ, скажите ему, чтобы сегодня же внесъ о васъ въ приказъ о причисленiи къ министерству. Еще разъ прошу васъ простить меня за мой несправедливый поступокъ въ отношенiи васъ, меня обманули.

Валуевъ говорилъ много, онъ былъ мастеръ говорить связно, плавно, краснорѣчиво. При прощаньи онъ опять подалъ руку и, вставъ съ кресла, сдѣлалъ шага два, провожая меня до двери кабинета. Отъ министра я проѣхалъ къ Мансурову и передалъ ему весь мой разговоръ съ Валуевымъ.

— Заѣзжайте къ Замятнину,—сказалъ онъ, — и скажите ему, что мы сегодня въ 6 часовъ втроемъ обѣдаемъ у Донона, тамъ и столкуемся.

За обѣдомъ, я по совѣту ихъ, въ виду того, что у меня подростали дѣти, рѣшился остаться въ Петербургѣ при министерствѣ. Они взялись доложить объ этомъ министру, съ тѣмъ, что я немедленно получаю отпускъ въ Самару на два мѣсяца, а по возвращенiи оттуда буду назначенъ дѣлопроизводителемъ Земскаго отдѣла. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я поѣхалъ въ Самару.

Прiѣздъ мой въ Самару, какъ состоявшаго при министерствѣ, былъ страшнымъ неожиданнымъ ударомъ для партiи, интриговавшей противъ меня, тѣмъ болѣе, что наканунѣ моего прiѣзда Обуховымъ было получено письмо отъ Мансурова, гдѣ тотъ писалъ ему, что министръ меня чрезвычайно хорошо принялъ, выражалъ свое сожалѣнiе о поспѣшности по моему дѣлу и теперь только и думаетъ, какъ бы исправить свою ошибку.

Шелашниковъ, Чарыковъ и Рихтеръ наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали меня на обѣды и, не стѣсняясь никѣмъ изъ присутствующихъ, выражали свое презрѣнiе къ гнусной интригѣ и къ лицамъ, ее возбудившимъ. Обуховъ тоже первый прiѣхалъ ко мнѣ и началъ увѣрять опять въ своей любви и дружбѣ, стараясь выпытать, не говорилъ-ли я что-нибудь о немъ министру.

На эту зиму до весны я рѣшился ѣхать въ Петербургъ одинъ, только со старшей дочерью, чтобы отдать ее въ пансiонъ, а жена съ другими дѣтьми оставалась въ Самарѣ до будущаго мая. Въ концѣ августа я выѣхалъ изъ Самары и прiѣхалъ въ Петербургъ. Помѣстилъ

дочь въ пансіонъ г-жи Мейеръ на углу Малой Морской и Адмиралтейской площади. Самъ нанялъ себѣ квартиру изъ 2-хъ комнатъ на Моховой въ домѣ Кноппа.

Въ то время составъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ слѣдующій: министръ Петръ Александровичъ Валуевъ, товарищемъ его А. Г. Тройницкій, вскорѣ назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, а вмѣсто него товарищемъ — князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, который былъ прежде посланникомъ въ Константинополѣ. Это былъ умный, образованный и симпатичный человѣкъ, до страсти преданный исторической наукѣ, собиралъ древнія рукописи, образа и картины. Правителемъ канцеляріи министерства былъ Левъ Саввичъ Маковъ. Валуевъ его очень любилъ, какъ человѣка дѣла и честнаго; онъ никогда ни въ какія дрязги не вмѣшивался. Директоромъ департамента общихъ дѣлъ былъ Н. П. Мансуровъ, департамента полиціи исполнительной — Павелъ Павловичъ Косаговскій, департамента иностранныхъ исповѣданій—графъ Сиверсъ, хозяйственнаго департамента—Шумахеръ, медицинскаго—Пеликанъ, Земскаго отдѣла, гдѣ служилъ я,—Н. А. Замятнинъ и его помощникомъ—Н. Н. Колошинъ.

У насъ было 6 отдѣленій или дѣлопроизводствъ, но тутъ было сформировано еще 7-е, и я назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ. У меня были дѣла: всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, всѣ мелкопомѣстныя имѣнія въ Имперіи, всѣ дѣла по упраздненію разныхъ казачьихъ войскъ: Азовскаго, Семипалатинскаго, Пермскаго и др. и надѣленіи ихъ землею. Мнѣ же было поручено составить проектъ о надѣленіи землею башкиръ. Нашъ Земскій отдѣлъ докладывалъ министру по субботамъ. Валуевъ чрезвычайно внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ замѣчанія и давалъ направленіе дѣламъ; при докладахъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и самыя замѣчанія дѣлалъ весьма деликатно. Мои доклады ему понравились, онъ говорилъ это Мансурову, который мнѣ и передалъ. Занятія наши въ министерствѣ начинались въ 1 часъ дня. Управляющій пріѣзжалъ часу въ 3-мъ. Въ два часа обыкновенно у насъ подавали чай съ лимономъ и булкою. Въ другихъ департаментахъ этого не было, такъ что присылали къ намъ за чаемъ. Валуевъ, смѣясь, говорилъ Замятнину:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ Н. А. Мансурову чаю не давалъ, отчего онъ у себя не заведетъ такого порядка.

Мы ходили въ министерство безъ всякой формы, исключая субботы, когда всѣ были въ вицъ-мундирахъ, такъ какъ это былъ день доклада; въ другіе дни если случалось, что потребуетъ министръ, то являлись кто какъ былъ одѣтъ, т. е. въ сюртукѣ, въ визиткѣ, въ пиджакѣ. Валуевъ на это не обращалъ вниманія. Вообще служба была очень свободная, во всѣхъ комнатахъ во время занятій всѣ курили. Надо сознаться, что въ

министерствѣ собирались часамъ къ 2-мъ, подавали чай и начинались разговоры, кто гдѣ вчера былъ, что видѣлъ, слышалъ. Тутъ пріѣдетъ управляющій, пойдемъ къ нему съ разными вопросами, смотришь, уже и 5-ть часовъ. Тогда идемъ по домамъ, и вотъ начинается работа вечеромъ съ 6-ти до 9-ти часовъ и утромъ съ 9-ти часовъ до часу. Въ министерство приносились начерненныя бумаги, которыя и отдавались въ переписку, и получались отданныя наканунѣ, такъ что собственно въ министерствѣ ограничиваемся только провѣркою бумагъ, да справками для просителей и пріѣзжающихъ губернаторовъ. Вечера я обыкновенно проводилъ у Замятниныхъ, въ клубѣ или въ русской оперѣ.

Замятнинъ на службѣ въ одномъ отношеніи былъ только крайне придирчивъ, даже непріятенъ—это по редакціи бумагъ. Не только трудно, но даже невозможно было на него угодить. Бывало всю поданную къ подписи бумагу перечеркнетъ и испещритъ вопросительными и восклицательными знаками. Я сталъ такія бумаги припрятывать, и вечеромъ у него въ домѣ начну съ нимъ разговоръ, отчего онъ такъ придирается.

— Да помилуйте!—говорилъ онъ—невозможно же такъ пропустить, какъ вы пишете.

— Да я писалъ такъ, какъ вы прежде хотѣли,—возражалъ я.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ.

Тогда я уличалъ его же собственными замѣтками,—онъ смѣялся.

— Ну что жъ изъ этого,—говорилъ онъ—прежде мнѣ такъ нравилось, а теперь не нравится.

Подаю, напримѣръ, ему бумагу, написанную такъ: «Основываясь на ходатайствѣ оренбургскаго генералъ-губернатора и принимая въ соображеніе то-то и то-то, я полагалъ сообщить генералъ-адъютанту Крыжановскому и т. д.». Замятнинъ зачеркиваетъ слова «оренбургскаго генералъ-губернатора» и пишетъ «генералъ-адъютанта Крыжановскаго», а гдѣ у меня написано «генералъ-адъютанту Крыжановскому», онъ зачеркиваетъ и пишетъ «Оренбургскому генералъ-губернатору». Черезъ недѣлю опять подобная бумага, пишешь такъ, какъ онъ исправилъ прежде, и получаешь все перечеркнуто и написано наоборотъ.

Валуевъ вообще дѣйствовалъ уклончиво, никогда не давалъ рѣшительныхъ приказаній и не подписывалъ бумагъ въ точно опредѣленныхъ выраженіяхъ. Бывало, подаешь ему предложеніе губернатору, въ которомъ оказано: «разсмотрѣвъ такое-то дѣло и находя постановленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія несогласнымъ съ такими-то и такими-то статьями Положенія, имѣю честь предложить вашему превосходительству поступить такъ-то».

Валуевъ сейчасъ же возвращаетъ бумагу.

— Къ чему такъ опредѣлительно писать,—говорилъ онъ—никогда не нужно этого дѣлать, всегда нужно оставлять выходъ.

И у насъ всегда употреблялась фраза: «разсмотрѣвъ такое-то дѣло, казалось бы мнѣ болѣе согласнымъ съ Положенімъ 19-го февраля, дать направленіе, согласно такихъ-то и такихъ-то статей Положенія. Таковое мнѣніе мое имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для зависящихъ отъ васъ распоряженій, въ чемъ вы признаете нужнымъ».

Короче: все ложилось на губернатора и если послѣдуютъ на него жалобы и въ главномъ комитетѣ это распоряженіе будетъ отмѣнено, то министръ остается правъ, такъ какъ онъ сообщалъ губернатору только свое мнѣніе, нисколько не дѣлая его обязательнымъ. Валуевъ въ особенности былъ остороженъ въ сношеніяхъ съ генералъ-губернаторами,—какъ лицами, которыя часто непосредственно докладывали государю. Разъ мнѣ выпала такая задача:—новороссійскій генералъ-губернаторъ Коцебу представилъ проектъ о водвореніи цыганъ. Предполагая надѣлить ихъ землею, выстроить на казенный счетъ помѣщенія, снабдить ихъ земледѣльческими орудіями, лошадьми, волами и другимъ домашнимъ скотомъ,—разселить ихъ по всему краю, по русскимъ и по малороссійскимъ селеніямъ не болѣе, какъ семьи по двѣ,—онъ испрашивалъ на это нѣсколько сотъ тысячъ рублей и ручался, что въ 2—3 года онъ ихъ сдѣлаетъ вполнѣ осѣдлыми.

Проектъ этотъ былъ переданъ мнѣ для разсмотрѣнія и доклада. Я увидѣлъ, что это ничего болѣе, какъ кабинетная фантазія, или, что̀ еще хуже,—проектъ какого-то афериста, составленный съ цѣлью положить себѣ эти сотни тысячъ въ карманъ. Проходитъ съ мѣсяцъ послѣ полученія проекта; министръ меня спрашиваетъ, прочиталъ-ли я его и какое мое мнѣніе. Я отвѣчалъ, что прочиталъ листовъ 10 и нахожу, что чистая фантазія или, лучше сказать, бредъ, и потому дальше еще не читалъ.

— И не читайте его,—отвѣчалъ Валуевъ,—я его пробѣжалъ и совершенно вы угадали мою мысль; положите его въ шкафъ, пусть онъ полежитъ, а генералъ-губернатору напишите, что я благодарю его за столь полезныя предположенія, совершенно раздѣляю его мнѣніе и напередъ увѣренъ въ той громадной пользѣ для всего Новороссійскаго края, которая произойдетъ отъ осѣдлой жизни цыганъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ затребуйте отъ него такихъ дополнительныхъ свѣдѣній, чтобы онъ самъ убѣдился въ нелѣпости своего проекта и бросилъ бы его.

Задача была не легкая, но мнѣ удалось ее исполнить. Министръ, выслушавъ бумагу, подписалъ ее безъ всякихъ замѣчаній, а отъ Коцебу болѣе проектъ этотъ не возобновлялся. Съ уничтоженіемъ же новороссійскаго генералъ-губернаторства, онъ конечно канулъ въ вѣчность. Я же сдѣлалъ доброе дѣло для всего Новороссійскаго края, такъ

какъ разселить цыганъ по всѣмъ селамъ значило бы въ каждомъ селѣ образовать постоянный пунктъ конокрадовъ. Въ отношеніи моемъ генералъ-губернатору я упиралъ на это, требуя статистическихъ свѣдѣній о конокрадствѣ въ краѣ, и о лицахъ, замѣшанныхъ въ этихъ дѣлахъ, зная напередъ, что воры все цыгане. Затѣмъ я указывалъ на еврейскія колоніи, гдѣ затрачены милліоны, розданы сотни тысячъ десятинъ, а достигнуты такіе результаты, что евреи отведенныя имъ земли отдаютъ въ наемъ, а сами или открыли шинки или торгуютъ спичками и другими бездѣлушками. Далеко было бы полезнѣе, если бы отъ еврейскихъ колоній взять эти земли и отдать безземельнымъ крестьянамъ. Поселиться на нихъ нашлось бы много охотниковъ изъ внутреннихъ губерній, а чрезъ это и крестьяне улучшили бы свое положеніе и край бы увеличился народонаселеніемъ. Я и это упомянулъ въ отношеніи и выразилъ желаніе министра имѣть вѣрное ручательство, что цыгане не сдѣлаютъ изъ своихъ земель того же употребленія, какъ евреи.

Въ клубѣ я познакомился скоро съ очень многими, въ томъ числѣ съ поэтомъ нашимъ Некрасовымъ, который велъ очень сильную игру, и съ извѣстнымъ литераторомъ Щедринымъ (Салтыковымъ), но не въ клубѣ, а у Замятнина. Онъ въ это время былъ въ отставкѣ, кажется, искалъ, но не могъ получить мѣсто; онъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязани, потомъ предсѣдателемъ казенной палаты въ Тулѣ, и вотъ можно-ли судить о человѣкѣ по его сочиненіямъ; въ сочиненіяхъ видѣли въ Щедринѣ либерала, а на службѣ болѣе деспотическаго, даже дерзкаго начальника въ отношенія подчиненныхъ, какъ Щедрина, трудно найти.

Весной я перевезъ семью мою въ Петербургъ. Мы это лѣто жили на дачѣ на Черной рѣчкѣ, противъ дачи Строганова. Каждый день видались съ Замятниными, или они у насъ или мы у нихъ; катались на лодкахъ, а дѣти подготовлялись для поступленія въ гимназію. Затѣмъ я нанялъ себѣ квартиру на Надеждинской улицѣ въ домѣ Трута.

Служба въ министерствѣ шла своимъ порядкомъ. Сначала, когда мнѣ были переданы дѣла башкиръ, то я испугался ихъ массы, но потомъ, разсмотрѣвъ, увидѣлъ, что дѣлопроизводитель, Бойсманъ, самъ навязалъ себѣ эту работу, что дѣла эти даже не подлежали разсмотрѣнію министерства, а должны были вѣдаться непосредственно въ Сенатѣ безъ всякаго участія министра; я въ такомъ смыслѣ составилъ докладъ, министръ очень былъ доволенъ и 400—500 дѣлъ какъ не бывало. Когда Валуевъ поручилъ мнѣ заняться составленіемъ Положенія о надѣленіи башкирскихъ припущенниковъ землею, по проекту генералъ-губернатора, то спросилъ меня.

— Вы, Луцкій, знаете быть и положеніе башкиръ?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не знаю,—отвѣчалъ я.

— И я не знаю,—продолжалъ Валуевъ, но будемте вмѣстѣ составлять для нихъ Положеніе, у насъ на Руси всегда такъ: кто чего не знаетъ, о томъ и пишетъ. Однако вотъ что: прочитайте со вниманіемъ проектъ генералъ-губернатора, затѣмъ узаконенія о башкирскихъ земляхъ, да не по Своду законовъ, а по Полному Собранію законовъ, сообразите съ Положеніемъ 19-го февраля и доложите мнѣ вашъ планъ. При этомъ имѣйте въ виду, что если Положеніе о надѣленіи крѣпостныхъ людей землею вызывало между ними безпорядки, то необходимо стараться избѣгнуть, чтобы надѣленіе башкиръ ихъ же землями не породило между ними волненій.

Мѣсяца черезъ три я доложилъ министру, что я вполнѣ ознакомился съ дѣломъ и что мой планъ такой, чтобы составить Положеніе, которое, не нарушая ни въ чемъ льготъ и преимуществъ, дарованныхъ башкирамъ, только бы расширило, привело въ извѣстность и укрѣпило окончательно ихъ права на землю. Валуевъ, выслушавъ меня, вполнѣ одобрилъ планъ и поручилъ составлять Положеніе.

Пересматривая башкирскія дѣла, я увидалъ, что въ Уфѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора, существовало миссіонерское общество, на которое отпускалось изъ казны по 3.000 рублей въ годъ. Между тѣмъ ни за 1866 и 1867 г.г. ни одного донесенія о дѣйствіяхъ этого общества не было, и отчетовъ не представлялось. Я сказалъ объ этомъ Замятнину, и онъ велѣлъ доложить министру. Валуевъ приказалъ затребовать свѣдѣнія. Когда я прочелъ донесеніе губернатора А—ва, у меня и руки опустились. Онъ доносилъ, что за 1866 и 1867 г.г. изъ отпущенныхъ на общество 6.000 рублей израсходовано 7 р. 50 к., а 5.992 р. 50 к. остались въ экономіи, что дѣйствія общества не имѣли никакого успѣха, по причинѣ войны съ турками. Я показалъ эту курьезную бумагу Замятнину, онъ велѣлъ доложить министру. Въ субботу я взялъ ее съ собою и, какъ я зналъ хорошо А—ва и любилъ его, то мнѣ не хотѣлось выставлять этотъ ничѣмъ необъяснимый промахъ передъ министромъ, и потому я доложилъ только, что отвѣтъ отъ губернатора полученъ, и что дѣйствія миссіонерскаго общества за два послѣдніе года были неудовлетворительны. Министръ этимъ удовольствовался и сказалъ:

— Я этого и ожидалъ. Ну что за миссіонеры губернаторы, это только у насъ могло прійти въ голову поручить имъ такія занятія. Но что сдѣлалось на этотъ разъ съ Замятнинымъ! Присутствуя при докладѣ, онъ вообще старался никому не дѣлать непріятностей и исправлять разные промахи губернаторовъ. Съ А—вымъ же сверхъ того онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ по воспитанію, но тутъ что-то съ нимъ сдѣлалось.

— Да вы докладывайте министру подробнѣе,—сказалъ онъ мнѣ,—и скажите, сколько за два года осталось экономіи.

— Я сказалъ, что 5.992 р. 50 к.

— А сколько имъ было отпущено?—спросилъ Валуевъ.

— Шесть тысячъ рублей,—отвѣчалъ я.

— Значитъ, они издержали 7 р. 50 к. Скажите, пожалуйста, куда они могли издержать такую громадную сумму?

— Вѣроятно, на бумагу и конвертъ, для этого донесенія,—отвѣчалъ я.

— И я такъ думаю,—говорилъ министръ,—немудрено, что общество дѣйствовало безуспѣшно.

— Что жъ вы не докладываете,—опять сказалъ Замятнинъ,—что препятствовало успѣху дѣйствій общества.

Я, едва удерживаясь отъ смѣха, доложилъ, что успѣшному дѣйствію общества въ 1866 и 1867 г.г. препятствовала война съ турками.

— Что-о-о-съ? Какая и съ кѣмъ война?—спросилъ министръ.

— Съ турками,—отвѣчалъ я.

— Покажите донесеніе,—сказалъ министръ.

Я подалъ бумагу, гдѣ это мѣсто было подчеркнуто краснымъ карандашемъ. Министръ прочелъ и, возвращая бумагу мнѣ, сказалъ:

— Пожалуйста, Луцкій, напишите А—ву, что онъ меня ставитъ въ крайне непріятное положеніе, онъ объявляетъ туркамъ войну, а я ничего не знаю, меня могутъ спросить объ этомъ и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ, я не знаю, что отвѣчать и буду стоять столбомъ. Напишите ему, чтобы онъ на будущее время хоть къ свѣдѣнію сообщалъ, когда объявитъ туркамъ войну, и когда заключитъ и на какихъ условіяхъ миръ.

Дѣло это видимо занимало Валуева. Я помню, въ страстной четвергъ, часовъ въ 8 вечера, пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ и потребовалъ къ министру.

— Извините, Луцкій,—сказалъ Валуевъ,—что въ такіе великіе дни я васъ обезпокоилъ, вѣроятно, теперь и въ министерствѣ нельзя достать курьезнаго донесенія А—ва о миссіонерахъ, но вы, я думаю, его помните. Садитесь и напишите мнѣ коротенькую записку, въ которой обозначьте, сколько осталось экономіи и войну съ турками.

Я исполнилъ приказаніе. Валуевъ взялъ записку и отпустилъ меня. Впрочемъ, дѣло это никакихъ дурныхъ послѣдствій для А—ва не имѣло; онъ вскорѣ послѣ этого былъ переведенъ въ Самару, а вмѣсто его назначенъ изъ Самары вице-губернаторъ Ушаковъ.

Гораздо болѣе дурное послѣдствіе имѣло дѣло съ вятскимъ губернаторомъ К—ковымъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ въ губерніи, такъ и въ министерствѣ подъ именемъ Мордобейщикова. К—овъ былъ чело-

вѣкъ умный, но крайне раздражительный—не терпѣлъ противорѣчій и не стѣснялся ни въ выраженіяхъ, ни даже въ дѣйствіяхъ со служащими у него. Разъ онъ обозвалъ дураками членовъ Сарапульской уѣздной управы и это онъ сдѣлалъ публично въ самой управѣ. На него была принесена жалоба въ Сенатъ. Какое имѣло послѣдствіе это дѣло, я не знаю, но онъ оборвался на самомъ пустомъ дѣлѣ. Дѣло шло о разверстаніи угодій между удѣломъ и крестьянами. К—ковъ поддерживалъ удѣльное вѣдомство, а другіе члены взяли сторону крестьянъ. Рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ въ пользу крестьянъ, т. е. проектъ разверстанія, представленный удѣльной конторой, былъ забракованъ, а предположено было разверстать такъ, какъ назначилъ мировой съѣздъ. Ко—ковъ, въ силу предоставленной губернатору власти, остановилъ исполненіе журнала, представивъ дѣло въ министерство, но въ своемъ представленіи чернилъ какъ только можно членовъ губернскаго присутствія, выставляя ихъ какими-то отъявленными демагогами, всегда и во всемъ держащими сторону крестьянъ и старающимися идти противу властей. Меня взорвало это, я былъ возмущенъ такимъ гадкимъ доносомъ, и тѣмъ болѣе, что тутъ оба члена были совершенно правы, такъ какъ удѣлъ хотѣлъ видимо притѣснить крестьянъ. Въ такомъ смыслѣ я составилъ докладъ, добавивъ, что такъ какъ постановленія по разверстанію подлежатъ обжалованію въ министерство и приводятся въ исполненіе только по полученіи разрѣшенія на жалобу, то губернатору и не было надобности пріостанавливать исполненіе журнала. Удѣлъ если бы видѣлъ нарушеніе статей Положенія, то самъ бы могъ жаловаться установленнымъ порядкомъ. Здѣсь же губернаторъ обвиняетъ членовъ губернскаго присутствія въ пристрастномъ рѣшеніи въ пользу крестьянъ, ничѣмъ не подтверждая своего обвиненія, такъ какъ мнѣніе членовъ основано на точномъ смыслѣ Положенія. Самъ же, наоборотъ, остановивъ исполненіе журнала, изобличаетъ себя въ пристрастіи къ дѣлу. Министръ, выслушавъ докладъ, спросилъ меня:

— Вы знаете К—кова?

Я отвѣчалъ, что коротко не знакомъ, но знаю.

— Такъ знайте, что онъ не покажетъ этой бумаги членамъ присутствія, а спрячетъ ее, сказавъ только, что мною утверждено мнѣніе большинства, но онъ мнѣ надоѣлъ своими выходками и потому добавьте, чтобы это предложеніе мое было заслушано по журналу и копія съ журнала была бы представлена въ министерство.—Ну, вотъ теперь пускай онъ раскуситъ этотъ орѣхъ.

Недѣли черезъ двѣ Замятнинъ получилъ по этому дѣлу письмо отъ К—ова, гдѣ между прочимъ онъ писалъ, что означенное предложеніе уничтожило окончательно уваженіе со стороны членовъ къ губернатору.

Послѣ этого онъ просилъ объ увольненіи его и былъ причисленъ къ министерству.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. Валуевъ оставилъ министерство съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а министромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ.

На другой день по назначеніи Тимашева, онъ пріѣхалъ въ министерство; мы всѣ были собраны въ залѣ совѣта. Обращаясь къ присутствующимъ, онъ сказалъ, что, повинуясь волѣ государя, онъ не осмѣлился отказаться отъ этого важнѣйшаго въ Имперіи министерства; что онъ сознаетъ, что не имѣетъ той опытности, которая необходима на этомъ посту, но увѣренный, что мы такъ же усердно и честно будемъ исполнять при немъ наши обязанности, какъ исполняли при Петрѣ Александровичѣ, онъ надѣется оправдать довѣріе государя.

— Прошу васъ, господа,—прибавилъ Тимашевъ,—при объясненіяхъ со мною по дѣламъ не стѣсняться въ выраженіяхъ вашихъ мнѣній; прошу васъ, если мои предположенія или замѣчанія вы будете находить несогласными съ законами или неполными или несущественно полезными, то прямо и смѣло мнѣ говорите объ этомъ. Всякое прямое возраженіе я выслушаю съ удовольствіемъ; одно, чего не потерплю, это подпольныхъ интригъ и темныхъ, закулисныхъ дѣйствій.

Тимашевъ какъ наружностью своею, такъ и словами произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Затѣмъ онъ пошелъ по департаментамъ. У насъ въ Земскомъ отдѣлѣ вышелъ курьезъ. Вообще во всемъ министерствѣ, кромѣ директоровъ, никто не имѣлъ мундировъ, мы и не тревожились, но вице-директорамъ, провожающимъ по департаментамъ министра, надо быть въ мундирахъ. Помощникъ нашего управляющаго запоролъ горячку, наконецъ, нашелъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ какой-то мундиръ помощника столоначальника, облекся въ него и важно сопровождалъ министра. Тимашевъ не обратилъ вниманія, что онъ былъ въ Анненской лентѣ и въ мундирѣ IX-го класса. Мы едва удерживались отъ смѣха. Это былъ первый и послѣдній пріѣздъ Тимашева въ министерство.

При докладѣ Тимашевъ былъ чрезвычайно любезенъ, а главное доступенъ и простъ въ обращеніи, онъ не былъ знакомъ съ дѣломъ, но быстро вникалъ и усваивалъ себѣ суть его. Онъ часто ошибался, но никогда упрямо не настаивалъ на своемъ предположеніи, а убѣжденный доказательствами соглашался. Доклады у него нашего отдѣла такъ же остались по субботамъ. Такъ какъ онъ былъ помѣщикъ Уфимской губерніи, то его очень интересовали мои доклады по башкирскому дѣлу, и онъ далъ мнѣ много полезныхъ, практическихъ указаній.

Тимашевъ, до назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ министромъ почтъ и телеграфовъ, теперь же оба эти министерства

слились въ одно, и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовались два департамента: почтовый и телеграфный. Директоромъ почтоваго департамента былъ назначенъ симбирскій губернаторъ баронъ Веліо, а вмѣсто его въ Симбирскъ—мой хорошій знакомый, членъ Петербургскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Александръ Өедоровичъ Гюне.

Въ этотъ годъ лѣтомъ заболѣлъ Николай Александровичъ Замятнинъ. Зная его за человѣка мнительнаго, мы не вѣрили въ его болѣзнь; но не только мы, но и доктора увѣряли, что это только мнительность; однако болѣзнь усиливалась и вскорѣ сдѣлалась серьезною. Онъ жилъ въ это время на углу Кирпичнаго переулка и Большой Морской улицы. Въ министерство не ѣздилъ и докладовъ не принималъ. У него часто бывали консиліумы, на которыхъ два раза въ недѣлю бывали: Боткинъ и Здекауеръ.

— Мы совершенно какъ школьники, незнающіе урока,—говорилъ Боткинъ,—лѣчимъ у Замятнина только явленія болѣзни и не можемъ понять, чѣмъ онъ боленъ.

— Скажите, Өедоръ Ивановичъ,—спрашивалъ я Этингера,—что наконецъ узнали болѣзнь Замятнина?

— Наши знаменитости, — отвѣчалъ онъ,—не могутъ согласиться между собой. Боткинъ утверждаетъ, что у него раковидный наростъ въ желудкѣ, а Здекауеръ,—что полиповидный.

— Хорошо,—отвѣчалъ я,—но который скорѣе излѣчивается.

— Что касается этого,—сказалъ Этингеръ,—это безразлично, оба неизлѣчимы, и тотъ и другой смертельны.

— Такъ, значитъ, вы спорите изъ любви къ искусству.

И дѣйствительно бѣдный Замятнинъ вскорѣ скончался: онъ умеръ ровно черезъ годъ послѣ смерти жены.

Замятнинъ былъ человѣкъ прямой, съ своими стойкими убѣжденіями, съ трезвымъ взглядомъ на дѣло. О Тимашевѣ большинство въ Россіи имѣло совершенно превратное понятіе. Онъ служилъ прежде начальникомъ штаба при шефѣ жандармовъ, и о немъ составилось мнѣніе, что это крайне ограниченный и желчный человѣкъ, готовый во всякомъ дѣлѣ повредить, — а это былъ честнѣйшій и добрѣйшій господинъ, всегда готовый оказать добро и сдѣлать все, что только отъ него зависѣло. Кстати мнѣ пришелъ на память одинъ случай.

Въ 1863 году, во время польскаго бунта, въ Казани жилъ очень богатый помѣщикъ Дмитріевъ, получавшій отъ 40 до 50 тысячъ дохода.

При проходѣ черезъ Казань партіи плѣнныхъ поляковъ, онъ задалъ имъ обѣдъ. Сейчасъ же донесли объ этомъ въ Петербургъ, и Дмитріева велѣно было прислать съ жандармами. Взяли и повезли раба Божьяго

Жена послѣдовала вслѣдъ за нимъ и прямо къ Тимашеву, который былъ тогда начальникомъ штаба III-го отдѣленія.

— Извините меня, сударыня,—сказалъ онъ,—но заранѣе предупреждаю васъ, что поступокъ вашего мужа неизвинителенъ, и я ничего не могу для него сдѣлать.

— Генералъ!—отвѣчала она,—я пріѣхала просить васъ не о снисхожденіи, и никакой милости для мужа не прошу,—прошу одного, удѣлите полчаса на разговоръ съ нимъ.

Тимашевъ согласился, и въ тотъ же день Дмитріевъ былъ отпущенъ.

Послѣ онъ жилъ въ Петербургѣ, и я спрашивалъ его:

— Ты знаешь Тимашева?

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ онъ.

— Что это за человѣкъ?

— Это не человѣкъ, это душа. Помню я, какъ меня схватили и привезли въ Петербургъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, мы болѣе часу говорили съ нимъ по душѣ. Онъ взялъ меня за руку и говоритъ: «ну, поѣзжайте въ Казань, васъ напрасно безпокоили». Вотъ это какой человѣкъ.

— Да ты мнѣ скажи, какъ ты объяснилъ ему, для чего ты давалъ обѣдъ ссыльнымъ полякамъ.

— А вотъ для чего,—еслибъ поляки взяли Казань, они всѣхъ бы русскихъ стали мучить, а меня за этотъ обѣдъ не тронули бы.

Ему, бывало, разскажутъ, что императоръ Наполеонъ послалъ въ Мексику Максимиліану въ подарокъ по телеграфу 60 орудій, и онъ скачетъ по знакомымъ и сообщаетъ эту новость.

Доброе, сердечное отношеніе министра я испыталъ на себѣ нѣсколько разъ. 23-го декабря 1870 года у меня умерла моя милая Маша. Не говоря уже о томъ, что на другой день утромъ Тимашевъ прислалъ на похороны 500 рублей, но когда въ первый же докладъ послѣ новаго года я былъ у него, онъ, по выходѣ моемъ изъ кабинета, спросилъ Барыкова: «что это я замѣтилъ, что Луцкій грустенъ и скученъ?» Все горюетъ о своей дочери,—отвѣчалъ Барыковъ. Я въ пріемной залѣ укладывалъ въ портфель бумаги, какъ Тимашевъ взошелъ туда, тамъ было много лицъ, его ожидавшихъ, онъ подходитъ ко мнѣ, беретъ за руку и говоритъ:

— Простите меня, Луцкій, что я былъ такъ невнимателенъ, что не сдѣлалъ распоряженія объ освобожденіи васъ на время отъ докладовъ. Вѣрьте, что я вполнѣ сочувствую вашему горю. Если хотите ѣхать изъ Петербурга, чтобы разсѣяться, скажите мнѣ, я съ удовольствіемъ отпущу и дамъ вамъ средства на поѣздку.

Онъ такъ искренно говорилъ, такими добрыми глазами смотрѣлъ на

меня, что у меня при воспоминанiи о потерѣ любимой дочери полились слезы, и Тимашевъ самъ заплакалъ.

— Ну, Богъ съ вами, не грустите такъ,—говорилъ онъ, крѣпко сжимая руку.

Когда жена моя заболѣла, мнѣ хотѣлось оставить Петербургъ, но послѣ смерти моей дочери я окончательно рѣшился куда-нибудь изъ него уѣхать и потому просилъ Мансурова о переводѣ меня вице-губернаторомъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ. Разъ присылаетъ онъ за мной.

— А что,—спросилъ онъ,—вы не перемѣнили своего намѣренiя перейти изъ Петербурга?

— Я отвѣчалъ, что очень бы желалъ.

— Ну, такъ вотъ открывается вакансiя вице-губернатора въ Екатеринославѣ—хотите туда, если да, то я доложу министру.

Я его поблагодарилъ и просилъ оказать содѣйствiе, онъ обѣщалъ завтра же сообщить мнѣ, какъ рѣшитъ министръ. На другой день онъ сказалъ, что министръ согласился, но какъ Екатеринославъ принадлежитъ къ новороссiйскому генералъ-губернаторству, то нужно еще согласiе Коцебу, къ которому уже телеграфировали.

— Относительно Коцебу,—продолжалъ онъ,—не сомнѣвайтесь, такъ какъ я спросилъ министра, какъ ему телеграфировать, т. е. предоставить-ли на его волю, или же такъ, чтобы непремѣнно получить утвердительный отвѣтъ, чтобы онъ видѣлъ, что это со стороны министра только формальность.

— Да какъ же это у васъ дѣлается?—спросилъ я.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ Мансуровъ;—если кто просится и министръ ничего противъ этого не имѣетъ, но не желаетъ стѣснять и генералъ-губернатора, то телеграфируетъ такимъ образомъ: «На открывшуюся вакансiю во ввѣренной вашему высокопревосходительству губернiи просится такой-то. Если вы не имѣете никого на эту должность въ виду, то отъ вашего представленiя будетъ зависѣть назначенiе его на эту должность». Относительно васъ телеграфировали такъ: «На открывшуюся вакансiю екатеринославскаго вице-губернатора предположилъ назначить лично мнѣ извѣстнаго статскаго совѣтника Луцкаго. Прошу увѣдомить меня, не встрѣчается-ли со стороны вашей препятствiй». На такiя телеграммы отказа нѣтъ. На слѣдующiй день мнѣ Мансуровъ показалъ отвѣтную телеграмму Коцебу слѣдующаго содержанiя: «Не только согласенъ на назначенiе Луцкаго, но прошу ваше высокопревосходительство кромѣ его никого не назначать». Такимъ образомъ назначенiе мое было рѣшено.

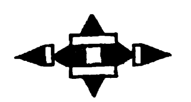
6-го iюня 1871 г. я выѣхалъ изъ Петербурга и 11-го iюня прiѣхалъ въ Екатеринославъ.

Черезъ день по моемъ пріѣздѣ, я поѣхалъ съ губернаторомъ въ губернское правленіе и вступилъ въ должность. Это была половина іюня. Жара невыносимая. Собравъ всѣхъ служащихъ, я объявилъ имъ, что пріѣхалъ сюда, чтобы заниматься дѣломъ, и отъ нихъ буду требовать только дѣла, а отнюдь не формы; что они могутъ ходить на службу въ чемъ угодно, форменной одежды я не требую, такъ какъ при этой жарѣ отъ нея можно изнемочь, и потому прошу ихъ не стѣсняться, ходить въ парусинныхъ пальто какъ сюда, такъ и ко мнѣ.

Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, губернаторъ уѣхалъ въ отпускъ въ Черниговскую губернію, и мнѣ пришлось вступить въ управленіе губерніею. Общій ходъ дѣла по управленію губернатора мнѣ былъ извѣстенъ давно, но я не былъ знакомъ ни съ мѣстностію, ни съ личностями,—а тутъ еще, черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ, въ Екатеринославѣ появилась холера. Первою ея жертвою былъ частный приставъ, затѣмъ смертность сдѣлалась довольно значительною. Я собралъ комитетъ здравія, пригласилъ всѣхъ докторовъ, просилъ ихъ составить гигіеническія общедоступныя правила. Долго толковали, обсуждали, писали и кончили тѣмъ, что я совершенно разошелся въ мнѣніи о мѣрахъ, предположенныхъ медиками.

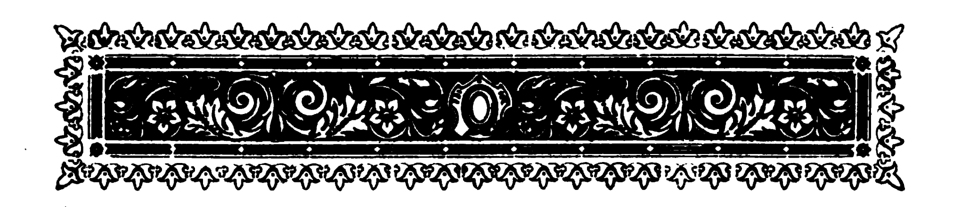
Они указывали, что рабочіе не иначе должны спать, какъ на кроватяхъ, выходить на работы, предварительно позавтракавъ горячею пищею и выпивъ рюмку водки, а если можно, то чашку чернаго кофе и др. статьи въ этомъ родѣ. Мнѣ приходилось имъ доказывать весь вздоръ ихъ писанія по непримѣнимости его на практикѣ. Я также возсталъ противъ безусловнаго запрещенія продажи на базарахъ арбузовъ, дынь, огурцовъ и другой зелени, прямо заявляя, что, давъ это запрещеніе, мы разовьемъ тайную продажу по дворамъ, и что это будетъ очень выгодно, во-первыхъ, для продавцовъ, а во-вторыхъ, для полиціи, которая будетъ брать взятки, и что по-моему нужно слѣдить, чтобы не продавались незрѣлыя овощи. Я поставилъ на своемъ, продажу не запрещалъ, и послѣдствія оправдали меня. Рядомъ, въ Полтавѣ и Харьковѣ, была запрещена продажа, что̀ возбудило общій ропотъ и нисколько не содѣйствовало уменьшенію болѣзни, напротивъ, у насъ сравнительно съ тѣми городами она похитила гораздо менѣе жертвъ [1]).

Сообщила **О. В. Червинская**.



---

[1]) Къ сожалѣнію, на этомъ оканчиваются весьма интересныя записки В. К. Луцкаго.



Въ Севастополѣ—50 лѣтъ тому назадъ.

Я пріѣхалъ въ Севастополь въ началѣ 1854 года, какъ туристъ, и нѣкоторое время оставался безъ дѣла; переводъ мой изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій, о которомъ я хлопоталъ, долго не осуществлялся. Наконецъ, уже весною, адмиралъ Корниловъ взялъ меня въ должность своего «флагъ-офицера». Насъ, «флагъ-офицеровъ», было четверо, въ томъ числѣ два штабъ-офицера (я и еще здравствующій сослуживецъ мой, кн. В. И. Барятинскій) и два лейтенанта, но обязанности наши были нѣсколько различны и значительно шире тѣхъ, которыя обыкновенно возлагаются на «флагъ-офицеровъ». Весь флотъ стоялъ вооруженнымъ на рейдахъ Севастополя, подраздѣляясь на двѣ эскадры: въ глубинѣ Большаго рейда стояла эскадра Нахимова; въ Южной бухтѣ, ближе къ выходу въ море, эскадра Корнилова, который имѣлъ флагъ на кораблѣ «Великій князь Константинъ». Адмиралъ нашъ жилъ на берегу, но пріѣзжалъ каждый день къ 8 ч. утра и оставался на кораблѣ часа два или болѣе; затѣмъ онъ съѣзжалъ на берегъ, и всѣ текущія распоряженія по эскадрѣ оставались до слѣдующаго утра на отвѣтственности дежурнаго флагъ-офицера. Сверхъ того, въ его же распоряженіи состоялъ главный наблюдательный постъ на крышѣ офицерской библіотеки, съ высоты котораго открывался далекій горизонтъ моря. Тамъ постоянно находился одинъ изъ младшихъ офицеровъ, причисленныхъ къ нашему штабу съ нѣсколькими сигнальщиками съ корабля.

Но наши занятія, какъ флагъ-офицеровъ, не ограничивались однако этими дежурствами. Каждый изъ насъ имѣлъ спеціальныя порученія. Самъ неутомимо дѣятельный, Корниловъ умѣлъ заставлять осмысленно работать и всѣхъ окружающихъ. Когда Владиміръ Алексѣевичъ сдѣлался de facto начальникомъ сухопутной обороны Севастополя, то онъ

окончательно поселился на берегу, проводя цѣлые дни въ объѣздѣ разныхъ частей нашей оборонительной линіи. Мы всѣ должны были слѣдовать за нимъ и обзавестись верховою лошадью—и даже не одною, а двумя, потому что одной часто оказывалось недостаточно. Корниловъ занялъ домъ подрядчика Волохова, самый большой домъ въ то время въ Севастополѣ, въ которомъ нашлось довольно мѣста и для всѣхъ насъ.

Въ началѣ адмирала сильно безпокоило положеніе нашего лѣваго фланга (т. е. Корабельной стороны съ Малаховымъ курганомъ), который до тѣхъ поръ оставался вовсе неукрѣпленнымъ и, будучи совсѣмъ отрѣзанъ отъ главной позиціи Южною бухтой, болѣе всего подвергался опасности. Я помню, что мнѣ было поручено составить планъ эвакуаціи нашей позиціи на Корабельной сторонѣ и переправы оттуда войскъ къ главнымъ силамъ въ городъ [1]). Къ счастію, этого не понадобилось, и черезъ нѣсколько дней былъ уже готовъ плавучій мостъ черезъ Южную бухту, подавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ идею большаго моста черезъ Главную, или Большую Севастопольскую бухту, по которому совершилось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя 27-го августа 1855 г.

Если Корниловъ старался одушевить войска своими пламенными рѣчами, если онъ говорилъ солдатамъ: «Отступленія ни въ какомъ случаѣ не будетъ», и пр. [2]), то, какъ трезво мыслящій предводитель, онъ не могъ этого думать въ душѣ и заботился о возможномъ упорядоченіи отступленія, если бы оно сдѣлалось неизбѣжнымъ. Надо было разработать и приготовить на всякій случай планъ отступленія съ Городской стороны и переправы гарнизона на Сѣверную. Было сдѣлано полное росписаніе этой операціи, въ которой должны были принять участіе всѣ наши средства—немногочисленные пароходы, имѣвшіеся при эскадрѣ, и всѣ гребныя суда, сколько ихъ можно было набрать. Корниловъ желалъ, чтобы все, касающееся этого плана, содержалось въ полномъ секретѣ. Я долженъ былъ приходить съ своимъ докладомъ по этому порученію поздно вечеромъ, когда всѣ расходились и самъ адмиралъ удалялся на покой въ свою спальню. По наружности, я занимался устройствомъ и урегулированіемъ ежедневнаго правильнаго сообщенія по бухтѣ между осажденнымъ городомъ и его базою, т. е. Сѣверною стороною, откуда шло все снабженіе и всѣ подкрѣпленія гарнизона. Такимъ образомъ всѣ переправочныя и перевозныя средства оставались съ этого времени и до конца обороны на моихъ рукахъ, и я старался ихъ поддерживать, сохранять и исправлять, насколько это было возможно. Но,

---

[1]) Приказъ № 96 (21-го сентября). Жандръ. Матеріалы, стр. 244.

[2]) Сопровождая адмирала въ его разъѣздахъ, я самъ, лично, этихъ словъ не слыхалъ.

конечно, не будь построенъ мостъ черезъ Большую Севастопольскую бухту, этихъ средствъ было бы далеко недостаточно, чтобы позволить намъ, послѣ взятія Малахова кургана, совершить эвакуацію города такъ успѣшно, какъ это удалось сдѣлать.

Но вотъ наступило и 5-е октября 1854 года. Великолѣпный осенній день, солнечный и теплый, какіе бываютъ только на югѣ. Съ разсвѣтомъ началась бомбардировка. Корниловъ поскакалъ на оборонительную линію, и я его догналъ уже на 4-мъ бастіонѣ. Отсюда онъ направился вдоль оборонительной линіи, слѣдуя ея очертанію, направо, т. е. по направленію къ 5-му бастіону. Но лошади наши съ непривычки пугались выстрѣловъ; это заставило меня потерять нѣсколько времени, и я рѣшился отправиться прямымъ путемъ на 5-й бастіонъ, разсчитывая тамъ соединиться съ Корниловымъ. На 5-мъ бастіонѣ я нашелъ адмирала П. С. Нахимова, который встрѣтилъ меня словами: «Ну-съ, а гдѣ же теперь Владиміръ Алексѣичъ? Вотъ-съ гдѣ ему слѣдовало бы быть. Посмотрите, что тутъ дѣлается!»

П. С. Нахимовъ, при всѣхъ его высокихъ доблестяхъ, имѣлъ, какъ извѣстно, довольно маленькихъ слабостей. Одна изъ его слабостей состояла въ придирчивости, съ какою онъ расположенъ былъ критиковать поступки В. А. Корнилова. Оба принадлежали къ той же школѣ, образовавшейся подъ крыломъ Лазарева, оба любили и уважали другъ друга, но въ ихъ отношеніяхъ со стороны Нахимова проглядывалъ особый оттѣнокъ. Будучи по службѣ старше своего товарища, онъ никогда не могъ забыть, что былъ обойденъ этимъ послѣднимъ, когда Корниловъ, по избранію того же Лазарева, сдѣлался начальникомъ штаба Черноморскаго флота. Невинныя выходки противъ болѣе счастливаго товарища прорывались часто, но въ глубинѣ души онъ его горячо любилъ и вѣрилъ въ него. Я помню одинъ вечеръ. Было уже поздно, но Нахимовъ засидѣлся у насъ. Изъ оконъ дома, въ которомъ жилъ Корниловъ, былъ видъ на Мекензіеву гору и можно было видѣть ясно бивачные огни непріятельской арміи. Непріятель, обойдя наши сѣверныя укрѣпленія, переходилъ на Южную сторону, т. е. къ городу. Я былъ одинъ свидѣтелемъ сцены, которой никогда не забуду. Нахимовъ упалъ духомъ и расплакался, какъ дитя. Ему казалось, что все уже погибло. Влад. Алексѣевичъ былъ невозмутимо хладнокровенъ и спокоенъ и не прежде простился и отпустилъ Павла Степановича пока не утѣшилъ и не успокоилъ его.

Положеніе дѣлъ на 5-мъ бастіонѣ дѣйствительно было далеко не такое, какого можно бы было желать. Длинный рядъ слишкомъ часто разставленныхъ большихъ орудій на морскихъ станкахъ, съ многочисленной прислугой, представлялъ такой же видъ, какой имѣли во время тревоги батарейныя палубы кораблей той эпохи. Люди были такъ скучены,

*

что, казалось, «негдѣ было яблока бросить», а между тѣмъ въ эту человѣческую массу врывались одинъ за другимъ непріятельскіе снаряды, какъ въ знакомое гнѣздо, съ такою же точностью, какъ билліардные шары въ лузы. Непріятельскія орудія, дѣйствовавшія по бастіону, были очевидно заблаговременно, можетъ быть наканунѣ еще, наведены и всѣ снаряды ложились въ цѣль, хотя непріятель былъ для насъ невидимъ, слѣдовательно, и самъ не могъ насъ видѣть. Густой утренній туманъ солнечнаго осенняго дня еще наполнялъ ложбины и стоялъ непроницаемой стѣной передъ дуломъ нашихъ орудій. Тѣмъ не менѣе, неопытные еще въ бою комендоры наши, не видя цѣли, впопыхахъ боевой горячки палили на-пропалую, едва успѣвая заряжать орудія. Происходило дѣйствительно нѣчто весьма нежелательное. Мы тратили порохъ и снаряды на воздухъ, и при такой тратѣ можно было опасаться, что скоро въ нихъ окажется недостатокъ.

— Я пойду по фронту направо, а вы идите налѣво,—сказалъ мнѣ Павелъ Степановичъ,—и старайтесь успокоить и вразумить комендоровъ.

Но это было легче сказать, чѣмъ исполнить. Подойдешь къ комендору—толкуешь, толкуешь, что безполезно стрѣлять, когда впереди ничего не видно, что надо приберечь выстрѣлъ на тотъ моментъ, когда можно будетъ разсмотрѣть цѣль.

— Есть, есть,—говорилъ онъ.

— Ну, понялъ?

— Понялъ, понялъ, ваше в—іе!

Но едва повернешься къ нему спиною, какъ бацъ! раздается новый выстрѣлъ.

Здѣсь я получилъ мое, такъ называемое, боевое крещеніе. Непріятельское ядро сорвало голову комендора, подлѣ котораго я стоялъ, и все, что было въ этой несчастной головѣ, попало мнѣ въ лицо и на мою новую солдатскую шинель тонкаго сукна. В. А. Корниловъ, который между тѣмъ уже пріѣхалъ на бастіонъ, замѣтивъ мое печальное положеніе, сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте переодѣться. Я самъ отсюда проѣду прямо домой, и будемъ пить чай.

За этимъ чаемъ, гдѣ насъ было человѣкъ десять или двѣнадцать, я видѣлъ нашего героя въ послѣдній разъ. Онъ палъ черезъ нѣсколько часовъ, и послѣднія слова его были: «Отстаивайте же Севастополь!»

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы завѣщаніе Корнилова, какъ будто онъ хотѣлъ ими сказать: «Я свое дѣло сдѣлалъ; дѣлайте же вы теперь ваше!»

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, мы возвращались съ одного изъ объѣздовъ оборонительной линіи. Мы выѣхали сначала, какъ обыкно-

венно, въ довольно большомъ числѣ, но мало-по-малу Корниловъ, по своему обычаю, разослалъ всѣхъ съ разными порученіями; подъ конецъ, я остался съ нимъ одинъ, будучи въ тотъ день дежурнымъ флагъ-офицеромъ. Сзади ѣхали одинъ или два казака, и Корниловъ началъ говорить такъ:

— Ну, кажется, мы сдѣлали теперь все, что возможно было сдѣлать, и все, что могла указать человѣческая предусмотрительность. Остается ожидать, что будетъ.

Дѣйствительно, все, казалось, было сдѣлано. Всѣ огромныя средства флота были обращены на защиту города, оборона наша была теперь твердо организована и все это сдѣлалъ одинъ этотъ человѣкъ, но въ словахъ его теперь какъ будто слышались (въ первый и единственный разъ) нѣкоторая усталость и упадокъ духа. И мнѣ въ эту минуту стало жаль великаго подвижника. Я сказалъ, что у меня есть какъ бы предчувствіе, что къ концу года все окончится благополучно и на Рождествѣ, когда церковь благодарственно молится за избавленіе отъ нашествія 1812 года, мы присоединимъ нашу новую молитву за избавленіе отъ нашествія англо-французовъ на Севастополь.

— Нѣтъ,—возразилъ Корниловъ,—для меня это былъ бы слишкомъ долгій срокъ. Развѣ вы не замѣчаете, видя меня каждый день, что вся моя настоящая дѣятельность поддерживается искусственнымъ напряженіемъ, которое долго продолжаться не можетъ. Такъ или иначе, но для меня развязка должна придти скорѣе.

И, дѣйствительно, ему недолго пришлось ожидать развязки.

Вечеромъ, того же 5-го октября, когда уже совсѣмъ стемнѣло, погребальная процессія направилась изъ дома Волохова въ храмъ св. Владиміра. Мы несли на своихъ рукахъ гробъ убитаго адмирала. Черное небо надъ нами было усыпано тысячами звѣздъ, и послѣдніе выстрѣлы бомбардировки провожали наше шествіе. Адмиралъ Нахимовъ, желая самъ нести гробъ, хотѣлъ, чтобы я уступилъ ему свое мѣсто, но я помню, что я не согласился.

Въ этотъ день погибъ также любимый товарищъ мой, графъ Эдуардъ Рачинскій. Выдающагося молодаго офицера этого ожидала блестящая карьера. Ему не было еще 30 лѣтъ, но онъ былъ уже капитанъ-лейтенантомъ и старшимъ офицеромъ, кажется, на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ». Безъ ума влюбленный въ одну изъ нашихъ севастопольскихъ дамъ, онъ, повидимому, самъ искалъ смерти. Вступивъ въ командованіе 3-мъ бастіономъ послѣ того, что уже выбыли изъ строя одинъ за другимъ два или три его предмѣстника, онъ очень скоро послѣдовалъ за ними. Но въ этой судьбѣ замѣчательно то, что онъ исчезъ безслѣдно! пропалъ безъ вѣсти!

Можно пропасть безъ вѣсти въ походѣ, или даже въ сраженіи на

открытомъ полѣ, гдѣ позиціи сражающихся мѣняются, это еще понятно. Но пропасть безъ вѣсти на своей собственной батареѣ болѣе удивительно,—хотя примѣръ этотъ не единственный и показываетъ только, въ какомъ состояніи разрушенія и хаоса находились наши земляные бастіоны послѣ одного дня усиленной бомбардировки, когда не нашлось никакихъ признаковъ и слѣдовъ существованія—и не кого-либо изъ младшихъ чиновъ, рядоваго или артиллериста, а самого начальника бастіона.

Я не стану повторять, что, не случись Корниловъ въ Севастополѣ, никогда бы не могла организоваться титанская оборона, прославившая мощь нашей силы сопротивленія. Примѣровъ личной храбрости намъ не стать искать, но никто другой на его мѣстѣ изъ лицъ, которыхъ я видѣлъ тогда на дѣлѣ, не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Но Корниловъ былъ не только организаторомъ матеріальной части обороны, не только иниціаторомъ и вдохновителемъ геройскаго духа въ личномъ составѣ, но онъ открылъ Тотлебена и призвалъ его къ дѣятельности.

Флотскіе батальоны, свезенные на Сѣверную сторону, составили бригаду, которою командовалъ адмиралъ Новосильскій. Корниловъ сдѣлалъ имъ смотръ, но когда Тотлебенъ долженъ былъ объяснить этой, вновь созданной, пѣхотѣ нѣкоторые тактическіе пріемы и движенія, которыя могли имъ предстоять, Новосильскій перебилъ его словами:

— Нѣтъ, нѣтъ; вы насъ приведите и поставьте, гдѣ намъ слѣдуетъ стоять, а ужъ драться мы будемъ.

Дѣло въ томъ, что десантныхъ ученій въ черноморскихъ эскадрахъ никогда не дѣлалось и какъ нижніе чины, такъ и высшіе, рѣшительно ничего не знали и не понимали въ службѣ на сухомъ пути.

Послѣ смерти Корнилова, его замѣнилъ по старшинству адмиралъ М. Н. Станюковичъ. Весь довольно многочисленный штабъ нашъ поступилъ въ полномъ составѣ къ новому начальнику, при чемъ по распоряженію свыше велѣно было оставить каждаго изъ насъ при тѣхъ занятіяхъ и порученіяхъ, какія мы имѣли у Корнилова. Такимъ образомъ у меня на рукахъ осталось завѣдываніе всѣми сообщеніями по бухтѣ и всѣ перевозочныя или переправочныя средства, и я продолжалъ ими завѣдывать до конца осады, т. е. до 27-го августа 1855 года.

Между тѣмъ время шло. Подходили новыя войска изъ Россіи, и главнокомандующій рѣшился дать Инкерманское сраженіе. Меня спросили, какое наибольшее число войскъ можемъ мы переправить въ теченіе одной ночи, съ наступленія полной темноты до разсвѣта. Занимаясь все время подобными соображеніями, я не затруднился представить разсчетъ, по которому оказывалось возможнымъ перевезти двѣ

пѣхотныхъ дивизіи въ полномъ четырехъ-полковомъ составѣ съ принадлежащими къ нимъ батареями артиллеріи [1]).

На основаніи этого разсчета и были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія, которыя приказано было содержать въ строгой тайнѣ, и никакихъ приготовленій и передвиженій не дѣлать до наступленія ночной темноты. Но предположенное движеніе откладывалось нѣсколько разъ со дня на день. Каждый вечеръ, какъ только темнѣло, я отправлялся на Сѣверную сторону, гдѣ жилъ главнокомандующій, и онъ каждый разъ откладывалъ по разнымъ причинамъ затѣянное дѣло до слѣдующаго дня. Разъ, помню, я ждалъ по обыкновенію около домика, въ которомъ жилъ князь Меншиковъ, приказанія начать переправу, какъ въ дверяхъ показался генералъ Даненбергъ, который долженъ былъ командовать и дѣйствительно командовалъ въ Инкерманскомъ сраженіи, и объявилъ мнѣ, что главнокомандующій по его просьбѣ опять отложилъ все до слѣдующаго дня, чтобы Инкерманское дѣло не приходилось въ годовщину Ольтеницкаго сраженія, проиграннаго имъ, Даненбергомъ, годъ тому назадъ, въ Княжествахъ.

Всѣ эти дни я ложился отдыхать послѣ полудня, чтобы быть свѣжимъ на всю ночь. Такъ, было, я расположился сдѣлать и въ этотъ разъ, какъ за мною прислалъ М. Н. Станюковичъ.

— Я сейчасъ отъ князя,—сказалъ адмиралъ,—который меня требовалъ къ себѣ, чтобы сообщить, что у него былъ П. Ст. Нахимовъ и доложилъ, что хотя онъ только случайно узналъ о приготовленіяхъ къ переправѣ войскъ, но считаетъ долгомъ предупредить, что предположенная операція, затѣянная въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, вовсе неисполнима. Что вы на это скажете? увѣрены-ли вы въ вашихъ разсчетахъ?

Я отвѣчалъ, что если мнѣ и моимъ разсчетамъ не довѣряютъ, то конечно было бы лучше поручить предполагаемую операцію комунибудь другому, но что теперь, когда остается едва нѣсколько часовъ до ея начала и когда всѣ исполнители уже твердо ознакомились съ своею ролью, было бы неосторожно что-либо измѣнить въ сдѣланныхъ росписаніяхъ. Что же до меня лично касается, то я вполнѣ увѣренъ, что все предназначенное можетъ быть исполнено, даже безъ особенной натяжки—если не встрѣтится, конечно, какихъ-либо непредвидѣнныхъ препятствій.

— Ну, хорошо; я такъ и скажу князю,—отвѣчалъ адмиралъ.

Наступила наконецъ и ожидаемая ночь. Я находился почти все

---

[1]) Сколько именно было батарей, я теперь не помню и не имѣю подъ руками никакихъ документовъ. Но я пишу здѣсь не исторію, а описываю только свои впечатлѣнія. Положительныхъ свѣдѣній и цифръ надобно искать въ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ.

время на Сѣверной сторонѣ, на главной нашей пристани, откуда происходила амбаркація значительнѣйшей части войскъ. И вотъ, въ самомъ началѣ произошла какая-то путаница въ полученныхъ приказаніяхъ и остановка, грозившая подорвать всѣ мои разсчеты. Убѣдясь, что мнѣ не распутать встрѣтившагося затрудненія, я отправился отыскивать начальника амбаркировавшейся дивизіи. Я зналъ, что онъ долженъ быть недалеко; но гдѣ его найти? Никакихъ огней, ни фонарей не позволено было имѣть, и тьма была полная. Однако, недалеко отъ пристани, я наткнулся на группу молодыхъ офицеровъ, оживленно и громко разговаривавшихъ между собою, и я обратился къ нимъ съ словами:

— Что вы такъ стоите, господа, какъ посторонніе! Если у васъ нѣтъ тутъ никакого дѣла, то помогли бы мнѣ отыскать начальника дивизіи.

Они дѣйствительно помогли мнѣ, и я скоро нашелъ генерала, котораго искалъ. Происшедшее замѣшательство и замедленіе было тотчасъ устранено. Но я только послѣ догадался, что въ группѣ молодыхъ офицеровъ были великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Великій князь Николай Николаевичъ, много лѣтъ спустя, вспоминая этотъ случай, говорилъ мнѣ: «А я помню, какъ вы насъ съ братомъ тогда раздернули!»

Въ половинѣ ночи, на нашу пристань на Сѣверной пріѣхалъ адмиралъ Нахимовъ и отыскалъ меня.

— Ну-съ, я былъ на всѣхъ пристаняхъ,—сказалъ адмиралъ—и все, кажется, идетъ хорошо. Признаюсь, я не ожидалъ, что дѣло пойдетъ у васъ такъ быстро.

И, дѣйствительно, наше дѣло было выполнено, какъ предполагалось, и на разсвѣтѣ, когда я возвращался съ Сѣверной стороны на Графскую пристань, на рейдѣ все уже было покойно, и никакихъ слѣдовъ усиленной дѣятельности не было видно. Но съ отдаленнаго востока, съ крайней лѣвой стороны нашей позиціи, начинали доноситься выстрѣлы. Это было начало Инкерманскаго сраженія.

Въ Севастополѣ мы возлагали большія надежды на это сраженіе, но были жестоко разочарованы, когда позднѣе, въ этотъ же день, пришлось перевозить обратно на Сѣверную сторону остатки тѣхъ же войскъ, которыя въ предшествовавшую ночь были переправлены на Южную сторону.

Замѣтки эти относятся къ первому періоду осады Севастополя, и здѣсь я могъ бы остановиться. Но я уже такъ много говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Нахимовымъ и Корниловымъ, что, можетъ быть, для ихъ характеристики интересно разсказать еще слѣдующій эпизодъ, хотя онъ относится къ гораздо позднѣйшему времени, или ко второй половинѣ осады.

Въ царствованіе императора Николая I, адмиралтейскіе мастеровые были организованы по-военному; одѣтые въ военные мундиры, они составляли такъ-называвшіеся «рабочіе» экипажи, въ отличіе отъ «флотскихъ» и «ластовыхъ» экипажей. Съ приходомъ непріятеля, когда ощущался огромный недостатокъ въ людяхъ, всѣ работы въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ прекратились, и всѣ рабочіе и мастеровые были, по распоряженію Корнилова, расписаны и распредѣлены по разнымъ батареямъ и пунктамъ оборонительной линіи. Такимъ образомъ городъ былъ совсѣмъ лишенъ мастеровыхъ, и въ теченіе времени это представило весьма большія неудобства. Такъ мнѣ лично стоило не мало изобрѣтательности и хлопотъ, чтобъ поправлять и поддерживать наши перевозочныя средства, которыя надобно было однако содержать въ возможной исправности. Павелъ Степановичъ, который въ это время уже замѣнилъ адмирала Станюковича и сдѣлался въ свою очередь главнымъ начальникомъ морской части, видѣлъ, конечно, и сознавалъ сказанное неудобство, и вотъ, что онъ мнѣ разъ сказалъ:

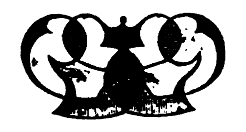
— Ну, вотъ-съ, вашъ Владиміръ Алексѣичъ (Корниловъ) надѣлалъ разныхъ распоряженій, а самъ и умеръ...

Удивленный этою выходкой, я отвѣтилъ адмиралу, что если Владиміръ Алексѣичъ и сдѣлалъ въ этомъ случаѣ ошибку, то я не сомнѣваюсь, что онъ ее давно бы уже и исправилъ, если бы былъ живъ. Теперь же, отъ него, Павла Степановича, а не отъ кого другаго зависитъ сдѣлать всѣ перемѣны, какія онъ самъ признаетъ за нужное. Адмиралъ подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ-съ; знаете, что Владиміръ Алексѣичъ сдѣлалъ, то намъ, маленькимъ людямъ, трудно передѣлывать...

Въ этой фразѣ выразилась, съ одной стороны, слабость критиковать дѣйствія своего соперника, а съ другой, искреннее, чистосердечное признаніе его высокихъ способностей, и для насъ дѣлается привлекателенъ и любъ доблестный образъ Нахимова, со всѣми его маленькими человѣческими слабостями.

И. Лихачевъ.



Дамскіе костюмы въ Лондонѣ въ половинѣ XVIII столѣтія.

20-го іюля 1751 года, во время своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ, императрица Елизавета Петровна, большая любительница модъ, приказала барону Ивану Антоновичу Черкасову написать дѣйствительному камергеру и чрезвычайному посланнику въ Лондонѣ графу Петру Григорьевичу Чернышеву, чтобы онъ заказалъ тамъ сшить для государыни два шелковыхъ платья, какія носятъ англійскія дамы при дворѣ и дома, о чемъ «лучше,—писалъ Черкасовъ графу,—знаетъ супруга ваша».—Графъ П. Г. Чернышевъ 23-го августа того же года писалъ Черкасову изъ Лондона слѣдующее: «Вашего превосходительства по всевысочайшему ея императорскаго величества именному указу отъ 20-го іюля ко мнѣ отправленное письмо, касающееся до того, чтобы заказать сдѣлать два платья дамскія,—одно простое, каковое англійскія дамы употребляютъ въ приватныхъ компаніяхъ, кромѣ двора, и носятъ запросто въ домахъ своихъ, а другое—въ какомъ онѣ ѣздятъ ко двору, и съ уборами на голову и къ рубашкамъ, я исправно получилъ, и о семъ равномѣрно и его высокографское сіятельство канцлеръ [1]) ко мнѣ писать изволилъ. Я сожалѣю, что ваше превосходительство въ послѣдованіи того всевысочайшаго указа отъ себя не прислали ко мнѣ мѣру, по которой бы я тѣ платья здѣсь сдѣлать заказать имѣлъ, ибо оныя безъ того никакъ наотгадъ сдѣланы быть не могутъ, а особливо, какъ я то изъ письма вашего вижу, что оныя для всевысочайшей ея императорскаго величества персоны быть долженствуютъ.—Однакоже, чтобъ никакая остановка отъ того не воспослѣдовала (который образъ и лучшимъ для модели быть можетъ), я заказалъ здѣсь сдѣлать куклу фута въ три вышины и къ ней платья всѣхъ сортовъ, каковыя при всякихъ случаяхъ здѣшнія дамы носятъ, и со всѣми къ нимъ принадлежащими, какъ и на голову, уборами. И какъ скоро все то изготовится, то я оное съ первою оказіею, коя за способнѣйшую быть мнѣ покажется, отсюда на имя его высокографскаго сіятельства графа Алексѣя Петровича отправлю и о чемъ директно тогда и вашему превосходительству донести не премину. Впрочемъ же, коли ваше превосходительство что̀ къ поправленію воспріятыхъ моихъ прекоцій въ вышеписанной коммиссіи, дабы оное въ угодность ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей нашей государыни, быть могло, за надобное быть усмотрите, то о томъ безъ потерянія времени меня увѣдомить прилежно васъ прошу».

Кукла и платья съ подробною росписью были отправлены изъ Лондона 20-го сентября.

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

---

[1]) Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Восточный вопрос въ 1856—1859 гг.

VI [1]).

Вскорѣ послѣ окончанія Парижской конференціи, бывшій англійскій посланникъ въ Турціи, лордъ Стратфордъ Редклифъ пожелалъ еще разъ посѣтить страну, гдѣ онъ такъ долго властвовалъ почти неограниченно. Онъ предпринялъ путешествіе въ Константинополь, но уже не въ качествѣ оффиціальнаго, а частнаго лица. «Лордъ Коулей, который бесѣдовалъ съ нимъ, увѣряетъ,—писалъ Бенедетти Тувенелю [2]),—что на него не возложено никакой миссіи и что онъ не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, вмѣшиваться въ дѣла, коими будетъ вѣдать исключительно Бульверъ. Между тѣмъ самъ лордъ Стратфордъ говорилъ лорду Коулею, и онъ повторитъ это вѣроятно въ Константинополѣ, что его путешествіе есть актъ вѣжливости, добровольно оказываемый англійскимъ правительствомъ султану и его министрамъ, которые будто бы не могутъ утѣшиться по поводу его отъѣзда».

Тувенель, съ своей стороны, писалъ Бенедетти 3-го (15-го) сентября: «Мы ожидаемъ лорда Стратфорда въ пятницу или въ субботу. Онъ остановится въ зданіи англійскаго посольства въ Перу. Сэръ Генри Бульверъ коварно улыбнулся, когда я сказалъ ему о томъ, что вамъ заявлено, будто его предмѣстникъ не будетъ касаться «политическихъ вопросовъ». Онъ сказалъ мнѣ, что Редклифъ «уполномоченъ представить записку и дать совѣты отъ своего собственнаго имени». Одному Богу извѣстно, въ какомъ смыслѣ онъ выскажется относительно Черногоріи. Это одна изъ излюбленныхъ темъ его бесѣдъ съ султаномъ, къ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1904 г.

[2]) 22-го августа (3-го сентября) 1858 года.

которой онъ прибѣгалъ для того, чтобы досадить намъ. Послѣднія событія едва-ли заставятъ его измѣнить тактику. Кстати, нашъ уполномоченный Геккартъ (Hecquart) отзывается довольно несочувственно о своихъ любимцахъ черногорцахъ и говоритъ, что если бы онъ могъ предвидѣть, что дѣло повернется въ пользу Россіи, то онъ воздержался бы въ 1856 г. отъ всякихъ сношеній съ Черногоріей, которыя должны были, какъ онъ полагалъ, подорвать въ Цетиньѣ вліяніе русскихъ. Какъ бы то ни было, сэръ Генри Бульверъ до того удрученъ непріятнымъ для него пріѣздомъ благороднаго лорда, что эту недѣлю съ нимъ, кажется, нельзя будетъ вести никакихъ дѣлъ».

Нѣсколько недѣль спустя, Тувенель сообщилъ Бенедетти, что «лордъ Стратфордъ потерпѣлъ полную неудачу, и сэръ Генри вздохнулъ свободнѣе». Лордъ Стратфордъ отправился въ Смирну, гдѣ, по ироническому замѣчанію Тувенеля, «адмиралъ Клаво, съ тѣмъ тактомъ, какимъ отличаются иные моряки, оказалъ этому «другу Франціи» чрезвычайныя почести».

Осенью 1858 г. Тувенель, прожившій въ Константинополѣ безвыѣздно три съ половиною года, въ вышеописанное тревожное время, получилъ отпускъ и отправился отдохнуть въ Парижъ, откуда онъ велъ дѣятельную переписку съ великимъ визиремъ Али-пашою, съ которымъ его связывала искренняя дружба, основанная на взаимномъ уваженіи.

Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ конфиденціальныхъ писемъ великаго визиря, которыя прекрасно характеризуютъ тогдашнее положеніе Турціи. Судя по высказываемымъ Али-пашою взглядамъ и искреннему тону его писемъ, который дѣлаетъ величайшую честь этому выдающемуся государственному дѣятелю, можно сказать, что если бы у современной Турціи было побольше такихъ людей, какъ Али- и Фуадъ-паши, то она не дошла бы, вѣроятно, до того печальнаго положенія, какое она переживаетъ нынѣ.

«Любезный посланникъ,—писалъ Али-паша 13-го (25-го) ноября 1858 г.,—мнѣ очень хотѣлось написать вамъ въ день вашего отъѣзда, чтобы выразить вамъ еще разъ мое сожалѣніе по поводу вашего отсутствія и надежду увидѣть васъ вскорѣ среди насъ, но я не имѣлъ возможности докончить письма, вслѣдствіе той ежечасной помѣхи, какую испытываютъ злополучные министры султана. Дѣлая это сегодня, я пользуюсь случаемъ напомнить вамъ, съ тѣмъ довѣріемъ и откровенностью, какими всегда были отмѣчены мои сношенія съ вами и наши бесѣды о дѣлахъ Турціи, о ея опасеніяхъ и надеждахъ.

«Вопросъ о разграниченіи Черногоріи рѣшенъ согласно вашему желанію. Порта вырвала, по вашему совѣту, эту занозу, мѣшавшую ей ступать. Но для того, чтобы избавиться отъ нея, ей пришлось подверг-

нуться весьма тяжелой нравственной ампутаціи, отъ которой ее могли бы избавить. Нужно-ли говорить, что Порта рѣшилась на эту тяжкую операцію единственно изъ желанія доказать императору, какую цѣну она придаетъ сохраненію его дружбы. Вполнѣ естественное и законное несочувствіе монарха къ этой мѣрѣ, глубоко оскорбленная военная и національная честь—все это отошло на второй планъ передъ искреннимъ желаніемъ возстановить наши отношенія къ Франціи и поддержать ихъ на той высотѣ, съ которой имъ никогда не слѣдовало бы уклоняться. Мы надѣемся, что эти жертвы не останутся безплодны и что мы будемъ имѣть, наконецъ, утѣшеніе въ сознаніи, что мы достигли цѣли и что министерство будетъ въ состояніи заявить своимъ друзьямъ и недругамъ, что жертвы, принесенныя имъ, не были напрасны. Только эта надежда и довѣріе, которое мы питаемъ къ императорскому правительству, успокаиваютъ и облегчаютъ нѣсколько нашу совѣсть.

«Я не имѣю претензіи высказать какое-либо мнѣніе о политикѣ великаго монарха, мудрость котораго признана всѣмъ свѣтомъ. Но да будетъ мнѣ позволено сказать, что мы не можемъ видѣть, безъ вполнѣ понятной тревоги, что исконная и систематически враждебная намъ политика старается подорвать отношенія Франціи къ Турціи. Своими коварными навѣтами въ Европѣ и пагубными происками въ Турціи эта политика возстановила противъ насъ французскую прессу и возбудила умы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Вы согласитесь, конечно, съ тѣмъ, что правительство, не пользующееся авторитетомъ, не можетъ существовать. Для того, чтобы поддерживать въ странѣ порядокъ, чтобы вводить необходимыя реформы и обезпечить благосостояніе подданныхъ, правительству необходимо, прежде всего чтобы его боялись и, въ то же время, чтобы его уважали и любили. Между тѣмъ, развѣ не стараются всячески возстановить противъ насъ подданныхъ и побудить ихъ къ неповиновенію? Съ другой стороны, клевета, которую плохо освѣдомленная пресса распространяетъ ежедневно противъ Порты и мусульманскаго народа, поддерживаетъ между національностями рознь и вражду, тогда какъ правительство употребляетъ все свое стараніе къ тому, чтобы уничтожить эту рознь и создать единеніе и братство. Нѣтъ той брани, которой не осыпаютъ нашу религію и нашего монарха. Если прислушаться къ этимъ неистовымъ нападкамъ, то можно подумать, что мы перенеслись на нѣсколько вѣковъ назадъ, ко временамъ крестовыхъ походовъ. Вы возразите на это, вѣроятно, что Порта не выполнила всѣхъ обѣщаній, данныхъ ею въ 1856 г., и что это возмутило общественное мнѣніе Европы. Я готовъ согласиться съ вами, что наша администрація еще далека отъ совершенства, но нахожу нужнымъ указать на то, что недостатки, которые намъ приходится исправлять, не касаются исключительно одныхъ

только христіанскихъ народовъ и что эти послѣдніе далеко не заслуживаютъ сожалѣнія преимущественно передъ другими подданными султана. Правительству, которому предстоитъ совершить столь крупное соціальное преобразованіе, необходимо не только пользоваться обаяніемъ власти, о которомъ я говорилъ выше, ему необходимо на это время, поддержка друзей и повиновеніе подданныхъ. Какъ человѣкъ справедливый, вы, безъ сомнѣнія, согласитесь съ тѣмъ, что послѣдніе два года все наше вниманіе было поглощено событіями внѣшней политики, что мы не встрѣтили ни въ какомъ отношеніи поддержки со стороны нашихъ друзей, а наши враги всячески старались создать намъ затрудненія внутри государства, чтобы помѣшать намъ заняться преобразованіями и внушить Европѣ убѣжденіе, что мы способны управлять страною. Между тѣмъ вамъ извѣстно, что если у насъ существуетъ какая-либо раса, способная управлять другими и сплотить разнородныя національности, то это именно турецкая раса. Тотъ, кто не знаетъ нашей страны и характера населяющихъ ее народовъ, не повѣритъ этому, но я берусь подтвердить истину сказаннаго примѣрами, взятыми изъ повседневной жизни. Наконецъ, если бы мы могли разсчитывать впредь на нѣкоторое доброжелательство со стороны нашихъ друзей, то я обѣщалъ бы не колеблясь осуществленіе тѣхъ мѣръ, коихъ практичность и польза безспорны и неотложность коихъ признана «истинными друзьями имперіи».

Во время отсутствія Тувенеля, съ нимъ переписывался также первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утри. Изучивъ, во время своего продолжительнаго пребыванія на Востокѣ, всѣ тайны сераля, онъ сообщалъ Тувенелю, между прочими извѣстіями, интересныя и пикантныя подробности восточныхъ нравовъ въ царствованіе Абдулъ-Меджида, котораго можно назвать по справедливости Людовикомъ XV Турецкой имперіи.

«Великій визирь Али-паша говорилъ мнѣ, на другой день вашего отъѣзда,—пишетъ Утри въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что, прощаясь съ вами, онъ почувствовалъ, насколько онъ васъ любитъ; онъ увѣрялъ, что даже временная разлука съ вами огорчаетъ его, и далъ мнѣ для прочтенія частное письмо, посланное вамъ по дѣламъ Черногоріи.

«На другой день вашего отъѣзда, султанъ послалъ министру финансовъ ирадэ, коимъ повелѣвалось сдѣлать нужныя приготовленія къ бракосочетанію ханумъ-султанши [1]), дочери Фетъ-Ахмета-паши, которая состоится весною. Онъ положительно сумасшедшій. Мухтаръ-паша

---

[1]) Ханумъ-султаншами называются дочери, сестры или племянницы султана, которыя замужемъ не за принцемъ. Въ данномъ случаѣ говорится о дочери Фетъ-Ахметъ паши, который былъ женатъ на сестрѣ Абдулъ-Меджида.

былъ совершенно озадаченъ этимъ повелѣніемъ [1]). Онъ рѣшилъ отвѣтить, что такъ какъ свадьбы султаншъ стоили каждая 70 милліоновъ піастровъ, то онъ полагаетъ, что свадьба ханумъ-султанши обойдется около 35 милліоновъ піастровъ, и проситъ султана указать, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ взять эти деньги. Но прежде чѣмъ послать этотъ отвѣтъ, Мухтаръ-паша рѣшилъ посовѣтоваться съ великимъ визиремъ. Али-паша былъ внѣ себя отъ гнѣва отъ этой новой выдумки султана и созвалъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ министровъ, коимъ онъ высказалъ свое мнѣніе въ очень рѣзкой формѣ, заявивъ, что «онъ не понимаетъ, какъ можно быть настолько безумнымъ, чтобы думать о новыхъ бракахъ и слѣдовательно о новыхъ расходахъ, когда правительство не знаетъ, какъ покрыть старые долги». Всѣ присутствовавшіе заявили единогласно, что тотъ, кто будетъ поощрять султана въ его пагубномъ желаніи, будетъ измѣнникомъ своего отечества. Итакъ турки дошли до того, что они открыто порицаютъ султана! Что можно ожидать отъ человѣка, который, принявъ въ текущемъ году на счетъ казны семь милліоновъ долга, сдѣлалъ 500 милліоновъ новаго долга и мечтаетъ о новыхъ бракахъ въ то время, когда этотъ долгъ еще не уплаченъ.

«Цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ окружилъ на-дняхъ экипажъ султана, желая подать ему прошеніе. Султанъ открылъ дверцы кареты и спросилъ, что они желаютъ. Когда золотыхъ дѣлъ мастера отвѣтили, что они окончательно разорены и умоляютъ его величество сжалиться надъ ними, то султанъ приказалъ отвезти ихъ въ Топханэ (гдѣ засѣдаетъ коммиссія, коей поручено ликвидировать нѣкоторые долги турецкаго правительства). Судя по намеку, сдѣланному великимъ визиремъ Али-пашою, совѣтъ министровъ рѣшилъ сдѣлать новый выпускъ консолей. Это будетъ настоящее банкротство; вѣроятно, всѣ будутъ противъ этого.

«Вечеромъ, въ день вашей прощальной аудіенціи, султанъ былъ въ Топханэ. Онъ сказалъ Риза-пашѣ, что онъ весьма доволенъ аудіенціей, что онъ расположенъ къ вамъ, но что онъ не могъ скрыть отъ васъ огорченія, какое доставило ему ваше энергическое участіе въ рѣшеніи Черногорскаго вопроса.

«Риза-паша будто бы отвѣтилъ на это, что султанъ напрасно думаетъ, что настоянія французскаго правительства и его посланника дѣлались съ враждебной Турціи цѣлью. Посовѣтовавъ султану принять рѣшеніе, которое должно было прекратить всѣ столкновенія, Франція тѣмъ самымъ оказала ему услугу, такъ какъ Европа не можетъ оставаться равнодушной къ кровопролитію, происходящему на ея границахъ. Капитанъ-паша Мехметъ-Али былъ встревоженъ тѣмъ, что вы

[1]) Мухтаръ-паша—министръ финансовъ.

получили частную аудіенцію; онъ просилъ камергеровъ сообщить ему немедленно все, что они узнаютъ о вашемъ разговорѣ съ султаномъ. Повидимому, онъ очень доволенъ тѣмъ, что вы не упомянули въ разговорѣ о немъ. Капитанъ-паша просилъ великаго визиря, черезъ третье лицо, чтобы его пригласили на данный вамъ прощальный обѣдъ, и когда Али-паша отвѣтилъ, что онъ не можетъ исполнить этой просьбы въ виду протеста, заявленнаго французскимъ посланникомъ противъ образа дѣйствій капитана-паши, то Мехметъ-Али остался этимъ крайне недоволенъ.

«Съ недѣлю тому назадъ, султанъ приказалъ Неджибу-пашѣ посѣтить медицинскую и военную школы и выбрать двѣнадцать самыхъ красивыхъ мальчиковъ для его дворца. Тщетно протестовали противъ этого родители и профессора. Шестнадцать мальчиковъ красавцевъ были выбраны, и Неджибъ-паша назначенъ ферикомъ [1]). Султанъ неисправимъ.

«Министръ финансовъ, Савфетъ-паша, вышелъ въ отставку вслѣдствіе интригъ сэра Генри Бульвера. Онъ считался человѣкомъ непреклоннымъ, не потакавшимъ никакимъ злоупотребленіямъ. Мухтаръ-паша отклонилъ честь управленія министерствомъ финансовъ въ настоящее трудное время. Султанъ дѣлаетъ видъ, что онъ чрезвычайно недоволенъ этимъ отказомъ; но въ сущности онъ, его гаремъ и приближенные въ восторгѣ отъ того, что представилась возможность вернуть Хасибъ-пашу. Вамъ извѣстно, какъ отвратительно было управленіе Хасибъ-паши. Онъ былъ послушнымъ орудіемъ Решида и двора, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съумѣлъ опустошить казну и выпустить на триста милліоновъ серій казначейства. Таковъ человѣкъ, поставленный во главѣ финансовъ, благодаря проискамъ англійскаго посланника. Это недостойная кампанія велась капитанъ-пашою, Савфетъ-пашою (Косцельскимъ) и нѣсколькими дворцовыми евнухами, совмѣстно съ сэромъ Генри Бульверомъ.

«Послѣдній интригуетъ также противъ сераскира Риза-паши, съ цѣлью добиться его увольненія отъ должности главнаго начальника артиллеріи, которая дастъ ему ежедневно доступъ къ султану. Великобританскій посланникъ начинаетъ поговаривать о томъ, что Риза-паша слишкомъ обремененъ работою; что онъ не можетъ справиться со своимъ дѣломъ, что онъ получаетъ безобразное жалованье. Сераскиръ понимаетъ грозящую ему опасность, и я нашелъ его сильно упавшимъ духомъ».

Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ французскому генераль-

---

[1]) Дивизіоннымъ генераломъ.

ному консулу Тувенель писалъ [1]), что императоръ Наполеонъ былъ пораженъ мыслями, высказанными Али-пашою въ его письмѣ, и что хотя съ окончаніемъ Черногорскаго вопроса все вниманіе французскаго правительства обращено на Италію, а Востокъ отошелъ на второй планъ, тѣмъ не менѣе французскій посланникъ просилъ передать великому визирю отъ своего имени совѣтъ дѣйствовать въ вопросѣ о Княжествахъ съ величайшею осторожностью: «хороша или дурна новая организація, — писалъ Тувенель, — но она должна быть осуществлена тѣми, для коихъ она предназначалась, и коль скоро права Порты гарантированы Европою, то благоразуміе повелѣваетъ ей предоставить молдаво-валахамъ «распутать» или «запутать» дѣло самимъ, не давая недоброжелателямъ и людямъ предубѣжденнымъ возможности приписать неудачу неумѣстному вмѣшательству сюзеренной державы. Я сказалъ бы, съ нѣкоторой оговоркой, то же самое относительно Сербіи...

«Въ отвѣтъ на то, что вы пишете объ образѣ дѣйствій сэра Генри Бульвера, я напомню вамъ, что я говорилъ въ то время, когда онъ смѣнилъ лорда Стратфорда, — именно, что льва смѣнилъ змѣй. Мое предсказаніе оправдывается. Тѣмъ не менѣе, совѣтую вамъ не высказывать моему коллегѣ неудовольствія, которое могутъ доставить намъ его продѣлки. Есть люди, которыхъ можно обуздать, дѣлая видъ, что считаешь ихъ въ числѣ своихъ друзей. Къ таковымъ людямъ принадлежитъ сэръ Бульверъ. Остерегайтесь также Лобанова и ведите съ нимъ ту же политику. Императоръ (Наполеонъ III) задумалъ образовать, если будетъ возможно, европейскій тріумвиратъ изъ Франціи, Англіи и Россіи. Пока эта мысль не осуществится или пока она не будетъ оставлена, намъ приходится, волей неволей, поддерживать равновѣсіе, съ неуловимымъ, для невооруженнаго глаза, оттѣнкомъ въ пользу Россіи. Повторяю: въ настоящее время Востокъ не играетъ никакой роли въ нашихъ разсчетахъ. Никто не тронетъ Востока, если у него хватитъ ума не смѣшивать своихъ дѣлъ съ дѣлами Запада. Мнѣ никто не говорилъ, но я догадываюсь, что дѣло идетъ объ Италіи, и что Россія болѣе, нежели Англія, расположена помочь намъ или, лучше сказать, не мѣшать намъ. Пусть Порта будетъ осторожна и не оказываетъ содѣйствія видамъ Австріи, которая, я увѣренъ, старается съ двоякою цѣлью поддержать на Дунаѣ волненіе. Одна цѣль — надежда, что другіе вопросы отвлекутъ взоры отъ Италіи; другая, — что если дѣло съ Италіей не выгоритъ, то она можетъ вознаградить себя на Дунаѣ... Спокойствіе Турціи въ предстоящемъ кризисѣ зависитъ отъ того, насколько она отрѣшится отъ австрійской политики».

---

[1]) Тувенель—Амедею Утри 27-го ноября (9-го декабря) 1858 г.

Въ то время, какъ писались эти строки, Али-паша серьезно заболѣлъ.

«Великій визирь Али-паша былъ такъ серьезно боленъ,—писалъ Утри Тувенелю 11-го (23-го) марта 1858 г.,—что опасались за его жизнь. На консультацію было приглашено семь врачей, въ томъ числѣ Фовель. У великаго визиря оказалось серьезное воспаленіе легкихъ. Фовель настаивалъ на томъ, чтобы ему немедленно пустили кровь; когда же врачъ, приглашенный изъ дворца, рѣшительно воспротивился этому, подъ предлогомъ, будто «его величество запретилъ пускать кровь великому визирю въ виду его слабаго тѣлосложенія», и всѣ прочіе согласились съ этимъ, говоря, что «Али-паша самъ не хочетъ пустить кровь», то Фовель страшно разсердился, наговорилъ дерзостей всѣмъ своимъ коллегамъ и Фуадъ-пашѣ, который присутствовалъ на консультаціи, и заявилъ, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за то, что можетъ случиться, и не покажетъ болѣе носа въ домъ великаго визиря. Поэтому было рѣшено поступить по его совѣту, и на другой день больному стало лучше. Въ настоящее время всякая опасность миновала, но паша поправится окончательно не такъ скоро».

Между тѣмъ, въ Княжествахъ начался избирательный періодъ. Въ Молдавіи, гдѣ борьба была, этотъ разъ, ожесточеннѣе, нежели въ Валахіи, три временно назначенные каймакама, Василій Стурдза, Пано и Катарджи, смѣнившіе, согласно постановленію Парижской конференціи, князя Вогоридеса, подавали примѣръ величайшей розни. Катарджи даже совсѣмъ отказался принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, а Стурдза и Пано были руководимы пылкимъ французскимъ консуломъ, Пласомъ, который увлекся своими политическими страстями, окончательно вышелъ изъ своей роли и составлялъ какіе-то фантастичные избирательные списки. Турецкое правительство не упустило случая заявить по этому случаю протестъ и рѣшило при поддержкѣ Австріи, которая оставалась вѣрна своей политикѣ, обратиться къ участвовавшимъ въ конференціи державамъ съ просьбою отмѣнить произведенные въ Молдавіи выборы. Фуадъ-паша, несмотря на полученный имъ въ Парижѣ орденъ, оказался очень несговорчивъ въ вопросѣ о Княжествахъ и приказалъ даже вычеркнуть изъ оффиціальныхъ актовъ присвоенное Княжествамъ наименованіе «Соединенныя Молдаво-Валахскія Княжества», вслѣдствіе чего турецкому министру иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано со стороны французскаго посланника строгое напоминаніе о томъ, что никакое сообщеніе турецкаго правительства, въ которомъ будетъ опущено вышеупомянутое наименованіе, не будетъ имъ принято. Послѣ чего Фуадъ-паша отказался отъ своего протеста.

5-го (17-го) января 1859 года стало извѣстно, что молдавскіе избиратели выбрали господаремъ бывшаго галацкаго префекта, Александра

Кузу, ревностнаго сторонника соединенія, который два года передъ тѣмъ былъ уволенъ Вогоридесомъ за попытку воспрепятствовать самовольнымъ дѣйствіямъ каймакама, направленнымъ во вредъ сторонникамъ соединенія. Въ избраніи Кузы принимали участіе сорокъ девять членовъ собранія. Одиннадцать сторонниковъ князя Стурдзы уклонились отъ подачи голосовъ. Предсѣдатель собранія, митрополитъ, также подалъ голосъ за Кузу, и собраніе, передъ закрытіемъ своихъ засѣданій, постановило выразить благодарность державамъ, подписавшимъ конвенцію, и еще разъ высказало пожеланіе о скорѣйшемъ соединеніи Княжествъ.

13-го (25-го) января 1859 г. Пласъ писалъ Тувенелю:

«Полковникъ Куза имѣетъ полное право сказать, что онъ сдѣлался господаремъ «милостью Божьей», ибо его избраніе было полною неожиданностью не только для всѣхъ, но и для него самого въ особенности. О немъ никто не думалъ. Вы помните, вѣроятно, что я не упоминалъ о немъ въ своихъ донесеніяхъ. Вотъ, какъ объясняютъ его избраніе. Національная партія, состоящая изъ сторонниковъ соединенія, была въ собраніи въ большинствѣ и рѣшила окончательно устранить Стурдзу и его сына, мотивируя это ихъ прошлымъ. Всѣ члены партіи обязались подпискою произвести предварительные выборы и затѣмъ подать на собраніи голосъ за того кандидата, который получитъ на предварительныхъ выборахъ наибольшее число голосовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Яссахъ господствовало страшное волненіе; и въ средѣ самой національной партіи образовалось два теченія: демократическое и аристократическое. Наконецъ, за день до выборовъ было произведено предварительное голосованіе. Большинство высказалось за Кузу, который не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой партіи, а черезъ день, въ собраніи, онъ получилъ большинство голосовъ. Его избраніе было настоящимъ ударомъ для австрійцевъ и турокъ. Это самое блестящее торжество французской политики. Я не знаю еще, что сдѣлаетъ Куза, но онъ одушевленъ, повидимому, наилучшими намѣреніями. Онъ уменъ, хитеръ, рѣшителенъ и если онъ будетъ умѣло пользоваться этими качествами, то изъ него выйдетъ хорошій господарь».

Тувенель, со своей стороны, писалъ 17-го (29-го) января 1859 г., изъ Парижа, первому драгоману французскаго посольства въ Константинополѣ:

«Сейчасъ узналъ объ избраніи Александра Кузы. Помните, какъ намъ хотѣлось, чтобы онъ былъ назначенъ каймакамомъ по смерти Балша? Не знаю, какимъ онъ будетъ господаремъ, но я не горюю о пораженіи старой боярской партіи, и у меня не хватаетъ духа сожалѣть о Стурдзахъ».

*

Въ Валахіи партія князя Александра Гика, дѣйствовавшая заодно съ національной партіей, представителями которой были Голеско и Братіано, вела избирательную кампанію противъ князя Стирбея, шансы котораго на избраніе были тѣмъ не менѣе весьма велики. Но и тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное, и на долю Александра Кузы выпала честь быть избраннымъ въ Валахіи такъ же точно, какъ въ Молдавіи; такимъ образомъ, въ его лицѣ осуществилось соединеніе Княжествъ, въ такой формѣ, о которой никто не мечталъ. Турецкое правительство, взволнованное этимъ новымъ осложненіемъ, разослало своимъ уполномоченнымъ при дворахъ, подписавшихъ конвенцію, телеграфическую депешу, въ которой оно требовало «вторичнаго созыва конференціи».

Узнавъ о любопытномъ фактѣ двойного избранія Кузы, Тувенель высказалъ Утри, въ письмѣ отъ 6-го (18-го) февраля 1859 г., слѣдующія соображенія, которыя оказались пророческими, такъ какъ они оправдались тридцать восемь лѣтъ спустя событіями, происшедшими на нашихъ глазахъ:

«Я не думаю, чтобы конвенція 7-го (19-го) августа могла остаться безъ измѣненій; измѣненіе же ея возможно только въ смыслѣ соединенія Княжествъ. Взявшись за дѣло какъ слѣдуетъ, Порта могла бы вернуть все то, что она потеряла благодаря плохимъ совѣтчикамъ. Россія зашла слишкомъ далеко, чтобы отступить, но я видѣлъ, по гримасѣ, съ какою Киселевъ принялъ извѣстіе о двойномъ избраніи Кузы, что Петербургскій кабинетъ, не желая поступиться своей популярностью и стараясь быть съ нами въ дружественныхъ отношеніяхъ, такъ же точно, какъ и Австрія, не особенно желаетъ, чтобы на Дунаѣ возникло такое положеніе дѣлъ, которое обезпечило бы Турцію отъ алчныхъ вожделѣній ея сосѣдей. Если бы султаномъ былъ иной человѣкъ, если бы его министры заботились объ управленіи страною въ истинномъ смыслѣ этого слова, то Порта, несмотря на свою ветхость, была бы все еще однимъ изъ самыхъ сильныхъ европейскихъ государствъ. Я прихожу все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что на турокъ нападаютъ не потому, чтобы ихъ хотѣли стереть съ лица земли, а скорѣе изъ опасенія, что они не съумѣютъ жить такъ, какъ было бы желательно для общаго блага. Подобное настроеніе измѣнилось бы очень скоро, если бы въ Константинополѣ хватило ума не гнаться за призраками, если бы Порта удовлетворилась гарантіей, данной европейскими державами поддержать верховную власть Турціи за Дунаемъ, и если бы турки, сдѣлавъ усиліе, доказали, что они въ состояніи извлечь пользу изъ «непосредственныхъ» владѣній имперіи, которыя, безъ сомнѣнія, довольно обширны, чтобы удовлетворить самое огромное честолюбіе.

«Что касается восточныхъ христіанъ, возлагающихъ всѣ свои упованія на Европу, и ихъ неумѣлой оппозиціи мусульманамъ, которые

въ концѣ концовъ будутъ всего опасаться отъ Европы, то знаете-ли чѣмъ это кончится:—кровавымъ возстаніемъ и раздѣломъ.

«Съ другой стороны, графъ Валевскій полагаетъ, что двойное избраніе будетъ утверждено, слѣдовательно, Блистательная Порта должна къ этому быть готова. Что касается меня, то я не отказываюсь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и вполнѣ увѣренъ, что Молдавія и Валахія будутъ большою обузою для всѣхъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не рѣшатся преобразовать въ «соединенное княжество съ иностраннымъ принцемъ во главѣ». Между этой комбинаціей и раздѣломъ въ пользу двухъ сосѣднихъ державъ, для дипломатіи, по моему мнѣнію, не можетъ быть выбора. Лордъ Коулей раздѣляетъ отчасти мой взглядъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что отсутствіе единодушія между Франціей и Англіей въ вопросѣ о «соединеніи Молдавіи и Валахіи подъ властью иностраннаго принца» вызвало между этими двумя державами враждебное чувство, которое проявится рано или поздно на дѣлѣ. Что касается Турціи, то она лишилась въ мирное время дѣятельнаго содѣйствія двухъ державъ, спасшихъ ее во время войны. Гнѣвныя вспышки и выходки лорда Стратфорда ничего не значили, и въ сущности этому сумасшедшему старику дѣлали слишкомъ много чести, обращая на него такъ много вниманія. Я ладилъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока между Парижемъ и Лондономъ существовало согласіе. Это отражалось на моихъ нервахъ, но для общественнаго дѣла не имѣло значенія. Хотя сэръ Генри Бульверъ и вѣжливѣе въ обхожденіи, но онъ, конечно, не будетъ дѣйствовать со мною заодно, чтобы «возстановить» въ Константинополѣ положеніе Россіи. Между тѣмъ, изъ донесеній де-Буркене и герцога Монтебелло я узналъ немало любопытныхъ вещей относительно Петербурга и Вѣны. Я не могъ снести молча словъ князя Горчакова о необходимости возстановить въ Константинополѣ положеніе Франціи и Россіи. Политическіе разсчеты, въ которыхъ я не могу быть судьею, заставятъ Францію, быть можетъ, отступиться отъ Востока. Но если мы захотимъ возстановить положеніе Россіи, а это будетъ дѣломъ не легкимъ, то для этого придется прежде всего утратить то положеніе, которое мы завоевали, проливъ столько крови».

Турецкое правительство не выказывало ни малѣйшаго желанія утвердить избраніе князя Кузы, основывая свой отказъ на «нарушеніи конвенціи 7-го (19-го) августа 1858 г.», а между тѣмъ слава, которой пользовался князь Куза въ Княжествахъ, скоро померкла.

Вынужденная бездѣятельность, всевозможныя затрудненія, связанныя съ его двойственной ролью, для выполненія которой средства, коими онъ располагалъ, не удвоились; разочарованіе, которое доставили молдаво-валахамъ, горячо преданнымъ идеѣ о соединеніи, недолговѣчныя постановленія Парижской конференціи, наконецъ, тревожное поло-

женіе Европы, въ которой назрѣвало столкновеніе между Австріей и Франціей, вспыхнувшее въ 1859 г., всѣ эти неблагопріятныя причины ухудшали положеніе вновь избраннаго господаря, но все-же дипломатическаго давленія со стороны семи державъ, подписавшихъ конвенцію, которыя, занятыя своими собственными дѣлами на западѣ, не были расположены вновь ссориться изъ-за восточнаго вопроса,—оказалось достаточно, чтобы султанъ преклонился предъ совершившимся фактомъ.

«Со стороны турецкихъ министровъ,—писалъ Тувенель 8-го (20-го) апрѣля 1859 г.,—было бы большимъ недомысліемъ отвергнуть временное средство, предложенное имъ для устраненія печальнаго положенія, и оставить въ Бухарестѣ и Яссахъ предлогъ къ вооруженному столкновенію между Австріей и Россіей. Рѣшеніями «дивана» должны руководить умѣренность и предусмотрительность; единственная возможная для Порты политика заключается въ томъ, чтобы не допустить участія Востока въ предстоящемъ столкновеніи».

Подъ коллективнымъ давленіемъ державъ, избраніе князя Кузы было, наконецъ, утверждено Портою, но, въ видахъ предупрежденія новаго нарушенія конвенціи 7-го (19-го) августа, она рѣшила обратиться къ державамъ съ нотою, въ которой доказывала, что избраніе Кузы въ обоихъ Княжествахъ не только не согласовалось съ постановленіями конвенціи, но было прямымъ нарушеніемъ этого международнаго акта. Кромѣ того, султанъ потребовалъ, чтобы князь Куза, получивъ фирманъ, явился въ Константинополь съ оффиціальнымъ визитомъ.

Куза, дѣйствительно, побывалъ впослѣдствіи у султана, но во время своего посѣщенія не носилъ, какъ это принято, фески, а ходилъ въ военной фуражкѣ.

Задача державъ, способствовавшихъ возникновенію Румыніи, была окончена.

Въ началѣ 1859 г. вниманіе Европы было отвлечено отъ Востока войною, происходившей между Франціей и Австріей; тѣмъ не менѣе между Россіей и Австріей происходили въ это время тайныя совѣщанія, касавшіяся ихъ взаимныхъ отношеній къ Турціи. Тувенель писалъ по этому поводу Утри 12-го (24-го) іюня 1859 г.:

«Не знаю, сообщилъ-ли князь Лобановъ, такъ заботящійся о возстановленіи положенія Россіи въ Константинополѣ, прочимъ министрамъ о странныхъ предложеніяхъ, которыя были отклонены княземъ Горчаковымъ. Австрія преклонила колѣна передъ Петербургомъ, просила прощенія за свое поведеніе и, если ее благоволятъ выслушать, обѣщала сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы возстановить вліяніе Россіи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало до войны. Князь Горчаковъ отвѣчалъ дипломатично, что Россія хочетъ только получить свою долю въ концертѣ державъ, установленномъ Парижскимъ трактатомъ

по отношенію къ Турціи, и что она не нуждается въ Австріи для того, чтобы добиться этого. Разрѣшаю вамъ передать этотъ анекдотъ Али-пашѣ, подъ секретомъ, сдѣлавъ исключеніе для султана».

Возвращаясь, по окончаніи своего отпуска, въ Константинополь, французскій посланникъ остановился, по пути, въ Аѳинахъ, для того чтобы преподать отъ имени своего правительства греческому двору «добрые совѣты», по поводу происходившаго въ Греціи патріотическаго движенія, которое было вызвано экономическимъ и финансовымъ разстройствомъ страны и безсиліемъ правительства осуществить національныя желанія народа.

«Ихъ величества приняли меня со своей обычной добротою,—писалъ Тувенель 28-го іюля (9-го августа) 1859 г. французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Король Оттонъ счелъ мое присутствіе какъ бы одобреніемъ образа дѣйствій его правительства, во время италіанской кампаніи, которое было ошибочно истолковано нѣкоторыми его подданными въ смыслѣ его симпатій къ Австріи. Королева Амалія выразила въ немногихъ словахъ чувства, одушевлявшія аѳинскій дворъ, во время этой войны. «Императоръ австрійскій нашъ близкій родственникъ, сказала она, и мы не могли радоваться понесеннымъ имъ страшнымъ пораженіямъ, но интересы, поддерживаемые императоромъ Наполеономъ, слишкомъ близки намъ, чтобы насъ не радовали его успѣхи въ Италіи».

«Эти слова дали намъ поводъ перейти къ вѣчно жгучему въ Аѳинахъ вопросу о расширеніи Греціи на счетъ Турціи. Изъ моихъ продолжительныхъ и совершенно конфиденціальныхъ бесѣдъ съ ихъ величествами я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе, которое я считаю вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ оно подтвердилось и внѣ дворцовой сферы, въ разговорѣ съ моими старинными знакомыми, съ которыми я сошелся въ Греціи еще въ 1850 году. Греція не отказывается отъ надежды на территоріальное увеличеніе, ея мечта состоитъ по-прежнему въ томъ, чтобы присоединить къ новому королевству тѣ части Турецкой имперіи, въ коихъ преобладаетъ греческій элементъ, не исключая изъ этого Константинополя. По правдѣ сказать, это не политика, это страсть и при томъ страсть наивная и непобѣдимая, которую всякій грекъ всасываетъ съ молокомъ матери и которую онъ уноситъ съ собою въ могилу. Событія 1854 г. [1]) были не болѣе какъ вспышкою этой безумной

[1]) Съ самаго начала осложненій, которыя привели къ Крымской кампаніи, Греція, не взирая на энергичныя представленія со стороны Англіи и Франціи, примкнула къ политикѣ Николая I, и король Оттонъ, поощряемый своею супругою, увлекшись честолюбивыми мечтами о возстановленіи греческой имперіи, двинулъ въ Ѳессалію и Эпиръ недисциплинированныя шайки, которыя начали на югѣ Турецкой имперіи непріятельскія дѣйствія противъ султана. Столкновеніе Греціи съ Турціей продолжалось съ перерывами во

мечты; всѣ, начиная съ короля и королевы, убѣждены, что Грецiя навсегда погубила бы цѣль, къ которой она стремится, если бы она попыталась достигнуть ея одна, безъ посторонней помощи. Греки поняли, что безъ насъ имъ ничего не добиться, и они разчитываютъ впредь на нашу помощь. Строгiй отзывъ великаго князя Константина Николаевича разсѣялъ многiя иллюзiи, и хотя мнѣ говорили, съ нѣкоторымъ озлобленiемъ, «что Россiя проповѣдуетъ умѣренный образъ дѣйствiй, потому, что она сама вынуждена держаться его въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ въ дѣлахъ Востока», но въ настоящее время ни одинъ благомыслящiй человѣкъ не думаетъ, что если бы Грецiя вздумала начать войну съ Турцiей, то это заставило бы Европу вступиться за нее. Такимъ образомъ, греки полагаютъ, что для осуществленiя ихъ надеждъ надобно выждать время и тѣхъ осложненiй, театромъ которыхъ, какъ полагаютъ, рано или поздно сдѣлается Балканскiй полуостровъ.

«Король Оттонъ говорилъ съ грустью о состоянiи Германiи, о царствующей въ ней неурядицѣ и объ обострившемся болѣе, чѣмъ когдалибо, соперничествѣ Австрiи и Пруссiи».

Изъ Аѳинъ Тувенель отправился, по приглашенiю султана для свиданiя съ нимъ, на островъ Хiосъ, такъ какъ Абдулъ-Меджидъ совершалъ въ то время экскурсiю по островамъ Эгейскаго моря.

«Я узналъ въ Аѳинахъ,—писалъ Тувенель,—что султанъ долженъ былъ находиться 21-го iюля (2-го августа) на островѣ Хiосѣ или на Митиленѣ. Сераскиръ Риза-паша сообщилъ мнѣ, что султанъ хотѣлъ бы встрѣтиться со мною въ морѣ; поэтому я предложилъ командиру «Аяччiо» пройти по проливу, раздѣляющему эти два острова. Прибывъ въ Хiосскую гавань, я, дѣйствительно, засталъ тамъ турецкую эскадру, но султана тамъ не было. Высадившись въ одиннадцать часовъ утра, его величество только проѣхалъ черезъ городъ, гдѣ населенiе встрѣтило его безъ особеннаго энтузiазма, и отправился въ кiоскъ, отстоящiй приблизительно въ трехъ миляхъ отъ берега. Я хотѣлъ проѣхать туда, но губернаторъ Хiоса заявилъ мнѣ, что свита султана забрала всѣхъ верховыхъ лошадей, и что даже у него самого взяли двѣ лошади. Поэтому я написалъ сераскиру, прося его выразить его величеству мое искренное сожалѣнiе по поводу того, что я не могъ добраться до него и продолжалъ свой путь. На слѣдующее утро султанъ уѣхалъ изъ Хiоса, и по возвращенiи въ Константинополь, 24-го (5-го августа), первою его заботою было послать ко мнѣ своего секретаря, которому велѣно было передать мнѣ, что онъ очень тронутъ моимъ вниманiемъ и

все продолженiе Крымской кампанiи, но слабое эхо этихъ военныхъ дѣйствiй было заглушено пушечными выстрѣлами, раздававшимися съ Крымскаго полуострова.

огорченъ по поводу того, что мнѣ не удалось видѣть его. Я поспѣшилъ испросить аудіенцію, во время которой его величество еще разъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, любезно освѣдомился о здоровьи императора и императрицы и выразилъ свое удовольствіе по поводу возстановленія мира между двумя союзными Турціи державами. Съ султаномъ разговоръ о политикѣ никогда не бываетъ продолжителенъ, такъ какъ послѣднее время онъ сталъ уклоняться отъ подобнаго рода разговоровъ.

«Я успѣлъ, однако, высказать, что предвѣстники славной войны, столь быстро и побѣдоносно оконченной императоромъ въ Италіи, давали себя знать въ Константинополѣ, въ тѣхъ событіяхъ, во время которыхъ Порта болѣе руководствовалась страстными совѣтами Австріи, нежели своими собственными интересами. Я присовокупилъ, что было бы желательно, чтобы этотъ примѣръ не пропалъ даромъ для совѣтниковъ султана, и выразилъ надежду, что они будутъ руководствоваться впредь въ своихъ сношеніяхъ съ Франціей тѣми чувствами, коими одушевленъ къ этой державѣ ихъ монархъ, не поддаваясь внушеніямъ иныхъ державъ».

Побѣдоносное окончаніе Наполеономъ III италіанской кампаніи произвело въ Константинополѣ на всѣхъ столь сильное впечатлѣніе, что по пріѣздѣ французскаго посланника всѣ «поспѣшили привѣтствовать его, и поспѣшнѣе другихъ явился къ нему сэръ Генри Бульверъ, хотя онъ еще не вполнѣ оправился отъ послѣдствій своего паденія. «Князь Лобановъ,—писалъ Тувенель 29-го іюля (10-го августа) 1859 г., сообщая Бенедетти свои константинопольскія впечатлѣнія,—по моему мнѣнію, очень охладѣлъ къ туркамъ. Несчастный баронъ Прокешъ былъ со мною торжественъ и нѣженъ. У турокъ такое выраженіе, какъ будто совѣсть у нихъ нечиста. Капитанъ-паша Мехметъ-Али былъ единственный изъ министровъ, не приславшій, какъ это принято, привѣтствовать меня. Его поведеніе по отношенію къ намъ во время италіанской кампаніи заслуживаетъ полнаго порицанія.

«Впрочемъ, вы увидите, что я поддерживаю «дружеское согласіе» съ сэромъ Генри Бульверомъ, и мы по-прежнему дѣйствуемъ сообща, но это нисколько не вредитъ моимъ отношеніямъ къ князю Лобанову. Не знаю, какъ долго продлится это затишье, но я постараюсь, со своей стороны, ничѣмъ не нарушить его.

«Что касается внѣшнихъ свѣдѣній, то князь Лобановъ устроился великолѣпно. Ему сообщаютъ по телеграфу изъ Парижа, Лондона, Берлина и Вѣны всѣ депеши, представляющія какой-либо интересъ, и я обязанъ ему сообщеніемъ частнаго письма, въ коемъ лордъ Коулей даетъ лорду Джону-Русселю отчетъ о своемъ первомъ разговорѣ съ императоромъ, по возвращеніи его величества изъ Италіи. Лордъ Джонъ-Руссель далъ прочитать это письмо Бруннову, который обладаетъ изумительной па

мятью. Я не предполагалъ, чтобы между Лондономъ и Петербургомъ существовала подобнаго рода откровенность. Я невольно вспомнилъ пословицу о «двухъ стульяхъ» и отъ души желаю, чтобы она не оправдалась со временемъ... относительно Австріи. Не шутя, мнѣ было бы весьма полезно знать въ точности, каковы наши отношенія къ великимъ державамъ. Среди турокъ преобладаетъ убѣжденіе, что русскіе нѣсколько охладѣли къ намъ, и что въ то же время мы не выиграли въ расположеніи англичанъ».

Нѣсколько дней спустя, новая невѣжливость, оказанная Тувенелю капитанъ-пашою, дала французскому посланнику поводъ потребовать и добиться удовлетворенія, что не мало усилило въ глазахъ мусульманскаго населенія обаяніе французскаго имени.

«Тезоименитство императора,—писалъ Тувенель 4-го (16-го) августа,—было отпраздновано вчера, въ Перѣ, при большомъ стеченіи публики. Я присутствовалъ съ личнымъ составомъ посольства и со всѣми сановитыми лицами французской колоніи на молебствіи, отслуженномъ въ церкви св. Людовика, послѣ чего мои коллеги были у меня съ поздравленіемъ. Ко мнѣ пріѣхали также секретарь султана и первый драгоманъ «дивана», которые поздравили меня отъ имени его величества и Блистательной Порты. Поблагодаривъ этихъ сановниковъ, я сказалъ имъ, что я не могу не обратить ихъ вниманіе на невѣжливый поступокъ, который, я вполнѣ увѣренъ, будетъ весьма непріятенъ султану и его правительству. Турецкій бригъ, стаціонирующій при входѣ въ Золотой-Рогъ, не расцвѣтился флагами и не салютовалъ въ полдень французскому флагу. При этихъ словахъ на лицѣ Эминъ-бея и Арифъ-бея отразилось сильное волненіе; я присовокупилъ, что еще въ Хіосѣ я замѣтилъ невѣжливость турецкаго флота. Въ гавани стояло пять военныхъ судовъ, и ни одно изъ нихъ не спустило шлюпки, чтобы предложить свои услуги «Аяччіо». Фактъ, на который я жалуюсь сегодня, сказалъ я, не можетъ быть объясненъ невѣдѣніемъ, такъ какъ всѣ французскія и иностранныя суда, стоявшія на рейдѣ, присоединились къ демонстраціи стаціонера нашего посольства, и я желалъ бы поэтому, чтобы о неудовольствіи, заявленномъ мною, было немедленно доведено до свѣдѣнія великаго визиря и самого султана. Эминъ-бей и Арифъ-бей отправились исполнить мое порученіе. Между тѣмъ, какъ оказалось, великій визирь Али-паша, проѣзжая по Золотому-Рогу и замѣтивъ отсутствіе флага на турецкомъ бригѣ, приказалъ поднять его. Послѣ чего, командиръ этого судна послалъ сказать командиру «Аяччіо», что французскому флагу будетъ отдана честь; салютъ былъ, дѣйствительно, произведенъ въ тотъ моментъ, когда стаціонеръ поднималъ якорь, чтобы отвезти меня въ Терапію. Вскорѣ, послѣ этого, мы замѣтили одно гребное судно арсенала, на которомъ команда усиленно работала веслами, чтобы

нагнать насъ. На немъ ѣхали контръ-адмиралъ и переводчикъ. «Аяччіо» остановилъ машину, и въ то время, какъ посланные поднимались по трапу, я попросилъ перваго драгомана нашего посольства сказать имъ, что, если капитанъ-паша, какъ можно судить по сдѣланному имъ шагу, считаетъ себя виновнымъ относительно императора, то представитель его величества только изъ его устъ можетъ выслушать извиненіе по этому поводу.

«Едва успѣлъ я прибыть въ Терапію, какъ туда явились секретарь султана и первый драгоманъ турецкаго правительства съ заявленіемъ, что они весьма огорчены случившимся по утру и просятъ меня не считать султана или великаго визиря отвѣтственными «за забывчивость, по поводу которой будетъ произведено строжайшее слѣдствіе». Сегодня, утромъ, Али-паша сказалъ мнѣ, что капитанъ-паша обязанъ сдѣлать мнѣ визитъ, чтобы загладить справедливое неудовольствіе посольства».

«Капитанъ-паша Мехметъ-Али [1]), которому великій визирь и его коллеги высказали свое порицаніе, рѣшился, наконецъ, посѣтить меня и выразить мнѣ свое сожалѣніе за причиненное неудовольствіе. Чѣмъ обиднѣе былъ этотъ шагъ для его самолюбія, тѣмъ болѣе мнѣ казалось необходимымъ настоять на немъ. Несмотря на всѣ увѣренія Мехметъ-Али, я сомнѣваюсь, чтобы его можно было считать, какъ онъ о томъ проситъ, въ числѣ друзей французскаго посольства, но, по крайней мѣрѣ, онъ остережется впредь становиться открыто въ число нашихъ противниковъ».

Въ описываемое время вниманіе дипломатіи снова было обращено на Константинополь однимъ событіемъ, которое могло имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Въ турецкой столицѣ былъ открытъ обширный заговоръ противъ султана, вызванный безпорядками управленія и разстройствомъ финансовъ.

«Я сдѣлалъ доброе дѣло, за которое ты, вѣроятно, похвалишь меня,— писалъ Тувенель своей супругѣ, сообщая ей объ этомъ событіи. Я спасъ жизнь Гуссейнъ-пашѣ и Ахметъ-эфенди,—двухъ главныхъ участниковъ заговора; они были приговорены къ смертной казни; султанъ утвердилъ приговоръ. Я не зналъ этихъ несчастныхъ лично, но мнѣ показалось возмутительнымъ, чтобы они были обезглавлены, когда въ числѣ ихъ судей были такіе мошенники, какъ капитанъ-паша Мехметъ-Али и ему подобные люди, и я формально просилъ объ ихъ помилованіи, на что̀ султанъ изъявилъ свое согласіе.

«Можно было предполагать, что заговоръ выведетъ турокъ изъ

---

[1]) Мехметъ-Али былъ зять султана, женатый на его сестрѣ.

свойственной имъ апатія, но они снова погрузились въ нее и продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, коснѣть въ своихъ порокахъ.

«Прошлое воскресенье я былъ свидѣтелемъ прелюбопытнаго зрѣлища. Въ Санъ-Стефано праздновалось двойное бракосочетаніе въ семействѣ барутчи-баши (директоръ пороховыхъ заводовъ). Недаромъ говорятъ, что этотъ прекрасный человѣкъ фабрикуетъ не порохъ, а золотой порошокъ. Я нигдѣ не видалъ подобной роскоши. Въ числѣ приглашенныхъ было около тридцати полунагихъ армянокъ, единственное одѣяніе которыхъ составляли бриліанты.

«Различныя церемоніи начались въ три часа по полудни и окончились въ два часа ночи. Старшая дочь, бракосочетаніе которой совершилось въ пять часовъ вечера, присутствовала уже вполнѣ «дамой» на бракосочетаніи своей сестры, которое совершилось въ часъ ночи. Это была какая-то смѣсь религіозныхъ обрядовъ и балета, такъ какъ дирижеръ оркестра и патріархъ смѣняли непрерывно другъ друга въ однихъ и тѣхъ же покояхъ.

«Я думаю, что баручи-баши истратилъ на это торжество не менѣе шестидесяти тысячъ франковъ, которые неистощимая казна Блистательной Порты возмѣститъ ему при первой же доставкѣ пороха».

Въ заключеніе приведемъ еще одну выдержку изъ письма Тувенеля къ Бенедетти, въ которомъ этотъ превосходный знатокъ Востока рисуетъ яркими красками положеніе Турціи въ половинѣ прошлаго столѣтія.

«По возвращеніи изъ Франціи,—писалъ онъ,—я нашелъ Турцію одряхлѣвшею и ослабленною. Турки, которые видятъ, что ихъ казна истощена, начинаютъ волноваться, и я присутствую при грустномъ зрѣлищѣ кающагося грѣшника, при его послѣднемъ издыханіи. Но на Востокѣ мертвые не сразу исчезаютъ съ лица земли, и Турецкая имперія, какъ набитое чучело, можетъ еще простоять извѣстное число лѣтъ. Одни обвиняютъ султана, другіе великаго визиря. Дѣло въ томъ, что все приходитъ въ ветхость, и ничто не исправляется. Недавно здѣсь произошелъ большой переполохъ, по поводу обнаруженнаго обширнаго заговора, который угрожалъ жизни и власти султана,—двѣ вещи, между нами будь сказано, одинаково не заслуживающія уваженія.

«Европейскія газеты обвиняютъ во всемъ старо-турецкую партію и произносятъ свои обычныя филиппики противъ улемовъ. Дѣло въ томъ, что фанатизмъ неповиненъ въ тѣхъ грѣхахъ, которые ему приписываютъ. Неудавшійся заговоръ имѣлъ цѣлью единственно отдѣлаться отъ чудовищнаго правительства. У Турціи много недуговъ, но изъ нихъ главный, угрожающій ея жизни—это султанъ. Правда, что, коль скоро мусульмане начинаютъ составлять заговоры, значитъ, дѣло серьезно. Въ этой странѣ народное возстаніе превзойдетъ все, что мы видѣли въ

другихъ странахъ, а оно, несомнѣнно, вспыхнетъ со временемъ, ежели Европа не побоится тѣхъ безчисленныхъ осложненій, которыя это можетъ повлечь за собою, и не приметъ энергичныхъ мѣръ къ тому, чтобы заставить Порту преобразовать свое внутреннее управленіе, хотя бы для этого пришлось взять ее подъ опеку великихъ державъ.

«Я всегда стараюсь внушить турецкимъ министрамъ бодрость и смѣлость, а вамъ извѣстно, какъ это легко. Вообще, я не думаю, чтобы можно было, вопреки всѣмъ законамъ логики и исторіи, долгое время поддерживать существованіе этой страны, каковы бы ни были потрясенія, которыя ея паденіе вызоветъ въ Европѣ.

«Съ другой стороны, я согласенъ съ тѣмъ, что пока буря не разразилась, дипломатіи ничего не остается, какъ класть заплаты на существующія прорѣхи, и если мнѣ придется заниматься этимъ дѣломъ, то я не стану роптать. Я дѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы Блистательная Порта не испустила дыханіе въ моихъ объятіяхъ. Тотъ, кто не былъ красавцемъ при жизни, въ гробу будетъ еще хуже; и я надѣюсь, что я буду избавленъ отъ этого зрѣлища.

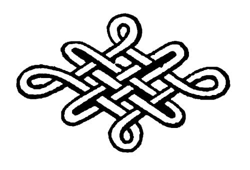
«Къ сожалѣнію, политическій курсъ такъ измѣнчивъ и свѣтъ, исходящій изъ центра, достигаетъ Константинополя столь тусклымъ и померкшимъ, что трудно знать, чего хотятъ и къ чему стремятся. Какъ бы то ни было, затрудненій накопляется множество; въ одномъ Придунайскомъ бассейнѣ нарождаются такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ не достаточно одной, хотя бы самой горячей, любви къ миролюбію и согласію.

Тамъ находится самая сущность Восточнаго вопроса, это понимаютъ въ Петербургѣ такъ же точно, какъ въ Вѣнѣ, и мало-по-малу всѣ начинаютъ понимать это. Шутка о «цѣлости и неприкосновенности» Турецкой имперіи получаетъ уже свое истинное значеніе. Други и недруги одинаково способствовали этому. Европѣ угрожаетъ большая опасность, съ которой придется считаться. Всѣмъ извѣстно, что означаетъ возрожденіе, совершаемое при помощи мусульманъ, но стоитъ побывать въ Греціи, Черногоріи, Сербіи, Молдавіи и Валахіи, не считая Фанара, чтобы разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ относительно возможности возродить Востокъ при помощи христіанъ. Востокъ въ 1859, точно такъ же, какъ въ 1453 г., представляетъ собой однѣ развалины національностей и религій. Гдѣ средство противъ этого? Въ дружномъ союзѣ, съ цѣлью продлить существованіе Турціи, улучшивъ ея внутреннія условія, или въ столь же энергичной войнѣ, которая приведетъ къ завоеванію или къ раздѣлу. Весьма вѣроятно, что этотъ вопросъ будетъ обсуждаться съ обѣихъ точекъ зрѣнія.

«Султанъ вполнѣ здоровъ. Въ кофейняхъ уже читали ему отходную, и если онъ слышалъ кое-какіе образчики народнаго краснорѣчія, то

ему должно быть извѣстно, что онъ упустилъ прекрасный случай сдѣлать удовольствіе своимъ подданнымъ. Повѣрьте, я не только не преувеличиваю впечатлѣній, произведенныхъ на меня по возвращеніи въ Константинополь, я скорѣе выражаюсь очень сдержанно и въ доказательство приведу еще одинъ примѣръ того, какъ поступаетъ султанъ. Съ недѣлю тому назадъ ему представили проектъ ирадэ, коимъ министру финансовъ разрѣшалось заключить разорительный заемъ, для уплаты процентовъ по государственному долгу. Его величество подписалъ его, не говоря ни слова, и тотчасъ же послалъ Портѣ приказаніе доставить ему сорокъ милліоновъ піастровъ для покупки земли, на которой происходили въ прошломъ году празднества по случаю бракосочетанія султанши. Но вотъ что еще лучше: султанъ пожаловалъ 500 тысячъ піастровъ Константину Каратеодори (Carathéodori) въ награду за прописанныя имъ его величеству нѣсколько граммъ хинина, и предоставилъ ему право избрать, гдѣ онъ пожелаетъ, землю для постройки дома, стоимостью до двухъ милліоновъ піастровъ. Кромѣ того, въ саламлыкѣ [1]) и въ гаремѣ выставлены двѣ корзины, въ которыя служащимъ въ Портѣ и ихъ женамъ предлагается класть подарки, предназначенные для спасителя жизни его величества.

«Я былъ на-дняхъ въ Скутари у главы воющихъ дервишей, красиваго старика 85 лѣтъ. Чтобы оказать мнѣ честь, онъ хотѣлъ, чтобы его слуга зарѣзалъ себя ударомъ кинжала, и мнѣ едва удалось отклонить эту любезность. У насъ зашелъ разговоръ о положеніи Турціи, и вотъ дословно мнѣніе, высказанное дервишемъ: «Если это конецъ міра, какъ можно думать, то все обойдется само собою. Если же это не конецъ міра, то все пойдетъ хуже и хуже». Къ этому нечего прибавить».



[1]) Часть дома, предоставленная у мусульманъ для мужчинъ.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго[1]).

X. Письма С. П. Шевырева.

(Въ январѣ 1837 г.).

Мельгуновъ[2]), уѣзжая отсюда, оставилъ мнѣ связку для Глинки[3]), которую Глинка и взялъ отъ меня проѣздомъ черезъ Москву. Сдѣлай милость, напомни объ этомъ Глинкѣ. У меня нѣтъ ни досокъ, ни нотъ[4]). Я еще напишу объ этомъ Мельгунову. Что было въ связкѣ, я не знаю, но думаю, что ноты и доски.

Ладьте дѣло съ Плюшаромъ[5]), но не выпускайте «Наблюдателя» изъ нашихъ рукъ. Здѣсь издавать невозможно: цензура здѣшняя какъ будто съ ума сошла, особенно послѣ глупой статьи въ «Телескопѣ»[6]). Она

---

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1904 года.

[2]) См. выше, стр. 196, прим. 3-е. Н. А. Мельгуновъ уѣхалъ за-границу въ маѣ 1835 г. и вернулся въ Россію въ сентябрѣ 1837 года (см. А. И. Кирпичниковъ, „Между славянофилами и западниками" („Русская Старина" 1898 г., т. 96, стр. 319 и 322).

[3]) Для композитора М. И. Глинки, съ которымъ Мельгуновъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

[4]) „Глинка тебя проситъ,—писалъ князь Одоевскій Шевыреву 30-го декабря 1836 года,—выслать къ нему въ Петербургъ (хоть на мое имя) доски 4-го № его романсовъ (въ которыхъ: Только узналъ я тебя и Побѣдитель) или же 200 экземпляровъ сего №, если есть готовые" (это письмо кн. Одоевскаго къ Шевыреву находится въ бумагахъ послѣдняго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

[5]) Относительно предполагавшагося перевода „Московскаго Наблюдателя" изъ Москвы въ Петербургъ см. „Русскую Старину" 1904 г., мартъ, стр. 170.

[6]) Извѣстнаго „Философическаго письма" П. Я. Чаадаева, за которое „Телескопъ" подвергся запрещенію.

ужь все мараетъ. Видно хочетъ «Наблюдателя» уморить сухоткой. Я не понимаю, зачѣмъ эта московская цензура существуетъ. Съ одной стороны пропускаетъ такія статьи, какъ эта извѣстная; съ другой притѣсняетъ всю московскую литературу. Отъ нея ни пользы, ни охраненія автору, потому что за ней же самъ смотри, а то ушибется и ушибетъ. Только стоитъ денегъ правительству, а прибыли отъ нея нѣтъ.

Но вы, петербургцы (или по-твоему петербуржцы), рады обвинять насъ на каждой строкѣ и, указывая на нее, кричать громко: «Вотъ она! вотъ она!» Ужь много мы слышали и даже читали объ этой строкѣ «Наблюдателя» [1]), на которой хотѣли основать грозный приговоръ ему, призвавши въ обвинители Адама [2]), но насъ спасъ прекрасный Іосифъ Сенковскій [3]). У насъ строка (Богъ знаетъ какъ прошла между ногъ у Перевощик(ова) [4]): ты знаешь, онъ въ родѣ Полифема), а въ «Библіотекѣ» цѣлая страница о томъ же, у васъ подъ носомъ, да вы не видите, не кричите. Зри статью: «Г и з о к а к ъ и с т о р и к ъ» [5]). То-то и есть: своихъ бережете. У васъ спускаютъ; у васъ, напримѣръ, привилегія бранить и ругать все и всѣхъ въ русской литературѣ, издѣваться надъ лицами и книгами, а у насъ ничего дурнаго не позволяется сказать ни о Сенковскомъ, ни о Полевомъ, какъ будто бы это люди заживо святые. Попробуй, скажи, тотчасъ бумага отъ У. [6]): «Въ журналахъ московскихъ замѣчается страсть къ полемикѣ». Это пишутъ изъ Петербурга, гдѣ издается «Библіотека для Чтенія» и гдѣ съ адмиралтейскаго шпица на всю Россію ругается Сенковскій. Такъ издавайте же вы и дѣлайте, что можете. Мы рады помогать вамъ отсюда и будемъ усердны. Я много занятъ въ университетѣ. Теперь, кромѣ двухъ

---

[1]) Въ статьѣ «Слѣды допотопныхъ птицъ» («Московскій Наблюдатель» 1836 г., ч. VIII, Смѣсь, стр. 253).

[2]) „Сами вы, господа,—писалъ князь В. Ѳ. Одоевскій Шевыреву 30-го декабря 1836 года,—тиснули недавно, что человѣчество не происходитъ отъ Адама. Какъ вамъ не бросилось это въ глаза? Продавайте „Наблюдателя" Плюшару; вотъ все, что вамъ остается дѣлать" (см. выдержку изъ этого письма, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., книга вторая, стр. 58).

[3]) О. И. Сенковскій, редакторъ «Библіотеки для Чтенія».

[4]) Дмитрій Матвѣевичъ (р. 1788 † 1880), профессоръ астрономіи Московскаго университета и цензоръ Московскаго цензурнаго комитета; отъ послѣдней должности онъ былъ уволенъ 11-го іюля 1837 года (см. «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московск. Университета», т. II, стр. 212).

[5]) Статья «Гизо, какъ историкъ» помѣщена въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 года, томъ XVI, Науки и художества, стр. 1—40. Въ этой статьѣ страница 5-я посвящена разсужденіямъ о происхожденіи человѣка.

[6]) Уварова, Сергѣя Семеновича, министра народнаго просвѣщенія.

курсовъ, у меня на плечахъ докторская диссертація, которую по милости моего Эвристея [1]) долженъ въ 28 дней докончить [2]). Ни книга моя [3]), ни прежнія диссертаціи [4]), ни три года лекцій [5]), читанныхъ честно, ни рекомендація всего университета [6]), ничто не избавило меня отъ правила общаго для всѣхъ, т. е. и тѣхъ, которые пера въ руки никогда не брали: писать еще диссертацію. Прощай. Поклонись Краевскому.

Твой Шевыревъ.

2.

19 апрѣля (1837).

Статья, тобою присланная, напечатана въ 31 № «Московскихъ Вѣдомостей», 17 апрѣля [7]), слѣдовательно, до праздника. Въ середу напечатать было нельзя, потому что письмо получено мною во вторникъ. Но дѣло въ томъ, что о книгѣ-то нѣтъ объявленія. Если бы съ тѣмъ вмѣстѣ объявили книгопродавцы, то дѣло вышло бы полезное для кармана неизвѣстной госпожи. Въ «Наблюдателѣ» объ ней будетъ сказано, когда увидимъ книгу [8]).

Благодарю тебя за ласковое слово о моей книгѣ [9]). Но дѣло-то въ

---

[1]) Т. е. министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, при которомъ въ 1836 году былъ введенъ новый университетскій уставъ. Этотъ уставъ требовалъ, чтобы каждый профессоръ непремѣнно имѣлъ ученую степень; Шевыревъ же таковой степени не имѣлъ.

[2]) Докторскую диссертацію «Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» (Москва. 1836) Шевыревъ защитилъ 7-го января 1837 года (см. «Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета», т. II, стр. 615).

[3]) Исторія поэзіи, т. I (Москва. 1835).

[4]) Т. е. «Дантъ и его вѣкъ» (напеч. въ «Ученыхъ Запискахъ Московск. университета» 1833 и 1834 гг.).

[5]) Шевыревъ читалъ лекціи въ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта, съ 15-го января 1834 г.

[6]) До введенія новаго устава 1836 г. совѣтъ Московскаго университета выбралъ Шевырева ординарнымъ профессоромъ, но, несмотря на неоднократныя представленія попечителя, онъ не былъ утвержденъ министромъ («Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», т. II стр. 615).

[7]) Въ этомъ №, стр. 216, напечатана замѣтка (безъ подписи) о выходѣ въ свѣтъ книги для дѣтей: «Разсказы Американца Парлея о Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ» (Спб. 1837). «Рекомендуемъ эту книгу родителямъ и наставникамъ, какъ лучшій подарокъ для дѣтей ихъ,—говорилось въ замѣткѣ.— Русскій переводъ сдѣланъ съ Англійскаго одною почтенною дамою, привыкшею разговаривать съ дѣтьми ихъ собственнымъ языкомъ».

[8]) Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1837 г. нѣтъ упоминанія объ этой книгѣ.

[9]) О докторской диссертаціи Шевырева «Теорія поэзіи».

томъ, что я до сихъ поръ еще не профессоръ [1]): видно, ученическія диссертаціи болѣе заслужили чести. Извини меня, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на твои письма: несмотря на то, порученія твои я всѣ исполнялъ исправно, какъ видишь, кромѣ одного: о стихахъ для «Литературныхъ Прибавленій» [2]).

А—а? Такъ-то хотѣлъ я къ тебѣ начать письмо мое въ отвѣтъ на твои жалобы. Теперь вошли въ наше тѣло. Ты просишь у насъ стиховъ, статеекъ. Нищій у нищаго проситъ милостыни. Сами голодны, сами кой-какъ питаемся. Но дай срокъ, дай мнѣ удосужиться лѣтомъ, — и я свой оброкъ пришлю, съ условіемъ, чтобъ мнѣ дали экземпляръ «Прибавленій» [3]).—Поэты наши всѣ молчатъ. Хомяковъ [4]) недавно произвелъ сына, а стихопроизводительная сила въ немъ изсякаетъ. Языковъ въ Симбирскѣ и вѣсти не подаетъ. Баратынскій написалъ славную вещь: «Осень», но я не знаю, для чего онъ ее назначаетъ [5]). Знаю только, что она будетъ прочтена публично въ засѣданіи Общества любителей русской словесности. Павловъ [6]) располагаетъ думать о томъ, какъ бы собраться написать маленькую повѣсть; но когда кончитъ располагать думать, соберется и напишетъ—не вѣдаю. Вотъ дѣятельность нашихъ литераторовъ. Я пишу статью о Пушкинѣ, или, лучше, собираюсь писать; но она будетъ прочтена въ Обществѣ. Впрочемъ, я давно бы написалъ, но насъ все пугали здѣсь, и цензура не позволяла заикаться о немъ до тѣхъ поръ, пока «Библіотека» своею пошлою статьею не дала позволенія. Грустно и больно!

Прежде надо, чтобы Полевой прогнусилъ о Пушкинѣ и навалилъ

---

[1]) Экстраординарнымъ профессоромъ Шевыревъ былъ утвержденъ 26-го мая 1837 года (см. «Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Московск. университета», т. II, стр. 615).

[2]) Редакторомъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» былъ А. А. Краевскій, но князь В. Ѳ. Одоевскій принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе.

[3]) Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 года нѣтъ стиховъ Шевырева.

[4]) Алексѣй Степановичъ Хомяковъ въ 1836 г. женился на сестрѣ поэта Языкова, Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой.

[5]) Баратынскій напечаталъ ее въ «Современникѣ» 1837 года, т. V, стр. 279—286. «Извѣстіе о смерти Пушкина,—писалъ Баратынскій князю П. А. Вяземскому,—застало и меня на послѣднихъ строфахъ этого стихотворенія» (см. «Старина и Новизна», книга пятая (Спб. 1902), стр. 54).

[6]) Николай Филипповичъ.

кучу пошлостей и нелѣпостей въ «Библіотекѣ» [1]), а тогда ужъ нашъ чередъ.

Итакъ въ маіѣ ждите отъ меня статеекъ, но не прежде.

Прощай. Твой Шевыревъ.

3.

Москва, 30-го маія 1838 г.

Передъ тобою Милькѣевъ, молодой человѣкъ съ замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, открытый Жуковскимъ въ Тобольскѣ [2]). Онъ былъ у насъ въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы найти мѣсто въ службѣ и начать ученіе [3]), потому что онъ никогда ничему не учился. Но любовь его къ старой матери, которую онъ оставилъ въ Тобольскѣ, влечетъ его опять туда. Спроси у него его записку о немъ самомъ, написанную для Жуковскаго [4]), и въ стихахъ его прочти піесы: Молитва, Гроза, Свѣтъ и Мракъ, Мигъ, Монахъ, Сибирскіе клады, Элегія, Избранному, Муза, Пѣсня и нѣкоторыя другія. По этимъ піесамъ ты лучше узнаешь Милькѣева, нежели по разговору, особенно на первый разъ. Если Жуковскій позволитъ, напечатайте нѣкоторыя его стихотворенія въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» [5]). Это придастъ ему сознаніе силъ, а онъ въ этомъ нуждается. Стихи же его гораздо лучше Тимоѳеевскихъ [6]), Бернетовскихъ [7]) и прочихъ, которыми вы затыкаете щели вашей газеты.

Что̀ наши книги? Скоро-ли послѣдуетъ освобожденіе ихъ изъ цензурнаго плѣна? Мельгуновъ недавно послалъ къ вамъ отповѣдь Бул-

---

[1]) Статья Н. А. Полеваго «Пушкинъ» напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 г., т. XXI, Проза, стр. 181—198.

[2]) Съ Евгеніемъ Лукичемъ Милькѣевымъ Жуковскій познакомился въ Тобольскѣ въ 1837 году, во время путешествія съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (см. «Дневники В. А. Жуковскаго», Спб. 1903, стр. 320).

[3]) Жуковскій же рекомендовалъ въ 1838 году Милькѣева Шевыреву (см. „Русскую Старину" 1901 года, іюль, стр. 98).

[4]) Эту записку Жуковскій напечаталъ въ „Современникѣ" 1838 года, т. XII, стр. 12—20.

[5]) Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" 1838 г. не было помѣщено стиховъ Милькѣева. Его стихотворенія вышли потомъ отдѣльною книжкою въ Москвѣ въ 1843 году.

[6]) Поэтъ Алексѣй Васильевичъ Тимоѳеевъ (р. 1812 † 1883).

[7]) Поэтъ Александръ Кирилловичъ Жуковскій (писавшій подъ псевдонимомъ Е. Бернетъ) (р. 1810 † 1864).

*

гарину [1]) и Свиданіе съ Шеллингомъ [2]). Я тоже собираюсь явиться къ вамъ со статьею, а въ маѣ явлюсь и самъ, если планы сбудутся.

Прощай. Христосъ воскресе!

Твой Шевыревъ.

Рифо̀ [3]) я пристроилъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» [4]). Вы, петербуржцы, не умѣли оцѣнить Оле-Буля [5]). Одинъ только Булгаринъ сыскался [6])—стыдно вамъ!..

4.

Москва, 21-го ноября 1840 г.

Рекомендую тебѣ, любезный другъ, итальянскаго импровизатора, г-на Джустиніани [7]), который три раза восхищалъ насъ и теперь ѣдетъ

---

[1]) Возраженіе Булгарину на его статью по поводу извѣстной книги Кёнига „Litterarische Bilder aus Russland", написанной на основаніи устныхъ сообщеній Мельгунова. Мельгунову не удалось помѣстить въ газетахъ своихъ возраженій, и въ 1839 г. онъ издалъ ихъ особою брошюрою подъ заглавіемъ „Исторія одной книги", приложенною къ № 4 „Отечественныхъ Записокъ" (см. „Русскую Старину" 1898 г., т. 96, стр. 325—328).

[2]) Статья „Шеллингъ. (Изъ путевыхъ записокъ)" напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 года, т. III, Науки, стр. 112—128.

[3]) Рифо̀ (J. J. Rifaud), французскій ученый путешественникъ по Египту. Въ 1838 году онъ посѣтилъ Москву. „Это письмо доставитъ къ тебѣ г. Рифо—писалъ кн. Одоевскій Шевыреву,—человѣкъ очень интересный, прожившій лѣтъ двадцать въ Египтѣ, рывшійся въ пирамидахъ, вокругъ пирамидъ и едва-ли не на ихъ верхушкахъ... Кстати возьми у него изъ его книги о Египтѣ статью для своего журнала (т. е. „Московскаго Наблюдателя"): это ему будетъ пріятно, потому что огласитъ болѣе то изданіе, которое онъ предпринялъ" (письмо безъ даты; см. „Русскій Архивъ" 1878 года, книга вторая, стр. 55—56).

[4]) Въ № 29 „Московскихъ Вѣдомостей" 1838 года, отъ 9-го апрѣля, стр. 235—236, помѣщено, въ русскомъ переводѣ, „Мнѣніе члена Французскаго Института Кузеня де Персеваля, представленное имъ Парижскому Географическому Обществу о книгѣ г. Рифо̀ „Tableau de l'Egypte, de la Nubie et des lieux circonvoisins, ou Itinéraire à l'usage des voyageurs qui visitent ces contrées, par M. J. J. Rifaud, de Marseille".

[5]) Ole Bull (р. 1810 † 1880), извѣстный норвежскій скрипачъ, дававшій въ 1838 году концерты въ Москвѣ и Петербургѣ. Сочувственный отзывъ объ О. Булѣ см. въ № 27 „Московскихъ Вѣдомостей" 1838 года, отъ 2 апрѣля.

[6]) См. статью Булгарина: «Что такое Оле Буль?» въ № 44 «Сѣверной Пчелы» 1838 г. (отъ 24-го февраля). Въ этой статьѣ Булгаринъ признаетъ Оле Буля музыкальнымъ геніемъ. Кромѣ этой статьи, въ «Сѣверной Пчелѣ» было помѣщено еще нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ объ игрѣ Оле Буля.

[7]) Джованни Джустиніани (р. 1807) съ дѣтства отличался пламеннымъ воображеніемъ, памятью и стремленіемъ къ стихотворству.

къ вамъ за новыми лаврами. Если доходятъ до васъ «Московскія Вѣдомости», то статьи мои [1]) могли нѣсколько ознакомить тебя съ нимъ. Но въ статьѣ трудно передать всю прелесть мгновенную импровизаціи: надобно его слышать, надобно самому быть подъ вліяніемъ этой магіи слова поэтическаго. До тѣхъ поръ не вѣришь. Прими, сдѣлай милость, подъ свое покровительство бѣднаго поэта, который чрезвычайно скроменъ и боится быть докучливымъ. Познакомь его со всѣми тебя окружающими—и введи его въ петербургскіе салоны, начиная съ своего. Замолви объ немъ Жуковскому, Вяземскому, графу Веліегорскому [2]), Плетневу.

Ты ужь вѣрно слышалъ, что Погодинъ издаетъ журналъ: «Москвитянинъ» [3]). Я участникъ по-прежнему. Подари его чѣмъ-нибудь своимъ. Мы имѣемъ право на участіе съ вашей стороны, потому что съ своей участвовали также въ «Отечественныхъ Запискахъ» [4]). Надѣюсь, что мы будемъ съ ними въ ладу, тѣмъ болѣе, если ты сохранилъ къ нимъ прежнія отношенія.

Поклонись отъ меня Плетневу. Я получилъ отъ него письмо[5]) черезъ Гартмана [6]), который былъ у меня два раза, не засталъ и исчезъ, не оставивъ мнѣ своего адреса. Такимъ образомъ онъ самъ лишилъ меня возможности быть ему полезнымъ.

Пересадка вашей журналистики очень забавна: это похоже на пересадку министровъ Франціи. Гречь, Полевой, Кукольникъ и Глинка составили коалицію, какъ кажется [7]). У васъ то и видишь: министерство

---

[1]) Шевыревымъ были помѣщены въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1840 года слѣдующія двѣ статьи о Джустиніани: „Итальянскій импровизаторъ Г. Джустиніани въ Москвѣ" (№ 76, отъ 21 сентября, стр. 592—593) и „Вторая импровизація Г-на Джустиніани" (№ 87, отъ 30 октября, стр. 680—681).

[2]) Т. е. Віельгорскому.

[3]) Съ 1841 года.

[4]) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года были помѣщены статья М. П. Погодина: «Любопытная встрѣча (изъ путевыхъ Записокъ)» (т. XI, Смѣсь, стр. 1—8) и стихотвореніе Шевырева «Мадонна» (т. XII, Словесность, стр. 227).

[5]) Это письмо П. А. Плетнева, отъ 14-го октября 1840 года, сохранилось въ собраніи бумагъ Шевырева, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[6]) Карлъ фонъ Гартманъ (Haartman), сынъ генералъ-директора медицинскаго вѣдомства въ Финляндіи Даніила Гартмана и внукъ (по матери) знаменитаго шведскаго поэта Францѐна, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, ѣхалъ на счетъ университета на годъ въ Москву для изученія русскаго языка. Плетневъ просилъ Шевырева оказать покровительство Гартману. См. также «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I, Спб. 1896, стр. 77 и 98.

[7]) Н. И. Гречъ, Н. В. Кукольникъ и П. А. Полевой купили у С. Н. Глинки право на изданіе журнала «Русскій Вѣстникъ».—«Гречъ, Кукольникъ и По-

Гречь, министерство Сенковскій, министерство Полевой, министерство Глинка... Смирдинъ тотъ играетъ ролю Людовика-Филиппа: с(іе) тѣмъ разительнѣе, что онъ Филипп(овичъ) [1].

Прощай, любезный другъ. Не забывай твоего Шевырева.

5.

28-го марта 1846 г. Москва.

Посылаю тебѣ книгу мою [2]), любезный другъ Одоевскій. Не надѣюсь, чтобы она возбудила твое сочувствіе, но прошу объ одномъ: не поскучай дочесть до конца—и, если сможешь, загляни и въ примѣчанія.

Не посѣтуй на меня за то, что во 2-мъ номерѣ «Москвитянина» я, разбирая «Петерб(ургскій) Сборникъ» [3]), сказалъ и о тебѣ то, что могло быть тебѣ непріятно [5]). Тебя еще пощадилъ по дружбѣ. Что вы, самые дѣятельные, сдѣлали съ литературой [4])? Не-грѣхъ ли вамъ? Ужь лучше, право, пускать мыльные пузыри, подобно старцу острова Панхаіи, котораго ты предсказалъ въ «Мнемозинѣ» [6]),—нежели издавать Петербург-

левой купили у С. Глинки «Русскій Вѣстникъ»—писалъ Плетневъ Я. К. Гроту 15-го октября 1840 года—и будутъ издавать его единственно съ тѣмъ, чтобы убить Современникъ, Отечественныя Записки и Библіотеку для Чтенія» (тамъ же, стр. 98).

[1]) Книгопродавца-издателя Смирдина звали: Александръ Филипповичъ. Онъ былъ издателемъ «Сына Отечества» и «Библіотеки для Чтенія».

[2]) „Исторію Русской словесности, преимущественно древней", часть первая.

[3]) См. „Москвитянинъ" 1846 года, № 2, Критика, стр. 163—191. Въ „Петербургскомъ Сборникѣ", изданномъ Н. А. Некрасовымъ, были помѣщены произведенія всѣхъ главныхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ". Въ „Сборникѣ", между прочимъ, были напечатаны „Бѣдные люди" Достоевскаго.

[4]) „Князь Одоевскій—читаемъ мы въ разборѣ Шевырева (стр. 182)—передаетъ намъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ разсказа, странный анекдотъ изъ Записокъ Гробовщика. Дядя и племянникъ отчаянно играютъ въ карты: они рѣшились на самоубійство, если дядя, послѣдній играющій съ деньгами, проиграется. Но про запасъ заказали два гроба гробовщику. Если этотъ фактъ дѣйствительно случился,—онъ замѣчателенъ психологически—и жаль, что авторъ не объяснилъ его. Игроки не застрѣлились, а явились шулерами на Макарьевской ярмаркѣ. Эти игроки родъ свой ведутъ отъ Гоголевыхъ, но куда какъ переродились".

[5]) Въ своемъ разборѣ Шевыревъ отнесся критически къ „Петербургскому Сборнику" и, между прочимъ, говоритъ: „Побывавъ на время во всей этой современной такъ называемой изящной литературѣ, выйдешь изъ нея, признаюсь, отуманенный, и невольно скажешь: что я? что со мною? гдѣ я былъ? что читалъ? гдѣ это сочиняютъ?"

[6]) Альманахъ, издававшійся кн. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ въ 1824—1825 гг.—Статья кн. Одоевскаго «Старики или островъ Панхаи» помѣщена въ первой части «Мнемозины» (стр. 1—12).

скіе сборники. Вѣдь, право, за васъ совѣстно. Неужели это у васъ читаютъ? Хорошо, что Западная Европа, къ которой вы стоите прямо лицомъ, не знаетъ по-русски. Вы старайтесь о томъ, чтобъ она никогда нашего языка не узнавала.

Однако я замѣчаю, что я неразсчетливъ. Посылая книгу, нападаю на струну самую щекотливую въ томъ, къ которому идетъ книга. Ну, да ужъ такъ тому и быть! Отъ васъ добраго слова намъ не бываетъ. Позволительно же и намъ сказать вамъ иногда горькую правду, которая есть лучшее доброе слово. Къ тому же и книга моя ручается въ томъ, что говорю ее слишкомъ откровенно. Не посѣтуй. С. Шевыревъ.

6.

14-го ноября 1858 г. Москва.

Любезный и уважаемый товарищъ князь Владиміръ Ѳедоровичь!

Одинъ молодой человѣкъ, бывшій у тебя въ Веймарѣ, а потомъ въ Петербургѣ, Шейнъ, передалъ мнѣ то доброе участіе, которое ты сохранилъ къ главному труду моему: «Исторіи русской словесности». Оно-то внушило мнѣ мысль: послать тебѣ третью часть ея, которую я только что напечаталъ. Теперь работаю надъ 4-ою [1]). Скажи мнѣ объ новой части твое искреннее мнѣніе. Много обяжешь. Правды отъ журналовъ, несмотря на ихъ крики о гласности и въ пользу правды, никогда не услышишь. Мнѣ кажется, они первые виновники той гласной лжи, которая у насъ теперь превозмогаетъ. Если въ области мысли и слова будетъ преобладать ложь, чего же хотѣть отъ жизни?

Радуюсь тому, что выходъ книги моей далъ мнѣ поводъ возобновить съ тобою сношенія. Такъ давно мы не видали другъ друга и не сообщались мыслями. Не знаю, почему ты оставилъ совершенно литературу и сдѣлался въ самомъ дѣлѣ Безгласнымъ [2]). Авось возобновляющееся у насъ Общество любителей русской словесности вызоветъ тебя къ новой дѣятельности—и ты вспомнишь старину, а мы услышимъ твое слово въ нашемъ кругу московскомъ. Княгинѣ мой низкій поклонъ.

Всегда душевно тебѣ преданный Степанъ Шевыревъ.

---

[1]) Четвертая часть „Исторіи русской словесности“ вышла въ свѣтъ въ 1860 году.

[2]) Псевдонимъ, которымъ въ былые годы князь Одоевскій подписывалъ нѣкоторыя свои статьи.

XI. Письмо Д. Ю. Струйскаго [1]).

(1836—1837 г.).

Статью Віолончель [2]) вы, любезный князь, какъ кажется, передаете мнѣ по наслѣдству отъ Рѣзваго [3]). При послѣднемъ нашемъ свиданіи вы отдали мнѣ букву Га на выборъ, и я назначилъ себѣ Гайдена; а въ сообщенной вами англійской книгѣ находится только одна біографія музыкантовъ. Какъ же я теперь напишу эту статью [4])? Нужно вѣрныя свѣдѣнія, когда былъ изобрѣтенъ віолончель и кѣмъ? Какъ онъ улучшался и какіе этюды для него написаны? Трудъ ужасный, потеря драгоцѣннаго времени, безъ цѣли, удовольствія и пользы. Статья не составитъ и одной страницы; на ванюшкѣ проѣздишь вдвое болѣе того, что за нее получишь... Вамъ, какъ редактору, должно объясниться съ Плюшаромъ и предложить ему условія болѣе удовлетворительныя и для васъ, и для вашихъ сотрудниковъ. По другимъ частямъ энциклопедіи берутъ деньги даромъ, выписывая цѣликомъ изъ извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ, а по музыкѣ всякая бездѣлушка требуетъ труда, времени и познанія. По листамъ разсчитываться нельзя, хотя бы за листъ платили тысячу рублей. Віолончель вамъ можетъ служить примѣромъ. Впрочемъ, я сообщилъ вамъ мои мысли объ этомъ предметѣ, а вы поступайте, какъ вамъ угодно. Вольному воля, а спасенному рай. Когда вы начнете что-нибудь издавать, я готовъ буду служить вамъ со всѣмъ усердіемъ пріязни, но для Плюшара или Смирдина я этого сдѣлать не могу. Они загребаютъ жаръ чужими руками и получаютъ рубль на рубль... Кажется, могутъ подѣлиться съ литераторами? Что же касается до меня, то я всегда предпочту farniente— пустому занятію. Надѣюсь въ скоромъ времени васъ видѣть. Я былъ у васъ, но немножко рано (въ одиннадцать часовъ). Вашъ Д. Струйскій

---

[1]) О Дмитріи Юрьевичѣ Струйскомъ см. выше, стр. 216, прим. 6-е.

[2]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Віолончель" для „Энциклопедическаго Лексикона", издававшагося А. А. Плюшаромъ.

[3]) Модестъ Дмитріевичъ Рѣзвой (р. 1807 † 1853), авторъ „Словаря музыки".

[4]) Въ X томѣ „Энциклопедическаго Лексикона" (Спб. 1837), стр. 358, помѣщена статья „Віолончель", подписанная буквами К. В. О. (т. е. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ).

XI. Записки А. С. Норова.

1.

(1837 г.).

Любезный Одоевскій, посылаю вамъ нѣсколько строкъ, написанныхъ мною въ память нашего незабвеннаго Пушкина [1]). Буде онѣ не совсѣмъ дурныя, то вы можете ими располагать.

Преданный вамъ А. Норовъ.

2.

(1837 г.).

Любезнѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ! Ценсура думаетъ о буквахъ, а не о поэзіи, отъ того ей и кажется выраженіе Погасъ лучъ неба [2]) мистеріею. Она, видно, не признаетъ человѣка лучемъ неба, и поэтому пусть мои стихи останутся только въ рукахъ друзей Пушкина, для которыхъ они написаны, и я рѣшительно прошу васъ, любезный другъ, въ такомъ случаѣ ихъ не печатать. Если жъ ценсура не будетъ поправлять меня, то не ставьте моего имени подъ стихами, а просто одинъ Н.—Я на-дняхъ къ вамъ заверну—я очень жалѣю, что мы такъ рѣдко видимся.

Вамъ преданный А. Норовъ.

---

[1]) Въ этой и слѣдующей засимъ запискѣ Авраама Сергѣевича Норова рѣчь идетъ объ его стихотвореніи «Памяти А. С. Пушкина». Стихотвореніе это предполагалось напечатать въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду».

[2]) Стихотвореніе Норова начинается такъ: «Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній».—Предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ разрѣшилъ напечатать это стихотвореніе, съ замѣною перваго его стиха слѣдующимъ: «Погасъ нашъ Пушкинъ, свѣтлый геній». (Автографъ этого стихотворенія А. С. Норова, съ цензурнымъ разрѣшеніемъ и поправкой, находится въ бумагахъ А. А. Краевскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (см. «Отчетъ» Библіотеки за 1889 годъ, Спб. 1893, стр. 66). Вслѣдствіе этого стихотвореніе Норова осталось въ то время ненапечатаннымъ и было издано лишь много лѣтъ спустя (въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 года, ст. 0948; въ «Русской Старинѣ» 1887 года, т. 54. стр. 250).

XII. Письмо А. Л. Крылова [1]).

25-го сентября 1837 г.

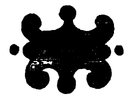
Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичь!

Статьи для «Современника» [2]), бывшія у меня, давно уже подписаны были, и оставались только на рукахъ моихъ за неприсылкою изъ типографіи. Сегодня утромъ я впрочемъ возвратилъ уже ихъ. Не подписано двѣ статьи: покойнаго Александра Сергѣевича объ импровизаторѣ [3]), и еще одно небольшое стихотвореніе, въ которомъ выражается совѣтъ государю слѣдовать по стопамъ Петра I [4]). Въ пропускѣ первой изъ нихъ я нимало не сомнѣваюсь; однако долженъ испросить разрѣшеніе на нѣсколько стиховъ, въ которыхъ дѣло идетъ о покупкѣ ночей. Вторую статью, для меня кажется, лучше возвратить безъ дальнѣйшаго движенія, ибо она касается особы его величества, и притомъ совѣтъ самый выраженъ такъ, что онъ кажется совсѣмъ запоздалымъ. Извѣщая ваше сіятельство о семъ, долгомъ почитаю присоединить, что я просмотромъ не замедливаю; только мнѣ не всегда бываетъ удобно самому отправлять въ типографію, а отъ того изготовленныя статьи и могутъ залежаться у меня, если типографія не навѣдается.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Крыловъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).



---

[1]) Александръ Лукичъ Крыловъ (р. 1801 † 1853), цензоръ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

[2]) По смерти Пушкина «Современникъ» въ 1837 г. издавался Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, П. А. Плетневымъ и А. А. Краевскимъ.

[3]) Рѣчь идетъ объ «Египетскихъ ночахъ» Пушкина, которыя были напечатаны въ «Современникѣ» 1837 г., т. VIII, стр. 5—24.

[4]) Подобнаго стихотворенія не помѣщено въ «Современникѣ» 1837 года.

Воспоминанія педагога [1].

Первый кадетскій корпусъ.

Всѣхъ насъ, переведенныхъ изъ Александровскаго кадетскаго корпуса, въ тотъ же день подвергли экзамену, и, удивительное дѣло, меня, бывшаго пять лѣтъ въ Александровскомъ корпусѣ, курсъ котораго равнялся тѣмъ тремъ приготовительнымъ классамъ, которые были въ 1-мъ корпусѣ, меня, хорошаго ученика, снова посадили въ приготовительный и притомъ во 2-й классъ, такъ что я долженъ былъ учиться опять тому же еще два года́. Конечно, мнѣ нечего было дѣлать, и я сталъ забывать то, что зналъ, особенно по иностраннымъ языкамъ.

Ротнымъ командиромъ въ неранжированной ротѣ былъ Иванъ Карловичъ Михаель, типъ стараго служаки, къ сожалѣнію, совершенно выродившійся у насъ въ послѣднее время. Все свое время Иванъ Карловичъ посвящалъ службѣ, и при этомъ не только не тяготился ею, но она составляла его потребность, его жизнь и, что̀ всего важнѣе, онъ не видѣлъ въ этомъ никакой съ своей стороны особой заслуги. Едва мы встаемъ, Иванъ Карловичъ уже здѣсь, наблюдаетъ, чтобы воспитанники мыли шею и уши, чистили зубы. Во время утренняго осмотра, который производился унтеръ-офицерами, И. К. осматривалъ самъ по очереди одно изъ отдѣленій: велитъ снять куртки, осмотритъ бѣлье, галстухи, шейные крестики, велитъ снять сапоги, осмотритъ носки и ноги. Мы знаемъ воспитателей теперешнихъ заведеній, которые считаютъ такого рода осмотры унижающими ихъ достоинство: мы-де призваны

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. апрѣль.

для болѣе возвышенныхъ цѣлей, а не для такихъ мелочей [1]). Такія рѣчи служатъ только для отвода глазъ.

Своихъ кадетъ Иванъ Карловичъ зналъ, можно сказать, въ совершенствѣ. Всѣ проступки, всѣ полученные баллы воспитанниковъ, каждое свое личное замѣчаніе и наблюденіе онъ вносилъ въ свои книжечки. Задніе карманы сюртука И. К. всегда были оттопырены: въ нихъ лежало множество замѣтокъ. Кадеты говорили, что И. К. носилъ даже записочки за галстухомъ. Если случится въ ротѣ какой-нибудь крупный проступокъ, а виновные скрываются, то И. К., бывало, прямо указываетъ на тѣхъ, кого онъ подозрѣваетъ въ томъ проступкѣ, и онъ рѣдко ошибался, такъ онъ зналъ своихъ дѣтей.

Всѣ проступки воспитанниковъ унтеръ-офицеры должны были выписывать ежемѣсячно въ особый отчетъ. Отчетъ этотъ читали въ присутствіи цѣлаго отдѣленія, при чемъ И. К. разъяснялъ значеніе и важность каждаго прочитаннаго проступка. Бывали иногда при этомъ комическія сцены. Послѣ прочтенія проступка, И. К. тотчасъ приступалъ къ разбору его, при чемъ имѣлъ обыкновеніе нѣсколько преувеличивать значеніе проступка, находя въ одномъ проступкѣ—два, три, иногда и болѣе и, высчитавъ такимъ образомъ, сколько онъ видитъ въ винѣ воспитанника проступковъ, приказывалъ виновному сдѣлать столько же шаговъ впередъ. Такъ, напр., прочли: воспитанникъ Э. не сразу исполнилъ приказаніе дежурнаго офицера. Иванъ Карловичъ начинаетъ считать: не исполнить приказаніе унтеръ-офицера вина, не исполнить приказаніе офицера—другая, неисполнить приказаніе дежурнаго офицера—третья; три шага впередъ! Однажды прочли проступокъ воспитанника М., который за кусокъ хлѣба вымѣнялъ у товарища три пирожка. Пирожки эти (ушки), величиною почти съ облатку, плавали въ подаваемомъ за обѣдомъ бульонѣ, и каждому полагалось выловить на тарелку три такихъ пирожка. Но И. К., полагая, что это обыкновенные пироги, иногда подаваемые къ обѣду, сталъ считать: лишить товарища пирога одинъ день—вина, лишить товарища пирога другой день—другая, лишить товарища пирога третій день—третья,—три шага впередъ! На это М. отвѣтилъ: а это всего одинъ день, пирожки изъ бульона... И. К. тотчасъ прервалъ его: молчать, сударь мой (любимое выраженіе И. К.), отвѣчать изъ фронта унтеръ-офицеру—вина, отвѣчать изъ фронта офицеру—другая, отвѣчать изъ фронта ротному командиру—третья, еще три шага впередъ!

По окончаніи отчета И. К. раздавалъ ни разу не записаннымъ «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній», также карандаши, перья, прочимъ дѣлалъ выговоръ или лишалъ ихъ отпуска;

[1]) Писано въ семидесятыхъ годахъ.

которые вышли много впередъ,—налагалъ различныя взысканія, а при большомъ числѣ крупныхъ проступковъ—розги, что, впрочемъ, случалось рѣдко. Вообще въ 1-мъ корпусѣ розги бывали не часто, чему мы, «александровцы», вначалѣ много удивлялись. Конечно, всѣ эти награды и наказанія не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія современной педагогики; но И. К. своими взглядами на воспитаніе нисколько не выдавался изъ среды тогдашнихъ воспитателей и шелъ согласно принятому тогда порядку.

Своей аккуратностью, доходившею до мелочей, И. К. иногда былъ очень тяжелъ. Такъ, напр., при отпускѣ по субботамъ, который долженъ былъ начинаться въ 6 часовъ вечера, мы нерѣдко уходили домой послѣ 9-ти часовъ. Сперва фельдфебель долженъ былъ прочитать фамиліи тѣхъ воспитанниковъ, которые получили въ теченіе недѣли дурные баллы. Ихъ И. К. тотчасъ отправлялъ заниматься, оставляя безъ отпуска, затѣмъ вызывались получившіе 10, 11 и 12 балловъ; при каждомъ вызовѣ воспитанникъ дѣлалъ шагъ впередъ. Потомъ И. К. раздавалъ отпускные билеты, начиная съ тѣхъ воспитанниковъ, которые были впереди, дѣлая непрестанныя справки въ своихъ списочкахъ. Когда десять человѣкъ получали билеты, онъ записывалъ ихъ фамиліи и приказывалъ имъ идти писать свои билеты, а самъ раздавалъ ихъ слѣдующимъ десяти и т. д. Когда всѣ отпускные получатъ билеты, И. К. отбиралъ ихъ сперва отъ первыхъ десяти, осматривалъ мундиры этихъ кадетъ, потомъ шинели, затѣмъ спрашивалъ каждаго, кто за нимъ пришелъ, если родственники, то сообщалъ имъ объ успѣхахъ и поведеніи мальчика и тогда уже выдавалъ билетъ. Мнѣ нерѣдко приходилось попасть въ число первыхъ десяти, и я все-таки уходилъ домой въ 8 часовъ, а всѣхъ очередей бывало до шести; въ послѣдней очереди я никогда не былъ и потому въ точности не знаю, въ которомъ часу она уходила.

Несмотря на это, кадеты любили Ивана Карловича. Мы вскорѣ привыкали къ его строгимъ требованіямъ, но цѣнили въ немъ справедливость и всегдашнюю о насъ заботливость. Мы искренно сожалѣли когда черезъ годъ послѣ моего поступленія (въ 1847 г.) Иванъ Карловичъ, получивъ чинъ подполковника, былъ переведенъ директоромъ въ тульскій неранжированный кадетскій корпусъ. Такое назначеніе онъ получилъ только благодаря родителямъ кадетъ, которые прокричали о немъ, какъ о необыкновенно дѣятельномъ, строгомъ, но въ то же время любимомъ дѣтьми, ротномъ командирѣ, и Я. И. Ростовцевъ далъ ему такое назначеніе, о которомъ никто изъ ротныхъ командировъ никогда не могъ и мечтать.

Къ числу недостатковъ Ивана Карловича надо отнести принятый имъ порядокъ поить кадетъ чаемъ за плату. При поступленіи новичковъ,

Михаель очень скоро узнавалъ болѣе богатыхъ родителей и обращался къ нимъ съ слѣдующей стереотипной фразой: «Вашъ сынъ худощавъ-съ, ему надо чай пить» (при этомъ И. К. потиралъ руки). Родители спрашивали его, какъ это устроить, и входили съ нимъ въ соглашеніе. Какъ только мы, дѣти, увидимъ лакея Ивана Карловича въ ротѣ, тотчасъ подымаемъ крикъ: «Чайники, къ Михаелю!»

Принявъ Тульскій корпусъ, заботливый Михаель, наблюдая лично за строившимся тамъ зданіемъ, ежедневно обходилъ по лѣсамъ постройки и, однажды, упавъ съ лѣсовъ, вскорѣ умеръ.

Вмѣсто Михаеля въ неранжированную роту былъ назначенъ ротнымъ командиромъ Александръ Петровичъ Выходцевскій, бывшій до того времени библіотекаремъ корпуса.

Александръ Петровичъ былъ похожъ на Михаеля своимъ усердіемъ и любовью къ дѣлу воспитанія; но онъ былъ умнѣе и образованнѣе Михаеля и потому велъ дѣло разумнѣе. Онъ уничтожилъ всѣ списочки, которые такъ любилъ Михаель, мелкіе подарки и тѣлесныя наказанія также уничтожилъ, а другія наказанія налагалъ очень рѣдко. А. П. бывалъ въ ротѣ такъ же часто, какъ и Михаель, но при этомъ постоянно велъ съ воспитанниками бесѣды, принималъ непосредственное участіе во всѣхъ нашихъ играхъ. Мы, бывало, ходимъ съ нимъ, обнявшись, откровенно разговариваемъ, или бѣгаемъ съ нимъ въ запуски (при бѣгѣ ни одинъ воспитанникъ никогда не могъ догнать Выходцевскаго, имѣвшаго тогда болѣе 35-ти лѣтъ); на занятіяхъ онъ намъ всегда помогалъ. Честность А. П. была безупречна. Онъ отказался отъ всѣхъ предложеній родителей дозволить дѣтямъ пить у него чай за плату. Мать одного воспитанника, княгиня Е., послѣ перевода ея сына въ Пажескій корпусъ, прислала въ подарокъ Александру Петровичу корзину съ столовымъ и чайнымъ серебромъ, но А. П. отправилъ подарокъ обратно. Да, это былъ настоящій воспитатель, стоявшій выше своего времени [1]).

Пробывъ два года у Выходцевскаго, я въ 1849 году былъ переведенъ во 2-ю роту, а когда въ 1855 г. былъ назначенъ фельдфебелемъ въ неранжированную роту, то засталъ въ ней ротнымъ командиромъ капитана Михаила Яковлевича фонъ-деръ-Вейде, человѣка вялаго, безхарактернаго, большаго хвастуна; онъ не имѣлъ качествъ, не говоря уже Выходцевскаго, но даже Михаеля, ротой своей не занимался, но ввелъ снова чаепитіе за плату. Фонъ-деръ-Вейде прекрасно владѣлъ языками, французскимъ и нѣмецкимъ, разговоромъ на которыхъ приводилъ въ восторгъ богатыхъ и знатныхъ родителей; они отдавали ему

---

[1]) Въ 1852 году Выходцевскій былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ Кіевскаго кадетскаго корпуса, тогда только-что открывшагося. Тамъ онъ не нравился взрослымъ кадетамъ и вышелъ оттуда на Кавказъ, гдѣ, въ чинѣ генералъ-маіора, скончался въ семидесятыхъ годахъ.

своихъ дѣтей пить у него чай, дарили его, но дѣтямъ никакой пользы отъ его знанія языковъ не было, такъ какъ онъ съ ними не говорилъ, а о помощи имъ въ занятіяхъ даже никогда и не думалъ. Въ 1877 г. фонъ-деръ-Вейде, пробывъ 14-ть лѣтъ библіотекаремъ Павловскаго военнаго училища, былъ, къ удивленію всѣхъ, близко его знавшихъ, назначенъ директоромъ приготовительнаго пансіона Пажескаго корпуса (тогда только-что открытаго и затѣмъ вскорѣ снова закрытаго), чему опять помогли ему языки.

Директоромъ корпуса, при поступленіи моемъ, былъ генералъ-лейтенантъ Шлипенбахъ, ходившій съ палочкой, по причинѣ какой-то болѣзни ноги. Я видѣлъ его всего только четыре раза: одинъ разъ онъ зашелъ въ роту, другой разъ пришелъ въ столовую во время обѣда и, увидя одного воспитанника, стоявшаго за наказаніе отдѣльно, велѣлъ его высѣчь; въ третій разъ онъ велѣлъ всѣмъ воспитанникамъ собраться въ сборной залѣ и, сидя въ креслѣ, выслушалъ отчетъ о полугодичномъ экзаменѣ, причемъ велѣлъ высѣчь всѣхъ неудовлетворительно учившихся; наконецъ, четвертый разъ я видѣлъ его въ лазаретѣ. Старшіе воспитанники очень любили Шлипенбаха, мы же, новички, не знали его вовсе. Шлипенбахъ занимался въ это время устройствомъ омнибусовъ, которые составляли тогда въ Петербургѣ первый опытъ движенія городскихъ общественныхъ каретъ и ходили по Невскому проспекту. Всѣ извозчики хорошо знали «хромаго генерала», и, будучи недовольны введеніемъ каретъ, отбивавшихъ у нихъ хлѣбъ, при выходѣ Шлипенбаха изъ подъѣзда его квартиры (на Румянцовской площади), кричали ему вслѣдъ: «генералъ-извощикъ». Въ 1847 году, въ августѣ, Шлипенбахъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, а лѣтъ черезъ десять, въ помѣшательствѣ лишилъ себя жизни, перерѣзавъ себѣ бритвой горло.

Вмѣсто Шлипенбаха въ 1847 г. былъ назначенъ директоромъ корпуса полковникъ Орестъ Семеновичъ Лихонинъ, который тотчасъ сталъ посѣщать кадетъ по три или четыре раза въ день, что̀, по понятію тогдашнихъ воспитанниковъ и служащихъ офицеровъ, было несовмѣстно съ званіемъ директора и вызывало ропотъ со стороны тѣхъ и другихъ. Но Лихонинъ долго всматривался въ составъ заведенія и былъ пораженъ грубостью нравовъ старшихъ кадетъ, что́, впрочемъ, поражало и насъ маленькихъ. Онъ рѣшился измѣнить духъ заведенія, въ чемъ и успѣлъ совершенно, воспользовавшись благопріятнымъ обстоятельствомъ: бывшими два года сряду усиленными выпусками.

Маленькіе воспитанники были, какъ и всѣ добрыя дѣти; но съ возрастомъ грубѣли и особенной грубостью нравовъ отличались кадеты 1-й роты, которые на кадетскомъ языкѣ назывались «перворотами» и «старыми закалами». Какъ долженъ былъ держать себя «перво-

ротъ», существовали особыя правила, изложенныя въ стихахъ. Кадета 1-й роты можно было узнать по внѣшнему виду: ноги колесомъ [1]), идетъ сильно стуча каблуками, обшлага на рукавахъ отворочены, нижняя пуговица куртки разстегнута, смотритъ на всѣхъ, особенно на начальство,—звѣремъ; если скажетъ что-нибудь, то непремѣнно густымъ басомъ, хотя бы при этомъ голосъ доходилъ до хрипоты; въ карманѣ тавлинка (особеннымъ образомъ сдѣланная изъ бумаги) съ нюхательнымъ табакомъ —«зеленчакомъ», которымъ часто «заряжаетъ» свой носъ; за голенищемъ сапога—папиросы (до моего поступленія въ корпусъ—трубка-носогрѣйка). Всѣ мысли перворота сосредоточены на ѣдѣ: онъ идетъ или въ кухню стащить пирогъ или булку, или въ хлѣбную (по-кадетски «тафельская») стащить чернаго хлѣба, сколько можетъ захватить; на всѣ крики и нерѣдко ругань повара или солдата, завѣдывавшаго хлѣбной, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, спокойно унося съѣстное—«жратву». Проходя мимо маленькаго кадета, перворотъ охватываетъ его одной рукой за затылокъ, поворачиваетъ его голову къ своему лицу и спрашиваетъ, конечно, отчаяннымъ басомъ: «заглавіе» (т. е. какъ твоя фамилія), затѣмъ: «пришли, братъ, булку или пирогъ». Однажды, поступивъ въ лазаретъ, я долженъ былъ по очереди нѣсколькимъ бывшимъ въ лазаретѣ первоapprox перворотамъ объявить свое «заглавіе», затѣмъ каждый заканчивалъ: «ты боленъ, булки ѣсть не будешь, отдашь мнѣ!» и, не дожидаясь отвѣта, уходилъ. Когда булки были розданы, первый пришедшій взялъ ее отъ меня, а остальные, не найдя уже булки и узнавъ, что взялъ ее другой, обѣщали впередъ за это «поколотить», но, впрочемъ, тѣмъ дѣло и кончилось, слѣдующей булки уже никто не отнималъ. Первороты въ сущности были добрые малые и только представлялись страшными. Случалось, что въ лазаретѣ, видя, что маленькій воспитанникъ получаетъ одну овсянку, которую ѣсть не можетъ, перворотъ приноситъ ему свою котлету, а самъ ѣстъ овсянку, говоря при этомъ: «Для меня дѣло въ количествѣ, а не въ качествѣ». Начальство, кто бы оно ни было, перворотъ терпѣть не могъ и потому, если посѣтитъ лазаретъ директоръ или батальонный командиръ,—онъ прячется, при случайной же встрѣчѣ, торопится пройти мимо, пробираясь по стѣнѣ.

Когда Лихонинъ приходилъ въ 1-ю роту, то всѣ кадеты тотчасъ переходили между кроватями на другую сторону. Желая пріучить воспитанниковъ не прятаться, Лихонинъ нарочно перейдетъ на эту сторону, куда удалились кадеты, но они тотчасъ переходили между

[1]) Искривлялись ноги искусственно: въ банѣ наливалась горячая вода въ круглую металлическую шайку, и шайка обхватывалась голыми ногами, такъ оставались во все время пребыванія въ банѣ: молодыя кости отъ частаго опыта искривлялись.

кроватями обратно, и Лихонинъ опять оставался одинъ. На всякое замѣчаніе дежурнаго офицера перворотъ грубо возражалъ, какъ кадеты выражались: «сцѣплялся», но наложенное за это взысканіе выносилъ хладнокровно; обыкновенныхъ же взысканій было три: карцеръ, лишеніе отпуска и розги. Въ карцеръ идетъ безъ разговоровъ, заботясь лишь о томъ, чтобы были ему принесены побольше порціи; при розгахъ, перворотъ молча ложился на скамейку, не позволяя служителямъ держать себя, и молча выносилъ удары, сколько бы ихъ ни дали, хотя бы даже онъ дошелъ до обморока. Если обнаружится въ классѣ куренье, по окуркамъ въ печи, или по запаху табачнаго дыма, спрашиваютъ классъ:

— Кто курилъ?

— Всѣ, всѣ.

— Кто же: вы?

— Нѣтъ.

— Вы?

— Нѣтъ.

— Кто же курилъ?

— Всѣ, всѣ.

Слѣдуетъ общее наказаніе; безъ отпуска на одинъ или два праздника. Тогда въ складчину покупается колбаса и хлѣбъ (отнюдь только не сладкое), и начинается общее угощеніе, при этомъ поютъ кадетскія пѣсни, въ которыхъ или фигурируетъ перворотъ, или поется брань на начальство. На рождественскихъ праздникахъ оставшіеся въ заведеніи первороты покупали себѣ елку, развѣшивали на нее колбасы, пеклеванные хлѣбы и яблоки, зажигали свѣчи и угощались.

Во время пребыванія моего въ лазаретѣ, мы, маленькіе, съ удовольствіемъ отдавали свой чай одному перворту Р—ву, съ удивленіемъ смотря на него, какъ онъ глоталъ горячій чай залпомъ. Скажетъ только: «душа, посторонись, ожгу», и уже чашка пустая.

— Отчего вы не обожжетесь?—спрашивали мы, съ уваженіемъ смотря на Р.

— У меня горло луженое.

Перворотъ часто сидѣлъ по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ. Въ 1847 г. вышелъ приказъ великаго князя Михаила Павловича, чтобы болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ не оставлять, а неуспѣвающихъ послѣ двухъ лѣтъ—исключать; до этого приказа въ одномъ классѣ сидѣли по три, по четыре и даже по пяти лѣтъ. До этого приказа перворотъ часто сидѣлъ съ маленькими, которые относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Онъ избиралъ себѣ непремѣнно заднюю скамью, подальше отъ учителя и почти никогда не зналъ урока. Одинъ перворотъ, при каждомъ вызовѣ учителя, съ мѣста своего

отвѣчалъ: «я не приготовился», затѣмъ не заботился, какой результатъ его отказа; въ журналѣ являлся нуль. Такихъ нулей уже набиралось изрядное количество, когда, на вызовъ одного изъ учителей, къ удивленію товарищей да и самого учителя, перворотъ всталъ, застегнулъ на крючекъ воротникъ своей куртки и вышелъ къ доскѣ. Но на предложенный учителемъ вопросъ онъ вдругъ отвѣтилъ: «я сегодня не приготовился».

— Такъ садитесь на мѣсто.

Перворотъ стоитъ.

— Садитесь, я вамъ поставлю нуль.

— Поставьте единицу.

— Да не все-ли равно?

— Нѣтъ, начальство скажетъ, что исправляется.

Въ 1846 году, въ октябрѣ, въ 1-й ротѣ произошелъ бунтъ. Послѣ ужина, передъ сномъ, кадеты пѣли молитву учащеннымъ темпомъ. Дежурный офицеръ, поручикъ Крыловъ, среди пѣнія велѣлъ остановиться, воспитанники продолжали пѣть. Крыловъ крикнулъ, что заставитъ пѣть снова молитву, но кадеты окончили молитву и разошлись безъ приказанія. Когда Крыловъ показался затѣмъ въ спальнѣ, то воспитанники улеглись въ постели и стали кричать: «Свирѣпый» (прозвище Крылова). Явился ротный командиръ, капитанъ Бекманъ; воспитанники закричали ему: «Сивучъ» (прозвище Бекмана). На другой день обстоятельство это было доложено Я. И. Ростовцеву. Яковъ Ивановичъ явился въ роту и крикнулъ: «на колѣни!» Никто не всталъ. Я. И. постарался дать дѣлу другой оборотъ.

— Не предо мной на колѣни, а передъ образомъ; помолитесь Богу, чтобы Онъ смягчилъ сердце государя, чтобы онъ васъ помиловалъ,— при этомъ онъ самъ всталъ на колѣни, а за нимъ встали и воспитанники.

За этотъ проступокъ, по приказанію Михаила Павловича, со всѣхъ воспитанниковъ 1-й роты сняли плечевые погоны, съ оставленіемъ на плечахъ только пуговицъ, и не отпускали въ отпускъ впредь до приказанія. Прощеніе послѣдовало къ новому году. Михаилъ Павловичъ призналъ ротнаго командира, капитана Бекмана, слишкомъ слабымъ и перевелъ въ армію тѣмъ же чиномъ.

Прежде существовало правило, при переводѣ воспитанниковъ 3-й роты въ старшія, всѣхъ лучшихъ по поведенію кадетъ переводить въ гренадерскую роту, а худшихъ въ 1-ю. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ 1-й ротѣ установился особый духъ. Начальство заведенія, наконецъ, поняло ошибку и стало уравнивать хорошихъ и плохихъ воспитанниковъ въ обѣихъ старшихъ ротахъ; это хотя и уменьшило грубость нравовъ, такъ что старые дежурные офицеры разсказывали

намъ, что въ наше время «перевороты» стали значительно мягче противъ прежняго; но искоренить установившіяся традиціи оказалось невозможнымъ.

Въ 1848 году, государь приказалъ произвести усиленный выпускъ изъ спеціальныхъ классовъ всѣхъ корпусовъ—въ армію, изъ 4-го общаго—въ линейный батальонъ, изъ 3-го об[illegible]ъ гарнизонъ. Лихонинъ воспользовался этими льготными правилами и удалилъ всѣхъ старыхъ кадетъ. Духъ 1-й роты сразу измѣнился къ лучшему, остались только отдѣльныя личности, которыя изъ всѣхъ силъ старались поддержать правила «перворотства». Въ 1849 году былъ произведенъ снова усиленный выпускъ на прошлогоднихъ основаніяхъ. Лихонинъ окончательно спустилъ старыхъ кадетъ, и прежнихъ перворотовъ не осталось и слѣда. Одинъ только старый кадетъ уцѣлѣлъ въ 1-й ротѣ; оно собралъ всѣ экземпляры «правилъ» и со словами: «нѣтъ болѣе перворотовъ!» бросилъ ихъ въ каминъ, отъ котораго не отходилъ до тѣхъ поръ, пока не сгорѣли.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ правилъ уничтожилось и самое слово «перворотъ». Когда я, черезъ два года, въ 1851 году, былъ переведенъ въ гренадерскую роту, то какъ ни старался отыскать хотя какіе-нибудь отрывки «правилъ»—не нашелъ ничего, исключая нѣкоторыхъ, сохранившихся въ памяти болѣе старыхъ кадетъ, отдѣльныхъ стиховъ. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ этихъ правилъ:

Придешь къ столу, ты какъ свинья нажрись,
Побольше ѣшь, побольше пей,
И если туго,—разстегнись,
А мало ѣсть—отнюдь не смѣй.
За то подъ розгами ни слова,
Или кричи: „не виноватъ",
А, вставши, дай толчка лихаго,
Такъ истинный ты будешь хватъ!

Но Лихонину еще долго мерещились «перевороты». Нерѣдко случалось, что когда ротный командиръ представляетъ воспитанника къ какой-нибудь наградѣ: къ прибавкѣ балла за поведеніе, или къ производству въ унтеръ-офицеры, Лихонинъ отказывалъ, говоря: «нѣтъ, онъ стучитъ каблуками, когда ходитъ», «онъ баситъ», «онъ старый кадетъ» и т. п. А какъ измѣнился духъ заведенія съ 1849 года, видно изъ того, что во время моего пребыванія въ гренадерской ротѣ, воспитанники, разговаривая со старыми дежурными офицерами о прежнихъ временахъ, удивлялись, какъ могла нравиться кадетамъ такая грубость, при чемъ высказывались такія мысли, что вѣроятно все это дѣлалось противъ желанія, только изъ боязни выказать неуваженіе къ правиламъ и традиціямъ.

*

Дежурные офицеры въ неранжированной ротѣ постоянно мѣнялись, кромѣ дежурствъ, рѣдко показывались въ ротѣ, такъ что почти не имѣли на насъ большаго вліянія, но нѣкоторые изъ нихъ, во время своихъ дежурствъ, любили бесѣдовать съ нами. Таковъ былъ Д. Кропотовъ (умершій въ семидесятыхъ годахъ въ чинѣ генералъ-маіора), большой чудакъ и говорунъ. Въ 1849 году Кропотовъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго, и съ тѣхъ поръ мы его больше не видали. Впослѣдствіи я слышалъ отъ дежурныхъ офицеровъ подробности ареста Кропотова. Ночью, въ первомъ часу, пріѣхалъ къ нему жандармскій штабъ-офицеръ вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ. Когда денщикъ отворилъ дверь, Кропотовъ сталъ одѣваться; при немъ оказалась какая-то женщина, которой Ростовцевъ приказалъ скорѣй уходить. Когда Кропотовъ одѣлся, Ростовцевъ спросилъ его, есть-ли у него деньги? Кропотовъ открылъ ему почти пустой портмоннэ. Ростовцевъ вложилъ ему 50 рублей, сказавъ, что тамъ ему нужны будутъ деньги. Затѣмъ Кропотова въ каретѣ отвезли въ крѣпость. При слѣдствіи Кропотовъ оказался невиновнымъ, его выпустили и, во время майскаго парада, Николай Павловичъ лично просилъ у него извиненія и далъ ему мѣсто плацъ-адъютанта при какой-то крѣпости въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Другой дежурный офицеръ А. Карабановъ, авторъ «Основанія русскаго театра кадетами перваго корпуса», былъ извѣстенъ въ строевыхъ ротахъ какъ искусный ловецъ курильщиковъ и потому пользовался общею ненавистью; но въ неранжироварной ротѣ онъ развлекалъ насъ разсказами и оказался вовсе несоотвѣтствующимъ той ужасной репутаціи, которая пришла къ намъ вмѣстѣ съ его назначеніемъ въ нашу роту.

Въ ноябрѣ 1848 года я заболѣлъ и пролежалъ въ лазаретѣ до весны 1849 года, когда былъ отпущенъ домой до сентября мѣсяца. Такимъ образомъ я пробылъ въ лазаретѣ 6 мѣсяцевъ и тутъ-то долженъ былъ убѣдиться по опыту, какое вредное вліяніе на нравственность маленькихъ кадетъ приносило пребываніе ихъ въ лазаретѣ.

Въ то время директоры корпусовъ даже и не помышляли о настоящемъ воспитаніи; поэтому никто не заботился, чтобы воспитанники, особенно маленькіе, не проводили въ лазаретѣ время праздно. Никакой библіотеки въ лазаретѣ не существовало, изъ игръ были только шахматы, да и то всего одна игра. Проводя все время съ утра до ночи праздно, дѣти занимали другъ друга разсказами сказокъ. По вечерамъ дежурный солдатъ, за булку, разсказывалъ, бывало, намъ сказки, наполненныя или ужасами о чертяхъ и домовыхъ, или, что̀ еще хуже, различными любовными похожденіями, нисколько не стѣсняясь изложеніемъ сальностей, и я въ лазаретѣ ознакомился со всѣми безнравственными сторонами любовныхъ приключеній. Старшіе кадеты также

нерѣдко разсказывали намъ свои, можетъ быть и вымышленныя, но тѣмъ не менѣе безнравственныя, любовныя похожденія, и все это говорилось съ полнымъ цинизмомъ. Если намъ удавалось достать книгу отъ какого-нибудь фельдшера, то обыкновенно это былъ романъ съ пошлымъ содержаніемъ или глупый разсказъ, и все это, при полной праздности, читалось съ удовольствіемъ.

Я лично наблюдалъ, какъ многіе товарищи мои втягивались въ праздную лазаретную жизнь и, будучи выпущены изъ лазарета, черезъ день или два снова возвращались туда, или выдумывая небывалую болѣзнь или вызывая болѣзнь различными искусственными средствами. Такіе полюбившіе лазаретъ болѣе и болѣе отставали въ классахъ, вслѣдствіе чего оставались на второй годъ и даже исключались изъ заведенія юнкерами.

Впослѣдствіи Лихонинъ сдѣлалъ нѣкоторую попытку уменьшить праздное препровожденіе времени больныхъ, и всѣ воспитанники общихъ классовъ, не лежавшіе въ постели, должны были садиться на нѣсколько часовъ за общій столъ и заниматься приготовленіемъ уроковъ или чѣмъ-нибудь другимъ; это одно уже уменьшило прелесть лазаретной жизни.

Какія только средства не употребляли воспитанники, чтобы остаться въ лазаретѣ. Натирали языкъ мѣломъ, перевязывали руку выше локтя, чтобы измѣнить біеніе пульса; растравляли себѣ раны, вызывали искусственно рвоту, глотали снѣгъ или ледъ, чтобы получить болѣзнь горла. Одинъ мальчикъ продолжительно дышалъ холоднымъ тридцатиградуснымъ воздухомъ черезъ вентиляторъ, черезъ что̀ получилъ жабу и умеръ, сознавшись предъ смертью, почему онъ заболѣлъ. Другой наѣлся мыла до того, что съ нимъ сдѣлалась рвота пѣной, онъ также умеръ; и много было подобныхъ случаевъ.

И, дѣйствительно, въ ротѣ жизнь маленькаго кадета (кромѣ неранжированной роты) была тяжела! Наказанія со стороны унтеръ-офицеровъ и фельдфебеля сыпались безпрестанно, постоянныя построенія въ классы, изъ классовъ, къ обѣду, ужину или чаю, къ вечерней или къ утренней молитвѣ, къ гимнастикѣ или фронту, постоянные переходы изъ одного мѣста въ другое, совершаемые въ строяхъ (при томъ по очень холоднымъ коридорамъ), сопровождались обыкновенно массой наказаній; не одинъ, такъ другой унтеръ-офицеръ крикнетъ: «безъ пирога», «безъ двухъ блюдъ», «стоять на штрафу» и т. п., и все за то только, что покажется ему, что вы немного шаркнули ногой, или повернули голову и т. п. Затѣмъ мальчику не давали ни минуты покоя, онъ бывало цѣлый день занятъ или въ классахъ, или на занятіяхъ, или фронтомъ, или танцами, гимнастикой, или осмотромъ платья, такъ что некогда и уроки приготовить. Между тѣмъ въ лазаретѣ тепло, цѣлый день празд-

никъ, никто не кричитъ, никто не наказываетъ, почти безъ надзора, кормили лучше. Все это привлекало въ лазаретъ и не однихъ лѣнтяевъ. Правда, кто учился получше, тотъ боялся лазарета, чтобы не пропустить уроковъ, которые придется догонять усиленной работой; но стоило только войти въ эту жизнь, разъ отстать отъ класса, увидѣть невозможность догнать пропущенное, какъ лазаретъ дѣлался даже спасеніемъ отъ дурныхъ балловъ и слѣдовавшихъ за ними наказаній, а разъ вступивъ на этотъ путь, мальчикъ привыкалъ къ лазарету и, оставшись въ классѣ, снова шелъ спасаться отъ уроковъ.

Надзоръ въ лазаретѣ поручался дежурному офицеру, который ежедневно мѣнялся, пока всѣ офицеры корпуса не передежурятъ по очереди; дежурный офицеръ сидѣлъ постоянно въ залѣ, изрѣдка только обходя камеры. Правда, лазаретомъ завѣдывалъ младшій штабъ-офицеръ, но онъ ограничивался одной хозяйственной частью. Еще въ лазаретѣ дежурилъ докторъ, который безъ вызова не выходилъ изъ дежурной комнаты.

Въ корпусѣ было три врача: одинъ старшій и два младшихъ. Послѣдніе черезъ день дежурили отъ 9 ч. утра до 3-хъ по полудни, затѣмъ уходили домой. Находясь въ заведеніи, я всегда задавалъ себѣ вопросъ, для чего надо было трехъ докторовъ, когда больныхъ осматривалъ и лѣчилъ только одинъ старшій докторъ, приходя для этого въ лазаретъ утромъ и вечеромъ на полчаса и много на часъ; но по выходѣ изъ корпуса, я прочелъ въ III-мъ томѣ Свода законовъ объ обязанности докторовъ и увидѣлъ, что они должны были ежемѣсячно тщательно осматривать всѣхъ 600 кадетъ корпуса, раздѣвать ихъ и принимать мѣры противъ всякаго ненормальнаго развитія ихъ организма. Но не такъ исполнялся законъ: во время моего 10-ти-лѣтняго пребыванія въ 1-мъ корпусѣ и 5-ти-лѣтняго пребыванія въ Александровскомъ, гдѣ также были три доктора, ни я, ни кто изъ товарищей моихъ ни одного раза не были подвергнуты докторскому осмотру; даже во время моей продолжительной болѣзни, при ежедневныхъ визитаціяхъ, докторъ только щупалъ пульсъ и смотрѣлъ на языкъ, никогда даже не выслушивалъ грудь, хотя я страдалъ хроническимъ кашлемъ.

Въ январѣ 1849 г. лазаретъ посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Старшій докторъ Дмитрій Өедоровичъ Обломьевскій былъ такъ напуганъ этимъ посѣщеніемъ, что дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; Обломьевскій всегда заикался, но отъ испуга онъ едва могъ говорить, такъ что Михаилу Павловичу приходилось долго ожидать отвѣтовъ на свои вопросы, да и самые отвѣты выходили крайне неудачные. Такъ, напримѣръ, подойдя къ больному, у котораго былъ ревматизмъ въ ногахъ, великій князь спросилъ у Обломьевскаго:

— Что у него?

— Ревматизмъ, ваше императорское высочество.

— Отчего?

Обломьевскій особенно долго заикался, наконецъ вымолвилъ:

— Я полагаю, ваше высочество, къ росту.

— Вздоръ! и съ этимъ словомъ Михаилъ Павловичъ пошелъ далѣе.

Великаго князя Михаила Павловича всѣ въ корпусѣ очень боялись. Почти не проходило праздника, чтобы онъ не вернулъ въ корпусъ кого-нибудь изъ кадетъ, встрѣченнаго имъ на улицѣ неисправно одѣтымъ, или не отдавшаго чести.

Онъ очень пугалъ насъ, маленькихъ, однимъ своимъ видомъ, а между тѣмъ онъ только напускалъ на себя суровость, будучи добрѣйшимъ человѣкомъ. Однажды великій князь обходилъ стоявшихъ въ строю маленькихъ кадетъ; вдругъ онъ увидѣлъ мальчика, у котораго были судорожныя подергиванія въ лицѣ, и, указывая на него пальцемъ, крикнулъ: «это что за чучело?» Мальчикъ расплакался. У великаго князя тотчасъ исчезла съ лица суровость, онъ взялъ мальчика на руки и сталъ его цѣловать и ласкать.

Во время пребыванія кадетъ въ лагеряхъ подъ Петергофомъ, гдѣ жили въ палаткахъ, императоръ Николай проѣзжалъ черезъ лагерь почти каждый день. Какъ только дежурный на правомъ флангѣ замѣтитъ его экипажъ, тотчасъ по всему лагерю раздается крикъ: «всѣ на линію», и кадеты всѣхъ корпусовъ выбѣгаютъ передъ палатками своихъ заведеній, становясь здѣсь безъ установленнаго порядка смирно, держа свои шапки въ правой рукѣ. Государь проѣзжаетъ медленно, здороваясь съ кадетами, а иногда останавливается, выходитъ изъ экипажа и шутитъ съ ними. Однажды государь проѣзжалъ мимо 1-го корпуса и вдругъ, остановившись, показалъ пальцемъ на то мѣсто, гдѣ столпились кадеты, и крикнулъ: «дуракомъ стоитъ, завтра показать его мнѣ!» и быстро уѣхалъ. Всѣ остались въ недоумѣніи: кто стоялъ «дуракомъ», что̀ значило стоять «дуракомъ»? Надо замѣтить, что мы были слишкомъ хорошо вымуштрованы, и никогда никто не позволялъ себѣ стоять не по правиламъ устава даже и передъ офицеромъ. Батальонный командиръ обратился къ той кучкѣ, состоявшей изъ 30-ти кадетъ, на которую указалъ государь, но никто не могъ рѣшить, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, такъ какъ никто не чувствовалъ себя виноватымъ въ неправильной «стойкѣ». Но дѣлать нечего, завтра надо было кому-нибудь явиться государю съ повинною. Всѣ 30-ть человѣкъ бросили между собою жребій, и тотъ, на кого онъ выпалъ, долженъ былъ принять на себя вину. Одѣвшись въ новую курточку, онъ, ни-живъ-ни-мертвъ, ждалъ пріѣзда императора; не менѣе его волновался батальонный командиръ, не зная, въ чемъ виноватъ представляемый кадетъ. Государь хотя поздоровался съ кадетами, однако проѣхалъ не останавливаясь и не спро-

сивъ о виновномъ. Однако цѣлую недѣлю кадетъ ходилъ въ страхѣ, все ожидая, что его вызовутъ.

Одно изъ ненормальныхъ условій прежнихъ кадетскихъ корпусовъ состояло въ томъ, что воспитаніе маленькихъ кадетъ возлагалось на старшихъ воспитанниковъ. Унтеръ-офицеры были ближайшими воспитателями маленькихъ, слѣдя чуть не за каждымъ шагомъ воспитанниковъ своей части (унтеръ-офицеръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 12—13 воспитанниковъ). Далеко еще не развитый юноша не могъ принести надлежащей пользы своимъ воспитанникамъ, а при злоупотребленіи своей довольно значительной властью, часто приносилъ не мало вреда. Бывали, правда, счастливыя исключенія, когда унтеръ-офицеръ, а особенно фельдфебель, дѣйствовалъ разумно и выказывалъ способности будущаго педагога, но чаще получался отъ нихъ вредъ.

Унтеръ-офицеръ, по крайней мѣрѣ въ 1-мъ корпусѣ, имѣлъ право налагать на воспитанниковъ своей роты слѣдующія взысканія: оставлять за обѣдомъ безъ одного блюда, безъ двухъ блюдъ, за ужиномъ безъ блюда, за чаемъ замѣнять булку чернымъ хлѣбомъ, ставить въ столовой за скамейку, ставить на штрафъ на какой угодно срокъ. Нерѣдко за пустой проступокъ унтеръ-офицеръ наказывалъ воспитанника безъ двухъ блюдъ на два, на три дня и даже на недѣлю. Бывали случаи, что унтеръ-офицеръ наказывалъ на черный хлѣбъ къ чаю впредь до приказанія.

Какъ тяжело было жить въ корпусѣ кадетамъ, такъ хорошо было жить унтеръ-офицерамъ и въ особенности фельдфебелямъ. Внутри заведенія унтеръ-офицеры пользовались полною свободой; дежурные офицеры и ротные командиры относились къ нимъ съ уваженіемъ; изъ отпуска они могли являться какъ угодно поздно. Жизнь эта мнѣ казалась настолько хорошею, что мнѣ не хотѣлось выходить изъ корпуса, и я съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ при производствѣ меня въ офицеры въ іюнѣ 1856 года.

В. Г. фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки Н. И. Надеждина.

Насколько многочисленны и важны литературные и научные труды Николая Ивановича Надеждина, настолько немногочисленны и маловажны обнародованные до настоящаго времени матеріалы для его біографіи. Наиболѣе цѣнныя данныя заключаются въ автобіографіи издателя «Телескопа» («Русскій Вѣстникъ», 1856, мартъ, книга I) и въ статьѣ: «Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1880, № 1). Особенной скудостью отличаются остатки нѣкогда обширной переписки нашего ученаго съ разными лицами, съ которыми сталкивала его судьба на литературномъ и жизненномъ поприщахъ. Намъ извѣстны письма Надеждина къ М. А. Максимовичу («Москвитянинъ», 1856 г., № 3), Ю. Н. Бартеневу и Е. В. К—ой («Русскій Архивъ», 1864, ст. 1058—1065; 1885, т. II, стр. 573—583) [1]; равнымъ образомъ, — письма къ Надеждину Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара (тамъ же, 1873, кн. 7, стр. 1131—1221). Печатающіяся ниже письма Надеждина къ А. А. Краевскому хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ. Смѣемъ думать, что находящіяся въ нихъ небезынтересныя свѣдѣнія могутъ пригодиться будущему біографу знаменитаго русскаго литератора, журналиста и этнографа, заслуги котораго въ научной области до сихъ поръ еще не нашли себѣ должной оцѣнки.

Н. Козминъ.

---

[1]) Письма къ Е. В. К—ой (Сухово-Кобылиной, впослѣдствіи извѣстной писательницѣ Евгеніи Туръ) до нѣкоторой степени освѣщаютъ любопытнѣйшій эпизодъ въ жизни Надеждина. Объ этомъ см. „Журналъ высочайше учрежденной Рязанской ученой архивной коммиссіи", отъ 30-го марта 1885 г.; также „Русскую Старину", 1887, т. 54, стр. 660—662; 1888, т. 57, стр. 407.

1.

Н. И. Надеждинъ—А. А. Краевскому.

25-го ноября 1838 г. Одесса.

Такъ-то вы, господа петербуржцы, помните своихъ знакомыхъ? Вѣрно по старой русской пословицѣ—изъ глазъ вонъ, и изъ памяти вонъ!—Особенно сержусь я на «сплетника», который обѣщалъ быть для меня живою «Молвою» [1]... Слѣдовало бы заплатить вамъ тою же монетою!—Но такъ и быть! На первый разъ Богъ васъ проститъ... А послѣ—не исправитесь, такъ не пеняйте. Замолчу и самъ, какъ могила. Я дотащился кое-какъ до Адеста [2]), какъ видите. Горя было много. Тысячу, милліонъ разъ жалѣлъ я, что не остался съ вами. Наконецъ—слава Богу—достигъ пристанища по двадцати четырехъ дневномъ плаваніи по морю топучей грязи... Піедесталы мои еще не утвердились; по-прежнему «изъ одной амбиціи балансирую»! [3]) Но, кажется, есть надежда, что, при успокоеніи тѣлесномъ и душевномъ, здоровье мое поправится. Тогда и рука будетъ ходить вольнѣе, и чернилъ больше будетъ тратиться... Теперь же все еще не могу долго сидѣть, слѣдовательно, не могу и работать вдоволь. Познайте изъ сего поучительную истину, что и въ литературѣ нужна не одна голова, но и тотъ противоположный полюсъ, «надиръ» нашего организма, который не даромъ называется «естествомъ» par excellence.

Вотъ однако начало трудовъ, которые вы заказали мнѣ по части «Отеч(ественныхъ) Записокъ» (да сохранитъ ихъ Аллахъ!) [4]). Посылаю эти немногіе листки, содержащіе въ себѣ почти только введеніе, единственно для того, чтобы вы не отчаялись въ ихъ полученіи. Разъ взявшись за дѣло, я не люблю отставать. У меня всегда начало половина работы! Въ продолженіе недѣли вы получите все, чтò имѣю сказать о двухъ близнецахъ [5]). Экстра-почта ходитъ отсюда въ Петербургъ два раза въ недѣлю, я я не пропущу ни одной. Чтобы не остановить васъ, я такъ и распорядился, чтобы вы приставили это къ концу «Обо-

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Панаевъ, авторъ извѣстныхъ „Литературныхъ Воспоминаній“.

[2]) Одессы.

[3]) Ср. „Литературныя Воспоминанія“ И. И. Панаева. Спб. 1876, стр. 151: „Въ 1837 году Надеждинъ возвратился изъ мѣста своего изгнанія, Усть-Сысольска, въ Петербургъ, разслабленный и безъ ногъ“.

[4]) „Отечественныя Записки“ стали выходить съ января 1839 года.

[5]) Эта статья, какъ видно изъ письма отъ 24-го февраля 1839 г., не была напечатана.

зрѣнія русской литературы за прошлый годъ». Прочтите—и сами увидите. Если нужно сдѣлать другой шовъ покрѣпче, притачайте сами.

Не знаю, какъ успѣю сдѣлать другой вашъ заказъ. Слова отдѣлываю, но разбора еще не начиналъ. Притомъ у насъ здѣсь нѣтъ еще и XV тома. Да и нужно-ли это теперь? [1]) Вотъ то-то, если бы вы черкнули мнѣ хоть строчку. А то и не знаешь, что у васъ дѣлается? Не погибли-ли вы на разсвѣтѣ дней своихъ? Не заколотилъ-ли васъ Булгаринъ въ конецъ? Чего добраго. Его свирѣпства я читаю въ «С(ѣверной) П(челѣ)». А вы, съ позволенія сказать—какъ рыбы. Но М. М. Снегиревъ [2]) говаривалъ, что и въ рыбахъ есть исключеніе, что не всѣ онѣ нѣмы, что есть пословица: «реветъ, какъ бѣлуга»! Да оправдаетъ же великаго мужа будущій годъ! Да зареветъ хоть бѣлугою Петербуржская «трущоба»! Нечего болѣе писать. Жду отъ васъ извѣстій съ нетерпѣніемъ! Ради Бога, пишите, и пишите все. Теперь должно быть бо̀льшее движеніе во всѣхъ литературныхъ «трущобахъ». Не изъ дупла же «С(ѣверной) П(челы)» брать мнѣ вѣсти? Пожалуста не лѣнитесь! Праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

«Одесскій Альманахъ» [3]) челомъ бьетъ «Утренней Зарѣ» [4]), а я его (ея?) издателю. Что̀ взялъ онъ! Хвастался, что непремѣнно поспѣетъ къ 1-му ноября, а уже декабрь на дворѣ. Мы здѣсь держимся пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Прощайте, мой любезнѣйшій! Обнимаю васъ отъ всей души и не считаю нужнымъ повторять, что я тотъ же останусь на берегахъ Чернаго моря, какой былъ на берегахъ Балтійскаго. Sit pro potestate voluntas—то-есть (ошибся)—pro voluntate potestas! Вашъ Н. Надеждинъ.

Въ «Обозрѣніе русской литературы» я пришлю вамъ черезъ два дня нѣсколько строкъ о «Книгѣ большаго чертежа» [5]). Помѣстите ихъ по принадлежности.

---

[1]) Надеждинъ, согласно его словамъ, намѣревался принять участіе въ предпріятіи А. А. Краевскаго, „заказы" котораго, за отсутствіемъ его писемъ, остаются неизвѣстными.

[2]) Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ — профессоръ Московскаго университета.

[3]) Въ „Одесскомъ Альманахѣ" (1839—1840) были напечатаны нѣкоторыя статьи Надеждина.

[4]) Издатель альманаха „Утренняя Заря" (Спб. 1839—1843) былъ полковникъ В. А. Владиславлевъ (1807—1856), находившійся, по свидѣтельству И. И. Панаева, „въ очень короткихъ отношеніяхъ" съ Надеждинымъ и получившій отъ послѣдняго для своего изданія статью: „Народная поэзія у зырянъ".

[5]) „Книга большому чертежу, или древняя карта Россійскаго Государства", напечатанная впервые въ 1792 году, была переиздана въ 1838. Ср. „Отечественныя Записки", 1839, т. I, отд. VII, стр. 40.

2.

Н. И. Надеждинъ—А. А. Краевскому.

24-го февраля 1839 г. Одесса.

Ну насилу-то наконецъ стала душа на мѣстѣ! А то, признаюсь, я былъ въ совершенномъ отчаяніи. Возможно-ли? Цѣлые три мѣсяца—ни слуху, ни духу. Хоть бы «Молва» Панаева продолжалась? [1]) Нѣтъ! Стала на первомъ номерѣ, точно «Московскій Наблюдатель» und dergleichen. А вы, мой батюшка, вы-то хороши. Я, право, не зналъ, что̀ придумать, чѣмъ объяснить гробовое молчаніе. Такая дрянь лѣзла въ голову. Думалось ужъ, не погибли-ль вы во цвѣтѣ лѣтъ, подъ развалинами «Отечественныхъ». Теперь, слава Богу! Te Deum laudamus! И вы живы, и «Отечественныя» здравствуютъ, и я—оживаю. Видите, какія чудеса производитъ ваше писаніе. Если бъ печатаемое вами имѣло успѣхъ хоть въ половину противъ писемъ, куда бъ было хорошо!..

Но—умѣряю восторгъ! Скорѣе за дѣло. Начинаю съ того, что письмо ваше—тфу ты пропасть! опять письмо! Ну да ужъ въ послѣдній разъ объ немъ!—что письмо ваше дошло сюда прежде «Литературныхъ Прибавленій» [2]). Этого милаго, пріятнаго и полезнаго журнальца мы, жители Одессы, въ текущемъ 1839 году, еще не имѣли счастія видѣть. Помилуйте, что̀ жъ вы такъ распоряжаетесь? Дмит(рій) Максимовичъ [3]) подписался давнымъ-давно на «Л(итературныя) П(рибавленія»); а до сихъ поръ не выслано ни листа. Я ужъ не говорю о себѣ; я, по крайней мѣрѣ, не подписывался! Да и «Отечественныя» тоже невидимствуютъ. Полученъ здѣсь только одинъ экземпляръ на имя Ришельевскаго Лицея, и то недавно. Этакъ тихо ѣхать—далеко не будете! Итакъ первый мой совѣтъ вашей милости—распорядиться аккуратнѣе насчетъ разсылки «Отечественныхъ» и «Литературныхъ». Во-вторыхъ, вы спрашиваете меня, какого здѣсь мнѣнія о первыхъ. На сіе имѣю честь отвѣтствовать, что какъ оныхъ почти никто еще не видитъ, то и мнѣнія по поводу ихъ еще не состоялось. Мнѣ лично первая книжища приглянулась, хотя и я глянулъ на нее только мелькомъ. Замѣчу однако: 1) иностранная повѣсть, если справедливъ навѣтъ «Сѣверной Пчелы», что она давно уже была переведена, въ самомъ

---

[1]) См. примѣчанія къ письму отъ 25-го ноября 1838 года.

[2]) Въ 1838 году А. А. Краевскій дѣлается собственникомъ и издателемъ газеты „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду".

[3]) Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844), хорошій знакомый Надеждина, былъ въ это время попечителемъ Одесскаго округа. Николаемъ Ивановичемъ была издана въ 1842 году книжка „Родъ Княжевичей".

дѣлѣ избрана неудачно [1]); 2) въ критикѣ надо рѣзче обрисовать свой взглядъ и литературный кодексъ, и воздерживаться отъ неумѣренныхъ похвалъ нѣкоторымъ, впрочемъ почтеннымъ мужамъ; 3) разнообразія, какъ можно больше разнообразія; 4) статьи должны быть елико-возможно—окончаннѣе. Наконецъ—главное—не ослабѣвать и идти впередъ мужественно! Только этимъ послѣднимъ можно надѣяться побѣдить супостатовъ!—Вы не будете сердиться на мою откровенность. Истинное желаніе успѣха благому дѣлу—одушевляетъ меня. Впередъ—смѣлѣе и настойчивѣе!

Съ своей стороны, стыжусь, что до сихъ поръ не препроводилъ къ вамъ посильнаго сикурса. Но—ей-ей—не могъ. Теперь доканчиваю «Литературу XVII вѣка», которая скоро полетитъ къ вамъ [2]). Насчетъ дополненій къ «Э(нциклопедическому) Л(ексикону)» подожду вашего перваго листка, чтобы принаровиться [3]). Касательно «Сіамцевъ» нужды нѣтъ, что не попало. Возвратите статью назадъ къ Ал(ександру) Макс(имовичу) Княжевичу [4]). Еще послана вамъ отсюда нѣкая вещица съ «Усатовыхъ-Хуторовъ»: ее можете напечатать въ «Л(итературныхъ) П(рибавленіяхъ)», для которыхъ она и написана [5]).

«Одесскій Альманахъ» вышелъ. Вы ужъ, чай, и имѣете его въ вашихъ рукахъ. Для конторы вашей сдѣлано распоряженіе [6]). Пожалуста, если что̀ услышите—примѣромъ-будучи такое, что̀, въ разсужденіи, такъ сказать, насчетъ вашего покорнаго слуги, и тому подобное,—то не оставьте предувѣдомленіемъ, а въ случаѣ и должною защитою. Больше новостей—здѣсь, въ Одессѣ, нѣтъ. Развѣ то, что здѣшніе журналисты—имени и отчества, признаюсь, не знаю—вооружились на альманахъ съ звѣрствомъ и дали преглупѣйшую пальбу, особенно по вашимъ Петербуржскимъ [7]). Мы заказали здѣшнимъ же посѣчь нахаловъ порядкомъ на

---

[1]) Въ № 29 „Сѣверной Пчелы" за 1839 годъ читаемъ: „Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о повѣсти Сервантеса „Сила крови", которою заключается отдѣленіе прозы въ О. З. Повѣсть эту читали мы по-русски, лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени"; потомъ въ „Повѣстяхъ и басняхъ" Мейснера, изд. Подшиваловымъ (М. 1802, кн. VII), и наконецъ въ повѣстяхъ Сервантеса, изд. Ѳ. Кабритомъ (М. 1805, ч. III)".

[2]) Статья, намъ неизвѣстная.

[3]) Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" Плюшара было помѣщено значительное число статей Надеждина.

[4]) См. примѣчаніе къ письму отъ 25-го ноября 1838 г.

[5]) Указанной „вещицы" мы не нашли въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" 1839 года.

[6]) За отсутствіемъ писемъ Краевскаго трудно сказать, о какомъ распоряженіи идетъ рѣчь.

[7]) См. „Одесскій Вѣстникъ", 1839, №№ 13—15.

самомъ мѣстѣ преступленія, то-есть въ «Одесскомъ же Вѣстникѣ». Видите, что и въ здѣшнемъ захолустьѣ не безъ темныхъ интригъ и козней. Гдѣ есть типографія и журналъ, тамъ ужъ непремѣнно заводится всякая пакость. Признаюсь, я очень разозлился на Адестскую критику за похабство, и сейчасъ бы убѣжалъ къ вамъ, если бы не проклятыя ноги, которыя все еще не оправились, какъ слѣдуетъ.

Впрочемъ, и у васъ, какъ вижу, не лучше прежняго, если еще не хуже. Мракъ неизвѣстности усугубляетъ еще болѣе ужасъ, внушаемый литературными страшилищами. Сдѣлайте милость, отвѣчайте намъ на слѣдующіе вопросы съ возможною удовлетворительностью:

1. Что̀ значитъ, что «Сѣверная Пчела» раздается уже у нѣкоего Жебелева, а не у Смирдина? Гдѣ жъ она теперь издается [1])?

2. Куда дѣвалась послѣдняя книжка «Сына Отечества» за прошлый годъ? И точно-ли вышла первая на нынѣшній? И что̀ значитъ, что Ѳаддей расхваливаетъ уже «Иголкиныхъ» и всякую подобную всячину [2])?

3. Здоровъ-ли Фаустъ послѣ дружескихъ объятій—Сего? Нѣчто ему. Не обманывай «Одесскаго Альманаха»? Не толкуй о «скорпіонахъ»! [3]).

4. Высѣченъ-ли Плюхарій, или просто посаженъ въ яму? Какая будущность предстоитъ «Э(нциклопедическому) Л(ексикону)»? Есть-ли надежда, что я получу свои деньги, или—пиши пропало? Послѣднее очень мнѣ не по сердцу [4]).

5. Въ какихъ отношеніяхъ находится журнальный «Quatuor» между собою? Нѣтъ-ли новыхъ трактатовъ и сдѣлокъ [5])?

6. Что̀ дѣлается съ Гекторомъ, съ Вальтеръ-Скоттиками, Гомериками и иною прочею челядью [6])?

---

[1]) Въ письмѣ Н. А. Полевого къ брату отъ 27-го декабря 1838 г. находимъ слѣдующее сообщеніе: „Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ „Пчелы“ и радъ былъ откупиться, только бы Гречъ и Булгаринъ избавили его отъ нея“. („Записки“ Кс. А. Полевого. Спб. 1888, стр. 455).

[2]) Піеса „Иголкинъ“, которая шла на сценѣ въ концѣ 1838 г., произвела хорошее впечатлѣніе на императора Николая Павловича; похвалы Булгарина были выраженіемъ общественнаго мнѣнія (тамъ же, стр. 451—453).

[3]) Намекъ на сотрудничество князя В. Ѳ. Одоевскаго въ „Библіотекѣ для чтенія“ О. И. Сенковскаго.

[4]) Въ началѣ 1839 года дѣла Плюшара пришли въ разстройство; редакція „Энциклопедическаго Лексикона“ была предложена Н. А. Полевому, но послѣдній отказался („Записки“ Кс. А. Полевого, стр. 465—466).

[5]) Журнальный „Quatuor“ состоялъ, по всей вѣроятности, изъ „Библіотеки для чтенія“, „Сѣверной Пчелы“, „Отечественныхъ Записокъ“ и „Литературныхъ Прибавленій“.

[6]) Трудно угадать, кого разумѣлъ Надеждинъ подъ именемъ Гектора;

7. Протрезвился-ли Панаевъ, который, по увѣренію ротмистра, пьянствуетъ и якшается съ Паномъ Тадеушемъ [1])? У самого ротмистра выздоровѣла-ли «мягкая часть», неосторожно расчесанная при чтеніи «Одес(скаго) Вѣстника» [2])? Откуда сей послѣдній взялъ 20.000 рублевъ, пожертвованныхъ на «Дѣтскую Больницу»? NB. Одесскій рецензентъ «Утренней Зари», который не кто иной, какъ извѣстный вамъ Григорьевъ, жертвуетъ ту красную ассигнацію, что̀ заплачена за альманахъ, въ пользу той же «Больницы»: передайте сіе ротмистру [3]).

8. Дошла-ли «Галатея» до Питера хоть теперь? Есть-ли надежда, что «Зеленый» журналъ не поблекнетъ при февральскихъ еще морозахъ [4])?

Всѣ сіи и подобные пункты очень для насъ любопытны. Сдѣлайте отеческую милость—заставьте хоть Панаева изложить на нихъ отвѣты вкратцѣ. Только подъ этимъ условіемъ я буду напоминать вамъ о себѣ при каждой книжкѣ «Отечественныхъ». Самого меня не ждите скоро. Прежде нежели кинусь въ вашъ грязный омутъ, придется еще поваляться въ Крымскихъ грязяхъ, чтобы стать на ноги. А это не можетъ быть прежде лѣта, которое, я вижу, и въ здѣшней беззимней сторонѣ, возвращается медленно.

Написалось столько, что я и самъ испугался. Боюсь задержать васъ чтеніемъ такого длиннаго письма, чтобъ, чего Боже упаси, не вышло остановки въ «Отечественныхъ». Вслѣдствіе чего—прощайте!

Обнимаю васъ душевно и снова повторяю: мужайтесь.

Преданнѣйшій Н. Надеждинъ.

Поклонъ всѣмъ знакомымъ, наипаче же блудному Панаеву, нравственному ротмистру и—расколдованному Фаусту. Писать еще не буду—до полученія отвѣта. Слышите? Да—ради Царя Небеснаго—«Отечественныя» и «Литературныя». Умираемъ безъ нихъ. Д(митрій) М(аксимовичъ) [5]) вамъ кланяется.

„Вальтеръ-Скоттяки“ и „Гомерики“—беллетристы начала сороковыхъ и конца тридцатыхъ годовъ.

[1]) Ротмистръ—вышеупомянутый В. А. Владиславлевъ; Панъ Тадеушъ—Ѳ. В. Булгаринъ; Панаевъ—Иванъ Ивановичъ, авторъ „Литературныхъ Воспоминаній“.

[2]) Въ № 2 „Одесскаго Вѣстника“ за 1839 годъ была напечатана рецензія на альманахъ „Утренняя Заря“; эта рецензія, авторомъ которой былъ упоминаемый въ письмѣ Надеждина В. Григорьевъ, написана съ легкой ироніей по адресу В. А. Владиславлева.

[3]) О какихъ пожертвованіяхъ говоритъ Надеждинъ, намъ неизвѣстно.

[4]) „Зеленый“ журналъ—„Московскій Наблюдатель“.

[5]) Вышеупомянутый Д. М. Княжевичъ.

Письмо Василія Алексѣевича Левшина къ князю Петру Васильевичу Лопухину.

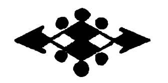
19-го февраля 1799 г. Бѣлевъ, Тульской губ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Крайне мало имѣлъ я счастія быть вамъ, сіятельнѣйшій князь, знакомъ лично; но извѣстно вамъ, милостивѣйшій государь, что покойной первой вашей супругѣ былъ я изъ ближнихъ родственниковъ. Сіе подало мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ стопамъ вашимъ со всенижайшею моею просьбою по случаю несчастныхъ и крайне разстроенныхъ моихъ обстоятельствъ, кои всѣ изобразить едва-ли можно. Мнѣ почти 60 лѣтъ, въ семействѣ моемъ самъ двѣнадцать, имѣніе малое, которое, по малоземелью, не токмо не приноситъ столько дохода, чтобъ могъ я прилично дворянину себя содержать, но не достаетъ онаго на проценты; долги мои нажилъ не мотовски, но имѣвъ тяжбу о томъ маломъ имѣніи, которымъ владѣю, и воспитываю дѣтей. Помогалъ я сему, пока зрѣніе и здоровье мое не ослабѣло, платою за мои переводы; нынѣ же лишенъ и сего пособія. Даже, по малоимѣнію, не могъ воспользоваться и всеобщею монаршею милостію въ разсужденіи вспомогательнаго банка, чтобы уплатить всѣ мои долги, коихъ до 15 тысячъ. И такъ, въ старости, имѣвъ десятерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ пятерыхъ дочерей, ожидаю и съ ними остаться безъ пропитанія. Сіе простираетъ меня у ногъ вашихъ, сіятельнѣйшій князь, ободряемаго извѣстнымъ свѣту вашимъ человѣколюбіемъ и сострадательнымъ сердцемъ, со всенижайшею моею слезною просьбою исходатайствовать у монаршаго милосердія что-либо къ пропитанію цѣлаго несчастнаго семейства, котораго бѣдственнаго положенія я начертать не въ состояніи, но окруженъ всѣмъ онаго ужасомъ. Всемогущій Богъ, избравъ васъ въ покровители несчастныхъ, да подвигнетъ ваше сердце отереть мои слезы. Сея отеческія милости ожидая, съ глубочайшимъ и всенижайшимъ почитаніемъ остаюсь вашимъ, сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь, всенижайшимъ слугою.

На прошеніи написано: «Пусть терпитъ».

Сообщилъ **Н. А. Мурзановъ.**



Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи.

III [1]).

Потоцкій дѣйствовалъ въ видахъ императрицы съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ выступилъ на арену общественной дѣятельности... Императрица писала о немъ, въ 1792 г., что онъ «тридцать лѣтъ былъ вѣренъ и преданъ Россіи», слѣдовательно, чуть не съ пеленокъ, такъ какъ онъ родился въ 1752 г. Онъ не скрывалъ своихъ политическихъ убѣжденій и высказывалъ постоянно мысль, что Рѣчь Посполитая можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіей, сближеніе же съ Пруссіей онъ считалъ для нея весьма опаснымъ и предсказывалъ, что «если Польша когда-либо погибнетъ, то виною этого будетъ король прусскій [2]).

На сеймѣ 1788 г. онъ громко выражалъ свои симпатіи къ Россіи, за что имѣлъ немало непріятностей и докуки, и это побудило его уѣхать къ своей дивизіи на Украйну, гдѣ онъ занялся военнымъ дѣломъ, не переставая, наперекоръ всѣмъ, высказывать свое преклоненіе передъ Екатериною.

Свои чувства къ ней и къ Россіи онъ высказалъ, между прочимъ, въ письмѣ къ русскому генералу Миллеру, копію съ котораго онъ прислалъ, въ видѣ вызова, вмѣстѣ со своими рапортами въ военную коммиссію.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1904 г.

[2]) Письмо Щенснаго-Потоцкаго—Петру Потоцкому, изъ Тульчина, отъ 27-го іюля (7-го августа) 1788 г.

Письмо это, прочитанное на засѣданіи сейма 1-го (12-го) марта 1789 г., вызвало неудовольствіе присутствовавшихъ.

Король защищалъ Потоцкаго, совѣтовалъ назначить его посланникомъ въ Петербургъ и заявилъ желаніе, чтобы маршалъ сейма выразилъ ему довѣріе сословій, что Малаховскій и исполнилъ въ письмѣ отъ 4-го (15-го) марта. Щенсный-Потоцкій не обратилъ на это письмо никакого вниманія. Въ апрѣлѣ 1789 г. онъ написалъ снова фельдмаршалу Румянцову и увѣрялъ его въ своей пріязни къ Россіи, и хотя этотъ разъ не послалъ съ письма копіи въ военную комиссію, но велѣлъ распространить ее частнымъ образомъ. Тогда въ засѣданіи сейма 25-го апрѣля (6-го мая) противъ него вооружился Суходольскій, депутатъ холмскій; онъ напомнилъ о письмѣ къ Миллеру, о предостереженіи маршала отъ 4-го (15-го) марта и пригрозилъ, «что шутить съ Рѣчью Посполитой нельзя». Щенснаго защищалъ литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, но Суходольскій отвѣтилъ ему весьма рѣшительно и повторилъ свою угрозу.

Щенсный не одобрялъ крутыхъ мѣръ, къ коимъ прибѣгала военная коммиссія для подавленія бунтовъ на Украйнѣ, и самъ проявлялъ въ обращеніи съ солдатами замѣчательную мягкость.

«Командующій войскомъ,—писали о немъ въ то время [1]),—говоритъ въ присутствіи солдатъ, что можно-ли обвинять въ неповиновеніи и преслѣдовать такихъ хорошихъ людей».

Военная коммиссія, не довѣряя ему, посылала приказанія непосредственно подчиненнымъ ему генераламъ, что вызывало, само собою разумѣется, недоразумѣнія и неудовольствіе. Потоцкій нѣсколько разъ пытался сложить съ себя командованіе войскомъ и уѣхать за границу, но его удерживалъ отъ этого король.

Одобренное сеймомъ и поддержанное прусской нотой запрещеніе русскимъ войскамъ прохода черезъ польскія земли не дало Щенсному возможности оказать услугу императрицѣ, разрушило его политическія иллюзіи и укрѣпило его въ намѣреніи уѣхать изъ Польши. 14-го (25-го) октября 1789 г. онъ увѣдомилъ Потемкина, что, сложивъ съ себя командованіе украинской дивизіей, онъ уѣзжаетъ въ Италію.

Живя за границей, онъ поддерживалъ сношенія съ кружкомъ лицъ, коимъ были избраны депутаты въ сеймъ, знакомилъ ихъ съ содержаніемъ писемъ, получаемыхъ имъ изъ Польши, въ коихъ выражалось неудовольствіе по поводу политическаго переворота, совершеннаго сеймомъ, и склонялъ ихъ къ оппозиціи.

«Покуда мы еще находимся между миромъ и войною,—писалъ онъ изъ Венеціи въ маѣ мѣсяцѣ 1790 г.;—дай Богъ, чтобы насъ не ввергли

---

[1]) Гржимало – Петру Потоцкому 8-го (19-го) мая 1789 г.

въ эту пропасть новые псевдо-пріятели Польши [1]), которые въ доказательство своей пріязни хотятъ взять у насъ между тѣмъ Гданскъ и Торнъ и осмѣливаются говорить намъ, какъ дѣтямъ, что это дѣлается для нашей же пользы. Они не могли помѣшать нашему усиленію, но, желая насъ погубить, они натравятъ насъ въ войну и согласны даже воевать за насъ, лишь бы мы взяли на себя всѣ издержки.

«Я держусь тѣхъ же мыслей, какъ и прежде, буду говорить и дѣйствовать такъ же, какъ прежде, чтобы не дать державамъ нанести малѣйшій вредъ Рѣчи Посполитой.

«Я бы самъ взялся за оружіе, если бы я питалъ хотя малѣйшую надежду на то, что это принесетъ пользу. Однако, я твердо надѣюсь, что мое отечество выйдетъ изъ этого испытанія благополучно, что Рѣчь Посполитая останется Рѣчью Посполитой, а не сдѣлается частью прусской монархіи» [2]).

Осенью 1790 г. Потоцкій поселился въ Вѣнѣ, откуда онъ совмѣстно съ Ржевусскимъ написалъ протестъ противъ новой конституціи, который вмѣстѣ съ брошюрами, составленными въ томъ же духѣ, былъ отпечатанъ и распространенъ ихъ друзьями. Польскіе патріоты долго не придавали этому значенія. Малаховскій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ-либо, мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придушить мятежниковъ, есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но я не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла» [3]).

Но король былъ встревоженъ агитаціей Щенснаго-Потоцкаго и послалъ въ Вѣну Станислава Потоцкаго, съ письмомъ, въ которомъ онъ убѣждалъ его прекратить свои происки; въ томъ же смыслѣ писалъ ему Малаховскій. На оба эти письма отъ 7-го (18-го) октября Щенсный отвѣчалъ 12-го (23-го) ноября, уже по окончаніи сеймиковъ, и изложилъ въ своемъ отвѣтѣ тѣ же взгляды, какіе онъ проповѣдывалъ въ воззваніяхъ и брошюрахъ. Желая добиться отмѣны конституціи, Щенсный-Потоцкій разсчитывалъ, повидимому, одно время на Австрію, но, убѣдясь въ томъ, что онъ не встрѣтитъ поддержки у Вѣнскаго двора, рѣшилъ обратиться къ Россіи и вступилъ съ этой цѣлью въ сношенія съ Потемкинымъ.

---

[1]) Пруссаки.

[2]) Щенсный-Потоцкій—Свейковскому 10-го (21-го) мая 1790 г.

[3]) Костомаровъ, стр. 383.

*

Полученное отъ него письмо съ предложеніемъ услугъ Потемкинъ сообщилъ императрицѣ, которая въ отвѣтъ на него дала, 18-го (29-го) іюля 1791 г., на имя князя секретный рескриптъ [1]), въ которомъ писала, «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ нимало нѣтъ сомнѣнія, и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабдѣннаго». Признавая, что «для надежнаго въ семъ успѣха, всего прежде надлежало бы имѣть развязанныя руки прекращеніемъ войны съ турками», она выражала надежду, что Потемкинъ, «продолжая непрерывно сильныя военныя дѣйствія со ввѣренными предводительству его сухопутными и морскими силами, принудитъ врага заключить миръ на предложенныхъ ею условіяхъ», а тогда,—писала она,—«и откроется полная удобность, при настояніи случая, возвращаться знатной, по крайней мѣрѣ, части войскъ нашихъ чрезъ Польшу, подкрѣпить недовольныхъ послѣднею конституціею и планъ, вамъ начертанный, исполнить самымъ дѣломъ. Рѣшаясь на таковыя мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть передъ свѣтомъ, когда поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство (торжественными договорами утвержденное) на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ; когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія по войнѣ нашей съ турками; когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго; и когда самъ король ихъ, рукою нашею на престолъ возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство всей толико вредной перемѣны».

Излагая далѣе свой взглядъ на то, какъ слѣдовало приступить къ дѣйствію, Екатерина писала, что «какъ недовольные сею перемѣною артиллеріи генералъ Потоцкій и польный гетманъ Ржевусскій, не скрывая образа мыслей ихъ, намѣрены да и считаютъ необходимымъ открыть свои дѣйствія, не теряя времени, дабы между тѣмъ зло, въ отечество ихъ введенное, не утвердилося, то, при подобномъ воспріятіи со стороны ихъ дѣятельныхъ мѣръ, нельзя уже будетъ и намъ отлагать далеко наше пособіе».

Но, по мнѣнію Екатерины, починъ дѣйствія долженъ былъ исходить отъ нихъ, «чтобы сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей», прибѣгнувъ къ ней «яко ручательницѣ прежней

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., книга II, стр. 281—289.

ихъ вольной конституціи, и формально требовали ея заступленія и помощи».

«Тѣмъ временемъ,—продолжала императрица,—учинимъ мы предварительное сношеніе съ союзникомъ нашимъ, императоромъ римскимъ, сообща ему, въ самыхъ убѣдительныхъ израженіяхъ и доводахъ, намѣреніе наше, самою необходимостію вынуждаемое, приступить, не откладывая, къ дѣятельнымъ мѣрамъ».

Обсуждая въ томъ же рескриптѣ степень участія въ дѣлахъ польскихъ Берлинскаго двора, Екатерина писала, что нужно «колико можно отвращать принятіе имъ участія, противнымъ намъ образомъ, по крайней мѣрѣ покуда наша партія укрѣпится въ числѣ людей и способахъ»; желая теперь, какъ и прежде, удержать свое покровительство надъ Польшею, но не желая собственно уничтоженія Польскаго государства, императрица предвидѣла, однако, то, что̀ неминуемо должно было случиться.

«Трудно,—писала она,—угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность, и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ; тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніи ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что, какое бы ни было ея дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ».

Относительно же внутренняго устройства Польши Екатерина не выказывала желанія стѣснять поляковъ и заранѣе дозволяла имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы составители его были друзья Россіи.

«Что касается до образа правленія ихъ республики,—писала она Потемкину въ упомянутомъ рескриптѣ,—мы сіе оставляемъ на волю ихъ: федеративное-ли правительство учредить, или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ возстановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относиться

будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами».

Далѣе императрица приводила тѣ соображенія, которыя могли облегчить выполненіе этого плана. Она считала необходнмымъ, чтобы, кромѣ поданныхъ въ Варшавѣ съ самаго начала протестацій «противъ наслѣдственной монархіи, введенной конституціей 3-го мая, были произведены другія со стороны земскихъ пословъ», чтобы таковыхъ протестовъ было какъ можно больше и чтобы они были составлены въ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ. Недовольные могли бы въ этихъ протестаціяхъ или манифестахъ упомянуть, «что они прибѣгаютъ къ заступленію и помощи Россіи», какъ принявшей на себя «ручательство на вольность» Рѣчи Посполитой и соблюденіе ея кардинальныхъ законовъ. По мнѣнію императрицы, было необходимо образованіе изъ недовольныхъ конфедераціи, которая могла бы объявить незаконнымъ все, что было и будетъ сдѣлано въ Варшавѣ, «лучше всего предъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Польшу, чтобы вступленіе ихъ можно было объяснить просьбою о помощи со стороны народа». Кромѣ того, Екатерина считала нужнымъ обѣщать польскимъ патріотамъ покровительство и защиту какъ со стороны Россіи, такъ и Австріи, до тѣхъ поръ, пока, по заключеніи мира съ турками, не настанетъ время приступить къ энергическому дѣйствію. Разсчитывая главнымъ образомъ на помощь императрицы, обезпечившей соблюденіе польской конституціи, патріоты могли бы искать въ то же время поддержки у Вѣнскаго двора, о чемъ, впрочемъ, «будетъ стараться и Россія».

Изложивъ Потемкину цѣлый планъ дѣйствій, Екатерина признавала необходимымъ, чтобы Потоцкій посѣтилъ князя въ его главной квартирѣ, въ Яссахъ, для совмѣстнаго съ нимъ болѣе подробнаго обсужденія плана и способовъ дѣйствія.

Потемкинъ исполнилъ приказаніе императрицы: въ началѣ октября Потоцкій и Ржевусскій выѣхали, по его приглашенію, изъ Вѣны въ Яссы, куда Щенсный-Потоцкій пріѣхалъ 4-го (15-го) октября 1791 г., нѣсколько часовъ спустя по выѣздѣ оттуда князя Потемкина, который, заболѣвъ перемежающейся лихорадкою, надѣялся найти спасеніе въ путешествіи. Потоцкій хотѣлъ сперва отправиться вслѣдъ за нимъ въ Николаевъ, но затѣмъ рѣшилъ дождаться пріѣзда Ржевусскаго, который долженъ былъ пріѣхать съ минуты на минуту. Дѣйствительно, на слѣдующій день Ржевусскій уже былъ въ Яссахъ, но въ то же время было получено извѣстіе о смерти Потемкина, скончавшагося 5-го (16-го) октября, не доѣзжая Николаева, въ степи, на рукахъ своей племянницы, супруги гетмана, Александры Васильевны Браницкой.

Извѣстіе о кончинѣ Потемкина чрезвычайно встревожило поляковъ; «они сражены были кончиною свѣтлѣйшаго князя и не знали, что дѣ-

лать»,—писалъ Екатеринѣ генералъ-маіоръ Василій Степановичъ Поповъ, человѣкъ близкій къ Потемкину, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ. Онъ вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, увѣрилъ Потоцкаго въ благоволеніи къ нему императрицы и предложилъ свои услуги быть его посредникомъ въ Петербургѣ.

8-го (19-го) октября Потоцкій вручилъ ему для передачи императрицѣ два письма: свое собственное и Ржевусскаго. На слѣдующій день сановники Рѣчи Посполитой выѣхали въ Язловецъ, на границѣ Галиціи, гдѣ должны были ожидать повелѣній своей покровительницы [1]).

Вѣсть о кончинѣ Потемкина и о пребываніи двухъ польскихъ магнатовъ въ Яссахъ была привезена въ Варшаву курьеромъ 12-го (23-го) октября вечеромъ и подала на слѣдующій день поводъ къ весьма бурнымъ преніямъ на сеймѣ.

Первымъ говорилъ, въ засѣданіи 13-го (24-го) октября, посолъ инфлянтскій Забѣлло; указавъ на высокое положеніе, занимаемое Щенснымъ-Потоцкимъ въ войскѣ, онъ обвинялъ его въ томъ, что, «облагодѣтельствованный Рѣчью Посполитой, Потоцкій высказывалъ открыто иностраннымъ дворамъ свое недовольство конституціей 3-го мая и находился передъ кончиною Потемкина въ Яссахъ. Посолъ требовалъ, чтобы Потоцкій и Ржевусскій прибыли каждый къ мѣсту своего служенія, первый—къ своей дивизіи, а второй—въ военную коммиссію, и присягнули бы конституціи, присовокупивъ, что ихъ собственная деликатность и забота о своей репутаціи побудятъ, конечно, ихъ выяснить польскому народу причины ихъ пребыванія въ Яссахъ».

Заявленіе Забѣлло вызвало шумныя пренія. Король былъ противъ принятія какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ относительно Потоцкаго и Ржевусскаго. Изъ пословъ одни говорили, что справедливость обвиненія Забѣлло должна быть разсмотрѣна судомъ, другіе—что должностныхъ лицъ, остающихся за границею безъ разрѣшенія правительства, слѣдуетъ лишать жалованья. Депутатъ познанскій Сокольницкій заявилъ, что онъ не допуститъ обсужденія вопросовъ до тѣхъ поръ, пока требованіе Забѣлло не будетъ исполнено. «Мы говоримъ тутъ не о личностяхъ, не о Потоцкомъ и о Ржевусскомъ,—сказалъ онъ,—но о сановникахъ Рѣчи Посполитой, о слугахъ закона, о гетманѣ, о генералѣ артиллеріи... Благополучіе народа зависитъ отъ хорошихъ законовъ, а исполненіе закона зависитъ отъ должностныхъ лицъ... Я не вижу, что могло бы оправдать гетмана и генерала артиллеріи въ томъ, что они не исполняютъ своихъ обязанностей въ теченіе трехъ лѣтъ... Тутъ идетъ рѣчь не объ одномъ засѣданіи, не о мѣсяцѣ или годѣ, а о трехъ

---

[1]) Поповъ—Екатеринѣ II 8-го (19-го) октября 1791 г. изъ Яссъ. «Русскій Архивъ» 1878, кн. I, 24.

годахъ, прожитыхъ за границею». Въ заключеніе, онъ просилъ, чтобы сеймъ точно опредѣлилъ срокъ, къ которому польному коронному гетману и генералу артиллеріи будетъ приказано явиться къ исполненію своихъ обязанностей, подъ страхомъ быть отрѣшенными отъ должности».

Послѣ того какъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ сдѣлана была попытка оправдать обвиняемыхъ, краковскій посолъ Линовскій заявилъ, что его удивляетъ, какъ подобный вопросъ можетъ возбуждать споръ; «гдѣ же будетъ справедливость, сказалъ онъ, если мы будемъ наказывать однихъ только капитановъ и поручиковъ, а гетмановъ и генераловъ оставимъ безнаказанными?»

14-го (25-го) октября, во исполненіе постановленія сейма король повелѣлъ стражѣ (совѣту министровъ) изготовить указъ на имя польнаго гетмана и таковой же военной коммиссіи на имя Потоцкаго, повелѣвая имъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ явиться въ Польшу, вступить въ исполненіе своихъ обязанностей и присягнуть новой конституціи.

Но прежде, нежели эти приказы были отосланы по назначенію, епископъ инфлянтскій Коссаковскій писалъ своему брату, генералъ-поручику русской службы Семену Коссаковскому, который находился въ то время въ Яссахъ, прося его предупредить о рѣшеніи сейма Ржевусскаго и Потоцкаго и предостеречь ихъ, что, въ случаѣ неповиновенія, они не только лишатся мѣстъ, но что имѣнія ихъ будутъ конфискованы; поэтому онъ совѣтовалъ имъ повременить отвѣтомъ.

Въ то время оба они находились уже въ Галиціи, гдѣ Потоцкій поселился въ окрестностяхъ Львова. 18-го (29-го) октября пріѣхалъ во Львовъ великій коронный гетманъ Браницкій, по пути въ Яссы, куда онъ ѣхалъ за полученіемъ наслѣдства послѣ Потемкина; на слѣдующій день онъ извѣстилъ Потоцкаго о своемъ пріѣздѣ и выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что они скоро увидятся. Въ городѣ Браницкій ни съ кѣмъ не видѣлся, но зато часто бывалъ въ Язловцѣ, гдѣ совѣщался съ генераломъ артиллеріи и съ Ржевусскимъ, при чемъ «недовольные» старались держать эти свиданія въ величайшей тайнѣ. Бывшій въ ту пору во Львовѣ генералъ-адъютантъ Вольскій клялся и божился, что его начальникъ (Ржевусскій) не былъ въ Яссахъ съ Потоцкимъ. Любопытная жена кастеляна Коссаковскаго послала въ Язловецъ довѣренныхъ ей людей разузнать, что̀ тамъ дѣлается, но о происходившихъ тамъ совѣщаніяхъ ничего не могла узнать. Однако, несмотря на принимаемыя предосторожности, въ концѣ октября въ Польшѣ всѣ были увѣрены въ томъ, что Потоцкій и Ржевусскій ѣздили въ Яссы, а совѣщанія, происходившія между ними въ Язловцѣ, были предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ. Всѣ гово-

рили, что Браницкій присягнулъ конституціи только для виду, и что хлопоты о полученіи наслѣдства послѣ Потемкина были только предлогомъ, чтобы условиться съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ; въ Варшавѣ передавали, будто гостившіе въ Язловцѣ паны собираютъ среди шляхты подписи и намѣреваются начать дѣйствовать въ половинѣ декабря или весною. Самыя любопытныя извѣстія были получены изъ Львова Игнатіемъ Потоцкимъ, которому Коссаковская, не подозрѣвая, что въ столицѣ все какъ нельзя лучше извѣстно, писала, что «слѣдовало бы донести (правительству) объ этихъ двухъ улиткахъ, которыя теперь заперлись въ своей скорлупѣ, а весною предполагаютъ вылѣзть изъ нея».

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Браницкій отправился въ Яссы къ женѣ, которая поддерживала все время непрерывную переписку съ Петербургомъ. Самъ гетманъ также писалъ Екатеринѣ, но отвѣтъ, посланный ему черезъ Булгакова, не засталъ уже его въ Варшавѣ. Въ Яссахъ, куда онъ пріѣхалъ 27-го ноября (8-го декабря), гетманъ получилъ черезъ жену поклонъ отъ императрицы, которая увѣдомляла, что она получила его письмо [1]). Жену онъ засталъ больной, и дѣло о наслѣдствѣ послѣ Потемкина не ладилось. Множество долговъ и наслѣдниковъ, оставшихся послѣ Потемкина, значительно уменьшили размѣры наслѣдства, которое, по всеобщему мнѣнію, должно было достаться на долю Браницкаго, собственные долги котораго доходили до 10 милліоновъ. Онъ жаловался въ письмахъ къ своимъ друзьямъ на встрѣченныя имъ всевозможныя затрудненія и, между прочимъ, писалъ, 2-го (13-го) декабря, что ни Потоцкаго, ни Ржевусскаго нѣтъ въ Яссахъ и что онъ не надѣется даже тамъ видѣться съ ними; въ то же время онъ высказывалъ сомнѣніе въ существованіи съ ихъ стороны тѣхъ замысловъ, въ коихъ ихъ подозрѣвали.

Дѣйствительно, Браницкій не имѣлъ почти никакихъ свѣдѣній о Потоцкомъ и Ржевусскомъ до тѣхъ поръ, пока они, будучи предупреждены Поповымъ о скоромъ пріѣздѣ Безбородки, не пріѣхали вторично въ Яссы.

Безбородко, которому, по смерти Потемкина, было поручено окончить съ турками мирные переговоры, прибылъ въ Яссы 13-го (24-го) декабря. Никто не подозрѣвалъ, что, кромѣ заключенія мира съ Турціей, ему было поручено войти въ переговоры съ «недовольными» поляками. Узнавъ отъ генералъ-маіора Попова и ст. сов. барона Бюлера, что Потоцкій и Ржевусскій жили въ Буковинѣ, въ 170 верстахъ отъ Яссъ, въ ожиданіи рѣшенія Петербургскаго двора, Безбородко послалъ къ нимъ нарочнаго съ привезенными письмами Екатерины, а затѣмъ рѣшилъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 25, стр. 468.

повидаться съ ними лично. Чтобы скрыть свои сношенія съ польскими панами, Безбородко предложилъ имъ встрѣтиться въ селѣ Чердакъ, въ шести верстахъ отъ Яссъ, гдѣ любилъ проводить время покойный Потемкинъ и куда Безбородко, подъ видомъ прогулки и охоты, отлучался въ обществѣ Попова и Бюлера. 5-го (16-го) декабря Безбородко донесъ Екатеринѣ о предполагаемой поѣздкѣ своей въ с. Чердакъ, а нѣсколько дней спустя, 8-го (19-го) числа того же мѣсяца, Потоцкій и Ржевусскій уже переѣхали въ Яссы. На вопросъ Безбородки, хотятъ-ли они жить въ Яссахъ инкогнито, или предполагаютъ устроиться иначе,—они отвѣчали, что будутъ жить въ Яссахъ открыто, такъ какъ находящемуся тамъ гетману гр. Браницкому извѣстно объ ихъ пріѣздѣ; «да они и не скрываютъ своего образа мыслей и единственно полагаютъ надежду на высочайшее покровительство императрицы».

Они устроились тамъ отлично. Ржевусскій, по примѣру Потемкина, катался въ оставшемся послѣ него экипажѣ, запряженномъ цугомъ, коимъ Потоцкій, впрочемъ, не хотѣлъ пользоваться. Они совѣщались втроемъ съ Браницкимъ, допуская на свои бесѣды также супругу гетмана графиню Браницкую, которая «тосковала о Потемкинѣ и сильно измѣнилась». Свои бесѣды они держали въ такой же тайнѣ, какъ и въ Язловцѣ, и были не особенно довольны, когда ихъ посѣщали поляки, проѣздомъ изъ Константинополя. Польскій гетманъ раздавалъ гостямъ свои брошюры «O sukcesyi tronu w Polszcze rzecz krótka» и «Nad prawem, któreby szlachcie bez posesyi activitatem na sejmikach odbierało, uwagi». Потоцкій и Ржевусскій производили на всѣхъ впечатлѣніе, что, «несмотря на полученный ими приказъ, они не хотѣли вернуться въ Польшу, а тѣмъ болѣе присягнуть новой конституціи».

Они часто обѣдали у Безбородко и проводили съ нимъ вечеръ. Во время одного изъ такихъ посѣщеній Безбородко сообщилъ имъ содержаніе рескрипта 18-го (29-го) іюля, даннаго императрицей Потемкину касательно дѣлъ польскихъ; хотя императрица выражала въ этомъ рескриптѣ желаніе, чтобы сношенія съ генераломъ артиллеріи и съ польнымъ гетманомъ держались въ совершенной тайнѣ, но Безбородко объ этомъ пунктѣ умолчалъ. Онъ умолчалъ также о резолюціи Екатерины на девятый пунктъ записки, поданной Потоцкимъ: «Ежели недовольные нынѣшней формой правленія начнутъ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ медлить оказаніемъ имъ помощи». Онъ скрылъ этотъ пунктъ, изъ опасенія, чтобы онъ не послужилъ польскимъ панамъ предлогомъ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно. Съ своей стороны Безбородко высказывалъ только, что императрица сочувствуетъ имъ такъ же, какъ и всѣмъ добрымъ патріотамъ, и раздѣляетъ ихъ взглядъ на революцію 3-го мая; онъ говорилъ объ осторожности, съ какою Петербургскій дворъ медлилъ признать выборъ на престолъ курфирста саксонскаго, что̀ задер-

жало весь ходъ дѣлъ въ Польшѣ, и указывалъ на то, что обстоятельства не благопріятствовали оказать имъ дѣятельную помощь до тѣхъ поръ, пока у Россіи не будутъ развязаны руки заключеніемъ мира съ Турціей. Онъ увѣрялъ ихъ, что по заключеніи мира явится возможность сговориться съ ними обо всемъ, а между тѣмъ просилъ ихъ составить общій планъ дѣйствій, который онъ самъ разсмотритъ и представитъ императрицѣ. Во время этихъ разговоровъ, Безбородко особенно упиралъ на доброжелательство Екатерины къ народу польскому. Потоцкій и Ржевусскій выслушали все это съ удовольствіемъ, отвѣчали, что они выступятъ открыто противъ нарушенія конституціи, и обѣщали выработать планъ дѣйствій. Ржевусскій сказалъ однажды Безбородкѣ, что самымъ подходящимъ главою конфедераціи былъ бы Потоцкій, который превосходитъ всѣхъ энергіей и талантомъ.

Съ Безбородко часто видѣлся также гетманъ Браницкій, постоянно выражавшій свою преданность императрицѣ и готовность служить ей, если бы Россія занялась дѣлами польскими. По его мнѣнію, Потоцкій и Ржевусскій могли бы лучше всего дѣйствовать на Украйнѣ, онъ же вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ Семеномъ Коссаковскимъ могъ бы дѣйствовать въ Литвѣ. Онъ просилъ увѣдомить его при посредствѣ Булгакова за нѣсколько дней до того, какъ будетъ приступлено къ дѣйствію, дабы онъ могъ спокойно и безпрепятственно отправиться въ Варшаву, а жену и дѣтей осторожный гетманъ предполагалъ, для бо́льшаго спокойствія, отправить въ Петербургъ.

Безбородко выслушивалъ Браницкаго, увѣрялъ его въ благорасположеніи императрицы, но не посвящалъ его въ тайные планы, которые онъ вырабатывалъ вмѣстѣ съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ. Послѣдніе, несмотря на свои ежедневныя свиданія съ Браницкимъ, также таили отъ него свои планы. Они ручались Безбородко за патріотизмъ и способности гетмана, но не ручались за его благоразуміе и выражали опасеніе какъ бы, во время пребыванія Браницкаго въ Варшавѣ, король не привлекъ обоихъ супруговъ на свою сторону. Безбородко считалъ эти опасенія неосновательными и выражалъ увѣренность, что супруга гетмана, вслѣдствіе своего происхожденія и всѣхъ милостей, оказанныхъ ей императрицею, за которыя она обязана быть ей предана и благодарна, будетъ дѣйствовать въ общемъ дѣлѣ такъ, какъ она дѣйствовала во все время сейма. Однако, императрица, съ нетерпѣніемъ ожидавшая вѣстей о Браницкомъ, также раздѣляла до нѣкоторой степени опасеніе Потоцкаго и Ржевусскаго. Узнавъ отъ Безбородко о намѣреніи Браницкаго вернуться въ Варшаву, она писала: «Я думала, что онъ, воспользуясь удобнымъ симъ случаемъ, останется ежели не въ Яссахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Бѣлоцеркви. Вѣдь онъ князю все писалъ, что сеймъ сѣчетъ головы въ три дни, и для того къ нему ѣхать не можетъ;

но теперь добровольно голову паки наклонилъ, ежели поѣхалъ въ Варшаву» [1]).

Браницкій, въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, не могъ скрыть своихъ сношеній съ «недовольными», но постоянно высказывалъ сомнѣніе въ приписываемыхъ имъ планахъ.

«Въ Яссахъ находятся въ настоящее время гетманъ Ржевусскій и генералъ артиллеріи Потоцкій,—писалъ онъ своей сестрѣ,—но всѣ ихъ мечты разлетятся, вѣроятно, прахомъ». Въ исходѣ ноября Браницкій уѣхалъ изъ Яссъ вмѣстѣ съ женою и 20-го ноября (1-го декабря) 1791 года увѣдомилъ короля изъ Тульчина, что онъ проведетъ нѣсколько дней въ Бѣлой Церкви, а затѣмъ возвратится къ исполненію своихъ обязанностей; жена его доносила со своей стороны, что она ѣдетъ, вмѣсто Петербурга, въ Варшаву главнымъ образомъ съ цѣлью поблагодарить короля за письмо, коимъ Станиславъ-Августъ приглашалъ ее къ себѣ.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ посолъ Тренбицкій, на основаніи писемъ, полученныхъ однимъ польскимъ сановникомъ изъ Италіи, предостерегалъ правительство (въ засѣданіи сейма 13-го (24-го) ноября) относительно происковъ «недовольныхъ», которые происходили въ Яссахъ, хотя онъ не могъ тогда назвать никого по именамъ. Но въ началѣ декабря о мѣстопребываніи Потоцкаго и Ржевусскаго уже было всѣмъ извѣстно. Вторичная ихъ поѣздка въ Яссы страшно возстановила противъ нихъ общественное мнѣніе. Король надѣялся, что Россія не пойдетъ открыто противъ Польши и не объявитъ ей войны.

«Но и мы, съ своей стороны,—писалъ онъ польскому посланнику въ Лондонѣ Букатому,—подумаемъ на сеймѣ о томъ, какъ бы помѣшать проискамъ недовольныхъ». Дѣйствительно, король приказалъ стражѣ подтвердить польному гетману повелѣніе вернуться на родину; военная же коммиссія, не получивъ отвѣта отъ Потоцкаго на свой приказъ отъ 18-го (29-го) октября, со своей стороны подтвердила ему 24-го ноября (5-го декабря) приказаніе выѣхать немедленно. Гетману приказъ былъ посланъ съ курьеромъ, а Потоцкому съ маіоромъ Красицкимъ.

На слѣдующій день, 25-го ноября (6-го декабря), засѣданіе сейма было опять очень бурное.

Первымъ говорилъ вилькомирскій посолъ Коспялковскій. «Отечество,—сказалъ онъ,—а не посторонняя сѣверная держава, должно быть для всѣхъ дорого и близко, какъ родная мать. Я не думаю, чтобы Екатерина, мудрая монархиня, хотѣла притѣснить свободный народъ... Но среди нашихъ соотечественниковъ есть люди, возбуждающіе русское правительство противъ своего отечества... Тщеславіе побуждаетъ

[1]) „Русскій Архивъ“ 1876 г., I, 149.

ихъ идти противъ насъ... Они разжигаютъ огонь въ Яссахъ, чтобы испепелить отчизну; они ведутъ въ Яссахъ переговоры о томъ, чтобы измѣнить форму правленія, устранить достойныхъ людей, посадить на должности преданныхъ имъ лицъ... Наше попустительство ободряетъ ихъ. Ими движетъ упрямство, а не любовь къ отечеству». Въ заключеніе онъ требовалъ, чтобы ихъ заставили покориться волѣ народа.

Збоинскій задалъ королю вопросъ, дѣйствительно-ли Польшѣ угрожаетъ опасность, а Забѣлло требовалъ, чтобы было разъяснено, дѣйствительно-ли Потоцкій и Ржевусскій находятся въ Яссахъ.

На вопросъ перваго Станиславъ-Августъ отвѣчалъ, что оффиціальныхъ свѣдѣній о проискахъ недовольныхъ онъ не имѣетъ, но изъ частныхъ источниковъ ему извѣстно объ ихъ козняхъ, угрожающихъ Польшѣ опасностью; на вопросъ Забѣлло король отвѣчалъ, что Потоцкій, дѣйствительно, находится въ Яссахъ, о Ржевусскомъ же онъ не можетъ сказать ничего положительнаго. Послѣ того какъ былъ выслушанъ отвѣтъ короля, секретарь сейма прочиталъ предложеніе Збоинскаго, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы всѣ тѣ, кои издаютъ манифесты и протестаціи противъ дѣйствій сейма и новой формы правленія, были судимы, какъ нарушители общественнаго спокойствія, и понесли должное наказаніе.

Четвертинскій, кастелянъ перемышльскій, и посолъ волынскій Гулевичъ защищали Потоцкаго и Ржевусскаго и были противъ отдачи ихъ подъ судъ. Четвертинскій доказывалъ, что пребываніе въ Яссахъ не можетъ считаться преступленіемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что они преслѣдуютъ тамъ противозаконныя цѣли. Гулевичъ упрекалъ Забѣлло въ томъ, что онъ первый завелъ рѣчь о пребываніи генерала артиллеріи и польнаго гетмана въ Яссахъ и напомнилъ, что данный имъ для возвращенія въ Польшу трехмѣсячный срокъ еще не истекъ; при этомъ онъ сослался на заслуги предковъ Потоцкаго.

Маршалъ литовской конфедераціи Сапѣга защищалъ своего дядю Браницкаго, говоря, что онъ поѣхалъ въ Яссы съ разрѣшенія короля для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, и ручался головою за преданность гетмана отечеству и повиновеніе постановленіямъ сейма.

Въ отвѣтъ Гулевичу инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ произнесъ грозную обвинительную рѣчь противъ Потоцкаго и Ржевусскаго, поставивъ имъ въ укоръ то, что они—должностныя лица республики и богатѣйшіе землевладѣльцы,—съ самаго начала сейма не только не принимали участія въ его трудахъ, но жили въ столицахъ иностранныхъ державъ. «и что же они тамъ дѣлали? —сказалъ онъ,—издавали протестаціи противъ дѣйствій сейма и въ своихъ письмахъ высказывали свое неодобреніе работамъ сейма, а теперь находятся въ Яссахъ, мѣстѣ, для всякаго поляка въ высшей степени подозрительномъ».

«Нотою, присланною намъ въ самомъ началѣ сейма,—продолжалъ Вейсенгофъ,—Москва хотѣла запретить намъ совѣщаться объ улучшеніи судьбы нашего отечества и угрожала полякамъ, какъ нарушителямъ гарантированной ею конституціи. Она еще не отказалась отъ этой ноты и хочетъ быть по-прежнему защитницей прежняго образа правленія и намѣревается, вѣроятно, присоединить свою декларацію къ манифестамъ, изданнымъ противъ постановленій сейма». Страстную рѣчь свою онъ закончилъ тѣмъ, что спокойствіе отечества дороже чести нѣсколькихъ лицъ и что лучше принести въ жертву нѣсколько человѣкъ, нежели обречь отечество на вѣчную гибель.

По выслушаніи рѣчи Вейсенгофа, къ предложенію Збоинскаго присоединились Ржевусскій, двоюродный братъ гетмана, Вавржецкій, Сокольницкій и многіе другіе, и когда маршалкомъ сейма, подъ конецъ засѣданія, былъ предложенъ вопросъ: «принять или нѣтъ проектъ деклараціи, составленный Збоинскимъ», то за него высказалось 136 голосовъ противъ двадцати.

IV.

Маіоръ Красицкій и курьеръ, посланные въ Яссы съ приказами короля и военной коммиссіи, прибыли туда въ половинѣ декабря, какъ разъ въ то время, когда польскіе магнаты дѣятельно занимались съ Безбородко составленіемъ подробныхъ плановъ для своей послѣдующей дѣятельности.

«Чѣмъ далѣе вхожу я въ нихъ,—писалъ Безбородко императрицѣ,—тѣмъ съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ предусматриваю, что съ окончаніемъ мирной съ Портою негоціаціи и сіи дѣла доброе воспріимутъ теченіе. Благоразуміе, твердость и честность двухъ начальниковъ нашей партіи, особливо же Потоцкаго, много обѣщаютъ. Они трудятся въ составленіи плана, внемля совѣтамъ моимъ, чтобъ терпѣливо ожидать, покуда руки наши развязаны будутъ».

Получивъ приказаніе явиться 14-го (25-го) января въ Варшаву, Потоцкій и Ржевусскій сказали Безбородко, что они не только не будутъ присягать новой конституціи, но, напротивъ, будутъ искать всѣми способами ее отвергнуть, и намѣрены остаться въ Яссахъ до подписанія мира съ турками, а затѣмъ поѣдутъ въ Петербургъ, «въ образѣ простыхъ путешественниковъ», просить покровительства императрицы.

Между тѣмъ къ нимъ стали съѣзжаться ихъ друзья. Кромѣ полковника Кобылецкаго, капитана артиллеріи Дзіержановскаго и поручика

Вольскаго, составлявшихъ ихъ личный штабъ, въ Яссахъ находились: вице-бригадиръ Рудницкій, брацлавскій военно-гражданскій коммиссаръ Моссаковскій, два Злотницкихъ, и ожидали Томашевскаго, Сухоржевскаго, Мощенскаго, Борженцкаго и иныхъ.

Маіору Красицкому Потоцкій сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы Москва изъ-за него стала воевать; увѣрялъ его, что онъ не имѣетъ намѣренія образовать конфедерацію, ибо черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ все само собою успокоится, и сказалъ, что онъ готовъ отказаться отъ своего генеральскаго мѣста, но, не сочувствуя перевороту 3-го мая, не можетъ присягнуть конституціи; высказалъ ему также свое намѣреніе съѣздить въ Петербургъ, а, быть можетъ, также и въ Швецію. Ржевусскій говорилъ меньше, но сказалъ Красицкому, что въ Варшаву ему спѣшить не къ чему, такъ какъ онъ имѣетъ три мѣсяца срока.

На приказъ военной коммиссіи, отъ 24-го ноября (5-го декабря), Потоцкій отвѣчалъ письмомъ, безъ даты, оправдываясь тѣмъ, что приказъ, отъ 18-го (29-го) октября, имъ не былъ полученъ, и затѣмъ писалъ, что хотя долгъ военнаго и повелѣваетъ ему повиноваться начальству, но онъ считаетъ свои обязанности, какъ представителя народа, выше своего служебнаго долга. Если бы ему довелось быть 3-го мая въ Варшавѣ, то онъ, вмѣстѣ со многими другими людьми, дорожащими свободою, протестовалъ бы противъ конституціи, но такъ какъ онъ не былъ настолько счастливъ, «чтобы оросить своею кровью могилу народной вольности», то онъ долженъ былъ ограничиться выраженіемъ своихъ чувствъ и своего взгляда на новую конституцію въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ королю и маршалу сейма, такъ какъ всякаго рода иныя протестаціи были воспрещены. «Я не могу присягнуть святотатственно и обѣщать Богу то, что̀ противно моему сердцу и разсудку,—писалъ онъ,—и ничто не заставитъ меня присягнуть не республиканскому правительству». «Я родился въ богатствѣ свободнымъ человѣкомъ, могу умереть въ нищетѣ, если у меня отнимутъ силою мое имущество, но я никогда не откажусь отъ самаго дорогаго для моего сердца имущества, не перестану быть свободнымъ полякомъ и, лишившись всего, что̀ я имѣю, оставлю дѣтямъ въ наслѣдство старопольскія республиканскія доблести».

Это письмо было послано въ Варшаву съ адъютантомъ коронной артиллеріи Маржицкимъ, а копія съ него была дана маіору Красицкому.

Ржевусскій не такъ скоро рѣшился написать отвѣтъ, а препроводилъ королевскій приказъ въ Петербургъ, съ просьбою посовѣтовать ему, что дѣлать. По мнѣнію императрицы, слѣдовало «отвѣтъ отложить до тѣхъ поръ, что планъ ихъ порядочно составленъ будетъ, и о семъ съ нашей

стороны съ ними соглашенось будетъ; тогда либо манифестомъ, либо по ихъ стариннымъ республиканскимъ обрядамъ поступать могутъ; а теперь всякій отвѣтъ, прежде времени, разбудитъ снова злобу противу ихъ» [1]).

Но Ржевусскій написалъ и отправилъ отвѣтъ королю прежде, нежели этотъ рескриптъ императрицы былъ полученъ въ Яссахъ.

Отвѣтъ Ржевусскаго, помѣченный 1-мъ января н. ст. 1792 г., былъ написанъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Письмо вашего королевскаго величества, которымъ повелѣваете, дабы я, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, явился въ Варшаву къ должности моей, привело меня въ крайнее удивленіе»,—писалъ Ржевусскій.

«Позвольте, съ глубочайшимъ почитаніемъ, вопросить: чего отъ меня ожидаютъ въ Варшавѣ, и какія мои должности, которыя, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, я обязанъ исполнить? Потребенъ-ли я тамъ находиться, какъ гетманъ? Но время предсѣданія моего уже миновало и, какъ гетманъ, предсѣдательствовать въ военной коммиссіи въ сіе время не долженъ.

«Надобенъ-ли я тамъ, какъ засѣдающій на сеймѣ военный министръ? Но нѣтъ никакого узаконенія, которое бы требовало, чтобы присутствіе военнаго министра на сеймѣ безотлучно было нужнымъ, и чтобы, сеймъ безъ него не могъ существовать... Желаютъ-ли меня имѣть тамъ для команды надъ войскомъ? Но нынѣ, когда уже власти гетманской нѣтъ, и когда тотъ гетманъ только войскомъ управляетъ, которому стража управлять онымъ дозволитъ, то тѣмъ болѣе позволять-ли онымъ управлять тому гетману, который конституціи 3-го мая противенъ?.. Ежели присутствія моего требуютъ безъ надобности, то требовать того, въ чемъ нѣтъ никакой причины, есть несправедливость»...

Что касалось присяги конституціи 3-го мая, которой требовалъ отъ него король, то Ржевусскій писалъ на это, что таковой присяги требовать отъ него никто не въ правѣ, такъ какъ на нее не было «народнаго соизволенія». «Возможно-ли присягать конституціи», — продолжаетъ онъ, — «которая десятою частію народа, мимо вѣдома девяти частей онаго, установлена, которая, наконецъ, насиліемъ учреждена?.. Наконецъ, какая надобность предлежитъ въ сей присягѣ, когда конституція 3-го мая есть либо полезная, либо вредная? Если она полезная, то присяга для ней не нужна, потому что народъ, вѣдая свое благополучіе приметъ оную и блюсти ее стараться будетъ; ежели жъ вредная, то присягою ее утвердить не можно... Я бы измѣнилъ Богу, если бы во имя Его обѣщалъ то, чего сдержать желанія не имѣю. Наконецъ, по-

---

[1]) Рескриптъ Безбородко, отъ 31-го декабря 1791 г. (12-го января 1792 г.). «Русскій Архивъ», 1876 г., I, 192).

грѣшилъ бы противъ отечества, если бы я, родившись въ оном вольнымъ, учинилъ присягу на его рабство... Сохраненіе вольнаго правленія предпочитаю я моему чину, моему имѣнію и всему тому, что имѣю... Никто сего не увидитъ, чтобы я, для какихъ-либо видовъ, королямъ польскимъ жертвовалъ отечественною вольностью. Наслѣдство престола есть гробъ вольности польской; могу-ли я быть тѣмъ, который гробъ вольности ископалъ?»

На отвѣтъ Потоцкаго, привезенный въ Варшаву Маржицкимъ 19-го (30-го) декабря, военная коммиссія, еще до возвращенія изъ Яссъ маіора Красицкаго, послала ему 22-го декабря 1791 г. (2-го января 1792 г.) третій приказъ, съ приложеніемъ копій документовъ, относящихся къ конституціи. Въ этомъ приказѣ, въ коемъ упоминалось о послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою неповиновеніе начальству, говорилось, между прочимъ, что «въ виду заслугъ, оказанныхъ Потоцкимъ отечеству и войску, военная коммиссія еще разъ подтверждаетъ ему приказаніе явиться въ указанный ею срокъ къ исполненію своихъ обязанностей».

Король былъ того мнѣнія, что если Потоцкій и этотъ разъ не послушается, то сеймъ долѣе поблажать ему не будетъ.

Станиславу-Августу не хотѣлось прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся еще примирить «недовольныхъ» съ конституціей силою убѣжденій; онъ считалъ это возможнымъ, не зная еще отвѣта Ржевусскаго, который былъ полученъ только въ половинѣ января; его вводили въ заблужденіе также доклады Браницкаго, пріѣхавшаго съ женою въ Варшаву вскорѣ послѣ новаго года.

При свиданіи съ королемъ, Браницкій сказалъ ему, будто Потоцкій и Ржевусскій говорили, «что такъ какъ онъ состоитъ въ Стражѣ и присягнулъ конституціи, то они изъ деликатности не станутъ говорить ему ничего противъ нея»; тѣмъ не менѣе, онъ увѣрялъ, что, насколько онъ могъ понять, «они ничего не сдѣлаютъ, если ихъ оставятъ въ покоѣ». На вопросъ, почему они пріѣхали вторично въ Яссы, Браницкій не могъ ничего отвѣтить, «только пожалъ плечами и сослался на то, что ихъ планы ему неизвѣстны». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Щенсному-Потоцкому, писанныхъ по возвращеніи изъ Варшавы, Браницкій усильно звалъ его въ Польшу и увѣрялъ, что онъ найдетъ въ немъ всегда «преданнаго друга и что его чувства къ нему останутся до конца жизни неизмѣнны», но это не мѣшало ему высказывать свою преданность королю и конституціи и говорить пренебрежительно о намѣреніяхъ недовольныхъ.

Станиславъ-Августъ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, предлагалъ Гулевичу отправиться въ Яссы, съ цѣлью убѣдить недовольныхъ покориться.

Гулевичъ, открыто осуждавшій конституцію, отвѣчалъ на это предложеніе по совѣсти: что «если бы онъ былъ хвастуномъ и хотѣлъ что-

нибудь выпросить у короля и обмануть его, то онъ взялся бы за это порученіе, но что генералу артиллеріи нечего давать совѣты, онъ твердо знаетъ, чего онъ хочетъ». По полученіи отвѣта Ржевусскаго, король рѣшилъ привести въ исполненіе свою мысль и уговорилъ генералъ - маіора артиллеріи коронной Станислава Потоцкаго отправиться въ Яссы и склонить своего родственника «исполнить долгъ военнаго и патріота».

Король послалъ съ нимъ письмо къ Щенсному-Потоцкому, писанное имъ 2-го января въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, въ которомъ онъ уже не приказывалъ ему, а «просилъ, умолялъ, заклиналъ его вернуться въ свое отечество, къ своимъ друзьямъ и землякамъ».

Станиславъ Потоцкій немедленно отправился въ путь вмѣстѣ съ капитаномъ артиллеріи коронной Мирославскимъ.

2-го (13-го) января они прибыли въ Яссы, три дня спустя по заключеніи мира между Россіей и Турціей. Моментъ былъ самый неблагопріятный, ибо заключеніе мира давало польскимъ панамъ надежду на скорую помощь со стороны Россіи и тѣмъ самымъ дѣлало невозможнымъ примиреніе ихъ съ конституціей и сеймомъ.

Потоцкій и Ржевусскій со своимъ штабомъ присутствовали при торжественномъ подписаніи мирнаго договора; турецкіе уполномоченные, войдя въ комнату, гдѣ находился Безбородко, для поздравленія его съ миромъ, были удивлены, увидавъ поляковъ въ числѣ генералитета, и спрашивали, кто эти господа [1]).

Оба польскіе магната несказанно радовались заключенію мира, что̀ Потоцкій считалъ весьма благопріятнымъ для своихъ плановъ, и были въ восторгѣ отъ благоволенія къ нимъ императрицы, которая посылала имъ поклоны и увѣряла ихъ въ своемъ расположеніи.

«Поклонитесь ему (Ржевусскому) отъ меня и графу Потоцкому, генералу артиллеріи,—писала она Безбородко 20-го (31-го) декабря 1791 г.—Я ихъ почитаю истинными патріотами, борющимися за законы и вольности» [2]).

На другой день по подписаніи мира пріѣхалъ въ Яссы съ копіей приказа военной коммиссіи отъ 22-го декабря 1791 г. (2-го января 1792 г.) поручикъ фузилернаго полка Княжевичъ, посланный командующимъ брацлавской и кіевской дивизіей генералъ-маіоромъ Косцюшкой. 1-го (12-го) января генералъ артиллеріи, принявъ его, сказалъ, что уже получилъ этотъ приказъ съ курьеромъ изъ Варшавы и отвѣтилъ на него; затѣмъ, будучи «веселъ и въ духѣ», онъ много говорилъ

---

[1]) Безбородко Я. И. Булгакову 22-го декабря 1791 г. (9-го января 1792 г.). („Русскій Архивъ" 1876 г., I, стр. 190), также Арх. кн. Воронцова кн. XIII, стр. 243).

[2]) „Русскій Архивъ", 1876 г., I, 192.

о фузилерномъ полку. Такъ какъ это былъ новый годъ по старому стилю, то онъ принималъ поздравленія отъ многихъ русскихъ генераловъ, обѣдалъ у князя Волконскаго, а вечеръ провелъ вмѣстѣ съ Ржевусскимъ, подольскимъ посломъ Злотницкимъ и брацлавскимъ гражданско-военнымъ коммиссаромъ Моссаковскимъ на балу, который Безбородко далъ мѣстному обществу по случаю заключенія мира. Потоцкому и Ржевусскому, которые жили въ то время вмѣстѣ и всюду вмѣстѣ разъѣзжали, было оказано на этомъ балу всѣми «величайшее вниманіе и почтеніе, преимущественно же генералу артиллеріи». 2-го (13-го) января, во время вторичнаго посѣщенія Потоцкаго Княжевичемъ, въ то время, когда онъ просматривалъ письма, привезенныя курьеромъ изъ Варшавы отъ Ожаровскаго, лакей доложилъ о пріѣздѣ Станислава Потоцкаго. На лицѣ Щенснаго выразилось неудовольствіе, и онъ приказалъ сказать своему двоюродному брату, что, такъ какъ онъ собирается ѣхать къ пани Виттъ, то онъ не можетъ принять его раньше, какъ послѣ полудня.

Впрочемъ, генералъ артиллеріи принялъ двоюроднаго брата любезно; катался съ нимъ, представилъ его знатнымъ лицамъ, между прочимъ Безбородко, но Станиславъ Потоцкій, не довольствуясь сношеніями съ русскими и съ родными, завелъ знакомство съ турками, видался съ драгоманомъ Мурузи и совѣщался съ рейсъ-эффендіемъ. Тогда Безбородко, опасаясь интригъ, велѣлъ Потоцкому тотчасъ уѣхать изъ Яссъ. Пробывъ въ Яссахъ восемь дней и не достигнувъ цѣли, онъ уѣхалъ обратно въ Польшу.

Щенсный-Потоцкій читалъ привезенное ему двоюроднымъ братомъ письмо короля со слезами и колебался, тѣмъ болѣе, что и г-жа Виттъ совѣтовала ему вернуться въ Варшаву. По словамъ посла любельскаго, «его, быть можетъ, удалось бы уговорить, но гетманъ былъ этому помѣхою».

Потоцкій остался непреклоненъ.

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный польскимъ панамъ для возвращенія въ Польшу, прошелъ, и въ засѣданіи 16-го (27-го) января 1792 г. король объявилъ, что они не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты.

Тогда всталъ Нѣмцевичъ:

— Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевусскій находятся въ Яссахъ, въ московскомъ станѣ,— сказалъ онъ. Первый—потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству, второй—сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкевичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они прогоняли отъ границъ польскихъ,

которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ прибѣжищемъ, вторымъ отечествомъ... Они совѣщаются съ министрами, посылаютъ курьеровъ въ Петербургъ и принимаютъ таковыхъ, ... а имъ,—вещь неслыханная,—назначаютъ трехмѣсячный срокъ для того, чтобы они опомнились въ своей ошибкѣ..., къ нимъ дважды посылаютъ курьеровъ, ведутъ съ ними переговоры не какъ съ подданными, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула-ли ихъ ваша кротость, оправдались-ли они въ своихъ поступкахъ? Нѣтъ, ихъ отвѣтъ, въ особенности отвѣтъ Ржевусскаго, наглъ, лживъ и полонъ софизмовъ. Вмѣсто того, чтобы оправдаться и объяснить, почему они находятся въ Яссахъ, они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы...».

Перечисливъ затѣмъ все то, что оба магната получили за свою службу отъ Рѣчи Посполитой и чѣмъ они ей отплатили, сидя за границей и уклоняясь отъ службы, Нѣмцевичъ закончилъ свою рѣчь, требуя наказанія виновныхъ:

«Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары; преступленіе явно, защищать преступниковъ невозможно... Иначе поступокъ Потоцкаго и Ржевусскаго дастъ смѣлость другимъ; если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ или маіоръ, на приказаніе военной коммиссіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ два листа диссертаціи о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончитъ ее заявленіями, что наше правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши, чѣмъ такая конституція и т. п. ... Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ проектъ закона о лишеніи Потоцкаго и Ржевусскаго ихъ должностей и о назначеніи на ихъ мѣсто новыхъ сановниковъ.

Примасъ, братъ короля, князь Четвертинскій, Казимиръ Сапѣга волынскій посолъ Загурскій и вилькомирскій Коссаковскій старались, такъ или иначе, оправдать обвиняемыхъ. Другіе поддерживали Нѣмцевича. Наконецъ краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ назначить эмигрантамъ еще мѣсяцъ сроку для возвращенія въ отечество.

Когда вопросъ былъ поставленъ на голосованіе, то за проектъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектъ Солтыка 59; при секретной же подачѣ голосовъ за Нѣмцевича 51, а за Солтыка 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенсный-Потоцкій и Ржевусскій объявлены лишенными своихъ должностей.

Это засѣданіе сейма, на которомъ не присутствовалъ ни одинъ изъ

Потоцкихъ, продолжалось съ полудня до $11^1/_2$ часовъ ночи и было одно изъ самыхъ бурныхъ.

Послѣ него сеймъ закрылся до 15-го марта.

Бывшій генералъ артиллеріи коронный и бывшій польный коронный гетманъ отнеслись къ закону 16-го (27-го) января пренебрежительно и продолжали именоваться своими титулами. Четвертинскій, Коссаковскій и прочіе ихъ сторонники постарались распространить путемъ печати рѣчи, которыя были произнесены на сеймѣ въ ихъ защиту; нѣкоторые изъ ихъ политическихъ друзей давали имъ письменно самые нелѣпые, сумасбродные совѣты, между прочимъ совѣтовали даже низложить Станислава-Августа или заставить его отречься отъ престола и уѣхать въ Италію.

Потоцкій и Ржевусскій охотно пользовались услугами своихъ друзей, но свои собственные планы по-прежнему держали отъ нихъ втайнѣ.

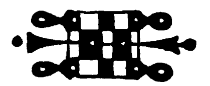
Мощенскій, посолъ брацлавскій, жаловался въ письмѣ къ женѣ Щенснаго, что, не взирая на свои двадцатилѣтнія дружескія отношенія къ Потоцкому, онъ не довѣрялъ ему своихъ политическихъ плановъ, что̀ его оскорбляло, опечаливало и мучило.

«Съ одной стороны мнѣ приходится опасаться преслѣдованія,— писалъ онъ,—а съ другой я вижу, что мною пренебрегаютъ и не довѣряютъ мнѣ».

Въ сущности, не только избранные: Злотницкій, Томашевскій, Сухоржевскій, но и сами руководители не знали хорошенько, какъ и съ чего имъ начать дѣйствовать. На выработанный ими планъ Безбородко отвѣчалъ общими мѣстами; хотя, съ заключеніемъ мира съ турками у него были развязаны руки, но, утомленный дипломатическими трудами, онъ не хотѣлъ «сживая съ рукъ однѣ хлопоты, пуститься въ другія» и входить въ обсужденіе подробностей польскихъ дѣлъ и «при отъѣздѣ полагалъ отдѣлаться отъ поляковъ одними обѣщаніями»; но, получивъ отъ императрицы рѣшительное приказаніе помышлять о сихъ дѣйствіяхъ, рѣшилъ принять планы отъ Ржевусскаго и Потоцкаго «для представленія ко двору» и просилъ Екатерину о дозволеніи имъ пріѣхать для окончательныхъ переговоровъ въ Петербургъ [1]).

Императрица изъявила на это свое согласіе и ожидала польскихъ пановъ въ Петербургѣ въ мартѣ мѣсяцѣ.

В. Тимощукъ.



[1]) Безбородко—графу Завадовскому 22-го ноября (3-го декабря) 1791 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 232).

Пожалованіе генералу П. К. Сухтелену графскаго титула.

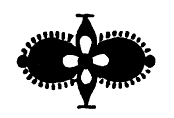
21-го января 1822 г.

Нашему инженеръ-генералу барону фонъ-Сухтелену.

Между отличными заслугами, коими ознаменовано прохожденіе вами многолѣтней государственной службы, мы съ удовольствіемъ видѣли усердіе, съ коимъ вы имѣли попеченіе и о дѣлахъ подвластнаго скипетру нашему великаго княжества Финляндскаго и жителей онаго, въ продолженіе пребыванія вашего по особымъ нашимъ порученіямъ при королевско-шведскомъ дворѣ.

Желая посему оказать вамъ знакъ благоволенія нашего, мы всемилостивѣйше возводимъ васъ со всѣмъ вашимъ потомствомъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство, повелѣвая вамъ представить финляндскому рыцарскому дому о сопричисленіи васъ съ потомствомъ къ финляндскому графскому сословію.

Пребываю императорскою милостію нашею къ вамъ благосклонный.



Артиллерійское училище въ 1845 году.

Въ нашей періодической печати появилось, въ разное время, значительное число статей, описывавшихъ бытъ и нравы прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками; но объ артиллерійскомъ училищѣ, заведеніи оригинальномъ, не подходившемъ подъ общую корпусную мѣрку, намъ не случалось встрѣтить въ литературѣ чего-либо цѣльнаго. Можетъ быть, послѣдующія страницы прочтутся не безъ интереса какъ нашими стариками-товарищами, такъ и тѣми поколѣніями, которыя получили въ училищѣ образованіе и воспитаніе въ позднѣйшее, лучшее время.

Много воды утекло въ 60 почти лѣтъ. Все измѣнилось: и взгляды, и привязанности; но почти всѣ воспитанники прежняго артиллерійскаго училища встрѣчаются, какъ свои, и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о родномъ гнѣздѣ, гдѣ они оперились.

Чѣмъ же особеннымъ отличалось старое училище? Было-ли оно, стараніями начальства, доведено до совершенства въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ? Нисколько; даже напротивъ, это было заведеніе, какъ принято выражаться, распущенное, пользовавшееся фальшивой репутаціей либеральнаго; но, въ сущности, никакого либерализма въ насъ не было и слѣда. Государя Николая Павловича и нашего ближайшаго шефа и покровителя, великаго князя Михаила Павловича, мы обожали и ни о какихъ государственныхъ переустройствахъ не думали.

Были въ жизни училища и темныя, и свѣтлыя стороны; темныя, по свойству человѣческой природы, смягчились, забылись, а свѣтлыя, не-

разрывно связанныя съ памятью о зеленой юности, властно выступили впередъ и побуждаютъ разсказать, возможно правдиво и просто, какъ протекала училищная жизнь того отдаленнаго времени.

I.

До поступленія.

Семейство мое жило въ Таврической губерніи. Отецъ, столбовой дворянинъ стараго закала, внушалъ намъ съ пеленокъ, что святая обязанность дворянина посвятить себя отечеству и престолу, не жалѣя ни жизни, ни трудовъ, ни состоянія; что только этимъ можно поддержать свое имя на должной высотѣ и сойти съ жизненной сцены съ отраднымъ чувствомъ исполненнаго долга.

Гдѣ эти времена, гдѣ эти убѣжденія? А между тѣмъ мы были проникнуты ими до мозга костей и твердо шли по пути, указанному намъ отцами.

Однажды, въ апрѣлѣ 1845 года, мнѣ было сказано, что черезъ три дня мы ѣдемъ въ Петербургъ, для опредѣленія меня въ артиллерійское училище. Я страстно желалъ, по примѣру братьевъ, поступить именно въ это заведеніе, а потому, со свѣтлымъ взглядомъ на будущее, свойственнымъ юности, радостно собрался въ дорогу.

Пріѣхали въ Петербургъ за три мѣсяца до вступительнаго экзамена. Хотя я и былъ приготовленъ уже дома, но отецъ, понимая хорошо, что мнѣ было вредно валандаться такъ долго, опредѣлилъ меня въ пансіонъ, готовившій спеціально юношей въ артиллерійское училище.

Считаю нужнымъ остановиться здѣсь на время въ моемъ разсказѣ и объяснить, чѣмъ артиллерійское и инженерное училища отличались отъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ тѣ времена господства сословныхъ привилегій, въ корпуса могли поступать только дѣти потомственныхъ дворянъ, а предъ юношами безъ имени, будь они хоть семи пядей во лбу, двери были закрыты. Принимали въ корпуса, начиная съ восьми-лѣтняго возраста, безъ экзаменовъ, лишь по правамъ рожденія, и назначали въ классъ, соотвѣтствующій возрасту. Время пребыванія въ корпусѣ не считалось за службу, тѣлесныя наказанія допускались и практиковались въ изобиліи и съ усердіемъ. Со дня своего поступленія, кадетъ понималъ и чувствовалъ, нравственно и физически, что его неумолимый врагъ—начальство; что съ этимъ могучимъ врагомъ всѣ средства борьбы хороши, начиная съ хитрости и обмана, до дерзости. Кадетъ зналъ, что если

его высѣкутъ до полусмерти не за мерзость, а за противодѣйствіе ротному или баталіонному командиру, то онъ не только не упадетъ въ глазахъ товарищей, но пріобрѣтетъ ореолъ героя и мученика за правду. Кадетъ зачастую озлоблялся противъ начальства до невѣроятной степени.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ сдѣлалъ дерзость ротному командиру; его отставили за это отъ выпуска и всыпали какую-то громадную порцію розогъ. Чтобы выразить презрѣніе къ начальству, онъ рѣшился не кричать подъ розгами—и не крикнулъ ни разу, но прокусилъ себѣ руку насквозь.

Артиллерійское и инженерное училища не подчинялись штабу военно-учебныхъ заведеній, а находились въ распоряженіи генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части. Поступали туда не моложе 14 лѣтъ. Начиная съ 16-ти, служба считалась дѣйствительною. Воспитанники носили названіе не кадетъ, а юнкеровъ. Принимали въ училища, по конкурсному экзамену, дѣтей всѣхъ дворянъ, безъ разбора чиновъ; даже незаконнорожденныя дѣти, т. е. безъ имени, проскакивали какимъ-то образомъ. Тѣлесныхъ взысканій не допускалось вовсе.

Всѣ эти отличія составляли предметъ нашей особенной гордости. Назвать юнкера артиллерійскаго или инженернаго училищъ кадетомъ—значило кровно обидѣть его, не потому, чтобы мы презирали самихъ кадетъ, нисколько, но мы презирали условія ихъ жизни и ненавидѣли ихъ начальство. Ненависть эта была такъ сильна, что когда артиллерійское училище перешло, на короткое время, въ вѣдѣніе штаба военно-учебныхъ заведеній, то чуть-чуть не произошелъ бунтъ, который окончился бы для насъ, безъ сомнѣнія, большимъ несчастіемъ.

Въ пансіонѣ мальчики безпрестанно говорили между собою объ училищѣ. Иные восторгались положеніемъ юнкера вообще, другіе указывали, что только одно училище изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній стрѣляетъ порохомъ, изъ настоящихъ орудій, тогда какъ кадеты вооружены чуть не игрушечными ружьями, безъ патроновъ; наконецъ, всѣ трепетали предъ страшнымъ экзаменомъ и передъ перспективой приставанья къ новичкамъ. О гнусномъ приставаньи этомъ ходили между нами самые невообразимые разсказы, которымъ отказывалось вѣрить воображеніе.

Наступилъ наконецъ страшный и торжественный день перваго экзамена. Насъ подняли чуть свѣтъ, вымыли, вычистили и повели къ начальнику пансіона, полковнику Даллеру. Послѣ разныхъ внушеній и совѣтовъ, онъ отправилъ насъ въ училище.

Экзаменной коммиссіи еще не было. Мальчишекъ всевозможныхъ видовъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, набралось болѣе сотни.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ инспекторъ классовъ, а вскорѣ затѣмъ собралась и вся коммиссія. Тутъ были и генералы, и полковники, и статскіе, всего человѣкъ десять.

Отъ страха у меня помутилось въ глазахъ. Особенною свирѣпостью, казалось, должны были отличаться генералы, съ ихъ толстыми эполетами, несоразмѣрно уширявшими плеча. Эти атлеты какъ будто созданы были для того, чтобы проглатывать насъ, маленькихъ, тощихъ, безсильныхъ.

Но вотъ вызвали пятерыхъ; къ каждой доскѣ подошли два экзаменатора, и экзаменъ начался.

Не знаю, долго-ли дожидался я вызова. Отъ ужаса я почти потерялъ сознаніе. Но раздалось наконецъ и мое имя, и я, окончательно обезумѣвъ, пошелъ къ доскѣ. У доски этой стояли какой-то статскій и генералъ.

— Рѣшите слѣдующую задачу,—раздалось у меня въ ушахъ, и статскій написалъ на доскѣ какое-то уравненіе первой степени съ одной неизвѣстной.

Я очень хорошо зналъ алгебру, но стоялъ, какъ пень, ничего не понимая.

— Пропалъ, окончательно пропалъ,—вертѣлось у меня въ головѣ, и холодный потъ выступилъ на лбу.

Вѣроятно, лицо у меня было очень убитое, потому что возбудило сожалѣніе одного изъ генераловъ; онъ пошептался немного со статскимъ, потомъ взялъ меня за руку и отвелъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Посмотрите мнѣ въ глаза, голубчикъ,—сказалъ генералъ, лаская меня по головѣ,—забудьте объ экзаменѣ и поговоримъ.

Я взглянулъ ему въ глаза и прочелъ въ нихъ безконечную доброту.

— Давно-ли вы въ Петербургѣ?—спросилъ генералъ.

— Только три мѣсяца, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, нѣсколько ободряясь.

— А гдѣ ваши родители?—продолжалъ онъ.

— Въ Керчи.

— Такъ порадуйте же ихъ хорошимъ экзаменомъ и не теряйтесь,—сказалъ генералъ, дружески кивая мнѣ головой.

Я совершенно воскресъ, смѣлѣе подошелъ къ доскѣ, взглянулъ на уравненіе, до невозможности легкое, и въ минуту рѣшилъ его.

Пошли затѣмъ другіе вопросы изъ алгебры, геометріи и ариѳметики.

— Хорошо, очень хорошо,—слышалъ я только отъ экзаменаторовъ и въ упоеніи счастья радъ бы былъ оставаться у доски до вечера.

— Довольно, отлично,—сказалъ вдругъ статскій, и я остановился. А между тѣмъ мнѣ многое хотѣлось еще доказать, да потруднѣе что-нибудь, самое трудное.

Пошли ставить баллы, а я все стоялъ на мѣстѣ.

— Вотъ видите,—сказалъ генералъ,—вы получили полные баллы изъ трехъ главныхъ предметовъ, а чуть было не провалились изъ-за лишней робости.

— Вамъ я обязанъ всѣмъ,—произнесъ я сквозь слезы, схватилъ руку генерала и поднесъ, съ чувствомъ благоговѣнія, къ губамъ, но генералъ этого не допустилъ: онъ вырвалъ руку и просто обнялъ меня.

Генералъ этотъ былъ Николай Иларіоновичъ Философовъ.

День за днемъ, недѣля за недѣлей потянулись экзамены. Я ужъ не робѣлъ и окончилъ всѣ испытанія благополучно.

21-го августа намъ прочли списокъ поступившихъ. Я былъ въ ихъ числѣ.

Явиться въ училище велѣно было 25-го августа, въ $7^1/_2$ часовъ утра.

II.

Устройство училища и его составъ.

Прежде, чѣмъ я примусь за продолженіе разсказа, опишу училище съ внѣшней стороны.

Училищное зданіе состояло изъ трехъ этажей. Нижній былъ занятъ канцеляріей, кухнями и другими хозяйственными учрежденіями. Во второмъ и третьемъ этажахъ, въ фасадѣ, обращенномъ къ Невѣ, жили юнкера. Это были камеры.

Все училище дѣлилось на четыре взвода, по 37 человѣкъ въ каждомъ. 1-й и 2-й взводы, состоявшіе изъ самыхъ рослыхъ юнкеровъ, помѣщались во второмъ этажѣ; 3-й и 4-й взводы, составленные изъ малорослыхъ, жили въ 3-мъ этажѣ. Все помѣщеніе состояло изъ небольшихъ комнатъ. Въ самой меньшей стояло 5 кроватей; въ самой большой, называвшейся Москвою, кажется, 12 кроватей. Нѣкоторыя другія комнаты, чѣмъ-нибудь замѣчательныя, носили тоже спеціальныя названія. Былъ, напримѣръ, Воронежъ; были и такія названія, которыя въ печати не высказываются. Вся анфилада комнатъ въ верхнемъ этажѣ называлась Невскимъ проспектомъ.

Передъ каждой кроватью стоялъ столикъ-шкапикъ. Въ нижнемъ шкапикѣ укладывались шинель, новыя брюки и новая куртка. Въ верхнемъ, выдвижномъ, ящикѣ хранились учебники и прочее частное хозяйство юнкера.

2-й этажъ соединялся съ 3-мъ широкою лѣстницей, такъ что сообщеніе было безпрепятственное. Комната дежурнаго офицера находилась во 2-мъ этажѣ, въ сторонѣ, особнячкомъ.

Наверху дежурили офицеры изъ офицерскихъ классовъ. Въ тѣ времена, лучшіе по познаніямъ юнкера старшаго класса, по производствѣ въ офицеры, переходили безъ экзамена непосредственно въ классы офицерскіе (нынѣшняя академія) и лишь по окончаніи двухъ-годоваго курса выходили окончательно изъ разряда школьниковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ молодые офицеры не имѣли никакого начальническаго значенія. Со многими юнкерами они были «на ты» и большею частью шалили вмѣстѣ съ нами.

Въ учебномъ отношеніи училище раздѣлялось на 5 юнкерскихъ классовъ: младшій—5-й и старшій—1-й. Кромѣ того, какъ уже сказано, два офицерскихъ, младшій и старшій. Всѣ курсы были годовые.

Училищная жизнь начиналась рано: въ $5^3/_4$ часовъ били повѣстку. Всѣ дежурные вставали и умывались. Въ 6 били зарю, и дежурные юнкера должны были будить всѣхъ прочихъ.

Въ $7^1/_2$ шли къ столу, а къ 8 въ классы. Утромъ было три урока, по $1^1/_2$ часа каждый. Въ часъ лекціи кончались, и мы спѣшили на строевыя ученья, длившіяся до $2^1/_4$. Въ $2^1/_2$ обѣдъ, въ 5 снова въ классы, до 7. Вечернія лекціи были часовыя. Въ $8^1/_2$ ужинъ, въ 9 часовъ заря и спать.

Въ теченіе дня были для юнкера два трудные момента: вставать въ 6 часовъ никому не хотѣлось, и потому, при тогдашней распущенности училища, бѣдному дежурному офицеру стоило величайшаго труда поднять юнкеровъ съ постели. Нѣкоторыя, правда немногія, личности изъ 1-го и 2-го классовъ спали вволю и вовсе не ходили къ утреннему столу, а въ классы опаздывали на часъ и болѣе.

Другой трудный моментъ—часъ по полудни. Молодымъ людямъ страшно хотѣлось ѣсть, а въ это время ровно ничего не давали; поэтому каждый выносилъ себѣ къ завтраку отъ обѣда предъидущаго дня или гречневую кашу въ заранѣе сдѣланномъ изъ писчей бумаги мѣшкѣ, или котлету, уложенную между двумя кусками ржанаго хлѣба.

Кормили насъ 4 раза въ день: утромъ въ $7^1/_2$ часовъ давали ржаной кофе съ молокомъ и двухъ-копѣечную булку; въ $2^1/_2$ часа обѣдъ изъ трехъ блюдъ; въ 6 часовъ разносили корзинки съ чернымъ хлѣбомъ и въ $8^1/_2$ вечера ужинъ изъ двухъ дрянныхъ блюдъ, состряпанныхъ изъ остатковъ обѣда.

Все съѣстное было приготовлено плохо, кромѣ гречневой каши, макаронъ и маленькихъ слоеныхъ пирожковъ съ вареньемъ или яблоками, составлявшихъ всегда третье блюдо. Въ посту мы рѣшительно голодали и набивали себѣ желудки хлѣбомъ, ситникомъ съ патокой и тому подобной дрянью, купленной потихоньку въ мелочной лавочкѣ. Постились 1-ю, 4-ю и 7-ю недѣли. Говѣли на четвертой.

Училищная іерархія была слѣдующая:

Начальникъ училища.

Строевая часть: батарейный командиръ, 6 дежурныхъ офицеровъ, 1 фельдфебель, которымъ обыкновенно назначался первый ученикъ 1-го класса, затѣмъ 4 старшихъ и 12 младшихъ портупей-юнкеровъ, всѣ изъ 1-го класса, по ихъ бальному старшинству. Каждый старшій портупей-юнкеръ завѣдывалъ взводомъ. Затѣмъ назначались изъ 2-го класса ефрейторы, не имѣвшіе никакой опредѣленной роли, кромѣ дежурствъ.

Классная часть состояла изъ инспектора классовъ, его помощника и класснаго писаря, лица немаловажнаго, державшаго у себя на рукахъ списки съ баллами и экзаменные билеты.

Нашимъ начальникомъ училища былъ баронъ Розенъ, прозванный юнкерами «пихтой», по замѣчательному наружному сходству его съ этимъ деревомъ. Дѣйствительно, угловатый носъ, угловатый подбородокъ, сѣдые и густые волосы, торчавшіе на головѣ, какъ иглы; наконецъ, очень высокій ростъ, совершенно прямой станъ и худоба—все это, взятое вмѣстѣ, давало полное представленіе о хвойномъ деревѣ. Глаза у барона Розена были добрые, предобрые; да и въ самомъ дѣлѣ это былъ замѣчательно добрый человѣкъ, съ рыцарскимъ сердцемъ и безупречнымъ благородствомъ, но слабый умомъ и характеромъ. Когда-то, въ молодости, онъ отличился въ сраженіи и получилъ Георгіевскій крестъ. Человѣкъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія храбрый въ бою, былъ ужаснымъ трусомъ передъ начальствомъ. Отличительною его чертою была невѣроятная разсѣянность, доводившая его часто до нелѣпыхъ положеній.

Такъ, однажды, товарищу моему, Чебыкину, захотѣлось идти въ отпускъ, и вотъ, не долго думая, онъ отправляется къ барону Розену и проситъ уволить его со двора по случаю рожденья тетки. Баронъ, немного поспоривши, согласился, и Чебыкинъ ушелъ въ городъ.

Безцѣльное шатаніе по улицамъ скоро надоѣло нашему охотнику до прогулокъ, и въ пятомъ часу онъ возвратился въ училище. У самаго подъѣзда, какъ на грѣхъ, онъ столкнулся съ барономъ Розеномъ.

— Чебыкинъ, что это вы такъ скоро возвратились?—спросилъ озадаченный баронъ.

— Моя тетушка родилась утромъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Чебыкинъ, никогда не лазившій за словомъ въ карманъ.

— А! утромъ, утромъ,—повторилъ нѣсколько разъ баронъ Розенъ, удаляясь по направленію къ своей квартирѣ, и вдругъ, опомнившись, обернулся и закричалъ:

— Чебыкинъ, какъ утромъ?

Но догадливый юнкеръ уже давно спрятался за дверь и наблюдалъ, что будетъ.

Постоявъ на мѣстѣ съ минуту, баронъ потеръ себѣ лобъ ладонью и спокойно пошелъ домой.

Въ другой разъ какой-то шалунъ пожаловался барону Розену, что на плацу, обращенномъ къ Невѣ, нѣтъ возможности гулять, такъ какъ сквозь желѣзную рѣшетку дуетъ нестерпимый сквозной вѣтеръ. Взволновался баронъ, потребовалъ тотчасъ же полицеймейстера и приказалъ забрать рѣшетку досками; но тутъ же, опомнившись, распекъ шалуна, на чемъ свѣтъ стоитъ, и прогналъ прочь недоумѣвавшаго полицеймейстера.

Во время говѣнья, всѣ наказанные юнкера шли передъ исповѣдью къ барону просить прощенья въ грѣхахъ, и онъ всегда отмѣнялъ взысканія.

При этомъ случаѣ онъ, обыкновенно, бесѣдовалъ съ юнкерами по душѣ, и въ словахъ этого превосходнаго человѣка проглядывало столько истиннаго благородства и любви къ юношамъ, что мальчишки, пришедшіе изъ шалости смѣющимися, выходили часто серьезно задумавшись.

Таковъ былъ баронъ Розенъ; воспоминаніе о немъ, я увѣренъ, вызоветъ теплое чувство въ большинствѣ моихъ товарищей, которые прочтутъ эти строки.

Инспекторъ классовъ, полковникъ Рѣзвой, былъ человѣкъ совсѣмъ иного разбора: строгій, относившійся къ юнкерамъ хотя безъ теплоты, но съ полною справедливостью, онъ заставлялъ себя побаиваться и уважать. Классная часть была въ совершенномъ его распоряженіи, и каждый изъ насъ зналъ это хорошо.

Батарейный командиръ, полковникъ Кузьминъ, могъ служить олицетвореніемъ хорошаго гвардейскаго офицера. Онъ былъ красивъ лицомъ, ловокъ, находчивъ, съ прекрасными манерами и глубокимъ пониманіемъ мелочныхъ требованій начальства. Никогда не унижаясь передъ высшими до грубой лести или угодничества, онъ умѣлъ сдѣлаться ихъ любимцемъ. Съ юнкерами онъ былъ, вообще, добръ, но не всегда безпристрастенъ. Ловкость и свѣтскость нѣкоторыхъ невольно подкупали Кузьмина, и они становились его любимцами.

О дежурныхъ офицерахъ я не стану упоминать въ отдѣльности. Иные изъ нихъ будутъ играть, можетъ быть, нѣкоторую роль въ моемъ разсказѣ, и тогда ихъ характеры выяснятся читателю. Слѣдуетъ только упомянуть теперь, что большинство офицеровъ не имѣло на насъ никакого вліянія и на проступки юнкеровъ смотрѣло сквозь пальцы.

Начальникъ училища заглядывалъ въ камеры весьма рѣдко. Посѣщенія эти были торжественны. Насъ одѣвали въ новыя куртки и разставляли по кроватямъ. Баронъ Розенъ обходилъ комнаты, здоровался и уходилъ, замѣчая иногда, что тотъ-то не выстриженъ, а въ умывальникѣ худо подметено.

Батарейный командиръ бывалъ въ камерахъ раза два въ недѣлю, такъ что вся внутренняя жизнь шла сама собой, на глазахъ у малозначившихъ офицеровъ, обходившихъ училище почти въ опредѣленные часы, два раза въ день.

Понятно, что при такомъ отсутствіи надзора юнкера дѣлали, что хотѣли, и пользовались почти полной свободой.

Но, видно, справедливо мнѣніе, что никакое общество не можетъ существовать безъ верховной власти, и власть эта въ училищѣ, дѣйствительно, существовала—власть строгая, часто безпощадная, всегда бдительная; обмануть ее было невозможно. Власть эта, по традиціи, находилась всегда въ рукахъ старшаго класса.

5-й и 4-й классы были въ безусловномъ подчиненіи у 1-го класса; 3-й классъ пользовался уже бо̀льшею самостоятельностью, а 2-й составлялъ иногда, хотя рѣдко, оппозицію училищнымъ диктаторамъ и враждовалъ съ ними; но борьба всегда оканчивалась не въ пользу либераловъ.

Новички подчинялись безусловно всѣмъ старичкамъ.

Такое распредѣленіе власти имѣло въ себѣ много и тяжелыхъ, и хорошихъ сторонъ. Чрезъ это юнкера одного и того же класса связывались между собою весьма тѣсно общими интересами и становились прекрасными товарищами. Выдать свой классъ считалось величайшею, непростительною низостью.

На 1-й и 2-й классы, какъ на власть имущихъ, смотрѣли съ уваженіемъ, но безъ зависти, потому что каждый понималъ, что, со временемъ, и онъ достигнетъ завиднаго положенія первоклассника. Кромѣ обыкновенныхъ побужденій безостановочно перебираться изъ класса въ классъ, желаніе скорѣе добраться до власти играло въ учебныхъ занятіяхъ немаловажную роль, и учились мы, дѣйствительно, весьма недурно. Я думаю, что если бы кто-либо предложилъ юнкерамъ, даже младшихъ классовъ, перестроить внутренній складъ училища въ ихъ пользу, то они бы отказались, помятуя пословицу: «Корень ученія горекъ, но плоды его сладки». Конечно, замѣчаніе это не касается бѣдныхъ безправныхъ новичковъ.

III.

Первый день въ училищѣ.

Къ $7^1/_2$ часамъ утра, 25-го августа, мы явились въ училище со страхомъ и трепетомъ въ сердцахъ. Насъ повели прямо въ рекреаціонный залъ, для разсчета по взводамъ. Тамъ уже собралось все училище,

въ строю, имѣя старшихъ портупей-юнкеровъ на правыхъ флангахъ взводовъ. Батарейный командиръ покойно стоялъ по срединѣ комнаты, окруженный офицерами. Насъ поставили въ сторонѣ. Сурово глядѣли на новичковъ офицеры; сурово смотрѣли и юнкера. Серьезная, торжественная военная обстановка тяжело подѣйствовала на всѣхъ насъ. Казалось, что въ этой людской стѣнѣ нѣтъ чувства, нѣтъ жалости, нѣтъ сердца.

Насъ разбили по взводамъ. Я, какъ очень маленькій, былъ назначенъ въ 4-й взводъ.

Затѣмъ насъ повели въ классы.

5-й классъ состоялъ исключительно изъ новичковъ. Между нами, одѣтыми еще въ статское платье, красовался только одинъ юнкеръ, высокій, черный, казавшійся далеко не молодымъ; онъ оставленъ былъ за неуспѣхи въ наукахъ. Юнкеръ этотъ, носившій италіанскую фамилію Галеацо и прозванный товарищами Джіова ни Галеацо, дука ди Сфорца, былъ настолько оригиналенъ, что я еще возвращусь къ нему впослѣдствіи.

Едва усѣлись мы скромно на скамейкахъ, какъ въ классъ вошли два юнкера. Одинъ изъ нихъ, широколицый и широкоплечій, высокаго роста блондинъ, со свирѣпымъ выраженіемъ лица, держалъ въ рукахъ нагайку; другой, средняго роста, брюнетъ, съ лисьей физіономіей и злыми черными глазами, помахивалъ линейкой. Какъ я узналъ впослѣдствіи, первый назывался Крутицкимъ, а второй Телеповымъ. Оба были во 2-мъ классѣ.

— Новички, впередъ!—скомандовалъ Крутицкій.

— Въ одну шеренгу стройся!—добавилъ Телеповъ.

Мы повиновались.

— На колѣни!—произнесъ снова Крутицкій.

Мы стали на колѣни.

— Новички,—началъ Телеповъ сладкимъ голосомъ,—мы, старые юнкера, радѣя о васъ, не крещенныхъ еще училищной жизнью, приняли эту обузу на себя. Крестить васъ будемъ огнемъ и мечемъ. Протяните впередъ обѣ руки, ладонями вверхъ.

Мы протянули руки.

Въ ту же минуту послышались два удара, и по классу разнесся нечеловѣческій крикъ. Это Крутицкій и Телеповъ ударили перваго, стоявшаго на колѣняхъ, по рукамъ, одинъ нагайкой, другой ребромъ линейки; да какъ ударили: со всего плеча.

— А! вы орать!—прошипѣлъ Телеповъ со злой улыбкой. Приходите ко мнѣ послѣ классовъ, и я васъ выучу, какъ переносить боль.

Затѣмъ операція продолжалась. Послѣ каждыхъ двухъ ударовъ по классу проносился сдавленный стонъ, и на рукахъ у бѣдныхъ мальчи-

ковъ выступали два багровые, выпуклые рубца. Одинъ Любимовъ, славившійся еще у насъ въ пансіонѣ невѣроятнымъ терпѣніемъ, не проронилъ ни звука, когда его окрестили нагайкой и линейкой.

— Терпѣливъ, не начать-ли съ нимъ снова?—сказалъ Телеповъ.

— Начинайте,—возразилъ Любимовъ,—но я не крикну.

— Нѣтъ, довольно, за что же этому достанется больше?—произнесъ Крутицкій—и по его широкой рожѣ пробѣжалъ, какъ будто, лучъ сожалѣнія.

— Ну, хорошо, я съ вами перевѣдаюсь послѣ самъ,—замѣтилъ Телеповъ и отошелъ къ другому.

Очередь доходила до меня. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Крикнуть, а тѣмъ болѣе заплакать отъ боли считалось для юнкера преступленіемъ; я это зналъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы встрѣтить мужественно грозу.

Въ эту минуту въ классъ вошелъ некрасивый, но необыкновенно стройный блондинъ. Въ каждомъ его движеніи проглядывала сила и ловкость, а лицо дышало энергіей.

— Ну, новый мучитель,—подумали мы.

— Крутицкій, Телеповъ, что это вы тутъ дѣлаете?—произнесъ вошедшій строгимъ тономъ.

— А вамъ что за дѣло,—мрачно отвѣчалъ Крутицкій.—Телеповъ молчалъ; его лисья физіономія выражала досаду.

— Ахъ, какое свинство,—воскликнулъ вошедшій,—обративъ вниманіе на новичка съ опухшими, почти изуродованными руками.

— Не вмѣшивайтесь!—пробурчалъ Крутицкій.

— Ну, нѣтъ; я не позволю. Приставайте благородно, но это просто истязаніе. Не угодно-ли убираться вонъ; а не выйдете—я позову и мой и вашъ классъ, и мы выведемъ васъ не добромъ.

Понуря головы, ругаясь, вышли изъ класса палачи.

— Новички, по мѣстамъ!—скомандовалъ молодой человѣкъ,—и мы вскочили.

Нѣкоторые бросились благодарить его.

— Ну васъ къ черту съ вашей благодарностью!—грубо крикнулъ нашъ спаситель, отталкивая подскочившихъ къ нему, и вышелъ изъ класса.

Въ эту минуту мы обожали этого грубаго, но добраго человѣка. Черезъ нѣсколько часовъ я узналъ, что онъ младшій портупей-юнкеръ моего взвода, Брусницынъ.

Остальное время въ классахъ прошло спокойно. Галеацо, въ качествѣ старичка, роздалъ намъ руководства и письменныя принадлежности и видимо старался сблизиться со своими новыми товарищами.

Окончились наконецъ учебные часы, и мы толпой направились въ камеры. Я шелъ рядомъ съ Любимовымъ, назначеннымъ со мною въ

одинъ взводъ. До верхней площадки мы добрались благополучно; но тутъ встрѣтила насъ цѣлая компанія юнкеровъ, посреди которой находился и Брусницынъ. Одинъ юнкеръ, между прочимъ, очень заинтересовалъ меня, и я сталъ внимательно всматриваться въ его лицо. Онъ былъ очень похожъ на обезьяну, но большіе, ясные черные глаза освѣщали эту некрасивую физіономію и придавали ей что-то привлекательное.

— Что вы вперли въ меня глаза? На кого я похожъ?—спросилъ онъ меня неожиданно.

— На обезьяну,—отвѣтилъ я коротко.

Раздался общій хохотъ.

— Вотъ видишь, Якименко, видно, правда,—заговорили его товарищи.

— Ахъ вы, дерзкій, задамъ я вамъ за это,—обратился ко мнѣ Якименко, стараясь придать своему лицу свирѣпое выраженіе; но его добрые глаза противорѣчили словамъ.

— Однако,—замѣтилъ Брусницынъ,—дерзость новичка не должна оставаться безнаказанной. Его надо судить военнымъ судомъ.

Меня подхватили подъ руки и повели въ камеры.

Хотя внѣшность казалась грозною, но, по улыбающимся лицамъ и доброму ихъ выраженію, я ясно видѣлъ, что это скорѣе шутка, чѣмъ угроза.

Привели меня къ койкамъ. На тюфякахъ усѣлись судьи, а меня поставили между ними по срединѣ.

— Какъ осмѣлились вы, о дерзновенный новичекъ, мнѣ, юнкеру перваго класса и извѣстному красавцу, сказать прямо въ рожу, что я похожъ на обезьяну? Отвѣтствуйте!—сказалъ Якименко, стараясь насупиться.

— Вы сами спросили меня, и я не почелъ себя въ правѣ лгать,—отвѣчалъ я просто.

Новый взрывъ хохота. Тогда, находя меня виновнымъ, судьи приступили къ опредѣленію наказанія.

— Два набрюшника, три наушника и показать ему Москву!—говорилъ одинъ.

— Пять ястребковъ, два рака и загнуть салазки,—добавилъ другой.

— Посадить его въ табуретку, задать китайскаго варенья и выжать масло,—объявилъ третій.

— Три под—ка,—сказалъ Брусницынъ.

— Пропѣть намъ что-нибудь хорошенькое,—высказался самъ Якименко, какъ потомъ оказалось, большой любитель музыки.

Порѣшили, наконецъ, что Брусницынъ, какъ мастеръ этого дѣла, дастъ мнѣ три под—ка, а потомъ я пропою, что умѣю.

Операція даванія под—ковъ состояла въ слѣдующемъ. Мальчикъ

становился спиною къ наказывающему, и тотъ ударялъ его подборомъ ноги въ то злосчастное мѣсто, которое издревле мало уважалось и отвѣтствовало почему-то за всѣ проступки человѣка.

Особенной боли это не причиняло, но ударъ громко раздавался, и паціентъ получалъ впечатлѣніе, какъ бы отъ горчичника.

Нѣкоторые достигали въ этой операціи необыкновенной ловкости; таковъ былъ и Брусницынъ.

Онъ поставилъ меня спиною къ себѣ, оперся рукою на плечо Якименка и влѣпилъ мнѣ такой ударъ, что я отскочилъ впередъ шага на три.

Опредѣленная порція была отпущена; наказуемое мѣсто сильно горѣло, и я долженъ былъ употребить усиліе, чтобы казаться покойнымъ.

— Теперь пойте!—сказалъ Якименко, ставя меня снова между койками.

Я запѣлъ одну хорошенькую малороссійскую пѣсенку. Къ сожалѣнію, я имѣлъ порядочный голосъ; пѣсенка понравилась, и это одно отравило мнѣ первый годъ пребыванія въ училищѣ. Кромѣ дня поступленія, ко мнѣ, собственно говоря, вовсе не приставали; но заставляли пѣть до одуренія, до тошноты.

Не успѣлъ я повторить моей пѣсенки, какъ ударилъ барабанъ. Всѣ встрепенулись.

— Строиться на ученье!—скомандовалъ старшій портупей-юнкеръ, выходя изъ своей комнаты, и взводъ засуетился.

Новичковъ отдѣлили отъ старичковъ и повели особо. Началась скучнѣйшая одиночная выправка. Между окончаніемъ ученья и обѣдомъ прошло не болѣе десяти минутъ. Барабанъ пробилъ къ столу,—бой сладостный для голодныхъ желудковъ юнкеровъ,—и насъ снова начали строить.

— Новичекъ, пришлите мнѣ пирогъ, третій столъ справа, Бурнашеву,—сказалъ какой-то здоровякъ, подходя ко мнѣ.

— А мнѣ пришлите макароны,—добавилъ другой и указалъ свой адресъ въ столовой.

— Однако плохо,—подумалъ я,—придется голодать, а ѣсть хочется, очень хочется.

Насъ повели въ рекреаціонный залъ, раздѣлили на отдѣленія по 10 человѣкъ, и во главѣ каждаго отдѣленія сталъ портупей-юнкеръ. Я опять попалъ, волею судебъ, въ столъ Брусницына.

— На пра-во, шагомъ, маршъ!—скомандовалъ дежурный офицеръ, и вся масса въ 148 человѣкъ повернулась и, притопывая ногами, двинулась въ столовую.

Въ столовой опять билъ барабанъ на молитву. Юнкера, къ неописанному моему удивленію, затянули молитву и пѣли, надо сказать

правду, довольно гадко. Потомъ снова барабанъ, и, наконецъ, мы усѣлись. Оловянная посуда, грубое столовое бѣлье, исковерканные, дрянные ножи и вилки, стаканы баснословной толщины—все было не аппетитно; но вотъ портупей-юнкеръ снялъ крышку съ огромной оловянной миски, взялъ разливательную ложку и налилъ каждому изрядную порцію жиденькаго супа съ маленькимъ кусочкомъ мяса.

Я опорожнилъ мою тарелку въ одну минуту и протянулъ ее Брусницыну.

— Нельзя-ли еще?—спросилъ я его.

— Экъ вы жрете эти помои,—сказалъ онъ,—наполняя снова тарелку супомъ, но уже безъ мяса.

— Поневолѣ будешь жрать помои, когда нужно отсылать макароны и пирогъ,—возразилъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Кому?—спросилъ Брусницынъ.

— Макароны Ильенкову, а пирогъ Бурнашеву.

— Пирогъ Бурнашеву пошлите, онъ перваго класса, а Ильенковъ можетъ остаться и безъ макаронъ, молодъ, четвертакъ, скажите, что я не приказалъ,—заключилъ Брусницынъ. Умильно смотрѣлъ я на слоеный пирожекъ со смородиннымъ вареньемъ, который Брусницынъ самъ передалъ служителю для отправки Бурнашеву, и съ грустью подумалъ, что это можетъ повторяться каждый день.

Обѣдъ кончился, барабанъ забилъ, всѣ встали, пропѣли наскоро молитву и пошли, въ разбродъ, въ камеры.

— Новички,—слышалось въ одномъ концѣ,—несите меня на койку, и четыре новичка, подхвативъ подъ руки и подъ ноги какого-то великана, вѣроятно, не въ мѣру объѣвшагося, потащили его по лѣстницѣ.

Въ другомъ мѣстѣ я замѣтилъ долговязаго юнкера верхомъ на маленькомъ новичкѣ. Мальчикъ выбивался изъ силъ, но сѣдокъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на усталость своей лошадки и подгонялъ ее шлепками.

Когда мы вернулись въ камеры, Брусницынъ позвалъ меня и объявилъ, что назначаетъ меня старостою новичковъ 4-го взвода. Обязанность моя состояла въ томъ, чтобы назначать изъ имѣвшихся во взводѣ новичковъ часовыхъ на лѣстницу, со смѣною черезъ каждые полчаса. Часовой долженъ былъ, завидѣвъ дежурнаго офицера, бѣжать во взводъ и по возможности громко шипѣть звукъ т с с с... И, дѣйствительно, я скоро понялъ самъ, что исправное содержаніе часовыхъ дѣло важное.

Послѣ обѣда юнкера предавались всѣмъ запрещеннымъ училищными правилами наслажденіямъ: курили въ умывальникахъ, или даже просто въ камерахъ, въ открытую трубу; спали преспокойно на койкахъ, снявъ куртки и закрывшись ими, читали романы и проч.

Старые юнкера такъ пріучались къ звуку тсс..., что даже тѣ, которыхъ не могъ разбудить шумъ борьбы, хоровой пѣсни и жаркаго спора, заслышавъ магическій тсс.., вскакивали съ коекъ, какъ встрепанные, хватали куртки и удирали въ умывальники оканчивать туалетъ.

Въ 5 часовъ мы пошли, каждый отдѣльно, въ классы. Лекцій не было, и мы проскучали до 7-ми.

Въ 7 вернулись въ камеры и накинулись на хлѣбъ, который служителя разносили въ это время. Потомъ большинство юнкеровъ усѣлось заниматься у своихъ столиковъ, а свободные и лѣнтяи либо бесѣдовали между собою, либо пѣли хоромъ, и пѣли очень недурно. Въ $8^1/_2$ повели насъ, строемъ, къ ужину, а въ 9, по зарѣ, всѣ должны были лечь въ койки. Дѣйствительно, къ этому времени лампы были погашены, ночники зажжены, и при обходѣ дежурнаго офицера всѣ лежали; но лишь только онъ спустился внизъ, большинство одѣлось, каждый вынулъ изъ шкапика свою свѣчку и занялся, чѣмъ хотѣлъ.

Не могу не сказать двухъ словъ о ночникахъ, игравшихъ въ училищной жизни немалую роль.

Въ высокую и узкую жестяную трубку наливалась вода, въ которую опускалась сальная свѣчка. Сало, какъ вещество легкое, плавало въ водѣ. Верхъ ночника снабженъ былъ абажуромъ. Когда ночникъ мѣшалъ почему-либо юнкерамъ, они просто толкали свѣчку сверху внизъ; свѣчка окуналась въ воду, гасла, и ее не легко было зажечь вновь.

IV.

Новички.

Я описалъ обыденный училищный день. Теперь скажу о положеніи новичковъ вообще. Новичекъ въ училищѣ былъ существомъ довольно несчастнымъ, и жизнь его, при установившейся обычаемъ іерархіи по классамъ, была тѣмъ хуже, чѣмъ классъ былъ ниже. Пятаки были въ полномъ загонѣ; жизнь четвертаковъ была плоха, но сноснѣе; къ тѣмъ же, которые поступали прямо въ 3-й, въ особенности во 2-й классъ, или вовсе не приставали, или приставали очень мало; но такихъ, по трудности вступительнаго экзамена, было немного: во всѣ пять лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ во 2-й классъ поступилъ одинъ человѣкъ.

Каждый старичекъ имѣлъ, освященное обычаемъ и признанное всѣми, право приставать къ новичку, т. е. истязать всевозможными

способами, не переходя, конечно, извѣстныхъ границъ. Большая или меньшая жестокость приставаній зависѣла отъ личнаго состава перваго класса: чѣмъ этотъ классъ былъ лучше, тѣмъ менѣе жестокій характеръ носили на себѣ приставанія. При моемъ поступленіи 1-й классъ былъ прекрасный и самъ приставалъ мало; но слѣдующій, 2-й классъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько экземпляровъ такихъ звѣроподобныхъ людей, какъ Крутицкій и Телеповъ. Къ чести училища должно сказать, что подобныхъ тирановъ было немного и что лучшіе юнкера ихъ же класса, возмущаемые звѣрскими поступками, зачастую вооружались противъ ихъ правъ на безпощадное приставанье; но почти всѣ сходились въ общей идеѣ, что приставать къ новичку, вырабатывать въ немъ терпѣніе и подчиненіе старшимъ классамъ—необходимо.

Откуда взялся этотъ дикій взглядъ и кто провелъ его въ жизнь—неизвѣстно; но въ мое время онъ уже твердо укоренился, а потомъ, какъ я слышалъ, достигъ такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что повлекъ за собою нѣсколько несчастій. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ, начальство, болѣе энергичное и умѣлое, чѣмъ баронъ Розенъ, разомъ вывело гнусный обычай приставанія, отдавъ нѣсколькихъ слишкомъ усердныхъ его поклонниковъ подъ военный судъ. Хотя наказанія, опредѣленныя судомъ, были весьма мягкія, но это образумило молодежь, и приставанія прекратились навсегда.

Какъ примѣръ звѣрскаго приставанія, разскажу одинъ случай.

Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія, я нечаянно наткнулся, въ уединенномъ мѣстѣ, на слѣдующую сцену: Телеповъ и Любимовъ находились вдвоемъ на лѣстницѣ. У Любимова былъ засученъ одинъ рукавъ, и Телеповъ забавлялся тѣмъ, что впускалъ въ мускулы руки иголку, почти съ ушкомъ. Потомъ булавкой, загнутой крючкомъ, онъ зацѣплялъ ушко иголки и вытаскивалъ ее наружу.

Увидѣвъ эту мерзость, я бросился къ Брусницыну, котораго уже привыкъ уважать. Брусницынъ спалъ. Я безъ церемоніи растолкалъ его.

— Что вамъ нужно, какъ вы смѣете меня будить; я васъ такъ вздую за дерзость, что вы своихъ не узнаете!—заоралъ взбѣшенный Брусницынъ.

— Дуйте, но сначала пойдите со мною,—сказалъ я настойчиво.

— Что тамъ такое?

— Не скажу, посмотрите сами, и тогда разсудите, правъ я былъ или нѣтъ, что разбудилъ васъ.

Брусницынъ, видя мое взволнованное лицо, накинулъ на плеча куртку по-гусарски, и мы двинулись.

Когда мы дошли до лѣстницы, гдѣ происходила сцена приставанія, и Брусницынъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло, онъ, какъ тигръ, бросился впередъ. Раздался ударъ, и Телеповъ покатился по ступенькамъ. Въ концѣ

лѣстницы онъ вскочилъ наконецъ на ноги и бросился къ Брусницыну; но лицо Брусницына было такъ страшно, мускулистая рука такъ грозно поднята, что Телеповъ остановился.

— Осмѣльтесь только до меня коснуться, и я убью васъ, какъ собаку!—проговорилъ Брусницынъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

Телеповъ явно струсилъ.

— Еще могу вамъ сказать,—продолжалъ Брусницынъ,—что если вы когда-нибудь тронете этого юнкера, я вздую васъ безпощадно.

Затѣмъ, не обращая болѣе вниманія на Телепова, онъ взялъ за руку Любимова и пошелъ въ камеры.

Послѣ этого случая Любимовъ и я попали подъ особое покровительство Брусницына, и никто уже не смѣлъ насъ тронуть пальцемъ во все время новиціата.

Юнкера 3-го, а тѣмъ болѣе 4-го классовъ, находились сами въ подчиненіи у 1-го класса и боялись совершать жестокости явно. Тѣ изъ юнкеровъ 4-го класса, которые были по природѣ злы, затаскивали новичковъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ потѣшались ихъ страданіями вволю, если, на ихъ несчастіе, не наскакивалъ на эту сцену какой-нибудь юнкеръ перваго или втораго класса. Тогда, зачастую, приставашему приходилось такъ же плохо, какъ и новичку, но жаловаться новичку на старенькаго было невозможно; въ этомъ случаѣ первый остался бы всегда виноватъ, а послѣдній правъ.

Юнкеръ 4-го класса Лейкинъ очень любилъ тиранить новичковъ. Однажды онъ затащилъ въ умывальникъ, въ которомъ въ то время никого не было, самаго славнаго, симпатичнаго мальчика и началъ его бить ключемъ, привязаннымъ на длинный ремешекъ. На несчастіе Лейкина, въ умывальникъ неожиданно вошелъ одинъ изъ грозныхъ портупей-юнкеровъ. Не долго думая, онъ взялъ Лейкина за шиворотъ, нагнулъ къ полу и отпустилъ ему 50 щелчковъ въ ухо. Наказаніе было солидное: долго послѣ того Лейкинъ ходилъ съ распухшимъ ухомъ.

Не стану описывать подробно всѣхъ разнообразныхъ способовъ приставанія, скажу только, что негодяи—я иначе не умѣю ихъ и назвать—въ родѣ Телепова изобрѣтали самые разнообразные способы истязаній; но не всегда могли примѣнять ихъ къ дѣлу, такъ какъ боялись своихъ болѣе благородныхъ товарищей.

Вообще новички подвергались приставаніямъ, особенно въ концѣ года, менѣе, чѣмъ объ этомъ ходили слухи; но исключительныя личности, отличавшіяся дураковатостью, физическою уродливостью, нечистоплотностью, а тѣмъ болѣе какими-нибудь нравственными пороками, служили пищею для безконечныхъ и безпощадныхъ приставаній не только въ первый годъ поступленія, но вплоть до 1-го класса.

Одинъ мой товарищъ одноклассникъ, Жиговскій, былъ малый глупый, безъ самолюбія и страшно нечистоплотный юноша. Въ первый же день поступленія, онъ выворотилъ себѣ въ ладонь варенье изъ слоенаго пирожка, раздѣлилъ пирожокъ по слойкамъ и намѣревался окунать каждый листочекъ слойки въ ладонь, какъ въ чашку; но тутъ же, за столомъ, былъ вздутъ всѣми сидѣвшими съ нимъ старичками. Этого было достаточно. Бѣднаго Жиговскаго заставляли съѣдать и выпивать всякую мерзость, напримѣръ, смѣсь изъ щей, кваса, соли, воды, варенья, лампового масла и т. п., били безпощадно и такъ кормили под—ми, что онъ привыкъ ходить не иначе, какъ по стѣнкѣ, защищая извѣстную часть тѣла естественными преградами.

Жиговскій не окончилъ курса и долженъ былъ выйти изъ 3-го класса по неуспѣшности въ наукахъ.

Много лѣтъ спустя, одинъ изъ приставалъ встрѣтилъ Жиговскаго, уже чиновникомъ, на улицѣ въ Орлѣ.

— Жиговскій, — крикнулъ онъ ему,—становись, я дамъ тебѣ под—ка.

— Тутъ нельзя,—отвѣчалъ Жиговскій,—много народа, совѣстно, а вотъ зайдемъ въ переулокъ.

Они зашли за уголъ, Жиговскій получилъ должное и потомъ, по-пріятельски, пошелъ по городу съ товарищемъ.

Весьма тягостна была для новичковъ обязанность прислуживать старичкамъ по ихъ требованію.

— Новичекъ!—раздавалось по камерѣ, и новичекъ долженъ былъ бѣжать на зовъ.

— Принесите стаканъ воды, набейте папиросы, пришлите мнѣ за обѣдомъ такое или другое кушанье, перепишите тетрадь, сходите къ такому-то за книгой—все долженъ исполнить новичекъ безпрекословно, и такъ какъ новичковъ было мало, а старичковъ много, то на долю первыхъ выпадало вдоволь бѣготни и траты учебнаго времени.

Весь первый годъ новичекъ не смѣлъ курить, ложиться днемъ на постель и разстегивать куртку. Правила эти соблюдались очень строго.

Но и новички имѣли свои, хотя и весьма ограниченныя, но неотъемлемыя права, за нарушеніе которыхъ могли, ничѣмъ не рискуя, вздуть старичка.

Никто не смѣлъ сказать новичку изъ пренебреженія «ты» и, особенно, коснуться до его лица. Одна оплеуха считалась позорною и унижала вновь поступившаго въ глазахъ общества, все же прочее нимало не ложилось на него пятномъ.

Вотъ какія странныя понятія выработались съ годами въ замкнутой училищной жизни.

V.

Строевыя занятія.

Странно и смѣшно вспомнить въ настоящую минуту, какимъ нелѣпымъ строевымъ упражненіямъ предавался въ сороковыхъ годахъ военный людъ. Если учебные шаги въ три, два и одинъ пріемъ были безполезны для пѣхоты, то въ артиллеріи они не имѣли никакого смысла и приносили только вредъ; а между тѣмъ много часовъ убито нами для изученія тонкостей шагистики.

Въ строевомъ отношеніи училище дѣлилось рѣзко на двѣ части: одна составляла строевую батарею, другая пѣшій взводъ, называвшійся, въ насмѣшку, безсмертнымъ или почетнымъ легіономъ.

Дѣленіе это произошло потому, что всей прислуги при 8 орудіяхъ требовалось 88 человѣкъ, да человѣка 4 запасныхъ, а остальные, около 50, оказывались излишними.

Почетный легіонъ составлялся изъ всѣхъ кривыхъ, хромыхъ и малорослыхъ. Можно себѣ представить, какимъ презрѣніемъ, въ строевомъ отношеніи, пользовалась эта достославная команда и со стороны батарейнаго командира, и со стороны тѣхъ юнкеровъ, которые входили въ разсчетъ батареи.

Легіонеры учились отдѣльно и изнывали въ вѣчной стойкѣ и въ изученіи учебныхъ шаговъ. Иногда, въ видѣ праздника, для нихъ приносились въ залъ деревянныя орудія на подставкахъ и какіе-то отрепанные банники для пріемовъ при орудіи.

Проходя мимо учащагося легіона, батарейный командиръ отворачивался съ презрѣніемъ, а шуткамъ и насмѣшкамъ строевыхъ юнкеровъ не было конца.

Всѣ новички зачислялись обыкновенно въ легіонъ и выходили изъ него по мѣрѣ успѣховъ въ шагистикѣ. Были несчастные, остававшіеся все время пребыванія въ училищѣ въ почетномъ взводѣ.

Самая печальная минута для легіонеровъ наступала при выходѣ въ лагерь. Обыкновенно государь пропускалъ мимо себя, у Нарвской заставы, всѣ военно-учебныя заведенія церемоніальнымъ маршемъ. Батарея, во взводной колоннѣ справа, лихо проходила мимо царя, а легіонъ, съ обнаженными тесаками, похожими болѣе на поварскіе ножи, чѣмъ на военное оружіе, ковылялъ сзади, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Даже государь иногда улыбался, глядя на эту гвардію, и никогда не благодарилъ ее.

Но и строевая часть батареи имѣла свои рѣзкія подраздѣленія.

Человѣкъ 6 лучшихъ фронтовиковъ, составлявшихъ строевыя сливки училища, назначались въ царскіе ординарцы и учились совсѣмъ отдѣльно.

Батарейный командиръ холилъ ихъ, можно сказать, ухаживалъ за ними и доставлялъ лишніе отпуска и другія маленькія льготы.

Затѣмъ шли тѣ, которые предназначались для разводовъ. Быть посланнымъ въ разводъ считалось лестнымъ, и мы добивались этого усердными занятіями шагистикою. Если простые юнкера не могли составить хорошаго развода, то съ портупей-юнкеровъ снимались на одинъ день нашивки и они посылались въ разводъ за рядовыхъ.

Не могу не припомнить одного курьеза, случившагося при мнѣ въ училищѣ. Въ день присяги великаго князя Константина Николаевича, велѣно было послать во дворецъ, между прочими, и разводъ отъ училища. Батарейный командиръ засуетился и выбралъ лучшихъ фронтовиковъ. Все обошлось благополучно, и великій князь пожелалъ имѣть дагеротипную (тогда фотографія не была еще извѣстна) группу развода. Начальство снова обезпокоилось, разводъ выстроили въ залѣ, осмотрѣли и нашли нѣкоторыхъ юнкеровъ не довольно красивыми лицомъ для портрета, предназначеннаго великому князю. Былъ составленъ новый взводъ, изъ хорошенькихъ, и группа, снятая съ нихъ, отправлена во дворецъ. Мы много хохотали и прозвали участвовавшихъ въ группѣ присяжными красавцами.

При строевомъ разсчетѣ батареи, уроженцы тихаго Дона и самые здоровенные, но плохіе фронтовики изъ русскихъ, назначались ѣздовыми; лучшіе по фронту нумерами съ банникомъ, съ пальниками и съ трубками. Затѣмъ, между прочей прислугой при орудіяхъ не было большаго различія.

Портупей-юнкера были, большею частью, порядочные фронтовики. Самые видные ставились уносными фейерверкерами, а помельче—орудійными. Фланговыя, т. е. 1-ое и 8-ое орудія, составлялись изъ отборнаго народа.

Настоящія артиллерійскія ученья начинались весною, когда сходилъ снѣгъ. Сначала подъѣзды и отъѣзды и затѣмъ церемоніальный маршъ безъ конца. Ко времени смотра великаго князя Михаила Павловича учились по два раза въ день, при чемъ особенное вниманіе обращалось на быстрое, лихое маневрированіе батареи. И, дѣйствительно, батарея наша была молодецкая. Не успѣетъ командиръ батареи скомандовать: «Съ-передковъ!», какъ уже орудія сняты и выстроены. «На орудія садись!»—и въ одно мгновеніе батарея готова къ движенію съ посаженной прислугой. «Рысью маршъ!»—и мы неслись въ карьеръ. Государь не разъ любовался батареей и благодарилъ Михаила Павловича, котораго мы страшно боялись и вмѣстѣ съ тѣмъ обожали. Угодить ему было особенно трудно. Если онъ бывалъ не въ духѣ, ничто ему не нравилось, и онъ разносилъ всѣхъ, и преизрядно.

Однажды онъ такъ разсердился на училище, что прогналъ его съ

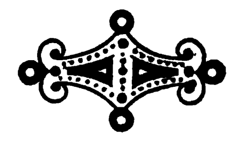
Царицына луга на Преображенскій плацъ, представлявшій изъ себя въ тотъ день море грязи, и велѣлъ учить до вечера.

По этому поводу юнкера сочинили слѣдующее славянское сказаніе, которое читалось нараспѣвъ, по-дьячковски:

«Во едину отъ субботъ, изыде войско преторіанское на ристалище, днесь именуемое Царицынъ лугъ, и бысть тамъ братъ Кесаревъ [1]) съ нѣкимъ фарисеемъ Долгорукимъ [2]). И повелѣ братъ Кесаревъ исторгнути фейерверкеры на линію; и метахуся и не знаша, что творити. И воспыла братъ Кесаревъ гнѣвомъ веліимъ и возгласи: «Что творите, что помышляете, болваны бо есте». И повелѣ братъ Кесаревъ ввергнути сотника Кузьмина [3]) въ темницу арсенальную; войско же преторіанское изгна на ристалище, днесь именуемое Преображенскій плацъ, и повелѣ ему предатися ристанію до нощи. И хождаху воины по морю, аки по суху».

Старый артиллеристъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



[1]) Великій князь Михаилъ Павловичъ.
[2]) Начальникъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, князь Долгоруковъ.
[3]) Батарейный командиръ.

Ложная біографія генерала Ѳ. П. Уварова.

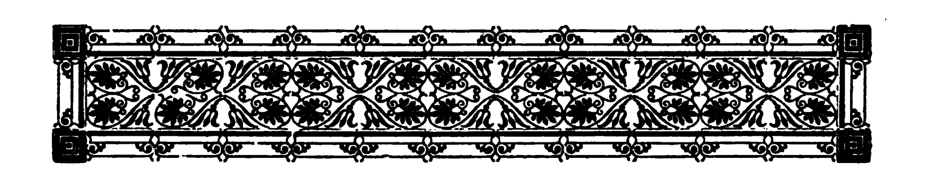
Изъ письма А. А. Закревскаго кн. П. М. Волконскому.

10-го ноября 1822 г.

Увѣренъ будучи, что вы имѣете теперь болѣе свободнаго времени, нежели когда-либо, посылаю вамъ для прочтенія 44-ю книжку журнала «Благонамѣренный». Она вѣрно васъ займетъ, ибо вы въ ней найдете весьма любопытную статью. Это біографія Уварова [1]). Вы, конечно, удивитесь, узнавъ столько чудесъ о его военныхъ подвигахъ, коихъ вѣрно вы и не подозрѣвали; чтеніемъ оной всѣ занимаются и ужасно какъ много раскупаютъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о біографическихъ свѣдѣніяхъ о генералъ-адъютантѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Уваровѣ, помѣщенныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 166—175) къ статьѣ «Возвращеніе императорской россійской гвардіи въ столицу», напеч. въ № XLIV «Благонамѣреннаго» за 1822 годъ. Отзывы князя П. М. Волконскаго и А. П. Ермолова о той же статьѣ см. въ ихъ письмахъ къ А. А. Закревскому отъ 1-го и 15-го декабря 1822 года (Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. LXXIII, стр. 74 и 405).



Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ одному изъ его друзей [1]

(вѣроятно, къ В. А. Жуковскому).

8-го сентября (1800).

Когда кончится это шальное для меня время? Когда попаду я на путь истинный? Еще новый проступокъ! Еще виноватъ предъ тобою!

Какъ бы ты назвалъ это состояніе, въ которомъ я теперь хочу дѣлать и не дѣлаю; хожу задумавшись изъ одного угла въ другой; бѣгаю, какъ бѣшеный, по улицамъ, ругаюсь со всѣми? — Сумасшествіемъ! не такъ-ли?

По крайней мѣрѣ, я чувствую, что это кризисъ, кризисъ для всего меня; рѣшительная лихорадка для моихъ музъ.

Вчера пришелъ ко мнѣ человѣкъ, и проситъ письма къ моему отцу, къ которому я не писалъ уже полгода. Въ первую минуту сердце мое надрывалось отъ радости. Я сажусь за перо, пишу, запечатываю; только осталось отнести къ этому человѣку. Вдругъ приходитъ дьявольская мысль. Вмѣсто того, чтобъ идти на Пречистенку съ письмомъ, я иду . . . . [2]). Письмо не послано. Вечеръ провелъ я чрезмѣрно весело. Не знаю, когда дождутся мои родные что-нибудь о бѣдномъ, разсѣянномъ своемъ родственникѣ, который умѣетъ забавляться насчетъ ихъ скорби, ихъ слезъ!

Вотъ какъ сдѣлался я преступникомъ въ разсужденіи любви сыновней и въ разсужденіи дружбы.

---

[1]) Это письмо Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова (р. 1778 † 1830), извѣстнаго профессора Московскаго университета, находится между бумагами Александра Ивановича Тургенева, любезно сообщенными редакціи „Русской Старины" П. Н. Тургеневымъ. Вѣроятно, оно писано къ В. А. Жуковскому.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

Я слышу, слышу чрезъ двѣ тысячи верстъ [1]), какъ снисходительно, какъ милосердо выговариваетъ мнѣ добрый отецъ мой! Какъ заклинаетъ онъ меня своими лѣтами, своею горестію и своею радостію не забывать его... И три письма летятъ къ нему въ слѣдующую же среду отъ раскаявшагося сына!

Ну! что ты, другъ мой, что ты окажешь мнѣ за то, что я въ другой разъ пропускаю череду свою? Я не дожидаюсь твоего выговора. Вотъ рука: возьми ее въ знакъ, что я люблю тебя. Ну, ругай меня!

Г. лекарь! перемѣни рецептъ свой, который я получилъ отъ тебя въ прошедшемъ письмѣ! Видишь-ли, что онъ или совсѣмъ не дѣйствуетъ, или слишкомъ дѣйствуетъ. Вспомни свои наставительныя слова: что бы была твоя жизнь безъ этого непостоянства, безъ этой безумной пылкости, безъ этой вѣтренности?—Степью, въ коей глаза наши ничего не видятъ, ничего не встрѣчаютъ, кромѣ неба отдаленнаго, безмолвнаго, которое сливается съ горизонтомъ!—То правда!

При всѣхъ моихъ заблужденіяхъ, при всей моей слабости, я все еще чувствую, братъ,—такъ!—чувствую,—что эти слова похожи на степь, въ которой сердца наши ничего не видятъ, кромѣ отдаленнаго неба, которое сливается съ горизонтомъ!!

Надежды! желанія! ты за нихъ стоишь горою [2]), почитаешь ихъ потребностію и сладостію жизни; говоришь, что безъ нихъ она ничто! Espérer c'est jouir! Вѣрю, братъ, вѣрю; но совсѣмъ иначе, нежели какъ ты думаешь. Не чуждайся этихъ головоломовъ, коихъ ты не любишь. Они ломаютъ головы для того, чтобы было легче сердцу. Самая природа—по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ—согласна.

Желать бо̀льшаго безпрестанно далѣе — это врожденное въ насъ свойство. Скучать единообразіемъ натурально для всякаго человѣка. Желать: это даже есть одна изъ нужнѣйшихъ силъ человѣческой души, коя (сила) поддерживаетъ насъ и укрѣпляетъ на тайномъ для самихъ насъ, излучистомъ, но вѣрномъ пути къ совершенству. Я все это допускаю, и видишь-ли, что я все это хвалю еще больше, нежели какъ ты похвалилъ. И при всемъ томъ я съ тобою несогласенъ! Употребимъ твое же сравненіе: мы можемъ уподобиться мореплавателямъ, которыхъ кормчій — надежда, которыхъ попутный вѣтръ — желанія.

---

[1]) А. Ѳ. Мерзляковъ былъ родомъ изъ г. Далматова (Пермской губерніи), гдѣ его отецъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ небогатымъ купцомъ.

[2]) Въ 1800-мъ же году Жуковскій напечаталъ въ „Утренней Зарѣ“ статью „Къ надеждѣ“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. V, стр. 226—227).

Прежде разсмотримъ его:

Такъ! Мы мореплаватели по океану этой жизни! Что есть кормчій, или что долженъ быть кормчій? Тотъ, который знаетъ дорогу, куда ѣхать. Слѣд(овательно) такое существо, которое знаетъ нашу жизнь, нашу пользу, наше опредѣленіе. По-твоему этотъ кормчій—надежда. Что есть надежда? Способность увѣрять самихъ себя въ совершеніи нашихъ желаній, слѣдовательно: она есть сила души, слѣдующая за разумомъ, уже иногда ослѣпленнымъ, иногда здравымъ. Въ первомъ случаѣ облако почитаемъ мы гаванью. Во второмъ не обманываемся, или рѣдко обманываемся.

Ты самъ сказалъ прежде, что желанія все тоже, что и надежды; желанія—у тебя вѣтеръ, который несетъ корабль нашъ: итакъ надежды—тотъ же вѣтеръ!

Чувствуешь-ли свою погрѣшность? Чувствуешь-ли, что надежда не можетъ быть нашимъ кормчимъ? Но для доказательства продолжимъ собственное твое сравненіе.

Положимъ, кормчій корабля—надежда. Но кормчій управляетъ кораблемъ посредствомъ чего? Посредствомъ компаса и морской карты, которая лежитъ передъ нимъ. Вдругъ буря сбиваетъ корабль съ настоящаго, должнаго пути его. Твой кормчій не знаетъ, подъ которымъ онъ небомъ, далеко-ли отъ него подводные камни, мели, куда ему ѣхать, гдѣ сыскать вожделѣнную свою пристань. Но компасъ, если онъ умѣетъ его слушаться и ему слѣдовать, выводитъ его на старую дорогу. Онъ продолжаетъ.

Сверхъ того, — почему желанія наши почитаешь ты вѣтромъ попутнымъ? Познакомься съ человѣкомъ, съ самимъ собою, — съ самимъ собою въ то самое время, когда ты меньше всего на себя жалуешься. Не часто-ли случается, что ты желаешь не того, чего въ самомъ дѣлѣ желать тебѣ должно? Не часто-ли желанія наши, подобно многимъ противнымъ вѣтрамъ, разрываютъ насъ въ разныя стороны и терзаютъ наше сердце? Не часто-ли, подобно роковой бурѣ, одно, впрочемъ самое пріятнѣйшее, желаніе, открываетъ поздно предъ тобою яму, въ кою оно влекло тебя? — Желанія! Человѣкъ — во всѣ времена ребенокъ, во всѣ времена бабочка, обжигающая свои крылья о свѣчку. . . . [1]. И желанія попутный нашъ вѣтеръ!! Доказавъ, что желанія не попутный нашъ вѣтеръ, я докажу тебѣ даже и то, что это и полезно, что онъ не попутный, что желанія суть вихри, которые влекутъ нашъ корабль въ разныя стороны.

Что бы было, если бы всѣ человѣки во всѣ времена, во всякомъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

состоянія, желали достигнуть одного и того же одною дорогою? Отъ этого произошло (бы) то, что бы мы не были любопытны ко всему, что окружаетъ насъ; науки, художества, просвѣщеніе, политика, общество, открытіе новыхъ свѣтовъ, новыхъ небесъ, металловъ, животныхъ, растеній,—этого бы мы ничего не знали! Посмотри на монаховъ, на тѣхъ, кои посвятили жизнь свою одной будущей вѣчности. Можетъ-ли быть сытъ человѣкъ однимъ духовнымъ ихъ хлѣбомъ? Что они сдѣлали для человѣчества? И что бы было, если бы мы всѣ были монахи? Не говори мнѣ о вредѣ, не говори о пострадавшей Америкѣ! Я вѣрю величайшему чудесному Промыслу; въ пространной вселенной упадаютъ царства точно такъ же, какъ упадаетъ съ дерева листъ для того, чтобы, согнивши подъ снѣгомъ зимою, утучнить землю и произвести новыя деревья.

Съ другой стороны: жизнь наша была бы пустынею, бѣдственною, ужасною; человѣкъ, подобно звѣрямъ, ограниченный одиѣми естественными нуждами, скитался бы по лѣсамъ, былъ жертвою непогодъ, бурь и всѣхъ животныхъ. Онъ не исполнилъ бы чрезъ сіе важнаго своего предопредѣленія. Разумъ его былъ бы только инстинктъ, примѣчаемый въ прочихъ животныхъ. Воля его—тигрова ярость. Напротивъ того теперь: желанія—поддерживаютъ его промышленность; промышленность, при частыхъ своихъ проигрышахъ, непримѣтными шагами введетъ въ совершенство его разумъ, который платитъ желаніямъ за свое воспитаніе тѣмъ, что, напитавшись ихъ опытами, усилившись познаніями, воцаряется надъ ними самими и держитъ ихъ въ строгомъ равновѣсіи, чтобы они всѣ дѣйствовали и ни одно не ослабѣвало насчетъ другого. Такъ мудрой государь управляетъ своими подданными, смиряетъ ихъ всѣхъ для ихъ общаго счастія.

Вотъ, братъ, защищаемыя тобою желанія и надежды! Будь увѣренъ, что многіе изъ этихъ сладкихъ писателей, которыхъ ты любишь, желали больше прославиться остроуміемъ или понравиться человѣку, для котораго они пишутъ и котораго они хорошо знаютъ, то есть слабому человѣку, повсемственно слабому (чего требуетъ самая ихъ польза!), понравиться, а не научить его. Ты упираешься на натуру. Для чего обижать ее? Она сама даетъ намъ предаваться безъ осторожности нашимъ желаніямъ. Она непостижимо мудра: у нея-то всякое начало знаетъ свой конецъ. Перемѣняетъ-ли она однажды положенные свои законы? Не наказываетъ-ли она тѣхъ, кои преступаютъ ея повелѣнія? Она велитъ желать и надѣяться, снисходитъ, когда мы нечаянно заблуждаемся, и наказываетъ, когда мы возлюбимъ заблужденіе и отвергнемъ ея посохъ и ея правило.

Я хочу изъ всего вывести то, чтобъ ты не ругалъ гг. головоломовъ-философовъ, чтобъ ты старался утвердить свой характеръ и дру-

гимъ тоже совѣтовалъ утвердить характеръ, значитъ . . . . . . [1]), но ты это самъ знаешь), чтобъ ты зналъ, что благополучіе человѣческое состоитъ въ спокойствіи души и сердца, которое рождается только отъ мудраго управленія самимъ собою; что мы непремѣнно должны имѣть вѣрной компасъ—разумъ, просвѣщенной (еще таки скажу) этими головоломами, ищущими истины, а не педантами, дабы управлять нашими желаніями и сдержать ихъ въ равновѣсіи,—и отдыхать послѣ всего этого на колѣняхъ у надежды.

Система моя вся! По крайней мѣрѣ совѣсть говоритъ мнѣ, что я скорѣе вылечусь, если послушаю самого себя, а не моего снисходительнаго друга. Далѣе, я не стану опровергать твое мнѣніе въ разсужденіи того, гдѣ нашъ мореплаватель лучше можетъ научиться своему искусству, на морѣ, или на берегу; скажу только то: Америкъ Веспуцій зналъ, не пустившись въ море, что есть Америка и что можно открыть Америку, но онъ не въ силахъ начертить маршруту въ Америку, не видалъ, съ кѣмъ онъ встрѣтится, какъ его примутъ [2]), и страдалъ. Подумай осторожнѣе, и ты согласишься вѣрно съ тѣмъ, что сказано въ рузсужденіи сего предмета въ моемъ письмѣ.

Я не помню ничего о моей природѣ, которую ты называешь вѣтреною. Пусть такъ, моя природа вѣтрена! Твоя слишкомъ легка, причудлива и жеманна, потому что она не улетаетъ къ тебѣ въ тихомъ вѣяніи благодати!!! Потомъ подаетъ она сѣмя жизни прожившему уже нѣсколько недѣль младенцу, точно такъ, какъ щенятамъ, по прошествіи нѣскольких недѣль послѣ рожденія, даетъ она глаза! Наконецъ, говоритъ длинную рѣчь, отъ которой я засыпаю.

Весьма хвалю и люблю тебя въ разсужденіи послѣдняго пункта въ твоемъ письмѣ. Въ этомъ потребую твоего учительства, твоего наставленія! Въ этомъ я младенецъ! Но, геній дружества, граціи дружества, покройте меня миртами и лаврами, покоющагося на цвѣтущемъ лугу юности, такъ, какъ священные олимпійскіе голуби покрыли древле Горація, во время его младенчества въ матерней Апуліи; и змѣи, и тигры не прикасались къ нему!

Я повторяю теперь еще послѣднее правило мое въ прошедшемъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Чего на берегу не могъ сказать ни одинъ географъ. Въ разсужденіи жизни имѣемъ мы также только общее правило: пустись въ нее и будешь вѣчно ученикомъ. Наука человѣка, или познаніе о человѣкѣ, столь необходимое въ жизни для всякаго, скажи, гдѣ оно пріобрѣтается: въ классахъ школьныхъ, или изъ опыта? Для чего путешествовали философы, оставляя свои лицеи, свое отечество?

письмѣ и затѣмъ заключаю нашъ диспутъ, если хочешь навсегда—объ этой матеріи. Впрочемъ, поправляй меня—пиши анти-анти-реценцію.

Я слышалъ, что нашъ С. Е—чъ [1]) ѣдетъ въ Малороссію.

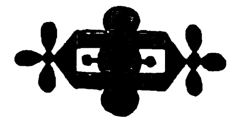
Дай Богъ ему счастія!

Я надѣюсь скоро поправиться въ моей вѣтренности. Скоро примусь за дѣло. Любезный другъ! позови меня къ себѣ, говори со мною! Скажи мнѣ правду о мнѣ самомъ! Это твой долгъ! Я хочу непремѣнно во многомъ перемѣниться, и перемѣнюсь.

А. И. [2]) уѣдетъ въ Питеръ, Родзянко въ Малороссію; переписка наша растянется и будетъ интереснѣе! Будетъ даже вѣрнѣе, потому что тогда сердца наши, не имѣя случая соединяться другъ съ другомъ въ мирной бесѣдѣ, узнаютъ необходимую потребность въ перепискѣ и строже станутъ приказывать намъ исполнять свою должность. Я не пропущу по нуждѣ тогда череды своей. Прощай. А. М.

7-го сентября 1800 г. въ вечеру.

Сообщ. **П. Н. Тургеневъ.**



---

[1]) Т. е. Семенъ Емельяновичъ Родзянко, сотоварищъ Жуковскаго по университетскому благородному пансіону, бывшій секретаремъ „Собранія воспитанниковъ пансіона" и отличавшійся стихотворными дарованіями. Впослѣдствіи Родзянко постигло большое несчастіе: онъ лишился разсудка и, какъ извѣстно, умеръ съумасшедшимъ.

[2]) Т. е. Андрей Ивановичъ Тургеневъ († 8-го іюля 1803 года), другъ Жуковскаго, поступившій на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ [1]).

Раненько утромъ, 9-го апрѣля 1861 г., перешелъ я Волгу, взялъ у часовни тройку вплоть до Майны; къ обѣду былъ тамъ. Въ Майнѣ только-что получили Положеніе. Мужики меня увѣряли, что это отъ того такъ поздно, что Самарская губернія моложе Казанской. Полковникъ, который привезъ Положеніе, вѣроятно, имъ рѣчь держалъ. Рѣчь они поняли такъ, что 19-го числа имъ привезутъ новую волю, третью. Я усумнился, меня увѣряли, что сами слышали, и доказывали тѣмъ, что въ Симбирской и Казанской по три воли читали. Дѣйствительно, у насъ сперва читали манифестъ, потомъ извлеченіе изъ Положеній и, наконецъ, самое Положеніе. Понятно, что и въ Самарской вправѣ третьей воли ждать. Ночевать я проѣхалъ въ Волостниковку къ помѣщику Горлову.

Къ сумеркамъ пріѣхалъ въ Кокряты. Сидора дома нѣтъ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ я.

— Въ конторѣ къ волѣ приписывается.—Истинной воли мужики доискались, такъ теперь всѣ въ конторѣ собрались,—сказала мнѣ баба; помѣщиковъ, слышь, рубить велѣно.

Пошелъ я въ контору. Толпа, шумъ, гамъ, толкотня, какое-то звѣрское ухарство на лицахъ. Сходка о томъ, какъ дѣлить барскую рожь и какъ молотить ее, или по себѣ снопы прямо раздѣлить? Рѣшили обмолотить миромъ.

Прислушиваюсь къ толкамъ: дворянъ рѣзать, вѣшать, рубить топорами; топоры насадить на длинные колья. Вообще размѣръ пугачевщины; старосту прогнали. Какой-то грамотей записываетъ поименно мужиковъ въ истинную волю; а толпа сортируетъ.

---

[1]) Кѣмъ написанъ этотъ разсказъ, намъ неизвѣстно; онъ найденъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ К. В. Чевкина, и хорошо рисуетъ тогдашнее положеніе и настроеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Ред.

*

— Этого, кричитъ, не пиши, онъ все съ господами знакомится, ему и земли не давать!

Тутъ же изъ разговоровъ со многими личностями я узналъ, въ чемъ сила.

Въ селѣ Бездвѣ какой-то старовѣръ, Антонъ Петровъ, въ Положеніи доискался истинной воли, которую до него никто понять не могъ. Именно въ Положеніи, гдѣ напечатанъ «образецъ уставной грамоты», написано: «дворовыхъ 00, крестьянъ 00, земли 00» и т. д. Эти нули Антона не привели въ смущеніе, онъ растолковалъ, что это и есть истинная воля.

Сидитъ Антонъ въ избѣ въ Безднѣ, смотритъ на эти нулики, читаетъ безъ запинки: «помѣщику земли—горы да долы, овраги да дороги и песокъ да камышъ, лѣсу имъ ни прута. Переступитъ онъ шагъ съ своей земли—гони добрымъ словомъ, не послушался—сѣки ему голову, получишь отъ царя награду». Народу такая воля нравилась, со всѣхъ сторонъ стекались толпы слушать истинную волю и приносили съ собою Положеніе, въ которыхъ помѣчалъ, гдѣ находить истинную волю. Такъ проповѣдывалъ Антонъ пять дней сряду. Потомъ онъ распустилъ слухъ, что получилъ отъ царя грамоту и дочитался въ Библіи до пророчествъ. Смѣшавъ то и другое, онъ проповѣдывалъ: «что истинную волю тогда только получите, когда сохраните того человѣка, который найдетъ вамъ ее. Истинная воля до тѣхъ поръ не дастся, пока не прольется много крови христіанской. Крѣпко накрѣпко царь приказалъ того человѣка караулить и денно и нощно, и коннымъ и пѣшимъ, сохранять отъ всякой напасти и не допускать до него ни господъ, ни поповъ, ни чиновниковъ. А паче того его не выдавать и отъ избы его не отходить. Если зажгутъ село съ одного конца, не отходить отъ избы; если зажгутъ село съ другаго конца, не отходить отъ избы. Будутъ къ вамъ проходить и старые и младые, не допускайте до меня и не выдавайте меня. Будутъ васъ обманывать, говорить, что отъ царя пришли, не вѣрьте имъ. Придутъ къ вамъ съ соблазнами старые, придутъ и средніе, придутъ лысые и власатые, и всякіе чиновные, не выдавайте меня. А когда прійдетъ часъ, пріѣдетъ сюда отъ царя младый юноша 17 лѣтъ, на правомъ плечѣ золотая медаль, а на лѣвомъ серебряная, тому повѣрьте и меня выдайте. Станутъ васъ стращать войскомъ, не бойтесь: никто не смѣетъ бить народъ православный безъ царскаго приказа. А если дворяне подкупятъ и будутъ въ васъ стрѣлять, то и вы рубите топорами тѣхъ царскихъ ослушниковъ».

Рѣчь Антона Бездниинскаго передаю вамъ слово въ слово, какъ я слышалъ ее въ Кокрятахъ.

На сходкѣ рѣшили на другой день на барщину не выходить и по бревнамъ растащить барскія усадьбы, потому что Антонъ говоритъ, что всѣ вольны съ 10-й ревизіи уже; а до сихъ поръ дворяне крали волю

и несправедливо заставляли работать, слѣдовательно, съ нихъ надо взыскать.

Отыскалъ я на сходкѣ Сидора. Пока онъ мнѣ приготовлялъ лошадей, я любовался на пугачевщину и восхищался нашимъ начальствомъ. Нѣкоторые мужики представили мнѣ въ лицахъ, какъ изъ Бездны прогнали исправника и предводителя, говорили, что предводителя сожгутъ, и что царь велѣлъ дворянъ не миловать, а головы рубить.

Сидоръ лошадей запрегъ; поѣхалъ я въ Мурасу. Сани чуть двигаются по сухой землѣ; холодненькій вечеръ освѣжилъ мою голову. Страшно стало мнѣ за Молоствова. Сталъ я Сидора разспрашивать, и онъ отъ души вѣрилъ вздору. Жалѣетъ помѣщиковъ, испугался, что его не записали въ истинную волю, къ Антону.

— Пожалуй, говоритъ, земли теперь не дадутъ за то, что я знался съ господами.

Я его урезонивалъ, сколько умѣлъ, не подѣйствовало. Лёгъ было спать въ сани, не спится.... У Молоствова люди тоже взбунтовались, даже дворовые всѣ, какъ я слышалъ въ Кокрятахъ, Сидоръ то же говоритъ.

Молоствовъ человѣкъ отличный, принялъ меня хорошо.... Теперь, быть можетъ, одинъ въ этой передрягѣ, боится и за семью и за цѣлый уѣздъ.... Кто знаетъ, пожалуй и пригожусь, у меня шесть выстрѣловъ въ револьверѣ, силы довольно....

Сидоръ ѣдетъ лѣсомъ, а мнѣ все не спится, все бунтъ у Молоствова на умѣ.... Кто знаетъ, быть можетъ, буду не лишній и удастся отблагодарить за его внимательный пріемъ. А буду лишній, уѣду; пятьдесятъ верстъ крюку немного.... А какъ что-нибудь задержитъ? да въ Мурасу опоздаемъ!! Э! думаю, довѣрительница пойметъ, простятъ, вѣдь не для глупостей ѣду.

— Ворочай, Сидоръ, назадъ!

— Куда?

— Въ Три озера, письмо забылъ тамъ.

Нехотя Сидоръ поворотилъ лошадей, отъѣхали хотя и не такъ много, а въ Кокрятахъ пришлось переночевать.

Пріѣхалъ къ Молоствову.

— Я васъ, Вадимъ Владиміровичъ, пріѣхалъ спросить, какія принимать мѣры, если крестьяне откажутся отъ барской работы. Въ окрестныхъ селахъ перестали ходить на барщину, бунтъ разливается и дойдетъ до Мурасы, настаивать или оставить?

— Оставьте.

— Но вѣдь тогда начнется грабежъ, и вспыхнетъ барская усадьба.

— Что жъ дѣлать, я этого жду каждый день, мы безсильны!

Неутѣшительно, думаю, слушать это отъ предводителя, въ добавокъ

отъ очень умнаго. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ безсильны. Отъ Молоствова узналъ я, что все это правда, что слышалъ я въ Кокрятахъ. Бунтъ поднялся не на шутку. Хоть и слѣдовало бы, да жаль мнѣ было его попрекнуть «кроткими мѣрами», о которыхъ онъ мнѣ читалъ такъ недавно.

Къ нему въ эту ночь пріѣхалъ графъ Апраксинъ, а къ утру прибыла рота солдатъ. Крестьяне, увидя команду, безъ наряду вышли на барщину. Я пріѣхалъ очень кстати; дѣйствительно, Молоствовъ былъ одинъ. Просили меня помочь ихъ горю, отвезти депешу въ Казань къ генералъ-губернатору. Я это принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Подали закуску, пришелъ ротный командиръ, начался маленькій военный совѣтъ. Ротный командиръ хотѣлъ 6 т. народу окружить ста человѣками. Я спросилъ его, ручается-ли онъ за свою роту, что она будетъ дѣйствовать противъ мужиковъ.

— Теперь такое время, что можно ручаться только за самого себя.

Этотъ отвѣтъ до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ.

12-го апрѣля утромъ пришла рота въ Бездну; прибылъ графъ Апраксинъ, Молоствовъ, Шишкинъ, нѣсколько адъютантовъ. Собрались всѣ противъ дома Антона шагахъ въ полутораста. Домъ Антона, дворъ, крыша, вся улица передъ домомъ шаговъ на пятьдесятъ были наполнены народомъ. Стали народъ усовѣщевать, просить, чтобы разошлись, или выдали Антона, долго ихъ просили; но кромѣ крику и грубыхъ выходокъ ничего отъ толпы не добились.

Послѣ залпа все засуетилось, побѣжало, а кому отъ давки нельзя было бѣжать, тѣ кричали· «выдадимъ, выдадимъ!» Пальбу остановили; мужики бѣжать куда попало, много бросилось черезъ рѣку, другъ друга давятъ, бѣгутъ по задамъ, черезъ плетни и повѣти. Изъ избы вывели Антона, державшаго на головѣ Положеніе. Подъѣхали казаки и взяли его.

Антону лѣтъ 35; худой, маленькій, блѣдный, какъ полотно, страшно перепугался; онъ думалъ, что его будутъ тотчасъ же разстрѣливать. Толпа разсѣялась.

Ночевалъ я въ Гусихѣ, три версты отъ Бездны. Антона считаютъ святымъ и разсказываютъ, что на него графъ Апраксинъ надѣлъ свое платье, ордена свои; посадили въ карету и повезли къ царю.

Всѣхъ басенъ вамъ не пересказать, всѣ онѣ потѣшны, всѣ глупы донельзя, и.... все это разсказывается и вѣрится свободными гражданами, къ которыми намъ придется дѣлать полюбовныя сдѣлки!

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Біографическій очеркъ).

1-го мая 1804 года, въ Москвѣ, въ семьѣ богатаго помѣщика среднихъ губерній (Тульской, Рязанской и Смоленской) Степана Александровича Хомякова, родился второй сынъ Алексѣй. Родъ Хомяковыхъ старинный дворянскій. Одинъ изъ предковъ А. С. Хомякова служилъ старшимъ подсокольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и считался даже къ нему особо приближеннымъ [1]). Въ Москвѣ Хомяковы жили на Ордынкѣ, въ приходѣ Георгія на Всполье, гдѣ у нихъ и родился второй сынъ.

Вѣтвь Хомяковыхъ, къ которой принадлежалъ А. С. Хомяковъ, стала богатой, благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ половинѣ XVIII вѣка проживалъ подъ Тулой помѣщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ, владѣвшій большимъ состояніемъ. Онъ схоронилъ подъ старость жену и единственную дочь и остался совершенно одинокимъ, не имѣя близкихъ родственниковъ. Старикъ горевалъ о потерѣ жены и дочери, въ кончинѣ которыхъ онъ видѣлъ руку Промысла Божія,—черта стараго русскаго быта,—и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко думалъ о судьбѣ своихъ крестьянъ, не желая ихъ оставлять на произволъ худаго помѣщика. Наконецъ, онъ рѣшилъ покончить съ тревожившимъ его вопросомъ слѣдующимъ своеобразнымъ способомъ. Онъ собралъ въ с. Богучаровѣ, въ которомъ жилъ, мірскую сходку и объявилъ своимъ крестьянамъ, что Богъ его

---

[1]) Въ семейномъ архивѣ Хомякова хранятся письма царя къ этому подсокольничему, Петру Семеновичу, числомъ шесть, всѣ дѣловаго характера. Они напечатаны въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1862 г., книга I. А. С. Хомяковъ особенно любилъ этого царя и писалъ А. Н. Попову, что онъ готовъ прицѣпить къ нему свое родовое имя (Сочиненія Хомякова, т. VIII (Письма), стр. 230).

наказалъ, лишивъ жены и дочери, и что онъ предоставляетъ крестьянамъ самимъ выбрать себѣ помѣщика, а ему—наслѣдника, съ условіемъ, однако, чтобы таковой былъ непремѣнно изъ рода Хомяковыхъ. Богучаровскіе крестьяне послали ходоковъ искать себѣ помѣщика по Тульской и сосѣднимъ губерніямъ, а, по возвращеніи ходоковъ, снова собралась сходка и объявила, что облюбовала себѣ помѣщикомъ молодаго сержанта гвардіи Ѳедора Степановича Хомякова, двоюроднаго племянника своего барина. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ въ Богучарово избраннаго крестьянами, дотолѣ неизвѣстнаго ему племянника, человѣка небогатаго, и, познакомившись съ нимъ, одобрилъ выборъ крестьянъ. Ѳедоръ Степановичъ оказался хорошимъ и домовитымъ хозяиномъ, человѣкомъ добраго нрава и разсудительнымъ.

Старикъ сдѣлалъ въ его пользу завѣщаніе и могъ умереть спокойно, зная, что передаетъ крестьянъ въ надежныя руки. Добрая слава о новомъ богучаровскомъ помѣщикѣ распространилась далеко, и онъ сталъ извѣстенъ во всей губерніи. Въ 1787 г., когда императрица Екатерина II, принимая, проѣздомъ черезъ Тулу, мѣстныхъ дворянъ, собравшихся для ея встрѣчи, посовѣтовала открыть заемный банкъ, для воспособленія ихъ нуждамъ по сельскому хозяйству, ей отвѣчали: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ, онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себѣ, во временное владѣніе, разстроенныя имѣнія и потомъ возвращаетъ назадъ [1]).

Устроенное и умноженное состояніе было оставлено Ѳедоромъ Степановичемъ своему единственному сыну Александру, женившемуся на Настасьѣ Ивановнѣ Грибоѣдовой [2]). Сынъ не былъ похожъ на отца: кутила и псовый охотникъ, нрава необузданнаго и разгульнаго, онъ всю осень проводилъ въ отъѣзжихъ поляхъ и мало занимался хозяйствомъ, которое и стало приходить въ разстройство.

У него также былъ одинъ только сынъ, Степанъ Александровичъ, получившій хорошее, по своему времени, образованіе, отлично знавшій французскій языкъ и французскую словесность. Онъ принималъ живое участіе въ литературномъ движеніи своего вѣка, но, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ слабохарактерный, страстно любившій картежную игру. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Кирѣевской, дѣвушкѣ не молодой, но весьма красивой, обладавшей умомъ и характеромъ. Она имѣла большое вліяніе на воспитаніе

---

[1]) В. Лясковскій. «А. С. Хомяковъ. Его жизнь и сочиненія», Москва, 1897, стр. 5 и 6.

[2]) Имѣніе Липицы, Смоленской губ., было получено ею въ приданое. Она приходилась сродни извѣстному автору «Горя отъ ума». См. прим. къ стр. 9-й VIII т. Сочиненій А. С. Хомякова (Москва. 1900).

сыновей, съ раннихъ лѣтъ много читавшихъ, благодаря богатой библіотекѣ отца. Отецъ особенно любилъ младшаго сына, Алексѣя, и гордился его дарованіями и литературными способностями. Критическіе отзывы о первой трагедіи сына «Ермакъ» волновали его гораздо болѣе, чѣмъ самого автора. Съ сыновьями онъ переписывался по-французски. Крупный проигрышъ мужа, въ московскомъ англійскомъ клубѣ, заставилъ Марью Алексѣевну Хомякову взяться за управленіе дѣлами, ради сохраненія состоянія для дѣтей (мужъ ей передалъ бо̀льшую часть своихъ имѣній). Благодаря ея энергіи и настойчивости, долги были уплачены, имѣнія приведены въ порядокъ, а дѣти могли получить значительное состояніе. Но супруги послѣ этого разстались, жили врозь и рѣдко видѣлись.

Но когда Степана Александровича поразилъ нервный ударъ и онъ впалъ въ дѣтство, жена взяла его къ себѣ въ Богучарово и заботливо за нимъ ухаживала до самой его смерти, послѣдовавшей черезъ два года, въ апрѣлѣ 1836 года.

А. С. Хомяковъ, почитавшій свою мать и покорно переносившій всѣ ея капризы, такъ о ней отзывался: «Она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ, во всей его оригинальности—вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители того времени похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которая, конечно, не совсѣмъ принадлежала тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда ея частнымъ дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ» [1]).

Мы знаемъ мало о дѣтствѣ А. С. Хомякова. Извѣстно только, что во время нашествія Наполеона вся семья уѣхала въ рязанское имѣніе, с. Круглое, Данковскаго уѣзда, гдѣ и прожила зиму войны, въ сосѣдствѣ близкой знакомой Хомяковыхъ Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, получая отъ нея свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Событія отечественной войны живо отразились на пылкомъ воображеніи 8-милѣтняго мальчика, потому что сыновья Степана Александровича Хомякова росли и воспитывались не совсѣмъ такъ, какъ большинство дѣтей тогдашняго зажиточнаго дворянства. Они не были отчуждены отъ русской жизни и старины и на каждомъ шагу въ своемъ домѣ видѣли

---

[1]) Это писалъ Хомяковъ послѣ смерти матери въ 1857 г. С. Т. Аксакову. (Сочин., т. VIII, стр. 341).

живые слѣды ея и свѣжія преданія. Въ началѣ 1815 года вся семья изъ Липицъ (Смоленское имѣніе) поѣхала въ Петербургъ [1]). По дорогѣ вездѣ на почтовыхъ станціяхъ встрѣчались портреты Георгія Чернаго, и память о сербскомъ народномъ героѣ и разсказы о немъ врѣзались въ голову развитаго не по лѣтамъ мальчика [2]).

Дорогой въ Петербургъ братья Хомяковы Өедоръ и Алексѣй толковали о томъ, что ихъ везутъ, чтобы воевать съ Наполеономъ, и когда узнали въ Петербургѣ, что разбитый при Ватерло императоръ французовъ отправленъ на островъ св. Елены, старшій братъ, Өедоръ, спросилъ младшаго: «Съ кѣмъ же теперь мы будемъ драться?» — «Стану бунтовать славянъ»,—отвѣчалъ одиннадцатилѣтній Алексѣй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали въ немъ гоненій и принужденій, ради перемѣны вѣры, рѣшившись претерпѣть даже мученичество, чтобы не принимать чужаго закона [3]).

На образованіе братьевъ Хомяковыхъ Өедора и Алексѣя было обращено тщательное вниманіе, особенно по части языковъ. А. С. Хомяковъ въ юные годы отлично зналъ новѣйшіе языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, а также усердно занимался латинскимъ, подъ руководствомъ аббата Буавена (Boivin), жившаго въ ихъ домѣ. Пятнадцати лѣтъ онъ перевелъ «Германію» Тацита [4]) и усердно упражнялся въ передачѣ стихами произведеній Виргилія и Горація; ода послѣдняго Parcus deorum была имъ переведена даже два раза. Въ Петербургѣ братья Хомяковы обучались русской словесности у довольно извѣстнаго драматическаго писателя А. А. Жандра, друга Грибоѣдова. Весьма вѣроятно, что взгляды автора «Горе отъ ума» оказали вліяніе на складъ убѣжденій А. С. Хомякова и были одною изъ причинъ его недовѣрчиваго отношенія къ благимъ послѣдствіямъ всѣхъ преобразованій Петра [5]).

---

[1]) Московскій домъ Хомяковыхъ сгорѣлъ во время нашествія французовъ.

[2]) По свидѣтельству П. И. Бартенева, самъ А. С. Хомяковъ говаривалъ, что первая мысль о славянахъ была ему внушена лубочными портретами сербскаго вождя Георгія Чернаго на почтовыхъ станціяхъ. См. его Біограф. воспоминанія въ «Русской Бесѣдѣ» за 1860 г., № 2, стр. 30 и 31.

[3]) Біографическія воспоминанія П. И. Бартенева (тамъ же).

[4]) Его переводъ былъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», за 1821 г.

[5]) Это мнѣніе высказано біографомъ Хомякова В. Лясковскимъ (стр. 9 его книги). Оно опровергается проф. Кіевской духовной академіи В. З. Завитневичемъ («Алексѣй Степановичъ Хомяковъ», томъ I, книга 1-я, прим. къ стр. 96). То же мнѣніе высказано проф. Завитневичемъ въ его работѣ «Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности», Кіевъ. 1891, стр. 17–18. Ссылаясь на труды Пыпина и Н. Барсу-

По возвращеніи въ Москву, гдѣ они прожили двѣ зимы, ученіе продолжалось подъ руководствомъ доктора философіи А. Г. Глаголева, жившаго въ домѣ Хомяковыхъ, при чемъ оба Хомяковы пользовались уроками нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета—математику имъ преподавалъ П. С. Щепкинъ [1]), а словесность—Мерзляковъ. Въ Москвѣ Хомяковы брали уроки и учились вмѣстѣ съ братьями Веневитиными (Дмитріемъ и Алексѣемъ), что̀ и послужило основаніемъ къ ихъ взаимной дружбѣ.

Опредѣлившись затѣмъ въ Московскій университетъ вольнымъ слушателемъ, А. С. Хомяковъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ. Какъ бы, впрочемъ, ни были значительны услуги, оказанныя въ дѣтствѣ Хомякову его наставниками, но не имъ, конечно, обязанъ онъ былъ той широкой, всесторонней, по истинѣ блестящей эрудиціей, которой приводилъ въ изумленіе современниковъ. Этой послѣдней онъ обязанъ былъ, прежде всего, своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, говоритъ біографъ А. С. Хомякова, проф. Кіевской духовной академіи В. З. Завитневичъ [2]).

Къ этому времени относится и слѣдующій эпизодъ изъ жизни А. С. Хомяковъ. Живя въ Петербургѣ, семья Степана Александровича Хомякова познакомилась съ извѣстнымъ поборникомъ независимости Греціи, графомъ Каподистріей, занимавшимъ постъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что въ 1821 г. вспыхнуло возстаніе грековъ, поднявшихъ оружіе за свою свободу. Во всѣхъ столицахъ Европы появились агенты общества Филеллиновъ, желавшихъ вызвать сочувствіе вліятельныхъ классовъ европейскаго общества. Въ числѣ такихъ агентовъ въ Россіи былъ нѣкто Арбе, домашній человѣкъ у князя Маврокордато и хорошо знакомый съ семействомъ Хомяковыхъ, въ домѣ которыхъ онъ прежде жилъ гувернеромъ. Посѣщая старыхъ знакомыхъ въ Москвѣ, Арбе передавалъ извѣстія о ходѣ греческаго возстанія, а бывшій его воспитанникъ, А. С. Хомяковъ, жадно слушалъ эти разсказы и, наконецъ, пожелалъ бѣжать изъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы драться за грековъ и бунтовать славянъ. У него завязались съ Арбе тайныя сношенія; послѣдній поддерживалъ намѣреніе А. С. Хомякова (ему было тогда всего 17-ть лѣтъ) и досталъ ему фальшивый паспортъ. Съ этимъ паспортомъ и 50-ю рублями денегъ, а также купленнымъ имъ

кова, онъ доказываетъ, что протестъ противъ рабскаго подражанія всему иноземному былъ общее явленіе того времени (Погодинъ, Кубаревъ, Надеждинъ, Сахаровъ) и что едва-ли Грибоѣдовъ могъ имѣть прямое вліяніе на складъ убѣжденій Хомякова.

[1]) Пріятель С. Т. Аксакова.

[2]) „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ“, томъ I, стр. 97.

засапожнымъ ножемъ, поздно вечеромъ, А. С. Хомяковъ бѣжалъ изъ родительскаго дома (на Кузнецкомъ мосту). Планъ побѣга держался въ строгомъ секретѣ, въ него былъ посвященъ только Арбе и старшій братъ Ѳедоръ. Но старый дядька Хомяковыхъ, Артемій, давно уже подозрѣвалъ младшаго барчука въ какихъ-то затѣяхъ и зорко за нимъ слѣдилъ. Смущенный его долгимъ отсутствіемъ въ этотъ вечеръ, онъ далъ знать старому барину, сидѣвшему въ англійскомъ клубѣ, что уже полночь, а «дитя» еще не возвращается. (Артемій звалъ Алексѣя Степановича «дитей», хотя ему было 17-ть лѣтъ). Встревоженный отецъ немедленно вернулся домой и, узнавъ изъ допроса старшаго сына о побѣгѣ Алеши, разослалъ людей для поимки бѣглеца, который и былъ задержанъ за Серпуховской заставой. Приведенный домой, Алексѣй Степановичъ не былъ, однако, наказанъ, хотя старшему брату Ѳедору досталось за то, что не остановилъ младшаго [1]). Это обстоятельство имѣло, впрочемъ, слѣдующее значеніе: въ семьѣ Хомякова было рѣшено, что Алексѣй Степановичъ имѣетъ призваніе къ военной карьерѣ, и молодой кандидатъ Московскаго университета былъ опредѣленъ весною слѣдующаго 1822 г. въ стоявшій въ Новоархангельскѣ, Херсонской губерніи, кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ графъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, принявшій, какъ роднаго сына, 18-ти-лѣтняго юношу, котораго къ нему лично привезъ самъ отецъ [2]).

Черезъ годъ А. С. Хомяковъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Отправляясь на службу въ Петербургъ, онъ прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ (1823 г.), гдѣ и познакомился съ А. И. Кошелевымъ, ставшимъ близкимъ къ нему человѣкомъ и другомъ. А. И. Кошелевъ оставилъ о Хомяковѣ весьма цѣнныя воспоминанія [3]). Переѣхавъ въ Петербургъ, Хомяковъ жилъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Ѳедоромъ и познакомился съ другимъ авторомъ воспоминаній Н. А. Мухановымъ [4]), котораго онъ поразилъ при пер-

---

[1]) Разсказъ объ этомъ бѣгствѣ былъ публично изложенъ П. И. Бартеневымъ, въ засѣданіи 6-го ноября 1860 г. Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти А. С. Хомякова. (См. «Біографическія воспоминанія» П. Бартенева, во второй книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1860 г., также у Завитневича «А. С. Хомяковъ», томъ I, книга первая, стр. 86 и 87).

[2]) Воспоминанія графа Д. Е. Остенъ-Сакена первоначально напечатаны въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за 1861 г., № 48, подъ заглавіемъ „Начало самобытной жизни А. С. Хомякова“. Эта статья потомъ перепечатана въ сборникѣ М. П. Погодина „Утро“, Москва. 1866, стр. 426—428.

[3]) Воспоминанія Кошелева напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, за 1879 г., книга третья. Они перепечатаны въ послѣднемъ изданіи сочиненій Хомякова (1890 г.) въ VIII т., посвященномъ его письмамъ, стр. 125—131.

[4]) Н. А. Мухановъ, впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта.

вомъ же знакомствѣ «особенною живостью ума и глубокомысліемъ, не всегда чуждымъ парадоксовъ». Петербургскій періодъ жизни Хомякова ознаменовался его знакомствомъ съ декабристами, съ которыми онъ встрѣчался въ домѣ своихъ родственниковъ Мухановыхъ, и посѣщалъ даже собранія, происходившія у Рылѣева. А. С. Хомяковъ вступалъ съ нимъ въ горячій споръ, утверждая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая—военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться народомъ по своему произволу [1]).

Изъ письма старшаго брата и матери, отъ 2-го февраля 1825 г., видно, что Алексисъ томился въ Петербургѣ, не находя въ немъ пищи своему уму. Онъ желаетъ выйти въ отставку и уѣхать за границу, на что̀ согласился отецъ и чему противилась мать, находившаяся тогда съ больной дочерью за границей. Только благодаря настоянію старшаго брата, любимца матери, она выразила согласіе на это. А. С. вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ и провелъ 1825 и начало 1826 г. Его біографъ, проф. Завитневичъ, говоритъ: «Какая была ближайшая цѣль его поѣздки, мы не знаемъ. Съ увѣренностью, однако, можно утверждать, что она предпринята была не для празднаго шатанья, ибо А. С. Хомяковъ съ презрѣніемъ отзывался о своихъ соотечественникахъ, титулованныхъ и не титулованныхъ, развозящихъ напоказъ всей Европы свою безполезную праздность и полное невѣжество о своемъ отечествѣ и вѣрѣ». По признанію самого Хомякова, онъ «терпѣть не могъ охотниковъ до заграничнаго шатанья, онъ не любилъ людей равнодушныхъ къ знанію тамъ, гдѣ умъ пробужденъ, гдѣ цвѣтутъ или цвѣли науки и художества» [2]).

Служившаго въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ брата онъ тамъ не засталъ (Ѳ. С. Хомяковъ былъ переведенъ по службѣ въ Петербургъ); тѣмъ не менѣе, бо̀льшую часть своего перваго заграничнаго пребыванія Алексѣй Степановичъ провелъ въ столицѣ Франціи, усердно занимаясь живописью въ Академіи. Въ Парижѣ онъ написалъ

---

[1]) В. Лясковскій. „А. С. Хомяковъ. Его жизнь и сочиненія“, стр. 12. Проф. В. З. Завитневичъ въ своей книгѣ объ А. С. Хомяковѣ, томъ I, книга 1-я, стр. 93—95, на основаніи матеріаловъ, опубликованныхъ въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ за 1884 г., книга 3-я, стр. 221—223, и 1893 г., книга 2-я, подробно разбираетъ отношенія Хомякова къ декабристамъ. А. С. Хомяковъ даже помѣстилъ два стихотворенія „Безсмертіе вождя“ и „Желаніе покоя“ въ сборникѣ „Полярная Звѣзда“, издававшемся Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). „Желаніе покоя“ было напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1825 г. безъ послѣднихъ 8 строкъ.

[2]) Сочиненія Хомякова, т. VIII, стр. 323. Это письмо Хомякова къ А. Ѳ Гильфердингу помѣчено 1855 годомъ.

стихами свою первую трагедію «Ермакъ» [1]), во время писанія которой часто посѣщалъ театръ и знакомился съ игрою извѣстнаго трагика Тальма.

Окончивъ свою трагедію, А. С. Хомяковъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ Сѣверную Италію, былъ въ Миланѣ, а затѣмъ черезъ земли западныхъ славянъ вернулся въ Россію. Сначала онъ посѣтилъ въ Липицѣ отца, нѣжно его любившаго и принимавшаго близко къ сердцу литературныя произведенія и успѣхи сына, а потомъ отправился къ матери, желая помочь ей въ хозяйствѣ. Но съ матерью онъ тогда не ужился и поѣхалъ черезъ два мѣсяца къ брату въ Петербургъ, гдѣ и поселился.

Въ Петербургѣ А. С. Хомяковъ жилъ безъ дѣла, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ его жизни даютъ намъ воспоминанія А. И. Кошелева и Н. А. Муханова. Первый познакомился съ Хомяковымъ еще въ Москвѣ въ 1823 году, въ домѣ Веневитинова, а теперь ближе съ нимъ сошелся. Видались они почти ежедневно или у князя Одоевскаго, или у Е. А. Карамзиной, или другъ у друга. Хомяковъ былъ строгимъ и глубоко вѣрующимъ православнымъ, «а я,—говоритъ Кошелевъ,—заклятымъ шеллингистомъ. Споры у насъ были безконечные». Въ письмѣ къ матери, отъ 28-го мая 1827 года, Кошелевъ даетъ слѣдующую характеристику своего пріятеля: «А. С. Хомяковъ удивительный человѣкъ: свою нравственную страсть онъ доводитъ до послѣдней крайности. Въ большомъ обществѣ, особенно при дамахъ, онъ невыносимъ. Онъ никогда не хочетъ быть любезнымъ, опасаясь когонибудь тѣмъ привести въ соблазнъ. Не только великій постъ, но соблюдаетъ и всѣ прочіе посты, а въ великую пятницу воздерживается даже отъ пищи. Но не подумайте, чтобы онъ былъ святоша (bigot) или фанатикъ. Ни то, ни другое. Онъ находитъ, что такъ нужно поступать по убѣжденію, и вовсе не осуждаетъ, если другіе поступаютъ иначе. Онъ очень образованъ, имѣетъ большія способности къ поэзіи и вообще человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ» [2]). Въ этотъ періодъ петербургской жизни Хомякова постигло первое тяжкое горе—въ мартѣ 1827 года внезапно заболѣлъ и скончался Дмитрій Веневитиновъ, съ

---

[1]) Эта трагедія была поставлена на сценѣ въ Петербургѣ 27-го августа 1829 г. Ермака игралъ Каратыгинъ, котораго, конечно, вызывали. Трагедія была повторена 3-го сентября того же года. Она имѣла успѣхъ; объ этомъ говоритъ не только „Сѣверная Пчела“, похвалившая трагедію Хомякова, но и „Московскій Телеграфъ“ (№ 17-й за 1829 г.), назвавшій эту трагедію пьесой ходульной; отзывъ „Телеграфа“ сильно разсердилъ отца автора, думавшаго поставить пьесу сына на московской сценѣ.

[2]) Н. Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева, т. I, книга вторая, стр. 150.

дѣтства другъ обоихъ Хомяковыхъ, молодой человѣкъ блестящихъ способностей, имѣвшій несомнѣнное поэтическое дарованіе. «За больнымъ ухаживалъ Ѳедоръ Хомяковъ, съ большой заботливостью,—говоритъ Кошелевъ,—а насъ, т. е. своего брата и меня, онъ почти не впускалъ къ больному, находя, что мы очень неловки и только тревожимъ его своимъ уходомъ. Друзья, собиравшіеся въ квартирѣ Хомяковыхъ, жившихъ вмѣстѣ съ Д. Веневитиновымъ, сидѣли въ третьей комнатѣ и отъ нечего дѣлать много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, христіанствѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь Дмитрія Веневитинова въ началѣ не предвѣщала печальнаго конца. Врачъ, за нѣсколько часовъ увѣрявшій, что положеніе его не представляетъ опасности, вдругъ объявилъ, что больной не проживетъ до другаго дня. Тогда А. С. Хомяковъ долженъ былъ приготовить умирающаго къ сознанію своего положенія. Хотя,—говоритъ Мухановъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но одна только тяжелая слеза выкатилась изъ его глазъ, посреди всѣхъ присутствующихъ. Тутъ только я могъ замѣтить силу этого характера, зная, до какой степени нѣжно онъ его любилъ» [1]).

Удрученное состояніе духа Хомякова выразилось въ стихотвореніи «Старость» [2]).

Скорѣй, скорѣй сомкнитесь очи;
Зачѣмъ вы смотрите на свѣтъ?
Часы проходятъ, дни и ночи
И годы за годами вслѣдъ.
А въ мірѣ все, что было прежде,
Желанье жадно, жизнь бѣдна,
И вѣрятъ смертные надеждѣ,
И смертнымъ вѣчно лжетъ она.

Въ Москвѣ, по словамъ М. П. Погодина, было «самое жаркое литературное время». Кружокъ молодыхъ писателей затѣялъ изданіе новаго журнала, который сталъ выходить подъ названіемъ «Московскаго Вѣстника»; редакторомъ его былъ Погодинъ, а его помощникомъ Шевыревъ. Рожденіе новаго журнала было отпраздновано обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ, состоявшимся 24-го октября 1826 года. На этомъ обѣдѣ присутствовали братья Хомяковы. Любопытныя свѣдѣнія объ А. С. Хомяковѣ находятся въ дневникѣ Погодина. Побывавъ у А. С. Хомякова (начало 1828 г.), онъ занесъ въ свой дневникъ: «Простъ, безъ всякихъ претензій, младенчески принимаетъ участіе во многомъ, слѣдовательно,

[1]) Воспоминанія Н. А. Муханова. „Русскій Архивъ“ 1887 г., кн. I.

[2]) Это стихотвореніе напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина за 1827 г., подъ названіемъ „Старость“. Оно перепечатано въ Сочиненіяхъ Хомякова (изд. 1900 г.), т. IV, стр. 401, въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими ранними стихотвореніями, не вошедшими въ сборникъ 1888 г.

имѣетъ много піитическаго начала въ этомъ отношеніи»[1]). Послѣ одного устроеннаго имъ ужина Погодинъ отмѣчаетъ, что Хомяковъ имѣетъ весьма обширныя свѣдѣнія по исторіи древней и о древнихъ религіяхъ. Начитанность Хомякова по этой части даже сконфузила М. П. Погодина, и онъ въ душѣ «стыдился своего невѣжества»[2]).

Когда началась турецкая война 1828—29 гг., Ѳ. С. Хомяковъ уѣхалъ на Кавказъ въ дипломатическую канцелярію графа Паскевича, своего родственника[3]), а А. С. Хомяковъ вступилъ снова въ военную службу, въ гусарскій Бѣлорусскій принца Оранскаго полкъ, состоялъ адъютантомъ при князѣ Мадатовѣ[4]), принималъ участіе въ дѣлахъ, отличился (подъ нимъ была ранена лошадь), былъ представленъ къ ордену Владиміра, но получилъ Анну съ бантомъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, для свиданія съ родителями. Послѣ заключенія Адріанопольскаго мира, онъ вторично, и на этотъ разъ окончательно, вышелъ въ отставку и проводилъ зиму въ Москвѣ, а другую половину года жилъ въ деревнѣ.

Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ слѣдующее: «Свидѣлся я съ нимъ (т. е. съ Хомяковымъ) въ Москвѣ, въ началѣ 1833 года. Мы часто видались у него, у меня, а особенно у И. В. Кирѣевскаго, жившаго у Красныхъ Воротъ, съ своей матерью А. П. Елагиной[5]), которую мы всѣ любили и глубоко уважали. Тутъ бывали нескончаемые споры, начинавшіеся вечеромъ и кончавшіеся позднею ночью и подъ утро. Тутъ развивалось и вырабатывалось то направленіе православно-русское, душою котораго и главнымъ двигателемъ былъ Хомяковъ. Многіе изъ насъ,—продолжаетъ Кошелевъ,—въ началѣ были ярыми западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ, душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей церкви надъ ученіями католичества и протестантства».

Въ 1834 году Хомяковъ встрѣтилъ въ Москвѣ племянницу Пашко-

---

[1]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга вторая, стр. 187.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ примѣчаніи къ письму А. С. Хомякова къ брату, изъ Парижа отъ 25-го февраля 1826 г., сказано, что Ѳ. С. Хомяковъ, служившій по дипломатическому вѣдомству, перешелъ на службу въ канцелярію своего родственника (по бабкѣ Грибоѣдовой) графа Паскевича. Лѣтомъ 1829 г. Ѳ. С. Хомяковъ умеръ на Кавказѣ. Смерть его до такой степени поразила брата, что даже опасались за его жизнь. Соч. Хомякова, т. VIII (Письма), изд. 1900 г., прим. къ стр. 9.

[4]) Кн. Мадатовъ, командиръ 3-й гусарской дивизіи, умеръ 4-го сентября 1829 г., и Хомяковъ, высоко его цѣнившій, принялъ участіе въ составленіи его біографіи.

[5]) Она носила эту фамилію по второму мужу.

выхъ, Зинаиду Николаевну Полтавцеву, влюбился въ нее и сдѣлалъ ей даже предложеніе. Предложеніе было отклонено, хотя она замужъ не вышла и сохранила о немъ добрую память.

Два года спустя, 5-го іюня 1836 г., А. С. Хомяковъ женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, которая вполнѣ соотвѣтствовала его идеалу русской женщины и жены. Чѣмъ она была для мужа, видно изъ его писемъ и слѣдующаго стихотворенія:

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнею моей,
И ты вошла и тихо сѣла
Въ сіяньи мрака и лучей.
Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело,
Святыня думы безмятежной,
Бѣлѣло чисто и свѣтло.
Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,
Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной
Въ тебѣ сіяло предо мною и т. д. [1]).

Со времени женитьбы и до самой смерти (Хомяковъ умеръ на 56 году жизни, 23-го сентября 1860 г.) внѣшній распорядокъ его жизни почти не мѣнялся. Московскій домъ, въ которомъ проведено было дѣтство, былъ отданъ въ приданое замужней сестрѣ, и А. С. Хомяковъ сначала поселился въ наемной квартирѣ, на Арбатѣ, а потомъ, купивъ у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ домъ, на Собачьей площадкѣ, жилъ въ немъ по зимамъ, до самой кончины. На лѣто, обыкновенно въ началѣ іюня, онъ уѣзжалъ въ деревню, гдѣ заживался до конца осени, занимаясь хозяйствомъ и охотой. Онъ и жена особенно любили смоленское имѣніе Липицы, но жили постоянно въ главномъ имѣніи, подъ городомъ Тулой, Богучаровѣ; тамъ же находилась и мать Хомякова, Марія Алексѣевна [2]).

Она горевала о потерѣ своего любимца, старшаго сына Ѳедора, и, по разсказамъ очевидцевъ, постоянно придиралась къ А. С. Хомякову и журила его, упрекая его за плохое управленіе имѣніями, что̀ было несправедливо, потому что онъ хорошо велъ хозяйство и уплатилъ немало долговъ. Старуха не могла простить младшему сыну, по ея мнѣнію, его либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и нежеланія служить. Сама она доходила во внѣшнихъ выраженіяхъ своей набож-

---

[1]) Это стихотвореніе было написано въ 1837 г. и вошло въ „Сборникъ стихотвореній“.

[2]) Она пережила жену Хомякова и скончалась въ глубокой старости въ іюнѣ 1857 г.

ности до крайнихъ предѣловъ. А. С. Хомяковъ съ покорностью и вполнѣ терпѣливо переносилъ строптивый нравъ матери.

Въ концѣ мая 1847 года онъ вторично отправился за границу съ женой и старшими дѣтьми, посѣтилъ Германію, давно уже интересовавшую его Англію, Францію и Прагу, гдѣ было въ ходу славянское движеніе, и познакомился съ извѣстными Шафарикомъ, Штуромъ и Вячеславомъ Ганкой, въ альбомъ котораго вписалъ слѣдующія строки: «Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всѣхъ славянъ. Если не будетъ сомнѣнія въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ. Только бы не забывать братства. Что я могъ записать это въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье».

Возвратившись въ Россію, Хомяковъ продолжалъ свою обычную жизнь и свою устную проповѣдь. Онъ сталъ во главѣ кружка русско-православнаго направленія, о чемъ и говоритъ Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

По возвращеніи изъ этой заграничной поѣздки, А. С. Хомяковъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» Погодина свое извѣстное «Письмо объ Англіи» [1]), а также написалъ статью о Гумбольдтѣ, въ которой представилъ любопытную оцѣнку философіи Гегеля, воспользовавшись нападеніемъ знаменитаго ученаго на мысль Гегеля о необходимости, управляющей историческими происшествіями. Хомяковъ въ этой статьѣ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Онъ говоритъ въ ней о книгѣ Макса Штирнера, о древней Россіи, о Петрѣ Великомъ, о русскомъ вигизмѣ и отсутствіи въ нашемъ образованномъ обществѣ преданій и т. д.

Статья эта заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней можно видѣть первоначальную программу того направленія, которое позднѣе было разработано, и притомъ болѣе основательно и зрѣло, въ журналѣ «Русская Бесѣда» Хомяковымъ и его единомышленниками.

26-го января 1852 года скончалась супруга А. С. Хомякова; ея смерть глубоко потрясла послѣдняго, по свидѣтельству его друзей, хотя онъ и скрывалъ свое горе отъ дѣтей. Смерть жены, въ его глазахъ, отняла у жизни всю ея прелесть. Въ письмѣ къ П. М. Бестужевой

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1848 г., кн. 7. Перепеч. въ I т. Соч. Хомякова, стр. 105—139.

(сестрѣ жены) онъ говоритъ: «Я знаю, я увѣренъ, что мнѣ ея смерть была нужна, что она хотя и въ наказаніе, но въ то же время послана мнѣ въ исправленіе и чтобы жизнь, лишенная всего, что̀ ее дѣлало отрадной, была употреблена на занятія и мысли серьезныя».

Въ письмѣ къ А. Н. Попову онъ говоритъ: «Я много въ душѣ перемѣнился, жизнь для меня въ трудѣ, а все прочее будто во снѣ» [1]).

По разсказу Кошелева, Хомяковъ, на дѣлаемые упреки, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишетъ, отвѣчалъ: «Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго. Чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ съ перомъ въ рукахъ». Хомяковъ былъ искусный діалектикъ и славился въ московскихъ гостиныхъ и кружкахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ собесѣдниковъ и ораторовъ [2]). Въ послѣднія восемь лѣтъ жизни А. С. Хомяковъ написалъ болѣе, чѣмъ во все остальное время. Къ этому времени относятся его богословскіе труды, стяжавшіе ему громкую извѣстность за границей, въ особенности въ Англіи [3]). Но потребность въ общеніи съ людьми въ немъ была велика, и послѣ смерти жены, когда порѣдѣлъ кругъ близкихъ къ нему людей, мы видимъ Хомякова въ спорахъ съ раскольниками въ Кремлѣ, онъ знакомится и споритъ съ университетской молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній, именно А. Козловымъ и Рыбниковымъ [4]). Новое царствованіе ободрило Хомякова. «Первый высочайшій рескриптъ обрадовалъ Хомякова,—пишетъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе утра послѣ долгой и томительной ночи», и онъ написалъ письмо Я. И. Ростовцеву, когда начались работы редакціонной

---

[1]) Сочиненія, т. VIII, стр. 211. Въ этомъ же письмѣ Хомяковъ говоритъ, что трудится гораздо болѣе прежняго.

[2]) Въ этомъ отношеніи сходятся отзывы людей самаго различнаго образа мыслей, напр. графини А. Д. Блудовой (см. ея письмо къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ 1849 г. (Сочиненія Хомякова, т. VIII, стр. 390) и издателя газеты „Колоколъ“ А. И. Герцена.

[3]) См. некрологъ А. С. Хомякова въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ за 1864 г., а равно отзывы объ Хомяковѣ англійскихъ богослововъ В. Пальмера и Г. Вильямса, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ. Въ 1895 г. Биркбекъ издалъ въ Лондонѣ, по подлинникамъ, письма Хомякова къ этимъ лицамъ, съ своимъ предисловіемъ (Russia and English Church), въ которомъ весьма высоко ставитъ богословскія познанія Хомякова. Десять писемъ къ Пальмеру, въ русскомъ переводѣ, помѣщены во II т. Сочиненій, а письмо къ Вильямсу въ VIII томѣ.

[4]) Статья А. Козлова о Хомяковѣ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1860 г., № 41. Рыбниковъ извѣстный собиратель былинъ Сѣвернаго края.

*

коммиссіи, въ которую онъ однако не былъ призванъ [1]). Въ этомъ письмѣ онъ доказывалъ вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагалъ свой проектъ единовременнаго выкупа, средствомъ для чего могла послужить продажа казенныхъ земель.

Въ это же время онъ усердно работалъ для редакціи близкаго ему по духу и отношеніямъ органа московскихъ славянофиловъ, журнала «Русская Бесѣда», предисловіе къ первой книжкѣ которой было имъ написано.

Въ началѣ сентября 1860 года онъ поѣхалъ съ старшимъ сыномъ, Дмитріемъ, въ рязанское имѣніе, село Ивановское, въ округѣ котораго была холера. Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ уѣхалъ оттуда черезъ нѣсколько дней, оставивъ отца совершенно здоровымъ. Послѣ его отъѣзда А. С. Хомяковъ сталъ писать философское письмо къ Ю. Самарину. Письмо осталось недоконченнымъ, Хомяковъ заболѣлъ холерой и скончался 23-го сентября [2]).

В. Лясковскій, во второй части своей книги «А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія», говоритъ, что желаетъ дать краткій сводъ мыслей А. С. Хомякова, его же словами. Наибольшую трудность при этомъ,—объясняетъ г. Лясковскій,—представляетъ выборъ системы изложенія. Дѣйствительно, Хомяковъ интересовался всѣмъ, занимался многимъ, а его сочиненія изумляютъ разнообразіемъ и даже пестротой содержанія; это обстоятельство извѣстно всѣмъ изучавшимъ его произведенія [3]).

Въ настоящей статьѣ я не думаю обнять все содержаніе того, что говорилъ и писалъ А. С. Хомяковъ. Въ 1846 г. онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: «Надобно и непремѣнно надобно выработать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій и горячій трудъ можетъ это сдѣлать. Насъ очень мало и мы всѣ врозь» [4]).

---

[1]) Письмо къ Я. И. Ростовцеву „Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи" написано и отправлено безъ обозначенія имени въ 1859 г. Оно напечатано по неточному списку въ „Русскомъ Архивѣ" за 1876 г. кн., 1-я. Нынѣ въ исправномъ видѣ напечатано въ Сочиненіяхъ Хомякова (изд. 1900 г.)» т. III, стр. 291 и слѣд.

[2]) О кончинѣ А. С. Хомякова. „Письмо сосѣда-помѣщика" („Русскій Архивъ" за 1879 г., кн. 3). См. также Л. Муромцова „Записка о послѣднихъ минутахъ А. С. Хомякова" въ приложеніи къ т. VIII Сочиненій Хомякова, стр. 50 и слѣд.

[3]) То же говоритъ и другой изслѣдователь жизни и трудовъ Хомякова, проф. Завитневичъ, представившій обстоятельную оцѣнку богословскихъ трудовъ Хомякова и большой почитатель дѣла этого русскаго подвижника мысли.

[4]) Это письмо безъ даты, но изъ содержанія его видно, что оно отно-

Желая почтить память нашего русскаго, по духу и направленію, писателя-мыслителя, постараюсь очертить общій характеръ его умственной дѣятельности, его идей и направленія. Въ недавно изданной въ Москвѣ брошюрѣ, за подписью Д. Х. [1]), сказано: «Настоящее русское направленіе, которое точно можно назвать православно-русскимъ, выработанное въ систему дѣятелями «Русской Бесѣды», было подхвачено, вмѣстѣ со всякими другими, потокомъ событій и стало носиться на поверхности, въ видѣ обрывковъ... Въ этомъ мысленномъ потокѣ, рядомъ съ настоящимъ русскимъ направленіемъ, появились двѣ русскія партіи: русскіе государственники и русскіе народники, которыхъ постоянно смѣшиваютъ не вникающіе въ суть вопросовъ съ такъ называемыми славянофилами, тогда какъ доктрины этихъ партій далеко отходятъ отъ такъ называемаго славянофильскаго ученія и даже едва-ли съ нимъ примиримы по существу». Названіе славянофиловъ было дано въ насмѣшку кружку Хомякова его противниками. Правда, оно было принято и самимъ А. С. Хомяковымъ, который въ статьѣ, напечатанной въ 1847 г. въ «Московскомъ Сборникѣ» [2]), говорилъ: «Нѣкоторые журналы называютъ насъ насмѣшливо славянофилами, именемъ, составленнымъ на иностранный ладъ, которое въ русскомъ переводѣ значило бы славянолюбцы. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе, признаюсь: люблю славянъ», и т. д.; но это только полемическій пріемъ, отнюдь не дающій ключа къ разумѣнію его ученія.

Расовыя симпатіи занимали весьма второстепенное мѣсто въ ученіи Хомякова и въ глазахъ его ближайшихъ учениковъ и единомышленниковъ, а именно А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина и даже К. С. Аксакова,—въ этомъ и заключается ихъ отличіе отъ новѣйшихъ панславистовъ. Ученіе Хомякова гораздо шире и многостороннѣе [3]) и, конечно, можетъ обратить вниманіе и вызвать сочувствіе и за предѣлами славянскаго міра. Зная сущность его ученія и сочувствіе къ религіозному началу въ англійскомъ обществѣ (это обстоятельство вполнѣ установлено рядомъ статей и писемъ), можно сказать, что Хомяковъ

сится къ 1846 г., т. е. ко времени изданія „Московскаго Сборника", органа Хомяковскаго кружка. Письмо это напечатано въ VIII т. Соч. А. С. Хомякова подъ № 9, стр. 264—267. Самаринъ въ это время находился въ Петербургѣ.

[1]) Самодержавіе (опытъ схематическаго построенія этого понятія). Москва. 1903 г., стр. 5—7. Въ этой брошюрѣ изложено ученіе А. С. Хомякова о государствѣ.

[2]) Статья эта озаглавлена: „О возможности русской художественной школы". Соч.; т. I, стр. 73—101.

[3]) На это указываетъ и самъ Кошелевъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ" „Славянолюбіе никогда не составляло самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій",—пишетъ онъ. (Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 126).

ставилъ задачей Россіи примѣненіе христіанскихъ началъ къ общественной и политической жизни.

Ю. Ѳ. Самаринъ, въ своемъ извѣстномъ предисловіи ко второму тому сочиненій (богословскихъ) Хомякова, говоритъ: «Изъ всего написаннаго покойнымъ А. С. Хомяковымъ сочиненія его о предметахъ вѣры, въ особенности же его «Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви» и три полемическія брошюры о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, безспорно, выступаютъ, какъ самые важные, самые полные, капитальные труды его, и они-то менѣе всего у насъ извѣстны. Не многіе ихъ читали, и почти никто не отзывался на нихъ печатно» [1]. Не такъ относились къ нимъ за границей. «Записка Хомякова объ общественномъ воспитаніи въ Россіи» [2]) также весьма замѣчательна, въ ней выражены начала, которыхъ Россіи надо держаться по многимъ вопросамъ ея внутренней политики. Въ этой «Запискѣ» А. С. Хомяковъ блистательно излагаетъ мысль о тѣснѣйшей связи семьи и школы, разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ школѣ и общаго образованія къ спеціальному. «Въ недавнее время,— говоритъ онъ,—проявилось мнѣніе, будто бы университеты можно уничтожить. Это мнѣніе надо отстранить однажды навсегда, и оно отстраняется само собой при малѣйшемъ размышленіи». Или надо отдать преимущество школамъ закрытымъ и огражденнымъ отъ нравственнаго вліянія и надзора семьи и самаго общества, или на первой и высшей ступени должно поставить заведеніе, доступное надзору и нравственному вліянію общества. Первое предположеніе противно здравой логикѣ вездѣ и противно нравственнымъ законамъ въ землѣ, которая признаетъ семью главной своею основой и лучшей порукой своего преуспѣянія и своего духовнаго достоинства. «Необходимость университетовъ и разумность ихъ главныхъ законовъ неопровержима» [3]). Далѣе, разсматривая вопросъ о недостаткѣ у насъ спеціалистовъ, онъ говоритъ: «Спеціальности у насъ ничтожны (писано въ 1858 г.) просто потому, что общее знаніе у насъ ничтожно, уровень нашего просвѣщенія весьма низокъ, умъ лишенъ всякой силы и всякаго на-

---

[1]) Кромѣ проф. В. И. Ламанскаго (см. его вступительное чтеніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, напеч. въ газетѣ „День" И. С. Аксакова за 1865 г.—Это было написано Самаринымъ въ 1867 г., а теперь мы имѣемъ цѣлую литературу, посвященную богословскимъ трудамъ Хомякова, именно статьи свящ. Иванцова-Платонова въ „Православномъ Обозрѣніи", статьи проф. Петербургской духовной академіи Н. И. Барсова въ журналѣ „Христіанское Чтеніе" и кіевскихъ ученыхъ богослововъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" и др.

[2]) Соч. Хомякова, т. I, стр. 351—374.

[3]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 364.

пряженія, и наше совершенное невѣжество прикрыто отъ поверхностнаго наблюденія только одной спеціальностью—знаніемъ современной беллетристики. Университеты наши еще такъ далеки отъ всезнанія, что не всѣ юристы въ состояніи порядочно выразить свои мысли по-русски, а математики и медики, большей частью, не имѣютъ понятія объ исторіи всеобщей и отечественной».

Высказавъ свое мнѣніе объ училищахъ и преподаваніи наукъ, Хомяковъ говоритъ: «Воспитаніе не начинается школой, а также и не кончается ею. Послѣдній и высшій воспитатель есть само общество, а разумное орудіе общественнаго голоса есть книгопечатаніе. Вредъ, происходящій отъ злоупотребленій книгопечатанія, обратилъ вниманіе многихъ и сдѣлался въ послѣднее время предметомъ страха почти суевѣрнаго. Всякая мелочность и подавно мелкій страхъ долженъ быть отстраненъ въ такихъ державахъ, какъ Россія. Цензура должна быть просвѣщенной, снисходительной и близкой къ полной свободѣ. Пусть она смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая свое мнѣніе, говорили отъ разума и обращались къ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ, но пусть она уважаетъ свободу добросовѣстнаго ума. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая и Англіи: ими она живетъ, ими крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно». Хомяковъ указываетъ на вредныя послѣдствія цензуры слишкомъ строгой—это ведетъ къ оскудѣнію русской словесности и мысли, нужныхъ для добросовѣстной критики иноземныхъ вліяній, и высказываетъ при этомъ совершенно вѣрную мысль, что молодое поколѣніе безъ критики, когда жизнь словесная и мысль подавлены, остается безъ защиты отъ вліяній иноземныхъ, а печать иноземная можетъ быть вредна въ произведеніяхъ даже самыхъ невинныхъ, по общему мнѣнію. Такъ, говоритъ Хомяковъ, «Письма изъ Парижа» въ «Revue Etrangère», въ которыхъ старый аристократъ облизывается при воспоминаніи объ ужинахъ Людовика XV, хуже въ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, чѣмъ жалкій бредъ Консидерана или остроумное и странное безуміе Прудона. Для русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру превратенъ; не исправленныя добросовѣстной критикой русской мысли слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ при оскудѣніи отечественнаго слова русскій читатель долженъ по неволѣ пробавляться произведеніями заграничными».

Противъ стѣсняющей мысль излишней строгости цензуры Хомяковъ представляетъ слѣдующія возраженія. Она лишаетъ насъ возможности общественной критики, необходимой для общественнаго сознанія и нужной самому правительству, которое такимъ образомъ лишается

общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда по милости слишкомъ строгой цензуры вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣній по своей прямодушной рѣзкости: лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія [1])».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ А. Д. Блудовой Хомяковъ писалъ: «Вообще, если можно характеризовать однимъ словомъ то, что̀ я называю нашей общей болѣзнью, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она просыпается, но всегда съ просонокъ пойдетъ не туда, куда слѣдуетъ».

До конца 1830-хъ годовъ Хомяковъ печаталъ только стихи. Первая его трагедія, въ стихахъ, «Ермакъ» въ настоящее время представляетъ только біографическій интересъ. Пушкинъ, слушавшій «Ермака», въ чтеніи автора въ домѣ Веневитиновыхъ, въ октябрѣ 1826 г., сказалъ: «Ермакъ» есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но много и стеколъ» [2]). Бѣлинскій также отозвался весьма сурово объ этой трагедіи, замѣтивъ, что «всѣ скоро признали въ его казакахъ не казаковъ XVI вѣка, а скорѣе нѣмецкихъ студентовъ добраго стараго времени; вмѣсто характеровъ увидѣли олицетвореніе извѣстныхъ лирическихъ ощущеній и чувствованій — это пародія на драматическій лиризмъ Шиллера, хотя и написанная бойкими, гладкими и даже иногда живыми стихами» [3]). Другую его трагедію «Дмитрій Самозванецъ», въ 5-ти дѣйствіяхъ, также въ стихахъ, Погодинъ называлъ «исторической хроникой, въ которой нѣтъ драматическаго искусства ни на грошъ, а сцены блестящія и стихъ чудо». «Какая это трагедія!»,—

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 373 и 374.

[2]) «Русскій Архивъ» за 1865 г., ст. 96—99. Чтеніе «Ермака», по требованію Пушкина, происходило послѣ его чтенія «Бориса Годунова». «Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого желалъ Пушкинъ», говоритъ Погодинъ. «Хомяковъ напитанъ духомъ Шиллера, но стихосложеніе его слабое». См. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 30—31, 187.

[3]) Бѣлинскій, Сочиненія, изд. 1885 г., ч. VIII, стр 39.

восклицаетъ Погодинъ, прослушавъ на одномъ вечерѣ ея чтеніе. Князь Вяземскій отнесся къ произведенію Хомякова благосклоннѣе и писалъ И. И. Дмитріеву, отъ 13-го апрѣля 1832 г.: «Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію «Дмитрій Самозванецъ», продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго, вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющій талантъ автора. Онъ отдалъ ее въ печать, и, кажется, она вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами» [1]). Бѣлинскій отозвался объ этой новой трагедіи Хомякова такъ: «Стихи такъ же хороши, какъ и въ «Ермакѣ», мѣстами довольно удачная поддѣлка подъ русскую рѣчь и при этомъ совершенное отсутствіе драматизма» [2]). Печать искусственности и отчасти сочиненности несомнѣнны въ этой трагедіи, но въ ней видно и чувство народности, серьезное изученіе русской исторіи того времени, а также тонкій психологическій анализъ (напримѣръ, сцена, изображающая душевную борьбу царицы Марѳы передъ ея отреченіемъ отъ убитаго сына)». Въ «Московскомъ Телеграфѣ» хотя и было выражено сожалѣніе, что авторъ не пишетъ лирическихъ произведеній, къ коимъ имѣетъ дѣйствительное призваніе, однако, указано, что Хомяковъ вѣрно понялъ характеръ Дмитрія Самозванца и превосходно изобразилъ дьяка Осипова и монаха-старца Антонія, а увѣщаніе послѣдняго царицѣ Марѳѣ написано въ истинно-русскомъ духѣ. Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько указаній на слабую композицію трагедіи, журналъ Н. А. Полеваго прибавляетъ: «Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое и могущественное, нежели въ «Ермакѣ», виденъ взглядъ мужа, а не юноши» [3]).

Въ стихотвореніяхъ Хомякова достойно вниманія, что мотивы ихъ выражали его убѣжденія и идеи, впослѣдствіи высказанныя имъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ, облеченныхъ въ форму продуманныхъ и обоснованныхъ разсужденій. Такъ, стихотвореніе «Орелъ» (написано въ 1833 году) выражало взглядъ Хомякова на отношенія Россіи къ зарубежнымъ славянамъ:

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй и т. д.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ его извѣстныхъ стихотвореніяхъ.

Біографъ Хомякова [4]) пишетъ: «Можно безъ преувеличенія сказать,

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 3-я.

[2]) Сочиненія, ч. VIII, стр. 39, ч. IX, стр. 279—281.

[3]) «Московскій Телеграфъ» за 1834 г., № 7, въ отд. русской литературы, стр. 137 и слѣд.

[4]) В. Лясковскій, стр. 39.

что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношенія къ нему правительства и общества представляли собой одно сплошное недоразумѣніе, въ значительной степени продолжающееся и теперь». Хомяковъ считался человѣкомъ опаснымъ и подвергался цѣлому ряду административныхъ каръ. Въ 1849 г. графъ Строгановъ (московскій попечитель) за чаемъ въ Кремлевскомъ дворцѣ сказалъ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, что Хомяковъ человѣкъ опасный, съ которымъ ей не слѣдуетъ знакомиться. «Я удаленъ отъ печати»,—писалъ Хомяковъ графинѣ А. Д. Блудовой, въ 1854 г., посылая ей свое извѣстное стихотвореніе «Къ Россіи» [1]). Это стихотвореніе, которое онъ справедливо называлъ канономъ покаянія, вызвало новую кару. По порученію шефа жандармовъ, Хомяковъ былъ вызванъ московскимъ генералъ-губернаторомъ Закревскимъ, для объясненій и спрошенъ: имъ-ли написано это стихотвореніе? Въ немъ говорилось, что быть орудіемъ Бога тяжело, что судъ Божій строгъ.

А на тебѣ, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ полегло.
Черна въ судахъ неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна и т. д.

Это глубоко-патріотическое стихотвореніе вызвало переполохъ въ Петербургѣ, и Хомяковъ, не испугавшійся грозы и признавшій стихи своими, долженъ былъ объяснить, кому именно онъ посылалъ эти стихи въ рукописи. Съ него брали подписку о неношеніи бороды и, наконецъ, на Страстной недѣлѣ въ то время, когда онъ говѣлъ, пригласили въ полицейскій участокъ и сбрили бороду. А. С. Хомяковъ, проповѣдникъ широкой духовной свободы и самобытнаго просвѣщенія, выдавался за обскуранта и врага просвѣщенія, хотя онъ едва-ли менѣе своихъ противниковъ зналъ и любилъ западную науку и только настаивалъ на сознательномъ ея воспріятіи.

Его современники, какъ противники, такъ и единомышленники, признали въ немъ блестящія дарованія и обширную эрудицію. А. И. Герценъ, жестоко полемизировавшій съ нимъ и въ печати, и въ московскихъ мыслящихъ кружкахъ, склонный даже видѣть въ немъ преимущественно искуснаго діалектика [2]), однако сталъ

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. VIII (Письма), стр. 405—407.

[2]) Въ письмѣ къ Ю. Θ. Самарину изъ Москвы, отъ 27-го февраля 1845 г. Герценъ говоритъ: „Хомяковъ споритъ для спору". Это письмо напечатано въ книгѣ г. Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые". С.-Петербургъ, 1904.

читать объемистую церковную исторію Неандера и другіе источники по исторіи вселенскихъ соборовъ, чтобы возстановить нѣкоторое равновѣсіе въ спорахъ съ Хомяковымъ и провѣрить его ссылки на каноны и постановленія соборовъ. Въ «Дневникѣ» Герцена читаемъ: «Вчера у меня былъ продолжительный споръ съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на одну минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность! Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать свои силы, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученію» [1]). Пока Хомяковъ былъ живъ, Герценъ старался выставить его въ качествѣ искуснаго діалектика и софиста, неутомимаго и изобрѣтательнаго по части парадоксовъ [2]), но при извѣстіи о смерти Хомякова Герценъ написалъ слѣдующее: «Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше К. Аксаковъ. Больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что больше нѣтъ этихъ дѣятелей благородныхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ. Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло. Долго-ли, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать—они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей [3]). Съ нихъ начинается переломъ русской мысли, и когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы были противниками ихъ (Хомякова, Кирѣевскаго, К. Аксакова), но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая [4]). Въ заключеніе статьи Герценъ говоритъ: «Время, исторія, опытъ сблизили насъ не потому, что они перетянули насъ къ себѣ или мы ихъ, а потому, что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей».

Изъ всѣхъ современниковъ А. С. Хомякова, сколько извѣстно, къ нему весьма недоброжелательно отнесся одинъ только нашъ историкъ С. М. Со-

---

[1]) Сочиненія Герцена, женевское изданіе 1875 г, т. I (Дневникъ).

[2]) Сочиненія Герцена, т. 7, глава XXX, Славянофилы.

[3]) Эта статья Герцена перепечатана въ книгѣ г. Батуринскаго, но съ пропускомъ того мѣста, гдѣ Герценъ говоритъ о тройкѣ Бирона, пущенной по русской землѣ. Статья эта, повидимому, неизвѣстна г. Лясковскому; она перепечатана цѣликомъ Н. Барсуковымъ въ 17-й книгѣ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина".

[4]) „Колоколъ" за 1860 г., № 90.

ловьевъ [1]). Признавая блестящее дарованіе Хомякова, Соловьевъ, лично его знавшій, говоритъ, что онъ былъ «самоучка съ цыганскою физіономіей, способный говорить безъ умолку, съ утра до вечера, и въ спорѣ не робѣвшій ни передъ какою уверткой, ни передъ какою ложью: выдумать фактъ, процитировать мѣсто писателя, котораго никогда не бывало—Хомяковъ и на это былъ способенъ». Соловьевъ называетъ Хомякова Скалозубомъ по природѣ, готовымъ всегда подшутить надъ убѣжденіями своими и своихъ пріятелей. Онъ прослылъ геніемъ въ нашемъ зеленомъ обществѣ, не имѣвшемъ средствъ оцѣнить истинное знаніе, что̀ и вздуло его самолюбіе» [2]).

Сомнѣніе въ научномъ достоинствѣ сочиненій Хомякова было высказано и другими лицами. Хомяковъ писалъ журнальныя статьи, отличавшіяся пестротой содержанія и отсутствіемъ системы изложенія. Въ 1845 году Хомяковъ писалъ Ю. Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы и что нашъ духовный и книжескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только русское, но и всемірное». Хомяковъ смотрѣлъ на предпринятую имъ и его единомышленниками работу въ области мысли и духа, какъ на дѣло невеселое, о чемъ и писалъ Самарину: «Мы не можемъ въ качествѣ людей, опередившихъ свое время, быть двигателями эпохи, а носимыя нами мысли могутъ проявиться только въ будущемъ—современные люди еще не готовы къ воспринятію нашихъ мыслей».

«Мы такъ привыкли на людяхъ и на мысляхъ видѣть извѣстный мундиръ, что и вообразить себѣ человѣка безъ такого мундира не можемъ»,—говоритъ біографъ Хомякова [3]). Дѣйствительно, намъ трудно признать ученаго безъ диплома на это званіе, писателя, который рѣдко попадалъ въ печать, общественнаго дѣятеля безъ должности и въ то же время сельскаго хозяина, псоваго охотника, любившаго играть на билліардѣ и механика. Хомяковъ не былъ цеховымъ, присяжнымъ ученымъ, не былъ хозяиномъ по ремеслу, а тѣмъ менѣе завзятымъ спортсменомъ. Онъ былъ просто крупный русскій человѣкъ, богато одаренный, постоянно будившій въ продолженіе 30 лѣтъ наше самосознаніе и русскую совѣсть, уяснившій Россіи ея вѣру, историческое призваніе, же-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ за 1896 г., апрѣль: статья Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева.

[2]) Это мнѣніе историка Соловьева отзывается личнымъ раздраженіемъ и обидой полемики. Оно опровергается жизнью и сочиненіями Хомякова, а также и показаніями другихъ современниковъ, ближе и лучше его знавшихъ. Проф. В. З. Завитневичъ, въ первой части своей книги о Хомяковѣ, стр. 5—11, весьма основательно доказываетъ неправильность отзыва С. М. Соловьева.

[3]) Лясковскій, стр. 47.

лавшій примирить наше образованное общество съ русской стариною, которую онъ зналъ и любилъ. «Видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все-таки признать принципъ—это точно нравственный подвигъ,—писалъ Хомяковъ въ 1845 году Ю. Самарину [1]).

Записки Хомякова о всемірной исторіи, извѣстныя подъ названіемъ Семирамиды [2]), трудъ неоконченный. Оцѣнка научнаго достоинства этихъ записокъ вызываетъ споръ. Онѣ изданы послѣ смерти Хомякова А. Ѳ. Гильфердингомъ, ученымъ вполнѣ компетентнымъ, который даетъ имъ, въ предисловіи, слѣдующую характеристику: «Сочиненіе свое о всемірной исторіи Хомяковъ началъ писать въ 1838 году или около этого. Такимъ образомъ оно по началу своему предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Хомякова, который сталъ писать для печати въ началѣ 40-хъ годовъ [3]). Но, будучи еще далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ, и очень много. Чтобы имѣть возможность изучить вопросы древней исторіи и исторіи религій, по самымъ источникамъ, онъ выучился языку греческому [4]), а потомъ познакомился съ санскритскимъ. Изумительная память сохраняла до малѣйшихъ подробностей все прочитанное, а сильный умъ, работая неутомимо, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Въ умѣ Хомякова,—говоритъ Гильфердингъ,—очевидно, была уже выработана историческая система, когда онъ приступилъ къ этому труду; иначе было бы невообразимо, чтобы огромная масса фактовъ, заключающихся въ Семирамидѣ, могла бы сгруппироваться съ такой послѣдовательностью въ сочиненіи, которое имѣло видъ черноваго наброска и которое не представляетъ въ рукописи ни приписокъ, ни приставокъ» [5]).

---

[1]) Сочиненія, т. VIII. (Письма), стр. 254.

[2]) Гоголь однажды засталъ Хомякова за письменнымъ столомъ и, заглянувъ въ тетрадь, прочелъ имя Семирамиды. „Алексѣй Степановичъ Семираміду пишетъ", сказалъ онъ кому-то, и съ тѣхъ поръ это названіе осталось за трудомъ, занимавшимъ Хомякова. Не только его пріятели, но и онъ самъ охотно называли такъ свои „Записки", не имѣющія заглавія въ рукописи. По свидѣтельству Гильфердинга, онъ сказалъ ему однажды съ явнымъ удовольствіемъ: „Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой".

[3]) Напечатанная имъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" за 1835 г. статья о черезполосномъ владѣніи имѣетъ случайный характеръ.

[4]) Хомяковъ по-гречески учился въ дѣтствѣ. Въ болѣе зрѣлые годы, онъ сталъ доучиваться этому языку (см. его письмо къ А. Н. Попову, въ 1853 г., Соч., т. VIII, стр. 215—216). Ради своихъ богословскихъ изслѣдованій, онъ занялся прилежно греческимъ языкомъ и перевелъ нѣкоторыя Посланія (къ Галатамъ и Ефесеянамъ) апостола Павла, (Опыты этихъ его переводовъ напечатаны во II т. Соч. изд. 1900 г., стр. 401 и слѣд.).

[5]) Предисловіе къ Запискамъ о всемірной исторіи, стр. VII (Сочиненія Хомякова, т. V).

Не имѣя терпѣнія дѣлать выписки (о чемъ Хомяковъ часто жалѣлъ), онъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также повѣрять справками то, что у него хранилось въ памяти. Это, разумѣется,—говоритъ Гильфердингъ,—представляетъ капитальный недостатокъ его книги, какъ ученаго сочиненія [1]). Другая особенность Семирамиды, т. е. «Записокъ о всемірной исторіи», истекаетъ изъ характера работы Хомякова и обусловливается его цѣлью. Онъ говорилъ («мы сами это слышали»—объясняетъ Гильфердингъ),—что пишетъ не «Всемірную исторію», въ полномъ разсказѣ, а только набрасываетъ систему, по которой всемірная исторія должна быть изложена. Хомяковъ излагаетъ схему, какимъ образомъ «Всемірная исторія» должна быть написана, чтобы во 1) жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащія соотношенія, чтобы, во 2), славянскому племени возвращено было подобающее мѣсто въ исторіи и въ 3) чтобы видно было дѣйствіе внутреннихъ силъ, обусловливающихъ ходъ историческаго развитія и въ особенности главнѣйшей изъ нихъ—религіи.

Семирамида,—говоритъ Гильфердингъ,—была начата въ концѣ 30-хъ и написана бо̀льшею частью въ 40-хъ годахъ, когда сравнительное языкознаніе только-что сдѣлало первые шаги, а сравнительная миѳологія не существовала какъ наука и когда замѣчательнѣйшіе памятники религіозной мысли, Веды и Зендавеста, были извѣстны лишь въ искаженномъ видѣ, когда не было сдѣлано замѣчательныхъ открытій, отодвигающихъ первобытную жизнь человѣка въ глубь отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Очевидно, что въ то время написанное на тему, избранную Хомяковымъ, сочиненіе не можетъ соотвѣтствовать современному уровню науки [2]). Кромѣ того А. С. Хомяковъ, какъ указано Гильфердингомъ, былъ поставленъ въ неблагопріятныя условія характеромъ работъ по части славянскихъ древностей того времени. Научная разработка этой области только-что начиналась, и рядомъ съ строго критическими изслѣдованіями Шафарика пользовались довѣріемъ фантазіи такихъ людей, какъ Венелинъ, Чертковъ, Лелевель и Колларъ, которые, несмотря на всѣ свои великія заслуги, въ наукѣ болѣе мечтатели, чѣмъ критики. Одною изъ слабыхъ сторонъ Записокъ о всемірной исторіи Хомякова представляется чрезмѣрное преувеличеніе предѣловъ и роли славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи, что̀, конечно, можно объяснить состояніемъ и направленіемъ славистики того времени, когда

---

[1]) Это предполагалъ первоначально сдѣлать Гильфердингъ, снабдивъ книгу примѣчаніями и ссылками, но громадность источниковъ, которыми пользовался Хомяковъ, не дала ему возможности выполнить этотъ трудъ. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій (1900 года) Хомякова эта работа выполнена Д. А. Хомяковымъ, издателемъ сочиненій своего отца.

[2]) Предисловіе Гильфердинга къ первому изданію «Записокъ».

Хомяковъ писалъ свои Записки. Записки Хомякова, несмотря на нѣкоторые промахи и преувеличенія, заключаютъ въ себѣ «попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества».

Составленіе Записокъ о всемірной исторіи было предпринято Хомяковъ по настоянію его друзей и въ особенности Д. А. Валуева [1]). Самъ Хомяковъ никогда не думалъ печатать эти Записки, а писалъ ихъ собственно для себя, для самоубѣжденія, и привыкъ употреблять на этотъ трудъ два часа каждый день.

Записки эти цѣнны и содержательны для опредѣленія характера и свойствъ ученія А. Хомякова и одушевлявшей его проповѣди духовной свободы и общественной совѣщательности. Люди живутъ, какъ они вѣрютъ. Вѣра составляетъ предѣлъ внутренняго развитія человѣка. Костеръ мученика—торжество вѣры. Крестовые походы ея могила.

Перечень сочиненій Хомякова представленъ въ книгѣ проф. В. З. Завитневича [2]), а оцѣнка дѣятельности Хомякова въ крестьянскомъ вопросѣ сдѣлана въ прекрасной статьѣ Ю. Ѳ. Самарина «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ» [3]).

Отношенія Хомякова къ реформамъ Петра достаточно извѣстны, хотя нѣсколько односторонне толкуются. Петръ хотѣлъ,—говоритъ Хомяковъ,—и имѣлъ для этого основанія, потрясти вѣковой сонъ Россіи. Онъ ввелъ къ намъ европейскую науку и вмѣстѣ съ нею всю жизнь Европы. Онъ внесъ къ намъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя. Онъ искажалъ многое, чего не долженъ былъ касаться, напр. русскій языкъ. Хомяковъ склоненъ даже оправдывать лично Петра, говоря, что, когда человѣкъ борется, въ борьбѣ разгораются страсти, и Преобразователь Россіи могъ естественно увлечься свойственнымъ историческимъ дѣятелямъ нетерпѣніемъ, встрѣчая постоянно препоны къ тому, что̀ онъ считалъ общимъ благомъ [4]). Главную ошибку Петра Хомя-

[1]) Д. А. Валуевъ—племянникъ Хомякова, по женѣ. Его звали часовщикомъ кружка. Въ то время студентъ Московскаго университета и авторъ извѣстнаго изслѣдованія о мѣстничествѣ, онъ изнурилъ себя и надломилъ здоровье чрезмѣрными трудами. Умеръ въ молодыхъ годахъ, 23-го ноября 1845 г., въ Новгородѣ, на пути за границу, куда былъ отправленъ врачами. Хомяковъ, какъ это видно изъ его писемъ и некролога Валуева, имъ написаннаго (онъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для воспитанія» за 1846 г.), горько оплакивалъ его смерть, какъ незамѣнимую потерю для русской науки и лично для себя, говоритъ Хомяковъ въ одномъ письмѣ, потому что Валуевъ охранялъ его отъ лѣни и праздности.

[2]) Т. I, книга первая, стр. 51—58 (сочиненія поэтическія), стр. 58—60 (сочиненія прозаическія).

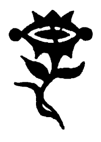
[3]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. I, стр. 245—250.

[4]) Взгляды Хомякова на реформу Петра излагались имъ не разъ, наиболѣе подробно и ясно въ статьѣ Аристотель и Всемірная выставка (Сочиненія, т. I, стр. 177—194). Въ этой статьѣ приведенъ отвѣтъ Кикина Петру, спрашивавшему Кикина, почему онъ противникъ его преобразованій. „Русскій умъ любитъ просторъ, а при тебѣ ему тѣсно“. Статья объ Аристотелѣ могла быть напечатана, по цензурнымъ условіямъ, только послѣ смерти автора.

ковъ видѣлъ въ томъ, что Преобразователь Россіи смѣшалъ формы, облекавшія западное просвѣщеніе, съ самымъ просвѣщеніемъ. Хомяковъ порицалъ способъ и пріемы реформы, а не обнаружившееся въ ней стремленіе въ западной наукѣ. Онъ думалъ, что свобода ума пріобрѣтается не вдругъ, что наука, т. е. анализъ, для всѣхъ народовъ и во всѣ времена одна и та же и что ошибки Петра заключались въ томъ, что онъ, заставляя русскихъ людей принять чужой анализъ, въ сущности, подчинилъ русскую мысль чужому синтезу и сдѣлалъ насъ, на время, умственными рабами Запада. Послѣдствія ошибки Петра неисчислимы. Формализмъ вторгся въ русскую жизнь, а формализмъ все мертвитъ.

Столѣтняя годовщина рожденія Хомякова, надо думать, вызоветъ желаніе изучить все сдѣланное имъ ради пробужденія въ русскомъ обществѣ самосознанія. На болѣе серьезное отношеніе къ заслугамъ Хомякова въ области русской мысли указываетъ, между прочимъ, книга проф. Л. Е. Владимірова «А. С. Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе». Книга эта издана въ Москвѣ къ предстоящему столѣтнему юбилею рожденія Хомякова; въ ней изложено его ученіе о государствѣ, что̀ было стѣснено цензурными условіями при жизни автора. Хомяковъ строго отдѣлялъ область дѣятельности государства и общества. Государство оберегаетъ внѣшній порядокъ, общество создаетъ идеи и пути для дальнѣйшаго движенія въ смыслѣ развитія народа.

П. Матвѣевъ.



Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Послѣднимъ по времени былъ манифестъ Государя Императора Николая Александровича: (титулъ)... „Объявляемъ чрезъ сіе: что произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь утвердить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ Ливадіи, 25-го октября 1894 г.“

Во *второмъ* отдѣлѣ (шведское государственное право эпохи присоединенія Финляндіи) помѣщено нѣсколько впервые публикуемыхъ документовъ, интересныхъ для уясненія и оцѣнки конституціи Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россіи.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ мирные договоры съ Швеціей въ XVIII—XIX ст. Четыре мирныхъ договора опредѣлили послѣдовательные переходы къ Россіи частей территоріи Финляндіи и условія ихъ присоединеній. Часть Финляндіи, перешедшая при Петрѣ I по Ништадтскому миру (30-го августа 1721 г.), т. е. Карелія и Выборгскій ленъ,—пріобрѣтены Петромъ безъ какихъ-либо оговорокъ относительно ихъ внутренняго управленія. Привилегіи обѣщаны были лишь Лифляндіи и Эстляндіи.

Въ силу Абоскаго договора (27-го августа 1743 г.), „въ вѣчное и всегдашнее владѣніе Императрицѣ Всероссійской и Наслѣдникамъ ея“ переходитъ прилегающая къ Выборгскому лену провинція Кюменегородская и округъ съ крѣпостью Нейшлотъ. Въ силу § 9, привилегіи, данныя Петромъ Эстляндіи и Лифляндіи, подтверждаются и таковыя же распространяются на новую Кюменегородскую провинцію („привилегіи, обыкновенія, права и справедливости“). Для Выборгской области и Кареліи и этотъ разъ никакихъ привилегій не выговорено. Въ обоихъ упомянутыхъ актахъ установлено, что „вѣра греческаго исповѣданія впередъ такъ же (какъ и лютеранская) и безъ всякаго помѣшательства отправляема быть можетъ и имѣетъ“.

Верельскимъ миромъ (3-го августа 1790 г.) при Екатеринѣ II подтверждена граница, установленная Абоскимъ договоромъ; о привилегіяхъ Эстляндіи, Лифляндіи и Кюменегордіи случайно или умышленно умолчено.

Фридрихсгамскимъ трактатомъ (5-го сентября 1809 г.) Швеція отказывается „неотмѣняемо и навсегда въ пользу Императора Всероссійскаго, преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ своихъ правъ и притязаній“ на остальную часть нынѣшней Финляндіи; она отказывается и отъ выговариваній чего-либо въ пользу Финляндіи, такъ какъ императоръ обезпечилъ „по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества“. Хотя сеймъ въ Борго состоялся уже въ мартѣ, т. е. за $5^1/_2$ мѣсяцевъ до мира и 6-го августа былъ уже утвержденъ регламентъ Совѣта, въ трактатѣ не указывается ни того, чтобы Финляндія вслѣдствіе Боргоскихъ событій сдѣлалась особымъ отдѣлившимся отъ Швеціи государствомъ, ни того, чтобы ей было даровано государемъ что-либо кромѣ свободы вѣры, сохраненія права собственности и „привилегій“. Даже о сохраненіи шведскихъ основныхъ законовъ въ трактатѣ не упомянуто. Архивы и акты переходятъ во владѣніе и собственность императора. Обѣщаніе относительно вѣры и „привилегій“ не касаются прежде завоеванной Выборгской губерніи, числившейся въ это время русской губерніей. Выборгская губернія была присоединена къ Финляндіи лишь въ 1811 г. по желанію императора Александра I.

Въ *четвертомъ* отдѣлѣ приведены россійскіе высочайшіе манифесты о присоединеніи Финляндіи, измѣненіяхъ ея территоріи, военномъ и церковномъ устройствѣ и др. Между этими манифестами долженъ быть отмѣченъ отъ 20-го марта 1808 г.—о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи ея навсегда къ Россіи. Вотъ наиболѣе существенная его часть: „Всевышній осѣнилъ помощію Своею праведное наше дѣло. Войски Наши съ мужествомъ, имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности, имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми; повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію.

„Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и въ слѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство“.

26-го октября 1809 года былъ высочайше утвержденъ гербъ Великаго Княжества Финляндскаго: щитъ имѣетъ красное поле, покрытое серебряными розетами, въ коемъ изображенъ золотой левъ съ золотою на головѣ короною, стоящій на серебряной саблѣ, которую поддерживаетъ лѣвою лапою, а въ правой держитъ серебряный мечъ, вверхъ подъятый (Пол. С. Зак. № 23936).

Въ послѣднемъ, *пятомъ* отдѣлѣ слѣдуетъ отмѣтить манифестъ отъ 11-го декабря 1811 г. о присоединеніи къ Финляндіи Выборгской губерніи и три рѣчи императора Александра I при открытіи сеймовъ, на французскомъ языкѣ, снабженныя русскимъ переводомъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. **ІЮНЬ.** 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александры Андреевны Фуксъ.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1904 года.

Библіографическій листокъ.

„Восемнадцатый вѣкъ“. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ Археологическаго института, княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ первый. 1904.

Происхожденіе князей Куракиныхъ, игравшихъ въ теченіе почти 500 лѣтъ значительную роль въ нашей исторіи, восходитъ черезъ Гедимина до нѣдръ семьи Владиміра Святаго, а именно до его старшаго сына (отъ полоцкой княжны Рогнѣды) Изяслава, и въ первой части Россійскаго Гербовника (3-я стр.) мы читаемъ слѣдующее: „Въ родословной князей полоцкихъ и литовскихъ, находящейся въ Бархатной и другихъ родословныхъ книгахъ, показано, что сей Гедеманъ, или Едиманъ, произшелъ отъ россійскаго великаго князя Владиміра Святославича, который „крести русскую землю и посади сына своего Изъяслава на Полоцкѣ“, отъ коего пошли князья полоцкіе и литовскіе. Внукъ великаго князя литовскаго Гедемана, Патрикій, князь звенигородскій, прибывъ въ Москву въ 1408 году, вступилъ въ службу великаго князя Василія Дмитріевича. Сынъ его, князь Юрій Патрикіевичъ, женатъ былъ на дщери великаго князя Василія Дмитріевича и имѣлъ двухъ сыновъ. Внукъ его, князь Иванъ Васильевичъ, прозваніемъ Булгакъ, имѣлъ четырехъ сыновей. Изъ нихъ третій сынъ, князь Андрей Ивановичъ Курака, былъ бояриномъ и воевода при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Василіѣ Ивановичѣ. Потомки его, князья Куракины, служили россійскому престолу разныя службы въ боярахъ и самыхъ знатнѣйшихъ чинахъ и жалованы были помѣстьями и вотчинами. Исторія Россійской имперіи показываетъ, что многіе изъ князей Куракиныхъ, какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, стяжали имени своему славу подвигами и трудами, подъятыми на пользу отечества, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, и награждаемы были орденами и другими знаками почестей и монаршихъ милостей“.

Многообразныя служебныя отношенія и обширныя родственныя связи побуждали ихъ вести значительную переписку, которая и сохраняется нынѣ у князя Ѳедора Алексѣевича Куракина въ количествѣ 1.400 фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ 379.400 страницъ текста, или болѣе 150.000 разнаго рода документовъ. Свои бумаги князья Куракины не только тщательно сберегали для будущихъ поколѣній, но и облекали обыкновенно въ сафьянный, рѣже бумажный переплетъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность князя Александра Борисовича II, прозваннаго современниками „Великолѣпнымъ“. Чтобы не подвергать своей переписки нескромному любопытству переплетчика, онъ предварительно перекрещивалъ пачки бумагъ прочными нитками, концы которыхъ припечатывалъ своей гербовой печатью; это не мѣшало переплету, но прочтеніе дѣлало невозможнымъ. Не всѣ, однако, куракинскія бумаги переплетались: нѣсколько десятковъ тысячъ таковыхъ, по преимуществу касающіяся хозяйственныхъ дѣлъ, хранятся пока безъ переплетовъ.

Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ къ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина, при чемъ, что очень важно, сохранились большею частію и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались Куракины со множествомъ лицъ обоего пола. Кромѣ переписки оффиціальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, этотъ Архивъ заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ; но преобладаетъ въ немъ частная переписка, что̀ дѣлаетъ его, можно сказать, необходимымъ для всѣхъ изслѣдователей русской жизни XVIII и первой половины XIX вѣковъ. „Архивы казенныхъ учрежденій,—замѣчаетъ П. И. Бартеневъ,—показываютъ намъ наружную сторону, тогда какъ частные архивы знакомятъ съ душою, съ внутреннимъ „я“ русскаго общества, знакомятъ съ мелкими проявленіями его будничной жизни“.

Будучи, безъ сомнѣнія, самымъ обширнымъ собраніемъ семейныхъ бумагъ въ Россіи, Архивъ князя Ѳ. А. Куракина отличается еще той интересной особенностью, что онъ сохранилъ до нашихъ дней письма и такихъ лицъ, отъ которыхъ у потомства не осталось ни одной строчки, и представляетъ въ этомъ отношеніи для всѣхъ лицъ, занимающихся своею фамильною исторіею или родословіемъ,—немаловажный источникъ для справокъ.

Наиболѣе драгоцѣннымъ отдѣломъ Архива, безспорно, является отдѣлъ бумагъ эпохи Петра Великаго, насчитывающій до сотни переплетенныхъ рукописныхъ фоліантовъ. Онѣ относятся къ государственной дѣятельности и частной жизни князя Б. И. Куракина.

Истиннымъ организаторомъ семейнаго архива былъ князь Александръ Борисовичъ, какъ видно изъ приказа его отъ 24-го января 1816 года, изъ Петербурга, управляющему Надеждинской вотчинной конторой Харченкѣ: „Симъ предписываю конторѣ немедленно заняться разобраніемъ по числамъ и мѣсяцамъ, и годамъ всѣхъ приказовъ моихъ, предписаній моей домовой канцеляріи, сообщеній прочихъ конторъ моихъ, и вообще, всѣ бумаги, которыя собраны погодно, отдать въ переплетъ и хранить въ Архивѣ; равнымъ образомъ, всѣ отпуски въ конторахъ, донесенія и вѣдомости должны также разобраны быть, переплетены и отданы потомъ для храненія въ Архивъ. По истеченіи каждаго года, контора не оставитъ сама собою уже, вслѣдствіе сего приказанія моего, съ точностью порядокъ сей наблюдать. О полученіи же сего мнѣ донесть“.

Дрожа постоянно за цѣлость собранныхъ бумагъ, князь Александръ Борисовичъ построилъ для нихъ въ своей главной вотчинѣ, въ с. Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., среди чуднаго парка, вдали отъ другихъ построекъ, особое красивое зданіе, назвавъ его „Храмъ истины“. Но въ это время часть бу-

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА

ФУКСЪ.

А. А. ФУКСЪ

и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.

I.

Исторія русской литературы до сихъ поръ есть исключительно исторія литературы столичной—петербургской и московской. Провинція какъ бы не существуетъ для изслѣдователей судебъ литературы въ Россіи; исторія провинціальной литературы еще не написана.

А между тѣмъ такое игнорированіе провинціальной литературы едва-ли можетъ считаться правильнымъ. Умственная жизнь и культурные интересы пробуждаются въ русской провинціи еще съ конца XVIII столѣтія. Пускай эти проблески провинціальной мысли были слабы, спорадичны, недолговѣчны! Дѣйствительно, столичная литература концентрировала умственныя силы Россіи, притягивая ихъ къ себѣ со всѣхъ концовъ страны. Но какія же силы изъ провинціи могли бы привлекать къ своей литературѣ столицы, если бы не существовало уже литературныхъ интересовъ и запросовъ въ глуби самой провинціи? Въ той или другой степени пріобщившись къ литературѣ у себя дома, провинціальные литераторы обыкновенно перебирались въ столицы, чтобы тамъ достигнуть для своей дѣятельности большаго простора и развитія.

Какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, литературные интересы культивировались, преимущественно, въ тѣсныхъ кружкахъ. Одинъ изъ

такихъ провинціальныхъ литературныхъ кружковъ и желаемъ мы изобразить въ настоящемъ очеркѣ.

Казанскіе литераторы и писатели 1830-хъ и 40-хъ годовъ группировались вокругъ одной довольно интересной личности, поэтессы Александры Андреевны Фуксъ, жены знаменитаго въ тогдашней Казани профессора-медика Карла Ѳедоровича Фукса.

Мужъ дождался уже обстоятельной о немъ монографіи въ «Казанскомъ Литературномъ Сборникѣ» на 1878 г. Для біографіи жены сдѣлано еще очень мало. Намъ приходится довольствоваться очень дробными матеріалами. Мы приведемъ ниже то, что̀ удалось намъ собрать.

Личности г-жи Фуксъ и значенія ея дѣятельности касается покойный Н. Н. Буличъ въ I томѣ своего сочиненія «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Онъ же сообщалъ свѣдѣнія о Фуксахъ М. Ѳ. Де-Пуле, написавшему большія монографіи о поволжскомъ литераторѣ И. А. Второвѣ подъ заглавіемъ «Отецъ и сынъ» («Русскій Вѣстникъ» за 1875 г.) и объ его сынѣ, Н. И. Второвѣ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1877 г., кн. II. Къ сожалѣнію, Н. Н. Буличъ, лично знавшій обоихъ Фуксовъ, повидимому, отнесся къ Александрѣ Андреевнѣ не совсѣмъ безпристрастно, почему на его показанія и нельзя полагаться. О причинахъ мы можемъ догадываться изъ довольно откровеннаго его признанія въ статьѣ Де-Пуле («Русскій Вѣстникъ», т. 118, августъ, стр. 618). Буличъ, по его словамъ, встрѣтился съ Фуксами на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ, лѣчебное значеніе которыхъ было впервые оцѣнено въ научной литературѣ именно Карломъ Ѳедоровичемъ. «Жилъ я тамъ,—говоритъ Буличъ,—тогда не долго, но бывалъ у Фукса, пріѣхавшаго туда, кажется, для больной и единственной дочери.—Надобно замѣтить, что жена его, извѣстная поэтесса, сразу не взлюбила меня, кажется, за рѣзкіе отзывы о поэзіи вообще, а можетъ быть, и о ея собственной,—отзывы, извиняемые только молодостью».

II.

А. А. Фуксъ была урожденная Апехтина и приходилась племянницей Гавріилу Петровичу Каменеву, первому русскому замѣчательному поэту, котораго выставила провинція; этому казанскому купцу-поэту самъ Пушкинъ считалъ себя обязаннымъ; Каменева, по справедливости, нужно считать отцомъ русскаго романтизма, проявившагося въ стихотвореніяхъ Каменева чуть не двумя десятилѣтіями ранѣе, чѣмъ въ тво-

реніяхъ Жуковскаго [1]). Сестра поэта, Анна Петровна Каменева, дочь купца и президента казанскаго губернскаго магистрата, старше поэта двумя годами, вышла замужъ за дворянина, маіора Андрея Ивановича Апехтина, служившаго въ Казани городничимъ [2]). Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ уже отъ перваго брака—сына Павла Андреевича. Отъ брака съ Каменевою у Апехтина родились двое дѣтей: сынъ Николай и дочь Александра, поэтесса. Родители ея скоро умерли, и Александра Андреевна, оставшись сиротою, жила въ домѣ своей тетки, Пелагеи Петровны Дѣдевой, урожденной также Каменевой, бывшей двумя годами старше своей сестры, Анны Апехтиной, и состоявшей въ бракѣ съ совѣтникомъ гражданской палаты, дворяниномъ Гавріиломъ Ивановичемъ Дѣдевымъ. Изъ дома Дѣдевыхъ Александра Андреевна вышла замужъ за профессора К. Ѳ. Фукса.

К. Ѳ. Фуксъ есть, несомнѣнно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей во всей столѣтней исторіи Казанскаго университета. Иностранецъ-нѣмецъ, онъ скоро обрусѣлъ и тѣсно сжился со второю своею родиною—Казанью. Здѣсь дѣйствовалъ онъ и въ университетѣ, гдѣ студенты его горячо любили и, подражая своему учителю, увлекались разными отраслями естествовѣдѣнія, — и въ обществѣ въ качествѣ практическаго врача, многихъ спасавшаго отъ смерти и исцѣлявшаго отъ мучительныхъ болѣзней. Вліяніе Фукса въ университетѣ было продолжительно (28 лѣтъ) и благотворно. Карлъ Ѳедоровичъ поражалъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ знаній: онъ былъ медикъ, естествоиспытатель, лингвистъ, археологъ, нумизматъ, историкъ, этнографъ, оріенталистъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ считался первымъ знатокомъ края въ отношеніи его исторіи и этнографіи. Всѣ проѣзжіе путешественники прямо направлялись къ Фуксу, какъ-то: Александръ Гумбольдтъ, баронъ Августъ Гакстгаузенъ, Лябатъ, А. С. Пушкинъ, министръ П. Д. Киселевъ, М. М. Сперанскій [3]) и т. д.

К. Ѳ. Фуксъ обладалъ прекраснымъ, мягкимъ и въ высшей степени гуманнымъ характеромъ. Эта мягкость порою переходила, особенно

---

[1]) См. о Каменевѣ нашу юбилейную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1903 годъ, августъ.

[2]) Одно время онъ, повидимому, жилъ въ Чебоксарахъ. Приближаясь къ Чебоксарамъ,—пишетъ А. А. Фуксъ,—чувствовала я стѣсненіе сердца. Воспоминаніе о молодости моей представилось мнѣ съ самыми грустными мечтами: я вспомнила своего отца, съ которымъ нѣсколько лѣтъ жила въ Чебоксарахъ, вспомнила его любовь ко мнѣ и заботливость о моемъ счастіи. Трудно мнѣ было удержать слезы...

[3]) Сперанскій такъ отзывался о Фуксѣ: «Фуксъ—чудо!.. Многообразность его познаній, страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ» (Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 140).

въ сношеніяхъ съ начальствомъ, въ слабость и податливость. Была у Карла Өедоровича одна слабость, о которой знала чуть не вся Казань и по поводу которой многіе надъ нимъ подтрунивали: онъ былъ большой ловеласъ и поклонникъ женской красоты (Де-Пуле, стр. 618).

Фуксъ пріѣхалъ въ Казань не одинъ. Его сопровождала какая-то англичанка—«подруга», какъ онъ называлъ ее. Это была личность умная и образованная, съ золотистыми волосами и сѣрыми выразительными глазами. Фуксъ былъ очень привязанъ къ ней и навсегда сохранилъ къ ней это чувство. По крайней мѣрѣ, портретъ «подруги» не снимался со стѣны и послѣ женитьбы Фукса, несмотря на протесты жены. По поводу этого портрета разсказывалась романтическая исторія: будто бы пріѣзжалъ въ Казань, уже послѣ смерти англичанки, ея мужъ и видѣлся съ Карломъ Өедоровичемъ. Когда послѣдній показалъ ему портретъ покойной, то мужъ, схвативши попавшійся ему подъ руку ножъ, ударилъ по портрету и пробилъ его насквозь. Затѣмъ портретъ былъ снова повѣшенъ на стѣну, а рядомъ съ нимъ, какими-то судьбами, появился и портретъ мужа, который, надо полагать, былъ обезоруженъ миролюбивымъ Карломъ Өедоровичемъ. Когда «подруга» умерла, Фуксъ остался одинъ со своими коллекціями и съ хиленькой воспитанницей «Меропенькой» («Сборникъ», стр. 497—498).

Кромѣ этой англичанки, у К. Ө. Фукса была въ Казани еще одна сердечная привязанность, солдатка Татьянушка.

Изъ извѣта директора Яковкина попечителю, отъ 27-го марта 1811 г., мы узнаемъ, что Фуксъ, тогда еще холостой, держалъ при себѣ красивую солдатку Татьяну (изъ подгороднаго села Царицына). Татьянушка ходила собирать для своего сожителя-профессора яблоки въ университетскомъ саду. Озорливый Яковкинъ приказалъ за «нахальство сей непотребницы» поймать ее и отвести, какъ воровку, въ казарму подъ караулъ. Сказано—сдѣлано. Фуксу пришлось печаловаться объ освобожденіи своей кухарки и экономки. Яковкинъ далѣе доноситъ начальству, что Фуксъ нашилъ Татьянушкѣ много шелковыхъ сарафановъ, открыто ѣздилъ съ нею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ въ Царицыно, во время публичнаго, на Троицынъ день, гулянья на Арскомъ полѣ, попускаетъ ей ѣздить вмѣстѣ съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четвернею (!!), за что хотѣли-было взять ее въ полицію, водитъ ее незамаскированною съ собою въ маскарады, «коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицеймейстера, чтобы приказалъ ее вывести» и т. д. (Буличъ, т. I, стр. 266—267).

*

III.

Неожиданный бракъ, въ 1821 г., стараго Карла Өедоровича съ молодою А. А. Апехтиною возбудилъ много толковъ, порождаемыхъ, можетъ быть, и завистью. Бѣдная сиротка, дочь городничаго, вышла замужъ за вполнѣ обезпеченнаго и службою, и практикой профессора университета, обладавшаго вдобавокъ столь виднымъ и почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ. Конечно, такой удачи не хотѣли простить Александрѣ Андреевнѣ. Буличъ сохранилъ намъ тогдашнія городскія сплетни. Вотъ что онъ сообщаетъ.

По смерти матери Александра Андреевна жила и воспитывалась въ домѣ родной своей тетки Дѣдевой, гдѣ и познакомился съ нею Фуксъ, какъ практикующій въ домѣ врачъ. Разсказывали, что, призванный лѣчить ее отъ какой-то неважной болѣзни, скоро прошедшей, онъ, имѣя уже болѣе 40 лѣтъ, увлекся поэтическою дѣвушкой и любезничалъ съ нею, нисколько, впрочемъ, не помышляя о бракѣ. Но однажды въ то время, когда онъ упалъ предъ нею на колѣни и началъ распространяться о своихъ чувствахъ, явилась громко позванная тетка, г-жа Дѣдева, и дала свое согласіе на якобы просимую руку племянницы. Не менѣе оригинальна была и свадьба, происходившая лѣтомъ 1821 года, въ деревнѣ близкихъ родственниковъ невѣсты, Неѣловыхъ, недалеко отъ Казани. Въ самый день свадьбы Фуксъ съ утра отправился въ лѣсъ ловить бабочекъ и насѣкомыхъ и совершенно забылъ о предстоящемъ торжествѣ. Приходитъ и проходитъ часъ, назначенный для вѣнчанія,—жениха нѣтъ: невѣста въ отчаяніи, гости въ тревогѣ. Вся эта суматока до тѣхъ поръ продолжалась, пока разосланная прислуга не отыскала въ лѣсу ученаго жениха. Эти анекдоты были извѣстны всей Казани, и по поводу ихъ П. М. Нилова жестоко трунила надъ Карломъ Өедоровичемъ, и самъ онъ относился къ исторіи своей любви нѣсколько юмористически. Семейная жизнь Фуксовъ, имѣвшихъ пятерыхъ дѣтей, кажется, не сопровождалась никакими бурями [1]) (Де-Пуле, стр. 619).

Александра Андреевна была женщина выдающаяся и умная; поэтому, кажется, незачѣмъ предполагать съ ея стороны особаго усилія, чтобы заманить къ себѣ выгоднаго жениха. Съ раннихъ лѣтъ она, вѣроятно по примѣру своего извѣстнаго дяди-поэта, почувствовала стремленіе къ литературѣ и поэтическому творчеству. Незаурядная барышня-стихотворка, естественно, могла остановить на себѣ вниманіе влюбчиваго Карла Өедоровича, начинавшаго уже склоняться къ старости, чувствовавшаго потребность основать себѣ семейный уголъ и оставшагося

---

[1]) Кто находитъ счастіе въ своемъ семействѣ, тому вездѣ р а й!—восклицаетъ А. А. Фуксъ въ «Поѣздкѣ въ Москву» (стр. 832).

вдобавокъ безъ «подруги». Пушкинъ свидѣтельствуетъ, что Карлъ Ѳедоровичъ уважалъ поэтическій талантъ своей жены и былъ влюбленъ въ нее даже спустя долгое время послѣ брака. Вся семейная жизнь Фуксовъ подтверждаетъ то обстоятельство, что бракъ ихъ былъ бракомъ счастливымъ, какимъ бы онъ, однако, врядъ-ли былъ, если бы былъ основанъ на обманѣ и недоразумѣніи.

Фуксъ, повидимому, очень сильно привязался къ своей «жонкѣ», какъ называлъ онъ Александру Андреевну, и жизнь пошла безъ особенныхъ семейныхъ треволненій; только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось Карлу Ѳедоровичу адресоваться къ теткѣ для рѣшенія семейныхъ недоразумѣній. При подобныхъ обстоятельствахъ «миленькій (sic) тетенька», г-жа Дѣдева, одно изъ самыхъ авторитетныхъ лицъ въ городѣ, приказывала подавать колымагу и являлась съ своимъ властнымъ словомъ для водворенія мира и тишины. Въ первые же годы брака у Фуксовъ родилось четверо дѣтей, три дочери и одинъ сынъ. Но всѣ они умерли. Потомъ родился послѣдній ребенокъ, дочь Софья, очень слабый, такъ что, по тогдашнему обычаю, написали образъ святой ея имени съ двумя ангелами-хранителями («Сборникъ», стр. 499, 500, 502, 503).

По мягкости и податливости своей натуры К. Ѳ. Фуксъ съ теченіемъ времени въ своей домашней жизни легко поддался вліянію жены, которая, повидимому, главенствовала въ домѣ и устраивала его на свой образецъ. Такъ, самъ Фуксъ не нуждался въ многочисленномъ штатѣ дворни, но Александра Андреевна, выросшая на помѣщичьей почвѣ, считала это необходимымъ условіемъ существованія. Поэтому при домѣ Фуксовъ жило около 30 человѣкъ прислуги. Надо думать, что К. Ѳ. тяготился такою обузой. По крайней мѣрѣ, одинъ очевидецъ разсказывалъ, что разъ К. Ѳ. жаловался аптекарю Бахману на то, что отъ этой прихоти «жонки» только одинъ безпорядокъ въ домѣ («Сборникъ», стр. 501). Иногда А. А. принимала крутыя мѣры и по отношенію къ мягкости своего мужа. Особенно старалась она ограничить его щедрость по отношенію къ бѣднымъ. Завидѣвъ просящаго подаяніе, К. Ѳ. останавливался, запускалъ руку въ карманъ и, вытащивъ оттуда ассигнацію, какая попадалась подъ руку, отдавалъ ее нищему. Такая «непрактичность» возбуждала маленькія домашнія сцены и вызывала нѣкоторыя репрессивныя мѣры: строгій наказъ кучеру не останавливать лошади, ревизію кармановъ по пріѣздѣ домой и полную конфискацію содержимаго въ нихъ. Забавно было смотрѣть на Карла Ѳедоровича въ то время, когда онъ, по пріѣздѣ домой, съ добродушнѣйшей улыбкой слѣдилъ за тѣмъ, какъ производилась эта ревизія («Сборникъ», стр. 504). Добродушный К. Ѳ. отнюдь не обижался на это. Единственное свободное свое время послѣ обѣда К. Ѳ. любилъ съ трубочкой въ зубахъ посидѣть у жены, поговорить о новостяхъ дня, о литературѣ и

литературныхъ занятіяхъ Александры Андреевны, а потомъ прилечь отдохнуть. Впрочемъ, бывали случаи, когда К. Ѳ. позволялъ себѣ сердиться на свою жену («Сборникъ», стр. 415). Но случаи эти очень оригинальны и бросаютъ выгодный свѣтъ на обоихъ супруговъ. Въ послѣдніе годы жизни Карла Ѳедоровича, когда онъ одряхлѣлъ и когда его разбилъ параличъ, ему уже не подъ силу было справляться съ цѣлыми толпами безплатныхъ паціентовъ, ежедневно переполнявшихъ его пріемную [1]). Жалѣя старика-мужа, Александра Андреевна пыталась иногда удалять лишнихъ, по ея мнѣнію, паціентовъ. Вотъ тутъ-то добрѣйшій К. Ѳ. сердился и воспрещалъ прислугѣ исполнять подобныя приказанія жены.

Александра Андреевна, въ свою очередь, платила мужу глубокимъ уваженіемъ. Всего опредѣленнѣе высказались ея чувства къ мужу въ любопытномъ стихотвореніи «Вечеръ на дачѣ іюля 13-го дня 1831 г.», помѣщенномъ въ «Заволжскомъ Муравьѣ» за 1832 г., т. II, стр. 535—536. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого стихотворенія.

... Я въ часъ этотъ молчаливый
Сидѣла въ хижинѣ одна,
Нѣжнѣйшихъ чувствъ и справедливыхъ
Была душа моя полна.
Потомъ я лиры тонъ унылой
Настроила своей рукой,
Тебя воспѣла, другъ мой милой,
И наше счастье и покой,—
Покой, который мы вкушаемъ
Подъ сѣнью кроткихъ, мудрыхъ Музъ;
Блаженства выше мы не знаемъ—
И крѣпокъ съ ними нашъ союзъ.
Мы не бѣжимъ въ слѣдъ за мечтами,
Не отворяемъ храмъ заботъ,
Не ищемъ счастья за горами:
Оно въ душѣ у насъ живетъ.
О ты, вѣрнѣйшій другъ природы,
Ея любезный, нѣжный сынъ,
Ты дни, часы, и цѣлы годы,

---

[1]) Другъ его Г. Н. Городчаниновъ въ своей одѣ на выздоровленіе Фукса (Сочиненія, стр. 537) восклицаетъ:

Сколько разъ я былъ свидѣтель
Добрыхъ дѣлъ, о Фуксъ, твоихъ!
Съ каждымъ утромъ собирался
Сихъ къ тебѣ страдальцевъ сонмъ,
Съ каждымъ утромъ представлялся
Мнѣ святилищемъ твой домъ.

И жизнь природѣ посвятилъ.
Твой домъ—какъ-бы чертогъ священный:
Къ нему спѣшатъ, идутъ толпой
Болѣзнью тѣла изнуренны
И всѣ болящіе душой.
Они всегда равно встрѣчаютъ
Пріятной, кроткой къ нимъ взоръ твой,
И кровъ твой тихой оставляютъ
Всѣ съ благодарною слезой...
Лѣтами старецъ удрученный,
И юноша въ цвѣтахъ весны,
И мудрый мужъ, и жены нѣжны
Твои благословляютъ дни.
... (Творца) дары—не блескъ ничтожный,
Богатство, знатность и чины,—
Но въ сердцѣ миръ, покой душевный
И тихіе въ семействѣ дни!

IV.

Свое уваженіе къ мужу А. А. Фуксъ доказала не только въ поэзіи, но и въ жизни. Всемогущій попечитель Казанскаго учебнаго округа, М. Л. Магницкій, передъ которымъ сгибалось все и всѣ, въ томъ числѣ и самъ Карлъ Ѳедоровичъ, обратилъ на Александру Андреевну свое благосклонное вниманіе и вздумалъ было за нею приволакиваться. Однажды лѣтнимъ вечеромъ, когда г-жа Фуксъ жила на дачѣ, въ слободѣ Архангельской, а К. Ѳ. былъ въ городѣ, является къ ней Магницкій. Онъ начинаетъ съ того, что выражаетъ удивленіе, какъ многія порядочныя женщины рѣшаются выходить и выходятъ замужъ за негодныхъ людей. Слѣдуютъ примѣры, и наконецъ гость обращается къ хозяйкѣ и называетъ ея мужа извергомъ-эгоистомъ, который думаетъ только о житейскихъ удовольствіяхъ и о себѣ, но не думаетъ о Богѣ и женѣ. Выведенная изъ себя такою рѣчью, А. А. отказала ему отъ дому (Де-Пуле, въ біографіи Второва-сына, «Русскій Архивъ», 1877 г., II, стр. 346). Конечно, немногіе рѣшились бы поступить съ могущественнымъ временщикомъ учебнаго вѣдомства такъ круто и рѣшительно. Замѣтимъ еще, что Михаилъ Леонтьевичъ былъ смолоду первый щеголь и птиметръ петербургскаго большаго свѣта и, конечно, не остановилъ бы своего выбора на какой-либо заурядной провинціалкѣ. Какъ мы увидимъ ниже, А. А., плѣнившая въ своей молодости профессора Фукса, пользовалась дружбою и вниманіемъ всѣхъ почти замѣчательныхъ людей, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться. Ее воспѣли въ сти-

хахъ лучшіе поэты своего времени, какъ Е. А. Баратынскій и Н. М. Языковъ, а изъ второстепенныхъ Д. П. Ознобишинъ, Г. Н. Городчаниновъ, Левъ Ибрагимовъ и др. Вотъ почему нельзя не признать несправедливымъ слѣдующее ѣдкое сужденіе Булича («Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», т. I, стр. 112):

«Случайный бракъ Фуксовъ, о которомъ сохранилось нѣсколько юмористическихъ преданій между старожилами, для такого профессора и ученаго, какъ Фуксъ, былъ mésaillance въ духовномъ отношеніи; мужу единственно жена была обязана, если не механизмомъ стиха, можетъ быть, наслѣдственнымъ даромъ въ семьѣ Каменева, къ которой она принадлежала, то выборомъ и содержаніемъ своихъ поэмъ; безъ мужа г-жа Фуксъ едва-ли бы могла выйти изъ узкой сферы своей пошленькой, провинціальной свѣтской жизни; ученый и профессоръ, насколько могъ, старался возвысить ее до себя. Прежде и больше всего къ Фуксу привлекало его служеніе обществу; во имя его посѣщались и литературныя собранія въ его домѣ, и посѣщались многими». Намъ представляется дѣло какъ разъ наоборотъ. К. Ѳ. Фуксъ своимъ бракомъ съ Апехтиною не только не унизилъ себя, но среди тогдашнихъ казанскихъ дамъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмокъ, врядъ-ли бы могъ сдѣлать выборъ болѣе удачный. Въ Александрѣ Андреевнѣ Карлъ Ѳедоровичъ нашелъ себѣ не только жену и хозяйку, но что̀, разумѣется, не менѣе важно,—искренняго и вѣрнаго друга, понимавшаго и цѣнившаго его ученыя стремленія, поддерживавшаго ихъ и помогавшаго имъ [1]). Если К. Ѳ. вѣрилъ въ талантъ своей жены, интересовался ея произведеніями и снабжалъ ее сюжетами для ея поэтическихъ сочиненій, то А. А., въ свою очередь, заимствуется отъ мужа любовью къ исторіи и этнографіи, по которой она составила нѣсколько книгъ. Именно въ этомъ обоюдномъ нравственномъ взаимодѣйствіи видимъ одинъ изъ

---

[1]) Этнографическія поѣздки Александры Андреевны, предпринимавшіяся ею по почину и просьбѣ мужа, доставались ей нелегко: она должна была, скрѣпя сердце, бросать домъ съ его комфортомъ, покидать дочь—Соню, горячо любимую, въ разлукѣ съ которой надрывалось ея сердце, и переносить тяжкія дорожныя невзгоды. Въ „Поѣздкѣ къ черемисамъ“ (стр. 169) она пишетъ: „Ни одна поѣздка въ моей жизни не была такъ затруднительна, такъ несносна, какъ нынѣшняя“. Еще тяжелѣе стало ѣздить въ старости. Въ „Поѣздкѣ къ вотякамъ“ (стр. 209) мы читаемъ: „Лѣтъ 8 назадъ, когда я разъѣзжала по чувашамъ и черемисамъ, я была женщиной-героемъ: не боялась ни усталости, ни ненастья, путешествіе было моею радостью, всякое красивое мѣсто меня восхищало и дарило новымъ впечатлѣніемъ, а мое воображеніе всегда было въ готовности передать перу все новое и любопытное. Теперь я вовсе ни на что не похожа: дорога, давно уже мнѣ извѣстная, меня не занимала, несносный жаръ съ пылью меня задушили—и я, закрывшись, думала, какъ бы скорѣе доѣхать до мѣста“.

трогательнѣйшихъ въ исторіи всей русской словесности примѣромъ литературнаго общенія мужа и жены, дружно и рука объ руку работающихъ надъ предметами, дорогими для обоихъ ихъ. Бракъ Фуксовъ былъ необычайнымъ явленіемъ для того времени и для того общества, гдѣ они вращались. За то этотъ бракъ и не остался безъ результатовъ въ смыслѣ пробужденія среди мѣстнаго общества интересовъ литературы и просвѣщенія. Бракъ знаменитаго ученаго съ умною и поэтическою А. А. Апехтиною,—правильно замѣчаетъ Де-Пуле (стр. 612)—составилъ эпоху въ исторіи Казани: въ домѣ Фуксовъ образовался литературный салонъ, который держался четверть вѣка,—безпримѣрное явленіе въ исторіи русскихъ провинцій!

V.

Кромѣ устройства литературныхъ собраній въ домѣ Фуксовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, Александра Андреевна вмѣстѣ съ мужемъ принимала ближайшее участіе въ единственномъ тогда (въ 30-хъ годахъ) казанскомъ литературномъ органѣ «Заволжскомъ Муравьѣ». Проникнувшись интересомъ къ мѣстному фольклору и этнографіи, А. А. стала совершать то одна, то вмѣстѣ съ мужемъ довольно обширныя путешествія по Поволжью, описывая свои наблюденія въ отдѣльныхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Въ 1833 г. А. А. Фуксъ совершила путешествіе въ Москву, гдѣ завязала сношенія съ столичными литераторами, которые относились къ ней весьма сочувственно. Поэтъ Н. М. Языковъ посвятилъ ей слѣдующее вдохновенное стихотвореніе:

А. А. Фуксъ.

Завиденъ жребій вашъ: отъ обольщеній свѣта,
Отъ суетныхъ забавъ, бездушныхъ дѣлъ и словъ
На волю вы ушли, въ священный міръ поэта,
Въ міръ гармоническихъ трудовъ.
Божественнымъ огнемъ краснорѣчивъ и ясенъ
Плѣнительный вашъ даръ, трепещетъ ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасенъ
Открытый жизненный вашъ путь.
Всегда цвѣтущія мечты и наслажденья,
Свободу и покой даруетъ вамъ Парнассъ.
Примите жъ мой привѣтъ! Я ваши пѣснопѣнья
Люблю: я понимаю васъ,
Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волненіе надеждъ и помысловъ живыхъ,
И страстные стихи, и говоръ ихъ унылой,
И бога, движущаго ихъ [1].

---

[1]) Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. „Дешевой Библіотеки", т. I, стр. 249—250.—Стихотвореніе неправильно отнесено къ 1834 году.

Съ Е. А. Баратынскимъ г-жа Фуксъ познакомилась еще въ Казани, куда онъ наѣзжалъ, живя въ женином имѣніи Каймары, и онъ почтилъ Александру Андреевну стихами:

А. А. Фуксовой.

Вы-ль—дочерь Евы, какъ другая,
Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
Власы роскошные вседневно убирая,
Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ нимъ,
Любуясь ясными очами,
Обворожительнымъ лицомъ
Блестящей Граціи, предъ вами
Живописуемой услужливымъ стекломъ,
Вы-ль угадать могли свое предназначенье?
Какъ—вмѣсто женской суеты,
Въ душѣ довольной красоты
Затрепетало вдохновенье?
Прекрасный, дивный мигъ! Возликовалъ Парнассъ,
Хариту, какъ сестру, Камены окружили,
Отъ міра мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый міръ для васъ.
Мы встрѣтилися въ немъ. Блестящими стихами
Вы обольстительно привѣтили меня.
Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами
Мнѣ искра вашего огня.
Забуду-ли я васъ? Забуду-ль ваши звуки?
Въ душѣ признательной отозвались они.
Пусть бездну между насъ раскроетъ духъ разлуки,
Пускай летятъ за днями дни:
Пребудетъ неразлучна съ вами
Моя сердечная мечта,
Пока плѣняюся я лирными струнами,
Покуда радуетъ мнѣ душу красота [1]).

Впрочемъ, то были стихи отвѣтные. О происхожденіи этихъ стиховъ самъ Евгеній Абрамовичъ шутливо отзывается въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому отъ 16-го мая 1832 г. («Татевскій Сборникъ», стр. 45, № 35): «Прошу Языкова пожалѣть обо мнѣ: одна изъ здѣшнихъ дамъ, женщина степенныхъ лѣтъ, не потерявшая еще притязаній на красоту, написала мнѣ посланіе въ стихахъ безъ мѣры, на которые я долженъ отвѣчать».

А. А. Фуксъ и Баратынскаго старалась завербовать для «Заволжскаго Муравья». Но, какъ литераторъ столичный, онъ отнесся къ этой попыткѣ свысока (тамъ же, стр. 37, № 25): «Здѣшніе литераторы (можешь вообразить, какіе) задумали издавать журналъ и просятъ меня

---

[1]) Изданіе Божерянова, т. I, стр. 110—111, № 155.—Стихотвореніе неправильно отнесено къ 1835 году.

въ немъ участвовать. Это въ числѣ непріятностей моей здѣшней жизни».

VI.

Весьма поучительною является исторія отношеній А. А. Фуксъ къ А. С. Пушкину. Мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ, потому что онъ представляетъ много интереснаго матеріала для выясненія нравственной природы Пушкина, о которой у насъ до сихъ поръ въ обществѣ и даже въ критикѣ не установилось твердаго мнѣнія.

Свое знакомство съ Пушкинымъ описала сама Александра Андреевна въ статьѣ «А. С. Пушкинъ въ Казани», помѣщенной въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1844 г., № 2, понедѣльникъ, 10-го генваря, стр. 18—26. Статья облечена въ форму письма къ пріятельницѣ, Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкѣ, которая «одна пожелала разгадать и понять ее и долго раздѣляла съ А. А. и радость, и горе, и пріятные часы, проведенные въ Пановѣ, и скучные дни въ Казани, и минуты поэтическаго вдохновенія и восторженнаго чувства къ нашимъ любимымъ поэтамъ» (стр. 19). Е. Н. Мандрыка, младшая и незамужняя дочь мѣстнаго начальника внутренней стражи, генерала Н. Я. Мандрыки, впослѣдствіи постриглась въ Богородицкомъ монастырѣ въ Свіяжскѣ, принявъ имя Есѳири. Къ статьѣ А. А. Фуксъ приложены и письма, писанныя къ ней Пушкинымъ. 6-го сентября 1833 г. А. А., по ея словамъ, сидѣла, задумавшись, въ своемъ кабинетѣ и грустила объ отъѣздѣ Баратынскаго, котораго ожидала къ себѣ съ прощальнымъ визитомъ. Баратынскій пришелъ съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже досадно, и она хотѣла уже упрекнуть его за подобное равнодушіе при прощаньи съ нею, но онъ обрадовалъ ее вѣстью о пріѣздѣ Пушкина; это ее самое заставило проститься съ Баратынскимъ гораздо равнодушнѣе, чѣмъ обыкновенно. Пушкинъ навѣстилъ Фуксовъ на слѣдующій день, 7-го сентября, и просидѣлъ у нихъ съ 6 часовъ вечера до часу ночи, несмотря на то, что долженъ былъ ѣхать на завтра до свѣту. Находясь у Фуксовъ. Пушкинъ оказывалъ хозяйкѣ знаки величайшаго вниманія. При первой встрѣчѣ онъ взялъ ее за руку съ ласковыми словами: «Намъ не нужно съ вами рекомендоваться: музы насъ познакомили заочно, а Баратынскій еще болѣе» (стр. 20).

«Ты знаешь», пишетъ А. А., «что я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первомъ знакомствѣ, и потому долго не могла придти въ свою тарелку».

Вечеромъ К. Ѳ. поѣхалъ къ больному, и поэтесса осталась съ Пуш-

кинымъ наединѣ и «не была этимъ довольна». Но Пушкинъ, замѣтивъ ея смущеніе, своею привѣтливостью и любезностью заставилъ хозяйку говорить съ нимъ, какъ съ короткимъ знакомымъ; они сидѣли въ кабинетѣ поэтессы. Пушкинъ просилъ прочитать ему стихи, посвященные Александрѣ Андреевнѣ Баратынскимъ, Языковымъ и Ознобишинымъ, читалъ ихъ всѣ самъ вслухъ и очень хвалилъ стихи Языкова, которые приведены у насъ выше. Потомъ просилъ непремѣнно прочитать стихи ея собственные, и А. А. прочла свою сказку «Женихъ»; Пушкинъ, слушая ее, «какъ бы въ самомъ дѣлѣ хорошаго поэта, вѣроятно изъ любезности», добавляетъ поэтесса, «нѣсколько разъ останавливалъ мое чтеніе похвалами, а иные стихи заставлялъ повторять и прочитывалъ самъ» (стр. 21). Послѣ чтенія Пушкинъ началъ разспрашивать хозяйку объ ея семействѣ, о томъ, гдѣ она училась, кто были ея учители, разсказывалъ о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни и нѣсколько разъ звалъ А. А. туда пріѣхать: «Пріѣзжайте, пожалуйста, пріѣзжайте, я познакомлю съ вами жену мою: повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать вамъ за казанскую привѣтливость не петербургскою благодарностью». Потомъ разговоръ былъ еще гораздо откровеннѣе. Пушкинъ много говорилъ о духѣ тогдашняго времени, о его вліяніи на литературу, о нашихъ литераторахъ, о поэтахъ, о каждомъ изъ нихъ сказалъ свое мнѣніе и наконецъ прибавилъ: «Смотрите, сегодняшній вечеръ была моя исповѣдь; чтобы наши разговоры остались между нами»! Говоря о русскихъ поэтахъ, Пушкинъ очень хвалилъ родного дядю А. А. Фуксъ—перваго русскаго романтика, Г. П. Каменева, и, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на его портретъ, сказалъ: «Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано». Онъ просилъ племянницу поэта собрать всѣ свѣдѣнія о Каменевѣ и обѣщался написать его біографію. Пушкинъ простился съ Фуксами, какъ со старыми знакомыми. У простодушной провинціалки, А. А. Фуксъ, голова закружилась отъ такого вниманія перваго русскаго поэта. Она не могла спать. Вставши на другой день въ 5 часовъ утра, она поспѣшила написать на проѣздъ знаменитаго гостя стихи и въ 8 часовъ отослала ихъ Пушкину. Но оказалось, что онъ уже выѣхалъ въ Оренбургъ (стр. 24), а поэтессѣ оставилъ для передачи нижеслѣдующее любезное письмо:

«Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минут-

ное пребываніе его въ Казани» (Сочиненія Пушкина, т. VII (изд. Морозова), стр. 324, № 352, Казань, 8-го сентября 1833 г.).

«Я никогда не думалъ»,—сказалъ Пушкинъ на прощаніе Фуксамъ,—«чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанія; но мы въ Петербургѣ увидимся». Проф. Н. П. Загоскинъ въ своей статьѣ «Пушкинъ въ Казани» («Историческій Вѣстникъ» за 1899 г., май, стр. 602), состоящей, преимущественно, въ пересказѣ статьи Фуксъ, невѣрно полагаетъ, будто стихи на проѣздъ знаменитаго поэта «не сохранились для потомства». Вотъ они. Приводимъ ихъ, какъ образчикъ стихотвореній Александры Андреевны:

На проѣздъ А. С. Пушкина чрезъ Казань.

Все покоилось въ природѣ,
И мой домъ спалъ крѣпкимъ сномъ;
Солнце красно на восходѣ
Насъ поздравило со днемъ.
Не успѣла я дремоту
Отрясти съ моихъ очей,
Не успѣла дать отчету
Я ни въ чемъ душѣ моей;
Тьма пріятныхъ сновидѣній
На яву мечталась мнѣ.
Вотъ какой-то чудный геній
Вдругъ явился въ тишинѣ
И сказалъ такъ торопливо,
Подаря меня вѣнкомъ:
«Какъ должна ты быть счастлива:
Кто же посѣтитъ твой домъ?
Тотъ поэтъ, чье посѣщенье
Праздникъ славный и у насъ:
Мы въ тотъ день всѣ въ восхищеньи,
И ликуетъ весь Парнассъ.
Съ поздравительнымъ привѣтомъ
Отъ боговъ къ тебѣ лечу
И таинственнымъ ихъ свѣтомъ
Озарить тебя хочу.
«Мы теперь съ тобой не чужды»,
—Говорилъ мнѣ геній мой:
«Въ знакъ моей вѣрнѣйшей службы
Вотъ подарокъ дорогой.
Но я вижу, ты въ мечтаньи»,
—Давъ мнѣ лиру, онъ сказалъ:
«Ты смотри! въ очарованьи
Не запой ему похвалъ;
Ты не смѣешь, и не должно!
Навсегда тебѣ совѣтъ:
То не пой, что̀ невозможно.
Онъ небесный нашъ поэтъ:
Въ честь его на Геликонѣ

Аполлонъ намъ пиръ давалъ,
Позабывъ вчера о тронѣ,
Самъ гостей онъ угощалъ.
Къ нашимъ геніямъ россійскимъ
Всѣхъ внимательнѣе былъ,
Какъ любимцамъ, сердцу близкимъ
Самъ бокалы разносилъ,
А къ казанскимъ обращаясь,
Взоромъ ласковымъ своимъ
Поздравлялъ ихъ, улыбаясь,
Съ рѣдкимъ гостемъ, дорогимъ.
Чувствомъ дружбы и любови
Праздникъ всѣхъ очаровалъ,
Даже Марсъ, нахмуря брови,
Мнѣ по-дружески сказалъ:
«Право, такъ мои герои
Не пируютъ у боговъ—
По сожженьи самой Трои
Я не зналъ такихъ пировъ.
Видно, нѣтъ у васъ тревоги,
Не ведете вы войну?»—
«Есть она, но наши боги
Любятъ миръ и тишину».
За отвѣтъ мнѣ въ награжденье
Богъ Парнасса бросилъ взоръ,
Послѣ отдалъ повелѣнье
Въ честь его пѣть громкій хоръ.
Что тамъ было, все запѣло,
Гимны разнеслись въ горахъ:
Имя Пушкина гремѣло
Въ ихъ небесныхъ голосахъ.

«Простившись съ Пушкинымъ», продолжаетъ А. А., «я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностію, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе: не писавъ почти ни къ кому, онъ писалъ ко мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою, познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательными русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я по пріѣздѣ моемъ въ Москву и въ Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ»...

Но если бы бѣдная Александра Андреевна могла только знать, какъ расписалъ ее нашъ великій поэтъ своей женѣ.....

«Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings [1]), сорокалѣтней, несносной бабѣ

[1]) Синіе чулки.

съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ 200 какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ— но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея—умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако, онъ одолжилъ меня очень—и я радъ, что съ нимъ познакомился» (т. VII, стр. 325, № 353, село Языково, 12-го сентября).

VII.

Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, фигурируетъ въ его письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Съ несносною бабою съ грязными ногтями (насчетъ ногтей, какъ мы знаемъ, поэтъ былъ особенно чувствителенъ, утверждая, что «быть можно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей»; самъ онъ отращивалъ себѣ ногти полувершковые, почему казачки и принимали его за чорта),—съ этой «бабой» Пушкинъ счелъ возможнымъ, однако, любезничать цѣлый вечеръ и откровенничать напропалую. Наконецъ, самъ упрашивавши ее пріѣхать въ Петербургъ испытать его отвѣтнаго гостепріимства, теперь онъ «поздравляетъ» жену съ пріѣздомъ Фуксъ, которымъ-де та «стращаетъ»... Все это производитъ впечатлѣніе довольно мерзкой, а главное, совсѣмъ безцѣльной и ничѣмъ не вызванной фальши. Какъ понять намъ Пушкина?

Проф Загоскинъ (стр. 607) объясняетъ это «ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ нервнымъ, неровнымъ, чисто желчнымъ темпераментомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта». «Мы склонны, говоритъ онъ, видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной желчности и нарѣдко чисто психической (?) склонности къ безотчетному сарказму, которыхъ далеко не чужда была натура поэта и съ которыми не разъ доводилось считаться людямъ, окружавшимъ Пушкина или приходившимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе».

Къ этому можно бы прибавить, что Пушкинъ въ своемъ письмѣ хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ, которая, какъ столичная щеголиха, разумѣется, осмѣяла бы захолустную провинціалку. Можно бы указать, что Пушкинъ вообще часто мѣнялъ свои отзывы, напр.,

смѣялся надъ «Исторіею Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина, видя въ ней «апологію кнута», а потомъ вдохновлялся его геніемъ и посвящалъ ему своего «Бориса Годунова», въ историческомъ отношеніи столь же фальшиваго, какъ сама «Исторія» Карамзина. Пушкинъ буквально «для краснаго словца» не щадилъ родного отца. Про графа Д. И. Хвостова,—безобиднаго и добраго старика, преклонявшагося предъ геніемъ Пушкина,—послѣдній выразился въ скверной эпиграммѣ, что тотъ не можетъ удержать въ себѣ стиховъ. Жуковскаго, который любилъ его, какъ младшаго брата, которому онъ былъ столько обязанъ, Пушкинъ въ картинной эпиграммѣ изобразилъ, какъ онъ съ указкой втерся во дворецъ и «руку жметъ камеръ-лакею». По отношенію къ провинціаламъ и людямъ простымъ, какими были Фуксы, за Пушкинымъ водилась еще одна нехорошая черта.

«Пушкинъ», — говоритъ Ксенофонтъ Полевой (Записки, стр. 203—204),—«соображалъ свое обращеніе не съ личностью человѣка, а съ положеніемъ его въ свѣтѣ и потому-то признавалъ своимъ собратомъ самаго ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его, какъ писателя, а не какъ аристократа... Онъ какъ будто не видѣлъ, что въ немъ чествовали не потомка бояръ Пушкиныхъ, а писателя и современнаго льва... Увлекшись въ вихрѣ свѣтской жизни, которую всегда любилъ онъ, Пушкинъ почти стыдился званія писателя».

Ни для кого не тайна, что нашъ прославленный поэтъ всегда тянулся въ знать, гдѣ, однако, не хотѣли видѣть въ немъ равнаго; напрасно онъ старался и на словахъ, и особенно въ своихъ сочиненіяхъ раздувать исторію своего рода и приписывать ему такую выдающуюся роль, какой онъ на самомъ дѣлѣ въ прошломъ Россіи никогда не игралъ. Безуспѣшно воспѣвалъ онъ не только бояръ Пушкиныхъ, но и самого арапа Ганнибала...

Поэтому Пушкинъ никогда не былъ въ силахъ оцѣнить простое, сердечное почтеніе и благоговѣніе своихъ поклонниковъ. Простодушные Фуксы на нѣкоторое время остановки среди скучной дороги могли помочь ему отвести душу. Но едва прошли эти часы, едва свѣтскій «левъ» пришелъ въ себя, какъ на голову провинціаловъ, такъ восторженно его встрѣтившихъ и такъ безкорыстно, хотя и наивно, за нимъ ухаживавшихъ, онъ не замедлилъ вылить цѣлый ушатъ помоевъ. А бѣдная провинціалка-поэтесса, еще черезъ 9 лѣтъ послѣ свиданія съ нимъ, какъ драгоцѣнность, стремилась возсоздать въ своей памяти малѣйшую деталь свиданія съ великимъ человѣкомъ. «Ужасная вѣсть о его смерти ввергла меня въ какое-то безчувственное положеніе; уже черезъ нѣсколько часовъ чувство горести вывело меня изъ такого несноснаго оцѣпенѣнія, и уже тогда только я съ горькими слезами взгля-

нула на его портретъ и сказала: «Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? Неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?» (стр. 18).

Но имѣла-ли А. А. Фуксъ основаніе полагать, что она дѣйствительно остановила на себѣ «особенное вниманіе поэта»? Да, она имѣла неопровержимое тому доказательство—подлинныя письма поэта, напечатанныя ею при своей статьѣ. Не безъ чувства удивленія читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ комплименты, которыми разсыпается Пушкинъ предъ казанской поэтессой, забывая про ея вощеные зубы и грязные ногти: «Вчера возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на-дняхъ доставить вамъ отвратительно-ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой: право, совѣстно, особенно передъ вами.

«Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ... Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло; онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

«Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу, коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны» (т. VII, стр. 372—373, № 414, СПБ., 19-го октября 1834 г.).

Тотъ же непонятный тонъ почтительности и уваженія, какъ бы доказывающій, что Пушкинъ въ глубинѣ души все-таки не третировалъ Александру Андреевну такъ, какъ въ письмѣ къ женѣ,— бросается въ глаза въ дальнѣйшей перепискѣ:

«Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ, его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани. Препоручаю себя драгоцѣнному вашему

благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Өедоровича, предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги» (т. VII, стр. 380—381, № 426, СПБ., 15-го августа 1835 г.).

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ Пушкинъ проситъ А. А. Фуксъ «украсить» его журналъ «Современникъ» своими стихами:

«Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное... Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе «Современника», мною издаваемаго. Смѣю-ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

«Свидѣтельствуя глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Өедоровичу, поручаю себя вашей и его благосклонности» (т. VII, стр. 394, № 446, СПБ., 20-го февраля 1836 г.).

Такіе лестные знаки вниманія трогали довѣрчивую поэтессу до глубины души. Сохранились два ея отвѣтныя письма Пушкину (Бумаги А. С. Пушкина, М. 1881, вып. I, стр. 21—22). Отъ 20-го января 1834 г. А. А. сообщаетъ Пушкину, что его «обязательное посѣщеніе и столь лестное письмо имѣли такое вліяніе, что я не могла удержать себя отъ восторга и выразила мои чувства въ стихахъ». Она проситъ Пушкина простить ея смѣлость и не судить ее, какъ поэта: «моя восторженная Муза, надѣюсь, будетъ предъ вами моей защитницей». Собираясь послать Пушкину, первому, экземпляръ своихъ стихотвореній, которыя черезъ двѣ недѣли должны были выйти изъ печати, А. А. просила его прислать свой адресъ. «Хотя мое счастіе васъ видѣть продолжалось не болѣе двухъ часовъ, но въ это короткое время я успѣла замѣтить, что вы не только снисходительны къ моимъ стихамъ, но даже, не скучая, ихъ читали». Въ заключеніе поэтесса «ласкаетъ себя надеждою имѣть удовольствіе читать отвѣтъ» Пушкина.

Въ письмѣ отъ 24-го мая 1836 г. А. А. Фуксъ извѣщаетъ Пушкина, что она получила его письмо «вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ его подаркомъ» въ деревнѣ, въ день своихъ именинъ. «Я была въ восхищеніи», говоритъ она, «и безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною радовался и мой ангелъ! (sic). Родные мои и знакомые были тогда у меня; они раздѣлили со мною мою радость, и при восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ за ваше здоровье. Этому былъ свидѣтель вашъ петербургскій житель, Приклонскій». Далѣе А. А. выражаетъ свою чувствительную благодарность за позволеніе посылать свои сочиненія въ журналъ Пуш-

кина. «Очень сожалѣю», признается А. А., «что моя нерадивая муза диктуетъ мнѣ такія ничтожности, которыя послать къ вамъ я никогда бы не осмѣлилась». Исполняя «приказаніе» Пушкина, А. А. отправила при письмѣ: отрывки изъ писемъ о скитахъ въ Нижегородской губерніи, два дѣйствія водевиля, I главу повѣсти «объ основаніи и переселеніи Казани» и одну элегію, которую взялъ у нея Делярю, чтобы отдать, если возможно, Пушкину, а не то въ «Библіотеку для Чтенія». «Я почту себя счастливою», добавляетъ она, «ежели вы изъ моихъ сочиненій найдете что-нибудь достойное для помѣщенія въ «Современникѣ». Всѣ посланныя Пушкину сочиненія А. А. Фуксъ не предполагала печатать раньше зимы. Но она желала бы, чтобы они сначала показались въ журналѣ Пушкина: «тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться».

VIII.

Таковы были отношенія Александры Андреевны къ литераторамъ столичнымъ. Даже Пушкинъ, столь убійственно отозвавшійся о ней въ письмѣ къ женѣ, какъ мы видѣли, считалъ нужнымъ поддерживать съ нею письменныя сношенія въ теченіе четырехъ лѣтъ и просилъ ея сотрудничества для своего «Современника»; даже онъ не могъ отказать ей, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ поэтическомъ талантѣ и въ правѣ на уваженіе къ ея личности. Но отношенія А. А. Фуксъ къ литераторамъ мѣстнымъ носятъ характеръ еще болѣе лестный для нея; здѣсь, у себя въ Казани, она занимаетъ господствующее положеніе: въ теченіе долгихъ лѣтъ ея домъ служитъ связующимъ центромъ для всѣхъ, кто только цѣнилъ литературу [1]).

Н. Н. Буличъ не желаетъ отрицать факта, но старается умалить значеніе и заслуги въ этомъ отношеніи самой Александры Андреевны (стр. 110—112).

«Въ умственной жизни Казани К. Ѳ. и его жена (въ сочиненіяхъ которой принималъ непосредственное участіе ея мужъ) въ теченіе многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ,—говоритъ Буличъ,—та-

---

[1]) „Домъ Фуксовъ былъ средоточіемъ образованности, трудолюбія и гостепріимства", замѣчаетъ П. Васильевъ. (Календарь-указатель города Казани, 1882 г., стр. 140). Къ сожалѣнію, замѣтка этого автора о г-жѣ Фуксъ переполнена ошибками: вм. „Хабиба"—„Хибиба", вм. „Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары"—„Поѣздка въ Казань и Чебоксары", и, наконецъ, изъ поэмы „Основаніе Казани"—сдѣлано „Осажденіе Казани"!

кой общій для всѣхъ, свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ въ Казани, для которыхъ почему-либо были дороги умственные интересы. Въ тѣ годы, когда жили и дѣйствовали оба супруга, привѣтливые центры въ родѣ ихъ дома были вполнѣ возможны; въ темной жизни провинціи они составляли отрадное явленіе. Въ настоящее время нѣтъ уже условій для ихъ существованія. Не говоря о значеніи самой, въ высшей степени привлекательной, личности старика Фукса, при рѣчи о собраніяхъ въ его домѣ, не слѣдуетъ выпускать изъ виду исчезнувшихъ историческихъ условій общественной жизни. Послѣдняя въ ту пору не отличалась современною пестротою и разнообразіемъ; интересы ея были весьма односторонни и одноцвѣтны. Вопросы ума, литературы, искусства, во имя которыхъ собирались нѣкоторые лучшіе казанскіе люди въ домѣ Фуксовъ, были такого отвлеченнаго, идеальнаго, общаго свойства, уходили такъ далеко отъ жизни, что на ихъ нейтральной почвѣ легко могло происходить соединеніе личностей, различныхъ и по общественному положенію, и по средствамъ, и по возрасту, и по умственному развитію. Къ чисто отвлеченнымъ вопросамъ не примѣшивалось тогда вовсе отношенія къ жизни дѣйствительной, которое придаетъ имъ теперь жгучія свойства... Люди нашего времени, какимъ-нибудь чудомъ собравшіеся въ гостепріимный домъ Фукса для чтенія стихотвореній и статей, разумѣется, съ современнымъ, близкимъ къ живой и дѣйствительной жизни содержаніемъ, едва-ли бы разошлись мирно и съ удовлетвореннымъ чувствомъ.

Современный читатель, слыша теперь передаваемые разсказы о литературныхъ собраніяхъ въ домѣ Фуксовъ и о томъ, какъ иной разъ на нихъ присутствовало въ качествѣ слушателей и слушательницъ много лицъ изъ лучшаго общества казанскаго, очень ошибется, однако, полагая, что масса привлекалась участіемъ къ тѣмъ общимъ отвлеченнымъ интересамъ литературнымъ, о которыхъ мы говорили. Весьма только незначительное меньшинство привлекалъ самъ Фуксъ съ его развитіемъ научнымъ, съ богатымъ, разнообразнымъ, опытнымъ умомъ, съ обширными свѣдѣніями во всемъ, что̀ только можетъ интересовать образованнаго человѣка, съ своею добродушно-хитрою и тонкою ироніею. Все это могли цѣнить только немногіе, и цѣнили главнымъ образомъ люди заѣзжіе, особенно, иностранные путешественники, искавшіе въ старикѣ Фуксѣ знатока мѣстнаго края. Съ другой стороны, стихотворныя произведенія его супруги слушались вообще съ едва скрываемой насмѣшливой улыбкой; на ея поэмы смотрѣли, какъ на тщеславную слабость свѣтской женщины того времени» (sic).

Буличъ пытается увѣрить, что знаменитые въ Казани литературные вечера Фуксовъ не имѣли значенія для массы общества, что при-

влекалъ посѣтителей самъ старикъ, а его супруга либо не играла никакой роли, либо представляла собою на своихъ же вечерахъ фигуру комическую. Такое изображеніе дѣла противорѣчитъ фактамъ и не справедливо. Къ Фуксу, дѣйствительно, заѣзжали за научными свѣдѣніями о казанскомъ краѣ всѣ знаменитые путешественники. Но такіе путешественники случались не каждую недѣлю, и не Гумбольдты, Гакстгаузены и Кастрѐны были участниками литературныхъ фуксовскихъ вечеровъ. На бесѣдахъ этихъ выступали не заѣзжіе люди, а именно представители мѣстной интеллигенціи. И если бы центромъ этихъ собесѣдованій точно былъ самъ старикъ Фуксъ, то эти собранія носили бы характеръ не литературный, а научный; на нихъ бы разсуждали о медицинѣ, ботаникѣ, нумизматикѣ и т. д. Бесѣды же носили характеръ не спеціально-научный, а чисто-литературный, и этотъ характеръ придавалъ собраніямъ не кто иной, какъ именно Александра Андреевна, при чемъ самъ Фуксъ выступалъ лишь однимъ изъ чтецовъ. Что эти собранія ставились въ Казани высоко, что имъ приписывалась большая общественная роль, это, какъ мы увидимъ ниже, засвидѣтельствовано въ печати людьми вполнѣ объективными, напр. Н. И. Второвымъ. Замѣтимъ еще, что фуксовскія бесѣды длились около двухъ десятилѣтій, что на нихъ принимало участіе не одно поколѣніе, при чемъ «отцы» и «дѣти» воспитывались на различныхъ традиціяхъ и обладали разными вкусами, какъ, напримѣръ, Второвъ-отецъ и Второвъ-сынъ. Но Александра Андреевна попрежнему оставалась душою этихъ вечеровъ, и въ ея домѣ, а не въ другомъ какомъ, собирались литераторы и любители литературы со всей Казани.

IX.

Мы располагаемъ очень дробнымъ и недостаточнымъ матеріаломъ для возсозданія этихъ фуксовскихъ вечеровъ. О двухъ вечерахъ 1836 г. остались воспоминанія у И. А. Второва-отца, которыя и сообщены въ монографіи Де-Пуле (сентябрь, стр. 139—140). Затѣмъ о двухъ вечерахъ 1843 г. сообщилъ въ фельетонахъ «Прибавленій къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» за 1843 г., № 48 (суббота, 27-го ноября, стр. 299—300) и № 50 (11-го декабря, стр. 320—321), Н. И. Второвъ-сынъ, бывшій тогда редакторомъ этого органа и участникомъ литературныхъ вечеровъ г-жи Фуксъ. Изъ этихъ описаній, несмотря на ихъ краткій, почти протокольный характеръ, можемъ мы составить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ было поставлено дѣло на вечерахъ Але-

ксандры Андреевны, и чѣмъ тогда занимались, чѣмъ интересовались казанскіе литераторы.

Скажемъ о мѣстѣ, гдѣ происходили литературныя бесѣды. Участники ихъ собирались въ домѣ, принадлежавшемъ Карлу Ѳедоровичу Фуксу. Нынѣ этотъ домъ въ передѣланномъ видѣ (послѣ большаго пожара убрали увѣнчивавшій его куполъ) составляетъ собственность купца Ерлыкина; онъ находится на углу Владимирской улицы и Сѣнной площади [1]). Въ этомъ-то домѣ 16-го февраля 1836 г., въ воскресенье, И. А. Второвъ былъ на литературномъ вечерѣ у Фуксовъ. Общество было «отборное и образованное»: гг. Хомутовъ и Приклонскій, чиновники департамента государственныхъ имуществъ, поэтъ Мих. Дан. Деларю, служившій въ Петербургѣ, но урожденный казанецъ, — оренбургскій и казанскій помѣщикъ Александръ Ник. Левашовъ и проч. Много было дамъ. Читатели сочиненія: А. А. Фуксъ, Г. Н. Городчаниновъ, Э. П. Перцовъ, Платонъ Киселевскій, кіевлянинъ, служившій тогда въ Казани при губернаторѣ Стрекаловѣ, Деларю, Ѳ. М. Рындовскій и самъ К. Ѳ. Фуксъ. На третьемъ чтеніи былъ странный эпизодъ. Вице-губернаторъ, правившій губерніею, Евграфъ Васильевичъ Филипповъ, предложилъ читать поднесенную ему какимъ-то чиновникомъ поэму. Прочитали 1-ю пѣснь. Рындовскій возгласилъ, что это сочиненіе его и украдено. Филипповъ, вышедъ изъ себя, по его самолюбію и гордости, заставлялъ молчать Рындовскаго, кричалъ, что заткнетъ ему ротъ и пр. Многіе разъѣхались отъ такой суматохи, и самъ виновникъ ея уѣхалъ. Осталось около 20 человѣкъ, и снова продолжали чтеніе. Предложено было,—пишетъ И. А. Второвъ,—прочитать мои стихи «Время» и «Царевъ Курганъ», но я отклонилъ отъ сего. Мнѣ очень понравились гг. Деларю и Н. М. Приклонскій. Послѣ открылось, что мнимый сочинитель краденыхъ стиховъ — какой-то пьяный титулярный совѣтникъ, котораго Филипповъ присылалъ къ Рындовскому съ повинною и за котораго самъ извинялся передъ нимъ. Это извиненіе предупредило дуэль, которая уже готовилась между престарѣлымъ поэтомъ и вице-губернаторомъ, поспѣшившимъ ее предупредить. Описанный скандалъ не помѣшалъ, однакоже, продолженію литературныхъ вечеровъ въ домѣ Фуксовъ: они происходили по воскресеньямъ въ продолженіе всего великаго поста.

Утѣшительно было видѣть,—сообщаетъ Н. И. Второвъ о вечерѣ 17-го ноября 1843 г.,—живое участіе, принятое многими здѣшними лю-

---

[1]) К. Ѳ. Фуксъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ о холерѣ“ утверждаетъ, вопреки общепринятому мнѣнію, что нижняя часть города Казани, Ямская улица, Сѣнная площадь и т. п.—самая здоровая и оставалась пощаженною холерою и другими эпидеміями, которыя свирѣпствовали на возвышенныхъ улицахъ («Сборникъ», стр. 429—430).

бителями литературы въ прекрасномъ предпріятіи почтенныхъ хозяевъ дома,—участіе, свидѣтельствующее, что общество наше не удовлетворяется обыкновенными общественными удовольствіями, но имѣетъ другія, высшія потребности. Нѣкоторые посѣтители литературной бесѣды были приглашены въ то же время на два другіе вечера; однако они предпочли ее картамъ и танцамъ, и въ назначенное время, въ 7 часовъ вечера, съѣхались въ домъ Карла Ѳедоровича. Въ 8 часовъ началось чтеніе, которое открыла сама хозяйка дома. А. А. прочитала изъ новаго своего романа «Зюлима» весьма занимательный отрывокъ, содержавшій въ себѣ описаніе лагеря Пугачева подъ Казанью и разныя неистовства его сволочи.

Вслѣдъ затѣмъ Г. Н. Городчаниновъ, «истинный ветеранъ нашей словесности» и бывшій профессоръ Казанскаго университета, читалъ стихотвореніе, написанное имъ въ честь Державина подъ названіемъ «Безсмертіе піита».—«Это былъ отзвукъ минувшаго періода русской литературы, періода восторговъ, огня, пламени», говоритъ Второвъ-сынъ. «Трогательно было видѣть почтеннаго старца посреди слушателей, принадлежавшихъ, большей частью, къ молодому поколѣнію, холодному, прозаическому, обращающагося съ восторженною хвалою къ знаменитому поэту». Послѣ этого стихотворенія одинъ изъ посѣтителей литературной бесѣды прочиталъ письма Державина къ Г. Н. Городчанинову, «драгоцѣнныя для насъ, какъ памятникъ, сохранившійся послѣ праотца русской поэзіи. Все это имѣло тѣмъ болѣе цѣны, что въ настоящемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени рожденія Державина и было такимъ образомъ какъ-бы данью незабвенной его памяти». По этому поводу Л. Н. Ибрагимовъ прочиталъ потомъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Памяти великаго Державина».

Далѣе было прочитано сочиненіе И. А. Второва «Мои воспоминанія о Казани», заключающее въ себѣ многія интересныя для казанскихъ старожиловъ подробности о нѣкоторыхъ лицахъ, жившихъ въ Казани лѣтъ тридцать тому назадъ. Статья эта была выслушана съ живымъ участіемъ, особенно тѣми изъ посѣтителей, кому были знакомы упоминаемыя въ ней лица.

Чтеніе заключилось любопытнымъ описаніемъ татарской свадьбы. Новость и оригинальность этого одного изъ замѣчательнѣйшихъ обрядовъ татаръ, на изученіе образа жизни которыхъ авторъ, Карлъ Ѳедоровичъ, посвятилъ многіе годы, приковала всеобщее вниманіе, и неподдѣльный юморъ, проникающій почти всю статью, нѣсколько разъ срывалъ невольную улыбку съ лицъ слушателей. Два послѣднія сочиненія читали посторонніа лица; первое по причинѣ отсутствія, а послѣднее по слабости зрѣнія автора.

Послѣ этой духовной пищи радушные хозяева предложили пре-

красный ужинъ гостямъ своимъ, которые разъѣхались довольно поздно. Мы увѣрены,—полагаетъ авторъ сообщенія,—что каждый изъ нихъ возвратился домой, исполненный впечатлѣнія, несравненно пріятнѣйшаго, нежели какое оставляютъ карточные вечера или балы, послѣ которыхъ трудно ожидать, чтобы заронилась свѣтлая мысль въ голову или залегло въ сердцѣ теплое, отрадное чувство,—послѣ которыхъ едва-ли остается что, кромѣ усталости, головной боли и пустоты душевной. Такъ полагаетъ Н. И. Второвъ, человѣкъ молодой, изъ поколѣнія, уже пережившаго литературныхъ сверстниковъ Александры Андреевны Фуксъ, но продолжавшій относиться къ ней съ уваженіемъ и придававшій ея предпріятію важное значеніе.

Слѣдующій литературный вечеръ въ домѣ Карла Ѳедоровича былъ 1-го декабря, т. е. ровно черезъ двѣ недѣли послѣ перваго. На предшествовавшей недѣлѣ, въ среду, 24-го ноября, онъ былъ отложенъ по случаю Екатеринина дня, въ который праздновалось много именинъ. Посѣтителей на этомъ вечерѣ было несравненно болѣе, нежели въ первый разъ. Присутствовали на вечерѣ самъ начальникъ губерніи, С. П. Шиповъ, и супруга его, Анна Евграфовна, которые приняли въ бесѣдѣ самое живое, непритворное участіе.

Чтеніе началось въ назначенное время. Н. И. Второвъ прочиталъ отрывки изъ своихъ путевыхъ записокъ, заключавшіе въ себѣ описаніе Ревеля. Слѣдовавшее затѣмъ чтеніе доставило слушателямъ особенное удовольствіе: это были прочитанные профессоромъ И. М. Симоновымъ нѣсколько отрывковъ изъ путешествія его по Англіи и Франціи [1]), отрывковъ, исполненныхъ высшаго интереса по разнымъ встрѣчамъ И. М. съ многими замѣчательными лицами и анекдотамъ, краснорѣчиво и увлекательно разсказаннымъ. Послѣ того хозяйка дома А. А. Фуксъ читала о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани, статью, любопытную по нѣкоторымъ подробностямъ о поэтѣ. Въ дополненіе къ тому были прочитаны однимъ изъ посѣтителей нѣсколько собственноручныхъ писемъ Пушкина къ А. А., отрывки изъ которыхъ были приведены въ нашей статьѣ выше. Весьма близкое отношеніе къ статьѣ А. А. имѣло стихотвореніе на смерть Пушкина, сочиненіе князя А. А.

---

[1]) Книга Симонова вышла въ Казани, въ 1844 г., отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи въ 1842 г." (333 стр.). В. Галанинъ помѣстилъ о „Запискахъ" Симонова статью въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1844 г., т. 41, отд. VI, стр. 172—187. Рецензіи были еще въ журналахъ за тотъ же годъ: „Современникѣ", т. 36, стр. 93—94, „Москвитянинѣ", ч. 4, № 8, стр. 415—423, и „Литературной Газетѣ" № 28. Въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", № 16 за 1844 г., стр. 245--252, была помѣщена рецензія К. О. Александрова.

Долгорукаго, вслѣдъ за тѣмъ прочитанное самимъ авторомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мелкими стихотвореніями его же сочиненія.

За стихами опять слѣдовала проза. К. О. Александровъ читалъ свою статью «Нѣсколько словъ о Гейне и глава изъ его книги о романтической школѣ въ Германіи». Единодушное одобреніе слушателей служило лучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ этого сочиненія, отличавшагося какъ по прекрасному изложенію, такъ и по тому, что въ немъ едва-ли не въ первый разъ на русскомъ языкѣ была представлена довольно полная характеристика этого писателя.

Чтеніе заключилъ снова почтенный хозяинъ дома, К. Ѳ. Фуксъ, любопытною статьею о татарскихъ женщинахъ, обнаруживающею зоркую наблюдательность автора. Въ особенности были интересны письма, въ которыхъ татарки изъяснялись въ любви къ Карлу Ѳедоровичу.

Было уже довольно поздно, когда кончилось чтеніе, и весьма многія статьи, приготовленныя къ настоящему вечеру, остались непрочитанными.

Еще извѣстіе о вечерахъ А. А. Фуксъ находимъ мы въ № 15 отъ 10-го апрѣля 1844 г., стр. 226—228. Второвъ-сынъ, какъ авторъ «Казанской хроники», сообщаетъ въ фельетонѣ, что литературные вечера прекратились въ томъ году еще до поста. Кромѣ двухъ первыхъ, о которыхъ было уже разсказано выше, было еще въ тотъ сезонъ шесть: 8-го, 15-го, 22-го и 29-го декабря, 13-го и 19-го января. «Они постоянно возбуждали живое участіе казанскихъ любителей литературы, которые усердно посѣщали ихъ каждый разъ. На послѣднемъ вечерѣ былъ прогостившій полторы недѣли въ Казани ханъ Внутренней Киргизъ-Кайсацкой или Букеевской орды Джангиръ, о которомъ была особая статья въ № 9 «Вѣдомостей», за тотъ же годъ, стр. 129—138, а еще ранѣе статья К. Ѳ. Фукса въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» за 1826 г. Почтенные хозяева дома каждый разъ доставляли удовольствіе гостямъ чтеніемъ своихъ сочиненій. А. А. прочитала нѣсколько главъ изъ своего занимательнаго романа «Зюлима, или Пугачевъ въ Казани», и нѣкоторые отрывки изъ другого сочиненія, также еще не напечатаннаго: «Поѣздка изъ Казани въ Нижній-Новгородъ» [1]), гдѣ описаны многія чрезвычайно

[1]) Бабушка г-жи Фуксъ, жена П. Г. Каменева, была урожденная Крохина, дочь одного изъ столповъ раскола въ Казани. Связи и сношенія съ раскольниками не прерывались и даже особенно культивировались К. Ѳ. Фуксомъ, который любилъ раскольниковъ, покупалъ у нихъ древнія рукописи и не разъ заступался за нихъ передъ начальствомъ. Особенно былъ близокъ К. Ѳ. съ старцемъ-начетчикомъ Иваномъ Никоновичемъ, который носилъ къ нему на домъ даже запрещенныя раскольничьи книги. А старицы изъ Семеновскихъ скитовъ, мать Деввора, мать Варсонофія и др., наѣзжая въ Казань по дѣламъ, даже останавливались у Фуксовъ въ домѣ. Вотъ почему Фуксы легко могли собирать свѣдѣнія по расколу, недоступныя для другихъ (ср. «Сборникъ», стр. 491—492).

интересныя подробности о раскольникахъ. К. Ѳ. прочиталъ нѣсколько весьма любопытныхъ извлеченій изъ своихъ записокъ о вотякахъ Казанской губерніи. Изъ статей, читанныхъ посторонними посѣтителями, въ особенности были замѣчательны: профессора астрономіи И. М. Симонова отрывки изъ его путешествія по Англіи, Франціи и Германіи. Профессоръ медицины Н. А. Скандовскій читалъ на вечерахъ: «Поѣздка на Уралъ и къ Нижне-Сергинскимъ минеральнымъ водамъ» и «О различіи жизни животной отъ жизни пластической». Профессоръ ботаники П. Я. Корнухъ-Троцкій прочелъ «Нѣсколько словъ о казанской флорѣ»; статья эта, несмотря на чисто-спеціальный предметъ, возбудила единодушное одобреніе слушателей. Профессоръ Е. Ф. Аристовъ—«Нѣчто о симпатіи» и «Воспоминанія о Парижѣ» (въ которыхъ интересна была физіологія парижскаго портье-швейцара). Кромѣ прозаическихъ статей, читались и стихотворенія, какъ-то: «Русскій солдатъ» Ибрагимова, довольно искусная поддѣлка подъ русскій народный ладъ; Василій Ивановичъ Рубановъ, внукъ поэта Г. П. Каменева, читалъ мелкія стихотворенія, изъ которыхъ болѣе понравились «Дума» и «Цвѣтокъ на могилѣ»; читались еще мелкія стихотворенія одного неизвѣстнаго молодого автора, неподдѣльное дарованіе котораго особенно обнаружилось въ пьесахъ «Бесѣда съ ангеломъ» и «Молитва».

Замѣтимъ, что произведенія, читавшіяся на литературныхъ вечерахъ у Фуксовъ, по большей части, печатались въ мѣстныхъ органахъ прессы, редакторы которыхъ обыкновенно стояли въ тѣсномъ общеніи съ Фуксами. Такъ было съ «Заволжскимъ Муравьемъ», который вдохновлялся Фуксами, такъ было и съ «Прибавленіями къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», когда редакторомъ ихъ состоялъ Второвъсынъ. Напр., статья «О татарской свадьбѣ» [1]) была помѣщена въ томъ сообщалось о литературной бесѣдѣ, въ № 48, 1843 г., стр. 301—304, гдѣ же №, а окончаніе ея въ № 49, стр. 309—312. «Мои воспоминанія о Казани» И. А. Второва, «посвященныя памяти покойнаго друга моего А. В. П—вой», въ № 50, стр. 319—324.

X.

Своихъ вечеровъ сама А. А. Фуксъ касается въ стихотвореніи «Разговоръ съ Музою. «Послѣ отъѣзда Е. А. Баратынскаго изъ Казани». (стр. 42—47) Пьеса есть діалогъ между «Я» и «Она», т. е. Муза.

[1]) Отрывки изъ большаго сочиненія К. Ѳ. о казанскихъ татарахъ.

Муза сердита и тосклива, какъ и сама поэтесса:

Съ тѣхъ поръ, какъ съ нами нѣтъ любимаго поэта,
Пѣвца нѣжнѣйшаго для будущихъ вѣковъ,
Съ тѣхъ поръ мнѣ скучно здѣсь, я не найду предмета,
Разсѣять чѣмъ себя...

Муза не желаетъ болѣе свиданья съ Александрой Андреевной. Хозяйка дома оправдывается:

Что жъ дѣлать мнѣ? Даются намъ вѣками
Безсмертные пѣвцы; вина-ли то моя?
И что здѣсь твоего любимца нѣтъ ужъ съ нами,—
Неужели и въ томъ все виновата я?

Муза такъ объясняетъ причины своего гнѣва:

. . . Не могу смотрѣть я равнодушно,
Когда скучаетъ кто изъ тѣхъ, кого люблю;
Зачѣмъ просить опять ты снова начинаешь
Моихъ товарищей на вечера свои?
. . . Ихъ скука утомила
На вечерахъ твоихъ.—Тому прошла пора:
Ужъ въ домѣ у тебя—не то, что прежде было,
И не спѣшитъ никто къ тебѣ на вечера.
Хотя ты занимать гостей не перестала,
Все такъ же, кажется, и убрано, свѣтло,
Но свѣта для души теперь у васъ не стало,
Собраніе бесѣдъ упало, отцвѣло [1]).
Ты знаешь, что того уже давно нѣтъ съ нами,
Кто радость для меня повсюду разливалъ:
При немъ съ охотою я занималась съ вами,
Онъ ваши вечера собою оживлялъ,
Какъ будто бъ между васъ его счастливый геній
Летая, разсѣвалъ всѣ скучныя мечты,
Всѣ думы мрачныя протекшихъ огорченій,
И разсыпалъ на васъ веселія цвѣты.
То время протекло. Тебя я умоляю,
Оставь въ спокойствіи, не мучь моихъ друзей;
Ихъ звать на вечера я строго запрещаю:
Довольно безъ твоихъ имъ въ жизни скучныхъ дней.

Выше мы привели прекрасное стихотвореніе Е. А. Баратынскаго, которое, вѣроятно, и послужило отвѣтомъ на прочувствованныя строчки г-жи Фуксъ. Баратынскому же посвящены стихи въ посланіи къ Д. П. Ознобишину:

Воспѣтъ и тотъ поэтъ извѣстный,
Который такъ любезенъ мнѣ:

---

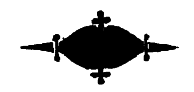
[1]) Въ 1833 году.

Онъ лирою своей чудесной
Гремитъ въ далекой сторонѣ,
Имѣетъ даръ онъ всѣхъ собою
Въ одну минуту восхитить
И чувства лирною струною
Въ сердца другихъ въ мигъ перелить.

Изъ приведенныхъ стиховъ очевидно, что Е. А. Баратынскій бывалъ тоже на литературныхъ бесѣдахъ А. А. Фуксъ. Въ свою очередь, и А. А., повидимому, будучи хороша со всѣмъ семействомъ поэта, навѣщала его въ бытность свою въ Москвѣ. Въ письмахъ изъ Москвы (стр. 814—815) она подъ 20-мъ января 1833 г. сообщаетъ мужу: «Сегодняшній день я причислю къ пріятнѣйшимъ днямъ моей жизни: я цѣлый день была въ восхищеніи. Я поутру одѣлась, чтобы ѣхать къ Энгельгардтамъ и къ Баратынскимъ, но они, не дождавшись моего визита, пріѣхали ко мнѣ сами, даже Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (тесть Баратынскаго), несмотря на слабое свое здоровье, былъ у меня. Я очень дорого цѣню ихъ ко мнѣ вниманіе и дружбу. Признаюсь, я до слезъ была растрогана. Ты знаешь, какъ много я ихъ всегда любила; но мнѣ кажется, что они стали еще ближе къ моему сердцу.—Я обѣдала у Великопольскихъ и очень пріятно провела время; у нихъ довольно собралось насъ, казанскихъ, а между московскими я очень рада была встрѣтить г-жу Пл—ву, сочинительницу романа «Странница». Послѣ обѣда всѣ пошли въ музыкальную комнату. Сама Мудрова, не игравши 15 лѣтъ, играла на фортепіано дуэтъ съ своею дочерью, которая аккомпанировала ей на арфѣ. Потомъ играла на арфѣ же Ант., молодая вдова, которая такъ интересна, что безъ восхищенія и безъ горести невозможно смотрѣть на нее. Она не красавица, но при ней забудешь всѣхъ красавицъ»... «Вечеръ я провела у Баратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ». Далѣе (стр. 821) А. А. сообщаетъ опять, что вечеръ она провела у Баратынскихъ очень пріятно, потому что вечеръ былъ литературный. «Г. Хомяковъ читалъ свою трагедію «Дмитрій Самозванецъ». Она написана прекрасно; совсѣмъ другія сцены, нежели какія мы читали прежде. Послѣ чтенія Баратынскій познакомилъ меня съ Хомяковымъ. Этотъ поэтъ много уже написалъ хорошаго. Ученыхъ было на вечерѣ немного, а изъ дамъ только я и Софья Львовна» (жена поэта Баратынскаго).

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).



О заблаговременномъ заготовленіи продовольствія для войскъ.

Указъ главнокомандующему 2-ю арміею господину генералу-отъ-кавалеріи графу Беннигсену.

8-го декабря 1817 г. Москва.

До свѣдѣнія моего дошло, что въ наступающемъ 1818 году большая часть плодороднѣйшихъ губерній, по всей вѣроятности, угрожается неурожаемъ хлѣба, какъ то усмотрите изъ прилагаемой записки. Почему, почитая необходимымъ заблаговременное обезпеченіе на тотъ годъ продовольствія войскъ ввѣренной вамъ арміи, предоставляю вамъ войти въ ближайшія соображенія по сему предмету, а о мѣрахъ, какія сочтете нужными принять къ достиженію сей цѣли, не оставьте мнѣ донести.

Продажа библіи.

Указъ Святѣйшему Синоду.

6-го января 1817 г.

Разсмотрѣвъ докладъ Святѣйшаго Синода о цѣнѣ, по которой обходится экземпляръ отпечатанной въ прошломъ 1816 году библіи въ листъ, и слѣдуя изъявленному указомъ 11-го февраля 1803 года правилу, чтобы сію священную книгу могли желающіе пріобрѣтать какъ можно дешевле, повелѣваю: вышеупомянутаго изданія библіи каждой экземпляръ продавать по двѣнадцати рублей пятидесяти копѣекъ, безъ переплета.

Е. А. Баратынскій и П. А. Плетневъ.

(Нѣсколько писемъ Баратынскаго) [1].

Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, друзья и сверстники, яркимъ созвѣздіемъ заблиставшіе на нашемъ литературномъ небосклонѣ около 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, нашли себѣ, какъ извѣстно, вѣрнаго друга—спутника, чуткаго цѣнителя ихъ творческихъ вдохновеній въ лицѣ П. А. Плетнева, по истинѣ одного изъ добрыхъ геніевъ русской поэзіи въ эпоху ея мощнаго расцвѣта. Они горячо братски полюбили другъ друга.

Мы не знаемъ подробностей сближенія Баратынскаго съ Плетневымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно произошло въ эпоху 1817—1818 годовъ, когда Плетневъ сошелся съ лицейскимъ литературнымъ кружкомъ (Кюхельбекеромъ, Дельвигомъ, Пушкинымъ), сталъ вхожъ и радушно былъ принятъ въ общество тогдашнихъ литературныхъ свѣтилъ (Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, Крылова и др.) и сталъ наконецъ дѣятельнѣйшимъ членомъ (въ 1818—1819 гг.) всѣми уважаемыхъ литературныхъ обществъ, «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (возобновл. въ 1816 г.) подъ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова и «Вольнаго общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія» (съ 1818 г. «Вольнаго общества любителей россійской словесности») подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Н. Глинки (съ 1819 г.), гдѣ Плетневъ былъ особенно дѣятеленъ и состоялъ «цензоромъ поэзіи».

О томъ счастливомъ времени, о своемъ сближеніи съ лучшими дѣятелями литературы, и между прочимъ о дружбѣ съ Баратынскимъ

[1]) Въ нынѣшнемъ году исполнится 60 лѣтъ со смерти Баратынскаго, а въ будущемъ—сорокалѣтіе со смерти Плетнева.

Плетневъ любилъ вспоминать впослѣдствіи, особенно въ литературной перепискѣ съ своимъ другомъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, Я. К. Гротомъ, и мы находимъ небезполезнымъ почерпнуть изъ этого источника занесенныя на бумагу самимъ П. А. немногія данныя, какъ объ этихъ, такъ и послѣдующихъ ихъ отношеніяхъ.

Это будетъ лучшимъ введеніемъ и коментаріемъ къ нѣсколькимъ письмамъ Баратынскаго къ Плетневу, которыми мы имѣемъ возможность подѣлиться здѣсь съ читателями и которыхъ автобіографическое значеніе несомнѣнно.

Вспоминая въ 1840-хъ гг. о своей дѣятельности въ названныхъ выше обществахъ, особенно во второмъ, Плетневъ писалъ: «Наконецъ, членами общества избраны были и мы, т. е. Дельвигъ, Баратынскій и я» [1]... Разсказывая въ 1846 г. о своей лекціи, посвященной трудамъ М. Никит. Муравьева, П. А. прибавляетъ: «тутъ былъ и молодой Баратынскій (сынъ). Я къ моимъ разсказамъ о впечатлѣніи, какое всегда производитъ на меня Муравьевъ, прибавилъ (указывая на Баратынскаго), что съ его отцомъ и Дельвигомъ началъ я учиться словесности съ этого чтенія» [2]... Склоняя своего молодого друга (Я. К. Грота) къ совмѣстной, единодушной и единомысленной работѣ на литературномъ поприщѣ, онъ ссылался на старое время: «Прежде я всегда чувствовалъ и дѣйствовалъ заодно съ моими друзьями: Дельвигомъ, Баратынскимъ и Пушкинымъ» [3]).

Я. К. Гротъ, занимаясь въ 1849 г. поэзіей Баратынскаго, выражаетъ сожалѣніе, что стихи его не были изданы въ хронологическомъ порядкѣ. «Нельзя-ли тебѣ,—пишетъ онъ Плетневу,—отмѣтить для меня годы хоть только тѣхъ стихотвореній, которыхъ время появленія ты помнишь? А не то попроси при случаѣ его жену сдѣлать это» [4]).

Вотъ что отвѣчалъ на это П. А. Плетневъ: «Первыя стихотворенія Баратынскаго стали появляться въ печати не ранѣе 1821 года [5]), именно когда Пушкинъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга. Его отсутствіе привлекло Дельвиґа къ Баратынскому, и только по приговору своего лицейскаго судьи, Баратынскій осмѣлился явиться въ печати. Два журнала могутъ тебя руководить въ этомъ дѣлѣ: «Соревнователь» и «Благонамѣренный». Мы въ нихъ всѣ дебютировали. Я еще печаталъ въ

---

[1]) „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", II, 254.

[2]) Тамъ же, стр. 670.

[3]) Тамъ же, стр. 196.

[4]) Тамъ же, стр. 402.

[5]) Память измѣняетъ тутъ Плетневу: Б. началъ печататься въ 1819 г. Самъ П. А. въ статьѣ о немъ (въ 1844 г.) говоритъ, что „его стихотворенія стали показываться въ печати ок. 1818 года", но и это не точно. К. Г.

«Сынѣ Отечества», равно и мои друзья. Но тутъ рѣже ты насъ встрѣтишь... Квартира Баратынскаго и Дельвига, жившихъ тогда вмѣстѣ, была въ Семеновскомъ полку. О хронологическомъ размѣщеніи Баратынскаго и думать нечего. Не только я, или жена его, да и самъ онъ отказался бы отъ этого».

Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ имя Баратынскаго нерѣдко встрѣчается въ перепискѣ Плетнева съ Пушкинымъ. Такъ въ январѣ 1827 г. онъ въ письмѣ къ Пушкину (въ Москву), укоряя его въ необщительности, говоритъ: «Мнѣ тутъ болѣе всего обидно, что ты не намекнулъ даже мнѣ, какіе у тебя литературные планы. Правду сказать, что я въ любви самый несчастный человѣкъ. Кого ни выберу для страсти, всякой меня броситъ. Баратынскій, котораго я, право, больше любилъ всегда, нежели теперь кто-нибудь любитъ его, уѣхавши въ Москву, не хотѣлъ мнѣ ни строчкой плюнуть» [1]... Въ 1831 г., по смерти Дельвига, которая глубоко поразила друзей [2]), Пушкинъ писалъ Плетневу: «Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда-ли? Я зналъ его въ лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, не замѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости ... Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами» [3]. Плетневъ отвѣчалъ на это: «Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынскій не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же, или даже самъ на то посягнулъ бы. Теперь займусь составленіемъ матеріаловъ» [4].

Нѣжныя дружескія чувства Плетнева къ Баратынскому вылились въ нѣсколькихъ посвященныхъ ему стихотвореніяхъ. Одно изъ нихъ «Къ Баратынскому», напечатанное въ «Трудахъ Вольн. общ. люб. росс. сл.» (т. XVIII, 1822), относится къ порѣ, когда Е. А. служилъ уже въ полку, стоявшемъ въ Финляндіи, и продолжалъ удѣлять досуги поэзіи. Вотъ отрывокъ изъ него:

[1]) Соч. и переп. П. А. Плетнева (1885), III, стр. 343.

[2]) Пушкинъ объ этой потерѣ отзывался знаменательно въ письмѣ къ П. А. Плетневу (отъ 21-го янв.): „Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все... Баратынскій боленъ съ огорченія“... Тамъ же, стр. 362.

[3]) Тамъ же, стр. 363.

[4]) Тамъ же, стр. 365.

Пой, милый другъ! Достоинъ будь
Души прекраснаго стяжанья!
Къ тебѣ летятъ друзей желанья;
Лишь ихъ и Музъ не позабудь:
И въ тишинѣ уединенья,
При сладкомъ звукѣ струнъ своихъ,
Мечтай съ веселіемъ о нихъ
И не страшись рѣки забвенья! [1])

Въ другой разъ Плетневъ поэтически привѣтствуетъ Баратынскаго, повидимому, по поводу встрѣчи съ нимъ послѣ продолжительной разлуки (можетъ быть по возвращеніи Б. изъ Финляндіи, а скорѣе позже):

Ты здѣсь; я обнимаю вновь
Подъ кровомъ своего Пената
По сердцу милаго мнѣ брата:
И пробуждается любовь
Къ давно покинутой забавѣ
Сестеръ, плѣняющихъ Парнассъ.
Мой прежній жаръ давно погасъ,
И въ тишинѣ, забывъ о славѣ,
Я на нее смѣнилъ покой... etc." [2])

Дельвигу и Баратынскому вмѣстѣ посвящено стихотвореніе «Анакреонъ», начинающееся такъ:

Полно вамъ меня томить,
Проповѣдники сухіе.

Приводимъ его конецъ:

Дельвигъ мой и мой Евгеній?
Для чего жъ не жить и намъ
Подъ закономъ Музъ и лѣни?
Поскорѣе по рукамъ!
Мигъ цвѣтутъ цвѣты веселья;
Не увидимъ, какъ придемъ
Къ общей двери новоселья:
Поживемъ, пока живемъ [3]).

Наконецъ есть еще одно стихотвореніе, посвященное совмѣстно Гнѣдичу и Баратынскому (о Царскомъ Селѣ):

„Есть край за Пулковской горою" [4]).

Изъ этихъ частыхъ поэтическихъ обращеній Плетнева къ своему другу-поэту можно заключить о постоянномъ и сильномъ вліяніи музы

[1]) Соч. и переп. П. А. Плетнева, III, стр. 257.
[2]) Тамъ же, стр. 307.
[3]) Тамъ же, стр. 296—7.
[4]) Тамъ же, стр. 304—305.

и поэтическаго генія Баратынскаго на душевный міръ и настроеніе П. А. Это подтверждается, какъ мы увидимъ, и содержаніемъ одного изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ поэта, въ которомъ онъ убѣждаетъ своего друга не измѣнять «искусству, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни»...

Въ 1825 г., оставивъ военную службу, Баратынскій поселился въ Москвѣ, гдѣ на другой годъ женился (на дочери ген. Л. Н. Энгельгардта Настасьѣ Львовнѣ). Судьба такимъ образомъ еще болѣе развела друзей, но дружескія отношенія ихъ не прекратились. Напротивъ, чѣмъ болѣе сокращался старый дружескій кружокъ, тѣмъ онъ дѣлался тѣснѣе, тѣмъ неразрывнѣе и глубже становились взаимныя привязанность и сочувствія, скрѣпляемыя дорогими, незабвенными воспоминаніями молодости и единодушіемъ настроеній. Смерть сперва Дельвига (1831 г.), а потомъ Пушкина (1837 г.), горько, болѣзненно оплаканная и Баратынскимъ и Плетневымъ, не могла не сблизить еще болѣе оставшихся одинокими друзей. Впечатлѣніе, произведенное смертью Дельвига на Баратынскаго, чувствуется въ письмѣ послѣдняго, изъ Казани, приводимомъ ниже. Хотя Баратынскій имѣлъ достаточно друзей и почитателей въ Москвѣ, однакожъ при существовавшихъ литературныхъ партіяхъ и нетерпимости новыхъ теченій и воззрѣній, онъ чувствовалъ себя тамъ довольно одинокимъ. Кн. Вяземскій, съ которымъ онъ былъ близокъ душою и взглядами, тоже переселился въ Петербургъ.

Нападки противнаго лагеря огорчали его и усиливали его безъ того грустное, пессимистическое настроеніе: съ конца 1839 г. Е. А. съ семьей жилъ до 1843 г., до послѣдняго выѣзда за границу, по большей части въ деревнѣ, то въ Тамбовской губ. (д. Вяжлѣ), то въ Московской (с. Мурановѣ). Когда, по смерти Е. А., Плетневъ не нашелъ о немъ ничего въ «Москвитянинѣ», онъ замѣчаетъ: «Такова злость литературныхъ партій. Его не любили московскіе литераторы, какъ не раздѣлявшаго ихъ Гегелевскихъ мнѣній» [1]). На вопросъ своего корреспондента относительно нѣкоторыхъ выраженій въ стихотвореніи Баратынскаго «Опять весна», Плетневъ отвѣчалъ: «У Б. сокрытый ровъ означаетъ намекъ на разныя пакости, которыя въ Москвѣ дѣлали ему юные литераторы, злобствуя, что онъ не дѣлитъ ихъ дурачествъ... Стихи оттого непонятны, что я не припечаталъ объясненія, бывшаго въ подлинникѣ: Б. это писалъ, насадивши въ деревнѣ рощу изъ дубовъ и елей, которую и называетъ здѣсь дитятею поэзіи таинственныхъ скорбей, выражая послѣдними словами мрачное расположеніе души своей, въ какомъ онъ занимался и до котораго довели его враги

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 323. Ни Шевыревъ, ни Погодинъ не умѣли цѣнить Баратынскаго и мало ему сочувствовали. См. „Ж. и Тр. Погодина“, Барсукова, кн. II, 363; III, 71 и 223.

литературные» [1]). Тѣмъ отраднѣе было ему поддерживать сношенія съ старымъ петербургскимъ другомъ и единомышленникомъ, въ журналъ котораго («Современникъ») онъ продолжалъ иногда посылать свои стихи.

Свидѣтельствомъ этихъ не обрывавшихся сношеній служатъ нижепечатаемыя письма 1839, 40 и 42 годовъ. Зимой (въ концѣ) 1839 года Е. А. ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ и конечно навѣстилъ Плетнева, котораго какъ разъ въ этомъ году постигло семейное горе: онъ потерялъ жену. Вотъ что Баратынскій писалъ о своемъ другѣ: «Мой добрый, мой милый Плетневъ часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился—ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать вдвоемъ. Не правда-ли, что этотъ зовъ—цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе— все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ».

Въ 1843 г. Баратынскій съ семьей собрался на годъ за границу и передъ отъѣздомъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ мечталъ устроиться по возвращеніи въ Россію [2]). Это было послѣднее его свиданіе съ Плетневымъ. О немъ находимъ извѣстіе все въ той же «Перепискѣ». Въ журналѣ П. А. отъ 8-го сентября читаемъ: «Прежде, нежели я отправился утромъ на дачу, ко мнѣ явился мой старый другъ Баратынскій съ 14-лѣтнимъ сыномъ Львомъ. Меня очень обрадовало это неожиданное свиданіе. Поэтъ черезъ недѣлю отправляется съ своею семьею на годъ за границу, послѣ чего утвердитъ свое пребываніе въ Петербургѣ. Деревня и Москва ему ужасно надоѣли. У Баратынскаго очень много натуральнаго ума, и въ его взглядѣ на нашу литературу есть что-то независимое и отчетливое. Между прочимъ я помню его отзывъ о Жуковскомъ и Лермонтовѣ» (онъ приводится имъ) [3]). Тутъ же П. А. сообщаетъ (въ журн. 11-го сент.), что онъ обѣдалъ у Путятъ съ Баратынскимъ и его семьей: «Баратынскій выпросилъ у меня себѣ нашъ «Альманахъ» (Алекс. универс.), котораго въ Москвѣ ни у кого не могъ сыскать. Я ему подарилъ «Фритіофа» [4]).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, по поводу изданія своего «Современника», Плетневъ замѣчаетъ: «Баратынскій же требуетъ, чтобы я

---

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 729.

[2]) Въ Петербургѣ у него оставалось еще нѣсколько вѣрныхъ друзей, завязались и новыя связи, напр. съ друзьями Плетнева; онъ познакомился съ А. О. Ишимовой и Я. К. Гротомъ. См. „Сочин. и пер. Плетнева“, I, стр. 570.

[3]) „Переписка“, II, стр. 112—4.

[4]) Т. е. переводъ Я. К. Грота.

не прекращалъ журнала до его прибытія. Онъ намѣренъ тогда соединиться со мною и работать дѣятельно» [1]).

Но этому не суждено было сбыться. Проведя зимніе мѣсяцы 1843—44 года въ Парижѣ, Е. А. весной переѣхалъ моремъ въ Неаполь, гдѣ вскорѣ и скончался скоропостижно 29-го іюня 1844 г., не выдержавъ знойнаго климата. Прахъ его былъ на слѣдующій годъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ могилъ Гнѣдича, Крылова, Козлова.

Само собой разумѣется, какъ сильно смерть эта должна была поразить и огорчить Плетнева. По полученіи скорбнаго извѣстія онъ не замедлилъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ своимъ другомъ. Вотъ журналъ его отъ 28-го, 29-го и 30-го іюля [2]).

«Путята [3]) утромъ пришелъ ко мнѣ съ горестнымъ извѣстіемъ: поэтъ Баратынскій скоропостижно умеръ въ Неаполѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ еще послалъ ко мнѣ два свои стихотворенія, которыя я успѣлъ уже напечатать въ № 8 «Современника», и ты прочтешь ихъ, вѣрно, 5-го августа [4]). Какая для меня незамѣнимая потеря! Это послѣдній изъ тѣхъ литераторовъ, съ которыми я выросъ и связанъ былъ совершеннымъ сочувствіемъ и единодушіемъ. Осталась жена съ семью дѣтьми».

«(29-го и 30-го іюля). Я каждый день у Путяты: жена Путяты родная сестра жены Баратынскаго. Она ужасно плачетъ. Мы читаемъ его стихи или разсматриваемъ его портретъ—и всѣ плачемъ. Путята друженъ былъ съ нимъ 20 лѣтъ, съ самой Финляндіи. Баратынскій ужасно страдалъ всю жизнь отъ судьбы и отъ людей. Литераторы московскіе на него клеветали, не цѣнили его таланта. Онъ только-что устроилъ дѣла свои по имѣнію, чтобы переѣхать жить въ С.-Петербургъ, и вдругъ судьба поразила его. Здѣсь четверо изъ его дѣтей у Путятъ, а трое съ матерью въ Неаполѣ. Я не могъ безъ рыданія слышать всхлипываній сестры и брата, когда они привезены были изъ пансіоновъ и услышали вмѣстѣ о своей ужасной потерѣ».

Вскорѣ послѣ того Плетневъ сообщалъ Гроту: «Я теперь занятъ статьею о Баратынскомъ для «Современника». Ты скоро получишь ее и не забудь сказать, какъ она тебѣ покажется» [5]). Впослѣдствіи, по

---

[1]) „Переписка", II, стр. 116.

[2]) Тамъ же, стр. 297—8. До П. А. дошло извѣстіе о смерти Б. лишь 28-го іюля: спустя мѣсяцъ послѣ событія.

[3]) Н. В. Путята былъ своякъ Баратынскаго (жен. на сестрѣ его жены).

[4]) Это были: стихотвореніе „Пироскафъ", написанное во время переѣзда изъ Марселя въ Неаполь, и прекрасное поэтическое посланіе „Дядькѣ-Итальянцу".

[5]) „Переписка", II, стр. 308.

поводу одного отзыва своего друга, П. А. писалъ: «О «Налѣ» и Баратынскомъ я писалъ съ упоеніемъ страсти: тутъ нѣтъ слова, которое бы не прошло черезъ мое сердце. Иначе и писать я не могу о томъ, что понялъ сердцемъ. Такъ могъ бы я пересказать о всѣхъ литераторахъ, которыхъ я любилъ, но ни досугу нѣтъ, ни случая...» [1]). Кромѣ этой прекрасной статьи, Плетневъ и раньше въ разное время высказывался о поэзіи Баратынскаго, а именно: во 1-хъ, еще въ 1824 г. въ извѣстномъ «Письмѣ къ графинѣ С. И. С. (Соллогубъ) о русскихъ поэтахъ»; далѣе, въ 1840 г. въ статьѣ «Финляндія въ русской поэзіи», помѣщенной въ «Альманахѣ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета» (главнымъ образомъ о поэмѣ «Эда»), и наконецъ въ 1842 г. о сборникѣ стихотвореній Баратынскаго «Сумерки» [2]). Всѣ эти отзывы служатъ хорошимъ дополненіемъ къ общей характеристикѣ поэта, данной Плетневымъ.

31-го августа 1845 г. перевезенное изъ-за границы тѣло поэта было погребено въ Петербургѣ.

«Въ пятницу (31-го августа),—пишетъ Плетневъ,—я былъ на похоронахъ поэта Баратынскаго, умершаго ровно за годъ и два мѣсяца передъ симъ. Его похоронили въ Невскомъ монастырѣ, близъ Крылова, Гнѣдича и Карамзина. Кромѣ семейства, родственниковъ (Путятъ съ женами) и домочадцевъ, были слѣдующіе литераторы: князь Вяземскій, князь Одоевскій (съ женой), графъ Владиміръ Сологубъ—и только...» [3])

Письма Баратынскаго къ Плетневу.

I [4]).

(Казан. губ.) 1831 г.

Когда я получилъ письмо твое, милый Плетневъ, я укладывался въ долгую дорогу, отъ того и не отвѣчалъ тебѣ въ то же время. Теперь пишу къ тебѣ не изъ Москвы, а изъ деревни въ 20 верстахъ отъ

---

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 597—598. Статья П. о Баратынскомъ напеч. въ „Современникѣ" XXXV, 298—329, Соч. и пер. П. А. Плетнева, 547—572.

[2]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. I, 192—3; 447—457; II, 351—2.

[3]) „Переписка", II, 542.

[4]) Письмо это было уже напечатано Я. К. Гротомъ въ московскомъ сборникѣ «Помощь голодающимъ». Москва, 1892, стр. 259; но, такъ какъ въ этомъ изданіи оно легко можетъ затеряться и забыться, мы считаемъ полезнымъ его переиздать здѣсь вмѣстѣ съ прочими.

Казани. Я сталъ отъ тебя дальше разстояніемъ, но не дальше сердцемъ. Письмо твое взволновало мнѣ душу. Оно дышетъ разувѣренностью и уныніемъ. Съ горькимъ угрызеніемъ думаю, что самъ я нѣсколько способствовалъ привести тебя къ этому печальному расположенію духа. Довольный въ душѣ моей живымъ дружескимъ воспоминаніемъ о тебѣ, я не заботился въ немъ увѣрять тебя, и, казалось, забылъ о старомъ другѣ. Мнѣ страшно подумать, что, вспомнивъ обо мнѣ, ты самъ себѣ говорилъ: вотъ какъ нечувствительны, какъ неблагодарны люди! Между тѣмъ я былъ виноватъ въ одной лѣности, отлагающей до другаго дня сегодняшнее дѣло. Потеря Дельвига для насъ незамѣняема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще въ одну субботу сядемъ вмѣстѣ за твой столъ,—Боже мой! какъ мы будемъ еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига намъ показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальнымъ вдохновеніемъ, что такое опустѣлый міръ, про который мы говорили, не зная полнаго [1]) значенія нашихъ выраженій. Я еще не принимался за жизнь Дельвига. Смерть его еще слишкомъ свѣжа въ моемъ сердцѣ. Нужны не одни сѣтованія, нужны мысли; а я еще не въ силахъ привести ихъ въ порядокъ. Поговоримъ о тебѣ. Неужели ты вовсе оставилъ литературу? Знаю, что поэзія не заключается въ мертвой буквѣ, что молча можно быть поэтомъ; но мнѣ жаль, что ты оставилъ искусство, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни. Выразить чувство значитъ разрѣшить его, значитъ овладѣть имъ. Вотъ почему самые мрачные поэты могутъ сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, мой милый Плетневъ; не измѣняй своему назначенію. Совершимъ съ твердостію нашъ жизненный подвигъ. Дарованіе есть порученіе. Должно исполнить его несмотря ни на какія препятствія, а главное изъ нихъ — унылость. Прощай, мой милый. Я сталъ проповѣдникомъ. Слушай мои увѣщанія, а я буду слушать—твои. Благодарю тебя за похвалы «Наложницѣ»: онѣ меня утѣшили въ неблагорасположеніи другихъ моихъ критиковъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Пиши ко мнѣ, когда найдешь досужное время. Поклонись Пушкину. Адресъ мой—такому-то, въ Казань.

Е. Баратынскій.

II.

1839 г. [2])

Милый мой, всегда по-старому милый Плетневъ! Родственница моя Путята пишетъ мнѣ, что ты на меня сердишься. Спасибо тебѣ за это.

---

[1]) А не „точнаго“, какъ напечатано въ «Помощи голодающимъ».

[2]) Изъ деревни, вѣроятно, до поѣздки въ Петербургъ (въ концѣ года).

Кто сердится, тотъ помнитъ, а можетъ быть любитъ. Пьеса, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ», была у меня вырвана изъ-подъ пера братомъ моимъ Сергѣемъ [1]), съ которымъ ты можетъ быть и познакомился, потому что онъ теперь въ Петербургѣ,—отъ того-то она и нѣсколько слаба слогомъ. Давно, давно нѣтъ между нами никакихъ сношеній; за то давно, давно я не пишу стиховъ, и мной оставленъ тотъ міръ, въ которомъ нѣкогда мы сошлись, и сблизились. Можешь-ли ты думать, что прошедшее мною забыто? Что бы послѣ этого помнитѣ! Но судьба, въ молодости удалившая меня отъ людей, отъ ихъ обычаевъ, отъ условій свѣтской жизни, наградившая меня друзьями такими, какъ ты, неопытнаго, давно обманутаго бросила потомъ и въ свѣтъ, и въ мелочи обыкновенной жизни. Мужемъ мнѣ нужно было учиться тому, чему учатся дѣти, понимать отношенія, пріобрѣтать привычки, угадывать то, что другіе твердо знаютъ. Эти послѣднія десять лѣтъ существованія, на первый взглядъ не имѣющаго никакой особенности, были мнѣ тяжеле всѣхъ годовъ моего финляндскаго заточенія. Я утомился, впалъ въ хандру. Не тебя я поставилъ въ уровень съ людьми, которыхъ узналъ послѣ; но при новыхъ впечатлѣніяхъ, которыхъ постепенность и связь тебѣ неизвѣстна, при этой долгой и сложной повѣсти, которая меня такъ глубоко измѣнила, съ чего начать? Какъ передать себя дружбѣ давнихъ лѣтъ, а не хочется посылать холодныя и неполныя строки. Не по этой-ли причинѣ старики молчаливы? Вся эта болтовня значитъ въ крайнемъ выводѣ: ты, дружба твоя, память прошедшаго мнѣ драгоцѣнны, а если въ какую-либо минуту тебѣ показалось иначе, тебя обманывала наружность.

Посылаю тебѣ нѣсколько небольшихъ пьесъ, набросанныхъ мною на прошедшей недѣлѣ.

Я теперь въ суетахъ, происходящихъ отъ приготовленій къ большому путешествію. Я ѣду съ семействомъ на южный берегъ Крыма, гдѣ проведу около полутора года. Хочется солнца и досуга, ничѣмъ не прерываемаго уединенія и тишины, если возможно безпредѣльной. Думаю опять приняться за перо и, если все, что скопилось у меня въ умѣ и легло на сердцѣ, найдетъ себѣ исходъ и выраженіе, надѣюсь быть добрымъ слугою «Современника».

Прощай. Нѣжно тебя обнимаю. Сохрани мнѣ старую твою дружбу.

Е. Баратынскій.

При этомъ письмѣ (на томъ же листѣ) были посланы Плетневу три стихотворенія для помѣщенія въ «Современникѣ»: 1) «Благословенъ свя-

---

[1]) О Сергѣѣ Абр. Баратынскомъ (жен. на вдовѣ бар. Дельвига) см. воспоминанія Б. Н. Чичерина, у Рачинскаго, „Татевскій сборникъ“. Спб. 1899, стр. 65 и сл.

тое возвѣстившій», 2) «Были бури, непогоды. Да младые годы!» и 3) «Еще какъ патріархъ не древенъ я...» Они напечатаны были въ журналѣ Плетнева, въ т. XV (1839 г.), стр. 157—158; подъ заглавіемъ «Антологическія стихотворенія».

III.

1840 г.

Благодарю тебя, старый другъ, за всѣ твои хлопоты о моихъ дѣтяхъ, за добрые совѣты женѣ и проч. и проч. Очень я радъ, что ей наконецъ довелось съ тобой познакомиться. Она возвратилась изъ П(етер)бурга вполнѣ тебѣ признательная за твою дружбу. Къ намъ пріѣхали наши Путята. Sophie [1]) мнѣ сказала, что ты, не убоясь дѣтской бѣготни, непривычной въ твоемъ уединенномъ кабинетѣ, пригласилъ къ себѣ на воскресенье мою Машу. Спасибо тебѣ; но мое отеческое сердце трепещетъ за ея проказы. Прощай, будь здоровъ. Богъ дастъ скоро увидимся.

Е. Баратынскій.

(Почтовый штемпель: Москва, 1840 іюнь 5. «Получено 1840, іюня 8.» Адресъ: Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу. Въ С.Петербургъ. На Малой Михайловской улицѣ, въ домѣ Строганова).

IV.

(Изъ Москвы) 1842 г.

Посылаю тебѣ, любезный другъ Петръ Александровичъ, экз. моихъ «Сумерекъ» и при немъ болѣе десятка другихъ для доставленія разнымъ лицамъ. Знаю, что даю тебѣ очень скучное порученіе, но ради нашей давней связи позволяю себѣ не слишкомъ совѣститься. Тутъ есть экз., адресованные старымъ товарищамъ, которые, можетъ быть, съ тобою не въ сношеніи. Отдай ихъ Льву Пушкину: это знакомцы намъ общіе. Не откажись написать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ твое мнѣніе о моей книжонкѣ, хотя почти всѣ пьесы были уже напечатаны; собранныя вмѣстѣ, онѣ должны живѣе выражать общее направленіе,

---

[1]) Вѣроятно Софья Михайловна Баратынская, жена брата поэта, въ 1-мъ бракѣ бывшая за Дельвигомъ.

общій тонъ поэта. Обнимаю тебя съ чувствомъ теперь уже болѣе 20-лѣтней дружбы. Е. Баратынскій.

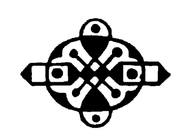
Адресъ мой: въ Москвѣ на Спиридоньевской улицѣ въ соб. домѣ.

Сообщи мнѣ и свой: ты, говорятъ, купилъ домъ на В. О.

(Почтовый штемпель: «Москва, 1842 г. мая 26-го». Адресъ: Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу, С.-Петербургскаго университета г-ну ректору. Въ С.-Петербургъ, въ университетъ).

Не знаемъ, сохранились-ли гдѣ-нибудь письма П. А. Плетнева къ Баратынскому. Въ виду нашего намѣренія осуществить мысль изданія дополнительнаго (4-го) тома Сочиненій и Переписки Плетнева, мы были бы искренно признательны за сообщеніе намъ таковыхъ писемъ [1]), если они у кого-либо имѣются.

К. Я. Гротъ.



---

[1]) Какъ и вообще писемъ Плетнева—и къ другимъ лицамъ.

Письма императрицы Маріи Θеодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ [1].

Num. 43.

Ce 13 Juillet 1815.

Pour que vous ne me grondiez pas, Nicoche, et pour vous faire sentir d'autant plus vivement le tort que vous avez eu de vous mettre en colère contre maman et cela injustement sur la paresse en fait d'écriture, je scribe aujourd'hui par la poste, quoique j'avoue que vous supposant à Paris ma lettre vous parviendra tard et lue et relue par qui en aura envie, ainsi je me bornerai à vous parler de la pluie et du beau temps et vous dirai que toute la journée d'hier il a fait des ondées, que cette nuit il a plu, que ce matin il fait agréable, mais que de gros nuages se tiennent sur nos têtes: heureusement ils observent encore l'équilibre, mais il est à prévoir que l'attraction réunie à la gravitation les fera tomber en gouttes d'eau sur la terre; cette terre cependant n'en veut pas, car elle en regorge, et certaine promenade que j'ai faite ce matin me prouve qu'elle est d'une tendresse à attirer à elle les pieds de ceux qui veulent la fouler sans vouloir s'en détacher: on y reste collé; si par hasard quelqu'un se faisait sculpter, le moule serait pris à l'instant. Trève de folie, mes bons amis, maman s'égaye en vous parlant et s'occupant de vous; je voudrais que vous vous occupiez aussi de nous et nous écriviez souvent. Croyez-moi, confiez vos lettres d'information de santé et d'occupation journalière à la poste, il en résultera un grand bien pour moi et aucun inconvénient pour vous. Adieu, mes

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 г.

bons amis. Occupez-vous sérieusement et profitez de votre temps. Pensez à moi et comptez sur toutes mes bénédictions. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin, à vos messieurs et à tous nos braves militaires. Annette va bien, son mal de tête est passé.

Marie.

13-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Чтобы вы не бранили меня, Никошъ, и чтобы вы сильнѣе почувствовали, насколько вы были неправы, разсердясь на мамашу, при томъ совершенно несправедливо, за то, что она лѣнится писать вамъ, я пишу сегодня по почтѣ, хотя, признаюсь, предполагая, что вы въ Парижѣ, я увѣрена, что вы получите это письмо не скоро и что оно будетъ читано и перечитано всякимъ, кому придетъ охота; поэтому я буду говорить только о погодѣ, и скажу вамъ, что вчера весь день шелъ проливной дождь, сегодня ночью былъ дождь, а сегодня по утру погода была пріятная, но на небѣ носятся мрачныя тучи; къ счастью, онѣ сохраняютъ еще равновѣсіе, но можно предполагать, что притяженіе въ связи съ силой тяжести заставитъ ихъ излиться водяными каплями на землю, хотя земля ихъ не желаетъ, ибо она ими пресыщена; а прогулка, которую я совершила сегодня по утру, доказываетъ, что земля питаетъ къ людямъ такую нѣжность, что она старается привлечь къ себѣ стопы тѣхъ, кто попираетъ ее, и не можетъ разстаться съ ними; такъ и прилипаешь къ землѣ; если кто-либо захотѣлъ бы отлить съ себя статую, то форма ноги могла бы мигомъ быть снята. Довольно болтать глупости, добрые друзья мои, ваша мамаша развеселяется, говоря съ вами и думая о васъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы думали о насъ и чаще писали бы намъ. Повѣрьте мнѣ, довѣряйте почтѣ тѣ письма, въ коихъ вы пишете мнѣ о своемъ здоровьи и препровожденіи времени; это будетъ очень пріятно для меня, а вамъ не доставитъ никакого неудобства. Прощайте, добрые друзья мои. Занимайтесь серьезно и употребляйте время съ пользою. Вспоминайте обо мнѣ и уповайте на мое благословеніе. Привѣтъ генералу Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ. Аннета здорова, головная боль у нея прошла.

Марія.

Num. 44.

Ce 14 Juillet 1815, Mercredi.

Je vous ai écrit hier par la poste, mes bons amis, voilà pourquoi ma lettre ne sera que de deux jours. J'attends avec impatience de vos nou-

velles. La poste a apporté celle que les Prussiens sont entrés à Paris, que tout s'est passé tranquillement, que le général (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*) est gouverneur et un M-r de Pfuhl commandant; qu'on a demandé une contribution de cent millions de francs; que Versailles et St. Cloud ont beaucoup souffert et que la Malmaison a été pillée. Tout cela est-il vrai, mes amis? Je vous avoue que l'envie de questionner ne me manque pas et qu'il y a sujet à faire des questions. Je ne reviens pas encore de mon étonnement de ce qu'on a traité avec Davoust! Et ce qui ne m'étonne pas mal encore c'est que les généraux autrichiens Frimont et Bubna ont rendu des amnisties avant que d'avoir su même la capitulation de Paris. Enfin finalement qui règne dans ce moment en France? Si vous pouvez me répondre à cette question, faites-le. Nous sommes tous dans une grande attente, mes chers enfants, on s'arrache les gazettes, et il n'y a pas jusqu'à notre bonne Adlerberg qui malgré tout son grand nombre d'occupations ne les lise et attende avec impatience. Quant à chez nous, mes enfants, je vous dirai que la pluie est à l'ordre du jour, qu'elle m'abîme mes chemins, mes fleurs et tout mon jardin; c'est le plus vilain été que j'ai vu de la vie; cependant, mes amis, si vous étiez des nôtres, je m'en apercevrais bien moins, mais dans votre absence il me déplaît souverainement. Je dois vous dire, cher Nicoche, que vos soeurs m'écrivent mille biens de vous et m'expriment leurs voeux pour votre fête du 25 avec une véritable tendresse. L'impératrice m'a écrit de même pour me féliciter en formant de même bien des voeux pour votre bonheur. La princesse Amélie me parle de même de vous deux et de son regret de ne vous avoir pas vus. Je vous répète toutes ces belles choses pour vous prouver, mes enfants, que vous avez le bonheur d'être aimés et pour vous encourager à le mériter toujours; car bien certainement c'est la première félicité de ce monde. Annette ne se ressent plus de son mal de tête et a monté à cheval, le soir nous avons dû nous promener en ligne, car il a fait une averse pendant le dîner si bien que tous les chemins sont humides. Bonsoir, mes bons enfants, parlez-moi je vous prie du Musée, sera-t-il conservé à Paris ou subira-t-il le sort de la guerre et sera-t-il partagé entre les puissances alliées: ce sont les fortes contributions qu'on a éxigées qui me font faire cette question. Dormez bien, mes enfants, et à votre réveil pensez après Dieu à maman qui vous bénit de tout son coeur.

Ce 15 Juillet.

Enfin nous avons une bien belle journée, j'en ai profité pour me promener, mais voilà de nouveau des nuages qui se rassemblent, c'est bien fâcheux et fait grand mal aux habitants de la campagne qui ont leur récolte de foin à faire; mes fleurs en souffrent aussi beaucoup,

surtout mes belles roses. À propos, mes bons amis, vous voilà présentement à Paris, ainsi à même de me procurer de bien belles semences de fleurs en tout genre; adressez-vous à M-r Cuvier; étant de Montbéliard, j'ai quelque droit à sa complaisance, et on dit au reste qu'il en a beaucoup. Ainsi procurez-moi les plus belles semences de fleurs possibles, tant d'été, Sommergewächse, que des belles semences pour les orangeries et serres. Vous ferez grand plaisir à maman qui vous en remercie d'avance. J'ai vu dans les gazettes d'hier que les maréchaux Wellington et Blucher sont parrains de la fille du prince Guillaume de Prusse; j'en suis très aise et me félicite de mes compères: je vous prie de le leur dire, si vous en avez l'occassion. J'attends avec impatience ce que vous me direz du m(aréchal) Wellington: c'est un des hommes dans la société duquel je serais bien charmée de vous voir souvent. Le prince d'Orange viendra-t-il à Paris? Je le voudrais, et pour cause à vous connue: alors, mes bons amis, examinez, scrutez et observez et rendez-moi compte de vos observations.

Je me propose, mes bons amis, de faire deux courses, l'une à Alexandrovski et l'autre à Camienostrof (que n'en êtes-vous!) pour voir cette charmante île et les belles fleurs du comte Tolstoi et de Madame Gourief, de même que l'île de la princesse Bélosselski, qu'elle a beaucoup embellie, mais nos plaisirs dépendent du temps, surtout de la pluie. Adieu, mes bons amis. Mille compliments au g(énéral) de Konovnitzin, à tous vos bons cavaliers et à Rühl, assurez de mon souvenir tous nos braves militaires de ma connaissance, et vous-mêmes, chers et bien aimés enfants, ne m'oubliez pas et dites-vous que toutes mes bénédictions sont à vous. Je vous embrasse mille fois.

Marie.

Le mal de tête de notre bonne Adlerberg est passé, elle était déjà très bien hier au soir. Elle me charge de mille tendresses pour vous deux. Elle a de bonnes nouvelles de son fils; s'il plaît à Dieu, elle peut espérer le revoir bientôt. Elle m'a conté qu'il avait monté un cheval fougueux d'un de ses amis qui l'avait emporté dans un marais, il en a été quitte à bon marché ayant goûté de cette vilaine eau, ou plutôt de cette boue dont on l'a tiré très heureusement.

14-го іюля 1815 г. Среда.

(Переводъ). Я писала вамъ вчера по почтѣ, добрые друзья мои, вотъ почему я сообщаю вамъ въ этомъ письмѣ вѣсти всего за два дня. Съ нетерпѣньемъ ожидаю извѣстій отъ васъ. По почтѣ получено извѣстіе о томъ, что пруссаки вступили въ Парижъ, что все обошлось тихо, что генералъ (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*) назначенъ губернаторомъ и

какой-то Пфуль комендантомъ, что съ французовъ требуютъ сто милліоновъ франковъ контрибуціи, что Версаль и Сенъ-Клу сильно пострадали и Мальмэзонъ разграбленъ. Правда-ли все это, друзья мои? Признаюсь вамъ, мнѣ очень хочется поразспросить васъ, и есть немало предметовъ, по поводу которыхъ я могла бы предложить вамъ вопросы. Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ изумленія по поводу того, что переговоры начаты съ Даву! Меня также немало удивляетъ, что австрійскіе генералы Фримонъ и Бутна давали амнистіи, не получивъ еще извѣстія о капитуляціи Парижа. Да кто же въ концѣ концовъ царствуетъ въ настоящее время во Франціи? Отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ, если это возможно. Мы всѣ въ напряженномъ ожиданіи, дорогія дѣти, всѣ рвутъ другъ у друга газеты, и даже наша добрая Адлербергъ, несмотря на свои многочисленныя занятія, читаетъ ихъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Что касается нашихъ новостей, дѣти мои, то скажу вамъ, что злобою дня является дождь; онъ портитъ мнѣ дорожки, цвѣты, весь мой садъ; нынѣшнее лѣто самое скучное и самое скверное изо всѣхъ мною пережитыхъ; но если бы вы были съ нами, друзья мои, то это было бы для меня менѣе замѣтно, въ вашемъ же отсутствіи лѣто чрезвычайно не нравится мнѣ. Надобно сказать вамъ, дорогой Никошъ, что ваши сестры пишутъ мнѣ о васъ много хорошаго и съ большой любовью выражаютъ мнѣ свои пожеланія по поводу дня вашего рожденія, 25-го іюня. Императрица также писала мнѣ, поздравляла меня и высказала немало пожеланій. Принцесса Амалія также пишетъ о васъ обоихъ и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что она васъ не видѣла. Я передаю вамъ всѣ эти пріятныя вещи, чтобы доказать вамъ, дѣти мои, что вы имѣете счастье быть любимы и чтобы поощрить васъ быть всегда достойными этой любви; ибо это составляетъ, безъ сомнѣнія, величайшее блаженство въ мірѣ. Головная боль у Аннеты прошла, она каталась верхомъ; вечеромъ намъ пришлось кататься въ линейкѣ, такъ какъ во время обѣда шелъ проливной дождь, вслѣдствіе чего всѣ дорожки были сырыя. Прощайте, добрыя дѣти мои, напишите мнѣ пожалуйста о музеѣ, останется-ли онъ въ Парижѣ, или же его постигнетъ участь военнаго времени и онъ будетъ раздѣленъ между союзными державами; я задаю вамъ этотъ вопросъ въ виду той огромной контрибуціи, которую требуютъ (съ французовъ). Покойной ночи, дѣти мои; а проснувшись и сотворивъ молитву, подумайте прежде всего о вашей мамашѣ, которая отъ всего сердца благословляетъ васъ.

15-го іюля

Наконецъ, сегодня у насъ прекрасная погода; я воспользовалась этимъ, чтобы совершить прогулку; но теперь опять заходили тучи, это досадно и приноситъ немало вреда деревенскимъ жителямъ, у

которыхъ скоро начнется сѣнокосъ; мои цвѣты также очень страдаютъ отъ дождя, въ особенности мои прекрасныя розы. Кстати, добрые друзья мои, вы теперь въ Парижѣ, поэтому вы можете доставить мнѣ самыя прекрасныя сѣмена всевозможныхъ цвѣтовъ; обратитесь къ г. Кювье; такъ какъ онъ уроженецъ Монбельяра, то я имѣю нѣкоторое право на его любезность; впрочемъ, говорятъ, что онъ очень предупредителенъ. Итакъ, пріобрѣтите для меня самыя лучшія сѣмена лѣтнихъ цвѣтовъ, Sommergewächse, а также для оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній. Вы доставите этимъ большое удовольствіе вашей мамашѣ, которая заранѣе васъ благодаритъ. Я прочла во вчерашнихъ газетахъ, что фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ были воспріемниками дочери принца Вильгельма Прусскаго; я очень довольна этимъ и рада такимъ кумовьямъ; прошу васъ при случаѣ передать имъ это. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отзыва о фельдмаршалѣ Веллингтонѣ; это одинъ изъ тѣхъ людей, въ обществѣ коихъ мнѣ было бы пріятно почаще видѣть васъ. Пріѣдетъ-ли принцъ Оранскій въ Парижъ? Я хотѣла бы этого, по извѣстной вамъ причинѣ; если это случится, наблюдайте, друзья мои, присматривайтесь и примѣчайте и сообщите мнѣ результатъ вашихъ наблюденій.

Я собираюсь съѣздить, добрые друзья мои, въ Александровское и на Каменный островъ (какъ жаль, что вы не можете совершить эти поѣздки со мною!), чтобы полюбоваться этимъ очаровательнымъ островомъ и прекрасными цвѣтами гр. Толстаго и г-жи Гурьевой, а также взглянуть на островъ княгини Бѣлосельской, который она очень украсила, но наше удовольствіе будетъ зависѣть отъ погоды, въ особенности отъ дождя. Прощайте, добрые друзья мои, искренній привѣтъ ген. Коновницыну, всѣмъ вашимъ добрымъ кавалерамъ и Рюлю; передайте всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ, а вы сами, дорогія и любезныя дѣти, не забывайте меня и будьте увѣрены, что я отъ души благословляю васъ. Цѣлую васъ тысячу разъ.

Марія.

Головная боль у нашей доброй Адлербергъ прошла, она уже вчера вечеромъ чувствовала себя очень хорошо. Она просила меня передать вамъ обоимъ ея сердечный привѣтъ. Она получила добрыя вѣсти о своемъ сынѣ; она надѣется, Богъ дастъ, скоро увидѣться съ нимъ. Она разсказала мнѣ, что онъ ѣхалъ верхомъ на горячей лошади одного изъ своихъ друзей, которая понесла его въ болото, но онъ отдѣлался легко и только хлебнулъ этой гадкой воды или, лучше сказать, этой грязи, изъ которой его благополучно вытащили.

Num. 45.

Ce 16 Juillet 1815.

Si vous me trouvez insipide dans mes lettres, mes bons amis, prenez-vous en à notre horrible temps; il pleut à verse et il fait sombre comme en automne. Tous les jardiniers disent n'avoir pas vu de temps pareil à celui de cette année depuis qu'ils sont en Russie, aussi toutes les fleurs tombent et offrent le souvenir d'une armée battue. Si le temps continue, je crains que nos projets pour Dimanche s'évanouiront en eau. Rien à vous mander, mes bons amis. J'ai eu hier à dîner le comte Kotschoubei et le comte Tolstoi; lorsqu'il se trouve avec nous, il y a assaut de botanique; son jardin doit devenir charmant, et je le jalouse, car il a des oeuillets superbes. Soignez mon goût pour les fleurs, chers enfants, et envoyez-moi autant de semences que vous pouvez en recueillir; ce sera me faire grand, grand plaisir. Que direz-vous, mes amis, lorsque vous saurez qu'il y a de mes bons invalides qui soignent mes roses! J'ai vu le clump devant le théâtre dans un ordre parfait, chaque rose attachée, et il se trouve que c'est l'invalide qui s'en est occupé, aussi l'en ai-je bien remercié, ce sont de braves gens qui paraissent m'aimer. Adieu, mes bons et chers enfants, je pense sans cesse à vous, tous mes voeux vous rappellent et demandent à l'Être Suprême votre conservation et le maintien dans vos principes de moralité, qui vous assurent toutes mes bénédictions. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime de même. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos bons cavaliers, de même qu'à Rühl. Bien des choses aussi de ma part à nos braves militaires de ma connaissance.

Marie.

---

16 іюля 1815 г.

(Переводъ). Если вы находите мои письма скучными, добрые друзья мои, то пеняйте за это на нашу отвратительную погоду; идетъ проливной дождь, и темно, какъ осенью. Всѣ садовники говорятъ, что они не запомнятъ подобной погоды съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Россію, поэтому всѣ цвѣты осыпаются и напоминаютъ армію, потерпѣвшую пораженіе. Если такая погода продолжится, то я боюсь, что наши воскресные планы рушатся. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго, добрые друзья мои. У меня обѣдали вчера гр. Кочубей и гр. Толстой; когда онъ бываетъ у насъ, то мы упражняемся въ ботаникѣ; его садикъ будетъ прелестный, и я завидую ему, такъ какъ у него есть роскошныя гвоздики. Не забудьте о моей любви къ цвѣтамъ, дорогія дѣти, и пришлите мнѣ такое количество

сѣмянъ, какое вамъ удастся пріобрѣсти; это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Что вы скажете, друзья мои, узнавъ, что нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ инвалидовъ ухаживаютъ за моими розами. Я видѣла, что клумба передъ театромъ въ образцовомъ порядкѣ; каждая роза подвязана; оказывается, что за ней смотрѣлъ инвалидъ; за то я хорошо поблагодарила его; повидимому, это прекрасные люди, и кажется, они меня любятъ. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти, я непрестанно думаю о васъ, отъ всей души желаю вашего возвращенія и прошу Всевышняго, чтобы Онъ сохранилъ васъ и укрѣпилъ васъ въ вашихъ нравственныхъ правилахъ, и мое благословеніе всегда будетъ надъ вами. Цѣлую васъ отъ всего, всего сердца и также сильно люблю васъ. Мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ добрымъ кавалерамъ, а равно Рюлю. Передайте также мой поклонъ всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю.

Марія.

Num. 46.

Ce 17 Juillet, Samedi, 1815.

Mes bons amis, vos courriers ne nous arrivent pas: nous voici de nouveau demain 8 jours sans vos nouvelles; il y a de quoi s'en désoler et se décourager à écrire soi-même, car nous ne recevons pas de réponse, et je suis réduite à chercher dans toutes les gazettes pour y trouver le nom de l'empereur et le vôtre en accompagnement: j'ai vu dans celles d'aujourd'hui que l'empereur devait arriver le 11 Juillet, ainsi le 29 Juin v. st. à Paris. Nous savons l'entrée du roi à Paris; l'ambassadeur comte de Noailles a reçu un courrier du roi expédié de Paris le 10 Juillet avec cette nouvelle; nous savons de même que les environs de Paris sont ruinées, et les gazettes annoncent les contributions demandées par Blucher, et je me dis quelle différence de cette entrée à celle que l'empereur a faite l'année passée à Paris. Alors tout portait le caractère de la véritable grandeur, de la magnanimité, de la clémence, tout tendait à conserver, et présentement la destruction et le prendre paraît à l'ordre du jour chez les Prussiens. Je me flatte que l'empereur ne restera pas longtemps à Paris: le séjour doit être désagréable dans ce moment. Nous connaissons aussi déjà la formation du conseil du roi, et même les gazettes nous annoncent déjà en tous caractères l'entrée de Louis XVIII, et nonobstant tous ces grands événements nous ne recevons pas de courrier. Le temps est affreux et toute la journée d'hier et d'aujourd'hui il a fait une averse perpétuelle: c'est désolant. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime bien tendrement.

Ce Dimanche, 18 Juillet.

Je ne voulais pas vous dire qu'Annette avait mal à la tête, espérant pouvoir vous dire aujourd'hui qu'elle était déjà mieux; ainsi ai-je ce plaisir, elle a bien dormi vers le matin, mais elle sent encore un léger reste de mal de tête, ce qui est toujours la suite de ces migraines, mais du moins présentement ni sa couleur, ni son pouls n'en sont affectés, et elle a bonne mine. La faculté dit que ces incommodités tiennent à l'horrible, affreuse et détestable saison de cette année qui ne s'est jamais vue: il fait des ondées sans cesse, tout est inondé et les chemins sont abîmés, toutes les eaux sont des torrents, qui abîment mon jardin, car la partie basse est submergée et les pluies emportent comme des torrents tous les chemins qui sont en pente: c'est une vraie désolation pour les jardiniers; mais ce qui est bien plus fâcheux, c'est que les foins et la récolte se gâtent. Notre course en ville est remise jusqu'à un meilleur temps. Je n'ai toujours pas de vos nouvelles, mes enfants, et vous répète qu'il faut écrire par la poste ces deux mots: l'empereur et nous nous portons bien. On n'a qu'à les mettre en musique ou les rimer, si on veut, il n'en résultera pas de mal à personne, mais du moins les enfants ne laisseront pas leur mère sans nouvelles, ce qui est un devoir sacré et y manquer une faute grave. Nous savons les environs de Paris ruinées, y compris Versailles, St. Cloud; cela fait peine à le penser: j'espère que vous me donnerez des détails à ce sujet. Que fait et où est Napoléon? Gare qu'il ne reparaîsse à la tête des troupes de Davoust et de Vandamme: le monde n'aura pas de tranquillité avans sa fin. Je n'ai rien d'intéressant à vous mander, mes bons amis. Je voudirai que le bon Villamof a pris Joseph chez lui pour le temps des vacances, il est avec ses enfants, et le soigne comme eux; c'est bien aimable de sa part et vous fera plaisir. Notre chère Adlerberg se porte bien et vous embrasse. Kurakin, Zagriasski, Pachkof, Mukhanof, enfin tous les miens vous disent mille choses. Bien mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos bons messieurs et à Ruhl; assurez de mon souvenir tous nos braves militaires. À propos: les gazettes annoncent que le roi des Pays-Bas va arriver à Paris: puisse son fils l'accompagner; alors, mes bons amis, je compte sur vous comme sur des autres moi-même, pour examiner, juger, scruter et deviner les pensées si c'est possible. Dieu veuille que notre projet réussisse: je le recommande à Sa bénédiction. Adieu, mes amis, mes enfants, ne m'oubliez pas et dites-vous que mon coeur et mon âme est à vous. Je vous embrasse mille fois.

Marie.

Que lisez-vous, mes amis? Et quelles lectures avez-vous fait depuis que vous m'avez quittée? Avez-vous tenu votre journal militaire? À pro-

pos, qu'en dites-vous du contrat de mariage signé à Gand entre le duc de Berry et l'archiduchesse d'Autriche? Vous voyez que je ne me suis pas trompée dans mes conjectures; mais gare que M-r de Metternich n'intrigue pas de même pour empêcher celui du prince d'Orange: j'avoue que je m'en inquiète.

Суббота, 17-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Отъ васъ, добрые друзья мои, все еще нѣтъ курьеровъ; завтра снова недѣля, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій; есть отъ чего придти въ отчаяніе и, не получая отвѣта, потерять всякую охоту писать; мнѣ приходится рыться во всѣхъ газетахъ, чтобы найти въ нихъ имя императора и рядомъ съ этимъ ваши имена; я прочла въ сегодняшнихъ газетахъ, что императоръ долженъ быть въ Парижѣ 11-го іюля, т.-е. 29-го іюня ст. ст.; мы знаемъ о въѣздѣ короля въ Парижъ; посланникъ, гр. де-Ноаль получилъ отъ короля письмо съ этимъ извѣстіемъ, посланное изъ Парижа 10-го іюля; намъ извѣстно также, что окрестности Парижа разорены, и въ газетахъ сообщается о контрибуціи, которую требуетъ Блюхеръ; невольно приходитъ на умъ, какая разница между этимъ въѣздомъ и въѣздомъ въ Парижъ императора въ прошломъ году. Тогда все носило отпечатокъ истиннаго величія, великодушія, милосердія, все клонилось къ тому, чтобы сохранить, а въ настоящее время пруссаки только и думаютъ все разрушить и захватить. Надѣюсь, что императоръ не долго пробудетъ въ Парижѣ, гдѣ пребываніе должно быть непріятно въ настоящее время. Намъ также извѣстенъ составъ королевскаго совѣта, а въ газетахъ возвѣщается даже открыто о въѣздѣ Людовика XVIII и, несмотря на то, что совершается столько великихъ событій, мы не имѣемъ курьеровъ. Погода стоитъ отвратительная, вчера и сегодня весь день, не переставая, шелъ дождь; это приводитъ въ отчаяніе. Прощайте, добрые друзья мои; цѣлую васъ отъ всего сердца и горячо люблю васъ.

Воскресенье, 18-го іюля.

Я не хотѣла писать вамъ вчера, что у Аннеты болѣла голова, въ надеждѣ, что сегодня я буду имѣть удовольствіе сказать вамъ, что ей лучше; и дѣйствительно, это такъ; подъ утро она хорошо спала, хотя у нея еще слегка побаливаетъ голова, что̀ бываетъ всегда послѣдствіемъ этихъ мигреней; по крайней мѣрѣ въ настоящее время у нея пульсъ и цвѣтъ лица хороши, и она имѣетъ здоровый видъ. Врачи говорятъ, что причина ея недомоганія ужасно скверное и несносное лѣто нынѣшняго года, какого давно не бывало: ежеминутно льютъ проливные дожди, все затоплено, дороги испорчены; всѣ рѣчки превратились въ потоки, которые

портятъ мой садъ, такъ какъ вся низкая часть залита водою, и дождь, подобно потоку, сноситъ всю землю съ дорожекъ, имѣющихъ уклонъ: это приводитъ въ отчаяніе садовниковъ, но что̀ несравненно хуже, это то, что сѣно и хлѣба гніютъ. Наша поѣздка въ городъ отложена до болѣе благопріятнаго времени. Я все еще не имѣю отъ васъ извѣстій, дѣти мои, и повторяю вамъ, что надобно писать по почтѣ только нѣсколько словъ: императоръ и мы здоровы. Ихъ можно переложить на музыку или писать ихъ риѳмами, если хотите, отъ этого никому не будетъ вреда, но по крайней мѣрѣ дѣти не оставятъ матери безъ извѣстій о себѣ, что̀ составляетъ ихъ священную обязанность: не исполнять ее—большой грѣхъ. Мы читали, что окрестности Парижа, не исключая Версаля и Сенъ-Клу, разорены! Грустно подумать это: надѣюсь, что вы сообщите мнѣ подробности. Гдѣ Наполеонъ и что онъ дѣлаетъ? Лишь бы онъ не появился вновь во главѣ отрядовъ Даву и Вандама: міръ не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ. Я не имѣю сообщить вамъ ничего интереснаго, добрые друзья мои. Скажу вамъ, что добрый Вилламовъ взялъ къ себѣ на каникулы Іосифа: онъ помѣщается вмѣстѣ съ его дѣтьми и за нимъ смотрятъ такъ же, какъ за ними; это очень любезно съ его стороны и будетъ вамъ пріятно. Наша дорогая Адлербергъ здорова и цѣлуетъ васъ. Куракинъ, Загряжскій, Пашковъ, Мухановъ, словомъ, всѣ мои шлютъ вамъ тысячу привѣтствій. Передайте мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ добрымъ кавалерамъ, а также Рюлю; скажите всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, что я о нихъ помню. Кстати, въ газетахъ пишутъ, что въ Парижѣ ожидаютъ Нидерландскаго короля: было бы хорошо, если бы его сопровождалъ сынъ; въ такомъ случаѣ, добрые друзья мои, я расчитываю на васъ, какъ на самое себя: наблюдайте, присматривайтесь и предугадайте, если возможно, мысли. Дай Богъ, чтобы нашъ планъ удался: молю Господа благословить его. Прощайте, друзья мои, дѣти мои, не забывайте меня и вѣрьте, что я ваша душою и сердцемъ. Цѣлую васъ тысячу разъ. Марія.

Что вы читаете, друзья мои? И что вы читали за это время, съ тѣхъ поръ, какъ вы разстались со мною? Вели-ли вы свой военный дневникъ? Кстати, что вы скажете о брачномъ контрактѣ между герцогомъ Беррійскимъ и эрцгерцогиней Австрійской, подписанномъ въ Гентѣ? Видите, я не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ; но, чуръ, не помѣшалъ бы также Меттернихъ своими интригами браку принца Оранскаго; признаюсь, это меня безпокоитъ.

Num. 47.

Ce 20 Juillet 1815.

Chers enfants, je suis heureuse par vos lettres que le prince Trubetzkoi m'a portées: j'ai commencé déjà hier à vous répondre, je continuerai

aujourd'hui, celle-ci n'est que pour vous assurer de mon souvenir, amitié et tendresse. L'espérance de vous revoir le 14 Octobre me rend extrêmement heureuse. Dieu veuille la réaliser. Notre temps continue à être abominable, il ne fait que pleuvoir et la chaleur est étouffante, parce que l'air est si humide: c'est un véritable air de bain. Je pars demain, s'il plaît à Dieu, pour la ville pour chanter le Te Deum le 22. Je reviendrai le 24. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime de même. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs. Assurez de mon souvenir toutes mes connaissances militaires.

Marie.

20-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, какъ я была счастлива, получивъ ваши письма, доставленныя мнѣ кн. Трубецкимъ; я уже принялась вчера отвѣчать вамъ и буду продолжать письмо сегодня; теперь же пишу вамъ только для того, чтобы сказать вамъ, что я васъ не забываю и по-прежнему нѣжно люблю. Надежда увидѣться съ вами 14-го октября чрезвычайно радуетъ меня. Дай Богъ, чтобы она сбылась. Погода все еще стоитъ у насъ отвратительная, то и дѣло идетъ дождь, и очень душно, такъ какъ воздухъ сырой: совсѣмъ какъ въ банѣ. Завтра я поѣду, Богъ дастъ, въ городъ, чтобы отслужить молебенъ 22-го числа, и вернусь 24-го. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и такъ же горячо люблю васъ. Мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Передайте всѣмъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ. Марія.

Num. 48.

Ce Lundi, 19 Juillet 1815.

Chers, bien et bien aimés enfants, le prince Trubetzkoi est arrivé vers les midi, c'est vous dire que je suis heureuse, car j'ai des nouvelles de l'empereur et de vous: je vois Alexandre content, je vous vois tous satisfaits et tous aussi pénétrés de reconnaissance pour l'Être Suprême, que je le suis moi-même. Il est certain, mes bons amis, que la miséricorde divine s'est manifestée d'une manière éclatante et que c'est à elle que nous devons tous ces résultats véritablement miraculeux. On a mis moins de temps à écraser Napoléon après l'avoir battu complétement et à rétablir les Bourbons, qu'il n'en a mis pour arriver d'Antibes à Paris. Veuille l'Être Suprême consolider cette grande oeuvre en permettant qu'on se saisisse de la personne de Napoléon à l'île de Rhé, comme il

est permis de l'espérer; il faut le souhaiter pour détruire une bonne fois son parti et donner le repos et le calme à l'Europe. Que je suis touchée, mes bons amis, de tout ce que vous me dites d'aimable et de m'assurant sur vous-mêmes, sur la conduite que vous voulez tenir et la grande surveillance que vous vous proposez d'observer sur vous-mêmes: avec cette ferme volonté vous serez sûrs de réussir, mes bons amis, à conserver la pureté de vos principes, qui assure celle de votre conscience et vous donne le plus grand bien, en vous méritant les bénédictions divines, les miennes et celles de tous ceux qui s'intéressent à vous. Le prince Trubetzkoi m'a dit un bien extrême de vous et m'assure que le g(énéral) Konovnitzin se louait beaucoup de vous; jugez, mes bons amis, avec quel bonheur j'entends faire votre éloge. Continuez, continuez, mes chers enfants, à marcher la route vraie et droite du devoir, de la vertu: elle vous fraye celle d'un avenir heureux pour ce monde et pour l'autre. Que je vous suis obligée, mes bons amis, d'avoir pensé à ma commission du 29 Juin, d'être sûrs que je prierai Dieu pour vous; que je vous suis obligée de n'avoir pas été au spectacle ce jour par respect pour le souvenir de l'anniversaire de ce jour: croyez-moi que ces traits ne sont pas perdus pour mon coeur et que je les recueille tous; c'est un riche fond que vous lui confiez et que je vous paye en bénédiction. Votre signe de croix, cher Nicoche, en passant la barrière de St. Martin, fait avec l'intention que vous y avez attachée, m'a vraiment émue, et certainement Dieu bénira votre bonne intention et vous en récompensera. Enfin, mes enfants, tout le contenu de vos lettres m'a fait un plaisir extrême, je les ai lues et relues et m'arrêtai à chaque détail. Vos réflexions sur la légèreté, l'inconstance et la démoralisation de cette nation sont des plus justes. Veuille l'Être Suprême préserver chaque état de tomber aussi bas: l'immoralité seule peut conduire à cet état de choses, et si la France ne retourne pas à Dieu, à la vertu, aux moeurs, elle ne se relèvera jamais. Je plains le malheureux roi de devoir régner sur ce peuple; je suis bien aise de voir qu'il a gagné de la fermeté, il en aura grand besoin. Bonsoir, mes bons amis, je ne puis vous en dire davantage ce soir, dormez bien et pensez à moi.

Ce 20 Juillet, Mardi.

J'ai voulu vous écrire bien longuement ce soir, mes bons amis, mais ma lettre à l'empereur m'a entraînée si bien que je ne puis vous dire que deux mots. Chers enfants, l'année passée tout était bonheur et attente pour moi, car je comptais vous revoir demain; pour aujourd'hui je me dis: si je vous revois dans trois mois, je serai bien heureuse. Cependant, mes chers enfants, ne me croyez pas égoiste, je préférais toute ma vie mon devoir à tout sentiment et votre utilité personnelle à tout

le bonheur et l'agrément de ma vie, ainsi, mes chers enfants, je ne puis qu'approuver la course que vous désirez faire à votre retour pour voir le théâtre de la guerre de 7 ans, et si vous en obtenez le consentement de l'empereur, je vous donne volontiers le mien, mais c'est à lui à en décider. Je vous remercie de vouloir revenir pour le 14 Octobre; je m'en réjouis d'avance, mais, mes bons amis, n'allez pas vous exténuer de fatigue pour arriver ce jour: dites-vous que celui où je vous reverrai sera constamment un jour de fête et de bonheur pour moi. Bonsoir, mes bons, chers amis, dormez bien.

Ce 21 Juillet, Mercredi.

L'année passée, chers enfants, je vous attendais, mon coeur me battait d'impatience et j'allais être la plus heureuse des mères: cette année nous sommes à des distances immenses, mais certainement vous pensez à moi et prierez Dieu pour moi. Je ne puis vous dire qu'un mot, car au moment de partir tout le monde vient me féliciter et je n'ai pas d'instant à moi. Voici ma petite liste de commissions que vous me demandez, cher Nicoche. Vous voyez que je mets votre goût à l'épreuve. Adieu, chers et bien aimés enfants, que Dieu vous conserve et vous ramène dans mes bras. Mille compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs; assurez de mon souvenir toutes mes connaissances militaires ne m'oubliez pas. Богъ съ вами, Богъ съ нами.

Marie.

Chers enfants, vous m'avez renvoyé la lettre de Villamof à son fils, tandis qu'il doit vous être arrivé peu de jours après; en voici une autre pour vous: soignez-la, mes amis, je vous en prie, et rendez-lui ce qu'il fait pour Joseph en vous occupant de son fils. J'ai reçu des lettres de papa Lamsdorf qui va nous revenir à petites journées; il est mieux, mais cependant il se plaint beaucoup de la perte de ses forces. Écrivez-lui de grâce souvent.

Понедѣльникъ, 19-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Дорогія, многолюбимыя дѣти, около полудня пріѣхалъ кн. Трубецкой; это значитъ, что я счастлива, такъ какъ я получила извѣстія отъ императора и отъ васъ; я вижу, что Александръ доволенъ, и что вы всѣ довольны и преисполнены благодарностью къ Всевышнему такъ же точно, какъ я; несомнѣнно, добрые друзья мои, что Божіе милосердіе проявилось блистательнымъ образомъ и что мы обязаны Ему совершившимся по истинѣ чудеснымъ событіемъ. На то, чтобы сокрушить Наполеона, разбивъ его окончательно, и возстановить Бурбоновъ

понадобилось менѣе времени, нежели онъ употребилъ на то, чтобы прибыть изъ Антиба въ Парижъ. Да упрочитъ Всевышній это великое дѣло, допустивъ, чтобы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ на островѣ Ре[1]), какъ на это можно расчитывать; этого надобно желать, для того, чтобы дѣло его разъ навсегда было уничтожено и чтобы въ Европѣ водворилось спокойствіе и миръ. Я очень тронута, добрые друзья мои, всѣмъ, что вы пишете мнѣ милаго и успокоительнаго на вашъ счетъ и относительно вашего дальнѣйшаго поведенія и того, какъ внимательно вы намѣрены слѣдить за собою; обладая столь твердой волей, вамъ навѣрно удастся, добрые друзья мои, сохранить чистоту нравовъ, а это дастъ вамъ спокойствіе совѣсти и доставитъ вамъ величайшее благо, такъ какъ вы заслужите этимъ благословеніе Божіе, мое и всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ въ васъ участіе. Кн. Трубецкой высказалъ о васъ много хорошаго и увѣрялъ меня, что ген. Коновницынъ не нахвалится вами: можете судить, добрые друзья мои, какъ мнѣ пріятно слышать, когда васъ одобряютъ. Продолжайте же, дорогія дѣти мои, идти прямою стезею долга и добродѣтели: это уготовитъ вамъ счастье въ этой и въ будущей жизни. Какъ я благодарна вамъ, добрые друзья мои, что вы не забыли моего порученія относительно 29-го іюня и что вы увѣрены въ томъ, что я буду молиться Богу о васъ; какъ я благодарна вамъ за то, что вы не были въ этотъ день на спектаклѣ, изъ уваженія къ воспоминанію, связанному съ этимъ днемъ; будьте увѣрены, что всѣ эти мелочи не потеряны для меня и что я свято храню ихъ въ своемъ сердцѣ и благословляю васъ за это. Крестное знаменіе, коимъ вы осѣнили себя, дорогой Никошъ, проѣзжая заставу Сенъ-Мартенъ, и мысли, которыя вы при этомъ имѣли, чрезвычайно тронули меня; Господь несомнѣнно благословитъ ваше доброе намѣреніе и наградитъ васъ за это. Словомъ, дѣти мои, содержаніе вашихъ писемъ доставило мнѣ громадное удовольствіе; я ихъ читала и перечитывала и отмѣчала малѣйшую подробность. Ваши разсужденія о легкомысліи, непостоянствѣ и развращенности этой націи въ высшей степени справедливы. Да сохранитъ Всевышній всякое государство отъ такого паденія: только безнравственность можетъ довести до такого состоянія, и если Франція не вернется къ Богу и добрымъ нравамъ, то она никогда не воспрянетъ. Я сожалѣю несчастнаго короля, которому приходится управлять этимъ народомъ, и очень рада, что онъ сталъ тверже, это ему очень пригодится. Прощайте, добрые друзья мои; я не могу писать вамъ болѣе сегодня вечеромъ, спите спокойно и вспоминайте меня.

---

[1]) Укрѣпленный французскій островокъ въ Бискайскомъ заливѣ.

20-го іюля, вторникъ.

Я хотѣла писать вамъ сегодня вечеромъ пространно, добрые, друзья мои, но такъ увлеклась своимъ письмомъ къ императору, что могу написать вамъ всего пару словъ; дорогія дѣти, въ прошломъ году, я была счастлива въ этотъ день и вся превратилась въ ожиданіе, такъ какъ я надѣялась увидѣть васъ на слѣдующій день; сегодня же я говорю себѣ, что если я увижу васъ черезъ три мѣсяца, то это будетъ для меня великое счастье. Однако, дорогія дѣти, не считайте меня эгоисткой, я предпочитала всю жизнь долгъ чувству и ставила вашу пользу выше счастья и всѣхъ прелестей моей жизни; поэтому, дорогія дѣти, я вполнѣ одобряю поѣздку, которую вы хотите совершить на обратномъ пути, чтобы осмотрѣть театръ военныхъ дѣйствій Семилѣтней войны; если вы получите на это соизволеніе императора, то я охотно даю вамъ свое позволеніе, но окончательное рѣшеніе зависитъ отъ него. Благодарю васъ за то, что вы хотите вернуться къ 14-му октября; я заранѣе радуюсь этому, но, добрые друзья мои, не утомитесь черезчуръ изъ желанія пріѣхать къ этому дню; помните, что тотъ день, въ который я васъ увижу, будетъ всегда для меня праздникомъ и счастливымъ днемъ. Прощайте, добрые, дорогіе друзья мои, спите спокойно.

21-го іюля, среда.

Въ прошломъ году, дорогія дѣти, я поджидала васъ, и сердце мое билось отъ нетерпѣнія; я чувствовала, что я буду скоро счастливѣйшею изъ матерей; въ нынѣшнемъ году мы отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, но вы навѣрно думаете обо мнѣ и помолитесь за меня. Я могу сказать вамъ только нѣсколько словъ, ибо въ ту минуту, когда я собиралась ѣхать, ко мнѣ явились съ поздравленіемъ, и я не имѣла свободной минуты. Вотъ маленькій списокъ порученій, который вы просили меня прислать вамъ, дорогой Никошъ. Какъ видите, я хочу испытать вашъ вкусъ. Прощайте, дорогія, любезныя дѣти; да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ въ мои объятія. Искренній привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ; передайте всѣмъ моимъ знакомымъ военнымъ, что я ихъ вспоминаю; не забывайте меня. Богъ съ вами, Богъ съ нами. Марія.

Дорогія дѣти, вы переслали мнѣ обратно письмо Вилламова къ его сыну, между тѣмъ онъ былъ уже вѣроятно у васъ нѣсколько дней спустя; вотъ другое письмо, передайте его, пожалуйста, друзья мои; отплатите ему за то, что онъ сдѣлалъ для Іосифа, позаботившись объ его сынѣ. Я получила письма отъ папаши Ламсдорфа, который ѣдетъ къ намъ обратно, не спѣша; ему лучше, но онъ жалуется на упадокъ силъ. Бога ради, пишите ему чаще.

Num. 49.

Au Palais Taurique. Ce 23 Juillet 1815.

Mes bons amis, je viens vous dire le bonsoir par la poste; ma journée a été très active, nous avons vu le jardin du comte Tolstoi, de Madame Gourief dans la matinée; le premier est charmant et un véritable bijou, je ne connais rien de plus joli, de mieux entretenu. Cet après-dîner j'ai couru mes institutions et me voici rentrée; cependant demain matin je me leverai de bonne heure pour partir à 8 heures, car je veux expédier mon courrier de Pawlowsk pour écrire à mon aise: j'ai beaucoup de choses à vous conter qui vous feront plaisir. Bonsoir, mes bons amis, mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs de même qu'à mes connaissances militaires. Ne m'oubliez pas, mes enfants, et rappelez-vous des conseils de votre meilleure amie qui vous embrasse de tout son coeur.

Marie.

Таврическій дворецъ, 23-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, я только-что писала вамъ по почтѣ; я провела сегодняшній день весьма дѣятельно, мы осматривали садъ графа Толстаго, а по утру садъ г-жи Гурьевой, изъ коихъ первый восхитителенъ; это настоящее сокровище, я не видала ничего красивѣе и лучше содержаннаго. Сегодня послѣ полудня я объѣхала свои учрежденія и вернулась только сію минуту; а завтра утромъ я встану рано съ тѣмъ, чтобы выѣхать отсюда въ 8 часовъ, такъ какъ я хочу отправить курьера изъ Павловска, чтобы имѣть возможность написать вамъ безъ помѣхи: я имѣю разсказать вамъ многое, что доставитъ вамъ удовольствіе. Прощайте, добрые друзья мои, привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, точно такъ же, какъ моимъ знакомымъ военнымъ. Не забывайте меня, дѣти мои, и помните совѣты вашего лучшаго друга, который цѣлуетъ васъ отъ всего сердца. Марія.

Num. 50.

Au Palais Taurique. Ce 21 Juillet 1815.

Chers enfants, il me faut absolument me donner la consolation de vous écrire encore ce soir pour vous dire que j'ai passé ma soirée dans ma pensée avec vous, que je vous ai vus arriver à Péterhof, que j'ai joui encore de mon bonheur d'alors et qu'il me paraît vous voir et vous

entendre. Chers, chers enfants, qu'il m'en coûte de passer ma fête sans vous. J'ai à vous remercier, mes bons amis, pour un charmant cadeau que j'ai reçu de vous, Annette m'a donné en votre nom un camélia (vous vous rappelez de ces belles fleurs rouges que je portais cet hiver), et bien, c'est la plante qui porte ce nom qui me fait un plaisir fou: je vous en remercie mille fois, mes bons amis, et vous assure que ce don m'est précieux et cher; il embellira mon cher Pawlowsk. Arrivée ici, mes bons amis, j'ai eu beaucoup de monde, et nous avons joué et soupé. Je me dis que vous aurez souvent pensé à moi. Adieu et bonsoir, mes amis.

Ce 22 Juillet. Jeudi.

Le comte Schouvalof nous est arrivé à l'église, mes bons amis, cinq minutes avant le commencement du Te Deum: jugez du bonheur, de la joie que la nouvelle qu'il a apportée a répandu géneralement: on ne s'en fait pas d'idée! Je vous en parlerai en détail demain, ce soir je ne le puis et me bornerai seulement à vous dire que j'ai beaucoup, beaucoup pensé à mes bien chers et bien aimés petits amis, que je les aurais désirés des nôtre et que je me suis dit qu'ils se seraient de même désirés avec nous. Schouvalof m'a apporté deux de vos lettres, cher Nicolas, écrites encore avant la prise de Napoléon et une de Michel écrite après l'événement; je suis bien persuadée, cher Nicoche, que vous m'avez écrit aussi, mais apparemment qu'on a oublié de l'inserrer dans le paquet. Bonsoir, mes enfants, mes yeux me tombent, je vous embrasse mille et mille fois.

Ce 23 Juillet.

Je vous écris par la poste, mes bons amis, mais nonobstant je vous dis deux mots pour vous dire que maman a été sur pied toute la journée et que ce soir je sens que j'ai des pieds. Qu'il me tarde de recevoir de vos nouvelles, cher Nicoche, je ne me fais pas à la pensée de n'avoir pas eu de vos lettres par Schouvalof; je vous parlerai de son arrivée demain; pour ce soir bonsoir, bonne nuit et mille bénédictions.

Ce 24 Juillet, à Pawlowsk.

Je suis partie de la ville à $8^1/_2$ pour avoir le temps d'écrire en repos à mes bons amis, espérant y parvenir, mais ma lettre à l'empereur étant longue m'a pris du temps. Annette vous donne la description de l'arrivée du comte Schouvalof, ainsi je me bornerai à vous dire, qu'un fait exprès n'aurait pas mieux réussi et qu'en vérité le grand à propos de son arrivée, cinq minutes avant le Te Deum qui devait déjà se chanter, est un nouveau bienfait de la Providence, qu'il est impossible de méconnaître; l'émotion a été générale et telle qu'elle devait être

dans ce lieu sacré: auguste et calme; j'ai fait mon signe de croix du fond de mon coeur et j'ai remercié la Providence de m'avoir accordé le bonheur de cette nouvelle à mon jour de nom; j'ose dire que cela a fait généralement plaisir. Vos lettres m'en ont fait beaucoup, mes chers enfants, tous les détails que vous me donnez, cher Nicolas, dans les vieilles lettres que Schouvalof m'a apportées me sont d'un grand intérêt, surtout je vois avec une satisfaction extrême, que vous avez pris tous deux la bonne résolution de vous occuper sérieusement une partie de la matinée: ce devoir est indispensable, mes bons amis, pour vous conserver dans la bonne route de l'amour pour le bien et de la haine pour le mal; on écrit, on dit que la démoralisation est à son comble à Paris et qu'il y règne le plus mauvais esprit possible; je bénirai Dieu de vous en savoir tous partis, car cette nation n'a ni foi, ni loi; et cette impunité des scélérats, qui entouraient Napoléon, et des jacobins, tout aussi dangereux qu'eux, les rendra encore plus osés: il serait bien nécessaire de les éloigner et de les mettre dans l'impossibilité de faire du mal; je plains le roi du fond de mon coeur. Parlez-moi, mes enfants, de tout ce que vous entendrez sur le sort de Napoléon; puisse-t-il être bien gardé J'espère qu'avec l'aide de Dieu vous êtes au moment de quitter cette moderne Babylone et désire vivement vous savoir partis de Paris et reprendre le chemin de chez nous, tout en visitant le théâtre de la guerre de 7 ans. Je vois avec un plaisir extrême, cher Nicoche, que vous ne perdez pas de vue les intérêts d'Annette, et attends avec la plus vive impatience ce que vous me direz du prince d'Orange: il me paraît que la chose doit se décider présentement ou jamais, car c'est bien le moment d'en parler; Dieu veuille que cela réussisse, car en vérité c'est le seul parti digne d'elle. J'espère bientôt, cher Nicoche, pouvoir vous donner des nouvelles d'A(lexandrine) et avoir réponse à ma lettre: en attendant il me paraît que le frère est bien dans vos intérêts, mais, mon ami, après ce que vous me dites de sa grande étourderie, ne craignez-vous pas en lui parlant avec trop d'abandon, tout bon enfant qu'il est, qu'il ne vous compromette par jeunesse; ainsi un peu de prudence serait nécessaire. J'espère, mes enfants, que vous avez tâché de voir souvent le m(aréchal) Wellington; voilà une société précieuse pour vous, où vous trouverez toujours à acquérir: sa grande modestie relève encore l'éclat et son mérite; tâchez, je vous prie, de le voir le plus souvent possible et dites même au maréchal (dans l'occasion) que c'est moi qui vous ai engagés à le fréquenter, à le rechercher en toute occasion, pour profiter et de ses préceptes et de sa conversation qui sera certainement une leçon pour vous. Faites mes compliments, mes enfants, au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs qui ne me donnent pas signe de vie; bien des choses au bon Ruhl; assurez tous les braves militaires de ma con-

naissance de mon souvenir. Le comte Schouvalof m'a dit que la garde a reçu l'ordre de revenir, ce qui fait grand plaisir. Adieu, chers et bons enfants; on espère voir l'empereur ici pour le 7 Septembre. Dieu, Dieu le veuille. Ne m'oubliez pas, mes bons amis, rappelez-vous de mes conseils et dites-vous que personne ne vous chérit et ne vous aime autant que maman, faites en de même.

Marie.

Faites l'acquisition pour moi, mes bons amis, d'un petit breguet pour porter à une chaîne au col pour les voyages; je le désire bien bon et bien simple, marquez m'en le prix, pour que je puisse à l'instant vous en envoyer le déboursé.

21-го іюля 1815 г. Таврическій дворецъ.

(Переводъ.) Дорогія дѣти, не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать вамъ еще разъ сегодня вечеромъ и сказать вамъ, что я провела вечеръ мысленно съ вами; я припоминала, какъ вы пріѣхали въ Петергофъ, еще разъ пережила испытанное мною тогда счастье, и мнѣ казалось, что я еще вижу и слышу васъ. Дорогія, дорогія дѣти, какъ мнѣ тяжело провести день моего ангела безъ васъ. Я должна поблагодарить васъ, добрые друзья мои, за полученный мною отъ васъ подарокъ; Аннета передала мнѣ отъ вашего имени камелію (помните тѣ прелестные красные цвѣты, которые я носила эту зиму); растеніе, носящее это названіе, до безумія порадовало меня; тысячу разъ благодарю васъ за него, добрые друзья мои, и увѣряю васъ, что этотъ подарокъ драгоцѣненъ и дорогъ мнѣ; онъ будетъ украшеніемъ моего дорогаго Павловска. По пріѣздѣ моемъ сюда, добрые друзья мои, у меня было много посѣтителей, мы играли и ужинали. Я думаю, вы не разъ вспоминали меня. Прощайте, покойной ночи, друзья мои.

22-го іюля, четвергъ.

Гр. Шуваловъ пріѣхалъ прямо въ церковь, добрые друзья мои, за пять минутъ до начала молебна; можете судить, какую радость и какое счастье произвело привезенное имъ извѣстіе; это трудно передать; я разскажу вамъ объ этомъ подробно завтра, сегодня я не могу этого сдѣлать, скажу только, что много, много думала о дорогихъ и любезныхъ друзьяхъ моихъ, и горячо желала, чтобы они были съ нами; я говорила себѣ мысленно, что и они, вѣроятно, желали бы быть съ нами. Шуваловъ привезъ мнѣ отъ васъ два письма, дорогой Николай, которыя были написаны еще до взятія (въ плѣнъ) Наполеона, и одно письмо отъ Михаила, написанное послѣ этого событія. Я убѣ-

ждена, дорогой Никошъ, что вы также писали мнѣ, но по всей вѣроятности позабыли вложить письмо въ пакетъ. Прощайте, дѣти мои, глаза у меня слипаются, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ.

23-го іюля.

Я писала вамъ по почтѣ, добрые друзья мои; тѣмъ не менѣе я пишу вамъ еще пару словъ, чтобы сказать вамъ, что ваша мамаша была весь день на ногахъ, и что сегодня вечеромъ я чувствую, что у меня есть ноги; съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отъ васъ извѣстій, дорогой Никошъ, я не могу примириться съ мыслью, что Шуваловъ не привезъ мнѣ отъ васъ писемъ; я опишу вамъ его пріѣздъ завтра; пока прощайте, доброй ночи, посылаю вамъ тысячу благословеній.

24-го іюля. Павловскъ.

Я уѣхала изъ города въ $8^1/_2$ ч., чтобы успѣть спокойно написать моимъ добрымъ друзьямъ, надѣясь, что это мнѣ удастся, но такъ какъ я написала очень длинное письмо императору, то оно заняло очень много времени. Аннета описываетъ вамъ пріѣздъ гр. Шувалова, поэтому я скажу, съ своей стороны, одно: что нарочно нельзя было бы придумать ничего лучше его пріѣзда, за пять минутъ до молебна, который предполагалось отслужить; это было такъ кстати, что нельзя не видѣть въ этомъ новаго благодѣянія, ниспосланнаго намъ Провидѣніемъ; всѣ были взволнованы; волненіе, охватившее всѣхъ, было таково именно, какъ подобало въ этомъ священномъ мѣстѣ: торжественное и безмолвное; я отъ души сотворила крестное знаменіе и возблагодарила Провидѣніе за то, что я имѣла счастье получить это извѣстіе въ день моего ангела; могу сказать, что оно порадовало всѣхъ.

Ваши письма доставили мнѣ большое удовольствіе, дорогія дѣти мои; всѣ подробности, сообщаемыя вами, дорогой Николай, въ вашихъ прежнихъ письмахъ, привезенныхъ Шуваловымъ, показались мнѣ весьма интересны; я вижу съ особеннымъ удовольствіемъ, что вы возъимѣли благое намѣреніе посвящать часть утра серьезнымъ занятіямъ; это необходимо, добрые друзья мои, для того, чтобы вы сохранили любовь къ добру и отвращеніе къ злу; говорятъ и пишутъ, что развратъ достигъ въ Парижѣ высшей степени, что тамъ царствуетъ самый дурной духъ; я возблагодарю Бога, узнавъ, что вы всѣ уѣхали оттуда, ибо у этой націи нѣтъ ни религіи, ни нравственности, и безнаказанность негодяевъ, которые окружали Наполеона, и столь же опасныхъ якобинцевъ придастъ имъ еще болѣе смѣлости; было бы необходимо удалить ихъ и пресѣчь имъ возможность дѣлать зло; отъ всего сердца сожалѣю короля.

Пишите мнѣ, дѣти мои, все, что вы услышите о судьбѣ Наполеона;

дай Богъ, чтобы его хорошенько караулили. Надѣюсь, что съ помощью Божіей, вы уже собираетесь уѣхать изъ этого современнаго Вавилона; я очень желаю, чтобы вы уже уѣхали изъ Парижа и были на пути къ намъ, посѣтивъ по дорогѣ театръ военныхъ дѣйствій Семилѣтней войны.

Мнѣ очень пріятно видѣть, дорогой Никошъ, что вы не теряете изъ вида интересовъ Аннеты, и я ожидаю съ нетерпѣніемъ, что вы скажете мнѣ о принцѣ Оранскомъ; мнѣ кажется, что это дѣло должно рѣшиться теперь или никогда, ибо теперь самый подходящій моментъ завести объ этомъ рѣчь; дай Богъ, чтобы это удалось, ибо, по истинѣ, это единственная партія, достойная ея. Я надѣюсь, дорогой Никошъ, сообщить вамъ вскорѣ извѣстія объ А(лександринѣ) и получить отвѣтъ на мое письмо; пока, мнѣ кажется, что братъ вполнѣ сочувствуетъ вамъ, но, другъ мой, въ виду того, что вы пишете о его крайней вѣтренности, не боитесь-ли вы, говоря съ нимъ слишкомъ откровенно, что онъ, при всемъ своемъ добродушіи, выдастъ васъ по молодости лѣтъ; поэтому не мѣшало бы быть немного осторожнѣе. Надѣюсь, дѣти мои, что вы старались чаще видѣть фельдмаршала Веллингтона; его общество неоцѣнимо для васъ, и вы можете только пріобрѣсти въ немъ; его замѣчательная скромность только увеличиваетъ его выдающіяся заслуги; прошу васъ, постарайтесь видѣться съ нимъ какъ можно чаще; скажите даже фельдмаршалу (при случаѣ), что я именно совѣтовала вамъ посѣщать его и искать его знакомства, чтобы воспользоваться и его нравственными правилами, и бесѣдою съ нимъ, которая, безъ сомнѣнія, будетъ для васъ назидательна. Передайте мой привѣтъ, дѣти мои, ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, которые не даютъ признака жизни, и лучшія пожеланія доброму Рюлю; передайте всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ. Гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что гвардіи приказано возвратиться; это очень пріятно. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти; здѣсь ожидаютъ императора къ 7-му сентября. Дай Богъ, дай Богъ. Не забывайте меня, добрые друзья мои, помните мои совѣты и будьте увѣрены, что никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваша мамаша; любите ее такъ же. Марія.

Купите для меня, добрые друзья мои, маленькій брегетъ, который можно бы носить на шейной цѣпочкѣ въ дорогѣ; я хочу, чтобы онъ былъ хорошій и очень простой; напишите мнѣ, что онъ можетъ стоить, чтобы я тотчасъ могла выслать вамъ эту сумму.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

1839 годъ.

II [1]).

Кончина А. Ѳ. Воейкова.—Бракосочетаніе герцога Лейхтенбергскаго.—Спускъ корабля „Россія“.—Балы у великаго князя Михаила Павловича и принца Ольденбургскаго.—Лицейскіе товарищи барона Корфа: И. В. Малиновскій, П. Н. Мясоѣдовъ, графъ С. Ф. Брогліо, Ѳ. Х. Стевенъ, А. П. Бакунинъ, А. Д. Тарковъ, К. К. Данзасъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ А. А. Дельвигъ, С. Д. Комовскій, С. С. Есаковъ, М. Л. Яковлевъ, Н. А. Корсаковъ, В. Д. Вальховскій, И. И. Пущинъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, А. С. Пушкинъ, П. Ѳ. Саврасовъ, баронъ П. Ѳ. Гревеницъ, А. Д. Илличевскій, Д. Н. Масловъ, А. А. Корниловъ, С. Г. Ломоносовъ, В. К. Кюхельбекеръ, П. М. Юдинъ и Н. А. Ржевскій.—Наводненіе въ Петербургѣ.—Дѣло о лажѣ.—Вятки.—Бородинскіе маневры.—Настоятель Сергіевской пустыни Игнатій Брянчаниновъ.—Мнѣніе Государственнаго Совѣта о войскахъ.—Манифестъ объ уничтоженіи лажа.—Закладка храма Христа Спасителя.—Васильчиковъ и князь Голицынъ.—Болѣзнь графа Толя.—Болѣзнь императрицы.—Русскій языкъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.—Мельгуновъ и Гумбольдтъ.—Чтенія Н. И. Греча.—Болѣзнь графа Канкрина.

29-го іюня. На-дняхъ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ Воейковъ. Онъ принадлежалъ еще къ старой школѣ, но пользовался большою извѣстностью особенно по своимъ ненапечатаннымъ сатирамъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ въ рукописяхъ; по насмѣшкамъ, которымъ онъ подвергался отъ современныхъ освистанныхъ

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

имъ журналистовъ, и по жестокой полемикѣ, которая была необходимымъ послѣдствіемъ. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», которыхъ онъ долго былъ издателемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ употреблялъ псевдонимъ Кораблинскаго.

3-го іюля. Вчера отпраздновали мы свадьбу великой княжны, которая предполагалась было въ день рожденія государыни, 1-го іюля, но отложена до слѣдующаго дня, потому что 1-е іюля случилось нынче въ субботу. Все происходило по церемоніалу, и потому замѣчу здѣсь только то, чего въ немъ нѣтъ. Вѣнцы держали: надъ невѣстой наслѣдникъ, а надъ женихомъ старикъ гр. Паленъ (посолъ въ Парижѣ), о которомъ всѣ мы искренно жалѣли потому, что женихъ высокаго роста, а церемонія продолжалась очень долго. Обрядъ совершалъ духовникъ государевъ Музовскій, а бракъ по католическому обряду (во внутреннихъ комнатахъ) новый митрополитъ Павловскій, но при послѣднемъ присутствовали только члены царской фамиліи и баварскій посланникъ. Невѣста была восхитительна: въ церковь она вошла съ заплаканными глазами; но послѣ обряда водворилась на ея лицѣ улыбка счастья, которая болѣе ее уже не оставляла.

Обѣдъ былъ (для трехъ классовъ) вслѣдъ за церемоніей въ мраморной (большой аванзалѣ) залѣ,—пышный великолѣпный, съ чудесной вокальной музыкой, въ которой отличались всѣ наши сценическія знаменитости и пѣлъ также актеръ Вѣнскаго театра Поджи-теперь, только-что пріѣхавшій, огромный теноръ. Въ ту минуту какъ отворились двери въ столовую залу для царской фамиліи, поднялась страшная вьюга, загремѣла гроза, и пошелъ проливной дождь. Старики говорили, что это счастливое предзнаменованіе и что «молодымъ богато жить». Но огромныя массы народа, окружавшія Зимній дворецъ, орошаемыя цѣлымъ водопадомъ дождя, не раздѣляли нашей радости и обошлись бы безъ этого «предзнаменованія». Во весь обѣдъ раскаты грома сливались съ искусственнымъ громомъ пушекъ, слѣдовавшимъ съ крѣпости за нашими тостами. Но къ концу обѣда погода опять прояснѣла и возстановились прежніе 20° въ тѣни.

5-го іюля. Въ день свадьбы вечеромъ на Исаакіевской и Дворцовой площадахъ и на Адмиралтейскомъ бульварѣ играла въ пяти мѣстахъ музыка—вещь совершенно новая и невиданная въ Петербургѣ, гдѣ музыка подъ открытымъ небомъ бываетъ слышна только за городомъ или передъ рядами войскъ. На балѣ государь въ сопровожденіи всего двора вывелъ молодую чету на дворцовый балконъ къ собравшемуся народу, и тутъ поднялись восторженные крики радости и «ура!» Городъ

въ этотъ день и въ оба послѣдующіе былъ прекрасно иллюминованъ, и такой иллюминаціи мы не запомнимъ съ коронаціи 1826 года. Вчера утромъ былъ общій baise-main у новой великой княгини, а вечеромъ огромный балъ въ танцовальной (прежней бѣлой) залѣ. Балъ начался въ 9-мъ часу и хотя при свѣчахъ, но съ открытыми окнами и поднятыми сторами, такъ что съ часъ времени дневной свѣтъ боролся съ искусственнымъ. До бала на большомъ дворцовомъ дворѣ играла музыка, и народъ, которому открытъ былъ этотъ дворъ, толпился тутъ до поздней ночи, любуясь въ открытыя окошки на балъ и на царскую фамилію. Государь и наслѣдникъ были въ казачьихъ мундирахъ; всѣ прочіе въ парадной формѣ и башмакахъ, кромѣ великаго князя Михаила Павловича, который при этихъ случаяхъ давно уже бываетъ въ ботфортахъ.

Вчера я, по указанію кн. Васильчикова, велѣлъ доложить государю, что пришелъ благодарить за пожалованную мнѣ звѣзду; но ему некогда было меня принять, и мнѣ велѣно явиться сегодня на Елагинъ въ 12 часовъ. Это разстраивало нѣсколько мои планы, потому что я собирался ночью ѣхать назадъ на свою дачу и утѣшался надеждою, что государь скажетъ мнѣ нѣсколько словъ на балѣ, чѣмъ все и кончится. Но вмѣсто того государь, подойдя ко мнѣ на балѣ, сказалъ: «ожидаю тебя въ 12-ть час. на Елагиномъ; въ 11 ч. у насъ спускъ корабля, и потому тебѣ придется, можетъ быть, подождать съ полчаса; но я надѣюсь, что ты не будешь за это въ претензіи»,—и такъ я сегодня туда отправляюсь.

Аудіенція моя кончилась. Государь принялъ меня на Елагиномъ вмѣстѣ съ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ статсъ-секретаремъ Бахтинымъ. Привѣтствія его намъ обоимъ были очень милостивы, исполнены благодарности за прошедшее и надежды на продолженіе въ будущемъ. Потомъ онъ перешелъ къ большимъ похваламъ кн. Васильчикову:

— Теперь 22 года,—сказалъ онъ,—что мы съ нимъ знакомы и что я привыкъ любить и уважать его, сперва какъ начальника, а теперь какъ совѣтника и друга; это самая чистая, самая благородная, самая преданная душа: дай Богъ только ему здоровья.

На замѣчаніе Бахтина, что ему всегда бываетъ лучше вечеромъ, нежели утромъ, государь отвѣчалъ, что это всегда бываетъ съ людьми нервными:

— Вотъ вамъ въ доказательство моя жена, которая утромъ никуда не годится, а къ вечеру всегда разгуляется, оправится.

*

8-го іюля. 5-го іюля спущено у насъ новое огромное судно, 120-ти-пушечный корабль «Россія» въ присутствіи всей царской фамиліи. Для кораблей этого размѣра нѣтъ въ Петербургѣ настоящихъ доковъ; но, по волѣ государя, онъ былъ построенъ въ такомъ докѣ, гдѣ съ каждой стороны оставалось отъ боковъ его не болѣе нѣсколькихъ вершковъ. Затѣмъ при спускѣ корабля угрожала очевидная опасность не только ему самому, но и всему находившемуся на немъ экипажу; малѣйшее колебаніе или пошатновеніе судна могло сокрушить громаду и обратить все въ прахъ. Наряжена была по этому случаю особая коммиссія экспертовъ, которая рѣшила, что спускъ возможенъ, но сопряженъ съ чрезвычайнымъ рискомъ. При всемъ томъ государь захотѣлъ и—сбылось. «Россія» спущена лучше, чѣмъ какой-нибудь корабль прежде, и экипажъ, съѣхавшій между жизнью и смертью, примѣрно награжденъ.

9-го іюля. Къ числу самыхъ изящныхъ, истинно очаровательныхъ праздниковъ по случаю свадьбы принадлежатъ балы вел. кн. Михаила Павловича (6-го іюля) и принца Ольденбургскаго (8-го іюля). Первый былъ данъ въ городскомъ его дворцѣ, который самъ по себѣ уже есть верхъ вкуса и великолѣпія, но на этотъ день изящнымъ вкусомъ и умѣньемъ великой княгини получилъ такой фантастическій блескъ, что превосходилъ всякое описаніе. Довольно сказать, что къ балу были свезены всѣ цвѣты изъ Павловскихъ и Ораніенбаумскихъ оранжерей, на двухстахъ возахъ и пяти баркахъ, которыя велъ особый пароходъ. За то все во дворцѣ цвѣло и благоухало, и такого обилія рѣдкихъ и многоцѣнныхъ растеній мнѣ не случалось видѣть. Въ бальной залѣ, гдѣ купы цвѣтовъ, исторгался прекрасный фонтанъ, который вмѣстѣ съ тысячью огнями вторился въ безчисленныхъ зеркалахъ. Вдоль всѣхъ главныхъ залъ тянулся, лицомъ въ садъ, обширный собственно на этотъ случай придѣланный балконъ, убранный цвѣтами, коврами и фантастическою иллюминаціей—съ чудеснымъ видомъ на Царицынъ лугъ и Неву. Главная ужинная зала была убрана тоже съ необыкновеннымъ вкусомъ: царскій столъ подъ навѣсомъ большихъ деревъ и зеркалъ составлялъ обширный полукругъ, котораго вся внутренняя, обращенная къ публикѣ, сторона была убрана въ нѣсколько рядовъ цвѣтами. Вездѣ и во всѣхъ концахъ дома раздавалась музыка, которая гремѣла и въ саду, открытомъ на этотъ день для публики и всего народа. Всѣхъ гостей было до 800 и всѣ въ парадныхъ мундирахъ. Праздникъ, кромѣ всего своего, стоилъ 50.000 р.

Балъ принца, на дачѣ его на Каменномъ островѣ, былъ въ другомъ, болѣе сельскомъ видѣ. Всѣ подъѣзды, всѣ рѣшетки, всѣ наружныя колонны были обиты свѣжей зеленью, съ вензелями новобрачныхъ. Танцовали въ саду подъ открытымъ небомъ на огромномъ паркетномъ полу,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ возвышеніями и ступенями съ коврами. Когда уже совсѣмъ стало темно, танцы перешли въ залу, а садъ и весь домъ снаружи загорѣлись тысячью огнями. На Невѣ передъ домомъ катались между тѣмъ шлюбки съ музыкой и съ русскими пѣсельниками. Все это по самой уже новизнѣ своей было очаровательно и представляло скорѣе какой-то итальянскій, нежели сѣверный праздникъ. Гостей по тѣснотѣ мѣста было здѣсь только 300, и при томъ всѣ во фракахъ, какъ будто на дачѣ, хотя Каменный островъ числится уже нынче въ городѣ. Государь и императрица съ бала великаго князя уѣхали во время ужина, но здѣсь оставались еще долго послѣ ужина. Двухъ подобныхъ праздниковъ я не запомню въ Петербургѣ. Послѣдній отличался еще тѣмъ, что на немъ былъ и усердно танцовалъ эрцгерцогъ Альбертъ (сынъ эрцгерцога Карла), только-что въ тотъ день пріѣхавшій.

13-го іюля. Вчера я видѣлъ въ большомъ бѣшенствѣ старика гр. Толя отъ одного сдѣланнаго ему вопроса. Теперь, когда всѣ собираются на Бородинскіе маневры и когда всѣ лица, сколько-нибудь участвовавшія въ славной Бородинской битвѣ, туда особенно приглашаются,—въ разговорѣ объ этомъ гр. Бенкендорфъ спросилъ Толя почти съ удивленіемъ.

— А развѣ и вы туда собираетесь?

— Вотъ какъ трактуютъ насъ люди, которые сами не оставили для себя странички въ исторіи,—говоритъ Толь. Въ Бородинскомъ дѣлѣ я, въ чинѣ полковника, былъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи и первый занялъ позицію, а меня спрашиваетъ: поѣду-ли я туда, тотъ, кто былъ тогда поручикомъ, кто самъ, однако, считаетъ долгомъ туда ѣхать и кому поручено завѣдывать приглашеніями.

При этомъ случаѣ также сильно досталось Данилевскому за его описаніе войны 1812-го и послѣдующихъ годовъ.

— Это не исторія,—говоритъ Толь,—а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворѣ, того имя гремитъ на каждой страничкѣ, хотя онъ не получилъ ни царапинки, а о другихъ, настоящихъ дѣйствователяхъ, сошедшихъ по обстоятельствамъ со сцены, или не пользующихся особенною милостью при дворѣ, и помину нѣтъ. Время затемняетъ исторію, а лесть совсѣмъ ее стираетъ.

17-го августа. 14-го числа государь уѣхалъ въ Бородино на маневры, прямо минуя Москву. За нимъ, передъ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ потянулась туда цѣлая вереница участниковъ Бородинской битвы, военныхъ и отставныхъ, достигшихъ знатности и оставшихся въ ничтоже-

ствѣ. Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, а въ Совѣтѣ нашемъ остались одни статскіе члены. Изъ дамъ царской фамиліи никто туда не поѣхалъ.

Теперь 23-й годъ, что я вышелъ изъ лицея, и слѣдственно 23-й годъ первому выпуску изъ этого заведенія, которое въ настоящемъ времени измѣнило и наружную свою физіономію, и многое во внутреннемъ своемъ назначеніи. Но любопытно между тѣмъ было обозрѣть, что въ эти 22 года съ каждымъ изъ насъ сталось. Всѣхъ насъ было 29, а какое разнообразіе въ житейскихъ нашихъ судьбахъ! Вотъ списокъ всѣхъ съ означеніемъ коротко исторіи каждаго въ той степени, въ какой она мнѣ извѣстна. Располагаю этотъ списокъ по порядку спальныхъ комнатъ, которыя мы занимали въ лицеѣ.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій, вспыльчивый, вообще совершенно экцентрическій, но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку, и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ прошлое царствованіе въ 1825 г. Онъ переселился въ деревню, въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живетъ въ своей деревнѣ.

Павелъ Николаевичъ Мясоѣдовъ, служилъ въ армейскихъ гусарахъ, кажется, до поручиковъ или штабсъ-ротмистровъ, и вышелъ въ отставку, тому назадъ лѣтъ пятнадцать или болѣе. Женатъ на побочной дочери богатаго помѣщика Мансурова и съ пропастью дѣтей живетъ въ деревнѣ верстахъ въ 20-ти отъ Тулы.

Графъ Сильвестръ Францовичъ Брогліо (или Брогли). Благодаря своему звучному эмигрантскому имени, онъ тотчасъ послѣ реставраціи получилъ отъ Бурбоновъ орденъ Лиліи, съ которымъ и щеголялъ еще въ лицейскомъ мундирѣ. Выпущенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ, но никогда въ русской службѣ не служилъ, скоро послѣ выпуска уѣхалъ во Францію и болѣе оттуда не возвращался, прекративъ и всѣ сношенія съ прежними товарищами.

Ѳедоръ Христіановичъ Стевенъ. Финляндскій уроженецъ съ основательнымъ умомъ, скромный, добрый и благородный, одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей въ лицеѣ. Съ самаго выпуска до сихъ поръ онъ служилъ при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, а надняхъ опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгъ, съ пожалованіемъ въ 4-й классъ. Женатъ на кузинѣ своей, дочери покойнаго начальника 2-го кадетскаго корпуса генерала Маркевича.

Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Способности обыкновенныя. Недостатокъ ихъ выкупается большимъ трудолюбіемъ. Человѣкъ, которому всегда и во-время благопріятствовало необычайное

счастье. Біографія его изложится еще подробно въ этомъ дневникѣ. Теперь онъ тайный совѣтникъ и государственный секретарь. Женатъ на кузинѣ, дочери умершаго подполковника Корфа.

Александръ Павловичъ Бакунинъ, человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу. Выпущенъ былъ въ прежній Семеновскій полкъ и состоялъ адъютантомъ при генералѣ Раевскомъ, а по раскассированіи полка перешелъ въ статскую службу и занималъ разныя должности въ московскихъ губернскихъ мѣстахъ; послѣ же жилъ въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ. Теперь онъ статскій совѣтникъ и новгородскій вице-губернаторъ. Былъ женатъ сперва на дѣвицѣ Зеленской, а послѣ ея смерти женился на дѣвицѣ Шулепниковой.

Александръ Дмитріевичъ Тарковъ былъ выпущенъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ, но недолго пробылъ на службѣ и поселился въ новгородской своей деревнѣ, кажется, отставнымъ поручикомъ. Тамъ спустя нѣсколько лѣтъ, въ которыя мы видывали его наѣздомъ въ Петербургѣ, ему вздумалось еще сойти съ ума, и скоро послѣ того онъ умеръ.

Константинъ Карловичъ Данзасъ. Будучи выпущенъ въ инженеры, онъ съ отличіемъ и необыкновенною храбростію участвовалъ въ кампаніяхъ персидской, турецкой и польской, и былъ раненъ такъ, что и теперь носитъ руку въ бинтѣ. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность, бывъ секундантомъ въ несчастной дуэли Пушкина (1837); за это его перевели, послѣ заключенія въ крѣпости, въ армейскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Самыя блистательныя дарованія, самое отличное окончаніе школьнаго курса, острый и тонкій умъ—словомъ все, что нужно для блестящей карьеры, служебной и свѣтской. Онъ прямо изъ лицея пошелъ въ дипломатію и всю почти жизнь свою провелъ внѣ Россіи, при разныхъ миссіяхъ. Послѣднее мѣсто его, въ чинѣ статскаго совѣтника, было совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ; но отсюда, по волѣ государя, онъ въ прошломъ году причисленъ къ министерству. При выпускѣ изъ лицея онъ получилъ вторую золотую медаль, но во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ первую.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ. Въ лицеѣ милый, добрый и всѣми любимый лѣнтяй, послѣ лицея—пріятный поэтъ, стоявшій въ свое время въ первой шеренгѣ нашихъ литераторовъ. Дельвигъ никогда не служилъ, никогда ничего не дѣлалъ и жилъ всегда припѣваючи съ любящей душой и добрымъ, истинно благороднымъ характеромъ. Онъ умеръ въ 1831 году, оплаканный многочисленнымъ пріятельскимъ кругомъ.

Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій. Добрый малый, отличный сынъ и братъ, и вѣрный, надежный пріятель. Числясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ комитетахъ, коммиссіяхъ и проч., а теперь правителемъ канцеляріи въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, по-просту, секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кампанію (1831), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ — застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка.

Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Хорошій товарищъ, надежный въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ, не безъ способности къ дѣлу, хорошій музыкантъ и пріятный композиторъ. По службѣ, которую онъ началъ въ московскомъ сенатѣ, ему сперва очень не везло; но потомъ, съ переходомъ во II отдѣленіе собственной государевой канцеляріи (къ Сперанскому), все поправилось. Теперь онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и занимаетъ мѣсто директора типографіи II отдѣленія.

Николай Александровичъ Корсаковъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при тосканской миссіи. Прахъ его погребенъ во Флоренціи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ.

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій. Первая наша золотая медаль: человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ твердою, желѣзною волей надъ самимъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, скромный и кроткій. По всѣмъ качествамъ души и ума, мы звали его въ лицеѣ «sapientia». И этотъ человѣкъ, пошедшій такъ быстро, такъ достойно отстаивавшій имя перваго нашего воспитанника—вдругъ упалъ такъ неожиданно и, должно думать, такъ невозвратно! Онъ вышелъ изъ лицея прямо въ квартир-

мейстерскую часть (называвшуюся тогда свитою), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще служилъ съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря, къ которой онъ, впрочемъ, былъ прикосновенъ только слышанными разговорами,—остановила было его ходъ; но послѣ краткаго заключенія все опять пошло по-прежнему. Онъ былъ посланъ съ подарками къ персидскому шаху, участвовалъ въ кампаніяхъ персидской и турецкой и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при Паскевичѣ, пока сей послѣдній не возненавидѣлъ его именно за то, что часть его славы и успѣховъ относили къ Вальховскому. Наконецъ, онъ получилъ важное мѣсто начальника штаба Кавказскаго корпуса, но въ прошломъ году, когда государь былъ лично на Кавказѣ и открылись злоупотребленія и упущенія барона Розена, монаршій гнѣвъ палъ и на Вальховскаго.

Подробности и степень справедливости обвиненій мнѣ неизвѣстны; но кончилось тѣмъ, что Вальховскаго перевели бригаднымъ командиромъ куда-то въ западныхъ губерніяхъ, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ еще и подъ начало къ ненавидящему его Паскевичу, то принужденъ былъ съ стѣснительнымъ сердцемъ совсѣмъ оставить службу.

Теперь онъ живетъ въ отставкѣ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи, рядомъ съ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго женатъ.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой, онъ имѣлъ почти тѣ же качества, какъ Есаковъ, и кончилъ еще несчастливѣе. Сперва онъ служилъ тоже въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою, и, бросивъ ее, кажется въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили его. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 г., и съ этимъ погибла вся его будущность. Пущинъ причисленъ къ 2-му разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу, которая, кажется, для него еще не кончилась. Къ счастью, онъ холостой.

Өедоръ Өедоровичъ Матюшкинъ. Чуть-ли не оригинальнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ карьеръ, потому что изъ заведенія, предназначеннаго преимущественнаго для гражданской службы и выпускавшаго воспитанниковъ своихъ въ военную только въ видѣ изъятія, Матюшкинъ вышелъ—въ морскую, сдѣлалъ себѣ въ ней имя и до сихъ

поръ продолжаетъ ее съ отличіемъ. Онъ—человѣкъ пылкій и вмѣстѣ разсудительный. Ходилъ съ Головнинымъ вокругъ свѣта, участвовалъ въ извѣстной экспедиціи Врангеля въ Сибирь; имѣвъ и разныя другія важныя порученія, онъ все еще только капитанъ 1-го ранга. Теперь онъ командуетъ кораблемъ въ Черноморскомъ флотѣ. Холостъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Это историческое лицо довольно означить просто въ моемъ спискѣ. Біографіи его гражданская и литературная вездѣ напечатаны, сколько онѣ были доступны печати. Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29-ти человѣкъ одинъ достигъ безсмертія, то это, конечно, ужъ очень, очень много.

Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ. Прекрасный, съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ, и его тоже уже нѣтъ съ нами! Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ—который въ лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ—впалъ вдругъ въ жестокую чахотку и скончался въ 1831 году за границею, куда поѣхалъ на воды. Онъ погребенъ въ Гамбургѣ, гдѣ и умеръ.

Баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Гревеницъ. Человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналъ и нелюдимъ. Онъ съ самаго выпуска изъ лицея служитъ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій. Еще въ лицеѣ показывалъ явно желчный и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравлялъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ; но хотя при смерти его (въ 1837 г.) въ журналахъ назвали его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ и путешествовалъ за границею, и, наконецъ, вступилъ опять въ министерство финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ чрезвычайно пріятенъ, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалялъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ. Статскій совѣтникъ, съ 2-го нынѣшняго августа исправляющій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ. Одинъ мой выборъ его въ эту должность доказываетъ уже высокое мое о немъ мнѣніе. Въ лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзинымъ». Потомъ, служа долго въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя коммерческаго суда, онъ умѣлъ пріобрѣсти общую любовь и уваженіе купечества. При всемъ томъ онъ имѣетъ разныя странности, дѣлающія изъ него порядочнаго

оригинала. Онъ женатъ на дочери сенатора Мертваго и имѣетъ двухъ дѣтей.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ. Свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ лицеѣ онъ лѣнился и притомъ вышелъ оттуда чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ очень путнымъ и полезнымъ. Онъ служилъ прежде въ гвардіи и дошелъ до полковника, а потомъ вышелъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и назначенъ кіевскимъ губернаторомъ; но по непріятностямъ съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ гр. Левашовымъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Въ прошломъ году онъ, однако, снова вступилъ въ службу и теперь тамбовскимъ губернаторомъ. Женатъ на графинѣ Толстой.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ. Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый: въ лицеѣ по этимъ свойствамъ мы называли его «кротомъ». Посвятивъ себя съ самаго начала дипломатіи и проведя, какъ Горчаковъ, почти всю жизнь за границею при разныхъ миссіяхъ, онъ теперь повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразиліи.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Какъ Данзасъ, но въ другомъ отношеніи онъ былъ предметомъ неистощимыхъ нашихъ насмѣшекъ въ лицеѣ за свои странности, неловкости и смѣшную оригинальность. Съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною ничѣмъ вспыльчивостью, онъ всегда былъ готовъ на всякія курьезныя продѣлки и еще въ лицеѣ пробовалъ было утопиться. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ, наконецъ, педагогическую карьеру и былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ лицеѣ, и послѣ онъ писалъ много стиховъ съ страннымъ направленіемъ, страннымъ языкомъ, но не безъ достоинствъ и издавалъ вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ журналъ, кажется, «Мнемозину». Все это кончилось исторіей 14-го декабря, въ которую онъ былъ сильно замѣшанъ, съ осужденіемъ въ каторжную работу.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ. Человѣкъ оригинальный, съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ. Карьера его совершенно одинакова съ карьерой Гревеница. Вмѣстѣ они вступили въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ получали всѣ чины и ордена и вмѣстѣ и теперь тамъ служатъ въ совершенно равныхъ степеняхъ. Графъ Нессельроде иронически называетъ ихъ: «Les piliers du ministère»—хотя, кажется, на нихъ ничего не лежитъ.

Николай Александровичъ Ржевскій. Въ лицеѣ былъ мальчикомъ не глупымъ, но примѣрнымъ лѣнтяемъ и совершенно

ничему не учился. Карьера его была очень коротка. Бывъ выпущенъ изъ лицея прапорщикомъ въ армію, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и первый изъ насъ перешелъ къ вѣчному покою.

31-го августа. Августъ въ отношеніи къ погодѣ кончается ужаснымъ образомъ и достойно цѣлаго своего продолженія. Вчера съ утра задулъ сильнѣйшій морской вѣтеръ,—настоящая буря въ родѣ тѣхъ, которыя бываютъ у насъ въ октябрѣ и ноябрѣ, но и то не каждый годъ въ такой степени. Всѣ приморскія части города залиты были водой: во всѣхъ низменныхъ мѣстахъ она выступила изъ подземныхъ трубъ. По улицамъ отъ сильныхъ порывовъ вѣтра едва можно было ходить и даже ѣздить. Нева вся наполнилась барками и судами, пригнанными съ моря. Пароходы, отправившіеся было въ Кронштадтъ, принуждены были воротиться назадъ изъ устья Невы. Нѣсколько времени боялись такого же наводненія, какъ и въ 1824 году. Сегодня вода постепенно сбываетъ, но вѣтеръ еще не совсѣмъ стихъ: погода сумрачная, холодная, и на дачѣ невесело.

Дѣло о лажѣ пришло уже, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, въ отношеніи къ счету денегъ въ совершенный порядокъ; но уменьшенія цѣнъ, которыя были исчислены прежде на монету съ лажемъ, при разныхъ публикаціяхъ и настояніяхъ правительства никакъ еще достигнуть не могутъ: кромѣ нѣсколькихъ самыхъ значительныхъ торговыхъ заведеній, всѣ лавочники, всѣ торговцы съѣстными припасами, всѣ работники, наемщики и пр. хотятъ того же числа денегъ ассигнаціями по курсу 3 руб. 50 коп., какое получали прежде по счету на монету въ 3 руб. 75 коп. Даже бѣлый хлѣбъ, за который мы прежде платили по 8 коп. на монету, хотя въ полицейскихъ таксахъ съ мѣсяцъ уже переложенъ на 2 коп. сер. или 7 коп. асс., но нигдѣ по этой цѣнѣ достать его нельзя, и всѣ по-прежнему платятъ 8 коп., т. е. въ соразмѣрности одной копѣйкой болѣе, чѣмъ до манифеста 1-го іюля по тогдашнему курсу составляло. Впрочемъ, и нѣтъ тутъ мудренаго, когда правительство, проповѣдуя только на бумагѣ для частныхъ людей, само пользуется переложеніемъ для своихъ разсчетовъ. Такимъ образомъ, при установленіи платы на серебро, цѣны на табачныя бандероли и на предметъ общественнаго ежедневнаго употребленія—гербовую бумагу,—не только не уменьшены въ соразмѣрности, но, напротивъ, еще возвышены. Чрезъ Государственный Совѣтъ, при всей слабости его состава, эти несчастныя мѣры никогда бы не прошли; но теперь, пока не открыты еще общія собранія Совѣта, все это дѣлается черезъ Комитетъ министровъ, въ которомъ, за лѣтнимъ временемъ и Бородинскими маневрами, едва-ли теперь три или четыре члена. Особенное неудо-

вольствіе и даже ропотъ въ публикѣ возбуждены были такою же продѣлкою со стороны театральной дирекціи, которая, назначивъ цѣны мѣстамъ на серебро, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ видомъ округленія ихъ и подняла. Но это продолжалось только три или четыре дня, а тутъ вдругъ въ афишкахъ объявлена опять новая такса, соразмѣрная прежней и даже на нѣкоторыя мѣста нѣсколько ниже. Мнѣ кажется, что вторая мѣра тутъ,—въ духѣ монархическаго правленія,—еще хуже первой: не надлежало, конечно, возвышать цѣнъ и впадать такимъ образомъ въ явное противорѣчіе съ дѣлаемыми частнымъ людямъ внушеніями; но, впавъ уже въ такую неосмотрительность, еще менѣе надлежало ее отмѣнять, какъ бы повинуясь требованію публики. Государю изъ всего этого едва-ли что-нибудь извѣстно.

2-го сентября. Мой дневникъ настоящій калейдоскопъ, слѣдующій только вращенію не руки, а ума. Пишу въ немъ какъ попало, безъ всякаго тщанія и еще съ меньшею системой. Теперь, напримѣръ, пришла мнѣ въ голову, Богъ знаетъ съ чего, статья о взяткахъ. Мнѣ во всей жизни два раза только прямо ихъ предлагали, и оба эти случая, относящіеся къ тому времени, когда я былъ еще начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, чрезвычайно мнѣ памятны. Одинъ изъ предлагателей былъ простой русскій мѣщанинъ: у меня производилось дѣло о перечисленіи его изъ одного города въ другой. Онъ просто совалъ мнѣ въ руку—красную бумажку и крайне удивился, когда я объявилъ ему, что дѣло сдѣлается и безъ этого, и когда оно точно было сдѣлано въ тотъ же самый день. Другой предметъ былъ гораздо важнѣе, и лицо предлагавшее почетнѣе.

Шло дѣло объ опредѣленіи торговыхъ правъ финляндскаго купечества въ Россіи, и повѣренный онаго, тамошній негоціантъ Брунъ, послѣ неоднократныхъ со мною объясненій привезъ мнѣ наконецъ толстую пачку ассигнацій, прибавивъ, что это разные документы, которые онъ забылъ сообщить мнѣ при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ.—Считая, что тутъ не за что сердиться, потому что Брунъ мѣряетъ меня только по общему аршину, я ласково и безъ всякаго сердца отклонилъ его «дополнительные документы», и дѣло было тоже рѣшено согласно его желанію, которое соотвѣтствовало и справедливости. Тогда онъ привезъ мнѣ табакерку «въ знакъ воспоминанія отъ финляндскаго купечества за оказанное ему добро», но я попросилъ его отрекомендовать меня просто въ добрую память своихъ согражданъ, отозвавшись, что съ моей стороны буду ихъ помнить и безъ нагляднаго знака ихъ расположенія.

Бородинскіе маневры повлекли за собою множество милостей и наградъ. Изъ важныхъ и почетныхъ лицъ кто сдѣланъ шефомъ полка съ присвоеніемъ оному его имени, кто пожалованъ лентами и звѣздами. Сверхъ того есть и одна награда общая: всѣмъ участвовавшимъ въ Бородинской битвѣ, если они и теперь еще состоятъ въ рядахъ, пожалованы въ видѣ прибавочнаго содержанія тѣ оклады, которые они въ то время получали, разумѣется, пока они останутся въ службѣ. Число такихъ ветерановъ, конечно, чрезвычайно ограничено, а прибавочное содержаніе совершенно ничтожно: ибо тогда оклады были самые маленькіе, и всѣ, продолжающіе еще нынѣ службу, состояли въ неважныхъ чинахъ. Такъ, напримѣръ, Паскевичъ, Толь, Чернышевъ были только полковниками.

Всѣ газеты наши наполнены великолѣпными описаніями бывшихъ маневровъ, воздвиженія на Бородинскомъ полѣ памятника (работы гр. Канкрина) и пр., но разумѣется, что нынѣ этотъ военный праздникъ не могъ имѣть той занимательности, какъ въ Калишѣ, или въ Вознесенскѣ, потому что онъ не былъ украшенъ присутствіемъ дамъ. Всего тутъ примѣчательнѣе собственноручный приказъ государя, отданный въ день битвы (26-го августа) войскамъ: вещь, въ которой пропасть народной поэзіи и знанія русскаго сердца.

Усердіе и смышленость—особенно же когда въ союзѣ съ ними твердое намѣреніе достигнуть своей цѣли и энергія характера—могутъ чрезвычайно много. Одно изъ явственныхъ тому доказательствъ—нынѣшній архимандритъ Сергіевской пустыни, находящейся близъ Стрѣльны, Игнатій Брянчаниновъ. Этотъ монастырь былъ прежде—и на очень близкой намъ памяти—въ неудовлетворительномъ состояніи. Теперь онъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ на первую ступень: благочиніе, великолѣпіе, мастерское пѣніе клиросовъ, наружное благообразіе монаховъ, богатѣйшія облаченія—все соединяется вмѣстѣ, достигая идеала пышнаго и величественнаго и вмѣстѣ трогательнаго священнослуженія нашей церкви. Создано множество новыхъ зданій, церкви обновлены и украшены, и при всемъ томъ монастырю сбережены значительные капиталы. По велелѣпію и порядку богослуженія, располагающимъ невольно душу къ набожности, не остается ничего болѣе желать. Я видѣлъ множество монастырей въ Россіи, монастыри новгородскіе, кіевскіе, воронежскіе, московскіе, видѣлъ и три главныя наши лавры: всѣ они далеко отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ Сергіевской пустыни, и развѣ только новгородскій Юрьевъ монастырь, московскіе Симоновъ и Донской могутъ быть поставлены въ нѣкоторое съ нею сравненіе.—И все это сдѣлано Игнатіемъ въ какія-нибудь пять или шесть лѣтъ при тѣхъ же почти средствахъ, которыми могли

располагать его предмѣстники. Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи и бывъ воспитанъ въ Инженерномъ училищѣ, гдѣ онъ, состоя фельдфебелемъ, сдѣлался лично извѣстнымъ нынѣшнему государю, прослуживъ потомъ въ инженерахъ до поручиковъ, Брянчаниновъ наконецъ уступилъ давнишнему своему желанію принять иночество, долго послушничествовалъ по разнымъ отдаленнымъ монастырямъ, былъ послѣ настоятелемъ въ какомъ-то монастырѣ калужскомъ и переведенъ сюда архимандритомъ, кажется, въ 1832 или 1833 году. Нѣкоторые приписываютъ его постриженіе видамъ честолюбія, которыхъ не удовлетворяло начальное военное поприще въ военной службѣ; но другіе, ближе его знающіе, утверждаютъ, что онъ постригся единственно по влеченію сердца, бывъ воспитанъ съ дѣтства въ набожности и въ строгомъ исполненіи обрядовъ церкви. Какъ бы то ни было, но, судя по результатамъ, этого человѣка нельзя не назвать геніальнымъ въ своемъ родѣ. Онъ заслуживаетъ вниманія даже по строгому образу жизни и по чистотѣ, въ которой умѣлъ сохранить свою репутацію; молодой, прекрасный собою, архимандритъ изъ дворянъ, изъ военныхъ, съ свѣтскимъ воспитаніемъ [1]), не могъ не заинтересовать нашихъ дамъ. Разумѣется, что достигнутые имъ по управленію монастыря результаты не могутъ не возбуждать зависти въ монашествѣ и даже въ духовныхъ нашихъ властяхъ; но эта зависть можетъ снѣдать ихъ только втайнѣ, ибо у Брянчанинова могучій оплотъ противъ ихъ козней,— именно самъ государь, любящій и отличающій его еще со временъ Инженернаго училища. Я, кажется, говорилъ уже когда-то, что государь, бывъ недоволенъ привѣтствіемъ знаменитаго (покойнаго) Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ, прислалъ его къ Брянчанинову — учиться, какъ надобно встрѣчать государя.

7-го сентября. Государственный Совѣтъ помѣщался съ самаго начала своего учрежденія въ Зимнемъ Дворцѣ [2]). Потомъ онъ былъ переведенъ въ домъ гр. Румянцова на Дворцовой площади, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока всѣ частные дома на этой площади были срыты, для возведенія нынѣшняго зданія Главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ. Тогда Совѣтъ перемѣстили опять во дворецъ, сперва въ такъ называемый Шепелевскій, а послѣ въ нижній этажъ Эрмитажа, гдѣ онъ и теперь имѣетъ свои засѣданія [3]). Но при всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ, всегда болѣе помышляемо было объ удобствѣ для самого

---

[1]) Онъ говоритъ между прочимъ очень хорошо по-французски и очень любитъ изъясняться на этомъ языкѣ.

[2]) Близъ кабинета императора Александра, который былъ въ бельэтажѣ, тамъ, гдѣ теперь комнаты императрицы.

[3]) Писано въ 1839 году.

Совѣта, нежели для государственной канцеляріи, которая никогда не имѣла не только приличныхъ, но даже сколько-нибудь сподручныхъ комнатъ для своихъ занятій.

Оттого съ самаго начала установился такой внутренній распорядокъ, что всѣ безъ изъятія чиновники, до послѣдняго писца, работаютъ у себя по домамъ, кромѣ небольшаго отдѣленія государственнаго секретаря, или личной его канцеляріи, для которой я, по примѣру моихъ предмѣстниковъ, нанимаю нѣсколько комнатъ при моей квартирѣ. Дурныя и даже опасныя послѣдствія подобнаго распорядка очевидны, и потому я, тотчасъ по вступленіи въ должность, вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ императорскаго двора объ отводѣ для государственной канцеляріи болѣе приличнаго и удобнаго помѣщенія, нежели то, которое она занимаетъ теперь въ темныхъ и низкихъ антресоляхъ надъ комнатами Совѣта. Но сношенія мои были безуспѣшны: сперва предполагали было Инвалидный комитетъ, помѣщающійся подлѣ Совѣта, перевести въ Таврическій дворецъ и намъ отдать его комнаты; однако государь на это не соизволилъ, а другихъ свободныхъ комнатъ по близости не оказалось. Итакъ все оставалось по-прежнему. Но, наконецъ, такой безпорядокъ, обращающійся, кромѣ вреда дѣламъ, и къ порчѣ чиновниковъ, мнѣ надоѣлъ и, по совѣщаніи съ правящими должность статсъ-секретарей, я приказалъ, чтобы всѣ младшіе чиновники, непремѣнно, каждый день,—кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ,—собирались отъ 11 до 3-хъ часовъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя предназначены для государственной канцеляріи. Порядокъ этотъ воспріялъ свое начало съ 1-го текущаго сентября, и хотя онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, не нравится и антресоли наши крайне неудобны для занятій, однако по крайней мѣрѣ я теперь спокоенъ насчетъ цѣлости дѣлъ, которыя прежде каждый уносилъ съ собою на домъ, и, сверхъ того, этимъ введено болѣе порядка и удобства по внутреннимъ сношеніямъ.

8-го сентября. Государственный Совѣтъ и въ прежнее время позволялъ себѣ иногда искреннее изъясненіе своихъ мыслей предъ самодержавной властью. Такъ, на-дняхъ, попалось мнѣ дѣло 1811 года о комплектованіи арміи и флота, въ которомъ столько же любопытны разсужденія Совѣта, сколько и отмѣтки императора Александра. Въ журналѣ Совѣта, при разсужденіяхъ о рекрутскихъ наборахъ, между прочимъ, сказано было: «Россійское войско до сихъ поръ было единое въ Европѣ, храбростью своею и вѣрностью къ государю и отечеству отличающееся; но теперь едва-ли съ надлежащею основательностью можетъ быть подтверждаема сія доблесть онаго. Прежде всякій полководецъ смѣло могъ отважиться на великіе и трудные подвиги; но теперь, зная безсиліе и тщедушность вновь набираемыхъ воиновъ, не въ

состояніи ничего особенно важнаго предпринять». Противъ этой статьи государь отмѣтилъ: «Несправедливо: не всякій полководецъ, но Румянцевъ, Суворовъ; сіи никогда не были на-ряду со всякимъ. Впрочемъ я вопрошаю: наборы тогдашніе развѣ были на другомъ основаніи, какъ нынѣ; посему мнѣ кажется несправедливо искать причину въ образѣ набора солдатъ, а скорѣе ее сыскать можно въ талантахъ предводителей арміи».

Въ другомъ мѣстѣ того же журнала упоминалось: «что нынѣ большая часть доставляемыхъ рекрутъ не ряды храбрыхъ защитниковъ отечества, но одни госпитали и лазареты наполняютъ. Полки, сформированные въ 1807 году, не суть-ли очевиднымъ тому доказательствомъ? Полки сіи, не бывъ употреблены противъ непріятеля, въ одинъ годъ около двухъ третей своего комплекта потеряли». Тутъ Александръ написалъ: «Совершенно несправедливо. Полки сіи были укомплектованы не рекрутами, а милиціей, коея выборъ точно былъ на томъ основаніи, на коемъ предполагается (въ томъ журналѣ Совѣта) учредить впредь наборы рекрутъ, то-есть предоставя одобренію однихъ предводителей. Гдѣ собственный интересъ дѣйствуетъ, можно-ли положиться на 500 или болѣе находящихся у насъ предводителей?»

Позенъ, который вчера пріѣхалъ изъ дальняго путешествія по Россіи, посѣтивъ самые многолюдные и промышленные ея пункты и бывъ, между прочимъ, тоже на Нижегородской ярмаркѣ, говоритъ, что манифестъ объ уничтоженіи лажа вездѣ принятъ съ крайнимъ неудовольствіемъ и нигдѣ не находитъ себѣ защитниковъ. Всѣ соглашаются, что надобно было принять мѣры противъ этого нетерпимаго ажіотажа, но всѣ вопіютъ противъ тѣхъ именно мѣръ, которыя теперь приняты. Курсъ въ 3 р. 50 к. введенъ повсемѣстно и исполняется безпрекословно, но цѣны, вопреки ожиданіямъ и внушеніямъ правительства, нигдѣ въ соразмѣрность не упали и напротивъ даже мѣстами поднялись. Отъ этого кричатъ капиталисты, которые потерпѣли ущербъ въ своихъ капиталахъ; помѣщики, которые въ той же суммѣ денегъ получаютъ съ своихъ имѣній менѣе доходовъ; мануфактуристы и заводчики—оттого, что рабочіе требуютъ по новому курсу той же платы, какую получали прежде по счету на монеты; рабочіе, торговцы и вообще классъ промышленный принуждаютъ ихъ понижать цѣны, чего они не хотятъ и частью не могутъ сдѣлать; наконецъ, чиновники—оттого, что имъ оставляется то же самое жалованье, когда цѣна денегъ упала.

Въ Москвѣ былъ общій вопль во всѣхъ классахъ противъ князя Любецкаго, которому приписываютъ эту мѣру, сколько по общей молвѣ, столько и потому, что онъ на бѣду свою въ одинъ день съ изданіемъ манифеста получилъ брилліанты къ Александровской звѣздѣ. Вопль и

нареканія на него тѣмъ сильнѣе, что онъ полякъ и что большая масса видитъ здѣсь какой-то злой умыселъ къ утѣсненію народа. Все это вѣсти Позеновскія, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно вѣроятныя.

Бородинскіе маневры кончились. Государь пріѣхалъ оттуда въ Москву 3-го сентября вечеромъ. Свободныя гвардейскія войска, бывшія отсюда на Бородинскомъ полѣ, также вступятъ въ Москву, и купечество сбирается ихъ угостить въ экзерциргаузѣ. Потомъ будетъ торжественная закладка храма Христа Спасителя, предположеннаго еще Александромъ въ память 1812 года, начатаго на Воробьевыхъ горахъ, но потомъ несостоявшагося за совершеннымъ неудобствомъ мѣстности. Храмъ будетъ въ самомъ городѣ близъ Кремля на берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ стоялъ прежде Алексѣевскій монастырь. Когда я посѣтилъ въ прошломъ году Москву, этотъ монастырь былъ уже срытъ и планировали мѣсто. Ермоловъ, почитающійся теперь рѣшительно не въ милости, былъ однакоже въ Бородинѣ. И трудно бы ему было не пріѣхать туда, когда въ 1812 году онъ былъ тутъ начальникомъ штаба дѣйствовавшей арміи: слѣдственно однимъ изъ самыхъ первыхъ лицъ. На послѣднемъ маневрѣ, изображавшемъ самую битву, Ермоловъ былъ при государѣ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ и княземъ Д. В. Голицынымъ, и онъ много говорилъ съ ними о подробностяхъ сраженія.

15-го сентября. Опять новыя вѣсти о лажѣ. Графъ Левашовъ, возвратившійся изъ Бородина, но бывшій передъ тѣмъ во Владимірской губ., увѣряетъ, что тамъ дѣло принялось какъ нельзя лучше и мѣры правительства приняты съ большою благодарностью. Простой народъ въ особенности говоритъ, что теперь только «увидѣлъ свѣтъ Божій». Въ Москвѣ дѣло идетъ не такъ ладно. Тамъ все еще находятся барышники и спекуляторы, которые, пользуясь старыми привычками народа, выискиваютъ средства обманывать его на деньгахъ разными манерами; но мѣстное начальство не шутитъ и какъ эти люди всѣ безъ изъятія самыхъ низшихъ классовъ, то ихъ ловятъ и сѣкутъ безъ дальнѣйшаго суда по одному полицейскому разбору. На цѣны, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Петербургѣ, торговое совмѣстничество тоже начинаетъ производить свое дѣйствіе. Извѣстно, что многіе товары, которыми торгуетъ Англійскій магазинъ, можно достать и въ гостинодворскихъ лавкахъ, но всегда нѣсколькими процентами ниже. Теперь, когда Англійскій магазинъ переложилъ свои цѣны на серебро съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ, а гостинодворцы остались при прежнихъ, обоюдныя ихъ цѣны сравнялись, и оттого всѣ покупщики постепенно переходятъ отъ послѣднихъ къ первому, при увѣренности за тѣ же деньги получить товаръ безъ обману. Это непремѣнно заставитъ гостинодворцевъ пони-

зить и свои цѣны въ прежнюю соразмѣрность, чтобы не лишиться всѣхъ покупателей, и говорятъ, въ нѣкоторыхъ лавкахъ къ тому уже и приступили.

17-го сентября. Государь воротился изъ Москвы въ ночь съ 15-го на 16-ое, въ Царское Село. Онъ перелетѣлъ въ 35 часовъ—немногимъ дольше, чѣмъ можно бы сдѣлать этотъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ. На дорогѣ онъ обогналъ передоваго своего фельдъегеря, за чтò однако же очень разгнѣвался.

4-го октября. Зимній дворецъ шалитъ, и предсказанія о немъ фаталистовъ сбываются. Излишняя поспѣшность въ его возобновленіи являетъ свои послѣдствія: вездѣ страшная сырость и многое надобно опять снова передѣлывать; такъ, напримѣръ, и прелестная Бѣлая зала съ своими золотыми колоннами, стоившая столько денегъ, совсѣмъ почернѣла. Между тѣмъ на бѣду вздумали прошлымъ лѣтомъ сдѣлать разныя капитальныя передѣлки и въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ теперь тоже большая сырость. Отъ этого царской фамиліи рѣшительно негдѣ помѣститься въ Петербургѣ, и она по необходимости должна жить еще очень долго въ Царскомъ Селѣ.

Вчера пришло извѣстіе, что гр. Толя на возвратномъ пути изъ Варшавы сюда на польской границѣ передъ Юрбургомъ разбилъ параличъ, отъ котораго у него отнялась цѣлая сторона. Примѣчательно, что по наступавшему постепенно онѣмѣнію, онъ впередъ предчувствовалъ этотъ ударъ и успѣлъ еще написать нѣсколько строкъ государю. Сегодня поскакалъ къ нему отсюда его сынъ. По дошедшимъ слухамъ говорятъ, что положеніе его если не совсѣмъ безнадежно, то по крайней мѣрѣ очень опасно.

И ужасно то, что наше безлюдье примѣчается не только въ гражданской администраціи, но и въ другихъ частяхъ управленія. Въ военномъ вѣдомствѣ изъ людей значущихъ и играющихъ роль развѣ только корпусные командиры Муравьевъ (Николай), Нейдгардтъ и начальникъ штаба въ Варшавѣ кн. Горчаковъ выходятъ нѣсколько изъ ряду обыкновенныхъ; прочіе корпусные командиры: или люди самые посредственные, или еще ниже посредственности, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Мнѣ сказывалъ это Позенъ, который ближе ихъ знаетъ не только лично, но и по дѣламъ, и на мнѣніе котораго можно положиться.

Лучшіе люди еще у насъ въ дипломатіи; но посолъ нашъ во Франціи, гр. Паленъ, говорилъ мнѣ на-дняхъ, что и тамъ теперь представляется величайшее затрудненіе: лондонскій нашъ посолъ графъ Поццо-ди-Борго, за-семидесяти-лѣтній старецъ, до такой степени упалъ и упа-

даетъ моральными силами, что ему невозможно долѣе оставаться на этомъ важномъ посту.

Наши засѣданія подъ предсѣдательствомъ Голицына идутъ своимъ порядкомъ ничуть не хуже, чѣмъ при Васильчиковѣ, хотя первый почти нисколько не занимается дѣлами, не тревожитъ меня и не отрываетъ отъ дѣла безпрестанными присылками, а ограничивается коротенькимъ словеснымъ докладомъ передъ самымъ присутствіемъ. Собственныхъ идей, собственнаго высшаго соображенія нѣтъ ни у того, ни у другого, и отъ того оба подвержены постороннимъ вліяніямъ, но у Васильчикова эти вліянія совершенно затемняютъ всякое личное сужденіе, а у Голицына болѣе прозорливости и все-таки сколько-нибудь, но болѣе дѣловой опытности. Вообще Голицынъ умнѣе Васильчикова, болѣе его имѣетъ такта, вѣса и достоинства; за то послѣдній гораздо усерднѣе къ дѣламъ, болѣе беретъ къ сердцу государственные интересы, болѣе по-своему радѣетъ объ ихъ охраненіи; но результаты въ отношеніи къ Совѣту почти одни и тѣ же, и я былъ бы очень затрудненъ, если бы пришлось рѣшать: кто изъ нихъ, какъ предсѣдатель, полезнѣе? За то какъ свѣтскій человѣкъ, какъ homme d'esprit, Голицынъ неоспоримо уже имѣетъ всѣ преимущества предъ Васильчиковымъ. Невозможно быть милѣе перваго, и съ нимъ можно проводить часы не соскучась, даже съ возрастающимъ интересомъ, тогда какъ съ послѣднимъ всякій матеріалъ къ какому-нибудь разговору очень скоро истощается.

Голицынъ былъ всегда очень близокъ ко двору, начиная съ камеръ-пажества во времена Екатерины, и помнитъ всѣ придворныя отношенія и интриги за 40 лѣтъ, всѣ анекдоты, все забавное, что̀ случилось въ это время, и—все это разсказываетъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ. Слушая его, воображаешь себѣ совершенно, что читаешь какія-нибудь болтливые, но острые и веселые французскіе мемуары. Истинно жаль, если онъ не диктуетъ своихъ записокъ въ этомъ родѣ, которыя были бы драгоцѣннымъ запасомъ юмора и соли; иначе съ нимъ умрутъ всѣ эти преданія, вся живая традиція четырехъ царствованій.

12-го октября. Бухарскій ханъ прислалъ въ подарокъ государю слона, который на-дняхъ сюда прибылъ, вмѣстѣ съ двумя своими адъютантами, верблюдами. Государь осматривалъ этого слона въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи одной женщины, которая не знала государя и въ первый разъ въ жизни видѣла слона.

— А что это, батюшка, за звѣрь?—спросила она.

— Слонъ.

Государь, которому понравилось и это незнаніе его особы, и этотъ

вопросъ, съ умысломъ продолжалъ разговоръ и, между прочимъ, спросилъ женщину, какъ она довольна величиною слона?

— Чудо, батюшка, по истинѣ чудо: всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

Графъ Толь, при первомъ письмѣ своемъ, отправленномъ къ государю въ близкомъ предчувствіи смерти, доставилъ между прочимъ дневникъ, который при каждомъ его путешествіи вели всегда всѣмъ его распоряженіямъ и приказаніямъ по его части. Адъютанту, который привезъ письмо и дневникъ, велѣно было вручить послѣдній государю при первомъ извѣстіи о кончинѣ Толя; но онъ понялъ иначе и отдалъ въ одно время съ письмомъ, а тутъ вышло довольно курьезное обстоятельство: въ одномъ мѣстѣ графъ, замѣтивъ крайнюю ветхость одного дома шоссейной стражи, пишетъ, что непремѣнно нужно, для предстоящаго проѣзда государя, исправить его хоть сколько-нибудь по наружности.

13-го октября. Государь чрезвычайно грустенъ, и русское сердце страждетъ за него и вмѣстѣ съ нимъ. Киселевъ, который уже съ нимъ работалъ по возвращеніи изъ Москвы, говоритъ, что онъ все время сидѣлъ подперши лобъ рукою и, разсказывая о положеніи императрицы, изъявлялъ глубокую свою горесть и малыя надежды: «Что мнѣ, что доктора говорятъ, будто бы у нея поменьше жаръ: я самъ лучше всѣхъ вижу ея грустное положеніе». И при этомъ выступили у него двѣ крупныя слезы...

22-го ноября. Васильчиковъ на-дняхъ объяснялся съ государемъ по дѣлу, бывшему въ Комитетѣ министровъ, о мѣрахъ къ распространенію въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка, и при этомъ зашла рѣчь о привилегіяхъ нашихъ остзейцевъ — предметѣ, который, вмѣстѣ съ Сводомъ ихъ мѣстныхъ законовъ, долженъ скоро подвергнуться окончательному разсмотрѣнію. Васильчиковъ, хотя и русскій въ душѣ, однако русскій благоразумный и потому большой защитникъ этихъ привилегій, освященныхъ царскимъ словомъ и которыхъ остзейское дворянство—всегда преданное нашему правительству,—конечно, никогда не употребляло во зло.

— Что же касается до этихъ привилегій,—сказалъ государь,—то я теперь и всегда буду самымъ строгимъ ихъ оберегателемъ, и пусть никто и не думаетъ подъѣхать ко мнѣ съ предвареніями объ ихъ перемѣнѣ, а чтобы доказать, въ какой степени я ихъ уважаю, я готовъ бы былъ самъ сейчасъ принять дипломъ на званіе тамошняго дворянина, если бы дворянство мнѣ его поднесло.

Потомъ обратясь, къ наслѣднику, онъ прибавилъ:

— Это я говорю и для тебя: возьми за непремѣнное и святое правило всегда держать то, что̀ ты однажды обѣщалъ.

Кстати объ остзейскихъ губерніяхъ. Недавно вышла книга «извѣстнаго» Булгарина: «Лѣтняя прогулка по Финляндіи и Швеціи»— вещь довольно пустая, сколоченная изъ видовъ, съ примѣсью большого хвастовства. Она начинается обозрѣніемъ моральнаго состоянія Остзейскаго края, особенно Лифляндіи, гдѣ Булгаринъ долго жилъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ, въ окрестностяхъ Дерпта, гдѣ онъ имѣлъ безчисленныя исторіи съ студентами изъ дворянства, не всѣ относившіяся къ его чести. Въ этомъ обозрѣніи онъ изливаетъ всю свою желчь на лифляндское дворянство; хотя и нѣтъ сомнѣнія, что тутъ много правды, однако все представлено въ преувеличенномъ видѣ и при томъ въ самыхъ язвительныхъ краскахъ, такъ что я не могъ довольно надивиться оплошности цензуры, пропустившей такую діатрибу противъ дворянскаго сословія цѣлой губерніи. Потомъ выписки изъ книги Булгарина, именно по этой статьѣ, перешли и въ нѣмецкія академическія Вѣдомости. Но какъ тутъ ругательства его сдѣлались уже доступными тѣмъ, противъ кого они направлены, то вся бѣда пала на бѣднаго редактора нѣмецкихъ Вѣдомостей Ольдекопа, который за приложенный къ переводу ихъ трудъ, долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ.

24-го ноября. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ, Мельгуновъ, давно уже путешествующій по Германіи, описываетъ свиданіе свое въ 1836 году съ Гумбольдтомъ и заключаетъ его такъ: «Но Гумбольдту все-таки 70 лѣтъ, а изъ новаго поколѣнія не видать до сихъ поръ никого, кто бы могъ не только затмить его славу, но даже къ ней приблизиться. Гумбольдтъ и Шеллингъ чуть-ли не единственные оставшіеся великаны ученаго міра Германіи; но и эти великаны скоро исчезнутъ, и эти полубоги скоро покинутъ землю, едва-ли оставивъ послѣ себя преемниковъ. Кругомъ все мелко: нашъ вѣкъ есть вѣкъ посредственности». —послѣднія строки, къ несчастію, не одно поэтическое восклицаніе, но сущая истина! Не говоря объ остальной Европѣ, страшно обернуться и на нашу Россію, гдѣ все великое, творческое, геніальное постепенно удаляется со сцены и оставляетъ на ней однихъ статистовъ,—Россію, гдѣ явленіе это тѣмъ примѣчательнѣе, что прежде мы ничему или почти ничему не учились, а теперь обилуемъ университетами и всѣми возможными училищами, общими и спеціальными, и всѣ эти училища переполнены и всякой годъ выпускаютъ тучи кончившихъ курсъ студентовъ и пр. Возьмемъ только послѣднія 10 лѣтъ, и что мы тутъ растеряли! Въ администраціи угасли свѣтлыя имена Кочубея и колос-

сальнаго Сперанскаго, умираетъ Канкринъ, и почти умеръ Дашковъ. Въ литературѣ не стало Карамзина и Пушкина, Жуковскій выписался, Крыловъ умолкъ въ глубокой зимѣ своихъ сѣдинъ. Съ военнаго поприща сошелъ Дибичъ, а другая знаменитость—Толь—скорыми шагами близится къ разрушенію, и кто же замѣнитъ эти народныя славы или кто обѣщаетъ замѣнить ихъ въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ?

14-го декабря. Нынче завелась у насъ весьма полезная вещь, заимствованная отъ чужихъ краевъ, именно чтеніе по разнымъ предметамъ публичныхъ курсовъ. Чтенія эти поручаются извѣстнымъ ученымъ отъ Академіи наукъ, отъ министерства финансовъ и пр., и производятся большею частію даромъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и чтенія о русскомъ языкѣ и русской словесности извѣстнаго нашего филолога и журналиста Николая Ивановича Греча. Онъ читаетъ, впрочемъ, не по порученію, а самъ отъ себя, и не даромъ, а за деньги (15 р. серебромъ за 15 чтеній), кромѣ нѣкоторыхъ лицъ, которымъ онъ прислалъ, такъ сказать, почетные билеты, въ томъ числѣ и мнѣ. Чтенія эти привлекаютъ довольно значительное стеченіе слушателей, до 300 и болѣе, и вообще довольно удовлетворительны, при прекрасномъ органѣ и отличномъ образѣ чтенія Греча, хотя они едва-ли бы выдержали строгую критику въ печати. Посреди многаго дѣльнаго, путнаго, даже отчасти новаго, въ нихъ прорывается немало и очень извѣстнаго, обветшалаго, тоже въ родѣ «ad usum delphini», иногда мысли не совсѣмъ основательныя, шутки нѣсколько тупыя. Между тѣмъ тутъ бываютъ и министры, и члены Государственнаго Совѣта, и даже дамы, хотя никакъ нельзя еще сказать, чтобы было въ тонѣ ѣздить на Гречевы вечера, что мы едва-ли и скоро дождемся при чтеніяхъ русскихъ.

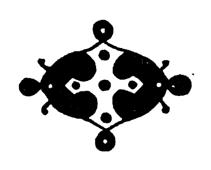
25-го декабря. Такъ какъ нынче Рождество въ понедѣльникъ, то сочельникъ, по церковному обряду, праздновался въ пятницу. За то въ субботу, какъ бы не бывало уже поста, былъ большой обѣдъ у шведскаго посланника барона Пальмстіерна, на которомъ присутствовало гораздо болѣе русскихъ, нежели иностранцевъ,—въ томъ числѣ и я: обѣдъ со всею дипломатическою пышностію и гастрономическою роскошью. Пальмстіерна составляетъ въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ чрезвычайно рѣдкое изъятіе. Занимая уже очень давно свой постъ, онъ выучился въ совершенствѣ русскому языку и не только говорить, но и пишетъ на немъ свободно. Привязанность его къ русскому языку простирается такъ далеко, что онъ принадлежитъ даже къ числу самыхъ ревностныхъ посѣтителей чтеній Греча.

29-го декабря. Я былъ вчера у гр. Канкрина, который все еще боленъ и страждетъ невыразимо. Онъ теперь уже болѣе мѣсяца лежитъ въ постели, устроенной съ обыкновенною его комическою оригинальностью. Это огромная двухспальная кровать, страшной вышины, что-то въ родѣ катафалка, съ котораго онъ озираетъ всѣхъ приходящихъ. Подъ локтями у него исполинскіе фоліанты, на которые онъ упирается, какъ Зевесъ на свою молнію. При всемъ этомъ страдальческомъ положеніи и при всѣхъ этихъ причудахъ,—Канкринъ нисколько не прекращаетъ своей изумительной дѣятельности: онъ весь день читаетъ, диктуетъ, самъ пишетъ—словомъ, управляетъ своимъ министерствомъ въ полномъ его объемѣ, какъ самый трудолюбивый директоръ своимъ департаментомъ. Вчера онъ говорилъ мнѣ, что, чувствуя себя совершенно изнуреннымъ и въ здоровьи, и въ силахъ, давно желалъ бы совсѣмъ оставить службу, но удерживается въ томъ только страхомъ, что государь разгнѣвается.

— А если государь разгнѣвается,—прибавилъ онъ—то вы знаете, что мнѣ не будетъ покоя и отъ другихъ: меня тотчасъ начнутъ преслѣдовать и гнать, а при 17-тилѣтнемъ управленіи министерствомъ найдется, конечно, немало такого, за что злому намѣренію можно будетъ придраться, и, пожалуй, вздумаютъ еще отдать подъ судъ.

Хотя я и не думаю, чтобы въ этомъ заключалась единственная причина, удерживающая Канкрина, однако помню еще за нѣсколько предъ симъ лѣтъ сказанныя мнѣ слова «что министру финансовъ, для покоя своего, надобно умирать на этомъ мѣстѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

XIII. Письма и записки А. А. Краевскаго.

1.

5-го февраля (1837).

Увѣдомьте, Бога деля, что̀ сотворилось съ докладными записками Жуковскаго о «Современникѣ» и полномъ собраніи стихотвореній П. [2]); получу-ли я портретъ его для «Литературныхъ Прибавленій», объявленіе о похоронахъ и послѣднихъ дняхъ его, и пр. и пр. [3])

Краевскій.

2.

13-го февраля (1837).

Жуковскій назначилъ у васъ нынче въ 8 часовъ совѣщаніе о «Современникѣ» [4]). Но Плетневъ и я не можемъ быть въ это время; о Плетневѣ не знаю, но я пріѣду къ 10 часамъ. Я объ этомъ далъ уже знать дядюшкѣ [5]); о семъ же чиню и васъ извѣстнымъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1904 г.

[2]) Т. е. Пушкина.

[3]) Ни портрета Пушкина, ни объявленія о похоронахъ и послѣднихъ дняхъ его не было помѣщено въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ». Краевскому пришлось ограничиться краткимъ извѣстіемъ о смерти Пушкина, которое было напечатано въ № 5 «Литературныхъ Прибавленій» отъ 30-го января и начиналось словами: «Солнце нашей поэзіи закатилось».

[4]) См. выше, стр. 378, прим. 2-е.

[5]) Т. е. Жуковскому.

Нынче въ 12 часовъ диспутъ Никитенко [1]); пріѣзжайте въ университетъ: штука-то интересная.

Краевскій.

3.

15-го февраля (1837).

Н. Н. Пушкина [2]) завтра, кажется, отъѣзжаетъ въ деревню со всѣмъ скарбомъ. Сдѣлайте одолженіе, напишите Віельгорскому [3]) слѣдующее: мнѣ, т. е. Краевскому, хочется имѣть на память отъ Пушкина камышевую желтую его палку, у которой въ набалдашникъ вдѣлана пуговица съ мундира Петра Вел(икаго). Если опекуны не уважутъ моего чувства привязанности къ покойному, то пусть дадутъ мнѣ палку за тотъ долгъ, который Пушкинъ всегда считалъ на себѣ относительно меня за «Современникъ»: во весь годъ, какъ вамъ извѣстно, я не получилъ отъ него ни копѣйки [4]). Только поспѣшите.

Краевскій.

4.

2-го ноября (1837).

Статья ваша [5]) уже набрана, скорригована и почти подъ прессомъ слѣд(овательно) отпечатана будетъ. Ради Бога, присылайте вторую статью [6]). Я не забылъ завѣта Пушкина, что «пріязнь и дружбу создалъ Богъ, а литературу и критику мы сами выдумали», и всегда дѣйствую по этому завѣту; а потому и вы не должны были думать, что я откажусь напечатать вашу статью.

Прошу Модъ [7]).

---

[1]) Александръ Васильевичъ Никитенко († 1877) (профессоръ С.-Петербургскаго университета и впослѣдствіи академикъ) защищалъ на степень доктора философіи диссертацію «О творческой силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи» (Спб. 1836). Описаніе этого диспута см. въ «Запискахъ и дневникѣ А. В. Никитенко», т. I, Спб. 1893, стр. 384.

[2]) Вдова А. С. Пушкина.

[3]) Графу Михаилу Юрьевичу, одному изъ опекуновъ надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина.

[4]) О трудахъ Краевскаго по „Современнику“ см. въ запискахъ Пушкина къ Краевскому отъ 1836 года (Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова, т VII, Спб. 1903, стр. 652 и 656).

[5]) Первая статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго о В. А. Каратыгинѣ въ «Гамлетѣ» (бенефисъ г-жи Валберховой 4-го октября 1837) была напечатана въ фельетонѣ № 45 «Литературныхъ Прибавленій» отъ 6-го ноября 1837 года.

[6]) Продолженіе этой статьи кн. Одоевскаго не появлялось въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» (см. примѣчаніе къ слѣдующему письму).

[7]) Въ каждомъ № «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» былъ отдѣлъ Модъ.

Воейковъ [1]), Владиславлевъ [2]) и К° поручили мнѣ просить васъ въ субботу въ 3 часа на обѣдъ, даваемый по случаю освященія и открытія заведенной ими типографіи, на Сѣнной площади, въ домѣ Таирова, подлѣ того дома, гдѣ читалъ лекціи Гессъ [3]). Тамъ будутъ многіе—50 человѣкъ литераторовъ, артистовъ и пр. и пр. Между прочими И. А. Крыловъ, Вяземскій и т. д. Отвѣчайте, чтобъ я могъ дать отвѣтъ [4]).

Вашъ Краевскій.

Сдѣлайте одолженіе, напишите пояснѣ(е) латинскими буквами подчеркнутыя нѣмецкія слова въ статьѣ. Я боюсь наврать.

5.

(Начало ноября (до 6-го) 1837).

Чтобы сдѣлать вамъ угодное, я печатаю статью о Гамлетѣ безъ всякихъ примѣчаній, и принужденъ, къ душевному моему прискорбію, въ первый разъ напечатать безъ оговорки то, что противно искреннему моему убѣжденію. Хоть за эту жертву поторопитесь второю статьею о Гамлетѣ и пришлите ее завтра [5]). Смѣшно будетъ откладывать далѣе продолженіе статьи, которая и безъ того уже очень запоздала [6]).—Вы говорите, что публика противъ меня въ отношеніи къ театру. Но неужели смотрѣть на публику? Она апплодируетъ Асенко-

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ.

[2]) Владимиръ Андреевичъ († 1856), издатель альманаха «Утренняя Заря». Третьимъ компаньономъ въ заведеніи этой типографіи былъ извѣстный въ то время табачный фабрикантъ Жуковъ.

[3]) Извѣстный химикъ, академикъ Германъ Ивановичъ Гессъ (Hess р. 1802 † 1850).

[4]) Описаніе торжества открытія типографіи Воейкова и К° см. въ Запискахъ И. П. Сахарова («Русскій Архивъ» 1873 г., книга первая, ст. 941—947).

[5]) Вторая статья кн. Одоевскаго о В. А. Каратыгинѣ въ „Гамлетѣ“ осталась недоконченною (см. опись бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ приложеніи къ „Отчету Императ. Публичн. Библіотеки за 1884 годъ“, Спб. 1887, стр. 46) и въ печати не появлялась.

[6]) „Гамлетъ“ шелъ на сценѣ 2 октября 1837 г. (см. прим. къ предъидущему письму).—Письмо В. А. Каратыгина къ князю В. Ѳ. Одоевскому по поводу „Гамлета“, отъ 6-го октября 1837 г., см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., ст. 845.

вой [1]) болѣе, чѣмъ M-me Allan [2]), и вызываетъ по 2 раза Величкина съ Толченовымъ [3]).

Краевскій.

Типографія просить Модъ.

6.

(4-го февраля 1838).

Записка князя В. Ѳ. Одоевскаго къ А. А. Краевскому.

Василій Андреевичъ [4]) желаетъ имѣть отъ васъ отвѣтъ на вчерашнюю записку; увѣдомьте, что именно поправлено въ его привѣтствіи Крылову; если есть въ немъ хоть малѣйшая перемѣна, то онъ требуетъ, чтобы рѣчь его отнюдь не была напечатана. Сіе пишу подъ его диктовкой [5]).

Кн. Вл. Одоевскій.

---

[1]) Драматическая актриса.

[2]) Louise-Rosalie Allan-Despréaux (р. 1810 † 1856), актриса изъ Comédie Française, приглашенная въ 1837 году въ Петербургъ дирекціею Императорскихъ театровъ. «Въ ней (г-жѣ Алланъ) все натура—писалъ Краевскій,—слѣдовательно все жизнь, все чувство... Желаемъ, отъ всей души желаемъ, чтобы примѣръ г-жи Алланъ подѣйствовалъ на закоренѣлые недостатки нѣкоторыхъ изъ нашихъ артистовъ» („Литер. Прибавл. къ Русск. Инвалиду" 1837 г., № 27).

[3]) Драматическіе актеры.

[4]) Жуковскій.

[5]) Эта записка Жуковскаго къ Краевскому напеч. въ „Русской Старинѣ" 1901 г., іюль, стр. 104—105. „Я слышалъ отъ Вяземскаго—писалъ Жуковскій,—что нѣкоторыя мѣста въ моей рѣчи должны быть вымараны. Если это правда, то прошу совсѣмъ не помѣщать моей рѣчи. Я никакъ не могу согласиться на такое обрѣзаніе". Рѣчь Жуковскаго, сказанная на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ И. А. Крылова, происходившемъ 2 февраля 1838 года, помѣщена въ рѣдкой брошюрѣ „Привѣтствія, говоренныя Ивану Андреевичу Крылову въ день его рожденія и совершившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, на обѣдѣ 2 февраля 1838 г. въ залѣ Благороднаго Собранія" (Спб. 1838. Цензурное разрѣшеніе къ печати отъ 2-го февраля 1838 г.). Отсюда она была перепечатана въ № 35 „Русскаго Инвалида", отъ 5 февраля, и въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" 1838, ч. XVII, стр. 217—218, въ выноскѣ. На помѣщеніе же ея въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ не изъявилъ согласія, такъ какъ былъ недоволенъ упоминаніемъ въ этой рѣчи о Пушкинѣ. Въ „Сочиненіяхъ" Жуковскаго эта его рѣчь не была помѣщаема до 8-го изданія (Спб. 1885). Ср. „Русскую Старину" 1901 г., іюль, стр. 104, прим. 1-е, и стр. 105, прим. 1-е.

Отвѣтъ А. А. Краевскаго.

Министръ [1]) не позволилъ печатать ни одного привѣтствія [2]). Я перепечатываю только стихи, помѣщенные въ нынѣшнемъ нумерѣ «Инвалида» [3]).

Краевскій.

Это я узналъ сейчасъ только отъ Никитенка [4]), которому С. С. Уваровъ переслалъ нашу статью.

7.

Суббота, 5-го марта (1838).

Жуковскій проситъ васъ быть у него завтра въ 11 часовъ утра для толкованія о «Современникѣ». Тамъ будемъ всѣ мы, ех-издатели [5]).

Гр(афинѣ) Растопчиной [6]) экземпляръ доставится къ вамъ сегодня. Передайте ей, да постарайтесь, чтобъ это было не даромъ [7]). А конторѣ Плюшара [8]) дайте ея адресъ, куда носить къ ней «Литер(атурныя) Приб(авленія)».

У меня опять сегодня напакостилъ цензоръ Крыловъ [9]).

Вашъ Краевскій.

Verte.

Здорова-ли «Саламандра [10])»? Нельзя-ли ее поскорѣе доставить въ мои супружескія объятія?.. Больно нужно. У меня всѣ переводныя повѣсти запрещены!

---

[1]) Въ № 31 „Русскаго Инвалида" (отъ 4 февраля) и въ № 32 (отъ 5 февраля) были помѣщены стихи князя П. А. Вяземскаго и В. Г. Бенедиктова въ честь Крылова, сказанные на обѣдѣ 2 февраля; стихи эти были перепечатаны въ № 7 „Литературныхъ Прибавленій" отъ 12 февраля 1838 г.

[2]) Александра Васильевича, бывшаго въ то время цензоромъ.

[3]) См. выше, стр. 378, прим. 2-е.

[4]) Графинѣ Евдокіи Петровнѣ Растопчиной.

[5]) Стихотвореній гр. Растопчиной нѣтъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" 1838 года.

[6]) „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду" печатались въ типографіи А. А. Плюшара, и въ его конторѣ принималась подписка на эту газету.

[7]) Александръ Лукичъ (см. выше, стр. 378, прим. 1-е), цензуровавшій "Литературныя Прибавленія".

[8]) Повѣсть кн. В. Ѳ. Одоевскаго «Саламандра» явилась въ печати лишь въ 1841 году въ „Отечественныхъ Запискахъ" (т. XIV, Словесность, стр. 3—38).

[9]) С. С. Уваровъ.

[10]) Кромѣ Жуковскаго, привѣтственныя рѣчи Крылову на обѣдѣ 2 февраля 1838 г. были произнесены кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, А. Н. Оленинымъ и самимъ Уваровымъ.

8.

С.-Петербургъ. 9-го іюля 1839 г.

Былъ я наконецъ у Жуковскаго и получилъ въ отвѣтъ, что у него не только нѣтъ денегъ, но что онъ еще долженъ наслѣднику [1]), у котораго взялъ взаймы деньги, и еще кое-кому. Слѣдовательно, на него нѣтъ никакой надежды [2]). Говоря о томъ, о семъ, онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что у него есть путевыя замѣтки [3]), есть переводъ или подражаніе драмѣ Камоэнсъ [4]) и пр. и пр., обѣщалъ намъ статью, но, вѣрно, останется при одномъ обѣщаніи, если не напоминать ему объ этомъ, или, что̀ еще хуже, отдастъ въ «Современникъ», въ которомъ статья такъ и пропадетъ въ неизвѣстности. Вы ближе къ Петергофу: не полѣнитесь-ка съѣздить къ нему да выпросить у него, что-нибудь, хоть бы для сентябрьской книжки, въ которой объявится подписка на «Отечественныя Записки» 1840 года. Это важно!

У Григ(орія) Петр(овича) Волконскаго [5]) я еще не былъ, но пойду во вторникъ—день, когда въ Ценс(урномъ) комитетѣ будутъ разсуждать объ участи «Литературныхъ Прибавленій», которыя чуть-чуть было не запретили на сихъ дняхъ по милости смерти Воейкова [6]). Я во вторникъ подамъ просьбу о дозволеніи продолжать ихъ подъ названіемъ «Литературной Газеты», ибо «Прибавленій къ Инвалиду» [7]) Инвалидный комитетъ, издающій «Инвалидъ», знать не хочетъ и не признаетъ за родственниковъ сего «Инвалида».

15-го августа мнѣ необходима повѣсть, которая бы достойно могла красоваться въ сентябрьской книжкѣ. Слѣдственно, нужна Ентина [8]).

---

[1]) Цесаревичу Александру Николаевичу.

[2]) Пріобрѣтя въ 1839 г. право на изданіе „Отечественныхъ Записокъ", Краевскій составилъ съ этою цѣлью капиталъ на паяхъ. Пайщики, однако, одинъ за другимъ покинули Краевскаго, и положеніе его было довольно затруднительное.

[3]) За время заграничнаго путешествія 1838—1839 гг.

[4]) „Камоэнсъ" и былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 года (томъ VI, Словесность, стр. 1—30).

[5]) Князь Г. П. Волконскій былъ въ то время помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[6]) А. Ѳ. Воейковъ, бывшій редакторомъ „Русскаго Инвалида", скончался 16-го іюня 1839 года.

[7]) Въ 1839 году продолжали выходить „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду"; съ 1840 же года стала выходить, подъ редакціею Краевскаго, „Литературная Газета".

[8]) Повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго съ такимъ заглавіемъ не было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ бумагахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго сохранился черновой собственноручный оригиналъ его повѣсти (неконченной):

Въ августовской я напечатаю Корфа [1]), и за симъ у меня не останется никакой повѣсти. Ради Христа, поторапливайте Ентину!

Вы увезли у меня книжку: Характеристика человѣка, обѣщавъ написать о ней десять строкъ; но этихъ десяти строкъ не было, да и книги нѣтъ.

Колдовство XIX столѣтія [2]) Корсаковъ [3]) пропустилъ безъ малѣйшаго измѣненія, а Лангеръ [4]) задержалъ до вторника—засѣданія Ценс(урнаго) комитета. Не знаю, что̀ будетъ. Статья эта набрана и совсѣмъ готова къ печати. Не худо, если бъ вы выслали первую половину Саллогубовой повѣсти [5]), которую я видѣлъ у васъ.

Жуковскій слышалъ отъ Вяземскаго, что вы браните его за намѣреніе дать статью въ «100 Литераторовъ» [6]). Онъ началъ было защищаться, но я сбилъ его совершенно, указавъ между прочимъ на недавно напечатанную въ «Сѣв(ерной) Пчелѣ» статью, гдѣ Булгаринъ издѣвается надъ вторымъ томомъ «Ста Литер(аторовъ)», говоря, что тамъ выступитъ священная фаланга знаменитостей, которыя только сами себя признаютъ знаменитостями и пр. [7]). Жук(овскій) поколебался. Поддержите его въ этомъ.

„Янтина. (Изъ разсказовъ не служащаго)“ (см. опись бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, напеч. въ приложеніи къ „Отчету Импер. Публичн. Библіотеки за 1884 годъ“, Спб. 1887, стр. 44).

[1]) Повѣсть барона Ѳедора Ѳедоровича Корфа († 1853) „Прошлое“ напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г., т. V, Словесность, стр. 3—93.

[2]) Статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго „Колдовство XIX столѣтія (V-е письмо къ гр-нѣ Е. П. Р—ной (т. е. графинѣ Е. П. Растопчиной)“, подписанная его псевдонимомъ „Безгласный“, напеч. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г., т. V, Смѣсь, стр. 12—26.

[3]) Цензоръ Петръ Александровичъ Корсаковъ.

[4]) Цензоръ Валеріанъ Платоновичъ Лангеръ.

[5]) Повѣсть графа В. А. Сологуба „Большой Свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ: 1) Попури и 2) Мазурка“ появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 года (т. IX, Словесность, стр. 5—79).

[6]) „Сто русскихъ литераторовъ“, альманахъ, изданный книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ въ трехъ томахъ, въ 1839—1845 гг. Ср. „Русскую Старину“ 1904 г., апрѣль, стр. 105—107.

[7]) Въ статьѣ Булгарина: „А что дѣлаетъ наша литература?“, помѣщенной въ № 145 „Сѣверной Пчелы“ 1839 года (отъ 3-го іюля), между прочимъ, было сказано слѣдующее: „А что будетъ во второй части: Сто Литераторовъ? Вражда литературная у насъ такъ сильна (я хотѣлъ сказать, такъ смѣшна), что мы не можемъ даже улечься въ одной могилѣ, а не только въ одной книгѣ! Въ первой части появились охотники, изъ всего войска Агамемнонова. Во второмъ томѣ выступаетъ только избранная, священная фаланга (т. е. избранная не публикою, а собственными голосами), куда не допускаются не принадлежащіе къ театру, на которомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, разыгрывается фарсъ: Великъ куликъ“.

Враскій [1]) уѣхалъ; съ типографіею вожусь я изо всей мочи. Жаръ и днемъ и ночью, лѣнь наборщиковъ, усилившаяся отъ жара,—все это мучитъ меня до того, что я ужъ никакъ не поѣду въ Петергофъ 11-го іюля, которое будетъ за 4 дня до выхода книжки.

Напишите мнѣ аккуратно вашъ адресъ, а то, если я по вашимъ словамъ буду писать въ Ораніенбаумъ, на горѣ, то мое письмо залетитъ чортъ знаетъ куда. Это письмо взялся вамъ доставить Вас. Макс. Пановъ [2]).

Картонку вашу я получилъ. Въ ней есть статьи химическія [3]) для Смѣси; но ни одной просмотрѣнной, такъ что пускать ихъ въ дѣло опасно.

«Панъ Халявскій» [4]) произвелъ прекрасное впечатлѣніе: въ Москвѣ, въ эту глухую пору, вдругъ явилось 7 подписчиковъ. Непремѣнно надо мнѣ съѣздить въ Москву въ сентябрѣ; тамъ всѣ принимаютъ въ насъ большое участіе: надо усилить его; вѣдь на петербуржскія подмоги плоха надежда. Подумывайте-ка о томъ, чтобъ въ сентябрѣ, недѣльки на три, принять кормило правленія надъ «Отеч(ественными) Записками».

Когда вы непремѣнно возвратитесь въ Петербургъ?

Пришлите мнѣ статью Ястребцова [5]). Изъ нея смѣло можно выкинуть строки о «Наблюдателѣ» [6]), ибо Бѣлинскій и вся братія отказались отъ него, а будетъ редакторомъ чортъ знаетъ что такое—Лефортъ, какой-то переводчикъ Исторіи Екатерины [7]). Слѣд(овательно), все, относящееся въ статьѣ Ястребцова къ «Наблюд(ателю)», не имѣетъ уже теперь смысла; а напечатать эту статью теперь не худо бы.

Ну, что жъ? Какъ вы себя носите? Купаетесь-ли? Я совсѣмъ растаялъ отъ жара.

Вашъ Краевскій.

---

[1]) См. выше, стр. 196, прим. 4-е.

[2]) Василій Максимовичъ Пановъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по вопросамъ сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ обширнаго труда „Сельскій хозяинъ XIX вѣка“ (Москва. 1838—39, двѣ части).

[3]) Въ отдѣлѣ „Смѣси“ помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и небольшія статьи по химіи.

[4]) Повѣсть Грицка Основьяненка (Григорія Ѳедоровича Квитки), напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г., т. IV, Словесность, стр. 5—73 и 144—206.

[5]) Статья Н. М. Ястребцова „Что такое романъ?“ (см. „Отеч. Записки“ 1839 г., т. V, Науки, стр. 75—83).

[6]) О журналѣ „Московскій Наблюдатель“.

[7]) Сочиненіе А. А. Лефорта «Исторія царствованія государыни императрицы Екатерины II» было издано въ Москвѣ въ 1837—1838 гг., въ пяти частяхъ. «Московскій Наблюдатель» прекратился въ 1839 году.

9.

8-го октября 1839 г.

Помилуйте! Что съ нами дѣлается? У меня не пропустили стиховъ Хомякова, вамъ извѣстныхъ: «Гордись, тебѣ льстецы сказали» и пр., которые я представлялъ въ цензуру и изъ которыхъ, какъ видите, 31-го августа зачеркнутъ стихъ [1]). Я объ этомъ стихѣ писалъ къ Хомякову, спрашивая его разрѣшенія: печатать ихъ или нѣтъ, но не получалъ еще отвѣта,—и вдругъ теперь, 8-го октября, все это стихотвореніе является въ «Спб. Вѣдомостяхъ» безъ имени Хомякова, и запрещенный стихъ позволенъ [2])! Что это такое? Кража? Мерзость? Притомъ же Хомяковъ прислалъ мнѣ свое стихотвореніе въ такомъ видѣ, въ какомъ я теперь посылаю вамъ его въ рукописи; онъ самъ измѣнилъ его середину и вмѣсто двухъ стиховъ сдѣлалъ шесть [3]) (они очеркнуты краснымъ карандашомъ), а въ «Спб. Вѣдомостяхъ» все это напечатано съ стараго списка... Что за гадость! Пожалуйста, напишите нынче же письмо къ князю Донд(укову)-Корсакову [4]) и просите его позволенія напечатать все стихотвореніе вполнѣ въ «От(ечественныхъ) Зап(искахъ)» съ замѣчаніемъ, что въ одной изъ газетъ оно помѣщено не въ надлежащемъ видѣ и безъ подписи имени автора,—а мы его выставимъ: стихъ запрещенный, разумѣется,

---

[1]) Вѣроятно, цензурою былъ зачеркнутъ стихъ: „Скажи имъ таинство свободы".

[2]) Въ № 230 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1839 года, отъ 8-го октября (редакторомъ ихъ былъ А. Н. Очкинъ), это стихотвореніе А. С. Хомякова было напечатано, безъ его подписи, подъ заглавіемъ „Отчизна".

[3]) Въ текстѣ стихотворенія, напечатанномъ въ „СПБ. Вѣдомостяхъ" читается:

А твой завѣтъ, твое призванье,
Твой Богомъ избранный удѣлъ,
Хранить для міра достоянье и т. д.

Въ текстѣ же, присланномъ Хомяковымъ Краевскому (напечатанномъ въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г.), первые два стиха замѣнены были слѣдующими:

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца, сокровенна,
Законъ Творца пріяла ты,
Онъ далъ тебѣ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ
Хранить для міра достоянье и т. д.

[4]) Князю Михаилу Александровичу Дондукову-Корсакову (р. 1794 † 1869), попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

теперь уже нельзя запретить [1]). Но какъ же можно печатать вещи противъ желанія авторовъ?..

О докторѣ Озенѣ [2]) статья не поспѣла въ «Литер(атурныя) Приб(авленія)». У насъ съ Фишеромъ [3]) контрактъ—не доставлять оригиналовъ позже 12 час(овъ) утра четверга, а объ Озенѣ послано въ 9 час(овъ) вечера, слѣд(овательно) Фишеръ правъ, хотя я и кричалъ на него. Билета на лекціи Озена у меня нѣтъ, и онъ не былъ у меня. Нельзя-ли достать?

Пришлите статью о воздушной дорогѣ [4]); иначе она не войдетъ въ «От(ечественныя) Зап(иски)»: эта часть Смѣси теперь набирается. Объ Озенѣ можно вставить въ конецъ Смѣси; только статья должна быть готова во вторникъ [5]).

Увидимся-ли мы во вторникъ?

Краевскій.

Пожалуйста, не замедлите письмомъ къ Донд(укову)-Кор(сакову).

10.

24-го ноября 1839 г.

Сегодня я писалъ въ Ковно, къ переводчику «Коріолана» [6]), прося его поторопиться высылкою своего перевода. Какъ получу, тотчасъ доставлю вамъ. Между тѣмъ, посовѣтуйте г. Каратыгину [7]) потолковать съ цензурою объ этой пьесѣ: вѣдь въ ней есть вещи, которыя могутъ не разъ остановить почтеннѣйшаго Опотельдока [8]); онъ можетъ пока-

---

[1]) Это стихотвореніе Хомякова и было напечатано въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г., т. VI, Словесность, стр. 143—144, съ такимъ примѣчаніемъ на стр. 143: „Это стихотвореніе, назначенное авторомъ для „Отечественныхъ Записокъ", было напечатано въ одной изъ газетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и безъ подписи имени автора. Здѣсь оно помѣщается вполнѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ".

[2]) Докторъ Озенъ читалъ въ Петербургѣ публичныя лекціи на французскомъ языкѣ о дѣторожденіи.

[3]) Въ типографіи Фишера печатались «Литературныя Прибавленія».

[4]) Статья «Вѣсоходъ и висячія дороги» помѣщена (безъ подписи кн. Одоевскаго) въ «Отеч. Запискахъ» 1839 г., т. VI, Смѣсь, стр. 34-36.

[5]) Статья „Лекціи доктора Озена о дѣторожденіи" помѣщена (безъ подписи князя Одоевскаго) въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г., т. VI, Смѣсь, стр. 51—54.

[6]) Драма Шекспира.

[7]) Знаменитому трагику В. А. Каратыгину (р. 1802 † 1854), съ которымъ кн. Одоевскій былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Нѣсколько писемъ Каратыгина къ кн. Одоевскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 г.

[8]) Т. е. Ольдекопъ, Евстаѳій Ивановичъ, цензоръ театральныхъ произведеній.

зать цензору хоть переводъ Фосса [1]) или Гизò [2]), которымъ я, пожалуй, могу служить ему. На всякій случай предложите г-ну Каратыгину вопросъ о «Ромео и Джюльеттѣ» [3]), переводѣ Росковшенко: я могу располагать этимъ переводомъ, ибо переводчикъ, уѣхавъ въ Тифлисъ, оставилъ мнѣ на то письменное дозволеніе; этотъ переводъ даромъ дастся. Есть у меня также въ переводѣ Межевича [4]) (и переводѣ очень хорошемъ) драма Дюмà «Charles VII chez ses vassaux», названная по-русски, во избѣжаніе всякаго соблазна и грѣховныхъ помысловъ, просто Африканцемъ, даже безъ имени Дюмà. Опотельдокъ соглашается пропустить ее съ перемѣною только ка*пелл*ана на ка*стел*лана, которому позволяетъ даже говорить чуть-чуть не библейскимъ языкомъ: перемѣна совершенно ничтожная; а пьеса эта изъ лучшихъ, написанныхъ другомъ моимъ Александромъ Дюмà (плюньте при этомъ имени), и публика, я увѣренъ, будетъ въ восторгѣ отъ нея; а чортъ съ нею—пусть себѣ апплодируетъ Дюмà, да платитъ деньги!—Есть у меня еще на примѣтѣ «Генрихъ V» Шекспира съ «Фальстафомъ», «Тимонъ Аѳинскій»,—но это переводы неконченные. Жаль, что нельзя поставить «Бури» [5]): она была бы очень полезна для нашей сцены и публики... Но, однимъ словомъ, я готовъ помогать г. Каратыгину въ его бенефисныхъ хлопотахъ, готовъ даже самъ выправить ему любую пьесу, только, чтобъ онъ, Бога ради, не профанировалъ русской сцены полуфранцузскими, оскорбляющими и русскій умъ, и русское чувство, пьесами похабнаго Полевого...

Завтра, можетъ быть, мы увидимся: я думаю заѣхать къ вамъ вечеромъ отъ Арсеньева [6]).

Вашъ Краевскій.

11.

3-го мая (начала 1840-хъ годовъ).

«Хотите-ли»? Мудреный вопросъ. Спросите у голоднаго, хочетъ-ли онъ ѣсть?...

---

[1]) Извѣстнаго нѣмецкаго поэта Іоганна-Генриха Voss'а (р. 1751 † 1826). Его (совмѣстно съ его сыновьями Авраамомъ и Генрихомъ) переводъ Шекспира вышелъ, въ 9-ти томахъ, въ Лейпцигѣ въ 1818—1829 гг.

[2]) Oeuvres complètes de Shakespeare, въ переводѣ, вновь обработанномъ Гизо и Пишо, вышли въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1821 году.

[3]) Шекспира. Переводъ Росковшенка былъ напечатанъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1839 г., т. XXXIII, Русская словесность, стр. 81—221.

[4]) Василій Степановичъ Межевичъ († 1849), переводчикъ, впослѣдствіи редакторъ „Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи" (въ 1843—1849 гг.) и „Пантеона русскаго театра" (въ 1843—1846 гг.).

[5]) Тоже Шекспира.

[6]) Извѣстнаго статистика и историка, Константина Ивановича Арсеньева († 1865).

Не только хочу, но прошу объ этомъ убѣдительнѣйше, хотя и не знаю еще, въ чемъ состоитъ обязанность [1]), дающая въ годъ 2.000 р., и что меня ожидаетъ тамъ. Мнѣ теперь приходитъ матъ; надо чѣмъ-нибудь жить, а «Отеч(ественныя) Записки» не могутъ мнѣ дать ни гроша.

Паки и паки прошу. Завтра прійду.

Краевскій.

NB. Только дѣлайте это какъ можно секретнѣе; иначе — или перебьетъ кто-нибудь, или друзья повредятъ навѣтами: вѣдь у нихъ, чай, есть связи и въ мин(истерствѣ) вн(утреннихъ) дѣлъ.

12.

22-го января 1840 г.

Отыщите гдѣ-нибудь и какъ-нибудь Жуковскаго или Віельгорскаго нынче же (ибо дорога минута) и объявите имъ, что нѣкто богатый и образованный человѣкъ Кирѣевъ [2]), изъ благоговѣнія къ памяти Пушкина, рѣшается пожертвовать большею частью своего капитала на покупку и самое роскошное и исправное изданіе всѣхъ его сочиненій, на лучшей бумагѣ, со всѣмъ типографскимъ изяществомъ, дастъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ сколько даютъ купцы, проситъ прислать ему (черезъ меня) требованія опеки [3]), а съ своей стороны предлагаетъ одно условіе: позволить ему сдѣлать изданіе полное, т. е. перепечатать подъ одну масть и напечатанные уже 8 томовъ Пушкина [4]). Само собою разумѣется, что онъ заплатитъ деньги и за оставшіеся 5.000 экз. прежняго изданія, хотя съ ущербомъ для себя, и не пуститъ ихъ въ продажу, а просто оставитъ у себя или подаритъ ихъ опекѣ съ условіемъ истребить ихъ, ибо это изданіе онъ не считаетъ достойнымъ Пушкина. Единственное его желаніе—сдѣлать изданіе монументальное, достойное памяти Пушкина, и, можетъ быть, со-временемъ, возвратить свои издержки... Неужели такой благородный порывъ не встрѣтитъ отвѣта въ душѣ Жуковскаго, и онъ охотнѣе продастъ Пушкина торгашу, который чортъ знаетъ по-каковски издастъ его, на оберточной бумагѣ.

---

[1]) Какое мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ предлагалъ Краевскому князь Одоевскій—неизвѣстно.

[2]) Быть можетъ, Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ, бывшій въ концѣ 1840-хъ годовъ управляющимъ петербургскою конторою императорскихъ театровъ. Въ 1847 году этотъ Кирѣевъ, когда Краевскимъ было задумано изданіе „Всеобщаго Словаря", былъ въ числѣ пяти акціонеровъ этого предпріятія, какъ это видно изъ письма Краевскаго къ кн. Одоевскому отъ 20-го мая 1847 г.

[3]) Надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина.

[4]) Вышедшіе въ свѣтъ въ 1838 году.

а откажетъ человѣку благомыслящему, который, забывая собственныя выгоды, жертвуетъ частію своего достоянія, чтобъ воздать должное великому поэту, подарившему ему въ жизни много сладкихъ минутъ? Прибавьте къ этому, что Кирѣевъ будетъ просить извѣстныхъ литераторовъ смотрѣть за исправностію корректуры и вообще изданія,—словомъ, рѣшается употребить все, чтобъ только издать Пушкина достойнымъ его образомъ [1]).

Я хотѣлъ сегодня самъ ѣхать къ Жуковскому, но вѣдь его никогда не застанешь; а писать къ нему я не могу такъ, какъ вы можете.

Спѣшите же; остановите сдѣлку опеки съ Смирдинымъ [2]) сегодня же [3]). Въ противномъ случаѣ все доброе дѣло можетъ погибнуть невозвратно!

Завтра увидимся.

Краевскій.

13.

22-го февраля (1840 г.).

Статья о Германс(комъ) Тамож(енномъ) Союзѣ кончена переводомъ для «Отеч(ественныхъ) Записокъ». Какой вы странный человѣкъ, ваше сіятельство! Да кто жь вамъ говорилъ, что статья, присланная Мухановымъ [4]), неинтересна? Только чѣмъ прикажете платить за нее, когда мнѣ прохода нѣтъ отъ долговъ прошлогоднихъ? Всѣ пристаютъ за деньгами... Хорошо вамъ сидѣть у себя, да издали смотрѣть на меня! Попробовали бы вы день посидѣть на моемъ стулѣ, такъ, увѣряю васъ прокляли бы и журналъ, и литературу, и деньги. Я теперь хлопочу, чтобъ какъ-нибудь увертываться отъ статей, за которыя надобно платить, а вы присылаете мнѣ вещи, которыя хороши безспорно, да безъ которыхъ обойтись еще можно! Глупъ тотъ нищій, который, нуждаясь въ хлѣбѣ, тянется покупать ананасы...

Тоже надобно сказать и о статьѣ г. Струйскаго [5]): она интересна, хотя въ ней и пропасть фразёрной пѣны; но, если и она за деньги, то намъ и отъ нея придется отказаться. Посылаю вамъ и ее не хо-

---

[1]) Намѣреніе Кирѣева не осуществилось.

[2]) Александромъ Филипповичемъ, книгопродавцемъ-издателемъ.

[3]) Три послѣдующихъ тома (IX—XI) Сочиненій Пушкина были напечатаны въ 1841 году иждивеніемъ книгопродавцевъ Глазунова и Заикина.

[4]) Павломъ Александровичемъ (р. 1798†1871), извѣстнымъ собирателемъ и издателемъ матеріаловъ по русской исторіи, бывшимъ потомъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, а впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Археографической коммиссіи.

[5]) См. выше, стр. 216, прим. 6-е. Въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. нѣтъ статей Д. Ю. Струйскаго.

тите-ли напередъ справиться о валёрности ея? Что же вы не присылаете мнѣ книжекъ и статей Дѣдушки Иринея [1])? Вѣдь за ними теперь стало дѣло, и статья не можетъ быть написана безъ нихъ.

Да вы обѣщали ко 2-й книжкѣ статью о Химіи Гесса, и статьи не было. Нельзя-ли ужь приготовить ее хотя къ 3-й книжкѣ [2])?

Краевскій.

Зебаху деньги выдадутся въ концѣ сей недѣли. Вотъ ему еще платить лишнихъ 250 р.! Вамъ нѣкогда написать просьбу въ пріюты—а журналъ между тѣмъ старѣетъ да старѣетъ,—а деньги между тѣмъ требуются да требуются! Дотянемъ до весны, тогда ужь и просить не нужно будетъ...

14.

4-го августа (1841).

Да! Лермонтовъ убитъ на повалъ [3]). Горе! горе! Меня какъ громомъ ударила эта новость. Господа ради, не знаете-ли, къ кому обратиться, чтобы спасти оставшіяся послѣ него рукописи? Онъ друженъ былъ съ Софьей Карамзиной [4]): нѣтъ-ли у нея чего; не знаетъ-ли она къ кому обратиться? Похлопочите, сдѣлайте милость.

Возвращаю вамъ Archiv и письмо Мельгунова [5]), давно у меня залежавшееся. Смирдинъ еще не былъ у Никитенки, и потому намъ не съ чѣмъ было къ вамъ ѣхать [6]).

Краевскій.

15.

21-го января (1844).

Взгляните, ради Бога, что дѣлаетъ Фрейгангъ [7]) въ сравненіи съ Очкинымъ [8]). Ей Богу, съ нимъ газета невозможна [9])! Посмотрите:

---

[1]) Псевдонимъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) Небольшой отзывъ о сочиненіи академика Гесса (о которомъ см. выше, стр. 571, прим. 3-е) „Основанія чистой химіи" (изд. 5-е, Спб. 1840) помѣщенъ въ «Отеч. Запискахъ» 1840 года, томъ XI-й, Библіографическая Хроника, стр. 50—51.

[3]) М. Ю. Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли 15-го іюля 1841 г.

[4]) Дочь исторіографа Софья Николаевна Карамзина (р. 1802 † 1856).

[5]) Николая Александровича (см. выше, стр 196, прим. 3-е).

[6]) Съ 1840 года редакторомъ „Сына Отечества", издававшагося А. Ф. Смирдинымъ, сдѣлался А. В. Никитенко. Денежныя дѣла Смирдина шли плохо, и 7-го сентября 1841 года Никитенко отказался отъ редакторства. „Смирдинъ хотѣлъ передать редакцію Краевскому,—читаемъ въ „Дневникѣ" Никитенка—но я воспротивился этому. Соединить въ однѣхъ рукахъ нѣсколько журналовъ значитъ допустить пагубную монополію въ нашей литературѣ и предать ее на произволъ одной партіи" (Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. I, Спб. 1893, стр. 420—421).

[7]) Цензоръ Андрей Ивановичъ Фрейгангъ.

[8]) Амплій Николаевичъ Очкинъ, бывшій въ то время также цензоромъ.

[9]) Краевскій былъ тогда редакторомъ „Литературной Газеты".

если стоитъ, покажите князю Гр(игорію) Петр(овичу) [1]); не стоитъ, возвратите, но поскорѣе. А о Фрейгангѣ я, наконецъ, буду просить князя: съ нимъ издавать газету нельзя. Я ужь ни слова не говорю о прошломъ нумерѣ, гдѣ уничтожено было все мало-мальски умное и оставлено все пошлое; но надо же когда-нибудь и конецъ положить этому.

Да, ради Господа, что же дѣлаетъ Пуфъ [2])? Газета должна выйти завтра, а его статьи нѣтъ. Я контрактомъ обязался доставлять послѣдній оригиналъ въ четвертків [3]) утромъ; иначе Працъ [4]) имѣетъ право не выпустить нумера въ срокъ; а ныньче ужь утро пятницы!..

Краевскій.

16.

27-го января (1844), четвертків.

Вотъ корректуры «Мертвеца» [5]). Ихъ немного: прочтите, пожалуйста, поскорѣе и пришлите завтра пораньше утромъ. Да, Бога ради, избавьте меня отъ Безгласнаго псевдонима [6]). Зачѣмъ это? Подъ статьею стоитъ 1838 годъ; въ прошломъ мѣсяцѣ вы печатали полную свою фамилію въ «Современникѣ» [7]); на-дняхъ выйдутъ книги съ полнымъ вашимъ именемъ [8]), и въ нихъ будетъ эта статья: почему же только въ «Отечественныхъ Запискахъ» надо прятаться за псевдонимомъ?.. Пожалуйста перемѣните Безгласнаго на Одоевскаго [9])...

Краевскій.

---

[1]) Волконскому, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

[2]) Въ приложеніи къ „Литературной Газетѣ", носившемъ заглавіе: „Записки для хозяевъ", князь В. Ѳ. Одоевскій помѣщалъ свои „Лекціи господина Пуфа, доктора энциклопедіи и другихъ наукъ, о кухонномъ искусствѣ".

[3]) Такъ написано это слово Краевскимъ.

[4]) Эдуардъ Пратцъ, въ типографіи котораго печаталась „Литературная Газета".

[5]) Повѣсть князя Одоевскаго «Живой Мертвецъ» напеч. въ «Отеч. Запискахъ» 1844 года, томъ XXXII, Словесность, стр. 305—332.

[6]) «Безгласный»—псевдонимъ, которымъ кн. В. Ѳ. Одоевскій часто подписывалъ свои статьи.

[7]) Въ „Современникѣ" 1843 года, т. XXXII, были помѣщены „Психологическія замѣтки" кн. В. Ѳ. Одоевскаго, и въ концѣ (стр. 331) стояла его подпись (князь В. Одоевскій).

[8]) Т. е. Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго (Спб. 1844).

[9]) Повѣсть „Живой Мертвецъ" была подписана въ „Отечественныхъ Запискахъ" буквами К. В. О. (Въ оглавленіи же 32-го тома фамилія автора напечатана при названіи повѣсти полностью).

17.

27-го ноября (1845).

Что же вы держите корректуры? Онѣ мнѣ необходимы. Завтра я не могу прійдти къ вамъ раньше пяти часовъ. Вотъ «Бѣдные Люди» [1]), сейчасъ только мною полученные. Даю ихъ вамъ только на ночь и прошу никому не показывать; завтра утромъ возвратите мнѣ ихъ.

Краевскій.

18.

22 сентября (1846).

Поздравляю съ переѣздомъ. Желалъ бы послать вамъ, какъ стражу теперь благаго просвѣщенія [2]), «Христіанское Чтеніе» [3]), но таковаго не получаю уже года четыре; вмѣсто его пришлю лучше крендель на новоселье.

Всѣ эти дни мнѣ нездоровилось; теперь получше.

Галаховъ [4]) сильно пристаетъ ко мнѣ съ вопросомъ: что̀ сотворили вы съ его просьбою о Некрасовѣ у Войцеховича [5]); пожалуйста, отвѣтьте теперь же, ибо я завтра пишу къ нему и долженъ сказать что-нибудь о просьбѣ его непремѣнно.

Да, Бога ради, вспомните, что есть на свѣтѣ «Отеч(ественныя) Записки». Ужь докторъ Пуфъ [6])—Богъ съ нимъ: его не воскресишь; но мнѣ нужна повѣсть, повѣсть [7])! Теперь вы устроились: засядьте за нее, сдѣ-

---

[1]) Повѣсть Ѳ. М. Достоевскаго, появившаяся въ „Петербургскомъ Сборникѣ" Н. А. Некрасова (Спб. 1846) и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ въ 1847 году. Князь В. Ѳ. Одоевскій принималъ участіе въ „Петербургскомъ Сборникѣ" (см. выше, стр. 374, прим. 3-е и 4-е).

[2]) Какъ извѣстно, Румянцовскій музей былъ посвященъ его основателемъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, „благому просвѣщенію".—Князь В. Ѳ. Одоевскій 16-го іюля 1846 года былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки и завѣдывающимъ Румянцовскимъ Музеемъ.

[3]) Журналъ, издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

[4]) Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ (р. 1807 † 1892), извѣстный историкъ русской литературы, жилъ въ то время въ Москвѣ и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ".

[5]) Алексѣя Ивановича, (бывшаго воспитанника Московск. университетск. благороднаго пансіона), въ то время управляющаго канцеляріею Св. Синода, впослѣдствіи сенатора и члена Государственнаго Совѣта († 1881).

[6]) Въ «Отечеств. Запискахъ» 1846 г., тт. XLIV и XLV, были помѣщены двѣ статьи князя Одоевскаго (подъ псевдонимомъ доктора Пуфа) по домоводству и его же статья (подъ тѣмъ же псевдонимомъ): «Теорія домостроительства въ ея нравственномъ, физическомъ, умозрительномъ и практическомъ отношеніи».

[7]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1846 года не помѣщено повѣстей кн. Одоевскаго.

лайте одолженіе, да не давайте и не обѣщайте никому ничего (тѣмъ болѣе, что альманахъ Бѣлинскаго не состоится)[1]). Пожалуйста, подумайте о повѣсти—очень нужно!

Вашъ весь Краевскій.

NB. Записку вашу, писанную въ среду, я получилъ только вчера, въ субботу.

19.

22-го марта 1852.

Прочтите, сдѣлайте милость, въ нынѣшнемъ № «Сѣверной Пчелы» (при семъ посылаемомъ) очеркнутые карандашомъ столбцы фельетона[2]), и если сердце ваше не содрогнется отъ такого богохульства, то откажитесь навсегда отъ музыки! Въ самомъ дѣлѣ, неужели можно дозволить какому-нибудь скоту Булгарину ругаться публично такъ надъ искусствомъ? Вѣдь это, наконецъ, безнравственно! Называть творенія Бетховена безсмысленными звуками[3])—едва-ли не то же, что сравнить Мадонну Рафаэля съ намалеванной лягушкой. Можетъ быть, Ленцъ въ своей книгѣ и взялъ немножко тономъ выше, но и говорить такъ покабацки о Бетховенѣ, какъ говоритъ Булгаринъ — невозможно. Я бы тотчасъ же ударилъ по ушамъ этого осла, но, какъ профанъ въ музыкѣ, боюсь, какъ бы чего-нибудь не напутать. Сдѣлайте одолженіе, князь, напишите отпоръ этому враню: я напечатаю его, для скорости, въ «Спб. Вѣдомостяхъ»[4]). Только не надо мѣшкать: надо ковать, пока горячо; иначе интересъ ослабнетъ, и вниманіе читателей охладѣетъ.

Вашъ весь Краевскій.

---

[1]) Большой альманахъ „Левіаѳанъ“, который Бѣлинскій думалъ издать въ 1846 г., послѣ выхода своего изъ „Отечественныхъ Записокъ“; изданіе этого альманаха не состоялось, а собранный для него матеріалъ Бѣлинскій предоставилъ „Современнику“, который сталъ выходить подъ новою редакціею въ 1847 г. (подробнѣе см. у А. Н. Пыпина, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, т. II, Спб. 1876, стр. 245—266).

[2]) Въ № 67 „Сѣверной Пчелы“ 1852 года, отъ 22-го марта, значительная часть фельетона „Пчелка“ посвящена была Ө. В. Булгаринымъ разбору сочиненія музыкальнаго критика В. Ленца „Beethoven et ses trois styles“ (Спб. 1852).

[3]) Въ этомъ фельетонѣ читается, между прочимъ, слѣдующее: „Никогда безсмысленные звуки, какъ бы они хороши ни были, не произведутъ такого дѣйствія и такого впечатлѣнія въ умѣ и въ душѣ образованнаго человѣка, какъ литературное произведеніе высокаго достоинства“.

[4]) Съ 1852 г. по 1862 г. Краевскій вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ издавалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“.—Статьи по поводу приведеннаго фельетона Булгарина не появлялось въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

20.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1862.

Получилъ я вашъ счетъ съ Кожанчиковымъ [1]) и вижу, что въ него не вошли двѣ ваши статьи: Финансовый Сонъ и Траги-комедія нашего времени. Первая напечатана въ 130-мъ, вторая въ 131-мъ № «Спб. Вѣдомостей» [2]). Въ нихъ 900 строкъ; считая строку въ 6 коп., придется 54 рубля, которые я выдалъ Кожанчикову и которыми вашъ долгъ изъ 174 р. 55 к. превратится въ 120 р. 55 к. А о какой статьѣ съ автографами Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова вы говорите? У меня никакой статьи нѣтъ. Я собственноручно, въ Михайловскомъ дворцѣ, взялъ у васъ копіи съ вашей переписки съ Пушкинымъ, обѣщавъ придѣлать къ ней кое-что изъ своихъ воспоминаній о первоначальномъ «Современникѣ», о которомъ упоминается въ ней не разъ; но и только же! Всего-на-все вы передали мнѣ одиннадцать копій съ вашихъ писемъ къ Пушкину и его къ вамъ [3]), да еще одну съ письма князя Козловскаго [4]). Но ни Гоголя, ни Грибоѣдова не давали вы мнѣ ни строки [5]). Изъ переписки съ Пушкинымъ можно бы еще кое-что сдѣлать; но для того, чтобъ собрать свои воспоминанія, навести справки, потолковать съ тѣмъ, съ другимъ—съ вами, между прочимъ—нужно время; а гдѣ его взять прикажете при моей колотырной жизни? Отсчитываешь теперь помѣсячно книжку за книжкой «Отеч(ественныхъ) Записокъ», да хоть какія ни на есть «Петерб(ургскія) Вѣдомости» ежедневно, а съ будущаго года примешься отработывать поденщину въ «Голосѣ» [6])—вотъ тутъ и извольте выбирать время для спокойнаго, безмятежнаго самопогруженія въ глубь прошедшаго, какъ

---

[1]) Книгопродавцемъ. Въ его магазинѣ помѣщалась контора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[2]) Обѣ эти статьи кн. Одоевскаго помѣщены были въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", при чемъ первая подписана буквами: В. Г., а вторая псевдонимомъ: Розочка.

[3]) Эти копіи сохранились въ бумагахъ А. А. Краевскаго, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку (см. „Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1889 годъ", Спб. 1893, стр. 62). Краевскимъ эта переписка не была напечатана. Въ 1864 году князь В. Ѳ. Одоевскій помѣстилъ ее самъ въ „Русскомъ Архивѣ" (1864 г., ст. 813—824).

[4]) Князя Петра Борисовича Козловскаго (р. 1783 † 1840), дипломата, человѣка многосторонне образованнаго.

[5]) Письма Гоголя и Грибоѣдова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому были имъ напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года, ст. 808—812 и 838—841.

[6]) Газета „Голосъ" стала выходить, подъ редакціею Краевскаго, съ 1863 года.

выразился бы краснорѣчивый Никитенко! Такъ, пожалуй, доживешь и до состоянія тѣхъ некрѣпкихъ сенаторовъ, о которыхъ дошло къ вамъ преданіе.

Слѣдственно, на скорое составленіе статьи по перепискѣ вашей съ Пушкинымъ нельзя спѣшно надѣяться. Выберется время — составлю; не выберется—не взыщите.

А вотъ о «Голосѣ»-то прошу покорнѣйше. Читали вы программу? Тамъ сказано, какъ я смотрю на полемику, и буду въ своемъ словѣ твердъ, смѣю васъ увѣрить. Лица въ сторону, и споръ пойдетъ только о дѣлѣ; гдѣ же не будетъ дѣла, тамъ и спора не будетъ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите «на зубокъ» статью о нашей полемикѣ—въ поясъ поклонюсь за нее. Что же касается Петербурга и Москвы, то, мнѣ кажется, этого содержанія достанетъ на цѣлый рядъ статей, и вы бы очень обязали меня, еслибъ протянули этотъ рядъ по «Голосу». Пожалуйста не полѣнитесь! Въ Москвѣ, вѣдь, работается больше: тамъ большинство похоже на вашихъ некрѣпкихъ сенаторовъ, хоть и не въ одномъ . . . . . . отношеніи; съ ними, слѣдственно, ужиться можно покойнѣе: они и сами спятъ, и другихъ не тревожатъ. Шлите-ко мнѣ все, что взбредетъ на мысль: большую статью и крохотную замѣтку—все годится, все будетъ отъ васъ и умно, и дѣльно, и, главное, честно, въ чемъ я убѣдился нашимъ тридцатилѣтнимъ знакомствомъ. Я разослалъ ко многимъ лицамъ, въ разныя мѣстности, пригласительныя письма корреспондировать въ «Голосъ», изложилъ и главные пункты по которымъ желалъ бы получать свѣдѣнія. Хотите, и вамъ пришлю такое же письмо, хоть вы живете не въ провинціи и на многое отвѣчать не можете по недостатку матеріаловъ?

Не знаю, ясно-ли выступаетъ характеръ «Голоса» изъ програмы, въ которой я долженъ былъ выражаться самыми легкими намеками? Вотъ моя profession:

Во всемъ томъ, что я слышу со всѣхъ сторонъ и вижу, мнѣ видятся два крайнія направленія, рѣзко обозначающіяся: одни тянутъ прямо къ революціи, закусивъ удила и не внемля ничему. «Нѣтъ надежды на правительство; всѣ его реформы—вздоръ, это полумѣры, которыя хуже застоя; надо разомъ покончить и вырвать силою то, что никогда не отдадутъ добровольно». Другіе, испуганные этими порываньями, говорятъ, что правительство дѣйствуетъ слабо, выпускаетъ изъ рукъ возжи и своими реформами только мутитъ народъ, ослабляя въ то же время свою силу. Эти прямо тянутъ въ реакцію. Я же говорю: правительство дѣйствуетъ робко и нерѣшительно въ своихъ реформахъ, потому что не имѣетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ большею частію слышитъ голосъ запоздалыхъ крѣпостниковъ, могучихъ взяточниковъ и близкихъ къ нему блюдолизовъ. Еслибъ оно

прислушалось къ голосу общества (отдаленнаго отъ него исторіею), оно увидѣло бы, что ему есть на что опереться въ прогрессивномъ своемъ ходѣ, и что нечего смотрѣть на эту сволочь, которая не опасна, потому что составляетъ каплю въ морѣ. Этотъ-то голосъ я и хочу подать своимъ «Голосомъ» и для этого кличу кличъ по всей Руси, вызывая голоса отовсюду. Насколько силъ хватитъ у русскаго печатнаго органа, онъ долженъ поддержать всякую прогрессивную мѣру правительства, выражая собою одобреніе лучшей, образованнѣйшей части общества, и побивать всѣми своими кулаками всякое поползновеніе къ ретроградности.

Вотъ вамъ положеніе, какое хочетъ занять «Голосъ». Что-вы на это скажете?

Вашъ всей душою А. Краевскій.

Въ бумагахъ А. А. Краевскаго сохранилось то письмо къ нему князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]), на которое предъидущее письмо Краевскаго было отвѣтомъ:

(Москва. 30-го августа 1862).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Александровичъ!

Кожанчиковъ прислалъ мнѣ отъ 24-го августа остатокъ моего съ нимъ счета въ 174 р., чего я не ожидалъ, ибо думалъ покрыть его моими статьями въ «С.-Петербургскія Вѣдомости»; нѣкоторыя изъ сихъ статей у васъ залежались, между прочимъ, статья съ автографами Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, къ которой вы собирались что-то прибавить; нѣкоторыя напечатаны—на много-ли? не знаю. Потрудитесь велѣть сдѣлать разсчетъ и какъ-нибудь мои счеты съ Кожанчиковымъ покончить, ибо теперь у меня пропасть издержекъ съ новой квартирой и другихъ срочныхъ.

Между тѣмъ въ счетѣ Кожанчикова многое неаккуратно, какъ увидите. Возьмете-ли на себя посредничество? Много бы одолжили.

Ну что вашъ «Голосъ»? Не къ нему-ли приберегаете автографы? Пожалуй.—Хорошо бы вамъ начать въ немъ реформу нашей полемики, которая изъ рукъ вонъ; объ дѣлѣ полслова,—а личностей, т. е. эпитетовъ и разныхъ оскорбленій—сто словъ. Споръ не о предметѣ, а о томъ, кто кого умнѣе, т. е. изобрѣтательнѣе на пошлую брань. Въ лѣтописяхъ московскаго Сената сохранилось слѣдующее сказаніе: лѣтъ

---

[1]) Дата письма выставлена на основаніи почтоваго на немъ штемпеля. На письмѣ рукою Краевскаго сдѣлана помѣта о времени его полученія: 1 сентября 1862 г.

40 тому провинціалъ пріѣхалъ въ Москву по дѣлу въ Сенатъ. Не зная, куда обратиться, онъ сунулъ двугривенный въ руку сторожа, съ просьбою показать: кто изъ сенаторовъ покрѣпче? Сторожъ говоритъ: «Хорошо,—навѣрное покажу; вотъ смотри, какъ будутъ входить;—вотъ этотъ никуда не годится; этотъ туда и сюда; а вотъ этотъ—всѣхъ крѣпче».—Какъ же крѣпче? спросилъ провинціалъ.—«Этотъ самъ .. .. ходитъ; такъ самъ и пойдетъ, и ничего, а вотъ другихъ-то ужъ я .. .. вожу». Такъ и въ литературѣ у насъ—люди покрѣпче именно въ такомъ родѣ. Хотите-ли для № 1 «Голоса» статью «О нашей полемикѣ?», о томъ, что она есть и чѣмъ бы должна быть. Это дѣло весьма важное, уже и потому, что рано или поздно гласность, состоящая изъ одной брани—подниметъ общій ропотъ и подвигнетъ правительство къ цензурнымъ строгостямъ; инаго ничего не останется дѣлать. Не фактъ опровергаютъ, а начинаютъ съ того, что человѣкъ—клеветникъ или невѣжа; неужь-ли нельзя то же слово да не такъ бы молвить?—Если бы вы въ «Голосѣ» рѣшительно объявили за собою право вымарывать безпощадно всякіе бранные эпитеты и проч(ія) брани, то за это обѣ стороны были бы вамъ благодарны. Штука въ томъ, чтобы удержать начинающаго; ибо когда одному удалось назвать печатно другаго подлецомъ или дуракомъ, то, по праву возмездія, надобно это позволить и другому,—а тамъ и пошла писать. Вертится также у меня въ головѣ: «Петербургъ и Москва» въ отношеніи къ удобствамъ жизни и нравственности народной.—Хотите-ли всѣхъ этихъ штукъ? Много навертывается случайнаго, временнаго,—имѣющаго цѣну, лишь когда тиснуто вò-время.

Вамъ душевно преданный к. В. Одоевской.

21.

Санктпетербургъ, 17-го марта 1863.

Являюсь къ вамъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, съ челобитною. Податель этого письма—двоюродный братъ мой Карпачевъ, измученный нескончаемыми проволочками по его правому и, кажется, совсѣмъ рѣшенному дѣлу. Въ вашемъ богоспасаемомъ Сенатѣ[1]) тянутъ это дѣло вотъ уже который годъ—сначала за справками, которыя наконецъ собраны, то Богъ знаетъ изъ-за чего!—такъ, просто, за недосугомъ, или, можетъ быть, потому, что физіономія человѣка не нравится... Всяко бываетъ! Но дѣло все въ томъ, что никакъ не могутъ

[1]) Съ 8-го ноября 1861 года князь В. Ѳ. Одоевскій былъ сенаторомъ въ Москвѣ.

собраться доложить его дѣло, откладывая такимъ образомъ все въ дальній ящикъ. Вступитесь, сдѣлайте милость, и прикажите дѣйствовать поживѣе и посправедливѣе. Пока не перестроится наше правосудіе по новой формѣ и провалится царство проклятой канцелярщины, надобно еще часто прибѣгать къ шпорамъ, которыя я прошу васъ убѣдительнѣйше привести въ дѣйствіе.

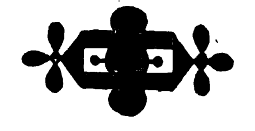
А что же «Голосъ»-то вы и знать не хотите? Хоть бы за то обратили на него вниманіе, что онъ—голосъ, а вы маэстро. Спрашивали вы меня еще лѣтомъ о томъ, годится-ли для газеты статья по вопросу о приличіи въ литературѣ [1]) (по поводу лакейскихъ журнальныхъ перебранокъ); я тогда же отвѣчалъ по назначенному вами адресу—во дворецъ Елены Павловны. Но съ тѣхъ поръ о васъ ни слуху, ни духу. Что жъ бы это значило?

Но что̀ бы это ни значило, я все-таки и всегда вамъ душевно преданный Краевскій.

P.S. Княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ свидѣтельствую низкій поклонъ и душевное почтеніе.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



---

[1]) См. предъидущее письмо.

Артиллерійское училище въ 1845 году.

VI [1]).

Учебная часть.

Какъ я уже сказалъ, училище, въ учебномъ отношеніи, раздѣлялось на пять классовъ. По окончаніи юнкерскихъ классовъ, тѣ, которые считались начальствомъ способными продолжать высшее образованіе, переводились въ офицерскіе классы, т. е. въ нынѣшнюю академію, а остальные назначались въ строй, въ полевыя батареи, прапорщиками.

Система преподаванія была классная, т. е. учитель читалъ лекціи или спрашивалъ прочитанное, когда ему было угодно. Система эта, предоставляющая учителю полную свободу дѣйствій и отдающая ему въ руки учениковъ почти безконтрольно, хороша только при отличномъ составѣ преподавателей.

Къ сожалѣнію, училище не могло похвалиться этимъ, особенно въ младшихъ классахъ. Да и не мудрено: самое пополненіе училища преподавателями производилось весьма страннымъ способомъ. Напримѣръ, въ старшемъ офицерскомъ классѣ подпоручикъ А. обнаруживаетъ блестящія дарованія по математикѣ. Ему предлагаютъ остаться при училищѣ репетиторомъ. Онъ соглашается и назначается читать въ 5-мъ или 4-мъ классѣ географію или исторію. Года черезъ два ему вдругъ поручаютъ преподаваніе черченія, а онъ самый плохой чертежникъ и т. д.

Въ старшихъ классахъ учителя были лучше; особенно хорошо было обставлено преподаваніе математики и артиллеріи.

По счастливой случайности, мы, во 2-мъ и 1-мъ классахъ, обладали

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1904 г.

нѣсколькими преподавателями, которымъ наиболѣе обязаны своимъ умственнымъ развитіемъ. Самое свѣтлое и теплое воспоминаніе о нихъ осталось до сихъ поръ у многихъ изъ насъ. Прежде всего, я долженъ назвать Иринарха Ивановича Введенскаго и священника Рождественскаго.

Какъ умѣли они оба заинтересовать насъ, пробудить лучшія черты человѣческой природы, пристрастить къ чтенію, дѣльному разговору и обсужденію въ товарищескомъ кружкѣ мыслей, выходившихъ изъ узкой рамки обыденныхъ училищныхъ интересовъ.

Бывало, когда Введенскій на каѳедрѣ, мы сдвигали къ нему вплотную скамейки, садились безъ церемоніи на ступеньки каѳедры и слушали, слушали съ жадностью, съ увлеченіемъ. Ярый противникъ крѣпостничества и рабства, поклонникъ умственнаго и нравственнаго развитія, онъ открывалъ намъ новый, невѣдомый міръ мыслей и чувствъ, издѣвался надъ ложью, себялюбіемъ, алчностью и продажностью, подъ какимъ бы блестящимъ нарядомъ они ни проявлялись, и заставлялъ любить самопожертвованіе и добро, въ какой бы скромной формѣ они ни проглядывали. Въ концѣ лекціи мы откомандировывали одного изъ товарищей держать дверь въ корридоръ, чтобы дежурный офицеръ не могъ объявить перемѣны [1]) и нарушить этимъ чтенія. Увлеченный своей лекціей, Введенскій не замѣчалъ, что полтора часа уже прошли, и бесѣдовалъ съ нами лишнія 15 минутъ. Когда обманъ обнаруживался, и учитель и ученики смѣялись вмѣстѣ. Да, мы любили его и уважали, а онъ любилъ молодежь и безусловно довѣрялъ ей.

За нѣсколько дней до перваго годового экзамена изъ словесности, Введенскій пришелъ въ классъ и потребовалъ литографированный именной списокъ. Мы думали, что онъ будетъ выставлять баллы; но онъ протянулъ намъ списокъ и просилъ, чтобы мы сами выставили себѣ отмѣтки. Нечего говорить, что списокъ покрылся самыми крупными баллами. Введенскій прочиталъ ихъ вслухъ, не сказалъ ни слова, спряталъ въ карманъ и отправился домой.

Въ день экзамена, лишь только Введенскій вошелъ въ училище, классъ окружилъ его и попросилъ списокъ назадъ. Онъ отдалъ. Тогда каждый началъ сбавлять себѣ баллы, да какъ сбавлять, какъ никакой самый строгій учитель не сбавляетъ. Введенскій попробовалъ было защитить насъ отъ насъ же самихъ, но всѣ его усилія были тщетны.

Экзаменъ вышелъ отличный; коммиссія не сбавила ни одного балла, и начальство благодарило Введенскаго за блестящій успѣхъ и за правильность оцѣнки.

---

[1]) Перемѣна объявлялась дежурнымъ офицеромъ, входившимъ въ классъ. Ни барабана, ни звонка не было.

Рождественскій, товарищъ Введенскаго по воспитанію, во многомъ былъ похожъ на него. Не будучи нисколько сухимъ доктринеромъ, онъ заставлялъ насъ любить и уважать христіанское ученіе, какъ высшій идеалъ справедливости и гуманности. На его лекціи, всегда живыя и интересныя, собирались часто, тайкомъ, юнкера другихъ классовъ, а ужъ нашихъ католиковъ и лютеранъ и силой нельзя было бы выгнать изъ класса.

Къ сожалѣнію, Рождественскій былъ только нашимъ законоучителемъ, а не духовникомъ, а то его благодѣтельное вліяніе на нравственность юнкеровъ сказалось бы еще въ сильнѣйшей степени.

Былъ у насъ въ училищѣ еще одинъ замѣчательный профессоръ, математическая звѣзда первой величины, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, читавшій или, вѣрнѣе сказать, который долженъ бы былъ читать въ 1-мъ классѣ интегральное исчисленіе.

Обыкновенно онъ приходилъ поздно, садился у первой скамейки и бесѣдовалъ съ юнкерами о Наполеонѣ, о Суворовѣ, о политикѣ, о чемъ угодно, кромѣ математики. Его блестящій умъ, начитанность, умѣнье защищать самые смѣлые парадоксы дѣлали эти бесѣды истиннымъ наслажденіемъ, но къ познанію интеграловъ ничего не прибавляли.

Иногда Остроградскій шалилъ, какъ юноша. Какъ-то разъ онъ заговорилъ о фехтовальномъ искусствѣ и хвасталъ, что никто изъ насъ ни однимъ ударомъ изъ десяти не коснется шпагой его груди. Съ нимъ заспорили и предложили сходить за рапирами. Тогда Остроградскій сдѣлалъ юнкерамъ такое предложеніе: если отыщется боецъ довольно смѣлый, чтобы сразиться съ нимъ, то условія дуэли поставляются слѣдующія: десять ударовъ, нанесенныхъ юнкеромъ; если Остроградскій отразитъ ихъ всѣ, то ставитъ на экзаменѣ своему противнику ноль, не спрашивая его. Если же хоть разъ будетъ задѣтъ, то ставитъ смѣльчаку, какъ бы онъ ни отвѣчалъ, полный баллъ.

Одинъ изъ нашихъ школяровъ, Желеховскій, принялъ условія, и Остроградскій, въ ожиданіи рапиръ, пригласилъ его выйти къ доскѣ и взять мѣлъ, самъ взялъ кусокъ мѣла и просилъ Желеховскаго показать, какъ онъ будетъ нападать. И вотъ одноглазый гигантъ—Остроградскій былъ кривой и громаднаго роста — и маленькій юноша стали «en garde».

Едва Желеховскій успѣлъ выпасть, какъ отворилась дверь, и вошелъ инспекторъ классовъ, котораго, кстати сказать, Остроградскій почему-то порядочно побаивался.

— Желеховскій, что это вы выдумали, отправляйтесь-ка подъ арестъ,—проговорилъ инспекторъ классовъ строгимъ тономъ; но на лицѣ его невольно играла улыбка.

Тѣмъ временемъ Остроградскій повернулся на каблукѣ налѣво кругомъ, очутился лицомъ у доски и совершенно покойнымъ тономъ началъ:

— Итакъ, я только-что говорылъ вамъ, мылостывые государи, что предѣльный ынтыгралъ,—и пошелъ читать лекцію, какъ ни въ чемъ не бывало.

Желеховскій просидѣлъ подъ арестомъ нѣсколько часовъ, а на экзаменѣ Остроградскій вывезъ его изъ интеграловъ.

Иногда, наговорившись, Остроградскій подходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ въ руки и начиналъ читать. Понимали его весьма немногіе, да и какъ было понять обрывочную, выхваченную изъ средины курса теорему. Но тѣ, которые понимали, наслаждались его чтеніемъ, какъ музыкой, какъ поэзіей. Дѣйствительно, Остроградскій былъ блистательный математикъ и вообще даровитый человѣкъ; но къ прямому исполненію своихъ обязанностей онъ относился съ равнодушіемъ, даже съ отвращеніемъ.

Весь классъ, по его словамъ, дѣлился на геометровъ, которыхъ было человѣка три, и землемѣровъ—всѣ остальные. Рѣдкія лекціи свои онъ читалъ только для первыхъ; о развитіи же математическихъ знаній послѣднихъ и не заботился нимало: онъ видимо пренебрегалъ ими. Любимцемъ его въ нашемъ классѣ былъ Чебыкинъ, выказавшій истинно замѣчательныя способности къ математикѣ.

Однажды, идя къ намъ на выпускной экзаменъ изъ дифференціаловъ, Остроградскій поскользнулся на лѣстницѣ и пересчиталъ нѣсколько ступенекъ спиною. Взбѣшенный, растрепанный, вошелъ онъ въ классъ и въ какой-нибудь часъ времени поставилъ 17-ти землемѣрамъ по нолю. Мы упросили предсѣдателя экзаменной коммиссіи вызвать Чебыкина, и вотъ, при самомъ началѣ его дѣйствительно блестящаго отвѣта, морщины Остроградскаго начали разглаживаться, а къ концу онъ сталъ добръ и мягокъ, какъ воскъ.

Въ конференціи, собранной послѣ экзамена, начальство положило, и совершенно справедливо, вовсе не считать къ выпуску нолей, поставленныхъ Остроградскимъ.

Начертательную геометрію и черченіе преподавалъ въ старшихъ юнкерскихъ и офицерскихъ классахъ баронъ Владиміръ Карловичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. Эта свѣтлая личность была любима и уважаема положительно всѣми. Рѣзкій на словахъ, онъ всегда говорилъ юнкерамъ правду въ глаза, не стѣсняясь называть вещи ихъ собственными именами, но и не обижаясь никогда горячимъ или остроумнымъ отвѣтомъ юнкера. Баронъ, какъ всѣ его называли, любилъ и самъ съострить и подсмѣяться надъ юнкерами; но въ его насмѣшкѣ, какъ и въ выговорѣ, проглядывало столько добродушія и отеческой любви

къ юношеству, что я не знаю случая, чтобы кто-нибудь обидѣлся на него.

Вотъ примѣръ.

Юнкеръ Крупскій, прекрасно рисовавшій, изобразилъ на своей чертежной папкѣ артистически сдѣланную голову осла.

— Смотри,—говорили Крупскому товарищи,—баронъ непремѣнно подсмѣется надъ тобою.

Надо прибавить, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ баронъ получилъ Анну на шею.

Крупскій, не говоря ни слова, придѣлалъ этотъ орденъ ослу.

Черезъ нѣсколько дней, въ классѣ черченія, баронъ подошелъ къ Крупскому и, какъ истинный артистъ, сталъ любоваться изящной работой.

— Прекрасно, прекрасно,—сказалъ онъ Крупскому,—только зачѣмъ же рисовать на казенной папкѣ свой портретъ.

— Это не мой,—возразилъ Крупскій, глядя съ улыбкой на шею барона,—вы не замѣтили у осла Анну на шеѣ.

— Ахъ, мошенникъ,—расхохотался баронъ,—ловко срѣзалъ, славно отдѣлалъ. И онъ отошелъ отъ Крупскаго, добродушно подсмѣиваясь надъ самимъ собою.

Въ важныхъ случаяхъ жизни баронъ давалъ юнкерамъ совѣты, какъ поступить, и совѣты эти дышали всегда добротой и благородствомъ, а потому и исполнялись охотно.

Много лѣтъ тому назадъ, наступилъ пятидесятилѣтній юбилей барона. Его бывшіе ученики пожелали сдѣлать ему обѣдъ и, Боже мой, какая масса людей всѣхъ званій и состояній сѣла за юбилейный столъ. Глядя со стороны, можно было подумать, что чествуютъ какого-нибудь министра, раздавателя благъ земныхъ, а не скромнаго преподавателя безсильнаго, при всемъ своемъ желаніи, «назначить», «дать», «опредѣлить» и т. п.

Одинъ изъ учениковъ барона, бывшихъ на обѣдѣ, отлично обрисовалъ его въ нѣсколькихъ словахъ.

— Баронъ,—сказалъ онъ,—былъ назначенъ, оффиціально, чтобы учить насъ черченію, т. е. познанію масштаба; но онъ сдѣлалъ болѣе: онъ выучилъ насъ отмѣривать наши собственные поступки по масштабу нравственному, и мы никогда не забудемъ этихъ уроковъ.

Въ словахъ этихъ много истины.

Преподавали у насъ и оригиналы, нравственное значеніе которыхъ было ничтожно. Кто изъ насъ, напримѣръ, не припомнитъ Василія Карловича Тилло, учившаго въ младшихъ классахъ нѣмецкому и русскому языкамъ. Худой, длинный, лысый старичекъ, съ огромнымъ носомъ въ видѣ разваренной картофелины, съ сѣдыми височками, заче-

санными впередъ, добрякъ этотъ входилъ въ классъ съ книжкой, перевязанной всегда одною и тою же красною ленточкой.

Между юнкерами ходили толки, что Васенькѣ, какъ всѣ называли Тилло, тесемочка эта досталась по завѣщанію отъ отца. Какой-то шутникъ стащилъ однажды со стола Васенькину драгоцѣнность, и бѣдный старичекъ чуть не заплакалъ отъ горя. Мы заставили шалуна общимъ приговоромъ воротить Васенькѣ тесемочку.

Бывало, при входѣ въ классъ, къ Тилло подходили юнкера и заговаривали его, чтобы оттянуть время.

— Правда-ли, Василій Карловичъ,—спрашивалъ одинъ,—что вы поступаете въ уланы?

— И, помилуйте,—отшучивался старикъ,—куда мнѣ въ уланы: я боюсь даже извощичьихъ лошадей.

— Правда-ли, Василій Карловичъ,—подхватывалъ другой,—что вы вызвали Киндерева на дуэль?

И вопросы сыпались одинъ за другимъ, одинъ другаго нелѣпѣе.

Наконецъ Тилло, выведенный изъ терпѣнія, горячился, приказывалъ сѣсть и грозилъ, поглаживая височки:

— Вотъ, вотъ, я васъ всѣхъ запишу, накажутъ.

Но никогда никого не записывалъ.

Нѣмецкій языкъ мы знали отвратительно, или, правильнѣе сказать, вовсе его не знали.

Обыкновенно Тилло вызывалъ одного изъ насъ къ доскѣ и диктовалъ ему нѣмецкій анекдотъ смѣшнаго содержанія. Прочіе должны были переписать продиктованное и выучить къ слѣдующему классу наизусть.

По окончаніи диктовки, длинный Чебыкинъ, который ровно ничего не понималъ по-нѣмецки, вставалъ со скамьи и, размахивая линейкой, какъ дирижеръ оркестра палочкой, командовалъ классу: разъ, два, три. По этому сигналу классъ, тоже въ тактъ, хоромъ смѣялся три раза: ха, ха, ха! Васенька, на этотъ смѣхъ, отвѣчалъ всегда добродушнымъ мелкимъ смѣхомъ: хе, хе, хе!

Однажды ему вздумалось продиктовать на доскѣ что-то печальное. Чебыкинъ, не подозрѣвая этого, взмахнулъ линейкой, и мы прогремѣли свое обычное: «ха, ха, ха!»

Васенька обидѣлся:

— Я вамъ диктую печальное,—сказалъ онъ съ огорченной физіономіей,—а вы хохочете.

Чебыкинъ не смутился, снова всталъ, извинился передъ Васенькой и скомандовалъ:

— Ребята, три раза плакать!

И мы изобразили, звукоподражаніемъ, троекратный плачъ.

Другой оригиналъ, достойный описанія, былъ Киндеревъ, преподаватель аналитической геометріи.

Это былъ маленькій человѣчекъ, очень близорукій, круглый, какъ арбузъ, съ большой лысой головой и неестественно-коротенькими ручками и ножками, придѣланными къ его тучному тѣлу какъ-то неладно, какъ будто украденныя у ребенка.

Я не много уклонюсь отъ истины, если скажу, что Киндеревъ походилъ на черепаху, поставленную вертикально на хвостъ. Одѣтъ онъ былъ всегда въ синій коротенькій фракъ и свѣтло-гороховыя панталоны.

Киндеревъ терпѣть не могъ, чтобы во время его лекцій юнкера занимались чѣмъ-нибудь постороннимъ.

Замѣтивъ развернутую книгу, онъ подходилъ обыкновенно къ столу, наваливался на него животомъ, чтобы посмотрѣть книгу, и неизмѣнно спрашивалъ:

— И, пожалуйте, что вы читаете?

Однажды шалуны, или, какъ ихъ называли въ училищѣ, школяры, воспользовавшись этимъ, намазали густо край врѣзанной въ столъ чернильницы чернилами, и на гороховыхъ штанахъ Киндерева, въ нижней части живота, образовался черный кружечекъ. Такъ какъ внутренность кружечка оставалась бѣлою, то Киндеревъ имѣлъ видъ человѣка со сквозною дырой на животѣ.

Насмѣявшись вдоволь, мы извѣстили Киндерева о постигшемъ его несчастіи.

Тогда старикъ, подбирая животъ руками, тщетно пытался увидѣть кружечекъ. Наконецъ, ему поднесли ручное зеркальце, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ свои запачканные штаны.

Ему тотчасъ же предложили помощь, и онъ принялъ ее.

Тогда одинъ изъ юнкеровъ взялъ губку, поплевалъ на нее и принялся тереть Киндерева по животу, въ горизонтальномъ направленіи. Образовалась, конечно, черная полоса, съ которой Киндеревъ и вышелъ изъ класса.

Тилло и Киндеревъ служили намъ предметами неистощимыхъ наслажденій.

При входѣ въ классъ, кто-нибудь изъ рисовальщиковъ подходилъ къ доскѣ и ежедневно изображалъ на ней мѣломъ, съ поразительнымъ сходствомъ, этихъ двухъ оригиналовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Картина представляла иногда Васеньку, въ уланской формѣ, на колѣнахъ передъ Киндеревымъ, одѣтымъ въ дамское платье. Иногда сюжетомъ для изображенія служилъ турниръ; при этомъ Васенька въ шлемѣ, на громадномъ тощемъ россинантѣ, поражалъ копьемъ Киндерева, сидѣвшаго на маленькой круглой лошадкѣ. Всего же чаще

на доскѣ появлялась слѣдующая картина: Васенька, въ формѣ конно-артиллериста, стрѣлялъ изъ огромной мортиры. Изъ дула вылеталъ Киндеревъ и дрыгалъ на воздухѣ ручками и ножками.

Оба они, при входѣ въ классъ, обыкновенно разсматривали картину, и Васенька говорилъ:

— Вотъ, вотъ, я васъ всѣхъ запишу, сотрите.

А Киндеревъ:

— И, пожалуйте, сотрите эти глупости.

Но оба не жаловались.

Самыми несчастными существами были иностранцы, преподаватели французскаго и нѣмецкаго языковъ. Ихъ, что̀ называется, въ грошъ не ставили, преслѣдовали и задавали имъ бенефисы; французы и нѣмцы положительно боялись юнкеровъ, а не юнкера ихъ. Въ 4-мъ классѣ Чебыкинъ выдалъ себя французу за сумасшедшаго, бѣгалъ за нимъ по комнатѣ съ линейкою, а тотъ удиралъ и прятался между скамейками. Если на подобную сцену наскакивалъ инспекторъ классовъ, его помощникъ, или дежурный офицеръ, насъ наказывали, и препорядочно; но въ слѣдующій классъ старое снова повторялось.

Если французъ жаловался, что̀ случалось нерѣдко, мы задавали ему бенефисъ, и онъ укрощался.

Юнкера артиллерійскаго училища относились, вообще, съ уваженіемъ къ выдающимся способностямъ и къ научнымъ успѣхамъ своихъ товарищей, если они не были сопряжены съ зубреніемъ, погоней за баллами и за мѣстами старшинства.

Особенное почтеніе и со стороны начальства, и со стороны юнкеровъ заслуживали математическія дарованія. Заручившись хорошимъ балломъ у Остроградскаго, юнкеръ могъ быть увѣренъ, что его такъ или сякъ вывезутъ и допустятъ до слушанія офицерскихъ курсовъ. Поклоненіе природнымъ способностямъ ввело въ училищѣ непохвальную привычку стыдиться усидчивыхъ занятій. Если про такого-то юнкера говорили, что онъ получилъ полный баллъ изъ интеграловъ, дифференціаловъ или аналитики и при этомъ почти совсѣмъ не занимался, то это служило ему высшей похвалой.

Система балловъ у насъ была безобразная. Полный баллъ былъ 50. Очень хорошіе не ниже 48, хорошіе, или переводные, не ниже 30, менѣе этого балла—неудовлетворительные. Получившій менѣе 30 балловъ или оставлялся въ классѣ, не болѣе, какъ на одинъ годъ, или, по рѣшенію конференціи, получалъ переэкзаменовку.

Курсъ начинался въ концѣ августа и продолжался непрерывно до послѣднихъ чиселъ ноября. Въ ноябрѣ и декабрѣ назначались экзамены изъ всего пройденнаго, называвшіеся, неизвѣстно почему, третными. Эти экзамены были для насъ весьма

важны и полезны, и нельзя не поблагодарить классное начальство за ихъ введеніе. Дѣйствительно, мы легко и основательно усвоивали первую, самую важную, половину курса, что̀ во многомъ уясняло наши дальнѣйшія занятія и облегчало приготовленіе къ годовымъ испытаніямъ. Но чего отнюдь нельзя похвалить, это назначеніе послѣ экзаменовъ такъ называемыхъ третныхъ. Третными назывались тѣ, которые получили на экзаменѣ менѣе 30 балловъ.

При строгой постановкѣ, таковыхъ оказывалось довольно много. Третной, по училищнымъ правиламъ, лишался отпусковъ до той минуты, покуда онъ на репетиціи не получитъ удовлетворительнаго балла изъ того предмета, изъ котораго онъ срѣзался на экзаменѣ. Система назначенія третныхъ заставляла лѣнтяевъ готовиться только къ одному уроку и очень обременяла учителей. Иногда послѣдніе, какъ бы на зло, не хотѣли спрашивать третного и порождали этимъ взаимное неудовольствіе. А тѣмъ временемъ дѣтина лѣтъ двадцати, заключенный по мѣсяцамъ въ четырехъ стѣнахъ, предавался самымъ фантастическимъ, далеко не невиннымъ изобрѣтеніямъ, чтобы розогнать скуку.

Третные засѣдали, большею частью, въ Камчаткѣ. Чтобы понять это выраженіе, надо упомянуть, что классъ, по скамейкамъ, раздѣлялся такъ: на первыхъ сидѣли хорошіе ученики, слѣдившіе за лекціями профессоровъ; на среднихъ такъ называемые конно-артиллеристы, не претендовавшіе на слушаніе офицерскихъ курсовъ и считавшіе себя счастливыми, если получали переводный баллъ. Наконецъ заднія скамейки, или Камчатка, населялись безпардоннымъ народомъ, не хотѣвшимъ ровно ничего дѣлать.

Случалось, что камчадалы, опомнившись съ годами, переходили или въ конно-артиллеристы, или даже на первыя скамейки и оканчивали курсъ прекрасно. Конечно, это бывало не каждый день. Камчадалы приносили съ собою часто, особенно на вечерніе классы, шинели, разстилали ихъ подъ скамейками и предавались безмятежному сну. Иногда слишкомъ громкій храпъ обращалъ на себя вниманіе учителя, и онъ посѣщалъ Камчатку. Тогда бѣдные камчадалы изъ міра сладкихъ сновидѣній рѣзко переходили въ юдоль стенаній и печали и отправлялись доканчивать свой сонъ подъ арестъ.

Фантазіи камчадаловъ приводили иногда въ изумленіе и учителей, и юнкеровъ.

Джіовани Галеацо, дука ди Сфорца, котораго мы застали въ пятомъ классѣ, твердо рѣшился не развертывать ни одной книги. Онъ отличался умѣніемъ необыкновенно скоро и правильно чертить мѣломъ, отъ руки, круги на доскѣ, и вотъ что онъ постоянно продѣлывалъ.

— Галеацо,—вызываетъ его учитель исторіи.

Галеацо вскакиваетъ съ мѣста, спѣшитъ къ доскѣ и беретъ мѣлъ въ руки.

— Разскажите мнѣ царствованіе Франциска I-го,—говоритъ учитель.

Галеацо, не отвѣчая ни слова, чертитъ на доскѣ идеально вѣрный кругъ и ставитъ центръ.

Учитель исторіи смотритъ съ недоумѣніемъ на кругъ, стараясь придумать, какая связь можетъ быть между Францискомъ I-мъ и кругомъ, но Галеацо молчитъ.

— Ну-съ?—говоритъ наконецъ историкъ.

— Я не приготовился,—отвѣчаетъ Галеацо съ самой пріятной улыбкой.

— Такъ я вамъ поставлю ноль,—говоритъ учитель.

— Сдѣлайте одолженіе,—произноситъ Галеацо, почтительно кланяется и уходитъ на свое мѣсто.

Онъ это продѣлывалъ рѣшительно со всѣми, и ноли сыпались ему въ журналахъ ежедневно.

Нечего и говорить, что Галеацо, далеко не лишенный отъ природы способностей, не двинулся далѣе 5-го класса и былъ исключенъ.

Впослѣдствіи онъ участвовалъ, подъ начальствомъ Гарибальди, въ его сицилійскомъ походѣ.

Иногда камчадалы, съ участіемъ конно-артиллеристовъ, устраивали пульки въ Камчаткѣ. Это дѣлалось особенно охотно на урокахъ изъ иностранныхъ языковъ.

— L'ingratitude est un vice.... диктуетъ французъ, ходя вдоль скамеекъ.

— Дуракъ,—громко разносится по классу,—подвелъ моего короля самъ-другъ.

— Королъ самъ друкъ, que veut-il dire?—спрашиваетъ французъ и вдругъ, догадавшись, бросается въ Камчатку.

Но товарищи, зная, что за игру въ карты могутъ, пожалуй, и изъ училища выгнать, стоятъ уже передъ французомъ непроницаемой стѣной. Тщетно старается онъ пробиться, напрасно молитъ и грозитъ; его не пускаютъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ бѣжитъ жаловаться.

Приходитъ начальство, и начинается разборка. Прежде всего стараются найти вещественныя доказательства преступленія; но карты уже припрятаны такъ, что до нихъ не доберешься. Старшаго, всегда перваго ученика, отправили подъ арестъ; за нимъ слѣдуютъ совершенно невиновные юнкера А, В и С, и весь классъ оставленъ на мѣсяцъ безъ отпуска; но никому и въ голову не приходитъ выдать товарища.

Самъ камчадалъ, разгорячившійся не въ мѣру изъ-за подведеннаго короля самъ-другъ, заявляетъ намѣреніе открыть начальству свою

вину; но его удерживаютъ, ругаютъ, обѣщаютъ даже вздуть, если онъ себя выдастъ.

— Экій дуракъ, скотина,—говорятъ ему товарищи: тѣ посидятъ да и выйдутъ, а вѣдь тобой дорожить не станутъ; тебѣ вся цѣна—грошъ, какъ разъ вылетишь,—и урезониваютъ великодушнаго игрока.

Однако дѣло окончиться такъ не можетъ, и весь классъ рѣшается закатить французу, на слѣдующій же разъ, страшнѣйшій бенефисъ.

Къ преподавателямъ военнымъ юнкера относились, вообще, сдержаннѣе, чѣмъ къ гражданскимъ, но и съ первыми позволяли себѣ довольно свободныя шутки.

Одинъ изъ моихъ товарищей, конно-артиллеристъ Абаза, очень способный, но лѣнтяй, вздумалъ говорить риемами и порядочно навострился въ этомъ искусствѣ. Однажды, не приготовившись изъ дифференціаловъ, онъ подошелъ во время репетиціи къ преподавателю, капитану Усову, добрѣйшему и милѣйшему человѣку, и продекламировалъ:

Я вчера занемогъ
И приготовиться не могъ.

— Чѣмъ же вы занемогли?—спросилъ Усовъ.

Не знаю, но я взглянулъ въ зеркало
И испугался, какъ меня исковеркало,—

отвѣчалъ Абаза.

— Ну, такъ я вамъ поставлю ноль,—и дѣйствительно Усовъ поставилъ въ списки ноль.

Дифференціаловъ король
Поставилъ мнѣ ноль,—

проговорилъ Абаза плачевнымъ тономъ.

Усовъ расхохотался и вычеркнулъ ноль изъ журнала.

На репетиціяхъ мы часто отказывались отвѣчать всѣмъ классомъ, иногда безъ всякой основательной причины.

— Отказъ, сегодня отказъ изъ статистики,—кричали конно-артиллеристы, входя въ классъ.

—Да помилуйте—возражалъ старшій, на обязанности котораго лежала непріятность отказываться,—вѣдь нѣтъ никакой причины къ отказу, да и прошлый разъ мы отказались; Тихановъ будетъ ставить ноли.

— Нѣтъ, не будетъ, не разсуждай,—кричали лѣнтяи.

— Будетъ, не хотимъ отказываться,—говорили болѣе прилежные.

Вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ и чаще въ пользу конно-артиллеристовъ и камчадаловъ, чѣмъ прилежныхъ. Тогда старшій подходилъ къ учителю, выдумывалъ какую-нибудь причину и отказывался за весь классъ.

Въ большинствѣ случаевъ отказъ принимался; но иногда учитель, раздосадованный явною лѣнью класса, не принималъ отказа и вызывалъ къ доскѣ нѣсколько человѣкъ, начиная со старшаго. Всѣ, конечно, отказывались и получали ноли. Отвѣчать при такихъ обстоятельствахъ считалось непростительнымъ проступкомъ противъ таварищей.

Когда большинство класса отказываться не желало, къ учителю подходили отдѣльныя личности, и онъ почти всегда отлагалъ имъ репетицію до слѣдующаго раза.

Самымъ интереснымъ и страшнымъ временемъ въ классной жизни былъ, конечно, годовой экзаменъ, производившійся весною.

Заниматься прилежно во время экзаменовъ не значило зубрить, и потому такія занятія не презирались, а уважались. Если экзаменъ представлялъ особенныя трудности, или смотры и парады отбивали столько времени, что приготовиться было невозможно, весь классъ прибѣгалъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы помочь горю. Поддѣльные билеты, шпаргалки, на которыхъ были выписаны отвѣты и которыми, чаще всего, обвертывались мѣлки—все пускалось въ ходъ.

Въ 3-мъ классѣ, ужъ не помню по какой причинѣ, мы рѣшились поступить на экзаменѣ изъ исторіи такъ: одна половина класса должна была приготовить первые 16 билетовъ, а другая послѣдніе 16. Первая половина билетовъ была рваная, а вторая рѣзанная. Все было устроено какъ нельзя лучше, классный писарь былъ подкупленъ на общую складчину и принесъ экзаменной коммиссіи поддѣльные билеты.

Сначала коммиссія не замѣчала ничего и наслаждалась нашими блестящими отвѣтами; но скоро картина измѣнилась: вызвали Пряничникова, необыкновенно вялаго и близорукаго. Чтобы отличить рваные билеты отъ рѣзанныхъ, онъ уткнулъ носъ въ столъ и началъ разгребать кучу.

— Что вы тамъ шарите?—спросилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи, и сердца наши забились отъ страха.

— Беру билетъ,—отвѣчалъ Пряничниковъ, какъ-то неестественно улыбаясь.

— А вотъ я вамъ выберу,—заговорилъ ужасный членъ коммиссіи и самъ вынулъ изъ кучи, наугадъ, билетъ.

Къ сожалѣнію, онъ былъ не изъ той половины, которую приготовилъ Пряничниковъ, и онъ жестоко срѣзался.

Обстоятельство это внушило коммиссіи подозрѣніе, билеты начали разглядывать, и вскорѣ хитрость была открыта. Тогда каждому отвѣчающему стали предлагать по два билета: одинъ рваный, другой рѣзанный, и произошло, какъ мы выражались, избіеніе младенцевъ: за приготовленную половину ставили баллъ, за неприготовленную ноль и брали среднее. Понятно, что весь классъ очутился съ неудовлетвори-

тельными отмѣтками изъ исторіи, и начальство принуждено было назначить другой экзаменъ, послѣ лагерей.

Ухищреніямъ лѣнтяевъ, чтобы благополучно спустить экзамены, не было границъ. Одинъ выписывалъ себѣ на ладони лѣвой руки всѣ окончательныя формулы, другой набивалъ карманы кусочками бумаги, исписанными краткими замѣтками; наконецъ, мой товарищъ камчадалъ изобрѣлъ слѣдующую штуку. Онъ условился съ своимъ закадычнымъ другомъ, такимъ же лѣнтяемъ, приготовить только по одному билету изъ аналитики. Въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ нихъ подойдетъ къ столу, чтобы выбирать билетъ, другой долженъ былъ ударить кулакомъ, со всей силы, въ оконную раму, находившуюся сзади сидящей коммиссіи. Члены ея, неминуемо, должны были обернуться на шумъ, а стоявшій у стола вытащить въ это время изъ обшлага куртки поддѣльный билетъ и положить его сверху кучки. Потомъ, когда коммиссія успокоится, взять этотъ верхній билетъ и отправиться къ доскѣ.

Задумано—сдѣлано. Еще задолго до экзамена оба заговорщика практиковались въ камерахъ въ быстромъ и по возможности незамѣтномъ выдергиваніи кусочка бумаги изъ рукава и достигли въ этомъ извѣстнаго совершенства.

Мы всѣ знали о предстоящей продѣлкѣ и ждали съ нетерпѣніемъ, чѣмъ она кончится.

Наступилъ день экзамена. Вотъ вызвали къ столу одного изъ камчадаловъ, а другой пододвинулся къ рамѣ.

— Берите билетъ,—заговорилъ предсѣдатель коммиссіи, и въ тотъ же моментъ раздался страшный ударъ; стекла посыпались, рама затрещала. Вся коммиссія вскочила на ноги и обернулась, а поддѣльный билетъ лежалъ уже сверху.

На вопросы экзаменаторовъ о причинѣ шума юнкера отвѣчали, что, должно быть, мальчишки кидаютъ со двора камни въ окно.

Затѣмъ, положенный билетъ былъ взятъ, и камчадалъ отвѣчалъ прекрасно.

Въ свою очередь, онъ услужилъ тѣмъ же другу, и тотъ также счастливо окончилъ экзаменъ.

Предсѣдатель, какъ мы потомъ узнали, жаловался училищному полиціймейстеру, что уличные мальчишки не даютъ спокойно вести экзаменъ.

VII.

Внутренняя жизнь училища.

Чтобы вполнѣ понять жизнь училища, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о значеніи перваго класса.

Всѣ наши внутреннія общественныя дѣла рѣшались, въ большей части случаевъ, первоклассниками и, въ особенности, портупей-юнкерами. Даже внѣ стѣнъ училища они имѣли освященную обычаями власть и не касались только совершенно частныхъ интересовъ каждаго отдѣльнаго класса или лица.

Немудрено, что при этомъ условіи день производства въ портупей-юнкера считался особенно торжественнымъ. Обыкновенно батарейный командиръ собиралъ вновь производившихся въ одной изъ залъ училища, поздравлялъ ихъ съ производствомъ и выдавалъ каждому на руки серебреный темлякъ—атрибутъ портупей-юнкерскаго званія. Послѣ того, вновь пожалованные отправлялись въ свои взводы, и тутъ поднимался дымъ коромысломъ. Каждый взводъ поздравлялъ своихъ портупей-юнкеровъ и подбрасывалъ ихъ «на ура». Чѣмъ болѣе любили товарищи вновь произведеннаго, тѣмъ выше подлеталъ онъ. Ни просьбы, ни угрозы не помогали. Едва чествуемый успѣвалъ вырваться изъ рукъ одной толпы, какъ другая уже подхватывала его, и онъ снова летѣлъ кверху, буквально до потолка.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, если товарищи хотѣли выразить къ портупей-юнкеру особенное нерасположеніе, они вовсе не подкидывали его «на ура».

Юнкера гордились тѣмъ, что вели себя внѣ стѣнъ училища всегда прилично и строго соблюдали установленную форму одежды; поэтому, если первоклассникъ замѣчалъ на улицѣ юнкера низшихъ классовъ съ разстегнутой шинелью, въ перчаткахъ или въ калошахъ, онъ дѣлалъ ему замѣчаніе. Если неисправность повторялась, то непослушнаго, въ большинствѣ случаевъ, просто вздували.

При такой строгости ослушниковъ было, конечно, немного.

Въ строю портупей-юнкера подгоняли нерадивыхъ весьма безцеремонно. Въ одномъ орудіи со мною стоялъ 7-мъ нумеромъ нѣкто Румъ, очень боявшійся лошадей. Между тѣмъ, по уставу, онъ долженъ былъ при снятіи съ передковъ быстро подбѣгать къ дышлу и поднимать его. Румъ, изъ опасенія, что не совсѣмъ остановившаяся пара дышловыхъ лошадей сомнетъ его, или что одна изъ уносныхъ вздумаетъ угостить по физіономіи копытомъ, всегда умышленно опаздывалъ, и наше орудіе снималось съ передковъ послѣднимъ.

Портупей-юнкеръ сдѣлалъ слишкомъ осторожному артиллеристу раза

два замѣчаніе, и когда убѣдился, что это не помогаетъ, очень хладнокровно взялъ изъ рукъ 1-го нумера банникъ и такъ обработалъ имъ Рума, что боязливость его исчезла моментально.

Общіе бенефисы, т. е. производимые всѣмъ училищемъ, рѣшались не иначе, какъ первымъ классомъ; но, въ силу принципа невмѣшательства въ частную жизнь отдѣльныхъ низшихъ классовъ, мы могли, совершенно самостоятельно, закатить бенефисъ тому или другому не-нравившемуся намъ учителю.

Опишу бенефисъ, данный поручику Сверчкову [1]) вскорѣ послѣ моего поступленія.

Сверчковъ имѣлъ всѣ замашки полицейскаго ерыжки: подглядывать, подслушивать, выпытывать, излавливать доставляло ему истинное наслажденіе, и юнкера ненавидѣли его за это, хотя и весьма мало боялись.

Ненависть эта доходила до того, что юнкера воспѣвали подлость Сверчкова въ пѣснѣ, передѣланной изъ извѣстнаго романса, начинающагося словами:

Рѣка шумитъ, рѣка реветъ,
Мой челнъ о брегъ кремнистый бьетъ.

Ходя по Невскому (т. е. по анфиладѣ комнатъ верхняго этажа), ненавистники Сверчкова пѣли хоромъ:

Народъ шумитъ, народъ реветъ,
Сверчкова въ рыло каждый бьетъ.
Безъ счета получивъ толчковъ,
Избитый весь летитъ Сверчковъ.

—

Лети, лети, тузы сбирай,
Сверчковъ утѣшься, не рыдай
и т. д.

Не знаю, чѣмъ именно онъ провинился тогда передъ первымъ классомъ; но помню, что дня за два передъ катастрофой въ Москвѣ собрался весь первый классъ, судилъ, рядилъ и наконецъ объявилъ всему училищу, что завтра, на дежурствѣ Сверчкова, ему будетъ данъ страшнѣйшій бенефисъ.

Еще утромъ, когда все училище собралось въ классы, и Сверчковъ, до прихода преподавателей, обходилъ коррupидоръ, изъ различныхъ классовъ ему начали кричать громко: «подлецъ, скотина». Но вошли учителя, и все успокоилось. Въ перемѣны Сверчковъ не смѣлъ уже показываться, и лекціи прошли благополучно.

Въ камеры возвратились тихо, оставляя главныя непріязненныя дѣйствія на время обѣда. На строевыхъ занятіяхъ и въ камерахъ

[1]) Фамилія вымышленная.

юнкера держали себя какъ-то серьезнѣе обыкновеннаго, разговаривали тихонько по-двое, по-трое. Въ Москвѣ снова собрался первый классъ для послѣднихъ распоряженій. Всѣ находились въ какомъ-то нервномъ состояніи.

Но вотъ ударилъ барабанъ къ столу; портупей-юнкера построили взводы и повели въ рекреаціонную залу. Разсчитали по столамъ и скомандовали: направо, шагомъ, маршъ. Вся масса въ 148 человѣкъ двинулась впередъ, притопывая одною ногою. Неслышавшіе этого особеннаго, не рѣзкаго, но какого-то грознаго шума, въ которомъ выражается глухое негодованіе массы, не могутъ себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе производитъ онъ на душу.

Пришли въ столовую, размѣстились по столамъ, барабанъ ударилъ на молитву, и юнкера какъ-то особенно тихо запѣли: «Очи всѣхъ на Тя, Господи». Когда дошли до словъ «животное благоволенія», все училище, какъ бы по мановенію одного лица, пріостановилось и потомъ разомъ, неистово закричало: «животное». Слово «благоволенія» не было уже и слышно. Начался невообразимый гамъ. На средину комнаты полетѣли плашмя тарелки, которыя, разбиваясь, осыпали столовую осколками, долетавшими иногда до самаго Сверчкова. Мимо головы несчастнаго офицера, прижавшагося спиною къ колоннѣ и видимо дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, летѣли краюхи хлѣба. Скамейки грохались объ полъ, нечеловѣческіе крики и ругательства проносились по залѣ волною, изъ одного конца въ другой.

Это длилось минутъ десять; но голодъ не свой братъ; мы принялись, наконецъ, за супъ, и шумъ понемногу утихъ. Только, отъ времени до времени, въ теченіе всего обѣда, слышались по залѣ отдѣльные крики или комплименты, не совсѣмъ лестные для бенефиціанта.

Этимъ, въ сущности, дѣло и кончилось; вечеръ прошелъ спокойно, и на другое утро училищная жизнь потекла своимъ порядкомъ.

Бенефисъ Сверчкову былъ одинъ изъ самыхъ большихъ, какіе мнѣ довелось видѣть въ теченіе моего пятилѣтняго пребыванія въ училищѣ. Не знаю почему, но онъ прошелъ совершенно безнаказанно и не распространился далѣе училищныхъ стѣнъ.

Другіе большіе бенефисы, а ихъ было при мнѣ три или четыре, не обходились намъ такъ дешево. О нихъ доносили высшему начальству, начинались розыски виновныхъ, сажали подъ арестъ праваго и виноватаго и оставляли все училище по мѣсяцамъ безъ отпуска. Но при той тѣсной товарищеской связи, которая существовала между нами, отыскать истинныхъ зачинщиковъ никогда не могли.

Однажды мы закатили огромный бенефисъ лицу, стоявшему высоко въ ряду училищной іерархіи. Дѣло дошло до великаго князя Михаила Павловича, и онъ уполномочилъ генерала Безака, только-что назначен-

наго начальникомъ штаба артиллеріи, распорядиться съ училищемъ по своему усмотрѣнію.

Насъ собрали, въ ожиданіи Безака, котораго мы еще ни разу не видали, въ рекреаціонную залу и построили по-взводно.

Всѣ офицеры были налицо. Но вотъ по залѣ пробѣжалъ какой-то трепетъ, дежурный офицеръ скомандовалъ «смирно», и въ двери вошелъ маленькій, черненькій генералъ-адъютантъ въ сопровожденіи всего старшаго училищнаго начальства.

Лицо у Безака было суровое, энергическое; рѣчь отрывистая, строгая. Мы невольно ощутили, что передъ нами стоитъ власть, могущая казнить и миловать.

Онъ намъ сказалъ, безъ всякихъ жалкихъ словъ объ огорченіи и разочарованіи, что мы совершили военное преступленіе, и потому великій князь приказалъ разжаловать юнкеровъ черезъ десятаго въ солдаты.

— Но,—продолжалъ Безакъ,—я упросилъ великаго князя смягчить его строгій, хотя и вполнѣ справедливый приговоръ. Я представилъ ему, что изъ васъ могутъ еще выйти полезные слуги отечеству, а не вредные бунтовщики. Я справлялся о произведенномъ слѣдствіи и знаю, что вы, въ силу товарищества, не выдаете виновныхъ; но я укажу вамъ на нихъ самъ: это фельдфебель и портупей-юнкера. Они виноваты, можетъ быть, не какъ дѣятели, но какъ представители порядка и дисциплины, и на нихъ падетъ главная отвѣтственность.

Такова была приблизительно рѣчь Безака, глубоко поразившая насъ.

Фельдфебеля и портупей-юнкеровъ велѣно было разжаловать, т. е. снять имъ нашивки, и все училище не пускать со двора впредь до приказанія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а о смягченіи наказанія не было и рѣчи. Наконецъ, намъ объявили, что, вслѣдствіе лестнаго отзыва начальника училища о поведеніи юнкеровъ, разрѣшено пускать насъ со двора. Еще черезъ мѣсяцъ, фельдфебелю и портупей-юнкерамъ были возвращены нашивки.

Сколько мнѣ помнится, это былъ послѣдній крупный бенефисъ.

Маленькіе бенефисы, задававшіеся въ классѣ нелюбимымъ учителямъ, происходили часто, но они не имѣли грознаго характера и ограничивались просто кошачьей музыкой. Бенефисы эти проходили или вовсе безслѣдно, если учитель не жаловался, или взысканія были домашнія, пустыя.

Справедливость требуетъ сознаться, что мелкіе классные бенефисы далеко не всегда доставались учителямъ за дѣло. Иногда, особенно въ младшихъ классахъ, нѣсколько лѣнтяевъ, получившихъ раза два, три подрядъ дурные баллы, находили, что строгій учитель «подлецъ», и закатывали ему бенефисъ, въ которомъ большинство класса не прини-

мало участія. Сами преподаватели, поумнѣе, сознавали въ душѣ, что серьезнаго и злобнаго тутъ не было ничего, что все это только школьничество, и, дѣйствительно, на другой же день весь классъ относился къ обиженному учителю добродушнѣйшимъ образомъ, стараясь загладить по возможности глупость, совершенную меньшинствомъ классныхъ подонковъ.

Кромѣ буйства, выражавшагося въ бенефисахъ, въ училищной жизни были еще недостатки и пороки, порождавшіеся плохимъ домашнимъ воспитаніемъ и замкнутою жизнью юнкеровъ.

Грубость манеръ, употребленіе нецензурныхъ ругательствъ и въ видѣ брани, и въ видѣ ласкательства, распѣваніе хорами самыхъ эффектныхъ произведеній Баркова, все это не могло служить къ смягченію нравовъ.

Спѣшу оговориться, что меньшинство, доходившее однакоже, я думаю, до трети, было лучше описанной мною массы, усердно училось и старалось бороться съ животными инстинктами, свойственными человѣчеству.

Особенно вредно, я думаю, вліяло на насъ излюбленное начальствомъ наказаніе—лишеніе отпусковъ. Опоздаешь-ли на ученье—безъ отпуска, поймаютъ-ли спящимъ—безъ отпуска и т. д. и т. д., вѣчно безъ отпуска. А третные сидѣли по мѣсяцамъ въ четырехъ стѣнахъ и такъ къ этому пріучались, что, получивъ уже право на отлучку и имѣя въ Петербургѣ родныхъ, не хотѣли покидать училища. Обстоятельство это удаляло юнкера отъ благодѣтельнаго вліянія семьи.

Пьянства въ училищѣ не было. Во все время моего пребыванія я зналъ только одного человѣка, начавшаго въ училищѣ жалкую карьеру пьяницы. Бывали, правда, и нерѣдко, кутилы, возвращавшіеся изъ отпуска въ подпитіи; но это дѣлалось не по страсти къ вину, а изъ фальшиваго молодечества или отъ вліянія дурнаго общества, въ которомъ проводилось время; въ послѣдующіе за праздникомъ 6 буднихъ дней имъ и въ голову не приходило вино.

Дѣяніе, которое преслѣдовалось училищнымъ начальствомъ съ дѣйствительною настойчивостью и строгостью, было куреніе. Замѣтивъ возвращавшагося изъ отпуска кутилу, стоявшаго не совсѣмъ твердо на ногахъ, дежурный офицеръ, зачастую, умышленно и явно отворачивался; но, поймавъ юнкера съ папироской, тотъ же самый снисходительный педагогъ становился безжалостенъ, какъ будто и въ правду въ чертовомъ зельѣ заключались, тайно скрытыми, всѣ человѣческіе пороки. Конечно, юнкера, изъ противодѣйствія начальству, курили еще усерднѣе; курили даже тѣ, которымъ табакъ былъ противенъ, и подвергались вѣчнымъ взысканіямъ.

Наконецъ, начальство, выведенное изъ терпѣнія безплодностью

своихъ усилій и знавшее хорошо вліяніе на массу перваго класса, объявило, что оно исключитъ безжалостно перваго портупей-юнкера, который попадется съ папироской въ рукѣ, если куреніе въ училищѣ не прекратится.

Случай не замедлилъ представиться: любимый всѣми товарищами портупей-юнкеръ Тепловъ попался, и батарейный командиръ сообщилъ ему, что черезъ недѣлю онъ вылетитъ вонъ. Тогда всѣ 16 портупей-юнкеровъ, съ фельдфебелемъ во главѣ, отправились на квартиру къ атарейному командиру и сказали ему, что считаютъ себя столь же виноватыми, какъ и Тепловъ, такъ какъ курятъ всѣ, и потому просятъ и ихъ представить къ исключенію. Всѣ убѣжденія командира о нелѣпости и противозаконности этого шага остались безъ результатовъ, и когда онъ, наконецъ, отказался продолжать разговоръ, то портупей-юнкера объявили ему, что считаютъ все-таки себя исключенными, слагаютъ съ себя власть и не вмѣшиваются болѣе въ администрацію училища.

Результатомъ этого разговора, сдѣлавшагося тотчасъ же извѣстнымъ всѣмъ юнкерамъ, были невообразимые безпорядки, произведенные въ тотъ же вечеръ.

Начальство смирилось, Тепловъ былъ оставленъ и высидѣлъ только недѣлю подъ арестомъ.

Другимъ способомъ для устрашенія начальства, и спосcбомъ весьма дѣйствительнымъ, но пригоднымъ только въ весеннее и лѣтнее время, было, какъ тогда выражались, умышленное «гаженье» на батарейныхъ ученьяхъ.

Въ такихъ случаяхъ первый классъ объявлялъ всему училищу, что за такую-то провинность начальства на слѣдующемъ ученьи будутъ «гадить». И дѣйствительно, обыкновенно стройная и лихая батарея становилась похожею на какой-то дикій сбродъ неумѣлыхъ рекрутовъ, уносные фейерверкеры не равнялись, всѣ шли въ разбродъ, орудія снимались съ передковъ не во̀-время и не выравнивались, интервалы не сохранялись, такъ что невозможно было сдѣлать круговаго поворота и проч.

Начальство боялось, что если оно не перемѣнитъ распоряженія, вызвавшаго безпорядокъ въ строю, то онъ повторится на царскомъ смотру, или, и того хуже, на смотру великаго князя Михаила Павловича, и тогда будетъ всѣмъ бѣда, и болѣе всего начальству.

Конечно, опасенія эти были совершенно напрасны, потому что мы никогда бы не осмѣлились привести своей угрозы въ исполненіе: мы слишкомъ дорожили для этого похвалою государя и великаго князя.

Когда училище перешло изъ вѣдѣнія генералъ-фельдцейхмейстера подъ общее начальство военно-учебныхъ заведеній, юнкера были этимъ

очень недовольны и приняли генерала Ростовцева не только холодно, но съ явными знаками враждебности; такъ, напримѣръ, когда Безакъ и Ростовцевъ пріѣхали вмѣстѣ, перваго юнкера вынесли на рукахъ до коляски, при громкихъ крикахъ восторга, а ко второму даже не подходили. Тѣ отдѣльныя лица, съ которыми Ростовцеву удавалось заговаривать, исчезали моментально изъ-подъ его рукъ и переходили къ толпѣ, окружавшей Безака.

Когда Ростовцевъ, въ другой разъ, отпустилъ своею властью, въ будній день, юнкеровъ со двора, мы, по общему соглашенію, не воспользовались этою милостью, и, дѣйствительно, въ тотъ день не было взято ни одного отпускнаго билета.

Начальство наше предчувствовало катастрофу и рѣшилось дѣйствовать энергически. Намъ было объявлено, что если въ слѣдующій пріѣздъ генерала Ростовцева мы не примемъ его ласковѣе, то всѣ портупей-юнкера слетятъ со своихъ мѣстъ, а если и это не поможетъ, то не задумаются выгнать изъ училища весь первый классъ, гуртомъ.

Въ отвѣтъ на эту угрозу мы рѣшились передъ самымъ царскимъ смотромъ гадить на ученьяхъ, и такъ усердно гадили, нѣсколько разъ подрядъ, что начальство сдалось на капитуляцію.

Въ это тягостное время въ училищѣ дѣйствительно бродили всѣ элементы страшнаго взрыва, и только необыкновенный умъ и тактъ самого Ростовцева успѣли разсѣять грозовыя тучи, нависшія въ училищной атмосферѣ. Теперь, убѣленные сѣдинами, мы конечно относимся съ искренней благодарностью и глубокимъ уваженіемъ къ памяти государственнаго человѣка, съумѣвшаго подавить въ себѣ чувство личнаго оскорбленія лишь съ тѣмъ, чтобы не губить неразумной молодежи.

Я выставилъ, какъ-бы умышленно, всѣ тѣневыя стороны училищной жизни; пора обратиться и къ болѣе свѣтлымъ.

Въ частныхъ сношеніяхъ юнкеровъ между собою у насъ царствовала безусловная честность, устранявшая всякую идею объ интригѣ противъ товарищей, о корыстномъ поступкѣ, о жалобѣ начальству. Правдивость, смѣлость, откровенность уважались глубоко; ложь, трусость, низкопоклонство презирались всѣми.

Бывало, юнкеръ заврется въ пустячкахъ, товарищи выражаютъ сомнѣніе.

Врунъ начинаетъ клясться и божиться; но ему все-таки не вѣрятъ.

— А дай-ка честное слово,—скажетъ кто-нибудь изъ присутствующихъ,—и потокъ краснорѣчія вруна сразу останавливается; онъ знаетъ очень хорошо, что божба даромъ извинится, а честное слово, брошенное на вѣтеръ, лишитъ его общественнаго уваженія.

Многіе изъ хорошо учившихся юнкеровъ помогали товарищамъ въ научныхъ занятіяхъ, но я не знаю примѣра, чтобы это дѣлалось за

деньги. Тотъ, который взялъ бы съ товарища плату за помощь, считался бы опозореннымъ передъ цѣлымъ училищемъ и долженъ бы былъ, пожалуй, выйти вонъ.

Пятно, ложившееся на каждаго отдѣльнаго члена нашего училища, считалось пятномъ для всѣхъ.

При мнѣ случилось два раза воровство въ стѣнахъ училища. Каждый разъ юнкера, не сообщая ни слова начальству, сами отыскивали воровъ и заставляли ихъ немедленно, какъ бы добровольно, выйти вонъ изъ заведенія.

Одинъ изъ этихъ пойманныхъ отказался исполнить общую волю. Тогда въ Москвѣ собрался верховный судъ всего училища и рѣшилъ, не разсказывая никому о случившемся, чтобы не позорить заведенія, бить мерзавца до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится подписать докладную записку о выходѣ.

Рѣшеніе суда было тотчасъ же исполнено, докладная записка заготовлена, и преступникъ приведенъ; но человѣкъ этотъ, обладавшій желѣзнымъ характеромъ, наотрѣзъ отказался подписаться.

Тогда его раздѣли, обложили мокрыми полотенцами, чтобы скрыть слѣды ударовъ, и начали бить, въ двѣ нагайки. Онъ молчалъ, но наконецъ съ нимъ сдѣлалось дурно. Его привели въ чувство и снова начали бить, завѣривъ честнымъ словомъ, что будутъ продолжать экзекуцію до тѣхъ поръ, пока онъ умретъ подъ ударами. Зная значеніе честнаго слова въ училищѣ, воръ сдался, подписалъ записку и безпрепятственно вышелъ вонъ.

Въ другой разъ юнкеръ В., провинившійся передъ начальствомъ настолько, что мы ждали его исключенія, позванъ былъ къ батарейному командиру на квартиру. Долго что-то онъ оставался тамъ и, возвратившись, сообщилъ, что его оставляютъ и налагаютъ наказаніе, ничтожное сравнительно съ виною. Все это дѣло показалось юнкерамъ подозрительнымъ, и по училищу распространился слухъ, что виновный сторговался съ начальствомъ и позволилъ, чтобы только остаться въ заведеніи, высѣчь себя тайно.

Этого было достаточно. Все въ той же Москвѣ собранъ былъ судъ; юнкеръ В. вызванъ и строго опрошенъ. Несмотря на его увѣренія и клятвы, мы не были убѣждены и рѣшились послать къ командиру батареи фельдфебеля съ категорическимъ вопросомъ о причинахъ слабаго взысканія съ В. Батарейнымъ командиромъ былъ тогда любимый всѣми нашими Константинъ Егоровичъ Дитерихсъ, человѣкъ безусловно честный, прямой и правдивый; онъ объяснилъ дѣло вполнѣ удовлетворительно и завѣрилъ фельдфебеля честнымъ словомъ, что объ экзекуціи не было и рѣчи. Во время всего этого дѣла, т. е. въ теченіе цѣлой недѣли, съ В. никто не хотѣлъ разговаривать, и, только послѣ посольства фельдфебеля,

бѣдный юноша, вѣроятно, ни въ чемъ невиновный, былъ принятъ въ нашу среду съ прежнимъ уваженіемъ.

Равенство между юнкерами было полное; ни знатность, ни богатство не ставились ни въ грошъ, и къ чести начальства должно сказать, что и оно, съ своей стороны, относилось съ одинаковымъ безпристрастіемъ и къ какому-нибудь безродному Богданову, и къ титулованному графу.

Поэтому титулы никогда и не упоминались, а всѣхъ звали одинаково или по фамиліи, или по прозвищу, данному въ товарищескомъ кружкѣ. Мнѣ кажется, что, пробывъ пять лѣтъ въ училищѣ, сами князья и бароны забывали, что они сдѣланы изъ другаго тѣста, и были прекрасными и простыми товарищами.

Нѣкоторые молодые люди знатныхъ фамилій, не освоившіеся еще хорошенько съ училищными нравами, пробовали было кичиться своимъ происхожденіемъ и богатствомъ, но всегда дорого платили за эти попытки.

Такъ, одинъ нѣмецкій графъ Борнеборгъ, только-что перешедшій изъ 5-го класса въ четвертый, вздумалъ упрекать своего столь же знатнаго товарища, что послѣдній сблизился съ простымъ нѣмцемъ Шмитомъ и даже позволилъ ему говорить себѣ «ты».

На несчастіе гордаго графа, разговоръ этотъ услышалъ вовсе незнатный портупей юнкеръ.

— Ваше сіятельство имѣете явиться ко мнѣ въ комнату въ половинѣ осьмаго,—сказалъ онъ Борнеборгу, не осмѣлившемуся, конечно, ослушаться.

Къ назначенному времени у постели портупей-юнкера собрались: графъ, его другъ, Шмитъ и человѣкъ пять перваго класса.

Портупей-юнкеръ разсказалъ присутствующимъ все происшествіе и добавилъ:

— Я полагаю, господа, что такое тщеславіе титуломъ, не стоящимъ выѣденнаго яйца, не должно оставаться безнаказаннымъ.

Всѣ, разумѣется, согласились.

— Такъ я вотъ что придумалъ,—продолжалъ строгій судья:—вы, Борнеборгъ, ляжете на кровать, а Шмитъ дастъ вамъ 5 нагаекъ, да не съ плеча, а такъ только, чтобы вы знали, что были высѣчены простымъ смертнымъ.

Борнеборгъ вздумалъ было заупрямиться.

— Не совѣтую сопротивляться,—сказалъ портупей-юнкеръ, начинавшій терять терпѣніе,—худо будетъ; послѣ Шмита за васъ примусь я самъ.

Спесивый графъ покорился, легъ, и Шмитъ ударилъ его пять разъ нагайкой.

Съ тѣхъ поръ, до самаго выхода, Борнеборгъ никогда не упоминалъ о своемъ знатномъ происхожденіи.

Отношенія юнкеровъ между собою были самыя естественныя, дружескія; классы, подходившіе по возрасту и по положенію, говорили другъ другу «ты»; но съ юнкерами высшихъ и низшихъ классовъ оставались, большею частью, на «вы». Такъ, напримѣръ, третій и четвертый классы были на «ты», но первый съ четвертымъ на «вы».

Въ частныя ссоры юнкеровъ между собою никто не имѣлъ права вмѣшиваться. Въ низшихъ классахъ ссоры эти кончались иногда просто дракой, послѣ чего слѣдовалъ обыкновенно миръ; но въ старшихъ драка считалась позорною, и поссорившіеся юнкера переставали говорить между собою.

Выраженіе: «я съ тобой не говорю» означало мысль, что всякая связь между двумя лицами прекращалась, и они считали себя другъ другу чужими.

Съ юнкеромъ, провинившимся передъ классомъ, переставалъ говорить весь классъ. Положеніе такого несчастнаго было по истинѣ жалкое. Находясь въ кругу многочисленнаго общества, онъ чувствовалъ себя какъ бы въ пустынѣ.

Къ кому бы онъ ни обратился съ вопросомъ или какимъ-нибудь замѣчаніемъ, онъ получалъ одинъ отвѣтъ:

— Я съ вами не говорю.

Такое отчужденное состояніе въ теченіе долгаго времени было невыносимо, и виновный просилъ у класса прощеніе и, большею частью, получалъ его.

Ссоры между двумя классами, происходившія, впрочемъ, очень рѣдко, кончались, большею частью, дракой.

Во время моего пребыванія въ училищѣ, возникла разъ серьезная борьба между 1-мъ и 2-мъ классами.

Дѣло произошло такъ: юнкеръ 1-го класса Ш. поссорился, не знаю за что, съ второклассникомъ К., но, какъ слабѣйшій, долженъ былъ ограничиться перебранкой и классическимъ: «я съ вами не говорю».

Но злой Ш. не удовольствовался этимъ; улучивъ послѣ обѣда минуту, когда ничего не подозрѣвавшій К. спалъ сномъ праведника, Ш. подошелъ къ нему и избилъ его раньше, чѣмъ застигнутый врасплохъ К. успѣлъ проснуться. На крикъ К. сбѣжалось нѣсколько юнкеровъ 2-го класса, и принялись обработывать Ш. Въ свою очередь, первый классъ, не знавшій причины драки, вмѣшался въ дѣло, и пошла такая баталія, что нѣсколько человѣкъ ушло въ лазаретъ.

На другой день, первый классъ, составъ котораго на этотъ годъ былъ весьма неудовлетворителенъ, объявилъ второму классу, не слушая никакихъ резоновъ, что, такъ какъ они подняли руку на первоклассниковъ, то послѣдніе будутъ обходиться съ ними, а слѣдовательно, по-

неволѣ, и со всѣми прочими юнкерами, не какъ съ товарищами, а какъ съ подчиненными.

Общественное мнѣніе училища было на сторонѣ второклассниковъ, но привычка повиноваться требованіямъ высшаго класса была такъ сильна, что всѣ, скрѣпя сердце, подчинились имъ. И вотъ началась въ училищѣ небывалая и невиданная исправность. Едва юнкеръ осмѣливался разстегнуться или лечь на постель, какъ уже неусыпный аргусъ, портупей-юнкеръ, дѣлалъ ему выговоръ. Куреніе прекратилось. О неповиновавшихся сейчасъ же доносилось начальству, и наказанія посыпались на насъ, какъ изъ рога изобилія.

Тяжелое, гнусное это было время. Всѣмъ было скверно, и намъ, и начальству, не одобрявшему въ душѣ полицейской придирчивости перваго класса.

Ссора эта длилась недѣли двѣ и прекратилась благодаря вмѣшательству одного изъ наиболѣе уважаемыхъ офицеровъ, Рудольфа Густавовича Шульмана.

Самый строгій изъ всѣхъ, но безпристрастный и не мелочной, онъ наказывалъ всегда одинаково и портупей-юнкера, и пятака, какъ тогда называли юнкеровъ пятаго класса. Обладая открытымъ, прямымъ и твердымъ характеромъ, онъ не боялся никого, ни начальства, ни юнкеровъ, а юнкера его крѣпко побаивались, уважали и любили, такъ что на его дежурствѣ царили всегда тишина и исправность.

Вотъ этотъ-то Шульманъ, собравъ къ себѣ портупей-юнкеровъ, высказалъ имъ, безъ обиняковъ, всю дурную сторону ихъ поступковъ и посовѣтовалъ прекратить ссору. Его, конечно, послушались, и дѣло прекратилось.

Не могу не припомнить при этомъ, что Шульману, произведенному вскорѣ послѣ того въ полковники и оставившему службу въ училищѣ, юнкера поднесли, на общую складчину, золотыя эполеты.

Во всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ юнкерскихъ и офицерскихъ классахъ, это былъ единственный примѣръ такого явнаго выраженія общей любви и уваженія къ начальнику.

Посѣщеніе училища высочайшими особами сопровождалось всегда страшною суетней. Такъ какъ отъ входа въ училище до камеръ было довольно далеко, то какой-нибудь расторопный солдатикъ всегда успѣвалъ вò-время предупредить насъ.

— Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ,—разносилось по всему училищу, и мы бросались къ шкапикамъ переодѣваться. Въ минуту старое платье было сброшено и спрятано, новое надѣто, и мы размѣщались по койкамъ.

Государь посѣщалъ насъ рѣдко; нечего и говорить, что мы встрѣчали его съ восторгомъ, а онъ, если оставался доволенъ, отпускалъ юнкеровъ со двора на три дня. Великій князь Михаилъ Павловичъ,

какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ и создатель училища, заѣзжалъ частенько и искренно любилъ свое дѣтище.

Суровый, строгій, непомѣрно требовательный въ строю, онъ былъ въ душѣ добръ, великодушенъ, всегда готовъ помочь въ несчастіи, даже изъ собственнаго кармана.

Нервный и вспыльчивый, онъ переходилъ часто отъ крайняго раздраженія и строгости къ веселому расположенію духа и снисходительности. Для этого было достаточно самой ничтожной причины: остроумнаго слова, находчивой и смѣлой выходки.

Какъ-то разъ, тотчасъ послѣ обѣда, онъ пріѣхалъ къ намъ очень не въ духѣ; его сутуловатая фигура еще болѣе сгорбилась, густыя брови нависли, руки сложились на груди. Мы уже очень хорошо его знали и дрожали отъ страха. Дѣйствительно, едва войдя въ камеры, онъ началъ разносить и начальство, и юнкеровъ. Все оказывалось плохо: вездѣ грязь, юнкера одѣты скверно, стойки никакой: какія-то старыя бабы.

— Кабакъ, настоящій кабакъ,—повторялъ въ полголоса Михаилъ Павловичъ и шелъ все дальше и дальше.

Блѣдное начальство семенило за нимъ ногами. Юнкера, съ понуренными головами, слѣдовали за своими офицерами. Такимъ образомъ дошли мы до кухни.

— Что у тебя здѣсь?—спросилъ великій князь повара, указывая на огромный котелъ, вмазанный въ плиту и закрытый крышкой.

— Пустой котелъ, ваше императорское высочество, въ немъ ничего не варятъ,—отвѣчалъ поваръ.

— Покажи,—сказалъ сурово Михаилъ Павловичъ.

Едва крышка была снята, какъ оттуда показалась голова, а потомъ и все туловище юнкера Глотова. Веселый, красивый, румяный, стоя ногами въ котлѣ, онъ молодцомъ вытянулся въ струнку и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Здравія желаю вашему императорскому высочеству.

Мы всѣ такъ и ахнули. Баронъ Розенъ чуть не упалъ со страха въ обморокъ. Всѣ ждали, что-то будетъ.

Михаилъ Павловичъ посмотрѣлъ на него съ минуту, брови его начали подниматься, морщины разглаживаться, и онъ залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь, пострѣлъ?—обратился онъ къ Глотову.

— Приходилъ, ваше высочество, за лишнимъ пирогомъ, услыхалъ, что вы идете, и спрятался въ котелъ,—смѣло отвѣчалъ шалунъ.

— Ну-ка, вылѣзай; вотъ я тебя,—сказалъ шутя великій князь, беря Глотова за ухо. Ловкій юноша выпорхнулъ изъ котла какъ птица, Михаилъ Павловичъ подралъ его немного за ухо и выпустилъ. Съ этой

минуты все оказалось хорошимъ. Начальство получило благодарность, мы успокоились, а великій князь уѣхалъ веселый и довольный.

VIII.

Лагери.

По окончаніи годовыхъ экзаменовъ, т. е. въ первыхъ числахъ іюня, училище выступало, вмѣстѣ съ прочими военно-учебными заведеніями, въ лагерь подъ Петергофомъ.

Дойдя до Нарвской заставы, мы останавливались на нѣсколько минутъ. Батарейный командиръ осматривалъ всевидящимъ окомъ юнкеровъ, дѣлалъ свои замѣчанія и потомъ, построивъ батарею во взводную колонну справа, проводилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя.

Затѣмъ, до Краснаго Кабачка шли не останавливаясь. Въ этомъ мѣстѣ дѣлался привалъ, и потомъ походъ продолжался до Стрѣльны.

Ночевка для батареи артиллерійскаго училища назначалась обыкновенно въ деревнѣ Китинкахъ, и тутъ юнкера, вѣроятно въ ознаменованіе военной удали, считали долгомъ покутить.

Случались иногда жалобы со стороны жителей и скандалы; но благодѣтельное начальство успѣвало, съ помощью нѣсколькихъ рублей, кстати выданныхъ, уладить всѣ недоразумѣнія, и скандалисты оставались безъ взысканія.

На слѣдующій день, къ полудню, мы вступали въ Петергофъ церемоніаломъ.

Кому неизвѣстно устройство и расположеніе кадетскаго лагеря?

Длинные шатры на 30 или 40 человѣкъ; съ передней и средней линеекъ маленькія отдѣленія для взводныхъ офицеровъ; въ серединѣ шатра кровати, сколоченныя изъ досокъ и раздѣленныя продольной доской на два отдѣленія; на каждомъ отдѣленіи узенькій и тоненькій соломенный тюфякъ, покрытый старенькимъ одѣяломъ. Какъ видите, прелести мало; но значительно бо́льшая свобода дѣйствій и улучшенная пища заставляли насъ любить лагерное время.

Дѣйствительно, при отсутствіи классныхъ занятій, мы могли посвящать свободные часы чтенію, а въ наше время читать любили. Наконецъ, каждый, не находившійся на службѣ, могъ по произволу уходить въ другіе лагери, обыкновенно къ инженерамъ, которые были на одномъ положеніи съ нами и потому особенно уважались. Спать позволено было, когда и сколько хочешь; покупать для ѣды все, начи-

ная отъ пеклеванника и кончая лучшими фруктами, было тоже дозволено.

При училищѣ состоялъ даже особый маркитантъ, неизмѣнный и всѣмъ извѣстный Павлушка, въ незатѣйливой лавочкѣ котораго можно было достать все любимое юнкерами: и булку съ сыромъ или ветчиной, и сливки, и мороженое, и сладкіе сухари къ чаю, и даже, контрабандой, хересъ, ромъ и вѣчную ратафію.

Павлушку этого юнкера любили и даже уважали, и вотъ за что.

Много лѣтъ раньше поступленія моего въ училище, въ лагеряхъ произошла жестокая драка между Дворянскимъ полкомъ, или Древлянскимъ регментомъ, какъ его тогда звали, и артиллеристами. Многочисленные и сильные древляне, повергнувъ въ прахъ лучшихъ единоборцевъ училища, начали тѣснить артиллеристовъ безъ милосердія. Почти вся территорія наша была уже занята непріятелемъ, ретироваться было некуда, и несчастные остатки юнкеровъ рѣшились умереть въ бою, но не отступать во владѣнія перваго корпуса, граничившаго съ училищемъ.

Въ этотъ-то ужасный моментъ, когда все казалось погибшимъ, въ тылу непріятеля произошло смятеніе, и древляне заколебались. Такой оборотъ бою далъ мужественный Павлушка. Вооружившись коломъ отъ палатки, онъ, какъ новый Мининъ, собралъ вокругъ себя училищную чернь, т. е. служителей, своихъ прикащиковъ и прочій сбродъ, вѣчно шляющійся по лагерю, и съ этими свѣжими войсками ударилъ врагамъ въ тылъ. Не выдержали храбрые древляне. Палица Павлушки сѣяла, если не смерть, то здоровенные синяки, и знамя побѣды склонилось на нашу сторону. Ободренные юнкера, съ своей стороны, перешли въ наступленіе, бросились въ атаку, и непріятель побѣжалъ, едва унося своихъ раненыхъ.

Такъ кончился этотъ бой, героемъ котораго былъ Павлушка. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, много поколѣній смѣнилось въ училищѣ, но благодарные юнкера не забывали Павлушкиной услуги, а онъ, измельчавши въ мирное время характеромъ, безъ совѣсти приписывалъ въ свои счета лишніе припасы и бралъ сто на сто.

Но и ѣли нѣкоторые юнкера ужасно, невѣроятно. При мнѣ одинъ выпилъ, безъ принужденія, 13 стакановъ чаю и съѣлъ при этомъ 80 сухарей; другой уничтожилъ семь бифштексовъ и заправилъ ихъ 15-ю сладкими пирожками. А что съѣдалось на пари, просто непостижимо.

Такъ отъѣдались юнкера отъ зимней голодовки и, дѣйствительно, здоровѣли, росли и полнѣли.

Отпускали насъ изъ лагернаго расположенія, для прогулокъ въ дворцовыхъ садахъ и въ городѣ, только по праздникамъ, партіями въ 5 или 6 человѣкъ, съ обязательствомъ не разбиваться.

Конечно, выйдя изъ лагеря, мы шли, каждый куда хотѣлъ, условившись заранѣе, гдѣ и въ которомъ часу собраться для совмѣстнаго возвращенія.

Отношенія государя и всей царской фамиліи къ военно-учебнымъ заведеніямъ были совершенно отеческія.

Какъ только коляска Николая Павловича показывалась на передней линейкѣ, ее тотчасъ же окружала толпа кадетъ; иные вскакивали на подножки, другіе бѣжали рядомъ, ухватившись за крылья экипажа.

Государь, опасаясь, что неосторожные мальчики попадутъ подъ колеса, ласково отгонялъ ихъ; но въ этомъ, и только единственно въ этомъ случаѣ, его не слушались; тогда онъ, обыкновенно, обращался къ кучеру и безпрестанно повторялъ: «тише, осторожнѣе».

Бывали дни, когда государь пріѣзжалъ разсерженный, не въ духѣ. Тогда онъ рѣзко выпроваживалъ слишкомъ надоѣдливыхъ кадетъ, и тѣ очень хорошо понимали, что тутъ шутки плохи, не вскакивали на подножки, не ловили царской руки, а бѣжали рядомъ съ коляской.

Проводы ограничивались только своей линейкой, такъ сказать, своими владѣніями. Каждое заведеніе понимало, что залѣзть къ чужимъ и отбить у нихъ возможность окружить коляску государя значило идти на ссору или даже на драку.

Иногда, по праздникамъ, нѣкоторыхъ изъ насъ посылали въ Александрію, играть съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.

Для этихъ игръ избирались обыкновенно юноши по возможности ловкіе, благовоспитанные, говорившіе по-французски. Войдя въ царскую семью, мы конечно сначала стѣснялись, но, мало-по-малу, дѣтская натура брала верхъ, и мы начинали безъ церемоніи бѣгать и играть съ великими князьями.

Помню, какъ, однажды, мы играли на дворѣ, у главнаго подъѣзда Александріи. На ступенькѣ крыльца сидѣлъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, государь, а немного повыше, на стулѣ, государыня, что-то вязавшая на длинныхъ спицахъ. Невдалекѣ находился стогъ недавно скошеннаго сѣна. Мы развозились не на шутку, взбѣгали на стогъ и сталкивали другъ друга внизъ. Мнѣ удалось разъ такъ ловко толкнуть великаго князя Николая Николаевича, что онъ спустился со стога внизъ головой, при громкомъ смѣхѣ государя и государыни. За то, при слѣдующей атакѣ сѣна, Николай Николаевичъ, будучи гораздо сильнѣе, сбросилъ въ свою очередь меня, и я полетѣлъ кубаремъ, черезъ голову.

— Любишь кататься, люби и саночки возить,—крикнулъ мнѣ государь, заливаясь самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Веселились мы до вечера. Часовъ въ 8 намъ подали линейки и

отправили, всей гурьбой, пить чай и ужинать въ Марли. Роскошь стола, прекрасно приготовленныя кушанья, обиліе фруктовъ и, главное, безцеремонное отношеніе къ намъ высокихъ хозяевъ сдѣлали этотъ ужинъ безподобнымъ. Часу въ десятомъ, въ тѣхъ же линейкахъ, насъ развезли по лагерямъ.

Обыкновенно лагеремъ командовалъ старшій изъ директоровъ находившихся въ сборѣ корпусовъ, и, Боже, какія горькія истины выкрикивались имъ на линейныхъ ученьяхъ подчиненнымъ офицерамъ.—«Полковникъ М., у васъ нѣтъ никакого соображенія»,—разносится вдругъ по всему учебному полю.—«Капитанъ И., вы только и знаете, что врать»,—раздается вслѣдъ за тѣмъ и т. д., и т. д. Въ ученія артиллеріи пѣхотные начальники тогда не вмѣшивались, и потому на долю нашихъ командировъ не доставалось никакихъ бо-мо.

Если на смотрахъ государь оставался доволенъ, то и начальство, и мы ликовали отъ души. Тутъ каждое орудіе хвастало своими отличіями, и разсказы длились и разнообразились безъ конца, а начальство относилось къ намъ особенно ласково и внимательно.

Но если государь былъ недоволенъ, онъ не жалѣлъ ни начальства, ни подчиненныхъ и разносилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Тогда всѣ опускали носъ, начальство угрюмо молчало и усиленными ученьями старалось наверстать недостатокъ нашего строевого образованія.

Лучшими моментами лагерной жизни были ночныя тревоги. Бывало, спишь себѣ, какъ сурокъ; вдругъ въ ночной тишинѣ затрещитъ вдали барабанъ, за нимъ другой, третій, и въ минуту заголосятъ всѣ барабаны. Зашевелится сонный лагерь, люди вскакиваютъ, бѣгаютъ, кричатъ, сталкиваются. Иной, еще полуголымъ, хватается впопыхахъ за каску и тесакъ, другой надѣваетъ наскоро широкіе сапоги своего сосѣда, а тотъ, бѣдный, тщетно усиливается натянуть слишкомъ узкую обувь и наконецъ бросается, босикомъ, съ сапогами въ рукахъ, въ догонку за похитителемъ. Ѣздовые бѣгутъ на конюшни и вылетаютъ оттуда, въ карьеръ, каждый на своей парѣ. Лошади, встревоженныя всей этой суетой, храпятъ, бьются и не повинуются своимъ хозяевамъ; но прошло нѣсколько минутъ, и съ батареи раздается первый выстрѣлъ, орудія кончаютъ запряжку, баталіоны строятся и двигаются, начальство, верхами, находится на своихъ мѣстахъ.—«Въ передки»,—раздается команда, и батарея двинулась за пѣхотнымъ авангардомъ. И чудится, будто, вотъ, вотъ, раздастся въ ночной тиши непріятельскій выстрѣлъ, прошипитъ надъ головою вражеская граната, затрещитъ ружейная перестрѣлка, и начнется горячій бой. Воображеніе рисуетъ какія-то невѣдомыя картины и манитъ туда, гдѣ льется кровь человѣческая, гдѣ стоны раненыхъ смѣняются криками восторга побѣдителей, гдѣ

отдѣльная личность забывается, гдѣ здоровье, жизнь, счастье приносятся въ жертву чувству долга, чувству любви къ родинѣ.

А, въ сущности, дѣло кончается каждый разъ тѣмъ, что мы дойдемъ до Бабьихъ Гонъ, постоимъ, постоимъ, да и вернемся мирно домой, досыпать остатокъ ночи.

Около первыхъ чиселъ августа мы выступали обратно въ городъ. Въ день выступленія юнкера считали долгомъ изрубить тесаками въ щепки всѣ деревянныя кровати, а потому внутренность шатровъ представляла жалкую картину разрушенія. Не знаю, откуда и когда ввелся этотъ вандальскій обычай; но онъ существовалъ и исполнялся довольно охотно.

Изъ лагеря мы шли до Стрѣльны маневрами. По ихъ окончаніи, государь собиралъ вокругъ себя выпускныхъ, поздравлялъ съ производствомъ и говорилъ о ихъ новыхъ обязанностяхъ, какъ воиновъ и какъ гражданъ. Рѣчи эти, умныя, теплыя, дышавшія любовью къ Россіи, вызывали неподдѣльный восторгъ и слезы умиленія. Въ нихъ всегда проглядывала руководящая мысль государя, что всѣ мы, начиная съ него самого, слуги отечества и должны, для этой великой идеи, жертвовать всѣмъ, безъ исключенія. Спартанецъ самъ, онъ того же требовалъ и отъ другихъ, и долго потомъ, въ дѣйствительной жизни, его слова оставались въ нашихъ сердцахъ и убѣжденіяхъ.

Въ Красномъ Кабачкѣ мы получали печатные приказы о производствѣ, и, пользуясь этимъ, вновь испеченные офицеры, еще въ юнкерскихъ мундирахъ, уже покучивали, а придя въ Петербургъ, одѣвались въ офицерскую форму и оставляли училищныя стѣны, чтобы пуститься въ плаваніе по невѣдомому имъ океану самостоятельной жизни.

Не могу не сказать, что въ тѣ времена ни одинъ молодой офицеръ не позволилъ бы себѣ явиться въ общественное собраніе, на загородное гулянье и т. п. въ нетрезвомъ состояніи и выкидывать «милыя» шутки, въ родѣ вскакиванія на сцену, обниманія актрисъ, вырыванія у дирижера оркестра его палочки, съ тѣмъ, чтобы безсмысленно махать ею передъ изумленными музыкантами.

Затѣмъ, такихъ «милыхъ шутниковъ» начальство, и свое, и чужое, немедленно отправило бы на гауптвахту, и они могли, за первый же дебошъ, поплатиться трудно добытыми эполетами. Да и товарищи, насквозь знавшіе другъ друга, присматривали за юными офицерами, способными на скандалы, не оставляли ихъ однихъ и, хоть силою, но не допускали до посѣщенія многолюдныхъ собраній. Теперь это дѣлается иначе. Хорошо-ли??!!

Старый артиллеристъ.

Три письма къ Григорію Петровичу Данилевскому.

1.

Письмо барона Андрея Розена.

18-го января 1863 г. Викнина.

Поздравляю васъ, многоуважаемый Григорій Петровичъ, съ новымъ годомъ и желаю вамъ трудиться безъ заботъ и утомленій на трудномъ, но полезномъ вашемъ поприщѣ; благодарю за пріятныя строки ваши отъ 25-го декабря. Подписывайте ваши статьи, какъ хотите, или оставьте ихъ безъ всякой подписи, я съ первыхъ строчекъ узнаю, что статья ваша по плавному слогу и по ясному изложенію мыслей — то, что Thiers называетъ lucide.

Скажу заранѣе, что съ удовольствіемъ прочту вашъ романъ «Бѣглые воротились», и хотя вы назвали мѣсто моего пребыванія Викнину Окниной, но все-таки узнаю его, а для другихъ это будетъ еще занимательнѣе по догадкамъ.

Слава Богу! новый годъ начали спокойно и трезво; такимъ образомъ проведемъ его до конца. Дворяне и чиновники танцуютъ на Изюмскихъ вечерахъ въ отличномъ помѣщеніи въ палатахъ Рябенко. Крестьяне на волостныхъ сходахъ назначаютъ рекрутъ и раскладки поборовъ для ихъ сдачи. Мировые посредники окончили введеніе уставныхъ грамотъ, кромѣ меня въ волости Ольховаго Рога, гдѣ съ 1842 г. не окончено полюбовное размежеваніе земель 9-ти владѣльцевъ, что̀ мѣшаетъ положительному назначенію надѣловъ въ единомъ общемъ участкѣ для всѣхъ крестьянъ односельныхъ, но различныхъ владѣльцевъ; а если надѣлю ихъ отдѣльно на основаніи Положенія, въ незначительныхъ узкихъ участкахъ, то непремѣнно разорятся и владѣльцы, и крестьяне. Вотъ почему для общей пользы Ольховаго Рога съ іюля прошедшаго

года трублю безпрестанно въ гусиный рожокъ, а 19-е февраля на дворѣ; но лучше замедлить введеніе нѣсколькихъ грамотъ, чѣмъ умышленно глупить во вредъ обоихъ сословій.

Письмо ваше къ шавронисту Иванову отправилъ въ день полученія вашего письма. Прилагаю формы объявленія и договора; то и другое должны быть подписаны владѣлицею, а подпись ея на объявленіи непремѣнно должна быть засвидѣтельствована мѣстною полиціей. Для означенія всѣхъ неизвѣстныхъ мнѣ данныхъ оставлены пробѣлы, для пополненія ихъ вами.

Недавно встрѣтилъ помѣщика Змѣевскаго уѣзда, который передалъ мнѣ, что вы въ Питерѣ по дѣлу огромнаго наслѣдства; желаю вамъ успѣха; но лучшее наслѣдство вы уже получили въ трехъ пальцахъ правой руки. Искренно васъ уважающій баронъ Андрей Розенъ.

Не забудьте мнѣ во-время доставить и планъ крестьянскаго надѣла, иначе дѣло остановится въ Харьковѣ.

2.

Письмо Л. Мордовцева.

28-го января 1863 г. Москва.

Любезный г. Данилевскій!

Благодарю васъ за письмо и посылку, послѣднюю переслалъ г. Мордовцеву.

«Бѣглые въ Новороссіи» прочиталъ, и не одинъ, а два раза. Что вамъ сказать относительно этой повѣсти — въ общемъ, она прекрасна, и я за послѣдній годъ мало читалъ такого, какъ ваша повѣсть. Отдѣльныя личности я критиковать не буду, не могу—да и не смѣю. Не могу не сказать вамъ о г. Панчуковскомъ; послѣдній по-моему лучше всѣхъ вами охарактеризованъ, лучше Левенчука и Милораденко. Думаю, что личность Панчуковскаго вами не вымышлена. Если можете, то удѣлите мнѣ часъ на объясненіе личностей вашей повѣсти. «Бѣглые въ Новороссіи» я отрекомендовалъ всѣмъ моимъ товарищамъ, и теперь «Время» №№ 1 и 2 въ 6 экземплярахъ гуляетъ по рукамъ спеціалистовъ Академіи, къ которымъ принадлежу и я. Повѣрьте, Григорій Петровичъ, что хорошіе отзывы молодого поколѣнія это по моему мнѣнію достаточная награда.

«Бѣглые воротились» во «Времени» не будетъ-ли продолженіемъ первой вашей повѣсти?.. Часто я съ удовольствіемъ вспоминаю нашу поѣздку и приключенія по Волгѣ и Дону.

Вы пишете подъ псевдонимомъ г. Скавронскаго, у насъ въ Москвѣ г. Ушаковъ тоже пишетъ подъ этимъ псевдонимомъ.

Кланяйтесь вашей любезной супругѣ и дочкѣ.

Если завернете въ Москву, не позабудьте, посѣтите и меня.

Кланяйтесь Колесникову. Жду отвѣта! Вашъ покорный слуга Лука Мордовцевъ.

3.

Письмо Александра Петровича Милюкова.

31-го октября 1872 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ.

Сердечно сожалѣю о нездоровьи вашей супруги, которое между прочимъ лишаетъ и меня удовольствія видѣть васъ и поблагодарить за присылку газеты. Что касается вашего предложенія написать въ газету отзывъ о «Соборянахъ», я, къ сожалѣнію, долженъ по нѣкоторымъ причинамъ отклонить его. Позвольте, до личнаго объясненія, сказать кое-что вкратцѣ. Я глубоко уважаю и уважалъ обширный, высокохудожественный и симпатичный талантъ Николая Семеновича (Лѣскова). По моему мнѣнію, не только въ нашу жалкую пору литературнаго безплодія, но и въ самую богатую дарованіями эпоху, онъ занялъ бы въ ней видное и почетное мѣсто. Еще въ первыхъ его повѣстяхъ чувствовалось присутствіе таланта самобытнаго и свѣжаго, которое много обѣщало въ будущемъ; и это оправдалось въ его «Некуда», гдѣ идея, и фабула, и рядъ типическихъ лицъ показывали, что наша литература пріобрѣтаетъ въ лицѣ Стебницкаго художника, способнаго поддержать лучшія ея традиціи. Это явленіе должно было порадовать всѣхъ, кто цѣнитъ родное искусство и желаетъ ему добра.

Затѣмъ появленіе эпизодовъ изъ «Чающихъ движенія воды», «Плодомасовской Хроники» и «Божедомовъ» еще болѣе возбудило надеждъ на молодого писателя съ такими задатками. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что романъ, съ которымъ мы познакомились изъ этихъ увлекательныхъ эпизодовъ, пролежавъ нѣсколько лѣтъ въ портфелѣ автора, наконецъ, выйдетъ вполнѣ, я, какъ, вѣроятно, и многіе, ждалъ не просто хорошаго романа, но чего-то очень и очень крупнаго. Глубоко-художественный «Дневникъ Туберозова», полные силы и свѣжести «Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ», несравненные плодомасовскіе карлики, все это давало право на такое ожиданіе. Искренно говорю вамъ, что я ждалъ появленія романа, какъ свѣтлаго праздника нашей литературы, когда мы «другъ друга обнимемъ» и поздравимъ съ великимъ произведеніемъ, когда и враги наши скажутъ внутренно: ты побѣдилъ насъ, Галилеянинъ! Но романъ напечатанъ, и мой свѣтлый праздникъ вышелъ какъ-то не свѣтелъ. «Божедомы» не оправдали моихъ ожиданій. И это не

потому, чтобъ въ нихъ талантъ Лѣскова умалился и ослабѣлъ: нѣтъ, тутъ и новыя сцены, какъ, напримѣръ, привалъ попа Савелья въ лѣсу, пріѣздъ Термосегова къ акцизничихѣ, смерть протопопа и хлопоты безподобнаго Ахиллы о его памятникѣ, по моему мнѣнію, такія страницы, подъ которыми не задумался бы подписать свое имя Диккенсъ. Но... кому много дано отъ Бога, съ того больше взыщется и людьми... Взыщется съ автора, по моему крайнему разумѣнію, за то, что въ романѣ нѣтъ стройной цѣлостности, присущей произведенію, возникшему и созрѣвшему органически изъ зерна единой мысли, а не внѣшней прилѣпкой эпизодовъ для поддержанія связи, и за то, что чудный образъ боярыни Плодомасовой, такъ типично и грандіозно поставленный въ «Старыхъ годахъ», обратился въ безцвѣтный силуэтъ, и безподобные карлики сдѣлались почти ненужными, и за то, что исчезла чудная, пластическая фигура раскольницы Платониды, и стерлись краски съ симпатичнаго Пизонскаго, и за то, что многообѣщавшій Тугановъ смѣнился ненужными Дарьяновымъ и Сербиновой, и за то, что возня Препотенскаго съ костями слишкомъ растянута и эксцентрична, и пр. Словомъ, романъ вышелъ не такимъ, какимъ долженъ былъ выдти. Конечно, Николай Семеновичъ скажетъ на это: хорошо вамъ толковать, не принимая въ разсчетъ ни исторіи моего романа при скитаніи его по мытарствамъ нашей журналистики, ни того, что я не владѣю состояніемъ Толстаго и Тургенева, а живу трудомъ и не могу цѣлые годы сидѣть надъ двадцатью листами. И онъ, конечно, въ этомъ отношеніи правъ... Знаете-ли что? Еслибъ я былъ какой-нибудь концессіонеръ Поляковъ и при такомъ достопочтенномъ положеніи не утратилъ любви къ литературѣ, я далъ бы Лѣскову двадцать тысячъ и сказалъ: «Отдохните; а потомъ потрудитесь надъ вашимъ романомъ года два-три и отдѣлайте его, ничѣмъ не стѣсняясь»!.. Или я сильно ошибаюсь, или наша литература пріобрѣла бы великое произведеніе. Все это, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, я, можетъ быть, съумѣлъ бы высказать, нисколько не оскорбляя Николая Семеновича, въ журнальной статьѣ достаточнаго размѣра; но писать на такую тему газетный фельетонъ положительно не въ состояніи. Вы правду говорите, что я въ долгу передъ Стебницкимъ (такъ же, какъ передъ вами и Крестовскимъ), только полагаю, что расквитаться слѣдуетъ не грошами газетной статейки. Къ этому прибавляю, что въ газетѣ, о которой вы говорите, я не печаталъ ни строчки съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ ея редакціей. Да тамъ же есть и постоянный критикъ, съ которымъ Николай Семеновичъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ, и который, какъ вы же, кажется, замѣчали, умѣетъ и въ газетныхъ статьяхъ высказываться очень искусно. Ему и слѣдуетъ писать теперь о «Соборянахъ», тѣмъ болѣе, что при разборѣ книжекъ «Русскаго Вѣстника» онъ не сказалъ о ро-

манѣ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Надѣюсь, что вы не примете моего отказа за недостатокъ расположенія къ Николаю Семеновичу или за нежеланіе угодить вамъ, что̀ было бы для меня очень прискорбно. Извините и за длинное письмо.

Жду, когда здоровье вашей супруги поправится, и я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ и дружески пожать вашу руку. Искренно преданный А. Милюковъ.

Сообщ. **К. Г. Данилевскій.**

Къ біографіи фельдмаршала князя Ф. В. Остенъ-Сакена.

(Изъ воспоминаній отставного генерала-отъ-инфантеріи И. М. Старицкаго).

Въ 1830-хъ годахъ у насъ были двѣ дѣйствующія арміи. Первою арміею командовалъ генералъ-фельдмаршалъ князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, участникъ войнъ съ Наполеономъ, бывшій въ 1814 году генералъ-губернаторомъ въ Парижѣ. Штабъ арміи находился въ Кіевѣ. Въ то же время кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернатором былъ графъ Левашовъ. Между этими двумя высшими властями были нелады, о коихъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ бывшій начальникъ штаба арміи Н. Н. Муравьевъ.

Нелады эти кончились наконецъ печальной катастрофой. По распоряженію фельдмаршала, наряжаемая въ городъ отъ полковъ музыка должна была становиться у гауптвахты при дворцовомъ садѣ. Графъ Левашовъ, проѣзжая однажды верхомъ, со знакомыми, приказалъ музыкантамъ перейти далѣе отъ гауптвахты, на указанное имъ мѣсто. Послѣ того проѣхалъ дежурный генералъ арміи Карповъ и, видя, что музыканты стоятъ не на указанномъ мѣстѣ, приказалъ перейти на прежнее мѣсто. Возвращавшійся съ прогулки графъ Левашовъ счелъ это противодѣйствіемъ своимъ распоряженіямъ и донесъ о томъ военному министру. Послѣдовало высочайшее повелѣніе арестовать генерала Карпова на два дня.

Тогда фельдмаршалъ отправилъ своего адъютанта, съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Николаю Павловичу. Возвратившійся адъютантъ привезъ высочайшій приказъ, краткаго содержанія:— «Кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ назначается графъ Гурьевъ». Графъ Левашовъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда по преклоннымъ лѣтамъ генералъ-фельдмаршалъ былъ уволенъ отъ командованія арміей, которая распалась на корпуса, то онъ поже-

лалъ проститься съ войсками, собранными въ Кіевѣ, и непремѣнно—верхомъ на конѣ. Войска были построены на крѣпостной эспланадѣ. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ экипажѣ къ правому флангу, его посадили на лошадь, которую велъ подъ уздцы рейткнехтъ, а по бокамъ шли два адъютанта и поддерживали его. Здороваясь съ солдатами, онъ старался бодриться. При прохожденіи ихъ мимо него церемоніальнымъ маршемъ Сакенъ сидѣлъ въ креслахъ, и его похвалу передавалъ начальникъ штаба Муравьевъ. Люди отвѣчали: «рады стараться», и послѣ того кричали «ура!».

Изъ большаго числа адъютантовъ при немъ оставлены были только три, по его выбору, а въ помощь, для дежурства, повелѣно было командировать отъ саперной бригады трехъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ и я былъ назначенъ въ чинѣ подпоручика.

Въ кабинетѣ фельдмаршала была огромная библіотека, и какъ онъ былъ очень слабъ ногами, то выходилъ изъ него только къ обѣденному столу, къ которому приглашались часто гости, наиболѣе дамы.

Несмотря на преклонныя лѣта и видимую слабость, фельдмаршалъ былъ въ здравомъ умѣ и, по словамъ близкихъ къ нему лицъ, не терялъ памяти. Пользовался хорошимъ аппетитомъ, за обѣдомъ былъ всегда въ хорошемъ расположеніи, шутливъ и любезенъ съ дамами, изъ коихъ онъ зналъ многихъ, когда онѣ еще были дѣвицами.

Когда фельдмаршалъ еще выѣзжалъ, его приглашали на экзамены въ пансіоны для дѣвицъ, кои содержали француженка Дюте и другія. Онъ слушалъ внимательно, и когда дѣвица отличалась игрой на роялѣ, или бойкими отвѣтами, то онъ подзывалъ къ себѣ, хвалилъ и какъ бы въ награду говорилъ: «поцѣлуй меня».

Адъютанты по очереди приходили утромъ и оставались до обѣда. По принятому обычаю адъютантъ всегда разливалъ супъ. Ординарцы оставались на дежурствѣ цѣлыя сутки. Изъ посѣщавшихъ фельдмаршала чаще всѣхъ пріѣзжалъ кіевскій митрополитъ Евгеній, и всегда очень рано, такъ что однажды засталъ ординарца спящимъ и долженъ былъ ждать, когда тотъ приведетъ себя въ порядокъ, чтобъ доложить фельдмаршалу.

Однажды за обѣдомъ сидящія за столомъ три маленькія его внучки пошаливали. Я былъ дежурнымъ; слышу голосъ князя: «ординарецъ».

— Что прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ я.

— Ты являлся M-me Мемель?

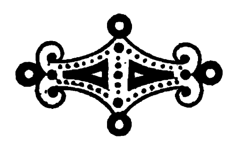
Это была француженка, наставница его внучекъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ явись, непремѣнно явись. Она отдастъ тебѣ подъ команду этихъ маленькихъ шалуней, а ты смотри за ними построже.

*

Приказаніе было выполнено тотчасъ послѣ обѣда, и тогда дежурства пошли пріятнѣе и веселѣе. Бывши дежурнымъ, я часто проводилъ вечера у M-me Мемель, а днемъ маленькія внучки и большая внучка приходили со своими гостями рѣзвиться въ залѣ, и скучать намъ на дежурствѣ было некогда. Одна изъ этихъ маленькихъ внучекъ, много лѣтъ спустя, будучи уже вдовой, вышла замужъ за моего родственника.

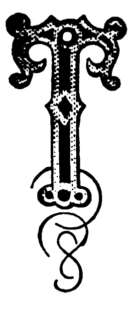


ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1].

I.

олько-что вышедшій, въ высшей степени интересный трудъ г. Валишевскаго «Ivan le Terrible», посвященъ, какъ показываетъ заглавіе, такъ же, какъ и предъидущія изслѣдованія этого талантливаго писателя,—разработкѣ русской исторіи.

Матеріалъ, которымъ пользовался авторъ при составленіи своего труда—огромный; онъ обнимаетъ, вплоть до самыхъ новѣйшихъ изслѣдованій, всѣ вышедшіе на русскомъ и иностранныхъ языкахъ печатные источники о Россіи XVI вѣка и о Грозномъ въ частности, вслѣдствіе чего его изложеніе пріобрѣтаетъ замѣчательную полноту и доказательность, и его книга является не только исторіей Іоанна IV, но вмѣстѣ съ тѣмъ всесторонней характеристикой политической, общественной и умственной жизни Россіи временъ Іоанна Грознаго.

Любопытные выводы и сопоставленія, дѣлаемые авторомъ, проливаютъ новый свѣтъ на эту эпоху русской исторіи и на самую личность Грознаго, которая интересуетъ Валишевскаго преимущественно не съ внѣшней, анекдотической стороны, которой такъ легко было увлечься, рисуя его царствованіе, но главнымъ образомъ съ точки зрѣнія той

---

[1]) Les origines de la Russie moderne. Ivan le Terrible, par K. Waliszewski. Paris. 1904.

роли, которую Іоаннъ IV съигралъ въ русской исторіи, какъ непосредственный, по духу и замысламъ, предшественникъ великаго Преобразователя Россіи, положившій начало тѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ завоеваніямъ и тому государственному строю, которые легли въ основу современной Россіи.

Сквозь мрачную картину суровыхъ казней и безпощадной подъ часъ жестокости, которою отмѣчено царствованіе Грознаго, Валишевскій видитъ первые проблески восходившаго надъ Русью «краснаго солнышка», и хотя, по его образному выраженію, солнце это было еще багровое и озаряло зловѣщій пейзажъ, тѣмъ не менѣе оно предвѣщало Россіи зарю новаго, болѣе свѣтлаго будущаго.

Уродливыя стороны характера Іоанна, его жестокости и безумства, съ высоты птичьяго полета исторіи представляются автору несущественной деталью, тѣмъ болѣе, что Грозный, какъ на этомъ особенно настаиваетъ г. Валишевскій, былъ не лучше, но и не хуже людей своего времени. Признавая, что черты характера, свойственныя многимъ его современникамъ, проявились въ Іоаннѣ въ нѣсколько болѣе рѣзкой формѣ, авторъ говоритъ, что царствованіе Грознаго все-же не было въ этомъ отношеніи чѣмъ-то исключительнымъ; «нѣтъ той страны въ Европѣ,—говоритъ онъ,—исторія которой въ XVI вѣкѣ походила бы на идиллію», «жестокость была въ нравахъ того времени, даже на западѣ; стоитъ вспомнить кровавыя расправы Генриха VIII и Елисаветы, Филиппа II и Карла IX».

Многіе факты, приводимые Валишевскимъ, доказываютъ, что свирѣпость Іоанна была сильно преувеличена его недругами и современными ему лѣтописцами изъ духовныхъ, которые видѣли въ немъ врага и разрушителя стараго уклада жизни, и что царь даже въ самыхъ жестокихъ своихъ расправахъ руководствовался чаще всего не капризомъ тирана или безуміемъ (скажемъ кстати, что душевно больнымъ Валишевскій совершенно не признаетъ его), а тѣмъ, что онъ самъ и нѣкоторые его современники вмѣстѣ съ нимъ считали актомъ государственной необходимости; такимъ образомъ все царствованіе Грознаго было упорнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ извѣстной политической системы.

Образъ же самого Іоанна Грознаго, какимъ его рисуетъ г. Валишевскій, является въ высокой степени интереснымъ. Человѣкъ даровитый, съ тонкимъ, изворотливымъ и пытливымъ умомъ, хотя до извѣстной степени больной и вспыльчивый полувосточный деспотъ, но который стремился къ лучшему, по-своему любилъ страну, мечталъ о ея величіи и славѣ и терзался сознаніемъ своихъ недостатковъ, а главное былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ возложенной на него свыше

цивилизаторской миссіи—таковъ Іоаннъ Грозный въ изображеніи г. Валишевскаго.

Разсматривая его царствованіе не какъ исключительную, кровавую страницу русской исторіи, а какъ одно изъ звеньевъ въ непрерывной цѣпи событій, составляющихъ исторію Русскаго государства, тѣсно связанное съ ея прошлымъ и будущимъ, Валишевскій предпосылаетъ жизнеописанію Іоанна пространный обзоръ политическаго, соціальнаго и умственнаго положенія Россіи въ XVI вѣкѣ, которому посвящена вся первая часть его выдающагося труда.

«Съ шестнадцатаго по восемнадцатый вѣкъ, обширная и варварская Московія жила обособленно, замкнуто, внѣ общенія съ Европою; но до этого, говоритъ г. Валишевскій, въ XVI вѣкѣ ею была сдѣлана попытка войти въ сношеніе съ западными державами и пріобщиться къ западной цивилизаціи; но тутъ она встрѣтила на своемъ пути преграду въ Польшѣ и Швеціи, и ей потребовалось болѣе вѣка для того, чтобы сломить эту преграду», но пріобрѣтеніе Россіей Балтійскаго побережья, которое дало ей выходъ къ морю, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ татарскаго ига, завоеваніе Сибири, возникновеніе политическихъ и торговыхъ сношеній съ западными державами, введеніе зачатковъ иноземной культуры и преобразованіе внутренняго государственнаго строя—было дѣломъ Іоанна IV.

Для того чтобы понять и оцѣнить все то, что имъ было сдѣлано, необходимо составить себѣ ясное представленіе о томъ, чѣмъ была Россія въ то время, когда Іоаннъ вступилъ на престолъ.

«Составляла-ли она страну, въ историческомъ смыслѣ этого слова?»

«Вступивъ на престолъ въ 1533 г., Іоаннъ IV наслѣдовалъ довольно обширныя владѣнія, но въ нихъ не было единства, не было гармоніи. Вокругъ центральнаго ядра,—Москвы,—группировались завоеванныя и присоединенныя къ ней земли.

«Образованіе крупныхъ политическихъ единицъ, начавшееся на европейскомъ материкѣ въ исходѣ пятнадцатаго вѣка, сопровождалось всюду весьма тяжелыми явленіями, но тутъ, на далекомъ сѣверо-востокѣ Европы,—говоритъ Валишевскій,—задача собирателей Русской земли была особенно трудна».

Она состояла не въ томъ, чтобы сплотить между собою провинціи, связанныя уже общностью интересовъ, традицій и вѣрованій, какъ это было, напримѣръ, во Франціи, когда Людовикъ XI вступилъ въ борьбу съ своими вассалами, чтобы присоединить къ своей коронѣ Бургундію, Бретань и другія земли.

Въ XVI вѣкѣ великій князь московскій не владѣлъ ни одной пядью той земли, которая составляла въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ вотчины Ярослава и Владимира Мономаха, и хотя онъ именовался ве-

ликимъ княземъ или царемъ «всея Россіи», но его право на этотъ титулъ не было ничѣмъ обусловлено. Кіевъ принадлежалъ въ то время Польшѣ, Могилевъ — Литвѣ; Червонная, Бѣлая и Малая Русь — принадлежали также сосѣду. Отъ наслѣдія Владимира Мономаха не осталось ничего, и Москва, основанная Юріемъ Долгорукимъ, была не что иное, какъ русская колонія въ землѣ, населенной финнами.

«По странной случайности, самую главную и самую важную часть княжества составляли присоединенные въ самое послѣднее время Новгородъ и Псковъ, гдѣ сосредоточивалась вся промышленность и вся торговля страны.

«Впрочемъ, промышленность эта была весьма убогая, а торговля хотя и была оживленнѣе, но все-же велась въ очень скромныхъ размѣрахъ. Населеніе этой болотистой, пустынной мѣстности, существуя по преимуществу рыбной ловлею и отчасти земледѣліемъ, извлекало выгоду единственно изъ транзитной торговли, которая шла отъ Балтійскаго моря внутрь страны и обратно. Но на протяженіи 282.127 кв. верстъ въ этой мѣстности насчитывалось всего 14 городовъ, да и то наиболѣе значительные изъ нихъ были маленькія крѣпостцы или остроги, а въ Бѣжецкой и Олонецкой пятинахъ, на громадномъ пространствѣ въ 171.119 кв. верстъ, не было ни одного города, а одни только поселки съ рынками и маленькими базарами.

«До второй половины XVI вѣка, Новгородъ съ его 5.300 домами былъ, за исключеніемъ Москвы, самымъ населеннымъ городомъ княжества; въ Псковѣ, по современнымъ даннымъ, насчитывали въ чертѣ города, не считая предмѣстій, 1.300 лавокъ или конторъ.

«Но тѣ же документы указываютъ на одно любопытное явленіе, замѣчавшееся, въ XVI вѣкѣ, въ городахъ повсемѣстно; именно на быстрое исчезновеніе въ нихъ мѣщанскаго сословія и замѣну его военнымъ элементомъ. Причиною этого было завоеваніе Москвою, которая, конфискуя имущество мѣстныхъ жителей и раздавая его избраннымъ служилымъ людямъ, быстро измѣнила внѣшній видъ страны и составъ ея населенія. Эти же пришлые люди были исключительно военные, и сама Москва сохранила еще въ ту пору свой первоначальный характеръ военнаго поселенія въ завоеванной странѣ.

«Оно и не могло быть иначе, такъ какъ вновь возникшее княжество не вошло еще въ опредѣленныя границы. Изъ числа крѣпостей, защищавшихъ его на сѣверо-западѣ, Смоленскъ, завоеванный лишь въ 1514 г., оставался, номинально, главнымъ городомъ Литовско-Польскаго воеводства, а Великія Луки были вскорѣ отняты у Іоанна IV Баторіемъ. На сѣверо-востокѣ владѣнія Московскаго княжества простирались отъ Бѣлаго моря, Онѣги и Сѣверной Двины до Урала, но заселеніе этой мѣстности ограничивалось такъ называемымъ Поморьемъ, а съ

точки зрѣнія экономической главную роль играли въ немъ монастыри, которые были въ то же время стратегическими пунктами. Такъ напр. Соловецкій монастырь, на Бѣломъ морѣ, не только приносилъ большой доходъ своими солеварнями и рыбной ловлею, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ находился маленькій отрядъ войска».

Валишевскій отмѣчаетъ одну особенность тогдашней Москвы; среди цѣлаго ряда укрѣпленныхъ городовъ она одна оставалась открытымъ, незащищеннымъ городомъ, какъ бы временнымъ лагеремъ. Хотя Кремль и былъ обнесенъ зубчатою стѣною съ башнями, но за этой оградой находились терема, дома нѣсколькихъ бояръ, нѣсколько церквей и монастырей; а жизнь столицы не сосредоточивалась за стѣнами Кремля. Самый городъ съ его деревянными домами, лавками, рынками, съ гостинымъ дворомъ, выстроеннымъ изъ камня, на подобіе восточныхъ базаровъ, и со всей его торговой дѣятельностью былъ внѣ этихъ стѣнъ; вся городская жизнь сосредоточивалась въ обширныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ, предмѣстьяхъ, гдѣ дома и лавки стояли среди полей и луговъ, а промышленность ютилась въ близъ лежащихъ огромныхъ слободахъ, раскинувшихся среди полей и лѣсовъ, среди которыхъ бѣлѣли ограды монастырей съ ихъ золочеными куполами.

Самою характерною чертою Московскаго государства, составлявшею его главное отличіе отъ современной ему западной Европы, было, говоритъ Валишевскій, отсутствіе въ немъ соціальныхъ классовъ, феодализма, рыцарства со всѣми его пережитками и отсутствіе у духовенства свѣтской власти.

«Очевидно,—говоритъ авторъ,—въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, были богатые и бѣдные, земледѣльцы и купцы, были городскіе и деревенскіе жители, т. е. существовали различные соціальные элементы, но они не имѣли тутъ того органическаго значенія и той строгой разграниченности, какъ на западѣ.

«Іоаннъ IV всю жизнь велъ борьбу съ боярами. Эти бояре составляли очевидно аристократію страны. Помимо нихъ, видное положеніе занимали потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, которые вели свое происхожденіе, одни отъ Рюрика, перваго русскаго князя, другіе отъ Гедимина, перваго князя литовскаго. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежа къ старшей линіи великокняжескаго дома, возсѣдавшаго на московскомъ престолѣ, сидя въ своихъ удѣлахъ, пользовались извѣстными правами и привилегіями, какъ бывшіе независимые правители, кичились этимъ и ревностно отстаивали свои права.

«Но въ Судебникѣ, изданномъ дѣдомъ Іоанна Грознаго въ 1497 г., объ этихъ привилегіяхъ нѣтъ и помина. Исключая духовенство, все прочее населеніе страны раздѣлено въ немъ на двѣ категоріи: на людей «служилыхъ» и «неслужилыхъ». Что это значитъ? Это значитъ, что

законодатель, не придавая значенія тѣмъ сословнымъ различіямъ, кои вырабатываются исторически, распредѣлилъ всю массу населенія сообразно съ новой организаціей, какую представляло собою великое княжество Московское, напоминавшее собою армію въ походное время.

«Въ полку нѣтъ ни князей, ни простолюдиновъ, ни купцовъ, ни хлѣбопашцевъ, есть только солдаты, капралы, офицеры.

«Служилые люди—это солдаты, помогавшіе князю «собирать Русскую землю»; неслужилые люди—это рабочіе, мастеровые, поденщики, которые работаютъ на войско во время похода.

«Въ Судебникѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака аристократической іерархіи. Къ первой категоріи, служилыхъ людей, вмѣстѣ съ боярами, князьями и высшими сановниками и должностными лицами, отнесены самыя скромныя военныя и гражданскія лица, артиллеристы, кузнецы, столяры и рядовые. Ко второй категоріи отнесены всѣ купцы и крестьяне, плательщики податей. Хотя служилые люди высшаго званія пользовались нѣкоторыми преимуществами, занимали высшія должности, владѣли землею и за причиненное имъ оскорбленіе имѣли право получить тройное, по сравненію съ простымъ дьякомъ, вознагражденіе, но всѣ эти отличія связывались только съ занимаемой человѣкомъ должностью и не создавали никакого соціальнаго различія».

«Конфискуя земли въ присоединенныхъ къ Москвѣ удѣльныхъ княжествахъ, московское правительство получило въ свое распоряженіе массу земель, которыя оно роздало своимъ служилымъ людямъ, но уже не въ видѣ «удѣловъ» или «вотчинъ», а въ видѣ простыхъ помѣстій, т. е., какъ показываетъ само названіе, эти земли раздавались служилымъ людямъ въ пожизненное или наслѣдственное пользованіе, смотря по мѣстамъ, ими занимаемымъ на службѣ государевой, которую они несли всю жизнь.

«Размѣры этихъ жалованныхъ помѣстій были не велики, нѣкоторыя изъ нихъ не превышали 30 десятинъ, да и тѣ жаловались нерѣдко только на бумагѣ.

«Такъ около 1570 г. изъ 168 «боярскихъ дѣтей», вознагражденныхъ по спискамъ за службу въ Путивлѣ и Рыльскѣ, 99 ничего не получили за неимѣніемъ свободныхъ земель. Въ то же время и по той же причинѣ случалось, что у помѣщика недоставало 74 десятинъ изъ числа пожалованныхъ ему 80.

«Поэтому по одеждѣ, образу жизни и пищѣ, огромное большинство служилыхъ людей едва отличалось отъ простыхъ крестьянъ. Случалось, что ихъ матеріальное положеніе было даже хуже. Только дома большихъ бояръ, занимавшихъ высокія должности и получавшихъ соотвѣтственное жалованье, представляли довольно величественный видъ, съ ихъ многочисленными службами и пристройками; у огром-

наго же большинства вмѣсто этихъ хоромъ было просто нѣсколько избъ, которыя, несмотря на хорошо вычищенный, натертый и подметаемый ежедневно полъ, съ охапкой сѣна, для обтиранія ногъ у порога и въ первой комнатѣ, и съ показной посудой, впрочемъ, большею частью не серебреной, а оловянной, отнюдь не имѣли представительнаго вида.

«Разница между бояриномъ и крестьяниномъ заключалась, главнымъ образомъ, въ количествѣ слугъ, которыхъ помѣщикъ считалъ необходимымъ имѣть: у него были повара, пекаря, садовники, портные, всякаго рода мастеровые; разные прихлебатели, не имѣя опредѣленнаго занятія, сопровождали помѣщика всюду, развлекали и увеселяли его.

«Самымъ необходимымъ лицомъ въ этомъ обиходѣ былъ прикащикъ, или ключникъ. Владѣя хотя бы всего нѣсколькими десятинами, помѣщикъ не могъ обходиться безъ ключника, точно такъ же, какъ онъ не могъ собственноручно обработывать землю, которая кормила его. Ему не хватило бы на это времени, даже если бы онъ хотѣлъ дѣлать это. Его время принадлежало его государю, который распоряжался имъ по своему произволу съ самаго дѣтства человѣка и до его глубокой старости.

«Возвращаясь изъ похода, онъ находилъ нерѣдко свое помѣстье разореннымъ, разграбленнымъ прикащикомъ и, по свидѣтельству Герберштейна, готовъ былъ подбирать апельсинныя или арбузныя корки, которыя проѣзжій иностранецъ выкидывалъ изъ окна кареты, но никогда не выходилъ изъ дома, хотя бы отправляясь къ сосѣду просить о помощи, иначе, какъ верхомъ и въ сопровожденіи слуги.

«Немудрено, что при этомъ у боярскихъ дѣтей нерѣдко являлось желаніе перейти въ разрядъ «неслужилыхъ» людей, которые не несли такихъ обязанностей, какъ они, но были зачастую гораздо болѣе обезпечены. Впрочемъ, нерѣдко случалось, что одинъ изъ боярскихъ дѣтей служилъ въ войскѣ, а его братъ былъ крестьяниномъ или портнымъ и не тяготился этимъ».

Такимъ образомъ между сословіями не было строго опредѣленныхъ границъ, и жизнь не способствовала ихъ обособленію.

Коснувшись затѣмъ вопроса о сельскомъ населеніи, Валишевскій отмѣчаетъ то въ высшей степени своеобразное явленіе, что въ Россіи крѣпостное право не было, какъ въ другихъ странахъ, тяжкимъ пережиткомъ варварскихъ временъ, но что оно возникло въ то время, когда въ прочихъ государствахъ Европы, не исключая сосѣдней Польши, личныя узы, связывавшія сельское населеніе съ землевладѣльцами, были порваны, либо ослаблены, подъ вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ и экономическихъ отношеній, и что возникновеніе

крѣпостной зависимости совпало со вступленіемъ Московскаго государства на путь европейской цивилизаціи.

Говоря о столь сложномъ соціальномъ явленіи, на которое, въ нашей исторической литературѣ, до сихъ поръ не установилось еще опредѣленнаго взгляда, несмотря на вызванную имъ обширную полемику, авторъ рѣшительно отрицаетъ возможность закрѣпощенія огромной массы населенія сразу однимъ правительственнымъ актомъ, который только оформилъ, въ видахъ государственныхъ и фискальныхъ интересовъ, сложившіяся уже фактически правовыя отношенія. Присоединяясь къ теоріи, которая считаетъ исходной точкой крестьянскаго закрѣпощенія фактъ повсемѣстной задолженности крестьянъ своимъ хозяевамъ, Валишевскій весьма подробно останавливается на тѣхъ условіяхъ общественнаго порядка, въ которыхъ возникли и воспитались крѣпостныя отношенія Московскаго государства.

«До конца XVI вѣка,—говоритъ Валишевскій,—большинство крестьянъ, жившихъ на землѣ, завоеванной русскими или заселенной ими на сѣверо-востокѣ, было свободно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Занимаясь обработкой земли и разными ремеслами, живя въ деревнѣ или въ городѣ, обработывая свою собственную или чужую, арендуемую имъ землю, крестьянинъ сохранялъ свободу личности и труда, могъ располагать своимъ имуществомъ, будучи обязанъ только платить установленныя подати, если онъ сидѣлъ на казенной землѣ, или извѣстную договорную плату, если онъ обработывалъ помѣщичью землю».

Получая участокъ земли, поселенецъ обязывался отбывать «барщину», пахать на хозяина пашню, дѣлать всевозможныя «издѣлья» на владѣльца, возить дрова, молоть муку, чинить постройки и т. п., словомъ, дѣлать «боярское дѣло», за что̀ онъ получалъ отъ владѣльца помощь, въ видѣ ссуды, деньгами, орудіями или сѣменами.

Подрядившись въ крестьянство, поселянинъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, сохранялъ право уйти отъ своего хозяина, выполнивъ всѣ свои обязательства по отношенію къ нему, точно такъ же, какъ помѣщикъ, по истеченіи договорнаго срока, могъ передать участокъ другому лицу. Населеніе широко пользовалось этимъ правомъ и перекочевывало съ мѣста на мѣсто. Съ теченіемъ времени, случаи «ухода» крестьянъ съ земли такъ увеличились, что уже въ XV вѣкѣ эта относительная свобода перехода была стѣснена извѣстными узаконеніями. Сначала установился обычай, что владѣлецъ не могъ пользоваться своимъ правомъ передавать землю другому во время жатвы, т. е. въ то время, когда и крестьянинъ не могъ уйти съ земли. Такимъ образомъ Іоаннъ III назначилъ для перехода крестьянъ и ихъ разсчета съ помѣщикомъ двухнедѣльный срокъ отъ осенняго Юрьева дня (26-го ноября).

Уходя со своего участка, крестьянинъ долженъ былъ уплатить и за

пользованіе крестьянскимъ дворомъ такъ называемое «пожилое», что составляло отъ 56 к. до 1 р. 6 к. въ годъ съ участка, смотря по его стоимости.

Таковъ былъ законъ, но на практикѣ отъ него дѣлались всевозможныя отступленія. Такъ какъ рабочихъ рукъ было мало, то помѣщики переманивали крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое и даже нерѣдко уводили ихъ силою, «вывозомъ», какъ тогда называлось. Случалось также, что съ крестьянина, хотѣвшаго уйти съ земли, требовали въ уплату болѣе, чѣмъ слѣдовало, и такимъ образомъ, не имѣя возможности разсчитаться съ хозяиномъ, онъ не могъ уйти отъ него.

Хотя эти и тому подобныя мѣры стѣсняли свободу крестьянъ, но свобода все-таки существовала.

Между тѣмъ крестьяне были страшно обременены налогами и всякими платежами.

Г. Рожковъ, въ своемъ трудѣ «Русское земледѣліе въ шестнадцатомъ вѣкѣ» (изд. 1899, стр. 244), подсчитываетъ, что въ сѣверныхъ областяхъ крестьянинъ отдавалъ помѣщику половину урожая, а остальной половины ему едва хватало на прокормленіе семьи въ теченіе полугода, но скотоводство и кое-какіе мелкіе промыслы позволяли ему сводить концы съ концами. Онъ былъ бѣденъ, но съ точки зрѣнія юридической и административной онъ былъ, до извѣстной степени, равноправнымъ боярину, купцу и духовному лицу. Для него, какъ и для всѣхъ остальныхъ, существовалъ судъ, и его сельская община пользовалась извѣстнымъ самоуправленіемъ.

«Но неужели же въ странѣ, гдѣ до половины прошлаго столѣтія существовало крѣпостное право, не было въ шестнадцатомъ вѣкѣ вовсе крѣпостныхъ?»

«Они были,—отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ Валишевскій,—но они составляли въ общей массѣ населенія едва замѣтный элементъ.

«Военноплѣнные съ давнихъ поръ обращались въ рабство, и это считалось вполнѣ естественнымъ. Невольнымъ считался также всякій человѣкъ, вступившій въ бракъ съ рабомъ и родившійся отъ рабовъ. Кромѣ того несостоятельный должникъ поступалъ въ неволю къ кредитору до уплаты долга; наконецъ, бывали случаи, когда люди добровольно вступали въ крѣпость на извѣстныхъ условіяхъ, и законъ не стѣснялъ право вольнаго человѣка опредѣлять эти условія. До пятнадцатаго вѣка вступленіе въ должность тіуна или ключника также влекло за собою неволю».

«Въ шестнадцатомъ вѣкѣ къ этому прибавился еще новый видъ рабства: кабала, или договоръ, въ силу котораго человѣкъ, занявшій

говоры сами по себѣ не обусловливали еще полной утраты свободы.

«Уплативъ долгъ, кабальный могъ получить свободу. Въ Германіи и Италіи, гдѣ заключались подобнаго же рода договоры, кабальные пользовались обыкновенно этимъ правомъ. Но въ Московскомъ государствѣ должники большею частью не могли этого выполнить, и этимъ объясняется вся исторія возникновенія крѣпостной зависимости, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Россіи.

«Въ Судебникѣ Іоанна IV перечислено четыре разряда рабовъ: рабы полные, т. е. закрѣпощенные съ ихъ потомствомъ безъ всякихъ условій; «старые» рабы, застарѣвшіе на своихъ участкахъ; кабальные и докладные, или закрѣпощенные «по докладу»—особый видъ добровольно заключавшагося договора. Признавъ такимъ образомъ положеніе вещей, освященное обычаемъ, законодатель пытался однако видоизмѣнить порядокъ, возникшій въ болѣе варварскія времена, ограничить причины, ведшія къ закрѣпощенію людей, и обставить его такими формальностями, которыя подъ часъ были равносильны запрещенію.

«Придя въ соприкосновеніе съ западнымъ міромъ, Россія видимо была готова послѣдовать за нимъ и въ отношеніи понятій о личной свободѣ, какъ и въ другихъ успѣхахъ цивилизаціи, хотя, за неимѣніемъ документовъ, нѣтъ возможности точно опредѣлить число закрѣпощенныхъ въ то время людей, но, судя по имѣющимся даннымъ, оно было незначительно, а между тѣмъ это была эпоха, предшествовавшая закрѣпощенію всего населенія. Какимъ же образомъ это могло случиться?

«Еще недавно, по общепринятому взгляду, тяжкая отвѣтственность за это падала на русское правительство конца шестнадцатаго вѣка. По весьма распространенному мнѣнію, оно одно, по своему собственному почину, своими собственными средствами совершило этотъ коренной и пагубный переворотъ въ юридическихъ и соціальныхъ условіяхъ крестьянскаго быта. Въ настоящее время этотъ взглядъ признается многими невѣрнымъ. Крѣпостная зависимость въ Россіи, какъ и повсюду, была продуктомъ времени и извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, пережитыхъ страною.

«Кавелинъ (Собр. соч. I, 130) считаетъ крѣпостное право естественнымъ, логическимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей организаціи страны, и говоритъ, что хотя оно примѣнялось иной разъ довольно жестоко, вслѣдствіе всеобщей грубости нравовъ, но въ принципѣ эта власть человѣка надъ другимъ человѣкомъ ограничивалась нѣкотораго рода опекой, обусловленной не силою опекавшаго, которому удалось подчинить другого человѣка своей волѣ, но слабостью опекаемаго, который, сознавая эту слабость, былъ готовъ добровольно деньги, обязывался отработать ихъ своимъ трудомъ. Но подобные до-

признать надъ собою власть, руководительство и покровительство, безъ котораго онъ не могъ обойтись.

«Принявъ этотъ взглядъ, нужно было бы объяснить, откуда появился внезапно этотъ нуждавшійся въ опекѣ классъ людей, существованіе котораго до тѣхъ поръ ничѣмъ не проявлялось, и самое совпаденіе этого явленія съ періодомъ роста государства, который долженъ былъ если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ смягчить его.

«Между тѣмъ истинное положеніе дѣлъ, какъ оно вытекаетъ изъ историческихъ данныхъ, представляется совершенно инымъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ исторіи русскаго народа преобладающее значеніе имѣютъ два факта: одинъ изъ нихъ—быстрое исчезновеніе крестьянъ-собственниковъ, другой—столь же быстрое обѣдненіе всего крестьянскаго сословія. Это имѣло послѣдствіемъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что множество людей, крестьянъ-землепашцевъ и другихъ, не имѣя возможности пропитать себя, соглашалось идти въ кабалу, чтобы не умереть съ голода, а съ другой стороны, что множество людей, сидѣвшихъ на чужой землѣ, не имѣя возможности расплатиться съ владѣльцемъ, утрачивало самое существенное право, отъ котораго зависѣла ихъ свобода: право ухода съ обработываемой ими земли, по истеченіи договорнаго срока. Одни, лишившись клочка земли, которая ихъ кормила, были вынуждены побираться или идти въ услуженіе; другіе, получивъ отъ помѣщика какое-либо пособіе, не были въ состояніи вернуть его.

«Обыкновенно, крестьянинъ, сѣвъ на чужую землю и заключивъ съ хозяиномъ письменное условіе или «порядную», получалъ ссуду въ размѣрѣ 3 рублей. По прошествіи 10 лѣтъ ему приходилось уплатить 30 рублей и 56 коп. или 1 рубль 6 коп. за «пожилое», что составляло на наши деньги нѣсколько сотъ рублей (около 300). Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ не былъ въ состояніи выплатить такую сумму, и это являлось препятствіемъ къ его уходу; постоянно нароставшій долгъ, или серебро (деньги), какъ тогда говорили, превращался въ обязательство, прикрѣплявшее должника къ землѣ. И серебреники-должники превращались мало-по-малу въ докладныхъ и кабальныхъ холоповъ.

«Въ сущности, начиная со второй половины шестнадцатаго вѣка, крестьяне, въ принципѣ, оставались свободны, но на практикѣ свобода сдѣлалась привилегіей все болѣе и болѣе ограниченнаго числа незадолженныхъ собственниковъ или арендаторовъ.

«Причина этого всеобщаго оскудѣнія земледѣльческаго класса вполнѣ понятна. Война—вещь дорого стоющая. Ведя постоянныя войны и постоянно увеличивая кадры своего войска, Московское государство

должно было, сообразно съ этимъ, увеличивать и свои расходы на вознагражденіе «служилыхъ людей», которые вербовались все въ большемъ и большемъ количествѣ, и на покупку оружія; преобразовывая войско на европейскій ладъ, оно расходовало большія деньги на оружіе, привозимое изъ-за границы, на плату служащимъ, которые набирались во всѣхъ странахъ Европы. Откуда же ему было взять на это средства? Единственнымъ капиталомъ, единственнымъ богатствомъ страны была земля. Ей-то и пришлось нести всю тяжесть новыхъ налоговъ. Для того, чтобы раздать помѣстья служилымъ людямъ, землю отбирали у крестьянъ, а для того, чтобы вознаградить иноземныхъ рабочихъ, облагали налогами помѣщиковъ, которые, будучи обременены платежами, выжимали деньги изъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ землѣ.

«Земля отвѣчала за все, покрывала всѣ расходы, сдѣлалась какъ бы ходячей монетой, которая превращалась въ личный трудъ, въ военную и гражданскую службу, во всевозможныя подати и повинности.

«Помѣщики, завися во всемъ отъ государя и не имѣя внутренней организаціи и сплоченности, не могли въ этомъ случаѣ оказать никакого серьезнаго противодѣйствія и, по причинѣ своей слабости и покорности, они только еще болѣе способствовали развитію той системы, отъ которой они страдали. Самые упорные видѣли одно средство: бѣжать. Такова была всегда отличительная черта русскаго характера: будучи поставленъ въ невыносимыя условія жизни, русскій человѣкъ не старался бороться съ ними, а бѣжалъ отъ нихъ. Крестьяне подражали этому примѣру. Для нихъ бѣгство было еще легче. Болѣе избалованные вотчинники и помѣщики, за которыми былъ и бо̀льшій надзоръ, переселяясь въ сосѣднюю Польшу, подвергались всевозможнымъ случайностямъ и опасностямъ. Крестьянинъ же, перейдя плохо охраняемую сѣверо-восточную границу государства, находилъ гостепріимный пріютъ на необозримомъ пространствѣ дѣвственной почвы, за которую ему не приходилось платить никакихъ податей.

«Въ началѣ шестнадцатаго вѣка бѣгство крестьянъ, которые бросали распаханную ими землю, настолько увеличилось, что приняло характеръ національнаго бѣдствія. Тогда правительство, которому это угрожало уменьшеніемъ доходовъ, рѣшило принять мѣры и издало рядъ ограничительныхъ указовъ, коими помѣщикамъ предоставлялось право удерживать крестьянъ, жившихъ на ихъ землѣ, и возвращать бѣглецовъ.

«Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка московское правительство сдѣлало еще болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи, даровавъ братьямъ Строгановымъ, владѣвшимъ огромными землями въ Пермскомъ краѣ, двѣ грамоты, коими имъ повелѣвалось задерживать и

возвращать на мѣсто жительства тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, кои искали убѣжище въ обширныхъ колонизуемыхъ ими земляхъ, такъ какъ потокъ бѣглаго люда, угрожавшій экономическому благосостоянію и военной организаціи страны, направлялся именно въ этотъ далекій край съ его необозримыми и необработанными степями.

«На западѣ развитіе торговли и промышленности вызвало соединеніе городскихъ жителей въ отдѣльныя корпораціи, которыя, отстаивая свои права, вступали въ борьбу съ феодализмомъ. Въ нѣдрахъ этихъ корпорацій, во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ членовъ выработался тотъ духъ свободы, который привелъ къ созданію самоуправляющихся общинъ, въ нихъ же развилась та матеріальная и умственная дѣятельность, изъ которой выработались всѣ высшія формы экономической и культурной жизни Европы.

«Россія не знала ничего подобнаго. Города, или, какъ показываетъ само ихъ названіе, огороженныя мѣста, имѣли тутъ совсѣмъ иное назначеніе; промышленная жизнь сосредоточивалась за городскими стѣнами, въ слободахъ и посадахъ, гдѣ жили ремесленники и сельскіе обыватели, и правительство только въ шестнадцатомъ вѣкѣ обложило, съ фискальной цѣлью, городскихъ жителей болѣе высокою податью по сравненію съ сельскимъ населеніемъ; и такъ какъ его понятія о политической экономіи были слабы и сбивчивы, то оно не только не старалось объ увеличеніи этой статьи дохода, но, напротивъ, парализовало ее, пріумножая всевозможныя пошлины, ставя таможенныхъ у каждаго поворота дороги и сборщиковъ податей на каждомъ углу и монополизируя всѣ отрасли промышленности и торговли: продажу ржи, овса, всѣхъ злаковъ, варку пива, кваса и всевозможныхъ напитковъ».

«Купечество, которое не представляло изъ себя отдѣльнаго сплоченнаго сословія, не оказало этому никакого противодѣйствія; потерявъ, съ паденіемъ Пскова и Новгорода, единственные пункты, гдѣ оно могло сгруппироваться, русское купечество не было въ состояніи съиграть той роли, которую западныя городскія общины выполнили такъ блестяще въ общемъ ходѣ цивилизаціи».

Не болѣе другихъ съумѣло отстоять свою независимость и духовенство, хотя, владѣя огромными богатствами и будучи единственнымъ въ то время средоточіемъ образованности, оно представляло собою—говоритъ Валишевскій—значительную силу и имѣло всѣ средства, чтобы поддержать и охранить свою самостоятельность. Вотъ нѣкоторыя данныя, приводимыя авторомъ, которыя свидѣтельствуютъ объ огромныхъ средствахъ, коими располагало духовенство.

«Митрополичьи земли, разсѣянныя въ пятнадцати уѣздахъ, приносили въ концѣ шестнадцатаго вѣка до 3.000 руб. годоваго дохода;

новгородскій епископъ былъ еще богаче, получая отъ 10 до 12.000 р. ежегодно».

«Приходское духовенство было сравнительно бѣдно и существовало только прихожанами, но за то черное духовенство не только владѣло обширными землями, которыя не были обложены никакими повинностями, но получало постоянно огромныя пожертвованія деньгами. Такъ, напр., Троицкая лавра, менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, получила отъ одного Іоанна IV 25.000 руб., что̀ составляетъ около милліона на наши деньги. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь получилъ въ то же время 18.493 руб., не считая пожертвованій натурою: напр., въ 1570 г. ему было послано сто пудовъ меда, на слѣдующій годъ 10 лошадей; жертвовались также богатыя иконы, церковное облаченіе и т. п.

«Троицкая лавра, имѣя огромныя земельныя угодья, владѣла въ концѣ XVI вѣка 106.600 крестьянъ и имѣла до 100.000 р. дохода, т. е. около 2.400.000 р. на наши деньги. Согласно подсчету, сдѣланному г. Иконниковымъ (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869 г.), всѣ великорусскіе монастыри владѣли 3.858.396 десятинами пахотной земли, которую обработывали 660.185 крестьянъ и которыя приносили 824.593 р. дохода.

«Разумѣется,—говоритъ Валишевскій,—всѣ эти цифры вычислены приблизительно. Но изученіе документовъ той эпохи даетъ представленіе объ огромныхъ богатствахъ, которыя были сосредоточены въ рукахъ духовенства и совершенно не соотвѣтствовали общему матеріальному положенію страны.

«Было бы, конечно, несправедливо утверждать, какъ это часто дѣлалось, что черное и бѣлое духовенство пользовалось своей матеріальной и нравственной силою единственно для своихъ личныхъ выгодъ. Въ Московскомъ государствѣ, такъ же точно, какъ и въ другихъ странахъ, народъ долго не имѣлъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей инаго прибѣжища кромѣ православной церкви, которая была для него вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ источникомъ просвѣщенія, и духовная власть ея іерарховъ и митрополита въ особенности служила до половины XVI вѣка противовѣсомъ всемогуществу свѣтской власти.

«Духовенство было не только дѣятельнымъ пособникомъ, но до нѣкоторой степени и главнымъ двигателемъ въ великомъ дѣлѣ «собиранія Русской земли».

Первые московскіе князья видимо еще не уяснили себѣ великаго смысла объединенія государства, и хотя сынъ Калиты, Симеонъ Гордый (1341—1353), этотъ ярый представитель политики князей «собирателей Русской земли», завѣщалъ своему сыну идти по намѣченному имъ

пути, дабы память о немъ и его предкахъ не померкла и «возженный имъ свѣтильникъ не угасъ», но, въ сущности, имъ и его преемниками руководило не столько честолюбивая мечта о созданіи великой русской державы, сколько желаніе свергнуть ненавистное татарское иго. Покупая деревню за деревней, область за областью, накопляя въ своихъ сундукахъ золото, серебро, драгоцѣнные камни и жемчугъ, обсчитывая татаръ при уплатѣ подати, грабя другихъ удѣльныхъ князей, они никогда не высказывали иного желанія, иной мечты, какъ только чтобы «Господь избавилъ ихъ отъ орды» и чтобы имъ не приходилось болѣе гнуть шею подъ игомъ ненавистнаго завоевателя.

«Но въ то время какъ алчные московскіе князья не могли отрѣшиться отъ своихъ личныхъ интересовъ и возвыситься до общегосударственной идеи, бокъ о бокъ съ ними зародилась и назрѣла мысль о государственномъ единствѣ, и когда ни одинъ изъ московскихъ князей еще не думалъ сдѣлаться главою «всея Россіи», московскій митрополитъ сталъ уже духовнымъ представителемъ всего православнаго населенія Россіи.

«Славянскій востокъ составлялъ искони одну епархію, подчиненную константинопольскому патріарху. Но современникъ Іоанна Калиты, митрополитъ Петръ († 1326 г.) принялъ титулъ митрополита всея Россіи. Тогда между удѣльными князьями, которые боролись за первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, завязалось новое соперничество, всякій изъ нихъ старался, въ знакъ своего превосходства надъ остальными, переманить духовнаго главу православнаго народа въ свою столицу. Вначалѣ это удалось Михаилу Ярославичу Тверскому, который и принялъ тотчасъ титулъ великаго князя «всея Россіи». Но онъ былъ вскорѣ побѣжденъ Калитою, и тогда митрополитъ переселился въ Москву, «чѣмъ много способствовалъ возвышенію Московскаго княжества».

Полтораста лѣтъ спустя, съ возникновеніемъ въ сосѣднемъ польско-литовскомъ государствѣ новаго духовнаго центра, единство церковной власти было нарушено. Флорентійская унія (1439 г.) упрочила эту рознь, но въ то время Москва уже успѣла закончить процессъ объединенія русскихъ удѣловъ подъ свою власть.

«Монастыри, съ своей стороны, сыграли не малую роль въ колонизаціи страны, которой современная Россія обязана своимъ существованіемъ. Въ то время какъ поселенцы, движимые исключительно практическими соображеніями, потянулись на югъ, къ плодороднымъ черноземнымъ землямъ, монахи, побуждаемые высшими духовными интересами, ища уединенія, стремились на сѣверъ, въ недоступныя дебри и лѣса, куда обыкновенные поселенцы, вѣроятно, долго бы еще не проникли.

«Они вступали въ соприкосновеніе съ языческими финскими племе-

нами, населявшими эту мѣстность, и, распахивая почву и вырубая лѣса, насаждали въ то же время христіанство и настойчиво шли, все далѣе и далѣе, впередъ.

«На востокѣ, со стороны татарской границы, монахи также опередили завоевателей и, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, задолго до взятія Казани, основывали за р. Сурой свои монастыри, которые, будучи укрѣплены и располагая хорошими средствами, служили войску опорными пунктами во время походовъ.

«Извѣстный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, напр., съ его сильной артиллеріей и крѣпкими стѣнами, украшенными 38 большими башнями, имѣлъ въ стратегическомъ отношеніи бо̀льшее значеніе, нежели Новгородъ».

«Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ преувеличиваетъ, называя Россію шестнадцатаго вѣка «страною монастырей», но не подлежитъ сомнѣнію, что въ XV и XVI вѣкѣ число ихъ значительно увеличилось, но, къ сожалѣнію, съ увеличеніемъ числа монастырей и съ ростомъ ихъ льготъ увеличивалось и количество монаховъ, шедшихъ въ монастырь не по призванію, а искавшихъ въ немъ лишь болѣе спокойной и беззаботной жизни. Общежительное устройство монастырей было исключеніемъ; весьма многіе изъ братіи имѣли свой собственный роскошный столъ, который они дѣлили съ многочисленными родными, друзьями, прихлебателями и богатыми барами, которые жили иногда подолгу въ монастыряхъ для своего удовольствія.

«Существованіе рядомъ мужскихъ и женскихъ монастырей не могло не отразиться на ихъ нравахъ. Въ XVI вѣкѣ жалобы на упадокъ нравственности въ монастыряхъ, на бродяжничество монаховъ, пьянство и развратъ раздавались все сильнѣе и сильнѣе.

«Реформаторское теченіе шестнадцатаго вѣка должно было коснуться и этого міра, но такъ какъ въ немъ не нашлось достаточно жизненныхъ элементовъ, чтобы съ успѣхомъ провести реформу, то пришлось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и нравственный авторитетъ церкви былъ этимъ погубленъ безповоротно».

Была еще одна причина, повліявшая на упадокъ того значенія, которое имѣли монастыри въ древней Россіи.

«До нашествія татаръ раздѣленіе страны на удѣлы и подчиненіе православной церкви власти константинопольскаго патріарха обезпечивало ея іерархамъ независимое положеніе. Но со временемъ они сочли за лучшее прибѣгнуть къ покровительству новой власти. Митрополитъ Кириллъ перенесъ даже временно свое мѣстопребываніе ко двору хановъ, за что̀ и былъ милостиво награжденъ грамотою и ярлыками. Но полученныя такимъ путемъ милости влекли за собою полную утрату независимости, и это подчиненное положеніе настолько вошло въ при-

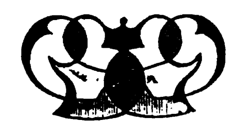
вычку, что когда по сверженіи татарскаго ига власть окончательно перешла къ Москвѣ, то измѣнить этотъ порядокъ вещей было уже невозможно. Указы смѣнили ярлыки; ими требовалось отъ духовенства такого же подчиненія».

«Въ то же время разрывъ съ Константинополемъ лишилъ церковь, подчиненную такимъ образомъ свѣтской власти, той внѣшней поддержки, которая (въ лицѣ папы) составляла силу католицизма и была для него самой надежной гарантіей противъ утѣсненія свѣтской власти.

«Съ конца XVI вѣка право раздавать духовенству мѣста и приходы фактически стало зависѣть отъ воли государя, а еще раньше, въ исходѣ XV вѣка, князь, какъ высшій покровитель православія, сталъ созывать соборы, на коихъ одновременно съ вопросами, касавшимися церкви, обсуждались государственныя дѣла. Съ другой стороны, высшіе духовные сановники часто приглашались къ участію въ совѣщаніяхъ «государевой думы»; такимъ образомъ интересы свѣтской и духовной власти мало-помалу смѣшивались; отсюда до полнаго подчиненія главѣ государства оставался только одинъ шагъ. Для возстановленія своего первенствующаго значенія духовенству не хватило умственной силы и нравственнаго достоинства. «Божественная искра, одушевлявшая первыхъ іерарховъ, померкла подъ пепломъ Византіи», говоритъ Валишевскій.

«При Іоаннѣ III духовенство еще пыталось отстаивать свою власть, и когда между великимъ княземъ и митрополитомъ возникали споры изъ-за вопросовъ вѣры или обряда, то митрополитъ покидалъ свой престолъ, не освящалъ вновь построенныхъ церквей и вынуждалъ этимъ князя «бить ему челомъ», но по мѣрѣ увеличенія великокняжеской власти, недостаточно было для поддержанія своего значенія одного сознанія оскорбленнаго достоинства и, послѣ того какъ митрополитъ Филиппъ запечатлѣлъ кровью свою приверженность къ прошлому и свое противодѣйствіе произволу Іоанна IV, его примѣръ не встрѣтилъ болѣе подражателей, и церковь, вмѣстѣ со всей страною, погрузилась въ мракъ и безмолвіе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

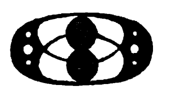


Письмо императрицы Екатерины II — графу И. П. Салтыкову.

8-го октября 1795.

Графъ Иванъ Петровичъ! Письмо ваше, которымъ вы отказываетесь принять на себя попеченіе о дѣлахъ графа Чернышева, я получила. Причины, по которымъ я на васъ сіе возложила, были сколько связи родства вашего съ нимъ, столько и обязанность каждаго помогать въ нуждѣ ближнему своему, паче же больному и, такъ сказать, при дверяхъ смерти находящемуся старику; почему и надѣюсь я, что вы, помысливъ, въ какомъ жалкомъ состояніи онъ находится, преодолѣете представляемыя вами затрудненія и потщитеся исполнить волю мою, принятіемъ въ попеченіе ваше дѣлъ графа Чернышева, такъ чтобы отъ рачительнаго присмотра воспріяли оныя наилучшій видъ, чѣмъ не токмо пріобрѣтете благодарность его къ вамъ и похвалу общую, но и мнѣ тѣмъ удовольствіе сдѣлаете. Впрочемъ, отъ васъ зависѣть будетъ для облегченія трудовъ вашихъ избрать по вашему благоразсмотрѣнію надежнаго человѣка, одного или нѣсколькихъ, которые и могутъ подъ руководствомъ вашимъ производить въ дѣйство тѣ способы, какіе вы къ поправленію состоянія графа Чернышева за благо принять признаете. Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонная.

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**



Противъ Пугачева.

(Изъ записокъ современника).

Во время пугачевщины, среди борцовъ противъ мятежниковъ между прочимъ, обратилъ на себя вниманіе защитникъ города Кунгура, отставной секундъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Папавъ. Главнокомандующій А. И. Бибиковъ, донося императрицѣ объ его дѣйствіяхъ, писалъ:

«Сей маіоръ есть первый изъ всѣхъ, понынѣ мнѣ извѣстныхъ, гарнизонныхъ офицеровъ, который должность свою дѣлаетъ, какъ вѣрному вашему императорскому величеству подданному и расторопному офицеру надлежитъ».

Свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Папава въ пугачевщину мы находимъ у Анучина, въ его монографіи «Дѣйствія Бибикова въ пугачевщину» («Русскій Вѣстникъ» 1872 г., т. XCIX), въ «Пермскомъ Сборникѣ» (1859 г., кн. II, 1860 г., кн. II), въ капитальномъ трудѣ академика Н. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники» и нѣкот. др. Но личность Папава является не вполнѣ выясненной.

Анучинъ говоритъ: «Во всѣхъ видѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ, какъ, напримѣръ, донесеніяхъ генералъ-аншефа Бибикова и Кунгурскаго магистрата, штабъ-офицеръ этотъ называется не Поповъ, а Папавъ, при чемъ надо замѣтить, что въ тѣхъ же бумагахъ говорится о его подчиненномъ, горномъ капитанѣ Поповѣ, а слѣдовательно, нельзя допустить орѳографической ошибки. Къ сожалѣнію, въ архивѣ главнаго штаба военнаго министерства невозможно было найти о немъ никакихъ свѣдѣній... Въ документахъ, напечатанныхъ въ «Пермскомъ Сборникѣ», фамилія его вездѣ пишется тоже Папавъ; этого придерживаемся и мы. Желательно было бы, чтобъ это недоразумѣніе разъяснилось».

Намъ удалось найти въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ интересныя записки Папава. Вездѣ въ нихъ онъ подписывается «Папазъ», а не Поповъ.

По словамъ Папава, начало службы его было въ полевыхъ полкахъ—съ 1753 года капраломъ; съ 1755 года сержантомъ и подпоручикомъ; въ 1759 году онъ былъ назначенъ къ генералъ-лейтенанту, князю Любомирскому младшимъ адъютантомъ; въ 1762 году полковымъ адъютантомъ; въ 1767 году произведенъ въ поручики; въ 1770 году въ капитаны; въ 1773 году въ секундъ-маіоры.

«Въ походахъ былъ,—пишетъ Папавъ,—во всю съ Пруссіей войну и на баталіяхъ подъ Гегерсдорфомъ, при осадѣ города Кистрина въ шанцахъ и подъ Цорндорфомъ, подъ Палцихомъ и Франкфортомъ, потомъ въ подкрѣпленіи генералъ-маіора графа Тотлебена, а въ 1761 году въ корпусѣ графа Захара Григорьевича Чернышева, обще съ австрійскимъ корпусомъ генералъ-фельдмаршала-лейтенанта барона Лаудона, при взятіи города Швейдница; въ 1762 году, по восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти императора и самодержца Петра Третьяго, при томъ же, графа Чернышева, корпусѣ, въ полку шефа генералъ-маіора Бенкендорфа будучи полковымъ адъютантомъ, подъ предводительствомъ его величества короля прусскаго противъ австрійской арміи; въ 1768 и 1769 годахъ въ Польшѣ противу конфедератовъ, гдѣ я посыланъ былъ изъ Вильны, во-первыхъ, во стѣ человѣкъ казаковъ, въ мѣстечко Россенъ, близъ прусской границы состоящее, на сеймикъ, къ предложенію пунктовъ, присланныхъ изъ Варшавы отъ полномочнаго посла князя Николая Васильевича Рѣпнина, а оттуда, по возвратѣ, на таковой же сеймикъ съ ротою и пушкою, въ мѣстечко Ошмяны; потомъ, подъ командою генералъ-маіора Ивана Михайловича Измайлова, въ преслѣдованіи скопившихся конфедератовъ, при маршалѣ князѣ Радзивиллѣ, въ мѣстечкѣ Несвижѣ, гдѣ они и разсѣяны. По возвращеніи въ Вильну, опредѣленъ я былъ къ содержанію польскаго бискупа, титулующагося кіевскимъ и каноникомъ краковскимъ, графа Залускаго, котораго содержавъ, отвезъ въ Смоленскъ къ генералъ-маіору Чарторыйскому. Въ 1769 г. въ турецкой войнѣ, при блокадѣ города Хотина, былъ у генералъ-маіора князя Петра Сергѣевича Долгорукова за дежуръ-маіора, который тутъ тяжело раненъ и отъ той раны въ восьмой день, почти на рукахъ у меня, скончался, съ завѣщаніемъ похоронить его въ Кіевѣ, куда, по повелѣнію покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына, тѣло перваго мною отвезено и похоронено. А изъ Кіева генералъ-поручикомъ Сиверсомъ поручены мнѣ были два офицера съ экстраординарною суммою, въ полумилліонѣ золотомъ и серебромъ состоящею, при двусотной солдатъ командѣ,—которые и пре-

провождены до мѣстечка Полоннаго къ генералъ-маіору Баннеру, а команда отведена мною въ армію. Въ 1770 и 1771 годахъ, въ Молдавіи и Волохіи, гдѣ откомандированъ былъ по ордеру генералъ-маіора Александра Васильевича Римскаго-Корсакова съ деташаментомъ, въ трехстахъ нижнихъ чиновъ и ста человѣкъ казаковъ, къ сторонѣ Трансильванской границы, для кордона. Оттуда, по возвращеніи съ тѣмъ деташаментомъ къ арміи, былъ въ 1772 и 1773 годахъ, надъ Дунаемъ, противъ Силистріи и въ томъ же году, отъ жестокой лихорадки, по приключившейся въ животѣ великой опухоли, уволенъ въ казанскіе баталіоны секундъ-маіоромъ, съ намѣреніемъ по выздоровленіи по-прежнему явиться къ арміи. По прибытіи жъ въ Казань, командированъ былъ, чрезъ два мѣсяца, въ Пермскую провинцію для приводу въ Казань рекрутъ, которыхъ принявъ семьсотъ человѣкъ и отошедъ съ ними отъ города Кунгура девяносто верстъ, увѣдомился, по открывшемуся тогда возмущенію, что злодѣйскія толпы къ тому городу приближаются,—то, оправдая мою отставку и ревнуя по службѣ, что воеводы товарища и прокурора на то время въ городѣ не было, отправилъ въ Казань съ офицеромъ триста человѣкъ, а съ достальными, при двѣнадцати человѣкахъ старыхъ солдатъ, по-прежнему въ Кунгуръ возвратился и, собравъ купцовъ съ оружіемъ, какое у кого нашлось, злодѣйскую, подъ городъ подошедшую, толпу, разбивъ, отогналъ; а потомъ еще скопившіяся въ разныхъ мѣстахъ толпы разбивалъ».

Кунгуръ былъ главный городъ Пермской провинціи. Взятіе его пугачевцами несомнѣнно имѣло бы огромное значеніе для края: тогда былъ бы открытъ путь Пугачеву къ Екатеринбургу и далѣе въ Сибирь.

Власти Кунгура не отличались мужествомъ. Воевода Миллеръ бросилъ городъ на произволъ судьбы при первыхъ же извѣстіяхъ о появленіи за Камой пугачевцевъ; присутствующіе и секретари Пермской провинціальной канцеляріи, «оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣвшуюся въ присутственныхъ мѣстахъ денежную многотысячную казну, а при томъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому, ниже и остающемуся тогда одному здѣшнему магистрату, знать невѣдомо куда изъ Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали» («Пермск. Сборн.» 1860 г., кн. II, отд. I, стр. 10).

Въ это трудное для Кунгура время явился Папавъ. Не легко ему было справиться съ своей задачей. Приводимъ выдержки изъ его записокъ [1]).

---

[1]) Во многихъ мѣстахъ записки переполнены описаніемъ подробностей построенія войскъ, не имѣющихъ значенія и потому исключенныхъ, какъ затемняющихъ картину общихъ дѣйствій автора противъ Пугачева. Ред.

«Бывшимъ тогда въ командѣ моей рекрутамъ,—пишетъ Папавъ,—нужно было вперить о самозванцѣ, — гдѣ ласкою, а индѣ строгостію обуздать самовольство, пріобучить въ сраженіяхъ къ безстрашію никогда не бывалыхъ въ томъ людей... Старался я выучить рекрутъ по короткому времени первымъ правиламъ экзерциціи ружьями, присланными ко мнѣ до того отъ покойнаго генерала Бибикова».

На заводахъ были отысканы четыре чугунныя трехъ-фунтовыя пушки; къ нимъ «сдѣланы по чертежу съ оковкою желѣзною лафеты, къ нимъ ящики съ подлежащими въ картузахъ ядрами и картечами, фитили и свѣчи подѣланы, и лафеты и ящики выкрашены, и люди къ пушкамъ обучены»...

Кромѣ рекрутъ, къ отряду Папава присоединились нѣкоторые кунгурскіе купцы, мѣщане, заводскіе служители и сельскіе обыватели «съ оружіемъ, у кого какое было».

«Преслѣдуя бунтовщиковъ,—заявляетъ Папавъ—зимою, будучи самъ то на дровняхъ, то на лыжахъ, а лѣтомъ безъ палатокъ на открытомъ воздухѣ..., Бога милостію и щедротами предохраняемъ былъ отъ сонмищъ атамана и отъ предательства въ руки ихъ моими новобранцами, коимъ я холодомъ и голодомъ наскучилъ, и удерживалъ ихъ отъ насилія и грабительствъ, которыя мятежники дѣлали, гдѣ только врывались, не спуская и самимъ храмамъ. Не приписываю самоугодію о удачныхъ моихъ побѣдахъ надъ бунтовщиками съ малою горстью у меня людей неопытныхъ въ военной службѣ, а всѣ подвиги мои отношу въ славу и честь единому Богу, Котораго руководствомъ повсюду имѣлъ верхъ».

Въ запискахъ Папава мы находимъ подробное описаніе сраженія, бывшаго 11-іюля 1774 года.

«Извѣстился я,—пишетъ Папавъ, — чрезъ посланнаго мною изъ Кунгура въ разъѣздъ офицера къ сторонѣ Красноуфимской крѣпости, что съ толпою идетъ самъ Пугачевъ и неподалеку отъ Красноуфимска, а отъ Кунгура въ семидесяти пяти верстахъ, расположился въ полѣ.

«Дабы онъ больше не усиливался стеченіемъ къ нему отвсюду всякой сволочи, осмотря все, что въ походъ взять было нужно, я 9-го числа іюня изъ Кунгура съ деташаментомъ, въ восьмистахъ человѣкъ состоящимъ, съ четырьмя пушками, выступилъ, отрядя впередъ разъѣзды по дорогѣ и по сторонамъ, съ приказаніемъ, чтобъ они отъ деташамента далѣе десяти верстъ не отъѣзжали, а доѣхавъ до назначеннаго отъ меня мѣста, гдѣ быть лагерю, остановились бы. Такимъ образомъ дошедъ до мѣста, переночевалъ; на другой день, сдѣлавъ маршъ, сталъ отъ Пугачева разстояніемъ только уже въ восьми верстахъ.

«Хотя и вся предосторожность сдѣлана мною была отъ могущаго быть внезапнаго Пугачевымъ нападенія постановленіемъ деташамента

баталіономъ каре, но какъ междуусобная брань весьма опаснѣе внѣшней обыкновенной войны, а при томъ и одно извѣстное имя, принятое на себя Пугачевымъ, занимало больше мѣста въ сердцахъ черни, обольщенной выгодами,—принужденъ я былъ ежечасно всѣхъ нижнихъ чиновъ, особливо рекрутъ увѣщевать, чтобъ они, какъ присягали предъ Богомъ съ клятвою государынѣ вѣрно служить, сражаясь до сего двѣнадцать разъ съ бунтовщиками, у коихъ пушки были, но всѣ нами отбиты, постояли и нынѣ въ послѣдній разъ, а я обѣщаю, что его разбить намъ Богъ пособитъ, только лишь бы слушались меня и наблюдали порядокъ въ оборотахъ, а отъ толпы крику немало бъ не опасались, ибо у бунтовщиковъ одни только ружья и стрѣлы, а у насъ есть исправныя четыре пушки и на каждаго по сороку патроновъ на рукахъ, да по стольку жъ въ ящикахъ. Притомъ же я вѣрно слышалъ, что Пугачевъ всѣхъ, которые ему сдаются, а равно и тѣхъ, кои обманомъ его къ нему изъ команды бѣгутъ, отдаетъ, по любви своей къ яицкимъ казакамъ, въ холопи для поселенія по Яику, а оттуда казаки за малую вину продаютъ киргизцамъ.

— Гдѣ вамъ лучше служить: казакамъ, или государынѣ и быть добрыми людьми? Васъ же по сіе время за вѣрность и храбрость вездѣ хвалятъ, и государыня пожаловала вамъ по рублю сверхъ жалованья, которое вы зачали получать наравнѣ уже съ полевыми солдатами. А что вы ходите еще въ зипунахъ и носите въ сумкахъ сухари, потерпите только до зимы: пришлются и сукна на мундиры, и сумы патронныя и для ношенія провіанта; тожъ сапоги, чулки и рубахи. По первому жъ зимнему пути отпущу я васъ къ отцамъ и къ роднѣ погулять...

«Переночевавши тутъ, я на разсвѣтѣ выступилъ впередъ четырьмя колоннами, а отошедъ версты съ четыре, получилъ извѣстіе отъ посланныхъ впередъ разъѣздовъ, идущихъ предъ деташаментомъ въ двухъ верстахъ, что они видѣли въ полуверстѣ предъ собой стоящіе въ одну линію, въ пяти мѣстахъ, бунтовщичьи бекеты, человѣкъ по сту, а самой толпы сквозь ихъ не разглядѣли; почему и приказалъ я шагу прибавить. Подходя же къ тому мѣсту, бекеты тѣ вдругъ разсыпались и, отскакивая за мои фланги, какъ бы рекогнисировали о количествѣ и шествіи моихъ силъ; я жъ не останавливаясь шелъ все впередъ и, прошедъ нѣсколько разстоянія за мѣста тѣхъ бекетовъ, увидѣлъ толпу, стоящую линіею къ принятію меня уже въ готовности.

«Мѣстоположеніе было обширное и ровное, засѣянное хлѣбомъ; почему я, остановясь, построилъ фронтъ, и чтобъ дать оному больше дистанціи, то пѣхоту въ двѣ шеренги, а конницу раздѣлилъ по флангамъ,— но и тутъ едва-ль четвертую долю занялъ дистанціи противъ линіи ополченія сволочи, которой было слишкомъ четыре тысячи. Но дѣло

пришло неминуемое. Приказавъ, чтобъ наблюдали прямизну и порядокъ, не разрываясь, ударивъ въ барабанъ походъ, пошелъ прямо противъ средины и, дошедъ въ такую дистанцію, что пушки могли доставать, велѣлъ идучи стрѣлять, чтобъ тѣмъ толпу привесть нѣсколько въ конфузію, что и въ самомъ дѣлѣ примѣчена была въ ней съ мѣста на мѣсто перебѣжка и замѣшательство. Но средина не столько колебалась до тѣхъ поръ, какъ, приближась на ружейный выстрѣлъ, приказалъ я изъ пѣхоты передней шеренгѣ сдѣлать залпъ, отъ котораго, при безпрерывной пальбѣ изъ пушекъ, видъ повалившихся нѣсколькихъ всадниковъ и бѣгающихъ лошадей привелъ всю толпу въ разстройку; а какъ сдѣланъ еще таковой же залпъ второй шеренгою, то сволочь, не ожидая третичнаго, стремглавъ обратилась въ бѣгство. Я же, подаваясь впередъ, прошедъ уже и становище ихъ, думалъ, что тѣмъ все дѣло и кончится и толпа вдаль побѣжитъ; но вышло мнѣнію моему противное.

«Пугачевъ сдѣлалъ умышленно ретираду, дабы тѣмъ подать конницѣ моей къ смѣлости поводъ отдѣленіемъ ея отъ пѣхоты для преслѣдованія его, которая легко бъ могла быть разбита; но, видя, что оная нимало отъ пѣхоты не отдѣляется, Пугачевъ, отбѣжавъ съ версту, остановился; потомъ чрезъ четверть часа, раздѣлясь на двѣ части, поскакалъ мимо обоихъ моихъ фланговъ, а проскакавъ за оные съ полверсты, сомкнулся и сдѣлалъ фронтъ, подобный первому, чтобъ напасть на деташаментъ съ тылу.

«Противъ такого неожидаемаго мною отъ толпы плана, нужно мнѣ было показать ей лицо деташамента сдѣланіемъ фронта направо кругомъ; а учиня сіе, пошелъ я толпѣ навстрѣчу и, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, сдѣлалъ два залпа; потомъ началъ батальной огонь.

«Толпа, съ превеликимъ крикомъ наскакивая, то отбѣгая, наконецъ покусилась съ фланговъ напасть на конницу. Находясь въ опасности, если толпа сдѣлаетъ сильный ударъ во фланги конницы, которая никакъ не можетъ устоять», Папавъ отправилъ по 40 человѣкъ пѣхоты на фланги кавалеріи и ружейнымъ огнемъ ихъ отбилъ нападеніе пугачевцевъ. Они обскакали отрядъ Папава и появились въ тылу. Будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, Папавъ построилъ каре.

«Толпа облилжалась со всѣхъ сторонъ, стрѣляла изъ ружей и стрѣлъ. Пугачевъ же поощрялъ сволочь ворваться въ который-нибудь фасъ, но всегда отбиваемы были. Уральскіе и красноуфимскіе казаки съ башкирцами, многіе въ кольчугахъ, всѣхъ ближе подскакивали къ фронту и кричали моей командѣ:

— Выдайте намъ только подполковника съ офицерами, а васъ всѣхъ батюшка прощаетъ и пожалуетъ деньгами и отъ податей сдѣлаетъ свободными.

«Одна злая минута только на то потребна была схватить и выдать меня. Будучи между страхомъ и надеждою на Бога, избралъ я послѣднее тогда средство: въ случаѣ отъ подчиненныхъ мнѣ насилія, лишить себя жизни изъ пистолета... А межъ тѣмъ, поручая себя Богу, приказывалъ стрѣлять, не робѣя и не слушая измѣнниковъ обмана, и бить больше въ барабаны, чтобъ тѣмъ заглушить голоса казаковъ, доходимые до ушей рекрутовъ и прочихъ.

«Будучи въ таковой блокадѣ около трехъ часовъ и не видя ослабы и конца, и чтобы не пришли подчиненные въ усталость и робость, разсудилъ пробиваться по дорогѣ къ Кунгуру; почему и приказалъ сдѣлать отбой, и потомъ, ударивъ въ фасѣ (каре), къ сторонѣ Кунгура стоящемъ, походъ, пошелъ прямо на бунтовщиковъ, которые, раздавшись, дали дорогу. Но толпа, наскакивая на прочіе три фаса, покушалась всячески ворваться. Симъ порядкомъ идучи версты съ четыре и приблизившись по счастію къ рѣчкѣ, на которой была мельница съ довольно широкимъ прудомъ, разсудилъ тутъ, по тогдашнему жаркому дню, дать людямъ нѣсколько времени для отдохновенія.

«Пугачевъ, не имѣя удачи, потерявъ у себя отъ стрѣльбы картечной и изъ ружей по крайней мѣрѣ до двухсотъ человѣкъ, какъ видно было по лошадямъ, выбѣгающимъ изъ толпы въ поле безъ всадниковъ, кромѣ раненыхъ людей, коихъ должно быть еще и больше и которыхъ, равно и убитыхъ, увозили арканами,—не тревожа болѣе, потянулся впередъ къ сторонѣ Кунгура; и отошедъ отъ деташамента версты съ три, сталъ линіею поперекъ дороги, лежащей къ Кунгуру, загородя мнѣ путь и, можетъ быть, думая, что я останусь ночевать, велѣлъ онъ не только всѣмъ слѣзть съ лошадей, изъ коихъ много пущено на траву, но даже и каши стали варить и бить животину, нахватанную въ стадахъ.

«Таковое самозванца на себя надѣяніе по приверженности къ нему глупой черни, позволившаго ей всякія насильства и грабительства, дѣлало его о моемъ деташаментѣ пренебрегающимъ. Да и самъ я зналъ, что мнѣ не только не было способа ниоткуда себя усилить, но, находясь внутри полнаго возмущенія, и на существующихъ у меня въ деташаментѣ,—изъ коихъ у многихъ отцы и родственники въ жительствахъ ихъ заражены съ прочими бунтомъ, а изъ крестьянъ взятые мною въ Казани почасту дезертируютъ и перемѣтываются въ толпы,—не совсѣмъ полагался. Воображая всѣ сіи обстоятельства, представляющіяся мнѣ въ ужасномъ видѣ, что по причинѣ дисциплины легко можетъ вкрасться заговоръ къ бунту и злой на меня умыселъ, принужденъ былъ многія до того не спать ночи для развѣдыванія. Притомъ озабочивалъ меня городъ Кунгуръ, ввѣренный моему храненію, въ коемъ до двухсотъ тысячъ рублей государственной лежало суммы, и что

воевода и весь городъ не можетъ быть несвѣдомъ уже, что я имѣлъ съ Пугачёвымъ дѣло; и, будучи отрѣзанъ имъ отъ города и не получая отъ меня воевода извѣстія, въ какомъ я нахожусь положеніи, можетъ быть почтетъ и совсѣмъ деташаментъ мой погибшимъ, и какъ бы близъ лежащія къ городу селенія, а въ городѣ низкаго состоянія обыватели не взбунтовались и не истребили чиновниковъ для расхищенія государственной казны и достаточныхъ гражданъ имѣнія. Рѣшился, по отдохновеніи, того жъ дня еще въ толпу ударить, а чтобъ поспѣшнѣе и врасплохъ на нее наступить и тѣмъ привести больше ее въ конфузію, приказалъ подъ пушки и ящики заложить лошадей. А какъ все оное распоряжено было, то сдѣлалъ всѣмъ вкороткѣ увѣщаніе со обнадеживаніемъ о побѣдѣ.

— Побѣжимте, ребята, поскорѣе, увидите, какъ намъ Богъ поможетъ бунтовщиковъ разбить и отнять у нихъ котлы и весь харчъ.

«Затѣмъ пустился деташаментъ не шагами уже, а бѣгомъ съ наблюденіемъ при томъ порядка во фронтѣ, и меньше четверти часа прибѣжалъ на становище толпы лѣваго фланга, который, бросивъ котлы съ кашею, метался въ безпорядкѣ на лошадей, а иные, не поймавъ ихъ, къ правому флангу толпы пѣшкомъ бѣжали. Почему, заступя ихъ пѣхотою мѣсто и зашедъ поворотомъ во флангъ толпы, приказалъ изъ подъ пушекъ лошадей отложить и разъ по десяти вдоль фронта толпы выстрѣлить, что̀ и отвѣчало моему чаянію, а справедливѣе оказать, Богъ мнѣ былъ поборникомъ... Толпа, по нечаянію скораго на нее нападенія, въ такое пришла замѣшательство, что, смѣшавшись въ кучу, покидала свои съ котлами каши, множество повозокъ съ хлѣбомъ и лошадей.

«Но чтобъ не дать ей исправиться, то приказано по-прежнему заложить подъ пушки лошадей и также бѣгомъ наступать на толпу, которая, пришедъ пуще въ недоумѣніе и разстройку и не нажидая еще на себя удара, стремглавъ съ своимъ Мазепою побѣжала и, будучи такою скоростію преслѣдуема безъ остановки верстъ съ шесть, скрылась напослѣдокъ изъ виду деташамента, который тутъ за позднимъ временемъ остановился ночевать.

«Возблагодаривъ о семъ Бога, послалъ я въ то жъ время десять человѣкъ мѣщанъ на перемѣнныхъ по жительствамъ лошадяхъ къ воеводѣ съ извѣстіемъ, что Пугачевъ разбитъ, и чтобъ какъ въ городѣ, такъ и въ окольныхъ жительствахъ немедленно публиковано было.

«А по слѣдамъ толпы посланныя изъ деташамента партіи, возвратясь по утру, объявили, что Пугачевъ, съ двадцать верстъ отбѣжавъ, разсыпался по жительствамъ. Однакожъ я, толкуя его скрытіе въ противную сторону, что онъ, удалясь изъ виду, хочетъ привести меня въ безпечность, дабы тѣмъ удобнѣе врасплохъ на меня напасть, въ раз-

сужденіи его толпы, изъ конницы состоящей, которая чрезъ одну ночь верстъ пятьдесятъ и болѣе перескакать можетъ,—за нужное счелъ употребить бдительность. Сколько во ожиданіи на себя, больше жъ на провинціальный городъ, отстоящій отъ моего стана еще въ шестидесяти верстахъ, какъ-бы самозванецъ, вѣдая предъ нимъ моихъ силъ не столь легкое движеніе, не предприялъ, выпередя меня, броситься на Кунгуръ, принужденъ, не теряя нимало времени, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ городу, пославъ еще конныхъ о томъ для свѣдѣнія къ воеводѣ; и на другой день прибывъ какъ для обезпеченія онаго, такъ и ради снабденія деташамента сухарями и порохомъ, и потомъ паки идти къ поиску Пугачева, который и самъ не спалъ и помчался, разстояніемъ отъ Кунгура въ восьмидесяти верстахъ, къ сторонѣ Камы съ намѣреніемъ, какъ послѣ на самомъ дѣлѣ оказалось, переправиться черезъ ту рѣку.

«И хотя я не воображалъ себѣ, чтобъ могъ онъ наклониться къ пригородку Осѣ, въ коемъ стоялъ маіоръ Скрипицынъ съ сильнѣйшею противъ моей командою и семнадцатью пушками, однакожъ послалъ къ нему сообщеніе съ нарочными о семъ, чтобъ онъ имѣлъ взглядъ на дороги, идущія къ Осѣ между Кунгура и Красноуфимска, и взялъ бы должную предосторожность, и что и я въ помощь къ нему поспѣшать не премину. Буде жъ онъ, Скрипицынъ, противустать силамъ самозванца увидитъ себя не въ состояніи, а меня задержатъ прибытіемъ къ нему непредвидимыя обстоятельства опасностію Кунгура, то совѣтовалъ ему ретироваться къ соединенію со мною, и что я, по первому отъ него о семъ извѣстію, оставя третью часть изъ деташамента въ случаѣ надобности въ Кунгурѣ, съ достальными поспѣшу къ нему навстрѣчу, и по соединеніи можемъ ударить общими на самозванца силами, а тѣмъ самымъ, отрѣзавъ его отъ Камы, преградимъ совсѣмъ путь его за нее перебраться и вгонимъ его по-прежнему въ Башкирь, гдѣ могутъ встрѣтить его деташаменты, по слѣдамъ его идущіе.

«Но сей офицеръ, или по надеждѣ на себя, или не хотѣлъ моему послѣдовать совѣту и быть на нѣсколько времени въ моемъ распоряженіи, не будучи мнѣ подчиненъ, ничего не исполнилъ.

«Я жъ, взявъ сухарей и снабдясь картузами и патронами, выступилъ изъ Кунгура къ сторонѣ Осы; а не имѣвъ еще подлиннаго извѣстія о наклоненіи Пугачева, отошедъ, остановился въ тридцати верстахъ, дабы всегда взглядъ имѣть на Кунгуръ, чтобъ отдаленіемъ моимъ отъ него не подпалъ оной опасности. Наконецъ, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ станъ свой имѣетъ въ восьмидесяти верстахъ отъ Осы, которая отъ Кунгура во ста двадцати, а отъ моего мѣста въ девяносто верстахъ; слѣдовательно, маіору Скрипицыну о состояніи самозванца не можно быть уже несвѣдому. И хотя

промежутокъ въ разстояніи межъ Кунгура и Осы былъ немалый, однако жъ, держась моего къ Скрипицину посланнаго сообщенія, тронулся я съ мѣста къ нему для поданія помощи, выискивая ближнія дороги, по коимъ, прошедъ верстъ съ десять, не могъ далѣе, за узкостію и за заваленіемъ обывателями поперекъ дороги большими деревьями, идти, а принужденъ былъ искать другой дороги по полямъ.

«И, сдѣлавъ на пути два ночлега, на третій день, не доходя до Осы верстъ за двадцать за пять, прибѣжало ко мнѣ четыре человѣка съ ружьями солдатъ, объявляя, что Пугачевъ къ Осѣ приступилъ, а они, стоя на отводномъ бекетѣ въ лѣсу, толпою будучи невидимы и не могши, яко-бы, пройдти въ команду, пошли вчерашній день по окольной дорогѣ къ Кунгуру.

«Я, прошедъ еще нѣсколько впередъ, у рѣчки остановился для поправленія худаго моста и отдохновенія людямъ, чтобъ потомъ поспѣшнѣе слѣдовать, командировавъ напередъ офицера, въ тридцати человѣкахъ изъ мѣщанъ конныхъ, съ приказаніемъ, чтобъ онъ ѣхалъ поспѣшнѣе къ Осѣ и высмотрѣлъ: точно-ль пришелъ Пугачевъ и что у него съ Скрипицинымъ происходитъ.

«Офицеръ тотъ, часа чрезъ три возвращающійся, увиденъ былъ мною саженяхъ въ двухстахъ наскоро ѣдущій. Заключа изъ сего, что надобно тутъ быть чему необычайному, поскакалъ я одинъ къ нему навстрѣчу,—который объявилъ мнѣ, что онъ привезъ вѣсть не радостную: яко-бы маіоръ Скрипицинъ поддался Пугачеву со всею своею командою, о чемъ привезенные имъ, офицеромъ, три человѣка осинскіе обыватели обстоятельнѣе пересказать могутъ,—кои на спрашиваніе мое то самое подтвердили. Не довѣряя сему, сверхъ чаянія моего, слуху, спрашивалъ ихъ порознь съ угрозами, ежели они подосланы отъ Пугачева тѣмъ меня устрашить, то я ихъ, какъ измѣнниковъ, тутъ же повѣшу. Но они въ томъ же стояли съ приполненіемъ, что Скрипицинъ со всею командою учинилъ присягу и ходилъ съ офицерами при шпагахъ на свободѣ, равно и всѣ солдаты и заводскіе въ командѣ его служители безъ всякаго караула, омѣшавшись съ толпою; а они трое, сговорясь, прошли между строенія въ кусты и, ими пробравшись, увидѣли въ полѣ ходящихъ лошадей, коихъ изловя, на нихъ уѣхали, съ намѣреніемъ искать меня, какъ-де слышно было Скрипицину и въ толпѣ, что я иду къ Осѣ. Находясь между правдою и ложью, разсудилъ я ту посыланную команду обще съ тѣми выбѣгшими обывателями, исключая офицера, не соединять съ деташаментомъ до времени, дабы такими вѣстями не заразились и мои подчиненные.

«О поступкѣ жъ таковомъ Скрипицина казалось мнѣ все еще невѣроятно и съ здравымъ разсудкомъ несходно, потому что какъ могъ онъ сдѣлаться столь легковѣрнымъ, что волею поддалъ себя самозванцу;

посему должно думать, что и офицеровъ и всю команду къ тому онъ же, Скрипицынъ, своими увѣщаніями склонилъ и, признавъ послѣдователя Отрепьева за истиннаго, въ томъ присягою подтвердилъ къ вѣчному поношенію своего имени... Таковое сверхъ всякаго чаянія его Скрипицына, предательство остановило меня на мѣстѣ въ разсужденіи, что мнѣ отъ Пугачева, получившаго новыя силы съ толикимъ числомъ пушекъ, неминуемо должно быть атаковану, или, миновавъ меня, бросится онъ другою дорогою на Кунгуръ.

«Но межъ тѣмъ, чтобы узнать еще вѣрнѣе о вѣстяхъ тѣхъ и сколько можно о предпріятіяхъ самозванца, посланы того жъ часа двѣ партіи: одна при офицерѣ къ Осѣ, чтобъ онъ, подъѣхавъ въ темнотѣ, если можетъ миновать опасности, къ форштадту, схватилъ изъ первой избы обывателя и съ нимъ возвратился; другой же партіи приказано ѣхать отъ деташамента прямо въ лѣвую сторону поперекъ всѣхъ дорогъ, идущихъ къ Осѣ, держась къ рѣкѣ Тулвѣ, обселяющей ее башкирцами обще съ татарами, развѣдать, нѣтъ-ли межъ ними какого скопища.

«И какъ я чаялъ, что и Скрипицынъ съ офицерами своими при толпѣ будетъ и при присутствіи самозванца не оставитъ показать своего перваго опыта въ храбрости и усердіи, то въ большое приводило безпокойство увидѣніе его, съ солдатами, моими рекрутами и прочими: какъ бы не вышли они изъ моего повиновенія и не предались бы самозванцу.....

«По минованіи съ часъ времени, толпа появилась и, остановясь на пушечномъ выстрѣлѣ, выслала трехъ человѣкъ башкирцевъ и одного русскаго въ кольчугахъ, съ растянутыми на копьяхъ бѣлыми платками.

«Подъѣхавъ, русскій кричалъ, чтобъ по нихъ не стрѣлять, что они послы, мирные люди, посланные отъ батюшки къ подполковнику, чтобъ онъ съ офицерами и со всею силою приклонился; за то ему батюшка пожалуетъ Кунгуръ съ казною, офицерамъ деревни, а рекрутъ распуститъ по домамъ; казаковъ же освободитъ ото всѣхъ податей вѣчно, и солдатчины съ крестьянъ никогда не будетъ; а маіору Скрипицыну пожаловалъ батюшка Осу и рыбныя на Камѣ ловли, офицерамъ всякому по мѣдному заводу.

«Выслушавъ сію нелѣпость съ терпѣніемъ, чтобъ послѣ и съ моей стороны имъ о злодѣѣ внушить,—приказалъ, вышедши, одному сержанту, кричать:

— Батюшка, вами называемый, васъ обманываетъ: онъ бунтовщикъ, бѣглый донской казакъ Емелька Пугачевъ. И подполковникъ вамъ приказываетъ, чтобъ вы къ государынѣ пришли съ повинною, а его, плута, Емельку Пугачева, связали и привели къ подполковнику. За то васъ государыня всѣхъ проститъ и пожалуетъ. А ежели вы не послушаетесь, его не приведете и будете заодно съ нимъ, воромъ,

еще бунтовать, то васъ велитъ государыня десятаго вѣшать, а прочихъ кнутьями сѣчь и ссылать на каторгу. Поѣзжайте же и скажите о томъ вашей братіи, сколько васъ всѣхъ у Емельки Пугачева.

«По окончаніи сего они тихимъ образомъ къ толпѣ поѣхали и, какъ бы разсуждая, стояли на мѣстѣ съ четверть часа; потомъ впередъ всѣ тронулись и, приближась на картечный выстрѣлъ, вытянулись вдоль рѣки съ намѣреніемъ сыскать удобное мѣсто къ переправѣ. Числомъ же сей сволочи примѣрно было сотъ до восьми, по большей части изъ иновѣрцевъ, позади коихъ подалѣ разъѣзжало на лошадяхъ человѣкъ двадцать въ полномъ солдатскомъ мундирѣ,—по коимъ я заключалъ что они посланы отъ Пугачева умышленно для доказательства моему деташаменту, что они команды Скрипицына; однакожъ близко не подъѣзжали.

«Сволочь во многіе голоса кричала, чтобъ подполковникъ со всею силой поддался заодно съ маіоромъ Скрипицынымъ, а ежели не хочетъ поддаться, то батюшка велѣлъ его, подполковника, съ офицерами связать и выдать намъ головою; а не выдадите, то батюшка самъ завтра придетъ на васъ съ арміей и съ пушками и побьетъ всѣхъ васъ на голову.

«Выговоривъ сіе, зачали стрѣлять нѣкоторые изъ винтовокъ, а большая часть изъ луковъ; почему приказалъ я сперва изъ двухъ пушекъ картечами и передней шеренгѣ рекрутамъ выстрѣлить, потомъ изъ другихъ двухъ и второй шеренгѣ, отчего столь затуманились и стремглавъ обратились въ бѣгъ, что и сотоварищей своихъ, оставшихся на мѣстѣ, побоялись забрать. Вслѣдъ ихъ заряженныя ту жъ минуту пушки ядрами одна за другой выстрѣлили, отчего вся та сволочь провалилась изъ виду и больше уже не показывалась....

«Къ вечеру жъ прибѣжали изъ осинскихъ обывателей два человѣка со объявленіемъ, что Пугачевъ перебрался чрезъ Каму въ полдень съ маіоромъ Скрипицынымъ и его командою, а къ вечеру-де и достальные изъ толпы всѣ переѣдутъ.

«Сіе объявленіе казалось мнѣ на правду никакъ непохожимъ въ разсужденіи разъѣздовъ, отъ толпы видѣнныхъ офицеромъ и старшиною; почему тѣ выбѣгшіе и закованы въ желѣзо съ устращиваніемъ: ежели они пришли для высмотрѣнія моихъ силъ, то живые отъ меня не выйдутъ; однакожъ въ томъ безъ робости утвердились,—почему и приказалъ я изготовить капитану Буткевичу съ пушкою сто человѣкъ рекрутъ и двѣсти конныхъ и на самой утренней зарѣ, посадя рекрутъ на лошадей, велѣлъ ему идти прямо къ Осѣ, имѣя осторожность, наиболѣе съ лѣвой стороны; и если никакой опасности не будетъ, доѣхать до самой Осы и заглянуть въ нее.

«Капитанъ рапортовалъ, что онъ доходилъ до самой Осы, въ которой

ни одного человѣка изъ пугачевской толпы не осталось, а перебрались всѣ за Каму вмѣстѣ съ маіоромъ Скрипицынымъ, поддавшимся со всею своею командою и пушками. И какъ онъ, Буткевичъ, поворотя отъ Осы, взялъ путь другою дорогою въ правую руку и отошелъ верстъ съ семь, то вдругъ повстрѣчалась ему толпа, по большей части изъ иновѣрцевъ, человѣкъ около четырехсотъ. Видя, что пѣшихъ при немъ нѣтъ, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, толпа начала стрѣлять изъ ружей и луковъ; и покуда рекруты спѣшивались, толпа стала охватывать фланги. Но какъ рекруты, по принятіи отъ нихъ лошадей, построясь, сдѣлали по толпѣ той два залпа съ пушками, то толпа, въ ту жъ минуту отскочивши, пустилась въ бѣгство. Онъ же, опасаясь вдаль преслѣдовать, чтобъ не быть заманену въ засаду, повернулъ вкрутѣ влѣво и вышелъ благополучно на прежнюю дорогу, посадя пѣхоту попрежнему на лошадей. Изъ толпы жъ той человѣкъ со сто, возвратясь, ѣхали за нимъ въ виду верстъ съ десять и послѣ отстали.

«Какъ по переходѣ Камы Пугачевымъ стремленіе его неотмѣнно должно быть обращено на заводы къ истребленію ихъ и склоненію заводскихъ служителей въ свою шайку, которую никто не преслѣдуетъ, я жъ переправиться за Каму самъ собою никакъ не смѣлъ, во-первыхъ, что опредѣленъ былъ единственно къ храненію только Пермской провинціи и ея города Кунгура, во-вторыхъ, что повсюднаго повиновенія въ провинціи сей еще не возстановлено. Слѣдовательно, переправою моею чрезъ Каму обнажу провинцію, и Кунгуръ можетъ подпасть гибели; тогда ничѣмъ я не могу быть извиненъ, что по одному своему предразсудку, перемѣня главной команды планъ, вышелъ собою изъ черты, мнѣ предписанной. А чтобъ по крайней мѣрѣ о стремленьи самозванца скорѣе повсюду было извѣстно къ принятію нужныхъ мѣръ, послалъ я того жъ дня къ воеводѣ съ нарочнымъ письменное извѣстіе, чтобъ онъ не мѣшкавши съ нарочными отнесся въ Казань къ генералъ-губернатору Бранту, тожъ и въ Екатеринбургъ къ полковнику Бибикову, у котораго находятся съ деташаментами подполковникъ Жолобовъ и маіоръ Гагринъ,— то не разсудитъ-ли Бибиковъ ихъ обоихъ отрядить за Каму чрезъ Оханное экономическое село къ преслѣдованію самозванца. А буде воевода свѣдомъ, что оные Жолобовъ и Гагринъ находятся отъ Екатеринбурга ближе къ Кунгуру, то бъ особенно и къ нимъ прямо о такомъ важномъ и не терпящемъ время дѣлѣ чрезъ нарочныхъ же сообщилъ.

«Самъ же я на другой день по утру пошелъ къ Осѣ, дабы сдѣлать преграду отъ стороны Уфы башкирцамъ и татарамъ, скопившимся съ намѣреніемъ перебраться за Каму. И, прошедъ подлѣ Осы, склонился внизъ по теченію Камы, чтобъ чрезъ то больше захватить мѣстъ, наполнившихся скопищами башкирцевъ и татаръ.

«Сдѣлавъ поворотъ влѣво къ сторонѣ Кунгура, дабы очистить дорогу
*

отъ бунтовщиковъ, которые, свѣдавъ, что имъ путь при Осѣ къ Камѣ препятъ, атаковали меня въ пятнадцати отъ Осы верстахъ, примѣрно человѣкахъ въ тысячѣ, по большей части изъ иновѣрцевъ; но, по узкости мѣстоположенія, не могли сдѣлать круговой атаки. А тѣмъ самымъ и подало мнѣ лучшій способъ наступить на нихъ всѣмъ фронтомъ и разбить къ сторонѣ Башкиріи. Преслѣдуя верстъ съ десять конницею съ посаженіемъ на лошадей полутораста человѣкъ пѣхоты и съ одною пушкою, при капитанѣ Буткевичѣ отряженною, гдѣ, наконецъ, разсыпались въ разныя стороны изъ виду вонъ; а дабы и совсѣмъ разрушить ихъ къ переходу за Каму предпріятіе, переночевавъ съ деташаментомъ въ полѣ, на другой день дошелъ до первыхъ пустыхъ иновѣрческихъ селеній, по рѣкѣ Тульвѣ лежащихъ,—изъ коихъ въ одномъ, которое было побольше, расположился, отряжая партіи далѣе при офицерахъ, съ которыми хотя по нѣскольку башкирцевъ, выбѣгая изъ лѣсовъ, и встрѣчалось, производя перестрѣлки, но большихъ сшибокъ не было, а напослѣдокъ и ничего не стало слышно.

«Пробывъ же здѣсь недѣли съ три, поворотилъ съ деташаментомъ къ Кунгуру; увѣщевая по дорогѣ собою и посыланными партіями по жительствамъ обывателей ласкою и угрозами къ должному начальству повиновенію, дошелъ до Кунгура, гдѣ нужно было на непредвидимый случай всѣмъ потребнымъ до деташамента запастись; особливо рекруты обносились безъ мундира и обуви, будучи въ сѣрыхъ зипунахъ, въ котахъ и лаптяхъ, находясь безъ палатокъ всегда на открытомъ воздухѣ.

«А чтобъ по стоянію въ Кунгурѣ не выпустить изъ виду сторону, отъ Уфы съ Камою соединяющуюся, дабы и еще и иновѣрцы, частію съ русскими, не вздумали, скопившись, перебраться чрезъ Каму вслѣдъ самозванца, — посылалъ туда частые разъѣзды, которые одинъ по другомъ подтверждали вновь появляющіяся скопища; почему пробывъ въ Кунгурѣ только съ небольшимъ недѣлю, за необходимое счелъ по-прежнему идти къ Осѣ. И, не доходя до нея, расположился съ деташаментомъ въ селѣ Крыловѣ, отряжая при офицерахъ партіи къ поселеніямъ иновѣрцевъ,—которые дотого остервенились, что, оставя домы и хлѣбъ въ полѣ, скрылись съ семьями ихъ въ лѣсахъ; выбѣгая изъ оныхъ человѣкъ по пятьдесятъ, имѣли съ партіями частыя сшибки. Почему и принужденъ я былъ пробыть въ тѣхъ мѣстахъ всю осень и уже возвратился въ Кунгуръ зимнимъ путемъ, когда настала повсюду тишина».

Энергическія дѣйствія Папава не были оцѣнены въ должной степени.

«Командующіе во время того замѣшательства деташаментами,—пишетъ онъ,—имѣя у себя регулярныхъ людей, полковникъ Юрья Бибиковъ, подполковникъ Михельсонъ и въ командѣ его Дуве и субалтернъ-офицеръ

пожалованы деревнями, а подполковнику Милковичу, и деташамента у себя не имѣвшему, а только-что подъ прикрытіемъ доставилъ онъ въ Оренбургъ провіантъ, пожалованы деревни и дипломъ. Я жъ, переходя съ своимъ деташаментомъ отъ одного генерала къ другому, въ докладъ съ тѣми получившими деревни, по несчастію моему, не внесенъ, а чрезъ то таковой высочайшей милости получить не удостоился, и хотя покойный генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, письмомъ своимъ похваляя усердіе мое къ службѣ и защищеніе отъ злодѣевъ города Кунгура съ двухсоттысячною въ немъ казною, увѣрялъ меня, что я, конечно, въ сравненіи съ тѣми получившими деревни, безъ награды оставленъ не буду, какъ скоро онъ, генералъ, предстанетъ предъ лицо монаршее и всеподданнѣйше донесетъ особенно о моихъ подвигахъ, но, видно, какія-нибудь обстоятельства представить обо мнѣ, къ несчастію моему, ему, генералу Панину, воспрепятствовали, и я чрезъ то не могъ получить чаемой мною высочайшей милости».

Папавъ не могъ примириться съ невниманіемъ къ нему властей.

Въ 1777 году онъ обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, при чемъ, описывая свои заслуги, заявлялъ, что ему пришлось перенести гораздо болѣе трудовъ, чѣмъ начальникамъ регулярныхъ войскъ: «у него, Папава, были рекруты, при коихъ солдатъ только до 40 человѣкъ, конницу составляли обыватели»... Кромѣ того онъ «оставленный свой въ Казани экипажъ, въ коемъ все его имѣніе состояло, во время нашествія на Казань утратилъ». Папавъ просилъ императрицу, «чтобъ его, въ сравненіе съ помянутыми получившими высочайшую милость, пожаловать полковникомъ».

Сенатъ, представляя ходатайство Папава на усмотрѣніе императрицы, съ своей стороны сообщалъ, что «подполковникъ Папавъ, какъ между прочимъ и казанскій губернаторъ генералъ-поручикъ свидѣтельствуетъ, не только достохвальными и ревностными своими поступками защитилъ отъ злодѣйскаго разоренія городъ Кунгуръ, гдѣ тогда до 200 тысячъ казенныхъ денегъ было, но и послѣ по разнымъ мѣстамъ Пермской провинціи слѣдуя съ своимъ деташаментомъ, составленнымъ большею частію изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, также изъ рекрутъ, неоднократно преодолѣвалъ злодѣевъ на бывшихъ съ ними сраженіяхъ, и тѣмъ не только г. Кунгуръ спасенъ, но и принадлежащій къ нему уѣздъ очищенъ былъ».

По мнѣнію Сената «во уваженіе сихъ заслугъ» надлежало Папава «изъ высочайшей милости наградить чиномъ коллежскаго совѣтника, такъ какъ онъ нынѣ помѣщенъ уже въ статской службѣ».

Вслѣдствіе этого представленія Сената, Папавъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; по открытіи Казанскаго намѣстничества помѣщенъ въ палату уголовнаго суда предсѣдателемъ; въ 1784 г. полу-

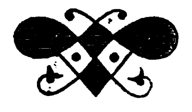
чилъ чинъ статскаго совѣтника, и наконецъ, въ октабрѣ 1785 года по прошенію, за болѣзнью, «отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ».

Въ 1797 г. Папавъ обращается съ просьбой къ императору Павлу Петровичу. Вспоминая свои заслуги предъ отечествомъ, онъ молитъ о царской милости ради своего затруднительнаго матеріальнаго положенія.

«Отъ роду мнѣ,—писалъ Папавъ,—62-й годъ; дѣтей имѣю: дочерей пять и одного сына, обученнаго моимъ коштомъ французскому и нѣмецкому языкамъ и кавалеріи, который теперь служитъ за меня въ артиллеріи подпоручикомъ на Кавказской линіи,—сошедшій уже съ рукъ моихъ и долженъ безъ помощи моей содержать себя получаемымъ жалованьемъ; но обременяютъ меня дочери. А нынѣ на невѣстъ женихи смотрятъ вмѣстѣ съ приданымъ, котораго по лѣтамъ моимъ уже поздно наживать да и не отъ чего, а при томъ и безъ ихъ матери, которой смерть, къ несчастью моему и ихъ преждевременно случившаяся, нанесла мнѣ въ лѣвую руку и ногу параличъ, хотя легкой, но чувствуемой всегда при малѣйшемъ холодѣ; слабое здоровье понудило меня сверхъ желанія моего оставить службу... Всемилостивѣйшій государь! Воздѣхъ къ тебѣ руцѣ мои..., вонми гласу моленія моего и не отврати лица твоего отъ меня; аще бо изъ твоихъ подданныхъ, подвигами подобныхъ Велисаріямъ, Евгеніямъ и Мальборухамъ, кого наградиши, ничто же веліе, и аще изъ первостатейныхъ министровъ, остроумныхъ и скорыхъ въ распоряженіяхъ о пользѣ твоей имперіи, осыпеши дарами и украсиши цѣпями и гривнами, — ничтоже дивно: достойни бо суть милости твоея. Но на мнѣ немощномъ удиви милость твою единственно по благости твоей и безприкладному милосердію и отпусти дерзновеніе мое, якоже и Отецъ Небесный отпущаетъ».

Императоромъ было пожаловано Папаву 100 душъ, о чемъ и данъ указъ Сенату 16-го марта 1797 г.

Сообщ. Д. **Успенскій.**



Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи.

V [1]).

Союзникъ Рѣчи Посполитой, король Фридрихъ - Вильгельмъ производилъ 25-го апрѣля (6-го мая) 1791 г. смотръ войску, которое онъ предполагалъ двинуть въ восточную Пруссію, когда прибывшій изъ Варшавы курьеръ привезъ ему письмо Станислава-Августа съ увѣдомленіемъ о переворотѣ 3-го мая. Совѣтъ министровъ, созванный въ тотъ же день, высказался единогласно противъ новой польской конституціи, противъ наслѣдственности престола и противъ утвержденія на немъ Саксонскаго дома; въ этомъ смыслѣ была составлена и вручена королю записка, подписанная всѣми членами совѣта, но Фридрихъ-Вильгельмъ не раздѣлялъ мнѣнія своихъ министровъ: Польша была ему нужна для войны съ Россіей, къ которой онъ дѣятельно готовился, а курфирстъ саксонскій былъ ему необходимъ въ отношеніи Австріи. Два дня спустя онъ сказалъ посланнику Рѣчи Посполитой князю Яблоновскому: «Я радуюсь благополучію Польши; ея успѣхи всегда будутъ мнѣ пріятны; она всегда будетъ имѣть во мнѣ искренняго союзника» и присовокупилъ: «Избраніе курфирста саксонскаго мнѣ чрезвычайно пріятно (infiniment agréable)».

Пріѣхавшій въ Берлинъ, нѣсколько дней спустя, Станиславъ Потоцкій нашелъ положеніе дѣлъ въ высшей степени благопріятнымъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1904 г.

для Рѣчи Посполитой: не только король, но и всѣ министры, не исключая министра иностранныхъ дѣлъ, старика Герцберга, хвалили конституцію и восторгались поляками. Никто не упоминалъ о Гданскѣ (Данцигѣ), присоединеніе котораго къ Пруссіи считали до тѣхъ поръ неизбѣжнымъ. Фридрихъ-Вильгельмъ высказалъ Потоцкому желаніе, чтобы курфирстъ саксонскій принялъ польскую корону, не ожидая одобренія Россіи, и обѣщалъ послать вмѣстѣ съ Потоцкимъ, который ѣхалъ въ Дрезденъ, своего адъютанта и любимца Бишофсвердера, съ порученіемъ склонить курфирста оправдать, какъ можно скорѣе, довѣріе польскаго народа. При этомъ король ставилъ единственнымъ условіемъ, чтобы курфирстъ не выдавалъ своей дочери за австрійскаго принца, обѣщая, со своей стороны, что онъ не будетъ просить ея руки для своихъ сыновей [1]).

Депеши, полученныя въ Варшавѣ изъ Берлина отъ Яблоновскаго, а также письма Станислава Потоцкаго и результатъ совѣщанія, происходившаго 5-го (16-го) мая, съ исполнявшимъ должность прусскаго посланника графомъ Гольцемъ, который высказалъ отъ имени своего монарха самый благопріятный отзывъ о конституціи 3-го мая—все предвѣщало ей хорошую будущность.

«Нами уже получено,—писалъ Станиславъ-Августъ 3-го (14-го) мая,—письмо отъ короля прусскаго, который не только одобряетъ переворотъ 3-го мая, но кромѣ того поздравляетъ меня и курфирста саксонскаго съ нашимъ избраніемъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Вѣнскій кабинетъ также поздравитъ насъ, а Москва одна не захочетъ ссориться съ нами изъ-за этого, ибо мнѣ извѣстно, что она очень желаетъ мира, который и будетъ вскорѣ заключенъ, такъ какъ Берлинъ и Англія склоняются къ этому» [2]).

Для того чтобы подбодрить колебавшихся и заткнуть ротъ недовольнымъ, въ засѣданіи сейма 6-го (17-го) мая была прочитана депеша князя Яблоновскаго о доброжелательномъ отношеніи Фридриха-Вильгельма и доложенъ результатъ совѣщанія съ Гольцемъ.

Австрійскій канцлеръ князь Кауницъ, получивъ извѣстіе о конституціи 3-го мая, высказался о ней въ донесеніи къ императору, находившемуся въ то время въ Италіи, въ самомъ благопріятномъ смыслѣ и поручилъ польскому посланнику въ Дрезденѣ графу Гартигу поздравить курфирста; австрійскому же посланнику въ Варшавѣ де Кашè писалъ 3-го (14-го) мая: «Хотя король польскій еще не сообщилъ намъ оффиціально о новой конституціи и хотя я не получалъ еще никакихъ приказаній, но я увѣренъ, и прошу васъ этого не скрывать, что императоръ съ удовольствіемъ узнаетъ о перемѣнѣ формы правленія

---

[1]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 7.

[2]) Король—Кицкому.

Рѣчи Посполитой, какъ по причинѣ своей истинной пріязни и высокаго уваженія къ курфирсту саксонскому, такъ и по причинѣ его заботъ о поддержаніи и безопасности Польскаго государства»[1]).

Станиславъ-Августъ могъ похвастать. «Князь Кауницъ,—писалъ онъ 10-го (21-го) мая,—велѣлъ передать мнѣ частнымъ образомъ свое одобреніе по поводу нашего переворота, такъ какъ онъ не можетъ сдѣлать этого оффиціально, не получивъ отвѣта отъ своего монарха»[2]).

Узнавъ, наконецъ, взглядъ императора Леопольда на переворотъ 3-го мая, Кауницъ отправилъ, 12-го (23-го) мая, въ Петербургъ депешу въ которой отозвался о перемѣнѣ, происшедшей въ Польшѣ, въ самомъ благопріятиомъ смыслѣ и доказывалъ, что, благодаря новому закону о наслѣдственности королевской власти, короли польскіе, опираясь на мѣщанъ и крестьянъ, будутъ въ состояніи ограничить власть магнатовъ и вмѣсто того, чтобы заботиться, какъ доселѣ, только о себѣ и о своей роднѣ, они будутъ болѣе заботиться объ общемъ благѣ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ они также будутъ болѣе руководствоваться интересами государства, надъ которыми преобладали, до тѣхъ поръ, ихъ личные интересы; опасаться же съ ихъ стороны стремленія захватить неограниченную власть, по мнѣнію Кауница, не было никакого основанія, такъ какъ они встрѣтили бы отпоръ въ республиканскомъ духѣ народа.

Лѣтъ двадцать тому назадъ королевская власть не соотвѣтствовала бы интересамъ Россіи,—писалъ Кауницъ,—«нынѣ же, по покореніи императрицей татаръ и ослабленіи турокъ, и вообще по обезпеченіи русской границы со стороны Польши, она не можетъ не внушать опасеній». «При теперешнихъ обстоятельствахъ»,—продолжалъ австрійскій канцлеръ, развивая свою мысль,—«Россію столько же интересуетъ поддержаніе въ Польшѣ спокойствія, сколько въ былое время ей было важно ея ослабленіе и внутренніе въ ней раздоры. Впрочемъ, новая конституція предоставляетъ Петербургскому двору такую значительную долю вліянія, что его будетъ вполнѣ достаточно для устраненія какихъ-либо зловредныхъ намѣреній съ стороны Польши. Въ вознагражденіе за утрату нѣкоторой части своего вліянія, Россія пріобрѣтетъ довѣріе поляковъ, которые убѣдятся, наконецъ, въ томъ, что изо всѣхъ сосѣдей Рѣчи Посполитой только одна Пруссія заинтересована въ увеличеніи своихъ владѣній на ея счетъ, и что поэтому безопасность Польши зависитъ отъ ихъ пріязни съ императорскими дворами. Не скрывая трудности уладить польскія дѣла, Кауницъ высказывалъ однако предположеніе, что императорскіе дворы будутъ имѣть достаточно времени для

---

[1]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 11.

[2]) Письмо къ Букатому.

изысканія средствъ и комбинацій, при помощи которыхъ эти дѣла могли бы быть окончены благопристойнымъ образомъ [1]).

Россія, имѣвшая относительно конституціи 3-го мая свои собственные планы, медлила отвѣтомъ на депешу Кауница и, вообще, хранила относительно польскихъ дѣлъ молчаніе, которое Станиславъ-Августъ истолковывалъ въ самомъ благопріятномъ для себя смыслѣ и даже, до полученія извѣстій объ отношеніи къ перевороту Австріи и Пруссіи, не предвидѣлъ никакой опасности со стороны Петербургскаго кабинета.

«Мы здѣсь еще не знаемъ,—писалъ онъ 30-го апрѣля (11-го мая) 1791 г.,—какъ отнесутся къ перевороту въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ; но по выраженію лица Булгакова и по тому, какъ онъ себя держитъ, можно думать, что̀ Москва не объявитъ намъ войны за этотъ переворотъ, такъ же точно, какъ она не объявила ее девятнадцать лѣтъ тому назадъ королю шведскому» [2]). Еще болѣе утвердился онъ въ этой увѣренности, въ исходѣ мая, по полученіи извѣстій изъ Берлина и Вѣны, тѣмъ болѣе, что Петербургскій кабинетъ по-прежнему молчалъ.

«Изъ перваго извѣстія, полученнаго нами изъ Петербурга,—писалъ король 14-го (25-го) мая,—мы знаемъ только, что министры были удивлены, но молчали, не высказавъ никакого порицанія по поводу нашего переворота». Король хотѣлъ, тотчасъ послѣ 3-го мая, сдѣлать дружественный шагъ по отношенію императрицы Екатерины, но король прусскій не одобрилъ этого намѣренія [3]).

Между тѣмъ Станиславъ-Августъ старался расположить Екатерину въ свою пользу принятіемъ въ Стражу пользовавшихся ея расположеніемъ: Малаховскаго, Хрептовича, Браницкаго и избѣгая всего, что̀ могло бы раздражить императрицу. Квартировавшему въ Минскѣ Юдицкому онъ поручилъ увѣдомить стоявшаго въ Бѣлоруссіи генерала Солтыкова «о всегдашнемъ уваженіи и расположеніи» короля и приказалъ ему соблюдать неослабно величайшую осторожность, чтобы со стороны поляковъ Москвѣ не было нанесено ни малѣйшаго оскорбленія [4]). Онъ простеръ свое вниманіе даже на людей подозрительныхъ, относительно которыхъ мѣстными властями принимались мѣры предосторожности.

«Одновременно съ этимъ письмомъ вы получите,—писалъ Станиславъ-Августъ, 4-го (15-го) іюля 1791 г. генералу, командовавшему войскомъ въ Подоліи,—отношеніе военной коммиссіи съ приложеніемъ приказа касательно одного русскаго офицера, по фамиліи Глазенапъ, ко-

[1]) Калинка, Полит. австр. двора, стр. 11.

[2]) Письмо къ Букатому.

[3]) Письмо къ Букатому (Калинка, Ostatnie lata pan. St. Augusta. 1868, II, стр. 191).

[4]) Приказъ короля генералу Юдицкому отъ 19-го (30-го) іюля 1791 г.

его пріѣздъ и пребываніе здѣсь, въ Польшѣ, можетъ подать поводъ къ подозрѣнію. Повелѣваю вамъ, по полученіи онаго, поступить такъ, чтобы означенному Глазенапу, по небрежному или легкомысленному отношенію къ дѣлу, не было учинено какой-либо несправедливости, которая могла бы послужить поводомъ къ неудовольствію и нарушить дружескія отношенія, существующія между нами и Россіей. Надлежитъ, дѣйствуя ловко и осторожно, раскрыть тайну, не нарушая правъ гостепріимства; названный же офицеръ, находясь подъ негласнымъ надзоромъ, тѣмъ скорѣе выдастъ себя, чѣмъ менѣе онъ будетъ ожидать, что за нимъ слѣдятъ».

Если молчаніе Петербургскаго кабинета и стараніе Станислава-Августа избѣжать всего, что̀ могло бы раздражить Россію, поддерживало въ немъ надежду, что все обойдется съ этой стороны благополучно, то дружественныя увѣренія, полученныя имъ отъ Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, и въ особенности переговоры, которые велись ими съ польскимъ правительствомъ въ іюлѣ и августѣ 1791 г., дали ему поводъ совершенно успокоиться на этотъ счетъ.

14-го (25-го) іюля княземъ Кауницемъ и Бишофсвердеромъ были подписаны въ Вѣнѣ предварительныя условія союзнаго договора, заключеннаго Австріей и Пруссіей, въ который была включена слѣдующая статья: «Такъ какъ интересы и спокойствіе сосѣднихъ съ Польшею государствъ настоятельно требуютъ, чтобы между ними состоялось соглашеніе, коимъ былъ бы устраненъ всякій поводъ къ зависти, опасеніямъ и усиленію власти, то дворы Вѣнскій и Берлинскій заключаютъ между собою договоръ, къ которому они предлагаютъ присоединиться Петербургскому кабинету, обязуясь не предпринимать ничего, что̀ могло бы нарушить неприкосновенность Рѣчи Посполитой и соблюденіе ея конституціи; не стараться о возведеніи на польскій престолъ принца изъ своего дома, ни путемъ брака съ инфантою, ни путемъ новаго избранія; не употреблять, безъ взаимнаго соглашенія, своего вліянія къ тому, чтобы склонить Рѣчь Посполитую, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ къ избранію какого-либо короля». Мѣсяцъ спустя, во время свиданія австрійскаго императора съ королемъ прусскимъ въ Пильницѣ, эта статья договора была подтверждена, что̀ давало конституціи 3-го мая полную возможность упрочиться. Таково было отношеніе Пруссіи къ перевороту 3-го мая вплоть до конца 1791 г., и хотя оно постепенно измѣнилось, но для посторонняго наблюдателя перемѣна эта ничѣмъ не обнаружилась [1]). Подъ впечатлѣніемъ предварительнаго соглашенія, заключеннаго въ Вѣнѣ, Станиславъ-Августъ писалъ польскому послу въ Лондонѣ наканунѣ пильницкаго свиданія:

---

[1]) Калинка, Полит. австр. двора, стр. 25.

«Извѣстія, получаемыя нами изъ Вѣны и Берлина, все болѣе и болѣе успокоиваютъ насъ на тотъ счетъ, что намъ дадутъ спокойно довершить дѣло и что намъ даже помогутъ въ этомъ, лишь бы намъ не помѣшали съ третьей стороны» [1]).

«Слава Богу,—писалъ онъ другому лицу,—всѣ обстоятельства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, улаживаются такъ, что мы можемъ быть почти увѣрены въ томъ, что къ ниспроверженію конституціи 3-го мая не будетъ сдѣлано никакой попытки». Казалось, что, въ виду столь успокоительныхъ извѣстій, и курфирстъ саксонскій, долго не знавшій. на что рѣшиться, согласится исполнить желаніе польскаго народа.

Курьеръ, посланный къ нему изъ Варшавы съ извѣстіемъ о переворотѣ 3-го мая, прибылъ въ Дрезденъ 28-го апрѣля (9-го мая), и въ тотъ же день Малаховскій, посолъ Рѣчи Посполитой, получилъ у курфирста аудіенцію. Фридрихъ-Августъ принялъ извѣстіе объ избраніи его на польскій престолъ съ умиленіемъ и благодарностью, но, не зная, какъ отнесутся къ этому европейскіе дворы, онъ не спѣшилъ выразить своего согласія. Отъ короля прусскаго онъ вскорѣ получилъ поздравленіе и совѣтъ принять корону; а 16-го (27-го) мая онъ самъ писалъ австрійскому императору и, сообщая ему о своемъ избраніи на польскій престолъ, высказалъ, что онъ не приметъ окончательнаго рѣшенія до тѣхъ поръ, пока не выяснится отношеніе польскаго народа къ конституціи и пока сношенія Рѣчи Посполитой съ тремя сосѣдними державами не установятся въ такомъ видѣ, «который позволилъ бы ему выполнить свои обязательства относительно Польши, а главное озаботиться о судьбѣ и безопасности Саксоніи» [2]).

Императоръ Леопольдъ отвѣтилъ Фридриху-Августу 30-го іюня (11-го іюля). Высказавъ свое удовольствіе по поводу того, что выборъ палъ на него, «отличающагося такимъ умомъ, благоразуміемъ, умѣренностью и безпристрастіемъ», императоръ писалъ, что сосѣдямъ Саксоніи остается только радоваться его избранію, и выражалъ увѣренность, что курфирстъ внемлетъ просьбѣ поляковъ и упрочитъ ихъ благополучіе.

Успокоенный со стороны Пруссіи и Австріи, курфирстъ не зналъ, что скажетъ Россія, согласіе которой онъ считалъ необходимымъ; къ тому же онъ не вполнѣ одобрялъ нѣкоторые пункты конституціи: положеніе короля въ Стражѣ, присужденіе престола его дочери, помимо его брата и т. д. [3]).

---

[1]) Письмо къ Букатому, отъ 13-го (24-го) августа 1791.

[2]) Письмо къ старостѣ жмудскому А. Гельгуду, отъ 13-го (24-го) сентября 1791 г.

[3]) Король — Букатому 10-го (21-го) мая 1791 г.

Благопріятный отвѣтъ императора на письмо курфирста отъ 16-го (27-го) мая возбудилъ самыя розовыя надежды польскихъ дипломатовъ. Подъ впечатлѣніемъ этого письма вице-канцлеръ Хрептовичъ писалъ: «Мы надѣемся, что съ нашей стороны, въ скоромъ времени, можетъ быть сдѣланъ оффиціальный шагъ въ Дрезденѣ, а вслѣдъ затѣмъ посланы ноты къ прочимъ дворамъ» [1]).

И, дѣйствительно, 2-го (13-го) іюня варшавское министерство иностранныхъ дѣлъ препроводило послу Рѣчи Посполитой въ Дрезденѣ черновикъ ноты, для передачи его Саксонскому кабинету. Въ нотѣ заключалась просьба обсудить шаги, которые Рѣчи Посполитой надлежало сдѣлать въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, по отношенію къ курфирсту и европейскимъ дворамъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, 26-го іюля (6-го августа) была выражена Рѣчи Посполитой благодарность отъ имени курфирста и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено, что, «принимая во вниманіе важность обстоятельствъ, связанныхъ съ короною польскою, и заботясь о благоденствіи и спокойствіи своихъ наслѣдственныхъ владѣній, курфирстъ намѣренъ воздержаться отъ какого-либо рѣшенія до полученія оффиціальнаго извѣщенія о введеніи новой конституціи».

Послѣ свиданія въ Пильницѣ, въ началѣ сентября, польскіе дипломаты особой нотой просили курфирста изъявить свое согласіе на назначеніе сеймомъ депутаціи для обсужденія вмѣстѣ съ нимъ pacta conventa [2]).

Во избѣжаніе недоразумѣній при избраніи депутаціи и вопреки постановленіямъ конституціи, курфирсту было предложено сообщить свое согласіе, если таковое послѣдуетъ, королю конфиденціально [3]).

Лѣтній перерывъ сейма окончился, засѣданія его должны были возобновиться, а разрѣшенія курфирста на избраніе депутаціи все еще не получалось.

Между тѣмъ пришло извѣстіе о кончинѣ Потемкина.

«Нѣкоторые сожалѣли о немъ, какъ о человѣкѣ, расположенномъ къ Польшѣ, которой онъ всегда готовъ былъ служить, имѣя въ виду удалиться туда, въ случаѣ ежели бы счастье измѣнило ему въ Москвѣ»; говорили, будто Потемкинъ, владѣя въ Польшѣ обширными помѣстьями, сдерживалъ властныя желанія своей монархини и что имъ руководилъ въ этомъ случаѣ личный интересъ, ибо онъ предполагалъ, что со

---

[1]) Письмо къ польскому посланнику въ Копенгагенѣ отъ 29-го мая (9-го іюня) 1791 г.

[2]) Такъ назывался договоръ, соблюденіе котораго подтверждали клятвою выборные польскіе короли; онъ содержалъ разныя ограниченія королевской власти и льготы, изстари предоставленныя польскому шляхетству.

[3]) Хрептовичъ—польскому послу въ Копенгагенѣ 27-го августа (7-го сентября) 1791 г.

смертью Екатерины его власти настанетъ конецъ, и тогда онъ найдетъ пріютъ и убѣжище въ Польшѣ» [1]).

Иного взгляда былъ король, Хрептовичъ и вообще всѣ люди, стоявшіе у кормила правленія. Станиславъ-Августъ видѣлъ въ Потемкинѣ главную опору недовольныхъ и поэтому надѣялся, что съ его смертью планы Щенснаго-Потоцкаго и Ржевусскаго «либо встрѣтятъ сильную помѣху, либо, по крайней мѣрѣ, будутъ на время отложены» [2]).

«Мнѣ кажется,—писалъ по поводу смерти Потемкина Хрептовичъ,— что это неожиданное событіе будетъ благопріятно для нашего переворота, ибо я имѣю полное основаніе думать, что князь, относившійся къ нашей конституціи крайне несочувственно, пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, могъ внушить ей неблагопріятныя для насъ мысли. Есть также основаніе предполагать, что при его чрезмѣрномъ властолюбіи затруднительное положеніе, которое переживаетъ Польша, могло внушить ему разные замыслы относительно Курляндіи и даже относительно польской короны» [3]).

Такъ убаюкивали себя поляки, вопреки очевидности, всевозможными иллюзіями.

Между тѣмъ, согласно желанію курфирста, выраженному въ нотѣ отъ 12-го (23-го) октября, въ Дрезденъ былъ посланъ кн. Чарторыйскій для того, чтобы дать ему объясненія относительно конституціи. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы 12-го (23-го) ноября вмѣстѣ съ Тадеушемъ Мостовскимъ и везъ курфирсту письмо Станислава-Августа.

Многіе ожидали отъ этой поѣздки большой пользы для общаго дѣла. «Извѣстность, которою пользуется князь, его родство съ королемъ снищутъ ему, безъ сомнѣнія, довѣріе курфирста, и ему удастся, вѣроятно, разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, которое наша конституція могла произвести на него», писалъ Хрептовичъ польскому посланнику въ Копенгагенѣ 29-го октября (9-го ноября) 1791 года.

Чарторыйскій, съ первыхъ же словъ, которыми онъ обмѣнялся съ саксонскими министрами, понялъ, что курфирстъ желалъ, чтобы Рѣчь Посполитая сдѣлала по отношенію Петербургскаго двора шагъ вѣжливости, извѣстивъ его оффиціально о провозглашеніи конституціи 3-го мая. И когда Хрептовичъ высказалъ это на засѣданіи 12-го (23-го) декабря то сеймъ одобрилъ это большинствомъ голосовъ. Противъ этого плана высказались только два волынскихъ посла, выразивъ опасеніе, что если

---

[1]) Dyaryusz różnych ciekawości czyli excerpt z listów rożnych, zaczęty d. 1 8bris 1791 anno.

[2]) Письмо короля къ Букатому отъ 15-го (26-го) октября 1791. (Калинка, Ostatnie lata pan. St. Augusta, II, 198).

[3]) Письмо къ польскому посланнику въ Копенгагенѣ отъ 18-го (29-го) октября 1791.

они присоединятся къ этому мнѣнію, то ихъ могутъ заподозрить въ томъ, что они согласны на наслѣдственность престола [1]).

13-го (24-го) декабря король написалъ Екатеринѣ собственноручное письмо, въ которомъ, извѣщая ее о конституціи, выражалъ надежду на сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи [2]); польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи долженъ былъ дать по этому письму словесныя объясненія.

Императрица ничего не отвѣчала на письмо короля, точно такъ же-какъ и вице-канцлеръ Остерманъ, получивъ извѣщеніе отъ польскаго посланника, хранилъ молчаніе. Булгаковъ, не получивъ по этому поводу никакихъ инструкцій, сказалъ Хрептовичу частнымъ образомъ: «Государыня всегда желала добра Рѣчи Посполитой, но поляки не съумѣли отплатить благодарностью за ея благодѣянія; напротивъ, они старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ и нарушили трактаты, самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3-го мая доказываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть, Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ; если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основательныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ» [3]).

Хрептовичъ объяснялъ позднее извѣщеніе разстройствомъ людей, стоявшихъ у кормила правленія, и трудностью согласовать разнородныя мнѣнія и, наконецъ, сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее» [4]).

Въ Варшавѣ и въ Дрезденѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта Петербургскаго двора, который между тѣмъ и не думалъ прервать свое молчаніе.

«Вчера получилъ я ваше письмо,—писалъ Безбородко Булгакову,—о принятомъ намѣреніи правительствомъ польскимъ сдѣлать нотификацію о перемѣнѣ 3-го мая, въ дѣйство произведенной. Видѣлъ я тутъ же и записку сеймовую, въ которой король безъ нужды и безъ пристойности коснулся выраженіями ига и опеки до насъ; неужели они думаютъ, что насъ застращаютъ тѣмъ множествомъ рукъ, которыя его величество упоминаетъ въ рѣчи своей, какъ довольныя для защищенія работы его и единомышленниковъ его? Инфлюенцію нашу ему бы

---

[1]) Король—Букатому 13-го (24-го) декабря 1791. (Калинка, ч. II, стр. 200).

[2]) Тамъ же, стр. 67.

[3]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Спб. 1870, стр. 391.

[4]) Тамъ же.

всѣхъ менѣе повторять слѣдовало, когда извѣстно, что безъ нея и вѣкъ бы ему быть на престолѣ не удалося. Молчавъ восемь мѣсяцевъ о сей перемѣнѣ, что они думаютъ, что и Россія прежде восьми же мѣсяцевъ имъ отвѣчать станетъ?» [1]).

Тому же подобныя разсужденія онъ представилъ императрицѣ, присовокупивъ, что онъ никакъ не можетъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ людей, кои признаютъ новую форму правленія въ Польшѣ, и что, по заключеніи мира съ Турціей, можно будетъ принять окончательное рѣшеніе и болѣе смѣло высказать намѣренія Россіи сосѣднимъ дворамъ.

Молчаніе Россіи лишило польскую депутацію возможности вести переговоры съ Дрезденскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что курфирстъ былъ весьма нерѣшителенъ. Человѣкъ честный, но не блестящихъ способностей, онъ не рѣшался высказать свое мнѣніе и колебался, не зная, какое принять рѣшеніе. Онъ былъ не прочь царствовать, но съ другой стороны боялся связанныхъ съ этимъ хлопотъ. По весьма характерному выраженію Мостовскаго, величайшимъ счастіемъ для него было бы, если бы ему всю жизнь предлагали корону, а онъ всю жизнь могъ бы колебаться принять ее. Если, подъ вліяніемъ убѣжденій, онъ давалъ иной разъ, условно, свое согласіе, то это начинало тотчасъ тревожить его, и онъ бралъ свое слово назадъ, разсыпаясь въ благодарности.

«Я такъ благодаренъ,—говорилъ онъ Чарторыйскому,—такъ тронутъ всѣмъ, что сдѣлали для меня король и народъ польскій, что я не могу ничѣмъ лучше выразить моей признательности, какъ дѣйствуя въ высшей степени осторожно и избѣгая всего, что могло бы послужить хотя бы самымъ отдаленнымъ поводомъ ко вреду для Рѣчи Посполитой».

Молчаніе Россіи курфирстъ принималъ за предостереженіе; впрочемъ, онъ получилъ отъ Петербургскаго кабинета, стороною, совѣтъ не вовлекать своихъ наслѣдственныхъ владѣній и Польши въ такія «авантюры», которыя могли кончиться очень плохо. Довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ императрицы въ этомъ дѣлѣ былъ, повидимому, принцъ Нассаускій. Есть доказательства, что саксонскіе министры получали подарки отъ Петербургскаго двора [2]).

Въ помощь Чарторыйскому императоръ австрійскій послалъ въ Дрезденъ кавалера Ландріани, которому было поручено убѣдить курфирста не домогаться увеличеніи королевской власти и передачи престола его брату и посовѣтовать ему воспользоваться готовностью Ав-

---

[1]) Письмо къ Булгакову отъ 15-го (26-го) декабря 1791 г. (Сборн. Имп Рус. Ист. Общ., т. 26, 462).

[2]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 27, 28.

стріи поддержать его и не создавать Польшѣ затрудненій. Переговоры съ саксонскими министрами продолжались три мѣсяца.

«Счастливъ многострадальный Іовъ,—писалъ Чарторыйскій королю,— что въ его время не существовало такихъ переговоровъ, какіе мы ведемъ здѣсь: иначе и это испытаніе навѣрно не миновало бы его».

Отвѣчая на всѣ вопросы саксонскихъ министровъ, знакомя ихъ съ вновь учрежденными коммиссіями и съ новыми законами, польская депутація съ своей стороны не могла добиться отъ нихъ никакого отвѣта, и когда она выражала нетерпѣніе, то курфирстъ успокоивалъ поляковъ, говоря, что затрудненія возникаютъ изъ самой сущности дѣла, увѣрялъ ихъ въ своемъ доброжелательствѣ и обнадеживалъ ихъ. Въ половинѣ января 1792 г. министръ Гутшмидъ заявилъ депутаціи, что всѣ затрудненія сводятся къ двумъ пунктамъ: дарованію королю права отмѣнять постановленія сейма и перенесенію правъ престолонаслѣдія на брата курфирста; а такъ какъ эти два пункта не могутъ быть рѣшены депутаціей, то необходимо послать кого-нибудь въ Варшаву для переговоровъ съ сеймомъ. Но Дрезденскому двору не легко было рѣшиться на этотъ шагъ, онъ оттягивалъ свой отвѣтъ, ссылаясь на то, что надобно подождать прусскаго посланника Бишофсвердера, пріѣзда котораго ожидали со дня на день. Самъ Ландріани, относившійся къ полякамъ доброжелательно, также совѣтовалъ обождать Бишофсвердера и предоставить ему честь склонить курфирста отправить посла для обсужденія съ сеймомъ pacta conventa. Наконецъ, 3-го (14-го) февраля 1792 г. курфирстъ заявилъ, что онъ долженъ выждать отзыва Россіи и измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ конституціи въ указанномъ имъ смыслѣ. Этотъ отвѣтъ, конечно, не могъ ускорить дѣла. Польскіе посланные не скрывали своего неудовольствія и, опасаясь, чтобы отвѣтъ курфирста не вызвалъ въ Варшавѣ волненія, они не сообщили его сейму, а препроводили его королю, съ эстафетой, при донесеніи отъ 16-го (27-го) февраля.

Медлительность курфирста создала Польшѣ весьма серьезныя затрудненія: политическія обстоятельства приняли мало-по-малу совершенно иной оборотъ, нежели въ іюлѣ и августѣ предъидущаго года. Особенно измѣнилось отношеніе къ Польшѣ Берлинскаго двора.

Когда, въ 1787 году, Россія, заключивъ союзъ съ Австріей, объявила войну Турціи, то Пруссія рѣшила извлечь пользу изъ осложненія, возникшаго на востокѣ. Совѣтуя туркамъ упорство въ войнѣ, она не хотѣла сама вмѣшиваться въ войну и только обѣщала Турціи свое посредничество при заключеніи мира. Согласно плану прусскаго министра Герцберга, Порта должна была уступить Австріи Молдавію и Валахію, Россіи Крымъ и Бессарабію и, при заключеніи мира, потребовать, чтобы императоръ возвратилъ Польшѣ Галицію, за что Польша отдала бы

Пруссіи Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ) съ пограничными округами. Такъ какъ каждое новое пріобрѣтеніе Пруссіи тревожило Австрію, то Кауницъ предложилъ Россіи заключить противъ Фридриха-Вильгельма тайное соглашеніе, къ которому присоединилась бы Польша, въ надеждѣ вернуть отъ Пруссіи свои западныя провинціи.

Екатерина предполагала заключить съ Польшей отдѣльный союзъ и вовсе не желала, чтобы къ нему присоединилась Австрія. Петербургскій кабинетъ былъ того мнѣнія, что Польшѣ не слѣдовало заключать договоровъ ни съ какой державою, кромѣ Россіи; императрица также не хотѣла, чтобы Рѣчь Посполитая увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель; поэтому, вопреки предложенію Кауница, этотъ планъ не былъ сообщенъ Польшѣ, и Россія заключила, для защиты ея интересовъ, союзъ съ одной только Австріей; обѣ державы обязались, въ случаѣ если бы король прусскій вздумалъ захватить какія-либо польскія земли, сдѣлать немедленно Берлинскому кабинету самое энергическое представленіе, а если это не подѣйствуетъ—взяться за оружіе.

Король прусскій, провѣдавъ объ этихъ планахъ, рѣшилъ не допустить союза Россіи съ Польшей, въ случаѣ же если бы таковой состоялся, онъ вознамѣрился самъ предложить союзъ той части польскаго народа, которая составила бы съ нимъ конфедерацію, и поручилъ своему посланнику Бухгольцу разъяснить ей всю пользу этого союза.

«Что касается цѣлости Рѣчи Посполитой,—писалъ онъ Бухгольцу,—то вы можете увѣрить каждаго поляка словесно, что Пруссія скорѣе, чѣмъ какая-либо иная держава, сбережетъ ее. Постарайтесь уничтожить распространенное мнѣніе, будто я мечтаю о новыхъ пріобрѣтеніяхъ съ этой стороны».

Подобное подстрекательство сейма со стороны Пруссіи имѣло цѣлью, единственно, раздражить императорскіе дворы и побудить ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Рѣчи Посполитой, а это дало бы Фридриху-Вильгельму поводъ занять западныя провинціи Польши. Блестящія побѣды, одержанныя Россіей лѣтомъ 1789 г., при Рымникѣ и Фокшанахъ, побудили короля прусскаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такъ какъ ни одна изъ воюющихъ державъ не согласилась на посредничество короля прусскаго, на которомъ Герцбергъ основывалъ свой планъ пріобрѣтенія Торуня и Гданска, съ пограничными округами, то Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и выступить съ оружіемъ въ рукахъ.

Благодаря своему союзу съ Англіей и Голландіей, не говоря о Франціи, которая вслѣдствіе внутреннихъ волненій не была въ состояніи принять дѣятельнаго участія въ войнѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ, разсчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ на содѣйствіе Польши и Швеціи, могъ считать Пруссію первою державою въ Европѣ, отъ которой зависѣло

склонить побѣду на сторону одной изъ воюющихъ державъ. Оставивъ планъ Герцберга, король прусскій началъ дѣйствовать инымъ путемъ: онъ предложилъ Польшѣ заключить оборонительно-наступательный союзъ, подъ условіемъ, чтобы она отказалась отъ всякаго участія въ мирныхъ переговорахъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ венгерскими революціонерами и рѣшилъ вовлечь Галицію въ движеніе противъ Австріи. Немедленно были начаты, чрезъ Луккезини, съ Польшей переговоры о заключеніи союза. Договоръ между Пруссіей и Турціей былъ заключенъ 20-го (31-го) января, а договоръ съ Польшей—18-го (29-го) марта 1790 г. Помимо нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ, договаривающіяся стороны обязались, въ случаѣ войны, оказать другъ другу взаимно помощь и поддержку.

Два дня спустя по окончаніи переговоровъ, Луккезини писалъ своему монарху:

«Теперь, когда эти люди уже въ нашихъ рукахъ и когда будущность Польши зависитъ единственно отъ нашихъ комбинацій, страна эта можетъ послужить вашему королевскому величеству театромъ военныхъ дѣйствій и защитой для Силезіи съ востока. Съ нашей стороны вся задача состоитъ въ томъ, чтобы эти люди ничего не заподозрили и чтобы они не могли предвидѣть, какія жертвы они должны будутъ принести, когда ваше королевское величество потребуете отъ нихъ благодарности за оказанныя имъ услуги».

Договоръ, заключенный между Австріей и Пруссіей въ Рейхенбахѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1790 г., создалъ новую политическую комбинацію. Возможность войны съ Австріей была устранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и виды Польши на Галицію не имѣли болѣе основанія. Послѣ заключенія этого договора союзъ съ Польшей имѣлъ для короля прусскаго значеніе лишь съ точки зрѣнія его соперничества съ Россіей. Этимъ соперничествомъ и личными качествами Фридриха-Вильгельма объясняется его благопріятное отношеніе къ перевороту 3-го мая.

Человѣкъ неискренній, въ высшей степени впечатлительный и не отличавшійся особенно возвышенными нравственными взглядами, Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ всегда подъ вліяніемъ кого-нибудь изъ своихъ совѣтчиковъ; но дѣйствовалъ большею частью нерѣшительно и подчиняясь событіямъ, коими онъ не умѣлъ руководить. Онъ дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ,—отрывисто, нерѣдко безсвязно. Человѣкъ, не умѣвшій выразить свои мысли спокойно и съ осмотрительностью, онъ дѣйствовалъ большею частію подъ впечатлѣніемъ минуты, подъ вліяніемъ увлеченія, которое проходило однако очень быстро. На политическія событія онъ смотрѣлъ какъ на забаву, прерывающую однообразіе жизни, наполняя душевную пустоту. Доступный благороднымъ порывамъ, онъ не умѣлъ быть въ нихъ послѣдователь-

*

нымъ; поддавшись первому движенію сердца, онъ подчинялся затѣмъ разсчету и совѣтамъ людей недобросовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ. Проникнутый сознаніемъ достоинства своей королевской власти, онъ начиналъ дѣло благородно и прекрасно, отвергая всѣ несогласовавшіеся съ его взглядомъ совѣты; но, наскучивъ вскорѣ этой ролью, онъ измѣнялъ данному слову и начиналъ уже дѣйствовать противъ тѣхъ, кому онъ протягивалъ вначалѣ дружески руку. На его слова можно было положиться менѣе, нежели на слова его министровъ, которые, ставя открыто интересы Пруссіи высшею цѣлью своей политики, ни въ комъ не возбуждали довѣрія. Между тѣмъ король, вызвавъ вначалѣ довѣріе, поступалъ нерѣдко впослѣдствіи съ такимъ цинизмомъ, который подрывалъ всякую вѣру въ него. Таковъ былъ союзникъ Польши, гарантировавшій неприкосновенность Рѣчи Посполитой, обѣщавъ ей, въ случаѣ войны, свою помощь.

Въ первый моментъ, въ порывѣ благородства, Фридрихъ-Вильгельмъ отнесся къ конституціи 3-го мая доброжелательно, но это не согласовалось съ мнѣніемъ его министровъ, такъ какъ всякое внутреннее усиленіе республики не соотвѣтствовало интересамъ Пруссіи. Однако низкопоклонные придворные тотчасъ присоединились къ мнѣнію своего монарха, стали восторгаться польской конституціей и ея творцами, вполнѣ увѣренные въ томъ, что горячія похвалы скоро охладятъ сочувствіе короля. И, дѣйствительно, когда Варшавскій кабинетъ въ началѣ августа 1791 г. потребовалъ, чтобы Берлинскій дворъ подтвердилъ свой первоначальный отзывъ о новой конституціи, то ему отвѣчали, что сдѣланнаго заявленія достаточно. Тогда варшавское правительство, желая довести благопріятный отзывъ Фридриха-Вильгельма до свѣдѣнія сейма и обезпечить себя окончательно относительно помощи со стороны Пруссіи, обратилось къ прусскому правительству съ этой просьбою вторично, но этотъ шагъ сочли въ Берлинѣ докучливымъ и отвѣчали, что простой любезности, оказанной королемъ прусскимъ курфирсту саксонскому, нельзя еще считать за гарантію конституціи; что между тѣмъ и другимъ существуетъ огромная разница. Послѣ заключенія мира въ Яссахъ, когда Пруссія не имѣла уже основанія опасаться войны съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польша была для нея уже не столь необходима, Берлинскій кабинетъ еще болѣе рѣшительно пошелъ на попятное. Въ половинѣ декабря прусскій посланникъ доносилъ изъ Варшавы, что введеніе конституціи встрѣчаетъ затрудненіе и что она удержится, по всей вѣроятности, только до тѣхъ поръ, пока сосѣднія державы не вмѣшаются въ дѣла Рѣчи Посполитой.

На это сообщеніе берлинское министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало ему 17-го (28-го) декабря:

«Взглядъ нашъ вамъ извѣстенъ; мы не выступимъ ни за, ни про-

тивъ конституціи; мы будемъ держаться пассивно, въ надеждѣ, что порядокъ, основанный на переворотѣ 3-го мая, рушится самъ собою».

Еще краснорѣчивѣе былъ королевскій указъ отъ 29-го декабря 1791 г. (9-го января 1792 г.):

«Союзъ не имѣетъ никакого отношенія къ конституціи, которая не существовала въ моментъ его заключенія. Она обнародована безъ моего вѣдома; я узналъ о ней впервые тогда, когда о ней было объявлено публично. Я не могу быть ни за, ни противъ конституціи, такъ какъ это есть внутреннее дѣло Рѣчи Посполитой, обсужденіе котораго меня не касалось и не будетъ касаться».

Когда стало извѣстно непріязненное отношеніе Россіи, министры совѣтовали королю держаться пассивнаго образа дѣйствій до тѣхъ поръ, пока намѣренія императрицы не обнаружатся окончательно, и говорили, что въ крайнемъ случаѣ можно было бы признать польскую конституцію, но съ условіемъ сдѣлать въ ней измѣненія, которыя удержали бы Рѣчь Посполитую въ ея «политическомъ ничтожествѣ».

Вскорѣ послѣ этого случилось одно обстоятельство, побудившее короля дѣйствовать открыто. 23-го января (3-го февраля) 1792 г. графъ Гольцъ перехватилъ въ Петербургѣ собственноручную записку Екатерины къ Зубову, слѣдующаго содержанія: «Какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180.000-ую армію подъ начальствомъ Репнина въ польскую Украйну; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши» [1]).

Это было сообщено немедленно въ Берлинъ, съ просьбою хранить это извѣстіе въ величайшей тайнѣ.

«Вы первый,—писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гольцу,—доносите мнѣ нѣчто фактическое. Въ сохраненіи тайны можете быть увѣрены».

Записочка императрицы окончательно изгладила изъ памяти короля прусскаго обязательства, принятыя имъ относительно Польши, и его благожелательное отношеніе къ конституціи. Въ то же время стеченіе обстоятельствъ устранило съ пути преграды, которыя Австрія ставила намѣреніямъ Пруссіи. Императоръ Леопольдъ искренно желалъ сохраненія неприкосновенности Польши и ея конституціи, и въ желаніи Россіи и Пруссіи увеличить свои владѣнія насчетъ Рѣчи Посполитой видѣлъ опасность для своей имперіи и для Европы.

Но всѣ представленія, сдѣланныя имъ по этому поводу Петербургскому двору, были тщетны; императорскій кабинетъ ничего не отвѣчалъ на его ноту отъ 11-го (23-го) мая 1791 г., такъ же точно, какъ и

---

[1]) Костомаровъ, 401.

на всѣ послѣдующія его представленія. Надежда императора на Пруссію также не оправдалась.

Когда, въ началѣ января 1792 г., князь Кауницъ представилъ прусскому посланнику планъ союза, въ которомъ Австрія выражала желаніе обезпечить конституцію 3-го мая въ духѣ предварительныхъ условій мирнаго договора, заключенныхъ 14-го (25-го) іюня, то Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ на это рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что ему ничего неизвѣстно о конституціи и что онъ не предполагаетъ отстаивать ее, такъ какъ она обнародована безъ его вѣдома и не соотвѣтствуетъ его интересамъ. Въ виду столь рѣшительнаго заявленія со стороны Пруссіи и опасности, которая угрожала со стороны Франціи, императоръ былъ вынужденъ согласиться на заключеніе договора (подписаннаго 27-го января (7-го февраля) 1792 г.) коимъ цѣлость Польши хотя и была гарантирована, но который не связалъ Фридриха-Вильгельма никакими обязательствами по отношенію къ конституціи.

Въ Варшавѣ не имѣли еще въ то время точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ короля прусскаго, хотя въ декабрѣ 1791 г. Война доносилъ изъ Вѣны, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ восторгъ, проявленный къ конституціи въ Берлинѣ, остылъ; несмотря на это, Станиславъ-Августъ и его политическіе друзья все еще льстили себя обманчивыми надеждами. Ихъ вводилъ въ заблужденіе Луккезини, который, вернувшись къ своему посту въ Варшаву, давалъ на всѣ вопросы уклончивые, либо лживые отвѣты. На вопросъ, не привезъ-ли онъ изъ-за границы veto иностранныхъ дворовъ противъ новой конституціи, онъ отвѣчалъ:

«Уѣзжая, я желалъ Польшѣ хорошей конституціи, а теперь я поздравляю ее съ нею. Въ то время мнѣ приходилось, обо всякихъ пустякахъ, говорить съ шестнадцатью человѣками, а нерѣдко съ двумястами, а теперь только съ однимъ, какъ вездѣ въ Европѣ. Это мнѣ очень нравится. Я вижу теперь короля польскаго въ такомъ положеніи и въ такой силѣ, какія подобаютъ его сану».

Станислава-Августа предостерегали изъ Англіи насчетъ Луккезини, но онъ не обратилъ на это вниманія, и радовался его лживымъ увѣреніямъ.

«Луккезини увѣряетъ,—писалъ онъ въ началѣ 1792 г.,—что король прусскій отказался отъ всякихъ помысловъ насчетъ Гданска и Торуня, не только ради поддержанія дружескихъ отношеній съ нами, но и потому, что онъ увѣренъ, что Москва никогда бы не согласилась на присоединеніе ихъ къ Пруссіи» [1]).

[1]) Письма короля къ Букатому 29-го ноября (10-го декабря) 1791 г. и 27-го декабря 1791 г. (7-го января 1792 г.) (Калинка. Послѣдніе годы, II, 199, 201).

Въ своихъ бесѣдахъ съ сторонниками Россіи Луккезини былъ откровеннѣе. Гетману Браницкому онъ говорилъ въ присутствіи каштеляна Оборскаго, что онъ ручается за сохраненіе всего, что сдѣлано въ Польшѣ до конца 1790 г., за остальное же не ручается. Такъ какъ маршалъ сейма долженъ былъ дать слово Гольцу, что новая форма правленія не будетъ введена безъ согласія короля прусскаго, то Гольцъ заявилъ ему, что его монархъ не будетъ стоять за конституцію. Браницкій передалъ эти слова Коллонтаю, а Коллонтай королю [1]).

VI.

Во время лѣтняго перерыва сейма происходили обыкновенно сеймики; но въ 1791 г. въ сеймъ было внесено предложеніе перенести ихъ съ 4-го (15-го) іюля на осень, и несмотря на заявленіе нѣкоторыхъ депутатовъ о томъ, что народу слѣдовало какъ можно скорѣе дать возможность высказать, законнымъ образомъ, свое мнѣніе о конституціи 3-го мая и дать дальнѣйшія инструкціи своимъ уполномоченнымъ на сеймѣ, вышеупомянутое предложеніе было утверждено большинствомъ голосовъ.

Сторонники конституціи 3-го мая, ратовавшіе за отмѣну іюльскихъ сеймиковъ, не высказывали открыто руководившихъ ими при этомъ побужденій. Только одинъ краковскій посолъ, Солтыкъ, обнаружилъ помыслы, заявивъ, что хотя онъ и не боится, чтобы польскій народъ высказалъ свое мнѣніе о новой формѣ правленія, но не считаетъ удобнымъ созывать для этого сеймики въ іюлѣ мѣсяцѣ. Завѣдуя иностранными дѣлами, онъ прекрасно знаетъ, что Россія употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ Польшѣ, и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы посягнуть на ея цѣлость. Русская партія не преминула бы воспользоваться малѣйшимъ неудовольствіемъ народа, «чтобы вернуть свое превосходство»; «поэтому,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ отмѣнить іюльскіе сеймики, которые могли бы сдѣлаться для недовольныхъ удобнымъ предлогомъ, чтобы посѣять въ странѣ смуту».

Когда вопросъ былъ предложенъ на голосованіе, то большинствомъ голосовъ было рѣшено перенести сеймики на февраль мѣсяцъ, и такимъ образомъ конституціонной партіи удалось отмѣнить іюльскіе сеймики, которыхъ она опасалась, и у нея было достаточно времени, чтобы приготовиться къ февралю мѣсяцу.

---

[1]) Коллонтай—королю 1-го (12-го) февраля 1792 г.

«Депутатскіе сеймики,—писалъ король Букатому 17-го (28-го) мая 1791 г.,—перенесены на 14-е февраля; этимъ отдаляется возможность волненій, и мы успѣемъ упрочить нашу конституцію».

Эти сеймики имѣли огромное значеніе для обѣихъ партій. Народъ долженъ былъ на нихъ, впервые, высказать свое мнѣніе о новой формѣ правленія. Тамъ, гдѣ «недовольные» хотѣли посѣять смуту и вызвать громкое осужденіе конституціи, тамъ патріотическая партія хотѣла видѣть порядокъ и спокойствіе и слышать единодушное одобреніе своихъ трудовъ. Станиславъ-Августъ полагалъ, что одобреніе конституціи, выраженное на сеймикахъ, нанесло бы ударъ проискамъ эмигрантовъ, которые находились въ Яссахъ, и удержало бы императрицу отъ намѣренія уничтожить конституцію [1]). Поэтому неудивительно, что король и всѣ приверженцы новаго порядка выказали необычайную энергію, чтобы придать февральскимъ сеймикамъ желанный характеръ.

Согласно закону о сеймикахъ, только тѣ шляхтичи имѣли право подавать голосъ, имена которыхъ были внесены въ дворянскіе списки, особые для каждаго воеводства, либо повѣта.

Отпечатаніе этихъ списковъ лежало на обязанности военной коммиссіи, а составленіемъ ихъ завѣдывала гражданско-военная коммиссія. По составленіи списковъ и отпечатаніи ихъ, они должны были храниться въ двухъ экземплярахъ въ архивахъ коммиссіи до начала сеймиковъ. Но печатаніе шло медленно, и назначенный первоначально срокъ для представленія списковъ пришлось отложить до конца декабря. Въ этой проволочкѣ обвиняли типографіи, въ особенности типографію Dufour'а, который, получивъ 27-го августа (7-го сентября) 300 стопъ бумаги и имѣя въ своемъ распоряженіи, кромѣ своей собственной типографіи, два печатныхъ станка въ кадетскомъ корпусѣ, напечаталъ въ теченіе 20 дней самое ограниченное число экземпляровъ, не хотѣлъ пользоваться корпусными станками, и когда его торопили, то онъ держалъ себя нахально и говорилъ, что не будетъ печатать въ недѣлю болѣе шести стопъ, а самое большее, въ видѣ особой любезности—десять стопъ. Депутаты приписывали это наущеніямъ Булгакова и жаловались Коллонтаю, прося его помочь бѣдѣ. Коллонтай, съ своей стороны, жаловался королю.

«Не слѣдуетъ забывать,—писалъ онъ,—о сеймикахъ; противники конституціи возлагаютъ всѣ свои надежды на то, что они будутъ плохо организованы. Надобно спѣшить разослать дворянскіе списки, надъ которыми воеводскимъ коммиссіямъ придется еще немало потрудиться [2]).

---

[1]) Король Букатому 21-го января (1-го февраля) 1792 г. (Калинка, Послѣдн. годы царств. Станислава-Августа, II, 205).

[2]) Закревскій, депутатъ познанскій, Коллонтаю, 13-го и 14-го (24-го и 25-го) сентября 1791 г.

Передъ началомъ сеймиковъ, королевокая канцелярія составила, подъ редакціей Коллонтая и Игнатія Потоцкаго, нѣсколько сотъ писемъ, которыя были разосланы обывателямъ и въ коихъ ихъ просили, отъ имени короля, позаботиться о томъ, чтобы сеймики прошли спокойно; говорилось между прочимъ, что иностранныя державы не намѣрены вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой, и что если въ странѣ не произойдетъ безпорядковъ, то будущее Польши не будетъ внушать опасеній. Наиболѣе вліятельнымъ помѣщикамъ Станиславъ-Августъ написалъ собственноручно, другимъ писалъ Коллонтай, а нѣкоторымъ примасъ.

Наиболѣе опасеній внушали воеводства малопольскія [1]). Въ воеводствѣ Брацлавскомъ дѣйствовали приверженцы Щенснаго-Потоцкаго, въ особенности депутатъ Адамъ Мощенскій, который, подобравъ себѣ партію, агитировалъ въ томъ смыслѣ, чтобы на сеймикѣ въ Винницѣ вовсе не упоминать о конституціи. Онъ просилъ Потоцкаго дать инструкціи его брату, жившему въ Жмеринкѣ, какъ дѣйствовать относительно шляхты: «не дать-ли ей денегъ, чтобы привлечь ее на свою сторону».

Кромѣ рукописныхъ памфлетовъ, «недовольные» распространяли среди малопольской шляхты отпечатанныя въ Польшѣ и за границей брошюры, въ которыхъ осуждалась конституція. Письма гетмана Ржевусскаго и Щенснаго-Потоцкаго къ королю и военной коммиссіи были отпечатаны въ Варшавѣ во множествѣ экземпляровъ и распространены въ провинціи довѣреннымъ лицомъ генерала артиллеріи, Пясковскимъ [2]).

Коллонтай ожидалъ съ тревогой извѣстій объ исходѣ сеймиковъ. Всѣ свѣдѣнія, какія онъ получалъ отъ своихъ друзей изъ провинціи, сообщались имъ немедленно королю въ краткихъ, но весьма краснорѣчивыхъ записочкахъ, по большей части безъ даты.

«Пинскій хорошъ!» «Плоцкій хорошъ!»

«Изъ Владимира недобрыя вѣсти... Чацкіе показали себя, каковы они есть... Дай Богъ, чтобы мы получили болѣе добрыя вѣсти изъ Луцка и Кременца». Въ Латычовѣ, «слава Богу, присягнули конституціи» [3]).

«Народная газета» (Gazeta narodowa i obca), получавшая, вѣроятно, свѣдѣнія отъ вице-канцлера, сообщала уже 7-го (18-го) и 11-го (22-го)

---

[1]) Малая Польша—названіе южной части старой Польши. При Станиславѣ-Августѣ въ составъ Малой Польши входили, между прочимъ, воеводства Кіевское, Русское, Волынское, Подольское, Люблинское, Брацлавское и Черниговское.

[2]) Рожанъ Щенсному-Потоцкому, 16-го (27-го) января 1792 г.

[3]) Коллонтай королю.

февраля радостныя вѣсти о томъ, что сеймики прошли спокойно, при всеобщемъ одобреніи конституціи народомъ.

Станиславъ-Августъ, питая радостныя надежды, все-таки тревожился и былъ очень радъ, узнавъ о благополучномъ окончаніи сеймиковъ. «Булгаковъ увѣряетъ,—писалъ онъ Букатому,—что онъ не принималъ никакого участія въ агитаціи на сеймикахъ. Мы узнаемъ скоро всю правду и вознесемъ благодарность Богу, если большая часть сеймиковъ обойдется благополучно, какъ есть основаніе предполагать» [1]).

Король отъ души благодарилъ всѣхъ лицъ кои руководили сеймиками.

«Мнѣ было пріятно узнать,—писалъ онъ каштеляну Морскому,—что дунаевскимъ сеймикомъ послана депутація для принесенія благодарности за конституцію, которая осчастливитъ страну и которая одобряется всѣми иностранными державами» [2]).

И было чему радоваться, такъ какъ на сеймикахъ, къ всеобщему удивленію, всѣ высказались о конституціи одобрительно.

«Слава Богу,—писалъ король 18-го (29-го) февраля,—что у насъ, въ Польшѣ, духъ народа лучше, нежели во Франціи. Тридцать пять сеймиковъ добровольно присягнули конституціи 3-го мая, а тридцать другихъ велѣли благодарить за нее меня и сеймъ. Только три сеймика не высказались ни за, ни противъ нея. Новыя постановленія сейма были выслушаны повсюду внимательно, и нигдѣ не было обнародовано никакихъ воззваній.

«До сихъ поръ никто не былъ противъ конституціи; напротивъ, кромѣ трехъ сеймиковъ, совершенно умолчавшихъ о ней, всѣ благодарили меня, а большая половина присягнула конституціи». «Такое единомысліе—явленіе безпримѣрное въ Польшѣ» [3]).

Вообще, сеймики прошли въ образцовомъ порядкѣ.

«Всю эту голытьбу, всѣхъ этихъ болтуновъ и крикуновъ не пришлось кормить, такъ какъ согласно новому закону помѣщики сами подавали голоса... Этотъ разъ не было той невѣроятной сутолоки, какая происходила на прежнихъ сеймикахъ» [4]).

«На сеймикахъ не было ни иностранныхъ, ни мѣстныхъ солдатъ...; обывателей не подкупали подарками...; это первый примѣръ, что народъ единодушно принялъ конституцію»,—писалъ бывшій ея противникъ, познанскій посолъ Мелжинскій [5]).

---

[1]) Король-Букатому 4-го (15-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 205).
[2]) Kantecki. Z autografów biblioteki poturzyckiej. (Przewodnik nauk. i lit. 1878 г., стр. 93).
[3]) Король—Орачевскому 11-го (22-го) февраля 1792 г.
[4]) Pamiętniki J. D. Ochockiego. Wilno, 1857, II, 166, 168.
[5]) Сессія сейма, 10-го (21-го) марта 1792 г. (Gazeta narodowa i obca отъ 10-го (21-го) марта 1792, № 23).

«Любопытно,—писалъ съ своей стороны маршалъ Малаховскій своему племяннику въ Дрезденъ,—что скажутъ у васъ о единодушіи сеймиковъ. Человѣкъ религіозный увидитъ въ этомъ руку Промысла; политикъ увидитъ въ этомъ доказательство преданности народа закону [1]).

Даже «недовольные» не могли ни въ чемъ упрекнуть сеймики.

«Совершенно вѣрно,—писалъ Щенсному-Потоцкому одинъ довѣренный человѣкъ,—что обыватели созваны въ провинціи законнымъ образомъ; рѣшеніе повѣтовъ также законно; но отовсюду сообщаютъ, что число съѣхавшихся было невелико» [2]).

Тѣмъ не менѣе исходъ сеймиковъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Сторонники конституціи ликовали, Станиславъ-Августъ видѣлъ въ этомъ пораженіе «недовольныхъ».

«Ни на одномъ изъ сеймовъ,—писалъ онъ Орачевскому,—ни одинъ изъ пріятелей бывшаго генерала артиллеріи не вспомнилъ его ни добрымъ, ни худымъ словомъ, а на нѣкоторыхъ сеймахъ шляхта говорила: «Хорошо Потоцкому и Ржевусскому, а если бы кто изъ насъ пошелъ противъ постановленій сейма [3])..., то намъ, навѣрное, пришлось бы хуже, нежели имъ». Король полагалъ, что Щенсный-Потоцкій, не найдя поддержки въ народѣ, откажется отъ своихъ замысловъ, возвратится въ Польшу и присягнетъ конституціи. Въ исходѣ февраля, пригласивъ къ себѣ довѣренное лицо Щенснаго-Потоцкаго, Рожана, онъ сказалъ ему: «Я получилъ извѣстіе, что 50 сеймиковъ уже присягнули конституціи, т. е. значительное большинство. Потоцкій, несмотря на свой протестъ, могъ бы, безъ позора для себя, вернуться въ Польшу подъ предлогомъ, что онъ не присягалъ конституціи, полагая, что она не будетъ одобрена народомъ; но, узнавъ истинное положеніе дѣла, онъ присоединяется къ волѣ народа» [4]).

Подъ впечатлѣніемъ добрыхъ вѣстей о сеймахъ въ Варшавѣ полагали, что министры и должностныя лица, не сочувствовавшіе конституціи, должны будутъ оставить свои мѣста [5]).

Полагали также, что принятіе народомъ конституціи измѣнитъ отношеніе Россіи къ Рѣчи Посполитой и повліяетъ на рѣшеніе курфирста.

«Разныя соображенія,—писалъ король,—даютъ намъ право предполагать, что Москва не объявитъ намъ войны изъ-за этого переворота». Онъ полагалъ, что настроеніе народа «произведетъ впечатлѣніе и въ

---

[1]) Костомаровъ, стр. 408.

[2]) Рожанъ Щенсному-Потоцкому 28-го февраля (10-го марта) 1792 г.

[3]) Король—Орачевскому 18-го (29-го) февраля 1792 г.

[4]) Рожанъ—Щенсному-Потоцкому 17-го (28-го) февраля 1792 г.

[5]) Дневникъ Булгакова, отъ 10-го (21-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 295).

Петербургѣ, хотя бывшій генералъ артиллеріи Потоцкій, бывшій гетманъ Ржевусскій, Сухоржевскій и Томашевскій уже, вѣроятно, отправились туда» [1]).

«По многимъ признакамъ можно было думать, — писалъ Хрептовичъ,—что одною изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ курфирста медлить рѣшеніемъ, была неувѣренность въ томъ, одобритъ-ли народъ новую конституцію. Благопріятный исходъ нынѣшнихъ сеймовъ можетъ совершенно успокоить его относительно этого пункта и ускорить его рѣшеніе» [2]).

Король приказалъ сообщить саксонскому посланнику въ Варшавѣ Эссену списокъ сеймиковъ, поименовавъ ихъ въ томъ порядкѣ, который соотвѣтствовалъ ихъ отношенію къ конституціи 3-го мая; носились также слухи, будто князю Адаму Чарторыйскому было приказано продлить свое пребываніе въ Дрезденѣ, чтобы сообщить курфирсту о впечатлѣніи, какое новая форма правленія произвела на шляхту. Эссенъ былъ увѣренъ, что если сеймики пройдутъ благополучно, то Варшавскій дворъ не преминетъ вновь обратиться къ курфирсту съ предложеніемъ принять корону. Луккезини чрезвычайно волновался по поводу сеймиковъ. Онъ не ожидалъ, что они пройдутъ такъ благополучно, и опасался, какъ бы подчиненіе народа волѣ сейма не вызвало такихъ послѣдствій, какихъ никто не ожидалъ [3]).

Въ то время, какъ король и близкіе къ нему люди, подъ впечатлѣніемъ благополучнаго исхода сеймиковъ, предавались радостнымъ иллюзіямъ, жизнь страны вступала въ свое обычное теченіе. Вновь избранные депутаты и должностныя лица приготовлялись къ исполненію своихъ обязанностей, честолюбивые члены сейма помышляли о сенаторскихъ креслахъ, болѣе скромные мечтали объ орденахъ, перстняхъ, либо о хорошемъ жалованьи, а Станиславъ-Августъ поджидалъ съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Петербурга и Дрездена.

VII.

По мнѣнію Безбородка, россійская армія, возвращавшаяся изъ Турціи, могла вступить въ Польшу въ маѣ мѣсяцѣ. Но, во избѣжаніе мо-

---

[1]) Король—Орачевскому 11-го (22-го) и 18-го (29-го) февраля 1792 г.

[2]) Хрептовичъ—польскому посланнику въ Копенгагенѣ, 7-го (18-го) февраля 1792 г.

[3]) Дневникъ Булгакова, 9-го (20-го) и 12-го (23-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 293, 295).

гущихъ произойти случайностей, Россіи слѣдовало снестись предварительно съ сосѣдними Прусскимъ и Австрійскимъ дворами, а по полученіи отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта, предупредить о вторженіи правительство Рѣчи Посполитой и дѣйствовать согласно съ планомъ, выработаннымъ совмѣстно съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ [1]).

Этотъ проектъ, посланный въ Петербургъ изъ Яссъ, одновременно съ извѣстіемъ о результатѣ совѣщаній съ поляками-эмигрантами, былъ одобренъ политическими друзьями Безбородка, графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ. На него изъявила согласіе и сама императрица [2]).

Въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ожидали польскихъ магнатовъ, которые должны были принять участіе въ выработкѣ плана и въ его исполненіи. Ихъ ждали въ началѣ марта и безпокоились по поводу того, что они не ѣхали.

Безбородко смѣялся надъ этими страхами и писалъ: «Зачѣмъ у васъ о полякахъ тревожилися? Ихъ никто бы не унесъ; да они же люди такіе осторожные, что взяли путь направо къ обожаемой ими графинѣ Виттъ» [3]).

И дѣйствительно, страхъ оказался напраснымъ, ибо въ тотъ моментъ, когда Безбородко писалъ эти строки, т. е. въ началѣ марта, польскіе паны были уже на берегахъ Невы. Императрица жаловалась въ то время на бездну дѣлъ.

«Еще пріѣздъ Потоцкаго и Ржевусскаго занимаетъ время. Какъ же ихъ не принять,—говорила императрица,—одинъ 30-ть лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой, изъ врага, сдѣлался, по обстоятельствамъ, намъ другъ, потому что республика не можетъ устоять безъ Россіи» [4]).

Вслѣдъ за Потоцкимъ и Ржевусскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ гетманъ Браницкій. Еще въ январѣ онъ просилъ короля чрезъ Коллонтая и маршала Потоцкаго о дозволеніи отправиться съ женою въ Петербургъ, для устройства дѣлъ о наслѣдствѣ Потемкина.

«Я не боюсь присутствія его въ Петербургѣ,—писалъ Коллонтай,—видя, какъ дѣло устраивается въ Дрезденѣ; но такъ какъ я зналъ, что маршалъ долженъ былъ доложить объ этомъ вашему королевскому величеству, то я рѣшилъ сказать Браницкому, что ваше королевское

---

[1]) Безбородко—П. В. Завадовскому, 22-го ноября (3-го декабря) 1791 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, Москва. 1879, стр. 233).

[2]) Безбородко—русскому послу въ Лондонѣ, Воронцову, 16-го (27-го мая) 1792 г. (Григоровичъ. Канцлеръ кн. Безбородко, Спб. 1879, т. I, 428).

[3]) Безбородко—графу А. Моркову, 2-го (13-го) марта 1792 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, Москва, 1879, стр. 254).

[4]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, Спб. 1874, стр. 392.

величество дадите приказаніе Потоцкому лично, а онъ уже получить отъ него окончательный отвѣтъ».

Жена Браницкаго хлопотала за мужа, засыпала короля письмами и просьбами; къ нему приставалъ также Булгаковъ, предупреждая короля, что императрица приняла бы отказъ уволить Браницкаго за личное оскорбленіе. Въ письмѣ отъ 27-го февраля (10-го марта) гетманъ возобновилъ свою просьбу, ссылаясь на присягу, данную имъ при вступленіи въ Стражу.

«Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, даю честное слово, что моя поѣздка не имѣетъ иной цѣли, какъ только пользу моихъ дѣтей,—писалъ онъ королю,—и что я вернусь вѣрнымъ вашему королевскому величеству и конституціи».

1-го (12-го) марта король разрѣшилъ Браницкому трехмѣсячный отпускъ, взявъ съ него письменное удостовѣреніе, что онъ останется вѣрнымъ конституціи, и слово, что если интересы Рѣчи Посполитой потребуютъ, то онъ тотчасъ вернется въ Польшу.

«Я рѣшилъ,—писалъ король Букатому, какъ бы оправдываясь,—что не слѣдовало сердить въ такихъ пустякахъ императрицу, коль скоро мы рѣшили въ гораздо болѣе важныхъ дѣлахъ и съ бо́льшимъ рискомъ идти противъ ея воли, если бы она вздумала нарушить нашу конституцію... Если бы даже Браницкій сдѣлался вѣроломнымъ и захотѣлъ учинить что-либо противъ Польши совмѣстно съ бывшимъ генераломъ артиллеріи и бывшимъ гетманомъ Ржевусскимъ, то онъ также нашелъ бы мало добровольныхъ сторонниковъ въ Польшѣ, если ихъ не поддержитъ русское войско. А если бы это войско, чего Боже упаси, вступило къ намъ съ непріязненной цѣлью, то ихъ происки не причинили бы намъ особеннаго вреда по сравненію съ тѣмъ, какой причинитъ намъ русское войско» [1]).

10-го (21-го) марта Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ. Изъ писемъ императрицы, которая торопила его вернуться какъ можно скорѣе, онъ заключалъ, что вѣдѣніе польскими дѣлами будетъ поручено ему, а никому другому; но, прибывъ въ столицу, онъ убѣдился, что его положеніе пошатнулось. Уѣзжая, по смерти Потемкина, въ Яссы, Безбородко поручалъ, по свойственной ему угодливости, завѣдываніе дѣлами внутренней политики фавориту императрицы, 26-ти-лѣтнему Платону Александровичу Зубову, а дѣла внѣшнія его другу, Аркадію Ивановичу Моркову, чрезъ котораго онъ разсчитывалъ войти въ болѣе близкія отношенія къ фавориту. Вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, «ему дали почувствовать, что дѣла уже не въ его рукахъ. Зубовъ упра-

---

[1]) Король—Букатому, 3-го (14-го) марта 1792 г. (Калинка. Послѣдн. годы царств. Станислава-Августа, II, 206).

влялъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами, имѣя Моркова подъ собою для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ прежнихъ фаворитовъ, даже и самъ всемогущій князь Потемкинъ, не имѣлъ столь огромной власти, какъ Зубовъ: ибо тѣ распространяли свое вліяніе на одинъ департаментъ, а онъ захватилъ себѣ все» [1]).

Помимо Зубова, который, послѣ кончины Потемкина, пріобрѣлъ огромное вліяніе и значеніе, и Моркова, который, какъ человѣкъ опытный въ дипломатіи, имѣлъ вліяніе на фаворита, видную роль сталъ играть при дворѣ Василій Степановичъ Поповъ, довѣренный человѣкъ покойнаго князя, завѣдывавшій его личными дѣлами. Человѣкъ, «безъ просвѣщенія и безъ талантовъ», онъ снискалъ особливую довѣренность императрицы тѣмъ, что убѣдилъ ее, что онъ былъ душою всѣхъ дѣлъ и помысловъ Потемкина, «чего отнюдь не было: ибо покойный князь ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣленныхъ ни на что не имѣлъ» [2]).

Эти три лица взяли на себя, передъ возвращеніемъ Безбородка, въ свое завѣдываніе дѣла польскія. Поповъ представилъ какой-то проектъ Потемкина, Морковъ представилъ свои собственныя соображенія; Зубовъ присоединился къ нимъ.

По мнѣнію императрицы, для начала дѣйствій было достаточно опереться на существовавшую въ Польшѣ партію недовольныхъ.

«Морковъ говоритъ»,—писала она Безбородку 4-го (15-го) декабря 1791 г.,—«чтобъ заготовить партію въ Польшѣ и дѣлать внушеніе дворамъ, а я говорю, чтобъ дворамъ не сказать слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобъ не было людей, кои бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ старостствъ и объ уничтоженіи гетмановъ. Папа отсовѣтываетъ вводить греческихъ епископовъ въ Польшѣ и подчинить ихъ цареградскому патріарху; ему надо унію. Вѣдь, кажется, тутъ, въ Волыніи и Подоліи, много разныхъ предлоговъ; стоитъ лишь выбрать. Я приказала сдѣлать выпись изъ поведенія Польши въ разсужденіи насъ отъ 1787 года» [3]).

Булгаковъ доносилъ, что Россія можетъ разсчитывать на 15-ть сенаторовъ и на 36-ть пословъ. Кромѣ того, 19-ть сенаторовъ и 20-ть пословъ, недовольныхъ ходомъ занятій сейма, только и ожидали позыва для того, чтобы выступить съ оппозиціей. Каждый изъ нихъ имѣлъ вліяніе и связи и могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ. Этого императрица считала достаточнымъ, чтобы приступить къ дѣлу; опи-

---

[1]) Завадовскій — Воронцову, послу въ Лондонѣ, 16-го (27-го) января 1793 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XII, стр. 75). Дневникъ Храповицкаго, стр. 533.

[2]) Завадовскій—Воронцову, 14-го (25-го) мая 1792 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XII, стр. 79).

[3]) «Русскій Арх.», 1876, I, стр. 168.

раться же на какую-либо партію она считала излишнимъ, такъ какъ сила ея была въ войскѣ.

На частной аудіенціи, данной императрицей Потоцкому и Ржевусскому, на которую былъ допущенъ одинъ только Зубовъ [1]), было рѣшено, что недовольные конституціей магнаты составятъ конфедерацію и обратятся за помощью къ Россіи. Въ скоромъ времени польскіе паны составили, при содѣйствіи генерала Попова, актъ генеральной коронной конфедераціи, а по составленіи ея, подали императрицѣ слѣдующее прошеніе:

«Великая государыня. Мы, свободные, независимые поляки, всегда считали рабство равносильнымъ смерти. Жертвуя всѣмъ свободѣ, мы думали только о томъ, чтобъ сохранить ее, и для того мы устроили правленіе, гдѣ каждый былъ у себя королемъ, и гдѣ всѣ вмѣстѣ признавали только одного, и только того, кого сами избрали. Вмѣстѣ властители и подданные, мы издавали законы и повиновались имъ. У насъ не было другого властелина, кромѣ нашей воли. Законъ былъ прежде всего, короли были избирательные, гражданинъ свободенъ, и Польша была республикой. Вотъ чѣмъ мы были, великая государыня, и чего нѣтъ болѣе. Намъ остается умереть, или снова сдѣлаться тѣми, чѣмъ мы были.

«Горсть людей овладѣла законодательной властью, поддержанная, варшавскою чернью и полками коронной гвардіи, забыла отечество и принесла республику въ жертву королю. Эпохой этой революціи былъ день 3-го мая прошлаго года. Отмѣнено было избраніе королей, установлено престолонаслѣдіе, королю дана армія, казна и право миловать преступниковъ, нарушены были pacta conventa, король разрѣшенъ отъ присяги, данной имъ націи, уволенъ отъ исполненія условій, при которыхъ онъ принялъ корону, и врагомъ отечества объявленъ всякій, кто осмѣлится быть противъ новой конституціи; однимъ словомъ, республика была уничтожена, совершено преступленіе, и водворенъ деспотизмъ. Самое возмутительное то, что согласіе на это постановленіе изъявила только пятая часть засѣдающихъ на сеймѣ, въ отсутствіи остальныхъ четырехъ пятыхъ, несмотря на протестъ большинства сенаторовъ и депутатовъ. Все это совершено противъ инструкцій, данныхъ воеводствами, и слѣдовательно противъ воли націи; словомъ, все это исполнено посредствомъ самаго неслыханнаго насилія и поруганія надъ священнымъ званіемъ депутата, въ лицѣ г. Сухоржевскаго, котораго съ величайшимъ трудомъ спасли отъ смерти и отъ тѣхъ, которые топтали его ногами.

«Преступленіе совершилось, надо было поддержать его силою. Обра-

---

[1]) Костомаровъ, 415.

тились къ арміи и принудили ее присягнуть конституціи, и теперь ею пользуются, какъ орудіемъ, чтобы упрочить установленное рабство. Оружіе республики обратилось противъ нея самой, защитникъ края сдѣлался противъ своей воли ея притѣснителемъ, и поляки, организовавъ съ большими пожертвованіями войско въ шестьдесятъ пять тысячъ человѣкъ, сами того не подозрѣвая, устроили все къ своей гибели. Съ другой стороны, такъ какъ мечъ правосудія грозилъ поразить тѣхъ, которые осмѣлятся противиться новой конституціи, протестовать противъ нея или выставлять ея недостатки, то пущены были въ ходъ доносы, кары и гоненіе, а это, въ свою очередь, лишило возможности выбиться изъ такого положенія собственными силами. Всѣ стонутъ, но никто не смѣетъ поднять голову, изъ опасенія ея лишиться. Сеймъ, созванный на шесть недѣль, насильственно захватилъ законодательную власть и пользовался ею три года съ половиною, вопреки положительному запрещенію закона; сдѣлавшись такимъ образомъ вполнѣ незаконнымъ, онъ не поколебался ни минуты овладѣть и другими полномочіями республики. Законодатель дѣлается судьей и исполнителемъ въ одно и то же время, а въ довершеніе еще и доносчикомъ.

«Начались ссылки, гетманъ Ржевусскій, такъ же какъ фельдцейхмейстеръ Потоцкій, обвиненные сеймомъ, судимые сеймомъ, лишенные сеймомъ своихъ должностей, не будучи ни призваны, ни выслушаны, сдѣлались первыми жертвами. Нарушенъ былъ главный законъ республики: Neminem captivabimus, nisi jure victum, въ лицѣ г. Томашевскаго, котораго арестовали безъ предварительнаго постановленія суда, и арестовали за то, что у него нашли книги, выставлявшія на видъ недостатки новой констититуціи. Вооруженной силой принудили высшее литовское судилище дать присягу новой конституціи. Епископа Ливоніи Коссаковскаго, захвативъ въ его домѣ, повели въ церковь, чтобы заставить отслужить молебенъ по случаю совершеннаго насилія. Завели процессы съ гражданами, приверженными къ свободѣ, возбудили жителей противъ дворянства, наконецъ раздули возстаніе крестьянъ затѣмъ, чтобъ унизить дворянство чрезъ крестьянъ и потомъ наложить ярмо рабства на обоихъ. Это не все. Не допускаютъ нигдѣ двадцати особамъ изъ благородныхъ гражданъ собраться вмѣстѣ, и назвавъ это заговоромъ противъ правительства, вносятъ тѣмъ ужасъ и горе въ нѣдра семействъ. Покровительство, оказываемое тѣмъ, которые приписываются къ буржуазіи, дѣлаетъ то, что ни одинъ господинъ не увѣренъ болѣе въ своемъ слугѣ, и не знаетъ, кого онъ держитъ у себя, слугу или врага. Перехватываніе писемъ, отобраніе почтъ отнимаютъ всѣ средства сообщенія между гражданами и не допускаютъ ихъ сговориться о средствахъ облегчить свою участь. Ни одинъ процессъ не выигранъ, если не пущено въ ходъ низкопоклонство при дворѣ; ни-

кто не оставленъ въ покоѣ, если не объявляетъ себя громогласно защитникомъ рабства; однимъ словомъ, нѣтъ ни свободы, ни собственности, ни безопасности. Дошли до того, что заставили законодателя принять на себя роль клеветника и скрѣпить своимъ показаніемъ нелѣпыя обвиненія, которыя хотѣли взвести на ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Сдѣлано еще болѣе: дошли до того, что предложили королю передъ лицомъ всего сената... Но замолчимъ, пусть не вѣдаетъ потомство, что подобное преступленіе существовало въ Польшѣ, и существовало безнаказанно. Вотъ въ какомъ положеніи находится Польша въ настоящее время. Насколько хватитъ силъ и средствъ, гражданинъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, чтобъ возстановить республику. Но когда угнетающая партія завладѣла всѣми полномочіями республики, и для того, чтобъ водворить и поддержать деспотизмъ, воспользовалась арміей и государственной казной; когда, однимъ словомъ, имѣя въ рукахъ всѣ средства угнетать, она въ то же время отняла всѣ средства защищаться и гражданинъ не можетъ болѣе заявлять свои права и вольности, не слывя за преступника, ни осмѣлиться поднять голову, не подвергаясь опасности ея лишиться,—тогда обязанность каждаго честнаго гражданина искать извнѣ поддержки своему отечеству. Да, его обязанность искать извнѣ боговъ, благопріятныхъ свободѣ, когда онъ видитъ, что домашніе пенаты не за нее. Эти чуждые боги сдѣлаются его богами, если имъ удастся спасти государство и гражданина.

Великая Екатерина! Уподобясь божеству еще болѣе желаніемъ творить добро, нежели безграничною властью, которою ты облечена, ты одна можешь быть этимъ божествомъ, благопріятнымъ для польской свободы.

Владычица полуміра, великая по уму и дѣяніямъ, ты предписала законы всѣмъ твоимъ врагамъ. Удивленная Европа смолкла передъ тобою, и у тебя нѣтъ болѣе ни враговъ, ни соперниковъ. Польская нація, соединенная въ одну общую конфедерацію, обращается къ тебѣ какъ къ божеству, благопріятному для ея свободы, и призываетъ тебя къ себѣ на помощь. Ты предназначена къ этому величіемъ твоей души, и дружба, всегда оказываемая тобою польской республикѣ, скрѣпленная торжественными договорами, даетъ тебѣ право совершить великое дѣло. Всѣ надѣются на тебя и ожидаютъ всего только отъ тебя одной. Въ самомъ дѣлѣ, великая государыня, ты, наполнившая вселенную славою твоего имени и твоихъ побѣдъ и величіемъ души еще болѣе, чѣмъ страхомъ завоеваній, сдѣлавшаяся прибѣжищемъ народовъ и царей, можешь-ли ты отказаться протянуть твою великодушную руку угнетенной націи, которой ты была всегдашней союзницей? Почему польскій король, по просьбѣ котораго ты столько разъ посылала войска твои въ Польшу, долженъ оказаться въ этомъ случаѣ счастливѣе насъ? Сколько тысячъ и

тысячъ гражданъ, надѣясь только на тебя и борясь противъ деспотизма, не могутъ сбросить наложенныя на нихъ оковы безъ твоей всесильной помощи! Нѣтъ, великая государыня, мы осмѣливаемся надѣяться на все, потому что мы тебя знаемъ. Всегда одинаково великая, ты можешь только еще возвыситься, склонившись на мольбы угнетенной націи.

«Великая государыня! Сколько народовъ, живущихъ подъ охраной твоего скипетра, обязаны тебѣ своимъ счастіемъ! Сдѣлай, чтобъ поляки, твои сосѣди и союзники, обязаны были тебѣ своей свободой. Сдѣлай такъ, чтобъ имя твое, прославленное въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, навсегда пробуждало въ сердцахъ поляковъ чувство самой глубокой благодарности» [1]).

Въ то время когда Екатеринѣ было подано вышеприведенное прошеніе, русскіе сановники, вѣдавшіе польскими дѣлами, выработали планъ вторженія русскихъ войскъ въ Польшу и заготовили проектъ деклараціи, въ которой исчислялись всѣ оскорбленія, нанесенныя Россіи виновниками переворота и свидѣтельствовавшія о неблагодарности Польши; говорилось, что польская нація употребила во зло оказанныя императрицею благодѣянія, ея благія намѣренія относительно Рѣчи Посполитой были представлены въ ложномъ свѣтѣ, честолюбцы, недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ, представили ея гарантіи твердости законовъ и правленія республики, какъ тяжкое и постыдное иго, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей; далѣе описывалось, съ какими насиліями былъ произведенъ переворотъ 3-го мая, лишившій Польшу избирательнаго престола, какъ овладѣвшая правленіемъ партія хотѣла поссорить Польшу съ Россіей, «державою издавна дружелюбною» Рѣчи Посполитой и польскому народу, какъ она настояла на томъ, чтобъ русскія войска были удалены изъ польскихъ владѣній; говорилось, что подданные императрицы, находившіеся въ Польшѣ, подвергались преслѣдованію; епископъ переяславскій, подданный императрицы, несмотря на его санъ и чистоту нравовъ, былъ схваченъ и отвезенъ въ Варшаву; что они нарушили самые священные договоры: отправили чрезвычайное посольство въ Турцію, съ цѣлью предложить ей союзъ противъ Россіи; въ сеймовыхъ рѣчахъ и въ печати не сохранено надлежащаго уваженія къ особѣ императрицы и т. д. Императрица, забывая неумѣстные поступки въ отношеніи себя, не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патріотической доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества, которые составили законную конфедерацію противъ незаконной варшавской и прибѣгли къ ней съ просьбой о

---

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. 47, 310—319.

помощи и покровительствѣ; она сочла себя обязанной трактатами подать имъ эту помощь и приказала части войскъ своихъ войти во владѣнія республики. «Они являются друзьями, чтобъ содѣйствовать возстановленію старинныхъ правъ и вольностей польскихъ», говорилось въ деклараціи; всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь; тѣ же, кои бы сопротивлялись благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы, пусть припишутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе [1]).

Авторы этого проекта намѣревались сдѣлать все сами, не спрашивая мнѣнія Государственнаго Совѣта, но Безбородко испортилъ имъ все дѣло. Императрица ничего не рѣшала, не посовѣтовавшись съ нимъ и съ вице-канцлеромъ; перваго она просила высказать съ полной откровенностью свои мысли касательно политики. Безбородко доказывалъ ей необходимость овладѣть Украйной и иными землями Рѣчи Посполитой, коль скоро къ тому представится удобный случай; но онъ былъ того мнѣнія, что нельзя предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій, не обсудивъ положенія дѣлъ всесторонне, и предложилъ представить проектъ Попова, Моркова и Зубова на обсужденіе Государственнаго Совѣта [2]).

29-го марта (9-го апрѣля), по высочайшему повелѣнію графомъ Безбородко были доложены Государственному Совѣту проектъ деклараціи по дѣламъ польскимъ и два рескрипта на имя генераловъ Каховскаго и Кречетникова, при чемъ было объявлено, что эти бумаги сообщаются Совѣту въ величайшей тайнѣ. При чтеніи ихъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ даны были объясненія по дѣламъ польскимъ и представлена переписка съ русскими послами въ Вѣнѣ и Берлинѣ, княземъ Голицынымъ и Алопеусомъ, касательно плана вступленія русскихъ войскъ въ Польшу.

Государственный Совѣтъ постановилъ слѣдующее мнѣніе:

«Неоспоримо, что сверхъ многихъ озлобленій и знаковъ крайняго недоброхотства, оказанныхъ Россіи со стороны партіи, нынѣ въ Польшѣ господствующей, въ теченіе минувшей войны съ турками, произведенная тою же партіею перемѣна правленія для насъ предосудительна и вредна, и что потому необходимо нужно стараться испровергнуть оную, въ чемъ ея императорское величество и все возмездіе за таковое короля польскаго и его единомышленныхъ недоброжелательство полагаетъ», а потому Совѣтъ находилъ, что «проектъ деклараціи составленъ въ выраже-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія паденія Польши, Спб. 1863, стр. 269.

[2]) Безбородко къ гр. С. Р. Воронцову 15-го (26-го) мая 1792 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 255. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. 26. 428, 429).

ніяхъ пристойныхъ и положенію дѣлъ сообразныхъ, число войскъ россійскихъ назначаемое весьма достаточно, а мѣры, въ проектахъ рескриптовъ начертанныя, представляются надежными къ одержанію полнаго въ томъ успѣха», если только Россіи противостанутъ одни польскія войска. «Но для обезпеченія себя въ таковомъ успѣхѣ нужно не меньше быть увѣренными въ согласіи на то и со стороны сосѣднихъ Польшѣ Вѣнскаго, особливо же Берлинскаго дворовъ». Что касалось перваго, то Совѣтъ, признавая, что взгляды Вѣнскаго двора на польскія дѣла во многомъ расходились со взглядами Россіи, полагалъ однако, что «при твердомъ настояніи» съ ея стороны въ принятомъ намѣреніи, онъ «ограничится одними представленіями и совѣтами», и считая для себя союзъ съ Россіей самымъ полезнымъ, «ни тайно, ни явно не поддастся ни на какія дѣятельныя вопреки Россіи средства». Совершенно инымъ представлялось положеніе короля прусскаго, заключившаго съ Польшею, на послѣднемъ сеймѣ, оборонительный союзъ. Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу и начатіе дѣйствій безъ предварительнаго ему сообщенія могло быть принято имъ за поводъ къ войнѣ, и тогда онъ «не остановится на одномъ поданіи помощи въ первой степени, каковая обыкновенно назначается въ трактатахъ между союзными державами, но конечно рѣшится на пособіе большими силами». Тогда и Англія легко могла бы вмѣшаться въ дѣло, «ибо извѣстно, что король и министерство ту же ненависть къ Россіи питаютъ, что̀ и прежде, и охотно станутъ искать воспользоваться случаемъ вредить намъ. Напротивъ того, нельзя ожидать отъ Вѣнскаго двора, чтобъ онъ при таковомъ дѣятельномъ короля прусскаго пособіи призналъ случай союза и вступилъ съ нами въ общее противу него дѣло». Въ виду этого и полагая, что «настоящая форма правленія, коварствомъ и насиліемъ въ Польшѣ введенная», могла оказаться въ будущемъ опасной для прусской монархіи и такъ какъ изъ предварительныхъ отвѣтовъ Берлинскаго кабинета было видно, что его образъ мыслей по этому предмету былъ сходенъ съ взглядомъ Русскаго кабинета, Совѣтъ считалъ нужнымъ сдѣлать новое съ Берлинскимъ дворомъ дружеское объясненіе, предлагая ему, что число недовольныхъ въ Польшѣ немало; что для достиженія нашихъ предположеній мы намѣрены ихъ подкрѣпить; что время, наступающее къ выводу изъ турецкихъ областей войскъ россійскихъ, подаетъ къ тому удобность, которою и положено у насъ воспользоваться; для успокоенія же Берлинскаго двора необходимо подать ему увѣреніе, что намѣренія ея императорскаго величества безкорыстны и ни къ чему иному не клонятся, кромѣ къ возвращенію вещей въ то состояніе, въ какомъ имъ быть свойственно для покоя сосѣднихъ державъ; что, ниспровергая незаконно и насильно на послѣднемъ сеймѣ учиненное, въ Россіи и въ мысли не имѣютъ касаться союза, королемъ прусскимъ съ республи-

кою заключеннаго... «Безъ таковыхъ же предварительныхъ сообщеній и обнадеживаній сомнительно, чтобъ онъ остался равнодушнымъ зрителемъ всего нами производимаго, тѣмъ болѣе, что, кромѣ другихъ поводовъ, одно любочестіе, что не сдѣлано ему никакого откровенія о предпринимаемыхъ въ сосѣдней землѣ и столь близко границъ его простираемыхъ дѣйствіяхъ, возбудитъ въ немъ безпокойство. Вѣнскому двору въ качествѣ союзнаго, равное же сообщеніе въ израженіяхъ, нашему взаимному положенію сходственныхъ, учинено быть долженствуетъ».

Предпринимая дѣйствіе въ Польшѣ со столь значительными силами, что̀ потребовало бы немалыхъ издержекъ, тѣмъ болѣе, что «по входѣ войскъ въ Польшу на содержаніе ихъ не иныя деньги, какъ золотыя или серебряныя, нужны будутъ», надлежало, по мнѣнію Совѣта, стараться, «чтобъ таковое знатныхъ силъ и способовъ употребленіе награждено было по крайней мѣрѣ доставленіемъ прочнаго на будущія времена со стороны польской спокойствія и безопасности», а для этого, самое простое было «возстановленіе правленія польскаго въ томъ состояніи, въ каковомъ оно было при двухъ короляхъ предпослѣднихъ, Августѣ II и Августѣ III», когда дѣятельность правительства и сеймовъ не причиняла сосѣдямъ ни малѣйшей тревоги и «сила и вліяніе Россіи простирались болѣе на общія дѣла и на выгоды и пособіе для войскъ нашихъ, нежели на частные виды чьи-либо». Въ заключеніе Совѣтъ высказалъ относительно Станислава-Августа мнѣніе, что онъ «при всякомъ случаѣ искалъ присвоить себѣ власти болѣе предмѣстниковъ своихъ, а правительству своему—вящшую дѣятельность; что всѣ его перевороты на нашу или на другую сторону ту единственно цѣль имѣли, что всѣ перемѣны, въ правительствѣ польскомъ произведенныя, къ тому пріуготовили, чтобъ доставить ему удобность произвесть все то, что въ послѣднее время случилося» [1]).

Мнѣніе Государственнаго Совѣта согласовалось съ духомъ проектовъ Безбородка; поэтому оно было одобрено императрицей и доставило ему торжество надъ Зубовымъ, Морковымъ и Поповымъ. Вмѣстѣ съ нимъ торжествовали и его политическіе друзья: гр. Александръ Воронцовъ и Петръ Завадовскій [2]). Обнародованіемъ деклараціи и приказовъ, касавшихся вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, рѣшено было сначала повременить, такъ какъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, надлежало сперва условиться съ дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ. Однако, нѣсколько времени спустя, было рѣшено не ожидать отъ нихъ отвѣта. Каховскому и Кречетникову было повелѣно перейти польскую границу

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I. Совѣтъ въ царствованіе имп. Екатерины II, стр. 906—910.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 394.

въ половинѣ мая; 12-го (23-го) апрѣля Безбородко, по повелѣнію императрицы, запросилъ также Государственный Совѣтъ относительно того, когда именно и какимъ способомъ препроводить въ Варшаву декларацію, а равно, какъ долженъ держать себя впредь Булгаковъ. По рѣшенію Совѣта, Булгаковъ долженъ былъ вручить декларацію канцлеру и подканцлеру между 1-мъ (12-мъ) и 6-мъ (17-мъ) мая, т. е. передъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Польшу. Ему не велѣно было сообщать объ этомъ предварительно ни одному изъ находившихся въ Варшавѣ иностранныхъ пословъ, дабы они, узнавъ преждевременно о намѣреніяхъ Россіи, не предприняли какихъ-либо непріязненныхъ шаговъ. Вручивъ декларацію, Булгаковъ долженъ былъ выждать отвѣта Варшавскаго двора; въ крайнемъ случаѣ, т. е. ежели варшавское правительство приметъ шагъ Петербургскаго кабинета за объявленіе войны и потребуетъ его формальнаго отъѣзда, онъ долженъ исполнить это требованіе, препоручивъ посольскій архивъ датскому посланнику [1]).

Россія, которая была готова, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлать Пруссіи уступку и допустить, чтобы она воспользовалась раздѣломъ Польши, держала себя по отношенію къ Австріи въ высшей степени пренебрежительно. На ноту Кауница отъ 12-го (23-го) мая Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ лишь девять мѣсяцевъ спустя по ея полученіи, 19-го февраля (1-го марта) 1792 г., уже по ратификаціи мира съ Турціей. Видя, что Австрія была очень взволнована событіями, происходившими во Франціи, императрица побуждала ее вооружиться и обѣщала ей даже принять на себя половину расходовъ, если бы она отказалась отъ своего взгляда на Польшу.

«Впрочемъ,—говорилось Вѣнскому кабинету,—если вы будете настаивать на своемъ намѣреніи усилить Польшу, то вы останетесь при своемъ мнѣніи одни. Королю прусскому еще менѣе, нежели намъ, нравится Польша съ наслѣдственнымъ престоломъ и усиленной королевской властью». Однако, до поры до времени, Россія тщательно скрывала свое намѣреніе совершить раздѣлъ Польши, увѣряя Австрію въ неприкосновенности польскихъ границъ.

19-го февраля (1-го марта) скончался императоръ Леопольдъ. Извѣстіе это не смутило поляковъ. Станиславъ-Августъ, убѣжденный въ томъ, что «Вѣна и Берлинъ... до тѣхъ поръ не предпримутъ, согласно желанію императрицы, ничего противъ Франціи, пока она не дастъ слово, что не нарушитъ мира съ Польшей», предавался по поводу кончины императора такимъ надеждамъ, которыя поражали маршалка Потоцкаго своимъ оптимизмомъ.

«Вѣсть о кончинѣ императора,—писалъ онъ,—подала и мнѣ поводъ

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, стр. 910—912.

къ различнымъ предположеніямъ касательно дальнѣйшаго отношенія къ намъ Австрійскаго двора, коего насущные интересы остаются неизмѣнны. Было бы неблагоразумно утверждать, что смерть императора измѣнитъ образъ дѣйствій курфирста саксонскаго, и бояться неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствъ»[1]).

Дѣйствительно, Францискъ II придерживался вначалѣ относительно Петербургскаго кабинета политики своего отца, отъ которой ему пришлось, впрочемъ, вскорѣ отказаться.

10-го (21-го) апрѣля французское народное собраніе объявило Австріи войну, и императоръ, нуждаясь въ помощи, лишился возможности помѣшать намѣреніямъ Россіи относительно Польши[2]). Это ускорило рѣшеніе Екатерины ввести свои войска въ Польшу и вызвало приказаніе Булгакову вручить польскимъ министрамъ декларацію императрицы.

Вышеупомянутыя событія, конечно, должны были оказать вліяніе на отношеніе къ Польшѣ курфистра саксонскаго.

На отвѣтъ Фридриха-Августа отъ 3-го (14-го) февраля польскіе делегаты заявили, что рѣшеніе, касающееся измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ конституціи, превышаетъ ихъ полномочія, и что было бы лучше, если бы Саксонскій кабинетъ назначилъ коммиссара, который обсудилъ бы этотъ вопросъ непосредственно съ сеймомъ. Саксонскіе министры изъявили на это согласіе; но полученное нѣсколько дней спустя извѣстіе о кончинѣ императора Леопольда задержало посылку коммиссара, котораго курфирстъ не спѣшилъ назначить, желая знать предварительно, какъ взглянетъ на польскія дѣла Францискъ II. Князь Чарторыйскій получилъ отъ него на прощальной аудіенціи 10-го (21-го) марта табакерку, но такъ и уѣхалъ, не дождавшись назначенія коммиссара, и Ландріани, на просьбу поддержать ходатайство поляковъ, выразилъ сомнѣніе, получитъ-ли коммисоаръ, хотя бы онъ и былъ назначенъ тотчасъ, дозволеніе вести переговоры съ Рѣчью Посполитой.

И, въ самомъ дѣлѣ, 28-го марта (9-го апрѣля) въ Варшавѣ было получено оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи коммиссаромъ чрезвычайнаго посла гр. Лёбена, который и выѣхалъ въ Польшу въ половинѣ апрѣля. Но ему не было разрѣшено вести какіе бы то ни было переговоры съ варшавскимъ правительствомъ. Посылка чрезвычайнаго посла была со стороны курфирста простымъ актомъ вѣжливости.

Если Фридрихъ-Августъ не рѣшался принять корону въ то время,

---

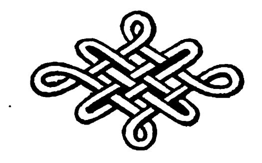
[1]) 5-го (16-го) марта 1792 г. королю.

[2]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 41, 43.

когда императрица хранила молчаніе о дѣлахъ польскихъ, то, понятно, что онъ не принялъ бы ея и подавно въ то время, когда она двинула въ Польшу свои войска для ниспроверженія того порядка вещей, на которомъ Рѣчь Посполитая строила свое будущее.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Рескриптъ Александра I Лопухину и Нелединскому-Мелецкому.

14-го января 1802 г., № 53.

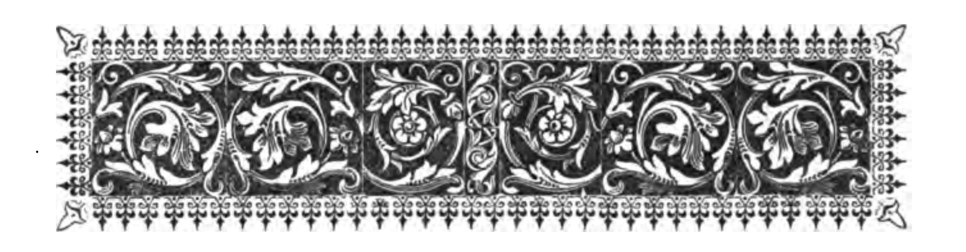
Господа тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій Мелецкій.

Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія, а въ уваженіе свидѣтельства вашего пожаловалъ харьковскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Картвелина въ дѣйствительные статскіе совѣтники, директора училища коллежскаго ассесора Кудрицкаго въ надворные совѣтники и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячъ рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; титулярнаго совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ городничимъ и находившихся при васъ чиновниковъ Щепина, Добачевскаго и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Сообщ. Д. И. Успенскій.



Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXXVII [1]).

Непонятная выходка французскаго консула.—Распространеніе уніи въ Болгаріи.—Монахъ Панталеонъ и увлеченіе имъ женщинъ.—Драгунъ Богданъ, обвиненный въ убійствѣ.—Слѣдствіе.—Столкновеніе поручика Масальскаго съ арнаутомъ.—Дѣятельность агентовъ барона Окши въ Болгаріи.—Мои труды по обученію казаковъ.—Дѣло объ убійствѣ Масальскаго.—Утраты, понесенныя нашимъ полкомъ.

Въ 1863 г. французскимъ консуломъ въ Константинополѣ былъ de Courtois, только-что возвратившійся съ женою изъ Франціи, куда онъ ѣздилъ въ отпускъ. Во время праздника байрама, по свойственному французамъ легкомыслію и отчасти изъ религіознаго фанатизма, онъ не вывѣсилъ французскаго флага надъ зданіемъ консульства, чтобы не почтить этимъ праздника мусульманской вѣры, между тѣмъ какъ англійскій консулъ преисправно поднялъ свой флагъ на разсвѣтѣ. Вали-паша, зная мои дружественныя отношенія къ Франціи, прислалъ спросить меня, что могла быть за причина неуваженія, оказаннаго мусульманскому празднику. Полицейскій инспекторъ Теодоровичъ, отставной казачій офицеръ, явившійся ко мнѣ за разъясненіемъ этого вопроса, сообщилъ мнѣ, что вниманіе вали-паши было обращено на этотъ фактъ англійскимъ консуломъ, который посѣтилъ пашу рано утромъ, до цере-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1900 г.

моніи въ мечети. Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло, и я посовѣтовалъ Теодоровичу обратиться за разъясненіемъ къ самому французскому консулу, что̀ онъ и сдѣлалъ. De Courtois далъ ему нелѣпое объясненіе, будто бы у флага порвалась веревка и поэтому его нельзя было поднять, а слуги не оказалось дома и послать за новой веревкой было некого. При этомъ de Courtois присовокупилъ, что англійскій консулъ увѣрялъ его, будто въ дни мусульманскихъ религіозныхъ праздниковъ консулы не обязаны вывѣшивать флага и что католическое духовенство вполнѣ одобряетъ это.

Въ это время католицизму, съ помощью польскихъ ксендзовъ и при поддержкѣ Кибризли-Мехмедъ-паши, удалось упрочить въ Болгаріи уніатскую церковь. Карлъ Кочановскій, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ офицеровъ польской артиллеріи 1831 г., поступивъ въ монахи, былъ посланъ, въ качествѣ уніатскаго священника, въ Турцію; я далъ ему рекомендательное письмо къ Кибризли-пашѣ. Кочановскій, въ которомъ монашеская ряса не убила духа стараго воина, понравился пашѣ, который, взявъ его съ собою, объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ вилайетъ, склоняя болгаръ къ принятію католической вѣры. Подъ вліяніемъ ихъ убѣжденій нѣсколько десятковъ селъ перешли въ унію, и въ вилайетѣ было основано нѣсколько уніатскихъ монастырей; въ одномъ изъ нихъ монахъ Панталеонъ завелъ настоящую фаланстеру (общежитіе). Этотъ монахъ не былъ ни особенно хорошъ собою, ни особенно статенъ, но его рѣчь отличалась такой выразительностью и такимъ обаяніемъ, что онъ производилъ на женщинъ неотразимое впечатлѣніе, и онѣ были готовы идти за нимъ всюду. Супруга англійскаго консула, дама высокообразованная, умная и развитая, которой мужъ былъ въ значительной степени обязанъ своимъ вліяніемъ, говорила мнѣ, что она не могла дать себѣ отчета, почему именно проповѣди Панталеона производили на нее такое сильное впечатлѣніе, что она бывала послѣ нихъ нѣсколько дней сама не своя; она просила мужа не пускать ее болѣе на его проповѣди, не ручаясь, что и она не уйдетъ въ фаланстеру. То же самое я слышалъ и отъ многихъ другихъ дамъ, принадлежавшихъ къ лучшему адріанопольскому обществу. Въ селѣ Вакуфѣ, близъ котораго находился монастырь Панталеона, и во всей округѣ молодыя, красивыя собою и богатыя болгарки бросали мужей и родныхъ, принимали унію и шли въ фаланстеру; въ ней насчитывали до двухъ тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ мужчины составляли ничтожную часть; въ монастырѣ соблюдались строгіе нравы, постъ и молитва. Когда же монахъ Панталеонъ скончался въ Адріанополѣ, то на его похороны стеклось не менѣе 30.000 женщинъ; одѣяніе, принадлежавшее этому монаху, было разорвано на мелкіе клочки, которые женщины вырывали другъ у друга, какъ какую-нибудь святыню. Я видѣлъ куски сукна и полотна, которые были

оправлены въ медальоны, осыпанные брилліантами и другими драгоцѣнными камнями; не только болгарки, но и гречанки носили ихъ на шеѣ, на золотыхъ цѣпочкахъ. Панталеона называли Златоустомъ; одна почтенныхъ лѣтъ особа изъ Карагача говорила мнѣ, что его голосъ былъ такъ мелодиченъ, что, слушая его, казалось, будто находишься не на землѣ, а въ раю или на небесахъ. Однако на мужчинъ онъ не производилъ подобнаго впечатлѣнія.

При содѣйствіи ксендза Кочановскаго и Златоуста Панталеона и нѣкоторой поддержкѣ со стороны французскаго посольства можно было бы привлечь къ уніи многихъ болгаръ, ибо турецкія власти относились къ католицизму скорѣе сочувственно, нежели непріязненно. Россія смотрѣла на обращеніе ихъ въ унію равнодушно, Австрія же не покровительствовала уніи, имѣя своего собственнаго епископа въ Филиппополѣ, своихъ капуциновъ и павликіанъ.

Въ вопросѣ о введеніи въ Болгарію уніи французскіе дипломаты съиграли довольно смѣшную роль, ибо англичане, желая уронить французовъ въ глазахъ болгаръ и турецкихъ властей, старались натолкнуть ихъ на всевозможные безразсудные поступки и выходки и этимъ заставляли болгаръ обращаться въ протестантство.

Вслѣдствіе моей давнишней пріязни съ Кочановскимъ и въ виду того, что во главѣ уніи стояли ксендзы-поляки, я оказывалъ ей, по мѣрѣ силъ, свое содѣйствіе; но въ душѣ былъ увѣренъ, что для болгарскаго народа унія скорѣе вредна, нежели полезна, такъ какъ она отрывала его отъ востока и отъ славянства.

Для турецкаго правительства желательнѣе всего было сохранить прежній порядокъ, когда болгарская церковь признавала своимъ главою греческаго патріарха, ибо болгарскій народъ, исповѣдуя православную вѣру, тѣмъ самымъ подпадалъ, весьма естественно, подъ власть Россіи, тогда какъ католицизмъ или унія должны были сблизить его съ католическою Австріей.

Нѣсколько дней спустя послѣ праздника байрама ко мнѣ пришелъ de Courtois, чтобы прочесть мнѣ письмо, написанное имъ вали, въ которомъ онъ объяснялъ, что въ день байрама имъ не могъ быть поднятъ флагъ по причинѣ порваннаго шнурка. Онъ былъ очень доволенъ своей находчивостью и говорилъ, что англійскій консулъ одобрилъ эту редакцію. Я разсмѣялся и сказалъ, что, вѣроятно, англійскій консулъ либо пошутилъ, либо хотѣлъ, по своему обыкновенію, подвести его подъ непріятность.

Это было наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Издавна существовалъ обычай посылать въ этотъ день въ католическій костелъ и въ православную церковь полковую музыку и нарядъ солдатъ съ офицерами для участія въ парадѣ. Въ страстную субботу я получилъ отъ

вали-паши оффиціальный приказъ, въ которомъ говорилось, что «въ виду того, что французскій консулъ не оказалъ уваженія великому мусульманскому празднику, достоинство и честь Порты требуютъ чтобы на завтрашнемъ торжествѣ католической церкви не было ни музыки, ни турецкаго войска и чтобы никто изъ военныхъ не присутствовалъ въ церкви».

Требованіе вали-паши было вполнѣ справедливое; принимая во вниманіе озлобленіе, вызванное въ мусульманахъ поступкомъ французскаго консула, онъ и не могъ отдать иного приказа. Тѣмъ не менѣе я отправился къ нему и заявилъ, что почти всѣ мои офицеры и многіе солдаты католики и поэтому должны быть въ церкви въ такой торжественный день; слѣдовательно, я долженъ послать для нихъ и музыкантовъ. Было рѣшено послать музыкантовъ въ будничныхъ синихъ мундирахъ, а не въ красныхъ, которые они одѣвали обыкновенно на парады; также рѣшено было не дѣлать передъ костеломъ парада.

Такъ оно и было, но англійскій консулъ, поссоривъ французскаго консула съ вали-пашою, этимъ не удовольствовался и уговорилъ пашу помѣстить въ стамбульскихъ вѣдомостяхъ статью по поводу скверной одежды казацкихъ офицеровъ и отсутствія парадной музыки. Во французской газетѣ «Courrier d'Orient», издававшейся въ Константинополѣ, въ которой сотрудничали многіе поляки, начали поносить поляковъ, писать о нихъ всякія небылицы. Мой старшій сынъ, совершенно некстати, вмѣшался въ это дѣло и съ своей стороны помѣстилъ въ газетѣ статью въ защиту казаковъ, на что̀ поляки отвѣчали такою ругательною статьею, что Высокая Порта, безъ всякой просьбы съ моей стороны, приказала прекратить эту полемику. Англійскій консулъ достигъ своей цѣли, поссоривъ французскаго консула со мною и съ казаками, а поляки вновь доказали этимъ свое недоброжелательство къ намъ.

Въ это время на меня начались всевозможныя нападки со стороны поляковъ; англійскія газеты, въ особенности «Times», получая корреспонденціи отъ Окши, Владислава Іордана и Карскаго, начали помѣщать статьи враждебныя нашей казацкой организаціи.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ насъ называли губителями славянской свободы и народности, врагами христіанской вѣры, шпіонами мусульманъ; особенно невѣроятныя вещи писали о насъ въ нѣмецкихъ газетахъ; изъ французскихъ же на насъ нападалъ только одинъ демократическій «Courrier d'Orient»; ни одна русская, славянская или греческая газета не говорила о насъ дурного слова.

Это былъ моментъ пробужденія болгарскаго народнаго самосознанія. Турецкое правительство не довѣряло и не могло довѣрять болгарамъ. Поэтому агентамъ барона Окши было поручено шпіонить за ними, что̀, само собою разумѣется, чрезвычайно раздражало болгаръ, по донесенію;

его агентовъ ихъ арестовывали, заточали въ тюрьмы и ссылали въ Анатолію. Изъ Байреутъ, гдѣ въ мѣстномъ эскадронѣ было много болгаръ, мнѣ доносили, что туда привозили арестованныхъ болгаръ, которые слѣдовали въ дальнѣйшую ссылку, и что всѣ они, въ одинъ голосъ, жаловались на то, что они сосланы по доносу поляковъ - агентовъ барона Окши. Этихъ жертвъ доноса были не десятки, а сотни; дѣло дошло до того, что если въ какомъ-нибудь селеніи появлялся полякъ не въ казацкомъ мундирѣ, то населеніе укрывалось отъ него, какъ отъ шпіона, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди были посмѣлѣе, они прогоняли ихъ съ бранью и угрозами. Такой пріемъ былъ оказанъ въ Разградѣ и въ Габровѣ инженеру Владиславу Мощинскому, который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ барона Окши и первымъ его доносчикомъ. Но полякъ въ казацкомъ или въ драгунскомъ мундирѣ считался другомъ болгаръ, они таковымъ вполнѣ довѣряли и совѣтовались съ ними.

Когда среди болгаръ началось броженіе, то генералъ Быстроновскій, который, по моей просьбѣ, былъ назначенъ, по окончаніи войны, состоять при турецкомъ посольствѣ въ Парижѣ, въ качествѣ военно-уполномоченнаго, составилъ записку, въ которой доказывалъ необходимость дать Болгаріи автономное управленіе и поставить во главѣ его. меня, какъ человѣка, пользующагося среди болгаръ извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ передалъ эту записку турецкому посланнику, а копіи съ нея прислалъ въ Константинополь Али-пашѣ и прочимъ турецкимъ сановникамъ, изъ коихъ двое: Галиль Шерифъ-паша (впослѣдствіи посланникъ въ Вѣнѣ) и Фашилъ Мустафа-паша говорили мнѣ объ этомъ; послѣдній показалъ мнѣ экземпляръ, писанный рукою Быстроновскаго, и высказалъ мнѣніе, что это было сдѣлано съ цѣлью подорвать ко мнѣ довѣріе турецкаго правительства. Таково было и мое мнѣніе, которое я высказалъ откровенно генералу Быстроновскому, съ коимъ находился въ перепискѣ. Но онъ объяснилъ это самыми лучшими намѣреніями.

Полученное вскорѣ Чернецкимъ письмо отъ Лизикевича пролило свѣтъ на дѣйствія моихъ бывшихъ политическихъ друзей; сношенія генерала Быстроновскаго съ Окшею, дѣятельность его пріятеля, Воронича, въ Добруджѣ, гдѣ онъ убѣждалъ казаковъ отказаться отъ ихъ старинныхъ привилегій и принять турецкое подданство, наконецъ стараніе Быстроновскаго помѣшать моимъ дружескимъ отношеніямъ къ молочной сестрѣ Наполеона III, Гортензіи Корну,—все это показывало ясно, что поляки какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Парижѣ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ дѣйствовали дружно противъ казацкой организаціи и противъ меня, стоявшаго во главѣ казаковъ. Причины этихъ враждебныхъ выходокъ я, какъ тогда, такъ и теперь, совершенно не могъ себѣ объяснить.

Недоброжелательство и антипатія ко мнѣ поляковъ высказались особенно ярко въ сочиненіяхъ Душинскаго и Владислава Мицкевича. Первый, въ своемъ сочиненіи о дѣятельности поляковъ на востокѣ во время войны 1854 и 1855 г.г., не упомянулъ ни слова о казакахъ, бывшихъ подъ моею командою, въ числѣ коихъ находились поляки, и обо мнѣ лично, хотя я также былъ полякъ; а Владиславъ Мицкевичъ, издавая письма своего отца съ востока, выпустилъ изъ нихъ все то, что относилось къ моимъ казакамъ и ко мнѣ. Это показываетъ лучше всего, какое предубѣжденіе и недоброжелательство существовали въ польскомъ обществѣ противъ насъ. Насъ не рѣшались поносить и уничижать открыто, но объ насъ не упоминали вовсе, какъ будто насъ не было на свѣтѣ, и въ то же время намъ старались вредить всякими окольными тайными путями.

Когда всѣ мои попытки сойтись съ поляками окончились неудачею я рѣшилъ окончательно отдалиться отъ нихъ и работать для польскаго дѣла своими собственными силами.

Благодаря моимъ стараніямъ наша полковая школа была увеличена; я назначилъ ея директоромъ моего сына, а въ помощники ему далъ Адама Морозовича, офицера весьма способнаго и свѣдущаго; преподаватели были выбраны изъ числа лучшихъ учениковъ прежней полковой школы, и она начала процвѣтать. Болгары учились говорить и писать по-польски, занимались охотно науками, составляли топографическія карты, однимъ словомъ, нами было подготовлено изъ унтеръ-офицеровъ до сорока человѣкъ прекрасныхъ офицеровъ. Нѣсколькимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ школы было поручено вали-пашою проводить дороги въ вилайетѣ; они какъ нельзя лучше справились съ дѣломъ и не уступали въ теоріи и практикѣ инженерамъ по профессіи. Другимъ было поручено составленіе подробной карты вилайета; выполненная весьма успѣшно, она была издана въ Адріанополѣ и представляетъ до сихъ поръ единственную въ своемъ родѣ карту въ Турціи.

Чтобы выработать изъ казаковъ лихихъ кавалеристовъ, я устраивалъ карусели и джигитовки; нѣсколько разъ въ недѣлю устраивались за городомъ примѣрныя сраженія. Кавалерія была постоянно въ движеніи; большая часть офицеровъ относилась къ своимъ служебнымъ обязанностямъ ревностно и усердно. Я до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, съ какой точностью и энергіей они исполняли данныя имъ приказанія.

Однажды, на лѣвомъ берегу Тунджи, были назначены маневры. На правомъ берегу, въ придворномъ звѣринцѣ, собрались зрители: вали, консулы, сановники и мѣстные зрители. Тунджа—очень глубокая рѣка и въ томъ мѣстѣ не вполнѣ безопасная, ибо на днѣ ея лежатъ колоды

сгнившихъ деревьевъ; дно илистое, а берега отвѣсные; въ ней ежегодно тонетъ немало людей и лошадей. Палатка вали была разбита на берегу, въ самомъ неудобномъ, крутомъ мѣстѣ.

Нашъ казацкій офицеръ Буржинскій стоялъ около вали верхомъ, когда тотъ обернулся къ нему и произнесъ: «Прикажите начинать».

Буржинскій тотчасъ повернулся, пришпорилъ коня и бросился въ рѣку; его денщикъ, чаушъ Мусса, послѣдовалъ примѣру офицера; лошади и ѣздоки были прекрасные. Сопровождаемые возгласами страха и одобренія, они переплыли на другую сторону и понеслись по полю. Съ кавалеріей, состоящей изъ такихъ лихихъ наѣздниковъ, можно дѣлать чудеса. Таковы были казаки, состоявшіе на турецкой службѣ. Они не останавливались ни передъ чѣмъ; скакали по горамъ, какъ дикія козы; переплывали рѣки, какъ утки; на землѣ для нихъ не существовало препятствій; подъ дождемъ и въ вьюгу они гарцовали на своихъ коняхъ такъ же молодецки, какъ въ самый ясный солнечный день. Глядя на эту молодежь, не разъ приходило на умъ, что между ними есть, быть можетъ, Дверницкіе, Ружицкіе, Келлерманы, а быть можетъ и Платовы, Чернецкіе и Выговскіе. И, конечно, между ними были люди отважные, способные показать міру, что можетъ сдѣлать казакъ, если его не настигнетъ преждевременно смерть, или если онъ не облачится въ халатъ и туфли, какъ это случалось, къ сожалѣнію, со всѣми женатыми казаками.

«Выѣзжать на ученье рано утромъ слишкомъ холодно, днемъ на ученьи жарко, вечеромъ легко простудиться, зимой можно отморозить себѣ что-нибудь, весною схватить лихорадку, лѣтомъ легко заболѣть поносомъ—осенью можно получить тифъ»—такъ говорили жены казаковъ, приставая къ полковому доктору съ просьбою дать ихъ мужьямъ свидѣтельство о болѣзни, чтобы они не несли службы и могли не являться на ученье.

Но эти нескончаемыя болѣзни женатыхъ офицеровъ не вредили полку, онъ былъ молодецкій, смѣлый, отважный.

Въ описываемое время на него свалилась слѣдующая бѣда.

Какой-то ага, турокъ, черноусый Донъ-Жуанъ, бывая часто въ селеніи, въ которомъ находилось имѣніе драгунскаго подполковника Хаджи-Юзуфъ-бея, соблазнилъ турчанку.

Нѣсколько времени спустя аги не стало; его вороная лошадь вернулась домой одна, безъ сѣдла, а нѣсколько дней спустя цыганка нашла трупъ аги въ кустахъ подлѣ дороги; подозрѣніе пало на драгуна Богдана, денщика подполковника, хорошаго солдата. Нашлись люди, которые видѣли Богдана въ корчмѣ вмѣстѣ съ агой, а нѣсколько женщинъ утверждало, что онѣ видѣли, какъ онъ гнался по полю за агой и

рубилъ его саблей, пока тотъ не свалился. Улики были важныя, но Богданъ отрицалъ свою вину; его арестовали.

Надобно замѣтить, что подполковникъ Хаджи-Юсуфъ-паша купилъ имѣніе, которое хотѣлъ пріобрѣсти одинъ изъ вліятельнѣйшихъ беевъ вилайета, Иззетъ-бей; а перекупить что-либо у турокъ считается страшнымъ оскорбленіемъ; Иззетъ-бей былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскимъ консуломъ и доставлялъ ему изъ своего имѣнія всякіе съѣстные припасы и дрова; поэтому консулъ былъ его покорнѣйшимъ слугою. Съ другой стороны, многіе офицеры относились къ подполковнику недоброжелательно за то, что онъ съумѣлъ лучше ихъ понять духъ и надобности казацкой организаціи, и хотя былъ турокъ, но во сто разъ лучше служилъ дѣлу польской организаціи, нежели они, поляки. Поэтому, за рюмкой вина или за стаканомъ пунша, они распускали самые невѣроятные слухи про него и про его гаремъ, а такъ какъ англійскій консулъ принималъ участіе во всѣхъ пирушкахъ, то онъ зналъ всѣ эти разсказы и вздумалъ вмѣшаться въ дѣло подполковника.

Адріанопольскимъ вали былъ то время Ассимъ-паша, человѣкъ благовоспитанный, получившій образованіе во Франціи; онъ говорилъ превосходно по-французски, обладалъ основательными познаніями въ наукахъ и искусствахъ, но находился всецѣло подъ вліяніемъ англійскаго консула. Послѣдній, безъ его вѣдома, при содѣйствіи кади и улема, сталъ возбуждать мусульманъ къ подачѣ мазбата (просьбы) противъ казаковъ и драгунъ и обвинялъ ихъ въ соучастіи съ Богданомъ въ убійствѣ аги.

Когда я оставилъ командованіе войскомъ, Богданъ все еще сидѣлъ въ заключеніи, но я не увѣренъ, что убійство совершено было именно имъ.

Другое непріятное событіе, приключившееся въ то же время въ нашемъ полку, показываетъ, что такое мусульманская справедливость и въ особенности, какъ необходимы въ Турціи реформы.

Два казацкихъ офицера, Масальскій и Ломанъ, съ двумя унтеръ-офицерами охотились на куропатокъ въ окрестностяхъ Адріанополя. Куруджій (сторожъ полевыхъ работъ), арнаутъ, запретилъ имъ проходъ чрезъ виноградники, хотя виноградъ былъ уже снятъ, и, будучи выпивши, началъ поносить гяура и казаковъ; два его товарища стояли тутъ же и цѣлились въ нихъ изъ ружей. Масальскій, человѣкъ смѣлый, но серьезный и осторожный, не любившій доводить дѣло до ссоры, поставивъ ружье въ сторону, подошелъ къ арнауту и велѣлъ ему прекратить брань, такъ какъ предъ нимъ были солдаты султана; тогда арнаутъ выстрѣлилъ въ безоружнаго Масальскаго, и тотъ, раненый въ голень, упалъ на землю. Товарищи поспѣшили ему на выручку, а ар-

науты скрылись въ виноградникъ. Мнѣ тотчасъ дали знать о случившемся, и я потребовалъ, чтобы заптіи явились ко мнѣ въ конакъ, но они отвѣчали отказомъ. Тогда капитанъ Морозовичъ, командовавшій казацкою жандармеріей, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ винограднику со своими казаками и арестовалъ убійцу въ тотъ самый моментъ, когда мусульмане собирались бѣжать въ горы. Я передалъ его въ руки мѣстныхъ властей; слѣдствіе началось съ обвиненія казаковъ въ томъ, что они побили арнаута палками; было очевидно, что казаковъ намѣревались судить для того, чтобы выторговать потомъ уступку съ нашей стороны.

Масальскій былъ тяжело раненъ, но надежда на его спасеніе еще не была потеряна; онъ лежалъ въ госпиталѣ, а слѣдствіе велось между тѣмъ такъ неправильно, что мнѣ приходилось неоднократно вступаться и требовать, чтобы виновнаго держали строже и не позволяли ему сговариваться съ арнаутами, которые приходили его навѣщать. Убійцѣ арнауту покровительствовали беи, такъ какъ онъ оказывалъ разнаго рода услуги на «джумбушахъ», т. е. на бесѣдахъ, которыя они устраивали въ виноградныхъ садахъ и на которыя арнаутъ приглашалъ гяурокъ. Беи и самъ муфтій очень любили посѣщать эти бесѣды.

Когда я настаивалъ на болѣе строгомъ содержаніи арнаута, то вали объяснилъ мнѣ причину благоволенія къ нему беевъ и муфтія и просилъ изложить мою просьбу письменно, чтобы онъ могъ сослаться на этотъ документъ. Я узналъ отъ него, что, по мнѣнію муфтія, слѣдствіе должно было прекратиться, такъ какъ у меня не было ни одного свидѣтеля-мусульманина; свидѣтельство же христіанъ не можетъ, по правиламъ корана, быть принято шерифатомъ; я отвѣчалъ, что я вскорѣ дамъ на это отвѣтъ, что онъ у меня уже готовъ.

Когда Морозовичъ прислалъ убійцу, тотчасъ по арестованіи его, ко мнѣ на квартиру, то я пригласилъ полкового эмина (штабъ-офицера) Азисъ-эфенди, полкового писаря Решидъ-эфенди и приказалъ въ присутствіи ихъ и нѣсколькихъ мусульманъ произвести допросъ и изложить его письменно. Убійца и его товарищи признались тогда во всемъ и, омочивъ пальцы въ чернила, приложили ихъ къ бумагѣ въ знакъ своей подписи, а прочіе мусульмане приложили къ ней свои печати.

Эту бумагу я представилъ теперь въ судъ. Такая предусмотрительность съ моей стороны удивила муфтія, но онъ заявилъ, что допросъ не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ онъ велся безъ представителей гражданской власти; я велѣлъ отвѣтить ему на это, что за несоблюденіе формы я отвѣчу передъ подлежащей властью, но я представляю подлинный документъ, свидѣтельствующій о совершенномъ преступленіи, и, какъ паша и мусульманинъ, требую, чтобы на основаніи этого документа было произведено слѣдствіе гражданскою вла-

стью. Не ограничившись этимъ, я донесъ объ этомъ случаѣ сераскиру, который одобрилъ мои дѣйствія.

Слѣдствіе велось вяло, и хотя судъ призналъ арнаута, на основаніи представленнаго мною документа, виновнымъ въ убійствѣ, но, желая доказать, что зачинщикомъ дѣла былъ Масальскій, онъ вызвалъ рядъ новыхъ свидѣтелей, и больного офицера тревожили допросами такъ часто, что его положеніе ухудшилось, и онъ дошелъ до того, что уже не понималъ, что ему говорятъ, и не могъ ничего отвѣчать.

Выслушивая разныя выдумки муфтія, я приходилъ иногда въ бѣшенство; такъ, напр., однажды, онъ старался доказать, что ружье Масальскаго, упавъ на землю, выстрѣлило само и ранило его.

Когда ему доказывали, что ружье не могло выстрѣлить, такъ какъ оно стояло въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, подъ деревомъ, что оно было заряжено мелкой дробью, а рана причинена крупной дробью, то онъ отвѣчалъ: «Все это прекрасно, но все это подтверждается свидѣтельствомъ христіанъ, которое не имѣетъ значенія для насъ». Тогда ему затыкали ротъ представленнымъ мною документомъ, который былъ засвидѣтельствованъ сераскиромъ и великимъ визиремъ.

Въ Турціи не будетъ справедливаго суда до тѣхъ поръ, пока свидѣтельство христіанъ не будетъ имѣть такой же силы и значенія, какъ свидѣтельство мусульманъ. Шеріатъ есть высшая судебная инстанція Турціи, а между тѣмъ онъ не принимаетъ свидѣтельства христіанскихъ подданныхъ султана; какой же можно ожидать справедливости отъ суда при такой постановкѣ дѣла?

Дѣло объ убійствѣ Масальскаго было окончено еще при мнѣ; убійца приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ, но онъ подалъ аппеляцію въ Стамбулъ, и приговоръ, какъ я узналъ уже въ то время, какъ я сдалъ командованіе полкомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе.

Это злополучное дѣло возстановило солдатъ противъ мѣстнаго населенія и властей, такъ какъ Масальскій былъ однимъ изъ наилучшихъ офицеровъ среди казаковъ и драгунъ и пользовался любовью и уваженіемъ солдатъ; съ другой стороны, беи и муфтій, не будучи въ состояніи поставить на своемъ, возстановляли мусульманъ противъ казаковъ; впрочемъ, это было имъ довольно трудно, такъ какъ въ Адріанополѣ меня любили какъ мусульмане, такъ и христіане, и болѣе довѣряли моимъ казакамъ, нежели заптіямъ. Несмотря на это, можно было опасаться, что обоюдное озлобленіе будетъ имѣть печальныя послѣдствія. Консулы ожидали катастрофы и уже готовились къ дипломатическому вмѣшательству.

Въ это время казаки лишились трехъ офицеровъ. Первымъ скончался капитанъ Станиславъ Бродовскій, который служилъ прежде въ дивизіи Замойскаго и при сформированіи драгунскаго полка былъ зачи-

сленъ въ него; онъ командовалъ четвертымъ драгунскимъ эскадрономъ, но въ моментъ своей смерти былъ уже въ отставкѣ и получалъ пенсію.

Приказъ объ его погребеніи, которое должно было состояться на третій день байрама, былъ подписанъ подполковникомъ Гаджи-Юсуфъ-беемъ.

На второй день байрама вали-паша осматривалъ казармы; я встрѣтилъ его во главѣ офицеровъ; со мною былъ также Гаджи-Юзуфъ-бей; на обратномъ пути изъ казармъ бей, всегда спокойный и серьезный, подпрыгивалъ на лошади и былъ очень веселъ. Вечеромъ къ нему былъ приглашенъ на обѣдъ Азисъ-эфенди, только-что возвратившійся изъ отпуска. Подполковникъ никогда не пилъ ни вина, ни водки, но любилъ плотно покушать, въ особенности мучного и пилава. Ночью мой слуга Ахмедъ-ага разбудилъ меня, крича: «Гаджи-Юсуфъ-бей скончался». Я вскочилъ съ постели и побѣжалъ къ нему, но уже не засталъ его въ живыхъ. Я очень горевалъ о немъ, такъ какъ я высоко цѣнилъ его, какъ полякъ, въ особенности потому, что ни одинъ турокъ не понималъ такъ хорошо духа нашей организаціи и ея значенія для Турціи, какъ онъ; человѣкъ добросовѣстный, почтенный, онъ уважалъ христіанъ и славянъ, берегъ солдатъ, умѣлъ покрывать ихъ ошибки и защитить ихъ предъ иностранцами, былъ настоящимъ посредникомъ между мусульманами и христіанами, и если бы нужно было создать мусульманина для христіанскаго войска, то лучшаго нельзя было бы выдумать. Его смерть была большимъ несчастіемъ для нашего войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для польскаго дѣла, ибо при его жизни не случилось бы того, чтò произошло вскорѣ, и польско-славянскіе полки сослужили бы блистательно службу султану и польскому дѣлу.

Нѣсколько дней спустя умеръ въ страшныхъ мученіяхъ раненый поручикъ Масальскій.

LXXVIII.

Похороны офицеровъ.—Демонстрація, устроенная консулами.—Совѣщаніе у великаго визиря.—Гончія польской породы.—Бабій бунтъ въ Филиппополѣ.—Безпорядки въ драгунскихъ эскадронахъ, стоявшихъ въ Сиріи.—Доносъ.

На похоронахъ Гаджи-Юсуфъ-бея присутствовали всѣ офицеры нашего полка, многія высшія должностныя лица вилайета, всѣ беи, мусульманское духовенство, чорбаджи-христіане и самые знатные евреи, такъ какъ у магометанъ покойный пользовался большимъ уваженіемъ,

какъ дервишъ и какъ строгій послѣдователь корана, а у лицъ другихъ исповѣданій, какъ человѣкъ въ высокой степени честный и справедливый. Но невольно бросилось въ глаза, что на похоронахъ не было никого изъ консуловъ, хотя существовалъ обычай, чтобы на похоронахъ такихъ выдающихся лицъ присутствовали консулы или ихъ представители.

Капитана Бродовскаго похоронили съ обычными воинскими почестями, но, кромѣ военныхъ, не было никого изъ постороннихъ, и хотя онъ былъ хорошо знакомъ съ консулами, но они также не пришли проводить его.

За то на похоронахъ поручика Масальскаго консулы устроили настоящую демонстрацію. Мнѣ дали знать, что надъ зданіями консульствъ приспущены флаги,—честь, отдаваемая только маршаламъ и адмираламъ,—что консулы, въ полной парадной формѣ, со свитою, намѣрены присутствовать при его погребеніи и что французскій и англійскій консулы уже прибыли въ госпиталь казацкаго полка, откуда должна была двинуться печальная процессія. Поручикъ Масальскій не былъ лично извѣстенъ консуламъ, слѣдовательно, ихъ присутствіе на похоронахъ христіанина, убитаго мусульманиномъ, было не что иное, какъ демонстрація противъ турокъ.

Со словъ жандармскаго полковника мнѣ было какъ нельзя лучше извѣстно, что казаки были чрезвычайно озлоблены по поводу смерти офицера, который пользовался ихъ любовью, и что нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ поддерживали это раздраженіе и обвиняли поручика Ломана въ томъ, что онъ не застрѣлилъ арнаута на мѣстѣ; меня также обвиняли въ томъ, что я отправилъ его въ конакъ, а не расправился съ нимъ самъ, и говорили, что мусульманинъ никогда не пострадаетъ за убійство гяура.

Но нашлись и такіе люди, которые возбуждали противъ меня мусульманъ, говоря, что я настаиваю на наказаніи арнаута, убившаго Масальскаго, и въ то же время защищаю Богдана, который убилъ мусульманина и агу.

Все это мнѣ было извѣстно какъ нельзя лучше, и потому надобно было дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе. Я сообщилъ вали-пашѣ о намѣреніи консуловъ и просилъ его послать полицейскаго, который сопровождалъ бы консуловъ на похоронахъ, и отрядъ жандармовъ для поддержанія порядка въ городѣ.

Вали-паша отказалъ мнѣ въ этомъ, велѣлъ запереть всѣхъ жандармовъ во дворѣ конака, приказалъ запереть ворота, чтобы никто изъ нихъ не могъ выѣхать, и отвѣтилъ мнѣ, что онъ ни во что не желаетъ вмѣшиваться и, что бы ни случилось, онъ возлагаетъ заранѣе всю отвѣтственность на меня.

На всѣхъ улицахъ толпились мусульмане. Я тотчасъ приказалъ тремъ эскадронамъ сѣсть на коней и стать шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, шедшей изъ госпиталя къ мосту черезъ Тунджу, и ни подъ какимъ видомъ не пропускать на улицу толпу, а самъ отправился въ госпиталь, гдѣ я засталъ дѣйствительно французскаго и англійскаго консуловъ, окруженныхъ цѣлою свитою офицеровъ, которые были чрезвычайно взволнованы и, не стѣсняясь, громко осуждали турецкіе законы. Поблагодаривъ консуловъ за ихъ сочувствіе къ нашему горю, я сказалъ имъ, что они оказываютъ намъ своей манифестаціею плохую услугу, такъ какъ мы служимъ турецкому монарху, который принялъ насъ, эмигрантовъ, въ свое подданство и въ свое войско, и поэтому мы обязаны соблюдать его законы и обычаи и не выказывать открыто своего неодобренія. Намъ повелѣваетъ это долгъ чести и признательности. Я говорилъ, какъ полякъ, которому было дорого польское имя, и какъ подданный султана, готовый скорѣе пожертвовать жизнью, нежели допустить повтореніе такихъ волненій, какія происходили въ Дамаскѣ, и особенно настаивалъ на нашемъ ненормальномъ положеніи, которое повелѣваетъ намъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, дѣйствовать осторожно.

Англійскій консулъ страшно обидѣлся и, по примѣру лорда Редклифа, началъ кричать, что я выгоняю консуловъ, защитниковъ христіанъ, друзей поляковъ.

Я отвѣчалъ, что ихъ не выгоняю, но что я буду радъ, если они уйдутъ, и буду имъ очень благодаренъ, если они прекратятъ эту манифестацію, которая можетъ причинить намъ много зла. Оба консула вышли со всею своей свитой, сказавъ мнѣ на прощанье, что они принимаютъ это за личное оскорбленіе.

Похороны прошли спокойно. Вернувшись домой, я тотчасъ написалъ обоимъ консуламъ и, объяснивъ имъ руководившія мною побужденія, присовокупилъ, что, такъ какъ они приняли мою просьбу за оскорбленіе съ моей стороны, то я готовъ дать имъ удовлетвореніе, какого они потребуютъ. Я послалъ письма съ моимъ адъютантомъ, поручикомъ Буржинскимъ. Вернувшись, онъ сказалъ мнѣ, что оба консула, посовѣтовавшись между собою, заявили ему, что они не могутъ имѣть дѣло со мною, какъ съ генераломъ Чайковскимъ или съ Садыкъ-пашою, командующимъ войскомъ въ Адріанополѣ, но что они считаютъ себя оскорбленными, какъ оффиціальные представители двухъ союзныхъ Высокой Портѣ державъ.

Они немедленно отправились къ вали, которому заявили, что я вызываю ихъ на дуэль, и просили его обезопасить ихъ, какъ оффиціальныхъ лицъ, отъ нападенія частнаго лица. Въ тотъ же вечеръ они подали вали ноту, въ которой изложили свою жалобу на меня, а въ ночь

отправили съ курьерами такого же содержанія ноты своимъ посламъ. Вали препроводилъ ноту великому визирю, безъ всякихъ объясненій, какъ простое сообщеніе. Я узналъ отъ полицейскаго инспектора Теодоровича, котораго вали задержалъ въ конакѣ, что онъ былъ до такой степени взволнованъ, что не только приказалъ раздать жандармамъ ружья, но велѣлъ запасти на нѣсколько дней съѣстныхъ припасовъ, какъ будто боясь, что его конакъ будетъ осажденъ и взятъ приступомъ.

Изъ разговоровъ тѣхъ лицъ, кои болѣе всего были виновны въ подстрекательствѣ консуловъ къ подачѣ жалобы на меня, я узналъ о посланныхъ ими нотахъ, при чемъ они дали мнѣ понять, что еще есть возможность вести переговоры и избѣжать непріятности и что для этого необходимо прибѣгнуть къ ихъ посредничеству. Я отвѣчалъ, что коль скоро ноты посланы, пусть это дѣло идетъ своимъ порядкомъ и разсматривается въ Стамбулѣ. Съ своей стороны я написалъ рапортъ сераскиру и послалъ его въ Стамбулъ, а копію съ него послалъ вали-пашѣ; онъ поступилъ съ нею точно такъ же, какъ съ консульскою нотой, и отослалъ ее безъ всякихъ объясненій великому визирю.

Нѣсколько дней спустя англійскій и французскій посланники пріѣхали на совѣщаніе къ великому визирю, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. На этомъ совѣщаніи присутствовалъ Мистезаръ, впослѣдствіи Галиль-Шерифъ-паша, человѣкъ высоко-образованный, говорившій прекрасно на иностранныхъ языкахъ и чрезвычайно радѣвшій о славѣ Турецкой имперіи.

Галиль-Шерифъ-паша былъ на моей сторонѣ. Такъ какъ въ дѣлѣ не были замѣшаны ни русскій, ни австрійскій консулъ, то Али-паша не былъ особенно встревоженъ и обвинилъ консуловъ въ несправедливости; а послы, узнавъ, какъ было дѣло, выразили имъ свое неодобреніе. Бѣдному вали-пашѣ также было поставлено въ вину, что онъ отнесся равнодушно къ дѣлу, которое могло имѣть такія непредвидѣнныя послѣдствія. Мнѣ же высказали одобреніе не только сераскиръ, но и самъ великій визирь, а Галиль-Шерифъ-паша прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ меня, при первой возможности, примириться съ консулами, говоря, что этотъ случай будетъ для нихъ хорошимъ урокомъ и они будутъ впредь осторожнѣе.

Нѣсколько дней спустя вали-паша пригласилъ къ обѣду меня и консуловъ; всѣ явились, кромѣ французскаго консула, который извинялся, сославшись на болѣзнь. Англійскій консулъ предложилъ тостъ за мое здоровье, и миръ былъ заключенъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней они прислали мнѣ въ подарокъ пять борзыхъ; въ то же время изъ Филиппополя, куда дошла вѣсть объ одержанной мною побѣдѣ, я получилъ двухъ гончихъ. Богатый

помѣщикъ Гіорданъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ англійскимъ консуломъ, услыхавъ о случившемся и зная, что я былъ страстный охотникъ, также прислалъ мнѣ двѣ гончихъ, польской породы.

Существуетъ преданіе, что поляки, выписанные изъ Подоліи для обработки риса на болотахъ въ окрестностяхъ Филиппополя, привезли съ собой польскихъ гончихъ, и эта порода сохранилась тамъ до настоящаго времени и составляетъ доходъ павликіанъ и помаковъ, которые разводятъ этихъ собакъ и продаютъ ихъ цѣлыми сворами въ Вѣну и Буда-Пештъ, въ псарню императора австрійскаго и венгерскихъ магнатовъ. Эти собаки пользуются въ Австро-Венгріи большою славой, ибо, будучи перевезены въ другое мѣсто, онѣ вырождаются во второмъ поколѣніи, оставаясь же на мѣстѣ, сохраняютъ красоту и прелесть своей породы. Отцы-капуцины также занимаются разведеніемъ этихъ собакъ и отсылаютъ ихъ въ Италію; въ прошломъ году они послали двѣнадцать сворь королю Виктору-Эммануилу.

Однажды ночью меня разбудили и потребовали на совѣтъ къ вали-пашѣ. Я засталъ у него дефтердаря, кади, муфтія, беевъ, улемовъ, греческаго архіепископа, еврейскаго шакамъ-баши и англійскаго консула. Вали-паша сообщилъ мнѣ, что въ Филиппополѣ бунтъ, о которомъ онъ узналъ изъ телеграммы и изъ письма, присланнаго съ однимъ татариномъ. Жандармы были побиты и разогнаны бабами, жандармскій маіоръ раненъ, мутезарифъ бѣжалъ изъ города такъ же точно, какъ и мѣстные беи; вали потребовалъ, чтобы для усмиренія этого бунта я послалъ немедленно отрядъ войска.

Но курьеръ, привезшій письмо вали-пашѣ, привезъ и мнѣ рапортъ отъ капитана Заборскаго, находившагося въ Филиппополѣ, куда онъ ѣздилъ за получкой для полка денегъ. Онъ донесъ мнѣ, что мутезарифъ самовольно продалъ сельскій выгонъ двумъ мѣстнымъ богачамъ, которые посѣяли на немъ хлѣбъ, такъ что крестьянамъ негдѣ было пасти скотъ, вслѣдствіе чего среди нихъ возникло неудовольствіе, и они придумали слѣдующую удивительную штуку: всѣ мужчины заперлись въ своихъ домахъ, а бабы и дѣвушки, вооружившись саблями, выгнали скотъ на пашню. Командовавшій жандармеріей маіоръ Веба-эфенди, взявъ съ собою сто конныхъ и двѣсти пѣшихъ заптіевъ, или жандармовъ, отправился съ ними водворять порядокъ. Увидавъ собравшихся бабъ, онъ двинулъ на нихъ кавалерію; но былъ сброшенъ бабами съ лошади и такъ избитъ, что ему сломали два ребра; двое заптіевъ было убито, болѣе двадцати тяжело ранено; остальные, бывшіе верхами, ускакали. Пѣхота открыла огонь; двѣ бабы были ранены; тогда онѣ бросились на солдатъ съ палками, разсѣяли весь отрядъ и заставили его обратиться въ постыдное бѣгство.

Прочитавъ донесеніе, я сказалъ шутя англійскому консулу, что для

усмиренія бунта лучше всего было бы послать полковыхъ дамъ казацкаго и драгунскаго полка, съ пани Залѣсской во главѣ, какъ дочерью полковника, павшаго подъ Ватерлоо, которая съумѣетъ постоять за себя.

Вали-пашѣ я заявилъ, что войско готово и что я самъ готовъ вести его, но не будетъ-ли это слишкомъ много; по моему мнѣнію, не слѣдовало торопиться, а, двинувъ войско къ Филиппополю, лучше всего было бы послать Али-бея съ отрядомъ жандармовъ, чтобы онъ собралъ разбѣжавшихся солдатъ и далъ знать, что̀ тамъ дѣлается, ибо мнѣ казалось, что бунтъ долженъ быть оконченъ, и всѣ стали бы смѣяться, если бы муширъ и ферикъ двинулись съ войсками противъ бабъ, а тѣмъ болѣе, если бы мы нашли ихъ не съ палками и оружіемъ въ рукахъ, а сидящими спокойно за прялками. Остальные присоединились къ моему мнѣнію. Али-бей отправился въ Филиппополь, но не нашелъ ни одной женщины въ полѣ. За раненымъ маіоромъ Веба-эфендіемъ и за ранеными заптіями ухаживали тѣ самыя бабы, которыя ихъ побили; убитые были уже похоронены по мусульманскому обряду, заптіи и мутезарифъ вернулись въ городъ.

Али-бей могъ сказать, какъ Цезарь: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Такъ окончился филиппопольскій бунтъ.

На допросѣ мужья и отцы этихъ воинственныхъ женщинъ показали, что они ни въ чемъ не виноваты, что они не давали женщинамъ никакихъ совѣтовъ, не учили ихъ владѣть оружіемъ, такъ какъ они сами не любятъ войны, а предпочитаютъ жить спокойно, и что воинствующій духъ укоренился въ ихъ женщинахъ съ 1855 г., когда Кара Фатьма, доблестная воительница Курдистана, по отступленіи русскихъ изъ Силистріи, зимовала со своими башибузуками въ Филиппополѣ, научила женщинъ бороться съ врагами и даже съ ихъ мужьями, и съ тѣхъ поръ онѣ превзошли заптіевъ храбростью и воинственностью даже готовы поступить въ ряды войска.

Въ драгунскихъ эскадронахъ, стоявшихъ въ Сиріи и коими командовалъ полковникъ Туфанъ-бей (Госцимискій), царствовалъ такой безпорядокъ, что у нихъ пала треть лошадей, и они не могли пополнить эту убыль. Небрежность доходила до того, что на укомплектованіе двухъ эскадроновъ, численность которыхъ не могла превышать 320 человѣкъ, потребовали 180 человѣкъ изъ казацкаго и драгунскаго полковъ, стоявшихъ въ Адріанополѣ.

Я долженъ былъ послать ихъ, но я не могъ не порицать подобнаго отношенія къ дѣлу и того, что командиръ полка, причинивъ казнѣ такой большой убытокъ, даже не постарался пополнить его мѣстными средствами; но, разумѣется, возмущаться было напрасно, ибо эти господа не сознавали, что казацкая и драгунская организація составляли сокровище поляковъ и что ее надобно было беречь, какъ зѣницу ока.

Было ясно, что эти господа служили только для того, чтобы получать жалованье и жить со дня на день, безъ труда.

Маіоръ Мурадъ (Ланцкоронскій) самъ предложилъ отвезти въ Константинополь этихъ 180 человѣкъ и сдать ихъ въ военное министерство. Нѣсколько дней спустя адъютантъ маіоръ Канелли, взявъ отпускъ, также уѣхалъ въ Константинополь. Здѣсь они встрѣтились съ подполковникомъ Фарнези, Лизикевичемъ и Ковалевскимъ и, какъ я понялъ впослѣдствіи, они обсуждали тамъ, вѣроятно, планъ дѣйствій, который долженъ былъ доставить имъ чины, деньги и положеніе, ибо въ скоромъ времени я получилъ отъ сераскира-паши письмо слѣдующаго содержанія:

«Изъ полка вашего превосходительства получены нами свѣдѣнія, что, вопреки желанію состоящихъ подъ вашею командою офицеровъ, вы запрещаете имъ обучать команду турецкому языку, но основали полковую школу, коею завѣдываетъ вашъ сынъ и въ которой обучаютъ польскому языку не только болгаръ и прочихъ славянъ, но даже самихъ турокъ, однимъ словомъ, что вы стараетесь ополячить турецкое войско. Если все это вѣрно, то я прошу ваше превосходительство прекратить это, ибо подобный образъ дѣйствій можетъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія какъ для васъ, такъ и для турецкаго правительства».

Было совершенно ясно, что на меня былъ сдѣланъ доносъ, притомъ самими офицерами.

Приказавъ перевести письмо сераскира на польскій языкъ, я велѣлъ напечатать его въ дневномъ приказѣ по полку и вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ моему младшему сыну, который былъ адъютантомъ при султанѣ, чтобы онъ разузналъ, откуда шелъ доносъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ тотчасъ, что сераскиръ узналъ объ этомъ отъ моихъ офицеровъ; тогда я пригласилъ къ себѣ моего адъютанта маіора Канелли и показалъ ему отвѣтъ, полученный мною отъ сына. Онъ смутился, но клялся и божился, что ему ничего неизвѣстно. Я сказалъ на это:

— Я также не подозрѣваю васъ, ибо въ противномъ случаѣ я бы не дозволилъ вамъ переступить порога моего дома; я только хотѣлъ показать вамъ это письмо; вы полякъ, и васъ это должно волновать такъ же точно, какъ меня.

Нѣсколько дней спустя Канелли принесъ мнѣ письмо отъ своего тестя, въ которомъ тотъ старался снять съ него всякое подозрѣніе, но впослѣдствіи я узналъ достовѣрно, что на меня донесли Георгіевичи по просьбѣ офицеровъ, собравшихся въ Константинополѣ.

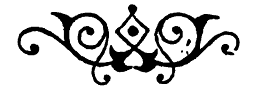
(Продолженіе слѣдуетъ).

Передача въ придворную библіотеку книги: «Императоръ Всероссійскій и Бонапарте».

Письмо князя А. Н. Голицына графу Ник. Александр. Толстому.

11-го сентября 1814 г.

Его величество высочайше повелѣлъ препроводить къ вашему сіятельству для внесенія въ придворную библіотеку прилагаемые у сего два экземпляра сочиненія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова, одинъ на французскомъ, а другой на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Императоръ Всероссійскій и Бонапарте». Изданіе текущаго 1814 года.



Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Изданъ подъ редакціею В. А. Бильбасова. Т. IX и X. Спб. 1903 г. (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Исторія Петра Великаго С. А. Чистякова. Изданіе товарищества М. О. Вольфа (тамъ же).

3. С. Н. Кологривовъ. Государева большая шкатула. Спб. 1903 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ майской книжки).

4. П. Шиловскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г.—Его же (тамъ же).

5. „Восемнадцатый вѣкъ". Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ Археологическаго института, княземъ Өедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ первый 1904 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).

6. Харьковскій университетскій сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя.—Его же (тамъ же).

магъ находились и въ Петербургѣ, какъ видно изъ приказа его петербургскому управляющему Карташову: „При семъ отдаю тебѣ на сбереженіе въ моей кладовой съ тѣмъ, чтобы оныхъ никуды не отпускалъ и никому не отдавалъ безъ моего словеснаго или письменнаго, за моимъ собственноручнымъ подписаніемъ, повелѣнія,—5 сундуковъ съ моими старыми бумагами, времени моего пребыванія въ 1770 г. въ Лейденскомъ университетѣ, рогожами обшитые и съ приложенною печатью моею".

Въ 1829 году скончался князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и съ этого времени Куракинское древлехранилище приходило постепенно въ забвеніе и упадокъ, и только черезъ 58 лѣтъ старшій, въ настоящее время, представитель рода князей Куракиныхъ, князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, вновь обратилъ на него вниманіе, познакомилъ русское общество съ его сокровищами и упрочилъ будущность его на вѣчныя времена, сосредоточивъ большую часть бумагъ въ зданіи Странопріимнаго дома, въ двухъ комнатахъ, хорошо обезпеченныхъ отъ пожара.

Чрезмѣрное обиліе матеріаловъ, на опубликованіе которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ не хватило бы человѣческой жизни, и желаніе любителей старины скорѣе познакомиться съ наиболѣе цѣнными изъ числа ихъ въ историческомъ отношеніи, независимо отъ времени, къ которому они относятся, побудили князя Ѳедора Алексѣевича предпринять два параллельныхъ изданія, подъ названіями: „XVIII вѣкъ" и „XIX вѣкъ"; главнѣйшею цѣлью этихъ изданій поставлено сообщеніе читателямъ наиболѣе важныхъ и нигдѣ не напечатанныхъ документовъ княжескаго Архива за два послѣднія столѣтія.

Въ разсматриваемомъ нами первомъ томѣ „XVIII вѣка" напечатаны 504 письма князя Алексѣя Борисовича къ брату его Александру Борисовичу за 1799—1805 гг. За этотъ періодъ времени всѣ письма князя Алексѣя Борисовича къ брату дошли до насъ въ полной сохранности; они значатся въ Архивѣ князя Ѳедора Алексѣевича за нумерами 378—398; представляютъ 21 томъ въ четвертку, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, и заключаютъ въ себѣ 7.601 стр. рукописнаго текста. Писаны они, за малымъ исключеніемъ, собственноручно, почеркомъ, до крайности неразборчивымъ и требующимъ большаго навыка для дешифровки. Князь Александръ Борисовичъ не безъ труда понималъ руку брата. „Правда, что и надъ твоимъ письмомъ довольно потрудился,—писалъ онъ 14-го декабря 1794 г. изъ Павловскаго на Юловѣ,—однако, хотя не безъ труда, но съ удачею привыкъ и твою русскую цифирь разбирать, и удовольствіе, мною всякій разъ внушаемое отъ плодовитости твоей со мною бесѣды, не токмо превосходитъ трудъ въ разборѣ твоего связнаго почерка, но даже дѣлаетъ мнѣ сей трудъ нечувствительнымъ".

Главный интересъ большинства напечатанныхъ въ этомъ томѣ писемъ вращается около личности Павла Петровича и его супруги. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что князь Александръ Борисовичъ и цесаревичъ вмѣстѣ росли и воспитывались подъ руководствомъ графа Н. И. Панина. Въ 1782 г., во время путешествія за границею, надъ княземъ Куракинымъ стряслась бѣда, еще болѣе упрочившая расположеніе къ нему наслѣдника престола: было перехвачено письмо къ Куракину Бибикова, осуждавшее дѣятельность Потемкина и навлекшее опалу на князя со стороны Екатерины, которая, впрочемъ, не сразу рѣшилась разлучить двухъ друзей и, безъ оффиціальнаго объявленія своего гнѣва, предоставила князю Александру Борисовичу самому догадаться, что онъ неугоденъ въ Петербургѣ. Съ чувствомъ горести онъ поселился тогда въ родовомъ своемъ имѣніи, называвшемся „Куракино", переименовавъ его въ „Надеждино". И надежда не обманула его: по воцареніи своемъ императоръ Павелъ удивилъ современниковъ обиліемъ милостей, излiянныхъ на вѣрнаго и несправедливо угнетеннаго друга.

Несмотря на частыя гнѣвныя вспышки Павла Петровича, не взирая и на постигшую въ сентябрѣ 1798 г. опалу, князь Александръ Борисовичъ остался ему вѣренъ до самой катастрофы и не принималъ ни малѣйшаго участія въ заговорѣ. Вечеромъ 10-го марта 1801 года онъ занимался вмѣстѣ съ императоромъ въ его опочивальнѣ и на его собственномъ бюро выпискою изъ „Memoires du baron de Bielefeld" о присоединеніи Бреславля къ Пруссіи, „дабы по оной учредить церемоніалъ для пріема ожидаемыхъ тогда депутатовъ изъ Грузіи въ день ихъ торжественной аудіенціи и присяги". Затѣмъ князь Александръ Борисовичъ ужиналъ съ государемъ въ числѣ немногихъ близкихъ лицъ, не предполагая, что это его послѣднее свиданіе съ царственнымъ другомъ.

Въ видѣ приложенія къ этой книгѣ, помѣщены: „Матеріалы для жизнеописанія графа М. М. Сперанскаго (1772—1839 гг.)», многочисленныя примѣчанія къ письмамъ и алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этомъ томѣ. **Н. К-ш-ъ.**

Харьковскій университетскій сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Харьковъ 1903 г.

Разсматриваемый нами сборникъ, снабженный двумя, очень удачно воспроизведенными портретами Жуковскаго и Гоголя, содержитъ въ себѣ: стихотвореніе П. А. Тулуба „Памяти Гоголя"; сорокъ пять статей и замѣтокъ, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ: а) статья о В. А. Жуковскомъ, какъ филантропѣ, б) статьи о немъ же, какъ художникѣ и в) статьи о Н. В. Гоголѣ,—профессора Н. Ѳ. Сумцова. Всѣ статьи о Жуковскомъ, какъ художникѣ, и его отношеніяхъ къ современнымъ художникамъ и большая часть статей и замѣтокъ о немъ, какъ филантропѣ, впервые являются въ печати на страницахъ этого сборника. Далѣе помѣщены статьи: „Взгляды В. А. Жуковскаго на поэзію" С. В. Соловьева; „Пушкинскіе принципы въ творчествѣ Гоголя" В. И. Харціева и „Н. В. Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности" М. Е. Халанскаго.

Н. К-ш-ъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.